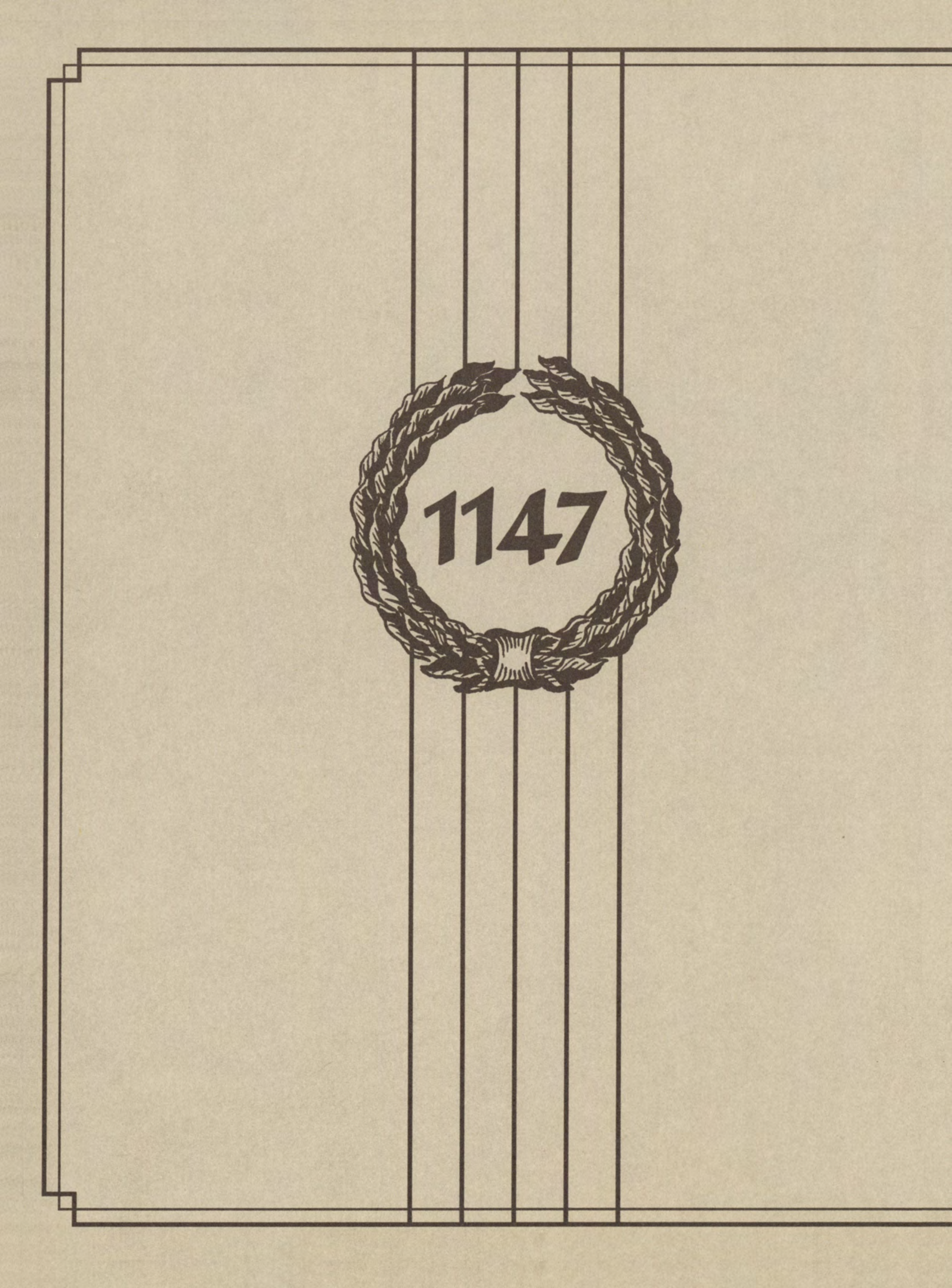
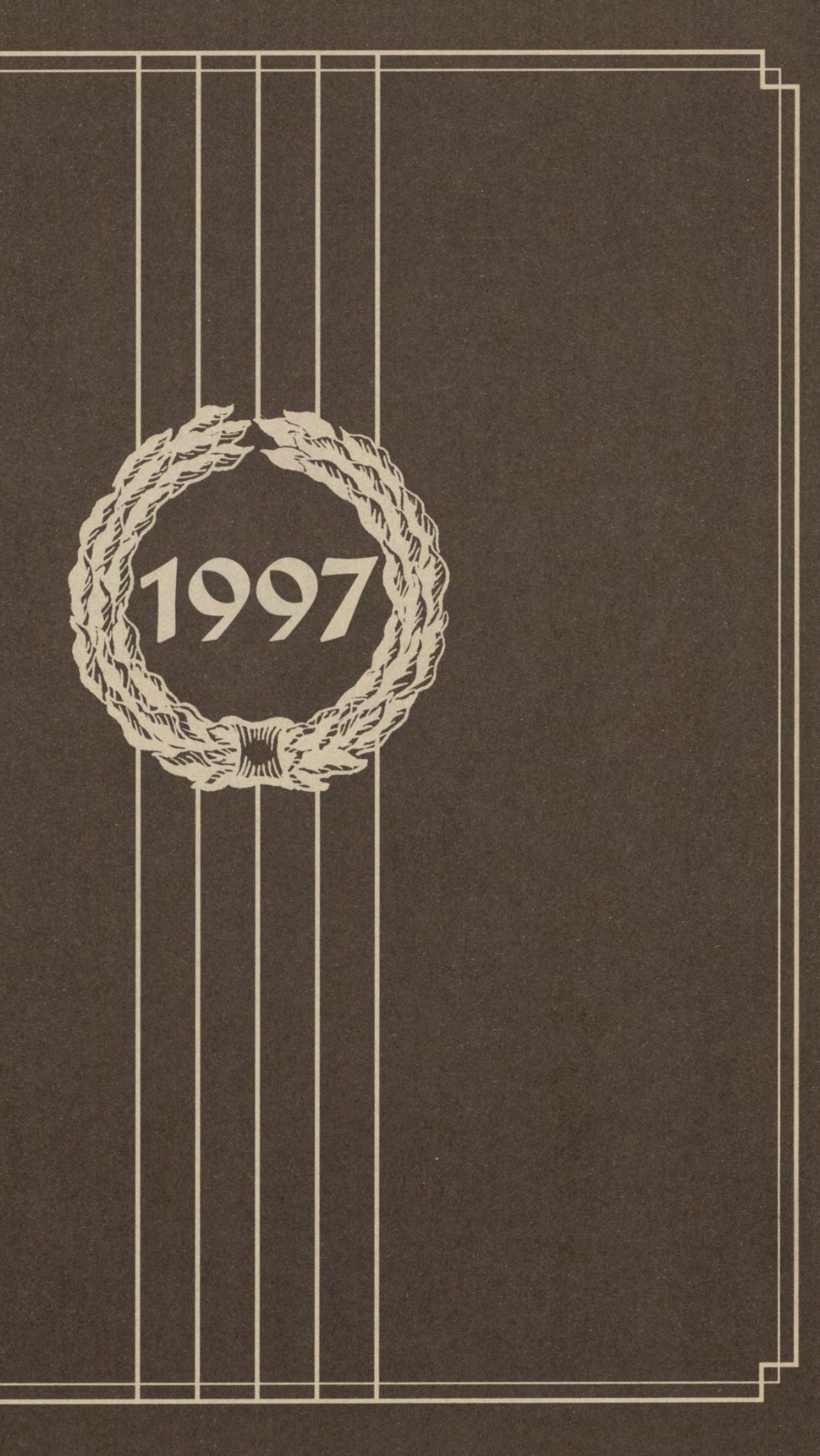
ИСТОРИЯ МОСКВЫ

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

2

1147

1997

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АРХИВОВ

850-летию
со дня основания Москвы
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

с древнейших времен до наших дней

В ТРЕХ ТОМАХ

Издательство объединения
«МОСГОРАРХИВ»
Москва
1997

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

XIX ВЕК

ТОМ
ВТОРОЙ

Издательство объединения
«МОСГОРАРХИВ»
Москва
1997

ББК 63:3(2-2м)
И90

Редакционный совет:

Ю. М. Лужков (председатель),
Ю. С. Борисов, В. Я. Гросул, В. П. Дмитренко, А. С. Киселев,
И. Д. Ковальченко, В. А. Маныкин, А. Н. Сахаров, А. А. Преображенский,
Л. Н. Селиверстова, А. Л. Хорошкевич

Под общей редакцией члена-корреспондента Российской Академии наук,
директора Института истории РАН А. Н. Сахарова

Редакционная коллегия тома:

В. Я. Гросул (ответственный редактор), Л. В. Иванова, И. Д. Ковальченко,
А. А. Преображенский, Р. Г. Эймонтова

Подбор иллюстраций Г. Я. Данилина

Оформление и макет В. А. Иванов

И90 История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. – Т.2: XIX век.– М.: Издательство объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и картолитография», 1997.– 472 с., ил.

Второй том трехтомного издания «История Москвы с древнейших времен до наших дней» охватывает историю города на протяжении XIX в. Оставаясь второй столицей, Москва выполняла определенные функции главного города страны. В книге рассказывается о роли Москвы в организации отпора наполеоновскому нашествию, ее значении как стратегического центра государства. Подробно говорится об управлении городом, его хозяйстве, предпринимательстве. Читатель найдет интересные сведения о жизни и быте московского общества, о московских церквах и приходах. Большое место в книге уделяется творчеству московских литераторов, художников, актеров, архитекторов.

В книге воспроизведены гравюры, рисунки, живописные полотна, карты и фотографии.

ISBN 5–7228–0050–3

© Институт российской истории РАН, 1997
© Московское городское объединение архивов, 1997

МОСКВА – ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Девятнадцатый век, непосредственно предшествовавший нашему, XX столетию, естественно, близок современному читателю. Он насыщен знаменательными событиями, динамичен, духовно богат. В нем корни, а отчасти и разгадка многих последующих явлений. Хронологически он очерчивается весьма четко: 1801–1900 гг., включающие четыре царствования – Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и начало правления последнего императора – Николая II. И каждый раз смена самодержцев на престоле знаменовала тот или иной поворот в политике. Вместе со всей страной Москва переходила от многообещающих преобразований к реакции и застою и наоборот. Радужные надежды сменялись горькими разочарованиями, разочарования – новыми надеждами. Во время Отечественной войны 1812 г. Москва оказалась в эпицентре событий, пережив трагедию наполеоновского нашествия и опустошительный пожар, уничтоживший большую часть города. Но уже вскоре она отстроилась заново, воспрянув из пепла и став еще краше прежнего.

Неповторимый облик Москвы выражался в застройке города, его архитектуре, в образе жизни и нравах москвичей. Как метко определил А. С. Грибоедов, «на всех московских есть особый отпечаток». Старое и новое своеобразно переплеталось в жизни Москвы.

Первопрестольную собирательницу русских земель называли в XIX в. «матерью городов русских». Ее считали верной хранительницей традиций. Здесь по-прежнему проходила коронация царей. Но и новаторство нередко пробивало себе дорогу именно здесь. Крупные сдвиги совершались в социально-экономической сфере. Россия (а с ней и Москва) из крепостной превращалась в капиталистическую. Утратив положение главной царской резиденции и средоточия бюрократии, Москва продолжала оставаться одним из центров духовной жизни России. Здесь шла напряженная умственная работа, кипели острые идейные споры, происходило столкновение различных идеологических доктрин. Поистине неоценимо значение Москвы с ее университетом, Духовной академией, другими учебными заведениями и учеными обществами в отечественном просвещении и развитии науки.

В предшествовавшей нашему трехтомнику шеститомной «Истории Москвы», подготовленной Институтом истории АН СССР и вышедшей в 1952–1959 гг., девятнадцатому веку было отведено два тома (3-й и 4-й), по 60 печатных листов каждый. Этот фундаментальный труд, написанный крупными учеными на высоком профессиональном уровне, сохраняет научное значение до сих пор, хотя, понятно, несет на себе печать своего времени. Мы располагали значительно меньшим объемом. Поэтому изложение материала у нас более лаконично и сжато. Не все сюжеты удалось осветить. Однако наша книга тематически шире предшествующего издания, так как в силу условий времени авторы шеститомника не имели

возможности коснуться ряда важных тем (церковь, предпринимательство, благотворительность и пр.) и были стеснены в освещении многих других. За прошедшие десятилетия исследовательская и публикаторская работа деятельно продолжалась. Появилось немало новых книг, статей, сборников документов, материалов, опубликованы воспоминания, дневники, переписка современников. Произошла и продолжается переоценка многих событий и явлений отечественной истории. Изменилась сама методология исследования, подход к освещению прошлого стал более объективным и разносторонним. Возрос интерес к личностям, действовавшим в прошлом. Усилилось внимание к духовной жизни общества.

Все это так или иначе отразилось в настоящем издании. При его подготовке привлечен большой круг источников и литературы. В значительной части это новые или не использованные нашими предшественниками материалы. Мы постарались выделить главные направления московской жизни, привести интересные и свежие факты. Наряду с наиболее яркими событиями хотелось познакомить читателей с повседневной жизнью москвичей. В книге сделана попытка представить основные социальные типы жителей и рассказать о наиболее заметных личностях – тех, кто правил Москвой, кто так или иначе определял духовную и идейную атмосферу города, занимался предпринимательством и производством, торговлей, наукой, просвещением, искусством.

Структурно том разделен на две части. Первую открывает небольшой вводный раздел, в общих чертах знакомящий с внешним обликом города первой половины XIX в., его народонаселением, восприятием современниками Москвы ее отличительных особенностей и места в исторических судьбах России. Затем следует описание событий 1812 г.– значительной вехи в истории города и страны в целом. Естественной гранью между двумя частями книги является 1861 г., с которым связана отмена крепостного права и начало новой эпохи в истории России. В пределах каждой из двух частей тома выделены главы, в которых освещается управление городом, его экономика, быт и нравы москвичей, общественная жизнь, наука и просвещение, литература, искусство.

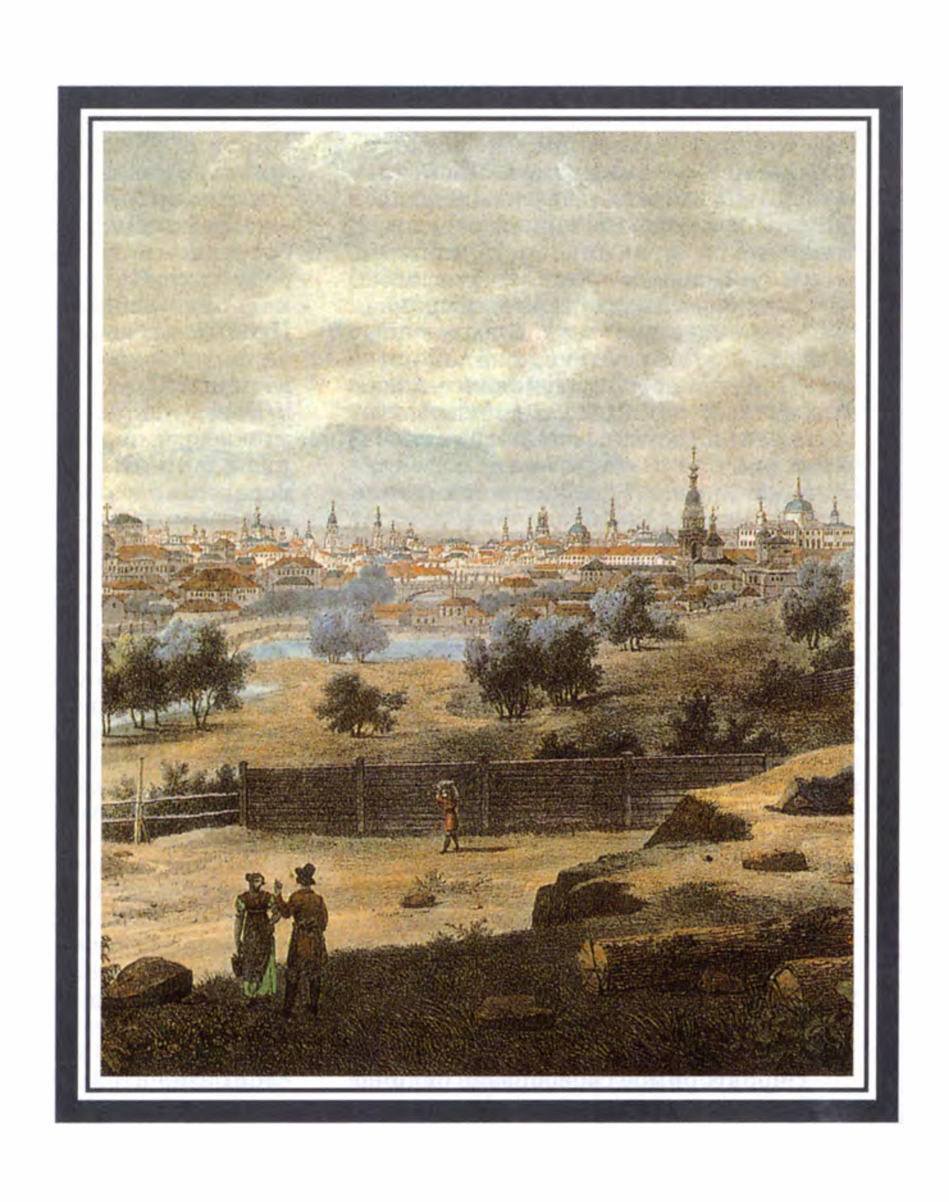
Литературное редактирование рукописи выполнено М. Ф. Кишкиной-Иваненко. Подбор иллюстраций и составление именного указателя осуществлены Т. Я. Данилиной. Репродуцирование и фотопечать провели А. А. Зайцев, М. И. Кан, В. П. Никитин, ретушь – А. П. Васько. Компьютерный набор произведен Л. Б. Борисовой, С. А. Ворониной, Р. А. Григорьевым, Ж. А. Завиралиной.

Авторский коллектив и редакционная коллегия тома благодарит за научную консультацию и содействие: М. Д. Афанасьеву (Государственная публичная историческая библиотека), М. М. Горинова (Мосгорархив), Т. А. Загвоздину (Мосгорархив), Е. Л. Крестину (Государственная публичная историческая библиотека), Л. А. Приказчикову (Мосгорархив), А. Н. Солопова (Мосгорархив).

Искренняя признательность выражается коллективу АО «Московские учебники и картолитография» (Генеральный директор С. М. Линович) за качественную и оперативную работу по выпуску издания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА ДОРЕФОРМЕННАЯ

I

«ГОРОД ЧУДНЫЙ, ГОРОД ДРЕВНИЙ...»

Москва, столица Русского государства в течение нескольких столетий, и после основания Петербурга не утратила в восприятии россиян положения столичного города. Так именовалась она и в официальных документах, сохраняя за собой некоторые связанные с этим статусом прерогативы.

Петербург был сравнительно молодой столицей, его летопись не восходила ранее петровских времен. Москва же неразрывно соединялась в памяти народа с многовековой историей родины, с главными событиями, определившими ее судьбу. Прошлое зримо запечатлелось в башнях Кремля, в старинных храмах. 1812 год снова подтвердил выдающееся место Москвы в отечественной истории. Понятна поэтому исключительная роль древней столицы в развитии национального и государственного самосознания россиян. В общественном восприятии она представала как воплощение русских национальных начал и исторических традиций народа. Тесные хозяйственные связи соединяли ее со всей страной. «Москва есть средоточие российской торговли, общественное хранилище, в которое самая большая часть привозимых товаров входит и из столицы сей во все губернии и за границы отпускается»,– сказано в «Обозрении Москвы» А. Ф. Малиновского (1820)[1]. Наконец, Москва была признанным культурным центром страны и в первой половине XIX в. не без успеха соперничала в этом отношении с Петербургом, во многом его опережая.

1. ВНЕШНИЙ ОБЛИК. ТЕРРИТОРИЯ

Неповторимое своеобразие отличало Москву от других столиц, не исключая Петербурга. Огромное впечатление произвела «допожарная Москва» на впервые увидевших ее французов, итальянцев и других европейцев[2]. Она поражала живописностью расположения, просторами, великолепием и пышностью дворцов, садами, а больше всего – необычной для западного человека церковной архитектурой. Башни Кремля и купола православных храмов возвышались над всеми зданиями, определяя силуэт города и придавая ему особый облик. Побывавшие в России иностранцы оставили восторженное описание «Москвы златоглавой». Отстроившаяся после опустошительного пожара столица стала еще краше, чем до 1812 г. Уже издали бросались в глаза подъезжавшим к городу «золотые маковки Москвы белокаменной», как выразился А. С. Пушкин. Необычное впечатление открывшейся на подступах к городу картины описал в конце 1830-х гг. французский путешественник маркиз де Кюстин: «Огромное множество церковных глав, острых как иглы шпилей и причудливых башенок горело на солнце над облаками дорожной пыли, в то время как самый город и линия горизонта скрывались в дрожащем тумане... главы церквей отличаются поразительным разнообразием форм и отделки и напоминают то епископскую митру, то китайскую пагоду, то минарет, то усыпанную каменьями тиару, то попросту грушу. Они то покрыты чешуей, то усеяны блестками, то позолочены, то раскрашены яркими полосами. Каждая глава увенчана крестом самой тонкой филигранной работы, а кресты, то позолоченные, то посеребренные, соединены такими же цепями друг с другом... Игра света, отраженного этим воздушным городом,– настоящая фантасмагория среди бела дня, которая делает Москву единственным городом, не имеющим себе подобного в Европе»[3].

Древнейшей ее частью и главной достопримечательностью был Кремль – «место великих исторических воспоминаний»[4], по выражению Н. М. Карамзина. На этом месте зародилась Москва, здесь зачиналась государственность будущей великой державы.

[1] *Малиновский А.Ф.* Обозрение Москвы. М., 1992. С.115.

[2] См., напр.: Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. СПб., 1991.

[3] *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1990. С.185–186.

[4] *Карамзин Н.М.* Записки старого московского жителя. М., 1986. С.314.

Вид Москвы от села Воробьева. Художник М. Бочаров. 1853 г.

Среди кремлевских башен выделялась Спасская. В ее ворота, над которыми была укреплена икона Спаса Нерукотворного, проходили с непокрытой головой.

На сравнительно небольшом пространстве в едином кремлевском комплексе соединились самые древние национальные памятники XV–XVII вв.– храмы, монастыри, дворцы, Грановитая и Патриаршая палаты. «Здесь все дышит древностию,– заметил как-то поэт К. Н. Батюшков,– все напоминает о царях, о патриархах, о важных происшествиях; здесь каждое место ознаменовано печатию веков протекших»[5]. Тут же виднелись строения нового времени – величественное здание Сената (творение М. Ф. Казакова), Оружейная палата, Арсенал. В Оружейной палате, помимо древнего оружия, военных знамен и доспехов, трофеев Полтавской битвы (носилки Карла XII и литавры), хранились царские регалии, троны государей XVI–XVII вв., другие предметы большой исторической и художественной ценности. Перед Оружейной палатой[6] и Арсеналом были собраны памятники русской боевой славы – старинные военные орудия XVI в., а также 875 пушек и гаубиц, взятых в сражениях с армией Наполеона. На площади Плац-парадов (Царской), возле колокольни Ивана Великого, по распоряжению Николая I в 1836 г. установили на постаменте гигантский Царь-колокол весом более 200 тонн, высотою свыше 6 метров, украшенный барельефами и надписями, вылитый за сто лет до того. Неподалеку на другом каменном постаменте поставили на декоративном лафете Царь-пушку весом 40 тонн, длиной более 5 метров, отлитую еще в XVI в. (ее предназначали для обороны Кремля, но так и не использовали). Теперь, в XIX в., Царь-колокол и Царь-пушка приобрели значение символов духовности и могущества Российского государства. В 1838–1849 гг. по проекту группы архитекторов во главе с К. А. Тоном был возведен новый Императорский (ныне Большой Кремлевский) дворец, включивший в себя и некоторые древние постройки (Теремной дворец, Рождественский собор). Площадь между дворцом и соборами («Царский двор») обнесли чугунной оградой с четырьмя воротами, увенчанными императорскими гербами. Право въезда туда в экипажах имели только члены царской фамилии[7].

В течение веков Москва разрасталась вширь концентрическими кругами. Возле Кремля в давние времена вырос Китай-город[8], тоже защищенный стеной с башнями несколько меньшего размера, чем кремлевские. Вплотную к Кремлю примкнула Красная площадь с Покровским (Василия Блаженного) и Казанским соборами, обширными торговыми рядами, Присутственными местами у Воскресенских ворот. Вблизи Красной площади расположились Заиконоспасский и Николаевский греческий монастыри, Синодальная типография на Никольской улице. Между Варваркой и Ильинкой в 1793–1805 гг. по проекту Кваренги был построен новый Гостиный двор. Вокруг Кремля и Китай-города высились сооруженные при Петре I земляные бастионы, к XIX в. уже

[5] *Батюшков К.Н.* Прогулка по Москве // Соч. в 2-х т. Т.1. М., 1989. С.288

[6] До 1851 г. она располагалась вблизи Троицких ворот. Затем ее перевели в новое здание, построенное по проекту К.А.Тона.

[7] *Милютин И.* Описание Москвы и ее достопримечательностей... в историческом и современном отношениях с присовокуплением краткой истории Москвы. Кн.2. М., 1850. С.22–48; *Александров Ю.* Москва: диалог путеводителей. М., 1982. С.95–114.

[8] По-монгольски «китай» значит «средний». См.: *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С.315; *Сытин П.В.* Из истории московских улиц. (Очерки). Изд.3-е. М., 1958. С.68. Существуют и другие предположения насчет происхождения этого названия.

Вид на Кремль со стороны Устьинского моста. Художник М. Воробьев. Конец 1810-х гг.

обветшавшие[9]. К ним примыкал крепостной ров, заполненный водой (после войны 1812 г. его засыпали).

Китай-город был окружен Белым городом (в пределах позднейшего Бульварного кольца). Его стены и башни в XVIII в. разобрали, а на их месте разбили бульвары: Тверской бульвар еще в 1796 г., остальные – уже в XIX в. Среди построек Белого города выделялись: старое здание университета (архитектор М. Ф. Казаков), дом Пашкова («Пашков дом») напротив Боровицкой башни Кремля (архитектор В. И. Баженов), дом московского генерал-губернатора на Тверской, Воспитательный дом на Москворецкой набережной.

За Белым городом в пределах нынешнего Садового кольца располагался так называемый Земляной город, некогда обнесенный земляным валом, в XIX в. уже полуразрушенным, а кое-где снесенным для площадей (Смоленской, Сухаревской и других). Слово «вал» сохранилось в названиях некоторых улиц (Крымский вал, Зацепский вал, Валовая улица и др.). Сюда входила и значительная часть Замоскворечья – своеобразного района, находившегося на низком правом берегу Москвы-реки. Остальная городская территория, менее застроенная, ограничивалась Камер-Коллежским валом – границей Москвы, что также отразилось в названиях улиц (Пресненский вал, Грузинский вал, Рогожский вал и т.д.). На въездах в город находились заставы.

Кольцевое строение Москвы совмещалось с радиальным: от Кремля, от ворот Китай-города, Белого и отчасти Земляного города лучами или пучками отходили улицы. Холмистость местности, пересеченной речками и ручьями, стихийный характер застройки обусловили появление немалого количества неровных, извилистых улиц, переулков, тупиков. Основной водной магистралью города была Москва-река. В нее впадали Яуза, Пресня, Неглинная (Неглинка).

Москва утопала в зелени садов. В некоторых ее частях (Покровской, Рогожской, Сущевской, Лефортовской) они занимали более трети территории; в Пятницкой, Якиманской, Басманной, Яузской почти при каждом доме имелся сад или обширный, поросший травой двор. В черте города находились луга, пустоши, поля и огороды, совсем близко подходившие к Тверскому бульвару. Живописность общей картины Москвы восхищала современников. В открывавшейся из Кремля панораме города Батюшков отмечал «чудесное смешение зелени с домами, цветущих садов с высокими замками древних бояр, чудесную противоположность видов городских с сельскими видами».

Всем своим обликом древняя столица разительно отличалась от Петербурга с его прямыми, стройными проспектами. Несходство усиливалось из-за причудливого расположения и сочетания строений Москвы, соседства «великолепной пустоты и тесноты разитель-

[9] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Т.3. М., 1972. С.10.

ной» – роскошных особняков с захудалыми избами. «Один дом выбежал на несколько шагов на улицу, как будто для того, чтобы посмотреть, что делается на ней, а другой отбежал на несколько шагов назад, как будто из спеси или из скромности,– смотря по наружности... между двумя довольно большими каменными домами скромно и уютно поместился ветхий деревянный домишко... подле великолепного модного магазина лепится себе крохотная табачная лавчонка, или грязная харчевня, или таковая же пивная» – так описывал внешний вид московских улиц 40-х годов В. Г. Белинский[10], признавая в этом «странном гротеске» своеобразную красоту. Не случайно поэтому многие поэты-современники воспели это своеобразие. Строки, послужившие заглавием настоящего раздела, взяты из написанного в 1840 г. стихотворения Федора Глинки «Москва»: «Город чудный, город древний,/ Ты вместил в свои концы/ И посады, и деревни,/И палаты, и дворцы!..». Не менее колоритный образ древней столицы запечатлен в «Очерках Москвы» П. А. Вяземского (1858):

Здесь чудо барские палаты
С гербом, где вписан знатный род.
Вблизи на курьих ножках хаты
И с огурцами огород.

Поэзия с торговлей рядом,
Ворвался Манчестер в Царь-град,
Паровики дымятся смрадом,
Рай неги и рабочий ад.

Из волн воздушных выплывая,
Златые куполы горят;
Кресты, как серафимов стая,
С земли на небеса парят.

Твердят: ты с Азией Европа,
Славянский и татарский Рим,
И то, что зрелось до потопа,
В тебе еще и ныне зрим.

В тебе и новый мир и древний;
В тебе пасут свои стада
Патриархальные деревни
У Патриаршего пруда.

2. НАСЕЛЕНИЕ МОСКВЫ

В конце XVIII в. в Москве насчитывалось примерно 175 тыс. жителей, в 1811 г.– 275 281. После наполеоновского нашествия здесь осталось 161 986 жителей. Но к 30-м гг. численность населения восстановилась, превысив довоенные показатели, и достигла 305 631 человека. В 1830 г. нагрянула новая беда – эпидемия холеры, унесшая десятки тысяч жизней. Тем не менее за полвека число жителей Москвы удвоилось, составив в начале 50-х гг. 356 511 человек[11]. Прирост шел главным образом за счет притока извне, из сельских местностей России, так как смертность в городе превышала рождаемость[12] (особенно велика она была среди детей).

Основную массу населения составляли непривилегированные слои – дворовые, помещичьи и государственные крестьяне, пришедшие и приехавшие в Москву на заработки, ремесленники, фабричные, солдаты, те, кто не имел постоянного дохода и местожительства. В подавляющем большинстве это были люди малообеспеченные или неимущие.

Численность мужчин значительно превышала численность женщин (в начале 30-х гг. более чем в полтора раза). Причина заключалась в том, что в Москву стекалось множество холостых или оторванных от семьи оброчных крестьян, а также других людей, привлекаемых сюда промышленностью и торговлей в поисках заработка. Здесь же располагались солдаты местного гарнизона. Среди женского населения особую категорию составляли «солдатки» (жены мужчин, взятых в рекруты). Освободившись от крепостной неволи, они, по словам статистика В. Андроссова, толпами направлялись в столицу. В 1832 г. их число приближалось к 12 тысячам.

Характерной для московского населения была его текучесть. Объяснялась она прежде всего тесным общением столицы с провинцией. Осенью и зимой, когда из ближних и дальних имений съезжались помещики с дворней, университетские студенты, гимназисты, семинаристы, пансионеры, приходили крестьяне на заработки, Москва становилась многолюдной. Весной же и летом город пустел. Только от ежегодной

Вид Кремля от Каменного моста

[10] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13-ти т. Т.10. М., 1956. С.390–391.

[11] *Гастев М.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Ч.1. М., 1841. С.262; Бумаги... собранные и изданные П.И.Щукиным. Вып.4. С.225–228; *Андроссов В.* Указ.соч. С.52; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.6. Ч.1. Московская губерния. СПб., 1853. С.208. Ср.: Москва. Энциклопедия. М., 1980. С.21.

Нужно отметить несовершенство статистики первой половины XIX в., в результате чего цифровые показатели в источниках нередко расходятся.

[12] Так, в 1832–1842 гг. в Москве ежегодно в среднем рождалось 8800, а умирало 9800 человек. См.: Движение народонаселения Московской губернии в течение 14 лет (1830–1843) // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Сентябрь. Кн.9. С.422.

Вид Кремля и части Москвы от Тайницких ворот. Фрагмент панорамы. Литография с рисунка Л. Индейцева

«эмиграции» дворянства, как свидетельствовал московский главнокомандующий Ф. В. Ростопчин, население Москвы уменьшалось на одну треть. Но и те, кто приезжал туда на каких-нибудь три месяца в году, имели основания считать себя москвичами. В то же время они были жителями разных губерний, что усиливало органическую связь Москвы со всей страной.

По своему социальному составу это было население феодального города, но со все более обозначавшимися капиталистическими чертами. К концу первого десятилетия XIX в. около половины жителей составляли помещичьи крестьяне и дворовые. В 1811 г. доля первой из названных категорий в общей массе населения равнялась 14,9%, в 1829 г. она почти не изменилась (14,8%), а к 1852 г. возросла до 24,2%[13]. Как правило, это были крестьяне, отпущенные помещиками на оброк. Придя в город, они устраивались на фабрики и заводы в качестве вольнонаемных рабочих или находили другое занятие по собственному выбору. Таким образом, оставаясь крепостными, они могли в определенных пределах располагать собой и своим временем, трудиться не только на помещика, но и на себя. Особенно велика была в начале века численность проживавших в Москве дворовых. В 1811 г. она достигала 32,5% (примерно треть населения города), в 1829 г. сократилась до 21,3%, а в 1852 г.– до 16%, т.е. вдвое. Среди дворовых тоже росло число работавших по найму[14]. Московская промышленность основывалась преимущественно на вольнонаемном труде. Доля фабричных (приписанных к фабрикам) была незначительна: в 1811 г.– 1,6%, в 1829 г.– 0,4%. В ведомости народонаселения Московской губернии за 1852 г. фабричные вообще отсутствуют. Промышленных предприятий с применением принудительного труда в Москве к середине века не стало[15]. По существу к зависимым категориям населения принадлежали также казенные крестьяне (13,6% в 1811 г., 11,1% в 1829 г., 17,7% в 1852 г.) и солдаты, обязательная служба которых продолжалась 25, позже – 20 лет (6,9% в 1811 г., 11,4% в 1829 г., 5,1% в 1852 г., включая отставных). Но это была все же зависимость иного рода – не от землевладельцев, а от государства.

На дворян приходился сравнительно небольшой процент москвичей – 6,3% в 1811 г., 7,9% в 1829 г., 5,3% в 1852 г. Но именно они задавали тон. К аристократии и дворянству принадлежала вся военная и гражданская администрация города, офицеры, высшие и средние чиновники. Дореформенная Москва была поистине дворянской столицей. Тех, кто стремился к карьере, привлекал Петербург, где находились императорский двор, министерства, гвардия, где можно было показать себя, получить выгодное место, заручиться протекцией. Москва же притягивала к себе прежде всего неслужилое дворянство. Выйдя в отставку, бывшие государственные деятели предпочитали селиться в Москве, которая соединяла в себе преимущества города с удобствами усадебной жизни. Здесь в начале XIX в. оказалось немало вельмож екатерининского времени, представителей родовитых фамилий и новой знати. Обладая огромными состояниями, связями в правящей верхушке, они играли заметную роль в жизни Москвы. Имелись тут и дворянские гнезда масштабом поменьше, но тоже достаточно видные. В Москве проживало немало дворян, никогда не служивших или вышедших в отставку еще молодыми: располагая доходом со своих имений, помещики не нуждались в казенном жалованье.

Помимо тех, кто постоянно жил в Москве или проводил там большую часть года, сюда на несколько зимних месяцев ежегодно съезжалось много помещичьих семей из разных губерний России. Помещики «почитали обязанностию,– рассказывает Ф. Ф. Вигель,– каждый год в декабре со всем семейством отправляться из деревни на собственных лошадях и приезжать в Москву около Рождества, а на первой неделе поста возвращаться опять в деревню... Каждого ожидал собственный деревянный дом, неприхотливо убранный, с широким двором и садом без дорожек...»[16]. По словам мемуариста, такими помещичьими домами было застроено все Замоскворечье.

Многие молодые дворяне уезжали служить в Петербург. Другие – меньшая часть – оседали в старой столице. Барышни-дворянки оставались в семье под присмотром родителей. Зимой, когда в

[13] Здесь и далее приведены подсчеты, взятые из книги: История Москвы: В 6-ти т. Т.3. М., 1954. С.168 (таблица).

[14] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.6. Ч.1. Московская губерния. СПб., 1853. С.120–121.

[15] История Москвы. Т.3. С.233.

[16] *Вигель Ф.Ф.* Воспоминания. Т.1. Ч.1. М., 1866. С.184.

Вид Красной площади. Литография Ж. Арну

Москву съезжалось провинциальное поместное дворянство, сюда привозили и уездных барышень (подобно пушкинской Татьяне Лариной). Москва славилась как город невест, и это влекло в нее жаждавших жениться. Многие рассчитывали таким образом поправить свои имущественные дела (тем более, что здесь имелось немало богатых купеческих дочек).

Дворянство группировалось вокруг Благородного собрания, которое при Александре I стали именовать не Московским, а Российским. Членом его мог стать любой российский дворянин, где бы он ни жил. Наличие такого центра укрепляло сословное сознание, а вместе с тем взгляд на Москву как на столицу дворянства.

Дворянский характер Москвы сказывался и в наличии среди ее населения множества дворовой челяди. «Удивляет меня ужасающее количество слуг,– писала в 1803 г. гостившая у княгини Е. Р. Дашковой англичанка М. Вильмот.– Подумать только, двести, триста, а порой и четыреста человек обслуживают небольшую семью»[17].

С годами в Москве возрастало значение купечества. Численность его была невелика – 15 839 человек (5,8%) московских и 3285 иногородних (1,2%) в 1811 г., 15 389 (5,1%) московских и 1318 иногородних (0,4%) в 1829 г. и 13 943 (4,2%) тех и других в 1852 г. Как видно, и абсолютное число купцов, и их доля среди населения Москвы за полвека даже немного сократились. Но богатство и влияние этого сословия росли, хотя дворяне по старинке продолжали смотреть на него сверху вниз. В руки купцов зачастую переходили роскошные дворянские особняки. Купечество накладывало свой отпечаток на московскую жизнь. Со временем целый большой район – Замоскворечье – стал преимущественно купеческим, составив особый мир со своим образом жизни и обычаями.

Неуклонно рос примыкавший к купечеству более широкий слой мещан: «Мещанин есть тот, у кого нет ни капитала, чтобы поступить в гильдию, ни мастерства, чтобы приписаться в цех»[18]. Московских мещан в 1811 г. насчитывалось 15 131 (5,5%), иногородних – 3007 (1,1%), в 1825 г. – 29 358 московских (11,4%) и 4059 иногородних (1,6%), через четыре года – 44 686 первых (14,7%) и 5354 вторых (1,8%), а в 1852 г. уже 61 613 тех и других (18,3%). Это сословие представляло собой довольно разнородную социальную группу. Мещане занимались ремеслами, извозом, работали по найму, вели мелочную торговлю, разводили огороды. Многие существовали за счет случайных заработков. Среди женских ремесленных профессий преобладали белошвейки, портнихи, шляпницы, корсетницы, цветочницы.

«Цеховые» (2,9% в 1811 г., 2,5% в 1825 г., 3,7% в 1852 г.) состояли преимущественно из мастеров-ремесленников, объединенных по профессиям в цехи. К ним относились портные, сапожники, скорняки, каретники, кузнецы, печники, столяры, кондитеры, повара. Существовали особые цехи живописцев, фельдшеров, ювелиров.

Особый, сравнительно немногочисленный слой московского населения составляло духовенство. Включая священно- и церковно-служителей, их семьи, а также монахов и монахинь, оно насчитывало 5104 человека (1,9%) в 1811 г., 4991 (1,9%) в 1825 г., 5741 (1,7%) в 1852 г.

Национальный состав московского населения был разнообразен. Судя по

[17] Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. Изд.2-е. М., 1991. С.271.

[18] Мещанское сословие в Москве // Московские губернские ведомости. 1847. Отд.2. Часть неофиц. К № 16. С.186.

полицейской ведомости за 1811 г., почти 99% москвичей (272 263 человека) были русскими. Из других национальностей, населявших Россию, в Москве проживали татары (225 человек), поляки (168), армяне (165), грузины (133). Немцев (российских и иностранных подданных) насчитывалось 1349 человек. Затем по численности шли французы (668), англичане (188), итальянцы (152). Кроме того, в Москве жило 78 греков, 35 турок, 12 датчан, 11 шведов[19].

За более поздний период имеются данные почти исключительно по вероисповеданиям. Однако и они в какой-то мере позволяют судить о национальности. Так, в начале 50-х гг. в Москве числилось 341 138 православных (т.е. русские по-прежнему составляли подавляющее большинство населения), 2633 лютеранина, 1612 католиков, 544 еврея, 325 мусульман, 259 армян[20].

3. МОСКВА ПРАВОСЛАВНАЯ

В XIX в. Москва оставалась одним из главных центров православия. Об этом свидетельствовала всероссийская известность московских храмов и монастырей, их многочисленность, особое положение московской епархии по сравнению с остальными, высокий авторитет в православном мире местной Духовной академии и митрополита московского.

Ни один российский город не имел столько храмов. Образное выражение «сорок сороков» относится именно к Москве, хотя понимать его нельзя буквально[21]. К концу 40-х гг. в Москве действовало 388 церквей, в то время как в Петербурге – 169, в Казани – 74, в Ярославле – 66, в Нижнем Новгороде – 52[22]. Многие из них славились своими святынями, на поклонение которым стекались верующие со всех концов России. Некоторые возникли еще в XIV в., хотя впоследствии не раз перестраивались. Немало храмов в памяти народной неразрывно связывалось с выдающимися событиями прошлого, с поворотными вехами отечественной истории. Они являли собой главные исторические памятники. Московская газета той поры назвала их «скрижалью деяний наших предков», исполинскими буквами на челе истории Руси[23]. Так, Покровский собор (храм Василия Блаженного) был сооружен в ознаменование присоединения Казани при Иване Грозном, Донской монастырь – в память избавления Москвы от нашествия татар, Казанский собор на Красной площади – в честь освобождения Москвы от польской интервенции в XVII в., храм Христа Спасителя славил победу в Отечественной войне 1812 г.

Главные храмы – Успенский, Архангельский, Благовещенский соборы – находились в Кремле. Основанные еще в XIV в., они не раз подвергались разрушению, но затем воздвигались заново. Помимо заключавшихся в них святынь и церковных ценностей, помимо древности, великолепия архитектуры и внутреннего убранства их воздействие на верующих определялось ролью этих храмов в жизни страны. Не в Петербурге – официальной резиденции верховной власти, а в московском Успенском со-

[19] Бумаги... собранные и изданные П.И.Щукиным. Вып.4. С.225–227.

[20] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.6. Ч.1. Московская губерния. СПб., 1853. С.208.

[21] Сорок – церковная административная единица, соответствовавшая благочинию. Но число храмов в каждом сороке было различно, чаще всего не достигало 40.

[22] Московские губернские ведомости. 1847. Отд.2. Часть неофиц. К № 11. С.123.

[23] Там же. К № 47. С.563–564.

Красная площадь. Акварель А. Кадоля. 1820-е гг.

боре совершалась коронация российских императоров. А в давние времена в этом же соборе происходило рукоположение всероссийских митрополитов и патриархов; там же находились их гробницы. Архангельский собор стал местом погребения великих князей и царей допетровской Руси. Благовещенский собор некогда служил домовой церковью великих князей и царей, здесь их крестили и торжественно венчали на царство, протоиереи Благовещенского собора являлись духовниками российских государей. Самым древним из кремлевских храмов был собор Спаса на Бору (Спасо-Преображенский), построенный при Иване Калите на месте дубовой церкви, возведенной его отцом. До сооружения Архангельского собора там находилась усыпальница великих князей и княгинь.

Своим звоном славилась колокольня Ивана Великого, имевшая более 30 колоколов; самый большой весил 4 тысячи пудов. «Звон, который бывает на Ивановской колокольне,– сказано в одной из дореволюционных книг,– представ-

ляется необыкновенно торжественным, особенно когда производится во все колокола, что бывает в самые большие праздники и при торжественных случаях»[24]. Именно отсюда начинался звон, который подхватывали во всех остальных московских храмах.

Со всей России в Москву стекались верующие, чтобы поклониться хранящимся там мощам святых и иконам, слывшим чудотворными. Среди икон Божьей Матери особенно чтили Владимирскую в Успенском соборе Кремля, Иверскую, для которой соорудили особую часовню у Воскресенских ворот при въезде на Красную площадь, Казанскую в Казанском соборе на Красной площади, Донскую в Донском монастыре, Одигитрию Смоленскую в Новодевичьем монастыре. Почитались мощи царевича Димитрия, митрополитов Петра и Филиппа в Архангельском соборе Кремля. Прославленные святыни имелись и в других московских храмах.

В черте города действовало 14 мужских и 7 женских монастырей[25]. «Московские монастыри чрезвычайно замечательны в историческом отношении,– говорилось в научном издании тех лет,– к ним примыкают более или менее все важнейшие события в государственной жизни России»[26].

Из монастырей наиболее известны Донской, Новоспасский, Симонов, Заиконоспасский, Спасо-Андроников (иноком которого некогда был Андрей Рублев), Данилов, Новодевичий, Страстной. Николаевский греческий монастырь на Никольской улице был основан при Иване Грозном для приезжавших в Россию афонских монахов. Именно сюда привезли вначале с Афона Иверскую икону Божьей Матери. В Чудове монастыре, известном рассаднике духовного просвещения, в прошлые времена происходило крещение российских государей (включая Александра I). Вознесенский девичий монастырь, основанный супругой Дмитрия Донского, служил некогда местом пребывания царских невест, пострижения и погребения великих княгинь и цариц (там похоронена и Анастасия, жена Ивана Грозного).

Подавляющее большинство городского населения придерживалось православия. Особым благочестием отличалось купечество. Правда, при невысоком уровне просвещения благочестие это нередко являлось поверхностным и внешним, выражаясь преимущественно в неукоснительном соблюдении церковных правил и обрядов. Русское дворянство в массе также придерживалось традиционного православного мировоззрения, хотя в этом сословии, более других затронутом влиянием западноевропейской цивилизации, встречались и отклонения в виде религиозного вольнодумства, скептицизма, неверия или увлечения мистицизмом, масонством, католичеством. Обычным явлением была религиозность в среде тогдашней интеллигенции, в профессуре, тем более что многие университетские профессора вышли из духовного сословия.

Не составляли исключения медики и естественники. В приемной прославленного профессора медицины М. Я. Мудрова была «на стене вывешена таблица за стеклом в рамке с оглавлением, каким святым и от какой болезни нужно служить молебен». В больничном корпусе, где жили медицинские студенты, по его распоряжению (Мудров был инспектором) «во всех коридорах на стенах были вылеплены из алебастра кресты»[27]. Да и студенческую среду тогда еще не охватило вольнодумство. Однако в образованной части общества религиозное свободомыслие перестало быть редкостью. Впрочем, атеизм привлекал к себе лишь немногих, наиболее радикально настроенных людей.

Москва, с ее патриархальными традициями и благоговейным почитанием старины, являлась одним из очагов и центров старообрядчества[28]. По официальным данным начала 30-х гг. в городе числилось 9396 раскольников, по сведениям П. Ф. Вистенгофа – около 12 тысяч. Фактически их было значительно больше: многие, избегая преследований и уплаты двойной подушной подати, исповедовали старую веру и совершали ее обряды втайне. Часть старообрядцев принадлежала к «беспоповщине», другая – к «поповщине»[29]. У первых богослужебные обряды совершали миряне. Остальные признавали священников, но только «беглых» – тех, кто порвал с «никонианской» церковью.

Основными средоточиями московских старообрядцев служили Преображенская и Рогожская общины, обосновавшиеся на одноименных кладбищах. На первом – беспоповцы федосеевского толка, на втором – поборники поповщины. Начало тому и другому было положено в 1771 г. во время страшнейшей эпидемии чумы. Места, отведенные властями для погребения старообрядцев, обе общины использовали и для устройства молелен, приютов, обителей.

Среди беспоповцев было влиятельно федосеевское согласие – одно из наиболее радикальных религиозно-оппозиционных течений. Официальную («никонианскую») церковь федосеевцы не признавали. А поскольку она пользовалась покровительством самодержавной власти, отрицательное отношение распространялось и на царя – молитвы за него были исключены из богослужения. Брак отвергался, проповедовалось безбрачие. Хотя в принципе федосеевцы не признавали существующих властей, их руководители умели ладить с администрацией и добиваться расположения

[24] *Иосиф (Левицкий)*, архимандрит. Московские соборы и монастыри. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1875. С.74.

[25] *Андроссов В.* Указ. соч. С.117.

[26] Там же. С.118.

[27] *Ляликов Ф.Л.* Студенческие воспоминания. 1818–1822 // Русский архив. 1875. № 11. С.378.

[28] Русское православие: вехи истории. М., 1989.

[29] *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядчества. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1895.

Варварские ворота Китайгородской стены. Литография. XIX в.

влиятельных людей. На территории кладбища, окруженного каменной стеной с башнями, возводились молельни, жилые корпуса, разнообразные хозяйственные постройки (община была богатой). Мало-помалу образовался настоящий монастырь. В 1809 г. его удалось оформить как «Преображенский богадельный дом». Молиться сюда приходило до 10 тыс. прихожан. Главенство москвичей признали федосеевские общины многих губерний России. Скиты федосеевцев имелись и в городе (существуя под видом фабрик, ремесленных заведений, частных домов)[30].

Заметно уступало федосеевцам по влиянию возникшее в Москве согласие «приемлющих браки». Принадлежавшие к нему сектанты признавали только брак, совершавшийся избранными ими из своей среды мирянами. Беспоповцы этого толка возвели в Москве часовню и при ней богадельню; в 1826 г. часовню посещали 6 тыс. прихожан. В отличие от федосеевцев здесь молились за царя и царский дом.

Появлялись иногда в городе «бегуны» или «странники», представлявшие крайнее направление в беспоповщине. Не желая иметь никаких дел с властями, они отказывались нести гражданские повинности, платить налоги, присягать. «Бегуны» избегали ревизий, не имели паспортов и имущества. Их укрывали у себя федосеевцы, переправляя затем на север.

Пристанищем московской поповщины стало Рогожское кладбище. Там воздвигли часовню для отпевания – сначала деревянную, затем каменную, позже – еще две: одна из них своими размерами превосходила все московские храмы. В молитвенных зданиях на Рогожском кладбище имелись древние иконы в дорогих окладах, богатая церковная утварь. Все это удалось спрятать и сохранить в 1812 г. В 1825 г. здесь числилось до 68 тыс. прихожан. В ограде кладбища находились десятки жилых домов и общественных зданий старообрядцев, включая богадельню, несколько женских обителей, сиротский дом для подкидышей, училище, дом умалишенных, приют для приезжающих, ценнейшую библиотеку, архив.

Более умеренно настроенные старообрядцы признали над собой руководство официальных церковных властей и поставляемых ими священников. При митрополите Платоне в 1800 г. им было разрешено иметь свой храм и отправлять в нем богослужение по старопечатным книгам и старым обрядам. Их называли «единоверцами».

Старообрядцы отличались строгими нормами поведения. Современники отмечали присущую им честность, трезвость, добропорядочность в быту. Среди них процент грамотных был довольно высок. К старообрядцам принадлежали некоторые известные купеческие фамилии (например, Гучковы).

Помимо старообрядцев в Москве действовали тайные секты. Среди них – «хлысты». Свои молельни они устраивали в частных домах, богослужебные собрания проводили тайно. В секте имелись свои праведники, пророки и пророчицы.

К первой четверти XIX в. относится религиозное брожение, затронувшее больше всего Петербург, но не миновавшее и Москву. После Отечественной войны 1812 г. в правящей верхушке и высшем обществе усилились мистические настроения, проявлялся интерес к за-

[30] Сборник правительственных сведений о раскольниках. Сост. В.Кельсиев. Вып.1. Лондон, 1860. С.23.

Синодальная типография на Никольской улице

падным христианским вероисповеданиям – католичеству, некоторым разновидностям протестантизма (гернгутерам, квакерам). Получил распространение религиозный космополитизм, тяготение к христианству, свободному от вероисповедных различий[31]. Определенный успех имела пропаганда католицизма. С XVI в. в стране действовал орден иезуитов. В начале XIX в. славился петербургский пансион аббата Николя, где воспитывались многие отпрыски знатных дворянских семей. Иезуиты имелись и в Москве. Католические аббаты легко находили общий язык с аристократами, которым западноевропейская и особенно французская культура была ближе, чем родная; сказывалось обаяние европейской цивилизации, отдаление от народа и его верований, от чуждого светскости православного духовенства. И в ту пору и позднее случался переход в католичество представителей знати (чаще всего женщин). Примеры тому – графиня Е. П. Ростопчина (жена известного московского генерал-губернатора, ярого русофила), княгиня З. А. Волконская, князь И. С. Гагарин. При всем желании избежать огласки («совращение» православных в другую веру преследовалось) такие факты становились известны. Правительство, недовольное активизацией католической пропаганды, в 1815 г. запретило иезуитам жительство в обеих столицах, а в 1820 г.– вообще в России.

4. МОСКВА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Осмысление роли Москвы в судьбах России было связано с ростом национального самосознания. Эти мотивы прозвучали уже в начале XIX в. в основанном Сергеем Глинкой журнале «Русский вестник». В статье «Взор на Москву» высоко оценивалось общенациональное значение старой столицы: «...Для внимательного наблюдателя Москва есть многообразное и неистощимое училище. Вся российская держава, со всеми разновидностями своими, в ней заключается. Путешественник, в одной только Москве исследовав образ жизни, нравы, обычаи, может сказать, возвратясь в отечество свое: «я был в России»... В Москве почти без книг можно учиться российской истории»[32]. В том же номере публиковалось письмо известного полководца графа П. А. Румянцева-Задунайского, извещавшее о его намерении поселиться в Москве – «матери градов». Письмо предварял выразительный заголовок: «Москва – мать городов». Много позже граф Ф. В. Ростопчин заметил, что Москва «сделалась городом священным для русских».

Признание особого значения Москвы для России возросло во время и после Отечественной войны 1812 г., когда, по словам А. И. Герцена, «вся Русь, задерживая дыхание, устремила свое внимание на Москву, вся Европа ее вспомнила»[33]. «Я бы желала,– писала в тот знаменательный год из Тамбова молодая москвичка петербургской приятельнице,– чтобы ты послушала, как говорят здесь о Москве – здесь, то есть в губерниях, составляющих коренную Россию, где почти не подозревают о существовании иной столицы, кроме Москвы, к которой питают какое-то священное благоговение»[34].

Закреплению в общественном сознании национального значения Москвы содействовал и российский историк Н. М. Карамзин. В «Записке о древней и новой России» (1811) он осудил решение Петра I перенести столицу из Москвы, назвав его «блестящей ошибкой» великого преобразователя. Свой взгляд на место Москвы в судьбах отечества Карамзин выразил в «Записке о московских достопамятностях» 1817 г., предназначавшейся для вдовствующей императрицы перед ее поездкой в первопрестольную: «Москва будет всегда истинною столицею России. Там средоточие царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского. Красивый, великолепный Петербург действует на государство в смысле просвещения слабее Москвы, куда отцы везут детей для воспитания и люди свободные едут наслаждаться приятностями общежития. Москва непосредственно дает губерниям и товары, и моды, и образ мыслей. Ее полуазиатская физиогномия, смесь пышности с неопрятностию, огромного с мелким, древнего с новым, образования с грубостию, представляет глазам наблюдателя нечто любопытное, особенное, характерное. Кто был в Мос-

[31] *Знаменский П.В.* Чтения из истории русской церкви за время царствования имп. Александра I. Казань, 1885; *Пыпин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916.

[32] Русский вестник. 1808, № 1. С.23, 27.

[33] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.2. М., 1954. С.189.

[34] Письма 1812 года М.А.Волковой к В.А.Ланской // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С.307.

кве, знает Россию»[35]. Историк упоминал, что за свободу в толках об общественных делах Москва со времен Екатерины II прослыла «республикою». Однако спеша успокоить императрицу, пояснял, что московские жители привержены самодержавию и не приемлют якобинцев. При этом Карамзин напоминал, что «спасительное самодержавие» существует «не для особенной пользы самодержцев, но для блага народного». В главе о княжении Иоанна Даниловича Калиты в его многотомной «Истории государства Российского» повествовалось о начале превращения Москвы в «истинную главу России».

Иначе воспринимали древнюю столицу более молодые, критически настроенные современники Карамзина. Приверженцы нового больше тяготели тогда к Петербургу: в годы оживления общественной жизни, роста освободительных стремлений, деятельности тайных обществ патриархальная Москва казалась им устаревшей, отставшей от времени. В снисходительно-шутливой форме выразил это А. С. Пушкин в одном из ранних стихотворений (1819): «В почтенной кичке, в шушуне/ Москва премилая старушка». Едкой сатирой на дворянскую Москву дышала комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Ее автор – убежденный противник «пустого, рабского, слепого подражанья» Западу – отказывался видеть в Москве воплощение русских национальных начал. Страстные филиппики Чацкого обличали галломанию московского дворянского общества. Комедия содержала негодующую отповедь бытующим там и ненавистным автору предрассудкам. Неудовлетворенность Грибоедова родным городом отразилась и в его переписке. «В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему»,– жаловался он другу С. Н. Бегичеву в 1818 г., имея в виду помещичье-дворянскую среду.

Принадлежавший к ней же поэт князь П. А. Вяземский – друг А. С. Пушкина и декабристов, с годами сильно поправевший, много позже выступил против представления о «допожарной Москве» как провинции, полной богатым барством, жившей «нараспашку, хлебосольничая и сплетничая» и якобы чуждой политическим интересам. Считая подобное мнение несправедливым, Вяземский объяснял его тем, что «новое поколение знает старую Москву по комедии Грибоедова», в которой он видел лишь талантливую карикатуру. «В некоторых захолустьях Москвы,– заметил Вяземский,– может быть, и господствовали нравы, исключительно выставленные им на сцене. Но при этой темной Москве была и другая еще, светлая»[36]. В подтверждение автор ссылался на Карамзина, приводил факты богатой духовной жизни московского общества начала XIX в., когда «Москва подавала лозунг России». По его мнению, налет провинциализма проявился уже после 1812 г., когда цвет аристократии переместился в Петербург.

Красные ворота. Литография Ж. Арну с оригинала Вивьена

Со временем роль Москвы в общественном сознании возрастает. Чувства россиянина с большой искренностью выразил в письме 1829 г. к друзьям юный Виссарион Белинский: «Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатию священной древности, и за то нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве»[37].

В 30–40-е гг., в пору напряженных идейных исканий и споров, отношение к Москве и Петербургу, предпочтение той или другой столицы стало своего рода знаком принадлежности к определенному общественному направлению. Два этих города как бы олицетворяли разные исторические пути. Поэтому оценки и сравнения бывали обычно пристрастны, а суждения – полемичны. Особенно горячо превозносили Москву защитники русской старины, ревнители национального. Те же, кто был убежден в необходимости и спасительности петровских преобразований, кто стоял за сближение с Западом, чуждались подобной идеализации. Неприятие тогдашней российской действительности побуждало оппозиционно настроенных людей проявлять известный критицизм в отношении к обеим столицам. Однако чувство привязанности к Москве явственно пробивалось и в их суждениях.

Своего рода прелюдией к последующим спорам явилась публикация стихотворения Н. М. Языкова «Ау!» в журнале И. В. Киреевского «Европеец»

[35] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С.321.

[36] *Вяземский П.А.* Допотопная или допожарная Москва // Полн.собр.соч. Т.7. СПб., 1882. С.80–81, 84.

[37] *Белинский В.Г.* Полн. собр.соч. Т.11. М., 1956. С.30.

(1832). Поэт провозглашал здравицу Москве, призывал собратьев по перу искать здесь «своенародных вдохновений», ибо древняя столица хранит повесть «наших бед и нашей славы», в ней живет Россия. Воспевалось присущее Москве «великолепье старины»; тот же, кто попытался бы наложить на нее печать «мимоходящей новизны», предавался проклятию.

Более широко и беспристрастно взглянули на вопрос А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь. С них берет начало традиция сопоставления двух столиц. Поэт бегло сравнил ту и другую еще в поэме «Медный всадник» (1833): «И перед младшею столицей/ Померкла старая Москва/ Как перед новою царицей/ Порфироносная вдова». Ту же идею он более пространно развил в очерке «Путешествие из Москвы в Петербург»[38] – отклике на «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Москве там посвящена особая глава, написанная в начале 1835 г. Соперничество двух городов Пушкин относил к прошлому. Теперь, в 30-х гг., старая столица казалась ему «присмиревшей»: «...огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травою, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бель-этаж нанят мадамой для пансиона – и то слава Богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты... Подмосковные деревни также пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в рощах Свиблова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек... Барский дом дряхлеет». «Бедная Москва!» – лейтмотив статьи Пушкина. Но наряду с упадком дворянско-аристократической Москвы отмечалось процветание города в других отношениях – промышленном, умственном, литературном. Промышленность «оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством». С другой стороны, неоспоримы успехи просвещения: «Литераторы петербургские по большей части не литераторы, но предприимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы». С похвалой и сочувствием поэт писал о московской журналистике, литературной критике, увлечении молодых образованных москвичей немецкой философией.

Гоголь коснулся темы «Москва и Петербург» в «Петербургских записках 1836 года»[39]. Его текст – не столько рассуждение, сколько заметки наблюдательного художника, набросавшего крупными мазками выпуклые черты облика Москвы и Петербурга, нравов и занятий их жителей. Обе столицы предстали перед читателем в живых образах: Москва в виде «русской бороды» и русского дворянина, Петербург – в виде аккуратного немца и щеголеватого чиновника. Тем самым в первой подчеркивалось национальное и патриархальное начало, в последнем – европейское и деловое. Добродушно-насмешливо изображал писатель старую, «нечесаную» Москву и «щеголя-Петербурга», глядевшегося в зеркала Невы и Финского залива, охорашиваясь перед Европой. Служебно-деловая активность чиновного Петербурга противопоставлялась праздной, любящей погулять и развлечься Москве. Купеческую Москву, которая «шлет товары во всю Русь», писатель уподоблял большому гостиному двору страны, куда зимой съезжается вся Россия «сбывать и закупать». Сравнение же умственной жизни двух столиц делалось решительно в пользу Москвы: «Московские журналы говорят о Канте, Шеллинге и проч. и проч.; в петербургских журналах говорят только о публике и благонамеренности... В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками; в Петербурге журналы нейдут наравне с веком, но выходят аккуратно, в положенное время».

На рубеже 30–40-х гг. тема «Москва и Петербург» приобрела большую остроту в связи с идейно-теоретическими спорами западников и славянофилов. Участник этих споров, профессор-историк М. П. Погодин по поручению попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова написал в 1837 г. записку «О Москве». Повод был примерно тот же, что когда-то у Карамзина: Москву собирался посетить наследник престола (будущий император Александр II). Для него и предназначалась записка, изложенная в форме исторического очерка, рисующего постепенное возвышение Москвы и превращение ее в «средоточие России». В ней проводилась мысль об особом покровительстве Божественного Промысла городу. Москва избрана свыше и чудесным образом хранима «Русским богом», она колыбель российской государственности, спасительного для страны самодержавия – такова идея Погодина. «Москва была зерном, из коего произросло великое древо Российской империи... в Москве утвердилась независимость государства на двух краеугольных камнях, единодержавии и самодержавии»,– писал Погодин. После основания Петербурга, города преимущественно европейского, Москва осталась национальным центром – «средоточием русского могущества, просвещения, языка, литературы,

[38] *Пушкин А.С.* Полн. собр.соч.: В 10-ти т. Т.7. М.; Л., 1951. С.273–276.

[39] *Гоголь Н.В.* Полн.собр. соч.: В 14-ти т. Т.8. М., 1952. С.177–179.

промышленности, торговли, вообще русской национальности».

Выдающимся национальным и историческим значением Москвы автор объяснял благоговейное отношение к ней русских: «Здесь святыня отечества... Здесь памятники всех важных событий». Подобно Карамзину Погодин упоминал об общественном долге самодержцев: «Здесь цари принимают венец свой и клянутся блюсти уставы отечества». «Если Петербург называется главою России,– заключал он,– то Москва без сомнения есть ее сердце». Позднее, в другой статье, Погодин определил историческое значение древней столицы в виде афоризма: «*Москва есть корень, зерно, семя русского государства*»[40].

По-своему подошел к теме ученик М. П. Погодина Вадим Пассек (сын декабриста, некогда друг А. И. Герцена). Его «Московская справочная книжка» (М., 1842) со статьей «Историческое значение Москвы» – первый, в целом удачный опыт историко-статистического обзора Москвы и Московской губернии. В отличие от Погодина, возвышение Москвы Пассек объяснял естественными причинами – прежде всего ее местоположением. Основополагающей для него явилась мысль о старой столице как духовном центре страны: «Москва – Иерусалим русского народа; в ней дух его и сила». Животворящую роль в судьбах города Пассек отводил православной церкви и исторической памяти. Улицы и переулки Москвы он сравнивал с летописными свитками, старинные узорчатые храмы – с заглавными буквами в красных строках. По убеждению автора, ничто в мире не способно сравниться с благовестом московских колоколов.

К середине 40-х гг. по мере обострения полемики между западниками и славянофилами и с приближением 700-летия Москвы вопрос о ее значении в жизни России все больше занимал умы. По словам А. И. Герцена, «в 1845–46 годах споры о Москве и Петербурге повторялись ежедневно или, лучше, еженочно».

Еще в 1839 г. В. Г. Белинский сравнил Москву и Петербург с двумя разными, не похожими друг на друга, мирами. Препирательства же о превосходстве той или иной столицы он находил нелепыми и смешными: «Эти споры так же детски неосновательны, как споры о превосходстве одного гениального произведения искусства перед другим, тоже гениальным... Нет, Москва имеет свое значение, которого не имеет Петербург, но и она так же не может заменить Петербурга, как и Петербург ее: каждый из этих городов хорош по-своему, каждая из столиц лучше одна другой, каждая одна другой хуже».

В 1844 г. в сборнике «Физиология Петербурга» появилась статья В. Г. Белинского «Петербург и Москва». Со своих радикально-демократических позиций автор отзывался о Москве критически, местами – даже едко, отмечая в ней смешение черт европеизма и старинной неподвижности («азиатизма»). Выражением нового в России ему представлялся Петербург: «...и в этом его великое значение для России». Правда, Белинский признавал, что и Москва не избежала влияния новизны: «Дух нового веет и на Москву и стирает мало-помалу ее древний отпечаток». Но, по его мнению, там все же преобладало консервативное начало: «Несмотря на видимую падкость Москвы до новых мнений или, пожалуй, и до новых идей,– она, моя матушка, до сих пор живет все по-старому и не тужит... идеи у ней сами по себе, а жизнь сама по себе». Особенность московского быта Белинский видел в патриархальной семейственности, свойственной дворянству и еще больше купечеству. Москва «чуждается жизни городской, общественной», для нее характерно семейное затворничество. В этом – одно из ее отличий от Петербурга. Другое отличие – преобладание барского и купеческого элемента над служилым, чиновным, национально-русского над общеевропейским. Лишаясь аристократического оттенка, она превращается в город «торговый, промышленный и мануфактурный», город купечества и мещанства. Как и другие авторы, Белинский отмечал интенсивность умственной жизни в Москве, благотворную роль в этом Московского университета. Однако интеллектуальные беседы и споры в московском обществе казались ему бесплодными, а кружковая жизнь – узкой. «Нигде нет столько мыслителей, поэтов, талантов, даже гениев, особенно «высших натур», как в Москве; но все они делаются более или менее известными вне Москвы только тогда, когда переедут в Петербург». Привычка к деятельности и умение действовать, по мнению критика, выгодно отличали петербуржцев от москвичей. Только слияние лучшего, что есть в каждой из столиц, может дать «прекрасное и гармоническое целое». В настоящем же обе они далеки от совершенства[41].

Белинскому резко возражал один из идеологов славянофильства Константин Аксаков – страстный почитатель Москвы, видевший в ней символ России. «Ее назвать – и Русь святая/ С ней вместе разом названа»,– восклицал он в 1845 г., воспевая свой любимый город. В статье «Семисотлетие Москвы», напечатанной в «Московских ведомостях» за год до юбилея[42], Аксаков отстаивал «общее всерусское значение Москвы» – «вечной столицы земли Русской, столицы народной», воплощавшей национальное единство России. «Дух Москвы и Руси», по Аксакову, одно и то же. В отличие от Погодина, у которого главными истори-

[40] *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. М., 1846. С.157–158, 164.

[41] *Белинский В.Г.* Полн. собр.соч. Т.3. М., 1953. С.315; Т.8. М., 1955. С.385–413.

[42] Московские ведомости. 1846, 23 апреля. То же: *Аксаков К.С.* Полн.собр.-соч. Т.1. М., 1889. С.568–575.

Соборная площадь в Московском Кремле. Художник Ф. Алексеев. 1811 г.

ческими деятелями выступали князья и монархи, Аксаков выдвинул мысль о решающей роли народа в переломные эпохи отечественной истории. В период Смуты начала XVII в., по его словам, «народ русский без царя и не руководимый боярами поднялся за русскую землю» против нового самозванца (Лжедимитрия второго), польско-шведской интервенции, разбойничьих шаек, опустошавших Русь[43]. Хотя по настоянию цензуры наиболее острые высказывания такого рода из статьи пришлось устранить, ее смысл остался неизменным. Для Аксакова Москва – «представительница общей русской жизни, жизни всей Русской земли, жизни земской (собственно народной)», она – хранительница «святой Руси» и страдалица за нее. В полемическом запале Аксаков не только восхвалял Москву, но и противопоставлял ее «поганому Петербургу» (как он выразился в письме к Ю. Ф. Самарину). То же по существу отношение проявилось в его водевиле «Почтовая карета», поставленном в московском Малом театре весной 1846 г.

На «петербургоубийственные куплеты» К. С. Аксакова откликнулся А. И. Герцен очерком «Станция Едрово». В основе его – статья «Москва и Петербург», написанная пятью годами ранее и распространявшаяся в рукописных копиях. Очерк, названный автором шуткой, появился в «Московском городском листке» к 700-летию Москвы (1847, № 57). Изображение особенностей обеих столиц местами доводилось до гротеска. Но за парадоксальными характеристиками ясно проступала позиция автора – западника, сторонника европеизации России, видевшего глубокий смысл в перенесении столицы в Петербург. Очерк строился на противопоставлении истории, социального облика населения, образа жизни обоих городов. В Петербурге подчеркивались черты современности, в Москве – уходящего прошлого. Москва, по словам Герцена, сосредоточена на исторических воспоминаниях – она «всегда глядит назад». В Петербурге тон задают чиновники, в Москве – отставные дворяне и отошедшие от дел вельможи. Отсюда – несходство в характере и ритме жизни: в барской Москве – «мертвая тишина; люди систематически ничего не делают, а только живут и отдыхают перед тру-

[43] Цит. по: *Дмитриев С.С.* Русская общественность и семисотлетие Москвы (1847 г.) // Исторические записки. Т.36. М., 1951. С.235.

Вид на Воскресенские и Никольские ворота. Художник Ф. Алексеев. 1811 г.

дом... Деятельность Петербурга бессмысленна, но привычка деятельности – вещь великая». Отсюда же – различие в привычках и склонностях жителей обеих столиц: москвич привержен православию, «любит кресты и церемонии, петербуржец – места и деньги, москвич любит аристократические связи, петербуржец – связи с должностными людьми». Несходство проявлялось и во внешнем облике городов: сугубо столичный вид Петербурга автор противопоставлял живописным сельским картинам Москвы. В общественной и умственной жизни преимущество отдавалось Москве: в отличие от официального, чинного Петербурга она «резонерствует, многим недовольна, о многом отзывается вольно». Интенсивнее представлялась Герцену и интеллектуальная жизнь старой столицы: «Петербургские литераторы вдвое менее образованны московских; они удивляются, приезжая в Москву, умным вечерам и беседам в ней». Однако он не видел практических результатов этого брожения умов, либерализм москвичей казался ему неглубоким и нестойким. По большому счету демократа Герцена не удовлетворяли ни Петербург, ни Москва: «Есть стороны в московской жизни, которые можно любить, есть они и в Петербурге; но гораздо более таких, которые заставляют Москву не любить, а Петербург ненавидеть». А потому демократически настроенный автор, по собственным словам, выступал «против обоих!»[44]

Направленность статьи и очерка А. И. Герцена – одна и та же. Но поскольку «Станция Едрово» предназначалась к публикации, написана она с огглядкой на цензуру. К тому же за прошедшие пять лет автор отошел от прежней прямолинейности, стал шире смотреть на вещи. Хотя многие мысли перекликались, акценты в более поздней статье делались иные. Внимание сосредоточивалось теперь не на антагонизме, а на том общем, что имелось у этих городов: в Петербурге «русское начало перерабатывается в европейское, в Москве – европейское начало в русское». Современная Москва – город новой, петербургской эпохи. Герцен выступал против национальной исключительности. Для него был неприемлем тот «патриотизм», который состоит «не столько из любви к отечеству, сколько из ненави-

[44] *Герцен А.И.* Собр.соч.: В 30-ти т. Т.2. С.37, 38, 41, 177, 186, 190.

Новодевичий монастырь. Литография Ж.-К. Башелье с оригинала Орлова

сти ко всему, вне отечества находящемуся». Выдвигался иной подход: соединение национального достоинства с европейским образованием.

Незадолго до Герцена собственный взгляд на Москву выразил будущий издатель «Московского городского листка» Владимир Драшусов. Извещая читающую публику о предстоящем выходе своего «листка», он определил значение старой столицы как центра торговли, промышленности, просвещения и, главное, народности. «Находясь в средоточии тех губерний, которые составляют ядро государства, этот город – истинный представитель народных нравов, быта и чувства... Наречие московское – первенствующее в империи, в устной речи москвитян – живое начало изменений и усовершенствований языка русского. В Москве тот народный такт, то нравственное осязание, которое решает, что согласуется с русским чувством, что сообразно с русским умом и что не может приняться на русской почве»[45]. В Москве, по мнению автора, даже образованность принимает национальное направление.

Приподнято-лирические тона присущи статье «Семисотлетие Москвы» поэта Ф. Н. Глинки[46]. В ней проводилась мысль о божественном предначертании всей истории Москвы, восхвалялось русское благочестие. Москва – сердце России – сравнивалась с матерью семейства, с солнцем среди окружающих его планет. Красноречиво повествовал Глинка о Москве 1812 г., с чувством патриотической гордости отзывался о великой жертве москвичей и о том, что на разорение Москвы русские ответили «помилованием Парижу». С удовлетворением отмечал он, что в городе сохранилось еще немало старинного. И вот «стоит опять Москва как кудрявая старопечатная буква во главе великого свитка России!».

В том же духе воспевал Москву Михаил Дмитриев: «Процветай, царей столица, /Матерь русских городов,/ Слова русского царица/ И уставница умов!»[47]

Иным настроением, горькой иронией, проникнута статья поэта и литературного критика Аполлона Григорьева «Москва и Петербург. Заметки зеваки», опубликованная под псевдонимом А. Трисмегистова в «Московском городском листке» (1847, № 88, 24 апреля). С безотрадным чувством писал автор и о Москве с ее обманчиво-привлекательной семейственностью, с особой атмосферой образованных кружков, и о Петербурге с его давящими громадами зданий, где можно отвести душу лишь за чтением заграничной прессы, погружающей в грезы, подобно опиуму, или в театре, на танцах, за картами. Но развлечения не дают удовлетворения и лишь нагоняют скуку.

Односторонность крайних точек зрения постарался преодолеть литератор Н. А. Мельгунов в «Нескольких словах о Москве и Петербурге» («Современник», 1847, № 4), отдавая должное обеим столицам. Автору не чужды оригинальность и свежесть мыслей. Мельгунов обращал внимание на уникальность в европейской истории наличия двух столиц в стране. У таких государств, как Франция, один центр, одна столица, у других, как Германия, несколько центров. Поэтому жизнь в них строится либо по принципу централизации, либо разрозненности, что в каждом случае имеет свои неудобства. Так, например, Париж поглощает собой всю государственную, общественную и духовную деятельность страны, тогда как в Германии многообразию и богатству интеллектуальной и духовной жизни сопутствует политическая слабость страны. В России же издавна существовало два центра: Новгород и Киев, Киев и Москва, Москва и Петербург, что позволило избежать невыгод обеих систем, присущих Западной Европе. «У нас,– писал Мельгунов,– никогда не было единого всепоглощающего центра, не было также разъединяющей разбросанности, этого последствия феодализма и завоевания». Произошло своеобразное разделение функций между двумя столицами: северная – город гражданственности; южная – умственной и духовной деятельности. Утратив политическое значение, Москва сохранила нравственное. Один город дополняет другой, один необходим другому.

Мельгунов не соглашался видеть в Петербурге лишь представителя европейской жизни, а в Москве «колыбель жизни народной». Нет, по его мнению, смысла противопоставлять одно другому: русская национальная жизнь ост-

[45] Московские ведомости. 1846. 28 ноября.

[46] Там же. 1847. 4 января; Московские губернские ведомости. 1847. 11 января.

[47] Московский городской листок. 1847. 4 апреля.

ро нуждается в европейской образованности, и в Москве развиты оба начала. Автор выступал как против исключительной народности, так и против исключительного европеизма.

При этом Мельгунов, как и другие, признавал резкое отличие, а во многом и противоположность Москвы и Петербурга. Естественное складывание и возрастание Москвы он противопоставил искусственности Петербурга, построенного по определенному плану; центральное местоположение древней столицы – окраинному положению новой; семейную жизнь Москвы – холостому по преимуществу быту петербуржцев. Особо отмечалась разница между Петербургом – «городом мундира» и привольем Москвы: «Москва любит во всем простор, начиная с ума... в Москве люди живут, в Петербурге служат». В итоге Мельгунов пришел к выводу, что Москва «потерю своего правительственного значения вознаградила значением народным и самостоятельным даже в деле европейской образованности» и что ее призвание – «служить для России колыбелью привольной науки и просвещения».

Итак, Москва представала в общественном сознании прежде всего как воплощение национальных начал и исторических традиций народа, как духовный и культурный центр России. За полвека лицо ее однако заметно изменилось, и наиболее наблюдательные современники отмечали в ней новые черты – приметы еще не наступившей, но уже дававшей знать о своем приближении капиталистической эпохи. Дворянская Москва уходила в прошлое.

5. 700-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ МОСКВЫ

В 1847 г. исполнялось 700 лет с момента первого упоминания Москвы в летописях. Власти и общественность поразному отнеслись к предстоявшему юбилею[48]. Царское правительство старалось сдержать общественные эмоции, не допустить больших торжеств. С неудовольствием прислушивалось оно к восторженному прославлению Москвы славянофилами в противовес императорскому Петербургу. После публикации статьи К. С. Аксакова о Москве цензурный надзор за ним был усилен.

С большим подъемом готовились к юбилею в ученых и общественных кругах, близких славянофилам. Погодин в «Москвитянине» выдвинул программу выпуска к этой дате научно-литературных трудов о Москве. К. С. Аксаков мечтал о широком народном торжестве. В печати велись споры о дне юбилея – 28 марта или 4 апреля? Однако хитроумный маневр правительства разрушил эти планы: 700-летие Москвы власти неожиданно приурочили к первому дню нового, 1847 года. Об этом объявили лишь накануне, когда для приготовлений к празднику времени уже не оставалось. В результате празднование ограничилось торжественным молебствием в Чудовом монастыре с участием московского митрополита Филарета и колокольным звоном в Кремле. По обе стороны памятника Минину и Пожарскому были возведены высокие деревянные пирамиды. Вечером 1 января в центре города устроили скромную иллюминацию. Даже юбилейная статья Ф. Н. Глинки «Семисотлетие Москвы» в печати появилась с опозданием: в «Московских ведомостях» 4-го, а в «Московских губернских ведомостях» 11 января. «Московские ведомости» поместили также краткое сообщение о том, как отмечался юбилей. Литургия и благодарственное молебствие в Кремле посвящались прежде всего «высокоторжественному» дню рождения великой княгини Елены Павловны и лишь во вторую очередь 700-летию Москвы!

Официальный Петербург постарался приглушить торжество знаменательного юбилея, выразив тем самым свое настороженно-сдержанное отношение к московской «республике».

Симонов монастырь. Художник И. Вейс. 1852 г.

[48] *Дмитриев С.С.* Указ. соч. С.219–251.

II

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД. НАШЕСТВИЕ

1. НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ ИСПЫТАНИЙ

На грани XVIII–XIX вв. отношения между Россией и Францией претерпели ряд изменений, причиной которых стали политические события во Франции – революция, а затем приход к власти Наполеона Бонапарта, провозгласившего себя в 1804 г. императором. Его политика становилась все более агрессивной и болезненно задевала государственные интересы России, что толкало ее на сближение с противостоящими Франции силами. В 1805 г. российское правительство заключило конвенцию с Англией, а затем вступило в третью антифранцузскую коалицию европейских стран.

В русском обществе отношение к Наполеону Бонапарту оказалось противоречивым. Одни видели в нем выскочку и ненавистное порождение революции, другие – великого человека, восхищавшего своим военным гением и государственным умом. Но по мере того, как выяснялись опасные замыслы Наполеона, росли беспокойство и настороженность россиян. Уже летом 1805 г. поговаривали о неизбежности войны. А в начале сентября студент-москвич С. Жихарев отметил в своем дневнике: «Весь город толкует о войне: ненависть к Бонапарте возрастает, между тем как любовь к государю доходит до обожания и доверенность к нему беспредельна». Царский указ о рекрутском наборе и продвижении российских войск к границе для защиты безопасности страны московские дворяне встретили с энтузиазмом. 18 октября тот же Жихарев записал: «Москва находится в каком-то волнении по случаю объявленной войны с французами. В обществах о ней только и говорят...»[1]. Поначалу преобладала самонадеянная уверенность в успехе. Не сомневались, что «забияки»-французы потерпят поражение в первой же схватке. Лишь немногие рассуждали более взвешенно. Москва жила ожиданиями сводок с театра военных действий. Жадность к политическим новостям возросла до небывалых размеров. Происходящее оживленно обсуждалось в Английском клубе. С оперативной информацией дело обстояло плохо. Ее ухитрялись добывать разными способами. Так, князь П. И. Одоевский снял квартиру на Мясницкой, напротив почтамта, чтобы первым узнавать получаемые новости. По городу распространилось множество слухов. Известие о поражении союзных войск под Аустерлицем повергло было москвичей в уныние, но ненадолго. Вскоре оно сменилось новыми надеждами.

Создавалась очередная, уже четвертая по счету, антифранцузская коалиция, в которую вступила и Россия. Россияне жили в предчувствии великих событий. 30 августа 1806 г. в Москве был получен царский манифест о войне с Францией. В конце года по всей стране началось формирование земских войск (милиции). Начальником московского земского войска дворяне избрали адмирала Н. С. Мордвинова.

Между тем обстоятельства складывались для России неблагоприятно. Разгром прусских войск под Иеной и Ауэрштадтом осенью 1806 г. оставил ее наедине с могущественным противником (Австрия капитулировала сразу после Аустерлица). За сражением под Прейсиш-Эйлау, в котором французам не удалось одержать верх, последовало поражение русской армии под Фридландом летом 1807 г. Заключенный Александром I и Наполеоном в 1807 г. в Тильзите мир хотя давал России передышку, но противоречил ее интересам. Особенно тяжелым для нее условием мира было вынужденное присоединение к так называемой «континентальной блокаде», что означало разрыв отношений с Англией. Многие россияне восприняли его как национальное унижение.

Под влиянием всех этих событий в обществе росли антифранцузские настроения. Их ярко выразил московский вельможа граф Ф. В. Ростопчин в памфлете

[1] *Жихарев С.П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С.91, 108.

«Мысли на Красном крыльце». Противник либеральной политики и европейской ориентации первых лет царствования Александра I, Ростопчин еще ранее обращался с письмом к императору, предлагая выслать за границу живших в стране иностранцев как тайных врагов России. В памфлете под именем русского патриота Силы Андреевича Богатырева он в нарочито простонародном стиле высмеивал французов и их русских подражателей. Листок этот, по словам современника, «облетел и чертоги и хижины». Ревнитель национальной старины А. С. Шишков издал его в Петербурге. «Мысли на Красном крыльце» вызвали у многих сочувствие, хотя некоторые находили памфлет излишне резким.

Желая содействовать подъему национальных чувств, писатель С. Н. Глинка начал выпускать в Москве в 1808 г. журнал «Русский вестник», самим названием как бы противопоставив его выходившему там же «Вестнику Европы». Своей целью издатель считал «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе» с Наполеоном[2]. В журнале воспевалась русская старина, Москва – «хранительница нравов и добродетелей праотческих», публиковались материалы о царях и многих русских деятелях, порицалось пристрастие к иноземному, праздность, роскошь, другие пороки, высмеивалось подражание иностранным образцам. Преимущественно в качестве автора выступал в журнале сам С. Н. Глинка. На страницах нового издания появилось имя его младшего брата Федора Глинки. Предложили свое сотрудничество Ростопчин и княгиня Е. Р. Дашкова. Под именем Устина Веникова из села Зипунова Ростопчин в письме к издателю высмеивал тех, кто «телом на Руси, а духом за границей». Распространенное в дворянском обществе подражание французам и другим иностранцам – «мартыжество» – обличала Дашкова. Но вскоре сотрудничество в журнале этих видных московских аристократов разладилось: оба высокомерные и неуступчивые, они не могли смириться с отказом издателя в публикации своих статей, с которыми тот был не согласен.

Консервативно-монархическое направление «Русского вестника» расположило к нему самого А. А. Аракчеева. В журнале появилась статья, присланная из Военного министерства и по всем признакам принадлежавшая этому временщику. Ее публикация вызвала в обществе живой отклик. В Английском клубе эта остро полемическая статья анонимного автора «ходила из рук в руки»[3]. В ней подвергались сомнению военные успехи Наполеона, намекалось на предстоящую борьбу с ним, выражалась уверенность, что русские сумеют отстоять отечество. Французский посол в России Луи Коленкур обратился с жалобой на журнал к царю, и издателя уволили со службы. Но когда Аракчеев пожелал поместить в «Русском вестнике» обращенные к нему льстивые письма, где его именовали спасителем отечества, Глинка безбоязненно отказал всемогущему вельможе.

«Русский вестник» пользовался признанием в разных слоях общества – от членов Английского клуба до простых горожан и студентов. Историк М. П. Погодин признавался впоследствии, что обязан ему «первым чувством любви к отечеству». Впрочем, тираж журнала был невелик, и даже в 1812 г., в момент его наибольшего успеха, число подписчиков не превышало ста человек.

Между тем война приближалась. Уже в 1810 г. и французские и русские войска подтягивались к западным границам России. Россия вела себя более самостоятельно, чем рассчитывал Наполеон. Отношения между двумя странами обострялись.

В Москве роковой для нее год начался спокойно. «Зиму 1812 года провели мы, как и всегда, на балах, концертах, благородных спектаклях,– вспоминала современница-дворянка.– ...Весело промчалась зима, и помину тогда не было о политике; разве играя в бостон, партнеры шепотом изъявляли негодование на Тильзитский мир да изумлялись исполинским успехам Наполеона. Но никто не тревожился за сильную и непобедимую Россию, тем менее за ее столицы. Беззаботные спокойные умы продолжали жить день за днем. Прошла весна так же весело на пикниках и гуляньях»[4]. О том же поведал чиновник А. Д. Бестужев-Рюмин: «...масляницу провели очень весело, не подозревая никаких опасностей и не думая даже об них»[5]. Хотя он же заметил, что в конце минувшего года в Москве уже открыто говорили о будущей войне с французами. Для людей проницательных и осведомленных приближавшаяся опасность была очевидной.

2. МОСКВА В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Летом 1812 г. Франция разорвала дипломатические отношения с Россией. Через несколько дней, на рассвете 12 (24) июня без объявления войны «Великая армия» Наполеона, переправившись через Неман, перешла границу. Только условно можно назвать ее французской: в нее входили большие воинские соединения разных стран – Италии, Австрии, Пруссии, германских княжеств, Испании, Герцогства Варшавского и пр. Поистине это было нашествие

[2] *Глинка С.Н.* Записки. СПб., 1895. С.220.

[3] Там же. С.237.

[4] 1812 год. Из семейных воспоминаний А.Ф.Кологривовой (урожд. Вельяминовой-Зерновой) // Русский архив. 1886. № 7. С.338–339.

[5] *Бестужев-Рюмин А.Д.* Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 г. // Русский архив. 1910. № 5. С.79.

«двунадесяти языков», как тогда говорили. Для россиян началась Отечественная война.

`Силы были слишком неравны. Отступление оказалось в тех условиях единственно возможным решением.

Требовалось срочно пополнить армию. Действовавшая в крепостной России система рекрутских наборов не позволяла иметь обученные резервы. Выход увидели в народном ополчении. С призывом собрать «новые внутренние силы» Александр I обратился прежде всего к Москве как к первопрестольной столице, которая «всегда была главою прочих городов». В тот же день, 6 июля, царь подписал аналогичный манифест ко всем россиянам. В нем выражалась надежда на то, что враг встретит «в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина». Предводителя ополчения предполагалось избрать в Москве[6].

Всего за две недели до войны, в конце мая 1812 г., московским военным генерал-губернатором и главнокомандующим вместо престарелого графа И. В. Гудовича был назначен энергичный и деятельный граф Ф. В. Ростопчин. Не расположенный к нему лично Александр I решился на этот шаг, пойдя навстречу консервативно настроенной части дворянства. На своем посту Ростопчин проявил редкую распорядительность и расторопность. Действовал он круто и самовластно, что многим, впрочем, импонировало. Замеченные упущения беспощадно пресекались, виновные (или показавшиеся ему такими) сурово наказывались: кое-кто был выслан из города, чиновники и полицейские увольнялись или сажались под арест, «болтунов» отправляли в дом умалишенных, людей из низших сословий подвергали публичному наказанию плетьми. Усилия Ростопчина направились прежде всего на то, чтобы не допустить в военное время беспорядков в столице. Настроение было неспокойное. Тревога росла по мере отступления русских войск и появления в Москве беженцев из захваченных неприятелем губерний. Через своих агентов Ростопчин стремился вызывать недоверие к тревожным слухам и, напротив, распускал те, которые считал полезными.

Добиваясь популярности, Ростопчин демонстрировал свою доступность: каждый мог прийти в генерал-губернаторский дом с просьбой или жалобой; были установлены ежедневные часы приема. Ростопчин не чурался бесед с людьми и в общественных местах, в Кремле, где собиралось много простого народа. Ту же цель преследовали его печатные воззвания к населению, в которых коротко сообщались и интерпретировались последние военные и иные известия. «Афишки» Ростопчина выходили чуть ли не ежедневно, а то и два раза в день. Их печатали на отдельных листках, затем расклеивали по городу и разносили по домам наподобие театральных афиш (отсюда название). У простого люда «ростопчинские афишки» пользовались успехом. По словам П. А. Вяземского, они были полны «грубой воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ»[7]. Но многие (в их числе Карамзин и Денис Давыдов) не одобряли «площадное наречие» автора.

Тревожная обстановка порождала в массах суеверие. Пошли в ход всевозможные пророчества, толкования Библии в применении к современным событиям. Жадно ловили предсказания тех, кто предрекал счастливый исход.

Наряду с готовностью верить в чудеса росла подозрительность к окружающим. В генерал-губернаторский дом без конца приводили обвиняемых в шпионаже людей (чаще всего иностранцев), которые, как правило, оказывались ни в чем не повинны. Бывали и случаи самосуда. В среде ремесленников даже возник замысел истребить всех иностранцев, торговавших на Кузнецком мосту: это намерение удалось вовремя предотвратить. По рассказу современника, когда по Москве прошел слух о мнимой измене и аресте М. М. Сперанского и близкого ему тогда М. Л. Магницкого, «говорили ... что лишь только они в Москву въедут, то будут истерзаны народом»[8]. К счастью, их повезли другим путем.

Подозрительностью отличался и сам Ф. В. Ростопчин. Громкую известность получило дело М. Н. Верещагина. Этот 20-летний купеческий сын вычитал в какой-то из иностранных газет письмо Наполеона к прусскому королю и его речь перед князьями Рейнского союза, где император Франции самоуверенно заявлял, что скоро покорит две северные столицы (т.е. Москву и Петербург). Переведенные Верещагиным на русский язык тексты разошлись среди москвичей. Переводчика (принятого за сочинителя) арестовали и заключили в тюрьму. Генерал-губернатор добивался для него самой суровой кары и в конце концов произвольно расправился с ним. Недоверие у Ростопчина вызывали масоны («мартинисты»), казавшиеся ему заговорщиками и врагами отечества. Им он приписывал всевозможные политические интриги и распространение будораживших москвичей слухов. По его приказу было усилено наблюдение за жившим в своем подмосковном имении Н. И. Новиковым. Особенно настороженно следил Ростопчин за другом Новикова, видным масоном, московским почтдиректором Ф. П. Ключаревым, тем более что тот пытался помочь Верещагину. Генерал-губернатор самовольно отстранил Ключарева от должности и

[6] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сб. документов. М., 1962. С.14–15, 46.

[7] *Вяземский П.А.* Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. М., 1870. Стб.185. Текст 20 «афишек» Ростопчина см. в кн.: *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992. С.209–221.

[8] *Бестужев-Рюмин А.Д.* Указ. соч. С.84.

выслал его в Воронеж (не взирая на генеральский чин подозреваемого).

Позднее также самоуправно Ростопчин поступил с группой иностранцев в 40 человек, арестовав их, поместив на барку и отправив под конвоем в Нижний Новгород.

В июле в Москву приехал на несколько дней из армии император с А. А. Аракчеевым, государственным секретарем А. С. Шишковым и другими приближенными с целью организации отпора вторгшимся в Россию полчищам Наполеона. Накануне приезда Александра I был обнародован уже упоминавшийся царский манифест к «первопрестольной столице». На встречу с царем в Слободской дворец съехались дворяне (около 1000 человек) и купцы. Тем и другим отвели особые залы. Сначала зачитали манифест императора ко всем «верным сынам России», потом выступил он сам. Эмоциональный накал присутствующих был велик, особенно у купцов. Как вспоминал Ростопчин, они «ударяли себя по голове, рвали на себе волосы, ломали руки, видно было, как слезы ярости текли по этим лицам, напоминающим лица древних... За шумом не слышно было, что говорили эти люди, но то были угрозы, крики ярости, стоны»[9]. Дворяне взяли обязательство выставить 32 тыс. вооруженных ратников (каждого десятого из своих крепостных), снабдив их продовольствием на три месяца. Купцы в патриотическом порыве жертвовали для отражения неприятеля деньги, устроенная тут же подписка дала около двух с половиной миллионов рублей.

В последующие дни молодой граф М. А. Дмитриев-Мамонов обязался сформировать на свой счет конный полк, то же сделал граф П. И. Салтыков. Князь Гагарин и Н. Н. Демидов снарядили каждый по дружине. Большие суммы внесли графиня А. А. Орлова, граф В. Г. Орлов, князь Н. Б. Юсупов. От графа Панина поступило 12 пушек, от С. С. Апраксина – сотни ружей, пик, сабель. Купцы кроме денег передавали для ополчения оружие, муку, крупу, сукно, холст, сапоги и пр. Не остались в стороне духовные лица, интеллигенция (профессора, врачи, артисты), другие горожане. Жертвовали кто что мог.

При выборах в Благородном собрании начальника московского ополчения большинство голосов получил М. И. Кутузов (то же оказалось и в Петербурге). Но ввиду сложившихся обстоятельств этот пост занял граф И. И. Морков (Марков).

Руководить организацией ополчения Московской и еще шести губерний царь поручил Ф. В. Ростопчину. «Вся Москва была взволнована,– вспоминала современница,– все негодовали на дерзость высокомерного Бонапарта... Старики, люди среднего возраста и молодые стали в ряды ополчения. На бульварах, где бывало гулянье каждый понедельник, все мужское общество нарядилось в мундиры... Повсюду возбудилась кипучая деятельность, подстрекаемая ненавистною мыслью, что неприятель на русской земле»[10].

Главнокомандующий в Москве граф Ф. В. Ростопчин

Создать столь многочисленное ополчение, как обещали дворяне, было нелегко. Требовалось найти людей, обмундировать их, вооружить, снабдить продовольствием, обучить – и все это в предельно сжатые сроки. Несмотря на трудности, дело продвигалось успешно. В течение месяца основные силы ополчения были сформированы. В середине августа оно насчитывало 11 полков общей численностью 24 835 человек, которые быстрым маршем двигались к местам назначения.

Однако в те же дни начальник ополчения И. И. Морков с беспокойством докладывал о нехватке ратников, а также о «великом недостатке в оружии и провианте». Многие, сообщал он, «кроме пик, не имеют ни сабель, ни тесаков». А потому настаивал, чтобы их снабдили хотя бы топорами[11].

С самоотверженностью соседствовало своекорыстие. Подорожали продукты питания и все остальное. Были взвинчены цены на оружие. Чтобы как-то противодействовать этому, Ф. В. Ростопчин распорядился продавать оружие населению по дешевой цене из арсенала. Но, как оказалось, казенные сабли, ружья, карабины находились в малопригодном к употреблению состоянии; впрочем, и их охотно раскупали. Спешно чинили то, что можно было починить. Поначалу бодрое настроение москвичей поколебалось известиями об отступлении русской армии. Оглушающее впечатление

[9] *Ростопчин Ф.В.* Записки о 1812 годе // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! С.270.

[10] Русский архив. 1886. № 7. С.339–340.

[11] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С.61–65.

Император Александр I

произвела потеря Смоленска 6 августа. Не представляя всех трудностей сложившегося положения и вынужденного стратегического замысла Барклая де Толли, люди недоумевали, почему отступает армия. «Молва вопияла: *«долго ли будут отступать и уступать Россию!»*[12]. Как водится, появились толки об измене. Роптали и в армии. Идя навстречу всеобщим пожеланиям, Александр I поставил во главе русских войск М. И. Кутузова.

Новость в Москве была встречена с восторгом: «При вести о его назначении все опьянели от радости, целовались, поздравляли друг друга; мужчины и женщины – все были в восхищении»,– вспоминал Ф. В. Ростопчин, не разделявший, впрочем, таких настроений. Но вопреки всеобщим ожиданиям, Кутузов продолжал тактику своего предшественника и, избегая желанного для Наполеона генерального сражения, завлекал неприятеля в глубь России.

После падения Смоленска в Москву поступало все больше раненых. Их устраивали в госпиталях и частных домах, окружали вниманием и заботой. С отступлением русской армии к Москве на город легла дополнительная обязанность – снабжать войска продовольствием, орудиями, снарядами, саперным инструментом. В арсенале спешно готовили оружие для ополченцев. В булочных в огромных количествах сушили сухари для армии. Ежедневно 600 нагруженных подвод отправлялись в путь. Все делалось быстро и оперативно.

Иначе обстояло дело с эвакуацией. С нею явно запоздали: не верилось, что город сдадут. Раньше всего стали уезжать помещичьи семьи в свои имения. После вести о падении Смоленска покидать город начали многие, особенно когда до Москвы дошли слухи о грабежах и насилиях, чинимых неприятельскими солдатами. Поток беженцев увеличивался (хотя некоторые, напротив, бросились в Москву, считая ее самым безопасным местом). В середине августа москвичка М. А. Волкова писала приятельнице: «Ежедневно тысячи карет выезжают во все заставы и направляются одни в Рязань, другие в Нижний и Ярославль». «Каждый день по улицам во все заставы, кроме Смоленской или *Драгомиловской*, тянулись вереницы карет, колясок, повозок, кибиток и нагруженных телег»,– вспоминал современник[13]. Другие держали экипажи наготове. Труднее приходилось купцам, мещанам, ремесленникам – тем, у кого все имущество находилось здесь. И совсем плачевная участь ожидала бедняков, составлявших большинство населения.

По мере продвижения наполеоновских войск предпринимались меры по организованной эвакуации. Еще в июле 1812 г., во время посещения Москвы, Александр I поручил Ростопчину позаботиться о спасении находившихся там святынь и государственных ценностей. Но тот, опасаясь паники, до последнего момента скрывал от жителей возможность сдачи Москвы. Даже за две недели до вступления сюда неприятельской армии он стыдил уезжавших мужчин, публично заявляя: «Я жизнию отвечаю, что злодей в Москве не будет». Впрочем, еще до Бородинского сражения чиновники получили распоряжение уложить бумаги и быть наготове. Начали вывозить артиллерию, снаряды, архив Коллегии иностранных дел, дела некоторых ведомств, перевели формировавшиеся полки графа Салтыкова и Дмитриева-Мамонова: первый – в Казань, второй – в Ярославль. Сокровища Оружейной и Грановитой палат, главных московских храмов и монастырей вывезли в самые последние дни в Нижний Новгород и Вологду. Особо почитавшиеся иконы Богоматери – Владимирской, Иверской, Смоленской – решились тронуть с места только в ночь на 1 сентября. Многое из необходимого (включая артиллерийское снаряжение, значительную часть казны) так и осталось невывезенным.

Русская армия отступала с беспрерывными боями к Москве. К 20-м числам августа она заняла позиции возле села Бородино под Можайском. М. И. Кутузов с нетерпением ожидал прибытия московского ополчения. «Теперь я обращаю все мое внимание на приращение армии»,– писал он Ф. В. Ростопчину. Чтобы противостоять сильному противнику, воинские части срочно нуждались в пополнении. Прибывающих ратников

[12] *Глинка С.Н.* Записки о 1812 годе. СПб., 1836. С.38.

[13] Письма 1812 года М.А. Волковой к В.А. Ланской // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С.291; *Глинка С.Н.* Записки о1812 годе. С.41.

Конный казак Московского ополчения

Пеший казак и егерь

Воин и обер-офицер купеческих и мещанских сотен Московского ополчения

использовали прежде всего на строительстве укреплений. 24 августа на Бородинском поле начались бои, французам удалось захватить еще недостроенный Шевардинский редут.

Через день, 26 августа (7 сентября), разыгралось знаменитое Бородинское сражение – «схватка гигантов», по выражению Наполеона. Смысл его, в восприятии участников, сводился к тому, «быть или не быть Москве и России!». Две армии сошлись лицом к лицу и бились насмерть. Бои начались на рассвете и продолжались до позднего вечера. «Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны» – так оценил ее Кутузов. Беспримерной и неимоверно жестокой назвал ее Ф. Глинка. «Надобно иметь кисть Микель-Анджело, изобразившую страшный суд, чтоб осмелиться представить сие ужасное побоище»[14],– писал он из армии два дня спустя.

Дрались за каждый вершок земли. Безмерным был героизм солдат, офицеров и генералов. Батареи и укрепления по многу раз переходили из рук в руки. Убийственный огонь из сотен орудий перемежался лихими атаками конницы, штыковым и рукопашным боем. «Наши дрались как львы. Это был ад, а не сражение»[15],– сказал смертельно раненный на Бородинском поле офицер. Поле боя было устлано грудами трупов людей и лошадей. Повсюду виднелись оторванные руки и ноги, куски человеческих тел, стонали раненые и умирающие. Все это, а также оглушительный грохот пушек и застилающий небо дым превращали место битвы в страшную картину смерти и уничтожения. Но упорство обеих сторон не ослабевало.

У Наполеона было больше регулярных войск – 133 819 человек, тогда как у Кутузова – 115 302. Правда, в распоряжении русского командования имелось еще (по разным данным) от 8 до 11 тыс. казаков и от 10 до 28,5 тыс. ополченцев. Но плохо обученные и слабо вооруженные, ратники ополчения не могли равняться с кадровыми частями неприятеля, да и использовались они большей частью на вспомогательных работах и в резерве. Наполеон также располагал 15 тыс. нестроевых солдат. В целом силы сторон были примерно равны. «Великая армия» уже не имела такого численного перевеса, как при вступлении в Россию. Орудий у русских было 640 против 587 французских, но качество последних намного выше[16].

Бой длился до наступления темноты. Потери обеих сторон оказались колоссальными: 45,6 тыс. убитых и раненых у русских, 58,5 тыс. у французов[17].

В этом генеральном сражении, к которому так стремился Наполеон, ему не удалось разгромить русскую армию и добиться той сокрушительной победы, на какую он рассчитывал. Россияне, не дрогнув, выдержали мощный натиск. «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно»[18],– подводил итог Кутузов. Но и русская армия не добилась перевеса. По словам Ф. Глинки, «великий вопрос «Кто победил?» остался неразрешенным». Как выразился Наполеон, «французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские заслужили право быть непобедимыми».

Существенную помощь армии в Бородинском сражении оказало ополче-

[14] *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1985. С.76–77, 159–160.

[15] *Глинка С.Н.* Записки о 1812 годе. С.57.

[16] *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С.142; ср.: [Дискуссия:] Чья победа? Сомнения в очевидном. // Родина. 1992. № 6–7. С.72.

[17] Последняя цифра, обычно приводимая в нашей литературе, оспорена в статье А.Васильева «Лукавая цифирь авантюриста. Потери подлинные и придуманные» (Родина. 1992. № 6–7. С.68–71). Автор полагает, что потери «Великой армии» Наполеона при Бородине могли достигать 34 тыс. человек, в том числе около 30 тыс. 26 августа (7 сентября) 1812 г.

[18] М.И.Кутузов. Сб. документов. Т.4. Ч.1. М., 1954. С.168.

Д. В. Давыдов. Гравюра по рисунку А. Орловского. 1814 г.

Фельдмаршал М. И. Кутузов – главнокомандующий русской армией. Художник Р. Волков. 1813 г.

ние – главным образом московское, как самое многочисленное. Ополченцы не только возводили укрепления, но и участвовали в боях. 23–26 августа к армии успели присоединиться восемь из одиннадцати полков московского ополчения (еще не вполне укомплектованные) общей численностью 20 748 человек[19]. Четыре полка были вооружены ружьями, остальные только пиками. Прибывших сразу распределили между 1-й и 2-й армиями. 7 тыс. ополченцев М. И. Кутузов отрядил на левый фланг в помощь генералу Н. А. Тучкову, где сложилась трудная обстановка. Несколько тысяч ратников использовали для выноса с поля боя раненых, для поддержания порядка в Можайске и его окрестностях, сопровождения и охраны транспортов, конвоирования пленных и проч. Фельдмаршал высоко оценил оперативность в формировании московского ополчения, быстроту его прибытия к месту назначения, неустрашимость и стойкость ратников в бою. Участие московского ополчения в Отечественной войне не ограничилось Бородинским сражением. Сразу же после него приказом главнокомандующего ратники ополчения (свыше 24 тыс. человек) влились в армию – не как рекруты, а временно, до изгнания неприятеля.

Важнейшим делом было сохранение армии. Поэтому Кутузов, хотя и не считал сражение проигранным, приказал отвести войска с бородинских позиций ближе к Москве.

26 августа москвичи провели в беспокойстве: на окраинах города можно было слышать пушечную канонаду. В появившейся на следующий день «афишке» о сражении сообщалось сдержанно. Ссылаясь на Кутузова, Ростопчин еще пытался поддерживать надежду на то, что Москву не сдадут. В таком же духе написано его воззвание от 30 августа. Но подобным обещаниям уже не верили. В тот же день московский главнокомандующий обратился к населению, призвав его вооружаться кто чем может, и собраться на Трех горах, чтобы защищать Москву и Россию. На следующий день к Трем горам устремилось множество людей с оружием; «другие шли с пиками, вилами, топорами... Народ в числе нескольких десятков тысяч, на пространстве четырех или пяти верст квадратных, с восхождения солнца до захождения не расходился в ожидании господина Ростопчина... но полководец не явился, и все с горестным унынием разошлись по домам»[20]. Волнение в городе усиливалось. Еще накануне толпа стала «разбивать кабаки, питейная контора на улице Поварской разграблена, на улицах крик, драка...». В записках Ростопчина упоминается, что в городе к тому времени появилось «огромное число мародеров, дезертиров и мнимораненых», привлекаемых выпивкой. Поэтому он распорядился закрыть все кабаки. Ускоренным темпом шла эвакуация. А в город продолжали прибывать раненые, их число превысило 36 тыс. человек.

[19] *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С.123.

[20] *Бестужев-Рюмин А.Д.* Указ. соч. С.95–96.

Сражение при Бородине 26 августа 1812 г. Художник П. Тесс. 1843 г.

Русская армия находилась уже на подступах к Москве, у Поклонной горы. Возле Дорогомиловской заставы в темноте можно было видеть отблеск ее бивуачных огней, что усиливало тревогу жителей.

1 сентября в деревне Фили состоялся военный совет. Было принято решение для сохранения армии оставить Москву без боя. Московского главнокомандующего не пригласили на совет, хотя утром он побывал в ставке Кутузова. Фельдмаршал не посвящал Ростопчина в свои планы, уклоняясь от прямого ответа на его настойчивые вопросы. Официальное извещение о принятом на совете решении тот получил лишь вечером 1 сентября.

Спешно из арсенала желающим стали раздавать ружья. Вывозили раненых; те, кто был в состоянии передвигаться, шли пешком: не хватало подвод, хотя их было запасено несколько тысяч. «Народное буйство в Москве, бывшее в этот вечер, описать нельзя», – отмечено в записках очевидца.

В ночь на 2 сентября были отданы последние распоряжения, в том числе секретные. Шестеро переодетых полицейских оставались в Москве, чтобы доставлять Ростопчину в Главную квартиру армии донесения об обстановке в городе (но их миссия заключалась не только в этом, и число их, возможно, было больше). На рассвете из города вывели полицию и пожарную команду, вывезли «огнегасительные снаряды» – все пожарные трубы. Из временной тюрьмы выпустили на свободу 20 арестантов (810 колодников из острога отправили по этапу за два дня до того).

Верещагина же генерал-губернатор приказал привести к себе на Лубянку. Введя арестованного на крыльцо, Ростопчин объявил заполнившим улицу «людям простого звания», что перед ними изменник отечества и приказал драгунам рубить его саблями. Те неуверенно нанесли удары своими тупыми палашами. После этого раненого Верещагина бросили толпе, которая его растерзала. А Ростопчин тем временем сел на лошадь и покинул город. Предполагают, что таким образом он спасал себя от ярости «черни».

В ночь на 2 сентября русские войска покидали Москву. Накануне вечером по улицам промчались посланные М. И. Кутузовым верховые, предупреждая население криком: «Спасайтесь! Спасайтесь!» Командовавший арьергардом русской армии М. А. Милорадович через подчиненного офицера передал письмо Кутузова к маршалу Бертье, в котором оставшиеся в Москве больные и раненые поручались покровительству французского командования. При этом он выдвинул условие, чтобы французские войска не входили в город, пока из него не вывезут обозы и не выйдет арьергард, в противном случае пригрозил сжечь Москву. Наполеон согласился с этими требованиями. Населению разрешалось беспрепятственно покинуть город до утра

Генерал А. А. Тучков – участник Бородинского сражения. Неизвестный художник. 1-я четверть XIX в.

Военный совет в Филях в 1812 г. Художник А. Кившенко. 1882 г.

3 сентября, после чего были выставлены кордоны. Вслед за армией в каретах, кибитках, повозках, пешком двигались жители, оставляя родной кров и все нажитое. Конечно, не все смогли уехать – тем более что власти не переставали уверять в безопасности. В последние дни достать лошадей было фактически невозможно, цена за подводы неимоверно возросла. Кому-то помешали домашние обстоятельства, старость, болезнь (только в Инвалидном доме с богадельней находилось почти 2 тыс. человек). Многие не успели собраться. Оставались и по долгу службы или призвания – священнослужители, монахи, обслуживающий персонал больниц, богаделен, огромного Воспитательного дома с малолетними и грудными детьми, чиновники, не получившие распоряжений начальства.

Ростопчин впоследствии уверял, что «половина *русских* людей, оставшихся в Москве, состояла из одних токмо бродяг»[21]. Это неверно (хотя и таких было немало, что заметно обострило обстановку с преступностью в городе). Среди оставшихся оказались люди разных слоев – дворяне, чиновники, купцы, мещане, разночинцы. В большинстве неимущие или малоимущие, кому некуда было податься. Пришлось остаться дворовым, которым помещики поручили сторожить дом и имущество. Остались и многие москвичи-иностранцы, не ждавшие большой беды от французов. Но это была небольшая часть населения – по сведениям Ростопчина от 10 до 15 тыс. человек (из 270 тыс. с лишним). В других источниках названы более значительные цифры. Так, Ф. де Сегюр говорит о 20 тыс., помощник мэра в учрежденном французами муниципалитете А. Д. Бестужев-Рюмин – о 50 тыс. жителей. В научной литературе последних лет нередко фигурирует цифра, несколько превышающая 6 тыс. человек, но она, судя по всему, сильно занижена.

Помимо постоянного населения в Москве оставались многие раненые, большими партиями прибывавшие сюда из-под Витебска, Смоленска, Бородина. Не успели вывезти до 22,5 тыс. раненых[22]. Французские источники упоминают, кроме того, о русских солдатах и офицерах, отставших от армии и застрявших в Москве. Согласно Сегюру, их насчитывалось примерно 10 тыс. человек (позднее многие из них сумели скрыться и воевали против французов).

3. НЕПРИЯТЕЛЬ В МОСКВЕ. ПОЖАР СТОЛИЦЫ

2 сентября в Москву вступили французские войска. Шли они тремя колоннами: через Москву-реку у Воробьевых гор, через Дорогомиловский мост, через Фили и Тверскую заставу. Сам император остановился на Поклонной горе, ожидая появления депутации жителей с ключами от города. Но, как вспоминал один из французских офицеров, Москва «оставалась мрачной, безмолвной и как бы безжизненной»[23]. По словам московского жителя, «наступила тишина, соединенная с ужасом»[24]. Когда Наполеону донесли, что город оставлен жителями, тот не поверил. Так и не дождавшись от москвичей изъявления покорности, он переждал ночь в доме возле Дорогомиловской заставы. «Москва пуста! Какое невероятное событие!» – так реагировал на случившееся покоритель Европы, по свидетельству своего адъютанта

[21] *Ростопчин Ф.В.* Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С.20.

[22] *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С.190–191.

[23] *Сегюр Ф. де.* Поход в Москву в 1812 г. Мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра. М., 1911. С.57.

[24] Русский архив. 1882. Кн.3. С.196.

Ф. де Сегюра. В других странах императора Франции встречали по-другому.

Вступая в Москву, солдаты и офицеры наполеоновской армии ликовали: трудности похода позади, впереди – обещанный отдых в прекрасном городе, богатая добыча, скорое окончание войны, возвращение со славой домой. Торжествовать довелось недолго. Надежды оказались призрачными. Правда, магазины, лавки Торговых рядов и Гостиного двора были полны товаров. Царские палаты, дворцы знати, дворянские и купеческие особняки поражали роскошью; многочисленные храмы манили взоры непрошенных гостей богатством ризниц, золотыми и серебряными окладами икон. Мародерам было чем поживиться, и они не замедлили этим воспользоваться: заходили в оставленные хозяевами дома, брали все, что вздумается – ящики с лучшими винами, драгоценные меха и оружие, богатые ткани и одежды, золотые и серебряные вещи, жемчуг, ювелирные изделия, запасы муки, сахара, кофе, чая...

Но с первых же шагов иноземные захватчики встретились с народным сопротивлением. Уже на подходе к Москве произошло несколько нападений на офицеров. Пустота и безмолвие города предвещали недоброе. В Кремль французам удалось проникнуть, только выбив ворота пушечными ядрами. Там собралось человек двести, не соглашавшихся открыть их и встретивших конницу Мюрата ружейными выстрелами. Позднее все входы в Кремль были наглухо закрыты, кроме одного, где выставили часовых.

Участники завоевательного похода в Россию рассказывают, что в них стреляли на улицах. То тут, то там завязывались стычки со смертельным исходом. При этом нередко несколько русских вступали в бой с явно превосходящими силами французов, идя на верную смерть. В дневнике Ц. Ложье, в записках Ф. де Сегюра, Бургоня[25] и других офицеров излагались случаи, когда русские поджигали дома на виду у всех, проявляя при этом удивительное бесстрашие и упорство: человек, которому отсекали руку с горящим факелом, пытался перехватить его уцелевшей рукой и довершить начатое. По описанию французов, это были люди в овчинных полушубках, подвязанных кушаками. Широко применялись для поджога фейерверочные ракеты, в домах оказывались взрывчатые вещества. Завоевателей окружало враждебно настроенное население. Крестьяне окрестных деревень не везли продовольствие в занятую неприятелем Москву. Те, кто пытался это сделать, подвергались грабежу со стороны французских солдат или мести односельчан. Попытки достать провиант и фураж на месте грозили опасностью: крестьяне сопротивлялись, устраивали засады, убивали вражеских солдат, сообщали окрестным партизанам об их появлении, сжигали свои деревни, уходя в леса. Посланные возвращались с потерями, а то и не возвращались вовсе. Разгоралась народная война.

Поначалу Наполеон особым приказом запретил грабить город (мародеров, это, впрочем не останавливало). Но, встретившись с враждебным отношени-

[25] *Бургонь*. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898.

Пожар Москвы. Иностранная гравюра

ем населения, снял запрет. С 5 сентября начался уже «всеобщий грабеж»[26]. Грабили на улицах прохожих. Отнимали все, вплоть до сапог и одежды, самих же жителей заставляли тащить на себе награбленное. По свидетельству очевидца, «нельзя было выйти за ворота без того, чтобы не быть ограбленному»[27]. Грабители ходили и по домам. «Все войска, стоявшие лагерем около города, по очереди приходили обыскивать нас… – вспоминал живший в Москве французский эмигрант шевалье д'Изарн.– Этот порядок продолжался восемь дней, почти без перерыва; нельзя себе объяснить жадность этих негодяев иначе, как зная их собственное бедственное положение. Без панталон, без башмаков, в лохмотьях – вот каковы были солдаты армии, не принадлежавшие к императорской гвардии»[28]. «Непрестанно всех нас грабили и раздевали каждого по десяти и более раз… и день и ночь отдыху не было, одни только уходят, другие являются»,– жаловался хозяину приказчик М. Соков.

Солдаты вламывались в церкви, монастыри, срывали с икон серебряные оклады, избивали монахов и священнослужителей, угрожали, вымогая у них деньги и ценные вещи. Попирая религиозные чувства верующих, устраивали в храмах казармы, конюшни, кухни, скотобойни, склады. Накрывали иконами котлы и бочки с капустой, рубили их на дрова. В алтарях спали, ризы употребляли вместо попон для лошадей[29]. Отдельные случаи проявления гуманности не меняли общей картины.

В первую же ночь после вступления французской армии в Москву начался пожар. Огонь вспыхнул в нескольких местах: на Солянке, у Воспитательного дома; в Китай-городе, где находился Гостиный двор; возле Яузы. Днем с ним в основном удалось справиться. Но в ночь на 4 сентября пожар возобновился с еще большей силой. Очаги его возникли в разных частях города. Горели лавки и склады в центре Москвы. Пламя охватило Арбат, Моховую, Тверскую, Пречистенку, Замоскворечье, Немецкую слободу. Деревянные дома, а они преобладали в Москве, вспыхивали как спички. Разбушевавшаяся стихия придала пожару губительную мощь. Ураганный ветер, то и дело меняя направление, разносил пламя по всему городу: «горели храмы Божии, превращались в пепел великолепнейшие дворцы и здания; отцы и матери кидались в пламя, чтоб спасти погибающих детей… Жалостные вопли их заглушались только шумом ужаснейшего ветра и обрушением стен; все было жертвой сей неумолимой стихии»[30]. Оставшиеся без крова москвичи метались по городу в поисках пристанища, перетаскивая с места на место узлы с остатками имущества. Ветер гнал по улицам пылающие головни. Пламя преграждало путь, нередко обступало со всех сторон. Искры огня и горячая зола слепили глаза. В раскаленном воздухе нечем было дышать. Люди пытались укрыться в уцелевших домах, развалинах, церквах, огородах, на кладбищах. Ночевать порой приходилось прямо в поле.

Огонь достиг Кремля, охватил все входы, проник внутрь. Дважды загоралось здание, в котором находился Наполеон. Приближенные уговорили его покинуть опасное место. Но выйти из Кремля оказалось непросто из-за бушевавшего вокруг пламени. Наконец нашли подземный ход, выводивший к реке. К Петровскому дворцу продвигались по огненному коридору между горевшими домами, среди рушившихся с обеих сторон стен, балок, раскаленных железных крыш. «Огненные языки, с треском пожиравшие строения, то взвивались к небу, то почти касались наших голов»[31],– вспоминал Сегюр.

5 сентября «огненное пламя наполнило всю атмосферу Москвы; волны пламени, гонимые ветром и походившие на волны морские во время сильной бури, охватили в своем вихре Сретенку, Мещанскую, Трубу, Мясницкую, Красные ворота, Лесной базар, Старую и Новую Басманную и всю Немецкую слободу. Это был огненный потоп»[32]. Днем огромные столбы дыма закрывали солнце. Ночью пламя пробивалось сквозь них, «далеко освещая все зловещим светом»[33]. Возле Кузнецкого моста огонь удалось остановить. Уцелели также Лубянка, Чистые пруды, часть Покровки и Мясницкой. Дотла сгорел Вдовий дом в Лефортове, а в нем 700 русских раненых. 7 сентября пошел проливной дождь, и огонь поутих, а затем и прекратился.

За те несколько дней, пока свирепствовал пожар, сгорело более 6,5 тыс. домов и церквей – $^2/_3$ их общего количества. На месте прекрасного города повсюду дымились развалины, посреди которых возвышались отдельные уцелевшие здания. По словам очевидца, «едва можно было различить прежние улицы; везде на улицах, на дворах валялись трупы, большей частью бородатые (т.е. из простого народа.–*Авт.*), мертвые лошади, коровы, собаки…»[34].

Что явилось причиной столь страшного пожара? Ответы давались разные[35]. Русские обвиняли Наполеона, Наполеон – русских, многие (особенно поздние поколения) увидели в случившемся самопожертвование москвичей, другие – карающую руку Провидения. Вопрос так и остался открытым. Вероятнее всего, действовали разные факторы – от сознательных намерений до стихии войны.

Главная вина лежит на Наполеоне, затеявшем войну и вторгшемся с войсками в Россию. Но также несомненно, что сожжение Москвы противоречило

[26] Письмо приказчика М.Сокова к И.Р.Баташову // Русский архив. 1871. № 6. Стб.0025–0026.

[27] *Тутолмин И.А.* Подробное донесение е.и.в., государыне императрице Марии Федоровне о состоянии Московского воспитательного дома в бытность неприятеля в Москве 1812 г. // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. М., 1860. Кн.2. Отд.V. С.168.

[28] *Шевалье д'Изарн.* Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 г. // Русский архив. 1869. М., 1870. Стб.1424.

[29] Московские монастыри во время нашествия французов // Там же. Стб.1387–1399; *Шаликов П.* Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 г. М., 1813. С.19–20.

[30] *Тутолмин И.А.* Указ. соч. С.186.

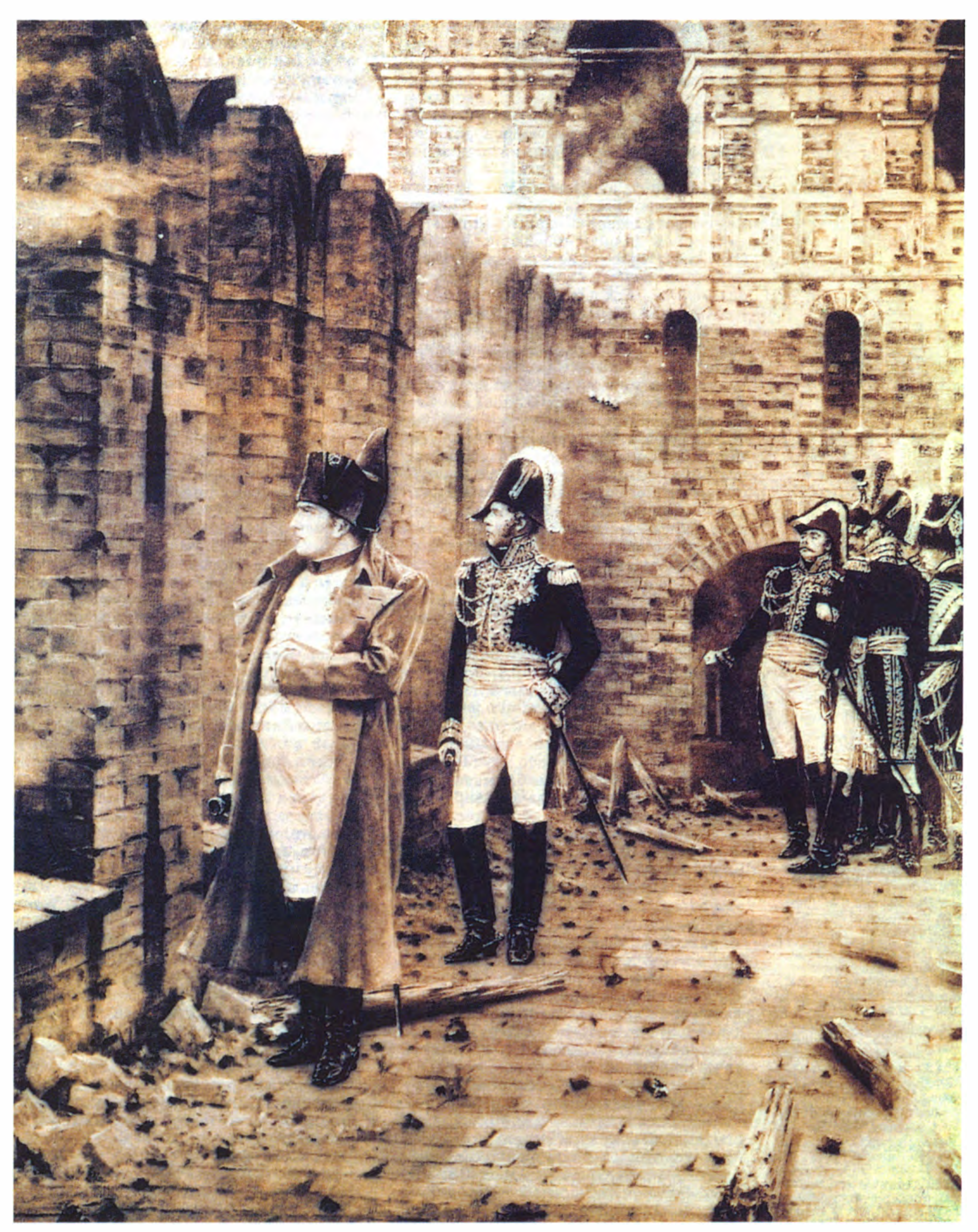
[31] *Сегюр Ф. де.* Указ. соч. С.66.

[32] 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга // Русский архив. 1882. Кн.3. С.198.

[33] *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 1912. С.174.

[34] *Шевалье д'Изарн.* Указ. соч. Стб.1427.

[35] *Холодковский В.М.* Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С.31–43; *Сахаров А.Н.* Пожар в Москве в 1812 г. // *Сахаров А.Н., Троицкий С.М.* Живые голоса истории. М., 1978. С.119–126; *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С.189–191.

Наполеон из Кремля смотрит на пожар Москвы. Художник В. Верещагин. 1887–1892 гг.

расчетам захватчиков, которые надеялись удобно там расположиться и диктовать свои условия России. Другое дело, что отдельные очаги пожара могли возникнуть из-за устроенных повсюду бивачных костров, неосторожности и пьянства солдат, жадности мародеров, использовавших огонь в доме как предлог для грабежа.

Сожжение Москвы не могло входить и в планы российских властей. Но среди русских имелись люди, готовые на такую жертву ради победы над врагом. Эта мысль возникала у разных людей. Вспомним угрозу М. А. Милорадовича французам. С. Глинка также заявлял публично, что «если над Москвою ударит роковой час, то подобно афинянам, обрекшим пламени Афины при нашествии Ксеркса, и мы, сыны России, не усумнимся подвергнуть Москву такому же жребию»[36]. Ростопчин в письмах Багратиону и министру полиции А. Д. Балашову уверял, что русские скорее предпочтут уничтожить свое достояние, чем уступить его врагу. О том же он говорил и другим. Денис Давыдов потом признавался, что «полагал полезным истребление Москвы»[37], поскольку видел в этом поэзию подвига, возвысившего нравственную силу россиян. Известны случаи, когда жители Москвы сжигали свои дома. Но большинство, напротив, страшилось такой участи. Слухи о предстоящем сожжении Москвы распространились в городе еще до Бородинского сражения. Современник записал в дневнике 19 августа: «Из Москвы множество выезжают и все в страхе, что все домы будут жечь». 10 сентября, уже в Туле, он узнал от беженцев из Москвы: «...зажигают же более свои»[38]. Хотя Ростопчин, не желая брать на себя ответственность, отрицал свою роль в пожаре Москвы, факты говорят об обратном. «*Когда ты получишь это письмо*,– писал он жене утром 2 сентября 1812 г.,– *Москва будет превращена в пепел, да простят меня за то, что вознамерился поступать, как Римлянин*»[39]. По его приказу из города были вывезены все пожарные трубы. По воспоминанию дочери Ростопчина, оставленные ее отцом в городе переодетые полицейские «*получили точные инструкции о том, какие здания и кварталы следовало обратить в пепел сразу же после прохождения наших войск через город*»[40]. Сохранился даже рапорт одного из них.

Не исключено, что какое-то отношение к случившемуся имел и М. И. Кутузов (мнения историков на этот счет расходятся). Некоторые склады и магазины подожгли по его приказу, хотя само по себе это ничего не доказывает. С. Глинка утверждал, что видел собственноручную записку Кутузова с распоряжением вывезти из Москвы «огнегасительный снаряд»; он же считал вероятной причастность к поджогам партизана А. С. Фигнера (с ведома Кутузова). Так ли это было, сказать трудно: сведения противоречивы. Но несомненно, что пожар помог русской армии оторваться от преследовавшего ее неприятеля[41]. Разбушевавшийся в столице пожар содействовал поражению Наполеона. Как образно выразился Ф. Глинка, «Москва сгорела, но пожар ее спалил крылья орлов Наполеона и растопил его железные полки!»[42].

Созданная французами для расследования причин пожара комиссия под председательством главного военного судьи армии пришла к выводу, что сожжение Москвы было делом преднамеренным и осуществлялось по указанию Ростопчина. По подозрению в поджигательстве схватили и расстреляли, закололи штыками сотни человек. Это были люди из разных слоев общества: по свидетельству Ц. Ложье, большинство их составляли «агенты полиции, переодетые казаки, арестанты, чиновники и семинаристы». Французские власти напечатали для всеобщего обозрения протокол французской военной комиссии, судившей 26 обвиняемых в поджогах, 10 из них были приговорены к расстрелу. Среди арестованных – полицейские, солдаты, поручик, несколько художников, ремесленников, лакеев, приказчик («сиделец») – все русские[43]. Для устрашения населения тела расстрелянных привязали к столбам на перекрестках и к деревьям на бульварах.

Спаливший древнюю столицу пожар принес москвичам неисчислимые бедствия и лишения. Множество людей погибло в огне или осталось без крова и средств к существованию. Жителей постигли голод и нужда. Негде было укрыться, достать продовольствие, одежда превратилась в лохмотья. Те, у кого сохранились остатки муки и других продуктов, старались надежнее припрятать их от хищных взоров завоевателей. Питались подмоченным зерном, если удавалось вытащить из реки мешки с ним, затопленные при отступлении армии. Выкапывали картофель на огородах; «присев на корточки, ковыряли землю, надеясь добыть себе каких-нибудь овощей... отбирали у ворон остатки падали – трупы мертвых животных, брошенных армией»[44].

Городу был нанесен колоссальный ущерб. Казенное и личное имущество – дома, склады, магазины, фабрики – все погибло в огне. Пожар уничтожил многие культурные ценности – великолепные дворцы, творения М. Ф. Казакова, Дж. Кваренги, других великих архитекторов, богатейшие книжные и рукописные собрания, научные коллекции, произведения живописи и скульптуры.

Но рухнули и надежды завоевателей на близкий триумф, выгодные ус-

[36] *Глинка С.Н.* Записки о 1812 годе. С.81.

[37] *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1982. С.169.

[38] *Волконский Д.М.* Дневник // Знамя. 1987. № 8. С.140,143.

[39] Цит. по: *Тартаковский А.Г.* Обманутый Герострат. Ростопчин и пожар Москвы // Родина. 1992. № 6–7. С.91.

[40] Там же.

[41] *Глинка С.Н.* Записки о 1812 годе. С.101; *Полосин И.И.* М.И.Кутузов и пожар Москвы 1812 г. // Исторические записки. 1950. Т.34. С.122–165.

[42] *Глинка Ф.Н.* Указ. соч. С.260.

[43] Исторические известия о пожаре московском 1812 г. М., 1828. С.15–19.

[44] *Сегюр Ф. де.* Указ. соч. С.69.

ловия мира, даже на спокойную передышку в благоустроенном городе. Неизмеримо возросли трудности с размещением и снабжением огромной армии. Огонь и грабеж опустошили склады. Подвоз в столицу съестных припасов почти прекратился; не помогали и высокие цены, назначенные французскими властями, чтобы привлечь крестьян. За продовольствием и фуражом приходилось снаряжать сильные военные отряды, в которых иногда участвовали тысячи солдат пехоты и конницы; брали с собой даже артиллерийские орудия. Почти каждый раз такие экспедиции сопровождались стычками с казаками и партизанами. Неприятельская армия оказалась в критическом положении, особенно трудно приходилось кавалерии. Пожар Москвы усилил ненависть населения к захватчикам. Сила сопротивления россиян возросла.

Сильно поредевшая армия Наполеона во время пребывания в Москве пополнилась свежими резервами, но оказалась неподготовленной к ожидавшим ее испытаниям. Колоритную зарисовку расположившегося под Москвой военного лагеря оставил Сегюр. По его словам, это было «страшное зрелище. Посреди полей, в топкой холодной грязи горели огромные костры из мебели красного дерева и позолоченных оконных рам и дверей. Вокруг этих костров, подложив под ноги сырую солому, кое-как прикрытую досками, солдаты и офицеры, покрытые грязью и копотью, сидели в креслах или лежали на шелковых диванах. Около них валялись кучи кашемировых шалей, дорогих сибирских мехов, персидской парчи; тут же была серебряная посуда, с которой нашим приходилось есть лишь обуглившееся тесто и недожаренную кровавую конину...»[45]. Армия на глазах разлагалась. Добыть вино было легче, чем еду, распространилось пьянство. То тут, то там вспыхивали стычки из-за добычи. Усилилось неповиновение. Солдаты стали поднимать оружие на своих начальников и даже, случалось, убивали их. Тогда им запретили выходить из казарм. По словам Сегюра, «был установлен очередной порядок мародерства, которое, подобно другим служебным обязанностям, было распределено между различными корпусами»[46]. Площади города превратились в рынки, где солдаты менялись награбленным. Предметы утонченной роскоши продавались за бесценок. При видимом изобилии не хватало жизненно необходимого. Кусок хлеба становился предметом несбыточных мечтаний.

Оказавшись в трудном положении, Наполеон изменил тактику, решив привлечь жителей на свою сторону. 19 сентября в публичных местах было расклеено объявление о мерах французских властей по наведению порядка в городе, обеспечению безопасности и защиты населения. Наряду с французской (губернатор – маршал Э. -А. Мортье, комендант – Мильо, интендант – Ф. Лессепс), создавалась «отеческая администрация» (Municipalité paternelle) – муниципалитет или градское правление[47]. Возобновлялось богослужение в некоторых храмах. Обращение к жителям подписал французский интендант Лессепс[48]. Сформировать новые органы городского управления оказалось непросто: большинство отвечало на предложение отказом. Все же французским властям удалось создать муниципалитет из 23 человек. Учреждалась полиция из двух генеральных комиссаров (полицмейстеров) и 20 комиссаров или частных приставов. Новых должностных лиц можно было узнать по отличительным знакам: членов муниципалитета выделяла красная перевязь через плечо во время исполнения должности и такая же лента вокруг левой руки в остальное время; городской голова имел, кроме того, белый пояс. У полицейских была повязана белая лента на левой руке.

Новые органы наполовину состояли из живших в Москве иностранцев. Кроме них туда вошли два чиновника, канцелярист, архитекторский помощник, несколько купцов, один вольноотпущенный и двое дворовых. Городским головой был назначен купец 1-й гильдии П. И. Находкин, твердо заявивший, что ничего не будет делать против интересов отечества. Он и многие его сотоварищи стремились прежде всего помочь москвичам. Разные отделения (бюро) муниципалитета должны были заниматься наблюдением за порядком в городе, снабжением, освещением, содержанием дорог, мостов, улиц, очисткой их от трупов, пособием нуждающимся жителям, размещением армии, госпиталями. Учреждая городское управление, французы рассчитывали при его помощи обеспечить армию всем необходимым. Некоторым из назначенных чиновников пришлось заниматься закупкой провианта в окрестных деревнях (в сопровождении и под надзором вооруженных солдат). По свидетельству очевидца, муниципалитет не обладал реальной властью. Хотя грабителям грозила смертная казнь, грабежи в городе не прекратились. Впрочем, деятельность нового городского управления продолжалась недолго – меньше месяца.

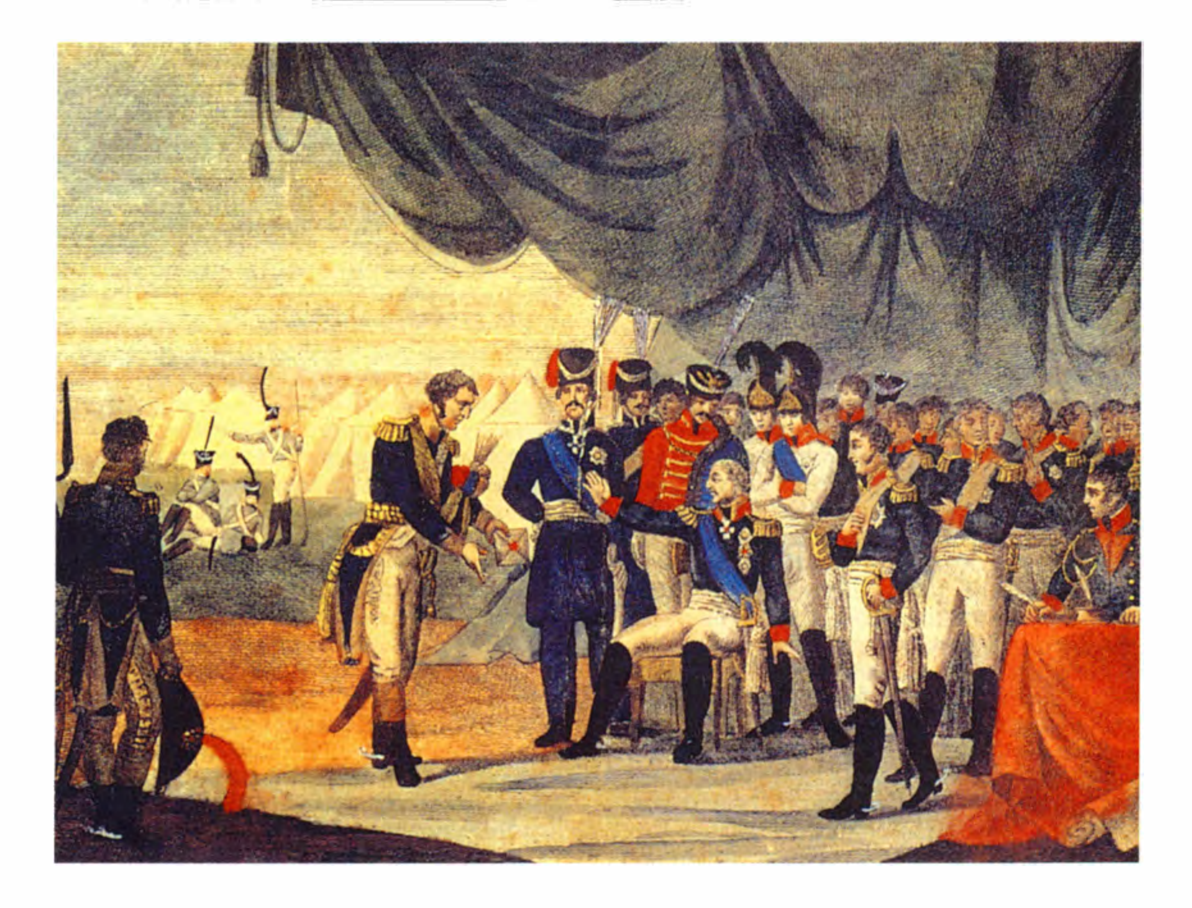
Наполеон не хотел признаться в крушении своих честолюбивых замыслов. Его не покидала надежда, что удастся заключить мир с Россией на выгодных условиях. Как только пожар утих, он сразу предпринял шаги в этом направлении. Сначала попробовал воздействовать на начальника Воспитательного дома, а через него на царя – но не удалось. Затем призвал к себе застрявшего

[45] *Сегюр Ф. де.* Указ. соч. С.68.

[46] Там же. С.71.

[47] *Бестужев-Рюмин А.Д.* Указ. соч. С.114; *Киселев Н.* Дело о должностных лицах московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // Русский архив. 1868. Кн.6. Стб.882–903; *Шевалье д'Изарн.* Указ. соч. Стб.1425–1426.

[48] Текст этого документа см.: *Шаликов П.* Указ. соч. С.24–28.

Кутузов отвергает предлагаемый Лористоном мир. Раскрашенная гравюра неизвестного художника. 1813 г.

в Москве помещика И. А. Яковлева (отца А. И. Герцена) и отправил с ним письмо Александру I. Ответа не последовало. Не помогло и любезное письмо к вдовствующей императрице с известиями о Воспитательном доме. Чтобы вынудить российские власти быть сговорчивее, выдвигались разные планы. Обсуждалось, но было отвергнуто намерение объявить об освобождении крепостных крестьян. Рассматривалась возможность похода на Петербург. Распускались слухи о мнимых победах французской армии над русской. Пытались создать впечатление о предстоящей зимовке в Москве: возводились укрепления, устанавливали пушки на башнях кремлевской стены, вели вокруг нее саперные работы, превратили цитадель в тюремный замок. И снова предпринимались попытки добиться мира. Уже во второй раз с такой миссией был отправлен граф Ж.-А. Лористон, бывший посол Франции в России.

Между тем обстановка изменилась в пользу российской армии, которая сохранила боеспособность и накапливала силы. Под благовидным предлогом Кутузов не пропустил Лористона в Петербург. Письмо Наполеона царю отправили с русским генералом, предложив французскому парламентеру ждать ответа, а до тех пор заключили перемирие. Впрочем, мелкие стычки продолжались, и это изматывало неприятельскую конницу. Дальнейшее ожидание становилось бесперспективным. Приближалась зима. В начале октября выпал первый снег. Наполеон заколебался. Несколько раз (еще в сентябре) давались, а затем отменялись приказы о выступлении из Москвы. Весть о внезапном нападении русских на конницу Мюрата и жестоком поражении французского авангарда положили конец колебаниям. Начались спешные сборы.

4. ОСВОБОЖДЕНИЕ. ЭПИЛОГ

На рассвете 7 октября Наполеон со старой гвардией выступил из города. За ним последовали основные силы армии. Маршал Э. А. Мортье с корпусом в 10 тыс. солдат ненадолго задержался. Прежде чем окончательно уйти, французы подожгли вечером 10 октября царский дворец, несколько зданий военного назначения и заложили в разных местах мины. Ночью город потрясли мощные взрывы в Кремле, вызвавшие ужас и смятение жителей. Едва рассвело, москвичи поспешили туда: к счастью, варварский замысел стереть Кремль с лица земли не удался. Без разрушений, впрочем, не обошлось: взлетели на воздух Алексеевская (Водовзводная) башня и верх Никольской, пострадали несколько башен поменьше, часть стены, Грановитая палата, еще несколько постро-

Изгнание из Москвы остатков наполеоновской армии отрядом легкой кавалерии под командованием генерала Иловайского 10 октября 1812 г. Раскрашенная гравюра И. Иванова. 1-я четверть XIX в.

ек. Рухнул Арсенал. Каким-то чудом уцелевший Кремль с Успенским, Архангельским, Благовещенским соборами, с колокольней Ивана Великого возвышался посреди окружавших руин. Неповрежденным остался и храм Василия Блаженного, который неприятели собирались взорвать, но, видимо, не успели.

Москва была свободна! Вскоре после ухода французов в городе появились казаки. В тот же день, 12 октября, в него вступили регулярные части российской армии. Через несколько дней вернулась полиция и другие местные власти. Число жителей к тому времени сократилось до 3 тыс. человек (по приблизительным данным Ростопчина). Некоторым удалось уйти из города уже при французах. Немало жителей покинуло Москву в последние дни перед их уходом, когда это можно было сделать почти беспрепятственно: оставшийся не столь многочисленный французский корпус сам остерегался населения. Многие погибли во время пожара, умерли от голода, нужды, болезней, были убиты в стычках с неприятелем или расстреляны как поджигатели, грабители. В ноябре 1812 г. М. А. Волкова со слов брата-очевидца сообщала, что «колодцы, овраги и рвы вокруг Кремля – все наполнено мертвыми телами»[49], город и окрестности «усеяны трупами». Как видно из донесения обер-полицмейстера П. А. Ивашкина Ф. В. Ростопчину, число сожженных в Москве трупов приближалось к 12 тысячам[50]. Вместе с армией Наполеона из Москвы уехали многие из живших там иностранцев, опасаясь мести и преследования. Члены учрежденного французами муниципалитета и другие лица, сотрудничавшие с неприятелем, были арестованы и преданы суду Сената, но еще до утверждения приговора прощены.

Вернувшись в столицу, москвичи увидели страшную картину опустошения. Десятки тысяч людей остались без имущества, под открытым небом. Для тех, кто лишился пристанища и средств к существованию, власти устроили дом призрения. Тем из них, кто не нуждался в жилище, назначалась материальная помощь (25 коп. в день на дворянина и 15 коп. на разночинца).

Уход из Москвы положил начало отступлению бывшей «Великой армии». Теперь это была уже не прежняя, высоко боеспособная и привыкшая к победам, а в значительной мере деморализованная и обессилевшая армия. По признанию Сегюра, «кавалерия и артиллерия едва волочили ноги», а замыкавший колонну огромный обоз с награбленным добром и провиантом напоминал «татарскую орду после удачного нашествия».

Благодаря умело осуществленному фланговому маршу российскому командованию удалось оттеснить неприятеля от южных районов страны на разоренную Смоленскую дорогу. Преследуемые российской армией и летучими партизанскими отрядами, французы отступа-

[49] Записки очевидца. С.313.

[50] Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч.1. М., 1897. С.119.

ли к границе, неся большие потери и испытывая возраставшие трудности с провиантом. Наступление сильных морозов нанесло им окончательный удар. К концу 1812 г. неприятельские войска были изгнаны за пределы России. Начался заграничный поход российской армии. Еще до окончания войны ратники московского и смоленского ополчений царским указом от 30 марта 1813 г. были распущены по домам. Сформированный позже других полк М. А. Мамонова принял участие в кампании 1813–1814 гг.

После победы «столичному городу Москве» была дана Высочайшая грамота в ознаменование заслуг по спасению отечества в 1812 г. В грамоте отмечалось, что Москва «показала пример мужества и величия», а ее пожар знаменовал собой «зарево свободы всех царств земных»[51].

На посетившего Москву в 1816 г. императора Александра I обрушились нескончаемые просьбы о помощи. Созданную для их рассмотрения комиссию возглавил бывший министр юстиции, поэт И. И. Дмитриев. Пособия (от 25 до 800 руб.) выдавались беднейшим. Комиссия просуществовала до весны 1819 г., рассмотрев более 20 тыс. прошений и выдав около полутора миллионов рублей в виде пособий[52]. Еще ранее погорельцам начали давать ссуды на строительство. Город стал отстраиваться заново.

Роль Москвы в событиях Отечественной войны невозможно переоценить. С самого ее начала древняя столица явилась признанным центром сопротивления нашествию наполеоновских войск. На нее был направлен главный удар врага. Ей же выпали на долю неимоверные тяготы войны. Здесь решалась судьба страны, определялся исход военного столкновения двух великих держав. Московское ополчение являлось ядром всероссийского. Значение Москвы хорошо понимал Наполеон: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце». Но высший, казалось бы, успех завоевателей стал для них началом конца. Непродолжительный (около 40 дней) период пребывания здесь неприятеля по существу явился переломным в ходе войны. Отсюда началось отступление французской армии, вскоре превратившееся в беспорядочное бегство. В Москве она утратила наступательный порыв и ослабела. Оправдался прогноз М. И. Кутузова: Москва поглотила неприятельские войска как губка. Используя их задержку, русская армия смогла уйти от преследования, выиграть время, накопить силы.

В ознаменование победы над врагом Александр I 25 декабря 1812 г. (в день Рождества) подписал манифест о сооружении в Москве храма во имя Христа Спасителя. Конкурс на лучший проект храма проводился после возвращения русских войск из заграничного похода. В нем участвовали многие архитекторы России и Запада. Победителем оказался молодой художник-живописец А. Л. Витберг. Его замысел был грандиозен, а идея созвучна распространенным тогда настроениям. «Мне казалось недостаточным, чтобы храм удовлетворял токмо требованиям церкви греко-российской, но вообще всем христианским»[53],– писал позднее архитектор. По словам А. И. Герцена, сблизившегося с ним в вятской ссылке, проект Витберга – «восторженного, эксцентрического и преданного мистицизму артиста»[54] – был проникнут духом религиозной поэзии. Соорудить памятник предполагалось на Воробьевых горах, откуда открывался прекрасный вид на город. Расположенные один над другим, три храма выражали принцип триединства тела, души и духа. Нижний, посвящаемый Рождеству Христову, намечалось построить в толще горы – так, чтобы он выходил на поверхность лишь одной стороной. К нему примыкала колоннада, внутри поместились бы катакомбы с останками героев 1812 г., имена всех погибших в Отечественной войне были бы высечены на стенах. По обеим сторонам колоннады предполагалось поставить памятники из отбитых у неприятеля пушек. Средний храм (в виде равноконечного креста) посвящался Преображению, верхний – Воскресению Христа. Структура всего сооружения должна была знаменовать главенство духа над телом. Венчал его купол с пятью главами; в четырех меньших намеревались разместить 48 колоколов. По своей величине храм должен был превосходить грандиозный собор св. Петра в Риме[55].

Пятилетие со дня освобождения Москвы отметили торжественной закладкой 12 октября 1817 г. храма Христа Спасителя. Вместе с царской фамилией и Двором в Москву прибыл сводный отряд гвардии. От Кремля до Воробьевых гор сплошной линией расположились войска. В крестном ходе участвовало 500 духовных особ и два хора певчих[56].

Для руководства возведением задуманного колоссального сооружения образовали комиссию из четырех человек. А. Л. Витбергу, продолжавшему работать над проектом, предстояло не только наблюдать за строительством, но и заниматься финансово-хозяйственными делами, включая заготовку леса, камня, других строительных материалов, а также покупкой имений с крепостными крестьянами, которые обеспечили бы рабочую силу. Справиться со всем этим неопытному в таких делах художнику было не под силу. Время шло, расходы росли, строительство почти не двигалось. Витберга обвинили в растрате, кон-

[51] Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). [Собр. I.] Т.33. С.1001–1002.

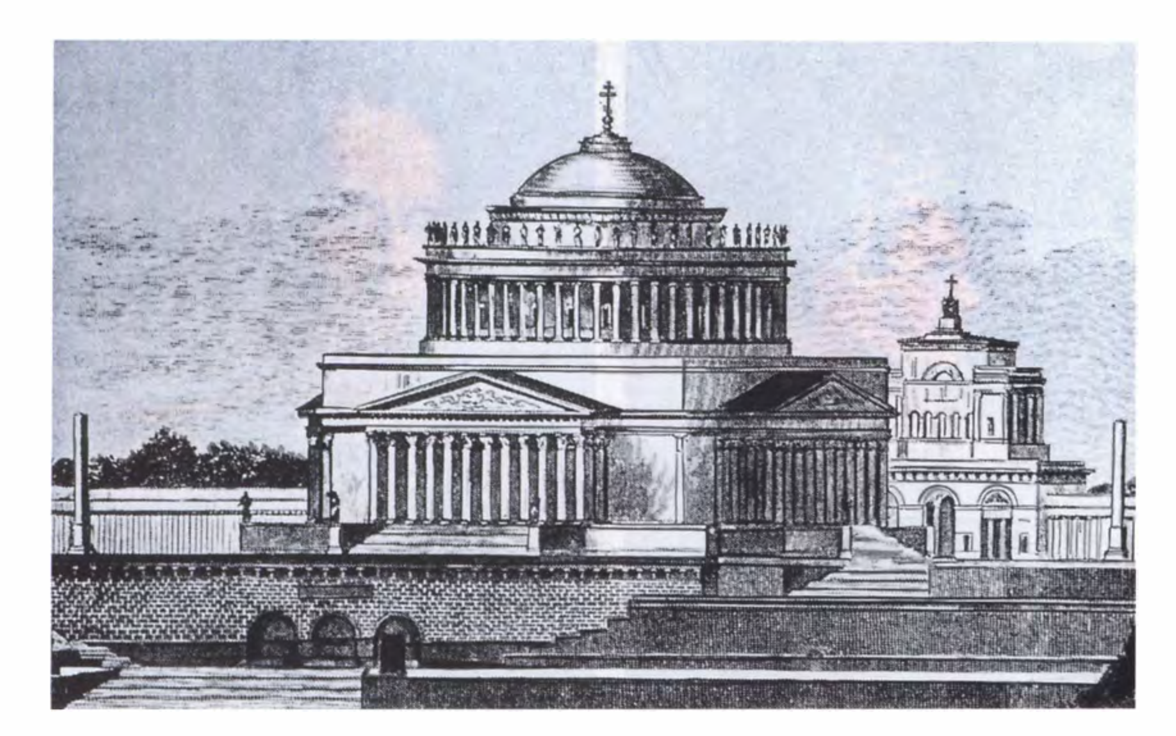
[52] *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1886. С.241–242.

[53] *Витберг А.Л.* Записки // Русская старина. 1872. № 1. С.26.

[54] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.8. М., 1956. С.278.

[55] *Иванов А.* Тайна Чертольского урочища // Наука и жизнь. 1989. № 1. С.66–74.; *Молева Н.* Храм // Наше наследие. 1988. № 3. С.39–50.

[56] Историческое описание построения в Москве храма во имя Христа Спасителя. М., 1869.

Проект храма Христа Спасителя. Архитектор А. Витберг. 1817 г.

Храм Христа Спасителя. Архитектор К. Тон. Литография неизвестного автора. 1867 г.

фисковали имущество, а самого выслали в Вятку.

Но замысел не был оставлен. Однако требования к будущему храму предъявлялись уже иные – в соответствии с новой эпохой и ее идеологией «православия, самодержавия, народности». Николай I поручил работу над проектом – непременно «в старинном русском вкусе» – молодому архитектору К. А. Тону, ученику А. Н. Воронихина. В 1832 г. проект был утвержден. В сентябре 1839 г. состоялась торжественная закладка храма на левом берегу Москвы-реки, недалеко от Кремля. Церемониальное шествие открывали участники Отечественной войны 1812 г. Присутствовали духовенство, император и наследник престола, члены Государственного совета, военные и гражданские чины, высо-

Генерал А. П. Ермолов – герой войны 1812 г. Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

М. Б. Барклай де Толли – военный министр, командующий 1-й Западной армией. Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

кие иностранные гости. Московский митрополит Филарет произнес подобающую случаю речь. В честь события были выбиты золотая, серебряная и бронзовая медали с изображением Всевидящего ока и надписью, повторявшей текст медали 1812 г.: «Не нам, не нам, но имени Твоему».

Закладке храма предшествовало другое событие, связанное с великой памятной датой. 26 августа на Бородинском поле был открыт воздвигнутый в честь знаменитого сражения монумент в виде восьмиугольной пирамиды. У его подножия покоился незадолго до того перезахороненный с почестями прах П. И. Багратиона, перенесенный из родового имения. На торжество были приглашены ветераны Отечественной войны; по свидетельству одного из них, присутствовало более 300 генералов и офицеров. Из Петербурга прибыл царь. В Бородино были стянуты войска – около 140 тыс. человек. Открытие памятника сопровождалось крестным ходом и артиллерийским салютом в 792 выстрела. Молебен служил митрополит Филарет. Через три дня, 29 августа, на Бородинском поле состоялись военные маневры, по замыслу воспроизводившие знаменитое сражение[57].

Отечественная война 1812 г. оставила глубокий след в произведениях литературы и искусства[58]. Среди их авторов и создателей – замечательные поэты от Г. Р. Державина и В. В. Капниста до наших современников. Особое место в этом ряду занимают непосредственные участники событий 1812–1814 гг. – В. А. Жуковский, Д. В. Давыдов, будущие декабристы Ф. Н. Глинка, К. Ф. Рылеев, В. Ф. Раевский, П. А. Катенин. Незабываемые строки посвятили Москве, Бородинскому сражению, России двенадцатого года А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, П. А. Вяземский, А. Н. Майков, К. Н. Батюшков, А. А. Дельвиг, Н. М. Языков, Ф. И. Тютчев. Над десятками и сотнями произведений художественной прозы высится величественная эпопея Льва Толстого «Война и мир». Судьбы нашей древней столицы находятся в центре повествования в романе М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», незавершенной повести Пушкина «Рославлев», романе Г. П. Данилевского «Сожженная Москва».

«Война 1812 года сильно потрясла умы в России»,– писал А. И. Герцен. Вторжение неприятельских полчищ в российские пределы и их изгнание, патриотический порыв народа, пожар Москвы, вступление российской армии в Париж, великодушие победителей, еще более возвысившее имя россиян,– все это вызвало бурный подъем национального самосознания и национальной гордости. 1812 год навсегда остался в исторической памяти нашего народа.

[57] Московские ведомости. 1839. 9-е и 16 сентября.

[58] «России верные сыны...». Отечественная война 1812 г. в русской литературе первой половины XIX в.: В 2-х т. Л., 1988; *Некрасова М.А., Земцов С.М.* Отечественная война 1812 г. и русское искусство. М., 1969.

III

ГОРОД И ВЛАСТИ

1. МОСКВА – СТОЛИЦА

Столичным городом Москва официально признавалась и в XIX в. Нередко называли ее «первопрестольной», подчеркивая историческое первенство древней столицы в сравнении с Петербургом. Короновались российские монархи по-прежнему в Московском Кремле. И после коронации время от времени они наезжали в Москву. Вместе с ними туда перемещался царский двор, а иногда и гвардия, поэтому там постоянно действовали Дворцовая контора и Придворное конюшенное управление. «Несмотря на жившее в государях чувство отчуждения к их древней столице, они, из политических видов, относились к ней самым внимательным образом,– замечал Ф. В. Ростопчин,– генерал-губернатором Москвы был всегда кто-нибудь из прежних главнокомандующих, а часто и фельдмаршал. Он имел право сноситься непосредственно с государем; дом, в котором он жил, был лучшим в городе; для домашнего употребления он имел великолепную посуду от Двора. В военное время каждый раз, когда надо было извещать о победе, отправлялся из Петербурга курьер с рескриптом генерал-губернатору, заключавшим в себе лестные для Москвы выражения. При каждом восшествии на престол посылался туда кто-либо из выдающихся офицеров, чтобы возвестить об этом событии»[1].

В Москве размещались некоторые правительственные учреждения общероссийского значения. В Кремле, в величественном здании, построенном по проекту М. Ф. Казакова, располагались три департамента Правительствующего Сената – высшего судебного учреждения Российской империи: шестой, седьмой и восьмой. Первый из них ведал уголовными делами – бунтами, «святотатствами», убийствами, взяточничеством («мздоимством»). Полномочия его простирались на 27 губерний центральной, северо-западной и южной России, а также на Землю Войска Донского и Грузию. Два остальных департамента были апелляционными, дела между ними распределялись по территориальному принципу. Еженедельно все три департамента собирались вместе для обсуждения возникавших вопросов. При Сенате имелись архив и собственная типография, находившаяся в Охотном ряду и печатавшая сенатские прибавления к «Московским ведомостям», высочайшие манифесты, указы Сената. В том же здании, что и Сенат, помещались Кремлевская экспедиция (ведавшая строительством в Кремле), Государственный московский архив старых дел, Вотчинный департамент. В Кремле располагался и Синодальный дом.

2. ГРАЖДАНСКАЯ И ВОЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Первым лицом в Москве был начальник губернии – генерал-губернатор, наделенный обширными полномочиями. При полусотне губерний в России[2] генерал-губернаторов в начале XIX в. имелось всего три, в середине столетия – десять. Каждый из них обычно возглавлял несколько губерний, только Петербургская и Московская оставались на особом положении и не объединялись с другими. Правители Москвы назывались в разное время то военными губернаторами, то главнокомандующими, то военными генерал-губернаторами. Московский генерал-губернатор чувствовал себя полновластным хозяином в городе и губернии и подчинялся только царю. За полвека их сменилось десять. Наиболее яркие фигуры – граф Ф. В. Ростопчин, граф А. П. Тормасов, князь Д. В. Голицын, граф А. А. Закревский[3].

Деятельность Ф. В. Ростопчина пришлась на период Отечественной войны и всецело связана с ней. Его сменил А. П. Тормасов, в годы войны командо-

[1] *Ростопчин Ф.В.* Записки о 1812 годе // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992. С.258. (То же: Русская старина. 1889. № 12).

[2] В 1803 г. их было 48, в 1850 г. – 52.

[3] Ростопчину предшествовали: князь Ю.В.Долгоруков (при Павле I), генерал-фельдмаршал граф И.П.Салтыков, генерал от инфантерии А.А.Беклешов, генерал Т.И.Тутолмин, фельдмаршал граф И.В.Гудович. После Д.В.Голицына этот пост в течение нескольких лет занимал князь А.Г.Щербатов (см.: *Горчаков Н.А.* О главнокомандующих военных генерал-губернаторах в Москве со времени открытия губернии Московской в 1782 г. // Московские губернские ведомости. 1847. № 1. Отд.2. Часть неофиц. С.5–11).

Император Николай I

Выезд Николая I около Чудова монастыря. Художник П. Герасимов. Середина XIX в.

вавший одной из армий. При нем Москва начала активно отстраиваться. Дольше всех – почти четверть века (с 1820 по 1843 г.) – занимал эту должность князь Дмитрий Владимирович Голицын, прославленный полководец, герой сражений в войнах с Наполеоном. Принадлежавший к одной из родовитейших фамилий, сын влиятельной при дворе статс-дамы княгини Н. П. Голицыной (послужившей А. С. Пушкину прототипом «пиковой дамы»), он воспитывался за границей, завершил свое образование в Страсбургской военной академии. Французский язык знал лучше русского. В молодости отдал дань либеральным настроениям, да и позже любил людей свободного образа мыслей. Однако это не помешало ему своей энергичной и плодотворной служебной деятельностью снискать расположение российских самодержцев. В то же время Голицын считался любимцем Москвы, пользовался репутацией просвещенного администратора, человека возвышенных чувств и мыслей[4]. Отзывы современников на этот счет на редкость единодушны. Даже не доверявший властям А. И. Герцен назвал его «слабым, но благородным, образованным и очень уважаемым»[5]. В пору сурового николаевского режима, обладая большой властью, Голицын оставался человечным и милосердным. Хотя это не меняло общего порядка дел, все же атмосфера жизни в Москве оказалась несколько иной, чем в Петербурге,– и не в последнюю очередь благодаря генерал-губернатору. Голицын много сделал для благоустройства и украшения города. При нем энергично продолжалось восстановление Москвы, развернулось большое по тем временам строительство, было вымощено немало улиц, разбивались бульвары, налаживалось городское водоснабжение и освещение столицы. Генерал-губернатор не одобрял растущего влияния тайной полиции, пытаясь по возможности ослабить его. Голицын порой ошибался в людях, покровительствуя недостойным, не чуждался иногда крутых мер, но не терпел бездушия и намеренной жестокости.

Иначе повел себя в Москве граф А. А. Закревский, в 1828–1831 гг. занимавший пост министра внутренних дел. Назначение в Москву он получил весной 1848 г., когда разразившаяся в странах Западной Европы революция повлекла за собой усиление политической реакции в России. Николай I предоставил Закревскому чрезвычайные полномочия: ему были вручены незаполненные бланки с подписью царя и разрешением использовать их по своему усмотрению. «Надеюсь, ты подтянешь Москву»,– сказал ему в наставление император. Горько острили, что с назначением Закревского святая Москва стала великомученицей. Нового генерал-губернатора называли пашой, были недовольны его самовластием, произволом, вмешательством властей в частную жизнь. Слежка и доносы, преследование малейших проблесков независимой мысли отравляли существование. В городе воцарилась гнетущая атмосфера страха. Мыслящих людей охватило чувство беспросветности. Правление Закревского продолжалось 11 лет, до 1859 г.

Служба в канцелярии генерал-губернатора считалась престижной: здесь можно было набраться опыта, завести

[4] Светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын в 1820–1843 гг. // Русская старина. 1889. № 7. С.138 и др.; Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Д.Благово. Л., 1989. С.176–187.

[5] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.8. С.132, 173.

связи, обеспечить себе карьеру. Из ее чиновников замещались обычно главные государственные должности в городе и губернии. Кроме штатных чиновников еще больше имелось сверхштатных. При Голицыне их насчитывалось свыше полутораста. Это была преимущественно аристократическая молодежь. При генерал-губернаторе существовала и особая военная канцелярия. Дом генерал-губернатора находился на Тверской улице. В советское время в этом здании, к которому пристроили третий этаж, размещался Моссовет, теперь оно принадлежит московской мэрии.

Главное, разумеется, определялось не личностями начальников, а общей обстановкой в стране, полицейско-бюрократической системой дореформенной России, ее сословным строем. Даже патриархально-добродушный Голицын не удерживался от самоуправства, когда имел дело с купцами. С дворянами же правители Москвы предпочитали ладить.

Генерал-губернатору принадлежало решающее слово в важных делах Москвы и губернии. Он возглавлял всевозможные комитеты, комиссии, благотворительные организации. Ему подчинялись как гражданские учреждения, так и войска.

Численность расквартированных в Москве воинских частей не была постоянной. Так, в 1811 г. солдат в городе насчитывалось 11 746, в 1829 г.– около 16 тыс., в начале 30-х гг.– около 22 тыс., к концу 40-х гг.– около 24 тыс. Офицеров статистика не учитывала: они входили в общее число дворян и чиновников. В Москве были расквартированы пехотный корпус, артиллерийская дивизия, учебные карабинерные полки и внутренний гарнизонный батальон. Войска размещались в казармах: Красных (в Лефортове), Спасских, наиболее вместительных Хамовнических, Покровских (близ Покровских ворот), Колымажных или Конюшенных (у Пречистенских ворот) – для кавалерийских полков, Крутицких, где помещался внутренний московский гарнизон. Артиллерийский полевой двор располагался вне города – вблизи от Сокольников и Красного пруда, там же производилась продажа пороха. Военные разводы и учения устраивались в Экзерциргаузе (позднее – Манеж) – между Моховой и Кремлевским садом, рядом с Троицкими воротами Кремля. Там могли свободно маневрировать до 4 тыс. солдат[6].

Вторым начальствующим лицом в Москве считался гражданский губернатор, помогавший московскому главнокомандующему (генерал-губернатору) в управлении губернией[7]. Казенный его дом помещался на Петровке, в бывшем особняке графа Воронцова.

Главным коллегиальным административным органом в губернии было губернское правление[8], действовавшее под председательством главнокомандующего, в составе губернатора, вице-губернатора и четырех советников. Именем императора оно управляло губернией, обнародовало законы, указы, постановления верховной власти, Сената, других государственных учреждений, надзирало за соблюдением законов. В заседаниях губернского правления могли участвовать губернский прокурор и губернские стряпчие. В их обязанности входило сообщать о всех случаях нарушения закона и злоупотреблений, а также ускорять рассмотрение дел. От прокурора, кроме того, требовалось давать заключения для

[6] *Милютин Ив.* Описание Москвы и ее достопримечательностей ... в историческом и современном отношениях с присовокуплением краткой истории Москвы. М., 1850. С.107–111.

[7] Московскими гражданскими губернаторами в первой половине XIX в. были последовательно: П.Я.Аршеневский, Н.И.Баранов, Д.С.Ланской, Н.В.Обрезков (1812), Г.Г.Спиридов, кн. А.А.Долгорукий, Е.А.Дурасов, Г.М.Безобразов, Н.А. Небольсин, В.Д.Олсуфьев, И.Г.Сенявин, И.В.Капнист (см.: Московские губернские ведомости. 1847. № 2. Отд.2. Часть неофиц. С.25–27).

[8] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С.174–175.

Московский генерал-губернатор князь Д. В. Голицын

Дом московского генерал-губернатора. Литография. 1839 г.

Московский генерал-губернатор граф А. А. Закревский

министра юстиции по спорным вопросам судебных дел, ему же поручалось контролировать тюрьмы[9].

Подведомственная Сенату Казенная палата под председательством вице-губернатора ведала вычислением, раскладкой и сбором податей, губернскими доходами и расходами, продажей соли и водки, материальным обеспечением казенного и общественного строительства.

В распоряжении Палаты государственных имуществ находились государственные земли, прежде всего лесные угодья.

Для обсуждения нужд губернии генерал-губернатор мог в особых случаях устраивать совместные заседания губернского правления, гражданского и уголовного суда, а при надобности – и Казенной палаты.

Губернское правление, Казенная палата, судебные губернские учреждения, Приказ общественного призрения располагались в помещениях бывшего Монетного двора на Красной площади, а с 1820 г. – в новом здании Присутственных мест, тоже рядом с Воскресенскими воротами. Контора адресов – для учета и выдачи билетов на жительство людям, работающим по найму у частных лиц, находилась между Никитской и Тверской улицами.

Наведением порядка в городе занималась полиция во главе с обер-полицмейстером – правой рукой генерал-губернатора. Обер-полицмейстер возглавлял Управу благочиния, которая контролировала выполнение населением полицейских правил – ведала долговыми исками, жалобами, доносами, присуждением к штрафам, исполнением судебных решений. Находилась она на Никольской улице, вблизи от Красной площади.

В административном отношении город был разделен на два отделения и 20 частей: Городскую (центр), Пятницкую, Серпуховскую, Якиманскую, Тверскую, Пречистенскую, Арбатскую, Хамовническую, Новинскую, Пресненскую (1-е отделение) и Мясницкую, Сретенскую, Яузскую, Басманную, Рогожскую, Таганскую, Лефортовскую, Покровскую, Мещанскую, Сущевскую (2-е отделение). Оба отделения возглавлялись полицмейстерами. Во главе каждой части города стоял частный пристав. Часть делилась на кварталы, находившиеся в ведении квартальных надзирателей. Офицерский корпус полиции насчитывал 300 человек. В обязанности полиции входила, между прочим, борьба за искоренение нищенства. В 1838 г. в Москве был основан Комитет для разбора и призрения просящих милостыню. Комитет должен был распределять задержанных полицией нищих по категориям (отделив от них беспаспортных бродяг, подлежавших уголовной ответственности). Немосквичей высылали по месту жительства. Профессиональных нищих отправляли в Работный дом для исправления «более или менее тяжелыми трудами»[10]. Тех, кто по возрасту (дети, старики) или по болезни и увечью не мог трудиться, поручали благотворительным организациям. На полицию возлагалось также наказание крепостных, которые в чем-то провинились или просто не угодили своим господам, и те присылали их в участок с требованием высечь.

Крепостнические порядки пронизывали всю жизнь Москвы, как и России в целом. Никто не был уверен в завтрашнем дне. Любого могли отстранить от службы, выслать из города, арестовать по необоснованному подозрению. При определении на должность главную роль играла протекция. В суде и других присутственных местах дела вершились с помощью взяток. Зло это было неискоренимо, как ни пытались честные люди с ним бороться. Всевластие и произвол администрации, канцелярская тайна, материальная необеспеченность большинства чиновников – все тогдашние порядки способствовали такому положению. Судебные органы не были отделены от административных. Следствие по делам о преступлениях находилось в руках полиции (этим занимались особые следственные пристава). При всевластии администрации в дореформенной России ей подчинялся и суд. Судебные постановления поступали на утверждение генерал-губернатора. Доклады для него готовили чиновники канцелярии, от которых во многом зависело освещение сути дела.

Все это делало даже юридически свободного человека совершенно бесправным. Общее бесправие особенно тяжело

[9] Путеводитель в Москве. Изданный С.Глинкою сообразно франц. подлиннику г. Лекоента де Лаво с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824. С.168–169.

[10] Отчет Московского комитета для разбора и призрения просящих милостыни за 1846 г. // Московские губернские ведомости 1847. Отд. 2. Часть неофиц. К № 43 (25 октября) С.514.

Здание Присутственных мест, Воскресенские ворота и магистрат (б. Главная аптека) на Воскресенской площади. Литография К. Брауна. 1823 г.

отражалось на простом народе. Люди низших сословий безнаказанно подвергались не только грубому обращению. В полицейских участках их нередко держали в цепях, избивали, истязали. Пытка, хотя и запрещенная еще при Екатерине II, была обычным делом. Вопреки существовавшему законодательству виновные в ее применении чиновники и полицейские обычно оставались безнаказанными. «Чтоб знать, что такое русская тюрьма, русский суд и полиция,– писал А. И. Герцен,– для этого надобно быть мужиком, дворовым, мастеровым или мещанином. Политических арестантов, которые большею частию принадлежат к дворянству, содержат строго, наказывают свирепо, но их судьба не идет ни в какое сравнение с судьбой бедных бородачей (людей из народа.– *Авт.*). С этими полиция не церемонится. К кому мужик или мастеровой пойдет потом жаловаться, где найдет суд? Таков беспорядок, зверство, своеволие и разврат русского суда и русской полиции, что простой человек, попавшийся под суд, боится не наказания по суду, а судопроизводства. Он ждет с нетерпением, когда его пошлют в Сибирь...»[11]. Истязаниям подвергались не только преступники, но и те, кто был схвачен по подозрению, а они составляли большинство задержанных. Герцену пришлось близко столкнуться с такими порядками во время своего ареста летом 1834 г., когда он сам оказался в полицейском участке и был потрясен страданиями, выпавшими на долю мнимых поджигателей (в Москве бушевали тогда пожары). Невысоко отзывался о полиции и Ростопчин, непосредственно узнавший ее нравы во время своего генерал-губернаторства. По его словам, «корпус полицейских офицеров состоял почти целиком из людей испорченных и негодяев, дурно оплачиваемых, презираемых и с малой надеждой на повышение по службе. Было лишь 20 квартальных надзирателей, должность коих состояла больше на виду. Но к этой должности понапрасну стремились мелкие чиновники, т. к. генерал-губернаторы помещали на нее лишь людей, которым хотели оказать протекцию»[12].

Полицейские набирались из отставных солдат. Получаемое ими казенное содержание было крайне скудным. Жили они главным образом за счет приношений обывателей. От щедростей последних зависело и отношение к ним полиции. Охранять покой и безопасность горожан должны были будочники, стоявшие возле своих полосатых будок. Одеты они были в суконные мундиры серого цвета, с высокими головными уборами вроде кивера и вооружены алебардами типа средневековых[13]. В 20-х гг. на Москву приходилось 500 будок, расположенных преимущественно на площадях и перекрестках, а иногда и на пустырях. Устраивались и ночные дозоры. О том, насколько это было эффективно, высказывались разные мнения. Но заметное уменьшение числа убийств и грабежей в XIX в. по сравнению с прежним временем говорит о том, что деятель-

[11] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.8. С.192.

[12] *Ростопчин Ф.В.* Указ. соч. С.261.

[13] *Никифоров Д.И.* Старая Москва. Ч.1. М., 1902. С.44.

Пречистенка. Выезд пожарной команды из пожарного депо. Литография. 1853 г.

ность полиции давала определенный результат (хотя в неменьшей степени сказывалась впитанная с молоком матери богобоязненность простых людей).

Немало забот доставляла защита города от пожаров, чему уделялось большое внимание. Современники в один голос хвалили быстроту и слаженность действий московской пожарной команды. «Проворство людей, приученных изготовляться через две минуты скакать на быстрых лошадях для погашения пожара,– писал в 20-х гг. А. Ф. Малиновский в «Обозрении Москвы»,– может показаться неимоверным тому, кто сам очевидно не был тому свидетелем»[14]. Во всех частях города возвышались высокие каланчи с караульными, дежурившими круглосуточно. В каждой из них имелось по 65 пожарных и по 19 лошадей. На запряжку лошадей полагалось не больше 5 минут.

Вместе с центральным депо на Пречистенке (Фурманным двором) число солдат-пожарных составляло более полутора тысяч. В их распоряжении имелось 450 и более лошадей и снаряжение (пожарные трубы, насосы, бочки, крюки, топоры, лестницы), перевозившееся на особых повозках – дрогах. Дома нередко приходилось разбирать по балкам, чтобы пламя не распространилось. Возглавлял пожарную команду брандмайор. В каждой из двадцати частей города имелся брандмейстер с помощником и унтер-офицером. На пожар по сигналу молниеносно съезжались пожарные из всех частей города. Туда же приезжали обер-полицмейстер (пожарная команда принадлежала к ведомству полиции), комендант, генерал-губернатор[15].

Лошади у пожарных были отборные – «сытые, быстрые и красивые, сбруя и повозки надежные и даже щеголеватые»[16]. Они пополнялись за счет отобранных в пользу пожарного обоза у владельцев, нарушивших правила езды. Не обходилось при этом без произвола.

За исключением особых обстоятельств 1812 г., Москва до 30-х гг. не особенно страдала от пожаров благодаря умелым действиям пожарных, а также из-за того, что дома отстояли друг от друга на большом расстоянии и огонь не мог быстро распространяться. Но летом 1834 г. город снова был охвачен пожарами. Говорили о поджогах, тем более что кто-то подбросил листки с угрозой устроить в Москве «иллюминацию» к предстоящей годовщине коронации императора Николая I.

В 1826 г., после расправы царя с декабристами, в Москве, как и повсюду в России, возникло учреждение, не подчинявшееся губернскому начальству. Это была тайная полиция – печально знаменитое III отделение собственной его императорского величества канцелярии. Москва стала центром одного из округов корпуса жандармов. Генерал, начальник округа, был независим от генерал-губернатора и подчинялся непосредственно шефу жандармов. В его распоряжении находился жандармский дивизион, располагавшийся в центре города – в Петровских казармах (близ Петровских ворот). Чтобы обезопасить себя и Москву от козней «голубых мундиров» и ограничить их чисто политическими делами, Голицын добился согласия царя на создание, помимо жандармов, собственной тайной полиции.

3. МОСКОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ

Кроме гражданских властей, в Москве, как и во всей империи, существовали пользовавшиеся большим влиянием церковные власти. Являясь центром духовности и духовного просвещения, проводя в народ христианские нравственные идеалы, православная церковь играла огромную роль в жизни населения. Вместе с тем, воспитывая прихожан в духе смирения, терпения, покорности воле Божьей, она служила незаменимым фактором социальной стабильности.

Управление церковью со времен Петра I стало составной частью государственно-бюрократической системы. Главой православной церкви по закону Павла I о престолонаследии (1797) признавался российский император. Все высочайшие указы и манифесты читались в церквах после богослужения. Религиозная пропаганда, шедшая вразрез с учением православной церкви, как и «совращение» в другую веру карались по закону. Непосредственно церковными делами ведал Святейший Синод, на местах – епархиальные консистории. Синод состоял из высших церковных иерар-

[14] *Малиновский А.Ф.* Обозрение Москвы. М., 1992. С.156.

[15] *Глинка С.* Путеводитель в Москве. С.163–167.

[16] *Малиновский А.Ф.* Указ. соч. С.113.

хов. Но фактически над ним стоял обер-прокурор Синода, который назначался царем из светских лиц, зачастую не пользовавшихся в среде духовенства авторитетом. Так, при Александре I этот пост занял его друг князь А. Н. Голицын – человек, далекий от ортодоксальной религиозности. В 1817 г. было создано объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с тем же Голицыным. При Николае I власть обер-прокурора Синода усилилась, особенно когда им стал граф Н. А. Протасов, пользовавшийся расположением царя. Подчеркивая свою приверженность православию, российские монархи прежде всего заботились о том, чтобы превратить церковь в орудие поддержания царской власти.

Подобно другим центральным ведомствам, Синод располагался в Петербурге. В Москве же имелась Синодальная контора, которой были подвластны Успенский собор, церковь Двенадцати Апостолов и несколько монастырей. Находилась она в Кремле. Первоприсутствующим в ней был московский митрополит – главное лицо епархии. Непосредственно делами епархии занималась духовная консистория во главе с митрополитом. В консисторию входили также московский викарий и еще несколько высокопоставленных духовных особ (в их числе – ректоры московских духовно-учебных заведений). Наряду с учреждениями православной церкви действовали евангелически-лютеранская консистория и армяно-грегорианское духовное управление.

В церковном ведомстве царили те же порядки, что и в остальных правительственных учреждениях. Так, по словам профессора Московской духовной академии Е. Е. Голубинского, «московская консистория времени Филарета стояла, можно сказать, во главе всех консисторий в отношении к взяткам и всяким мерзостям»[17]. По традиции высшие церковные должности могли занимать исключительно представители черного духовенства – монашества. Историк С. М. Соловьев называл тогдашних архиереев генералами в рясах. «Известно, что такое русские генералы,– замечал ученый,– но генералы в рясе – еще хуже, потому что светские генералы все еще имеют более широкое образование, все еще боятся какого-то общественного мнения, все еще находят ограничение в разных связях и отношениях общественных; тогда как архиерей – совершенный деспот в своем замкнутом кругу, где для своего произвола не встречает он ни малейшего ограничения, откуда не раздается никакой голос, вопиющий о справедливости, о защите – так все подавлено и забито неимоверным деспотизмом. Сын какого-нибудь дьячка, получивший самое грубое воспитание, не освободившийся от этой грубости нисколько в семинарии, пошедший в монахи без нравственного побуждения и из одного честолюбия ставший, наконец, повелителем из раба, архиерей не знает меры своей власти: гнетет и давит»[18].

Митрополит Платон

Характеристика эта не лишена предвзятости и односторонности, но некоторые негативные черты русской православной церкви дореформенного времени схвачены в ней метко. В отзыве Соловьева проявилось сугубо критическое отношение верующего, но свободомыслящего ученого к неприемлемым для него церковным порядкам той поры.

Московская епархия[19] занимала в первой половине XIX в. особое место в российской православной церкви. По своему значению она сопоставима разве что с петербургской. Не случайно и возглавляли ее самые выдающиеся церковные иерархи. Автор книги о московских митрополитах Платоне и Филаре-

[17] *Голубинский Е.Е.* Воспоминания. Кострома, 1923. С.37.

[18] *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С.234.

[19] *Розанов Н.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721–1821). Ч.3. Кн.1 и 2. М., 1870–1871.

Митрополит Филарет

те называет их солнцами, по сравнению с которыми остальные церковные деятели – не более чем звезды[20].

Деятельность митрополита Платона (в миру Петр Егорович Левшин, 1737–1812) относится преимущественно к XVIII в. В XIX в. она уже завершалась: знаменитый иерарх был стар и болен. Но почти до конца жизни он продолжал править епархией (в последние годы – через своего викария). Итоги деятельности митрополита Платона внушительны. Ему удалось заметно поднять образовательный и нравственный уровень московского духовенства. Человек просвещенный, воспитанник Славяно-греко-латинской академии, блестящий церковный оратор, которого сравнивали с Иоанном Златоустом, Платон настойчиво добивался повышения образованности духовенства. Ценитель знания, талантов, искусства, он основал две семинарии под Москвой и несколько духовных училищ, расширил и усовершенствовал академию, поощрял посещение ее студентами университетских лекций, выдвигал людей одаренных и знающих. За годы его управления епархией неизмеримо выросло число священнослужителей, прошедших курс «высших наук». По его собственным словам, уже за первые 15 лет своей митрополичьей деятельности он «едва не всю Москву снабдил учеными и добропорядочными священниками»[21]. К концу его жизни такими священниками располагала не только Москва, но и вся епархия. Немало сделал митрополит Платон и для улучшения материального положения духовенства. «Я застал московское духовенство в лаптях и обул его в сапоги»[22],– говаривал он.

Затем несколько лет (1811–1819) московской епархией управлял архиепископ Августин (в миру Алексей Васильевич Виноградский) – до того викарий московский и правая рука митрополита Платона. Человек деятельный и даровитый, он все же заметно уступал своему знаменитому предшественнику. Имя Августина связано главным образом с деятельностью епархии во время Отечественной войны 1812 г. и последующим восстановлением разграбленных и разрушенных неприятельскими войсками храмов.

После смерти Августина московскую епархию ненадолго возглавил митрополит Серафим (до пострижения – Стефан Васильевич Глаголевский), вскоре назначенный митрополитом петербургским и новгородским, а вместе с тем – первоприсутствующим в Синоде. Вся его последующая деятельность связана с Петербургом. Приверженец ортодоксального православия, Серафим вместе с архимандритом Фотием и с А. А. Аракчеевым выступил непримиримым противником князя А. Н. Голицына и мистиков: по их настояниям тот был смещен с поста министра духовных дел и народного просвещения. Митрополит отличался неприятием любых новшеств. 14 декабря 1825 г. он безуспешно пытался увещевать восставших декабристов на Сенатской площади.

Около полувека московской епархией управлял выдающийся церковный деятель – митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов), поставленный во главе ее в начале 20-х гг. Сан митрополита он получил в 1826 г. в день коронации Николая I. То была крупная личность, сильно влиявшая на современников. Человек глубокого и проницательного ума, редкой учености, прославленный проповедник, Филарет пользовался широкой известностью. Славился он и своим умением прояснять самые сложные и запутанные вопросы, находить в затруднительных случаях нужный выход. Все это обеспечило ему авторитет и влияние в Синоде, членом которого он был долгие годы. Велико участие Филарета и в общегосударственных делах. Его перу принадлежали многие законоположения о раскольниках, акт Александра I о престолонаследии, манифест 19 февраля 1861 г. об освобожде-

[20] *Виноградов В.П.* Платон и Филарет, митрополиты московские. Сергиев Посад, 1912. С.2–3.

[21] Автобиография Платона, митрополита московского. М., 1887. С.41.

[22] *Рункевич С.* Платон (Левшин П.Е.) // Русский биографический словарь. Том: Плавильщиков – Примо. СПб., 1905. С.51.

нии крестьян от крепостной зависимости. По его катехизису учащиеся России изучали закон Божий.

Важную роль сыграл Филарет в глубоко благотворной реформе духовно-учебных заведений 1808–1814 гг. Деятельно сотрудничал он в Библейском обществе, где пользовался поддержкой министра А. Н. Голицына. Этот факт, а также содействие переводу Библии на русский язык навлекли на него впоследствии немало нареканий и нападок со стороны наиболее консервативной верхушки церковного управления: Филарета подозревали в склонности к лютеранству и даже в масонстве. Николай I держал Филарета в некотором отдалении, а на высшие места в церковной иерархии предпочитал выдвигать людей менее самостоятельных и более послушных. Задетый в своем честолюбии, Филарет позволял себе иногда завуалированные выпады против самодержца, давшие основание Герцену назвать его «оппозиционным иерархом». Но ссориться с царем всерьез митрополит не собирался. А вот с обер-прокурором Синода графом Н. А. Протасовым Филарет не поладил, из-за чего был освобожден от присутствия в Синоде и надолго покинул Петербург.

Филарет отличался крутым и суровым нравом. Он настаивал на сохранении телесных наказаний. На подчиненное ему духовенство наводил страх и трепет. Историк С. М. Соловьев, признавая несомненные дарования Филарета, в то же время считал его «страшным деспотом, обскурантом и завистником», подавлявшим людей талантливых и покровительствовавшим тем, кто перед ним пресмыкался. Причина столь отрицательной оценки – в глубоком расхождении позиций духовного владыки и университетского профессора. Иной тональностью проникнуты отзывы о «великом святителе» духовных лиц. Профессор богословия А. П. Лебедев посвятил опровержению порочащих Филарета мнений целую брошюру – «В защиту Филарета, митрополита московского, от нападок историка С. М. Соловьева» (М., 1901). Однако даже из записок благоговевшего перед Филаретом епископа Никодима (Казанцева) видно, что владыка не щадил личного достоинства своих подчиненных, в присутствии студентов, семинаристов, посторонних бесцеремонно распекал профессоров Духовной академии[23].

Любые отступления от канонов и догматов православия Филарет решительно пресекал. Упорно боролся он с расколом как административными мерами, так и в своих проповедях, а также в печати. Митрополит московский выступал против каких бы то ни было соглашений со старообрядческими общинами и признания их в качестве юридических лиц, отказывая им в праве коллективного владения собственностью. Возражал Филарет против законности браков между раскольниками, совершаемых беглыми попами, против разрешения раскольничьих школ (поощряя прием детей раскольников в общие церковно-приходские школы). Он добивался перехода раскольников в единоверие, соглашаясь на богослужение по старым обрядам и книгам, но не допуская отпадения старообрядцев от официальной церкви. Сочиненные Филаретом «Беседы к глаголемому старообрядцу» в течение нескольких лет публиковались в журнале «Христианское чтение», а в 1840 г. были изданы отдельной книгой. Известен своеобразный поэтический диспут митрополита с А. С. Пушкиным. Когда в печати в 1830 г. появилось стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?», Филарет возражал автору тоже стихами, начинавшимися так: «Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога мне дана». Поэт отозвался новым произведением («В часы забав иль праздной скуки...»), где говорил о глубоком впечатлении, которое произвели на него слова укора. Не оставлял Филарет своим вниманием и светские учебные заведения. От популярного среди учащейся молодежи профессора Т. Н. Грановского митрополит потребовал объяснений, почему в его лекциях не упоминается о «руке Божией», управляющей событиями.

Митрополит Филарет состоял членом императорской Академии наук, Российской академии и многих ученых обществ. С ним любили беседовать не только духовные особы, но и такие светские люди, как П. Я. Чаадаев (переведший одну из его проповедей на французский язык для публикации во Франции) и А. И. Тургенев.

Постоянное беспокойство церковных властей вызывало старообрядчество, принявшее в Москве значительные размеры. Отношение царской администрации к старообрядцам время от времени менялось: беспощадное преследование порой уступало место относительной веротерпимости. При Екатерине II, а затем в начале царствования Александра I стеснения по отношению к раскольникам смягчились, при Николае I снова возросли. Однако даже в лучшие для них времена старообрядцы были ограничены в правах по сравнению с остальной массой населения. Они платили подать в двойном размере. Переход из православия в старообрядчество, попытки пропаганды «старой веры» приравнивались к преступлению и влекли за собой наказание по действовавшему уголовному законодательству. Старообрядцев запрещалось хоронить на общих кладбищах.

[23] *Никодим,* епископ красноярский. О Филарете, митрополите московском, моя память // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. М., 1877. Кн.2. С.12, 2-й паг.

Наиболее снисходительно власти относились к «единоверцам», поскольку те официально признавали существующую церковную иерархию, не отвергали поставляемых церковным начальством священников, а отличались лишь некоторыми обрядами и употреблением при богослужении старопечатных книг.

Московские «беспоповцы»-федосеевцы более или менее сносно существовали до 1812 г. Но после того как они признали власть Наполеона и провозгласили русского царя антихристом, их положение изменилось. Притеснения особенно усилились при Николае I. В конце 30-х гг. недвижимое имущество федосеевцев (кроме богадельни) было велено продать. В 40-х гг. богадельню передали в ведение Московского попечительного совета заведений общественного призрения, а позже – совета имп. Человеколюбивого общества. Срок ее существования ограничили пребыванием уже живших там обитателей, прием новых был запрещен. Однако она все же сохранилась, хотя мужскую богадельню в 1866 г. передали от федосеевцев единоверцам. В 1837 г. была закрыта и часовня старообрядцев, «приемлющих браки».

Другая ветвь старообрядчества – «поповщина» – тоже подвергалась притеснениям. Запретили вновь принимать беглых священников, и начиная с 40-х гг. почти некому стало исполнять церковные обряды.

Хлыстовская секта была вообще запретной. Обнаруженные полицией собрания хлыстов разгонялись, а их участники подвергались высылке и другим карам.

4. ВЫБОРНЫЕ ОРГАНЫ. ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Существовавшее в Москве, как и в других городах России, некое подобие общественного самоуправления основывалось на «Учреждении для управления губерний» 1775 г. и «Жалованной грамоте городам» 1785 г. Павел I отменил екатерининские учреждения, но они были восстановлены при его преемнике. Самоуправление осуществлялось главным образом через шестигласную думу во главе с городским головой, избиравшуюся каждые три года имущими горожанами. Предусматривавшиеся законом общая городская дума и депутатское собрание по-видимому существовали лишь номинально[24]. В обязанности думы входило заботиться о чистоте и благоустройстве города, продовольствии для жителей, торговле и промыслах. Состояла дума из шести членов («гласных»), представлявших торгово-промышленные сословия – купцов, мещан и ремесленников. Шестигласная дума располагалась в здании бывшего Аптекарского приказа у Воскресенских ворот, а с 1820 г. в новом здании Присутственных мест. Выборная служба в городских учреждениях считалась тяжелой повинностью, поскольку приходилось часто отрываться от собственных дел. К тому же она была безвозмездной и до 1842 г. даже не освобождала представителей непривилегированных сословий от телесного наказания. Не давала она и морального удовлетворения: полномочия думы были весьма ограничены, ее задачи сводились в основном к составлению сметы доходов и расходов (поступавшей затем на утверждение генерал-губернатора и Государственного совета) и сборам средств на нужды города.

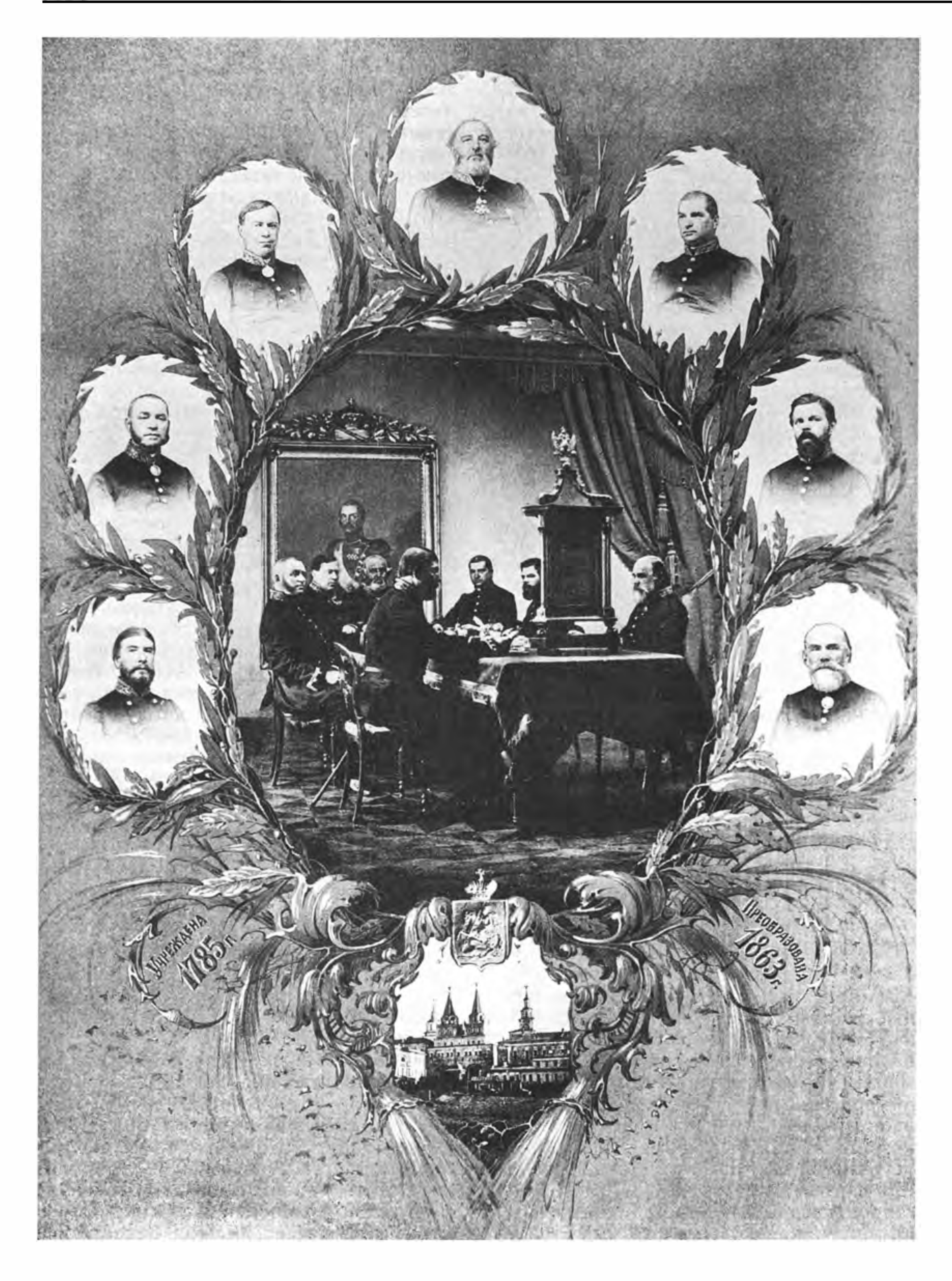
Из выборных лиц городского самоуправления сколько-нибудь существенное значение имел лишь городской голова. Обязанности думы разделял с ней более широкий по составу Дом градского общества, действовавший только в Москве (до 1805 г. под названием гильдии), с двумя отделениями – купеческим и мещанским[25]. Ремесленников опекала Ремесленная управа. Имелись и цеховые ремесленные управы во главе со старшинами: все вместе они выбирали ремесленного голову, входившего в шестигласную думу. При думе состояли торговые смотрители, торговые и рядские старосты, а с 1824 г.– еще и торговая депутация из купцов. Они выбирались из людей, известных своей честностью и заслуживших доверие. К числу выборных учреждений принадлежал и городской сиротский суд – благотворительное заведение, ведавшее помощью вдовам и сиротам купеческого и мещанского сословий.

Особое место среди сословных выборных органов занимала корпоративная организация дворянства[26]. Раз в три года дворянские собрания выбирали губернского и уездного предводителей дворянства, членов дворянского депутатского собрания, заседателей дворянской опеки, а также представителей в местных судебных и полицейских учреждениях (или кандидатов на эти должности). Губернский предводитель дворянства был одним из самых видных лиц в городе. Как члену различных официальных комитетов, комиссий, присутствий ему принадлежала немалая роль в решении многих дел. Первенствующее значение дворянства в губернии выражалось и в том, что администрация состояла сплошь из дворян. От участия же в городских выборных органах дворяне обычно уклонялись, считая такую службу непрестижной. Устранение от нее самого образованного сословия отрицательно сказывалось на состоянии дел.

[24] *Дитятин И.* Устройство и управление городов России. Т.2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877. С.253–255.

[25] Там же. С.257.; *Глинка С.* Указ. соч. С.173.; *Пассек В.* Московская справочная книжка. М., 1842. С.188.

[26] *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие. СПб., 1906.

Московская шестигласная дума

Городские доходы складывались из денежных сборов с владельцев жилых домов, гостиниц, ресторанов, харчевен, с купеческих капиталов, торговли, промышленных предприятий, питейного откупа, бань, извозчиков, конторы адресов, с оформления разного рода деловых актов. Тогдашний бюджет Москвы, как и других российских городов, отличался скудостью. Объяснялось это неизбежным при крепостничестве стесненным положением промышленности и торговли, а также нерациональной системой обложения. Важнейшие источники дохода (промышленные заведения, земля) использовались крайне слабо. Основная тяжесть налогов ложилась на менее обеспеченный слой населения. В тяжелые условия были поставлены иногородние торговцы и промышленники, особенно – промысловые и торгующие крестьяне[27]. Большая часть собранных средств шла

[27] ***Рындзюнский П.Г.*** Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С.386–390.

на содержание полиции, пожарной команды, внутренней стражи, казарм, тюрем, чиновников думы и магистрата. Остальное расходовалось на устройство и содержание мостов, мостовых, бульваров, освещение улиц и площадей, «богоугодные заведения»[28].

Городское хозяйство находилось в ведении гражданского губернатора, высший надзор принадлежал генерал-губернатору. Административная опека крайне стесняла общественную самодеятельность в деле благоустройства города. Впрочем, по сравнению с другими городами Москва находилась в более благоприятных условиях. Сюда поступали дополнительные казенные средства, и доходы здесь благодаря состоятельным помещикам и богатому купечеству были значительнее, чем в других городах. Местное начальство обладало большими властными полномочиями и могло действовать во многом самостоятельно. А нередкие приезды в Москву императора и других особ царствовавшей фамилии заставляли быть начеку и бдительно следить за порядком. Да и царская семья вкладывала немалые средства в строительство дворцов и общественных зданий. Увеличению доходов города содействовало и положение Москвы как духовного, научно-образовательного и торгово-промышленного центра России, что вызывало постоянный приток в нее приезжих со всех концов страны.

5. БЛАГОУСТРОЙСТВО МОСКВЫ

В начале XIX в. облик Москвы поражал контрастами. Величественный Кремль, старинные храмы, великолепные дворцы и особняки знати соседствовали с убогими постройками самого неказистого вида. В центре города имелось множество жалких лачужек, в которых помещались торговые лавчонки, дымные харчевни, цирюльни, погреба. Некоторые из них размещались прямо возле разрушавшихся стен Китай-города или в его башнях. К стенам Кремля (со стороны нынешней Манежной площади) примыкали рвы, в которых стояла «зеленая вонючая вода, и туда сваливали всякую нечистоту»[29]. Неподалеку находился так называемый Обжорный ряд, всегда заполненный простонародьем. Прямо на улице на разведенном огне готовилась нехитрая снедь, здесь же поглощаемая[30]. Смрад и нечистоты отравляли воздух. Источала зловоние речка Неглинка. Однако все это в какой-то мере уравновешивалось наличием в городе больших незастроенных пространств, прудов, обширных дворов, садов, огородов.

Неблагополучно обстояло дело с водоснабжением. Воды имелось более чем достаточно, но по своим гигиеническим качествам она не годилась для повседневных нужд. Москва-река засорялась городскими стоками. Воду приходилось покупать в мелочных лавках, где она к тому же нередко портилась из-за хранения «в гнилых и вонючих кадках» (как сказано в одном из справочных изданий того времени). На берегу Яузы расположились загрязнявшие реку красильные заведения. Большей частью москвичи пользовались водой из колодцев. Но колодезная вода также не всегда годилась для питья и приготовления пищи. Более качественной она была в возвышенной, северо-восточной части Москвы.

Более половины улиц были вымощены камнем. При Тутолмине мостовые переделали, но крайне неудачно. Их состояние никого не удовлетворяло.

После 1812 г. все усилия направились на ликвидацию тяжелых последствий войны. По существу отстраиваться предстояло заново: Москва находилась в развалинах, были уничтожены целые кварталы, в центре и Замоскворечье сохранились лишь отдельные дома, на некоторых улицах их остались считанные единицы[31]. Город напоминал «черное большое поле со множеством церквей, а кругом обгорелые остатки домов: где стоят только печи, где лежит крыша, обрушившаяся с домом; или дом цел, сгорели флигеля; в ином месте уцелел только флигель»[32]. Оказалось разрушено большинство казенных зданий. Сожжены торговые ряды. Негде было жить, негде торговать, некуда складывать товары.

Жизнь в городе начала восстанавливаться сразу же после его освобождения. «Рассеянные обыватели стекаются со всех сторон»,– сообщал обер-полицмейстер П. А. Ивашкин Ф. В. Ростопчину уже 17 октября 1812 г., сетуя в то же время на недостаток продовольствия. Но уже следующий день принес известия более отрадные: «Из окружных селений торговцы с жизненными припасами начинают прибывать, и продовольствие становится не столь затруднительно»[33]. «Москва теперь как муравейник. В нее стекаются отовсюду,– писала в декабре того же года из Тамбова М. А. Волкова подруге со слов земляков-москвичей.– Туда идут транспорты даже из здешних мест; поэтому там жизнь дешевле прежнего. В Москве теперь можно все достать, даже предметы роскоши, как то: шелковые материи, вина, овощи и т. д. ... Все лица, которых дома уцелели, занимаются их устройством»[34].

Восстановление города велось централизованно, при мощной поддержке государства. На это были ассигнованы боль-

[28] Расписание доходов и расходов Московской градской думы на 1823 г. // *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т.3. М., 1972. С.334–342 (Прил. 2).

[29] Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Д.Благово. Л., 1989. С.149.

[30] *Никифоров Д.И.* Указ. соч. С.63–64, 98.

[31] Список сгоревших, взорванных и уцелевших строений // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И.Щукиным. М., 1897. Ч.1. С.55–58; Перечень. Письма из Москвы в октябре 1812 г. // Сын отечества. 1812. № 7. С.35–38.

[32] *Благово Д.Д.* Рассказы бабушки... С.148.

[33] Бумаги... собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч.1. С.104–105.

[34] Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С.318.

Закладка нового металлического моста. Художник К. Гампельн. 1838 г.

шие средства: в первые пять лет из казны ежегодно отпускалось по 1 млн. руб. В 1813 г. была создана Комиссия для строений в Москве[35]. Наряду с правительственными чиновниками в нее вошли архитекторы О. И. Бове, В. П. Стасов, Д. И. Жилярди и др. Широко практиковалась выдача ссуд погорельцам.

Уже в 1813 г. Комиссия для строений разработала наметки новой планировки Москвы, на основании которых в ближайшие три года был составлен и утвержден императором детальный план восстановления города[36]. Наряду с практической целесообразностью учитывались возросшие запросы к внешнему виду столицы и к экологии.

Для восстановления Москвы правительство выделило два рабочих батальона, четыре пехотных полка и две пионерные (саперные) роты. Солдаты занимались строительными работами три дня в неделю, получая за это в день по 25 коп., по чарке вина и фунту говядины. Намеченные работы предполагалось начинать не сразу, а поочередно: закончив одну, приниматься за следующую.

Прежде всего занялись восстановлением и постройкой казарм, съезжих дворов, домов для полиции, а также зданий, расположенных на видных местах,– «дабы не делали городу безобразия». Если эти дома принадлежали небогатым («недостаточным») людям, Комиссия принимала их отделку на себя, с последующим возмещением расходов в течение пяти лет. При несогласии владельцев дома у них выкупались. В центре города разрешалось возводить только каменные здания. В черте Земляного города допускались прочные деревянные строения – при условии, чтобы снаружи они были оштукатурены, а крыша – железная.

Москва преображалась. Неузнаваемо изменилась Красная площадь и весь центр города. Земляные укрепления Кремля и Китай-города было решено срыть, рвы засыпать. Примыкавшие ко рву у кремлевской стены торговые лавки, закрывавшие вид на Кремль, не восстанавливались, а выносились за пределы Китай-города. На месте Верхних торговых рядов построили новое здание в классическом стиле. Перед ним в 1817 г. был установлен и торжественно открыт памятник Минину и Пожарскому. Очистили место вокруг храма Василия Блаженного, взамен окружавших его лавок соорудили контрфорсы. Принялись за восстановление Петровского (Большого) театра. Площадь перед ним расширили, придав ей вид прямоугольника. Речку Неглинку заключили в трубу, что сразу оздоровило местность. В начале 20-х гг. вдоль западной стены Кремля был открыт Кремлевский (позже Александровский) сад. Рисунок литья чугунных ворот и ограды со стороны Воскресенской площади (после 1917 г.– площадь Революции) символизировал победу России в Отечественной войне 1812 г. По проекту О. И. Бове соорудили грот «Руины». В саду играла полко-

[35] ПСЗ. [Собр. I.] Т.32. № 25337.

[36] Копия с отношения министра полиции Главнокомандующему в Москве 1813 г. // Бумаги... собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч.4. М., 1899. С.265–266.

вая музыка, имелся ресторан. Рядом располагался луг, где гуляли с нянями дети из аристократических семейств. Низменную и потому часто загрязненную территорию между Кремлевским садом и «Трубой» засыпали землей, приподняв ее уровень при помощи насыпи. Напротив сада раскинулось огромное здание нынешнего Манежа, построенное по проекту инженера А. А. Бетанкура и отделанное О. И. Бове. В конце 30-х гг. в Кремле развернулись реставрационные работы в Теремном дворце, началось строительство Большого императорского дворца.

Берега Москвы-реки в центре города выложили камнем и оградили чугунной решеткой. Проходившая вдоль набережной ветхая стена с примыкавшими к ней «безобразными лабазами» должна была уступить место каменным домам «с приличными столичному городу фасадами»[37].

Сильно поврежденные стены вокруг Китай-города предлагалось разобрать, а на их месте построить купеческие лавки. Но некоторые из прежних ворот и башен китайгородской стены сохранялись как памятники. Преимущество отдавалось тем из них, при которых имелись особо почитаемые иконы.

Гостиницы, расположенные возле Пречистенских, Никитских, Сретенских, Покровских, Мясницких ворот, предписано было открыть со всех сторон и так отделать фасады, чтобы они служили украшением города. Помещаться в этих зданиях могли только «благовидные и опрятные заведения» (вроде кондитерских, модных магазинов), но ни в коем случае не трактиры или питейные дома, способные «произвести нечистоту и неопрятность»[38]. В будущем же предполагалось ликвидировать питейные дома в пределах Белого города.

Места, освобождавшиеся из-под земляного вала и стен Белого города, было решено не застраивать, а отвести для проезда и пешеходных прогулок. Началось интенсивное устройство бульваров. Созданный еще в XVIII в. Тверской бульвар сильно пострадал в 1812 г. Здесь располагались солдатские бивуаки французской армии, горели костры. Прекрасные липы пошли на топливо. Теперь бульвар возродился в прежней красе. Его вновь засадили деревьями, разбили газоны, устроили фонтаны, беседки, поставили бюсты знаменитых людей античности. Посреди главной аллеи построили кондитерскую. В 20-х гг. бульвары полукругом опоясали прежний Белый город. На Чистых прудах стали устраиваться катанья летом на лодках, зимой на коньках. Кольцо из десяти бульваров – одна из наиболее привлекательных достопримечательностей Москвы[39].

Тогда же осушили болотистую местность за Бутырской заставой. К 30-м гг. Москва не только была восстановлена, но и разрослась. Лишь за предшествующее десятилетие успели соорудить 1815 домов (около $^1/_6$ части тогдашнего жилого фонда города), в том числе 593 каменных[40]. Облик Москвы совершенно преобразился. Прежде она была преимущественно деревянной. После пожара 1812 г. заметно усилилось строительство каменных домов. Велось оно под пристальным наблюдением Комиссии для строений, установившей строгие требования к архитектурному оформлению зданий. Так что отзыв о Москве грибоедовского Скалозуба – «пожар способствовал ей много к украшенью» – при всей его бестактности не лишен оснований. Приехавший из далекого Чембара молодой провинциал, впервые увидевший столицу в 1829 г., писал землякам, делясь с ними своими впечатлениями: «Вся Москва состоит из камня и железа. Улицы выложены камнем, тротуары кирпичные, дома кирпичные, крыши и заборы по большей части железные»[41]. Но и через двадцать лет после войны ее следы не исчезли: оставалось еще немало обгоревших зданий и опустевших мест.

Перед Отечественной войной в городе имелось 183 улицы, 401 переулок, 25 площадей. В 1820 г., при интенсивном строительстве, в столице насчитывалось 164 улицы, 539 переулков, 25 площадей. Через 10 лет было уже 188 улиц, 635 переулков и 54 площади, а в начале 40-х гг. – 258 улиц, 582 переулка, 78 площадей. В 1811 г. город имел 17 каменных мостов и 21 деревянный. Самые крупные соединяли берега Москвы-реки: за исключением Большого Каменного моста, остальные (Дорогомиловский, Крымский, Москворецкий, Большой Краснохолмский) были деревянными. После войны почти все пришлось отстраивать заново. Десятки мостов и мостиков были перекинуты через Пресню, Яузу, другие московские реки и речки, водоотводный канал. В начале 40-х гг. в Москве имелось 3 чугунных моста, 9 каменных, 45 деревянных мостов и переходов[42]. В 30-х гг. XIX в. завершилось строительство водопровода, начатое еще в предшествующем столетии. Воду из мытищинских ключей провели по каменным трубам протяженностью более 20 верст. Их прокладывали по долинам и оврагам – то под землей, то над ее поверхностью. В Сухаревой башне устроили поместительный резервуар, откуда вода шла в водоразборные фонтаны, расположенные в разных частях города.

Осенними и зимними вечерами (с сентября до мая) город освещали редкие фонари, слабо горевшие на конопляном масле. Размещались они главным образом на площадях и перекрестках. Экономя масло, фонарщики зажигали

[37] Копия с предписания Тормасова Комиссии для строений в Москве 19 мая 1816 г. // Бумаги... собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч.4. С.269.

[38] Там же.

[39] *Федосюк Ю.* Москва в кольце Садовых. М., 1991. С.328, 370.

[40] *Андроссов В.* Статистическая записка о Москве. М., 1832. С.39–40.

[41] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т.11. М., 1956. С.30.

[42] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т.3. С.349. (Прил. 7); *Андроссов В.* Указ. соч. С.40; Бумаги... собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч.4. С.231; *Пассек В.* Указ. соч. С.339.

Голицынская больница на Калужской улице. Архитектор М. Казаков. 1796–1801 гг.

обычно не все фонари. В 1811 г. их было 7292, а в 1817-м – всего 4341. В начале 40-х гг. количество фонарей увеличилось до 7692. В середине века их стали постепенно заменять спиртовыми[43].

«Нельзя довольно надивиться, когда посмотришь, что сделано для Москвы в течение последних 25 лет»,– писал в 40-х гг. М. Н. Загоскин о времени управления генерал-губернатора Д. В. Голицына. Упомянув о новом прекрасном здании Петровского (Большого) театра, о великолепной набережной между Каменным и Москворецким мостами, о бульварах и о всем том, что небывало украсило город, писатель особо подчеркнул то, что улучшило и оздоровило жизнь горожан, сделало ее более удобной и привлекательной. «Крутые спуски, от которых езда по Москве не всегда была безопасною, везде срыты, и грязные, заплывшие тиною пруды превратились в светлые бассейны, обсаженные тенистыми липами. Придет ли кому в голову, что этот широкий бульвар на Трубе, со своими зелеными полянами и гладкими дорожками, был не так еще давно непроходимым и зловонным болотом! – восклицал Загоскин.– Кто поверит, что несколько лет тому назад на том самом месте, где теперь красивые сады опоясывают часть кремлевской стены, был безобразный ров, заваленный всякою отвратительною нечистотою?»[44]. Великим благодеянием считал писатель подведение к Москве мытищинской воды, славившейся чистотой и свежестью. К числу крупных достижений относил он возведение Москворецкого моста, устройство на пустынном месте обширного Петровского парка, сразу полюбившегося жителям столицы.

6. МЕДИЦИНА. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Здравоохранение и помощь малообеспеченным слоям населения в России находились в ведении Приказа общественного призрения (подчинявшегося Министерству внутренних дел). Московский Приказ возглавлял гражданский губернатор. В 1832 г. для руководства этим делом в Москве был создан Попечительный совет по делам общественного призрения во главе с генерал-губернатором, куда вошли также губернатор, губернский предводитель дворянства, городской голова[45]. Собрания совета происходили в генерал-губернаторском доме на Тверской улице. Совет сиротских приютов возглавляла обычно жена генерал-губернатора.

С медицинской помощью в Москве дело обстояло несколько благополучнее, чем во многих других городах. Ее преимуществом было наличие университета – лучшего в стране. На медицинском факультете здесь преподавали крупнейшие медики своего времени – М. Я. Мудров, И. Е. Дядьковский, Ф. И. Иноземцев, А. А. Альфонский, А. М. Филомафитский, И. Т. Глебов, А. И. Овер. Образцовые для своего времени университетские клиники принимали людей всех

[43] Там же; *Давыдов Н.* Из прошлого. М., 1913. С. 9; *Никифоров Д.И.* Указ. соч. С.42.

[44] *Загоскин М.Н.* Москва и москвичи. М., 1988. С.131.

[45] *[Мушинский К.]* Устройство общественного призрения в России. (Сост. в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел.) СПб., 1862. С.13–15.

Воспитательный дом

сословий. Профессора университета возглавляли некоторые городские больницы. Действовала и Московская медико-хирургическая академия, в 1844 г. слившаяся с медицинским факультетом университета. Ее терапевтическая и хирургическая клиники помещались при Екатерининской больнице у Петровских ворот. Там же находился оспенный комитет, а позднее фельдшерская школа. В начале 40-х гг. Москва располагала более чем 40 больницами и госпиталями[46].

Старейшим, самым обширным (на 4 тыс. больных), наилучше оснащенным медицинским учреждением в Москве был основанный Петром I военный госпиталь в Лефортове. Госпиталь славился чистотой и порядком. Там могли лечиться все, кто имел отношение к военному ведомству, а также солдатские жены.

В Серпуховской части помещалась императорская Петропавловская (Павловская) больница на 176 кроватей – для разночинцев и иностранцев. В Сущевской части – Екатерининская больница на 220 мест, принимавшая людей «всякого звания» – имущих и неимущих, включая крестьян и дворовых. Больница находилась в ведении Приказа общественного призрения, как и Преображенская (дом умалишенных).

В самом начале XIX в. на Калужской улице выросло прекрасное здание Голицынской больницы, построенной по проекту М. Ф. Казакова на средства, завещанные князем А. М. Голицыным. Она была рассчитана на 155 мест (в том числе 30 – для неизлечимых больных). Щедро оборудованная больница принимала без всякой платы больных всех сословий, кроме крепостных. Ее содержание обеспечивалось доходами с двух обширных вотчин князей Голицыных.

В 1805 г. открылась Мариинская больница в Мещанской части города (на Новой Божедомской улице), принадлежавшая к ведомству учреждений императрицы Марии. Большим событием стало открытие в 1833 г. Градской больницы (рядом с Голицынской) на 450 мест. За лечение бралась плата (4 руб. 50 коп. в месяц), малоимущие от нее освобождались. Пользоваться больницей позволялось не более одного года. За несколько лет перед тем открылась Глазная больница на Тверской улице, а в начале 40-х гг.– детская больница на Малой Бронной (100 кроватей) для детей бедных родителей и больница для чернорабочих на Старой Божедомской улице; в 1852 г. в ней лечилось более 12 тыс. человек[47].

Больницами пользовались преимущественно люди малообеспеченные, самые бедные – бесплатно. Более или менее состоятельные лечились дома, приглашая частнопрактикующих врачей.

Успех у публики имело лечение минеральными водами в заведении доктора Х. И. Лодера возле Крымского брода. Сюда приезжали даже издалека – от Петербурга до Сибири[48].

Для помощи больным, найденным на улице, были устроены четыре больницы при съезжих домах (полицейских участках).

За полвека Россию дважды постигали эпидемии холеры. Не миновали они и Москву. Первая разразилась осенью 1830 г. Сразу же при появлении признаков этой страшной болезни были приняты энергичные меры: для города установили карантины, въезд и выезд из него были запрещены. Жители стали за-

[46] *Пассек В.* Указ. соч. С.340.

[47] Обозрение действий Приказов общественного призрения // Журнал Министерства внутренних дел. 1854. Ч.9. № 11–12. Отд.2. С.85.

[48] *Пыляев М.И.* Старое житье. Очерки и рассказы о бывших в отшедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. М., 1990 (репринтное воспроизведение со 2-го изд. СПб., 1897). С.85

Здание Опекунского совета на Солянке. Архитекторы Д. Жилярди, А. Григорьев. 1823–1826 гг. Литография. Середина XIX в.

пасаться лекарствами и провизией. Повсюду проходили богослужения с молитвами об избавлении от напасти. Жизнь в городе замерла: закрывались фабрики, учебные заведения, присутственные места, театры, опустели улицы. Город охватила паника. «Все трепетало страшной заразы, подвигавшейся по Волге к Москве. Преувеличенные слухи наполняли ужасом воображение. Болезнь шла капризно, останавливалась, перескакивала, казалось, обошла Москву и вдруг грозная весть: «Холера в Москве!» – разнеслась по городу... Москва приняла совсем иной вид... Экипажей было меньше, мрачные толпы народа стояли на перекрестках и толковали об отравителях; кареты, возившие больных, шагом двигались, сопровождаемые полицейскими; люди сторонились от черных фур с трупами»[49].

Во всех частях города открылись на пожертвования временные холерные больницы. «Университет не отстал,– вспоминал Герцен.– Весь медицинский факультет, студенты и лекаря en masse привели себя в распоряжение холерного комитета; их разослали по больницам, и они остались там до конца заразы. Три или четыре месяца эта чудная молодежь прожила в больницах ординаторами, фельдшерами, сиделками, письмоводителями, и все это без всякого вознаграждения и при том в то время, когда так преувеличенно боялись заразы».

Профессора-медики М. Я. Мудров и И. Е. Дядьковский вошли в центральную комиссию по борьбе с эпидемией и уехали в Саратов. В следующем году Мудрова вызвали в Петербург, где он сам заболел и скончался от холеры. Для успокоения населения профессор М. П. Погодин с согласия властей занялся выпуском еженедельного бюллетеня, сообщавшего о ходе эпидемии. Бюллетень печатался отдельным изданием и в газетах – общим тиражом 20 тыс. экземпляров. Чтобы поднять дух населения, в разгар эпидемии в Москву приехал царь, пробывший здесь несколько дней. Зимой болезнь стала отступать. В декабре 1830 г. наружное оцепление Москвы было снято.

Эпидемия повторилась в 1847 г., но на этот раз ее последствия были не столь опустошительными.

В ведении городских властей находилось также бытовое устройство детей-сирот и подкидышей, малоимущих стариков, увечных, неизлечимо больных. С этой целью строились сиротские приюты, инвалидные дома для военных, богадельни и убежища для людей преклонного возраста, слепых и т.д. Такие учреждения назывались «богоугодными». Они существовали как за счет государства, так и на средства города, а также разных благотворительных обществ и пожертвований частных лиц.

В начале XIX в. в ведении московского губернского Приказа общественного призрения находилось 5 заведений (не считая училищ), в 1810 г.– 10, а к середине столетия – 35, из них полтора десятка в Москве. Сюда входили сиротский дом, несколько богаделен, больниц и больничных отделений (в том числе Екатерининская больница, больница для чернорабочих, дом умалишенных)[50]. В 1811 г. в Москве содержалось 17 богоугодных заведений, в начале 40-х гг.– 83, большинство при церквах[51].

Обширная Екатерининская (Матросская) богадельня, основанная Петром I, имела несколько отделений: для бедных дворян и отставных чиновников, для раз-

[49] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.8. С.127–128.

[50] Журнал Министерства внутренних дел. 1854. Ч.9. № 11–12. Отд.2. С.84–85.

[51] Бумаги... собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч.4. С.230; *Пассек В.* Указ. соч. С.340.

ночинцев (большей частью из военных), для бывших солдат, для бедных дворянских сирот. При богадельне находились больница, училище, сад, огород.

С большим размахом благотворительность велась Ведомством учреждений императрицы Марии, вдовы Павла I, созданным в самом начале XIX в. Из его московских заведений широкой известностью пользовался императорский Воспитательный дом для «несчастнорожденных» (внебрачных) детей, а также сирот. Они воспитывались здесь с младенческого возраста, получали общее или профессиональное образование. Московский Воспитательный дом – первое в России учреждение такого рода – основан был еще в XVIII в. по манифесту Екатерины II и проекту И. И. Бецкого на добровольные пожертвования. Управлял им Опекунский совет, прекрасное здание которого размещалось на Солянке. Воспитательный дом поражал своей грандиозностью. Он занимал комплекс помещений на Москворецкой набережной. К нему прилегал обширный сад. Имелся у него и загородный дом, куда воспитанники переезжали на лето. На гербе, украшавшем главное здание, был изображен пеликан, кормящий своих детей,– символ родительской любви. В начале 30-х гг. число воспитанников превышало 20 тыс. (в 1831 г.– 23 928, в 1832 гг.– 25 855 чел.)[52]. Несмотря на имевшуюся здесь высокую смертность, оно с каждым годом росло[53]. Не все из принятых в Воспитательный дом детей жили в этом здании: те, у кого был родительский дом, оставались там, многих распределяли по деревням; вырастая, они получали небольшой надел, становились крестьянами и оседали на земле. Воспитательный дом был учреждением несомненно полезным, а для сотен и тысяч людей спасительным. Но общая атмосфера там была суровой и холодной. Главное внимание уделялось чистоте и порядку, воспитанию в детях христианских чувств и обязанностей, признательности «благодетелям». Принесенных младенцев, как и рожениц, принимали без излишних формальностей. В родильном доме существовало секретное отделение для женщин, не желавших назвать свое имя. Их не подвергали расспросам, разрешалось даже скрывать лицо под маской. Тем, кого можно было отнести к «высшему состоянию», отводились отдельные покои[54].

Тому же ведомству принадлежал Вдовий дом, основанный в 1803 г. и тесно связанный с Воспитательным. Его большое красивое здание находилось вблизи Пресненских прудов в Кудрине. В нем содержалось около 600 вдов, мужья которых прослужили в военной или гражданской службе не меньше 10 лет или погибли в воинском сражении. При вдовах могли находиться малолетние дети (мальчики – до 8 лет, девочки – до 11 лет). С 1818 г. из тех, кто проявил себя сердобольными, умеющими ухаживать за больными и прошел практику в Мариинской больнице, выбиралось 50 женщин, получавших звание сестер милосердия. Они давали обет посвятить себя служению страждущим. Сестры милосердия носили форму: темно-коричневое платье, на груди – золотой крест на зеленой ленте. Их приглашали к тяжелобольным и в частные дома, никакой платы им за это не полагалось.

Суровая эпоха накладывала и на благотворительные заведения печать официальной холодности и казенщины. Описывая внешнее великолепие Воспитательного и Вдовьего домов, как и некоторых других подобных учреждений, признавая их «образцами порядка, заботливости и чистоты», отмечая их большую пользу, французский путешественник маркиз де Кюстин вместе с тем с сожалением отмечал, что все в них «поставлено на военную ногу и человеческая жизнь сведена к роли часового колеса. Здесь подавляет совершенное единообразие во всем и замораживает педантичность, неотделимая от идеи порядка, вследствие чего вы начинаете ненавидеть то, что в сущности заслуживает симпатии»[55],– признавался он.

В благотворительных делах большая роль принадлежала церкви. При церквах находилось более 50 богаделен – большей частью в Замоскворечье, а также в Рогожской, Покровской и Мещанской частях города.

Благотворительным организациям, как правило, был присущ полуобщественный, полуофициальный характер. Обычно они пользовались покровительством императора, императрицы, других членов царской фамилии. Возглавляли их чаще всего высокопоставленные особы. В результате возможности этих организаций увеличивались, но вместе с тем несколько стеснялась их деятельность, получая бюрократический оттенок. Уставы благотворительных обществ утверждались царем.

Крупнейшим из них являлось Человеколюбивое общество, возникшее в Петербурге в начале XIX в. под покровительством Александра I и просуществовавшее более ста лет. Его президентом и главным попечителем был князь А. Н. Голицын, которого сменил петербургский митрополит Серафим. Общество имело отделения и в других городах страны. В начале 1818 г. открылся Московский попечительный комитет о бедных, по размаху своей деятельности вскоре выдвинувшийся среди подобных комитетов на первое место[56]. Более сорока лет его возглавлял князь С. М. Голицын (вносивший ежегодно на благотворительные цели 6 тыс. руб. и более). Общество помогало неимущим деньга-

[52] Отчет по воспитательным домам и зависящим от оных учреждениям за 1832 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1833. Ч.8. № 5. С.21.

[53] *Красуский В.* Краткий исторический очерк имп. Московского Воспитательного дома. М., 1878. На с. 71 – ведомость о числе поступивших и умерших по годам.

[54] Очерк имп. Московского Воспитательного дома. М., 1856. С.24–25.

[55] *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1990. С.193.

[56] Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901. С.243–244.

Странноприимный дом Шереметевых

ми, жильем, продуктами, опекало дряхлых и увечных, воспитывало и обучало ремеслам детей из бедных семейств. Кроме пожертвований Московский попечительный комитет получал ежегодное пособие из казны и от совета Человеколюбивого общества. Пять больших богаделен комитета в городе содержали более 1000 человек. Одна богадельня располагалась в подмосковном имении князя П. И. Одоевского, целиком отданном им на благотворительные цели. Комитет основал и содержал дом призрения мальчиков-сирот, рукодельное заведение для девиц, Странноприимный дом у Калужской заставы. Ведал он и некоторыми другими благотворительными заведениями.

В начале XIX в. Московское купеческое общество устроило на свои средства богадельню для убогих и престарелых в бывшем Андреевском монастыре на берегу Москвы-реки за Нескучным садом, где нашли себе пристанище более 300 человек.

Широкое распространение получила и частная благотворительность. В качестве наиболее крупных жертвователей в первой половине XIX в. выступали московские аристократы, владельцы больших состояний.

Среди основанных ими благотворительных заведений выделялся Странноприимный дом графа Н. П. Шереметева, устроенный им в 1803 г. в память своей жены (до замужества – крепостной актрисы П. И. Жемчуговой). В отведенном для Странноприимного дома дворце (ныне – Институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского) помещались мужская и женская богадельни, а также больница для бедных с операционным залом. Храм Странноприимного дома построен по проекту знаменитого Дж. Кваренги. В строительстве зданий принимали участие П. И. Аргунов и другие крепостные архитекторы. Благотворительность Странноприимного дома Шереметева имела различные виды. Ежегодно выдавались пенсии беднейшим семьям. Нуждавшимся ремесленникам помогали инструментами и материалами. Давалось приданое 35 невестам (от 100 до 1000 руб. каждой), которых отбирали баллотировкой из малоимущих добропорядочных семей в торжественной обстановке. Церемонии предшествовало богослужение, литургию нередко совершал сам митрополит. Помощь оказывалась только людям, имеющим безупречную репутацию. Главным смотрителем Странноприимного дома стал известный археограф А. Ф. Малиновский.

С середины XVIII в. существовал Странноприимный дом князей Куракиных недалеко от Красных ворот – для раненых и отставных солдат. Богадельня на 105 мест имелась при Голицынской больнице. Странноприимный дом св. Дарии для больных стариков – католиков и лютеран – основал в 1823 г. возле храма святого Людовика на Лубянке анонимный благотворитель.

С годами благотворительность получала все большее распространение. Возникали новые организации и общества. В 1837 г. дочери Николая I вместе с матерью-императрицей основали Московское благотворительное общество, дававшее образование и оказывавшее материальную помощь девочкам из нуждавшихся семей (исключая крепостных). Общество открывало школы для приходящих девочек. Принимали туда и за плату. К середине века в городе имелось 14 таких школ с 415 воспитанницами и пансионерками.

Большой размах приобрела деятельность созданного в 1845 г. по инициативе и во главе с княгиней С. С. Щербатовой – женой бывшего московского генерал-губернатора – Московского дамского попечительства о бедных. Председательница (дочь московского богача С. С. Апраксина) вложила сюда большие средства и не меньшую энергию. Обладая миллионным состоянием и многими собственными домами, Попечительство, имевшее в городе 19 отделений, оставило далеко позади остальные учреждения такого рода. Оно содержало более 20 школ, детских и семейных приютов, богаделен для престарелых и слепых женщин. Кроме того, нуждающимся выдавались денежные и вещевые пособия.

Распространенной формой помощи бедным было устройство благотворительных балов, спектаклей, лотерей. Однако не все одобряли такой вид благотворительности. В 1847 г. в связи с этим даже развернулась полемика в печати. «Московские ведомости» опубликовали присланную в редакцию безымянную статью, горько высмеивавшую «*веселую* благотворительность», превратившуюся в забаву для богатых; ей противопоставлялся бытовавший на Руси прежде и сохранившийся в крестьянской среде немудреный способ помощи просящим милостыню. Автором статьи был славянофил К. С. Аксаков. Поводом послужили устроенные в пользу бедных в Москве в дни Великого поста катанья по городу и с гор с факелами, повергавшие благочестивых людей в негодование. На статью ответил Н. А. Мельгунов. Признавая несовершенство практиковавшихся видов благотворительности, он делал упор на их пользе и необходимости. Вместе с тем Мельгунов (видимо, поддавшись прогнозам социалистов) полагал, что наступит время, когда необходимость в благотворительности отпадет. На его выступление откликнулся С. П. Шевырев, изобразивший в сценке-мистерии печальный финал отказа от благотворительности. Взамен предлагался иной идеал, не менее утопический: разум, взаимное доверие, готовность помогать нуждающимся как надежное средство преодолеть нужду. Мельгунов возражал на этот раз в «Современнике». Полемика вызвала разноречивые отклики: одни хвалили статью Аксакова, другие с ней не соглашались. В пику западникам и в защиту обычаев старины Н. В. Сушков опубликовал драму «Бедность и благотворительность»[57].

Помощь оказывалась и некоторым категориям нищих – тем, кто по возрасту (старики, дети) или по болезни не способен был трудиться. Их отправляли в богадельни, детей – в приюты или в учение.

Благотворительность положительно влияла на общественную нравственность. Но при всем ее размахе она лишь в очень небольшой степени могла помочь решению обострявшихся социальных проблем.

7. СУД. ТЮРЬМЫ

Судебная система в России была сословной по характеру, громоздкой по формам. Для дворян и крестьян предназначался уездный суд (те и другие имели там по два выборных заседателя), для купцов и мещан – магистрат, для иногородних и иностранцев – надворный суд. Апелляционными инстанциями служили палаты уголовного и гражданского суда с заседателями от дворянства и купечества. Существовал Коммерческий суд для купечества, Совестный суд с заседателями от разных сословий, а для наименее важных дел – Словесный суд. Последним двум вменялось в обязанность стараться примирить спорящие стороны.

Наиболее распространенными в Москве преступлениями и проступками являлись воровство, мошенничество, пьянство, бродяжничество. Задержанных полицией отправляли в полицейские участки (съезжие дома). Изредка случались грабежи и убийства. По данным московской полиции, в течение 1811 г. в городе было убито шесть человек, в 1832-м – три человека и найдено восемь мертвых младенцев. В том же 1832 г. отмечено три грабежа и 278 краж. О малочисленности серьезных преступлений в Москве писал в начале 40-х гг. бытописатель П. Ф. Вистенгоф: «Убийство здесь почти неслыханно, грабежи редки и почти невозможны»[58]. Такое положение характерно для всей первой половины века. В 1851 г. в городе было зарегистрировано четыре убийства и восемь детоубийств (по-видимому, новорожденных)[59].

Губернский тюремный замок, или острог, построенный в 1800 г. по проекту знаменитого М. Ф. Казакова и под его руководством, находился недалеко от Бутырской заставы. Комплекс его строений имел форму креста с церковью в

[57] Общественная благотворительность наших дней // Московские ведомости. 1847, 15 февраля. С.152–153; *[Мельгунов Н.А.]* Несколько слов в дополнение к статье «Общественная благотворительность наших дней» // Там же, 18 февраля. С.160–161 (Подп.: Л.); *Шевырев С.* Последние на земле бедные, или человеколюбивая утопия // Там же, 20 февраля. С.170; *Аксаков И.С.* Письма к родным. М., 1988. С.355–356, 653–654.

[58] Бумаги... собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч.4. С.231; Журнал Министерства внутренних дел. 1833, № 4. С.356; *Вистенгоф П.Ф.* Очерки московской жизни. М., 1842. С.196.

[59] См. в Журнале министерства внутренних дел 1851–1852 гг. ежемесячные таблицы особых происшествий в России.

Будочник. Литография. 1830-е гг.

Арестанты, идущие по этапу. Рисунок

центре. За высокой каменной стеной с четырьмя башнями по углам содержались подследственные заключенные. Военные отделялись от штатских, дворяне и чиновники – от прочего люда, «секретные арестанты» размещались особо. Все хозяйственные работы выполняли заключенные, их же обязанностью был уход за больными. При остроге имелись: фабрика по переработке сандала (где за плату трудились желающие из арестантов), мужская и женская больницы, аптека, пекарня, баня, кладовая с больничным бельем и обувью для неимущих арестантов. Здесь же находились жилые помещения для священника с причтом, подлекаря (полицейский штаб-лекарь приезжал из города) и «заплечных мастеров» (исполнителей приговоров – клеймения, наказания кнутом и проч.).

На общем фоне того времени, когда условия содержания арестантов были ужасающими[60], новая тюрьма могла казаться благоустроенной и даже образцовой. В указе Александра I от 13 декабря 1817 г. московский и калужский остроги ставились в пример всем остальным. По свидетельству посетившего московский тюремный замок профессора-правоведа А. П. Куницына, там не применялись кандалы и цепи (тогда как в других тюрьмах, кроме того, широко употреблялись колодки, «рогатки», приковывание к стене, полу, к тяжелому чурбану и прочие бесчеловечные приемы и приспособления). В момент посещения Куницына в тюрьме содержалось около 300 «колодников» – большей частью беглых солдат и крепостных; обвиняемых в уголовных преступлениях было немного. В иные времена, по словам Куницына, арестантов в тюрьме помещалось вдвое больше[61].

Но и в этой «лучшей из тюрем» положение заключенных было крайне тяжелым. Подозреваемые и задержанные за незначительные проступки содержались вместе с закоренелыми преступниками, малолетние и юные – вместе со взрослыми, заразные больные вместе со здоровыми. Скученность порой достигала невероятных размеров. На пропитание арестантов отпускались ничтожные средства. Даже денежные пожертвования доходили до них лишь частично, в строго определенном размере: остальное передавалось в городскую думу, на средства которой содержалась тюрьма. Сидели в своих лохмотьях (казенное платье не полагалось). Некоторым вообще нечем было прикрыться, одежда ограничивалась рубашкой. Отапливались помещения плохо. Особенно холодно было в малолюдных женских отделениях. Внутреннее помещение острога во второй четверти XIX в. детально обрисовал А. Ф. Кони: «В маленьких, скупо дававших свет окнах не было форточек; печи дымили; вода получалась из грязных притоков Москвы-реки; в мужских камерах не было нар; на ночь в них ставилась протекавшая и подтекавшая «параша»; не было никаких приспособлений для умывания; кухни поражали своею нечистотою... пища была плохая и скудная, но зато в углу камер, у стен с облупленною штукатуркою, покрытых плесенью и пропитанных сыростью, вырастали грибы»[62]. Положение несколько улучшилось с созданием Попечительного комитета о тюрьмах.

[60] *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: В 3-х т. Изд. 2-е, доп. и пересмотр. Т.1. М., 1951. Гл.2 и 6.

[61] *Куницын А.* О городовом московском замке. (Отрывок из записок профессора А.Куницына, сочиненных им в проезд из С.-Петербурга в Москву и обратно) // Сын отечества. 1818. № 34. С.49–59. См. также: О губернском московском тюремном замке // Русский вестник. 1818. № 15–20. С.164–179. (Подп. Л.О.Д.).

[62] *Кони А.Ф.* Федор Петрович Гааз. Биографический очерк. Изд. 4-е, доп. СПб. [1904]. С.87–88.

Доктор Ф. П. Гааз

Временную городскую тюрьму у Воскресенских ворот в просторечии именовали «Ямой», поскольку она располагалась в каменном углублении (где когда-то чеканили деньги). Предназначалась «Яма» главным образом для неисправных должников до выплаты ими долга. Большей частью в ней содержались купцы, объявившие себя банкротами. Особую категорию составляли арестанты, отсидевшие свой срок, но не имевшие денег, чтобы заплатить за содержание и лечение в тюрьме. В «Яму» заключались и лица, находившиеся под следствием, а также дворовые, присланные туда своими господами в виде наказания. Камеры тюрьмы распределялись по сословиям: одно помещение было отведено дворянам и чиновникам, другое – купцам, третье – мещанам. Для подследственных предназначалась так называемая Управская палата. Женщины содержались отдельно.

Задержанные полицией за бродяжничество, нищенство, распутство, другие проступки подвергались заключению в исправительных заведениях – Работном (Рабочем) и Смирительном домах. Туда же могли отправить на определенное время помещики своих крепостных, а в Смирительный дом – и родители своих непокорных детей. Заключенные там люди принадлежали к «самому низшему классу». К лицам привилегированным подобные наказания не применялись.

Москва служила крупнейшим пересыльным пунктом арестантов, осужденных на каторжные работы, а также на поселение в Сибирь (последнее практиковалось особенно широко). Через Москву шли арестанты из 24 губерний – не менее чем по шесть тысяч человек в год (не считая следовавших «под присмотром»). Положение идущих по этапу было ужасно. Каторжников заковывали в ручные и ножные кандалы, остальных с середины 1820-х гг. из опасения побегов приковывали группами по 8–10 человек наручниками к общему железному пруту, который не разрешалось снимать даже на ночь в течение всего пешего перехода к месту ссылки. Так поступали не только с преступниками, но и с крепостными крестьянами, переселяемыми помещиком из одного места в другое, и вообще со всеми, пересылаемыми «под присмотром». Прут насильственно соединял людей разного возраста и роста, сильных и немощных, мешал идти, не позволял отставать, передохнуть, уединиться ни на минуту. Наручники натирали руки до ран, зимой вызывали обморожения, летом – ожоги. Соединенные прутом оказывались в худшем положении, чем каторжники, закованные в кандалы и шедшие поодиночке. С 1825 г. всем идущим по этапу брили половину головы. Пересыльная тюрьма размещалась на Воробьевых горах в недостроенных зданиях, оставшихся там после прерванного строительства храма Христа Спасителя.

В 1829 г. с целью «христианского человеколюбия и нравственного исправления содержащихся в заключении» основан был Попечительный комитет о тюрьмах – ответвление возникшего за десять лет перед тем в Петербурге Попечительного о тюрьмах общества. Но права этого комитета, как и общества в целом, были весьма ограниченны. Власти над тюрьмами он не имел и мог лишь оказывать материальную помощь арестантам да выступать с ходатайствами. Комитет возглавляли генерал-губернатор князь Д. В. Голицын и митрополит Филарет.

Душой московского комитета был один из его директоров – главный врач тюремных больниц Москвы доктор Федор Петрович Гааз (Фридрих Йозеф Хаас), всячески старавшийся облегчить тяжкую участь «несчастных». Полный сострадания, «страстно-деятельный, восторженный представитель коренных начал человеколюбия»[63], он добивался смягчения тяжелейших условий содержания заключенных. Постоянно навещал их, лечил, опекал, снабжал душеспасительными книжками религиозно-нравственного характера, старался пробудить в преступниках раскаяние, утешить невинно страдающих, внушить им надежду, поддержать делом и ласковым словом. Гааз устраивал свидания арестантов с родственниками, помогал крепостным соединиться с детьми, удержи-

[63] *Кони А.Ф.* Федор Петрович Гааз. Биографический очерк.С.13. См. также: *Копелев Л.* «Святой доктор Федор Петрович». СПб., 1993.

ваемыми помещиком. По его инициативе тюремный комитет учредил особую должность ходатая и «справщика» по делам заключенных, который поддерживал связь с сосланными. Гааз добился для пересылаемых по этапу недельной передышки в Москве. Он настоял на устройстве за Рогожской заставой дополнительного полуэтапа, где арестанты останавливались на ночлег. Перед отправкой очередной партии в Сибирь Гааз приезжал с корзинами съестных припасов, внимательно выслушивал просьбы, больных и слабых оставлял в больнице вопреки протестам конвойных офицеров. Величайшие усилия прилагал он для отмены бесчеловечного приковывания людей к общему железному пруту. Откликнувшись на мольбы несчастных, стал хлопотать о замене прута облегченными кандалами. Хотя эту просьбу поддержал князь Голицын, запретить прут не удалось, но его все же заменили цепями. Кроме того, было разрешено обращаться по этому поводу с ходатайством к начальству. Неутомимые хлопоты «святого доктора» (как называли его в народе), нарушавшие бюрократическую рутину, вызывали нарекания чиновников и этапного начальства. На доктора жаловались, что он затрудняет работу конвоя, требовали отстранить его от должности. Наветы нередко принимались во внимание, но Гааз не прекращал свою филантропическую деятельность.

Заботился Гааз не только об участи заключенных, но и о материальной помощи их семьям. Он устроил школу для детей арестантов, создал больницу «для бесприютных», подобранных в тяжелом состоянии на улице, на 120 мест (народ прозвал ее «Газовской»), содействовал выкупу несостоятельных должников.

На похороны Гааза в 1853 г. пришли десятки тысяч москвичей. Гроб с его телом на руках несли до Введенского кладбища. На бюсте Гааза во дворе бывшей «Гаазовской больницы» выбит его девиз: «Спешите делать добро». Память о нем долго сохранялась среди ссыльных в Сибири. С симпатией писали о Ф. П. Гаазе А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, Евгения Тур, биографом его стал известный гуманист и судебный деятель А. Ф. Кони.

На том же поприще помощи ближнему трудились многие другие. Среди них Александр Иванович Тургенев (брат декабриста Николая Тургенева, друг Пушкина, Карамзина, Жуковского). В молодые годы он, по словам П. А. Вяземского, «отыскивал случаи помочь, обеспечить, устроить участь меньшей братии, где ни была бы она», боролся против произвола и «беззаконностей начальства». В Москве он стал «ходатаем, заступником, попечителем несчастных, пересылаемых в Сибирь. Острог и Воробьевы горы были театром его мирных и человеколюбивых подвигов, а иногда и скромных, но благочестивых побед, когда удавалось ему спасти или по крайней мере облегчить участь того или другого несчастного... Тургенев мог бы в России быть предтечею и основателем общины братьев милосердия»[64].

8. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Одной из функций власти являлось установление взаимоотношений с обществом: игнорировать его стало невозможно. Монархи действовали по-разному. Александр I в начале своего царствования пытался привлечь общественное мнение на свою сторону, действуя в духе идей Просвещения. Но длилось это недолго. В период тяжелых испытаний Отечественной войны 1812 г. верх взяли религиозные и мистические настроения. Однако и позже царь действовал не только путем бюрократических мер, но и через общественные структуры, разумеется, контролируемые сверху. Николаю I тоже было далеко не безразлично, о чем думают и говорят в обществе. Но он отдавал предпочтение методам подавления общественной активности, жестко пресекая «своевольство мыслей». Вместе с тем новый самодержец старался следовать образу строгого, но справедливого монарха, блюстителя национальных начал и государственных интересов России. Главные свои усилия он устремил на то, чтобы отгородить Россию от Запада, не допустить проникновения в общество опасных для существующего строя идей.

Характерным явлением позднего периода александровского царствования стало Библейское общество. В декабре 1812 г. император одобрил предложение князя А. Н. Голицына (главноуправляющего духовных дел иностранных исповеданий) об учреждении такого общества в Петербурге – по примеру уже существующего Британского, имевшего отделения в разных странах. Целью Библейского общества было довести Священное Писание до каждого жителя Российской империи. Почин встретил живой отклик в аристократических, а затем и в более широких кругах. В новое общество вошло немало влиятельных людей, включая министров. Президентом избрали А. Н. Голицына, вице-президентами – графа В. П. Кочубея, графа А. К. Разумовского, других высокопоставленных лиц, секретарем стал А. И. Тургенев. Основанное людьми светскими, Библейское общество вскоре включило в свой состав церковных иерархов. Оно развернуло энергичную деятельность: Библию

[64] *Вяземский П.А. [А.И. Тургенев] // Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С.337–339.

закупали, переводили на языки народов России и иностранные языки, издавали массовыми тиражами, рассылали по губерниям и за границу. Филиалы общества появились во многих городах империи. С 1814 г. С. -Петербургское Библейское общество стало именоваться Российским библейским обществом. Был поставлен вопрос о переводе Библии на русский язык. Перевод поручили С. -Петербургской духовной академии (руководимой тогда Филаретом, будущим митрополитом московским). В 1818 г. из печати вышло Евангелие, в котором соседствовали тексты на церковно-славянском и русском языках.

Одним из первых и самых активных местных отделений Библейского общества стал Московский комитет, образованный летом 1813 г. Во главе его оказался известный историк и археограф Н. Н. Бантыш-Каменский. Затем комитет в разное время возглавляли (в качестве вице-президентов общества) митрополит Филарет, генерал-губернатор князь Д. В. Голицын, губернский предводитель дворянства П. Х. Обольянинов. Директорами побывали вице-президент Московской хирургической академии Н. С. Всеволожский, архивист А. Ф. Малиновский, ректор Московского университета И. А. Гейм, директор университетского Благородного пансиона А. А. Прокопович-Антонский, городской голова купец Кожевников[65].

Отношение к Российскому библейскому обществу нельзя назвать однозначным. Многим казалась подозрительной сама его цель: утверждали, что по канонам православной церкви Священное Писание должно передаваться мирянам не непосредственно, а только через священников; опасались соблазна и неверных толкований. Ортодоксальные церковники не могли примириться с тем, что иерархи православной церкви заседали в Библейском обществе вместе с мирянами, с англиканскими, католическими, лютеранскими священниками. В 1824 г. князю Голицыну пришлось сложить с себя звание президента, освободившееся место занял заядлый противник его начинаний петербургский митрополит Серафим, сознательно свертывавший деятельность Библейского общества как «богопротивного». Еще некоторое время общество продолжало существовать, пока не было закрыто в 1826 г. В конце царствования Александра I симпатии императора и его ближайшего окружения к христианству в разных его проявлениях уступили место твердой ориентации на православие.

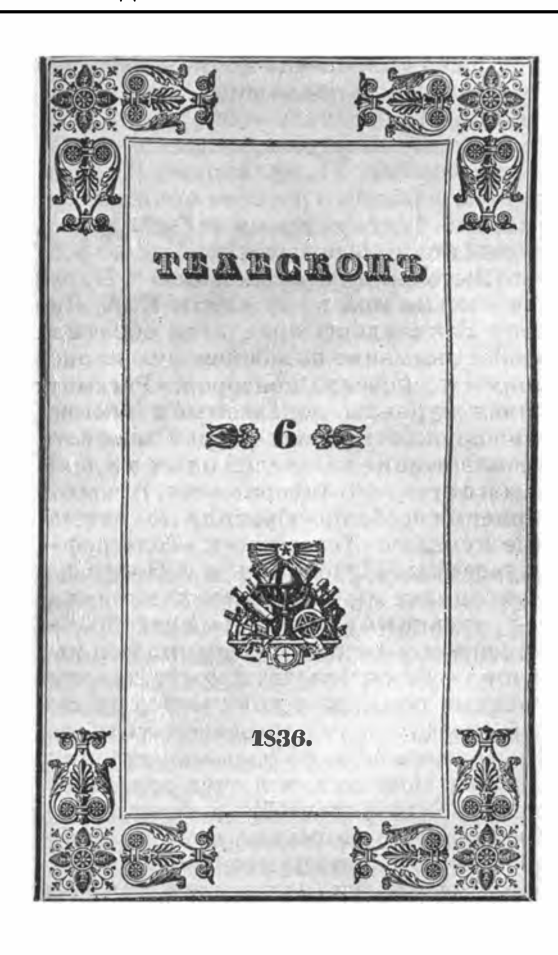
Значительно большую стройность и последовательность официальная идеология приобрела при его преемнике. Николай I неизменно ориентировался на православную церковь – при условии ее всецелого подчинения самодержавной власти. Доктрину, на многие годы и десятилетия вперед определившую идеологию самодержавия, выдвинул товарищ (помощник) министра народного просвещения С. С. Уваров. Ее появление связано с Москвой – свое законченное выражение она получила в итоговом докладе Уварова царю о ревизии Московского университета в 1832 г. В своем отчете сановный ревизор сформулировал основные охранительные начала, которые, как он рассчитывал, послужат якорем спасения для России: православие, самодержавие, народность. Главным и определяющим в этой триединой формуле являлось самодержавие. Двум остальным ее элементам предназначалась подчиненная роль. Православие должно было содействовать укреплению авторитета самодержавия. Народность толковалась как исконная и неизменная приверженность русского народа православию и самодержавию. Предполагалось, что сочетание и усвоение этих трех начал обеспечат стабильность, предохранят страну от потрясений. Новую доктрину, рассчитанную на консервацию существующих порядков, позже назвали «теорией официальной народности».

Важным инструментом в руках царского правительства, позволявшим ему влиять на общественные настроения, сдерживать недовольство, ограничивая нежелательную для себя информацию, служила цензура – снисходительная в начале царствования Александра I и неимоверно придирчивая при Николае I. В начале XIX в. управление ею перешло от управ благочиния к Министерству народного просвещения, потом – к Министерству полиции, после его ликвидации – к Министерству внутренних дел, позже – снова к Министерству народного просвещения. За полвека в России сменилось три цензурных устава[66]. Первый из них, принятый в 1804 г., был довольно либеральным. Печати позволялось «скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры, управления государственного или какой бы то ни было отрасли правления». Текст, в котором можно было усмотреть двоякий смысл, рекомендовалось толковать «выгоднейшим для сочинителя образом». Поворот правительства к реакции отразился на цензуре. Устав 1826 г. современники прозвали чугунным: его тяжелый пресс грозил задушить все живое в литературе. По справедливому замечанию С. Н. Глинки, устав давал возможность запретить все что угодно. Обвиненному в неблагонадежности автору, редактору, издателю грозили суровые кары. Ответственность распространялась на уже одобренные цензурой и вышедшие в свет произведения. Московские цензоры – литераторы С. Н. Глинка, С. Т. Аксаков, В. В. Измайлов – договорились действовать в со-

[65] *Пыпин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С.30, 73.

[66] Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862.

мнительных случаях не путем запретов, а по соглашению с авторами. В результате, по уверению Глинки, пострадал он один (не была пропущена его рукопись «История жизни Александра I»). Продержавшийся всего два года «чугунный» устав в 1828 г. был заменен другим, на первый взгляд менее жестким, на деле же весьма стеснительным. В отличие от предшествовавшего, он уже не вменял цензуре в обязанность ни направлять общественное мнение, ни следить за чистотой русского языка(!). Ее задачи ограничивались пропуском произведений в печать или их запрещением, причем точно определялись сроки и порядок прохождения рукописей. Цензорам предлагалось обращать особое внимание «на дух рассматриваемой книги, на видимую цель и намерение автора». К научным трудам рекомендовался иной подход, чем к изданиям для широкой публики. Запрещалось рассуждать о вопросах государственной важности – правительственных мерах, желательности тех или иных улучшений, средствах их реализации и т. п. Устав обязывал доставлять в некоторые ведомства (включая III отделение) по одному экземпляру выпускаемых изданий. Представитель III отделения вошел в Главное управление цензуры. Общая цензура дополнялась ведомственными, которых возникло множество. Например, отзывы об игре артистов императорских театров могли публиковаться только с разрешения министра имп. Двора, к которому они поступали через III отделение.

Обложка журнала «Телескоп»

Уставные правила сразу же стали дополняться всевозможными наказами цензорам. Так, им было приказано в случае поступления рукописей, «клонящихся к распространению безбожия или обнаруживающих в сочинителе или художнике нарушителя обязанностей верноподданного... *немедленно извещать высшее начальство для учреждения за виновным надзора или же и придания его суду по законам*»[67]. В тяжелом положении оказалась не только литература, но и цензоры, подвергавшиеся сильному нажиму со стороны своего начальства, тайной полиции, самого императора. Недостаточно бдительного цензора обычно отправляли под арест на гауптвахту. В 1830 г. такая участь дважды постигла С. Н. Глинку – верноподданного монархиста, но противника жестких мер. По отзывам современников, доверчивый Глинка разрешал рукописи к печати, почти их не читая. Колоритный образ этого чудака и оригинала запечатлен в записках Ксенофонта Полевого[68].

Постоянным нареканиям охранителей подвергались московские журналы. В 1827 г. в III отделение поступил донос на издателей «Московского вестника», названных там «истинно бешеными либералами». Доносчик предупреждал о крайней политической неблагонамеренности редакторов и издателей: «Сии юноши не пишут ничего литературного, почитая сие недостойным себя, и занимаются одними политическими науками. Образ мыслей их, речи и суждения отзываются самым явным карбонаризмом»[69]. В следующем году великий князь Михаил Павлович обратился к А. Х. Бенкендорфу с жалобой на профессора Московского университета М. Г. Павлова – издателя журнала «Атеней», где была помещена статья с недостаточно почтительным отзывом о молодых гвардейских офицерах. Тогда же через жандармского генерала А. А. Волкова было сделано строгое внушение издателю «Московского телеграфа» Н. А. Полевому и цензору С. Н. Глинке за публикацию в журнале (1829, № 14) фельетона «Приказные анекдоты», обличавшего некоторые бюрократические обыкновения. Полевого обязали представлять все критические статьи на предварительный просмотр начальнику московских жандармов.

Цензурные притеснения особенно усилились с момента революции 1830 г. во Франции и польского восстания того же года. На неопределенное время была отложена публикация драмы М. П. Погодина «Марфа Посадница» исключительно из-за «смутных обстоятельств». Подверглись запрещению лучшие московские журналы. Раньше других (в 1832 г.)

[67] Цит. по: *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам III отделения с.е.и.в. канцелярии. Изд. 2-е. СПб., 1909. С.40.

[68] Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934. С.249–263.

[69] Цит. по: *Лемке М.К.* Указ. соч. С.40–41.

пострадал «Европеец» И. В. Киреевского. Бенкендорф писал министру просвещения, что издатель «обнаружил себя человеком неблагомыслящим и неблагонадежным». Управляющий III отделением сообщал о распоряжении царя, «дабы на будущее время не были дозволяемы никакие новые журналы без особого Высочайшего разрешения»[70]. В другом письме министру князю К. А. Ливену Бенкендорф предлагал обратить особое внимание на московскую периодику и московских цензоров: «Рассматривая журналы, издаваемые в Москве, я неоднократно имел случай заметить расположение издателей оных к идеям самого вредного либерализма. В сем отношении особенно обратили мое внимание журналы «Телескоп» и «Телеграф», издаваемые Надеждиным и Полевым. В журналах их часто помещаются статьи, писанные в духе весьма недобронамеренном и которые, особенно при нынешних обстоятельствах, могут поселить вредные понятия в умах молодых людей, всегда готовых, по неопытности своей, принять всякого рода впечатления. О таких замечаниях я счел долгом сообщить Вашей светлости и обратить особенное Ваше внимание на непозволительное послабление московских цензоров, которые, судя по пропускаемым ими статьям, или вовсе не пекутся об исполнении своих обязанностей, или не имеют нужных для сего способностей... не излишним было бы сделать московской цензуре строжайшее подтверждение о внимательном и неослабном наблюдении ее за выходящими в Москве журналами»[71].

Строгое внушение издателям «Московского телеграфа» и «Телескопа» сделал во время приезда в Москву С. С. Уваров осенью 1832 г. В 1834 г. первый из них по инициативе Уварова был запрещен. Предлогом явилась отрицательная рецензия на пьесу Нестора Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла», одобренную царем. Через два года та же участь постигла «Телескоп» за публикацию «Философического письма» П. Я. Чаадаева.

В начале 40-х гг., после появления статьи А. С. Хомякова «О сельских условиях», было запрещено помещать в печати какие бы то ни было отклики на царский указ 1842 г. об обязанных крестьянах. После смерти Н. В. Гоголя был посажен на гауптвахту И. С. Тургенев, поместивший в «Московских ведомостях» прочувствованный некролог, в котором покойный писатель был назван великим, а его смерть – невосполнимой потерей для России. Непрерывным цензурным нападкам подвергались славянофилы. Вскоре после смерти Николая I, еще до окончания Крымской войны, И. В. Киреевский с горечью писал, что при покойном царе литература находилась в тяжелейшем положении, а журнальная деятельность была «совершенно задушена»: «Наши книги и журналы проходили в публику, как вражеские корабли теперь проходят к берегам Финляндии, то есть между схер и утесов и всегда в виду крепости»[72].

Первоначально общероссийская духовная цензура сосредоточивалась в Москве. Расположившийся в Донском монастыре цензурный комитет состоял из председателя и трех членов. Подчинялся он непосредственно Синоду. В 1808 г. были образованы цензурные комитеты при реформированных духовных академиях, и встал вопрос, нужна ли сверх этого еще отдельная московская цензура. В конце концов он был решен отрицательно, и в 1828 г. духовная цензура в пределах московской епархии перешла полностью к Московской духовной академии (фактически это произошло еще за 10 лет до того)[73]. Московская духовная цензура, направляемая митрополитом Филаретом, отличалась особой строгостью. В 1834 г. она «вконец растерзала» роман писателя М. Н. Загоскина «Аскольдова могила». Митрополит Филарет нашел там «такое смешение предметов священных и светских, от которого нельзя не опасаться соблазна, когда книга поступит в руки людей всякого рода...»[74]. Даже некоторые священники, публикуя свои сочинения, старались по возможности избежать духовной цензуры и провести их через общую, скрыв от первой факт таких публикаций. С подобной просьбой обратился в 1834 г. к М. П. Погодину (как секретарю Общества любителей российской словесности) священник Ф. Ф. Сидонский. Незадолго перед тем он был отрешен от преподавания в Петербургской духовной академии за издание книги «Введение в историю философии». Приступив к написанию истории христианской церкви, Сидонский опасался, что начатому труду «трудно будет протиснуться сквозь узкие врата духовной цензуры, в которых остаются не только клочки шерсти, но и чего-нибудь побольше, самых смирных овечек»[75].

Цензура, тайный надзор, перлюстрация частных писем служили при Николае I главными средствами выяснения общественных настроений и предупреждения проявлений недовольства. Подавление свободной мысли приняло невиданные ранее размеры.

[70] Цит. по: *Лемке М.К.* Указ. соч. С.73.

[71] Там же. С.74.

[72] Цит. по: *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1972. С.137.

[73] *Котович А.Н.* Духовная цензура в России (1799–1855). СПб., 1909.

[74] *Никитенко А.В.* Дневник. Т.1. М., 1955. С.136, 488.

[75] Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн.4. СПб., 1891. С.243.

IV

ЭКОНОМИКА ГОРОДА

1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ

Вопрос об условиях и причинах, способствовавших промышленному становлению и развитию Москвы, начавшемуся еще во времена Петра Великого, не раз затрагивался и обсуждался на страницах литературы. В одной из книг XIX в. можно было прочитать на этот счет следующее: «Сравнительная бедность почвы, центральное положение города, искони установившиеся торговые связи со всею Россией, а также древнее государственное значение – все это указывало на естественное призвание Москвы – служить рассадником мануфактурной промышленности в стране, быть своеобразным центром обработки сырьевых произведений»[1].

Промышленное производство Москвы в первой половине XIX в., почти исключительно мануфактурное, отражало общероссийские процессы, связанные с развитием капиталистических отношений. Их проявлением было формирование капиталистической мануфактуры, а непосредственно в предреформенные десятилетия – превращение мануфактуры в фабрику, которое, однако, и после отмены крепостного права завершилось далеко не сразу. Наличие же труда крепостных до 1861 г., а также избыток рабочей силы в регионе, низкая покупательная способность населения, естественно, сдерживали поступательные шаги производства.

Москва начала XIX в., как и ранее, была центром текстильного производства, в основном хлопчатобумажного.

Нашествие наполеоновской армии и возникшие в связи с этим в городе пожары уничтожили немало промышленных предприятий. В Московской губернии из 465 промышленных предприятий сохранились немногим более половины – 266. В Москве урон оказался значительнее. В конце 1812 г., уже после изгнания Наполеона, в городе насчитывалось всего 64 предприятия с 12,3 тыс. рабочих[2]. Правда, вскоре, в 1814 г., благодаря «заботливой поддержке правительства», количество предприятий увеличилось до 253, а численность рабочих на них – до 27,3 тыс. человек. Этот довольно заметный рост произошел в основном за счет возникновения мелких предприятий.

Московские мануфактуры составляли тогда примерно 7% от их количества в стране, и на них было занято 16% рабочих. По числу занятых рабочих они были крупнее, чем мануфактуры таких же отраслей производства в других регионах страны. В какой-то мере это свидетельствовало и о пониженной «технической» оснащенности предприятий.

Представление о важнейших отраслях промышленного производства в Москве и числе рабочих на предприятиях этих отраслей дает таблица 1.

Таблица 1

Важнейшие отрасли промышленности в Москве

Отрасль промышленности	Число рабочих	
	в тыс.	%
Суконная и шерстяная	6,5	23,8
Шелковая	4,4	16,0
Хлопчатобумажная (ткацкая и набивная)	14,8	54,0
Шляпная	0,5	1,8
Позументная	0,4	1,4
Металлообрабатывающая	0,15	0,5
Кожевенная	0,2	0,8
Сахарная	0,1	0,5
Остальные	0,3	1,2
Итого	27,3	100,0

Из приведенных данных видно, что хлопчатобумажная, суконная и шерстяная, а также шелковая отрасли составляли – по числу рабочих – весьма внушительный сегмент московской промышленности (почти 94%). Не только металлообрабатывающая, но и некоторые другие отрасли, получившие в дальнейшем заметное развитие (пищевая, ко-

[1] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Новгородской губерний. Составил Комаров. М., 1895. С.278.

[2] История Москвы. Т.III. М., 1954. С.177.

женная), занимали пока более чем скромное место.

Из 66 московских хлопчатобумажных мануфактур 49 были купеческими, 3 – дворянскими, 8 – крестьянскими и 6 принадлежали иностранцам.

Наряду с крупными мануфактурами имелось много мелких. Хлопчатобумажных мануфактур с числом рабочих более 1000 человек было 2, от 500 до 1000 – 4, от 200 до 500 – 6, от 100 до 200 – 11, от 50 до 100 – 12, от 16 до 50 – 18 и менее 16 человек – 13[3]. К наиболее крупным относилась хлопчатобумажная мануфактура Григория Чорокова с братьями, на которой в 1814 г. было занято почти 6 тыс. рабочих и которая в этом году произвела 2,2 млн. аршин нанки, пике (белой рубчатой ткани), миткаля и платков. По данным на 1807 г. она размещалась в пяти деревянных и одной каменной ткацких светлицах; при мануфактуре имелись белильная, две сушильни, светлицы для отделочной машины и прессов, помещавшиеся в отдельных постройках, а также подсобные постройки. На мануфактуре трудилось 607 рабочих (из них 380 ткачей); размоткой бумаги занимались 550 рабочих на стороне (фактически это была капиталистическая работа на дому)[4]. Хозяин мануфактуры владел еще одним хлопчатобумажным заведением. На его предприятиях трудилось в общей сложности 42% рабочих этой отрасли в Москве.

Среди других текстильных предпринимателей заметное место занимали купец Кирьяков, коммерции-советник М. Титов. Последний в 20-е гг. одним из первых стал использовать ситцепечатные машины. Изделия мануфактуры Титова в начале XIX в. считались лучшими в Москве, в 20-е гг. его ситцы пользовались большим успехом на Лейпцигской ярмарке[5].

Владелец ткацкой и ситцевой мануфактуры купец Александр Грачев еще в 1807 г. установил в прядильном отделении пять машин «Дженни» с 300 веретенами, а также цилиндрическую печатную машину.

Немало крупных предприятий насчитывалось в шелковом производстве. У Александра Александрова работало 900 человек, у Гаврилы Урусова – 580, у Александра и Ивана Алексеевых – 445 человек. Вместе с тем в этой отрасли имелось множество мелких предприятий. На мануфактурах практиковалась капиталистическая работа на дому[6].

В Москве было 19 суконных мануфактур, из которых семь – красильные. Владельцем одной из них, насчитывавших 80 рабочих, был князь Долгоруков. В этой отрасли промышленности, производившей более 50% солдатского сукна, трудилось много крепостных. Московская суконная промышленность имела, однако, существенные отличия: лишь треть продукции представляла собой солдатское сукно (275 тыс. аршин), преобладающая же часть сбывалась на вольный рынок. В этой связи показательно, что многие суконные мануфактуры города занимались отделкой и окраской сукна, в то время как суровые сукна производились в деревнях[7].

Сравнивая развитие различных отраслей текстильной промышленности в Москве во второй половине XVIII в. и в первые десятилетия XIX в., следует отметить постепенное перенесение полотняных мануфактур из города в другие регионы страны и быстрый рост здесь хлопчатобумажного производства. Шло сокращение выпуска солдатского сукна, все больше стало вырабатываться тонкого сукна, поступавшего в большей своей части на рынок. На мануфактурах меньше использовался труд крепостных и посессионных, росла доля вольнонаемных (хотя нередко ими являлись отпущенные на заработки крепостные). Несмотря на успехи промышленного производства, мануфактура оставалась в значительной мере «рассеянной»: часть рабочих была занята на дому[8].

Заметное влияние на развитие московской промышленности оказал Таможенный тариф 1810 г., действовавший до 1816 г. Согласно ему, запрещался ввоз набивных и крашеных иностранных тканей, разрешалось ввозить миткаль как полуфабрикат, но с него взималась очень большая пошлина. Тариф 1810 г. ограждал русскую текстильную промышленность от иностранной, преимущественно английской, конкуренции[9]. Московские предприниматели неоднократно подавали прошения о сохранении запретительной системы, о распространении запрещений на новые товары или повышении пошлины на иностранные товары, ввоз которых препятствовал сбыту русских изделий из-за их меньшей конкурентоспособности. Однако в результате длительной борьбы в правительстве новый, смягченный тариф был тем не менее издан 31 марта 1816 г., а 20 ноября 1819 г. запретительная система была отменена, хотя и сохранялись высокие пошлины на ввозимые товары.

Нововведения повергли часть фабрикантов и заводчиков в состояние потрясения: некоторые московские предприниматели полагали, что для русских мануфактур новый тариф был более разорительным, чем война 1812 г. Вследствие этого правительство было вынуждено издать в 1822 г. новый, запретительный тариф[10]. За этим последовало учреждение Мануфактурного и Коммерческого советов с отделениями в Москве, открытие промышленных учебных заведений, издание «Журнала мануфактур и торговли» и других специальных журналов и газет, организация в 1829 г. первой общероссийской выставки ману-

[3] История Москвы. Т.III. С.179.

[4] История Московского купеческого общества. Т.II. Вып.1 (Сословно-общественная деятельность московского купечества в XIX в.). М., 1916. С.102–103; *Яцунский В.К.* Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959. С.160.

[5] Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. Т.III. № 9. СПб., 1865. С.79; Журнал мануфактур и торговли. 1828, № 6. С.46.

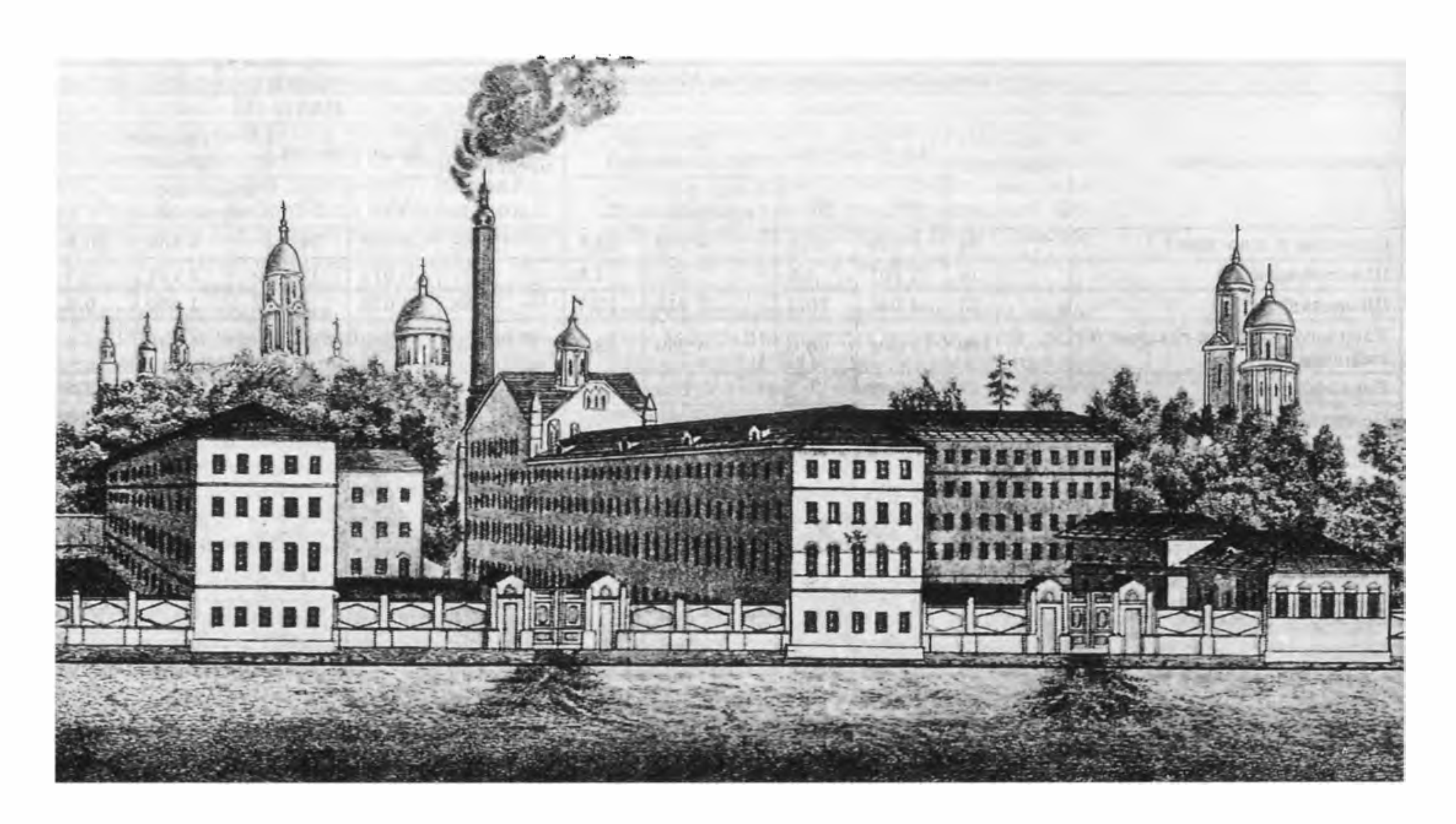
[6] *Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половины XIX в. М.-Л., 1950. С.173–174.

[7] История Москвы. Т.III. С.184.

[8] Там же. С.186.

[9] *Ладыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С.166–167. См. также: Ходатайства московских и других русских фабрикантов между 1811 и 1816 гг. // Сб. сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. Т.3. СПб., 1865. № 10. С.162.

[10] История Москвы. Т.III. С.190.

Суконная фабрика купца Новикова в Москве. Литография. 1845 г.

фактурных изделий, а за ней и других выставок промышленных товаров.

В 1827 г. были отменены привилегии на ситцепечатные цилиндрические машины. Это имело положительное значение, так как привилегии, не допуская свободного применения машин, тормозили производство.

Ведущая отрасль московской текстильной промышленности – хлопчатобумажная – к концу 20-х гг. заметно выросла по сравнению с 1814 г. (на который имеются сопоставимые данные): по количеству ткацких станов с 8,6 тыс. до 13,4 тыс., или на 56%, набивных столов – с 0,6 тыс. до 1,7 тыс., или на 183%, по числу рабочих – с 14,8 тыс. до 21,9 тыс., или на 48%[11]. Приведенные показатели дают определенное представление о том, что в расширении производства первенствующую роль играла его «механизация», а не рост числа рабочих.

К концу 20-х гг., по свидетельству современников, «чрезвычайно усовершенствовались» и суконные фабрики[12].

В 20-е гг. на предприятиях шелковой промышленности стали применяться станки Жаккарда. Они не являлись механическими ткацкими станками, но тем не менее способствовали заметному техническому усовершенствованию. Такие станки научились делать и московские мастера. В 1827 г. на московских предприятиях, наряду с простыми станками, работала уже почти тысяча станков Жаккарда. Московский купец Иван Гучков на своей шелковой мануфактуре установил вновь изобретенный стан для ткачества узорных тканей[13].

Несмотря на трудности развития хлопчатобумажного и шелкового производства вследствие относительно дорогостоящего ввозимого сырья, текстильная промышленность Москвы добилась заметных успехов. Впервые за рубежом на Лейпцигской ярмарке 1828 г. были представлены изделия русской текстильной промышленности. Одна из берлинских газет писала: «В Лейпциге имеет место в высшей степени замечательное явление. Это – русские мануфактурные товары, изготовленные в Москве... от всех действительных знатоков промышленности слышится только один громкий и откровенный голос, что русские мануфактурные товары, особенно шелковые материи всех сортов, хлопчатобумажные ткани, нанки, платки и пр., превзошли совершенством все ожидания. При этом единогласно и сообразно с самой строгой истиной признано, что русская промышленность за последние годы сделала достойные удивления гигантские шаги и что особенно Москва уже изготовляет товары, которые как по качеству и количеству сырья, так и по исполнению превосходят почти все, что поставляет остальная Европа...»[14]. Эта явно завышенная оценка изделий московской текстильной промышленности, по-видимому, была инспирирована «заинтересованными лицами»: импортировать русский текстиль после этой выставки европейские страны так и не ста-

[11] История Москвы. Т.III. С.191.

[12] *Б-шев Вл.* Очерк истории мануфактур в России. СПб., 1833. С.39.

[13] История Москвы. Т.III. С.194.

[14] Цит. по: История Москвы. Т.III. С.196.

Таблица 2

Промышленные предприятия Москвы в 1843–1853 гг.										
Отрасли производства	1843 г.					1853 г.				
	Кол-во предприятий	Число рабочих		Ценность продукции		Кол-во предприятий	Число рабочих		Ценность продукции	
		абс.	в%	в тыс. руб. серебром	в%		абс.	в%	в тыс. руб. серебром	в%
Суконная и шерстяная	64	8 155	21,4	4 199	21,8	58	11 287	24,9	5 869	20,8
Шерстобумажная	14	1 701	4,5	761	4,0	37	6 871	15,1	3 791	13,5
Шелковая	53	4 037	10,6	2 447	12,7	38	2 678	5,9	1 860	6,6
Хлопчатобумажная ткацкая и набивная	138	17 501	46,0	6 360	33,1	126	14 624	32,3	7 042	25,0
Бумагопрядильная	3	642	1,7	326	1,7	3	1 425	3,1	774	2,8
Полотняная	1	28	0,1	12	0,1	2	300	0,7	86	0,3
Лакированных изделий	2	71	0,2	78	0,4	3	85	0,2	114	0,4
Золотопрядильная, мишурная и позументная	11	465	1,2	856	4,4	15	725	1,6	1 064	3,8
Вся текстильная	286	32 600	85,7	15 039	78,2	282	37 995	83,8	20 600	73,2
Металлообрабатывающая и механическая	37	1 286	3,4	837	4,4	52	2 145	4,7	2 091	7,4
Бумажная	1	20	0,1	6	-	3	74	0,2	21	0,1
Кожевенная	14	738	1,9	488	2,5	15	817	1,8	1 014	3,6
Пищевая и табачная	11	522	1,4	1 061	5,5	22	1 571	3,5	1 889	6,7
Химическая и парфюмерная	3	124	0,3	386	2,0	9	482	1,0	808	2,9
Свечная	5	254	0,6	547	2,9	4	310	0,7	594	2,1
Кирпичная и гончарная	8	1 049	2,8	215	1,1	10	692	1,5	187	0,7
Разные	35	1 462	3,8	655	3,4	39	1 273	2,8	933	3,3
Всего	400	38 055	100,0	19 234	100,0	436	45 359	100,0	28 137	100,0
Источник: История Москвы. Т.III. С.199.										

ли. Тем не менее само участие в выставке было весьма примечательно.

Состояние московских мануфактур в 40–50-е гг. XIX в. характеризует таблица 2.

Преобладающее место в промышленности Москвы по всем приведенным показателям (количество предприятий, число рабочих и «ценность», стоимость продукции), как и ранее, занимало хлопчатобумажное, ткацкое и набивное производство, хотя в абсолютном выражении и количество предприятий, и число рабочих несколько уменьшились. Вторую позицию занимала суконная и шерстяная отрасль, третью – шелковая, которая, однако, продолжала сокращаться. Как было отмечено, бурно развивалось шерстобумажное производство, перешедшее с седьмой позиции в 40-х гг. на третью – в 50-х гг.

На общем фоне московского промышленного производства текстильная отрасль несколько «потеснилась», сократив свою долю в ценности всего производства с 78 до 73%. Вместе с тем набирали силу металлообрабатывающее и механическое, пищевое и табачное, кожевенное производства.

Металлообрабатывающие предприятия изготовляли в основном посуду (чайники, самовары), церковную утварь, колокола. Вместе с тем имелось несколько заведений, производивших карды – части прядильных машин, машины или их части для писчебумажных, ситцевых, суконных и шелковых фабрик. Среди них выделялось механическое заведение Алексеева (с 218 рабочими). Кроме того, три предприятия выпускали земледельческие машины. Самым крупным был завод Бутенопа, построенный при содействии «Московского общества сельского хозяйства» и получивший в 1833 г. правительственную ссуду для устройства «депо» (мест продажи) своей продукции в Харькове, Киеве и Казани. Москва в первой половине XIX в. начинала становиться одним из центров сельскохозяйственного машиностроения (при скромных пока еще размерах производства).

Быстро росла табачная промышленность. Если в начале века она только зарождалась в Москве (в 1820 г. была основана фабрика Бостанджогло)[15], то в начале 40-х гг. на предприятиях этой отрасли оказалось занято 500 человек (стоимость производства составляла 0,5 млн. руб.), а в начале 50-х гг.– уже 1300 человек (и стоимость производства поднялась до 1,5 млн. руб.). Некоторые табачные фабрики отличались особенно интенсивным ростом. Так, если на фабрике Бостанджогло в 1843 г. было занято всего 40 человек, производивших продукцию на 86 тыс. руб., то в 1853 г.– уже 670 человек с выработкой изделий на 910 тыс. руб.

[15] *Горностаев И.* Фабрики и заводы Москвы и ее пригородов. Ч.1. М., 1904. С.98.

Развивались, хотя и несколько медленнее, и другие отрасли промышленности, в частности пищевая, парфюмерная. В начале 50-х гг. в городе действовал рафинадный завод, две макаронных фабрики, семь небольших кондитерских (конфетных) заведений, несколько в основном небольших парфюмерных фабрик, три завода стеариновых свечей, мыловаренные заводы, несколько химических предприятий, изготовлявших красильные вещества.

В целом же в московской промышленности в рассматриваемое десятилетие (1843–1853) произошло увеличение всех трех основных показателей – и количества предприятий, и числа рабочих, и стоимости выпускаемой продукции, причем последний показатель – в отличие от первых – вырос особенно значительно (почти на 50%), что косвенно свидетельствовало об определенных успехах механизации производства и техническом прогрессе. В этой же связи можно отметить, что в 40–50-х гг. в качестве топлива стал использоваться в отдельных случаях торф, а в начале 50-х гг.– подмосковный уголь.

Кроме мануфактур, фабрик и заводов в Москве имелось немало мелких промышленных заведений различного профиля. В конце 50-х гг. 24 ремесленных цеха объединяли ремесленников почти 300 специальностей. В 30-е гг. в городе, и прежде всего в Лефортовской и Басманной его частях, было много мелких, «мелочных» шелковых заведений, особенно ленточных, в которых работало по 2–3 человека. Общее их число доходило до 60–70 и на них было занято около 500 женщин. Хлопчатобумажная промышленность города насчитывала около 400 подобных «предприятий». Металлические заведения в большей своей части также были «мелочными»[16].

Как видим, промышленность Москвы в первой половине XIX в. развивалась достаточно быстрыми темпами. Число рабочих с 1814 по 1853 г. увеличилось с 27,3 тыс. до 48,4 тыс., или на 70%. При этом, однако, доля московских рабочих в общей их численности по стране сократилась – с 16 до 10%, что свидетельствовало о еще более значительном развитии промышленных центров в ряде других регионов страны[17]. Официальные источники подобные изменения объясняли тем, что в ряде губерний Центрального промышленного района были «сравнительная дешевизна против Москвы дров и задельной платы». Отмечались также близость проживания от производства (в собственных деревенских домах), «отсутствие платежей в Адресную контору, а также отсутствие разных издержек»[18].

В 1848 г. московский генерал-губернатор граф А. А. Закревский составил «Записку», в которой в связи с тем, что возросла опасность пожаров, загрязнения рек, а также в связи с тем, что расходование больших объемов топлива и скопление значительного числа рабочих повышает цены на дрова и предметы первой необходимости, предлагал запретить строить в Москве новые промышленные предприятия и расширять старые. Комитет министров 28 июня 1849 г. постановил запретить «учреждение» в Москве бумагопрядилен, шерстопрядилен, чугунолитейных, стеариновых, сальных и химических предприятий, разрешив строительство ткацких, набивных, отделочных, красильных и других промышленных заведений лишь с согласия генерал-губернатора. Были приняты также постановления, стеснявшие свободу действий фабрикантов: представление каждые полгода ведомостей; учреждение надзора за фабриками и заводами со стороны созданного особого комитета. Единственной уступкой предпринимателям являлось разрешение расширять уже существовавшие промышленные предприятия. Таким образом проект Закревского в несколько измененном и смягченном виде получил все же силу «закона», сдерживая в какой-то мере в дальнейшем стихийное и бесконтрольное расширение промышленного производства во вред и городскому хозяйству, и экологии города, и его населению[19].

Несмотря на очевидный технический прогресс, картина оснащенности предприятий механизмами и машинами была весьма неоднозначной и пестрой. В ряде случаев Москва в этом отношении не только не шла впереди, но и существенно отставала от других промышленных центров. В то время как в России в начале 50-х гг. насчитывалось уже 2 тыс. механических ткацких станков, Москва их еще не имела. Даже на крупных предприятиях – таких как Трехгорная мануфактура Прохоровых – значительная часть пряжи раздавалась на дом, где работу выполняли «домашние», а не фабричные рабочие.

В лучшем положении в Москве находились ситценабивные фабрики: ситцепечатные машины появились в первые десятилетия XIX в., а в 1843 г. их насчитывалось уже 29. Цифра эта признавалась небольшой и свидетельствовала о сравнительно медленной механизации производства. Но начало было положено и процесс набирал силу. За два предреформенных десятилетия имеются следующие данные об общем количестве машин в этой отрасли (включая и набивные): в 1843 г. их было 76 (при 2636 набивных столах), а в 1853 г.– 107 (при 1414 набивных столах). Показатели свидетельствуют об изменении соотношения ручного и механического производства в пользу последнего. Это подтверждается и данными по Трехгорной мануфак-

[16] *Андроссов В.* Статистическая записка о Москве. М., 1832. С.160,165,178; *Мешалин И.В.* Указ. соч. С.184–185; История Москвы. Т.III. С.202.

[17] История Москвы. Т.III. С.208–209.

[18] *Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т.1. М., 1938. С.146.

[19] Там же. С.146–148; *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. Т.1. Л., 1925. С.31.

туре Прохоровых: в 1844 г. ручная набойка составляла 94% всего ситцевого производства, в 1848 г.– 56%, а в 1853 г.– лишь 36%, или в два с половиной раза меньше. На предприятиях устанавливались паровые котлы и паровые приводы, но процесс этот шел медленно. В начале 50-х гг. в отрасли действовало всего три паровых двигателя, общей мощностью 65 лошадиных сил, при сохранении десяти конных приводов (в 1843 г. последних было 26). К середине XIX в. хлопчатобумажные предприятия в Москве, несмотря на технические новшества, в большей части оставались мануфактурными, основанными на ручном труде и тесно связанными с производством на дому.

В бумагопрядении, где изначально не было распространено ручное производство, сразу стало практиковаться строительство крупных механических предприятий. Первые механические бумагопрядильни в Москве появились еще до войны 1812 г. Сенатор Аршеневский, осматривавший их за год до Отечественной войны, писал: «На некоторых здешних фабриках устроены по примеру Александровской мануфактуры /в Петербурге/ чесальные и прядильные для хлопчатой бумаги машины, действующие силою лошадей». Правда, московские бумагопрядильни сгорели во время пожара в 1812 г. и после этого долгое время сведения о них отсутствовали в источниках[20]. В 1843 г. в городе были три механических бумагопрядильни. На бумагопрядильне майора Мертваго имелся паровой двигатель мощностью 45 лошадиных сил и трудилось 440 рабочих, являвшихся его крепостными.

Существенные шаги в своем развитии в предреформенные десятилетия сделала шерстобумажная промышленность города, об этом дает представление таблица 3.

Таблица 3

Показатели	1843 г.	1853 г.
Кол-во шерстобумажных предприятий (включая мелкие)	19	43
Число рабочих, в тыс.	2	7
Стоимость производства в млн. руб.	1	4
Ручные ткацкие станы	1276	5108
Жаккардовые станки	397	675
Механические станки	–	60
Паровые двигатели	–	3
Конные приводы	2	1
Водяные приводы	1	–
Машины и аппараты	55	297

Приведенные данные показывают весьма быстрое развитие отрасли. При этом имели место и механизация производства, и существенное увеличение его объемов (в стоимостном выражении – в 4 раза), и сохранение в значительных размерах ручного производства. Среди предприятий этой отрасли выделялась шерстобумажная фабрика Ф. А. Гучкова в Лефортовской части. Но и на передовых для своего времени предприятиях применялись ручные набивные столы и ручные ткацкие станы, использовалось домашнее производство.

В 40-е гг. существенные сдвиги произошли в шерстяной промышленности Москвы. Начало производиться тонкое сукно, была введена гребенная шерстяная пряжа, стала осваиваться относительно высокая техника производства. Это позволило шерстяной промышленности оттеснить хлопчатобумажную (медленней шедшую от мануфактуры к фабрике) с «передовых» позиций, которые она занимала в Москве в первые десятилетия XIX в. при несравненно более низком общем уровне технического развития.

В предреформенные десятилетия в текстильной промышленности уже довольно широко применялись машины. Основанная в Москве контора Кнопа с 1846 г. снабжала английскими машинами фабрики не только города, но и всего Центрального промышленного района. Вместе с тем все шире использовались и машины отечественного производства. Механизация прядения, печатания, отделки тканей шла быстрее, чем механизация ткацкого производства. Следует при этом заметить, что избыток рабочей силы в губерниях Центрального региона способствовал широкому использованию дешевого труда как на дому, так и непосредственно на фабриках и вместе с тем тормозил внедрение дорогостоящего механического оборудования. Сохранение же крепостного права ограничивало покупательную способность населения, рамки внутреннего рынка и в конечном счете также задерживало механизацию производства.

Как же выглядели промышленные заведения города в рассматриваемое время?

В начале 40-х гг. 732 предприятия в Москве занимали 1259 зданий, из них 664 деревянных и 595 каменных. Деревянные были в большинстве одноэтажными. Среди каменных зданий двухэтажных корпусов насчитывалось 187, трехэтажных – 29 и четырехэтажных – 2. Из крупных предприятий, размещавшихся в нескольких корпусах, обычно многоэтажных, выделялись фабрики Гучковых, Новикова, Прохоровых. В конце 40-х гг. фабрика Гучковых размещалась в 22 корпусах (13 из которых были каменными), фабрика Прохорова в 4 трехэтажных зданиях и в 14 – двухэтажных.

Однако в Москве имелось еще много небольших предприятий, которые помещались в одноэтажных деревянных постройках.

[20] *Яцунский В.К.* Указ. соч. С.129.

Вид Николаевского вокзала и Каланчевской площади. Литография по рисунку И. Шарлеманя. 1850-е гг.

Императорский почтамт на Мясницкой улице. Литография. 1825 г.

Размещались предприятия на территории Москвы весьма неравномерно. В 1853 г. из общего их числа 866, включая и мелкие, большинство располагалось в Лефортовской части – 150, в том числе 128 – текстильных. Всего же в восточном районе города – Лефортовской, Басманной, Рогожской и примыкавшей к ним Яузской частях – насчитывалось 339 предприятий, из которых 252 были текстильными. Другим средоточием промышленных предприятий стало Замоскворечье. На Серпуховскую, Пятницкую и Якиманскую части этого южного района приходилось 184 промышленных заведения, в том числе 75 текстильных. Всего же в восточном и южном секторах города находилось более 60% предприятий и преобладающая доля текстильных. Наиболее крупными предприятиями этих городских районов были бумажная фабрика Котова, шерстобумажная Гучкова, шелковая Залогина (в Лефортове), полотняная Мертваго, хлопчатобумажная Урусова, шелковые Колокольникова и Сапожникова (в Басманной части), хлопчатобумажная фабрика Гюбнера, шелковая Полякова (в Яузской части), суконные Рыбникова и Жукова, шелковая Рошфора,

Лубянская площадь. Вид от Софийской улицы. Литография. Середина XIX в.

хлопчатобумажная Цинделя (в Серпуховской части). В Замоскворечье находилась и преобладающая часть кожевенных заводов.

В Хамовниках было 48 промышленных заведений, в том числе 23 текстильных, в Пресненской части – 51 предприятие, в том числе 10 текстильных. В этой западной части города находилось несколько крупных фабрик – хлопчатобумажная Прохорова (на Пресне) и др.

В северной части города промышленных заведений было меньше: в Мещанской их насчитывалось 25, в том числе 7 текстильных, в Сущевской – 30, в том числе 2 текстильных. Здесь преобладали предприятия мыловаренные, кирпичные, химические, по изготовлению экипажей, металлообрабатывающие.

В центральных частях города – Пречистенской, Арбатской, Сретенской, Городской, Тверской, Мясницкой – располагались лишь отдельные предприятия, в основном кондитерские, парфюмерные, табачные, по изготовлению мебели, экипажей, музыкальных инструментов. За редким исключением они были сравнительно небольшие и не определяли «лицо» этих частей города.

Таким образом, за шесть десятилетий XIX в. промышленность Москвы сделала существенные шаги в своем развитии, что отразилось и на количественных, и на качественных показателях. В одной из работ 1852 г. отмечалось: «Если не подлежит сомнению, что русская мануфактурная промышленность идет, во многих отношениях, наравне с иностранною, то не менее верно и то, что большая часть сделанных ею успехов принадлежит Москве. Жаккардов станок, цилиндрическая набивка ситцев, приуготовительные машины по части бумагопрядения, самопрядильные машины, усовершенствования в шерстопрядильнях, в отделке сукон, шелковых, бумажных, шерстяных и особенно так называемых смешанных материй, производство стеарина и высших сортов химических изделий, рисовальные технические школы – все это появилось и основалось в Москве прежде, чем в других местах империи»[21]. В той же работе в качестве аргумента в пользу успехов промышленности Москвы приводились следующие слова: застигнутая «врасплох» накануне Лондонской всемирной выставки (1851), она «явилась все-таки в прекрасном виде и заслужила одобрение самых строгих экспертов. И что всего замечательнее – награды, приобретенные ею, относились не к каким-нибудь простым, полуобработанным изделиям, напротив, к предметам, производство которых, совершенствовавшееся в Европе веками, началось и у нас несколько десятков лет, и по мнению многих, должно бы находиться в довольно незавидном состоянии»[22].

В предреформенные десятилетия развитие текстильной промышленности стало несколько «отставать» от развития некоторых других отраслей и она стала ими «тесниться». Главной примечательной чертой этого развития являлся переход промышленности от мануфактуры к фабрике, от ручного труда – к машинному производству. Однако даже на тех предприятиях, где машины

[21] Указатель Москвы: Составлен по распоряжению г-на Московского Обер-полицмейстера редактором «Ведомостей московской городской полиции» М.Захаровым. Ч.2. М., 1852. С.XI–XII, XIII.

[22] Там же. С.XIII.

использовались уже достаточно широко, немало операций выполнялось и вручную. Полностью механизированных предприятий насчитывалось единицы. Рабочая сила из вольнонаемных фактически представляла собой крепостных, отпущенных на работу в город. Такой характер рабочей силы не мог не накладывать негативный отпечаток и на само производство.

Развивались и совершенствовались транспорт и связь.

В городе в начале 50-х гг. насчитывалось 37 содержателей извозчичьих экипажей и 38 подрядчиков, занимавшихся отправкой товаров в другие города. Многие жители с достатком – из дворян и купцов – имели собственные экипажи.

Но езда даже по городским улицам была нелегким занятием. Долгое время улицы были немощенными, грязными, плохо освещались. Указ об их мощении выполнялся медленно вследствие того, что достать камень в большом количестве было трудно. Вечернее и ночное освещение улиц было примитивным и касалось немногих мест. И тем не менее постепенно транспортные средства, пути передвижения по городу совершенствовались, но сколько-нибудь существенные изменения в транспортном передвижении по городу произошли лишь во второй половине XIX в.

Постепенно улучшилась и транспортная связь с другими городами, но существенный сдвиг здесь наступил лишь после налаживания с середины XIX в. железнодорожного сообщения. Первой железной дорогой, имевшей экономическое значение, стала как раз железнодорожная линия, связавшая в 50-е годы Москву и Петербург. Пассажирские поезда отправлялись один раз в день в одиннадцать часов утра. Время в пути равнялось 22 часам. Товарные поезда отправлялись два раза в день и находились в пути дольше – 48 часов. Стоимость билета в пассажирском поезде в вагоне 1-го класса равнялась 19 руб., 2-го класса – 13 руб. и 3-го класса – 7 руб., а в товарном поезде – 3 руб. серебром. Провоз багажа стоил 80 коп. серебром с пуда.

Переезд в дилижансах осуществлялся в Петербург, Нижний Новгород (во время ярмарки). «Транспорты» же шли «почти во все города империи».

Регулярно действовали почтовые экипажи. В Петербург с «экстра-почтою» ходили четырех- и шестиместные кареты, причем часть мест была «наружными». Стоимость места внутри такого экипажа равнялась 25 руб., а снаружи – 15 руб. серебром. Два брика с тяжелой почтой отправлялись 2 раза в неделю, имея также места для пассажиров. Кроме того, кареты с «легкой» почтой отправлялись два раза в неделю в Нижний Новгород. Стоимость проезда пассажира внутри такого экипажа равнялась 18 руб., а снаружи – 12 руб. серебром. Аналогичная почтовая связь поддерживалась с Тулой, Ярославлем, Брест-Литовском. Почтовая же связь осуществлялась с Архангельском, Астраханью, Варшавой, Гжацком, Киевом, Нижним Новгородом, Оренбургом, Одессой, Ригой и Минском, Сибирью, Тифлисом, Харьковом[23].

Москва к концу рассматриваемого периода превратилась в крупный промышленный центр, отражавший успехи и сложности, противоречия экономического и социального развития всей страны.

2. РАБОЧАЯ СИЛА: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, ПРАВОВОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Сохранилось сравнительно немного сведений о численности рабочих в московской промышленности. Но все же за ряд лет такие данные имеются. Как уже было отмечено, на мануфактурах города в 1814 г. работало свыше 27 тыс., в начале 40-х гг.– 38 тыс. и в начале 50-х гг.– более 45 тыс. рабочих. Кроме того, определенное число рабочих было занято на мелких предприятиях (с числом рабочих менее 16 человек): в общей сложности в 40-х гг. их насчитывалось 2,5 тыс., а в 50-х гг.– примерно 3 тыс. По подсчетам историка И. Забелина, число мещан и ремесленников обоего пола (а не собственно рабочих) в Москве в 1788–1794 гг. определялось цифрой 2,1 тыс., а в 1834–1840 гг.– уже 75,3 тыс.[24].

По масштабам первых десятилетий XIX в. показатели численности рабочих в Москве были весьма значительными: они превышали соответствующие показатели по частной промышленности даже в столице: в Петербурге и Петербургской губернии в 1843 г. насчитывалось 16,5 тыс. таких рабочих, а в начале 50-х гг.– около 28 тыс. (включая рабочих мелких предприятий). Правда, в Петербурге действовали еще казенные заводы, а также порт, рабочие которых не учитывались в приведенных выше данных[25].

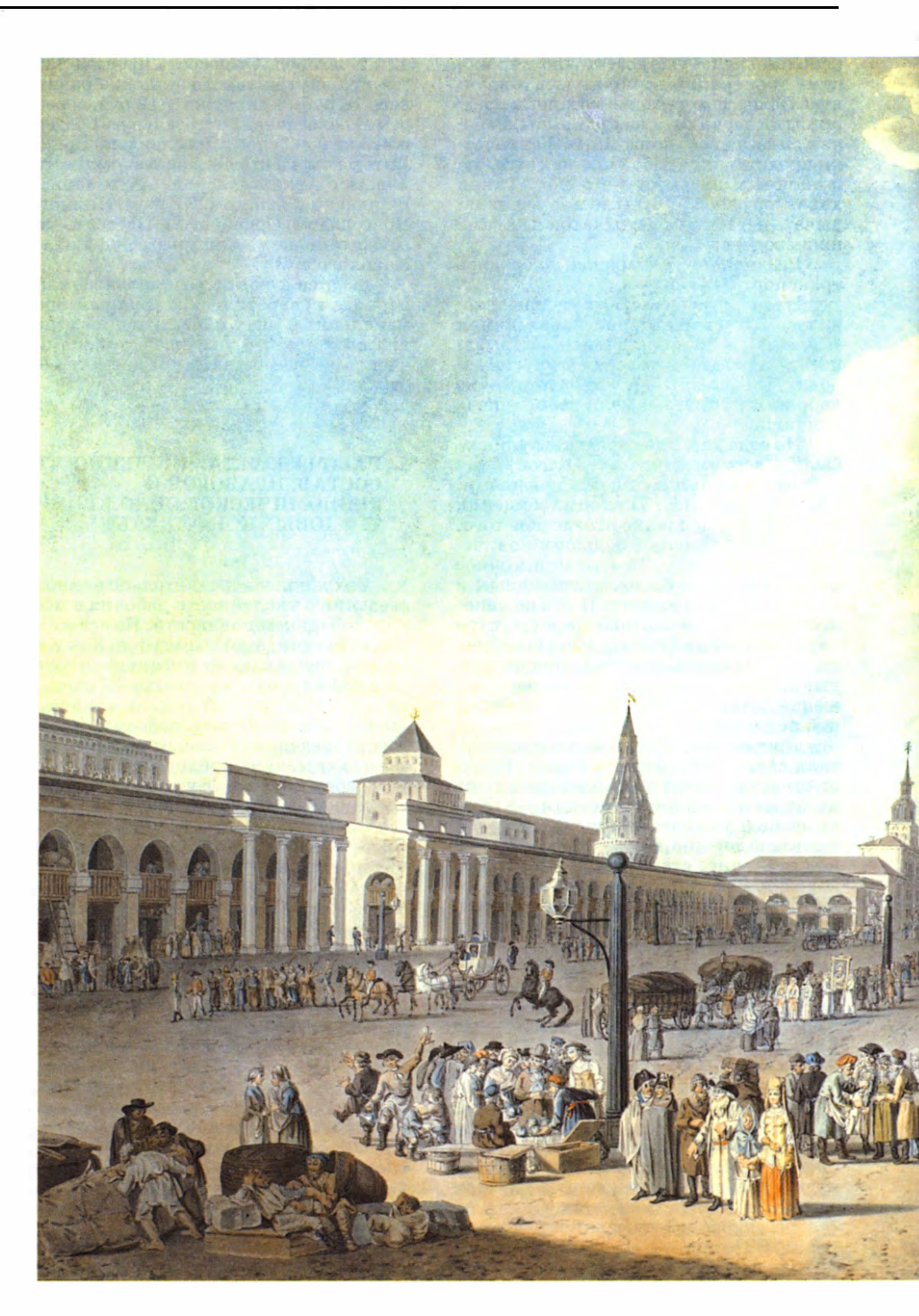
Состав московских рабочих формально существенно отличался от общероссийского. Если в России из 170 тыс. рабочих 20% составляли помещичьи крепостные, 21% – приписные и 59% – вольнонаемные, то в Москве первая категория составляла всего 0,1%, вторая – менее 2%, а вольнонаемные – 98%. Однако следует иметь в виду, что эти вольнонаемные рабочие представляли собой

[23] Указатель Москвы. Сост. М. Захаров. Ч.2. С.199–211.

[24] *Забелин И.* Москва во время преобразований// Живописная Россия. Т.6. Ч.1 (Москва). СПб.; М., 1898. С.224.

[25] История Москвы. Т.III. С.232–233.

*Красная площадь.
Старые торговые ряды.
Гравюра Г. Гутенберга по рисунку Ж. Делабарта.
Начало 1800-х гг.*

по преимуществу оброчных помещичьих крепостных крестьян, которые, будучи отпущены в город, работали на мануфактурах по вольному найму. Поэтому определить строго степень расхождения приведенных выше показателей весьма сложно. Небольшая часть рабочих состояла из городских мещан: в конце 30-х – начале 40-х гг. – примерно десятая часть (4–5 тыс.) всех промышленных рабочих.

Постепенно увеличивалась доля рабочих – выходцев непосредственно из семей рабочих (которые могли оставаться формально крепостными крестьянами). Преемственность фабрично-заводского труда, отражая развитие промышленности, вместе с тем свидетельствовала о повышении профессионального уровня рабочей силы и формировании особого рабочего сословия.

Введение машин создало достаточно широкие возможности для использования женского и детского труда прежде всего на текстильных предприятиях. В 1831 г. на хлопчатобумажных фабриках города женщины (1,7 тыс.) составляли около 9% рабочих. В ситценабивной промышленности доля женщин (0,2 тыс.) равнялась 4%. Применялся и детский труд.

Развитие промышленности, ее механизация, усложнение производственного процесса требовали повышения грамотности, профессиональной квалификации и общей культуры рабочих. Некоторые предприниматели в целях подготовки квалифицированной рабочей силы открывали при предприятиях фабрично-ремесленные школы. К началу 40-х гг. такие школы действовали при фабриках Гучковых, Штейнбаха (Цинделя), Титова, Рошфора, Котова, Новикова и др.

Положение большинства московских рабочих, как и всюду в стране, было бесправным и тяжелым. Как уже отмечалось, их большинство являлось крепостными крестьянами, уходившими в город, которые полностью зависели от воли помещика, его разрешения уйти и его требования вернуться в деревню. Помещику они отдавали и часть своего заработка в виде оброка, подвергаясь как бы двойной эксплуатации – и капиталистической – со стороны предпринимателя, и феодальной – со стороны помещика.

В условиях относительного технического несовершенства многих предприятий, избытка рабочей силы, низкой профессиональной подготовки, изнурительного труда, практически отсутствия охраны труда рабочие сравнительно часто становились жертвами несчастных случаев, которые происходили вследствие как переутомления, неосторожности, неопытности рабочих, так и недосмотра за работой паровых котлов, механизмов и несоблюдения условий безопасности.

В 40-е гг. осмотр по распоряжению генерал-губернатора паровых котлов в Москве показал, что половина их (всего котлов было 54) требовала ремонта и снабжения предохранительными клапанами, т.е. находилась в аварийном состоянии.

Медицинская помощь рабочим была весьма несовершенна. До начала 40-х гг. на промышленных предприятиях вообще не предусматривалось создание больниц. С конца 30-х гг. в «верхах» стал обсуждаться проект министра финансов Канкрина об организации при предприятиях, где работало 50 человек и более, «особых покоев для больных» на несколько мест. В 1840 г. в Москве открылась первая такая больница с шестью койками на фабрике Прохоровых. Через семь лет в городе насчитывалось уже пять подобного рода больниц, имевших всего 49 коек и обслуживавшихся лишь шестью врачами. При этом наемные рабочие из оброчных крестьян могли пользоваться этими больницами лишь в случае тяжелого заболевания, когда получали соответствующее направление от полицейских властей[26].

Неприглядными были и жилищные условия рабочих. Вплоть до 40-х гг. многие из них жили при фабрике и ночевали устраивая постель на полу или на станах. В 40-е гг., когда стали усиленно внедряться машины, предприниматели вынуждены были предоставлять рабочим особые помещения для проживания и ночлега. Обычно это была койка в казарме. Спальные места нередко устраивались в два этажа[27].

Продолжительность рабочего дня была высокой. Так, в 1845 г. на 23 бумагопрядильнях и 10 шерстопрядильнях губернии (данные собственно по городу отсутствуют) она составляла от 11,5 до 14 часов. Нередки были случаи, когда работа разрывалась на две 6-часовые смены, между которыми был перерыв, отдых. Подобная система труда оказывалась особенно изнурительной для рабочих: им приходилось трудиться и днем, и ночью, спать урывками, лишаясь обычного ночного сна. Наряду со взрослыми, нередко трудились и дети. Лишь Указом от 7 августа 1845 г. была запрещена работа детей моложе 12 лет от полуночи до 6 часов утра[28]. На мелких предприятиях рабочий день продолжался обычно дольше, чем на фабриках и заводах.

Заработная плата рабочих была низкой. В конце 20-х гг. отмечалась «дешевизна задельной платы»: на некоторых шелковых фабриках «простой работник часто работает только из хлеба». Сохранились сведения о заработной плате различных категорий рабочих Трехгорной мануфактуры (см. таблицу 4).

[26] *Казанцев Б.Н.* Рабочие Москвы и Московской губернии в середине XIX в. 40–50-е годы. М., 1976. С.157,160–161.

[27] *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С.5; *Казанцев Б.Н.* Указ. соч. С.115,155.

[28] *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. Т.1 (Период крепостного труда). Л., 1925. С.81,100.

Таблица 4

Средняя месячная заработная плата рабочих различных специальностей Прохоровской трехгорной мануфактуры в 1848–1853 гг. (на своих харчах, серебром)	
Профессия	Заработок
Ткачи (1848 г.)	8 р. 40 к.
Резчики	10 р. 56 к.
Набойщики	12 р. 40 к.
Отбельный мастер	14 р. 88 к.
Помощник раклиста	16 р. 65 к.
Механики	19 р. 92 к.
Токари	9 р. 68 к.
Слесари	8 р. 40 к.
Столяры	7 р. 68 к.
Кубовщики, лабораторщики, перротинщики, мытельщики, сторожа	6 р. 00 к.
Рабочие при цилиндрах и галандрах	5 р. 62 к.
Закательщики, артельщики, чернорабочие	4 р. 80 к.
Пилильщики, отбельщики, бельничники	5 р. 76 к.
Спиртовщики	5 р. 28 к.
Красильщики	7 р. 68 к.
Крановщики	4 р. 08 к.
Женский труд	3 р. 43 к.
Источник: Личные счета ткачей за 1848 г. и остальных рабочих – за 1853 г. См.: История Москвы. Т. III. С. 241.	

Наиболее высоко оплачивался труд квалифицированных рабочих как при машинах, так и ручной (набойщики, резчики). За ними следовали ручные рабочие средней квалификации – ткачи, токари, слесари, столяры. Низкую заработную плату – 4–6 руб.– получали неквалифицированные рабочие (даже при машинах), а таких было большинство.

По подсчетам исследователей, преобладающая часть рабочих зарабатывала в месяц от 4 до 6 руб. серебром, а в среднем – 5 руб., расходуя на питание как минимум 3 руб., на оплату помещения в спальне (10%) и отопление (1%) – 55 коп. серебром. Из оставшейся суммы в 1 руб.45 коп. делался вычет в Адресную контору, в счет штрафов, за сапоги, которые шил хозяйский сапожник, «за прогул» по болезни, за лечение в больнице (за каждую поставленную пиявку – один из распространенных способов лечения – брали по 10 коп.). По подсчетам исследователей, сумма вычетов из заработков ткачей за харчи, свечи, а также по штрафам составляла до 75%[29]. После соответствующих вычетов у рабочего оставалась очень небольшая сумма денег. Из нее нередко надо было заплатить и оброк помещику. Следует добавить, что часть заработка на ряде предприятий выдавалась производившимися товарами, что снижало его уровень. Несмотря на запрет властей (в 1844 г.) выдавать заработок товарами, эта практика продолжалась. Заработная плата сдельным рабочим выплачивалась обычно три раза в год: 1 октября, 1 января и к Пасхе.

Сдельные рабочие питались в артелях – своими харчами, которые, однако, обычно приобретали в той же хозяйской лавке, что сказывалось на качестве продуктов и на их цене. Некоторые рабочие держали при фабрике корову. Молоко, творог, сметана являлись подспорьем в питании, но при этом приходилось платить пастуху.

Жизнь рабочего на производстве и вне его в значительной мере была регламентирована. В свободное время запрещалось отлучаться с фабричного двора или принимать у себя гостей дольше определенного часа. В воскресные и праздничные дни предписывалось ходить в церковь (в противном случае мог быть наложен штраф)[30]. Не разрешались какие-либо массовые выступления против хозяев и администрации предприятий. Телесные наказания провинившихся являлись обычным способом воздействия полиции.

Долгое время отношения рабочих и предпринимателей регулировались немногочисленными фабричными законами. Однако они плохо соблюдались. В 1835 г. появилось положение «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму»[31]. Согласно ему, рабочий не мог поступить на фабрику или завод без паспорта или иного вида на жительство, полученного от местных властей и с согласия помещика. Рабочий не имел права покинуть предприятие раньше записанного в договоре срока, требовать увеличения заработка. Правда, местные власти и помещик также не могли отзывать рабочего ранее окончания срока найма (или окончания срока паспорта). Предприниматели обязаны были вывешивать правила распорядка на предприятии и иметь особую книгу расчетов с рабочими. Хозяин имел право как уволить рабочего до окончания срока, на который он нанимался, с предупреждением за две недели, так и продлить срок найма. На хозяев возлагалось решение вопроса, заключать ли с рабочим письменный или устный договор найма. Это создавало простор для использования предпринимателем наиболее легкого пути – устной договоренности, что лишало рабочего возможности в случае необходимости отстаивать свои интересы, используя документ.

В конце 40-х гг. генерал-губернатор А. А. Закревский предложил Проект фабричного закона и расчетной тетради. Государственный совет после проволочек, уже в условиях Крымской войны, счел нецелесообразным изменять существовавшие правила. Однако с 1849 г. положения Проекта Закревского стали

[29] История Москвы. Т.III. С.241,243.

[30] *Туган-Барановский М.* Указ. соч. С.147; История Москвы. Т.III. С.244–245.

[31] ПСЗ-II.Т.X.Ч.1.№ 8157.

применяться в Москве. Согласно им, предпринимателям предписывалось: выдавать заработок деньгами, а не товаром; заранее объявлять стоимость харчей; не понижать заработок до истечения срока найма; не задерживать паспортов рабочих; владельцам разрешалось увольнять рабочих с предупреждением об этом не за две недели, а за три дня; за неповиновение толпой владельцу или управляющему виновные должны были подвергаться наказаниям, «определенным за восстание против властей, правительством установленных...»[32].

Сохранявшиеся на предприятиях «патриархальные отношения» приводили к тому, что в ряде случаев фабриканты и заводчики судили своих рабочих по незначительным делам, женили и выдавали замуж и т.п.[33].

Тяжелым было и положение рабочих на мелких предприятиях.

Правовые условия труда и жизни рабочего в первой половине XIX в. были таковы, что он не имел возможности протестовать «на законном основании»: фабрично-заводское законодательство карало групповое неповиновение рабочих предпринимателю или представителю администрации. При этом большинство рабочих было крайне сковано крепостнической зависимостью от отпустившего их на заработки помещика.

Но развитие капиталистических отношений приводило к трудовым, социальным конфликтам. Не случайно в конце 30-х гг. Николай I был крайне озабочен большим скоплением рабочих в городах, что представлялось угрозой «спокойствию» государства.

Издание упоминавшегося Положения 1835 г. «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми» мотивировалось, в частности, загруженностью московских и уездных властей жалобами рабочих на предпринимателей, а также жалобами хозяев на рабочих. Предложение генерал-губернатора А. А. Закревского в 1848 г. о запрете на строительство в Москве промышленных предприятий также основывалось на стремлении уберечь город от возможных волнений и беспорядков.

Для рассматриваемого периода основными участниками социальных конфликтов, выступлений являлись крестьяне, протестовавшие против крепостного гнета. Но со временем все более стали проявлять недовольство и участвовать в трудовых конфликтах рабочие промышленных предприятий.

Рабочие волнения, как называла литература недовольство и конфликты такого рода, происходили в России прежде всего на крепостных и посессионных мануфактурах. В основе их был протест против крепостной зависимости; вместе с тем выдвигались требования, касавшиеся заработной платы и других условий труда. Но выступления посессионных и крепостных рабочих не были сколько-нибудь широко распространены в Москве, так как преобладающая часть рабочей силы здесь являлась вольнонаемной (хотя и состоявшей в основном из тех же крепостных крестьян, отпущенных на заработки). Различные формы трудовых конфликтов, связанных с протестами вольнонаемных рабочих, были зафиксированы в Москве уже в первые десятилетия XIX в. В 1812 г. владелец бумагопрядильни Ф. Пантелеев жаловался, что «мастеровые переходят с фабрики на фабрику, не кончив... взятой работы», устраиваясь прежде всего там, где меньше надзора и требований и больше платят. «Случалось даже и то,– отмечал Ф. Пантелеев,– что мастеровые в самое нужное для фабрикантов время, сговорившись между собою, останавливали работу, требуя неумеренной в цене прибавки, в противность прежнего своего с хозяевами договора...»[34].

Рабочие обычно выражали протест скрытно и в одиночку, уходя с предприятия в нарушение договора найма. Но случались и настоящие стачки – прекращение работы с предъявлением тех или иных требований, чаще всего – повышения заработной платы. В 1849–1853 гг. Московское отделение Мануфактурного совета ежегодно рассматривало от 19 до 42 жалоб и рабочих, и хозяев: по поводу невыдачи денег за уборку станков, чрезмерных вычетов за порчу продукции, за прогулы, за харчи, неполной выдачи сдельной платы и др., а с другой стороны – по поводу самовольного оставления рабочими предприятия, порчи изделий, передачи секрета производства посторонним лицам. Немало рабочих направлялось фабрикантами в полицейские участки для наказания за различного рода проступки – уголовные, бытовые, а также «трудовые», связанные непосредственно с производством. В 1848 г. в полицейские части фабрикантами было направлено в общей сложности 1686 рабочих.

Многие выступления предреформенного времени «опирались» на искреннюю веру рабочих в заступничество властей и надежду на помощь с их стороны. В 1851 г. рабочие красильной мануфактуры И. Свешникова в Москве подали жалобу генерал-губернатору, опротестовав действия хозяина, который повысил цены на питание и увеличил штрафы. Под этой жалобой стояли подписи 300 рабочих[35].

Сведений о стачках – предъявлении требований с прекращением работы – немного, но все же они были зафиксированы и по Москве. Так, владелец шелковой Фряновской мануфактуры Рогожин, давая объяснения о прекращении работ на своем предприятии в 1835 г., писал: «Подобные происшествия на фабриках бывают нередко. Недавно таковые

[32] История Москвы. Т.III. С.246–247.

[33] Очерк торговой и общественной деятельности мануфактур-советника, почетного гражданина и кавалера, т/оварища/ Московского городского головы Е.Ф.Гучкова (приложение к «Народной газете»). СПб., 1867. С.13 и др.

[34] Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. Т.III. № 10. СПб., 1865. С.168; История Москвы. Т.III. С.251.

[35] *Казанцев Б.Н.* Указ. соч. С.165.

были и в самой Москве, у фабрикантов Сергея Шухина, Тимофея Прохорова и Ульриха Майерса; упорство сил вольнонаемных мастеровых прекращено токмо местною полициею...»[36].

10 июня 1850 г. «волнение» рабочих произошло на фабрике Рябушинского и Чикина[37]. В 1851 г. состоялась первая стачка ткачей Трехгорной мануфактуры Прохорова, во время которой 70 рабочих потребовали у хозяина отмены штрафов и вычетов[38]. В феврале 1851 г. 400 рабочих текстильной фабрики Бутикова (в Пречистенской части) прекратили работу и подали генерал-губернатору жалобу на своего хозяина, обвиняя его в повышении цен за харчи, в снижении расценок на сдельной работе, в неоправданных штрафах, в принуждении рабочих бесплатно убирать станки в сверхурочное время. Это был один из редких случаев, когда рабочие добились выполнения своих требований[39].

Конфликты рабочих с предпринимателями в рассматриваемое время еще не «оформились» в рабочее движение. Разрешение их часто виделось самим рабочим в обращении к властям и было связано с надеждой на их заступничество. Тем не менее выступления, напоминавшие пореформенные стачки, отмечались уже в 30–50-х гг. В некоторых случаях рабочие еще в предреформенные десятилетия переносили начала крестьянской психологии – взаимовыручки и поддержки – на новые условия своего существования и отстаивания своих интересов. Это проявилось, в частности, в клятвах, которые давали рабочие во время некоторых выступлений: «Друг за друга стоять»[40]. Вместе с тем начинали пробивать себе дорогу чисто пролетарские требования. При этом не следует забывать, что большинство вольнонаемных рабочих оставалось помещичьими крепостными и их психология и сознание в условиях предреформенной России еще не могли получить сколько-нибудь четкого «пролетарского» оформления. Тем не менее время брало свое и увеличивался слой, представлявший рабочих уже не в одном поколении, со всеми вытекающими последствиями.

3. ТОРГОВЛЯ

Москва в первой половине XIX в. являлась крупнейшим центром страны, куда стекались многие товары торгового обмена, в том числе с Европой и Азией, чтобы затем частично «осесть», а частично «растечься» оттуда «по внутренности империи»[41].

Торговля занимала в городской жизни важное место. Она велась и в магазинах, и в лавках, и в специально отведенных местах на открытом воздухе. Москвичам и приезжим хорошо были известны Гостиный двор на Ильинке, Охотный ряд, Тверская, Кузнецкий мост, Никольская, Мясницкая, а также Болотная и Смоленская площади, где можно было купить и продукты, и любую необходимую вещь, различные изделия, сырье, оптом и в розницу.

Основным местом торговли, преимущественно оптовой, был Гостиный двор, построенный по плану архитектора Д. Кваренги в 1805 г. на месте старого Двора, а затем, после пожара 1812 г., «возобновленный» архитектором О. Н. Бове. Он занимал огромную площадь в 2,5 десятины, причем на большей ее части находились строения. До 1812 г. Гостиный двор имел 192 ряда с 8,5 тыс. лавок, преимущественно каменных.

Кроме того, в разных частях города имелось довольно много мест продажи и «потребления продуктов»: 157 хлебных изб, 132 калачных избы, 182 харчевни, 135 блинных, 204 трактира, а также 41 «герберг» (получившие в дальнейшем названия рестораций или ресторанов), 11 кофейных домов, 183 винных погреба, 39 мест «полпивной продажи» (где продавались легкое пиво, брага и другие напитки), 200 питейных домов, 3 кухмистерских стола. На 568 постоялых дворах также можно было поесть или купить продукты, причем не только постояльцам[42]. Для города с населением в 275 тыс. человек это весьма внушительные цифры.

Услугами «гербергов», кофейных домов, кухмистерских столов, а также угощениями Английского и Купеческого клубов пользовались представители аристократии и купечества. Низшие сословия посещали харчевни и трактиры.

В 30-е гг. в структуре мест обслуживания населения продуктами и питанием наблюдались определенные изменения: исчезли «герберги», кухмистерские столы и блинные, а появились более благоустроенные места продажи – 71 магазин, 178 рестораций и др. Один из современников в «Очерках Москвы сороковых годов» отмечал: раньше в городе были «просто лавки да ряды, что ломились под товарами; прошло не много, не мало лет – и магазины затерли лавки чуть не в грязь; минуло еще годков десять – приехали депо, и теперь, куда ни погляди, везде депо: у хлебника – депо печенья, у табачника – главное депо сигар, у помадчика – депо благовонных товаров, здесь – депо пиявок, там депо дамских кос... Потом пожаловали пассажи, галереи, маленькие базары...»[43].

Конкуренция способствовала благоустройству и приданию «торговым местам и точкам», прежде всего магазинам, более привлекательного внешнего вида.

В конце 40-х гг. количество магазинов в городе заметно выросло – до 278.

[36] История Москвы. Т.III. С.254.

[37] *Кашин Н.* Высылки из Москвы // Голос минувшего. СПб., 1914. № 8. С.192.

[38] *Казанцев Б.Н.* Указ. соч. С.168.

[39] *Трескин Н.А.* Волнения рабочих на московской текстильной фабрике И.П.Бутикова в 1851 г. // Исторические записки. М., 1940. № 7. С.270–274; *Казанцев Б.Н.* Указ. соч. С.169–170; *Пажитнов К.* Рабочее движение при крепостном праве. М., 1923.

[40] История Москвы. Т.III. С.253.

[41] Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1845. Ч.IX. Кн.1. С.41.

[42] Сын Отечества. СПб., 1814. Ч.17, № 39. С.38; История Москвы. Т.III. С.256–257.

[43] *Кокорев И.Т.* Очерки Москвы сороковых годов. М., 1932. С.205.

Обжорный ряд у Китайгородской стены. Акварель В. Астрахова. 1856 г.

Более 40% торговали предметами одежды (материалами и готовыми изделиями). Свыше 10% являлись продуктовыми (включая винные). Примерно столько же магазинов торговало предметами домашнего обихода – мебелью, обоями, зеркалами, игрушками. Тогда же существовало уже 18 специализированных табачных магазинов. Общая стоимость товаров, поступивших в 1840 г. в 278 магазинов города, определялась 6,7 млн. руб. Было продано товаров на 3,2 млн. руб., в том числе значительная часть иногородним купцам.

Но несравненно большую роль в городской торговле играли лавки: стоимость продаваемой ими продукции оценивалась в 40,4 млн. руб., или в шесть раз больше стоимости магазинных запасов. 38% лавок были продуктовыми: овощных – 907, мучных – 400, мясных – 233, рыбных – 60, по продаже масла – 46, чайных – 45, бакалейных – 33, кондитерских – 28. Фруктовых погребов насчитывалось 46.

Более тысячи лавок предлагали текстильный товар, значительная часть которого покупалась иногородними купцами (владельцы же московских текстильных фабрик сырье и полуфабрикаты закупали, по-видимому, оптом, а не через лавки). 311 лавок торговало металлическими изделиями (при сравнительно небольшом числе магазинов подобного рода). 36 лавок продавало изделия из стекла, 126 – экипажи, 93 – предметы роскоши, 38 – бумагу, 31 – книги, 29 – иконы, 160 – москательные товары, 231 – табачные изделия.

Появилась также 31 меняльная лавка, что объяснялось проведенной денежной реформой (заменившей ассигнации кредитными билетами), а также довольно широко практиковавшимся обменом бумажных денег на серебро и серебра на бумажные деньги.

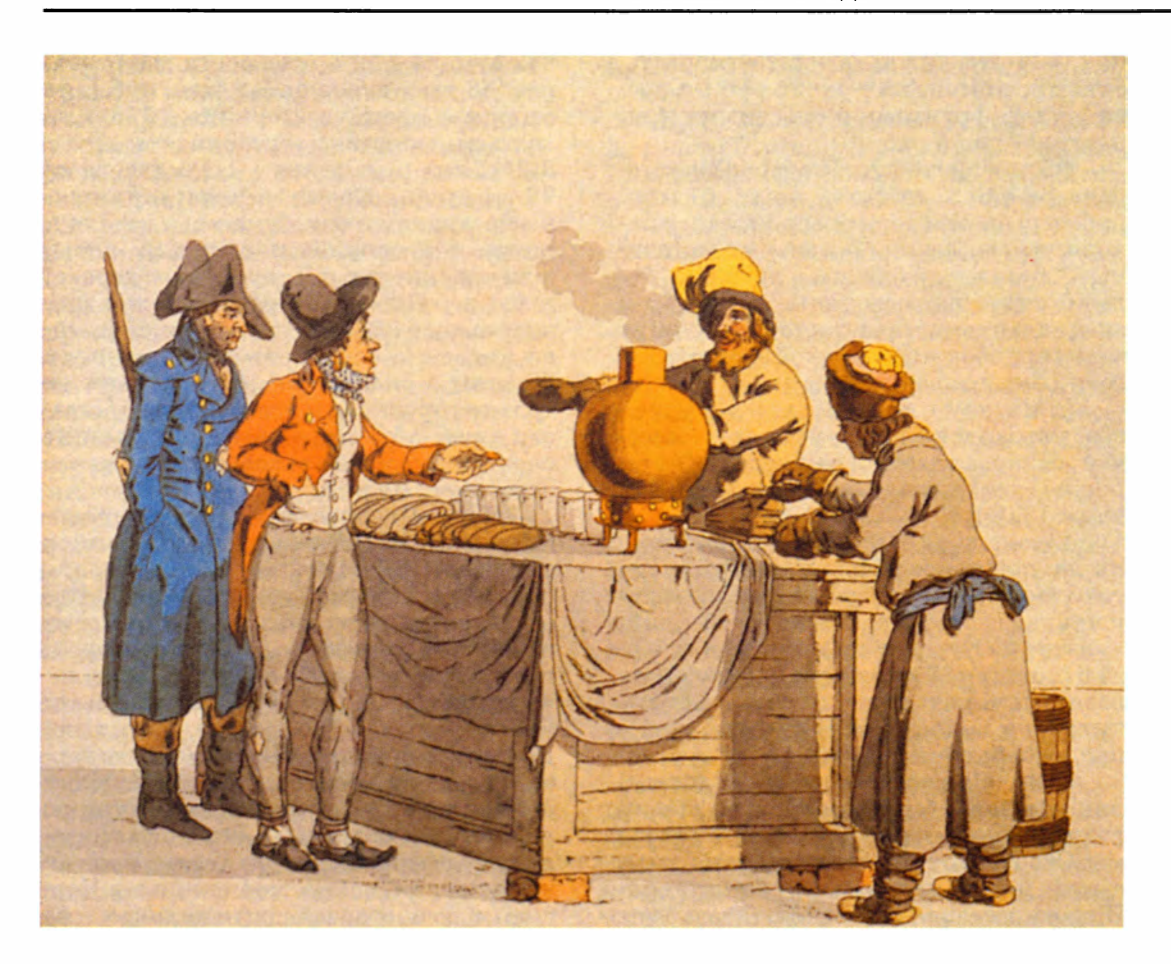
Лавки реализовывали свой товар наполовину московским купцам (на 20 млн. руб.) и более чем на треть – иногородним (на 14,2 млн. руб.). Иногородние купцы снабжались товарами в большей мере через лавки, чем через магазины[44].

К началу 50-х гг. число торговых заведений увеличилось: магазинов стало насчитываться 412 с суммой годового оборота в 6,5 млн. руб. серебром, лавок – 5737 с оборотом в 42 млн. руб. серебром и «разных торговых заведений» – 1546 – с оборотом в 15 млн. руб. серебром[45]. Несмотря на некоторые изменения, преобладающая роль лавочной торговли – по сравнению с магазинной – сохранилась.

В первые дни Пасхи всюду появлялись объявления о «продаже остатков по самым дешевым ценам». Начало такой распродажи было положено, по всей

[44] История Москвы. Т.III. С.260.

[45] Указатель Москвы. Сост.М.Захаров. Ч.2. С.IX.

Сбитенщик. Акварель Х.-Г. Гейслера. Середина XIX в.

видимости, еще в первом десятилетии XIX в. В предреформенные же десятилетия она вошла в обычай.

Частью внутригородской торговли являлась торговля в винных погребах и магазинах (на 4,8 млн. руб.) и «деятельность» рестораций и трактиров (на 1,4 млн. руб.). По словам современника, в начале 40-х гг. трактиры и рестораны были рассыпаны во всех концах города, но «лучшие из них сосредоточены близ присутственных мест, Кремлевского сада и на Ильинке, где находится знаменитый Троицкий трактир, посещаемый всеми сословиями города и имеющий всегда огромное число посетителей...»[46].

Заметно увеличилась торговля, которую вели крестьяне, чему способствовало специальное Расписание 1827 г., понижавшее размеры акцизных сборов.

Торговля в Москве (купцов, мещан, крестьян и др.) регулировалась Положением Комитета министров от 19 сентября 1844 г. Согласно ему, надзор за торговлей возлагался на Городскую думу.

Торговля велась также на площадях и базарах, которых насчитывалось соответственно 25 и 16. Кто не знал тогда таких рынков, как Охотный ряд, Смоленский, Немецкий, Полянский. Главными торговыми площадями были Болотная и Дровяная. Торговля велась по установленным дням, обычно три раза в неделю, но в отдельных местах и ежедневно.

У некоторых базаров и торговых площадей имелся свой профиль: на Дровяном рынке продавали исключительно дрова, на площади возле Сухаревой башни – простую мебель, на Мытном дворе – рогатый скот, мясо, шерсть, на Болотной площади – хлеб и т.д. Здесь шла обычно оптовая торговля. В Охотном ряду можно было приобрести кур, гусей, уток, индеек, свиней, баранов, телят. Немало было перекупщиков, наживавших на перепродаже большие деньги.

Для базаров и торговых площадей характерно было царившее там оживление. Покупатели и продавцы всегда могли купить себе горячую пищу, всевозможные закуски, напитки, чтобы утолить жажду и голод, не уходя с рынка. «Обслуживанием» занималась особая категория торговцев, нередко ходивших между рядами. «Народ снует и взад и вперед... Блины горячие, сбитень – кипяток, сайки крупчаты с маслом, гороховый кисель, мак жареный медовый...»,– читаем в воспоминаниях об Охотном ряде 40-х гг.[47]

Довольно широкое распространение получила розничная торговля. Ею занимались в основном мещане и крестьяне, приходившие из соседних губерний. По закону 1827 г., она облагалась особым сбором, причем с каждого продавца за торговлю иностранными продуктами взималась плата в 2,5 раза более высо-

[46] *Вистенгоф П.* Очерки московской жизни. М., 1842. С.138–139.

[47] *Кокорев И.Т.* Указ. соч. С.83,94.

кая, чем русскими: за торговлю апельсинами, лимонами – по 25 руб., а российскими фруктами и съестными припасами – по 10 руб.

Общий внутренний товарооборот города в 1840 г. достигал почти 61 млн. руб. серебром, из которых 40 млн. приходилось на лавки, 7 млн.– на магазины, 7,6 млн.– на базары и ярмарки, более 6 млн.– на рестораны, трактиры и специальную винную торговлю. Судя по величине оборота, основной формой торговли была лавочная.

В Москву в значительных количествах ввозился хлеб, крупы, скот, мясо, чай, сахар, а также строительные материалы (последние – особенно после пожара 1812 г.).

В начале 40-х гг. хлеб, мука и крупы доставлялись в Москву как по суше, так и по воде. Преобладающая их часть поступала из нижневолжских губерний, а также из Курской и Орловской губерний (по Оке и Москве-реке). Овощи привозились только по суше, соль – исключительно водой, спирт и вино, мед – преимущественно по суше.

В 30–40-е гг. ассортимент доставлявшихся в Москву товаров стал более разнообразным, чем в предыдущее время. Особую группу товаров составляли сырье, материалы для предприятий. Шерсть доставлялась исключительно на гужевом транспорте, металл и металлические изделия – в основном так же и на треть водным путем. По дорогам шли в Москву табак, фабричные изделия, хозяйственные предметы. В общей сложности 44,2 млн. пудов товаров было привезено «сухим путем» и лишь 14,4 млн. пудов – водным.

Поступавшие в город продукты питания, а также скот частично вывозились из города в близлежащие губернии и более отдаленные места страны.

В рассматриваемое время, особенно в предреформенные десятилетия, роль Москвы как потребителя товаров, а также как транзитного центра значительно выросла. Город все более утверждал себя как центр не только внутренней, но и внешней торговли. По данным Московской таможни, стоимость перевезенных через таможню товаров с 1825 по 1834 г. выросла с 0,4 млн. руб. до 6,6 млн. руб., или в 16 раз. Эти цифры не являются, по-видимому, исчерпывающими, так как в Москву шли товары и через другие таможни. Столь разительный подъем товарооборота объяснялся увеличением городского населения, развитием промышленности, нуждавшейся в сырье, возрастанием роли города в качестве перевалочного центра, и неоднократным пересмотром запретительного тарифа 1822 г. (в 1825, 1830 и 1831 гг.).

По стоимости товаров, проходивших в середине 30-х гг. через Московскую таможню, на первом месте была пряденая бумага – 59% стоимости всех товаров (48 тыс. пудов на 3,9 млн. руб.), на втором – французские вина – 17%, на третьем – золотая и серебряная монета – 3,2%, затем машины – 1,4% (всего на 97 тыс. руб.). Кроме того, через таможню проходили табак, бумажные изделия, шелк, благовонное масло, сыр, часы, аптекарские товары, пробочное дерево, иголки. «Проход» через таможню значительного количества пряденой бумаги косвенно свидетельствовал о роли Москвы в снабжении этим сырьем не только города, но и всего региона. Вместе с тем обращает на себя внимание очень невысокий показатель стоимости ввезенных машин.

Через Московскую таможню проходил и российский товар, вывозившийся за рубеж. В 1834 г. «отпуск товаров» оценивался суммой в 0,8 млн. руб., что составляло всего лишь 1/7 стоимости привоза. «Пряденое золото и серебро», позумент, проволока и разные металлические изделия (на 115 тыс. руб.) были «назначены» в Молдавию, Валахию, Константинополь и Персию (золото также в Австрию). Меха и меховые изделия вывозились преимущественно в Турцию и Персию, шерстяные и шелковые изделия, фарфоровая посуда, часы, бронзовые изделия, сахар, кошениль – в Персию (кроме того, чай почти целиком – на 0,2 млн. руб.– в Царство Польское)[48].

Вот как детально запечатлел торговлю Москвы, ввоз и вывоз из нее товаров, сырья и продуктов в 40-е гг. один из современников: «Москву снабжают все порты Балтийского, Черного и Азовского морей первообразными, полуобработанными, левантскими и колониальными товарами»; южная Россия – шерстью, конопляным маслом и «другими предметами сельского хозяйства, к мануфактурной производительности относящимися»; хлебородные губернии – жизненными припасами не только для жителей Москвы, но и для всего народонаселения Московского мануфактурного округа; Каспийское море и юго-восточные области – богатствами Персии и Закавказья и рыбных промыслов Волжского низовья и самого Каспийского моря; Сибирь и северо-восточные губернии – «избытками горнозаводской промышленности и предметами торговых сношений наших с Китаем и Бухарией». Вместе с тем Москва вывозила изготовлявшиеся на ее мануфактурах изделия и привозимые сюда колониальные, азиатские и всякие другие товары «на все рынки, ярмарки и промышленные пункты России». Казань, Нижний Новгород и Владимир лежали на пути чая из Кяхты и пушных товаров из Сибири, но большую часть потребностей в этих товарах, после Нижегородской ярмарки, эти города удовлетворяли в Москве. «Первообразные и полуобработанные

[48] История Москвы. Т.III. С.279.

материалы, красильные вещества и иностранные мануфактурные изделия, отправляемые из С. -Петербурга в Москву, сухим путем и водою, проходят через всю Тверскую губернию, но все города и фабрики этой губернии запасаются означенными товарами в Москве. Шуйские и Ивановские фабриканты могут получать все количество английской пряжи и колониальных товаров водою, прямо из С. -Петербурга, но они приобретают эти товары преимущественно в Москве, где пользуются кредитом у капиталистов и складочным правом в Московской центральной таможне. Орловская, Тульская и Рязанская губернии, через которые проходят все транспорты шерсти, снабжаются этим материалом большей частью из Москвы, а не из южных губерний. Суконные фабриканты Киевской и Волынской губерний покупают красильные вещества частью в Одессе, частью же в Москве»[49].

В конце 40-х гг. объем ввоза в Москву товаров и товарооборота увеличился, но их структура и номенклатура товаров оставались прежними. Ввозились главным образом продукты питания, сырье для фабрик, строительные материалы. Количество же металлических и иных изделий было незначительным. Показатели ввоза и вывоза через Московскую таможню в какой-то мере отражали однобокость экономики Москвы и всего Центрального региона.

Для оптовой продажи товаров и заключения торговых сделок использовались не только Гостиный двор, биржа, но и трактиры. В предреформенные десятилетия этой же цели служили ярмарки, прежде всего Нижегородская и украинские, а также промышленные выставки.

В Правилах для посетителей Московской выставки мануфактурных изделий Российской империи 1853 г. можно прочитать: «На продажных вещах и предметах обозначены цены, по которым посетители могут их покупать, относясь для сего с требованиями своими к хозяевам или маклерам, или же к приказчикам. На каждую партию товаров выдан от Комитета выставки печатный продажный лист, на котором покупатели благоволят вписывать: свою фамилию, местожительство, № и название купленной вещи или предмета с обозначением цены и сделанной уплаты»[50].

Особенно крупных размеров торговые сделки достигали во время ярмарок. В Москве (как и в Петербурге) ярмарки практически не проводились (во второй столице проводилась лишь небольшая осенняя шерстяная ярмарка). Но московские купцы уже с первых десятилетий XIX в. участвовали и все более активно внедрялись в ярмарочную торговлю в других городах (из 64 крупнейших ярмарок 26 приходилось на Украину и 14 – на Центральный черноземный район)[51].

В 1817 г. московские купцы (наряду с петербургскими, архангельскими, казанскими, астраханскими, курскими и др.) принимали участие в Ростовской ярмарке в Ярославской губернии. Здесь шла бойкая торговля сукнами, шелковыми и хлопчатобумажными тканями, красками, а также продуктами сельского хозяйства. Ярмарки устраивались тут и в дальнейшем, но роль их в торговых оборотах оказалась весьма скромной (основной предмет торговли – хлопчатобумажная пряжа – в 1851 г. был продан всего на 10 тыс. руб.)[52].

Главной, самой крупной, всероссийской ярмаркой страны стала Нижегородская, бывшая Макарьевская. Ее обороты в 1817 г. составили 139 млн. руб.[53]. На Нижегородскую ярмарку из Москвы привозились пушные изделия – шкурки соболя, частично закупавшиеся в Сибири, белки, выдры, а также мех лисицы, енота, медведя, волка. Некоторые из солидных московских купцов имели в Пушном ряду ярмарки свои лавки (Г. И. Сорокоумовский, И. П. Павлов)[54]. Московские купцы являлись основными поставщиками кожаных изделий – сапог, башмаков, рукавиц. Москва закупала в Нижнем железо, медь, сталь и направляла на ярмарку иголки, булавки, крючки, а также церковную утварь, золотые и серебряные изделия, столовые и чайные приборы. По сходной схеме шли закупка на ярмарке текстильного сырья (шерсть, хлопок, шелк) и продажа готовых тканей. Среди активных участников ярмарки, привозивших бумажные ткани, были московские предприниматели братья Прохоровы, Котельниковы, Веретенниковы, Третьяков. Кроме того, из Москвы на ярмарку доставлялись шерстяные и шелковые ткани, парча. Их поставщиками были Колокольников, Поляков, Вишняков, Кондрашев. Значительной была роль москвичей в ярмарочной книготорговле, особенно дешевыми книжками лубочного типа[55].

Московские купцы И. А. Колесов, В. Н. и П. Н. Усачевы, В. А. и П. А. Шестовы, В. И. и М. И. Куманины, Борисовские, А. А. Карзинкин были оптовыми торговцами чаем, привозившимся из Китая. Усачевы, Борисовские, Воробьевы и др. торговали также сахаром. Чай и сахар развозились из Москвы по всей стране. Здесь, на ярмарке, закупался табак для московских фабрик (Мусатова и др.) и продавалась их готовая табачная продукция, закупалось сырье для изготовления стеариновых свечей – сало и воск – и продавалась готовая продукция московских стеариновых заводов.

Московские купцы вели все более расширявшуюся торговлю на украинских ярмарках. На Крещенскую ярмар-

[49] *Самойлов Л.* Атлас промышленности Московской губернии. 1845. С.1–2.

[50] Указатель Московской выставки мануфактурных изделий Российской империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского. М., 1853. С.8.

[51] *Рожкова М.К.* Торговля // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959. С.246,250.

[52] Там же. С.253.

[53] Там же. С.250; *Острогухов П.А.* Москва и ее промышленная область на Нижегородской ярмарке 1822 г. Прага, 1935.

[54] *Мельников П.И.* Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах. Нижний Новгород, 1846. С.18.

[55] Там же. С.151,160,162, 207.

Дом Государственного банка на Никитском бульваре

ку в Харькове шли текстильные изделия, кожаная одежда, мех, металлические изделия, церковная утварь, золотые и серебряные изделия, топоры, галантерейные товары, парфюмерные изделия, а также чай, сыр, колбасы, рыба, кондитерские изделия, пряники, а закупались там шерсть, а также невыделанные кожи[56].

Торговые операции московских промышленников на всероссийском рынке со временем увеличивались и расширялись. Прохоровы до 20-х гг. сбывали свои товары, кроме Москвы, лишь в Скопине и Зарайске. Затем они начинают участвовать в украинских и нижегородской ярмарках. К тому же времени относятся их торговые связи с Петербургом[57]. В начале 30-х гг. Прохоровы отпускали в кредит товары 165 торговым фирмам в 60 городах страны, в том числе в Москве, Петербурге, Варшаве, Одессе, Архангельске, Перми, Ревеле, в городах Центрального района, Поволжья, Кавказа, Финляндии. К концу 30-х гг. число пунктов, в которых Прохоровы вели операции с торговыми фирмами, увеличилось до 104.

Успешные войны России с Ираном и Турцией способствовали во второй половине 20-х – начале 30-х гг. расширению торговли московских купцов с Закавказьем и Ираном. Вместе с тем приток в Закавказье западноевропейских товаров – вследствие военной обстановки в регионе – сократился. В конце 20-х гг. московские фабриканты предприняли шаги для расширения своего влияния на рынках Средней Азии. Были налажены контакты непосредственно со среднеазиатскими купцами, и в связи с этим стали выпускать материи по азиатским образцам (ранее продукция закупалась бухарскими, ташкентскими и другими среднеазиатскими купцами на Нижегородской ярмарке или при посредстве оренбургских и троицких купцов)[58].

Московские предприниматели и купцы обратили свой взор и на Китай. Торговля с Китаем шла, в частности, через Кяхту, и здесь москвичи имели весьма значительные позиции. Продажа бумажных материй через Кяхту с 1829 по 1840 г. возросла с 99 тыс. до 920 тыс. руб. ассигнациями, т.е. почти в 10 раз, а сукна – с 1,2 млн. до 4,1 млн. руб. ассигнациями, или почти в 4 раза.

Новым каналом расширения торгового оборота стали открывшиеся в 40-х гг. магазины розничной торговли (а не только оптовой, как ранее). В 1843 г. такой магазин «российских мануфактурных изделий» открылся в Москве, в 1846 г.– в Петербурге, примерно в те же годы – в Тифлисе и Варшаве[59]. В 40-е и особенно в 50-е гг. заметно сократилась доля товаров, продаваемых предпринимателями оптом непосредственно в Москве. Переход к собственной торговле фабричными изделиями стал использоваться и для торговли «чужими» товарами.

Таким образом Москва уже с первых десятилетий XIX в. выступала как крупный центр внутренней и внешней, а также посреднической торговли. На внутрироссийский рынок она поставляла текстильные товары, а также изделия, продававшиеся в мелочных лавках (иголки и т.п.). Посредническая торговля была связана с куплей-продажей сырья для текстильных фабрик центральных губерний – Московской, Владимирской, Костромской и др. При заметном расширении внутреннего рынка его емкость оставалась ограниченной вследствие прежде всего низкой покупательной способности населения, в значительной своей части крепостных крестьян.

Зарубежный рынок был еще более ограничен для российских товаров, включая изделия текстильной промышленности. Несмотря на участие в международных ярмарках, экспорт традиционных московских текстильных товаров имел в основном юго-восточное (а не западное) направление.

Эта картина отражала общероссийские тенденции. Общий объем экспорта в стране (в стоимостном выражении) с 1825 по 1850 г. хотя и увеличился, но менее чем на 50%, тогда как экспорт в Азию возрос более чем на 100%. Доля промышленных изделий, вывозившихся в Западную Европу, незначительная и ранее, еще более сократилась. Заметно уменьшился вывоз даже полотна. Правда, с середины 40-х гг. возрос вывоз хлеба, который перед реформой составлял более трети всего экспорта[60].

[56] *Аксаков И.С.* Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1853. С.118,167,169,210, 243,245,254–261,277,278, 332, 333; История Москвы. Т.III. С.282–283.

[57] Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1915. М., 1915. С.52.

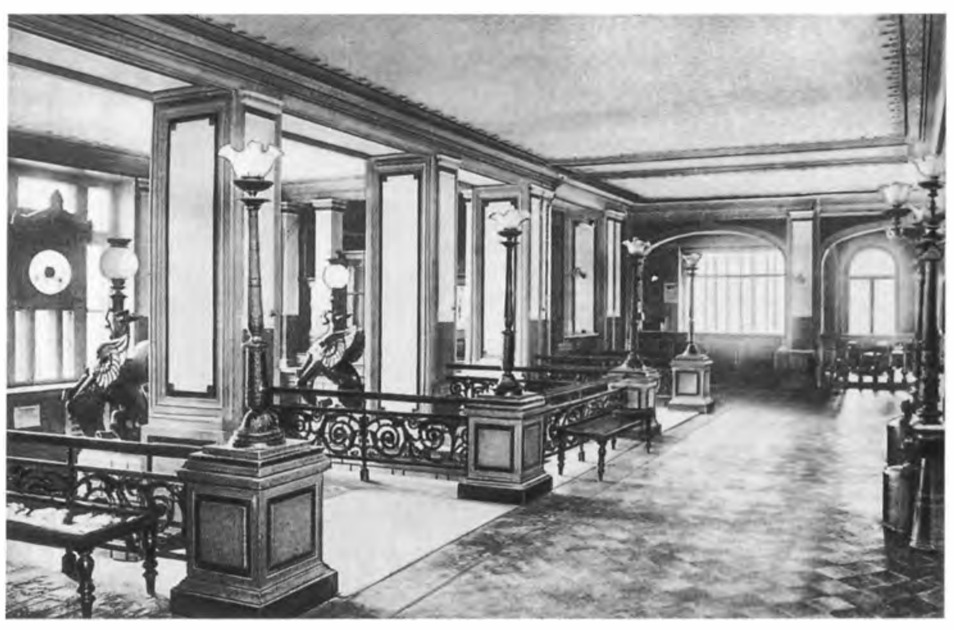
[58] *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.; Л. 1949. С.274.

[59] История Москвы. Т.III. С.286–288.

[60] *Рожкова М.К.* Торговля // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. С.274–275.

Дом Московского кредитного общества

Зал для публики в доме Московского кредитного общества

4. БАНКИ. БИРЖА

Развитие торговли вызвало создание ряда учреждений, которые были призваны способствовать заключению сделок.

Указом от 29 сентября 1806 г. в Москве была открыта Учетная по векселям и товарам контора. В 1818 г. учреждена Московская контора Коммерческого банка, осуществлявшая прием вкладов для хранения и перевода, а также учета векселей. Правительство ограничивало коммерческий кредит, и банковскими ссудами пользовались в основном казна и помещики, получавшие их под залог имений (ссуды же под залог товаров были ничтожны – менее 1%)[61].

Ссуды из заемного банка получили в 1843 г. лишь 84 владельца промышленных предприятий[62]. Крайне ограничивая коммерческий кредит, царское правительство вместе с тем отрицательно относилось к созданию частных коммерческих банков.

Как уже было отмечено, в первые десятилетия XIX в. сделки совершались в Гостином дворе, в трактирах, непосредственно на ярмарках, выставках. Биржа утвердилась в Москве далеко не сразу. Городской голова А. А. Мазурин, поддерживая предложение купцов о создании биржи, говорил 28 апреля 1828 г.: «Неоспоримо, что Москва есть средоточие всей российской торговли; что она для нашей империи есть магазин как для отечественных, так и всех иностранных произведений; что от ее оптовых торговцев преимущественно зависит повышение и понижение цен на все вообще товары в России и что ее влияние на коммерцию ощутительно даже и во многих иностранных государствах; но при всем этом, к немалому сожалению, столь знаменитая столица не имеет удобного места для своих коммерческих сношений, не имеет приличной биржи. Многие занимающиеся торговлей как россияне всех губерний, так и иностранцы, справедливо питая высокие мысли о здешнем купечестве, ежегодно приезжают в Москву, часто даже из Америки, не столько из любопытства, сколько для личного знакомства и начатия торговых сношений; но когда побывают на нынешнем коммерческом сборном нашем месте, то и полезные предубеждения и высокие мысли и часть немалую местного почтения к оптовым нашим торговцам в ту же минуту, ежели не совершенно теряют, то весьма много убавляют; ибо можно ли иметь выгодное мнение о тех людях, которые, не заботясь о месте приличном для их собраний, удовлетворяются стоянием на крыльце Гостиного двора и, подвергая себя всем неприятностям, происходящим от зноя, стужи и дурной погоды, трактуют о коммерческих делах на улице, под открытым небом, между проходящими разночинцами, лакеями, извозчиками, рабочими людьми и пр. и пр. Сколь важные последствия от сего происходят как на счет здоровья, так и на счет торговли, каждый легко может рассудить»[63].

Многие годы московские купцы собирались под открытым небом (на углу Ильинки и Хрустального переулка), обсуждали свои дела и заключали сделки. Наконец, в 1839 г. после длительных домогательств купечества, здание биржи было открыто, но и после этого сделки нередко заключались по-старинке – на крыльце Гостиного двора, на террасе биржевого здания, на лестнице, на прилегающей улице или даже в трактире.

В 1840 г. на бирже записалось 370 купцов, в следующем году их число даже

[61] История Москвы. Т.III. С.289.

[62] *Мигулин П.* Русский государственный кредит. Т.I. Харьков, 1899. С.135, 136.

[63] Московская биржа. 1839–1889. М., 1889. С.3–4.

Биржа и Гостиный двор. Литография. Середина XIX в.

сократилось до 227 и лишь со второй половины 40-х гг. и вплоть до 1861 г. установилось на уровне 310–370 человек[64].

После открытия биржи стал действовать Биржевой комитет. В его состав вошли представители крупного купечества. Комитет назначал администрацию по торговым делам на случай несостоятельности тех или иных купцов, смерти учредителя фирмы и несовершеннолетия наследников и т.п.

На бирже действовали маклеры и гофмаклер – посредники при заключении сделок (их насчитывалось до 25), а также браковщики товаров (в 1844 г. их было два).

В течение многих лет – с момента открытия и до 60-х гг.– биржа оставалась почти непосещаемой, само купечество, носившее название биржевого, было в то время разрозненно. Оно не имело юридического значения, деятельность представителя ее – Биржевого комитета – ограничивалась незначительными справками, принятием к сведению получавшихся объявлений, заведованием зданием биржи и некоторыми тому подобными вопросами. В таком положении дело находилось до 60-х годов, когда «с начавшейся постройкой железных дорог, а затем устройством кредитных учреждений» произошел «переворот в торговой деятельности Москвы» и само купечество заявило о новых потребностях[65]. В 40–50-е гг. биржа в Москве по существу переживала только период своего капиталистического становления.

* * *

Таким образом экономика Москвы за шесть десятилетий XIX в., пережив потрясения и урон в связи с наполеоновским нашествием, тем не менее существенно продвинулась вперед. Возникло немало новых предприятий фабричного типа, особенно в предреформенные десятилетия. Делала успехи механизация производства, однако многие операции продолжали вестись вручную, часть работы выполнялась не фабричными, а домашними, «ручными» рабочими. Заметно увеличились объемы промышленного производства и товарооборота. Товары московских предприятий, прежде всего текстильные, завоевали новые и более отдаленные рынки. Московские текстильные купцы стали принимать участие в европейских ярмарках. Развитие промышленности в конце рассматриваемого периода оказало влияние на железнодорожное строительство, формирование биржевых и банковских учреждений.

Несмотря на заметный прогресс, темпы развития московской промышленности были все же замедленными.

[64] Московская биржа. 1839–1889. М., 1889. С.72.

[65] Там же.

Структура московского (в своей преобладающей части текстильного) производства претерпела мало изменений. Правда, металлическое и металлообрабатывающее производство, кожевенная, пищевая и некоторые другие отрасли, заявив о себе, несколько потеснили текстильный сектор, но в очень небольших пределах.

Несмотря на изменения количественных показателей, московская экономика рельефно отражала трудности экономического развития страны и противоречивость происходивших процессов, о чем свидетельствовало, в частности, отсутствие каких-либо положительных сдвигов в текстильном экспорте в Европу даже после «успешного» участия в Лейпцигской ярмарке.

Причинами столь противоречивого развития была слабая механизация производства, являвшаяся следствием недостаточности капиталовложений и вместе с тем наличия огромной резервной армии дешевой рабочей силы, известной ограниченности не только внешнего, но и внутреннего рынка, низкая платежеспособность населения, слабое развитие путей сообщения, особый статус рабочих, нанимавшихся на предприятия как вольнонаемные, но фактически остававшихся оброчными крепостными. Все это сковывало развитие экономики и страны, и Москвы, но остановить ее поступательные шаги не могло. Определенные же успехи экономики приводили к дальнейшему углублению социально-экономических противоречий, которые со всей остротой выдвигали вопрос о реформах.

Вид крыльца старого Гостиного двора на углу Ильинки и Хрустального переулка, где собиралось купечество до постройки Биржи

V

МОСКОВСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

«Кто был в Москве – знает Россию»,– восклицал Н. М. Карамзин. И действительно, порой кажется, что на пространстве многоликой и размашистой древней русской столицы расположился не один город, а несколько, каждый – со своим норовом и собственным уставом. Как не похожи друг на друга Москва дворянская и Москва купеческая, а ведь и та и другая были признанными российскими авторитетами, обе оставили неизгладимый след в нашей истории. Однако купечеству первопрестольной в чем-то повезло меньше: хотя после него в Москве осталось немало свидетельств высокой материальной и духовной культуры – работающие до сих пор заводы и фабрики, добротные больницы и клиники, известные всему миру картинные собрания, театры и учебные заведения,– отношение к российскому предпринимателю сплошь и рядом окрашивалось долей иронии и скепсиса. Во многом подобное отношение закреплялось и авторитетом русской литературы, которая, отражая систему нравственных ценностей просвещенного общества XIX в., могла допустить существование положительного героя в какой угодно социальной среде, но только не в мире наживы и чистогана. Представители последнего часто награждались определениями, впоследствии становившимися нарицательными: «самоварники», «аршинники», «протобестии», «надувалы морские» (Н. В. Гоголь), «купчины толстопузые» (Н. В. Некрасов), «кит китычи», «самодуры» (А. Н. Островский), «темное царство» (Н. А. Добролюбов), «чумазые» (М. Е. Салтыков-Щедрин). Враждебное отношение общества не только к честным предпринимателям, но и ко всему деловому миру в целом вызывало недоумение у наиболее образованных купцов. Так, А. С. Ушаков писал в середине XIX в.: «Кто не бранит... нашего купечества? Мы не раз выражались об нем весьма для него нелестно, но свой своему поневоле друг: побранишь, укажешь на недостатки да покажешь и хорошую сторону, которых немало в этом обществе. А загляните в обличительную и необличительную литературу, припомните театральные пьесы с сюжетами, взятыми из купеческого быта, как там часто купец – или отребие общества, или плут, или смешон и является в таком виде, говорит таким языком, как будто бы он совершенно из другого мира. Бывши купцом, невольно задумаешься над этим странным явлением в нашем, и именно только в нашем русском обществе»[1].

Более чем через полвека об этом же писал другой представитель московского купечества В. Сторожев: «У купеческого сословия есть своя культура и своя культурность; этот элемент исторических судеб русского купеческого сословия не только не изучен, но в сущности и не начат изучением с точки зрения социологической. Часто любят ссылаться на комедии А. Н. Островского и на публицистическую бытовую живопись XIX столетия. В наше время (1913.– *Авт.*) эти ссылки стали невозможностью и драматическая поэзия старой школы должна перестать быть единственным и пристрастным первоисточником...»[2].

Однако призывы к беспристрастности и объективности оказались слабее стойких стереотипов, которые закреплялись и в наше время, причем не только у марксистских, но и у некоторых западных исследователей.

Характерно в этом отношении описание облика русского купца, данное популярным американским историком Р. Пайпсом: «Восточная ориентация русского купечества ярче всего проступала в его обличье и бытовых привычках... Купечество... до начала нашего столетия сохраняло типично восточный внешний вид: борода (теперь обычно подстриженная), сюртук, являвший собою видоизмененный кафтан и застегиваемый обычно на левую сторону, высокая шапка, мешковатые штаны и сапоги»[3].

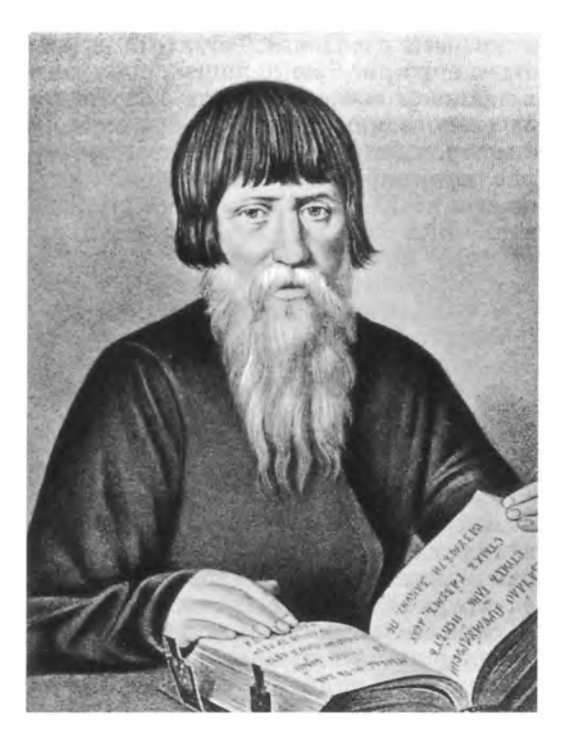
Среди купечества не только в XIX в., но даже в XX в. попадались столь ко-

[1] Наше купечество с серьезной и карикатурной стороны. Вып.I. М., 1865. С.5.

[2] История Московского купеческого общества. T.V. Вып.I. М., 1913. С.21.

[3] *Ричард Пайпс*. Россия при старом режиме. М., 1993. С.270.

лоритные личности – по крайней мере популярные юмористические журналы очень часто именно в таком виде карикатурно изображали пресловутого «охотнорядца» – обскурантиста и погромщика. Однако, если принять этот тип русского предпринимателя за универсальный, то трудно понять, как из среды московского купечества могли выйти не только известные меценаты, но и деятели культуры – артист М. Н. Плавильщиков, художник А. Г. Венецианов, публицист и историк Н. А. Полевой, музыкант А. Г. Рубинштейн, юрист Ф. Н. Плевако, поэт В. Я. Брюсов, писатель И. С. Шмелев (здесь же уместно вспомнить двух сыновей купцов, правда, не столичных, а провинциальных – И. А. Гончарова и А. П. Чехова). Как же получилось, что внутри «торгового сословия» косность часто соседствовала с новаторством, традиционализм в быту уживался со следованием европейской моде, глубокая религиозность отцов не противоречила светской образованности детей? Понять эти противоречия можно, если обратиться к истории XIX в.– времени, когда возникли и окрепли самые известные московские предпринимательские династии, были накоплены огромные состояния, сформировалась своеобразная психология московского купечества.

Купец-старообрядец начала XIX в. Литография. 30-е гг. XIX в.

Купец-откупщик, вышедший в дворянство. Литография. 20-е гг. XIX в.

1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Купечество на протяжении XIX в. не было самым многочисленным сословием Российской империи: оно составляло от 6 до 7% городского населения (около 200 тыс. человек), причем каждый десятый купец жил в Москве[4]. Однако следует отметить, что немногочисленность «торгового сословия» не соответствовала его экономической мощи, кроме того, в число собственно купеческого сословия входили не все российские предприниматели. Для того чтобы понять, в каких социальных условиях функционировала отечественная торговля и промышленность, нельзя не учитывать некоторые особенности существовавшей в России XIX в. (и юридически отмененной только в 1917 г.) сословной системы.

Основы сословного деления городского населения Российской империи заложили в XVIII в. преобразования петровского периода и реформы Екатерины II. В результате их была разрушена старая, относительно замкнутая система, выделявшая среди жителей посада торгово-промышленную элиту – «гостей» и членов «гостиной и суконной сотен» – и введены новые сословия, формировавшиеся с учетом их реального экономического положения. В основе выделения новых социальных групп лежал имущественный ценз – более богатые горожане приписывались к купечеству, менее обеспеченные – к мещанству и ремесленникам. Этот подход отечественные юмористы начала XX в., «сатириконцы», во «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом», блестяще обыграли следующим образом: при разделении городского населения на три сословия «строго придерживались брючного и сапожного ценза. У кого были целы сапоги и брюки, тот был зачислен

[4] *Рындзюнский П.Г.* Городское население дореформенной России // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959. С.281–284.

в купеческое сословие. Тот, кто имел рваные сапоги, но брюки целые, попадал в мещанское сословие. Лица же, у которых сапоги просили каши, а брюки были с вентиляцией, составили сословие ремесленников»[5]. Внутри городского общества в XIX в. выделялась своего рода верхушка – купеческое отделение, состоящее из трех гильдий, членство в которых определялось в зависимости от «объявленного по совести капитала (в начале XIX в. в I гильдию записывались владельцы капитала свыше 10 тыс. руб., во II – от 5 до 10 тыс., в III – свыше 1 тыс. руб.).

Купцы всех трех гильдий освобождались от натуральной рекрутской повинности, а I и II – от телесного наказания. Принадлежность к первым двум гильдиям давала определенные привилегии купцам – они имели право на внутренний оптовый и розничный торг, на строительство заводов и фабрик, освобождались от казенных служб. Причем купцам I гильдии разрешалось торговать не только на территории империи, но и за ее пределами, что предполагало владение морскими судами. Члены же II гильдии могли быть владельцами только речных судов. Деятельность третьегильдейцев распространялась лишь на уезд и ограничивалась мелочным торгом, содержанием небольших фабрик, трактиров, бань, постоялых дворов.

Существенной особенностью купеческого сословия было то, что оно не являлось наследственным, а оформлялось ежегодно путем уплаты так называемого гильдейского сбора, составлявшего около 1% от объявленного капитала. Ухудшение экономической конъюнктуры и невозможность выплаты гильдейского сбора вынуждали предпринимателей покидать купеческое сословие и приписываться к мещанству. Такой судьбы не избежали десятки купеческих семейств, в том числе и широко известная семья Рябушинских. Основатель династии, Михаил Яковлевич, в 1802 г. записался в III гильдию московского купечества и начал самостоятельную торговую деятельность в холщовом ряду Торгового двора. Однако грянула война 1812 г.– торговые ряды были разрушены, товар разграблен или погиб в огне большого пожара. Рябушинский с женой перебрался в село Кимры Тверской губернии – известный центр сапожного ремесла. По семейным преданиям, он пытался заняться там скупкой обуви, но эта попытка удачи не принесла. Возвратившись в Москву, Рябушинский подал в дом Московского градского общества прошение: «...По претерпенному мною от нашествия в Москву неприятельских войск разорению... покорнейше прошу по неимению мною купеческого капитала перечислить в здешнее мещанство»[6]. С 1814 по 1823 г. семья Рябушинского числилась в мещанском сословии и лишь в 1824 г. вновь была приписана к купечеству.

Как видно, сословные границы в городском обществе XIX в. не были непреодолимыми. Один из представителей известной московской купеческой семьи Вишняковых вспоминал: «...Наиболее близки к купечеству, как такое же городское сословие, были мещане. Платя гильдию, мещанин становился купцом, и наоборот, переставая платить, он возвращался в мещанство. В таком же положении были и государственные крестьяне, которых не следует смешивать с помещичьими. Поэтому в воспоминаниях моих не сохранилось никакого следа о каких-нибудь выходках или замечаниях по адресу этих сословий: мы стояли к ним слишком близко для того, чтоб проводить между ними и нами какую-нибудь существенную грань»[7].

Однако сама жизнь в условиях крепостнических порядков проводила резкую грань, отделявшую городское население от крестьянства, в среде которого в XIX в. происходил активный процесс формирования предпринимательства. Отдельные, наиболее хозяйственные крестьяне основывали в своих деревнях, да и в самой Москве, торговые и промышленные заведения. Начав с мелочных лавок или примитивных ткацких светелок, многие из них становились крупными дельцами, но юридическая зависимость от помещиков постоянно давала о себе знать. Для того чтобы перебраться в Москву или другой город Российской империи, требовался паспорт, выдаваемый с разрешения помещика или крестьянского общества. Однако даже после получения паспорта унизительная зависимость от воли хозяина постоянно напоминала о себе.

Характерная история произошла с Г. Г. Волковым, одним из самых известных торговцев антиквариатом и художественными вещами в Москве 60-х гг. XIX в. Высокий седой благообразный старик, владелец собственного дома и двух престижных магазинов, Волков был вхож во многие аристократические дома, где его ценили как беспристрастного эксперта, знатока своего дела. Однако мало кто уже помнил в пореформенной Москве об истории, произошедшей три десятилетия назад, когда Волков, уже ставший антикваром с хорошей репутацией, задумал жениться на купеческой дочери Екатерине Бажановой. Родители не возражали против брака, но препятствием служило то, что жених был крепостным помещика Голохвастова, а превращать свою дочь из свободной в крепостную они решительно отказались. Тогда Волков стал хлопотать о том, чтобы откупиться, но помещик был категорически против. Помог Волкову один

[5] Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». СПб., 1912. С.227–228.

[6] Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913. С.7–8.

[7] *Вишняков Н.П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н.Вишняковым. Ч.III. М., 1911. С.81.

из его клиентов – князь Н. Б. Юсупов, который предложил Голохвастову, страстному картежнику, сыграть партию, где ставкой была вольная незадачливого антиквара. Князь выиграл – и только таким образом была получена долгожданная свобода.

Пагубность влияния крепостного права на развитие русского предпринимательства ясно осознавали многие представители московского купечества, которые, на первый взгляд, сами непосредственно не страдали от феодальных пережитков. Указом от 23 декабря 1822 г. Московская Казенная палата во исполнение предложения министра финансов «предписала доставить в оную сведение, во-первых, о настоящих причинах ежегодного уменьшения числа купеческих капиталов и, во-вторых, о способах, кои по местным обстоятельствам представляются необходимыми к поддержанию процентного с них сбора от упадка»[8]. В итоге московские купцы подготовили документ, озаглавленный «Предположение московского купеческого общества о причинах упадка торговли и купеческих капиталов» в России. В нем четко проводилась мысль, что одна из главных причин, тормозящих развитие российской промышленности и торговли – бесправное положение крестьян-предпринимателей, которые не имеют прав на оформление сделок, не несут ни судебной, ни материальной ответственности в случае своей несостоятельности и т.д. То обстоятельство, что крестьяне не платили казне налоги и сборы, ослабляло монопольное положение купеческого сословия, однако авторы документа выступали не против своих конкурентов, а против феодальных порядков, стеснявших свободу предпринимательства. Как говорилось в «Предположении», «московское купеческое общество не предполагает лишить крестьян средства заниматься торговлей и промыслами купечества, но, напротив того, желает, чтобы крестьяне сии были согражданами их или других городов Российской империи; чтобы они увеличивали собою купеческое общество и число постоянных жителей городов; чтобы пользовались с ними одинаковыми правами и преимуществами; чтобы они несли с ними равные по государственным и общественным повинностям обязанности; чтобы по делам торговым и деловым обязательствам подвергались одинаковой ответственности»[9].

Хотя авторы «Предположения» и не выступали открыто с идеей отмены крепостного права, их доводы, без сомнения, предполагали весьма существенное облегчение положения крестьян-предпринимателей. Причины этой солидарности можно объяснить не только соображениями буржуазного прагматизма (крестьяне, записанные в гильдии, принимали на себя часть бремени налогов, накладывавшихся на «торговое сословие»). Они станут более понятными, если обратить внимание на происхождение ведущих московских торгово-промышленных кланов.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ МОСКОВСКИХ КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ

Подавляющее большинство известных московских купеческих фамилий развернуло свою деятельность в первой половине XIX в. Несмотря на то, что появлявшиеся купеческие династии были в экономическом отношении весьма могущественными, они не всегда отличались устойчивостью: как правило, продолжительность купеческого рода составляла два-три поколения. Отечественные историки давно подметили, что ни одна известная торгово-промышленная фамилия петровского времени не сохранила своего значения до конца XIX – начала XX в. Упадок большинства купеческих семей объяснялся экономическими причинами, и в результате разорившиеся торговцы и промышленники опускались вниз по социальной лестнице и записывались в мещане. Меньшая часть купцов порывала с предпринимательством и находила себе другие сферы деятельности. Показательна в этом отношении семья чаеторговцев и текстильщиков Куманиных. Алексей Алексеевич Куманин, первостатейный купец, стал коммерции советником (почетный титул для наиболее отличившихся купцов, дававший права чиновников VIII класса «Табели о рангах»), кавалером ордена Святого Владимира (что предоставило ему права дворянства), избирался в 1792–1795 гг. бургомистром Московского магистрата и в 1811–1813 гг. московским городским головой. Его сын и племянник также были городскими головами – К. А. Куманин в 1824–1827 гг. и П. И. Куманин – в 1852–1855 гг. Большинство представителей этой семьи, получив дворянство, не возвращалось к занятиям отцов: фамилию Куманиных можно встретить среди общественных деятелей, чиновников губернских управлений, сотрудников Министерства иностранных дел. В течение XIX в. перешли в дворянство и свернули торгово-промышленную деятельность и некоторые другие купеческие династии – Губины, Титовы, Шелапутины.

Выходцев из собственно старомосковского торгового сословия в Москве не осталось вовсе – традиционно потомственные купеческие семьи, насчитывавшие относительно продолжительную историю, были представлены, как правило, уроженцами провинциальных го-

[8] История Московского купеческого общества. Т.II. Вып.I. М., 1913. С.242.

[9] Там же. С.320.

Купец В. А. Кокорев. Литография В. Тимма. 1856 г.

родов, преимущественно центральной России. В конце XVIII в. в Москву переселились купцы из Кашина – Вешняковы, орловцы Губины, калужане Малютины, угличане Сапожниковы, жители Боровска Шестовы и Щукины. В первой половине XIX в. в купечество первопрестольной из Зарайска приписались Бахрушины, из Калуги – Ганешкины, из Каширы – Лепешкины, из Серпухова – Солодовниковы[10]. В это же время в Москве оказались представители семей, которым суждено было прославиться не на торгово-промышленном поприще, а в области отечественной культуры: в 1834 г. «явился в московское купечество» из Житомира Г. Рубинштейн – отец двух композиторов. Десятью годами раньше из Курска прибыли известные в истории общественной мысли братья Николай и Ксенофонт Полевые. Любопытная история их семьи, изображающая яркий, но не лишенный авантюрной жилки склад характера русского предпринимателя, была описана Н. Полевым[11].

Его прадед был одним из богатых людей Курска, имел широкие деловые связи с Персией, отец торговал в Оренбурге с бухарцами, брат деда и дядя искали счастья на Камчатке, в Америке. Отец Н. Полевого был вдохновлен проектом создания компании для эксплуатации заокеанской территории России – Аляски. Он ездил в Петербург, чтобы убедить царские власти в плодотворности этой идеи, и впоследствии служил правителем иркутской конторы созданной Российско-Американской компании. Правда, в скором времени он отказался от службы, так как «кровь его кипела деятельностью; средства казались неистощимы. Он завел выделку морских котов и на большие деньги, какие успел собрать, решился основать в Сибири фаянсовую фабрику», к которой впоследствии присоединил водочный завод. Однако необузданная фантазия в коммерческих делах, выразившаяся, в частности, в попытке производить сахар и ром из арбузов, привела его к разорению.

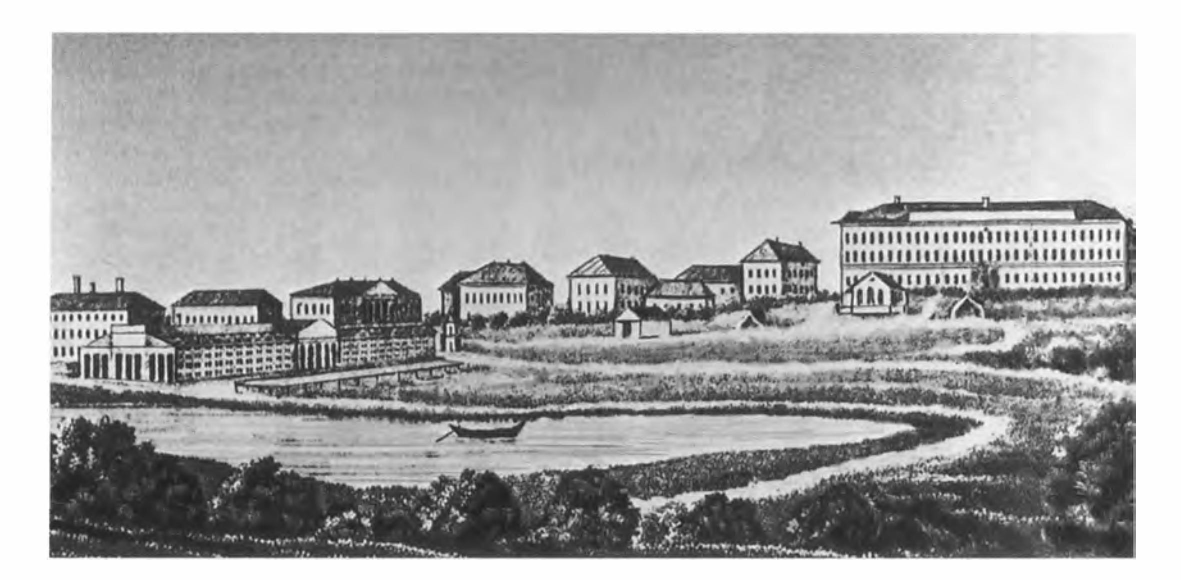
Но не провинциальные купцы были главным источником формирования элиты московского предпринимательства. Им стали дельцы из крестьян, основавшие, пожалуй, самые громкие московские деловые династии: Абрикосовы, Алексеевы, Губонины, Гучковы, Крестовниковы, Коноваловы, Найденовы, Солдатенковы, Хлудовы и многие другие. Основатели купеческих династий походили на крестьян и внешне: одеждой, бытовым укладом, речью. Для их более просвещенных детей крестьянское происхождение предков стало побудительным фактором самоидентификации, влиявшим на формирование специфической коллективной психологии. В. А. Кокорев, сын купца средней руки, затем один из богатейших предпринимателей России XIX в., в речи на банкете в 1857 г. обратился к московскому купечеству с идеей об особой ответственности своего сословия в отмене крепостного права. «Ведь нам будет стыдно смотреть на крестьян... – заявлял он,– потому что многие из нас сами недавно вышли из крестьян, и я, говорящий эти слова, имею родных в крестьянском сословии»[12]. Пиетет к своему простонародному происхождению у этого дельца принимал зачастую символическую форму. Шампанское он пил не иначе как смешанным с крестьянским напитком – квасом. Предметом многочисленных насмешек радикальных публицистов являлся демонстративно выставленный в кабинете Кокорева золотой лапоть, который, однако, по мнению симпатизировавших ему современников, вместе с великолепной коллекцией предметов прикладного искусства положил начало меценатской традиции, связанной с изучением народного творчества в России.

Даже несколько позднее, уже в XX в., осознание своей генетической принадлежности к крестьянской массе служило предметом гордости и некоторых крупных политиков. А. И. Гучков, представитель известной московской купеческой династии и лидер партии октябристов, в ответ на обвинения в «купеческом патриотизме», не без своеобразного кокетства отвечал своим оппонентам с трибуны Государственной Думы: «Я не только сын купца, но и внук крестьянина, крестьянина, который из крепостных людей выбился в люди своим

[10] *Чулков Н.П.* Московское купечество XVIII и XIX веков. // Русский архив. 1907. № 12. С.489–502.

[11] *Кафенгауз Б.Б.* Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом. М., 1928. С.132.

[12] *Куйбышева К.С.* Крупная московская буржуазия в период революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861. М., 1965. С.331.

Фабрика братьев Гучковых. Литография. Середина XIX в.

трудолюбием и своим упорством»[13]. Ему вторил один из представителей семьи Рябушинских: «Мы, московское купечество, в сущности, не что иное, как торговые мужики, высший слой русских хозяйственных мужиков»[14].

Причина того, что элиту московского купечества составили именно выходцы из крестьян, кроется в быстром развитии в конце XVIII – начале XIX в. новой для России отрасли – хлопчатобумажной промышленности. Она зародилась без непосредственной поддержки государства, которое покровительствовало суконным и чугуноплавильным заведениям, принадлежавшим, как правило, дворянству и удовлетворявшим нужды армии и флота.

Залогом успеха новой отрасли стала ориентация на широкий потребительский рынок, нуждающийся в дешевых текстильных изделиях. Поскольку с технической стороны хлопчатобумажное производство отличалось крайней простотой и ограничивалось на первых порах применением ручного труда, множество крестьян занялось кустарной выработкой ситца. Наиболее удачливым кустарям со временем удавалось накопить достаточное количество денег для открытия собственных мануфактур. Дополнительный импульс развитию крестьянской промышленности дал московский пожар 1812 г., уничтоживший почти все городские предприятия. Именно после этого у новых предпринимателей – бывших кустарей-ремесленников – стали накапливаться огромные состояния, что в условиях крепостнической России создавало часто запутанные и противоречивые ситуации.

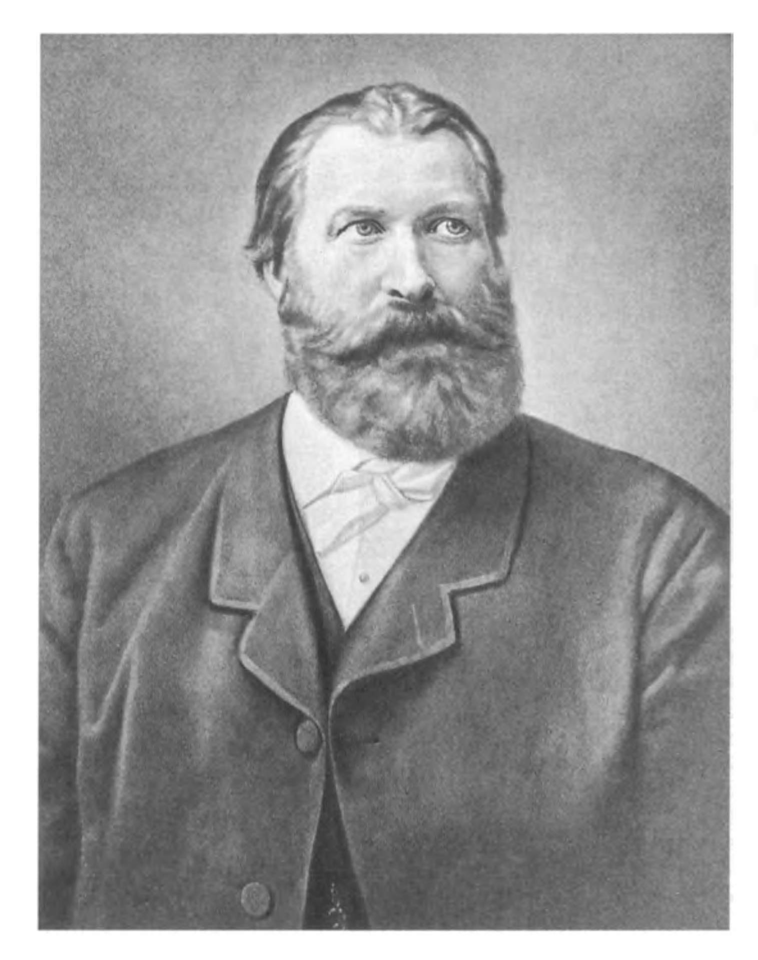
В начале XIX в. интересная обстановка сложилась в селе Иваново, многие выходцы из которого впоследствии стали московскими купцами. Самые богатые ивановские фабриканты, на предприятиях которых было занято более 1 тыс. рабочих, юридически были такими же бесправными, как и бедняки-рабочие: все они являлись крепостными графа Шереметева. Но фактически крупные фабриканты не только владели движимым и недвижимым имуществом (хотя последнее записывалось на имя помещика), но даже имели собственных крепостных. Так, например, Ивану Гарелину принадлежало сельцо Спасское со всеми живущими здесь крестьянами; имел крепостных и другой ивановский предприниматель – Грачев. Само собой разумеется, что юридически эти крепостные принадлежали единственному владельцу села Иваново – графу Шереметеву. Но вотчинная контора Шереметева признавала имущественные сделки подведомственных ей крепостных, причем в пользу графа поступал определенный процент стоимости приобретенного или проданного имущества, поэтому крепостные предприниматели могли свободно приобретать земли и даже крестьян. Нечего и говорить, что такие крепостные фабриканты стремились выкупиться на волю, но владелец Иванова соглашался на это крайне неохотно. До реформы 1861 г. свободными стали около 50 крестьянских семейств, причем средняя выкупная плата за семейство составляла значительную для того времени сумму – 20 тыс. руб.[15]

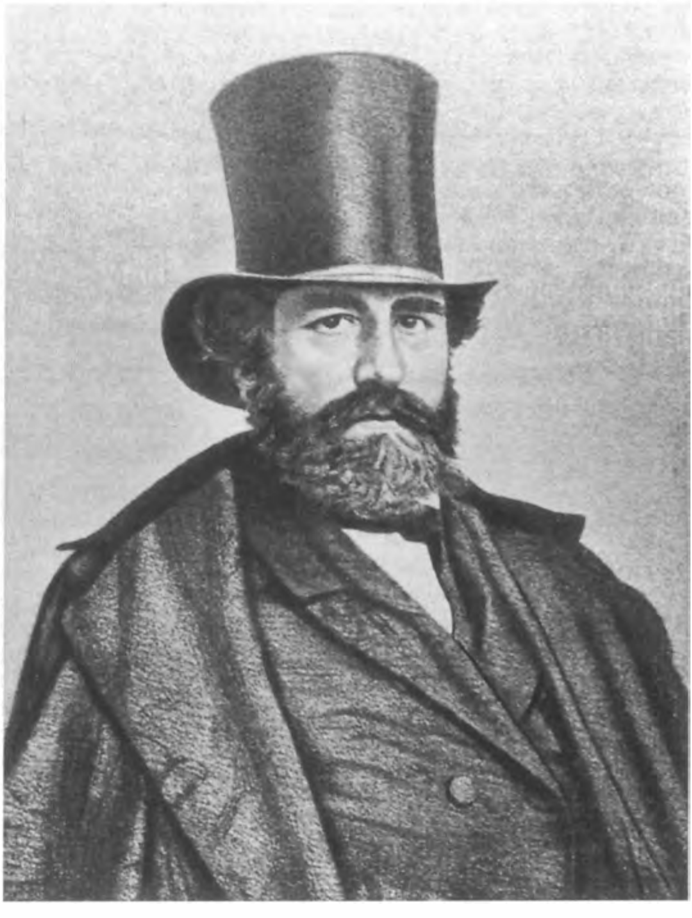
Вчерашние крепостные предприниматели, как правило, записывались в московское купечество, со временем их дело расширялось и принадлежавшие им капиталы достигали весьма крупных размеров. Капитал братьев Гучковых к 1860 г. составлял 715 374 руб. 70 коп. серебром, причем только за один год (с 12 апреля 1859 г. по 3 апреля 1860 г.) он увеличился почти на 100 тыс. руб. Необычайно быстро богатела семья Прохоровых, владельцев Трехгорной мануфактуры. В 1812 г. она имела 42 тыс.

[13] Цит. по: *Боханов А.Н.* А.И.Гучков // Исторические силуэты. М., 1991. С.63.

[14] *Рябушинский В.* Купечество московское // Былое. 1991. № 3. С.12.

[15] *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика. М., 1934. С.80.

Московский 1-й гильдии купец И. Ив. Бутиков

Купец середины XIX в.

руб. серебром, в 1833 – уже 870 тыс., а в 1848 г. их собственность оценивалась суммой свыше трех миллионов ассигнациями. Сохранилось яркое свидетельство современника о капитале братьев Хлудовых. В письме 1852 г. Я. В. Прохорова брату Константину говорится: «Давно ли было, что они обедали из одной чашки деревянными ложками, а теперь у них – единогласно говорят – два миллиона серебра». В 1850 г. братья Алексеевы получили, согласно завещанию отца, по 7 млн. руб. каждый. 2 млн. руб. оставил своим сыновьям в 1858 г. в наследство М. Рябушинский[16].

Своеобразную группу московского предпринимательства представляли иностранцы, которые со времен Петра традиционно входили в состав купечества. В XIX в. их доля среди московского купечества составляла около 4% гильдейцев (в I и II гильдиях их удельный вес был несколько выше и равнялся 10%). В основном иностранные предприниматели занимались оптовой торговлей, банковским делом, маклерством. Среди промышленников число иностранцев было невелико (менее 0,5%). Они не проявляли интереса к самой крупной отрасли промышленности– текстильной, составлявшей свыше 70% московских предприятий, и тяготели к металлообработке и механическому производству – именно в этих отраслях основали свои предприятия в 40–50-х гг. наиболее известные московские иностранцы – Гужон, Бромлей, Сан-Галли, братья Бутеноп[17].

Следует при этом учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, большинство иностранных предпринимателей быстро становилось русскими подданными, так как по действовавшему законодательству иностранцы могли заниматься торгово-промышленной деятельностью без записи в гильдии в течение 10 лет, а затем или должны были принять российское подданство, или продать заведение. Дети многих предпринимателей, если продолжали вести дело в России, как правило, обрусели и полностью ассимилировались. Во-вторых, иностранные подданные, включаясь в российское предпринимательство и действуя по его законам (юридическим и чисто экономическим), по существу служили промышленным интересам России. Известный немецкий экономист конца XIX в. Г. Шульце-Геверниц говорил об одном из таких капиталистов – Л. Кнопе: «Кноп очень давно сделался русским подданным; его разнообразные, многочисленные способности пошли не на пользу его родине, они были чистым выигрышем для России»[18].

[16] *Куйбышева К.С.* Указ. соч. С.319.

[17] *Ионова В.В.* Социальный состав московских промышленников (по материалам статистических сборников 40–50-х годов XIX в.) // Проблемы истории СССР. Вып.XIII. М., 1983. С.180–189.

[18] *Шульце-Геверниц Г.* Очерки общественного хозяйства и экономического положения России. СПб., 1901. С.75.

Этот предприниматель так много сделал для развития «коренной» московской отрасли – текстильной промышленности, что о нем следует сказать особо. Людвиг Кноп родился в 1821 г. в Бремене, но еще в ранней юности направился в Англию, где в Манчестере работал в фирме «Де Джерси». Последняя продавала в Москву пряжу, и в 1839 г. Кноп был отправлен в Россию как помощник представителя этой фирмы. Ему исполнилось всего 18 лет, когда началась его легендарная промышленная карьера. Шульце-Геверниц, изучивший деятельность Людвига Кнопа не только по письменным источникам, но и по рассказам московских купцов, считал, что своим успехом начинающий коммерсант обязан не только уму, но и крепкому желудку и способности пить, сохраняя ясность рассудка. Нравы купеческой Москвы были таковы, что большинство сделок совершалось в трактирах или загородных ресторанах. Кноп сразу понял, что для того, чтобы сблизиться со своими клиентами, нужно приспособиться к их привычкам и укладу жизни. Довольно быстро он завоевал репутацию приятного собеседника, всегда готового составить компанию.

Поворотным пунктом в карьере Кнопа стало оборудование им первой морозовской фабрики. С. В. Морозов, создавая свою первую, знаменитую впоследствии Никольскую фабрику, поручил молодому Кнопу оснастить ее самыми современными ткацкими станками, производившимися в Англии. Задача оказалась непростой, так как английские фабриканты машин, незнакомые с русским рынком, не склонны были предоставлять большие и долгосрочные кредиты. Ситуация осложнялась тем, что до 1842 г. английское правительство сохраняло запрет на вывоз текстильного оборудования из Англии. Но Кноп взялся за дело с необычайной энергией, он сумел завязать деловые отношения с рядом машиностроительных заводов Манчестера и получить от них монопольное право на представительство в Москве. Успех в оборудовании Никольской мануфактуры был полный, за Морозовыми последовали Малютины, Хлудовы, Якунчиковы. В течение ближайших лет почти вся текстильная, главным образом хлопчатобумажная, промышленность Московского региона оказалась модернизированной и переоборудованной заново. В 1852 г. был основан торговый дом «Людвиг Кноп», который не только поставлял оборудование для фабрик, но предоставлял своим клиентам кредиты, нанимал иностранных специалистов, продавал сырье. В общей сложности контора Кнопа помогла основать свыше 120 ткацких фабрик, внеся тем самым значительный вклад в развитие российской текстильной промышленности.

Л. Г. Кноп

3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ С ВЛАСТЯМИ

Отношения московских купцов с «сильными мира сего» отличались двойственностью. Пиетет к монарху и заискивание перед верховной властью, чьи решения определяли направление экономического развития страны, сочетались с неприязнью к отдельным институтам и представителям сверхцентрализованного государства, часто связывавшим предпринимателей по рукам и ногам своей докучливой опекой и стремившимся переложить на их плечи исполнение ряда административных обязанностей.

Развитие московской промышленности в XIX в., несмотря на достигнутые успехи, не соответствовало мировому уровню. Производительность труда на московских фабриках была невысокой, себестоимость производимой продукции весьма значительной, а цена продаваемых изделий относительно дорогой. В условиях свободной конкуренции с более дешевыми заграничными изделиями это могло привести к разорению отечественных предпринимателей. Поэтому купцы «первопрестольной» в течение первой половины XIX в. одолева-

Образец ткани фабричного производства 1-й половины XIX в.

Прочные краски. Товарищество Никольской мануфактуры. Торговый знак

ли царское правительство всякого рода прошениями и петициями, в которых доказывали необходимость существования в России протекционистской системы, способной путем запрета ввоза импортных товаров или введения высоких таможенных тарифов обеспечить беспрепятственный сбыт отечественной продукции на внутреннем рынке.

Правительство в целом последовательно выдерживало выгодный московским промышленникам курс. Отступление от него произошло в 1819 г., когда была отменена запретительная система. В результате промышленные изделия Западной Европы наводнили рынки России, многие отечественные фабрики, не выдержав иностранной конкуренции, прекратили свое существование. Не случайно московские предприниматели считали тариф 1819 г. вторым «разорением» после наполеоновского нашествия. Однако, убедившись в невозможности русской промышленности конкурировать с западноевропейской, правительство в 1822 г. ввело протекционистский тариф, сохранившийся без существенных изменений до 1850 г.[19]

Московские предприниматели с энтузиазмом встретили эту меру. По отзыву современника, «никакая правительственная мера в России не произвела такого переворота в быту промышленном, как этот знаменитый тариф. Московская, Владимирская, Костромская губернии образовали целый мануфактурный округ; целое народонаселение получило иное, фабричное направление; сотни тысяч рук пришли в движение, сотни фабрик выбрасывали ежедневно массы произведений, требовавших сбыта»[20].

Русское самодержавие афишировало последовательность своего курса на поддержку отечественной промышленности. Весьма характерным демонстративным актом являлся данный Николаем I по поводу открывшейся в 1833 г. в Петербурге мануфактурной выставки обед «на 500 кувертов» в Зимнем дворце, на который наряду с высшими государственными чиновниками были приглашены и московские купцы. Во время обеда царь, беседуя с московским суконным фабрикантом Рыбниковым, развеял его опасения в связи со слухами об отмене запретительных пошлин и сравнил Москву по степени развития мануфактурного дела с Манчестером. Доверительный тон Николая I поддержала и императрица, которая при представлении ей купцов сказала предпринимателю Кондрашеву, указав на свое белое

[19] *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1968. С.96–97.

[20] *Аксаков И.С.* Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858. С.13.

шелковое платье: «Это ваша материя»[21]. Подобные акции достигали своей цели и вызывали в московском купечестве бурные выражения верноподданнических чувств, проявлявшихся в благодарственных адресах и торжественных депутациях.

Однако если перед верховной властью московские предприниматели преклонялись, то к деятельности чиновничества и представителей государственной администрации относились недоверчиво, настороженно воспринимая даже те меры, которые, казалось, были направлены на благо торговли и промышленности. Показательна в этом отношении история с открытием в Москве в 1839 г. биржи, которую купцы на протяжении продолжительного времени упорно игнорировали. Они по-прежнему собирались для обсуждения договоров купли-продажи товаров и о ценах на них там, где привыкли это делать в течение десятилетий,– под открытым небом на углу Гостиного двора, выходящем на Ильинку и Хрустальный переулок. Увеличение движения транспорта на Ильинке нередко вызывало ушибы и травмы у стоящих тут дельцов, но купечество предпочитало нанимать на общественный счет лекарей-костоправов, а в здание биржи все-таки не шло. Лишь в 1860 г. собрания были перенесены в само здание[22].

Столь настороженное отношение купечества к бирже может показаться противоестественным только с первого взгляда. Дело в том, что принцип создания предпринимательских институтов сверху превращал капиталистические учреждения по сути в административные. Открытие биржи и ее деятельность были подчинены правительственным органам в лице министра финансов, Департамента торговли и мануфактур, представителя местных властей. Все постановления Биржевого общества вступали в силу только после утверждения одним из этих институтов. Министр финансов имел в отношении биржи право устанавливать численность старшин, маклеров, гласных, определять правила котировок и издания бюллетеней, утверждать своды обычаев, правила торговли. В Департамент торговли и мануфактур поступали жалобы на решения Биржевого комитета и т.д.[23] В итоге получалось, что суровый государственный контроль и строжайшая регламентация сводили на нет те преимущества, которые должна была внести в жизнь предпринимателей биржа.

В николаевской России власти предержащие, не допуская частной инициативы, полностью доверяли только чиновничеству и представителям привилегированного сословия – дворянства. Создававшиеся для интересов развития промышленности учреждения по составу своих членов больше напоминали казенные заведения, чем предпринимательские организации.

Мануфактур-советник Е. Ф. Гучков

Мануфактур-советник А. И. Хлудов

В июле 1828 г. император Николай I утвердил мнение Государственного Совета об учреждении при Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов Мануфактурного совета в Петербурге и его отделения в Москве, в обязанности которых входили: сбор и уточнение сведений, подаваемых владельцами фабрик и заводов гражданским губернаторам; составление обзоров о положении дел в промышленности и мерах по ее развитию; рассмотрение предложений об организации

[21] Российское купечество на обеде у императора Николая I // Русский архив. 1891. Кн.3. С.565–569.

[22] Московская биржа 1839–1889. М., 1889. С.13.

[23] *Зайцева Л.* Биржа в России или падение Святой Руси. М., 1993. С.23.

промышленных и торговых обществ. По закону 1828 г. дворянство и чиновничество Москвы получили право делегировать во вновь созданный орган не менее четырех представителей каждое. Столько же человек могло представлять там купечество. В первом составе отделения из 14 его членов 9 были дворянами и чиновниками и только 5 – фабрикантами из числа лиц купеческого сословия.

Купечество всегда испытывало недоверие к бюрократической системе и неприязнь к чиновничеству, становившуюся особенно острой, когда вставал вопрос о так называемой «общественной службе». Дело в том, что на городское население, точнее на его наиболее обеспеченную часть, обладавшую достаточно высоким имущественным цензом, царские власти по идущей с давних времен традиции перекладывали выполнение административно-хозяйственных, финансовых и судебных функций. Из купечества должны были выбираться городские головы, заседатели палат гражданского и уголовного судов, заседатели совестных и сиротских судов, приказа общественного призрения, депутаты самых разнообразных городских комиссий и присутствий и т.п. За выполнение «общественных» обязанностей денежного вознаграждения не полагалось, и купцы несли прямые убытки, так как вынуждены были волей-неволей отвлекаться от занятий собственным делом.

Вполне естественно, что отношение к «службе» у большинства предпринимателей было крайне отрицательным, на нее смотрели как на сущее наказание. Так, купец Коновалов писал в 1838 г. сыну: «Мы по сие число все благополучны... Меня господь от выборов в городские головы (г. Кинешмы.– *Авт.*) избавил». Похоже по тональности и письмо П. М. Вишнякова жене, написанное в 1837 г. с Нижегородской ярмарки: «Уведомляю тебя, что мы все, слава Богу, здоровы и благополучны, только духом не спокоен, боюсь, чтобы не выбрали в директоры банка. Служба не важная, но дела ярмарочные. Каждый день надо быть в присутствии два часа». Через несколько дней он успокоил жену: «...в директоры я, слава Богу, не попал»[24]. Однако впоследствии он все же не смог избежать службы и состоял депутатом в Московском городском обществе, заседателем в земском суде и приказе общественного призрения.

Чтобы избавиться от постылой обязанности, купцы прибегали к крупным «добровольным пожертвованиям в пользу города». Но существовал и другой эффективный путь – «для успешной борьбы с этим злым началом нужны хитрость и деньги, а пуще всего деньги. Слово «взятка»,– вспоминал сын упоминавшегося выше предпринимателя Н. П. Вишняков,– стало мне очень рано известным. Нужно откупаться, платить, чтобы не выбирали в какие-то должности...»[25]. Будучи достаточно широко распространенной, подобная практика не прибавляла авторитета городской администрации, и тихая, но устойчивая неприязнь купечества распространялась на всю пирамиду бюрократической власти – от канцелярского чиновника до генерал-губернатора.

4. ДЕЛОВАЯ ЭТИКА

Рассуждая о специфике отечественного предпринимательства, часто приходится балансировать между двумя крайностями. С одной стороны, в нашем сознании довольно стоек стереотип русского хозяина как выразителя широкой народной души – этакого «русского купца, удалого молодца», готового разорение претерпеть, но не преступить «честного купецкого слова». С другой – мы знаем, что правила коммерции универсальны, законы экономики объективны. Однако, если переносить это в целом верное представление на все многообразие торгово-промышленной жизни, нетрудно получить некую гладкую усредненную модель – внутренне логичную, но интересную лишь саму по себе, вне конкретной ситуации. Думается, прав был В. Рябушинский, который в 50-х гг. XX в. в эмиграции в своих воспоминаниях о московском купечестве писал об отсутствии книг «о теории хозяина», но замечал, что «хуже всякого отсутствия книг было бы написание сразу сочинения о хозяине вообще – некоем среднем франко-германо-англо-испано-русском американце»[26].

Русский предприниматель первой половины XIX в. действовал в непростых условиях: на груз социальных проблем, вызванных системой крепостничества, накладывались и проблемы экономической отсталости страны. Бедность подавляющего большинства населения сужала потенциальный внутренний рынок и усугубляла дефицит оборотных средств, обострявшийся еще более оттого, что отсутствовала развитая система кредита – как частного, так и государственного. Между тем московская текстильная промышленность, защищенная высокими тарифами от западной конкуренции, изготовляла все новые изделия и перед производителем во весь рост встала проблема сбыта. В этих условиях имелось только два выхода – сворачивать производство или искать какие-то особые формы отношений с потребителями. Русские купцы предпочли второй путь и со временем сложилась специфическая система кредитования, основанная на прямом контакте договаривающихся сторон – товар отпускался посреднику без

[24] *Вишняков Н.П.* Указ. соч. Ч.II. М., 1905. С.83.

[25] Там же. Ч.III. С.92.

[26] *Рябушинский В.П.* Указ. соч. // Былое. 1991. № 1. С.8.

Крах банка. Художник В. Маковский. 1881 г.

определенных гарантий, деньги производитель получал лишь после его реализации. Как писал И. С. Аксаков, «вся русская торговля основана на самом дерзком, безумном кредите, на самом отчаянном риске... но всякому понятно, что купец некредитующий должен ограничиваться самою умеренною, хотя и верною прибылью, и что без предприимчивости, без отважного риска нельзя ожидать большого успеха в торговле»[27].

Подобная система кредитования, неизвестная на Западе и удивлявшая европейских предпринимателей своей ненадежностью и авантюрностью, в отечественных условиях действовала чаще всего безотказно. Даже такой скептически настроенный к николаевской России и не склонный идеализировать русские нравы очевидец, как маркиз де Кюстин, отмечал после посещения Нижегородской ярмарки: «Главные торговые деятели ярмарки – крепостные крестьяне... И вот с ними заключаются сделки на слово на огромные суммы... В то же время никто не помнит, чтобы крестьянин обманул доверие имеющего с ним торговые дела купца. Так в каждом обществе прогресс народных нравов исправляет недостатки общественных учреждений»[28].

Свидетельством того, что злоупотребление доверием делового партнера было достаточно редким и воспринималось, скорее всего, как исключение из правила, служит письмо Н. П. Вишнякова, написанное жене с Нижегородской ярмарки 1841 г.: «Пробудем позже прежнего, получения денег нас задержат, а оставить их никак нельзя... Здесь манера новая оказалась: уезжают тихонько. Двое у меня уехали: один армянин 525 руб., а другой немецкий еврей 1000 руб. увезли. Еще казанский купец Сокольский задолжал шурьям Федора Ульянова 42 000 руб. и тоже уехал, а всем задолжал, как говорят, до полумиллиона руб.»[29]

Система купеческого кредитования таила в себе риск невыплаты по обязательствам, что происходило иногда. Однако по своеобразной этике авторитетных московских купцов, следовало по возможности избегать скандалов и не доводить дело до опротестования векселей и судебного разбирательства. Логика подобного подхода была сформулирована московским предпринимателем М. И. Крашенинниковым: «...если (деловой партнер.– *Авт.*) хочет заплатить и без протеста заплатит, и без взыскания, а уж плох тот купец, который доводит себя до протеста, плох тот и продавец, который кредитует подобного покупателя». А. С. Ушаков, записавший эти слова

[27] *Аксаков И.С.* Указ. соч. С.9.

[28] *Кюстин А. де.* Указ. соч. С.289.

[29] *Вишняков Н.П.* Указ. соч. Ч.II. С.75.

С. В. Алексеев – старшина Московского купеческого сословия

в 60-х гг. XIX в., добавлял от себя: «Чем шире и вольготнее в торговом быту, тем менее мертвой формальности, тем удачнее дело и опытный купец, сильный человек редко протестует документы. Это имеет место и до нашего времени, так за верное известно, что покойный П. С. Малютин, оставивший после себя значительное состояние, тоже никогда не протестовал документов»[30].

Другой характерной чертой в деятельности московских предпринимателей, нацеленной на закрепление устойчивого рынка сбыта и гарантирование определенного круга потребителей, была ориентация на традиционного клиента и предоставление ему порой весьма существенных льгот и скидок. Так, упоминавшийся уже М. И. Крашенинников «умел расположить к себе покупателя, приучить его к себе: случалось иногда даже, что, по-видимому, он бы, кажется, терял, выжидая своего покупателя и не продавал чужому, покупавшему у него в первый раз, иногда и цена даже, даваемая таким покупателем, была выше той, которую он получал от своего, но несмотря на это, он ждал его и в общем результате выигрывал»[31].

О стремлении московского купца любой ценой удержать партнера весьма красноречиво повествовал И. С. Аксаков в известном исследовании о торговле российских предпринимателей на малороссийских ярмарках: «...Весна, земля распускается, дороги становятся непроездными, лошади тонут в грязи, обозы вязнут и останавливаются; по всей дороге от Харькова к Ромну встречаете вы растерянные товары... Но такова, видно, нужда торговая, что она заставляет купцов преодолевать все препятствия, поставляемые природой, переносить все невзгоды, хлопоты, даже убытки для того, чтоб не лишиться покупателей: «Нельзя,– говорят купцы,– покупатель, что заведенная пружина: вот он явится на ярмарку, да не найдет своего купца, так обратится, пожалуй, к тому, кто приехал раньше, да так за ним и останется»[32].

Своеобразием отличались не только отношения купцов с деловыми партнерами, но и наемными работниками. Специфическая противоречивость социальных контактов способствовала созданию на купеческой фабрике особого уклада жизни, различного от регламентированного распорядка дворянского или казенного завода. Характерный образец представляло собой предприятие Алексеевых. Его основатель имел недалеко от Москвы кустарное золотоканительное производство. Пользуясь доверием не только своих односельчан, но всего округа, Алексеев вскоре стал крупным комиссионером по продаже. Накопив достаточные средства, он купил земельный участок в Москве и основал золотоканительную фабрику. На первых порах на ней работали исключительно родственники и односельчане, но дело расширялось, и в число рабочих стали вливаться бывшие крестьяне-кустари. Хозяева не только знали рабочих по именам, но особо опытных и квалифицированных в знак уважения величали по отчеству. Купцы Алексеевы не ограничивались административными функциями, они непосредственно участвовали в наиболее ответственных и технически сложных операциях. Быт на фабрике до середины XIX в. отличался патриархальностью: хозяева сами занимались заготовкой провизии, все служащие жили в их доме и за обеденным столом Алексеевых нередко собиралось несколько десятков человек. Глава семьи строго следил за их поведением: в 10 час. вечера ворота дома запирались, а каждому отсутствовавшему или опоздавшему непременно устраивался выговор[33].

Поддержанию чувства своего рода общности купца и работника способствовало и сознание того, что, несмотря на различия в благосостоянии, оба они по-

[30] Наше купечество и торговля. Вып.2. М., 1866. С.59.

[31] Там же.

[32] *Аксаков И.С.* Указ. соч. С.15.

[33] *Четвериков С.И.* Безвозвратно ушедшая Россия. Берлин. 192 (?). С.112.

прежнему, хоть и в разной степени, страдали от крепостного права, монопольных прав дворянства. Рабочие часто стремились заработать деньги для выплаты оброка помещику и летом уходили в деревню на полевые работы. Купцы, пытаясь закрепить рабочих на заводе, иногда даже помогали им откупиться. Некоторые не останавливались перед приемом на свои предприятия беглых крестьян и дворовых. Особенно это относилось к купцам-старообрядцам, например, Гучковым, имевшим возможность через свою общину оформлять такие незаконные сделки[34].

Подобного рода ситуация укрепляла в сознании купцов мысль о неких моральных обязательствах по отношению к рабочему, который не просто продает капиталисту свой труд, но и как бы передает ответственность за свою судьбу. В отличие от Запада, как вспоминает известный предприниматель П. А. Бурышкин, в купеческой Москве «на свою деятельность смотрели не только и не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом и судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета...»[35] Забота о «малых сих» широко афишировалась в обществе. Такие мероприятия, как, например, открытие Прохоровым в начале XIX в. на фабрике школы, отделения больницы, казарм для рабочих и богаделен для престарелых, сопровождавшиеся пышными церемониями и молебнами, становились для многих фабрикантов примером для подражания.

Однако патриархальным отношениям между хозяевами и работниками не суждено было утвердиться: сама жизнь разводила их в разные стороны. Как писал очевидец, «в фабричном быту мы можем наглядно видеть картину прежде братства хозяина с работником, потом постепенно отделение первого от второго»[36]. Особенно заметной дистанция между ними стала начиная с середины XIX в., когда на смену ручному труду пришел машинный. Квалификация и мастерство кустаря начали отступать перед другими качествами: простой выносливостью, дисциплинированностью, безропотностью. Соображения наибольшей эффективности использования станков подтолкнули предпринимателей на удлинение рабочего дня, переход к круглосуточной работе. Расширявшееся производство требовало привлечения все новых и новых рук, активно стал использоваться детский труд.

Развитие капитализма отразилось и на отношениях между предпринимателями: на смену патриархальному доверию пришел рациональный, не знающий сантиментов подход. Как с горечью писал в конце XIX в. М. А. Морозов: «Прежде в темных амбарах старого Гостиного двора миллионные сделки делались на одном честном слове, нарушить которое, хотя бы то и грозило разорением, никто не осмеливался, а теперь купеческое слово потеряло свою цену»[37].

5. ОСНОВНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ КУПЕЧЕСТВА

Московское предпринимательство типологически не было однородно, его состав отличался заметной пестротой. Отечественные историки давно отметили причину неоднородности купеческого общества, которая заключалась «в неустойчивости купечества, как семейного, а тем более родового занятия»[38]. Предпринимательские династии редко насчитывали свыше трех поколений.

По мнению современников, в первой половине XIX в. стало особенно заметно появление деловых людей нового склада – не прежних субъектов «с изуродованными лицами, нерасчесанными бородами и необыкновенными, нечеловеческими волосами, не тех купцов, которые выстригали себе маковки на голове и носили странную одежду неестественного покроя; а купца нынешнего века, одетого, как одевается высший слой общества, и по воспитанию и по учености человека нынешнего времени... вы не встретите в нем ничтожных манер, с которыми обыкновенно привыкли держать себя прежние люди этого звания; в нынешнем купце вы решительно встретите человека светского, образованного, постоянно находящегося в лучших обществах и изучившего все манеры и приличия, свойственные человеку образованному»[39].

Как образно отмечал П. Ф. Вистенгоф, в московском купечестве 40-х гг. XIX в. выделялись три основные группы – одни носят окладистую бороду, другие ее подстригают, третьи вовсе бреют. Мы не знаем, читал ли эти строки московский предприниматель А. С. Ушаков, однако он в своих заметках предложил типологию купечества, весьма совпадающую с наблюдениями Вистенгофа. В сословном обществе он предлагал выделить три группы: «1) купечество, близкое по понятиям к народу, 2) собственно купечество и 3) купечество, в котором и формы, и понятия сливаются с понятиями так называемого цивилизованного общества. Первая группа не так значительна, как вторая; вторая составляет ядро общества, это область и царство его; третья заключает в себе меньшинство»[40].

Третья группа, хотя и представляла меньшую часть купечества, была

[34] *Куйбышева К.С.* Указ. соч. С.331.

[35] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.113.

[36] Наше купечество и торговля. Вып.2. С.66.

[37] *Морозов М.А.* (Михаил Юрьев). Мои письма. М., 1895. С.131.

[38] Цит. по: *Приселков М.* Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. Л., 1925. С.20.

[39] Замоскворечье, или вот как живет да поживает русское купечество нынешнего мудреного, промышленного XIX века. М., 1859. С.19–20.

[40] Наше купечество и торговля. Вып.2. С.45.

заметным явлением в московской жизни. Кроме более десятка московских семейств, непосредственно перешедших в дворянское сословие, имелись и такие, кто, не приобретя высокого сословного статуса, на деле принадлежал к верхушке образованного общества. Примером такой династии может служить семья П. К. Боткина, крупного чаеторговца, основателя фирмы «Боткин и сыновья», имевшей 40 отделений по всей России, а с 1852 г.– филиал в Лондоне. Среди его детей и внуков были врачи, ученые, дипломаты, художники. Старший из сыновей П. К. Боткина, Василий Петрович, стал известным публицистом и литературным критиком. Окончив частный пансион, он совмещал службу в семейной фирме с творчеством. В 1835 г. он познакомился с В. Г. Белинским, впоследствии дружил с А. И. Герценом, М. А. Бакуниным, Т. Н. Грановским, А. И. Тургеневым, Л. Н. Толстым. В. П. Боткин сотрудничал с «Отечественными записками» и «Современником», где публиковались его известные «Письма из Испании».

Другой сын П. К. Боткина – Дмитрий, предприниматель и коллекционер, был избран председателем Московского общества любителей художеств. Сергей Петрович Боткин стал гордостью русской науки, блестящим врачом-клиницистом. Из его двенадцати детей трое были известными врачами, двое – дипломатами. Наконец, еще один из братьев Боткиных – Михаил, известен как художник, член Академии художеств и первый исследователь творчества Александра Иванова. Уместно, наверное, вспомнить, что сестра Боткиных – Мария Петровна – была замужем за поэтом Афанасием Фетом.

Однако для большинства предпринимателей первой половины XIX в. характерна не идентификация с высшим обществом, а приверженность к собственному специфическому жизненному укладу. По дошедшим до нас мемуарам московских купцов можно, пожалуй, выделить основную его черту – сочетание своеобразных традиционных свойств с неизбежной необходимостью приспосабливаться к новому, к изменениям в жизни и в деятельности.

Быт купеческого дома отличался замкнутостью и обособленностью. Жилище было капитальным, «с кладовыми, со сводами и толстыми стенами... Одни ворота для входа, всегда запертые, уединенный сад и все домашние угодья, заключенные соседними заборами, походили на феодальный замок, где можно было выдержать осаду и довольствоваться, не выступая вон»[41],– писал Н. П. Вишняков. Распорядок дня был строго регламентирован и подчинен требованиям торгово-промышленного дела – ранний подъем, ранний сон, редкие праздники с приемом гостей – чаще всего близких родственников.

Однако с 30-х гг. XIX в. в быту все чаще происходят изменения – в Сокольниках одна за другой строятся купеческие дачи, некоторые семьи перенимают довольно открытый образ жизни. Так, самые крупные в свое время чаеторговцы Усачевы одними из первых начали демонстративно торжественно справлять именины главы дома: «бывало много гостей, в саду играл оркестр военной музыки, которая была слышна далеко и привлекала из окрестности народ, собиравшийся ... на улице»[42].

Вообще, характерным в московском купечестве этого времени было резкое отличие отцов – основателей семейного дела – от детей. Новое в купеческих отпрысках бросалось в глаза с первого взгляда. Как заметил отечественный исследователь по поводу одной из семей, «портрет братьев Гучковых 40-х годов рисует их одетыми по последней общеевропейской моде, в то время как их отец Федор Гучков ходил в традиционном длиннополом армяке и носил длинную бороду»[43]. Однако отличались дети от отцов не только внешне. Хотя образование младшего поколения не стало самоцелью и преследовало главным образом практические цели, само изменение условий функционирования предпринимательства диктовало необходимость расширения круга знаний. По мере роста торговых отношений с заграницей в купеческих домах появляются преподаватели иностранных языков. Купцы начали направлять своих детей для получения образования в специальные заведения. Так, все четверо младших Найденовых окончили в 1830–1850-х гг. Московское Петропавловское Евангелическо-лютеранское училище, где помимо общеобразовательных дисциплин преподавались техническая механика, бухгалтерия, купеческая арифметика. Причем большинство предметов велось на немецком и французском языках[44]. В 14–15 лет образование купеческих детей, как правило, заканчивалось. Именно тогда они после окончания училища или получения домашней подготовки непосредственно включались в торгово-промышленную деятельность.

Многие предприниматели занимались самообразованием, необходимость которого становилась особенно насущной по мере модернизации производства. Существенным фактором в повышении культурного уровня московских предпринимателей стало вошедшее в норму посещение Европы для закупки оборудования, а впоследствии для стажировки в солидных западных торговых и промышленных фирмах. Одним из первых за границу отправился Т. В. Прохоров, который в 1832 г. при посещении Германии и Франции особое внимание уделял изу-

[41] Сведения о купеческом роде Вишняковых. Ч.II. М., 1905. С.150.

[42] *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном, пережитом. Т.1. М., 1903. С.64.

[43] *Рындзюнский П.Г.* Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950. С.214.

[44] *Найденов Н.А.* Воспоминания о Московском Петропавловском Евангелическо-лютеранском мужском училище из 40-х гг. прошлого столетия. М., 1903. С.26.

чению тонкостей текстильного производства, постановке технического образования на фабриках и т.д. В 1846–1848 гг. он вновь побывал во Франции и Германии, где специально прослушал курс лекций в университетах Галле, Лейпцига, Мюнхена. В 40–50-х гг. XIX в. на английских предприятиях Манчестера, Ливерпуля, Лондона стажировалось несколько отпрысков купеческой семьи Крестовниковых. А всего, по данным Министерства внутренних дел, только в 1844 г. было «уволено за границу» 2455 торговцев и промышленников.

Однако не заграничные поездки стали главным источником повышения культурного уровня купечества. С целью приобщения фабрикантов к науке в 1836 г. в Московском, Петербургском и Дерптском университетах, в Технологическом институте стали читаться публичные лекции специально для промышленников. Наибольший успех имели лекции проф. Геймана, читавшего в Московском университете курс практической химии. Фабриканты не только охотно посещали их, но бывали в практической лаборатории университета в нелекционное время «частью для совещания с ним по предметам их производства, частью же для исследования путем химических опытов некоторых покупаемых ими материалов»[45].

Приобщение к техническим знаниям толкало предпринимателей на открытие новых производств. Об этом свидетельствует и одно из начинаний братьев Крестовниковых: «Во время нашего пребывания в Казани там вышла в свет брошюра профессора Казанского университета М. Я. Киттары о выгоде устройства в Казани стеаринового завода... Мы стали помышлять об осуществлении киттаровского проекта... и кончили тем, что поехали покупать землю в Казани с намерением построить там стеариновый завод». Менее чем за год завод был выстроен, и в 1856 г. были произведены первые свечи. «Когда мы устраивали завод, Казань в промышленно-заводском отношении стояла очень низко. Наша паровая труба явилась первым олицетворением мира. Татары, не привыкшие к произношению нашей фамилии, называли нас по проекту «Большая труба»[46].

Однако нельзя забывать, что упомянутые нами семьи представляли не все купечество, а его верхушку, элиту. Вокруг них группировались менее удачливые, не такие выразительные деловые династии. Некоторым из них еще суждено было достичь успеха в предпринимательстве, другие, ненадолго закрепившись в купечестве, покидали его ряды. На смену им со стороны московских застав, из оставленных ими деревень, постоянно прибывали испытать свою судьбу в первопрестольной десятки новых искателей счастья.

[45] *Самойлов Л.* Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845. С.12; Цит. по: *Киняпина Н.С.* Указ. соч. С.51.

[46] Семейная хроника Крестовниковых. Ч.2. М., 1905. С.132.

VI

ЧЕРТЫ МОСКОВСКОГО БЫТА

По сравнению с Петербургом жизнь в Москве отличалась большей непринужденностью. «Москву можно уподобить республике по образу жизни, мнениям и свободе»[1],– замечал современник, посетивший ее в самом начале века. Меньшая скованность москвичей в поведении бросалась в глаза приезжавшим туда и много позднее. «Первое, что меня поразило в Москве,– почти сорок лет спустя делился своими впечатлениями маркиз де Кюстин,– это настроение уличной толпы. Она показалась мне более веселой, более свободной в своих движениях, более жизнерадостной, чем население Петербурга. Люди, чувствуется, действуют и думают здесь более самопроизвольно, меньше повинуются посторонней указке. В Москве дышится вольнее, чем в остальной империи. Этим она сильно отличается от Петербурга, чем, по-моему, и объясняется тайная неприязнь монархов к древнему городу, которому они льстят и которого они боятся и избегают, как ни призрачна, в сущности говоря, московская «свобода»[2].

Различие между двумя столицами в быте, образе жизни, духовной атмосфере, в характере и внешнем облике жителей было очевидным.

В противоположность чиновному Петербургу с его деловым и бюрократическим стилем Москва казалась воплощением патриархальности. Удаленность ее от официальной резиденции императора и других центральных властей придавала ей непринужденно-неофициальный вид.

1. СОСЛОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ

Быт московского населения отличался большим разнообразием. С первого взгляда можно было почти безошибочно определить сословную принадлежность москвича. Внешний облик, манера поведения, стиль речи разнились у помещика, чиновника, купца, фабричного, крестьянина или дворового, не говоря уже о духовенстве и военных. По своему жизненному укладу люди одного сословия резко отличались от остальных. «Житель Замоскворечья (разумеется, исключая некоторых домов, где живут дворяне) уже встает, когда на Арбате и Пречистенке только ложатся спать, и ложится спать, когда по другую сторону реки только что начинается вечер»[3],– замечал наблюдательный бытописатель. По словам другого современника, царила «убежденная сословность, при которой, несмотря на московское добродушие и радушие, весьма строго соблюдалось правило: «Всяк сверчок знай свой шесток»[4].

Господствующим и привилегированным сословием было дворянство. Согласно существовавшему законодательству дворяне (и только они) могли владеть населенными имениями, пользуясь почти беспредельной властью над крестьянами. Крепостное право находилось во всей силе, принимая нередко уродливые и жестокие формы. Вместе с тем в самосознании дворянства появлялись новые черты. Подтвержденное Жалованной грамотой 1785 г. освобождение этого сословия от обязательной службы, признание его «благородным», избавление от телесных наказаний, предоставление других гарантий защиты личности пробуждали в дворянах чувство независимости и собственного достоинства. Сформировался своего рода кодекс чести дворянина, основанный на определенных нормах морали[5]. Образовавшийся досуг мог быть использован для путешествий, знакомства с жизнью стран Западной Европы, занятий литературой, искусством и проч. Павел I отменил Жалованную грамоту. Александр I вскоре восстановил ее, предоставив дворянству дополнительные права и преимущества. Понятно, что воспитавшиеся в новых условиях молодые, европейски образованные дворяне оказались чувствительнее

[1] *Второв И.А.* Москва и Казань в начале XIX века. Записки // Русская старина. 1891. № 4. С.11.

[2] *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1990. С.188.

[3] *Вистенгоф П.Ф.* Очерки московской жизни. М., 1842. С.12.

[4] *Давыдов Н.В.* Из прошлого. Изд.2-е. Ч.1. М., 1914. С.6.

[5] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX в.). СПб., 1994.

своих отцов и дедов к проявлениям самодержавного произвола и восприимчивее к вольнолюбивым идеям.

Дворянство не было замкнутым сословием, оно пополнялось выходцами из других слоев общества. Право на дворянское звание давали определенные чины, ордена, ученые степени. По словам московского публициста И. С. Аксакова, петровская Табель о рангах «наполняла и ежедневно наполняет списки дворян более чем наполовину сыновьями купцов, духовных, мещан и даже крестьян»[6]. И действительно, к 50-м гг. в Москве проживало 8239 потомственных дворян и 10 239 личных[7] (да и среди потомственных имелись выслуживившиеся).

По сравнению с остальными сословиями российского общества дворянство (прежде всего столичное) в целом выделялось своей просвещенностью. Национальные традиции, усвоение достижений западноевропейской цивилизации питали почву, на которой выросла замечательная русская культура. В первой половине XIX в. ведущая роль в ней принадлежала дворянам. Помещичьи дети росли в деревне, вблизи от крестьянских детей, опекаемые кормилицами и нянюшками из русских крепостных. С младенческих лет они слышали русскую речь, впитывали мелодии народных песен, приобщались к народным русским обычаям. Подростками переходили под присмотр французских, немецких, английских гувернанток и гувернеров. Дома, в пансионе, гимназии, университете преподавателями были как русские, так и иностранцы. Среди московских профессоров, учителей, музыкантов имелось немало имен, пользовавшихся широкой известностью. Распространенное в дворянской среде (особенно в столицах) знание иностранных языков расширяло кругозор молодых людей, открывая перед ними культурные богатства Запада. Поездки за границу давали возможность непосредственно общаться с зарубежными поэтами, писателями, учеными, слушать лекции в прославленных университетах. Вместе с тем знакомство с общественной и философской мыслью Запада, уже пережившего эпоху Просвещения, содействовало распространению религиозного индифферентизма и политического вольномыслия.

Свой быт дворяне старались устраивать по европейским образцам. В обиходе преобладал французский язык. Та же европейская мода, такие же прически, схожее внутреннее убранство дома, украшенного картинами известных живописцев, скульптурами итальянских мастеров. Тот же этикет, те же, что на Западе, светские приемы, танцы, балы, театры (в Москве имелась своя французская труппа), концерты тех же музыкальных знаменитостей. В некоторых домах периодически устраивались музыкальные вечера. Так, у Е. А. Муромцевой собирались «лучшие музыканты и любители немецкой ученой музыки»[8]. Кое у кого из московских бар имелись свои актеры, музыканты, песенники, балет (большей частью из крепостных). Обычным было домашнее музицирование, устройство любительских спектаклей и «живых картин».

Многие патриотически настроенные русские не без оснований сетовали на распространенную в столичном обществе галломанию, на отрыв европеизированной части дворянства от народа. Таков был побочный результат сближения с Западом и усвоения высшим сословием европейской культуры, еще чуждой основной массе населения. Люди из народа, если и читали, то не французские романы и сочинения немецких философов, а часослов, псалтырь, жития святых. Если играли на музыкальных инструментах, то не на тех, что господа. Пели русские песни и духовные песнопения, а не романсы и арии из опер. Водили хороводы, затевали игры и танцы, не похожие на развлечения дворян. Впрочем, в верной традициям Москве культурная пропасть между сословиями ощущалась слабее, чем в северной столице. Московские помещики сохраняли связь с деревней, приверженность народным обычаям.

Внешний европеизм дворянства причудливо сочетался с отечественными традициями. Патриархальность – одна из них. Московские семьи были, как правило, многолюдными, семейные связи – тесными. В одном из своих мемуарных очерков П. А. Вяземский рассказывает о спаянной крепкими родственными узами большой семье князей Оболенских. Из двадцати детей половина достигла взрослого возраста. Благодаря женитьбам сыновей и замужествам дочерей Оболенские породнились с князьями Вяземскими, Долгорукими, Гагариными, Щербатовыми и многими другими аристократическими фамилиями. За обеденным столом даже в будни собиралось множество людей[9]. Такое явление было типичным для Москвы. Разветвленность семейных связей, почитание родных (даже дальних), покровительство родственникам придавали особый отпечаток московской жизни.

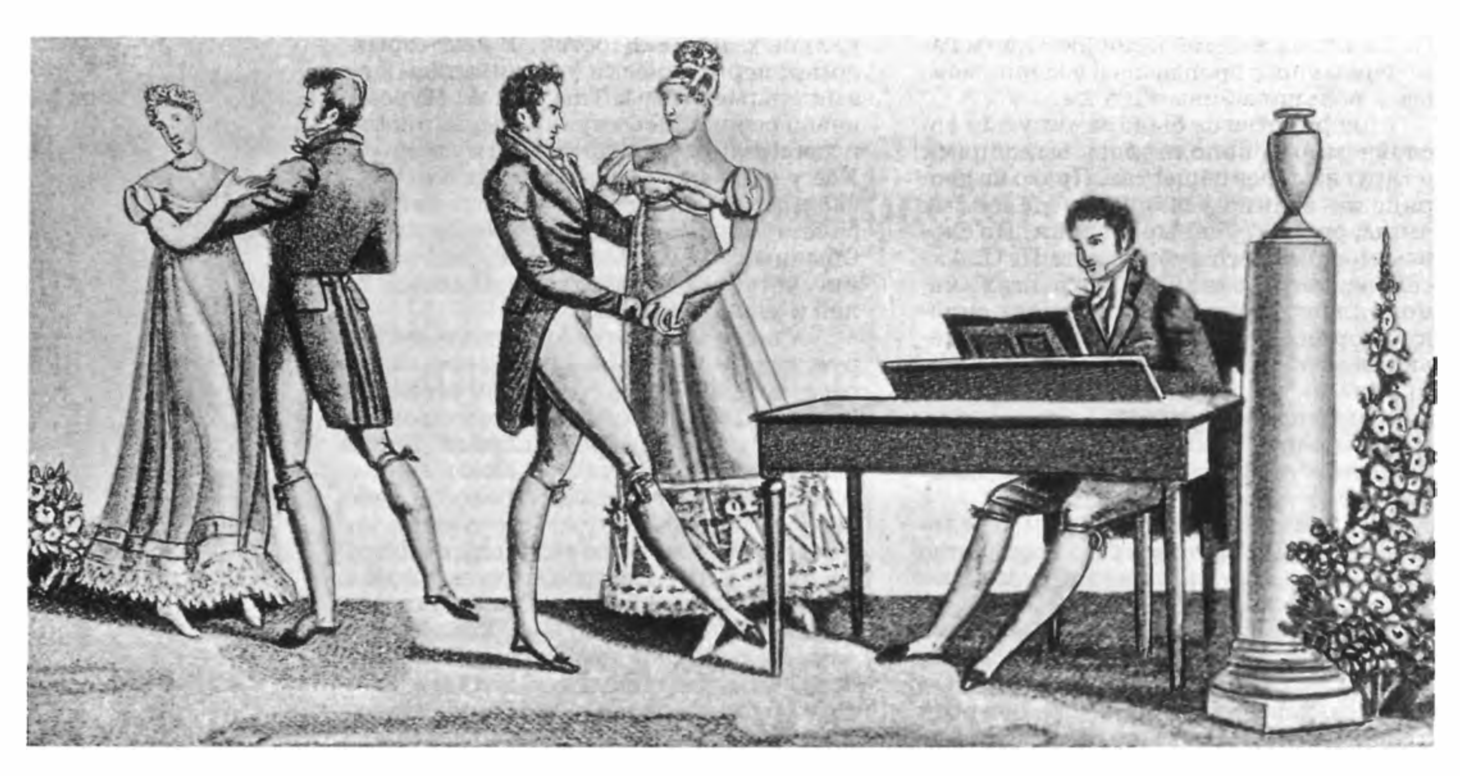
Большое внимание уделялось воспитанию детей. Занимались им не столько родители, сколько гувернеры и гувернантки. В состоятельных семьях не только девочек, но и мальчиков предпочитали учить дома, хотя это обходилось намного дороже. Большое значение придавалось усвоению светских манер. Дети не смели шуметь при взрослых, вмешиваться в их разговоры. «...Нарушение этикета, правил вежливости, внешнего

[6] [*Аксаков И.С.*] К московскому дворянству // День. 1862. 6 января.

[7] *Захаров М.* Указатель Москвы. Сост. по распоряжению г.московского оберполицеймейстера редактором «Ведомостей московской городской полиции». Ч.2. М., 1852. С.212.

[8] *Жихарев С.П.* Записки современника. М.;Л., 1955. С.40.

[9] *Вяземский П.А.* Московское семейство старого быта // *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С.363–375.

Танцы

почета к старшим не допускалось и наказывалось строго. Дети и подростки никогда не опаздывали к завтраку и обеду, за столом сидели смирно и корректно, не смея громко разговаривать и отказываться от какого-нибудь блюда»[10]. Родительская власть распространялась на взрослых сыновей и дочерей.

Примечательной особенностью московского дворянского быта явилась так называемая «усадебная культура»[11]. Москва оказалась окруженной плотным кольцом помещичьих имений, ставших местными культурными очагами, по своему уровню не уступавшими, а то и превосходившими первопрестольную. В Московском и близлежащих уездах начиная с середины XVIII в. возводились великолепные архитектурные ансамбли, состоявшие из барских домов и дворцов, изящных беседок, павильонов, мостиков, разнообразных служебных построек. По последнему слову садового искусства разбивались регулярные («французские») и более естественные («английские») парки с прудами, фонтанами, мраморными изваяниями. Высоким художественным запросам отвечали интерьеры парадных зал и жилых комнат, украшаемых скульптурами, картинами, гобеленами, бронзой, зеркалами, сделанной по особому заказу мебелью. Обычной принадлежностью таких домов были библиотеки. К замечательным усадьбам принадлежали Нескучное графа А. Г. Орлова, Кусково и Останкино графа Н. П. Шереметева, Архангельское князя Н. Б. Юсупова, Влахернское (Кузьминки) князя С. М. Голицына, Марфино графини С. В. Паниной, Люблино Н. А. Дурасова. Кусково и Люблино славились своими оранжереями, «наполненными померанцевыми, лимонными и лавровыми деревьями и несметным количеством самых роскошных цветов»[12]. Шереметевские теплицы «снабжали фруктовыми отводками все окрестные поместья и много способствовали развитию плодового садоводства не только под Москвою, но и по всей России»[13]. Граф А. К. Разумовский в имении Горенки завел отличный ботанический сад с десятками тысяч редких растений. Конечно, такой размах могли себе позволить немногие, лишь наиболее состоятельные дворяне. Но и десятки других подмосковных имений были удобны, поместительны, не уступая городским домам в художественной отделке, условиях для культурного досуга и творчества.

В начале столетия тон в Москве задавали вельможи екатерининского времени, жившие там на покое. «Все важнейшие вельможи,– вспоминал Ф. В. Ростопчин,– за старостью делавшиеся неспособными к работе, или разочарованные, или уволенные от службы, приезжали мирно доканчивать свое существование в этом городе, к которому всякого тянуло или по его рождению, или по его воспитанию, или по воспоминаниям молодости, играющим столь сильную роль на склоне жизни. Каждое семейство имело свой дом, а наиболее зажиточные – имение под Москвой»[14]. Обладая огромными состояниями, привычкой к роскоши, избалованные доступностью наслаждений и возможностью удовлетворять любые прихоти, отставные сановники

[10] *Давыдов Н.В.* Указ. соч. С.19, 23.

[11] *Шамурин Ю.И.* Подмосковные. Кн.1–2. М., 1912–1914; *Иванова Л.В.* Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. Историко-публицистич. и лит.-художеств. альманах. М., 1994. № 1.

[12] *Жихарев С.П.* Указ. соч. С.36.

[13] *Пыляев М.И.* Старая Москва. М., 1891. С.168.

[14] *Ростопчин Ф.В.* Записки о 1812 годе // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992. С.255–256.

находились на виду и пользовались у окружающих почтением, несмотря на свои причуды и экстравагантные выходки. Их великолепные дворцы, сады, эффектные выезды, пышные приемы поражали воображение обывателей.

Жившая некоторое время в Москве и вращавшаяся в этом кругу англичанка Марта Вильмот в письмах домой 1803–1808 гг. оставила колоритное описание быта московской знати: чуть ли не ежедневные балы, обеды, ужины, торжественные приемы, именины, посещение знакомых, прогулки за город, другие развлечения. Молодая иностранка жаловалась, что ее утомили «беспрестанные обильные обеды, на которых слуги, проходя чередой, предлагают вам одно за другим 50–60 различных блюд – рыбу, мясо, птицу, овощи, фрукты, супы из рыбы etc., сверх того – вино, ликеры etc. Изобилия стола невозможно описать»[15]. В пору жестоких январских морозов на стол подавался свежий виноград, ананасы, спаржа, персики, апельсины из собственных теплиц. В оранжереях цвели розы и гиацинты. Мужчины этого круга (в большинстве – преклонных лет) блистали своими орденами и звездами. «Алмазных темляков и эполет в зале было больше, чем грибов после летнего дождя,– писала М. Вильмот об обеде у князя А. М. Голицына,– и бриллиантовые звезды такой величины, что их не прикроешь и ладонью». Молодая девушка признавалась матери, что устала «от обилия и блеска бриллиантов, жемчугов и украшений на вельможах», от всего этого великолепия.

Приемы, по ее словам, были церемонны и заметно отличались от привычных ей английских. Гости приветствовали друг друга, затем рассаживались и беседовали. «Ни ярко горящего камина, вокруг которого собираются замерзшие, ни карточного стола, этого прибежища скучающих одиночек и забавы игроков, ни диванчиков у окон или уголков, где кто-то флиртует. Все общество сосредоточивается в одном месте, и, к моему вящему удивлению, каждое произнесенное слово явственно слышно всем. Но не воображайте, что разговор касается Пунических войн или коллекций мелодично звучащего стекла. Нет. Здесь рождаются тонкая лесть и легкое злословие. Даже то немногое, что я успела увидеть, позволяет утверждать: 40 человек из светского общества в 40 различных домах говорят и делают приблизительно одно и то же, только одни – скучно, другие – интересно. Во всяком случае, человеческий характер формируется здесь в более узком кругу, чем в остальном мире»[16].

Особой популярностью в Москве в начале XIX в. пользовался знаменитый вельможа екатерининских времен граф Алексей Григорьевич Орлов. Один из главных участников дворцового переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину II, герой русско-турецкой войны, одержавший блистательную победу в Чесменском бою, похититель самозванки – княжны Таракановой, он привлекал внимание не только (а, может быть, и не столько) своей необычной судьбой и былой ролью в делах государства, сколько широким образом жизни, балами, приемами, развлечениями, которые устраивал для москвичей. Приверженный старинным русским забавам, граф присоединял к ним и небывалые прежде: именно он привил москвичам вкус к цыганским песням и пляскам, пригласив цыган из Молдавии. Орлов был своего рода московской достопримечательностью, и любое появление его перед публикой – благодаря пышному выезду, отборным, богато убранным лошадям, блестящей свите – само по себе становилось ярким зрелищем.

Славились своими приемами и другие московские вельможи. Одним из самых красивых в городе считался дом князя Ю. В. Долгорукова на Никитской. «На большом и широком дворе, как он ни был велик, иногда не умещались кареты, съезжавшиеся со всей Москвы к гостеприимному хозяину»[17],– рассказывала современница. Умением устраивать великолепные празднества и развлечения для московских дворян отличался С. С. Апраксин. В театре Апраксиных играли крепостные актеры, имелся свой оркестр. Там давала представления приехавшая в Москву итальянская оперная труппа и многие заезжие знаменитости, устраивались и любительские спектакли. В 1818 г., во время пребывания в Москве царского двора, бал у Апраксиных посетила царская фамилия в сопровождении знатных иностранцев, присутствовало до тысячи гостей[18]. Еженедельные званые обеды бывали у А. С. Небольсиной в ее доме на Поварской. На «тихие балы» в дни ее именин съезжалась вся московская знать[19].

Светскими развлечениями, разумеется, не ограничивалась жизнь этого круга. Среди московских аристократов имелись люди высокообразованные, с широкими умственными, литературными и художественными интересами. Такова, например, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, сподвижница императрицы Екатерины II, директор Академии наук, первый президент Российской академии[20], собеседница и корреспондентка великих французских философов. Личность этой замечательной женщины вырисовывается и из ее известных записок, и из свидетельств современников. «Княгиня оригинальна во всем,– рассказывала в письме домой К. Вильмот (сестра Марты),– манера ее речи своеобразна; она все умеет делать – помогает каменщикам возводить стены, собственны-

[15] Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. М., 1991. С.289.

[16] Там же. С.277–278.

[17] Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Д.Благово. Л., 1989. С.114.

[18] Там же. С.87–89.

[19] *Жихарев С.П.* Указ. соч. С.31–33; *Глинка С.* Записки. М., 1895. С.221.

[20] *Лозинская Л.Я.* Во главе двух академий. М., 1983.

ми руками прокладывает дороги, кормит коров; сочиняет музыку, поет и играет на музыкальных инструментах, пишет стихи, лущит зерно, поправляет священника в церкви, если тот неточен в службе, в своем театре исправляет ошибки актеров; она доктор, аптекарь, ветеринар, плотник, судья, адвокат... Она ведет переписку с братом, занимающим первый пост в империи[21], обсуждая с ним политические вопросы, с литераторами, философами, поэтами, со всеми родными, и притом у нее остается еще уйма времени»[22]. По свидетельству М. Вильмот, хорошо образованные русские аристократы тех лет свободно говорили на пяти языках: русском, французском, английском, немецком, итальянском.

Незаурядна фигура князя Н. Б. Юсупова, удивлявшего «своим умом, любезностью, познаниями и великолепием». Безмерно богатый, он в молодости много путешествовал, переписывался с Вольтером, у которого не раз бывал в Ферне, и другими французскими философами. Гостил в Версале у Людовика XVI и Марии-Антуанетты, беседовал с австрийским императором Иосифом II. Какое-то время Юсупов служил посланником в Турине. В последние годы жизни он возглавлял Кремлевскую экспедицию, наблюдал за строительством императорского дворца. А. С. Пушкин посвятил ему известное стихотворение «К вельможе» – дань уважения былому собеседнику великих людей, ценителю прекрасного.

Поэтом, драматургом, мемуаристом, переводчиком был князь И. М. Долгорукий – «простонародный Державин», по определению П. А. Вяземского. Общенародную известность получили песни поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого (статс-секретарь Павла I, позднее сенатор). Его песню «Выйду я на реченьку» пели и светские красавицы, и крестьянки во время полевых работ[23]. Поэт собирал в своем доме молодых литераторов, давал великолепные праздники для москвичей. Литературным даром обладал граф Ф. В. Ростопчин. Одна из его комедий – «Вести, или убитый-живой» – была поставлена в 1808 г. в московском театре. Но, как правило, он читал свои едкие комедии и памфлеты небольшому кругу знакомых, а затем сжигал. Несколько стихов знаменитого адмирала Н. С. Мордвинова опубликовал в «Аонидах» Н. М. Карамзин. Неистребимой страстью к стихотворству отличался князь А. М. Белосельский-Белозерский (не наделенный, впрочем, талантом), писавший и на французском, и на русском языках. Сочиненная им опера «Оленька» была поставлена в домашнем театре Столыпина, а потом напечатана.

Высшее русское общество начала XIX в., по свидетельству П. А. Вяземского, проявляло заметную «потребность в умственных наслаждениях», «алчность к чтению»[24]. Высоко ценились начитанность, умение поддержать разговор, изящная речь, тонкое острословие, любезность. Как библиофил и полиглот прославился граф Д. П. Бутурлин. За двадцать лет он собрал богатейшую библиотеку, каталог которой вышел в 1800 г. в Париже. В ней имелись редкие издания, начиная с XV в.[25] В некоторых домах собирались преимущественно для беседы. Князь А. И. Вяземский – «один из образованнейших, почтеннейших и любезнейших людей своего времени», не устраивая ни балов, ни пиршеств, ежевечерне принимал у себя знакомых. «Он владел даром слова, любил разговор, обмен мыслей и мнений, даже любил споры, но не по упрямству убеждений своих, не по тщеславию ума, довольного самим собою, но по любви к искусству и к оживлению беседы,– заметил позднее его сын-поэт.– Он любил спор для спора, как умственную гимнастику, как безобидную стрельбу в цель, как фехтование, удовлетворяющее личному самолюбию, но не оставляющее по себе раны на побежденном»[26].

После войны 1812 г. аристократический слой в Москве поредел. Некоторые уехали в Петербург или за границу, другие ушли из жизни. Из аристократических домов Москвы 20-х гг. пользовался известностью салон «царицы муз и красоты» княгини З. А. Волконской, где бывали А. С. Пушкин, Адам Мицкевич, другие поэты, художники, мыслители, ученые. В нравоописательной литературе 40-х гг. в качестве типичных черт немногочисленной московской аристократии отмечались, кроме знатности рода и огромного состояния, отличное образование, живой интерес к литературе, просвещению, искусству. Двери таких домов были открыты не только для знати, но и для писателей, ученых, артистов. Здесь выписывали множество газет и журналов (преимущественно иностранных), рассуждали о политике зарубежных государств, интересовались парламентскими прениями в Лондоне и Париже.

Дворянская Москва вообще славилась гостеприимством, хлебосольством, балами. Балы устраивались на сотни персон. Съезжались на них поздно вечером, а разъезжались к рассвету. Молодежь предавалась танцам. Люди постарше беседовали или усаживались за ломберные столы, составляя «партии» для карточной игры (в вист, бостон, позже – в преферанс); в некоторых домах велась крупная игра. Об одном из таких балов – у московского откупщика, богача П. Т. Бородина – рассказывает Жихарев: «Прыгали до рассвета. Много было хорошеньких личек, но только в начале бала, а к 11 часам и особенно после ужина эти хорошенькие личики превратились в

[21] Имеется в виду граф А.Р.Воронцов, в 1802–1804 гг. – государственный канцлер, и позднее пользовавшийся большим влиянием.

[22] Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. С.347.

[23] *Вяземский П.А.* Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий // *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С.235.

[24] *Вяземский П.А.* Допотопная или допожарная Москва // *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т.7. СПб., 1882. С.94.

[25] О сожжении библиотеки графа Бутурлина // Сын отечества. 1812. № 2. С.65–66.

[26] *Вяземский П.А.* Допотопная или допожарная Москва. С.89–90.

Продаются за излишествомъ дворовые люди: сапожник 22 лѣтъ женаж его прачка, цѣна оному 500 руб., другой рѣщикъ 20 лѣтъ с женою, а жена его хорошая прачка, также и бѣлье шьет хорошо, и цѣна оному 400 руб., и все оные люди хорошего поведенія и трезвого состоянія. Видѣть их могут на Остоженкѣ, под N309.

Продаются 3 девушки видные 14 и 15 лѣтъ и всякому рукодѣлию знающие, кошельки с вензелями вяжутъ и одна из нихъ на гуслях играетъ. Видѣть и о цѣне узнать Арбатской части I кв. N117.

Продаются шесть сѣрыхъ молодыхъ лошадей легкихъ породъ, хорошо выѣзжанныхъ в хомутахъ, которымъ последняя цѣна 1200 руб. Видѣть ихъ можно на малой Никитской в приходѣ Старого Вознесенія в домѣ князя Бориса Михайловича Черкаского.

11) Продается деревянной домъ Г. Микулина, близь Никитскихъ воротъ, въ приходѣ Θеодора Студита, за сходную цѣну. — 1.

12) Въ домѣ Микулина, близь Никитскихъ воротъ, въ приходѣ Θеодора Студита, продается 21 года кучеръ, хорошаго поведенія. — 1.

13) За Сухаревой башней, въ 3 Мѣщанской улицѣ, въ домѣ Г. Кавелина продается кожевенной мастеръ, 26 лѣтъ, съ женою, да дѣвка рабочая. 1.

14) Продается кузнецъ холостой и столяръ женатой, годные въ рекруты, и 2 крестьянина, одинъ женатой, а другой вдовецъ. О цѣнѣ узнать Басманной части 3 кварт. подъ No 303, въ Плетешкахъ, отъ самого Господина. — 1.

15) Въ Аптекѣ, на большой Арбатской улицѣ, продается хорошій кучеръ, 40 лѣтъ, съ женою, которая горазда стряпать и за бѣльемъ ходитъ, 30 лѣтъ, за сходную цѣну, о коей узнать въ той же Аптекѣ. — 1.

16) Продается вдова 33 лѣтъ, всю черную работу умѣющая, и дѣвки 16 и 11 лѣтъ, къ ученью понятныя, хорошаго поведенія, въ приходѣ Николы въ Хамовникахъ, въ домѣ Красовскаго. — 1.

17) Рязанской Губерніи и округи продается на

Продается мальчикъ 15 лѣтъ, для ученія способной, Хамовнической части 3 кварт. въ приходѣ Знаменія, что въ Зубовѣ, въ домѣ Гжи. Насакиной. Цѣна 300 р. — 2.

Продается домъ деревянной, недавно построенной, весьма хорошо расположенной, покойной, теплой, сдѣланной изъ лучшихъ матеріаловъ,

Объявления о продаже крепостных в газете «Московские ведомости»

какие-то вакханские физиономии от усталости и невыносимой духоты; волосы развились и рассыпались, украшения пришли в беспорядок, платья обдергались, перчатки промокли... В кабинете хозяина кипела чертовская игра: на двух больших круглых столах играли в банк. Отроду не видывал столько золота и ассигнаций... понтировало много известных людей». Выигрывались и проигрывались целые состояния. Танцы продолжались непрерывно всю ночь. Барышни старались не пропускать ни одного. Москва и в этом случае отличалась простотой нравов: «иные mamans беспрерывно ходили по кавалерам, особенно приезжим офицерам, и приглашали их танцевать с дочерьми: «Батюшка, с моею-то потанцуй»[27]. Развлечениям сопутствовал роскошный ужин.

Излюбленным занятием многих дворян и дворянок была верховая езда. Пользовались популярностью конные скачки и состязания.

Закулисную сторону быта этой наиболее обеспеченной части дворянства колоритно обрисовал граф Ф. В. Ростопчин: «Роскошь, которой окружало себя дворянство, представляла нечто особенное: тут являлось великолепие рядом с нищетой. Так, например, встречались огромные дворцы, одна часть которых блистала богатым убранством, а в другой недоставало мебели; громадные залы, множество гостиных и отсутствие покоев для хозяина и хозяйки дома»[28].

Барские дома обслуживало множество дворни: лакеи, камердинеры, повара, кухарки, горничные, прачки, кучера, конюхи; в некоторых имелись и свои крепостные певчие, музыканты (нередко совмещавшие служение искусству с обязанностью слуги или буфетчика). Там же жили их семьи. В палатах графа Алексея Орлова после его смерти оказалось 370 человек. Некоторые из дворовых были неплохо одеты, другие ходили оборванными[29]. Эти люди жили бок о бок с дворянами, но в совершенно иных условиях. Их подневольное существование представляло резкий контраст в сравнении с жизнью помещиков, на которых они не только трудились с утра до ночи, но от прихотей и капризов которых всецело зависели. Крепостной человек находился на положении раба, вещи, «крещеной собственности», по меткому выражению А. И. Герцена. Барин мог продать его, проиграть в карты, женить или выдать замуж против воли, навсегда разлучить с семьей, подвергнуть побоям и истязаниям. Конечно, не все помещики прибегали к таким средствам, среди них попадались и люди гуманные. Но даже при наиболее благоприятных условиях само сознание своего полного бесправия могло сделать жизнь крепостного невыносимой. Особую категорию крепостных составляли люди искусства – музыканты, художники, артисты, архитекторы, резчики по камню и дереву. Выделившиеся из своей среды незаурядными способностями и талантами, нередко получившие превосходное образование, они особенно болезненно переживали свою зависимость и связанные с ней унижения. Судьба их нередко складывалась трагически. Такова была оборотная сторона блестящей дворянской культуры.

Среди дворовых имелось немало оброчных. Со временем их число увеличи-

[27] *Жихарев С.П.* Указ. соч. С.23–24.

[28] *Ростопчин Ф.В.* Указ. соч. С.256.

[29] Там же.

валось. К 40-м гг. сложилась довольно своеобразная картина: «Чем выше, чем богаче барин, тем реже встретишь собственного человека у него в услужении; – вспоминал о том времени Н. П. Гиляров-Платонов,– напротив, князю Гагарину прислуживает крепостной князя Голицына, Голицыну же крепостной Гагарина, тот и другой отпущенные на оброк: оба на той же должности камердинера, швейцара, кучера, но за жалованье. Своя крепостная прислуга становилась в тягость и обращалась в источник неприятностей»[30]. В начале 50-х гг. в Москве проживало «при господах» 22 492 человека, а «по паспортам» 35 334 дворовых людей[31].

Характерную особенность дворянской Москвы составляли чудаки и оригиналы. Ощущая себя достаточно независимыми, гордясь принадлежностью к «благородному сословию», они не очень-то считались с общепринятыми нормами поведения. Некоторые обращали на себя внимание костюмом, другие – выездом, третьи – манерами. Богатейшая владелица обширных поместий княгиня Е. Р. Дашкова носила дома мужской колпак. Принимавший у себя чуть ли не всю дворянскую Москву граф А. Г. Орлов завершал свои приемы обращенным к гостям громогласным «heraus!» («вон!»), что их однако же нимало не смущало. На его балах все присутствующие мужчины, включая хозяина, непременно были облачены в мундиры, при орденах и лентах. Богатая помещица Н. Д. Офросимова (о ней повествуют разные мемуаристы, Л. Толстой в «Войне и мире» вывел ее под фамилией Ахросимовой) была известна грубоватой бесцеремонностью в обращении, невзирая на возраст, чин и звание собеседника, что ей самой и многим окружающим казалось проявлением правдолюбия. О многообразных чудачествах московских бар поведал М. Н. Загоскин, добавив: «Да где перечесть всех наших московских затейников. Воля, братец!..– Народ богатый, отставной; что пришло в голову, то и делает»[32].

Большинству москвичей война 1812 г. принесла огромные убытки. Эта беда коснулась и дворянства. Многие совсем разорились. Но оставалось еще немало помещичьих семей, продолжавших жить на широкую ногу. Образ жизни этой части дворянства ярко запечатлел А. С. Грибоедов в своей бессмертной комедии «Горе от ума». Выразительно обрисовал тот же быт М. О. Гершензон в книге «Грибоедовская Москва» – по переписке и другим бумагам семейного архива Римских-Корсаковых. После смерти матери семейства заведенные ею порядки возобновились десять лет спустя при ее сыне. «В сороковых годах дом С. А. Корсакова был для Москвы тем же, чем когда-то бывали дома князя Юрия Владимировича Долгорукова, Апраксина, Бутурлина и других хлебосолов Москвы... Каждую неделю по воскресеньям бывали вечера запросто, и съезжалось иногда более ста человек, и два, три большие бала в зиму»[33].

Впрочем, частота и размах подобных празднеств по сравнению с прошлым заметно поубавились. Нарастал процесс обеднения дворянства. По воспоминаниям известного судебного деятеля Н. В. Давыдова (внука князей Оболенских), в середине XIX в. домашний быт московского дворянства (даже его высшего слоя) был довольно прост и, за небольшими исключениями, «далек от роскоши, которая в Петербурге развивалась и распространялась гораздо быстрее»[34]. Бытовые условия жизни оставались еще довольно примитивными. Отсутствие форточек в домах было обычным явлением. Дети помещались чаще всего в мезонине, в непроветриваемых комнатах с низкими потолками. В жилых помещениях для освежения воздуха курили пахучей «смолкой». В парадных покоях в медный таз с мятой клали раскаленный кирпич, обливаемый уксусом, или брызгали духами.

В 30–40-е гг. на первый план в общественной жизни Москвы выдвигается образованный средний слой дворянства, все более сближавшийся с разночинной интеллигенцией. Некоторые дома становятся местом встреч людей, погруженных в размышления о природе мироздания, судьбах отечества, ходе мировой истории. Танцы вытесняются литературно-философскими беседами и чтениями (см. главы VIII и IX). Но политическая реакция в России на рубеже 40–50-х гг. нарушила такое времяпровождение. Откровенный обмен мнениями стал небезопасен. Оживленные рассуждения и споры в силу этого уступили место карточной игре и светским развлечениям – балам, катаниям на тройках, пикникам. Даже мыслящие люди вовлекались в этот вихрь светской жизни, чтобы заглушить хандру и уныние[35]. Насильственно подавляемые идейные и интеллектуальные устремления, конечно, не исчезли, но оказались как бы под спудом.

Приезжавшим в Москву обычно бросалась в глаза праздность многих жителей, столь отличавшая старую столицу от делового ритма петербургской жизни. Такое впечатление складывалось благодаря большому числу живших здесь отставных военных и чиновников, а также неслуживших помещиков, приезжавших сюда вместе со своими семействами и домочадцами на зиму.

Вместе с тем в городе кипела напряженная деятельность – служебно-деловая, торговая, ремесленно-фабричная, научно-образовательная.

[30] *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Автобиографические воспоминания. Ч.2. М., 1886. С.51–52.

[31] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.6. Ч.1. С.120–121.

[32] *Загоскин М.Н.* Москва и москвичи. М., 1988. С.81.

[33] *Благово Д.Д.* Рассказы бабушки. С.140.

[34] *Давыдов Н.В.* Указ. соч. Ч.1. С.17.

[35] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929. С.112–116.

В Присутственные места возле Красной площади к 9 часам утра собирались чиновники (большинство из них жили далеко из-за дороговизны квартир в центре). До трех часов дня они трудились в своих канцеляриях, затем расходились по трактирам, бильярдам, клубам. Процент образованных чиновников в столицах был выше, чем в остальных городах; они не долго задерживались на низших должностях. Менее образованным карьера давалась труднее, и дальше столоначальников мало кому удавалось продвинуться. Но и эта часть служилого люда со временем заметно внешне цивилизовалась. Современник рисовал в 40-х гг. XIX в. такую колоритную картину: «...Приказный чиновник в Москве теперь и что он был вскоре после французов – большая разница: старинный приказный был, конечно, неприятный для вас знакомый; он ходил тогда в фризовом засаленном сюртуке, от него несло простым вином, борода его была плохо обрита; на нем были грязные сапоги и из них выглядывали неопрятные пальцы; он нюхал табак из пузырька, а не из табакерки, сморкался в кулак; работая в канцелярии, он имел привычку класть себе перо за ухо и почесывать беспрестанно свою неприглаженную голову... Нынешний чиновник в Москве получает порядочное жалованье... порицает взятки, ходит в опрятном мундирном фраке... манишка у него с запонками, он при часах, а часы у него с золотою цепочкою; хохол его завит и раздушен; сапоги как зеркало и на высоких каблучках; у него на руке, которую прежний подьячий протягивал всю в масле и чернилах, блестит бриллиантовое колечко; он часто обедает у Шевалье и Будье, курит предорогие пахитоски, воображает, что говорит по-французски, не употребляет ничего, кроме го-сотерн и шампанского... танцует мазурки и галопады в маскерадах немецкого клуба и купеческого собрания, прогуливается в Элизиум и нередко бывает львом Кремлевского сада; строит курбеты барышням, ищет себе богатую невесту, требуя, чтоб она была непременно милашка и благородная; сидит в театре в креслах...»[36]. Такой делец не удовлетворился бы за услугу «синицей» (пятирублевой купюрой). Завуалированным видом взятки мог послужить роскошный обед, которым угощал его проситель в трактире. Подобные обеды-угощенья практиковались сплошь и рядом.

Нередко чиновники брали с собой бумаги домой, для вечерней работы. Обычный же распорядок ежедневного досуга сводился к обеду в трактире с музыкальным сопровождением[37], игре на бильярде, просмотру газет и журналов («Северной пчелы», приказов по службе в «Русском инвалиде», статей в «Библиотеке для чтения»). Вечер (если не было срочной работы) посвящался чтению, иногда театру, у молодых – танцам и другим развлечениям.

Помимо чиновников и канцеляристов, состоявших на службе, возле Присутственных мест толпились отставные, готовые за небольшую плату взять на себя хлопоты по тому или иному делу, написать ходатайство или жалобу, засвидетельствовать купчую крепость или другой документ. Людей, плохо разбиравшихся в делах подобного рода, тем более – неграмотных, они нередко вводили в ненужные расходы, втягивали в затяжные судебные процессы.

Московское купечество быстро богатело. «Нравы и обычаи жизни купцов весьма различны, смотря по богатству и еще более по степени личного их образования»,– сказано в официальном издании того времени[38]. Престиж купеческого звания был еще несоизмерим с дворянским. Дворянский и купеческий миры существовали, не смешиваясь. Купцы (особенно принадлежавшие к старообрядцам) придерживались давних обычаев. Жили замкнуто, каждое семейство – своим домом. Посторонним вход туда был наглухо закрыт. Глава семьи пользовался непререкаемым авторитетом. Благочестие, неуклонное выполнение церковных обрядов, строгость семейных нравов нарушались лишь в исключительных случаях. Торговые дела велись честно: сделки заключались большей частью на словах и соблюдались неукоснительно. Заповедным миром купечества стало Замоскворечье – ранее район преимущественно дворянский. Но в первой половине XIX в. дворянство постепенно все больше вытеснялось оттуда. Добротные каменные дома, «явно назначенные для замкнутой семейной жизни, оберегаемой и заборами с гвоздями, и по ночам сторожевыми псами на цепи»[39], с обширными садами при них, множество церквей – таков внешний облик Замоскворечья тех лет. Повседневная жизнь его обитателей ярко обрисована в пьесах А. Н. Островского. В начале XIX в. еще сохранялись некоторые стародавние обычаи. С. П. Жихарев рассказывает, как он попал «на смотр невест, который у низшего купечества и мещанства бывает ежегодно в праздник крещения... По всей набережной стояло и прохаживалось группами множество молодых женщин и девушек в довольно богатых зимних нарядах: штофных, бархатных и парчовых шубах и шубейках; многие из них были бы очень миловидны, если б не были чересчур набелены, нарумянены и насурмлены, но при этой штукатурке и раскраске они походили на дурно сделанных восковых кукол. Перед вереницею невест разгуливали молодые купчики в лисьих шубах и высоких шапках...»[40]. Тут же прогуливались свахи,

[36] *Вистенгоф П.Ф.* Указ. соч. С.53–55.

[37] Во многих трактирах имелись так называемые «музыкальные машины», исполнявшие песни и романсы, арии из опер, вальсы Штрауса.

[38] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.6. Ч.1. С.121.

[39] *Григорьев Ап.* Мои литературные и нравственные скитальчества // *Григорьев Ап.* Воспоминания. М., 1988. С.9.

[40] *Жихарев С.П.* Указ. соч. С.157–158.

завязывая деловой разговор с молодыми людьми.

За немногими исключениями культурный уровень тогдашнего купечества был невысок – во всяком случае, по сравнению с дворянством. Простонародная речь, грубоватые манеры, домостроевские нравы, отчужденность от широких идейных запросов, приверженность узкопрактическим интересам – все это резко отделяло поднимавшуюся из народа буржуазию от образованной части дворянства. Впрочем, потребность в образовании все больше осознавалась в купеческой среде. Детей старались учить: сыновей отдавали в Коммерческое училище или Практическую коммерческую академию, а то и в университет, дочерей учили дома русской грамоте, в некоторых семьях – французскому языку и танцам. С ростом образованности бросавшиеся в глаза внешние отличия купцов от дворян все больше тускнели и стирались. Небогатые дворяне, офицеры порой стремились поправить свои имущественные дела женитьбой на купеческих дочках. Стало обычным посещение купеческими семьями театров, загородных гуляний, Купеческого собрания. Из театральных постановок купцы, по наблюдению Вистенгофа, предпочитали трагедии («Коварство и любовь», «Разбойников» Шиллера, «Скопина-Шуйского» Н. В. Кукольника) и балеты.

Большинство мещан едва сводило концы с концами. Только четвертая их часть имела свои домишки (как правило, на окраинах), остальные снимали небольшие комнаты. Некоторые, более обеспеченные, имели собственные ткацкие станы. Те, кому удавалось скопить капитал, записывались в купцы (обедневшие купцы, наоборот, переходили в мещане). Основная масса нанималась в работники. Особенно трудно приходилось тем, кто не имел ни собственности, ни профессии, ни постоянного заработка, и должен был всячески изворачиваться, чтобы заработать себе на жизнь и прокормить семью[41]. Немало мещан существовало за счет того, что скупало и перепродавало ношеные вещи, разную ветошь. Другие («кулаки» или «перекупы») перекупали у застав обозы с хлебом, третьи занимались посредничеством при продаже и покупке недвижимости («сводчики»). Нужда заставляла искать и иные способы добывания денег – не всегда честные. Однако преступления в этой среде случались не часто; другое дело – такие проступки, как пьянство, бродяжничество, драки[42].

Нелегко жилось и ремесленникам. В более благоприятном положении находились цеховые. Записанные в тот или иной цех получали право завести мастерскую, иметь учеников и подмастерьев. Остальные ремесленники таким правом не пользовались. Во многих ремесленных мастерских нещадно эксплуатировался детский труд.

Поздней осенью в Москву на заработки стекалось из близлежащих и дальних деревень множество государственных и помещичьих крестьян. С приходом весны большинство из них отправлялось домой. Однако часть крестьян, устроившись на фабрики и заводы, оседала здесь довольно прочно, живя по существу круглый год, но не порывая связей с деревней[43]. Для работы на земле некоторые нанимали вместо себя батраков. На более тяжелую работу (добывание камня, рытье канав и т.п.) подряжались обычно крестьяне, пришедшие издалека (из Смоленской, Псковской и других губерний)[44].

Заметный слой населения Москвы как университетского города составляли профессора и студенты. Их жизнь определялась научными интересами, преподаванием, учебой. Студенчество являлось подвижным, постоянно обновлявшимся элементом населения: многие были приезжими. Поскольку Московский университет славился на всю страну, учиться сюда приезжали не только из близлежащих, но и из дальних губерний. Студенты происходили из разных сословий – дворянства, чиновничества, духовенства, разночинцев, купцов, иногда (редко) из крестьян. Но эти различия внешне не бросались в глаза, поскольку студентам полагалась форменная одежда: мундир, шинель, треугольная шляпа или фуражка. Юноша, ставший студентом, получал в торжественной обстановке шпагу. Университетские преподаватели обязаны были носить вицмундир определенной формы и цвета.

К профессиональной интеллигенции принадлежали также учителя, преподаватели частных пансионов, гувернеры, журналисты, художники. За исключением состоявших на государственной службе преподавателей университета, гимназий, кадетских корпусов, все это были люди так называемых свободных профессий.

Особый мир составляло духовенство, жившее замкнуто и общавшееся с людьми других сословий преимущественно на церковных службах да при выполнении церковных обрядов вне храма (водосвятия, молебны в частных домах, похороны). Белое духовенство[45] вело семейную жизнь, черное (монашество) обитало в монастырях. Историк С. М. Соловьев, вышедший из этой среды, писал о нелегком положении основной массы духовенства в XIX в., его приниженности по отношению к собственному начальству, а также по сравнению с дворянами, видевшими в священниках людей низшего круга, «мужиков». Впрочем, московское духовенство находилось все же в более благоприятном положении, нежели провинциальное. Тесно связан-

[41] *Кокорев И.Т.* Москва сороковых годов. Очерки и повести о Москве XIX в. М., 1959. С.6–7.

[42] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.6. Ч.1. С.123–124.

[43] О быте рабочих см. в главе IV («Экономика Москвы»).

[44] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.6. Ч.1. С.124.

[45] О его быте см: *Розанов Н.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721–1821). Ч.3. Кн.1. С.67–73, 205–206, 266–271, 275–279.

Женская мода начала XIX в.

ный с этим сословием Н. П. Гиляров-Платонов отмечал в воспоминаниях существенную разницу между столичным и уездным духовенством. По этой причине лучшие выпускники семинарий предпочитали место дьякона в Москве священническому в провинции.

Не в одинаковом положении находились и московские священнослужители. Как вспоминает тот же мемуарист, церковные приходы делились на «чистые» и «серые». «Чистыми» считались дворянские и купеческие, «серыми» – расположенные по окраинам, где жила городская беднота и фабричные. По доходности последние приходы не только не уступали остальным, но даже превосходили их в результате своей многолюдности. Однако туда не особенно стремились. Лучшими признавались приходы в центральной части Москвы, заселенной преимущественно дворянами. Священника нередко приглашали в помещичьи дома отслужить молебен – по праздникам, в именины, перед отъездом в деревню, по возвращении оттуда, а то и ежемесячно. Там можно было получить уроки, протекцию при устройстве сыновей или других родственников на службу. В купеческих же приходах «поп – батрак, поденщик, стоящий на задельной плате... Коммерческий взгляд купцом переносится и на отношения к духовному отцу. Церкви в дворянских приходах редко бывают украшены богато, но духовенство по мере сил награждается; в купеческих – церковь блестит, колокол гудит чуть не тысячепудовый; но не заключайте отсюда, чтобы о причте приложена была равномерная заботливость, разве из тщеславия будет что оказано»[46]. Все же у большинства населения православное духовенство пользовалось почетом.

2. ОДЕЖДА

Люди разных сословий заметно различались своей одеждой. Традиционный русский костюм с наибольшей полнотой сохранился у крестьян, в сельской местности. Те из них, кто уходил в город на заработки или жил в господском доме в дворовых, невольно подвергались городскому влиянию.

В Москве, как и вообще в городах того времени, преобладал общеевропейский тип одежды[47]. Прежде всего это относилось к цивилизованной части населения. Дворянство всецело ориентировалось на европейские образцы, а мода, как известно, изменчива. Русские журналы из номера в номер информировали о ее новинках. Наиболее состоятельные люди выписывали готовые туалеты из Парижа и Лондона. Законодательницей мод (особенно женских) считалась Франция. Покрой мужской одежды во многом определялся Англией.

На рубеже XVIII и XIX вв. под влиянием просветительских идей и потря-

[46] *Гиляров-Платонов Н.П.* Указ. соч. С.246–247.

[47] *Киреева Е.В.* История костюма. Европейский костюм от античности до XX в. Изд.2-е, испр. М., 1976; Русский костюм (1750–1880 гг.). М., 1960. Вып.1; *Мерцалова М.Н.* История костюма. М., 1972.

Кузнецкий мост. Литография А. Кадоля по рисунку С. Львова. 1-я половина XIX в.

сений Французской революции в моде тоже произошел перелом. Выход на политическую сцену буржуазии, оттеснившей аристократию, обусловил перемены во всех сферах жизни, включая повседневный быт. Напудренные парики знати, расшитые серебром и золотом камзолы из парчи и бархата, треугольные шляпы с перьями, кружевные жабо, короткие панталоны, башмаки с металлическими пряжками, длинные волосы, перевязанные сзади лентой у мужчин, пышные туалеты и причудливые прически женщин, фижмы, мушки – все, что диктовалось вкусами королевского двора и аристократии, отходило в прошлое, стало казаться архаизмом, хотя какое-то время в начале XIX в. еще держалось у старшего поколения светского общества.

В новом столетии мужская одежда стала более строгой и деловой: длинные панталоны, фрак (чаще всего темно-синий, коричневый или зеленый), редингот или сюртук, сапоги с отворотами, высокая круглая шляпа с узкими полями, белоснежная рубашка с накрахмаленным воротником, шейный платок, завязывающийся узлом или бантом. При Павле I длинные панталоны, фрак, цилиндр подверглись гонению как подражание революционной Франции; в одежде усиленно насаждались прусские образцы. По свидетельству современника, «полицейским служителям приказано было, несмотря на лица, срывать круглые шляпы, на ком увидят, и тут же разрывать или изрезывать их». Но на другой же день после известия о смерти Павла I московские франты явились на гулянье в круглых шляпах.

В течение полувека в мужской моде изменялись детали, основа ее оставалась неизменной. Более капризной оказалась женская мода. В начале столетия модно было подражание античности: напоминавшее тунику платье из легкой белой или розовой ткани, подхваченное под грудью узким пояском, диадема или золотой обруч на голове. В 30-х гг. возобладал романтический стиль: платья с необычайно пышными рукавами, воланами, с юбкой колоколом, на голове – причудливо уложенные букли и шиньоны. К середине века костюм упростился. Характерное для прежних лет обилие украшений (драгоценностей, искусственных цветов, лент, кружев) все чаще стало заменяться белыми воротничками и рукавчиками. На изменение моды влияли не только социальные сдвиги и политические события, но и смена направлений в литературе и искусстве (от классицизма до романтизма и реализма).

Центром притяжения московских модниц еще с XVIII в. стал Кузнецкий мост, где расположились французские модные лавки. В 1812 г. генерал-губернатор Ф. П. Ростопчин запретил в Москве торговлю французскими товарами, но после войны она возобновилась, а в 30-х гг. вновь появились на магазинах вывески на французском языке. Наряду с французами здесь торговали английские, немецкие, итальянские купцы.

Владычество французской моды нередко вызывало нарекания, служило мишенью сатирических стрел, но тщетно. Еще в начале XIX в. Н. М. Карамзин поместил в своем «Вестнике Европы» статейку «О легкой одежде модных красавиц девятого на десять века», в которой уверял, что вошедшая в моду полупрозрачная одежда нарушает природную женскую стыдливость и копирует наряды революционной Франции. «Мы гнушаемся ужасами революции и перени-

Тверской бульвар. Литография А. Кадоля. 1825 г.

маем моды ее!» – негодовал автор. Молодой писатель пытался убедить своих соотечественниц, что «нынешний парижский свет состоит из людей без всякого воспитания, без всякого нежного чувства», что тон в современном Париже задают жены банкиров и подрядчиков – «женщины низкого состояния». Карамзин уверял, что женская одежда из легкой ткани не подходит к российскому климату, опасна для здоровья, грозит простудой, чахоткой, смертью. Но все убеждения были напрасны.

Над слепым подражанием иностранной моде едко иронизировал А. С. Грибоедов, его мнение разделяли и другие. В 40-е гг. этот вопрос обсуждался в печати. Н. А. Мельгунов поместил в «Современнике» статью «Народная одежда и европейская мода» (1847. № 4). Споры между сторонниками европейского фрака и русского кафтана казались ему искусственными, а возвращение к исключительно народной одежде – в условиях растущего сближения народов Европы – нереальным. «Не будем же заботиться о том, что мы наденем, европейский ли фрак или русский кафтан, а скажем себе: и то и другое хорошо на своем месте и в свою пору; и то и другое дурно не в пору и не у места. Мне же сдается, что как тот, так и другой отживают свой век, и что рано ль, поздно ли придет время, когда всякий из нас, от барина до мужика, наденет платье по своей личной моде, справляясь не с модными журналами и не с дедовским гардеробом, а с своим собственным вкусом и уменьем».

В начале 1846 г. была предпринята попытка своеобразной пропаганды в дворянском обществе национального русского костюма. С. А. Римский-Корсаков устроил в своем доме маскарад, получивший название русского праздника. Наряду с домино и другими традиционными маскарадными костюмами, изображавшими всевозможные аллегорические фигуры, средневековых дам и кавалеров, было задумано показать привлекательность древнего русского одеяния, наряду с западноевропейской оркестровой музыкой – русский хоровод. Русская часть маскарада предстала в виде особого отделения. После вальса и французских кадрилей появились возглавляемые хозяином и хозяйкой 12 пар: мужчины были облачены в бархатные кафтаны, а женщины – в душегрейки с богатыми украшениями. За ними следовали молодые девушки в шелковых и бархатных сарафанах. Хор (также в русской национальной одежде) приветствовал устроителей праздника песней на стихи в старорусском духе. Музыку аранжировал для оркестра композитор А. А. Алябьев. К березке, которую нес впереди шествия карлик, были прикреплены ленты с написанными на них русскими пословицами. Их раздавали присутствующим. Представление имело успех. Жителям северной столицы поведала об этом маскараде петербургская «Северная пчела» (1846. 11 и 19 февраля).

Другой «русский праздник» был устроен весной 1849 г. московским генерал-губернатором А. А. Закревским в честь открытия только что выстроенного в Кремле Большого императорского дворца. В генерал-губернаторском доме в присутствии Николая I и царской семьи состоялся костюмированный бал и живые картины. Торжество детально живописал в «Московских ведомостях» (1849. 21 апреля) С. П. Шевырев. Пышное шествие 56 пар открыли гости в костюмах английского королевского дво-

ра XVI в. во главе с королевой Елизаветой. Основу же его составили россияне – представители Москвы, Киева, Петербурга, других городов и местностей империи (включая национальные окраины). Участники шествия изображали Ивана Сусанина, Минина и Пожарского, юного Ломоносова, жителей Воронежа, Калуги, Рязани, Тамбова, Екатеринослава... Исполнялись русские народные песни, водили хоровод. Успех превзошел все ожидания, зрелище повторили в залах Благородного собрания, где собралось множество посетителей.

Иное отношение встретила в обществе попытка дворян-славянофилов ввести русскую народную одежду в повседневный быт. Дело происходило тогда же, весной 1849 г. Демонстрируя свою принадлежность к «русскому направлению», А. С. Хомяков, К. С. и С. Т. Аксаковы отпустили бороды, облачились в зипуны и кафтаны. Однако это вызвало только недоумение и насмешки. Власти реагировали по-своему: Николай I, увидев в таком новшестве опасное подражание западной моде (!), запретил дворянам носить бороду, ссылаясь на то, что ее наличие несовместимо с дворянской службой по выборам. Пришлось подчиниться, дав подписку через полицию[48].

Заметно отличались от дворян своим видом купцы. Большая борода, фуражка с козырьком, сапоги, летом косоворотка с жилетом – вот типичный облик тогдашнего русского купца. Англичанка М. Вильмот дала колоритное описание богатой русской купчихи на гулянье: затканная золотом кофта с корсажем, расшитым жемчугом, шерстяная юбка, «головной убор из муслина украшен жемчугом, бриллиантами и жемчужной сеткой, и все сооружение достигает пол-ярда высоты. Двадцать ниток жемчуга обвивали шею, а на ее толстых руках красовались браслеты из 12 рядов жемчуга»[49]. Разумеется, за полвека многое изменилось: купечество (исключая раскольников) понемногу европеизировалось. Соответственно преображался и внешний облик: некоторые купцы (прежде всего молодые) отказались от народного русского костюма, сменив его на европейский, стали подстригать или брить бороду. Купчихи отличались дородностью. Многие ходили в платке, повязанном вокруг головы, другие носили чепцы и шляпки. В большом ходу были драгоценности, а также белила, румяна, сурьма.

Большое распространение (особенно во второй четверти XIX в.) получила форменная одежда[50]. Мундир носили не только военные, но и те, кто находился на гражданской службе, а также студенты университета и некоторых других учебных заведений. Более того, существовал мундир для дворян, обязательный при присяге, появлении в общих собраниях, на официальных церемониях и т.д. С 1824 г. право ношения особого мундира получили купцы первой гильдии. Мундиры различались по роду службы, ведомству, чину, губернии. Форма, фасон, покрой мундиров, цвет воротников и обшлагов, их ткань, шитье на них, форма головных уборов строго регламентировались царскими указами. К мундиру полагались шпага и треугольная шляпа, которая в определенных случаях могла заменяться фуражкой. В первой половине XIX в. мундирные сюртуки и фраки шились чаще всего из темно-зеленого сукна, для лиц учебного и ученого ведомства – темно-синего, для сенаторов – красного. В Петербургской и Московской губерниях воротники и обшлага на рукавах были красного цвета. На пуговицах из белого или желтого металла изображался губернский герб. Должностные лица высших классов (по Табели о рангах) в определенных случаях должны были надевать парадный мундир, отличавшийся от повседневного золотым и серебряным шитьем по бортам, на воротнике и обшлагах; к нему полагались камзол и штаны до колен из белого сукна, белые шелковые чулки и башмаки с пряжкой или белые брюки с сапогами.

Особое одеяние имело духовенство. Повседневно носилась ряса – наглухо застегнутое, расклешенное облачение темного цвета (преимущественно черного, а также кофейного, вишневого, малинового) до пят, с длинными, расширяющимися книзу рукавами. На рясу надевался наперсный (нагрудный) крест. На голову духовные лица в зависимости от сана надевали скуфью – остроконечную бархатную шапочку черного или фиолетового цвета, или камилавку – высокий цилиндрический, расширяющийся кверху головной убор. Монахам полагался особый головной убор – высокий черный клобук, обтянутый покрывалом, край которого спускался на спину. Совершавшие богослужение священнослужители облачались в ризы из парчи или бархата с золотым шитьем. Высшие церковные иерархи в этих случаях надевали на голову митру – отделанный золотом и богато украшенный высокий головной убор с шарообразным верхом, а на грудь, кроме креста, панагию (икону-медальон).

3. УСЛОВИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ (МАГАЗИНЫ, РЫНКИ, ТРАКТИРЫ, СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ПОЧТА)

Купить все нужное и с наибольшим удобством москвичи могли в центре города. Главным средоточием торговли

[48] И.С.Аксаков в его письмах. Т.2. М., 1882. С.142–146.

[49] Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. С.257.

[50] Подробнее см.: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991.

*Типы московских жителей:
Торговка и щеголь
Рыбак и разносчик рыбы*

промышленными товарами служили Торговые ряды на Красной площади и Гостиный двор, занимавший целый квартал между Варваркой и Ильинкой. Это были обширные здания прекрасной архитектуры с многочисленными лавками и амбарами. Во время пожара 1812 г. они сгорели, но уже через три года были отстроены заново – в несколько ином виде. Торговые ряды назывались так потому, что для удобства покупателей состояли из отдельных линий – каждая для определенного товара (отдельно шелк, холст, сукно и т.д.). «Что только четыре части света производят для потребности и прихотей человека, все найти можно в рядах московских»[51],– отмечал наблюдательный современник. Между лавками приютились винные погреба (их было около 80). Неподалеку, в Охотном ряду, продавали всяческую снедь. Рыбный двор, где торговали осетрами, белугами, севрюгами, паюсной икрой, находился напротив Гостиного двора. Живорыбный ряд – на берегу Москвы-реки. Дорогую живую рыбу (осетров, крупных стерлядей, судаков и проч.) продавцы держали в садках, опущенных прямо в реку, рыбу подешевле и помельче – в лавках.

Торговля велась и в других местах. На Болото (площадь между Москвой-рекой и водоотводным каналом) приезжали из деревень крестьянские обозы с хлебом и другими припасами. Многое привозили водным путем, на барках. Купленное зерно ссыпалось в выстроенные здесь же лабазы. На рынках торговали разными жизненными припасами, овощами, ягодами. Для торговли лесом, дровами, сеном, лошадьми, скотом имелись особые рынки. На Смоленском рынке и Сухаревской площади по воскресным дням продавали платье, мебель, старье. На Театральной площади, а позже на Лубянке можно было приобрести певчих птиц, охотничьи принадлежности. Кроме постоянных рынков во время Великого поста устраивался временный, на Москве-реке, для торговли постными товарами. Помимо того, Москву наполняло огромное число разносчиков, предлагавших самый разнообразный товар – моченые яблоки, клюкву, лимоны, апельсины, арбузы, дыни, сушеные фрукты, рыбу, свежую икру, овощи, кондитерские изделия, кур, цыплят, яйца, живых раков, мед, калужское тесто, горох, всевозможную галантерею, детские игрушки, алебастровые фигурки... Старьевщики скупали у населения поношенные, вышедшие из употребления вещи.

Во всех частях города имелись рестораны, трактиры, кондитерские, кофейни, где можно было закусить, пообедать, поужинать. Лучшие из них располагались в центре – на Тверской улице, в Охотном ряду, на Кузнецком мосту. Содержали их частью русские, частью иностранцы. Некоторые французские заведения посещались исключительно людьми «высшего тона», родную речь услышать там было невозможно.

[51] *Малиновский А.Ф.* Обозрение Москвы. М., 1992. С.118.

Вербное воскресенье на Красной площади. Рисунок А. Васнецова. 1882 г.

Наиболее посещаем был Троицкий трактир на Ильинке, где собирались купцы, приказные, приезжие помещики, а порой и люди из высшего общества. «Московский трактир» возле Красной площади привлекал обильными закусками, расторопностью обслуживающего персонала, а также музыкальным автоматом, исполнявшим различные новомодные мелодии. Особенно охотно посещали его чиновники (рядом находились Присутственные места), приезжие, люди среднего достатка, иностранцы, купцы, студенты. Здесь можно было также познакомиться с новыми журналами. В 40-х гг. посетителям предлагали «Похождения Чичикова»[52].

Приезжие – в зависимости от кошелька – могли устроиться либо в гостинице, либо на каком-нибудь подворье или постоялом дворе. Особенно славились гостиницы Варгина, Шевалье, Шевалдышева, «Дрезден», «Лондон», «Франция». Номера для приезжающих сдавались и в нескольких домах на Тверской, Большой Дмитровке, Театральной площади, на Арбате, Лубянке, Рождественке[53].

Любовь москвичей к чистоте выражалась в пристрастии к баням. Англичанка М. Вильмот замечала, что бани у русских «почти религиозная церемония; никто из крестьян не пойдет в церковь, не побывав накануне в бане». В 1811 г. в городе имелось более 40 торговых бань и около 2 тыс. частных. Ф. Глинка в «Письмах русского офицера» восхищался недавно построенными банями Сандунова: «Какая чистота! Какой порядок! Светлые, опрятные комнаты с расписанными стенами, покойные диваны для отдохновения, на окнах занавески и цветы, далее длинный теплый коридор, потом – баня! Жар постепенно умножается, парильщики искусны в своем деле, воды теплой и холодной сколько угодно...».

Люди состоятельные передвигались по городу большей частью в экипажах. Пешком ходили мало – не было принято. При обширных размерах Москвы ездить приходилось много, нередко – на дальние расстояния. Поэтому богатые москвичи предпочитали обзаводиться собственными лошадьми. «Красивый выезд – предмет соперничества», – писала современница. Зависел он от общественного положения и материальных возможностей. Аристократы и помещики покрупнее обычно выезжали в каретах, запряженных четверкой или шестеркой лошадей, управляемых кучерами и форейторами, с ливрейными лакеями на запятках, а нередко и с вершником впереди. Диктовалось это отчасти плохим состоянием дорог. По рассказам старожилов, на Большой Садовой и других улицах «мостовая в начале столетия была деревянная, и весной иногда бревна торчали почти стойком; при такой дороге без передового вершника, понятно, пускаться в путь бывало небезопасно». К 40-м гг. дороги заметно улучшились, кареты стали легче, и «обычай езды цугом начал исчезать»[54]. Кроме карет, употреблялись разнообразные коляски, фаэтоны, дрожки, со временем уменьшавшиеся в размерах. Для дальних путешествий служили брички, кибитки,

[52] Под этим названием вышли первоначально «Мертвые души» Н.В.Гоголя.

[53] *Захаров М.* Указ.соч. С.162. К середине XIX в. в Москве имелось 16 гостиниц, 54 подворья с 1300 номерами, 482 постоялых двора, 48 трактиров, 154 ресторации, 120 харчевен, 6 кофеен, 270 пивных лавок, 122 питейных дома (там же. С.162–167).

[54] *Гиляров-Платонов Н.П.* Указ. соч. С.50–51.

тарантасы, рыдваны, зимой – утепленные возки на полозьях.

Не имевшим собственных лошадей приходилось обращаться к извозчикам. В них недостатка не было. Зимой, по свидетельству П. Вистенгофа, их появлялось до 12 тыс. Извозчичьи биржи имелись на всех площадях и почти на каждом большом перекрестке. Извозчики также имели градацию. Временные («ваньки») приезжали в город на заработки, чаще всего зимою (летом были заняты крестьянским трудом). Вид у них и их лошадок был невзрачный: лубочные пошевни зимой, тележки и волочки (роспуски) летом не отличались удобством. Зато за дешевую плату извозчики этого рода готовы были везти седока куда угодно. К ним обращались большей частью люди, ограниченные в средствах,– служанки, кухарки, приказные. Постоянные извозчики занимались промыслом круглый год и выгодно отличались своими лошадьми и экипажами. Особую категорию составляли «лихачи» – «извозчики-аристократы», как назвал их М. Н. Загоскин. Лихачи имели прекрасных лошадей, удобные, богато убранные рессорные дрожки и пролетки. Вид их был внушителен: окладистая борода, бархатная малиновая или голубая шапка, армяк, перетянутый щегольским кушаком. Услугами лихачей пользовались московские щеголи, офицеры, купеческие сынки, приезжие чиновники и дворяне (из тех, что побогаче). Некоторые разбогатевшие извозчики содержали целые заведения с множеством великолепных лошадей и красивых экипажей, за большие деньги отдаваемых внаем на длительные сроки, обслуживавших свадебные церемонии и т.д. Со временем по главным улицам города стали курсировать наемные кареты и линейки, летом доставлявшие желающих на дачи и загородные гулянья.

Путешествия на большие расстояния из-за плохих дорог были делом трудным. На пути в Троице-Сергиеву лавру можно было видеть кареты, которые не удалось вытащить из грязи и пришлось бросить до зимы. Сообщение между Москвой и Петербургом считалось наиболее благополучным, но и оно доставляло путешественникам немало неудобств. Ехали в собственном экипаже или на перекладных – сначала по бревенчатому настилу, затем по вымощенной камнем дороге. Путь был крайне утомительным, и бока пассажиров сильно страдали. К 40-м гг. между двумя столицами протянулось ровное шоссе и поездка стала несравненно удобней. Длительность путешествия сократилась до двух с половиной суток, что казалось тогда большим достижением. Наладилось регулярное сообщение с другими городами. В 1852 г. в Москве имелось восемь заведений, отправлявших дилижансы ежедневно или несколько раз в неделю. Дилижансом можно было поехать не только в Петербург, но и во Владимир, Нижний Новгород, Тулу, Орел, Харьков, Ригу, на Урал, в Сибирь (вплоть до Тюмени). В Киев и Воронеж отправлялись тарантасы.

С нетерпением ждали окончания строительства «чугунки», которая должна была соединить обе столицы. Летом 1845 г. за Красными воротами возвели «вчерне» станцию будущей железной дороги. Открытие железнодорожного сообщения с Петербургом в 1851 г. стало настоящим торжеством для москвичей.

В 1845 г. в Москве появилась внутригородская почта (в Петербурге она су-

«Ванька» (легковой извозчик)

Зимняя линейка в Москве. Литография. 1850-е гг.

ществовала с 1833 г.). Раньше для этой цели служили лакеи и прислуга, разносившие письма своих господ по городу и сбивавшиеся с ног в праздничные дни. Москвичи сразу оценили новшество. В первый же день на почту поступило около 2 тыс. писем. За первый год их число составило 160 715, на следующий – 200 855[55]. Прием писем производился во всех частях города – сначала в 120 мелочных лавках, затем были введены штемпельные конверты, и в десяти кондитерских магазинах установлены почтовые ящики. К середине века Москва имела пять почтовых отделений. Разноской писем по городу и в дачные местности занимались 85 почтальонов («письмоносцев»). Отправленное в 9 часов утра письмо к полудню приходило в самую отдаленную часть города[56].

4. НРАВЫ И ОБЫЧАИ

Повседневная жизнь москвичей во многом определялась традициями. Этому способствовала сама история города, сохранившиеся во множестве памятники древности, создававшие особую духовную атмосферу, впитывавшуюся с ранних лет. Немалое значение имел состав московского населения. Знать, потомственные дворяне гордились древностью рода, заслугами предков и уже поэтому почитали «преданья старины глубокой». Численно преобладавшие среди москвичей выходцы из деревни (крепостная дворня, оброчные крестьяне, фабричные) еще не вышли из-под власти стародавних представлений и обычаев, хотя были затронуты влиянием городской цивилизации. Возрастал экономический, а с ним и общественный вес купечества – одного из главных оплотов национальных традиций.

Традиции эти были тесно связаны с православной церковью, которая занимала видное место в жизни русского человека. Важнейшие события жизни – рождение, свадьба, смерть – сопровождались твердо установленными религиозными обрядами. За появлением на свет следовало крещение. Имя давалось священником и родителями, как правило, в честь святого, память которого отмечала в тот день церковь. День этот (именины) становился личным праздником на всю жизнь. Молитвы заучивались с самого раннего возраста. Взрослые и дети еженедельно (а то и ежедневно) посещали церковные службы, исповедовались в грехах, причащались, в определенные дни постились, говели. Человек, не ходивший к исповеди и причастию, вызывал недоумение и подозрение. Чиновникам исполнение этих обрядов вменялось в прямую обязанность. Вступление в брак не могло состояться без церковного венчания. Церковь не признавала разводов – их запрещало и официальное законодательство; отступления от этого правила имели исключительный характер. Чтение Евангелия и проповедь священника наставляли в нравственных понятиях. Храмовая архитектура, фрески, иконопись, великолепные духовные песнопения воспитывали эстетический вкус. Общие праздники и дни скорби определялись прежде всего церковным календарем. Проводы человека в последний путь также не обходились без духовенства: отпевание совершал священник. Нередко священника с причтом приглашали в дом для совершения молебствия и прочих религиозных обрядов.

При тогдашнем – в массе населения невысоком – уровне культуры набожность и богомольность нередко смешивались и переплетались с разного рода суевериями. К числу их принадлежала вера в святость так называемых «юродивых», прорицаниям которых (нередко бессмысленным) придавалось особое значение. В осуществление этих прорицаний многие непререкаемо верили, толкуя их на все лады и подчиняя им свои поступки, как бы невразумительны и противоестественны ни были предсказания. Люди с психическими отклонениями («дурачки») нередко приобретали славу и почитались как особо угодные Богу. Их окружали почетом, приглашали в дом, угощали, а то и поселяли у себя, благоговейно прислушивались к их словам, стараясь уразуметь в видимой бессвязности речи сокровенный смысл и поступать сообразно этому. Наибольшее распространение это явление полу-

[55] Городская почта // Московский городской листок. 1847. 7 января. (Подп.: Л.В.К.).

[56] *[Милютин И.]* Описание Москвы и ее достопримечательностей... в историческом и современном отношениях. М., 1850. С.113.

Дилижанс, курсировавший между Москвой и Петербургом. Литография. Середина XIX в.

чило в купеческой и мещанской среде, но не было исключением и в помещичьей. Таких юродивых насчитывалось немало. Имена многих из них сохранились в истории. Наибольшей славой в городе пользовался Иван Яковлевич Корейша. Его палату в доме умалишенных в Матросской тишине посещали десятки и сотни москвичей. Находились люди, использовавшие подобные суеверия и намеренно разыгрывавшие роль юродивых[57].

Православная церковь воспитывала прихожан в духе христианской морали. Одним из ее непременных условий была помощь ближнему, немощному, нуждающемуся. Того же требовали государственные соображения. Москва славилась благотворительностью на всю Россию. Сюда стекались бедствующие люди из разных губерний, особенно в неурожайные годы. Среди нищих преобладали солдатки, крестьяне, мещане, немало было дворовых, вольноотпущенных; встречались дворяне и духовные лица[58]. Среди москвичей широко бытовал обычай подавать милостыню – чаще всего копеечную. Возле монастырей и храмов в ожидании подаяния собиралось множество нищих. Охотно подавали милостыню арестантам. Революционер-нечаевец И. Г. Прыжов уверял, что «каждый арестант, выходящий из Москвы, уносит с собой от 10 до 35 рублей серебром»[59]. Возможность подобного заработка привлекала не только действительно неимущих, но и тех, кто надеялся на этом заработать, превращая нищенство в своего рода промысел. Тот же Прыжов свидетельствует, что крестьяне из окрестных деревень нередко посылали своих детей в Москву для сбора подаяния. Наряду с Приказом общественного призрения и церковью помощью бедным занимались добровольные благотворительные общества, а также частные лица. Особы царской фамилии, вельможи, богатые купцы основывали на свои средства больницы, богадельни, сиротские приюты. Разумеется, не все из занимавшихся благотворительностью руководствовались бескорыстным желанием облегчить судьбу обездоленных. Некоторые стремились заслужить благосклонность царской семьи, местного начальства, приобрести известность, престиж, влияние. Но многие видели в этом свое призвание, нравственный долг.

Городские условия жизни не содействовали чистоте нравов. В московский Воспитательный дом ежедневно приносили по 20–40 незаконнорожденных детей[60]. Случалось, что матери избавлялись от них и другим путем: полиция не раз находила мертвых младенцев. Наличие в Москве большого числа солдат, пришедших на заработки крестьян, вообще одиноких или оторванных от семьи мужчин, а с другой стороны – таких же женщин и оставшихся без мужей молодых солдаток обуславливало возникновение беспорядочных связей. Многие из молодых кружевниц, белошвеек, цветочниц, прочих девушек, зарабатывавших на жизнь собственным трудом, поддавались соблазну и доверялись богатым покровителям, а обманутые и брошенные ими, падали все ниже[61]. Нередко делалась жертвой подневольного положения крепостная прислуга.

Узаконенной проституции до 40-х гг. не существовало, тайная преследовалась: занимавшихся ею «развратных женщин» ссылали в Сибирь. В 1800 г. их оказалось 139, около половины составляли солдатки. В 1844 г. в Москве под председательством гражданского губернатора был создан врачебно-полицейский комитет для освидетельствования профессиональных проституток. Колоритные сведения об их образе жизни содержал отчет губернатора И. В. Капниста. В 1846 г. в официальных списках числилось до 2 тыс. таких женщин[62].

Общепринятая мораль не признавала внебрачных связей. Церковь и общественное мнение сурово их осуждали. Нарушение запрета грозило женщине несмываемым позором. Женщины из средних и высших слоев если и решались на это, то тщательно скрывали свой проступок, бывало, что расплачивались за него жизнью.

Крепостническая действительность накладывала зримый отпечаток на отношения людей между собою – начальника с подчиненными, господ со слугами, родителей и учителей с детьми. Телесные наказания практиковались повсеместно – в армии, в учебных заведениях, не говоря уже о полицейских

[57] *Прыжов И.Г.* 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков // *Прыжов И.Г.* Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934. С.33–79, 82–87. См. также рассказ Н.С.Лескова «Маленькая ошибка» (Собр. соч. М., 1958. Т.7.).

[58] Московские губернские ведомости. 1847. Отд.2. Часть неофиц. К № 43, 25 октября. С.511–516.

[59] *Прыжов И.Г.* Нищенство // *Прыжов И.Г.* Очерки, статьи, письма. С.172.

[60] *Селиванов В.* Обзор московского Воспитательного дома, составленный полицеймейстером дома. М., 1866. С.12.

[61] *Вистенгоф П.Ф.* Указ. соч. С.141–152.

[62] *Кузнецов М.* Историко-статистический очерк проституции и развития сифилиса в Москве. СПб., 1871. С.84–86.

Здание Благородного собрания и церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду. Литография. Середина XIX в.

участках. Провинившихся солдат прогоняли сквозь строй, нередко забивая шпицрутенами насмерть. Жестокие наказания бытовали в кадетских корпусах, в духовных и уездных училищах, в гимназиях. Розга считалась самым надежным средством воспитания. О неизжитой грубости нравов, неуважении к человеческому достоинству свидетельствовал еще сохранявшийся в первой четверти XIX в. во многих богатых домах обычай – дразнить и доводить до драки «дураков» и «дур» (иначе говоря, шутов), заставлять их для потехи присутствующих совершать неприглядные поступки[63]. Жестокостью отличались популярные развлечения – кулачные бои, медвежья травля (за Рогожской заставой), петушиные бои, травля охотничьими собаками заранее пойманных зайцев.

Но с успехами просвещения в общество все больше внедрялась гуманность.

5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОБРАНИЯ. КЛУБЫ

Сборным местом для дворянства – не только московского, но и провинциального – служило Благородное собрание. Его дом на углу Охотного ряда и Большой Дмитровки, приобретенный у бывшего генерал-губернатора князя В. М. Долгорукого, был заново отстроен М. Ф. Казаковым. Там происходили заседания московского губернского дворянского собрания. Российские самодержцы, приезжая в Москву, встречались там с московскими дворянами. Здесь же давались знаменитые балы, на которые съезжались помещики из разных губерний. Вот как живописал их князь П. А. Вяземский: «Пространная и великолепная зала в красивом здании, которая в то время служила одним из украшений Москвы и не имела себе подобной в России, созывала на балы по вторникам многолюдное собрание, тысяч до трех, пяти и более. Это был настоящий съезд России, начиная от вельможи до мелкопоместного дворянина из какого-нибудь уезда Уфимской губернии, от статс-дамы до скромной уездной невесты, которую родители привозили в это собрание с тем, чтобы на людей посмотреть, а особенно себя показать и, вследствие того, выйти замуж... Мы все, молодые люди тогдашнего поколения, торжествовали в этом доме вступление свое в возраст светлого совершеннолетия. Тут учились мы любезничать с дамами, влюбляться, пользоваться правами и вместе с тем покоряться обязанностям общежития». На балы, спектакли, маскарады члены Благородного собрания (исключительно потомственные дво-

[63] *Свербеев Д.Н.* Записки (1799–1826). Т. 1. М., 1898. С. 129.

ряне) имели право приглашать приятелей и знакомых по особым «визитерским» билетам. Устраивались там и концерты. Обстановка их была своеобразна: «Тут играет музыка, а члены и визитеры сидят, ходят, разговаривают, а большая часть играют в карты»[64],– рассказывал очевидец. Еще в 50-х гг., как сообщалось в одной из московских газет, «все удовольствия Москвы... по-прежнему сосредоточиваются только в театре и в Российском Благородном собрании. На долю его выпало соединение лучшей публики столицы для блистательных балов, одушевленных маскарадов, гармонических концертов, благотворительных базаров»[65].

Для повседневного времяпровождения предназначались клубы. Их было несколько: Английский, Дворянский, Купеческий и Немецкий[66]. Каждый из них имел свой устав и своих постоянных членов. Кроме того, на определенных условиях допускались посетители и гости. В клубе можно было пообедать, поужинать, поиграть в карты, бильярд, лото, побеседовать со знакомыми, прочесть журнал или газету. За порядком и соблюдением правил клуба наблюдали выборные старшины. По словам современника, клубы доставляли «кроме приятного препровождения времени, удивительные удобства жизни. Если вы одинокий человек, то круглую неделю за самую дешевую плату вы имеете отличный обед в одном из клубов, а вечером всегда найдете убежище, где можете начитаться, сколько вам угодно, потолковать с приятелем и деловым человеком, наслушаться новостей и, наконец, если хотите, испытать свою судьбу в преферанс или палках. Здесь вы у себя дома, никому не кланяетесь, никем не тяготитесь...». Имелись люди, записанные членами нескольких или даже всех городских клубов.

Самым давним в Москве и наиболее почитаемым считался Английский клуб. Основали его в XVIII в. жившие в Москве англичане. Но вскоре он превратился в место собрания московской знати и вообще избранной публики. При возобновлении клуба в 1802 г. в нем числилось 400 членов, к концу года – 600. Это число устав признал максимальным, больше принимать не разрешалось. Но каждый член имел право время от времени приводить с собой гостей, всецело отвечая за их поведение. Принимали в Английский клуб путем баллотировки с большим отбором. Чтобы попасть в него, иным приходилось ждать 10–15 лет. Некоторые домогались принятия в клуб «с таким же нетерпением, как другой ордена или чина». Отвергнутый при баллотировке претендент не имел права баллотироваться вторично – путь туда ему навсегда был закрыт. В клуб принимали только мужчин. Преобладали люди в чинах и в летах. Но посещали его и более молодые. К числу завсегдатаев Английского клуба принадлежал П. Я. Чаадаев. По свидетельству издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, «Чаадаев в клубе не играл в карты, а постоянно был центром кружка людей, обсуждавших тогдашние дела. То было время, когда и государь Николай Павлович иной раз справлялся, что говорят о той и другой правительственной мере в московском Английском клубе»[67]. Бывал там и А. С. Пушкин. В частных письмах он не очень-то жаловал этот клуб. Но ему же принадлежат строки, отразившие некоторое политическое значение этого своеобразного учреждения: «В палате Английского клоба – /Народных заседаний проба – / Онегин, в думу погружен...». Поселившись в Москве, пожелал вступить туда генерал А. П. Ермолов; за особые заслуги перед отечеством его приняли без баллотировки.

Клуб отличался респектабельностью. Азартные игры здесь исключались. Отступления от приличий (задержка в уплате карточного долга, клевета, грубость в обращении) карались исключением из членов и даже посетителей клуба. Клуб имел свою библиотеку, получал газеты и журналы. Русских журналов в 1803 г. там выписывали на 89, иностранных – на 709 руб. Среди отечественных изданий, получаемых клубом,– «Политический журнал», «Сенатские объявления», С.-Петербургские и Московские ведомости, «Коммерческие ведомости», «Новости русской литературы», «Журнал для воспитания» и др. Со временем соотношение русской и иностранной периодики изменилось: по свидетельству М. Н. Загоскина, в начале 40-х гг. Английский клуб выписывал 23 журнала и 20 газет русских, 15 французских, 4 немецких и одно английское «Revue». В 1824 г. С. Глинка писал об Английском клубе: «Тут нет ни балов, ни маскарадов... Пожилые люди съезжаются для собеседования; тут читают газеты и журналы. Другие играют в коммерческие игры. Во всем соблюдается строгая благопристойность»[68]. Впрочем, в особых случаях устраивались торжественные собрания с приглашением певцов и музыкантов (в честь генерала П. И. Багратиона в 1806 г., артиста В. А. Каратыгина в 1835 г., генерал-губернатора Д. В. Голицына в 1836 г.). Время от времени затевались благотворительные мероприятия. Так, в 1818 г. по предложению министра князя А. Н. Голицына клуб пожертвовал 4000 руб. на учреждавшийся в Москве Попечительный комитет о бедных.

Английский клуб славился обедами и ужинами, своим комфортом. Располагался он в центре Москвы (на Страстном бульваре, после пожара 1812 г.– на Страстной площади, а с 1831 г. вплоть до

[64] Русская старина. 1891. № 4. С.5–6.

[65] Российское благородное собрание в Москве // Ведомости московской городской полиции. 1853. № 16. 21 января. С.69. (Подп.: А.А-въ).

[66] При Павле I клубы были запрещены (как напоминание о революционной Франции). Некоторые из них продолжали действовать под названием Академий. Современник И.А.Второв называет две такие «Академии»: музыкальную (для дворянства) и танцевальную (для купечества и иностранцев).

[67] Русский архив. 1889. № 5. С.85.

[68] Путеводитель в Москве. Изданный С.Глинкою сообразно франц. подлиннику г.Лекоента де Лаво, с некот. пересочиненными и доп. статьями. М., 1824. С.345.

закрытия в 1917 г.– на Тверской улице, в знаменитом доме со львами, где в советское время разместился Музей революции).

Несколько позже Английского открылся в 1786 г. Купеческий клуб. Запрещенный, как и первый, Павлом I, он был возобновлен в начале 1804 г. под наименованием Купеческого собрания. В 1812 г. вновь наступил вынужденный перерыв, так как здание клуба сгорело во время пожара. Но уже через два года оно было отстроено. Купеческое собрание было не столь многолюдным и не столь дорогостоящим, как Английский клуб. По уставу 1803 г. предполагалось не более 200 членов, хотя в будущем допускалось увеличение этой цифры. В клуб принимались не только купцы, но и люди других званий: дворяне – владельцы заводов и фабрик, художники, ученые. По новому уставу 1814 г. членами его могли быть купцы, ученые, профессора, врачи, аптекари, художники I класса. Почетными членами признавались высшие лица местной администрации. В числе непременных условий значилось соблюдение посетителями благопристойности. Беседы на политические и философско-богословские темы исключались. Устав 1803 г. специально оговаривал: «В рассуждении же религии и о правлении никаких разговоров, а особливо споров не иметь». О благоприличном поведении говорилось и в позднейшем уставе. Членам Купеческого собрания деликатно напоминали о невозможности отступления «от законов вежливости, отличающих образованных людей от черни». Их призывали к скромности (точнее было бы сказать – к сдержанности) как одной из важных гражданских добродетелей. На этом основании запрещалось предаваться рассуждениям, «гражданскими законами непозволенным». Нарушители правил выдворялись из собрания. Купеческое собрание помещалось на Ильинке, а с конца 30-х гг.– на Большой Дмитровке. В летние вечера в его прекрасном саду играла музыка.

С 1819 г. действовал также Немецкий или Бюргер-клуб, преимущественно для иностранцев – ремесленников, учителей, актеров, актрис. Клуб славился своими маскарадами. Под Новый год и в завершение масленицы на них съезжалось до девяти тысяч человек. Чтобы все могли разместиться, к помещениям Немецкого клуба присоединяли залы находившегося рядом Благородного собрания. Летом Немецкий клуб перемещался на дачу, где давались балы, выступали цыгане, заезжие гастролеры и фокусники.

На рубеже 30–40-х гг., наряду с Английским клубом и Благородным собранием, возник еще Дворянский клуб. Допускались туда не только дворяне, но и почетные граждане, купцы, художники, артисты императорских театров, «лица всех сословий, имеющие ученые степени и звания», иностранцы (за исключением мещан и цеховых). Клуб имел целью доставлять своим членам (ими могли быть только мужчины) «полезное и приятное препровождение времени, по возможности хороший и дешевый стол», а также устраивать балы, концерты, семейные, музыкальные и литературные вечера, маскарады, куда приглашались и дамы.

Помимо сословных клубов с формальным членством имелись другие места, где сходился более или менее постоянный круг посетителей. Так, традиционным местом встреч московской интеллигенции, кроме семейных домов, стала в 30-х гг. кофейня вблизи Малого театра. В отличие от клубов с их обедами, лото и картами сюда приходили люди, объединенные общими литературными и умственными интересами, а также любовью к искусству. Любопытные воспоминания о «литературной кофейне» оставил А. Д. Галахов. В первой половине дня там собиралась одна компания, вечером – другая. Обычными посетителями были преподаватели, артисты, литераторы. Чуть ли не ежедневно кофейню посещал М. С. Щепкин. Бывали артист и автор водевилей Д. Т. Ленский, беллетрист А. А. Орлов, драматические артисты П. М. Садовский и И. В. Самарин, комик В. И. Живокини, оперный певец А. О. Бантышев. Наведывались К. Ф. Рулье и другие профессора, М. А. Бакунин, врач и переводчик Н. Х. Кетчер, журналист В. С. Межевич, газетчик П. И. Артемьев, реже – В. Г. Белинский, М. Н. Катков, А. И. Герцен. «Беседы и суждения, всегда более или менее горячие, переходившие в нескончаемый спор, становились еще более оживленными или, пожалуй, шумными при выходе новой книжки ежемесячного журнала, при каком-либо газетном фельетоне (субботнем в «Северной пчеле») или по поводу новой пьесы»,– писал Галахов. Особые споры вызывали журналы: «Одни предпочитали «Библиотеку для чтения» за брамбеусовское[69] остроумие и за выбор статей, преимущественно относившихся к положительным знаниям; другие, напротив, отдавали преимущество «Отечественным запискам» и «Московскому наблюдателю» как изданиям более серьезным, имевшим благонамеренную цель. Единственная в то время частная газета «Северная пчела», отталкивавшая от себя известный круг читателей фельетонами Булгарина, другому кругу именно за эти фельетоны и нравилась по доступности их содержания, по легкости и понятности изложения, по остротам и шуточкам, по плавности и гладкости языка. Напротив, язык ученых статей вызывал насмешки своими новыми терминами. Особен-

[69] Барон Брамбеус – псевдоним издателя журнала – писателя и ученого-востоковеда, профессора С.-Петербургского университета О.И.Сенковского.

Катание с ледяных гор на Масленой неделе. Раскрашенная гравюра по рисунку Ж. Делабарта. 1790-е гг.

но над философской статьей Б[акуни]-на в «Московском наблюдателе», т.е. над ее внешней стороной, а не над смыслом, Ленский изощрял свое остроумие»[70].

6. ПРАЗДНИКИ, ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДНИ, ГУЛЯНЬЯ

Первым по времени праздником была встреча Нового года. В этот день наступало общее оживление. Вот зарисовка тех лет: «Езда, ходьба по всем улицам, по всем переулкам; ручки у звонков в безостановочном сотрясении; двери в сенях и передних беспрестанно то отворяются, то затворяются; треугольных шляп и шитых воротников на иной улице более, нежели в магазине Живаго. Это все поздравляют друг друга с Новым годом, с новым счастьем!»[71] Лакеи целыми днями развозили визитные карточки своего барина по домам его знакомых.

Главные праздники определялись церковным календарем. «Нигде церковные праздники не сопровождаются такою пышностию и великолепием, как в Москве»,– утверждал современник. Богоявление (Крещение) знаменовалось торжественным водосвятием на Москве-реке, с участием митрополита или его викария и других высших духовных лиц. «Набережные с обеих сторон кипели народом, а на самой реке такая была толпа, что лед трещал...– записал в дневнике 7 января 1806 г. студент С. П. Жихарев, побывавший накануне на «иордане».– При погружении креста в воду и громком пении архиерейских певчих и всего клира «Во Иордане крещающуся тебе, Господи» палили из пушек и трезвонили во все кремлевские колокола...».

Весело отмечалась масленица – последняя неделя перед Великим постом. «У нас для каждого класса свои увеселения,– говорилось по этому поводу в «Московском городском листке».– Чем потешается высший круг общества, то недоступно простолюдину, а что забавляет простой народ, то представляется грубым для человека образованного. Общего о нашей масленице можно сказать только то, что все едят блины». Избранное общество в эти дни устремлялось на Москворецкую набережную, где происходили катанья принарядившихся москвичей в экипажах и верхом. Театры переполнялись: в течение масленицы «каждый день было по четыре представления и каждый день все места от пола до потолка были заняты... Утром и вечером Театральная площадь плотно была уставлена и красивыми купеческими каретами и престарелыми рыдванами и даже рогожными возками провинциальных помещиков»[72].

Одним из любимых развлечений всех слоев общества были ледяные горы на Москве-реке. По ледяной дорожке съезжали на креслах, поставленных на полозья, на санях или просто на ногах. Однако в оттепель лед гнулся под тяжестью тысячных толп народа, и развлечение это перевели в безопасное место –

[70] *Галахов А.Д.* Литературная кофейня в Москве в 1830–1840 годах // Русская старина. 1886. № 6. С.183–185.

[71] Московский городской листок. 1847. 7 января.

[72] Московский городской листок. 1847. 6 февраля.

Санные гонки в Петровском парке. Неизвестный художник. 1840-е гг.

под Новинское[73]. Там и на Лубянской площади устраивались массовые гулянья. Народ осаждал балаганы. Сколоченные из лубка или обтянутые парусиной, они украшались огромными вывесками, изображавшими необыкновенных силачей и акробатов в самых причудливых позах, экзотических животных и вообще виды, способные поразить воображение неискушенных людей. В балаганах давались представления марионеток с неизменным Полишинелем, выступали жонглеры, фокусники. Приезжие иностранцы демонстрировали панорамы, представлявшие разрушение Иерусалима или сражение на Кавказе, виды Парижа, Лондона, Италии...

Традиционные качели, карусели с деревянными лошадками в 40-е гг. стали вытесняться новым развлечением – миниатюрной железной дорогой, по которой можно было прокатиться в вагончике: «и коньки, и горы, и качели – все помрачила страсть к железным дорогам! Шаг к просвещению! Под Новинским три, на Лубянке два самоката не успевали сажать и высаживать путешествующих»[74].

С наступлением Великого поста менялся весь образ жизни города. Балы в Благородном собрании заменялись концертами. На первой и Страстной неделях не устраивались и концерты. Прекращались все развлечения. Люди настраивались на иной лад. Пост соблюдался строго: начисто исключались из рациона мясо, молоко, яйца, животные жиры. На Москворецкой набережной шла бойкая торговля грибами, редькой, луком, клюквой, сушеными ягодами[75]. Длился Великий пост семь недель – до самой Пасхи.

Первое весеннее гулянье начиналось в канун Страстной недели – в Вербное воскресенье: согласно священной истории праздновался «Вход Господень в Иерусалим». Гулянье происходило в центральной части города, прилегающей к Кремлю. По словам П. Ф. Вистенгофа, «при благоприятной погоде бывает большое стечение народа, и в то время, когда тянутся бесконечные цепи новых, прекрасных экипажей, тротуары и средины улиц наполнены толпами народа; простолюдины перемешаны с дворянством и купцами, проходят в Кремль и на Красную площадь, где обыкновенно бывает центр гулянья. Тут цепи карет тянутся в шесть рядов... Гулянье продолжается до сумерек».

Во время Страстной недели город замирал. Слышался только унылый звон колоколов. Но уже в субботу начиналось оживление – жители принимались готовиться к Пасхе. В Охотном ряду продавали куличи, крашеные яйца.

В пасхальные праздники устраивалось многолюдное и шумное праздничное гулянье под Новинским. Воздвигался временный городок из пестрых палаток, шатров, павильонов. Громкие звуки труб и барабанов сзывали сюда прохожих, зазывалы в одежде паяцев приглашали почтенную публику полюбоваться невиданным зрелищем. Гремели оркестры, пел цыганский хор[76]. В гулянье участвовали все возрасты и слои населения – впрочем, не смешиваясь между собой.

[73] Название произошло от монастыря, некогда там находившегося. До 20-х гг. место называлось Новинским валом. Когда вал срыли, образовалась площадь, позднее – Новинский бульвар.

[74] Московский городской листок. 1847. 6 февраля.

[75] Московский журнал. 1991. № 1. С.79.

[76] Гулянье под Новинским // Вестник Европы. 1824. № 17. Сентябрь. С.61–64.

Гулянье под Новинским. Раскрашенная гравюра по рисунку Ж. Делабарта. 1790-е гг.

Для прогулки в каретах и других экипажах отводилось особое место. «...Для пешеходов, которые почище, есть особая дорожка, усыпанная песком. Тут чинно прогуливаются безэкипажные купцы московские, мелкие чиновники, неразжившиеся красавицы и всякие синие кафтаны и чуйки. Сердитый будочник строго гонит оттуда всякий нагольный полушубок, а мимо галереи и пройти не позволяет»[77]. Дорожка ограждалась перилами. Множество народа толпилось вокруг балаганов, где можно было увидеть театральное представление, поглазеть на паяцев, фокусников, акробатов, увидеть даже львов и тигров. Большим успехом пользовались качели, карусели, «русские горы». В начале 40-х гг. здесь устроили миниатюрную железную дорогу. Желающие могли прокатиться в вагончике, который тащил за собой паровоз «Меркурий». Любопытные устремлялись к райку – ящику с двумя отверстиями, где через увеличительные стекла можно было посмотреть разные картинки – виды русских и иноземных городов, сражений и т.д. Раешник (нередко – отставной солдат) сопровождал показ незамысловатыми пояснениями-прибаутками. Гулянье под Новинским воспели Е. А. Баратынский в поэме «Цыганка», М. А. Дмитриев в стихотворении «Новинское». Гулянья устраивались также возле Новодевичьего монастыря и в других местах.

Кроме церковных праздников торжественно отмечались так называемые «царские дни» – коронация императора, тезоименитства членов царской фамилии, рождение наследника престола или великих князей.

В Фомин понедельник, открывавший третью неделю после Пасхи, устраивалась своеобразная «ярмарка-гулянье». К этому дню купцы приурочивали распродажу по дешевым ценам остатков и залежавшихся, вышедших из моды товаров. Распродажа пользовалась необычайной популярностью и привлекала множество людей, особенно женщин – независимо от их общественного положения. В Гостином дворе в этот день не обходилось без давки и столпотворения. Здесь можно было встретить и барыню, и горничную, и попадью, и кухарку, все они с ажиотажем раскупали остатки тканей, кусочки лент, перчатки, платки и проч.

Широко и шумно отмечался приход весны. Первое загородное гулянье приурочивалось к 1 мая и происходило в Сокольниках. Готовиться к нему начинали за несколько дней: разбивали шатры и палатки, договаривались о скачках. Под столетними деревьями расстилали ковры. Приезжали с провизией, с самоварами. Вот как передавал свои впечатления от праздника впервые побывавший на нем в 1805 г. С. Жихарев: «Сколько народу, сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, песен, плясок и проч.; сколько богатых турецких и китайских палаток с накрытыми столами для роскошной трапезы и великолепными оркестрами и простых хворостяных, чуть прикрытых сверху тряпками шалашей с единственными украшениями – дымящим-

[77] Московский городской листок. 1847. 6 февраля.

Гулянье в Марьиной роще. Неизвестный художник. 1840-е гг.

ся самоваром и простым пастушьим рожком для аккомпанемента поющих и пляшущих поклонников Вакха, сколько щегольских модных карет и древних, прапрадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасных лошадей и претощих кляч, прелестнейших кавалькад и прежалких Дон-Кихотов на прежалчайших Россинантах! Нет, признаюсь, я и не воображал видеть такое многочисленное, разнообразное и живописное гулянье, на какое, наконец, попал я вчера в Сокольники!» Заметным эпизодом гулянья было в те годы появление на нем графа А. Г. Орлова с блестящей свитой на великолепных лошадях в сопровождении многочисленных берейторов и конюших, а также карет, колясок, других экипажей, запряженных четверней или цугом одномастных лошадей. В тот же день устраивались скачки на всевозможные призы, пение и пляски цыган, кулачные бои. Перед вступлением в бой, повествует Жихарев, «соперники предварительно обнимались и троекратно целовались». Галереи были наполнены знатью и другими зрителями.

Затем следовал так называемый «Семик» («зеленый четверг»). Праздновался он на седьмой неделе после Пасхи (за три дня до Троицы). В этот день устраивалось многолюдное гулянье в Марьиной роще (Марьиных рощах). Место это принадлежало графу Шереметеву. Две березовые рощи примыкали вплотную к старому, давно заброшенному немецкому кладбищу. Приезжали сюда целыми семьями. Гуляющие нередко располагались прямо возле вросших в землю могильных плит. Охотно посещавшие это гулянье купцы и ремесленники со своими семьями держались в стороне от посетителей двух трактиров невысокого разряда, внутри и вокруг которых группировались подвыпившие гуляки. Публика на гулянье в Марьиной роще была разнородна. Там же водили хоровод молодые крестьяне. Многочисленные зрители толпились вокруг балагана с движущимися куклами и других аттракционов.

Но вот наступала Троица. Совершались торжественные праздничные богослужения. Все украшалось березовыми ветками.

Летом московское население убывало: помещики с дворовыми разъезжались по имениям, кое-кто – за границу, приезжие студенты, гимназисты, пансионеры – домой, оброчные крестьяне – на деревенскую страду. Но многие москвичи не покидали город и в это время. Некоторые проводили лето на дачах в Сокольниках, в Петровском парке, других близлежащих местах.

И в летние месяцы Москва была богата местами отдыха и всевозможных увеселений. Избранное общество собиралось на бульварах, на Пресненских прудах, в Кремлевском саду.

Старейшим и любимейшим из бульваров был Тверской. Тысячи москвичей приезжали туда ежедневно. По обеим сторонам посыпанной песком аллеи были посажены деревья. «Тут можно видеться с знакомыми, ходить, сидеть на расставленных по всему проспекту софах, а в галерее, построенной на бульваре, пить чай, лимонад и оршад, лакомиться конфетами и мороженым»[78],– вспоминал симбирский дворянин, побывавший в Москве в 1801 г. Позднее в столице появились и другие бульвары.

Модным гуляньем стали Пресненские пруды с разбитыми по их берегам садами, цветочными и фруктовыми оранжереями. В определенные дни недели там устраивались катанья на шлюпках, играла музыка.

Для посещения был открыт великолепный сад графа А. К. Разумовского, расположенный по обоим берегам реки Яузы. Значительная его часть оставалась в первозданном виде. На остальной территории были вырыты пруды (где в изобилии водилась рыба), возведены оранжереи. В саду устраивались гулянья и фейерверки.

В начале XIX в. особой известностью пользовалось Нескучное – имение графа А. Г. Орлова. Спускавшийся к Москве-реке парк, раскинувшийся по холмам и оврагам, привлекал живописным расположением. Повсюду виднелись затейливые павильоны, беседки, мостики, памятные знаки былой воинской славы графа. В крытой галерее помещался «воздушный» (летний) театр, естественными декорациями которому служили росшие вокруг кусты и деревья. В нем разыгрывались аллегорические сцены на военные темы. Орлов по воскресеньям устроил в Нескучном гулянья для москвичей. Затевались костюмированные верховые процессии («карусели»), состязания в конных бегах и скачках, в которых участвовал сам владелец имения. Выступали цыгане. Устраивались кулачные бои и другие развлечения в народном духе. Посетители (знакомые и незнакомые) приглашались к столу в барском доме, но непременно в мундирах. Так продолжалось до смерти графа в 1808 г. Когда же имение перешло к его дочери, набожной графине А. А. Орловой, все это прекратилось. Николай I купил у нее дворец для своей жены – императрицы Александры Федоровны. После перестроек названный Александринским дворец и парк приобрели иной вид, более парадный и официальный. Гулянья москвичей возобновились (за исключением тех дней, когда там жила царская семья). Особенно многолюдно бывало в Троицын день. Но публика была уже не та, что раньше, ее состав заметно демократизировался, дво-

[78] *Второв И.А.* Указ. соч. С.15.

рянско-аристократическое общество покинуло Нескучное.

Богатые возможности для загородных прогулок давали и другие живописные окрестности Москвы – Архангельское, Кусково, Останкино, Коломенское, Кунцево, Царицыно, Братцево, Марфино... Все они были открыты для посетителей. Пышные приемы и праздники устраивали в Архангельском князь Н. Б. Юсупов, в Ольгове – С. С. Апраксин, в Петровском-Разумовском – князь Ю. В. Долгоруков, в заново отстроенных в 20-е гг. Кузьминках (Влахернском) – князь С. М. Голицын. 2 июля, в день местного храмового праздника Влахернской Божией Матери, в Кузьминки направлялись тысячи экипажей и толпы пешеходов. По многочисленности присутствующих этот праздник сравнивали с первомайским в Сокольниках и Семиком в Марьиной роще[79].

С середины 30-х гг. любимым загородным местом московской аристократии стал Петровский парк, примыкавший к Петровскому дворцу, выстроенному для Екатерины II по проекту архитектора М. Ф. Казакова. Это был великолепный парк, с сосновыми рощами, обилием зелени, цветов, кустарников, с небольшим прудом. В воскресные и праздничные дни туда тянулись вереницы карет. Публика побогаче устремлялась в обширное здание «воксала». В его большом зале и крытых галереях устраивались танцы, концерты цыган. С балкона хорошо смотрелся фейерверк. Имелся и летний театр. Рядом с парком выросло множество изящных дачных домиков.

Публика попроще – купцы, ремесленники, швеи, портнихи, мелкие чиновники – развлекались в городских садах под заманчивыми названиями, копирующими западноевропейские,– «Тиволи», «Пратер», «Элизиум». Гуляющих приглашали в цирк, на «гишпанскую пантомиму», китайские танцы, индийские игры, «путешествие доктора Фауста в ад» и прочие аттракционы. Немецкий клуб устраивал летом на даче балы, театральные представления, выступления заезжих фокусников. Непременной принадлежностью наиболее популярных мест отдыха был цыганский хор. Облик разных цыганских ансамблей, их программа, манера исполнения, даже одежда были неодинаковы и рассчитаны на определенную публику. «Цыгане Марьиной рощи не похожи на цыган Петровского вокзала»,– заметил наблюдательный М. Н. Загоскин. В Петровском вокзале цыганки выступали не в национальном костюме, а в белых платьях.

В августе отмечали Преображение Господне, затем Успение Пресвятой Богородицы. В самом конце года пышно праздновали Рождество Христово. Вслед за этим наступали Святки. Невозможно перечислить все церковные праздники. Торжественно отмечались дни, связанные с особо почитаемыми иконами Богоматери – Владимирской, Иверской, Всех скорбящих радости (в церкви Преображения на Б. Ордынке), Донской (в Донском монастыре), многих других. Кроме общих торжественных дней православной церкви отмечались храмовые праздники. Большинство гуляний, по замечанию «Путеводителя» 1824 г. С. Глинки, происходило вблизи монастырей и церквей.

Рост города, проникновение в него буржуазных отношений, развитие фабричной промышленности, воздействие Запада – все это понемногу, но неуклонно подтачивало патриархальный быт. Старая Москва доживала последние дни. Но до конца крепостной эпохи она, как и ее жители, еще сохраняла свой «особый отпечаток».

[79] *Захаров М.П.* Путеводитель по окрестностям Москвы. М., 1867. С.267–268.

VII

В МИРЕ НАУК И ПРОСВЕЩЕНИЯ

В первой половине XIX в. Москва была крупнейшим научно-образовательным центром России. За полвека в этой важнейшей для судеб страны сфере произошел большой сдвиг. Распространялась грамотность. Выросло число образованных людей. Повысился уровень преподавания. Появились новые типы учебных заведений. Окрепла наука. Развивалось книгоиздательское дело. Расширился круг читателей. Усилилось просветительное значение журналистики.

Во всех этих процессах видная роль принадлежала Москве. Ощутимый толчок им был дан реформами первых лет царствования Александра I. «Предварительными правилами народного просвещения» 1803 г. создавалась стройная система общеобразовательных учебных заведений, состоявшая из приходских и уездных училищ, гимназий, университетов. Между ними устанавливалась прямая преемственность: после окончания приходского училища можно было перейти в уездное, оттуда – в гимназию, затем – в университет. Империя разделялась на учебные округа – каждый во главе с университетом. Высшее управление округом поручалось одному из членов Главного правления училищ – совещательного органа при министре народного просвещения. Живя в Петербурге, попечитель должен был заботиться о ходе дел в своем округе и хотя бы раз в два года ревизовать подведомственные учебные заведения.

Московский учебный округ включал десять губерний. Первым его попечителем стал Михаил Никитич Муравьев – человек незаурядный, сыгравший благотворную роль в судьбах отечественной культуры. Воспитанник Московского университета, поэт (один из зачинателей сентиментализма в России), горячий ревнитель просвещения, он всячески стремился содействовать распространению знаний. Наставник царских сыновей Александра и Константина Павловичей, Муравьев после воцарения первого из них получил звание сенатора и пост товарища министра народного просвещения. Вместе с тем он был назначен попечителем Московского учебного округа. Как второе лицо в министерстве Муравьев играл определяющую роль в деле реформирования общеобразовательной школы.

1. МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ[1]

Этот университет был старейшим и лучшим в России, а на пороге XIX в. единственным в империи. В начале столетия к нему прибавилось еще несколько. Но пока они только создавались, их старший собрат в Москве находился уже в силе. Сюда стекались жаждущие образования из разных концов России. Удаленность от царской резиденции пошла ему на пользу: в наиболее трудные для просвещения времена это помогало ему сохранить свои научно-просветительные традиции.

Университет являлся главным очагом умственной деятельности в древней столице и оказывал определяющее влияние на всю ее культурную жизнь.

В 1804 г. российские университеты получили новый устав – самый либеральный в их истории. Составлял его комитет, в котором главная роль принадлежала М. Н. Муравьеву[2]. Устав предоставлял университетам автономию (самоуправление). Более того, им поручалось руководство своим учебным округом, для чего создавался училищный совет из шести профессоров. В общий университетский совет входили все профессора и адъюнкты. Во главе университета становился выборный ректор.

По уставу 1804 г. университет состоял из четырех отделений (факультетов): нравственно-политического, физических и математических наук, врачебных наук, словесных наук. На первом из них преподавались богословие[3], церковная

[1] *Шевырев С.П.* История имп. Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855; История Московского университета. Т.1. М., 1955; Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979.

[2] *Петухов Е.* Михаил Никитич Муравьев. Очерк его жизни и деятельности // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 8. С.265–296.

[3] Фактически кафедра «богопознания и христианского учения» была создана в Московском университете только в 1819 г.

история, философия, правоведение, политическая экономия. На физико-математическом, кроме основных наук этого цикла, читались курсы технологии и коммерции. На врачебном изучалось также «скотолечение». На словесном – красноречие, стихотворство, греческие и латинские древности, восточные языки, история, статистика, география, теория изящных искусств, археология.

Чтобы поднять престиж науки и профессорского звания, в царских «Утвердительных грамотах» Московскому и другим университетам (1804) давались новые права и преимущества. В отношениях с другими учреждениями они приравнивались к Коллегиям. Университетские преподаватели и выпускники включались в чиновную иерархию на льготных условиях: ректору присваивался один из высших классов «Табели о рангах» – IV, ординарному профессору – VII класс, экстраординарному, адъюнкту и доктору наук – VIII (дававший потомственное дворянство), магистру – IX, кандидату – XII, студенту без ученой степени – XIV. Поскольку российские профессора того времени были, как правило, выходцами из недворянской среды, такие служебные преимущества возвышали их положение в обществе.

В первые годы XIX в. Московский университет имел всего около двадцати профессоров и преподавателей. К 1812 г. их число увеличилось почти вдвое, достигнув 39 человек (по уставу полагалось 28 профессоров и 12 адъюнктов). Более половины составляли россияне – процент, значительно более высокий, чем в остальных отечественных университетах тех лет, где преобладали ученые-иностранцы.

К концу первой четверти XIX в. число преподавателей превысило 50 человек. Среди них имелись люди выдающиеся.

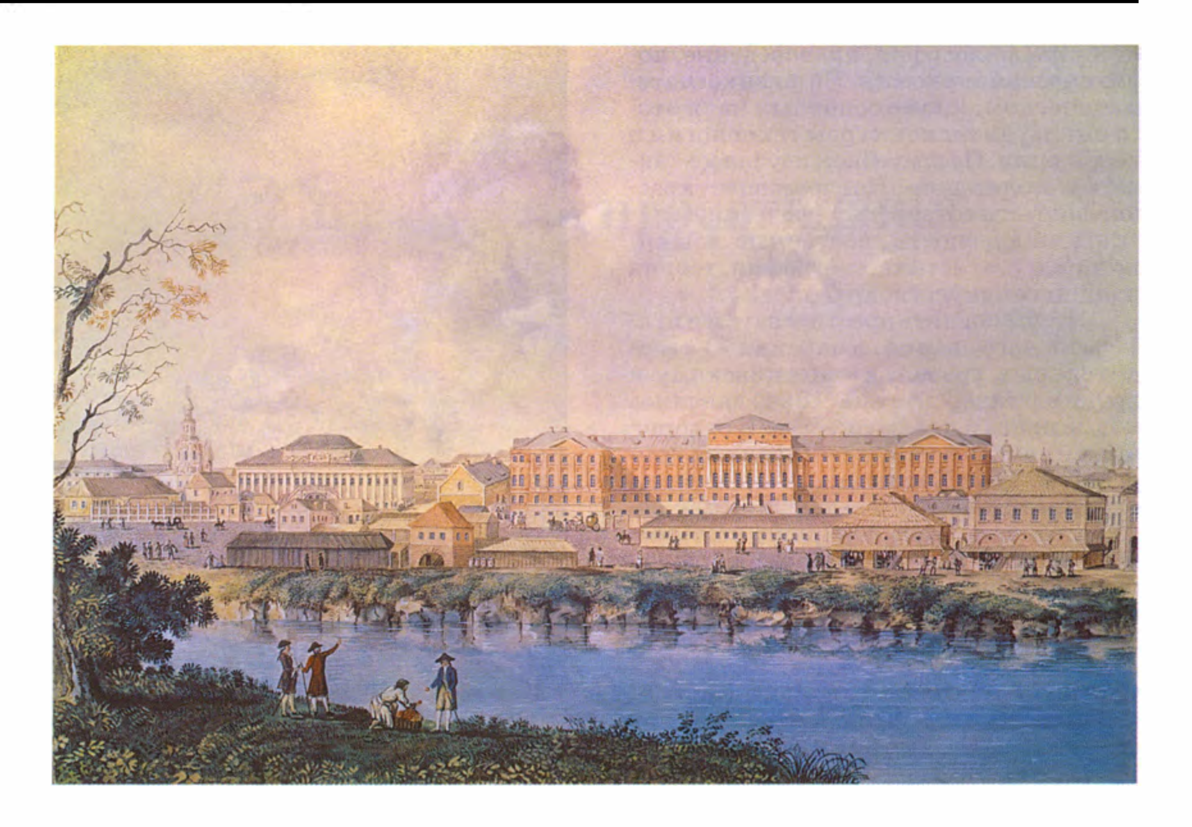
Примечательной личностью был разносторонне даровитый П. И. Страхов. В молодости он с успехом выступал в спектаклях университетского театра, трудился как переводчик для изданий Н. И. Новикова, живо интересовался русской стариной. Ценитель прекрасного, великолепный оратор, Страхов готовился в профессоры красноречия. Однако волею судьбы ему пришлось занять кафедру опытной физики. Страхов сумел так поставить преподавание этого предмета, считавшегося тогда непервостепенным, что привлек к нему внимание и в университете, и в окружавшем обществе. С неизменным успехом преподавая физику более двадцати лет, читая публичные лекции, он в то же время неустанно занимался исследованием неизученных природных явлений, вел метеорологические наблюдения, публикуя сводки в «Московских ведомостях». Пользуясь непререкаемым авторитетом

Попечитель Московского учебного округа М. Н. Муравьев

в профессорской среде, ученый трижды избирался ректором университета. В речи «О влиянии наук на общее и каждого человека благоденствие» (1788) он выступил с возражением на известное сочинение Руссо, посвященное той же теме и получившее премию Дижонской академии. Страхову принадлежат первоклассный для своего времени учебник физики и ряд переводов, научных и литературных. К сожалению, многие уже подготовленные им труды сгорели во время московского пожара 1812 г. Погибла и ценнейшая библиотека ученого.

Из медиков наибольшей славой пользовался М. Я. Мудров. Сын бедного вологодского священника, он отправился в Москву для поступления в университет с 25 копейками медных денег в кармане. Все его имущество составляла чашка с отбитой ручкой. Упорно занимаясь, Мудров сумел стать вровень с самыми просвещенными людьми своего времени. Сблизился он с семьей И. П. Тургенева, познакомился с известным просветителем Н. И. Новиковым, сенатором И. В. Лопухиным, другими выдающимися людьми. Отправленный университетом «для усовершенствования в науках» за границу, слушал лекции и набирался опыта в Берлине, Геттингене, Вене, Париже. В России Мудров проявил себя как выдающийся врач-новатор. Убежденный в несовершенстве господствовавших тогда в медицине теорий, он в своей деятельности отдавал предпочтение врачебному опыту. Человек редкой доброты, бескорыстия и самоотверженности, Мудров никому не отказывал в помощи и нередко сам снабжал бедных пациентов деньгами и лекарствами. Много сделал он для лечения ране-

Московский университет. Вид через р. Неглинную. Архитектор М. Казаков. 1782–1793 гг. Литография с акварели. Конец XVIII в.

ных во время Отечественной войны 1812 г. и уменьшения заболеваний в армии. Открывая как декан медицинский факультет в 1813 г., Мудров выступил перед коллегами со «Словом о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача». Был членом многих российских и зарубежных ученых обществ. В 1830–1831 гг. ему принадлежала решающая роль в преодолении жестокой эпидемии холеры. Самоотверженно борясь с ней в Москве, Поволжье, Петербурге, Мудров сам заразился и умер.

Студенты-словесники с увлечением слушали блестящие лекции-импровизации профессора российского красноречия и поэзии А. Ф. Мерзлякова, вступившего на кафедру в 1807 г. и занимавшего ее более двадцати лет. Мерзляков пользовался известностью как поэт, теоретик искусства, знаток древних языков, переводчик античных авторов. Разбирая оды Ломоносова или Державина, он непостижимым образом посвящал своих слушателей в тайны поэзии, помогал проникнуть в ее глубины. Мерзляков явился одним из зачинателей литературной критики в России. Проявивший себя во многом как новатор, он оставался на позициях классицизма и после того, как на смену этому течению пришли новые литературные направления. До конца своих дней ратовал он против романтизма, не признавал новейшей поэзии, обходил ее в своих лекциях. Лишь после выхода из печати «Шильонского узника» Байрона в переводе В. А. Жуковского Мерзляков отступил от своего правила, посвятив лекцию критическому разбору этого произведения. Но молодое поколение, по словам М. П. Погодина, с почтением выслушав любимого профессора и кое в чем с ним согласившись, «все-таки было в восторге от Байроновой поэмы и даже начало, украдкой от Мерзлякова, восхищаться «Русланом и Людмилой» Пушкина...»[4]

Профессор Л. А. Цветаев принадлежал к старшему поколению российских правоведов. В молодости он провел несколько лет во Франции и Германии, получив в Геттингенском университете ученую степень доктора философии и став членом Парижской академии законодательства. В Московском университете Цветаев профессорствовал тридцать лет – с 1805 г. до конца жизни в 1835 г. Он читал лекции по теории законов, естественному праву, римскому праву, другим предметам юридической науки. Последователь энциклопедистов, Цветаев явился на первых порах глашатаем просветительских идей[5]. Однако позднее он отошел от этих взглядов и к 30-м гг. укрепился на позициях охранительства.

Популярностью у студентов 1810 – начала 1830-х гг. пользовался профессор практического законоискусства Н. Н. Сандунов. Юрист-практик, не получивший систематического научного образования, он прекрасно знал законы и обладал несомненным педагогическим талантом. Занятия состояли отчасти в чтении и объяснении действующих законоположений, а главное – в инсценировках судебных заседаний, где студен-

[4] Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. Ч.2. М., 1855. С.236–237.

[5] *Цветаев Л.* Первые начала права естественного. М., 1816; др. соч.

Московский университет, перестроенный после пожара 1812 г. Д. Жилярди

ты с увлечением представляли в лицах членов суда и поверенных тяжущихся сторон. Несмотря на свою насмешливость и бесцеремонность в обращении, Сандунов пользовался уважением учащейся молодежи за остроту ума и независимый характер.

Из профессоров-иностранцев тех лет более других известны профессор греческой и римской словесности Ф. Х. Маттеи, философы Ф. Х. Рейнгардт и И. Ф. Буле, экономисты Х. А. Шлецер (сын историка) и И. А. Гейм (в течение многих лет ректор университета), естествоиспытатель Г. И. Фишер фон Вальдгейм. Лекции они читали по-латыни, а для желающих – по-немецки или по-французски.

Московский университет служил источником знаний для всего общества. В 1803 г. в нем открылись публичные курсы по натуральной истории (естествознанию), опытной физике, истории европейских народов, коммерции. В следующем учебном году к ним прибавились публичные курсы по истории философии и арифметике. Читались они на русском, немецком и французском языках. Н. М. Карамзин в своем «Вестнике Европы» (1803. № 24) отозвался с горячим одобрением о начинании московских ученых: «Счастливое избрание предметов для сих публичных лекций доказывается числом слушателей, которые в назначенные дни собираются в университетской зале. Любитель просвещения с душевным удовольствием видит там знатных московских дам, благородных молодых людей, духовных, купцов, студентов Заиконоспасской академии и людей всякого звания, которые в глубокой тишине и со вниманием устремляют глаза на профессорскую кафедру». С 1809 г. началось чтение лекций для чиновников: новшество вызывалось введением по инициативе М. М. Сперанского образовательного ценза для производства в чины, начиная с коллежского асессора и выше.

Разворачивалась исследовательская и издательская работа, составлялись и переводились учебные руководства.

Большое значение имело открытие при университете ученых обществ. Помимо чисто научных задач, их деятельность должна была сблизить университет с образованной частью населения. Весной 1804 г. начало действовать Общество истории и древностей российских, созданное для изучения древнерусских летописей как основы для будущих трудов по истории России. Общество заручилось разрешением получать из монастырей и архивов оригиналы рукописей для снятия с них копий. Года за два до Отечественной войны у его участников возникла мысль о выпуске периодического издания по истории России. За подготовку материалов горячо взялся К. Ф. Калайдович, в то время 18-летний студент. Первый сборник «Русских достопамятностей» был в основном подготовлен (его уже начали печатать), когда разразилась война. Калайдович ушел добровольцем в ополчение. Первая часть сборника вышла вскоре после окончания войны – в 1815 г., следующие две книжки – только в 40-х гг. В трудах об-

щества на раннем этапе его деятельности участвовали историк Н. М. Карамзин, археографы Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, собиратель древних рукописей граф А. И. Мусин-Пушкин.

Вслед за Обществом истории и древностей российских возникло Общество испытателей природы[6], а в начале 1805 г. – Общество соревнования врачебных и физических наук. Наконец, в 1811 г. открылось Общество любителей российской словесности, куда вошли наиболее известные писатели и поэты тех лет.

Важную культурно-просветительную роль выполняла еще со времен Н. И. Новикова университетская типография, где печатались не только сочинения университетских преподавателей, но и многие другие издания.

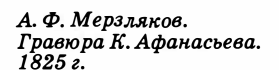
Деятельное участие принимали профессора и преподаватели в периодической печати. Университет издавал «Московские ведомости» – одну из первых русских газет. П. А. Сохацкий, а после него П. В. Победоносцев готовили разнообразные литературные приложения к ней – «Иппокрену», «Новости русской литературы», затем отдельно «Минерву». Еще в конце XVIII в. М. Г. Гаврилов начал выпускать «Политический журнал, с показанием ученых и других вещей» – по образцу одноименного гамбургского. После смерти издателя его сменил сын – А. М. Гаврилов. Журнал выходил сорок лет – до 1830 г., последние двадцать с лишним лет под названием «Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света». В 1804–1807 гг. И. Ф. Буле издавал «Московские ученые ведомости» (на французском языке и в русском переводе Н. Ф. Кошанского), Ф. Х. Рейнгардт и Я. И. де Санглен – историко-литературный журнал «Аврору». Теснейшим образом был связан с Московским университетом «Вестник Европы», многие годы редактируемый М. Т. Каченовским. Журналы московских профессоров знакомили читателей с зарубежными известиями, развивали литературный и эстетический вкус, поднимали культурный уровень общества, сообщали разные полезные сведения.

Несомненна заслуга Московского университета в развитии среднего образования в России. В 1804–1806 гг. стараниями его профессоров открылись гимназии в Москве, Твери, Смоленске, Владимире, Туле, Калуге, Вологде, Костроме, Рязани. Многие питомцы университета стали там учителями. Профессора наблюдали за ходом обучения в этих гимназиях, систематически их ревизуя.

Своими успехами в начале XIX в. Московский университет был во многом обязан М. Н. Муравьеву. Первый попечитель, энергичный и инициативный, горячо заботился об университетских нуждах. Настойчиво стремился он поднять Московский университет до уровня лучших западноевропейских. За несколько лет его управления округом удалось достичь многого. Создавалась обсерватория, пополнялось оборудование клинической больницы, химической лаборатории, физического кабинета. Попечитель приобретал и пересылал в университет книги, астрономические и физические приборы, оборудование и реактивы для химических опытов, медицинские инструменты. Предпринимались меры для привлечения в Московский университет крупных европейских ученых. С приглашением занять в нем кафедры Муравьев обращался к профессорам Геттингенского и других западных университетов. Многие откликнулись на это предложение и приехали в Москву, где обрели вторую родину (ботаники Г. И. Фишер, фон Вальдгейм и Г. Ф. Гофман, химик Ф. Ф. Рейсс, философ Ф. Х. Рейнгардт). Одновременно за границей, в прославленных университетах Германии и Франции, готовились к профессуре молодые русские ученые. Попечитель всячески их поддерживал – равно как и тех, кто оставался в России. Молодого Мерзлякова он пригласил к себе в Петербург, чтобы сблизить его с писателями и учеными северной столицы. Во время приездов в Москву Муравьев посещал университетские лекции, научные кабинеты, библиотеку, побуждал профессоров приняться за составление учебников для гимназий, за переводы иностранной научной литературы на русский язык.

В 1805 г. Московский университет отметил свой полувековой юбилей. В ак-

А. Ф. Мерзляков. Гравюра К. Афанасьева. 1825 г.

[6] *Варсанофьева В.А.* Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М., 1955.

товом зале состоялось торжественное собрание, где произносились речи, звучали стихи, прославлявшие науку, университет, его покровителей, меценатов. Возле здания университета на Моховой улице устроили иллюминацию в виде шести освещенных пирамид. Прозрачная картина работы живописца Тончи изображала основательницу университета императрицу Елизавету Петровну в виде Минервы, сверху красовался вензель императора Александра I.

В ближайшие годы заметно пополнились библиотека и научно-вспомогательные учреждения университета. Созданы были глазная больница, клинический и повивальный институты, небольшой госпиталь для бедных рожениц. Для университета был приобретен Аптекарский сад с лекарственными растениями, вскоре расширенный и превращенный в Ботанический. Открыли для посещений Музей натуральной истории. В виде пожертвований университет получил богатейшие коллекции. Среди них – минц-кабинет (коллекцию монет и медалей) П. Г. Демидова, кабинет натуральной истории и разных редкостей княгини Е. Р. Дашковой, богатые книжные собрания.

Плодотворная деятельность М. Н. Муравьева продолжалась, к сожалению, недолго: в 1807 г. его не стало. Опустевшее место попечителя Александр I предложил поэту и сенатору И. И. Дмитриеву, но тот отказался, считая себя недостаточно подготовленным к такой роли[7]. Пост занял московский вельможа граф А. К. Разумовский. По отзыву историка рода Разумовских, это был человек высокообразованный, но «надменный, неуживчивый, крутой с подчиненными»[8], сочетавший вольтерианскую закваску со склонностью к масонству. Недолгое время его управления округом не ознаменовалось в жизни университета ничем особенным, кроме приобретения нескольких ценных коллекций, включая пожертвованную им самим. В 1809 г. царь, посетив университет, был так очарован познаниями и светским лоском попечителя, что вскоре назначил его министром народного просвещения.

Попечителем Московского учебного округа стал бывший куратор университета П. И. Голенищев-Кутузов – посредственный поэт, обскурант и доносчик.

Вскоре для университета наступили тяжелые времена. Во время Отечественной войны 1812 г. его пришлось эвакуировать в Нижний Новгород. Произошло это буквально накануне вступления неприятельских войск в Москву и делалось в страшной спешке. Из университетского имущества удалось вывезти лишь небольшую часть. Остальные ценности перенесли в полуподвальный этаж главного корпуса, а вход замуровали. Но эти меры не помогли. Прекрасное здание, построенное по проекту архитектора М. Ф. Казакова, богатейшая библиотека, архив, музей, анатомический театр, ценнейшие коллекции, большое количество астрономических, физических, хирургических инструментов, химическая лаборатория – все было разграблено или сгорело во время пожара. Сохранились только больничный флигель, ректорский дом да некоторые типографские помещения на Страстной площади. Погибли ценнейшие личные библиотеки и собрания русских древностей профессоров Баузе, Страхова, Брянцева, Чеботарева.

Подлинный патриотизм проявили во время Отечественной войны студенты и профессора университета. Многие приняли в ней непосредственное участие. На снаряжение ополчения преподаватели и служащие университета собрали более восьми тысяч рублей. Медицинский факультет закрылся, т.к. его профессора и питомцы отправились в армию и ополчение: перевязывали раненых на поле боя, сопровождали их в тыл, работали в госпиталях. Профессор Х. И. Лодер принял руководство всеми военными госпиталями, занимался устройством лазаретов. Профессор И. Е. Грузинов стал главным врачом московского ополчения, оперировал раненых во время Бородинского сражения, впоследствии он погиб. Профессор Т. Реннер вступил в казачий полк. М. Я. Мудров лечил раненых в Нижнем Новгороде.

После войны пришлось все создавать заново. На месте прежних величественных зданий университета оказалось одно огромное пепелище. Несмотря на все потери и трудности, занятия в университете возобновились уже осенью 1813 г. во временно нанятом помещении, в неимоверной тесноте. Как только неприятельские войска оставили Москву, университет продолжил выпуск «Московских ведомостей»: соотечественники с нетерпением ждали известий о ходе боевых действий. Сообщения о победах русского оружия и успешном изгнании наполеоновской армии из России поднимали патриотический дух россиян.

В 1817 г. были, наконец, отпущены средства на восстановление университетских зданий. Строительство возглавил архитектор Д. И. Жилярди. Главный корпус на Моховой улице был готов уже в следующем году, а еще через год – и остальные здания. Восстановление шло при деятельной помощи других университетов, Академии наук, Медико-хирургической академии, многих частных лиц.

Поворот царского правительства после Отечественной войны к реакции сразу же отразился на состоянии просвещения. Усиление религиозно-мистических настроений в правящей верхушке при-

[7] *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С.137.

[8] *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т.2. СПб., 1880. С.45.

М. Г. Павлов. Художник В. Тропинин. 1840-е гг.

вело к созданию в 1817 г. объединенного Министерства духовных дел и народного просвещения во главе с обер-прокурором Синода князем А. Н. Голицыным. Все это тяжело сказалось на науке и университетах. Влияние в Главном правлении училищ приобрели мракобесы типа М. Л. Магницкого, Д. П. Рунича, А. С. Стурдзы, показавших себя настоящими гонителями университетской науки. В той или иной мере их давление ощутили на себе все русские университеты. Московский пострадал меньше других, но и он не остался в стороне.

Особым нападкам подверглись философия и естественное право – науки, испытавшие наибольшее воздействие просветительских идей XVIII в. С начала 20-х гг. кафедра философии в Московском университете фактически перестала существовать: после смерти профессора А. М. Брянцева министерство никого не утверждало на его место. Совет университета избрал И. И. Давыдова, преподававшего философию в Благородном пансионе. Но им был недоволен всемогущий тогда Магницкий, требовавший запретить учебник Давыдова «Начальные основания логики» как вредную книгу.

Вынужденный пробел в преподавании постарались восполнить другие профессора. Выдающуюся роль в философском образовании студентов сыграл профессор физики, минералогии и сельского хозяйства М. Г. Павлов, читавший лекции в университете с 1820 г. Современники высоко ценили этого ученого. В. К. Кюхельбекер, сотрудничавший с ним при издании альманаха «Мнемозина», считал его «чуть ли не самым умным, самым лучшим последователем Шеллинга из наших соотечественников»[9]. Редкий дар Павлова, его влияние на интеллектуальное развитие учащейся молодежи отмечали многие слушатели. Отдавал в своих лекциях дань философии и вступивший на кафедру словесности И. И. Давыдов. В начале 30-х гг. с идеями Шеллинга и Гегеля знакомил студентов профессор эстетики Н. И. Надеждин.

В конце царствования Александра I произошли перемены в центральном руководстве учебным делом. Мистика А. Н. Голицына сменил престарелый адмирал А. С. Шишков, упорный ревнитель старины. Было восстановлено в прежнем виде Министерство народного просвещения. Летом 1825 г. попечителем Московского учебного округа был назначен совершенно чуждый науке генерал-майор А. А. Писарев. Начальство ориентировало его не столько на попечение об университете, сколько на полицейский надзор за ним. Именно в таком духе была составлена для него инструкция, требовавшая следить за преподаванием, соблюдением студентами церковных правил, внушать им «преданность престолу и повиновение властям», очищать библиотеку от книг, «противных вере, правительству и нравственности»[10].

Восстание декабристов усилило недоверие самодержавной власти к образованным людям. По выражению историка С. М. Соловьева, «просвещение перестало быть заслугою, стало преступлением в глазах правительства»[11]. К Московскому университету новый царь Николай I относился с неприязнью. При нем всячески поощрялся утилитарный подход к образованию. Теоретизирование и «отвлеченные науки» вызывали подозрение. По-прежнему не ладилось с философией. И. И. Давыдову весной 1826 г. разрешили было прочитать пробную лекцию «О возможности философии как науки (по Шеллингу)». Но она не получила одобрения ревизовавшего университет флигель-адъютанта графа С. Г. Строганова. Не остался без внимания и поданный Николаю I в дни коронации донос на Московский университет жандармского полковника И. П. Бибикова, ставившего профессорам в

[9] *Кюхельбекер В.К.* Дневник. Л., 1929. С.96.

[10] Цит. по: История Московского университета. Т.1. М., 1955. С.101.

[11] *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С.311.

вину, что они «знакомят юношей с пагубной философией нынешнего века»[12]. Курс философии возобновить не удалось, это произошло лишь много лет спустя, в 1845 г., незадолго до новых запретов.

И все же университет крепнул. Профессорский состав пополнялся новыми силами. В середине 20-х гг. начал преподавать всеобщую, а затем и русскую историю молодой М. П. Погодин – в будущем известный ученый и журналист. Развернулась его «тридцатилетняя война» с представителем старшего поколения М. Т. Каченовским, главой «скептической школы» в российской историографии. Шел спор о происхождении Руси, о достоверности летописи Нестора, о подлинности «Русской правды» и других древних документов отечественной истории. Расхождение в мнениях историков занимало студентов, которые «ходили часто от одного профессора к другому... чтоб слышать обе стороны»[13]. Каждый из них имел своих сторонников среди молодежи. Но влияние Каченовского было сильнее. Хотя его скептицизм нередко переходил границы и сомнению подвергались вещи бесспорные, историк прививал слушателям благотворное для их умственного развития умение критически мыслить, помогал овладеть критическим методом в науке. «В наше время,– вспоминал будущий славянофил К. С. Аксаков,– любили и ценили и боялись притом, чуть ли не больше всех,– Каченовского. Молодость охотно верит, но и сомневается охотно, охотно любит новое, самобытное мнение,– и исторический скептицизм Каченовского нашел сильное сочувствие во всех нас»[14].

Недостаточно тактичный, М. П. Погодин не пользовался популярностью у студентов. Но, искренне преданный науке, он и в учащихся воспитывал любовь к отечественной истории, поощрял тех, кто серьезно ею занимался. Под его руководством студенты перевели на русский язык ряд сочинений зарубежных историков, которые тогда же были изданы.

Горячие симпатии студентов завоевал с момента вступления на кафедру в начале 30-х гг. профессор теории изящных искусств и археологии Н. И. Надеждин, незадолго перед тем блестяще защитивший диссертацию о классицизме и романтизме. «Надеждин принес с собою на кафедру всеобъемлемость Шеллингова воззрения на искусство и свободную живую импровизацию бесед, своим светлым умом и необыкновенным даром слова умел самым отвлеченным гегелевским понятиям сообщить осязаемость... – делился своими впечатлениями один из его слушателей.– Редким профессорским даром и приветливым, гуманным обращением Николай Иванович возбуждал в студентах необыкновенный энтузиазм; его обширная аудитория, кроме студентов словесного отделения, наполнялась студентами других факультетов и сторонними слушателями»[15]. Полон признания и восхищения отзыв о Надеждине писателя И. А. Гончарова: «Как профессор он был нам дорог своим вдохновенным, горячим словом, которым вводил нас в таинственную даль древнего мира, передавал дух, быт, искусство и историю Греции и Рима. Чего только не касался он в своих импровизированных лекциях! Он читал на

М. П. Погодин. Неизвестный художник. 1846 г.

Н. И. Надеждин. Литография. 40-е гг. XIX в.

[12] Цит. по: *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С.137.

[13] Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. Ч.2. С.239, 244.

[14] Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С.192.

[15] Там же. С.110–111.

память, не привозя никаких записок с собою. Память у него была изумительная. Он один заменял десять профессоров»[16].

На первых порах студенты были довольны лекциями С. П. Шевырева, преподававшего с середины 30-х гг. историю всеобщей литературы. И. А. Гончаров с благодарностью вспоминал о его «тонком и умном критическом анализе чужих литератур, начиная с древнейших – индийской, еврейской, арабской, греческой – до новых западных литератур». В дальнейшем профессор сосредоточился на истории древнерусской литературы, которую разрабатывал по рукописным и старопечатным книгам, песням, преданиям, большей частью впервые вводившимся им в научный оборот. О его чтениях в ранний период деятельности сохранились благоприятные отзывы слушателей. «...Лекции Шевырева,– вспоминал Буслаев,– производили на меня глубокое, неизгладимое впечатление, и каждая из них представлялась мне каким-то просветительным откровением, дававшим доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка. Я впервые почуял тогда всю его красоту и сознательно полюбил»[17]. Однако эволюция общественно-политических воззрений Шевырева, приведшая его к безоговорочному признанию и восхвалению официальной идеологии, неблагоприятно сказалась на его преподавательской деятельности. Как замечал С. М. Соловьев, его талант быстро выдохся, назойливое проведение воззрений в духе официальной народности охладило к нему студентов.

Почти одновременно с М. П. Погодиным начал читать лекции по естествознанию ботаник и литератор М. А. Максимович (позже – ректор киевского Университета св. Владимира). На физико-математическом отделении развернулась деятельность астронома Д. М. Перевощикова, геолога Г. Е. Щуровского. Славными именами был представлен и медицинский факультет, где преподавали М. Я. Мудров, Х. И. Лодер, Е. О. Мухин, И. Е. Дядьковский, А. А. Иовский, И. Т. Глебов.

По-прежнему активно участвовали университетские профессора в издательской деятельности, в журналах. И. А. Двигубский издавал «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических», А. А. Иовский – «Вестник естественных наук и медицины», М. П. Погодин вместе с другими литераторами – «Московский вестник», М. Г. Павлов – «Атеней», Н. И. Надеждин – «Телескоп». В 1833 г. Московский университет начал выпускать «Ученые записки», положившие начало этому типу изданий, столь распространенному впоследствии.

Принятый в 1835 г. устав российских университетов фактически ликвидировал их автономию. Попечитель признавался начальником университета. К нему же переходило непосредственное руководство учебным округом. Усиливалось влияние министра на деятельность университета. Университетский совет утратил прежнее значение, состав его сузился. Устанавливалась структура университета из трех факультетов: философского (с двумя отделениями – физико-математическим и историко-филологическим), юридического и медицинского. Естественное право исключалось из учебных программ. Преподаванию придавался утилитарно-прикладной характер.

Проникнутый бюрократическими началами, новый устав имел и положительные моменты. Впервые учреждались самостоятельные кафедры русской истории, российской словесности и истории российской литературы, истории и литературы славянских наречий. Число кафедр увеличилось с 28 до 39. На всех факультетах преподавание должно было специализироваться и углубиться. Укреплялось материальное положение университета, оклады профессоров и преподавателей повысились вдвое-втрое.

Еще до введения нового устава для подготовки отечественных кадров профессуры был образован Профессорский институт в Дерпте. Правоведов готовили во II отделении царской канцелярии при непосредственном участии М. М. Сперанского. После длительной командировки в научные центры Западной Европы молодые профессора заняли кафедры в Московском и других университетах.

В Москве новый устав проводился в жизнь при попечительстве графа Сергея Григорьевича Строганова. Время его управления округом (1835–1848) осталось в летописях университета как золотая пора. Личность нового попечителя была своеобразной. Потомок известных заводчиков, богатый вельможа, обладавший огромным состоянием, человек консервативных убеждений, царский генерал-адъютант, Строганов в то же время высоко почитал науку и просвещение. Всю свою незаурядную энергию он направил на то, чтобы сделать Московский учебный округ образцовым. Прямой и правдивый, Строганов не терпел интриг. Люди порядочные и знающие находили в нем поддержку. Вместе с тем это был человек крутой и самовластный, твердо проводивший линию самодержавия.

Середина 30-х гг.– крупная веха в истории Московского университета, отделившая, по словам Ф. И. Буслаева, «древний период» от нового: «По ту сторону этой грани старое здание универ-

[16] Московский университет в воспоминаниях современников. С.160–161.

[17] Там же. С.218.

ситета, старые профессора с патриархальными нравами и обычаями и такая же старобытная администрация, доведенная к концу до самоуправства, а по эту сторону – новое здание университета, отмеченное и на его фронтоне 1835 годом, целая фаланга новых и молодых профессоров»[18].

Молодые профессора получили прекрасную научную подготовку в Профессорском институте, а затем в лучших университетах Германии. Близко познакомившись с буржуазно-демократическими порядками западных стран, восприняв передовые идеи европейских мыслителей, они оказались в противоречии с российской действительностью. В их среде сложился кружок людей, воодушевленных гуманными идеями, видевших в науке мерило истины, а в просвещении – путь к благоденствию России и русского народа. Служению этому благородному делу они всецело посвятили себя. Притеснения, которым подвергалась на родине свободная мысль, они и воспринимали болезненно. Придерживаясь либеральных воззрений, они были сторонниками политических свобод, противниками полицейского деспотизма и крепостничества. Общим для них было «философское направление» – склонность к обобщениям, к выявлению глубинного смысла фактов и событий, приверженность философии Гегеля, который тогда «кружил всем головы»[19]. По своей общественной и научной позиции эти профессора далеко отстояли от Погодина, Шевырева, Давыдова с их консерватизмом, узконациональными пристрастиями, преданностью официальной идеологии.

В центре кружка находился профессор всеобщей истории Тимофей Николаевич Грановский[20], вступивший на кафедру в 1839 г. Очень быстро он расположил к себе студентов, оценивших эрудицию, идеи и личность своего профессора. На лекции Грановского собирались слушатели разных факультетов. Его имя вызывало энтузиазм среди учащейся молодежи. Фактом большого общественного значения стал публичный курс лекций, прочитанный Грановским в 1843 г. По словам современника, вокруг кафедры профессора собрались не только люди науки, литераторы всех «партий» и его обычные восторженные слушатели – студенты, «но и весь образованный класс города – от стариков, только что покинувших ломберные столы, до девиц, еще не отдохнувших после подвигов на паркете, и от губернаторских чиновников до неслужащих дворян»[21]. Хотя историк был стеснен в выражении своих мыслей, он сумел донести их до слушателей. Грановский «говорил все, что нужно и можно было сказать от имени науки, и *рисовал* все, чего еще нельзя было сказать в простой форме мысли. Большинство слушателей понимало его хорошо»[22]. П. Я. Чаадаев заметил, что лекции Т. Н. Грановского имеют историческое значение. А. И. Герцен посвятил им две восторженные статьи в «Московских ведомостях». Младшим товарищем Грановского был другой талантливый медиевист – П. Н. Кудрявцев, поочередно с ним читавший курс средневековой истории Европы.

Попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов

Людьми яркого таланта и глубоких знаний были и другие новые профессора. Большим влиянием на студентов пользовался юрист П. Г. Редкин, знакомивший их с идеями права, правового государства, открыто порицавший крепостнические порядки на родине («у нас людей продают, как дрова»,– говорил он с негодованием). Знаток Древнего Рима Д. Л. Крюков, по отзыву учившегося в Московском университете поэта Я. П. Полонского, «читал блистательно; это был один из талантливейших наших ученых»[23]. Столь же высоко отзывались о нем другие слушатели. Человеком замечательных дарований был юный эллинист В. С. Печерин (к сожалению, вскоре навсегда уехавший за границу). В середине 40-х гг. на кафедре истории России М. П. Погодина сменил молодой С. М. Соловьев – в недалеком будущем крупнейший русский историк. На юридическом факультете начал преподавать К. Д. Кавелин – человек, оставивший по себе глубокий след в освободительном движении, в отечественной научной и общественной мысли. В те же годы на возобновленную кафедру философии вступил М. Н. Катков, а на кафедру римских древностей (вме-

[18] Московский университет в воспоминаниях современников. С.212.

[19] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.268.

[20] *Левандовский А.А.* Время Грановского. У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990.

[21] *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С.189.

[22] Там же. С.190.

[23] Московский университет в воспоминаниях современников. С.248.

С. М. Соловьев. Литография. 1850-е гг.

сто умершего Д. Л. Крюкова) П. М. Леонтьев. Оба они подавали тогда большие надежды как профессора и ученые.

Несколько особняком стоял даровитый профессор Н. И. Крылов («Никита», как любовно звали его между собой студенты). Слушателей пленяли в нем дар слова, образная речь, художественность изложения, умение выпукло очертить особенности институтов римского права. Но со временем он все больше расходился с остальными молодыми профессорами. Отталкивали их его непривлекательные нравственные качества (Крылова обвиняли во взяточничестве, грубости, цинизме)[24].

На естественном отделении выдающимися знаниями, талантом, новаторским подходом выделялся профессор зоологии К. Ф. Рулье – ученый-эволюционист, подготовивший почву для восприятия в отечественной науке теории Ч. Дарвина. По словам И. М. Сеченова, Рулье «любил философствовать на лекциях и читал очень красноречиво»[25]. Другой слушатель отмечал его «необыкновенное мастерство сводить частности в одно общее, силу анализа, картинность и поэтичность изложения»[26]. Плодотворным было влияние Рулье на молодых ученых и учащуюся молодежь.

На медицинском факультете заслуженным авторитетом пользовались профессора А. М. Филомафитский, Ф. И. Иноземцев. Среди почитателей первого были не только студенты университета, но и духовной семинарии, с восторгом читавшие и пересказывавшие друг другу записи его лекций.

Курсы публичных лекций читали в 40-е гг. Т. Н. Грановский, С. П. Шевырев, К. Ф. Рулье, Я. А. Линовский (сельское хозяйство), Р. Г. Гейман (техническая химия). На рубеже 40-х – 50-х гг. власти ставили всевозможные препоны чтению таких лекций, и наконец оно совсем прекратилось.

Крайне затруднена была и журналистская деятельность. Помимо университетских «Московских ведомостей» с начала 40-х гг. выходил только «Москвитянин» М. П. Погодина. Т. Н. Грановскому и его друзьям так и не удалось получить разрешения на издание своего журнала.

В такой духовной атмосфере жили и воспитывались студенты. Преобладал лекционный метод преподавания. Практические занятия занимали в учебном процессе более чем скромное место даже на медицинском факультете, не говоря уже о прочих. На гуманитарных практические занятия представляли исключение.

Численность студенчества Московского университета росла из года в год: в XVIII в. она измерялась десятками, в первой четверти XIX в. – сотнями, в конце 40-х гг. там училось около полутора тысяч человек. Со временем царское правительство стало разными мерами ограничивать и сокращать число учащихся. В 1820 г. впервые ввели плату за обучение, которая затем несколько раз повышалась. В 1827 г. строго запретили принимать в университет крепостных. Через 10 лет это запрещение было подтверждено. В 1849 г. Николай I приказал, чтобы численность студентов в каждом университете не превышала 300 человек (за вычетом медиков и казенных стипендиатов), запретив принимать вновь, «доколе наличное число не войдет в сей узаконенный размер». В 1850 г. в университете числилось 820 студентов, половина их – на медицинском факультете.

Обучались в университете только юноши: женского высшего образования в России тогда не существовало. Состав учащейся молодежи был весьма разнообразен – от аристократов до сыновей сельских дьячков, даже крестьян. На студенческой скамье «модный изящный сюртук или полуфрак безразлично усаживался с фризовой шинелью или выцвелым демикотоновым сюртуком или казакином»[27], пока при Николае I не была введена для студентов обязательная официальная форма одежды. Возраст учащихся был различен. «В наше время, – вспоминал Д. Н. Свербеев, поступивший в университет в 1813 г., – можно было разделить студентов на два поколения: на гимназистов и особенно семинаристов, уже бривших бороды, и на нас, аристократов, у которых не было и пушка на губах. Первые учились действительно, мы баловались и проказничали»[28]. Нередко в университет поступали

[24] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.295–297.

[25] *Сеченов И.М.* Автобиографические записки. М., 1952. С.80.

[26] *Усов С.А.* К.Ф.Рулье // Вестник естественных наук. 1858. № 8. С.227.

[27] Московский университет в воспоминаниях современников. С.91.

[28] Там же. С.65.

совсем юные – 15–16, даже 13–14 лет (возраст в уставе не оговаривался).

Кроме студентов, в университете имелись вольные слушатели и так называемые «приватные слушатели». Чаще всего это были юноши податного сословия, числившиеся в нем до окончания курса учения; только после сдачи выпускного экзамена они уравнивались в правах с остальными. Курс обучения продолжался три года (на медицинском факультете – четыре), с середины 30-х гг.– пять лет на медицинском и четыре на остальных факультетах.

Сдавшие выпускной экзамен получали звание действительного студента, отличившиеся – при наличии диссертации или золотой медали за сочинение – ученую степень кандидата. Звание действительного студента давало право на чин XIV (позднее – XII) класса при вступлении на государственную службу (а вместе с тем – переход недворян в личное дворянство), ученая степень кандидата – на чин XII (с 1837 г.– X) класса. С 1845 г. то и другое обеспечивало лишь почетное гражданство[29].

Университетские студенты первой половины XIX в. проявляли живой интерес к науке – посещали лекции профессоров не только на своем, но и на других факультетах, участвовали в диспутах при защите диссертаций, рассуждали, спорили, обменивались научной литературой. Об этом единодушно свидетельствуют источники. Такие разные мемуаристы, как М. П. Погодин и А. И. Герцен, признавали, что общение юношей развивало их не менее, чем профессорские лекции. Университетское студенчество отличалось вольномыслием и свободолюбивыми настроениями.

Конец 40-х – начало 50-х гг. стали тяжелым временем в жизни Московского и других университетов Российской империи. Революция 1848 г. в странах Западной Европы повлекла за собой новые гонения на независимую мысль в России. Петербургский профессор А. В. Никитенко писал в те годы о «крестовом походе против науки»[30]. Преподавание было поставлено в самые жесткие рамки. Надзор над ним стал особенно придирчивым. Философию и государственное право иностранных держав вообще изгнали из учебных программ. Число студентов стали целенаправленно сокращать. Повысили плату за обучение. Ходили настойчивые слухи о закрытии университетов. Наступили мрачные времена.

В 1844 г. в медицинский факультет Московского университета влилась Медико-хирургическая академия, существовавшая до того отдельно – как отделение петербургской. Основана она была еще при Петре I и возобновлена в 1808 г. Медико-хирургическая академия находилась в ведении Министерства внутренних дел. Управляла ею конференция профессоров во главе с вице-президентом. После десяти лет преподавания ординарные профессора получали звание академиков и чин VI класса. Состав студенчества был весьма демократичен и комплектовался большей частью из семинаристов. На ветеринарное отделение нередко поступали дети солдат и разночинцев. Курс обучения до слияния академии с университетом продолжался четыре года.

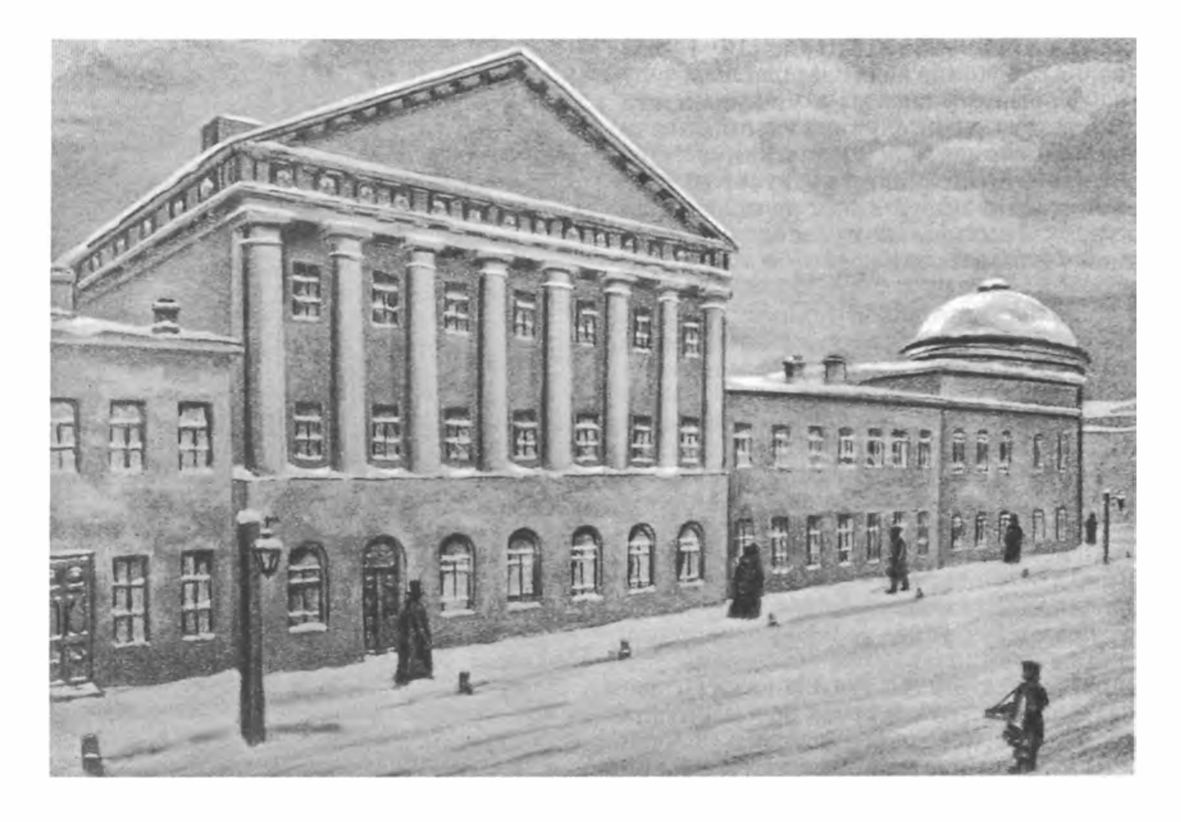
Граф Н. П. Румянцев. Миниатюра. 90-е гг. XVIII в.

2. АРХИВ КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. РУМЯНЦЕВСКИЙ КРУЖОК

Научная работа велась в Москве и помимо университета. Одним из ее центров явился Архив Коллегии иностранных дел. В нем хранились документы, поступившие туда главным образом из бывшего Посольского приказа. Это было богатейшее собрание дипломатических и других государственных актов, начиная с древнейших времен и кончая вступлением на престол Екатерины II. Благодаря частным пожертвованиям Архив постоянно пополнялся. Во главе его стояли известные археографы Н. Н. Бантыш-Каменский, после него А. Ф. Малиновский, помогавший Н. М. Карамзину при написании «Истории Государства Российского». В Архиве трудились многие выпускники Московского университета. Среди «архивных юношей» – немало людей, впоследствии известных

[29] *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994. С.55–56.

[30] *Никитенко А.В.* Дневник: В 3-х т. Т.I. М., 1955. С.326.

Московский Благородный пансион. Рисунок Б. Зименкова

(С. А. Соболевский, С. П. Шевырев, И. В. и П. В. Киреевские, Д. В. Веневитинов).

С Архивом Коллегии иностранных дел тесно связана деятельность Румянцевского кружка[31]. Группа ученых и любителей истории из Москвы и других городов, сплотившаяся вокруг государственного деятеля и мецената графа Н. П. Румянцева, развернула огромную работу по разысканию, сбору и публикации документов отечественного прошлого. Собранные ее участниками рукописи впоследствии легли в основу Румянцевского музея в Москве (ныне рукописный отдел Российской государственной библиотеки). По предложению Румянцева в 1811 г. царским указом была создана Комиссия печатания государственных грамот и договоров, издавшая многие из них. Ведущую роль в Комиссии играли выпускники Московского университета К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. Помимо работы в архиве последний обследовал библиотеки подмосковных монастырей, обнаружив в них немало интересных исторических материалов. В результате самоотверженной работы молодых энтузиастов увидели свет такие ценнейшие памятники древнерусской литературы и отечественной истории, как сборник Кирши Данилова, сочинения Кирилла Туровского, Судебники 1497 и 1550 гг., Софийская Новгородская летопись. Из москвичей в работе Румянцевского кружка приняли участие И. М. Снегирев, М. П. Погодин, некоторые архивисты. Позднее по инициативе Строева была предпринята широко задуманная археографическая экспедиция по России, оказавшаяся на редкость результативной.

3. СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Развитие среднего образования в Москве в первой трети XIX в. теснейшим образом связано с Московским университетом. С момента возникновения университета при нем действовала так называемая академическая гимназия – одна из первых в России[32]. Гимназия готовила своих учеников к поступлению в университет. В 1805 г. в ней занималось 912 человек. Хотя незадолго перед тем в Москве открылась губернская гимназия, попечитель учебного округа М. Н. Муравьев предлагал сохранить и академическую, преобразовав ее в педагогический лицей. Его поддержал министр П. В. Завадовский. Академическая гимназия просуществовала до Отечественной войны 1812 г. После того как здание сгорело во время пожара Москвы, ее уже не возобновляли.

Кроме гимназии, при университете существовал Благородный пансион для дворян[33], куда принимались дети 9–14 лет. Это было закрытое учебное заведение. Имелись в нем и полупансионеры, жившие дома и платившие за обучение и обеденный стол. Учебная программа пансиона была шире гимназической. Кроме основных предметов, изучались правоведение, четыре иност-

[31] *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1985.

[32] Фактически гимназий было две: дворяне и разночинцы занимались отдельно.

[33] *Сушков Н.В.* Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского благородного пансиона и Дружеского общества. Изд. испр. и доп. М., 1858.

ранных языка, военные науки; учащиеся занимались танцами, фехтованием, музыкой. Преподавание в Благородном пансионе вели университетские профессора. Его выпускники наравне со студентами и преимущественно перед ними получали право на чины XIV–X классов. До 1812 г. воспитанникам присваивалось звание студента в самом пансионе, без экзамена в университете[34]. Возглавлял пансион бессменно свыше тридцати лет профессор и ректор университета А. А. Прокопович-Антонский, в прошлом – сотоварищ Н. И. Новикова по Дружескому ученому обществу. На торжественном университетском акте 1798 г. он произнес речь «О воспитании», в которой пропагандировал идеи Ф. Бэкона, Дж.Локка, Ж.-Ж. Руссо. Инспектором пансиона в последние годы был профессор И. И. Давыдов.

Благородный пансион выделялся среди учебных заведений как высоким уровнем преподавания, так и гуманными методами воспитания, чуждыми формалистике и свободными от излишних стеснений. Телесные наказания не допускались. Условия жизни приближались к домашним. Наряду со знаниями, большое внимание уделялось нравственному воспитанию. Культивировались идеи самосовершенствования, человеколюбия, патриотизма. Поощрялись занятия литературой, особенно отечественной. Русскую словесность в пансионе преподавал А. Ф. Мерзляков.

В Благородном пансионе в разное время учились В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, В. Ф. Одоевский, Ф. И. Тютчев, М. Ю. Лермонтов, Д. А. и Н. А. Милютины. Посетивший пансион во время коронации Николай I остался недоволен всем строем жизни воспитанников и распорядился его закрыть, превратив в дворянскую гимназию. Но через несколько лет, по усиленным просьбам московских дворян, гимназию преобразовали в Московский дворянский институт (типа пансиона).

В самом начале 1804 г. у Пречистенских ворот открылась московская губернская гимназия, преобразованная из главного народного училища. Принятый в том же году «Устав учебных заведений, подведомых университетам» был составлен в духе гуманных просветительских идей. Гимназии должны были готовить учеников к университету или к самостоятельной жизни, а тех, кто пожелает – к профессии учителя в уездном, приходском и других училищах.

Гимназическая программа отличалась широтой охвата: энциклопедизм был в духе времени. На первый план выдвигалось знание языков – латинского, немецкого и французского. Преподавались география, история и мифология, статистика, математика (чистая и прикладная), опытная физика, естествознание, рисование. Но и это не все: учащимся предстояло усвоить начальные основы философии и «изящных наук», политической экономии, коммерции, технологии. При возможности рекомендовалось ввести в курс обучения танцы, музыку, гимнастику. «Дабы лучше соединить теорию с практикою», учителям предлагалось устраивать прогулки с учениками за город, знакомить их с природой, с мануфактурами и фабриками, устройством мельниц, гидравлических машин, посещать мастерские художников. Закон Божий в этом обширном перечне отсутствовал: предполагалось, что необходимые знания в этой области ученики уже имеют.

Декларировалось, что в гимназию принимаются «всякого звания ученики», обладающие знаниями в объеме уездного училища. Специально оговаривалось, что учитель «не должен пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что он приготовляет членов обществу» (§ 38). От учителей требовалось, чтобы они относились к ученикам как родители, были с ними терпеливыми и ласковыми, заботились об их пользе, а главное – старались «более о образовании и изощрении рассудка их, нежели о наполнении и упражнении памяти» (§ 41). Разумеется, в условиях крепостнической и самодержавной России подобные гуманно-просветительные принципы оставались большей частью на бумаге, но само провозглашение их имело положительное значение, воздействуя на общественное сознание.

Директору гимназии присваивался высокий чин VII класса. Ему подчинялись уездные и приходские училища губернии, а также частные пансионы. В первый год существования гимназии в ней насчитывалось 79 учеников, в 1812 г. их было уже 101, в 1825 г.– 136, в 1830 г.– 251, в 1840 г.– 398, в 1849 г.– 482. За обучение полагалась ежегодная плата в 12 руб.

С открытием губернской гимназии пансион, существовавший при главном народном училище, был сохранен. Из 65 пансионеров 25 были приняты в гимназию, остальные – в уездное училище при ней. Кроме питомцев Приказа общественного призрения и других казенных воспитанников в пансионе жили и платные пансионеры. В 1814 г. при гимназии открылось трехгодичное учебно-воспитательное заведение для дворян. Окончившие его принимались без экзамена во 2-й класс гимназии. Плата здесь была значительно выше, чем в пансионе для разночинцев (соответственно 450 и 250 руб. в год).

Интересные воспоминания о московской губернской гимназии 1814–1818 гг. оставил учившийся в ней М. П. Погодин. Курс состоял тогда из четырех классов. В классе имелось по 50 и более учени-

[34] *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С.159, 178–179.

ков. Места в нем распределялись в зависимости от успехов: лучшие сидели на первой скамейке, худшие– сзади, время от времени перемещаясь. Практиковалась популярная в те годы система взаимного обучения. Вот как описывает автор уроки латинского языка: «Время употреблялось на прослушание уроков у старших учеников, сидевших на первой лавке, самим учителем, у прочих старшими, из которых каждый имел в своем ведении особую лавку; потом в исправлении ошибок в представлявшихся учителю на бумаге задачах; в легких переводах из хрестоматии»[35]. Ученики, помогавшие другим, назывались аудиторами (авдиторами). Каждый учитель преподавал несколько предметов: один – латинский, немецкий и французский языки, другой – математику и физику и т.д. Считалось, что математикой способны заниматься лишь немногие, поэтому требования к ученикам были весьма снисходительны. Естественная история включала в себя минералогию, ботанику, зоологию и технологию. Учебников не было. Рассказанное учителем выучивалось наизусть. Так же обстояло дело со статистикой Российской империи. География и история преподавались, по отзыву М. П. Погодина, «гнуснейшим образом». Сведения из истории были отрывочны. Хотя среди учителей гимназии имелись люди с учеными степенями, методика преподавания во многих случаях была несовершенной, а то и просто беспомощной. Так, будущий профессор университета С. М. Ивашковский преподавал русскую словесность, а также логику, грамматику, психологию, нравственность, риторику, пиитику, эстетику, естественное право и политическую экономию. Его преподавание мемуарист назвал уродливым и нелепым. По мнению Погодина, русская словесность и позже преподавалась в гимназии дурно – по непонятным для учеников записям профессорских лекций, сделанных учителями в студенческие годы.

В 1819 г., в связи с переменой правительственного курса, программу гимназий сократили, исключив из нее естественное и народное право, политическую экономию, эстетику, психологию, нравоучение, технологию, коммерческие науки. Преподавание древних языков, географии и истории, напротив, усиливалось. Отказ от энциклопедизма просветителей сопровождался усилением религиозного воспитания. Вводились уроки Закона Божьего, ежедневные занятия предлагалось предварять чтением Евангелия.

Новый устав 1828 г. исключил из учебных планов гимназий естествознание. На преподавание латинского и немецкого языков отводилось больше времени. В некоторых гимназиях вводилось также изучение древнегреческого языка. Гимназии рассматривались теперь как учебные заведения, предназначенные главным образом для детей дворян и чиновников. О гуманном отношении к учащимся уже не было речи: устанавливалось наказание розгами учеников трех младших классов.

Обучение в гимназии давало после ее окончания служебные преимущества. Успешно закончившие гимназию с греческим языком поступали на службу с чином XIV класса (наравне со студентами). Остальные могли получить этот чин в ускоренные сроки: родовые дворяне – через год, личные – через три, прочие – через пять лет службы.

В конце 40-х гг. произошел новый поворот: в связи с резким сокращением приема в университет гимназическое обучение постарались приспособить к практической жизни и прежде всего к нуждам государственной службы. В программу гимназий вводилось законоведение. Число часов на изучение древних языков сокращалось. Расширялось преподавание географии и новых языков. Учащимся предоставлялось на выбор: изучать ли законоведение и расширенный курс русского языка или же латинский и греческий языки (если они собирались поступать в университет). Вскоре гимназии разделились: в одних преподавалось законоведение, в других особое внимание уделялось древним языкам.

Для такого города, как Москва, одной гимназии явно не хватало. В 1835 г. по настоянию попечителя учебного округа С. Г. Строганова открылась вторая, в 1839 г.– третья. Последняя имела особенность: с IV класса ее ученики поступали в одно из двух отделений – классическое или реальное. В программе реального отсутствовало преподавание древних языков, больше внимания отводилось математике и естествознанию. В старших классах изучались химия, технология, товароведение, механика, бухгалтерия и счетоводство, коммерческое законоведение. Гимназия была хорошо оборудована. Большинство ее учащихся являлись детьми купцов, мещан и крестьян. По названию реального отделения гимназия считалась реальной. Права, получаемые учениками при окончании гимназического курса, были неодинаковы и зависели от сословной принадлежности каждого: поступать на государственную службу могли только дворяне.

В конце 40-х гг. в Москве появилась четвертая гимназия (бывший Дворянский институт). Располагалась она в доме Пашкова на Моховой улице. К середине века численность московских гимназистов достигла 1227 человек.

Дворяне неохотно отдавали своих детей во всесословные гимназии, пред-

[35] *Погодин М.П.* Школьные воспоминания, 1814–1820 гг. // Вестник Европы. 1868. Кн.8. С.606, 622.

Лазаревский институт восточных языков. Архитекторы И. Подьячев, Т. Простаков. 1815–1816 гг.

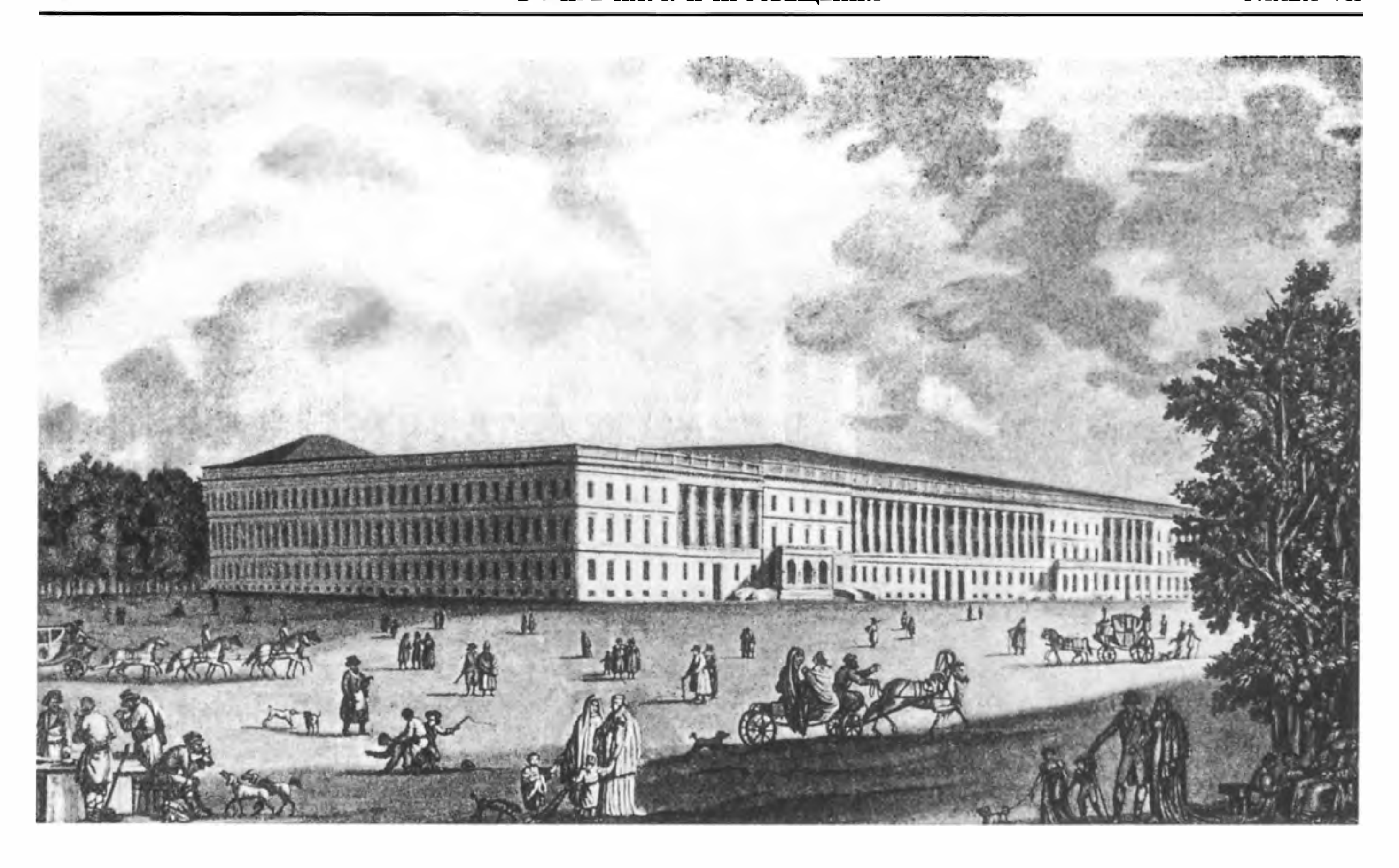
почитая такие учебные заведения, где учились преимущественно отпрыски «благородных родителей». Признанием в этой среде пользовались частные пансионы, руководимые, как правило, учителями гимназий или университетскими преподавателями, нередко из иностранцев. Основное внимание в частных пансионах обращалось на знание западноевропейских языков (особенно французского) и на гуманитарные предметы. В 1811 г. в Москве имелось 24 пансиона (включая университетский), в конце 30-х гг. их осталось примерно столько же. Наиболее известны частные пансионы Ф. И. Кистера и Л. И. Чермака, хотя уровень преподавания в них был невысок. Некоторые профессора – А. Ф. Мерзляков, М. Г. Павлов, М. П. Погодин держали у себя пансионы для поступающих в университет и студентов. Менее состоятельные родители нанимали для подготовки своих сыновей в университет учителей из студентов или семинаристов. Те, кто побогаче, приглашали нескольких учителей, даже и университетских преподавателей.

Своеобразным учебным заведением было Армянское господ Лазаревых училище, основанное в 1815 г. богатыми армянами. Первоначально оно предназначалось для бедных армянских детей. Учились в нем и русские. Кроме обычных предметов гимназического курса, там осваивали армянский, арабский, персидский, турецкий языки. Учащихся готовили к государственной службе в качестве переводчиков для Кавказа и Закавказья. Некоторые продолжали свое образование в университете или устраивались учителями. В 1848 г. училище было преобразовано и приравнено к лицеям, курс обучения продлен до восьми лет. Позже в его здании помещался Институт востоковедения Академии наук.

4. ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Наиболее приличествующей дворянину считалась военная служба. К ней готовили специальные военно-учебные заведения, выделенные в особое ведомство. Управляли им члены царской семьи – братья императора Константин Павлович, позже Михаил Павлович, затем наследник престола цесаревич Александр Николаевич. Большинство военно-учебных заведений сосредоточивалось в Петербурге. В первой половине XIX в. преобладали кадетские корпуса.

Заметно выделялось на общем фоне действовавшее в Москве в 1816–1823 гг. Училище для колонновожатых генерал-майора Н. Н. Муравьева – зачаток будущей Академии Генерального штаба. Оно и возникло необычным путем – из Математического общества, созданного незадолго перед Отечественной войной сы-

Московский кадетский корпус (б. Екатерининский дворец). Рисунок с гравюры. Конец XVIII в.

ном основателя, М. Н. Муравьевым,– в то время студентом Московского университета. В доме его отца для желающих читались лекции по математике. В 1815 г. более сорока слушателей этих лекций выдержали экзамены и были приняты на военную службу офицерами. Вскоре после этого муравьевские курсы получили официальный статус военного училища. Располагалось оно по-прежнему в доме на Большой Дмитровке и содержалось на счет Муравьева. Практические занятия и военные учения проводились летом в его же подмосковном имении.

В училище имелось пять классов, но при желании и усиленных занятиях весь курс можно было пройти за год. Главным предметом считалась математика. Кроме нее преподавались общеобразовательные предметы (русская грамматика, священная, российская и всеобщая история, французский язык, география) и специальные (черчение, фортификация, геодезия, тактика, правила съемки и проч.). По отзыву одного из воспитанников, декабриста Н. В. Басаргина, в муравьевском училище царил дух товарищества и взаимопомощи. Не мешала этому и значительная разница в материальном и общественном положении учащихся. Здесь не делалось различия между молодыми аристократами и незнатными юношами, стесненными в средствах. Да и среди молодежи «богатство и знатность не имели особенного весу, и никто не обращал внимания на эти прибавочные к личности преимущества»[36]. Основная заслуга в создании здоровой нравственной атмосферы в училище принадлежала Н. Н. Муравьеву, пользовавшемуся у воспитанников непререкаемым авторитетом. 24 человека из преподавателей и учащихся стали участниками тайных обществ. За несколько лет своего существования муравьевское училище выпустило около 200 офицеров. В 1823 г. его перевели в Петербург.

Кадетский корпус появился в Москве только в 1824 г. До того он назывался Смоленским и прежде, чем попасть в старую столицу, сменил немало мест пребывания (Шкловск, Гродно, Смоленск, Тверь, Ярославль, Кострому). В Москве ему отвели огромный Головинский дворец в Лефортове. В 1830 г. в корпусе открылось отделение для малолетних. К середине века в городе имелось уже три кадетских корпуса с 1550 учащимися.

Условия жизни в кадетских корпусах максимально приближались к военным. Кадеты носили военную форму и находились фактически на казарменном положении. При обучении главное внимание обращалось на предметы военного профиля и строевую подготовку. Общее образование давалось в объеме, меньшем по сравнению с гимназиями. Начальники кадетских корпусов, воспитатели учащихся, большинство преподавателей были офицерами. Но в московских кадетских корпусах преподавали также

[36] *Басаргин Н.В.* Воспоминания об учебном заведении для колонновожатых и об учредителе его генерал-майоре Н.Н.Муравьеве // *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С.311, 313.

профессора и люди с университетским образованием, что несомненно сказалось на общей атмосфере этих учебных заведений.

Воспоминания современников рисуют типичную для кадетских корпусов неприглядную картину муштры, подавления в юношах индивидуальности, личного достоинства, способности самостоятельно мыслить и действовать. Практиковались жестокие телесные наказания, культивировалось беспрекословное послушание, поощрялись доносительство, угодничество, слепое повиновение начальству, ценившиеся выше знаний. В основе воспитания лежала система устрашения. «Воспитательная часть в заведениях почти совершенно отсутствовала,– сказано в позднейшем официальном издании.– Взамен ее царила суровая военная дисциплина. Строевые занятия, сравнительно с екатерининским временем, усилены; внеклассные, наоборот, ослаблены исключением гимнастики и танцев. Розги и побои со стороны начальствующих лиц содействовали значительному огрубению нравов среди воспитанников, между которыми самосуд и кулачная расправа были явлением обычным. Начальники мягкие, доброжелательные, сердечные встречались только в виде исключения»[37]. В 1805 г. вопрос о наказании розгами рассматривался руководством военно-учебных заведений. Мнения разделились. Глава ведомства – великий князь Константин Павлович – был убежденным сторонником телесных наказаний. Александр I поддержал брата.

Однако, судя по воспоминаниям, обстановка в московских кадетских корпусах была благоприятнее и мягче, чем в петербургских (во всяком случае, в 20-е гг.). Таковы, например, воспоминания П. А. Семенова о Московском кадетском корпусе в 1824–1829 гг. О большинстве преподавателей автор отзывался с признательностью, причем отмечал их гуманное отношение к воспитанникам. Проявления грубости в кадетской среде, по его словам, также со временем стали мягче. Вместе с тем появилось новое: возникали хоры духовного пения, ставились сцены из спектаклей («Горе от ума» А. С. Грибоедова и др.), выпускалась рукописная газета с заметками о жизни корпуса и города, а также с литературными работами кадетов. Успешно шли занятия математикой и военным делом. «Но занятия словесными науками и изучение современной нам литературы, так сказать, царили над прочими. Личность Ломоносова... мы чуть не боготворили. Благоговели и пред полетом Державина. За чтением Карамзина и Пушкина, когда удавалось добыть новое в печати, то бывало не до ужина и не до сна. Из Пушкина, Грибоедова, Рылеева, Козлова, Баратынского знали на память по целым пьесам. Марлинским (Бестужевым) увлекались не менее как Карамзиным, читали Гнедича, а исторические романы Загоскина и Полевого всполошили было кадетское рвение попробовать компаниею силы к подобного рода сочинениям; уже придумана была и кличка ему: «Гайдамаки»; но затея не совершилась»[38]. Как видно, литературные интересы московских кадетов были довольно широки. А задуманный роман о гайдамаках – свидетельство их свободолюбивых настроений. Темы письменных работ – таких, как «Данное слово держать должно» и т.п.– несомненно имели воспитательное значение. О настроениях юношей можно судить также по их интересу к писателям-мистикам – К. Эккартсгаузену и И. Г. Юнг-Шиллингу.

Однако в дальнейшем духовная атмосфера в кадетских корпусах изменилась. Стали приниматься меры против увлечения воспитанников чтением; читать теперь разрешалось исключительно «Журнал для воспитанников военно-учебных заведений», содержание которого тщательно подгонялось к официальной идеологии. Нажим в этом направлении особенно усилился на рубеже 40–50-х гг. под впечатлением революции, разразившейся в странах Западной Европы. В марте 1848 г. начальник штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцев писал великому князю Михаилу Павловичу: «В настоящих трудных обстоятельствах *главная задача* для нас, воспитателей, *поселять в них* (кадетах.– *Авт.*) *китайское равнодушие к идеям и событиям Запада*»[39]. Под страхом наказания кадетам запрещалось иметь у себя книги и тетради, кроме учебных, особенно преследовались стихи.

Резкое неприятие у передовых людей вызвало составленное Я. И. Ростовцевым «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», утвержденное Николаем I и изданное в 1849 г. Вот что писал о нем Т. Н. Грановский Герцену: «Для кадетских корпусов составлены новые программы. Иезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы. Священнику предписано внушать кадетам, что величие Христа заключалось преимущественно в покорности властям. Он выставляется образцом подчинения, дисциплины. Учитель истории должен разоблачать мишурные добродетели древнего мира и показать величие непонятой историками Империи Римской, которой недоставало одного только – наследственности»[40]. Так воспитывали будущих офицеров незадолго перед началом Крымской войны. Подавление личной самостоятельности, насильственное сужение кругозора кадетов не прошли бесследно, отрицательно сказавшись на боеспособности армии.

[37] Столетие Военного министерства. Т.10. [Ч.1]. СПб., 1902. С.144, 72–74.

[38] *Семенов П.А.* Воспоминания о Московском кадетском корпусе // Русская старина. 1882. №11. С.361–362.

[39] Столетие Военного министерства. Т.10. Ч.2. СПб., 1907. С.52.

[40] Звенья. Вып.6. М.; Л., 1936. С.359–360.

Военно-учебным заведением низшего разряда было московское отделение Военно-сиротского дома, основанного Павлом I в Петербурге. В 1824 г. отделение насчитывало 2242 воспитанника. Более половины из них жили в казармах, остальные – у родных. Предназначалось это учебное заведение главным образом для солдатских сыновей и находилось под начальством Департамента военных поселений, возглавляемого А. А. Аракчеевым. Учащиеся получали элементарное общее образование, некоторые знания по военному делу и топографической съемке. Условия воспитания были крайне суровыми, наказания – жестокими. Окончивших назначали в военные канцелярии и военные суды. В состав отделения входило и музыкальное училище, готовившее полковых капельмейстеров. Два года спустя военно-сиротские отделения были преобразованы в роты и батальоны военных кантонистов.

5. ДУХОВНО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Москва являлась одним из главных центров духовного образования. Московские церковные иерархи неукоснительно требовали, чтобы священнослужители учили своих детей. Митрополит Платон угрожал перевести неисполнивших это требование в подушный оклад или отдать в военную службу. Желающие могли учиться дома, но ежегодно должны были являться в училище для сдачи экзамена. Духовно-учебные заведения тех лет предназначались исключительно для детей духовенства, они имели особые уставы и отдельное управление. Но выходили оттуда не только священнослужители: многие поступали в университет или на гражданскую службу. Не проявившие способности продолжать образование и не пристроенные к церковным причтам воспитанники духовных училищ пополняли ряды канцеляристов в московских Присутственных местах или переходили в сословие мещан.

В 1808–1814 гг. духовно-учебные заведения были реформированы[41]. В созданную для этой цели Комиссию духовных училищ вошли обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын, несколько церковных иерархов, а также М. М. Сперанский, ранее преподававший в Александро-Невской духовной семинарии. До реформы устройство духовных училищ всецело зависело от воли местного архиерея. Многие из училищ находились в жалком состоянии. Правда, московские, опекаемые просвещенным митрополитом Платоном, выгодно выделялись на этом фоне. В результате реформы возникла стройная система духовных учебных заведений, состоявшая из преемственно связанных между собой приходских и уездных училищ (обычно соединенных), семинарий и академий.

Высшее управление ими передавалось Комиссии духовных училищ. Страна была разделена на четыре академических округа с Духовной академией во главе каждого. В Академическую конференцию (руководящий коллегиальный орган) входили архиерей, ректор, несколько профессоров и почетных членов. В ее ведении находилась не только академия, но и семинария, управлявшаяся своим ректором, двумя членами правления и двумя членами конференции. Семинария надзирала над уездными и приходскими училищами, во главе уездного училища стоял ректор, приходского – смотритель благочиния.

Приходское духовное училище состояло из двух одногодичных классов («бурсы» и «фары», как называли их ученики). Уездное имело два двухгодичных отделения – низшее и высшее («грамматика» и «синтаксия»). Общий курс в духовном училище продолжался шесть лет. В приходском преподавали чтение, письмо, арифметику, церковное пение, основы грамматики, сокращенный катехизис. В уездном – те же предметы с добавлением древнегреческого и латинского языков, истории (священной, церковной и гражданской), географии, пространного катехизиса, правил церковного обихода и делопроизводства.

Большинство губернских городов имело по одному духовному училищу. В Москве их было три: Петровское, Андроньевское и Донское (все при монастырях), еще одно под Москвой – в Николо-Перервинском монастыре (для казеннокоштных воспитанников). Многие дети поступали прямо в уездное училище, минуя приходское.

Порядки в тогдашних духовных училищах (запечатленные в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского) вызывали справедливые нарекания. Жестокие наказания (вплоть до истязаний), произвол и грубость учителей, издевательства старших учеников над новичками и младшими были повседневным явлением.

На полулегальном положении в городе существовали старообрядческие школы.

Реформированная духовная семинария состояла из трех двухгодичных классов: риторического, философского и богословского. Каждый из них представлял законченный курс. В первом основными предметами были словесность и история, во втором – философия и математика, в последнем – богословие. Изучив один предмет, переходили к другому. Из языков предпочтение отдавалось латыни, которая считалась «дверью, ведущею в храм премудрости»[42]. В стар-

[41] Полное собрание законов Российской империи. [Собр.I]. Т.30. № 23122; Т.32. № 25658а.

[42] *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Автобиографические воспоминания. М., 1886. С.106.

ших классах семинарии преподавание требовалось вести на латинском языке. Кроме того, изучались древнееврейский, немецкий и французский языки (на выбор). Два первых класса были общеобразовательными и лишь последний – специальным: только в нем начиналось преподавание богословия. До богословского класса доходили далеко не все семинаристы: многие оставляли семинарию раньше, поступая на службу или в университет.

Каждой епархии полагалось иметь одну духовную семинарию. Москва и в данном случае являлась исключением. В начале XIX в. она имела Троицкую (в Троице-Сергиевой лавре), Перервинскую (под Москвой) и Спасо-Вифанскую– вблизи от первой. Две последние обязаны своим возникновением митрополиту Платону. В ходе преобразования Троицкую и Перервинскую семинарии упразднили, заменив их Московской духовной семинарией, открывшейся в 1814 г. Располагалась она сначала в Николо-Перервинском монастыре. В 1823 г. ее перевели в столицу, в Заиконоспасский монастырь, а с 1844 г.– в купленный для нее дом в Большом Каретном ряду. Продолжала действовать и Спасо-Вифанская духовная семинария, сохраненная по ходатайству епархиального начальства.

Обстановка в семинарии заметно отличалась от духовного училища: обращение с учащимися было мягче, телесные наказания не применялись. Семинаристы старших классов считались студентами. Но и здесь наставники и семинарское начальство держали себя отчужденно по отношению к молодежи. Место каждого юноши в классе определялось его успехами в учебе: лучшие сидели на передних скамейках, неуспевающие – на задних. Огромное значение придавалось письменным сочинениям. В риторическом классе их писали большей частью на нравоучительные темы: «Всегда говори правду», «Не должно мстить за обиду», «Спокойствие совести есть истинное благо», «Береги время» и проч. В списках, составлявшихся по классам в конце учебного года, порядковый номер соответствовал степени успешности занятий: первой стояла фамилия лучшего ученика, последней – самого слабого (справедливость при этом нередко нарушалась). Экзамены проводились дважды в год: накануне Рождества и перед летними вакациями. Но они не играли определяющей роли. Да и спрашивали на них не всех учеников, а лишь некоторых. Затем в торжественной обстановке проводился публичный экзамен в присутствии митрополита Филарета и гостей (преимущественно из духовенства). Для участия в нем назначалось несколько лучших учеников из каждого класса, которые готовились по заранее известному тематическому разделу. Понятно волнение семинаристов перед экзаменом, но еще больше волновались их наставники: если экзаменующийся допускал ошибку или неточность, на заданный вопрос должен был отвечать преподаватель. Если и его разъяснение не устраивало митрополита, наступала очередь ректора. Когда же и ректор оказывался не на высоте, то мог услышать от Филарета презрительно брошенное: «Дурак !»[43]

В начале 20-х гг., когда и в России и в Западной Европе усилились преследования вольномыслия, в Министерстве духовных дел и народного просвещения негласно обсуждался вопрос, допустимо ли знакомить учащихся духовных семинарий с новейшими философскими учениями. Однако больших изменений не произошло: в учебном курсе семинарий философия сохранилась. Впрочем, были приняты некоторые ограничительные постановления: требование строго следовать в преподавании учебным руководствам, не допуская «собственных умствований», преподавать богословие только на латинском языке и проч.

Следующий шаг в том же направлении сделан был при Николае I. Началось с перемен в управлении церковными делами. Усилилась власть светского чиновника – обер-прокурора Синода. На этот пост в 1836 г. был назначен граф Н. А. Протасов, полковник лейб-гвардии гусарского полка, товарищ министра народного просвещения. Самоуправство в его поведении сочеталось с интригами. Протасов принялся действовать в духовном ведомстве по-военному, требуя беспрекословного подчинения. Аппарат управления все больше бюрократизировался, коллегиальные органы постепенно теряли силу. В 1839 г. была упразднена Комиссия духовных училищ. Вместо нее создавалось Духовно-учебное управление, подчиненное обер-прокурору.

Опираясь на поддержку царя, Н. А. Протасов задумал изменить уставы духовных училищ, действуя помимо Синода. Духовные семинарии предлагалось ориентировать на подготовку сельских священников, не обремененных знаниями, но способных влиять на крестьян в духе христианского смирения и повиновения властям. Одновременно преследовалась и другая цель – предотвращения свободомыслия среди самого духовенства. Ученость в этой среде казалась правящей верхушке опасной и непозволительной роскошью, допустимой разве что в академиях. В семинариях решено было предельно сократить преподавание философии и других отвлеченных наук, свести учебный курс к минимуму предметов, практически необходимых сельским священникам.

Отстраненный от дела Синод не сочувствовал предпринятому преобразованию. Дело закончилось компромиссом.

[43] *Гиляров Ф.А.* Воспоминания // Русский архив. 1904. Кн.2. № 5. С.97, 98, 105, 110–113 и др.

Уже составленный проект нового устава был погребен в архиве. Действующие уставы формально остались в силе. Но постановлением Синода «О преобразовании духовных семинарий относительно учебной части» (1840)[44] в процесс обучения вносились изменения, ослабившие его общеобразовательное значение, делавшие его более специальным и догматичным. Философия (кроме логики и психологии) исключалась из учебного курса. Вводился ряд новых предметов, в их числе сельское хозяйство, медицина, естественная история. Изменился и порядок преподавания, его последовательность. По отзывам людей, близко знакомых с положением дел, перемены отрицательно сказались на основательности семинарского образования, нарушили целостность и стройность обучения, снизили его уровень. Единственным положительным новшеством явилось распоряжение преподавать все предметы на русском языке (вместо латыни)[45].

К началу XIX в. в стране имелось всего две духовные академии: в Киеве и в Москве (Славяно-греко-латинская). При митрополите Платоне Славяно-греко-латинская настолько возвысилась и окрепла, что стала обходиться своими силами – без киевских профессоров. В 1814 г. на ее основе была создана Московская духовная академия, которую перевели в Троице-Сергиев посад. В нее попали только лучшие профессора прежней академии. Несколько преподавателей поступило из Троицкой и Спасо-Вифанской семинарий, остальных взяли из выпускников недавно образованной С.-Петербургской духовной академии.

Реформа дала зримые результаты. Преподавание значительно расширилось и углубилось. На смену формальным приемам схоластики пришли исследование, критическая разработка источников, разбор их по подлинникам, использование достижений филологии. «Школьное заучивание истертых фраз уступило место свободному, сознательному рассуждению о предмете»[46]. Более основательным стало изучение древних языков – еврейского и греческого. Среди предметов учебного курса появились священная география, библейская и церковная археология. Вводился курс истории философии – как древней, так и новейшей. Прежние философские диспуты сменились письменными сочинениями, развивавшими способность к самостоятельному мышлению. Из общеобразовательных предметов преподавались также высшая математика, теоретическая и практическая физика, история, словесность. Наряду с латынью стал шире практиковаться русский язык.

К концу 30-х – началу 40-х гг. образование в Московской духовной академии по сравнению с другими такими же академиями получило, по словам ее историка, «особое направление с характером преимущественно историческим»[47].

Московская духовная академия располагала богатой библиотекой и рукописным собранием. Среди ее преподавателей имелись глубокие знатоки своего дела. Обширная ученость и высокие нравственные качества выделяли прежде всего профессора философии Ф. А. Голубинского. «Его многознание высказывалось на экзаменах,– вспоминал бывший студент академии Я. В. Миловский, учившийся там во второй половине 20-х гг.– Возражения Филарета иногда приводили в тупик не только студентов, но и бакалавров; тогда Феодор Александрович вставал и тотчас решал трудный вопрос ясно и удовлетворительно. Но как профессор он в наше время пользовался прошедшею славою: слишком осторожно раскрывал он пред нами философские сокровища»[48]. «Из профессоров в наше время на первом плане стоял Ф. А. Голубинский»[49],– вторил ему М. В. Миловский, учившийся в Московской духовной академии на рубеже 30–40-х гг. Аналогичны и отзывы других слушателей.

Ф. А. Голубинский преподавал философию 36 лет (с 1818 по 1854 г.), особое внимание уделяя ее истории (в частности, древнеиндийской и китайской). Признание силы человеческого разума соединялось у него с безусловной уверенностью в истине православия. К новейшим философским учениям Голубинский относился критически, выступая против увлечения современников Гегелем. В середине 40-х гг. студенты Московской духовной академии, по словам Гилярова-Платонова, отзывались о Голубинском «с чрезвычайным почтением, дивясь его громадным знаниям, но находили его отсталым и ставили ему в вину эклектизм».

Многие отдавали предпочтение профессору эстетики Е. В. Амфитеатрову, о котором говорили «с восторгом, чуть не с поклонением», уверяя, что его лекции знакомят с философией несравненно лучше. Такое предпочтение, помимо яркого лекторского дара Амфитеатрова, объяснялось тем, что этот профессор следовал в своих лекциях системе Гегеля.

Посетив академию весной 1830 г., университетский профессор М. П. Погодин был приятно поражен. «Библиотека, архив с богатствами несчетными и неописанными,– с воодушевлением писал он С. П. Шевыреву.– Все книги о новой нем[ецкой] философии в руках у студентов...Вообрази, что там переведено почти все из новой немецкой философии, и Шеллинг известен там так, как и в голову не попадет какому-нибудь интригану Давыдову»[50]. Познакомившись с профессорами «Троицкой академии», Погодин уверился, что там «множество людей первоклассных». «Если б наше духовенство приладилось к мирянам,

[44] *Никодим,* епископ красноярский. Указ. соч.// Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1877. Кн.2. С.33–50, 111, 2-й паг.

[45] [*Кедров Н.И.*] Московская духовная семинария. 1814–1889.(Краткий ист. очерк). М., 1889. С.83–91; *Титлинов Б.В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып.2. Вильна, 1909. С.16–19.

[46] *Смирнов С.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879. С.66.

[47] Там же. С.68.

[48] Московская духовная академия по воспоминаниям двух родных братьев // Русский архив. 1893. № 9. С.41.

[49] Там же. С.53.

[50] Письма М.П.Погодина к С.П.Шевыреву // Русский архив. 1882. Кн.3. С.148, 152. Упомянут профессор Московского университета И.И.Давыдов.

научилось бы сообщаться с ними, то просвещение наше вдруг увеличилось бы втрое!»[51] – восклицал он.

Выдающимся профессором Московской духовной академии являлся А. В. Горский, с 30-х до начала 60-х гг. преподававший церковную историю. Профессор славился своей эрудицией. Труды его высоко ценились учеными, особенно исследования по истории российской церкви, которую он разрабатывал по неизученным еще источникам. Ему удалось ввести в научный оборот несколько замечательных памятников русской литературы («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона и др.). Историк тесно контактировал с университетскими учеными Москвы и Петербурга.

Одним из самых авторитетных профессоров академии был П. С. Делицын, преподававший математику. Правда, этим предметом занимались лишь единицы среди студентов. Главным в деятельности Делицына и он сам и его коллеги считали редактирование издававшихся академией «Творений святых отцов». Переводы распределялись между всеми профессорами, а их труды поступали на просмотр и исправление к Делицыну – прекрасному знатоку древнегреческого языка и святоотеческой литературы. К мнению Делицына в академии прислушивались.

Студенты выделяли также ученого богослова и историка церкви Филарета Гумилевского, профессора эстетики П. И. Доброхотова, историка П. П. Ключарева.

В течение полувека академия находилась под неустанным надзором митрополита Филарета. Еще до своего назначения митрополитом он трижды ревизовал ее, а в 1821 г. стал архимандритом Троице-Сергиевой лавры, сохранив это звание до конца жизни. Владыка бывал там несколько раз в году, оставаясь иногда подолгу. Он посещал лекции, присутствовал на экзаменах в академии и семинарии, задавал вопросы экзаменующимся, выражая попутно одобрение или порицание. С. М. Соловьев в «Записках» отрицательно отзывался о его влиянии на академию. «Преподаватели даровитые здесь были мучениками,– замечал ученый,–... Филарет по капле выжимал из них, из их лекций, из их сочинений всякую жизнь, всякую живую мысль...». В качестве примера он приводил А. В. Горского – «одного из самых даровитых и ученейших между профессорами духовной академии»[52]. В унисон с историком его сын, философ Вл. Соловьев замечал о Горском: «При необычайной учености, ясном понимании труднейших вопросов и необыкновенной сердечной доброте, этот превосходный старец носил в себе печальные следы духовного гнета – в крайней робости ума и малоплодности мысли сравнительно с его блестящими дарованиями: он все понимал, но боялся всякого оригинального взгляда, всякого непринятого решения»[53]. Как о «деспотическом начальнике» отзывался о митрополите Филарете профессор Московской духовной академии Е. Е. Голубинский, обьясняя его деспотизм общим характером времени[54].

При всем том преподавание в Духовной академии пользовалось некоторыми преимуществами по сравнению с университетами. Лекции по истории философии не прекратились здесь и на рубеже 40–50-х гг. Изложение всеобщей истории доводилось фактически до современности. Профессор П. С. Казанский сообщал в своем отчете: «В течение учебного курса 1848–1850 г. студентам преподана мною по составленным мною запискам вся наука от начала гражданских обществ до Венского конгресса... Из событий европейских после Венского конгресса обращено было внимание на обнаружение демократических идей в Западной Европе, чтобы сделать понятным, отчего с такою силою обнаружились в Западной Европе демократические идеи в 1848 г.»[55] Причина подобных послаблений заключалась, конечно, в том, что власти рассчитывали на политическую благонадежность преподавателей духовных учебных заведений.

За 1814–1869 гг. Московскую духовную академию окончило 1327 человек. Прием и выпуск студентов производились раз в два года. При этом только дважды за весь период число выпускников достигло 60–65; в среднем оно составляло 49 человек[56]. Студентам I разряда при окончании академии присваивалась ученая степень магистра богословия. Остальные выходили кандидатами или действительными студентами. Существовала также степень доктора богословия, но она давалась лишь в особых случаях: за полвека ее получили только трое.

В Духовную академию поступали обычно после окончания духовной семинарии. Однако среди ее студентов имелись и выпускники университетов, лицеев, гимназий, кадетских корпусов, даже Пажеского корпуса; таких, впрочем, было немного (менее 50 за сто лет). Кроме русских, в академии учились сербы, болгары, черногорцы, греки.

Распорядок студенческой жизни в Московской духовной академии, по отзывам бывших студентов, был довольно свободным. Профессора и академическое начальство относились к ним как к взрослым, зрелым людям и не стесняли надзором. До конца 40-х гг. студенты даже ставили своими силами спектакли (включая комедии Н. В. Гоголя), пока наместник лавры не пожаловался Филарету, и тот запретил «скоморошество»[57].

[51] Там же. С.148.

[52] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.237.

[53] Там же. С.412.

[54] *Голубинский Е.Е.* Воспоминания. Кострома, 1923. С.40.

[55] Цит по.: *Смирнов С.* Указ. соч. С.56.

[56] *Луппов П.Н.* Имп. Московская духовная академия за первое столетие ее существования. 1814–1914. [Пг., 1915.] С.2.

[57] *Владимиров А.П.* Нечто из жизни Московской духовной академии конца 40-х годов XIX в. // Русский архив. 1907. № 5. С.143. (Сообщ. Л.С.М.).

Духовная школа не отделялась от светской неприступной стеной. В той и другой имелось немало общего. Первая тоже была в значительной степени общеобразовательной. С другой стороны, основы богословия преподавались не только в духовных, но и в светских учебных заведениях. Студентов Духовной академии можно было увидеть на университетских лекциях. Малообеспеченные семинаристы, подобно студентам, зарабатывали на жизнь уроками, а также перепиской лекций (нередко – университетских). Бывало, что в одной и той же семье кто-то из сыновей учился в семинарии или Духовной академии, а его брат – в университете. Случалось (хотя не часто), что священнослужители отдавали детей в гимназию.

Бывшие семинаристы составляли значительный процент как среди студентов, так и профессоров русских университетов. Из Московской духовной академии вышли профессор и журналист Н. И. Надеждин, профессор, а затем публицист-демократ Г. З. Елисеев, правовед К. А. Неволин, филолог П. С. Билярский.

6. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ВЕДОМСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ[58]

Эти заведения объединялись идеей благотворительности. Особое место среди них занимал Воспитательный дом. Тех его воспитанников, которые росли в городе, обучали ремеслам или мастерству, нужному для работы на мануфактурах и фабриках. Некоторых отдавали в Земледельческую школу или посылали осваивать садоводство. Кроме ремесленного заведения, превращавшегося постепенно в техническое училище, при Воспитательном доме существовала фельдшерская школа для мальчиков. Девочек обучали рукоделиям и ведению домашнего хозяйства, более способных – акушерству («повивальному искусству»), затем определяли в служанки или повивальные бабки. Самые способные из воспитанников получали образование, равное гимназическому. Юноши поступали затем на службу, кое-кого посылали учиться в Медико-хирургическую академию или на медицинский факультет университета. Способных девочек готовили в домашние наставницы. За учением наблюдал инспектор – обычно из университетских профессоров.

В 1837 г. по распоряжению Николая I порядки изменились. В Воспитательный дом, кроме незаконнорожденных, стали принимать осиротевших детей небогатых чиновников (300 мальчиков и 300 девочек). Отныне учебные классы предназначались только для них, остальным образование стало недоступно. В конце 40-х гг. мальчиков-сирот перевели в Александринский сиротский институт (преобразованный затем в Сиротский кадетский корпус), а девочек оттуда – в Воспитательный дом. В помещении для грудных детей младенцы «благородного происхождения» были отделены от прочих. Сословный подход торжествовал!

К тому же ведомству принадлежали закрытые женские учебные заведения. Училище ордена святой Екатерины, основанное в 1803 г., предназначалось для дочерей дворян и чиновников. В конце первой четверти XIX в. в нем училось 242 воспитанницы. Из них 143 платили за свое обучение, остальные находились на казенном содержании. Инспектор назначался обычно вдовствующей императрицей из профессоров Московского университета, учителя – из университетских выпускников. Кроме общеобразовательных предметов, воспитанниц учили шитью, вышиванию, ведению домашнего хозяйства.

Александровское училище для дочерей офицеров (не выше капитанского чина), купцов, мещан, священников открылось в 1804 г. Большинство воспитанниц находилось на казенном содержании. Курс обучения здесь был менее широк, чем в Екатерининском: физика, музыка, танцы, итальянское пение не преподавались.

Елизаветинское училище образовалось в 1847 г. на основе возникшего более чем за 20 лет до того «Дома трудолюбия для воспитания бедных девиц»[59].

7. НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Первые начатки знаний дети получали чаще всего дома: в дворянских семьях нанимали учителей и гувернеров, в купеческих, разночинских, мещанских грамоте учили родственники или какой-нибудь конторщик, приказчик, дьячок. Основу первоначального обучения составляло религиозно-нравственное воспитание в семье. Его дополняли чтение, письмо, арифметика; в дворянской, чиновничьей, интеллигентской среде – еще и иностранные языки.

В начале 1830-х гг. в городе имелось 10 приходских школ и одно уездное училище, в которых занималось 1189 человек[60]. Кроме того, существовало два начальных училища при лютеранской церкви. В приходских школах курс обучения был рассчитан на два года. Туда принимали и девочек. По уставу 1804 г. в учебную программу входили Закон Божий, чтение, письмо, счет, домоводство. Давались начальные знания о природе,

[58] Ведомство это существовало с конца XVIII в., но называться так стало только с 1854 г.

[59] Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. СПб., 1906. С.25.

[60] *Андроссов В.* Статистическая записка о Москве. М., 1832. С.124.

строении человеческого тела, средствах предохранения от болезней. Перед приходскими училищами ставилась задача не только дать ученикам знания, но и «сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими... истребить в них суеверия и предрассудки» (дань просветительским идеям времени!). Иначе формулировал цель этих училищ устав 1828 г. Возобладавший к этому времени сословный подход требовал от них прежде всего распространения первоначальных сведений между людьми «самых нижних состояний» (§ 4). Обучение ограничивалось Законом Божьим, чтением, письмом, четырьмя первыми действиями арифметики. Способ преподавания предполагался двоякий: «обыкновенный или по методе Ланкастера» (взаимное обучение); последнее особенно рекомендовалось в случае большой численности учеников.

Уездные училища предназначались прежде всего для сыновей купцов, ремесленников и других городских жителей из средних и «нижних» слоев населения. В уездное училище поступали после приходского. Обучение продолжалось два, позднее три года. Устав 1804 г. предусматривал преподавание здесь Закона Божьего, «должностей человека и гражданина», грамматики русского и местного национального языка, чистописания, географии, истории, арифметики, общих сведений по геометрии, физике, естествознанию, технологии, рисования. В уставе 1828 г. уже не упоминалось ни о «человеке и гражданине», ни о местных национальных языках. Исключались из программы физика, естествознание, технология. Однако разрешалось с согласия министерства открывать «дополнительные курсы для обучения тем искусствам и наукам, коих знание наиболее способствует успехам в оборотах торговли и в трудах промышленности» (§ 58). В московском казенном уездном училище открыли на этом основании классы технического рисования и черчения. Учение в приходском и уездном училищах было бесплатным. Содержались они за счет городских средств.

Начальные училища имелись и при некоторых московских фабриках (в том числе две при Прохоровской мануфактуре). В некоторых из них, кроме элементарного общего образования предметов, учащиеся получали и прикладные знания. В конце 40-х гг. в городе действовало более 20 фабричных школ, в которых училось 1358 мальчиков и 62 девочки[61]. В 1835 г. было основано сословное Мещанское училище для мальчиков, с четырехлетним сроком обучения, где преподавались общеобразовательные предметы, а также счетоводство и делопроизводство. Через несколько лет там открыли отделение для девочек. В середине века число учеников в Мещанском училище превысило 280 человек.

И все же большинство населения Москвы оставалось неграмотным. Прежде всего – самая обездоленная его часть. Но неграмотные имелись и среди людей богатых, включая фабрикантов, управлявших огромными фабричными заведениями, и их сыновей[62].

8. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Особое внимание уделялось в ту пору военному и духовному образованию (см. выше), что характерно для феодального общества. Торгово-промышленное обучение находилось в зачаточном состоянии, хотя за полвека заметно расширилось. Отдельные практически нужные предметы стали чаще включаться в программу общеобразовательных учебных заведений. Возникали и специальные профессиональные училища.

В 1804 г. Купеческое общество основало Коммерческое училище. Его великолепный дом с коринфскими колоннами находился на Остоженке. Из ста учеников более половины платили за учение, остальные обучались за счет Купеческого общества, казны и благотворителей. Курс обучения был восьмигодичный и включал в себя, кроме общеобразовательных предметов, бухгалтерию, технологию, архитектуру.

Практическая академия коммерческих наук возникла в 1810 г. на основе частного коммерческого пансиона. Располагалась она на Солянке, напротив Воспитательного дома. Принимали туда детей купцов и мещан. Существовала академия на пожертвования купцов – членов Общества любителей коммерческих знаний, а также на плату за обучение. Число учащихся колебалось в разные годы от 60 до 100 человек. Среди них были пансионеры, полупансионеры и приходящие ученики. Малоимущие от платы освобождались. За шесть лет обучения воспитанники изучали общеобразовательные предметы с упором на математику, географию, иностранные языки, а также бухгалтерию, коммерцию, технологию, танцы. Особое значение придавалось практическому освоению коммерческих знаний. Попечителями академии в разное время были сенатор П. С. Валуев, генерал-губернаторы граф А. П. Тормасов и князь Д. В. Голицын. На торжественном акте летом 1828 г. член Общества любителей коммерческих знаний известный писатель и журналист, купец Н. А. Полевой произнес во славу просвещения «Речь о невещественном капитале». «*Просвещение не только полезно, но необходимо для блага об-*

[61] Московские губернские ведомости. 1847. Отд. 2. Часть неофиц. К № 4. 25 января. С.48–49.

[62] *Андроссов В.* Указ. соч. С.172.

Московское коммерческое училище на Остоженке

Московский генерал-губернатор граф А. П. Тормасов

щественного,– говорил он,– ...просвещение есть главнейшее основание благосостояния каждого государства, ибо оно составляет часть народного богатства, более важную, нежели богатство вещественное; оно есть невещественный капитал, без коего капитал вещественный не только маловажен, но совершенно ничтожен»[63]. Эта знаменательная речь была выпущена отдельным изданием в том же году дважды.

Не удалась попытка открыть в Москве Технологический институт, который готовил бы технически образованные кадры для русской промышленности[64]. Идея принадлежала министру финансов Е. Ф. Канкрину и относилась к началу 1825 г. Москва была избрана как «средоточие мануфактурной деятельности страны». В институт предполагалось принимать юношей 16–24 лет из среды «промышленного класса людей» – сыновей фабрикантов, мещан, ремесленников, но не крепостных. Намечалось изучение коммерции, мануфактурной статистики, черчения, рисования, сведений о разных фабричных производствах. Проект был одобрен Комитетом министров и утвержден Александром I. Однако московские фабриканты проявили полное безразличие к этому начинанию. Не помогли и неоднократные обращения к ним министра финансов с объяснением пользы и выгод, которые они получат от будущего института. Необходимость технического образования еще не была в то время осознана московским купечеством. В конце концов Технологический институт открылся в Петербурге в 1831 г.

Однако в те же годы Москва обзавелась своим техническим училищем. Выросло оно из ремесленной школы Воспитательного дома. Вначале там учили портняжному и сапожному делу. Кузнечные, слесарные, токарные, картонные, малярные и некоторые др. мастерские существовали там же с середины 20-х гг. В начале 30-х гг. они стали основанием Ремесленного училища на 300 человек, дававшего не только профессиональную подготовку, но и некоторое теоретическое образование (включая физику, химию, геометрию, механику, алгебру, черчение). В 40-х гг. при училище построили небольшой механический завод, расширили программу преподавания, срок обучения увеличили до шести лет. В Ремесленное училище принимались и учащиеся со стороны – дети купцов, мещан, ремесленников, рабочих. Закончившим полный курс присваивалось звание ученого мастера; тем, кто получил только практические навыки,– звание мастера или подмастерья.

[63] *Полевой Н.А.* Речь о невещественном капитале... М., 1828. С.10.

[64] *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1968. С.337–343.

Необходимые навыки в ткацком деле (наряду с элементарным общим образованием) получали ученики школ при Прохоровской Трехгорной мануфактуре[65]. Первая из них – для мальчиков, работавших на фабрике,– открылась в 1816 г. В 30-х гг. там обучалось свыше 100 человек. В 40-х гг. к ней присоединилась женская профессиональная школа (одна из первых в России) и школа для детей, не работающих на фабрике. Тогда же в Москве и ее окрестностях было создано по образцу прохоровских более 20 фабричных школ с 2 тыс. учащихся.

Одним из старейших специальных училищ в Москве было Константиновское землемерное училище, основанное еще в XVIII в., а в середине 30-х гг. преобразованное в Межевой институт. Первым директором института стал С. Т. Аксаков.

Московское общество сельского хозяйства открыло в 1822 г. Земледельческую школу с целью содействовать повышению доходности помещичьих имений. Руководимая профессором Московского университета М. Г. Павловым, школа превратилась в образцовое учебное заведение, готовившее управляющих имениями и агрономов. Большинство ее учащихся было крепостными. Земледельческая школа имела два отделения: низшее и высшее. Помимо общеобразовательных предметов преподавались специальные: землемерное дело, черчение, счетоводство, сельскохозяйственная технология, садоводство, лесоводство, скотоводство, сельская архитектура. Школа имела свой опытный хутор.

Значительное развитие получило в Москве художественно-промышленное образование. В конце 40-х гг. в городе существовало 16 рисовальных школ при учебных заведениях и фабриках и две отдельные рисовальные школы[66].

Еще в конце XVIII в. великий зодчий М. Ф. Казаков основал Архитектурное училище при Кремлевской экспедиции. В 1814 г. оно получило название Дворцового училища. Одно из его отделений выделилось в 30-х гг. в Первую рисовальную школу.

В 1825 г. открыл рисовальную школу граф С. Г. Строганов, щедро оборудовав ее моделями, рисунками, другими учебными пособиями. Целью ее было «доставлять отличных рисовальщиков для фабричных работ». Располагалась школа в бывшем особняке князя Лобанова-Ростовского. За двадцать с лишним лет она выпустила 300 воспитанников, работавших впоследствии на разных предприятиях (ситценабивных и фарфоровых фабриках), в литографиях, преподавателями рисования, черчения, чистописания. 20 ее выпускников получили звание свободных художников имп. Академии художеств. В женском классе той же школы желающих бесплатно обучали рисованию, вышиванию, вязанию. При школе действовал воскресный класс для мальчиков всех сословий и начальная воскресная школа для малолетних фабричных. Строгановская школа сыграла заметную роль в развитии художественно-промышленного образования в Москве и России.

Группа учеников Московского коммерческого училища

В начале 30-х гг. открылся художественный класс при Московском художественном обществе.

* * *

Общая картина в области просвещения в первой половине XIX в. была полна контрастов: лучший в стране университет и неграмотность основной массы населения, утонченная культура в верхних слоях общества и ее недоступность для остальных.

Уровень образованности человека во многом определялся его сословной принадлежностью. Самым образованным сословием считалось дворянство. И действительно, в верхушке дворянства имелось немало людей, достигших высот европейской культуры. Детей своих аристократы воспитывали или за границей, или в привилегированных российских учебных заведениях (преимущественно закрытых), или дома под наблюдением лучших учителей и гувернеров-иностранцев. Особенно ценились внешний лоск, благовоспитанность, хорошие манеры, безукоризненное владение французским языком, знакомство с французской литературой. Со временем аристократия тускнела, мельчала, аристократические семьи переселялись в Петербург, и на первый план все больше выдвигался просвещенный слой среднего дворянства. Интеллектуальный уровень этого

[65] Школы товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры в их прошлом и настоящем. СПб., 1904.

[66] Московские губернские ведомости. 1847. Отд.2. Часть неофиц. К № 4. 25 января. С.49.

слоя рос. Дворянство выдвинуло из своей среды выдающихся мыслителей, писателей, журналистов. Расцвет дворянской культуры первой половины XIX в. самым непосредственным образом связан с Москвой. Оторванная от столиц провинциальная помещичья среда в отношении образования стояла невысоко: в начале XIX в. даже элементарная грамотность не была ее общим достоянием, хотя и в далекой глуши встречались порой очаги высокой культуры. Московское и вообще столичное дворянство на общем фоне своего сословия выделялось в лучшую сторону.

Интенсивно формировался социальный слой образованных разночинцев – выходцев из разных сословий, оторвавшихся от образа жизни и занятий своих предков, связавших свою судьбу с наукой, литературой, искусством, преподаванием, государственной службой. Разночинная интеллигенция все больше сближалась с просвещенным слоем среднего дворянства. Определяющее влияние на процесс ее формирования, как и на рост умственных интересов в дворянской среде, играли университеты – прежде всего Московский.

В среде духовенства грамотность была общим явлением. Имелось здесь и немало высокообразованных людей. Это прежде всего относилось к столичному духовенству. Но образованность этого сословия отличалась по своему характеру от дворянской. Французский язык, столь ценимый в дворянской среде, здесь был распространен несравненно меньше. Первое место в духовных учебных заведениях занимала латынь (которую семинаристы знали гораздо лучше даже по сравнению с воспитанниками уваровских классических гимназий), а из иностранных языков – немецкий, более нужный при изучении философии. Неодинаков был и разговорный язык образованного дворянина и лица духовного. Легкая, бойкая, насыщенная галлицизмами речь первого заметно отличалась от несколько тяжеловесного, с примесью церковно-славянизмов, слога второго. По своим манерам и внешней благовоспитанности большинство духовенства заметно уступало дворянству.

Культурный уровень основной массы купечества был невысок. Грамотность, умение считать были, разумеется, купцу необходимы и потому поощрялись. Но к «высшим наукам» тяготения не проявлялось. Отношение к ним было недоверчивым и даже настороженным. Характерной иллюстрацией явилась неудача с открытием в Москве Технологического института. Культурные запросы купечества определялись главным образом приверженностью к православию и удовлетворялись православной церковью или принадлежностью к разным толкам старообрядчества. Однако со временем и в купеческую среду все больше проникало понимание необходимости знаний. Купеческие сыновья появляются в университетских аудиториях. Возникают учебные заведения, ориентированные на будущую деятельность в торговле и промышленности. Из купеческого сословия выделяются люди, тянувшиеся к культуре и даже начинавшие играть в ней весьма видную роль (журналисты Н. А. и К. А. Полевые, книгоиздатель С. И. Селивановский, литератор В. П. Боткин и др.).

Среди ремесленников, фабричных, дворовых образованность была явлением редким (за исключением узкого слоя крепостной интеллигенции – музыкантов, живописцев, артистов).

Впрочем, интерес к чтению обнаруживался во все более широких слоях народа уже в самом начале XIX в. «За двадцать пять лет перед тем,– писал Н. М. Карамзин в 1802 г.,– были в Москве две книжные лавки, которые не продавали в год и на 10 тысяч рублей. Теперь их двадцать, и все вместе выручают они ежегодно около 200 тысяч рублей... Прежде расходилось московских газет не более 600 экземпляров... теперь расходится московских около 6000». При этом отмечалась любопытная особенность: особый интерес к газетам проявляли, по наблюдению Карамзина, не дворяне, а купцы и мещане. «Самые бедные люди подписываются; и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель! Одному моему знакомцу случилось видеть несколько пирожников, которые, окружив чтеца, с великим вниманием слушали описание сражения между австрийцами и французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут «Московские ведомости», хотя четверо не знают грамоте, но пятый разбирает буквы, а другие слушают».

Из книг особой популярностью пользовались романы. Любовь москвичей и вообще россиян к чтению радовала Карамзина: «И романы самые посредственные – даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению... К тому же нынешние романы богаты всякого рода познаниями»[67].

За полвека умножилось число типографий, возросло количество выпускаемой литературы, развилась книжная торговля, заметно расширился круг читателей. Появились новые журналы, альманахи, газеты. В общей массе книг увеличилась доля учебных пособий, научных и научно-популярных изданий[68].

Возраставшее значение образования в реальной жизни, распространение просветительских идей содействовали усилению тяги к знаниям и учению во всех слоях населения. В Москве – крупнейшем центре просвещения России – это явление было особенно заметно.

[67] *Карамзин Н.М.* О книжной торговле и любви ко чтению в России // *Карамзин Н.М.* Записки старого московского жителя. М., 1986. С.322–324.

[68] *Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX в. М., 1991; *Заболотских Б.* Книжная Москва. Ист. очерки. М., 1990.

VIII

ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ

В отличие от Петербурга, воплощавшего в глазах современников государственное, бюрократическое начало, Москва была выразительницей настроений, преобладавших в неофициальных кругах – преимущественно среди дворян и людей образованных. Общественные дела вызывали здесь более живой интерес, чем в северной столице. «В Петербурге – сцена, в Москве зрители; в нем действуют, в ней судят,– писал П. А. Вяземский.– ...Из Петербурга истекали меры правительственные; но способ понимать, оценивать их, судить о них, но нравственная их сила имели средоточием Москву». Влиятельный голос в общественном мнении Москвы начала XIX в. принадлежал, по словам автора, московским аристократам – «оппозиционному партеру», где первые ряды занимали «графы Орловы, Остерманы, князья Голицыны, Долгорукие и многие другие второстепенные знаменитости, которые в свое время были действующими лицами на государственной сцене. Все эти лица были живая летопись прежних царствований»[1].

Аристократы задавали тон в Москве начала XIX в. Пользовавшиеся некогда огромным влиянием, обладавшие большими состояниями, они привыкли не стеснять себя в суждениях. Правда, недовольство, если и возникало, то лишь по отношению к отдельным лицам правящей верхушки или к конкретным мерам правительства. С оппозиционностью оно имело мало общего.

Голос московской знати, который слышался в великосветских салонах, на дворянских выборах в Благородном собрании, в Английском клубе, не представлял опасности для монархии. И русские самодержцы считали нужным прислушиваться к мнениям этого круга. Характер подобных толков саркастически запечатлел А. С. Грибоедов в «Горе от ума». Его Фамусов так характеризует московских «старичков»: «Как их возьмет задор, / Засудят об делах, что слово – приговор,– / Ведь столбовые все, в ус никого не дуют; / И об правительстве иной раз так толкуют, / Что если б кто подслушал их... беда!/ Не то, чтоб новизны вводили,– никогда, / Спаси нас, Боже! Нет. А придерутся / К тому, к сему, а чаще ни к чему, / Поспорят, пошумят и ... разойдутся».

Впрочем, далеко не всегда это было так политически безобидно. В начале XIX в. влиятельная группа московских дворян, недовольных либеральными мерами молодого императора, враждебно настроенных по отношению к М. М. Сперанскому, вела себя наступательно. Действовали они привычными в этой среде методами, адресуясь со своими письмами, записками, рекомендациями прямо к Александру I или стараясь повлиять на него через приближенных к нему лиц – прежде всего через его сестру, великую княгиню Екатерину Павловну. Так поступал граф Ф. В. Ростопчин. По прямому заказу Екатерины Павловны Н. М. Карамзин написал для царя записку «О древней и новой России»[2], направленную против проводившихся и задуманных реформ. Характерно впечатление, произведенное на крепостников речью Александра I при открытии сейма в Варшаве весной 1818 г., где царь недвусмысленно заявил о намерении даровать России «законно-свободные учреждения» (конституцию). Когда слух об этом дошел до Москвы, отставшие от века московские «бригадиры», по саркастическому выражению одного из приятелей-корреспондентов Вяземского, «такой получили спазм в горле, что не могут пропустить ни ложки ботвиньи, ни куска стерляди, а трое чуть-чуть кулебякою не подавились»[3].

Первой формой свободной самоорганизации русского общества известный российский философ Н. А. Бердяев назвал масонские ложи, которые появились в стране еще в XVIII в. Несравненно более плодотворным в этом отношении оказалось следующее столетие, ознаменовавшееся небывалым оживлением общественной жизни. Рост нацио-

[1] *Вяземский П.А.* Допотопная или допожарная Москва // Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1882. С.82–83.

[2] *Эйдельман Н.* Последний летописец. М., 1983. С.66–72.

[3] Цит. по: *Лотман Ю.М.* П.А.Вяземский и движение декабристов // Ученые записки Тартуского университета. Вып.98. 1960. С.41.

нального самосознания, сближение с Западной Европой содействовали возбуждению интереса к культурным и политическим проблемам. С начала XIX в. тут и там появляются разнообразные общества, кружки, организации – литературные, научные, религиозно-нравственные, просветительные, благотворительные, политические, философские. Среди них – явные и тайные, официально утвержденные и неформальные, политически лояльные и противоправительственные. Выдвигаются общественные типы, характерные для того или иного периода,– вольтерьянцы, просветители, масоны, декабристы, славянофилы, западники... Видное место в этом процессе принадлежало Москве.

1. МОСКОВСКИЕ ВОЛЬТЕРЬЯНЦЫ

Еще в XVIII в. вольтерьянцами называли людей, находившихся под воздействием новомодных западноевропейских идей. По словам Н. А. Бердяева, «западную культуру русские бары XVIII в. усвоили себе в форме плохо переваренного вольтерианства. Этот вольтерианский налет оставался в известной части русского дворянства и весь XIX в., когда у нас появились уже более самостоятельные и глубокие направления мысли»[4]. Образованные русские люди рано познакомились с сочинениями энциклопедистов и прежде всего Вольтера – «умов и моды властелина», по выражению А. С. Пушкина. Знание французского языка, которым многие дворяне владели лучше, чем родным, открывало доступ к французской литературе. Появились многочисленные переводы сочинений Вольтера и его знаменитых соотечественников. Бывая во Франции, мыслящие россияне старались встретиться и побеседовать с выдающимися деятелями Просвещения. Не остался без влияния на русских вельмож и пример императрицы Екатерины II, какое-то время переписывавшейся с Вольтером, покровительствовавшей Дидро, разделявшей многие мысли Монтескье.

Так или иначе, идеи французских просветителей проникли в высшие слои дворянства, а потом и в более широкие круги русского общества. Но далеко не все вникали в глубокий смысл этих идей, осознавая их как целостную философскую систему. Большинство знакомилось с ними довольно поверхностно – по случайно попавшим в руки повестям, поэтическим произведениям, памфлетам и восприняло их в упрощенном, а порой и искаженном виде. Богатым и знатным русским барам, утопавшим в роскоши, располагавшим даровым трудом сотен и тысяч крепостных, не привыкшим ограничивать себя в желаниях и прихотях, религиозное вольнодумство просветителей нередко служило желанным поводом освободиться от нравственных пут, налагаемых церковью на людей верующих. Сказывались также высокий престиж европейской культуры в дворянской среде, поведение императрицы и ее окружения – начиная с политики и кончая фривольными нравами царского двора. Главное в просветительстве – протест против неравенства, сословных привилегий, феодальных порядков – в большинстве случаев не находило отклика у русских помещиков. «Неофиты цивилизации,– писал о них А. И. Герцен,– с жадностью набросились на чувственные удовольствия. Они отлично поняли призыв к эпикуреизму, но до их души не доходили торжественные звуки набата, призывавшего людей к великому возрождению»[5].

В первой трети XIX в. таких людей среди старшего поколения именитого дворянства имелось немало. Особенно в Москве, где они доживали свой век. «Почти все старики того времени, которых мы только знали,– вспоминал Герцен,– были вольтерьянцами или материалистами, если не были франкмасонами». «Иностранцы дома, иностранцы в чужих краях, праздные зрители, испорченные для России западными предрассудками, для Запада русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись в искусственной жизни, в чувственных наслаждениях и в нестерпимом эгоизме»[6],– писал он о людях такого типа. К этому кругу Герцен относил «старого скептика и эпикурейца» князя Н. Б. Юсупова – приятеля Вольтера, Дидро, Бомарше. Черты того же типа видел он в своем отце и во многих его современниках.

Наряду с «вольтерианством» такого рода в общественном сознании существовала, разумеется, и более глубокая струя просветительства. Ее очагами являлись Московский университет и печать (насколько позволяли цензурные условия). С другой стороны, в старшем поколении дворянства имелись непримиримые противники просветителей XVIII в. Так, И. И. Киреевский (отец будущих славянофилов) специально скупал в книжных лавках произведения Вольтера, а затем сжигал их.

2. ОТ ДРУЖЕСКОГО УЧЕНОГО К ДРУЖЕСКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБЩЕСТВУ

Основанное с просветительными целями Н. И. Новиковым и его сотоварищами-масонами на рубеже 1770–1780-х гг. Дружеское ученое общество прекрати-

[4] *Бердяев Н.А.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С.85.

[5] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.7. С.183.

[6] Там же. Т.8. С.87.

ло существование вместе с арестом своего основателя. Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость, другие тоже арестованы, высланы или подвергнуты полицейскому надзору. После воцарения Павла I их освободили. Новикова лишили возможности снова арендовать типографию Московского университета, и он поселился в своем подмосковном имении Авдотьино. И. П. Тургенев вернулся в Москву. Его дом стал средоточием близких ему по духу людей – масонов И. В. и П. В. Лопухиных, М. И. Невзорова, писателей И. И. Дмитриева, М. М. Хераскова, Н. М. Карамзина. Здесь сохранялась характерная для этого круга духовная атмосфера, проникнутая преданностью просвещению и высоким нравственным идеалам.

В этой атмосфере росли и воспитывались четыре сына Тургенева, на редкость одаренные юноши; к сожалению, двое из них совсем молодыми ушли из жизни. Старший, Андрей (1781–1803), еще студентом проявил себя как поэт, переводчик, человек большого общественного темперамента. Он и поэт-разночинец А. Ф. Мерзляков (в будущем прославленный профессор) вместе с младшим братом Тургенева Александром, друзьями – Андреем и Михаилом Кайсаровыми, А. Ф. Воейковым и совсем юным В. А. Жуковским образовали Дружеское литературное общество. Позже к ним присоединились начинающий поэт С. Е. Родзянко и еще несколько человек. Общество приняло устав («Законы»), устраивало еженедельные, а также торжественные собрания. В таком виде оно действовало примерно полгода – с января до лета или осени 1801 г., когда составлявшие его молодые люди разъехались из Москвы. Общество провело более 20 собраний, где произносились речи, читались собственные сочинения, происходил оживленный обмен мнениями по вопросам, имевшим не столько литературное, сколько общественно-воспитательное звучание. Участников кружка волновали острые проблемы современности. «Отчего говорим мы так часто о вольности, о рабстве, как будто бы собрались здесь для того, чтобы разбирать права человека?»[7] – обращался к товарищам Андрей Тургенев. Рассуждали о патриотизме, о долге гражданина, о добродетелях и пороках, о страстях и рассудке, о воспитании нравственного характера, о счастье и дружбе, о гражданственности и национальной самобытности литературы, о бессмертии души, о Боге.

Показательны речь Андрея Тургенева о любви к отечеству и его стихотворение на ту же тему, опубликованное позже в «Вестнике Европы». Страстный патриотизм оратора имел свободолюбивую окраску, самозабвенная преданность родине отделялась в его сознании

Андрей Тургенев. Рисунок неизвестного художника

от верноподданнических чувств: «Цари хотят, чтоб пред ними пресмыкались во прахе рабы; пусть же ползают пред ними льстецы с мертвою душою, здесь пред тобою стоят сыны твои!»[8] – говорил он, обращаясь к России. Записи в дневнике А. Тургенева свидетельствуют о его политическом и религиозном свободомыслии, о тираноборческих настроениях. Юношу вдохновляли герои Шиллера – особенно Карл Моор из «Разбойников». Некоторые строки в дневнике явно запечатлели идею тираноубийства, причем речь шла о России[9]. Своим вольнолюбивым настроением, как и своим творчеством, молодой поэт предварял гражданскую поэзию декабристов. В просветительском русле развивались и взгляды его ближайшего друга А. Кайсарова. Дальнейший жизненный путь Кайсарова показал его верность передовым убеждениям: защищенная за границей диссертация, отвергавшая крепостное право, профессорство в Дерпте, самоотверженная деятельность в походной типографии при штабе Кутузова в 1812 г., гибель в партизанском отряде.

Близок двум друзьям по своей позиции в то время был их товарищ по Дружескому обществу А. Ф. Воейков. Отчетливо проявилось это в его речах о Петре III и о героизме. Первая из них написана, правда, в виде панегирика, но отношение к этому императору, как и к его сыну Павлу I, не было однозначным среди прогрессивно настроенных людей. Важно, что в речи ясно выразилось возмущение деспотизмом и такими его орудиями, как «тиранский трибунал» Тайной канцелярии. Петру III воздавалась

[7] Цит. по: *Истрин В.* Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 8. С.289.

[8] Цит. по: *Лотман Ю.М.* Стихотворение Андрея Тургенева «К отечеству» и его речь в «Дружеском литературном обществе» // Литературное наследство. Т.60. Кн.1. М., 1956. С.331.

[9] *Лотман Ю.М.* А.С.Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 63). С.68–69.

хвала за секуляризацию монастырских земель и освобождение монастырских крестьян. Резкий отзыв о монахах как «паразитических членах государства» и тунеядцах, которые «отягчали добрых, бесхитростных поселян тяжелыми цепями», напоминал антиклерикальные выпады просветителей и свидетельствовал об антикрепостнических настроениях. Подобно А. Тургеневу Воейков выражал готовность ради отечества принять смерть на эшафоте.

«Энтузиазмом патриотизма» проникнуты и две речи А. Ф. Мерзлякова. И в них звучали призывы быть гражданином, сыном отечества. Основой благоденствия народов молодой поэт и ученый считал нравственность. Со свойственным ему красноречием он ратовал за помощь «угнетенной невинности» и голодным беднякам. Мечтая о счастливом будущем России и всего человечества, соединенного братской любовью, Мерзляков восклицал: «Ах! ...если бы люди соединялись с людьми, государства с государствами, цари с царями, если бы они соединялись в общей единственной их цели...»[10]. От рассуждений он призывал перейти к делу. Молодой разночинец обрушивался на мечты о будущем и мечтательность вообще, превознося принцип пользы как могущественного стимула деятельности. В этом он расходился со своими товарищами из дворянской молодежи, выдвигавших на первый план самоотверженность.

Остальных членов кружка отличала наклонность к морально-религиозной тематике. М. Кайсаров рассуждал о врожденном чувстве добродетели, утверждая вслед за Руссо и Вольтером, что цивилизация наделила людей множеством предрассудков, от которых были свободны дикари. На Руссо ссылался и В. Жуковский, утверждая: «Все совершенно, исшед из рук Творца природы, все приходит в упадок в руках человека». Страсти (а именно им была посвящена одна из его речей) он призывал подчинять рассудку. Счастье, говорил поэт в другой раз, зависит от самого человека и заключается внутри него. Александр Тургенев, рассуждая о воспитании нравственного характера, посвятил свое выступление масону И. В. Лопухину как образцу добродетельного человека. Обе речи С. Родзянко были направлены против атеизма и «сонмища атеистов», начиная с древнегреческих и кончая новейшими. Одна из них посвящена бессмертию души, другая – Богу. Атеистические воззрения казались Родзянке особенно опасными, потому что их распространение грозило полным крушением нравственных ценностей, уравнением порока с добродетелью.

Повышенный интерес к религиозно-моральной тематике, высокие нравственные устремления участников Дружеского литературного общества преемственно сближают их с новиковским кружком, хотя и то и другое не связано у них с масонством. Вместе с тем у Андрея Тургенева и некоторых его товарищей заметны новые, политические тенденции, предварявшие в какой-то мере декабристов.

3. МАСОНСКИЕ ЛОЖИ В МОСКВЕ[11]

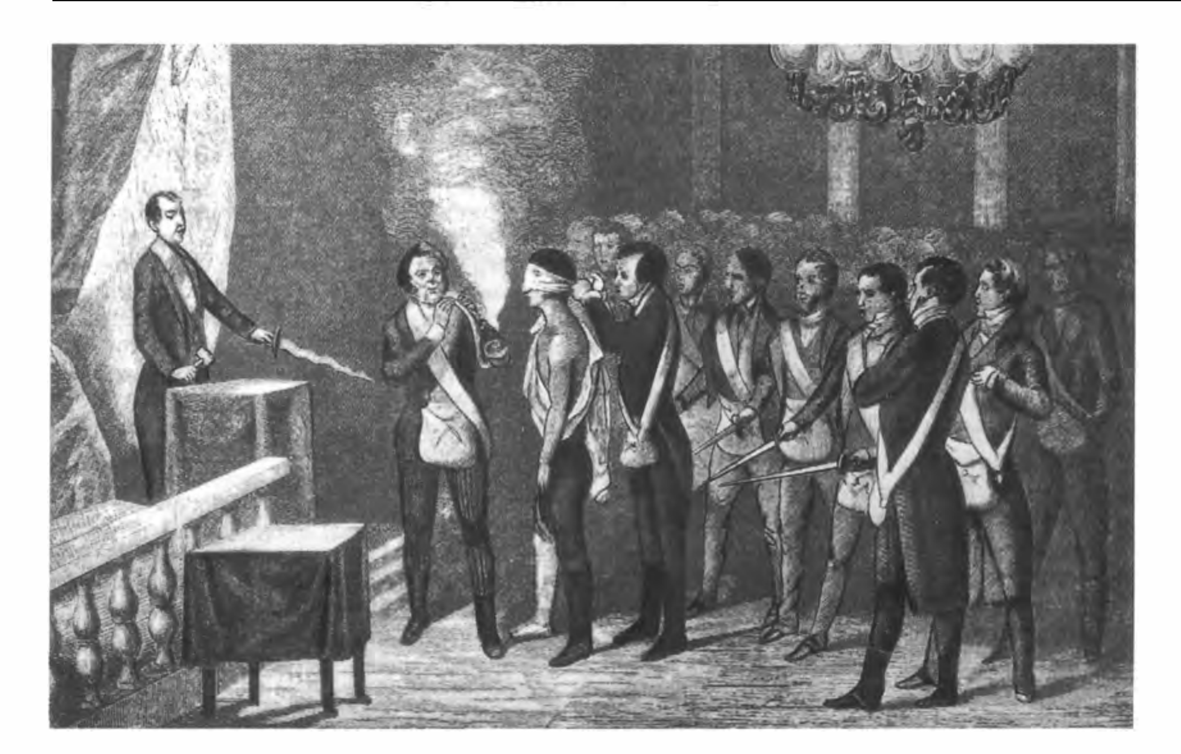
Заметным явлением общественной жизни того времени было масонство. Оно представляло собой многообразный спектр разнородных стремлений – философско-мистических увлечений, высоких требований самоусовершенствования, поиска практических способов помощи ближнему. Масоны называли себя вольными каменщиками, преемственно связывая свои братства со средневековыми гильдиями строителей храмов и возводя истоки своего учения в глубь веков – к символическому храму премудрости соломоновой. Их цель – построение в своей душе «внутренней церкви», постижение сокровенного знания «Бога, человека и натуры». Религиозность масонов отличалась от церковной, а стремление к познанию тайн природы зачастую выражалось в занятиях алхимией и магией (особенно у розенкрейцеров). Русское масонство не противостояло православию, хотя масоны, проповедуя веротерпимость, признавали и другие вероисповедания.

Большое значение придавали масоны обрядности, выполнению тщательно разработанных и полных символического значения ритуалов. Строжайшим образом соблюдалась в ордене иерархия разных степеней посвящения («ученик», «товарищ», «мастер», «великий мастер ложи» – вплоть до «великого магистра ордена»). Будучи явлением общеевропейским, масонство проникло в Россию с Запада. Существовали разные системы – английская, шведская, берлинская (розенкрейцеры или братство золото-розового креста), шотландская, французская. Каждый орден объединял людей разных стран и народов. Среди масонов имелись аристократы и коронованные особы, помещики и офицеры, чиновники и профессора, служители искусства и духовные особы, купцы и ремесленники (большей частью иностранные). Тут можно было встретить людей и самых передовых и самых консервативных взглядов. Культивировалась тесная связь между «братьями», взаимная помощь друг другу и всем, кто в ней нуждался.

Объединяя людей узами братства и преданности высоким идеалам, масонство привлекло к себе в XVIII–XIX вв.

[10] Цит. по: *Истрин В.* Указ. соч. С.3.

[11] «Хронологический указатель русских лож» за 1717–1829 гг. см.: *Пыпин А.Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С.502–532.

Прием в масонскую ложу вновь поступающего члена. Старинная гравюра

немало выдающихся людей. К масонам принадлежали Н. И. Новиков и А. Н. Радищев, А. В. Суворов и М. И. Кутузов, М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов, кураторы Московского университета М. М. Херасков и И. П. Тургенев, попечитель Московского учебного округа М. Н. Муравьев, П. Я. Чаадаев, многие декабристы, архитекторы В. И. Баженов и А. Л. Витберг, поэты А. С. Пушкин и П. А. Вяземский[12]. Влияние масонства на отечественную культуру, просвещение, общественную мысль и общественное движение неоспоримо. Вместе с тем в масонских ложах имелось немало людей случайных, привлеченных туда любопытством или карьерными соображениями. Таинственность, которой окружали себя масоны, своеобразие их ритуалов, столь непохожих на церковные, контакты с иностранными «братьями» – все это нередко создавало масонам дурную славу. Многие подозревали их в самых зловещих замыслах, считали отступниками от православия и даже слугами Антихриста, хотя в большинстве случаев это были люди верующие, а нередко и весьма благочестивые.

На протяжении нескольких веков своего существования масонство претерпело ряд качественных изменений: в зависимости от исторических обстоятельств менялись его характер и направленность. В XIX в. оно во многом было уже не тем, что в XVIII. Самый выдающийся период в истории российского масонства, связанный с просветительной деятельностью Н. И. Новикова, остался позади. Однако в начале XIX в. в Москве еще жили некоторые масоны старшего поколения. В «мартинистах», к которым принадлежали Новиков, Радищев, а также многие московские масоны, А. С. Пушкин отмечал «странную смесь мистической набожности и философического вольнодумства»; по его словам, «бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, к которому они принадлежали»[13].

Благодаря изменившимся обстоятельствам кое-кто из этих деятелей оказался на виду. Вернувшийся из симбирской ссылки И. П. Тургенев стал директором Московского университета. И. В. Лопухин, награжденный чином тайного советника и пожалованный званием сенатора, сосредоточился на благотворительности, отдавая этому делу все, что мог. В городе он был известен своим «беспримерным нищелюбием», его называли «другом бедных». За ним закрепилась слава праведного судьи. Заседая в Сенате, Лопухин защищал невинно осужденных, протестовал против несправедливых приговоров, старался облегчить участь подсудимых. Считая себя правым, он дерзал возражать не только министру юстиции, но и царю, за что прослыл неуемным спорщиком, встречая со стороны окружающих непонимание и насмешки. Издавая впоследствии записки И. В. Лопухина в Вольной русской типографии, А. И. Герцен отмечал его нравственную силу и гуманность, но вместе с тем и «закоснелое упорство в поддерживании помещичьей власти» (общее у него с некоторыми другими масонами старшего поколения). Воспитанник Дружеского ученого общества М. И. Невзоров стал журналистом. В 1807–1815 гг. он издавал журнал «Друг юношества» в ре-

[12] *Бакунина Т.А.* Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики. М., 1991; *Новиков В.И.* Масонство и русская культура. М., 1993; *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. М., 1983. С.183–186.

[13] *Пушкин А.С.* Александр Радищев // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Т.7. М., 1951. С.353.

М. А. Дмитриев-Мамонов

лигиозно-нравственном духе. Сотрудничали там в основном студенты университета и духовной академии, печатая сочинения, возбуждавшие в читателях «любовь к Богу, государю, отечеству и ближнему». В 1812 г. Невзоров временно заменял редактора «Московских ведомостей». В конце жизни он стал вольтерьянцем. По-прежнему жил в Москве Г. М. Походяшин, некогда пожертвовавший все свое огромное состояние на помощь голодающим крестьянам, на поддержку типографии Новикова и другие благотворительные мероприятия. Стесненный в средствах, теперь он ограничивался преимущественно нравственным воздействием на окружающих.

В царствование Александра I масонские ложи возникали одна за другой. Хотя они и не были легализованы, до поры до времени особых препятствий им не чинили. Но в 1810 г. царское правительство вознамерилось взять их под контроль, затребовав масонские акты и обязав представлять сведения о составе и деятельности масонских лож. Масоны для видимости подчинились, но покров секретности был лишь приподнят, а не снят.

В XIX в. центр российского масонства переместился в Петербург. Деятельность московских масонов отошла на второй план, в ней возобладали консервативные тенденции. Весьма заметны они в аристократической по составу ложе Нептуна – по определению исследовательницы российского масонства, «самой нетерпимой, фанатичной ложе»[14]. Ложа эта существовала с 1803 г. Возглавлял ее поэт П. И. Голенищев-Кутузов, попечитель Московского учебного округа (племянник полководца) – ярый противник вольнодумства. Ложа принадлежала к братству розенкрейцеров. Большое внимание уделялось в ней изучению мистической, алхимической, магической литературы. Поощрялось религиозное благочестие. Вольномыслие встречало здесь резкий отпор. Члены ложи издали сборник масонских песнопений на французском языке. Для прикрытия тайной ложи Нептуна они учредили явную ложу Гарпократа.

В доме авторитетного масона О. А. Поздеева собиралась московская ложа «К мертвой голове», объединявшая около 20 человек. К числу ее деятельных членов принадлежал профессор Московского университета А. Х. Чеботарев. Сюда входили московский почтдиректор Ф. П. Ключарев, князья Н. Н. и И. Н. Трубецкие, адмирал Н. С. Мордвинов, возможно и И. В. Лопухин. Руководитель ложи Поздеев, автор «Мыслей противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы», придерживался весьма консервативных взглядов, сочетавшихся в нем с крайним мистицизмом. Среди московских масонов он пользовался большим влиянием. К его мнению внимательно прислушивался министр народного просвещения граф А. К. Разумовский. В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой изобразил этого масонского теоретика в образе Баздеева. (Масоном писатель представил и одного из своих любимых героев Пьера Безухова.)

Около 1811 г. в Москве на Пречистенке в доме вице-президента Медико-хирургической академии Н. С. Всеволожского стала собираться ложа «К блаженству» (De la félicité) под управлением француза де Мезанса и при активном участии хозяина дома. Поздеев отзывался о ней не вполне одобрительно: ему не нравилось намерение этой ложи издать свой катехизис, высказывания ее членов с собственным суждением о монархах. Историк В. И. Семевский именно в масонской ложе де Мезанса усматривал начало политического радикализма графа М. А. Дмитриева-Мамонова.

Незадолго до Отечественной войны 1812 г. кружок московских иностранцев пытался образовать масонскую ложу «Паллада» (по шведскому обряду), но этому помешала война.

Уже в послевоенное время образовалась ложа Феникса под руководством П. И. Голенищева-Кутузова. Еще через несколько лет – ложа Александра Тройственного спасения (Alexander zum dreifachen Segen) – ответвление великой ложи «Астреи». Образовали ее, по-видимому, немцы, но позже ее собрания проводились также на русском и французском языках. К ней принадлежал декабрист М. А. Фонвизин. В том же 1817 г. в Москве возникла ложа Ищущих манны

[14] *Соколовская Т.О.* Раннее александровское масонство. Возрождение масонства при Александре I // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.2. М., 1915. С.155.

(Chercheurs de la Manne), входившая в союз Великой провинциальной ложи. В ней состояли поэт В. Л. Пушкин, член Союза благоденствия И. М. Бибиков. Двумя годами позже начались собрания Теоретического круга с участием Ф. П. Ключарева, П. И. Голенищева-Кутузова, О. А. Поздеева, А. Ф. Лабзина, профессора М. Я. Мудрова. В 1821 г. возникла ложа Гермеса (по шотландской системе). В следующем году предполагалось открыть ложу Гиппократа под председательством Мудрова. Но как раз в это время масонские ложи были запрещены, и со всех находившихся на государственной службе взяли расписки с обязательством не входить в тайные общества.

После запрещения деятельность масонов прекратилась не вполне и не сразу. Во всяком случае отдельные попытки продолжать ее предпринимались и в дальнейшем. Сохранилось постановление о порядке будущих занятий, принятое какой-то группой масонов осенью 1827 г. В том же году III отделение установило слежку за несколькими «тайными сборищами» масонов[15]. В 1828–1829 гг. в Москве происходили собрания «теоретических братьев» с участием С. С. Ланского, П. И. Шварца (сына знаменитого профессора-масона) и других лиц.

По свидетельству московского старожила, директора архива князя М. А. Оболенского, еще в конце 50-х гг. на Полянке тайно существовала масонская ложа, где «по ходившим в городе слухам, мастером стула был известный в то время проповедник одной из церквей на Арбате»[16]. Но во второй четверти XIX в. обстановка в стране не благоприятствовала масонству. Да и общественные интересы устремились в другую сторону. Однако масонство оказало заметное воздействие на развитие общественной мысли и организационные формы революционной борьбы в России XIX в.

4. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СВОБОДОМЫСЛИЕ. ДЕКАБРИСТЫ В МОСКВЕ

Революции XVIII в. во Франции и Америке, смена самодержцев на российском престоле и вызванные этим перемены, знакомство русской образованной публики с идеями Просвещения и либерализма, Отечественная война и заграничные походы русской армии – все это содействовало росту политических интересов в русском обществе. Сравнение порядков у себя на родине и в передовых европейских странах порождало неудовлетворенность положением дел в России. В офицерской среде императорской гвардии и вообще в молодом поколении дворянства распространялись освободительные устремления, росло желание политических перемен.

М. Ф. Орлов. Литография. 1814 г.

Первое поколение борцов за политическую свободу представлено в Москве деятелями тайных обществ 1810–1820-х гг., которых позднее стали именовать декабристами (сами они называли так только участников восстания в декабре 1825 г.).

Москва заняла в движении декабристов видное место[17], хотя и несоизмеримо меньшее, чем Петербург. В Московском университете и университетском Благородном пансионе, в училище колонновожатых Н. Н. Муравьева в молодые годы учились многие будущие члены тайных обществ. Здесь складывалось их мироощущение. Здесь они проникались любовью к отечеству, свободолюбием, гуманными настроениями. С Москвой и москвичами связаны некоторые поворотные события в истории декабризма.

У его истоков в Москве стояло несколько выдающихся деятелей. Среди них – боевой генерал 1812 г. Михаил Федорович Орлов (из знаменитой семьи Орловых, возводивших на престол Екатерину II) – по отзыву современника, человек «достойнейший, великолепной наружности и большого образования, начитанности и красноречия»[18]. В 1814 г. именно он в качестве представителя России подписал акт капитуляции Парижа. Орлов – «арзамасец», приятель Пушкина, Вяземского, братьев Тургеневых. Позже был начальником 16-й пехотной дивизии, развернул большую работу в кишиневской управе декабристов, боролся против палочной дисциплины в армии. Любопытная страница вписана им и в предысторию декабристского

[15] *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С.185–186, 244.

[16] *Пыляев М.И.* Старая Москва. СПб., 1891. С.92.

[17] *Порох И.В.* Деятельность декабристов в Москве (1816–1825 гг.) // Декабристы в Москве. Сб. статей. М., 1963; *Чулков Н.П.* Москва и декабристы // Декабристы и их время. Т.2. М., 1932; *Нечкина М.В.* Декабристы. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1982.

[18] *Муравьев А.Н.* Автобиографические записки // Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С.168.

движения. «Мне кажется,– признавался позднее Орлов Николаю I,– я первый задумал в России план тайного общества»[19]. Речь шла о так называемом Ордене рыцарей русского креста (или русских рыцарей). Соавтором замысла был другой аристократ и генерал 1812 г., обер-прокурор 6-го (московского) департамента Сената, граф М. А. Дмитриев-Мамонов[20] – человек загадочной и трагической судьбы. Потомок Владимира Мономаха, сын фаворита Екатерины II, поэт, богач, силач и красавец, он заболел психическим расстройством и в конце концов сошел с ума. Перу Дмитриева-Мамонова принадлежат несколько основополагающих документов задуманного тайного общества: «Пункты преподаваемого во внутреннем Ордене учения», «Краткий опыт Ордена русских рыцарей», брошюра «Краткие наставления русским рыцарям», изданная в Москве в 25 экземплярах, наброски «Обряда приема и катехизиса крестовых рыцарей» и «Статутов черных крестовых рыцарей совершенного Союза молчания и святого гроба». Из этих документов, а также из переписки Мамонова с Орловым виден политический характер Ордена русских рыцарей, несмотря на его масонское обрамление.

Согласно «Пунктам» 1814 г. предполагалось ограничение самодержавия, уничтожение крепостного права («упразднение рабства в России»), введение «вольного книгопечатания», улучшение положения солдат, предоставление каждому права жаловаться на притеснения местных властей. Беспощадная борьба объявлялась лихоимству – за него полагалась казнь, смертная или «торговая» (наказание кнутом или плетьми). Политическая незрелость автора «Пунктов» как деятеля освободительного движения выразилась в его националистических требованиях, религиозной нетерпимости, завоевательных намерениях, узком понимании проблем образования. Более поздний «Краткий опыт Ордена русских рыцарей» (видимо, 1816 г.) более демократичен и радикален, хотя на обоих документах лежит ясно выраженная печать аристократизма: главную долю власти конституционный проект предоставлял новому вельможеству. Взгляды основателей Ордена эволюционировали от признания желательности конституционной монархии к проектированию аристократической республики. Политический радикализм сочетался в документах тайного общества с масонской фразеологией и масонскими организационными формами. В замысел были посвящены Н. И. Тургенев, М. Н. Новиков (племянник просветителя), предположительно князь А. С. Меншиков, И. М. Бибиков, А. М. Пушкин (однофамилец прославленного поэта), Д. В. Давыдов. Последний, впрочем, писал в 1819 г., что ни Орлову, «как он ни дюж… ни бешеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в России». Считая более надежной постепенную осаду, поэт-генерал критиковал Орлова за то, что тот вдвоем с Мамоновым хочет действовать приступом, «думая, что за ним вся Россия двигается»[21]. Видимо, в какой-то мере знал об Ордене московский масон М. И. Невзоров (среди его бумаг имелись сочинения Мамонова).

Не совсем ясно, существовал ли Орден русских рыцарей в действительности или замысел остался нереализованным. Вернувшись из-за границы, М. А. Мамонов уединился в своем подмосковном имении Дубровицы, никого не принимая и ни с кем не видясь (чуть ли не единственным человеком, которому удалось с ним встретиться, и не раз, был М. Ф. Орлов), распространились слухи о его сумасшествии.

Н. И. Тургенев и М. Н. Новиков работали над собственными проектами преобразования России. М. Ф. Орлов вскоре узнал о существовании Союза спасения и сблизился с его учредителями. Однако имеются данные, что Орден продолжал действовать и в 20-х гг. А Полтавскую управу декабристов под управлением М. Н. Новикова некоторые исследователи считают дочерней организацией Ордена.

Первое декабристское тайное общество – Союз спасения, или Общество истинных и верных сынов отечества – основали в Петербурге шестеро молодых гвардейских офицеров – Александр Николаевич Муравьев, Никита Михайлович Муравьев, братья Матвей и Сергей Ивановичи Муравьевы-Апостолы, Иван Дмитриевич Якушкин, князь Сергей Петрович Трубецкой. Все они – участники Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., страстные патриоты. Почти все происходили из родовитых дворянских фамилий. Одержимые высокими идеями общего блага, свободы, справедливости, преисполненные сочувствия к угнетенному крепостному крестьянству, инициаторы Союза спасения объединились для борьбы против самодержавия и крепостничества. Кроме Якушкина, все они были ревностными масонами, кое-кто – весьма высоких степеней. Поэтому созданное ими общество по своим внешним формам (иерархии степеней посвящения в тайны организации, клятвам при вступлении и проч.) напоминало масонские ложи. Но существо было совершенно иное.

Из учредителей Союза спасения двое связаны с Москвой особенно тесно. Один из них – А. Н. Муравьев (кому, собственно, и принадлежал замысел создания тайного политического общества) – сын основателя Училища колонновожатых, полковник гвардейского Генерального

[19] М.Ф.Орлов и 14 декабря // Красный архив. 1925. Т.6(13). С.160.

[20] *Лотман Ю.М.* М.А. Дмитриев-Мамонов – поэт, публицист и общественный деятель // Учен. записки Тартуского университета. Вып. 78. 1959. С.19–92.

[21] Денис Васильевич Давыдов. 1819 г. Сообщ. граф Д.А.Милютин // Русская старина. 1887. № 7. С.228–229.

И. Д. Якушкин. Рисунок Ж. Вивьена. 1823 г.

А. Н. Муравьев. Художник В. Тулов. 1816–1819 гг.

штаба, возвышенный мечтатель о политической свободе и крестьянской вольности. Другой – И. Д. Якушкин – незаурядный мыслитель, суровый стоик, человек долга, оставивший чрезвычайно ценные воспоминания о движении декабристов.

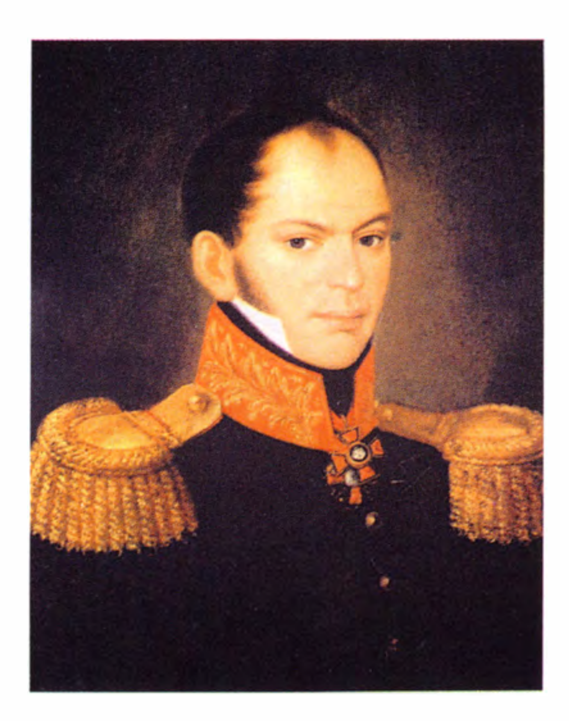
Первым из них в Москве появился в начале 1817 г. Якушкин. Сблизившись со своим начальником, командиром 38-го егерского полка М. А. Фонвизиным, Якушкин принял его в тайное общество, которое тем самым приобрело еще одного крупного деятеля. В Москве оказались и другие члены Союза спасения – Михаил Муравьев (брат основателя, будущий Муравьев-Виленский, жестокий усмиритель Польского восстания 1863 г.) и Петр Колошин.

Роль Москвы в движении декабристов возросла летом 1817 г. По случаю предстоящих торжеств в связи с закладкой на Воробьевых горах храма Христа Спасителя и открытием памятника Минину и Пожарскому на Красной площади сюда из Петербурга переместился царский двор, а вместе с ним четыре сводных полка гвардии, в составе которых находилось немало членов Союза спасения. В древней столице оказались почти все руководители организации. Царский двор и гвардия пробыли в Москве целый год – до августа 1818-го. Здесь, в шефском доме Хамовнических казарм у начальника штаба гвардейского отряда А. Н. Муравьева (главы Союза спасения) и в доме Фонвизиных в Староконюшенном переулке, не раз собиралось для совещаний руководящее ядро тайного общества.

Значительным эпизодом той поры явился так называемый «Московский заговор» 1817 г. В сентябре декабристы получили встревожившее их письмо князя С. П. Трубецкого. Точное его содержание неизвестно, поскольку письмо уничтожили, а показания декабристов на следствии разноречивы. Так или иначе, в нем передавался разговор Александра I с П. П. Лопухиным (генерал-декабрист). Судя по воспоминаниям Трубецкого, в письме сообщалось следующее: царь сказал своему собеседнику о намерении освободить крепостных крестьян, а на предупреждение о неминуемом сопротивлении помещиков заметил, что уедет с семьей в Варшаву и пришлет манифест оттуда. Мысль о неизбежно последующих «ужасах безначалия» якобы и повергла членов тайного общества в тревогу. Другие объясняли свое возмущение намерением царя вернуть Польше некогда принадлежавшие ей земли и вообще предпочтением, которое он оказывал Польше перед Россией[22].

К тому времени популярность Александра I среди офицеров гвардии заметно пошатнулась, политика правительства последних лет вызывала у многих недовольство. Новое известие подлило масла в огонь. На собрании руководителей тайного общества впервые напрямик заговорили о цареубийстве. Мелькнула идея воспользоваться растущим недовольством военных поселенцев. А. Н. Муравьев предложил бросить жребий, кому придется нанести смертельный удар самодержцу. Тогда Якушкин заявил, что не уступит «этой чести» никому. Он решил застрелить императора при выходе с церковной службы из Успенского собора, а затем застрелиться самому. На цареубийство вызвались также Никита и Артамон Муравьевы, князь Федор Ша-

[22] *Мироненко С.В.* «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М., 1990.

М. А. Фонвизин. Неизвестный художник. 1820-е гг.

И. И. Пущин. Фрагмент акварели Д. Соболевского. 1825 г.

ховской. Спешно отправили письмо Трубецкому, требуя немедленно приехать для совета. Однако на другой день, одумавшись, отказались от прежнего намерения. Против высказались и Трубецкой с Пестелем. Причиной отказа явилось сознание бесперспективности столь решительного шага при такой маломощной организации (число ее членов едва достигало 30 человек).

Вставал вопрос о привлечении на свою сторону более широкого круга людей. Для этого следовало перестроить тайное общество. Устав Союза спасения и так многих не устраивал, предстояло выработать другой. Поручили это Михаилу Муравьеву, Трубецкому и Никите Муравьеву, позже к их работе подключился Петр Колошин. А тем временем было создано промежуточное Военное общество. Две его управы возглавили Никита Муравьев и Павел Катенин. Настроенные на идейный лад гвардейские офицеры охотно туда вступали. «За правду!» – выгравировали они на клинках своих шпаг. Военное общество просуществовало около четырех месяцев, пока шла работа над уставом задуманной организации.

Ее назвали Союзом благоденствия. Как только подготовили устав, начался прием членов. Текст первой части устава, с которым знакомили вступающих, сохранился и опубликован[23]. Внешне он выглядел вполне благонамеренно. М. Муравьев даже предлагал представить его на утверждение императору. Эпиграф был взят из Евангелия. Целью организации признавалось благо отечества. Члены Союза благоденствия обязывались «распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим Творцом предназначена». Намеревались заняться внушением соотечественникам «правил добродетели», приведением к согласию «всех сословий, чинов и племен в государстве». Была избрана ориентация на формирование общественного мнения. Главными направлениями деятельности признавались: 1) человеколюбие – попечение о благотворительных заведениях и тюрьмах; 2) образование – забота о приобщении юношества к знаниям и об усвоении им «чувств высоких и к добру увлекающих»; 3) правосудие – наблюдение за справедливым исполнением законов; 4) общественное хозяйство – поддержка промышленности и строгой честности в торговле. В Союз мог быть принят любой свободный российский гражданин христианского вероисповедания независимо от состояния и сословия, не моложе 18 лет. Люди бесчестные не принимались. Союз мог учреждать побочные управы и вольные общества – литературные, экономические и проч.

Как видно, для вступления в Союз благоденствия не требовалось быть революционером. Но устав имел и вторую часть, особо законспирированную, где излагалась его сокровенная цель, о которой знали лишь немногие. Эта часть устава не дошла до нас. Согласно показаниям некоторых декабристов, она не была вполне разработана и принята в качестве официального документа, а существовала в черновом виде. О содержа-

[23] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.: В 3-х т. Т.1. М., 1951. С.237–276.

нии ее можно судить лишь предположительно. Судя по всему, речь шла о представительном правлении в форме конституционной монархии.

Деятельность Коренной (т.е. главной) управы нового тайного общества во время пребывания в Москве заключалась преимущественно в приеме новых членов и выявлении сочувствующих. Так, в Союз благоденствия были приняты И. А. Фонвизин, полковник П. Х. Граббе, В. С. Норов, А. А. Тучков, И. Н. Горсткин, М. М. Нарышкин, И. И. Пущин. К моменту возвращения гвардии в Петербург организация насчитывала около 50 человек. К концу 1818 г. в Москве действовали две управы Союза благоденствия: одной руководил А. Н. Муравьев (вышедший к тому времени в отставку), другой – Ф. П. Шаховской. Зимой 1818–1819 гг. тайное общество продолжало пополняться. Среди его новых членов – М. Ф. Орлов и С. М. Семенов. О первом уже говорилось. Последний занял вскоре видное положение в тайной организации как ее секретарь и член Коренной управы. В сравнении со своими товарищами по тайному обществу он представлял редкое явление человека невоенного и к тому же разночинца. Семенов имел ученую степень магистра и служил в канцелярии военного губернатора.

Первостепенное значение члены Союза благоденствия придавали воздействию на общественное мнение путем устной пропаганды, выступлений в печати, распространения всевозможных рукописных сочинений. В этом ряду выделяется яркая публицистическая записка А. Н. Муравьева за подписью «Россиянин»[24] – острый памфлет против крепостничества. Крепостное право признавалось беззаконным. Автор резко порицал помещиков, торгующих своими крестьянами, покупающих и продающих себе подобных, меняющих их на лошадей и собак, употребляющих их для своих прихотей. Записка распространилась в списках среди столичных дворян и вызвала недовольство Александра I. Благодаря М. А. Фонвизину получило распространение написанное его дядей – знаменитым Денисом Ивановичем Фонвизиным – «Рассуждение о непременных государственных законах», пропагандирующее конституционные идеи[25]. В конце 1819 г. из Москвы в Петербург поступило известие, что М. Ф. Орлов «рассуждал везде о конституции» и намеревался рассмотреть с М. А. Мамоновым подготовленный ими конституционный проект.

Независимо от декабристов, но в том же духе, что и члены Союза благоденствия, действовали и другие люди прогрессивных воззрений. Далеко не единственный, но, пожалуй, самый яркий пример такого рода – П. А. Вяземский. Работая в течение нескольких лет (1818–1821) в Варшаве в канцелярии Н. Н. Новосильцева и участвуя в подготовке Уставной грамоты (конституции) для России, он служил для своих петербургских и московских друзей главным источником информации о преобразовательных планах правительства. Большое значение Вяземский придавал журналистской и вообще литературной деятельности. Таким путем он стремился донести до русской читающей публики идеи Просвещения и либерализма. Намереваясь дополнить изданный Карамзиным «Пантеон иностранной словесности», Вяземский взялся переводить тексты из сочинений Вольтера, Д'Аламбера, Руссо, Дидро, других энциклопедистов. Столь же целеустремленно пропагандировал он мысли и дела русских просветителей. Особый интерес вызывал у него Д. И. Фонвизин, которому Вяземский посвятил монографию. Сочувственно отзывался он о Николае Новикове, Александре Радищеве, выдающихся представителях французского либерализма Жермене де Сталь и Бенжамене Констане. В его статьях о русских писателях проводилась мысль об общественном назначении литературы, о высоком призвании писателя быть глашатаем общественного мнения[26].

В 1819 г. деятельность декабристов в Москве начинает замирать. Покинул тайное общество Александр Муравьев. Распалась и его управа. Отошел от движения руководитель другой управы – Ф. П. Шаховской. Сменившие последнего в руководстве М. Фонвизин и К. Охотников с переводом 38-го егерского полка на юг оставили Москву. Впрочем, первый из них в концетого же года вернулся и снова включился в работу.

Тем временем в мире произошли важные события, повлиявшие на тактику декабристов. В 1820 г. прокатилась волна военных революций в Западной Европе – Испании, Неаполе, Португалии, Пьемонте. События такого рода побуждали членов тайного общества к более активным действиям, ставили вопрос о привлечении на свою сторону армии. В 1820 г. в Петербурге на совещании Коренной управы Союза благоденствия обсуждался животрепещущий вопрос об образе правления в России. С докладом выступил Пестель. Впервые в истории тайного общества было принято решение бороться за республику.

Но далеко не все разделяли такую позицию. Московские декабристы братья М. А. и И. А. Фонвизины, П. Х. Граббе, И. Д. Якушкин потребовали созвать съезд Союза благоденствия. По свидетельству последнего, делалось это для того, чтобы «обозреть положение и способы общества» и определить, что мешает его успехам. Имелось в виду уточнить цели организации, а также огра-

[24] Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами, писанный в Москве 4 апреля 1818 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн.3. Отд.V. С.43–50.

[25] Литературное наследство. Т.60. Кн.1. М., 1956. С.339–361.

[26] *Гиллельсон М.И.* П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.

П. Я. Чаадаев. Неизвестный художник. XIX в.

дить ее от ненадежных членов. Инициаторы съезда находили, что «ни в коем случае цель не освящает средств» (по-видимому, имелось в виду неприятие цареубийства и тому подобных действий). Съезд собрался в самом начале 1821 г. в Москве. Приехали депутаты из Петербурга, Кишинева, Тульчина. Присутствовали М. А. и И. А. Фонвизины, И. Д. Якушкин, Н. И. Тургенев (председатель), Ф. Н. Глинка, М. Ф. Орлов, К. А. Охотников, И. Г. Бурцов, П. Х. Граббе. Тульчинскую управу представлял противник Пестеля Бурцов, самого Пестеля не было: его постарались отговорить от поездки. Приехавшего с Бурцовым Н. И. Комарова на заседания не пустили: ему не доверяли.

Первым выступил М. Ф. Орлов, предъявивший «писанные условия». Генерал-декабрист предлагал приступить к решительным действиям («самым крутым мерам», по выражению Якушкина). Ручаясь за свою дивизию, он требовал полномочий действовать по собственному усмотрению; ясно, что речь шла о военном выступлении. Орлов настаивал на организационной перестройке тайного общества в духе усиления конспирации и централизации. Предлагалось также устроить типографию для печатания антиправительственных прокламаций и фальшивых ассигнаций, чтобы доставить тайному обществу необходимые средства. Не получив поддержки, Орлов заявил, что выходит из организации. Фактически этого не произошло, но отныне Орлов действовал как бы независимо от нее[27].

Граббе сообщил присутствующим, что властям известно о тайном обществе. Решено было усилить конспирацию и создать новое общество, избавившись от ненадежных, а заодно и слишком радикальных членов. Для этого объявить, что Союз благоденствия «прекращает свои действия навсегда». Срочно созвали всех, принадлежавших к Союзу и находившихся тогда в Москве, сообщив им о ликвидации тайного общества. Но совещания продолжались и после этого. Обсуждался дальнейший способ действий. Был принят новый устав. Первая его часть, подготовленная Бурцовым, предназначалась для вновь вступающих: в политические задачи тайного общества их не посвящали. В написанной Н. Тургеневым второй части говорилось о главной цели общества – установлении в России представительного правления в виде конституционной монархии. А для этого, по словам Якушкина, «признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай». Тем самым был намечен курс на военную революцию, хотя и в несколько туманной форме. Вновь возникшее тайное общество приняло название – какое, осталось неизвестным. Предполагалось создать четыре отделения или думы – одну из них в Москве. Основать ее поручалось И. А. Фонвизину.

Таким образом Союз благоденствия был создан в Москве и в Москве же распущен. Намерение некоторых его участников вытеснить из тайного общества Пестеля и других радикально настроенных членов не осуществилось: те решили продолжать деятельность. В истории движения наступил новый этап – единое прежде общество разделилось на два.

В ближайшие несколько лет управу в Москве создать не удалось. Над членами общества сгущались тучи, неприятности грозили со всех сторон: в Кишиневе был арестован В. Ф. Раевский; М. Ф. Орлов, а еще раньше Граббе отстранены от командования воинскими частями. Летом 1822 г. в России были запрещены любые тайные общества. В Москве от движения отошел М. А. Фонвизин. Возможно, подействовало предупреждение генерала А. П. Ермолова, от которого декабрист узнал, что в Петербурге его считают «величайшим карбонарием». Какая-то деятельность все же продолжалась. Так, И. Д. Якушкин принял в тайное общество в Смоленске генерала П. П. Пассека, в Москве – П. Я. Чаадаева.

Тем временем оформились и приступили к действиям Северное и Южное общество декабристов. Оба они проявляли живейший интерес к происходящему в Москве, обнаруживая настойчивое желание обзавестись там сторонниками. В 1822–1824 гг. туда приезжали такие видные «южане», как В. Л. Давыдов, М. П. Бестужев-Рюмин, А. П. Барятинский, М. И. Муравьев-Апостол. Баря-

[27] *Пугачев В.В.* Декабрист М.Ф.Орлов и Московский съезд Союза благоденствия // Учен. записки Саратовского университета. Выпуск исторический. Т.66. 1958. С.82–115.

тинский даже попытался образовать в Москве управу Южного общества и принял в нее несколько молодых офицеров. В планах восстания члены этого общества и особенно руководители Васильковской управы С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин отводили Москве немалое место. Предполагалось участие москвичей в захвате царя во время военного смотра – сначала в Бобруйске, потом (из-за отмены смотра) в Белой Церкви, наконец – в Лещинских лагерях. Оттуда руководимые офицерами-декабристами войска должны были двинуться на Москву, где предстояло учредить Временное Правление и провозгласить конституцию. Недостаточно знакомые с положением дел в Москве, «южане» явно переоценивали возможности декабристов-москвичей.

Успешнее действовали «северяне», тоже старавшиеся установить с москвичами контакты. Еще в 1821 г. Е. П. Оболенский принял в тайное общество С. Н. Кашкина. Позднее в Москву были переведены по службе члены Северного общества И. И. Пущин, получивший назначение в московский надворный суд, и полковник М. М. Нарышкин. В декабре 1824 г. в Москву на неделю приезжал К. Ф. Рылеев, готовивший к изданию свои «Думы» и поэму «Войнаровский». Здесь он встречался с московскими литераторами и членами тайного общества. На одной из таких встреч у Нарышкина рассуждали о необходимости «покончить с этим правительством»[28]. Второй раз поэт-декабрист побывал в Москве весной 1825 г.

В начале 1825 г. И. И. Пущин вместе с приехавшим ненадолго в Москву князем Е. П. Оболенским создали наконец московскую управу Северного общества. Вошли в нее москвичи, принадлежавшие к тайному обществу и раньше: С. Н. Кашкин, А. А. Тучков, И. Н. Горсткин, М. М. Нарышкин, А. В. Семенов, П. И. Колошин, К. П. Оболенский. Пущина избрали председателем. Во второй половине 1825 г. управа пополнилась: в Москву переехали из Петербурга С. М. Семенов и полковник М. Ф. Митьков, вернулись И. Д. Якушкин и А. В. Шереметев. Кроме Нарышкина и Митькова, это были люди штатские или отставные офицеры. Непричастность к военной среде сама по себе предопределяла относительно пассивную роль большинства декабристов-москвичей на том этапе движения. По словам Е. П. Оболенского, все они принадлежали к тайному обществу «единственно по прежним связям».

Тем не менее кое-кто из них пытался действовать в пользу организации. Наряду с московской управой И. И. Пущин создал так называемый «Практический союз», по характеру своей деятельности напоминавший больше всего Союз благоденствия. Предполагалось содействовать освобождению дворовых людей, улучшению положения крепостных крестьян, распространению просвещения путем учреждения школ.

Осенью 1825 г. в Москве побывал Никита Муравьев. Здесь он встречался с Фонвизиным, Пущиным, Митьковым, Нарышкиным. Обсуждали, как воспрепятствовать цареубийству, которое задумал А. И. Якубович, и что предпринять, если это не удастся. Н. М. Муравьев оставил москвичам для копирования экземпляр своего конституционного проекта. Виделся он и с М. Ф. Орловым.

В самом конце ноября в Москве узнали о смерти Александра I. И. И. Пущин сразу же отправился в Петербург, передав руководство управой С. М. Семенову. Там он включился в энергичную деятельность по подготовке восстания. Сообщая об этом в Москву товарищам по тайному обществу, Пущин писал: «...ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов»[29]. С просьбой о содействии обратился в письме к М. Ф. Орлову С. П. Трубецкой. О том, что на юге тоже «все готово к восстанию», сообщил приехавший из Киева М. М. Нарышкин. Декабристы-москвичи оживились. Собирались то у одного, то у другого. Обсуждали, что предпринять. Строили даже планы вооруженного выступления при помощи бывших военных из своей среды. Но вскоре убедились в неосуществимости подобных намерений. А тем временем пришло известие из Петербурга о разгроме восстания на Сенатской площади.

16 декабря в Москве состоялась присяга новому императору Николаю Павловичу. Чиновников известили об этом накануне ночью. Сенаторы и высшие сановники присягали в Успенском соборе, остальные – по своим ведомствам. Были усилены военные караулы. В городе распространялись всевозможные слухи[30]. Говорили, что на Москву идут с юга не присягнувшие Николаю I 2-я армия и А. П. Ермолов с войсками. Вскоре начались аресты. Первым в Москве взяли М. Ф. Орлова. Затем остальных. Через Москву в Петербург провезли арестованного А. С. Грибоедова. М. А. Дмитриева-Мамонова, отказавшегося присягать новому императору, официально объявили сумасшедшим и подвергли принудительному лечению. Представители родовитых аристократических фамилий оказались за решеткой, а потом в Сибири. Во многих семьях с тревогой ждали зловещего появления фельдъегеря или жандармов из Петербурга. Весть о казни пяти декабристов летом 1826 г. потрясла московское общество. «Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми,– нет возможности: словно каждый лишался своего отца или брата»[31],– вспоминал

[28] *Кошелев А.И.* Записки. М., 1991. С.51. (Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч.1).

[29] *Пущин И.И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С.84.

[30] *Сыроечковский В.Е.* Московские «слухи» 1825–1826 гг. // Каторга и ссылка. 1934. № 3. С.50–85.

[31] *Кошелев А.И.* Указ. соч. С.54–55.

А. И. Кошелев. «Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена: мне в ней душно, нестерпимо»[32],– писал жене П. А. Вяземский в июле 1826 г.

В отчете за 1827 г. III отделение доносило Николаю I, что недовольные имеются во всех слоях населения. Сообщалось о существовании «партии русских патриотов» с центром в Москве. Согласно представленному тайной полицией обзору общественного мнения, эта часть фрондирующих осуждала все мероприятия правительства, роптала против засилья немцев и хотела бы видеть руководителем всей администрации популярного среди прогрессивно настроенных людей сановника Н. С. Мордвинова, а во главе армий генералов А. П. Ермолова и Н. Н. Раевского. Шеф жандармов добавлял, что в Москве «нет элементов, могущих составить противовес этим тенденциям», и рекомендовал усилить наблюдение. В заключение прямо говорилось, что «вся Россия ждет с нетерпением перемен как в системе, так и в людях»[33].

Восстание было подавлено. Но искоренить свободомыслие было уже невозможно. Жестокая расправа с декабристами, напротив, усилила во многих недовольство и чувство протеста против деспотизма. Наступала пора осмысления случившегося и поиска новых путей.

5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ 1810–1820-х гг.

Вольномыслие в годы движения декабристов, разумеется, не ограничилось членами тайных обществ, затронув гораздо более широкий круг людей. Прежде всего это относится к образованной молодежи. В воспоминаниях бывших студентов тех лет запечатлены распространившиеся в ее среде взгляды и настроения. Д. Н. Свербеев, поступивший в Московский университет в 1813 г., рассказывает о влиянии на самых юных студентов их старших товарищей – «славы и красы студенчества если не изящностью форм и облачения, то духом премудрости и разума и глубиною познаний». Это были разночинцы из духовного звания. Среди них мемуарист выделяет будущего декабриста С. М. Семенова как самого выдающегося: «Он замечателен был, кроме познаний, строгою диалектикою и неумолимым анализом всех, по его мнению, предрассудков... Он всею душою предан был энциклопедистам XVIII века; Спиноза и Гоббс были любимыми его писателями»[34]. Студенты – «патриции», по признанию Свербеева, сумели поколебать помещичьи убеждения, вынесенные им и другими молодыми дворянами из родного дома. В студенческой среде сочувствовали идеям равенства всех людей, негодовали против «рабства» крестьян и тирании их владельцев. На университетских диспутах порой разыгрывались настоящие словесные баталии, как это случилось, например, при защите одной из диссертаций на тему «Монархическое правление есть самое превосходное из всех других правлений». В тезисах диссертант уточнял, что имеет в виду неограниченную монархию; он утверждал, что для России это необходимая и единственно возможная форма правления. Вопреки ему студенты в своих выступлениях стали восхвалять свободу, древние греческие республики, доимператорский Рим. На защитника самодержавия посыпались «тяжелые удары из арсенала философов XVIII века». Чтобы не навлечь на университет неприятностей, декан факультета Н. Н. Сандунов предпочел прервать диспут, принявший столь опасный оборот.

О вольнолюбивых настроениях позднейшего поколения студентов вспоминал знаменитый хирург Н. И. Пирогов, поступивший в Московский университет осенью 1824 г. Посещая своего старшего земляка, проживавшего в университетском здании на правах казеннокоштного студента, новичок-провинциал на первых порах был поражен, слушая непринужденные разговоры молодых людей. «Все запрещенные стихи вроде «Оды на вольность», «К временщику» Рылеева, «Где те, братцы, острова» и т.п. ходили по рукам, читались с жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждом удобном случае... О Боге и церкви сыны церкви из 10-го нумера знать ничего не хотели и относились ко всему божественному с полным пренебрежением...» (Сынами церкви Пирогов назвал их потому, что почти все они происходили из духовного звания). Несмотря на это, «от них-то именно,– вспоминал он,– я наслышался таких вещей о попах, богослужении, обрядах, таинствах и вообще о религии, что меня на первых порах, с непривычки, мороз по коже продирал...»[35]. Собеседники новичка студента открыто говорили о тайных обществах и о том, что «надо положить конец... правительству, ну его к черту!».

Не остался в стороне от общего поветрия и философский кружок «любомудров», возникший в 1823 г. Любомудры группировались вокруг князя В. Ф. Одоевского. Кроме него в кружок входили Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский, Н. М. Рожалин, А. И. Кошелев. «Тут господствовала немецкая философия, т.е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Геррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о про-

[32] Цит. по: *Гиллельсон М.И.* Указ. соч. С.141.

[33] Граф А.Х.Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т.6. С.144–145.

[34] *Свербеев Д.Н.* Записки (1799–1826). Т.1. М., 1899. С.105.

[35] Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1983. С.83.

чтенных нами творениях немецких любомудров... христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний»[36]. Наряду с философией, Одоевский и другие члены кружка, поклонники натурфилософии Шеллинга, занимались естественными науками, проявляли повышенный интерес к музыке. Кружок собирался регулярно, имел председателя и секретаря. Велись протоколы заседаний. Участники кружка В. Одоевский и А. Кошелев были связаны родственными и дружескими узами с некоторыми декабристами, бывали у них, с сочувствием слушали их смелые речи против правительства. Под влиянием подобных разговоров и настроений в их среде усилился интерес к политическим проблемам. В период междуцарствия все их внимание сосредоточилось на ожидании из Петербурга известий, а с юга – «новых Мининых и Пожарских». По словам Кошелева, «толкам не было границ... Философы стали активно готовиться к участию в предстоящем выступлении. Мы, немецкие философы, забыли Шеллинга и комп[анию], ездили всякий день в манеж и фехтовальную залу учиться верховой езде и фехтованию и таким образом готовились к деятельности, которую мы себе предназначали»[37]. После 14 декабря 1825 г., в атмосфере общего смятения, устав и протоколы заседаний торжественно сожгли.

Университетские студенты охотно читали стихи своего товарища – поэта Александра Полежаева, его поэму «Сашка», проникнутую «жаждой вольности строптивой» и «необузданностью страстей», с ее героем-безбожником. Полежаев жестоко поплатился за свою дерзкую поэму: по личному приказанию императора Николая I он был взят на военную службу и через несколько лет погиб молодым от чахотки.

Популярностью пользовались сатирические противоправительственные («пасквильные») песни, которые студенты распевали на своих вечеринках. После одной из таких вечеринок в 1834 г. оказалась арестованной довольно большая группа молодых людей.

Из студенческой среды свободолюбивые настроения распространялись в городе, с населением которого студенты – выходцы из разных слоев общества – были тесно связаны.

Жестокая расправа с декабристами вызвала негодующий отклик среди молодежи, особенно в Московском университете. Она всколыхнула многих, вызвав жгучую боль, возмущение и решимость бороться против деспотизма. Прямым отголоском таких настроений явился возникший в 1827 г. кружок братьев Критских. Один из его основателей прямо признавал, что «погибель преступников 14 декабря родила в нем негодование». Другой называл их великими и не сомневался, что они «желали блага своему отечеству». Кружок состоял из шести человек. Четверо из них были студентами или выпускниками Московского университета. Кроме них следственная комиссия привлекла к делу еще 13 человек, с которыми они вели разговоры на политические темы. Основали кружок Михаил и Василий Критские. К ним присоединился их старший брат Петр, окончивший университет в 1825 г. и служивший в Сенате, архитекторский помощник Кремлевской экспедиции Д. Тюрин, студент Н. Попов и готовившийся к поступлению в университет Н. Лушников. Участников кружка объединяло неприятие существующего строя. Они считали несчастным «тот народ, который состоит под правлением монархическим», и мечтали о конституции. Царствующая династия обвинялась в пристрастии к иностранцам. Рассуждали о том, как поступить с императором и наследником престола. Кое-кто склонялся к мысли о цареубийстве, но на этот счет не было единодушия. Некоторые рассчитывали на поддержку народа. Свои антиправительственные взгляды участники кружка пропагандировали среди товарищей по университету, знакомых молодых чиновников, а также офицеров и солдат, служивших при Кремлевской экспедиции. Юные заговорщики намеревались в годовщину коронации – 22 августа – обратиться к народу, разбросав по городу прокламации, а на памятнике Минину и Пожарскому вывесить объявление, перечислив в нем, сколько людей царскими властями повешено и сослано в Сибирь. Деятельность кружка закончилась арестом по доносу офицеров, с которыми Лушников завел речь о революции, намечавшейся на день коронации. После следствия главных обвиняемых заключили в Шлиссельбургскую и Соловецкую крепости на неопределенный срок, некоторых отпустили, остальных выслали из Москвы. Трое на Соловках и погибли, оставшихся перевели в арестантские роты.

Александр Герцен и Николай Огарев[38] еще подростками на Воробьевых горах, «в виду всей Москвы», поклялись отдать жизнь борьбе против деспотизма. В 1829 г. оба поступили в Московский университет. Здесь они надеялись основать «ту фалангу, которая пойдет за Пестелем и Рылеевым»[39]. Вокруг них образовался небольшой дружеский кружок, куда вошли Н. Сазонов, Н. Сатин, А. Савич, сын декабриста Вадим Пассек, еще несколько человек. Юноши были увлечены подвигом декабристов, лозунгами Французской революции XVIII в., мечтали о конституции и республике,

[36] *Кошелев А.И.* Указ. соч. С.51.

[37] Там же. С.53.

[38] *Володин А.И.* Герцен. М., 1970; *Рудницкая Е.Л.* Н.П.Огарев в русском революционном движении. М., 1969.

[39] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.8. М., 1956. С.117.

пропагандировали среди товарищей ненависть к произволу и насилию. Размышляя над революционными событиями 1830 г., над социально-философскими проблемами, знакомясь с системой христианского социализма Ф. Ламенне, с учением социалиста-утописта Сен-Симона, Герцен и Огарев все больше проникались социалистическими идеалами. В 1834 г. оба они были арестованы и сосланы. Поводом к обвинению послужила найденная при обыске у Огарева переписка, обнаружившая в друзьях неугодный властям образ мыслей.

Ненависть к произволу испытывали и участники «Литературного общества 11-го нумера» – кружка казеннокоштных студентов, живших вместе с Виссарионом Белинским в студенческом общежитии. Их объединял интерес к литературе и эстетике. Особенно привлекала литература, общественно направленная. Участники кружка переписывали запретные стихи Пушкина, Рылеева, Полежаева, некоторые сами пробовали силы на литературном поприще. Белинский написал драму «Дмитрий Калинин», проникнутую страстным протестом против крепостничества. «Кто дал это гибельное право – одним людям порабощать своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище – свободу? – вопрошал герой драмы Белинского.– Кто позволил им ругаться правами природы и человечества? Господин может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру с своего раба; может продать его как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями и со всем, что для него мило и драгоценно!»[40] Юный автор надеялся опубликовать свое произведение. Но профессора из цензурного комитета, познакомившись с драмой, пришли в ужас и поспешили освободиться от неблагонамеренного студента, исключив его якобы за неуспеваемость.

«Отрицательное направление», но далекое от радикализма, было свойственно и кружку Н. Станкевича[41], возникшему в университете зимой 1831–1832 гг. Кроме Станкевича в кружок с самого начала входили Я. М. Неверов, В. И. Красов, И. П. Клюшников, Я. И. Почека, И. А. Оболенский, С. М. Строев. В 1833 г. к ним присоединились К. С. Аксаков и В. Г. Белинский, а еще через два года – М. А. Бакунин, В. П. Боткин, М. Н. Катков, К. А. Коссович. Близки к кружку были О. М. Бодянский, А. П. Ефремов, А. А. Беер и некоторые другие студенты. Больше всего друзей привлекали философско-этические проблемы, а также поэзия, искусство, история. Они самостоятельно изучали Лейбница, Канта, Спинозу, позднее – Фихте, Шеллинга, Гегеля (в Московском университете философия не преподавалась с 1826 г.). Говоря о раннем мировоззрении Станкевича и его товарищей, Герцен определяет его как «пантеизм, из которого не исключалось и христианство». Восприняв интерес к философии у профессоров М. Г. Павлова и Н. И. Надеждина, Станкевич заразил своим примером и других. Одним из первых в России он сумел оценить великого немецкого философа Гегеля, положив начало увлечению, охватившему вскоре московскую образованную молодежь. Кружок Станкевича сыграл заметную роль в духовном развитии русского общества. Из него вышли мыслители, писатели, поэты, литературные критики, ученые – люди разных направлений русской общественной мысли. Все они признавали глубоко благотворное интеллектуальное и нравственное воздействие на свое формирование Николая Станкевича – талантливого юноши, рано умершего. Проникновенными словами изобразил возвышавшие душу встречи участников кружка И. С. Тургенев в романе «Рудин».

В 1831 г. Москву взволновали слухи об аресте группы студентов по делу об «Обществе Сунгурова», якобы замышлявшего восстание. В действительности имели место лишь антиправительственные разговоры (возможно, провокационные), которые затевали с некоторыми студентами Московского университета отставной чиновник Н. П. Сунгуров и живший у него родственник или знакомый – вольнослушатель университета Ф. П. Гуров. Говорили о деспотизме властей, взяточничестве чиновников, бедствиях народа, сопровождая свои беседы «неистовыми выходками против правительства и царской фамилии». Сунгуров уверял, что тайное общество декабристов не разгромлено полностью и продолжает действовать, а возглавляет его генерал А. П. Ермолов. Своих собеседников он убеждал присоединиться к заговорщикам. Посещавшие Сунгурова студенты Я. И. Костенецкий и П. А. Антонович сообщили об этом своим друзьям – А. Н. Топорнину, Ю. П. Кольрейфу, А. Ф. Кноблоху, Н. А. Кашевскому. Все они горячо сочувствовали освободительным идеям. Костенецкий позднее признавался в своей тогдашней готовности участвовать в тайном патриотическом обществе и стать революционным героем. Конституционные идеи, по его словам, разделяли «все благомыслящие студенты»: «недостатки и злоупотребления тогдашнего нашего правительства были слишком очевидны для каждого сколько-нибудь образованного человека, а тем более для студентов, знакомых уже достаточно с образом правления других государств»[42]. К этому добавлялось недовольство отношением Николая I к Московскому университету, расправой с Полежаевым, действиями универси-

[40] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т.1. М., 1953. С.498–499. Далее ссылки на это издание даются в тексте: римская цифра обозначает том, арабская – страницу.

[41] *Манн Ю.* В кружке Станкевича. Историко-лит. очерк. М., 1983; *Аксаков К.С.* Воспоминание студентства 1832–1835 // Московский университет в воспоминаниях современников. С.187–189.

[42] *Костенецкий Я.И.* Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. 1887. № 5. С.74–76, 80.

Н. П. Огарев. Неизвестный крепостной художник. 1830-е гг.

А. И. Герцен. Художник А. Збруев (?). 1830-е гг.

В. Г. Белинский. Неизвестный художник. 1827–1828 гг.

Н. В. Станкевич. Акварель Беккера. 1838 г.

тетского начальства. Но не доверяя вполне Сунгурову, Костенецкий с друзьями ответили на его уговоры отказом.

Позднее Сунгуров уверял следствие, что путем разговоров со студентами он надеялся обнаружить в Москве тайное общество, чтобы сообщить о нем правительству. Так это или нет, его аморальность и авантюризм бесспорны. Свою готовность к доносительству Сунгуров показал на деле, выдав властям доверившихся ему польских офицеров, готовивших побег в восставшую Польшу (их он тоже пытался привлечь в свое тайное общество, но безуспешно). Присутствовавший при аресте поручика Седлецкого студент И. Полоник (бывавший у Сунгурова вместе с Костенецким) донес в жандармский округ о замысле восстания, который развивал перед ним Сунгуров, и назвал посещавших его студентов. Всех их арестовали. О случившемся немедленно сообщили в Петербург. Следственная комиссия выяснила, что никакого тайного общества не существует, и отнеслась к студентам снисходительно, приговорив их к высылке (Сунгурова и Гурова предлагалось наказать строже). Но Николай I не удовлетворился мягким приговором и приказал передать дело в военный суд. Окончательный приговор был суров: Сунгурова и Гурова приговорили к каторжным работам, несколько человек отдали в солдаты в дальние гарнизоны.

В течение полутора лет, пока продолжалось следствие, друзья-студенты часто посещали арестованных, а перед отправкой их по этапу собрали 1000 руб. ассигнациями на покупку теплой одежды, лошади и кибитки[43].

Факты показывают восприимчивость молодого поколения к противоправительственной пропаганде, распространение в студенческой среде свободолюбивых, оппозиционных, революционных настроений. Хотя в большинстве случаев такие настроения были политически незрелы и организационно не оформлены, тем не менее они угрожали царизму серьезными неприятностями. Понятна поэтому глубокая неприязнь Николая I к Московскому университету, который он называл «волчьим гнездом». В отчете III отделения за 1827 г. говорилось: «Молодежь, т.е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляют в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух... Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое мы снова находим идеи Рылеева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ... Главное ядро якобинства находится в Москве...»[44]. В консервативно настроенных кругах усилились разговоры об опасности просвещения.

6. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

После разгрома восстания 14 декабря 1825 г. центр общественного движения переместился в Москву. Замысел военной революции рухнул. Тайные общества были строжайше запрещены. Полицейский надзор усилен до предела. Кроме обычной полиции, появилась политическая – III отделение «собственной его императорского величества канцелярии». Был воздвигнут мощный заслон любым независимым общественным организациям. Перед общественной мыслью во весь рост встала задача осмысления произошедшего, а вместе с тем и грядущего. Москва, менее пострадавшая от репрессий, менее пропитанная чиновным духом, обладавшая сильнейшим интеллектуальным потенциалом, оказалась главным средоточием идейных поисков. Мыслящие люди предались размышлениям о коренных основах бытия и будущих судьбах своей страны. В историческом прошлом пытались найти ответ на волнующие проблемы современности. В философии искали разгадки путей человечества и отдельных народов.

Особое значение в ту пору приобрела журналистика. Такие органы периодической печати, как «Московский телеграф», «Московский вестник», «Европеец», «Телескоп» и «Молва», приобрели огромное общественно-просветительное значение. По словам Белинского, журналы сознательно или невольно «способствовали к распространению у нас новых понятий и взглядов; мы по ним учились и по ним выучились» (I, 86). В 40-х гг. общественно активные силы группировались преимущественно вокруг тех или иных периодических изданий, ставших основными центрами идейной борьбы. Журналы находились в жестких тисках цензуры. Им строго запрещалось касаться острых и болезненных вопросов современности, не говоря уже о политике правительства. Разрешалось рассуждать о литературе, науке, искусстве, промышленности, способах подъема земледелия, помещать исторические анекдоты, знакомить читателей с модами – и только. Но даже в этих ограниченных пределах лучшие московские журналы находили возмож-

[43] О «сунгуровском деле» см.: *Насонкина Л.И.* Указ. соч. С.222–265.

[44] Граф А.Х.Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1929. Т.6. С.149–150.

ность влиять на общественное мнение читающей публики, расширять ее интеллектуальный кругозор, знакомя с передовыми идеями времени. По словам Герцена, «Москва входила тогда в ту эпоху возбужденности умственных интересов, когда литературные вопросы, за невозможностью политических, становятся вопросами жизни. Появление замечательной книги составляло событие, критики и антикритики читались и комментировались с тем вниманием, с которым, бывало, в Англии или во Франции следили за парламентскими прениями. Подавленность всех других сфер человеческой деятельности бросала образованную часть общества в книжный мир, и в нем одном действительно совершался, глухо и полусловами, протест против николаевского гнета...»[45]

Живой интерес к журналам вызывал у властей серьезные опасения. В начале 30-х гг. С. С. Уваров с тревогой докладывал царю, что периодические издания имеют «большое число приверженцев» и с жадностью читаются, «особенно в средних и даже низших классах общества». Настороженное отношение правящих кругов к журналистике проявлялось в цензурных притеснениях, в запрещениях издания то одного, то другого журнала, в усилиях противопоставить «неблагонамеренным» органам такие, которые проводили бы линию правительства. Подобный взгляд четко сформулировал Уваров в докладе царю после своего возвращения из Москвы: «С давнего времени разделял я с многими благомыслящими неприятное впечатление, производимое дерзкими, хотя отдельными усилиями журналистов, особенно московских, выступать за пределы благопристойности, вкуса, языка и даже простирать свои покушения к важнейшим предметам государственного управления и к политическим понятиям, поколебавшим уже едва ли не все государства в Европе»[46]. Вредными считал Уваров не только попытки журналистов обсуждать вопросы государственного значения, но и их резкий и насмешливый тон в суждениях о литературных и научных предметах, грубые отзывы об отдельных профессорах и писателях. Во время пребывания в Москве он вызывал к себе издателей «Московского телеграфа» и «Телескопа» и строго выговаривал за опасное направление их журналов, настаивая на том, что «пора прекратить им не только дерзкое суждение о предметах, лежащих вне их круга, но также и облагородить их издания, положа конец ругательным критикам и дерзким личностям».

Идейное брожение происходило и в более широких кругах русского общества. «Образованный русский мир,– писал П. В. Анненков в своих известных мемуарах,– как бы впервые очнулся к тридцатым годам, как будто внезапно почувствовал невозможность жить в том растерянном умственном и нравственном положении, в каком оставался дотоле. Общество уже не слушало приглашений отдаться просто течению событий и молча плыть за ними, не спрашивая, куда несет его ветер. Все люди, мало-мальски пробужденные к мысли, принялись около этого времени искать, с жаром и алчностию голодных умов, основ для сознательного разумного существования на Руси»[47].

Со своей стороны правящие круги постарались дать нужное им направление общественному мнению, выдвинув теорию официальной народности. В ней был умело использован рост национального самосознания, патриотические чувства россиян, недовольство части общества засильем немцев в управлении, галломанией дворянства. А потому она привлекла на свою сторону многих. Ее поддерживали не только из-за корыстных мотивов, но и из идейных побуждений.

Видными теоретиками и пропагандистами доктрины официальной народности стали профессора Московского университета М. П. Погодин и С. П. Шевырев. Прежде чем оказаться в стане охранителей, оба пережили заметную идейную эволюцию. Но в 30-х гг. и тот и другой уже расстались с порывами молодых лет. Погодин, можно сказать, участвовал в самом появлении уваровской триады на свет: именно он привлек внимание сановного ревизора к использованию отечественной истории в качестве «охранительницы и блюстительницы общественного спокойствия». Эту мысль он обосновал в лекции, прочитанной осенью 1832 г. в присутствии С. С. Уварова, ссылаясь на коренное отличие русской истории от истории народов Запада. Боевым органом официальной народности стал журнал Погодина «Москвитянин», издаваемый при ближайшем участии Шевырева. Последний проявлял при этом особую запальчивость. Шевырев предостерегал от общения с Западом, уподобляя его неизлечимо больному человеку, уже источающему трупный запах. Источником столь тяжкого недуга профессор считал реформацию в Германии и революцию во Франции. Больше всего ужасала его Франция «развратом личной свободы», «своеволием низших классов», утратой религиозного чувства. Сокрушался Шевырев и по поводу заблуждений добропорядочных немцев: их уверенность в том, что умственная жизнь должна быть никому не подвластной, казалась ему «развратом мысли»[48].

В 30–40-х гг. в России оживилась общественная мысль, усилился интерес к науке, к проблемам национального самосознания. Особенно заметное выраже-

[45] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.9. С.152.

[46] Текст доклада Уварова приведен в кн.: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн.4. СПб., 1891. С.78–85.

[47] *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С.192–193. См. также: *Цимбаев Н.И.* «Под бременем познанья и сомненья...» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х гг. XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С.5–47.

[48] *Шевырев С.П.* Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. № 1.

ние эти процессы получили в Москве, с ее насыщенной идейной атмосферой. По словам П. В. Анненкова, Москва «была тогда средоточием нарождавшихся сил и талантов, сильно работала над философскими системами, доискиваясь именно принципов, и не боялась ни резкого полемического языка, ни даже отвлеченного, туманного склада речи, лишь бы выразить вполне свою мысль и нажитое убеждение»[49].

Именно в Москве теория официальной народности встретила наиболее заметное противодействие со стороны других направлений общественной мысли. Реальная практика самодержавия Николая I с его полицейским деспотизмом, нещадным подавлением любой инициативы, самостоятельности, свободной мысли все больше приходила в очевидное несоответствие с устремлениями лучших людей того времени. Крепостнический и полицейский произвол их ужасал. В образованной части общества росло разочарование, доходившее порой до отчаяния.

Такими настроениями проникнуто знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, появившееся в 1836 г. на страницах московского журнала «Телескоп»[50]. Оно было написано за несколько лет перед тем, под тяжелым впечатлением от декабрьских событий 1825 г., своего ареста и тогдашней обстановки в стране. Уединившись от всех, Чаадаев в те годы размышлял об исторических судьбах России, излагая (на французском языке) свои мысли в виде писем к знакомой даме – Е. Д. Пановой. Однако эти письма-статьи (их было восемь) предназначались не только адресату. Автор не раз пытался опубликовать их, но безуспешно. А тем временем, нарушив прежнее затворничество, знакомил с этими письмами и изложенными в них мыслями приятелей и знакомых. Публикация русского перевода первого из «Философических писем» произвела ошеломляющее впечатление. Герцен сравнил его с выстрелом, раздавшимся в темную ночь. Выразившееся в этом письме глубоко выстраданное, проникнутое болью и горечью неприятие современной российской действительности противостояло официальному оптимизму, восхвалению существующих порядков. Однако безотрадный взгляд автора на Россию вызвал у многих несогласие, больше того – бурное негодование. Повелением Николая I Чаадаев был признан сумасшедшим, подвергнут домашнему аресту и полицейско-медицинскому надзору.

30-е гг.– время обостренного интереса мыслящей молодежи к философии. После отъезда в 1837 г. Н. Станкевича за границу наиболее видной фигурой среди его друзей, молодых философов, стал Михаил Бакунин. В журналистике их общие излюбленные идеи проводил Виссарион Белинский. Молодые люди жили интенсивной умственной жизнью, переживая период «отчаянного гегелизма». Гегелевской философии они придавали всеобъемлющее значение, надеясь при ее помощи все понять и все объяснить. Не без иронии вспоминал Герцен, что в трудах Гегеля нет ни одного параграфа, «который бы не был взят отчаянными спорами нескольких ночей»[51]. Разойдясь в толковании того или иного понятия, близкие друг другу люди оказывались на грани разрыва. Вернувшиеся в 1839 г. из ссылки Герцен и Огарев, сойдясь с друзьями Станкевича, тоже принялись штудировать труды Гегеля. Но они не стали последователями великого немецкого философа, хотя высоко оценили его диалектический метод. Им, все более утверждавшимся на материалистических позициях, оказалось ближе учение Л. Фейербаха, изложенное в его труде «Сущность христианства». После кратковременного расхождения с Белинским, поначалу слишком прямолинейно воспринявшим тезис Гегеля «Все действительное разумно», Герцен нашел в нем надежного единомышленника.

Между тем отвлеченные споры по философским проблемам переходили в область жизненно важных для России вопросов. Немалую роль в этом отношении сыграло «Философическое письмо» Чаадаева, давшее мощный толчок общественной мысли, заставив современников серьезно задуматься о настоящем и будущем своей страны, вызывая на размышления и споры.

В ходе этих споров выявилось два направления общественной мысли. Их сторонников стали называть славянофилами и западниками (сами славянофилы предпочитали называть свое направление «русским» или «московским»). Отстаивая самобытный путь России, славянофилы не отрицали особую роль в стране «православия, самодержавия, народности». Но народность и православие были им дороги сами по себе, а не как средства упрочить самодержавие. Они являлись убежденными противниками крепостничества и полицейского деспотизма. Признавая за царем право на власть, они желали бы предоставить обществу и народу беспрепятственную возможность выражать свое мнение. Славянофилы порицали Петра I и его реформы, обвиняя царя-реформатора в насилии над народом и измене русским обычаям. Допетровскую Русь они идеализировали.

Революционный путь Запада славянофилы считали неприемлемым для России и несовместимым с ее историческим прошлым. Признавая научные достижения западноевропейских стран, они полагали, что это не дает оснований считать Россию отставшей в развитии, по-

[49] *Анненков П.В.* Указ. соч. С.121.

[50] *Дмитриев С.С.* «Философические письма» П.Я. Чаадаева // Памятные книжные даты. 1981. М., 1981. С.76–84; *Тарасов Б.* Чаадаев. М., 1980. (Жизнь замечательных людей).

[51] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.9. С.18.

А. С. Хомяков. Фотокопия с автопортрета маслом. 30-е гг. XIX в.

К. С. Аксаков. Литография. Середина XIX в.

И. В. Киреевский

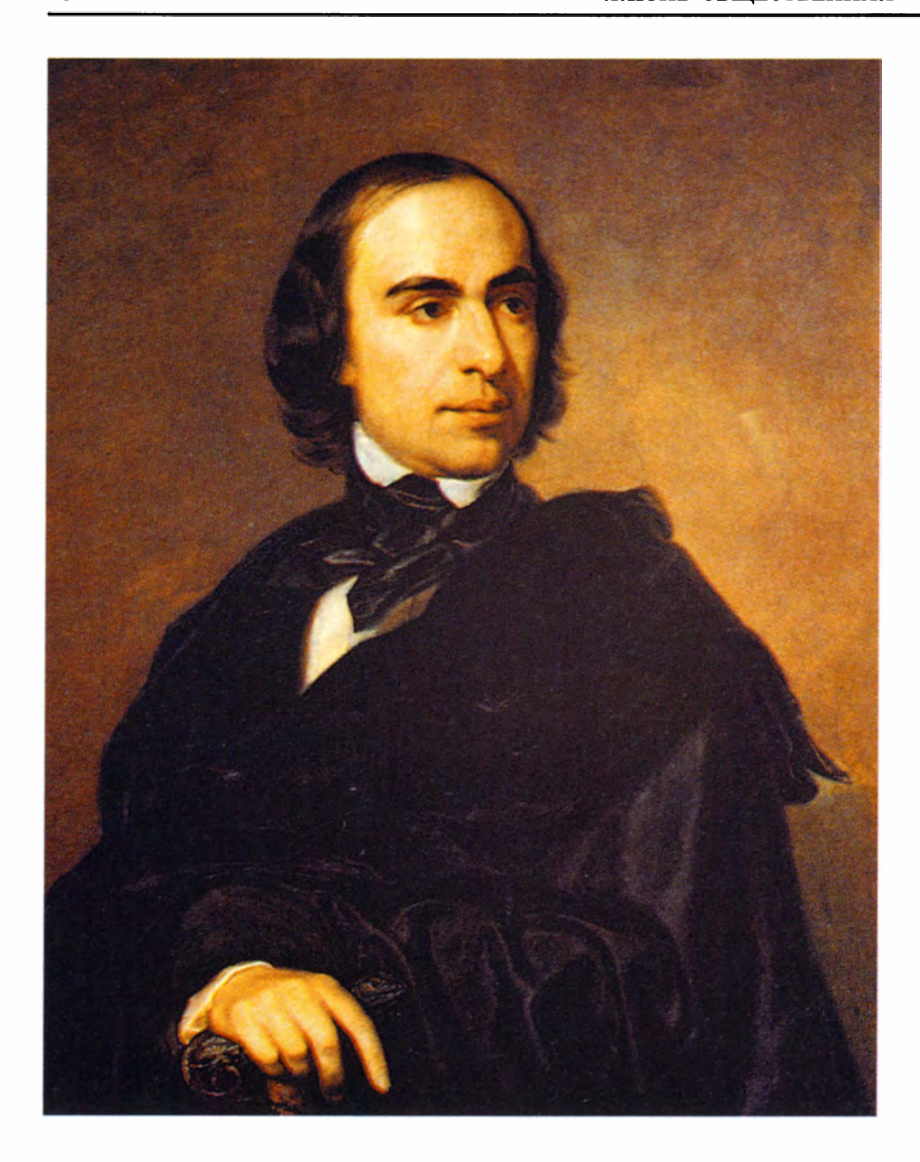
скольку ее просвещение качественно отличается от западного и определяется высокой духовностью русского народа, недоступной Западу с его рационализмом. По их мнению, Запад уже сыграл свою историческую роль, России же, которая только выходит на мировую арену, принадлежит великое будущее. Залогами такого будущего казались им общинные порядки и православная церковь, сохранившая христианское учение во всей чистоте.

Русскую крестьянскую общину славянофилы считали благодетельным учреждением, которое даст России возможность избежать «язвы пролетариатства», избавит население от обнищания и поможет обновиться Западной Европе, решив те проблемы, с которыми ей не удается справиться собственными силами. Подобный взгляд на общину, при убежденности славянофилов в особом значении православия, позволяет заметить в их учении черты христианского социализма[52].

В православии славянофилы видели основу духовной силы русских и отводили ему главенствующую роль в отечественной культуре, противопоставляя его рационализму Запада. Подчиненное бюрократии положение русской православной церкви казалось им недостойным ее высокой миссии. Раньше других на славянофильские позиции встал А. С. Хомяков. К нему присоединились братья И. В. и П. В. Киреевские, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев и некоторые другие. Все это были высокообразованные русские дворяне, богатые помещики, хорошо знакомые с Западной Европой и ее культурой.

В отличие от славянофилов западники считали, что России предстоит тот же путь развития, что и прочим европейским странам. Они высоко ценили западноевропейскую цивилизацию и желали всемерной европеизации России. Западники преклонялись перед памятью Петра I и выступали за продолжение начатого им дела. Будучи убежденными противниками крепостничества и приверженцами правового государства, они ратовали за свободу личности, мысли, слова, печати, за веротерпимость, против деспотизма и произвола самодержавия. Западники отдавали безусловное преимущество конституционным порядкам и парламентарному строю Англии, Франции, других развитых стран Западной Европы. Особую роль они отводили

[52] *Дмитриев С.С.* Раннее славянофильство и утопический социализм // Вопросы истории. 1993. № 5; Феодальный социализм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.722.

Т. Н. Грановский. Художник П. Захаров. 1845 г.

В. П. Боткин

науке и просвещению. К западникам принадлежали молодые профессора Московского университета, писатели, журналисты Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, П. Г. Редкин, Д. Л. Крюков, К. Д. Кавелин, И. С. Тургенев, В. П. Боткин, П. В. Анненков и другие. Большинство их происходило из дворянских помещичьих семей, кое-кто из купцов и разночинцев. К западническому кружку принадлежали также А. И. Герцен и В. Г. Белинский, выделившиеся вскоре радикализмом своих взглядов.

Между славянофилами и западниками разгорелись ожесточенные споры[53]. По словам их активного участника славянофила Ю. Ф. Самарина, «оба кружка не соглашались почти ни в чем; тем не менее ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли как бы одно общество; они нуждались один в другом и притягивались взаимным сочувствием, основанным на единстве умственных интересов и на глубоком обоюдном уважении»[54]. Спорили по вопросам философии и богословия («что́ правит миром: свободно творящая воля или закон необходимости?»). Обсуждали, что выше: православие или западные ветви христианства (католичество, протестантизм)? Со временем встал и более острый вопрос. что ближе к истине – вера или наука? И еще: в чем различие между русским и западноевропейским просвещением – в степени развития того и другого или в самом характере просветительных начал? Защищая славянофилов от опасных обвинений в революционности их учения, Самарин подчеркивал, что участники московских кружков 40-х гг. жили «в области отвлеченного умозрения, повернувшись спиною к вопросам политическим». Однако попытки разобраться в проблемах, на первый взгляд отвлеченных, по своей глубинной сути были призваны помочь обществу проникнуть в будущее России и, установив приоритеты, избрать способ действий. Как заметил много позже П. В. Анненков, по существу дело шло «об определении догматов для нравственности и для верований общества и о создании политической программы для будущего развития государства»[55].

При всех разногласиях, между западниками и славянофилами имелось немало общего: любовь к народу, признание огромной важности науки и просвещения, цивилизации, горячий патриотизм. Впоследствии это помогло им сотрудничать в деле подготовки реформ 60-х гг.

Далеко не все участники идейных споров 40-х гг. могут быть безоговорочно отнесены к западникам или славянофилам: иные занимали промежуточную, «центристскую» позицию, не примыкая полностью ни к той, ни к другой стороне.

[53] *Цимбаев Н.И.* Славянофилы и западники // Страницы минувшего. Сб. М., 1991. С.323–373.

[54] *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т.6. М., 1912. С.239.

[55] *Анненков П.В.* Указ. соч. С.191.

Самодержавное правительство относилось крайне подозрительно и к тем и к другим, всячески их теснило. В политически благонамеренных славянофилах Николаю I казалась особо опасной проскальзывавшая в некоторых их сочинениях мысль о том, что «русские цари со времени Петра Великого действовали только по внушению и под влиянием немцев». Он опасался, что если эта мысль проникнет в народ, произойдет «новое 14 декабря»[56].

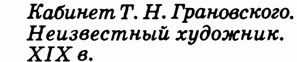
Из органов печати на стороне западников оказались «Отечественные записки». Славянофилам был ближе «Москвитянин», где они в основном и печатались до середины 50-х гг., хотя издатель журнала М. П. Погодин и его сотоварищ С. П. Шевырев придерживались более консервативных взглядов. Не раз делались попытки предпринять собственное издание. В 1845 г. вышел с предисловием А. С. Хомякова подготовленный Д. А. Валуевым «Сборник исторических и статистических сведений о России и о народах ей единоверных и единоплеменных». В начале того же года Погодин временно передал И. В. Киреевскому редактирование «Москвитянина», и первые три номера за этот год можно считать славянофильскими. Однако уже с 4-го номера Погодин снова взял журнал в свои руки. Тогда славянофилы попытались осуществить свой замысел иным путем. В 1846, 1847 и 1852 гг. они издали три «Московских литературных и ученых сборника». Но тут вмешалась цензура: уже подготовленный к печати очередной сборник был запрещен, а его участники отданы под полицейский надзор; их обязали впредь представлять свои сочинения в Главное управление цензуры, фактически лишив возможности печататься.

Стесненная цензурой печать не позволяла высказаться с достаточной полнотой и откровенностью. Поэтому главные баталии разгорались в неофициальной, домашней обстановке – большей частью в литературных салонах. В словесных поединках особенно отличались Герцен и Хомяков.

Обе стороны проявляли в спорах запальчивость и односторонность. Обострению отношений содействовали те из противников, кто был склонен к крайностям и проявлял нетерпимость к чуждым мнениям. «Смутителем московской жизни» Анненков называет Белинского: «...без его раздражающего слова, может быть, она сохранила бы долее тот наружный вид изящного разномыслия, не исключающего мягких и дружелюбных отношений между спорящими, который составлял ее отличие в первый период великой литературной распри, завязавшейся у нас. Белинский решительными афоризмами и прогрессивно растущей смелостью своих заключений ставил ежеминутно, так сказать, на барьер своих московских друзей со своими врагами в Москве».

При всей остроте и напряженности отношений обе стороны время от времени делали шаги к сближению. Одна из таких попыток относится к началу 1844 г.: после чтения публичных курсов Т. Н. Грановского по средневековой истории Англии и Франции и С. П. Шевырева о древнерусской литературе был устроен дружеский обед и заключен «дипломатический мир», который, однако, оказался непрочным. Вскоре дело дошло до разрыва личных отношений. В том же году близкий к славянофилам поэт Н. М. Языков разразился стихотворным памфлетом «Не наши» с оскорбительными выпадами по адресу Чаадаева, Грановского и их друзей. Многие расценили это как донос. Возмущены были не только западники. Каролина Павлова откликнулась на очередное сти-

[56] Слова Николая I арестованному Ю.Ф.Самарину приведены в «Дневнике» А.В.Никитенко (Т.1. Л., 1955. С.329).

Кабинет Т. Н. Грановского. Неизвестный художник. XIX в.

хотворное послание Языкова осуждающими словами: «Нет! Не могла я дать ответа / На вызов лирный, как всегда; / Мне стала ныне лира эта / И непонятна, и чужда». Благородно повели себя, по словам Герцена, Свербеевы, перестав видеться с «поэтом-денонсиатором»[57].

Очередную попытку сближения предпринял И. В. Киреевский, когда Погодин передал ему «Москвитянина». Новый редактор пригласил к сотрудничеству в журнале Грановского, Герцена, других западников. В его статье «Обозрение современного состояния литературы» (1845, № 2) ложными признавались оба направления – и западническое и славянофильское, оба подвергались критике за односторонность. Вместе с тем говорилось о благородстве побуждений, лежащих в основе того и другого. Продолжить линию на сближение Киреевскому не удалось: его редакторство оказалось кратковременным.

Все же в ходе полемики многие предметы спора прояснялись. Лучшие из западников и славянофилов обнаруживали способность прислушиваться к мнениям противной стороны. Вырабатывая систему «русского социализма», Герцен не оставил без внимания суждения славянофилов об общине. В конце концов смягчил свое отношение к ним и Белинский. Грановский признавался, что в некоторых отношениях убеждения славянофилов ему ближе, нежели взгляды своего кружка. Во многом сближался со славянофилами и К. Д. Кавелин.

В середине 40-х гг. обнаружились серьезные разногласия среди западников. Некоторые из них (Герцен, Огарев, Белинский) перешли на более радикальные позиции, обратившись к идеям материализма, утопического социализма, революционного преобразования существующего строя. Социалистические взгляды разделял в какой-то мере и Евг. Корш. Грановский, напротив, считал социализм «болезнью века». Чужды ему были и безоговорочно атеистические убеждения друзей. Остальные московские западники оказались солидарны с Грановским.

Горячее обсуждение социальных и политических проблем в 40-х гг. сыграло несомненную роль в подготовке общественного сознания к великим реформам 60-х гг.– крестьянской, судебной, земской, системы образования.

К концу 40-х гг. наметившееся было оживление общественной мысли внезапно оборвалось. Революции в странах Западной Европы отозвались в России новыми стеснениями. «Задавленные тяжелым гнетом сверху, умственные интересы заглохли»; в стране воцарилась «спертая и удушливая атмосфера»[58]. Наступила мрачная пора, длившаяся до середины 50-х гг. Лишь на исходе Крымской войны положение начало меняться.

[57] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т.22. С.231. Dénonciateur (фр.) – доносчик.

[58] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929. С.113, 115.

IX

МОСКВА ЛИТЕРАТУРНАЯ[1]

В XIX столетие – «золотой век» русской литературы – Москва вступала при благоприятных обстоятельствах. Древняя столица была средоточием дворянства – самого образованного сословия страны. Неслужившие помещики, проводя зимы в Москве, располагали досугом, позволявшим предаваться чтению, размышлению, беседам, занятиям литературой. В Москве и подмосковных имениях имелось немало культурных гнезд. Московский университет – тогда единственный в России – привлекал сюда жаждущих высшего образования. Профессора и студенты составляли значительную часть населения города. Университет издавал одну из первых в стране газет – «Московские ведомости» с библиографией и литературными приложениями («Иппокрена или утехи любословия», 1799–1801; «Новости русской литературы», 1802–1805; и др.). Плодотворную книгоиздательскую деятельность развернул выдающийся просветитель Н. И. Новиков. В 1799 г. в Москве родился Александр Пушкин.

1. АРХАИСТЫ И НОВАТОРЫ. Н. М. КАРАМЗИН

В литературной жизни, как и в общественной, старое своеобразно переплеталось с новым: архаисты оставались верны традициям XVIII в., новаторы звали к переменам. В Москве подобные противоречия и контрасты были особенно заметны. Здесь еще жил М. М. Херасков – один из столпов поэзии XVIII в., творец прославленной в свое время «Россиады». Среди влиятельных московских аристократов преобладали люди, воспитанные на произведениях античных классиков, французских писателей XVII–XVIII вв. – Корнеля, Расина, Вольтера, русских последователей классицизма – Ломоносова, Державина, Хераскова, Сумарокова. Но вкусы и запросы более молодого поколения были уже иными.

Замечательным явлением литературной жизни Москвы начала XIX в. была деятельность Н. М. Карамзина, много сделавшего для подъема отечественной культуры. Карамзин содействовал расцвету в русской литературе сентиментализма. Его повести «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Письма русского путешественника», другие произведения оказывали глубокое влияние на эстетические вкусы читателей, пробуждали в них гуманные чувства. Карамзин обновил русский литературный язык, освободил его от церковнославянизмов, латинизмов, тяжеловесных оборотов, придал ему легкость и изящество, сблизил с разговорным языком образованного общества. Нововведение это оказало решающее воздействие на все последующее развитие отечественной литературы, которая пошла по пути, проложенному Карамзиным. «Сочинения Карамзина были приняты с необыкновенным восторгом,– вспоминал писатель М. А. Дмитриев.– Красота языка и чувствительность – вот что очаровало современников... Его слог чрезвычайно быстро проник в молодое поколение писателей». У Карамзина появилось много последователей. К ним принадлежали В. Л. Пушкин, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, В. В. Измайлов, А. Ф. Воейков.

Яростными противниками реформирования языка выступили некоторые писатели старшего поколения во главе с А. С. Шишковым. Выдвинутые им в книге «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) обвинения были небезопасны: автор упрекал нововводителей в том, что они хотят отвлечь читателей от языка веры, от нравоучительных духовных книг, привязав «к одним светским писаниям, где столько расставлено сетей к помрачению ума и уловлению невинности»[2]. Противников нового вообще не устраивало литературное творчество Карамзина. Московский

[1] Об отдельных писателях см.: Русские писатели в Москве. Сб. Изд.3-е, доп. и перераб. М., 1987; Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Ч.1–2. М., 1990; Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т.1–3. М., 1989–1994 (Изд. продолжается).

[2] *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С.70, 74.

Н. М. Карамзин. Неизвестный художник. 1805 г.

поэт П. И. Голенищев-Кутузов высмеивал чувствительность его персонажей, укорял писателя в легкомысленном потакании страстям, в преклонении перед Вольтером и Руссо, намекал на его религиозное вольнодумство. Наветы содержались в оде Кутузова «Моему другу», где фамилия Карамзина не названа, но прямо указано на его сочинения. Пользуясь своим официальным положением попечителя учебного округа, Кутузов доносил на писателя министру просвещения А. К. Разумовскому как на «человека, вредного обществу и коего все писания тем опаснее, что под видом приятности преисполнены безбожия, материализма и самых пагубных и возмутительных правил»[3]. При всей несообразности таких обвинений нельзя не признать, что деятельность Карамзина содействовала высвобождению отечественной литературы от церковного влияния, победе в ней светского начала над духовным, сближению русской национальной культуры с общеевропейской.

По другим мотивам не разделяли позиций Карамзина некоторые представители молодого поколения. Андрей Тургенев полагал, что Карамзин «слишком склонил нас к мягкости и разнеженности», а потому «более вреден, нежели полезен нашей литературе»[4]. Энтузиаст гражданственно-патриотических идей, предварявший в какой-то мере позднейшие настроения декабристов, этот юноша был чужд сентиментализму и чувствительной лире Карамзина. Выступая на заседании Дружеского литературного общества, он выражал надежду на появление в России нового Ломоносова, который повернул бы отечественную литературу к героическому, важному, великому, притом истинно русскому. Сатирические ноты слышны в дружески-шутливом «Описании бракосочетания» Карамзина, принадлежавшем перу другого участника этого общества А. Кайсарова. К классицизму склонялись, как известно, Н. И. Гнедич, П. А. Катенин, А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер – «младшие архаисты», по выражению Ю. Тынянова. Объединяла их приверженность высокой гражданственности, народности.

2. «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ[5]

Находясь на вершине писательской славы, Н. М. Карамзин не оставлял и журналистику. В самом начале XIX в. был переиздан «Московский журнал», выпускавшийся им в начале 1790-х гг. Важной вехой в истории российской журналистики стало основание в 1802 г. под редакцией Карамзина «Вестника Европы», просуществовавшего почти три десятилетия. Выходил он дважды в месяц и пользовался при своем первом редакторе большим успехом. Число подписчиков поднялось вскоре до 1200, что по тем временам было явлением исключительным. Первая книжка разошлась так быстро, что понадобилось второе издание.

Новый журнал, живой и разнообразный, знакомил читателей с новостями в литературе, культуре, политике стран Европы (особенно Франции), а также Северной Америки, Вест-Индии, отчасти Востока. Сообщались факты из жизни выдающихся государственных деятелей, прославленных писателей, ученых, композиторов, других замечательных людей. «Вестник Европы» пропагандировал идеи человеколюбия, терпимости, европейского просвещения, патриотизма. В отделе «Литература и смесь» публиковались произведения легкой поэзии (мадригалы, басни), повести, романы, сказки-аллегории, фельетоны, анекдоты, известия об изобретениях, происшествиях, великодушных поступках, рассказы о путешествиях. Высоко ценя способность литературы действовать на умы, Карамзин старался воспитывать в

[3] Цит. по: *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т.2. СПб., 1880. С.325.

[4] Русский библиофил. 1912. № 1. С.29.

[5] О московских журналах первой половины XIX в. см.: Очерки по истории русской журналистики и критики. Т.1. Л., 1950.

читателях вкус, благотворно влиять на нравы. Основным автором был он сам. Публиковались также сочинения некоторых других русских литераторов – В. Л. Пушкина, В. А. Жуковского, П. И. Шаликова. Из зарубежных писателей предпочтение отдавалось нравоучительным повестям и воспоминаниям г-жи Жанлис; встречались и более известные имена – И. Г. Гердер, Ф. Шиллер, Ж. Неккер. Критику в журнале Карамзин считал пока преждевременной из-за малочисленности русских писателей и скудости литературных образцов. В полемику со своими противниками писатель не вступал.

Большое место в журнале отводилось политике. Считая Французскую революцию XVIII в. ужасным бедствием, Карамзин с сочувствием следил за восстановлением во Франции порядка, за деятельностью первого консула Наполеона Бонапарта. «Вестник Европы» публиковал корреспонденции из зарубежной прессы, документы, речи во французском Законодательном собрании и английском Парламенте, сообщения о международных делах, о конституциях европейских стран, воспоминания и биографические сведения о Людовике XVI и Марии-Антуанетте, об американских президентах Вашингтоне и Джефферсоне. По мнению Карамзина, события недавней революции убедили всех в том, что нарушение гражданского порядка хуже любых злоупотреблений власти, что «одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ» (1802, № 12. С. 315). Писатель был воодушевлен радужными надеждами на новое царствование в России (на престол только что вступил Александр I). Просвещение и законность – вот в чем видел он самые насущные потребности страны. Указ от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» («Предварительные правила народного просвещения») Карамзин назвал бессмертным, а предусмотренный им план – великим. Писатель не сомневался, что с распространением просвещения улучшится и участь крестьян, ибо оно «истребляет злоупотребления господской власти». Выражалась надежда и на дарование царем системы гражданских законов. В дворянстве Карамзин видел «душу и благородный образ всего народа».

Неотъемлемой чертой патриота Карамзин считал интерес к отечественной истории. В журнале ей уделялось большое внимание. Там публиковались исторические повести («Марфа Посадница» Карамзина, «Вадим Новгородский» Жуковского), очерки памятников старины в московских окрестностях. После двух лет издания «Вестника Европы» Карамзин отошел от него и всецело сосредоточился на работе над «Историей государства Российского». Несколько томов этого труда написаны им в Москве и подмосковном Остафьеве, имении князей Вяземских.

К горячим сторонникам Карамзина принадлежал журнал «Московский Меркурий» П. И. Макарова (1803). Его издатель выступил с острой критикой «Рассуждения о старом и новом слоге» А. С. Шишкова. Критические статьи и рецензии вообще занимали здесь видное место. В журнале публиковались сентиментальные повести русских и особенно французских писателей.

«Фанатическим последователем Карамзина» был, по отзыву современника, князь П. И. Шаликов – активный участник московской литературной жизни, издатель «Московского зрителя», «Аглаи», «Дамского журнала», многолетний редактор «Московских ведомостей» (1813–1836). Не обладая талантами своего кумира, он, по словам того же мемуариста, невольно доводил сентиментальность до комизма.

Литературные архаисты П. И. Голенищев-Кутузов, Г. С. Салтыков, Д. И. Хвостов издавали в 1804–1806 гг. свой журнал – «Друг просвещения», имевший узкий круг подписчиков. В журнале помещались стихи самих издателей, Г. Р. Державина, В. В. Капниста, С. Н. Глинки, переводы сочинений античных авторов, французских писателей Ж.-Ф. Лагарпа, Ж. де Лафонтена, Ф.-Г. Дюкре-Дюмениля, Ж.-Ж. Руссо, А. Коцебу, С.-Р. Шамфора, Ж.-Ф. Мармонтеля, Ж.-А. Сегюра. Излюбленными жанрами были мадригалы, притчи, оды, анекдоты. Отдел «наук и художеств» содержал сведения по математике, физике, медицине, технологии, архитектуре, советы по хозяйству. На его страницах княгиня Е. Р. Дашкова полемизировала с петербургским «Северным вестником», отстаивая традиционные способы ведения помещичьего хозяйства. Наиболее значительной публикацией в журнале был «Новый опыт исторического словаря о российских писателях» митрополита Евгения (Болховитинова).

После Карамзина «Вестник Европы» перешел в другие руки. Достойным преемником первого редактора стал в 1808 г. В. А. Жуковский, издававший журнал около трех лет то самостоятельно, то вместе с М. Т. Каченовским. По-прежнему на первый план «Вестник Европы» выдвигал вопросы просвещения, но это понятие толковалось теперь более на религиозный лад – как умение жить, действовать и совершенствоваться «в том круге, в который заключила нас рука Промысла» (1808, № 1. С. 14). С надеждой говорилось о воспитании, с сочувствием – о приобщении к знаниям, но лишь в меру общественного положения каждого. Успехи образованности, по мысли Жуковского, должны бы-

ли привести к равновесию в отношениях между сословиями. Цель журналиста, считал он, заключается в том, чтобы дать читателям полезное и наставительное чтение в занимательном и приятном обличии.

При В. А. Жуковском заметно обогатилась литературная часть журнала, в него проникли романтические веяния. На страницах «Вестника Европы» впервые увидели свет прославленные баллады Жуковского «Людмила», «Кассандра», поэма «Громобой», повесть «Марьина роща». В журнале соединились лучшие литературные силы тех лет. Активно сотрудничал в нем К. Н. Батюшков. Появились новые имена – Н. И. Гнедич, Денис Давыдов, П. А. Вяземский, И. М. Долгорукий. В прозе по-прежнему преобладали переводы, многие из них принадлежали издателю. Из зарубежных писателей публиковались произведения госпожи Жанлис, Шатобриана, Руссо. Усилилась литературно-теоретическая часть журнала. Произошло это прежде всего благодаря самому Жуковскому. Среди его статей – «Письмо из уезда к издателю», «Писатель и общество», «О басне и баснях Крылова», «Критический разбор Кантемировых сатир...». Кроме того, переводились эстетические трактаты зарубежных авторов. Отдел политики, напротив, сжался до предела. «Политика в такой земле, где общее мнение покорно деятельной власти правительства, не может иметь особой привлекательности для умов беззаботных и миролюбивых»,– объяснял свою позицию издатель (1808, № 1. С. 8).

Самым долголетним редактором «Вестника Европы» был профессор М. Т. Каченовский, ведавший им более двадцати лет (с 1805 до 1815 г. с перерывами, а затем до конца издания единолично). При нем журнал приобрел преимущественно сухой академический характер и постепенно утратил былую славу. Центральное место отводилось древнему периоду отечественной истории. Каченовский не принял «Историю государства Российского» Карамзина, считая ее недостаточно научной, не раз помещал в своем журнале критические отзывы об этом труде, что вызвало отход от него друзей и почитателей историографа. Во второй половине 1810-х гг. «Вестник Европы», отражая обострившийся в обществе интерес к экономическим проблемам, выдвинул их на первый план. Его общественно-политическую позицию можно определить как умеренно-консервативную. В литературной борьбе той поры Каченовский, принадлежавший к старшему поколению литераторов, был по существу ближе к противникам Карамзина, чем к своему предшественнику. Тем более не жаловал он романтизм. Напряженные отношения сложились с А. С. Пушкиным и его кругом. Постепенно журнал терял наиболее талантливых сотрудников, а вместе с ними и читателей. В начале 20-х гг. «Вестник Европы» становится, по замечанию Белинского, не столько журналом, сколько сборником «без направления, без мысли», более того – «идеалом мертвенности, сухости, скуки и какой-то старческой заплесневелости» (IX, 683, 692). Впрочем, временами он снова оживлялся: появлялись интересные статьи по философии, звучала горячая полемика. В последние годы существования «Вестника Европы» внимание читателей привлекли острые статьи и фельетоны молодого Н. И. Надеждина, выступившего под псевдонимом «экс-студент Никодим Надоумка».

Из московских журналов тех лет заслуживает упоминания выходивший в 1815 г. «Амфион». Одним из его издателей был поэт и профессор А. Ф. Мерзляков. В журнале печатались многочисленные переводы античных и новых западных писателей, а также стихи Жуковского, Давыдова, Батюшкова, Вяземского, других русских поэтов. Особый интерес представляли литературно-теоретические и критические статьи журнала – в частности, разбор Мерзляковым «Россиады» Хераскова.

3. РУССКИЕ ПОЭТЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. В МОСКВЕ

В начале XIX в. русская читающая публика ценила в отечественной литературе прежде всего произведения поэтические. Интерес этот сопровождался чуть ли не повальным увлечением образованных дворян стихотворством – сочинением буриме (экспромтов на заданные рифмы), эпиграмм, патриотических откликов на военные события, виршей, посвященных всевозможным юбилеям или воспеванию царственных особ. Современники свидетельствуют о своего рода «стихотворном наводнении» тех лет. На фоне этого рифмоплетства выделяется ряд первоклассных поэтов.

Из старшего поколения писателей общим признанием пользовался И. И. Дмитриев, обновивший русский поэтический язык, давший ему «простоту и непринужденность естественной речи»[6]. Автор произведений в духе высокой гражданской поэзии («Освобождение Москвы» и др.), он еще более известен своими стихотворными сказками, баснями, песнями («Стонет сизый голубочек»). Дмитриев почитался современниками как один из лучших русских поэтов. Его сочинения и переводы публиковались в журналах и альманахах. Выходили они и отдельными книгами. В первой четверти XIX в. в Москве появилось шесть та-

[6] *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С.113.

ких сборников. Безупречна была и человеческая репутация Дмитриева. Выйдя в 1799 г. в отставку, поэт переехал в Москву и оставался там до своего назначения министром юстиции в 1810 г. Расставшись через четыре года со службой, бывший министр вернулся в Москву и поселился там окончательно, всецело отдавшись литературному творчеству и любовному возделыванию своего сада. Его дом на Спиридоновке (воспетый Вяземским) считали за честь посещать московские литераторы, ученые, ценители искусства.

К более молодому поколению и к иной социальной среде принадлежал поэт, ученый, критик А. Ф. Мерзляков, сын пермского купца, профессор Московского университета. Человек необычайно одаренный, он вошел в литературу как оригинальный поэт и переводчик. Тяготевший к высокому, героическому началу в поэзии, в молодости он был не чужд вольномыслия и даже тираноборческих настроений, переводил Шиллера, Гете. Мерзляков не разделял увлечения своих современников Карамзиным, не принял он и романтизма. В зрелые годы отдавал предпочтение классицизму, считая непревзойденным образцом творчество античных писателей. Был известен своими переводами римских поэтов. В прошлом литературный авторитет и новатор, в 20-е гг. воспринимался уже как человек архаических взглядов. Приверженец русской национальной самобытности, Мерзляков писал стихи и в народном духе. Ему принадлежат слова песен, ставших народными,– «Чернобровый, черноглазый...», «Среди долины ровныя...».

Центральное место в отечественной поэзии первых десятилетий XIX в. бесспорно принадлежало В. А. Жуковскому. «Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль»,– проницательно предрекал А. С. Пушкин. Молодые годы поэта прошли в Москве. Писать стихи и печататься он начал во время учебы в Благородном пансионе, который окончил в 1800 г. Прослужив недолго после этого в Московской соляной конторе, Жуковский вышел в отставку и уехал из Москвы. Однако вскоре вернулся и всецело занялся литературой, принявшись за издание «Вестника Европы». К этому времени относится подъем его творческой активности. Жуковский приобретает известность как высокоодаренный поэт, переводчик и критик. В отечественной поэзии сентиментализма, а затем романтизма его имя в те годы не знало себе равных. Особую славу приобрели переводы немецких и английских поэтов-романтиков, с которыми он первый познакомил широкую русскую публику. Жуковский выступал и как популяризатор отечественной поэзии. В 1810–1811 гг. в Москве вышло подготовленное им «Собрание русских стихов» в пяти частях, где были представлены образцы творчества русских поэтов, начиная с Кантемира и Ломоносова. После 1812 г. деятельность Жуковского протекала главным образом в Петербурге. Но связи с Москвой у него сохранились. Здесь осталось много друзей и почитателей. Сюда до своего отъезда за границу поэт приезжал неоднократно, последний раз в 1841 г.

Рядом с Жуковским любители и знатоки поэзии называли обычно К. Н. Ба-

В. А. Жуковский. Художник К. Брюллов. 1836 г.

И. И. Дмитриев

П. А. Вяземский. Художник К.-Х. Рейхель. 1817 г.

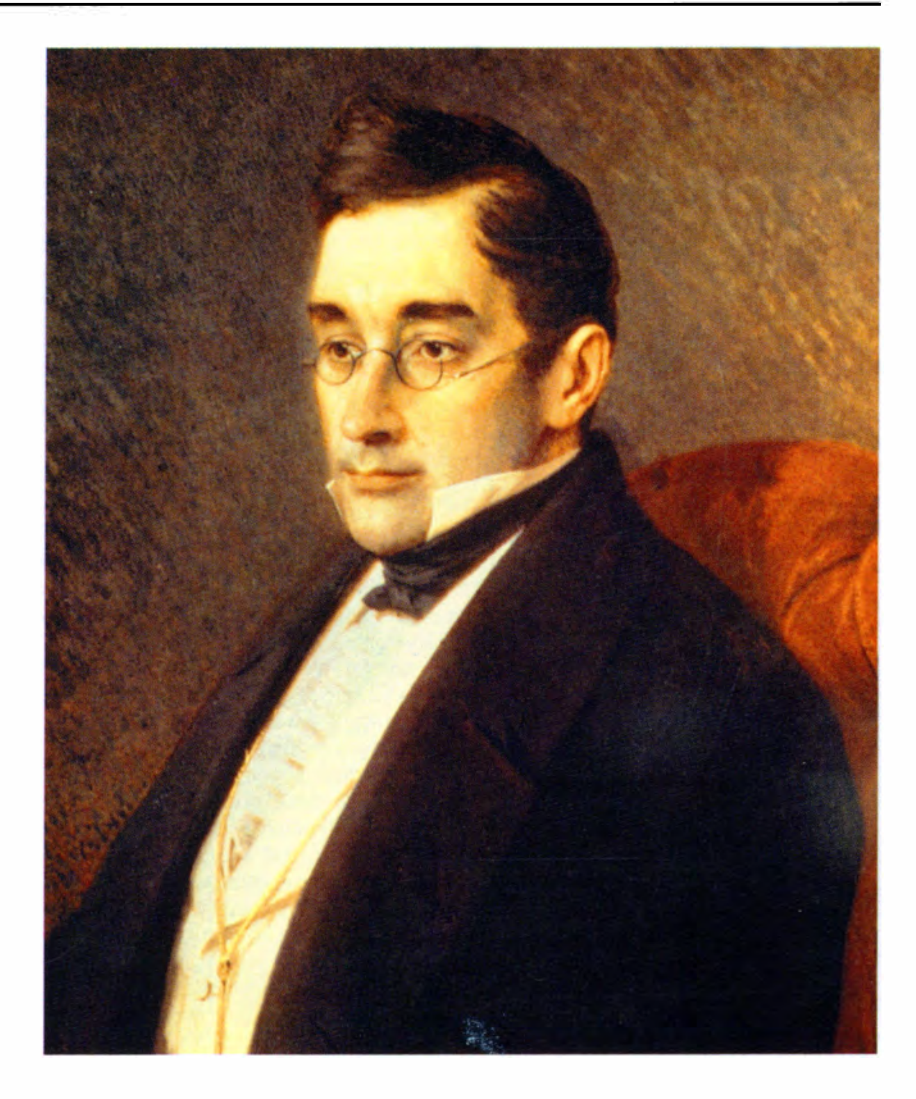
тюшкова и А. Ф. Воейкова. Оба они были связаны с Москвой: Воейков до 1814 г. жил там постоянно, Батюшков – временами, подолгу останавливаясь в доме родственной ему семьи попечителя Московского учебного округа М. Н. Муравьева, под руководством которого он в свое время воспитывался. Батюшков ввел в русскую литературу жанр легкой поэзии в духе древнегреческого поэта Анакреона, явившись в этом предшественником А. С. Пушкина. Славились его переводы Ариосто, Торквато Тассо, других итальянских поэтов. Современники отмечали ум и начитанность Батюшкова, плавность и музыкальность его поэтического языка. Тонким остроумием отличались написанные им пародии. После 1812 г. в творчестве поэта происходит перелом. Увидев разорение Москвы, «нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны», он разуверился в идеалах французского Просвещения и испытал подъем религиозного настроения, отразившегося в его послевоенных элегиях и эссе («Нечто о морали, основанной на философии и религии», «Петрарка» и др.). Судьба этого выдающегося поэта сложилась трагично: последние двадцать лет своей жизни он страдал тяжким душевным недугом. А. Ф. Воейков особенно прославился в сатирическом жанре. В 1806 г. произвело впечатление его социально острое стихотворение «Об истинном благородстве», обращенное к М. М. Сперанскому и напечатанное в «Вестнике Европы». Скандальным успехом пользовалась ядовитая сатира Воейкова «Сумасшедший дом» с карикатурными словесными портретами современных литературных деятелей. Воейков продолжил начатое Жуковским дело, подготовив и издав несколько многотомных антологий образцовых сочинений русских поэтов. Как человек Воейков отличался желчным характером и неуживчивостью.

Московским жителем – хотя и с большими перерывами – был прославленный поэт-партизан Денис Давыдов – «одно из самых поэтических лиц русской армии» (по его собственным словам). Как поэт Д. В. Давыдов стал известен задолго до появления своих стихов в печати, довольствуясь до того «рукописною или карманною славою». Его смелые басни «Голова и ноги», «Орлица, турухтан и тетерев», задевавшие самого царя, рано создали ему славу дерзкого вольнодумца. По определению самого поэта, большая часть его стихов «пахнет биваком». «Стихотворная вольница» Дениса Давыдова своеобычна и разнообразна: в ней и дух патриотического одушевления, и «гусарщина», и страстные любовные элегии, и эпиграммы. Известен Давыдов и как военный теоретик, автор «Военных записок», «Опытов партизанской войны», полемических выступлений о причинах гибели французской армии в 1812 г. Интересны и его письма, к сожалению, не собранные. Давыдов находился в приятельских отношениях с Карамзиным, Жуковским, Пушкиным, Вяземским, Языковым и их кругом. Эти выдающиеся люди высоко ценили поэтический талант и личные качества знаменитого партизана 1812 г. Грибоедов сожалел, что в Петербурге «нет эдакой буйной и умной головы». Давыдов близко знал многих декабристов, но не разделял их взглядов. Первый сборник его стихов вышел в Москве в 1832 г.

«Родом и сердцем москвич», П. А. Вяземский провел в Москве почти сорок лет. Здесь он сформировался как поэт, журналист и литературный критик. Аристократ и богач, высокообразованный, с острым умом и независимым характером, Вяземский выделялся даже на фоне избранного московского общества. «Язвительный поэт, остряк замысловатый, /И блеском колких слов и шутками богатый,/ Счастливый Вяземский, завидую тебе»,– обращался к нему Пушкин. Вместе с декабристами оппозиционно настроенный Вяземский мечтал о конституции и политической свободе, но в отличие от них был противником революционных действий. Позднее перешел на консервативные позиции, но в московский период жизни еще сохранял вольнолюбивые убеждения. Человек светский, острослов и эрудит, Вяземский находился в центре московской литературной жизни – сражался пером и словом со «староверами», был заметен в литературных салонах, затевал издание журнала. Его поэтическому творчеству тех лет присуща гражданственность и публицистичность. Стихотворения и эпиграммы Вяземского, не всегда удобные для печати, нередко распространя-

лись в списках. Глубина и оригинальность мысли сочетались в его статьях со злободневностью. Вяземский ратовал против застоя в литературе, отстаивал новое, поднимал проблемы народности, общественного значения поэзии, писал о романтизме и классицизме, о писателях настоящего и прошлого, откликался на все наиболее замечательное в русской и французской литературе. Вяземскому принадлежит ряд мемуарных очерков о Москве, москвичах, старинном московском быте.

Особое место в литературной жизни Москвы принадлежит создателю знаменитой комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедову. Никто не изобразил Москву, московское общество той поры так красочно и ярко. Москвич по рождению и образованию, Грибоедов воспитывался в московском Благородном пансионе, учился в Московском университете вместе с Чаадаевым, некоторыми из будущих декабристов, другими вольнолюбивыми юношами. В 1810 г. он окончил университет кандидатом прав. Намерение держать экзамен на ученую степень доктора не осуществилось: началась Отечественная война. Расставшись с Москвой, живя после войны в Петербурге, служа на Кавказе и в Персии, Грибоедов не раз приезжал в родной город. Московское дворянское общество он близко знал с юных лет. Патриархальные обычаи этой среды, нравы и настроения московских бар писатель имел возможность наблюдать в доме матери, дяди, многочисленных родственников. Все это он художественно воспроизвел сатирическим пером в своей знаменитой комедии. Работа над ней, начатая на Кавказе, завершилась в Москве в 1823–1824 гг.; здесь же автор читал ее в кругу людей, причастных к литературе. На современников «Горе от ума» произвело сильное впечатление. Немало было восторженных отзывов. Но кое-кто увидел в произведении злую карикатуру, пасквиль на Москву и московское дворянство. Завязалась острая полемика в печати. В «Московском телеграфе» Н. Полевой, в «Мнемозине» В. Одоевский высоко отозвались о комедии; в Петербурге ее приветствовал А. Бестужев в «Полярной звезде». «Вестник Европы», напротив, поместил отрицательные рецензии М. А. Дмитриева и А. И. Писарева. Издать «Горе от ума» при жизни автора не удалось (кроме отрывков в альманахе «Русская талия... на 1825 год»). Однако текст комедии в списках молниеносно разлетелся по Москве и России. В начале 30-х гг. Петербургский цензурный комитет докладывал Главному управлению цензуры, что «нет почти ни одного сколько-нибудь образованного человека из русских, который бы не читал в рукописи и не знал наизусть всех примечательных мест «Горя от ума». Некоторые сцены были поставлены в Петербурге, а затем в Москве (в бенефис М. С. Щепкина) зимой 1829/1830 г. Полностью пьесу сыграли в обеих столицах в 1831 г. В печати она появилась только через два года, после долгих цензурных мытарств, с изъятиями и искажениями. Постановка комедии в театре и ее публикация вызвали новые отзывы в московских журналах. Первое полное русское легальное издание вышло лишь в начале 60-х гг.

А. С. Грибоедов. Художник И. Крамской. 1873 г.

Разумеется, «грибоедовская Москва» представляла лишь один из слоев московского общества. Рядом с миром Фамусовых, Скалозубов, Молчалиных существовал другой мир, в котором люди типа Чацкого не чувствовали себя одинокими. Там шла иная жизнь, иными были понятия, нравы, интересы. Там умами и душами владели поэзия, искусство, наука, свободолюбие.

Величайшему поэту России А. С. Пушкину Москва была близка с детских лет. Здесь, в Немецкой слободе, он появился на свет, здесь провел ранние годы, с младенчества впитывая в себя московские впечатления. Затем последовало расставанье с Москвой, лицей в Царском

*А. С. Пушкин.
Художник О. Кипренский.
1827 г.*

селе, Петербург, ссылка. Однако связи с древней столицей не прерывались. Первое из появившихся в печати произведений юного Пушкина «К другу стихотворцу» опубликовано в московском «Вестнике Европы» (1814, № 13). А в 1826 г., во время пребывания Николая I в Москве по случаю коронации, поэта по вызову царя привезли в сопровождении фельдъегеря из ссылки прямо в Кремль. В тот раз он пробыл в Москве около двух месяцев. Читал друзьям и знакомым еще не известную публике драму «Борис Годунов» – сначала в доме С. А. Соболевского, затем дважды у Д. В. Веневитинова, а также у П. А. Вяземского. Присутствовавший на чтении у Веневитинова М. П. Погодин вспоминал о пережитом слушателями потрясающем впечатлении: «...Мы просто все как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет. То молчание, то взрыв восклицаний, например, при стихах Самозванца: «Тень Грозного меня усыновила...». Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления»[7]. За публичное чтение еще не прошедшей цензуру драмы Пушкин получил выговор от шефа жандармов графа Бенкендорфа. Царь, принявший на себя роль цензора поэта, пожелал, чтобы тот переделал ее «в историческую повесть или роман наподобие Вальтер Скотта». Пушкин не последовал высочайшему совету. Напечатать «Бориса Годунова» ему удалось лишь через несколько лет – в 1831 г.

Сразу после возвращения из ссылки поэт деятельно включился в московскую литературную жизнь – принял участие в издании журнала «Московский вестник». Тогда же посетил прощальный вечер, устроенный Зинаидой Волконской для Марии Волконской, отправлявшейся к мужу-декабристу в Сибирь. Тесные творческие и личные контакты соединяли поэта с москвичами и в дальнейшем. В Москву он приезжал часто, останавливаясь то у друзей – Соболевского, Вяземского, Нащокина, то в гостиницах («Европа», «Север», «Англия»), то у родных. В Москве, в церкви Вознесения у Никитских ворот Пушкин венчался с юной красавицей Натальей Гончаровой. Несколько месяцев после женитьбы снимал квартиру на Арбате. Последний раз поэт побывал в Москве весной 1836 г.– меньше чем за год до роковой дуэли. Москве посвящено немало замечательных пушкинских строк. «Края Москвы, края родные» запечатлены во многих его стихотворениях, в поэме «Евгений Онегин», в статье «Путешествие из Москвы в Петербург». Здесь развертывается действие драмы «Борис Годунов». Немало прекрасных стихотворений написано Пушкиным во время его пребывания в первопрестольной.

Тесно связан с Москвой Е. А. Баратынский, пользовавшийся в 20-х – начале 30-х гг. большой славой. Гармонией его стихов, оригинальностью мысли восхищался Пушкин. Их имена часто ставили рядом. Выйдя в 1826 г. в отставку, поэт поселился в Москве. Здесь появилось три сборника его стихотворений – в 1827, 1835 (двухтомник) и 1842 гг. Приятельские отношения соединяли Баратынского с Пушкиным. В конце 20-х гг. в Москве вышли «Две повести в стихах», объединившие пушкинского «Графа Нулина» и «Бал» Баратынского. В московских литературных кругах Баратынский вначале ближе всего сошелся с Вяземским. Вскоре тесная дружба соединила его с И. В. Киреевским. Однако к середине 30-х гг. прежние связи нарушились, и поэт почувствовал себя в Москве одиноко. Намерение вернуться в Петербург, к старым друзьям, не осуществилось из-за неожиданной смерти Баратынского во время заграничного путешествия 1844 г. Образ Москвы запечатлен в его поэме «Наложница» («Цыганка»), московское светское общество – в поэме «Бал». В поэзии Баратынского заметна элегическая тональность. Замечательна его философская лирика, восходившая к рационалистической философии XVIII в.

В Москве началась поэтическая деятельность юного Ф. И. Тютчева. Через своего учителя С. Е. Раича студент Тютчев познакомился с будущими любомудрами. Уже в 15 лет он был принят в сотрудники Общества любителей российской словесности – после того как А. Ф. Мерзляков огласил там его стихотворение в подражание Горацию. Вскоре в «Трудах» Общества появилось новое сочинение начинающего поэта. Окончив университет в начале 20-х гг., Тютчев надолго покинул Москву и уехал на службу в Петербург. Но и после этого его стихи появлялись в «Москвитянине» и других московских журналах.

4. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ГРУППИРОВКИ

«Дней Александровых прекрасное начало», смягчение политического режима в стране в начале XIX в. ознаменовалось оживлением литературной жизни. Литература стала той сферой, в которой прежде всего выразились новые общественные настроения и надежды. А. Ф. Мерзляков вспоминал, что в то время «во всех званиях» обнаружилось необыкновенное рвение к занятиям словес-

[7] *Погодин М.П.* Из воспоминаний о Пушкине // Русский архив. 1865. Изд. 2-е. М., 1866. Стб.1250–1251.

ностью, образовались «многие частные ученые собрания литературные, в которых молодые люди, знакомством или дружеством соединенные, сочиняли, переводили, разбирали свои переводы и сочинения». Пламенная любовь к литературе соединялась, по его словам, с любовью к человечеству и бескорыстной «стремительностью к добру». «Мы строго критиковали друг друга, письменно и словесно, разбирали знаменитейших писателей, которых почитали образцами своими, рассуждали почти о всех важнейших для человека предметах, спорили много и шумно за столом ученым и расходились добрыми друзьями по домам»[8]. В этих словах активного участника литературно-общественной жизни тех лет выразительно обрисован характер кружков образованной молодежи начала XIX в.

Заметную роль в развитии интереса к литературе в молодой поросли дворянства сыграл университетский Благородный пансион. Главное внимание обращалось там на гуманитарное образование в сочетании с нравственным воспитанием. В пансионе существовало Общество словесности, объединявшее лучших воспитанников. Одним из его основателей был В. А. Жуковский. Общество собиралось еженедельно. «Там читались сочинения и переводы юношей и разбирались критически, со всею строгостию и вежливостию,– вспоминал М. А. Дмитриев.– Там очередной оратор читал речь, по большей части о предметах нравственных. Там в каждом заседании один из членов предлагал на разрешение других вопрос из нравственной философии или из литературы, который обсуждался членами в скромных, но иногда жарких прениях. Там читали вслух произведения известных уже русских поэтов и разбирали их по правилам здравой критики: это предоставлено было уже не членам, а сотрудникам...»[9]. Почетными членами пансионского Общества были И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин, другие известные писатели. Воспитанники пансиона выпускали альманахи и литературные сборники; два из них появились в первом десятилетии XIX в.– «Утренняя заря» (6 книг), «И отдых в пользу». Из воспитанников Благородного пансиона вышло немало писателей и поэтов, в числе их Жуковский, В. Одоевский, Грибоедов, Лермонтов, Тютчев. Группа воспитанников пансиона и университета образовала в 1801 г. Дружеское литературное общество.

«В 1811 году и в начале 1812-го в Москве было много жизни в литературе,– вспоминал писатель-москвич М. А. Дмитриев.– Литераторы часто собирались между собою и всякий раз читали друг другу свои произведения». Такие вечера бывали, например, у драматурга Ф. Ф. Иванова, в них участвовали А. Ф. Мерзляков, А. Ф. Воейков, К. Н. Батюшков, драматург и театральный деятель Ф. Ф. Кокошкин.

Одним из центров литературной жизни Москвы стало возникшее в 1811 г. Общество любителей российской словесности при Московском университете[10]. Его основала группа университетских профессоров, к которым присоединились поэт В. Л. Пушкин, Ф. Ф. Кокошкин и еще несколько человек. В своей программной речи первый председатель Общества А. А. Прокопович-Антонский призывал обратить особое внимание на отечественную словесность, ибо «слава и могущество народов возвышается словом». К числу наиболее деятельных членов Общества принадлежали профессора А. Ф. Мерзляков, М. Т. Каченовский, Л. А. Цветаев, Н. Н. Сандунов, Р. Ф. Тимковский. Новое объединение усиленно занялось изучением родного языка, правил и образцов отечественной и иностранной литературы. На заседаниях выслушивались рассуждения по проблемам языкознания и словесности, читались оригинальные сочинения – оды, переложения псалмов, басни, переводы античных и новых западноевропейских писателей. Значительное внимание уделялось критике, ее воздействию на науку и просвещение (речь Цветаева «О нравственных качествах критика», речи Мерзлякова). Поначалу явно преобладали традиции классицизма. Новации Карамзина, других молодых писателей, «легкая поэзия» не встречали здесь сколько-нибудь заметного сочувствия. Предложение избрать в члены Общества К. Н. Батюшкова вначале не прошло: это случилось только в 1816 г. Со своей стороны, Батюшков не шел на уступки архаистам. Во вступительной речи «О влиянии легкой поэзии на образованность и язык» он доказывал, что влияние это было благотворным. Ироническое отношение Батюшкова к ложноклассикам выразилось в его сатирах «Видение на берегах Леты» и «Певец в беседе славяноdroссов». Одновременно с К. Н. Батюшковым в Общество избрали В. А. Жуковского. С ним здесь тоже случались казусы. Так, на одном из публичных заседаний Мерзляков прочел вслух письмо из Сибири с нападками на поэта. Председателю пришлось срочно мирить того и другого. Вообще порой возникали острые ситуации. Так, избрание в Общество Н. А. Полевого повлекло за собой демонстративный выход оттуда С. Т. Аксакова и некоторых других членов. Порой происходили курьезы. А. С. Пушкина избрали одновременно с Ф. В. Булгариным – поэт оскорбился и не пожелал участвовать в деятельности Общества.

При А. А. Прокоповиче-Антонском (т.е. до 1826 г.) Общество любителей российской словесности работало весьма активно. Собиралось оно регулярно – раз

[8] Труды Общества любителей российской словесности. Ч.7. М., 1817. С.101–102.

[9] *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С.180.

[10] Общество любителей российской словесности при Московском университете. Ист. записка и материалы за сто лет. М., 1911.

в месяц. Заседания были публичными. Их посещала, по словам М. А. Дмитриева, «высшая и лучшая публика Москвы: и первые духовные лица, и вельможи, и дамы высшего круга». В 1810–1820 гг. Общество подготовило и выпустило 20 томов своих «Трудов» и семь сборников «Сочинений в прозе и стихах». Сменивший Прокоповича-Антонского Ф. Ф. Кокошкин более всего заботился о внешнем блеске собраний. Не улучшилось дело и при следующем председателе – попечителе учебного округа генерал-майоре А. А. Писареве. Некоторое время Общество возглавлял писатель М. Н. Загоскин – впрочем, он больше числился, чем действовал. К тому времени деятельность Общества заглохла. Оживить ее пытался избранный секретарем М. П. Погодин, но это ему не удалось. Фактически с начала 30-х гг. Общество любителей российской словесности существовало лишь номинально; деятельность его замерла, и надолго. Создавшаяся в это время обстановка в стране не благоприятствовала любым общественным предприятиям, не исключая литературных.

Своеобразием отличалось другое литературное объединение – «Арзамасское ученое общество» или просто «Арзамас», возникшее в 1815 г. в противовес «шишковистам» и «Беседе любителей русского слова». Оно обладало всеми внешними признаками организации: в нем существовали определенные правила приема, на заседаниях произносились речи, велись протоколы. Но все это имело характер шутки, пародии, мистификации. Такова, впрочем, была лишь внешность: склонность к сатире характерна для просветительства, начиная с Вольтера. По существу же «Арзамас» стал, выражаясь словами Вяземского, «школой взаимного литературного обучения, литераторского товарищества». В идейном столкновении двух литературных направлений уже заметны зачатки будущих споров западников и славянофилов о выборе пути – ориентация на Запад или на родную старину. Среди членов «Арзамаса» – В. А. Жуковский, Александр Тургенев, Д. Н. Блудов, С. С. Уваров, К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин, из москвичей – П. А. Вяземский, Денис Давыдов, В. Л. Пушкин. Собрания арзамасцев иногда посещали Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев. Фактически содружество возникло за несколько лет до 1815 г., когда в Москве у Вяземского вечерами собирался приятельский кружок, куда кроме хозяина входили В. Жуковский, Александр Тургенев, Д. Давыдов, К. Батюшков, В. Пушкин. «Мы любили и уважали друг друга, – вспоминал Вяземский, – но мы и судили друг друга беспристрастно и строго… В этой нелицеприятной, независимой дружбе и была сила и прелесть нашей связи. Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамасское общество служило только оболочкою нашего нравственного братства»[11].

Вскоре после «Арзамаса» в 1816 г. в Москве возникло в какой-то мере его напоминавшее «Общество громкого смеха»[12]. Создали его молодые люди, большей частью из «архивных юношей», к которым присоединились С. Е. Раич, декабрист А. О. Корнилович. Председателем стал М. А. Дмитриев (племянник И. И. Дмитриева и сам литератор). В доме писателя Общество и собиралось. Обсуждение событий литературной жизни сопровождалось здесь острословием, шутками, чтением эпиграмм и пародий. В 1818 г. М. А. Дмитриев уехал на время из Москвы, и его в роли председателя сменил декабрист Ф. П. Шаховской, задумавший придать Обществу иной, более серьезный характер. Заговорили о деятельности по распространению общеполезных знаний, переводе на русский язык «лучших иностранных книг», занятии политическими науками, издании журнала. Приняли устав. На одном из заседаний появились приглашенные председателем декабристы Фонвизин и Муравьев. Судя по всему, речь шла о превращении «Общества громкого смеха» в легальный филиал Союза благоденствия. Однако намерение, по-видимому, так и не осуществилось, а в конце 1819 г. Шаховской должен был уехать из Москвы.

В 20-е гг. в мыслящей части молодого поколения наряду со стремлением к литературной деятельности обнаружилось тяготение к немецкой идеалистической философии и эстетике, входивших тогда в силу. Сочетание тех и других интересов заметно в «Обществе друзей» С. Е. Раича, возникшем в 1822 г. и по составу участников отчасти совпадавшем с философским кружком «любомудров». Раич (Амфитеатров) – поэт, переводчик Вергилия, Ариосто, Тассо – служил домашним учителем, позже – преподавателем в Благородном пансионе. Какое-то время входил в Союз благоденствия, потом отошел от движения. Его литературные вечера в 1822–1825 гг. посещали М. П. Погодин, С. П. Шевырев, А. И. Писарев, В. П. Титов, В. П. Андроссов, Ф. Тютчев, В. Одоевский, братья Д. В. и А. В. Веневитиновы, Д. П. Ознобишин, Андр.Н. Муравьев, Н. А. Полевой, А. И. Кошелев. Многие из них позднее приобрели известность как поэты, писатели, университетские профессора. Устраивались совместные чтения. Обсуждали сочинения друг друга. Переводили произведения античных авторов. Рассуждали о философии, истории, проблемах воспитания, но больше всего – об изящной словесности. Не чуждались и современной политики. Собирались «раза два в неделю». На некоторых за-

[11] *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т.7. СПб., 1882. С.411–412.

[12] *Грумм-Гржимайло А.Г., Сорокин В.В.* «Общество громкого смеха»: К истории Вольных обществ Союза благоденствия // Декабристы в Москве. Сб. статей. М., 1963. С.143–149.

Обложка альманаха «Мнемозина»

седаниях бывали князь Д. В. Голицын, поэт И. И. Дмитриев, другие знаменитости. Принялись даже за издание альманаха, назывался он на античный манер – «Новые аониды». В нем печатались И. А. Крылов, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев, Ф. Н. Глинка.

Философское направление в русской поэзии тех лет связано прежде всего с Дмитрием Веневитиновым. В том же духе развивалось творчество А. С. Хомякова и С. П. Шевырева. Характерные для их стихов мотивы – сущность поэзии, назначение поэта, его место в мире, единство человека и природы. В пантеистическом духе писал тогда даже будущий славянофил Хомяков. Веневитинов и Шевырев выступали и как поэты, и как теоретики поэзии.

Любомудры проявили себя в литературе весьма активно. С ними связан ряд литературных предприятий.

В 1824 г. В. Одоевский и В. Кюхельбекер начали выпускать в Москве литературно-философский альманах «Мнемозину», ставший примечательным явлением литературной жизни тех лет. В пору расцвета идеалистической философской мысли в Германии издатели «Мнемозины» решили знакомить русских читателей с новыми идеями. Отвергая просветительную философию французских материалистов и деистов XVIII в., придерживаясь шеллингианства, они вместе с тем продолжали традицию просветителей, выступая против предрассудков и невежества, ратуя за науку и распространение знаний. Молодой В. Одоевский был одним из первых пропагандистов классической немецкой философии в России. В философии он видел основу человеческих знаний. Одоевский восставал против «нелепых толкований» о бесполезности и даже вредности философии. «До сих пор,– писал он,– философа не могут себе представить иначе, как в образе французского говоруна 18 века (посему-то мы для отличия и называем истинных философов любомудрами); много ли таких, которые могли бы измерить, сколь велико расстояние между истинною, небесною философиею и философиею Вольтеров и Гельвециев?»[13]. В «Мнемозине» Одоевский публиковал «Афоризмы из различных писателей по части современного германского любомудрия», философские притчи, аллегории, научно-популярные и остро полемические статьи. Здесь же появилась статья «О способах исследования природы» профессора-шеллингианца М. Г. Павлова. В. К. Кюхельбекер выступал как поэт, прозаик, литературный критик. Из выпуска в выпуск печатались его письма из Германии и Франции с описанием местных достопримечательностей, художественных сокровищ, встреч с замечательными людьми.

«Мнемозина» открывалась программной для издания сатирико-фантастической зарисовкой В. Одоевского «Старики, или остров Панхаи», автор которой дерзко восставал против незыблемого авторитета старших, противопоставив ему авторитет подлинной мудрости, не подвластной возрасту. С этим произведением перекликался фантастический рассказ В. Кюхельбекера «Земля безголовцев» – сатира на уродливое светское воспитание и раболепство жителей вымышленной страны Акефалии, с их противоестественным влечением к палочным ударам. В статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» Кюхельбекер ратовал за народность в русской литературе, сожалел о том, что чувствительная элегия вытесняет из нее высокую оду. В «Мнемозине» появился первый печатный отзыв на «Горе от ума». Здесь публиковались А. Пушкин, П. Вяземский, Д. Давыдов, С. Раич, князь А. Шаховской, Н. Павлов, С. Нечаев. Издатели вели острую полемику с Ф. В. Булгариным и А. Ф. Воейковым, высмеивали издателя «Дамского журнала» князя П. И. Шаликова. Всего вышло четыре книжки «Мнемозины» – последняя в 1825 г. По отзыву Кс. Полевого, «Мнемозина» явилась «первым смелым ударом старым теориям, нанесенным рукою неопытною, но тем не менее ударом метким». По его словам, «многие смеялись над «Мнемозиною», другие задумывались».

[13] Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе. Издаваемая князем В. Одоевским и В.Кюхельбекером. Ч.4. М., 1825. С.163.

В начале 1826 г. участник литературного общества С. Е. Раича М. П. Погодин выпустил в свет альманах «Уранию» с произведениями С. П. Шевырева, С. Е. Раича, Д. П. Ознобишина, Ф. И. Тютчева, стихами Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, А. Ф. Мерзлякова, М. А. Дмитриева, А. И. Полежаева, историческими материалами. Опубликовал он в «Урании» и свою повесть «Нищий».

В том же году группа бывших любомудров решила основать журнал «Московский вестник». Душой предприятия стал поэт-философ Д. В. Веневитинов. Своими мыслями по этому поводу он осенью 1826 г. поделился с друзьями. Замысел отличался размахом и глубиной. Веневитинов выдвигал задачу содействовать просвещению России, ее самопознанию. Польза отечества, по его мнению, требовала от литераторов «более думать, нежели производить». Будущему журналу предполагалось придать преимущественно теоретический, философский характер. Поэту не довелось самому претворять свои планы в жизнь: он скончался в первый же год существования журнала, не дожив до 22 лет. Редактором выбрали Погодина. Его ближайшим помощником стал Шевырев. Вместе с любомудрами горячее участие в основании «Московского вестника» принял Пушкин, рассчитывавший на ведущую роль в нем. Однако этого не произошло: Погодин и его друзья действовали по-своему, придав журналу преимущественно философскую направленность.

«Московский вестник» выходил с января 1827 г. раз в две недели. Журнал следовал традиции «Мнемозины» с ее приверженностью к шеллингианству. Основной упор был сделан на эстетике, теории искусств (статьи С. П. Шевырева, В. П. Титова, В. Ф. Одоевского, Д. В. Веневитинова, переводы трактатов Г. Аста, А. Шлегеля). Культивировались идеи «чистого искусства», неподвластного никаким посторонним целям. Разнообразный по содержанию, «Московский вестник» предназначался прежде всего «любителям изящного». Богатой была литературная часть. Щедро делился с ним произведениями своего пера Пушкин: по «Московскому вестнику» читатели знакомились со сценами из драмы «Борис Годунов», отрывками из «Евгения Онегина», «Графа Нулина», со стихотворениями «Чернь», «Поэту», «Пророк», десятками других. Кроме Пушкина здесь печатались Д. В. Веневитинов, С. П. Шевырев, Е. А. Баратынский, А. С. Хомяков, В. И. Туманский, Н. М. Языков, Д. В. Давыдов, Д. П. Ознобишин, С. Е. Раич. Предпочтение отдавалось философской поэзии. Воспевался романтически приподнятый образ поэта – далекого от земной суеты служителя прекрасного, «любимца муз и вдохновенья». В отделе прозы публиковались повести М. П. Погодина («Невеста на ярмарке», «Черная немочь», «Убийца»), переводы западноевропейских писателей. Наибольшая склонность проявлялась к Гете и Шиллеру, а также к немецким романтикам Жану-Полю (Рихтеру), Гофману, Тику. Журнал знакомил своих читателей и с произведениями У. Шекспира, В. Скотта, Ф.-Р. Шатобриана, Ж.-Б. Мольера, А. Мицкевича. Немалый интерес вызывала культура Востока, прежде всего Индии (статьи Н. Рожалина). Наряду с этим проявлялось отрицательное отношение к демократической и реалистической тенденции современной французской литературы. В отделе наук Погодин публиковал статьи А. Л. Шлецера, П. М. Строева, свои «Исторические афоризмы», исследования, документальные материалы, замечания Н. С. Арцыбашева на исторический труд Карамзина. В литературно-критическом отделе журнала Шевырев порицал «Северную пчелу» за беспринципность, «Московский телеграф» – за презрение «ко всем прежним мнениям». Решительное неприятие вызывало у него сатирическое, гражданственное направление в поэзии. Из публикаций этого отдела внимание читателей привлекла статья И. Киреевского о Пушкине.

Надежды, поначалу возлагавшиеся на «Московский вестник», не оправдались. «Лучшим из русских журналов», «европейским журналом в азиатской Москве» назвал его летом 1827 г. Пушкин. Но вскоре умер Веневитинов. Несколько сотрудников (Одоевский, Титов, Кошелев) уехали в Петербург, Рожалин и Киреевский – за границу. В 1829 г. из России надолго уехал Шевырев. «Московский вестник» захирел. Материалы, которыми заполнял его Погодин, не могли заинтересовать широкую публику. В 1830 г. журнал перестал выходить.

5. РАСЦВЕТ МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Во второй четверти XIX в. журналы стали любимым чтением образованных людей. Альманахи все больше уступали им место. Немаловажным достоинством журналов была периодичность издания: большинство их выходило дважды в месяц, имея возможность довольно оперативно знакомить читателей с новостями. Привлекало разнообразие содержания, рассчитанное на разные вкусы. Там можно было прочитать новую повесть или роман, познакомиться с новинками зарубежной и отечественной литературы, узнать о новостях политической и культурной жизни Европы и мира, найти полезные сведения о

Н. А. Полевой

ведении сельского хозяйства; развлечься чтением рассказов о путешествиях, анекдотов, нравоучительных историй; познакомиться с видами дальних городов, пейзажами, портретами замечательных людей. Наконец, журналы помещали ноты, знакомили с модой. Каждый из членов семьи мог найти что-то для себя полезное или любопытное.

Невозможно переоценить просветительное значение журналов: через них шел основной поток научной информации, они служили незаменимым источником знаний для читающей публики, приобщали ее к непреходящим ценностям прошлого, к новым идеям и веяниям в литературе, искусстве, сфере мысли, повышали ее культурный уровень, прояснияли нравственные понятия.

Особый интерес стала вызывать литературная критика, все больше влиявшая на общественное мнение. Именно эти отделы заняли в журналах ведущее место. Они не только откликались на появление новых романов, повестей, поэтических произведений, не только воспитывали эстетический вкус читателей, но и расширяли их умственный кругозор, знакомя с трудами ученых и мыслителей. Поскольку высказывание в печати независимых мнений по животрепещущим вопросам современности не допускалось, а такая потребность существовала, выполнять эту задачу старалась по возможности литературная критика. Анализируя произведения художественной литературы, просветительски настроенные журналисты затрагивали более широкие вопросы философии, морали, пробуждали в читателях гуманные и гражданские чувства, уважение к достоинству любого человека, независимо от его общественного положения, развенчивали престиж чинов и карьеры, титулов и дворянского происхождения. Лучшие журналы просвещали публику и эстетически, и умственно, и нравственно. Идейная направленность была присуща прежде всего московской журналистике, выдвинувшей Н. А. Полевого, Н. И. Надеждина, В. Г. Белинского, других видных критиков. Белинский придал это качество и лучшим петербургским журналам – «Отечественным записками», затем «Современнику». Пушкин, Гоголь высоко ценили московскую журналистику 30-х гг., отдавая ей явное преимущество перед петербургской.

Ярким событием московской, да и российской литературной жизни стало появление «Московского телеграфа» – лучшего из русских журналов того времени. Издатель его Николай Полевой – талантливый самоучка, сын купца, приехавший в Москву из провинции. Одержимый страстной жаждой знания, начитанный, литературно одаренный, он легко вошел в столичные писательские круги и вместе с П. А. Вяземским задумал создать печатный орган нового типа. «Московский телеграф» начал выходить в 1825 г., дважды в месяц. Само его название раскрывало замысел издателя об оперативной информации. Полевой был журналистом по призванию, и его журнал, по словам Белинского, с первой же книжки изумил всех «живостию, свежестию, новостию, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностию в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся направлению» (IX, 687). Направление это было просветительским по духу и определялось горячей защитой научного просвещения, европеизма, прогресса. Встать на ноги и окрепнуть «Московскому телеграфу» помог Вяземский. В первые годы издания он вместе с Полевым руководил журналом, сам много писал для него, привлек к сотрудничеству своих друзей-писателей. Однако вскоре основатели журнала разошлись во взглядах, и Вяземский порвал с Полевым. Тот остался единственным распорядителем своего детища, деля редакционные труды с братом Ксенофонтом[14]. С этого времени «Московский телеграф» радикализировался, стал резко выступать против сословности и аристократизма, смело потрясал литературные авторитеты, не ос-

[14] *Полевой Н.А., Полевой Кс.А.* Литературная критика. Статьи и рецензии 1825–1842. Л., 1990.

танавливаясь даже перед именем Карамзина. Такой позицией он нажил себе много врагов – от охранителей и литературных бездарностей до писателей пушкинского круга.

«Московский телеграф» был журналом энциклопедическим, охватывая самую разнообразную тематику. Помимо прозы и поэзии, в нем публиковались статьи и материалы по истории, философии, географии, праву, политической экономии, статистике, народному хозяйству, естественным наукам. Давалась богатая информация о жизни разных регионов России и стран Западной Европы. Важное место занимал в журнале отдел критики и библиографии, где из номера в номер печатались сообщения о выходящих в России и за рубежом книгах и критические отклики на них. Регулярно помещались раскрашенные картинки последних парижских мод.

«Московский телеграф» ратовал за развитие отечественной промышленности и торговли – в этом заключалась одна из его отличительных особенностей. Выходец из «среднего сословия», Н. Полевой видел в нем «истинную, прочную основу государства» и утверждал в общественном мнении мысль о первостепенном значении купечества в судьбах страны.

Не имея возможности открыто выразить свои политические взгляды и симпатии, Полевой, однако, позволял себе довольно смелые по тем временам суждения. Так, он называл великими борцов за независимость народов Северной и Южной Америки – Вашингтона и Боливара. В журнале проводилась мысль о революциях как закономерных исторических явлениях, хотя они и сравнивались по своим внешним проявлениям со стихийными бедствиями.

Большое значение Н. Полевой придавал философии – но не просветительной философии XVIII в., которую считал устаревшей, и не немецкой классической философии, которую недостаточно знал. Последнее слово философской мудрости он увидел в сочинениях французского философа-эклектика и популяризатора В. Кузена. В этом сказался дилетантизм издателя, не получившего систематического образования и не всегда способного разобраться в сложных научных проблемах.

В литературе Н. Полевой выступил убежденным сторонником романтизма, пропагандируя творчество В. Гюго и других французских романтиков. Из русских писателей этого направления он высоко ценил А. Бестужева-Марлинского, публиковал его повести в своем журнале, переписывался со ссыльным декабристом. В «Московском телеграфе» была напечатана программная статья Марлинского «О романах и романтизме»

МОСКОВСКIЙ

ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Полевымъ.

Часть сорокъ пятая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФIИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академiи.

1832.

Обложка журнала «Московский телеграф»

(1833, ч. 52 и 53). Реализм и его выдающихся представителей Пушкина и Гоголя Полевой не сумел оценить по достоинству.

Своими смелыми и неординарными выступлениями Н. Полевой навлек на себя и свой журнал ненависть охранителей, подозревавших его в революционных стремлениях, которым на деле он был чужд. Журнал многократно подвергался цензурным гонениям и преследованиям властей. Министр просвещения С. С. Уваров обвинял издателя в приверженности «разрушительным правилам» и уже в 1833 г. предлагал царю запретить журнал. В следующем году это действительно произошло. В докладе императору Уваров доносил: «Давно уже и постоянно «Московский телеграф» исполнялся возвещениями о необходимости преобразований и похвалою революциям. Весьма многое, что появляется в злонамеренных французских журналах, «Телеграф» старается передать русским читателям с похвалою. Революционное направление мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно обнаруживается в сем журнале, которого тысячи экземпляров расходятся по России, и по неслыханной дерзости, с какой пишутся статьи, в оном помещаемые, читаются с жадным любопытством»[15]. Издателя журнала доставили в Петербург с жандармом и посадили под арест в III отделении. «Московский телеграф» был запрещен. Россия лишилась лучшего журнала. Его издатель был морально сломлен и уже не оправился от удара.

[15] Цит. по: *Орлов Вл.* Николай Полевой и его «Московский телеграф» // *Орлов Вл.* Пути и судьбы. Л., 1971. С.439.

М. Н. Загоскин

Продолжателем философской традиции «Мнемозины», помимо «Московского вестника», явился журнал профессора-шеллингианца М. Г. Павлова «Атеней», выходивший в 1828–1830 гг. С первых же книжек журнала издатель постарался заинтересовать читающую публику проблемами философии. Для доступности он использовал форму бесед – по образцу древнегреческих. Полемические «разговоры» трех приятелей о сравнительных достоинствах разных способов познания природы помещены в «Атенее» под названием «О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных» (1828, №№ 1 и 2). На страницах журнала профессора М. Г. Павлов, Н. И. Надеждин, Д. М. Перевощиков, другие авторы рассуждали о философских терминах, о различии между науками и искусствами, о классической и романтической поэзии, о современной литературе, физике, новых научных изданиях и о многом другом. Публиковались и работы студентов; так, в «Атенее» увидела свет статья юного А. Герцена «О землетрясениях».

В рубрике «Современные события» замечательна публикация «Нью-Ланаркская бумагопрядильня в Шотландии» (1828, № 19) – по-видимому, перевод из зарубежной печати. В ней рассказывалось о попытке социалиста-утописта Роберта Оуэна по-новому организовать труд и быт своих рабочих. (О социализме при этом, конечно, не упоминалось; действия Оуэна толковались как пример «просвещенной филантропии».) Публикация появилась в журнале благодаря статистику и экономисту В. Андроссову и с его сопроводительным письмом. Андроссов, выпускник Московского университета, помощник М. Г. Павлова по Земледельческой школе – личность весьма любопытная, но мало известная современному читателю. Кс. Полевой называет его «человеком, замечательным светлым умом, любовью к просвещению и оригинальностью в разговоре», хотя и защищавшим порой «несообразности». Публикация Андроссова показывает, как рано начали проникать в Россию социалистические идеи.

В литературной борьбе своего времени «Атеней» занимал архаические позиции, отстаивая классицизм. На его страницах публиковались стихи последователей этого направления – С. Е. Раича, А. И. Писарева, драматические сочинения князя А. А. Шаховского. «Евгений Онегин» не получил здесь признания: литературный критик журнала М. А. Дмитриев разбирал новое произведение Пушкина довольно придирчиво. Более благожелательным оказался отзыв М. А. Максимовича о пушкинской «Полтаве». М. Н. Загоскин опубликовал в «Атенее» отрывки из нашумевшего вскоре романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Издатель стремился привлечь в свой журнал молодые таланты, печатая стихотворения Ф. Тютчева, Н. Станкевича, М. Лермонтова (именно в «Атенее» имя поэта впервые появилось в печати).

Время от времени издавались альманахи. В 1830 г. М. А. Максимович выпустил первую книжку «Денницы», в ближайшие годы – еще три, последнюю в 1834 г. Их основное содержание составили стихи, проза и обзорные статьи о литературе. Свои произведения для публикации в «Деннице» дали А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, П. А. Вяземский, С. Е. Раич, Ф. Н. Глинка, А. А. Дельвиг, А. Ф. Мерзляков, Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, Н. М. Языков. Пушкин поместил здесь две первые сцены трагедии «Борис Годунов». В «Послании Пушкину» Шевырева во весь голос сказано о высоком значении поэта для России: «Ты русских дум на все лады орган! / Помазанный Державиным предтечей, /Наш депутат на европейском вече; / Ты – колокол во славу россиян!». Нашли себе место в «Деннице» эпиграммы на Булгарина, стихотворения русских поэтесс – Надежды Тепловой и (как можно догадаться) княгини З. Волконской (подписанное: К. З. В.). Русская повесть представлена именами Н. Полевого, А. Вельтмана, М. Погодина. Первая книжка альманаха открывалась интереснейшим «Обозрением русской словесности за 1829 год» И. В. Киреевского.

1830 год – год свирепствовавшей в Москве холеры – оказался тяжелым и для московской печати. Ушли в небытие «Вестник Европы», «Московский вестник», «Атеней», «Галатея». Выжили только «Московский телеграф» да газета «Московские ведомости».

Однако уже в следующем году появилось новое периодическое издание – «Телескоп. Журнал современного просвещения», ставший заметным явлением в литературной жизни Москвы и России. Издавал его высокоталантливый Н. И. Надеждин, магистр богословия и доктор этико-филологических наук, начинавший с сотрудничества в «Вестнике Европы» Каченовского. Как и Полевой, Надеждин не принадлежал к дворянству. Выходец из среды духовенства, он уволился из духовного звания, посвятив себя журналистике и науке.

Вокруг «Телескопа» объединились сотрудники закрывшихся журналов. Сам издатель сосредоточился на литературной критике и эстетике, опубликовав в журнале ряд программных статей и множество мелких материалов. Заведовать исторической частью он предложил Погодину, юридическую курировал Ф. П. Морошкин. Деятельно сотрудничали в «Телескопе» и другие университетские профессора. Из Италии присылал письма о Риме, стихотворения, литературно-критические статьи Шевырев.

«Телескоп» был журналом научно-литературным. Главное внимание уделялось в нем философии, эстетике, теоретическим вопросам разных наук. Читатели могли познакомиться с переводами сочинений Фихте, Шеллинга, Кузена, с произведениями украинского философа Г. Сковороды, со статьями по философии, физике, ботанике М. Г. Павлова, Д. М. Велланского, М. А. Максимовича. Из номера в номер печатались биографические очерки замечательных людей современности – поэтов, писателей, философов, государственных деятелей. Придавая первостепенное значение просвещению, журнал публиковал материалы по статистике народного образования и книгопечатания в разных странах, о театре, об университетах и других учебных заведениях, сообщения из английских, французских, немецких периодических изданий.

Общественно-политическая позиция издателя была неоднозначной. «Телескоп» поддерживал официальную доктрину православия, самодержавия, народности, но из трех ее элементов особо выделял народность. Статьи консервативно настроенного М. А. Дмитриева предостерегали против следования «духу времени», духу критики и анализа – по его мнению, болезненному и ложному. В то же время сам Надеждин был ярким представителем критического направления, за что прослыл среди современников злостным отрицателем. Издатель осуждал революционные выступления в Западной Европе, порицал «вандализм парижан», разоривших архиепископский дворец с его художественными сокровищами, воевал с радикальным «Московским телеграфом», восхищался «благодетельным» для России самодержавием. И он же жестко полемизировал с изданиями Булгарина и Греча, с «Библиотекой для чтения» Сенковского, пропагандировал европейское просвещение.

Своей диссертацией, своими журнальными статьями, отбором публикаций Н. И. Надеждин расчищал дорогу в литературе новому. И классицизм и романтизм являлись, с его точки зрения, устаревшими и искаженными отголосками далекого прошлого – античности и средневековья. Новое время требует нового искусства, которое соединит достоинства классицизма и романтизма, преодолев их крайности, провозгласил Надеждин. Особенно страстно ратовал он против господствовавшего в то время романтизма. Глава французских романтиков В. Гюго, пропагандировавший французских романтиков в России Н. Полевой, русские поэты – подражатели Байрона подвергались ожесточенным нападкам издателя «Телескопа». В романтизме Надеждин видел «чадо безверия и революции».

Народность – вот что являлось для него главным и определяющим. Свои мысли по этому поводу он развил в статье «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» (1836, № 1 и 2). Однако, раскрывая дорогую ему идею, Надеждин не всегда проявлял проницательность. Самым народным из русских писателей считал он М. Н. Загоскина. Большие надежды справедливо возлагал на Н. В. Гоголя. Но серьезно ошибся в оценке творчества А. С. Пушкина, не признав его народным поэтом и отозвавшись о «Евгении Онегине» как о «блестящей игрушке». Правда, со временем его отношение к творчеству Пушкина стало меняться, и в отличие от большинства литературных критиков тех лет, Надеждин сумел по достоинству оценить «Бориса Годунова». О современном состоянии русской литературы Надеждин отзывался весьма критически. Изменить положение в лучшую сторону способны лишь просвещение, наука, полагал он, ибо только таким путем народ может достигнуть самосознания – необходимого условия народности.

«Телескоп» публиковал повести М. П. Погодина, драмы М. Н. Загоскина, стихи С. П. Шевырева, Ф. Н. Глинки, М. А. Дмитриева, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова. Из зарубежных писателей явное предпочтение отдавалось О. Бальзаку. Печатались также сочине-

ния А. Дюма, Жюля Жанена, Е. Сю. Благоприятное отношение проявлялось к сатире. Ее современному состоянию во Франции Надеждин посвятил статью, особо остановившись на творчестве О. Барбье и О. Бартелеми (1832, № 6). Критические статьи и обзоры знакомили читателей с немецкой, английской, испанской, португальской, скандинавской, славянскими литературами.

«Телескоп» имел приложение, которое называлось «Молвой» и выходило то еженедельно, то чаще, то в одной обложке с журналом. Там помещались фельетоны, хроника, театральные рецензии, разные мелкие материалы. С «Молвы» началась литературная известность В. Г. Белинского. В 1834 г. здесь появились его «Литературные мечтания», сразу обратившие на себя внимание. Белинский вскоре стал ближайшим помощником Надеждина. В 1835 г. он заменял редактора во время его полугодовой поездки за границу. Примерно с этого времени меняется состав сотрудников «Телескопа». Шевырев, Погодин, Мельгунов, Андроссов покидают журнал Надеждина и создают свой собственный. В «Телескопе» начинают активно участвовать друзья Белинского – Н. Станкевич, М. Бакунин, К. Аксаков, А. Герцен, В. Боткин, П. Кудрявцев. (Н. Огарев еще раньше напечатал там перевод очерка Кузена «Современное назначение философии».) Среди новых поэтических имен – А. Кольцов и А. Полежаев.

В 1836 г. произошло событие, ставшеедля «Телескопа» роковым. Речь идет о публикации там «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Для журнала она явилась своего рода случайностью: автор принадлежал к иному литературному кругу, его философско-исторические идеи были далеки от позиции Надеждина. И публиковать свое произведение Чаадаев предполагал в другом журнале. Но когда это не получилось, он обратился к Надеждину. При помощи «Философического письма» издатель «Телескопа» хотел возбудить угасавший интерес публики к своему журналу, а затем выступить с уже готовыми возражениями. Но до этого не дошло. Публикация вызвала бурю эмоций в Москве и Петербурге. «Телескоп» был закрыт, Чаадаев объявлен сумасшедшим, Надеждин сослан в Усть-Сысольск, цензор А. В. Болдырев (ректор университета) отрешен от должности.

Вслед за «Телескопом» в 1832 г. появился еще один журнал, встреченный с самыми радужными ожиданиями. То был «Европеец» И. В. Киреевского (так называлось издание будущего славянофила!). Казалось, все благоприятствовало новому журналу. Его издатель еще раньше зарекомендовал себя как талантливый и умный литератор. Статьи Киреевского в «Европейце» подтверждали такое мнение. Помещенный в двух первых номерах критический разбор пушкинского «Бориса Годунова» и поэмы Баратынского «Наложница», по отзыву Пушкина, порадовал как долгожданное появление «истинной критики». Лучшие русские поэты горячо поддержали новый журнал. Прислали свои стихи, поэмы, сказки Жуковский, Баратынский, Языков, Хомяков, Полежаев. Обещал сделать то же самое Пушкин. Откликнулся В. Одоевский. Зарубежная культурная и отчасти политическая жизнь была представлена отрывками из писем Г. Гейне о художественной выставке в Париже, статьей Вильмена об императоре Юлиане (Отступнике), письмами из Парижа (А. И. Тургенева), Северной Америки, Берлина, Лондона, материалами об Испании и Бразилии, о Бальзаке и Л. Берне, о танцовщице Марии Тальони и композиторе К. М. Вебере…

Центральное место в журнале занимала статья И. Киреевского «Девятнадцатый век». Автор ее выступил в роли публициста, поставив вопрос: в чем состоит «господствующее направление века»? Понять это, полагал Киреевский, «сделалось главною общею целию всех мыслящих». Ответ давался в типично просветительском духе. Из статьи следовало, что Французская революция явилась результатом борьбы между старыми мнениями и новыми требованиями просвещения. Автор был против как *разрушительного*, так и *«насильственно соединяющего»* начал. Выход виделся ему в терпимости, мирном соглашении «нового духа с развалинами старых времен», сведении противоположных крайностей «в одну общую, *искусственно отысканную* середину». Киреевский полагал, что прочное общественное устройство находится в прямой зависимости от «просвещения общего мнения». Уверенность в этом, полагал он, и составляет «господствующее направление *европеизма*»[16]. Вторая часть статьи посвящалась отечественному просвещению. Но она не увидела света: журнал был запрещен.

В другой статье И. Киреевского «Горе от ума» на московском театре» вопрос об отношении к западноевропейскому просвещению толковался в самом что ни на есть «западническом» духе. Находя в главной мысли комедии «поразительную истину», автор не соглашался с нападками писателя на любовь к иностранному: «…Просвещение у нас распространиться не может иначе, как вместе с распространением иностранного образа жизни, иностранного платья, иностранных обычаев… Нам нечего бояться утратить своей национальности: наша религия, наши исторические воспоминания, наше географическое положение,

[16] Европеец. Журнал И.В.Киреевского. 1832. Изд. подгот. Л.Г.Фризман. М., 1989. С.6, 11, 12, 18, 9.

вся совокупность нашего быта столь отличны от остальной Европы, что нам физически невозможно сделаться ни французами, ни англичанами, ни немцами. Но до сих пор национальность наша была национальность необразованная, грубая, китайски-неподвижная. Просветить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развития может только влияние чужеземное; и как до сих пор все просвещение наше заимствовано извне, так только извне можем мы заимствовать его и теперь, и до тех пор, покуда поравняемся с остальною Европою»[17]. Характеристика московского общества в статье Киреевского весьма критична: «Философия Фамусова и теперь еще кружит нам головы... Эта пустота жизни, это равнодушие ко всему нравственному, это отсутствие всякого мнения и вместе боязнь пересудов, эти ничтожные отношения, которые истощают человека по мелочам и делают его неспособным ко всему стройно дельному, ко всему возвышенному и достойному труда жить,– все это дает московскому обществу совершенно особенный характер, составляющий середину между уездным кумовством и безвкусием и столичною искательностью и роскошью»,– заключал он. Столь нелестно отзываясь о большинстве, Киреевский оговаривался, что в Москве имеются и «отборные» общества, люди просвещенные с чувствами возвышенными, правилами твердыми и благородными – и этих людей больше, чем может показаться на первый взгляд.

Надежды доброжелателей не осуществились. «Европеец» был запрещен на втором номере. Следующий, вполне подготовленный, так и не вышел в свет. Чиновникам из III отделения почудился в журнале революционный дух. Вдохновлявшие издателя идеи просвещения казались властям опасными, а философски туманный способ изложения – скрывающим в себе потаенный смысл. Шеф жандармов Бенкендорф писал министру просвещения, что под просвещением в статье имеется в виду свобода, под деятельностью разума – революция, а под искусственно отысканной серединой – конституция. Подобное толкование – очевидная вульгаризация. Но запрещение журнала не сводилось к недоразумению. Независимая мысль автора была несовместима с политическим курсом самодержавия. Сама решимость журналиста рассуждать о вопросах государственной важности казалась властителям непозволительной дерзостью. Тем более – его обращение к общественному мнению. Издатель был признан «неблагомыслящим и неблагонадежным». Последствия оказались плачевны не только для И. Киреевского. «...Его величеству угодно,– сообщал Бенкендорф министру просвещения,– дабы на будущее время не были дозволены никакие новые журналы без особого высочайшего разрешения».

После того как власти запретили «Европеец» и «Московский телеграф», из серьезных журналов в Москве остался один «Телескоп». Разошедшиеся с Надеждиным Погодин, Шевырев, Мельгунов задумали новое периодическое издание. Назвали его «Московским наблюдателем». Редакторство предложили В. П. Андроссову. Он же составил программу журнала и хлопотал о разрешении. Журнал создавался на паях, но уже со следующего года редактор стал и издателем. К инициаторам присоединилось еще несколько человек, среди них – И. Киреевский, А. Кошелев, В. Одоевский, Н. Павлов, М. Дмитриев, Д. Свербеев. Живейший интерес проявил вначале Н. В. Гоголь, но к его советам не прислушались, и писатель отошел от журнала.

«Московский наблюдатель» выходил с 1835 г. дважды в месяц. Главным литературным критиком в нем стал Шевырев. Из известных поэтов сотрудничали Языков, Баратынский, Хомяков (входившие в число пайщиков); дважды мелькнуло имя Пушкина («На выздоровление Лукулла», «Туча»). Н. Павлов опубликовал свою новую повесть «Маскарад», В. Одоевский – одно из «Петербургских писем» и два фрагмента «Русских ночей», Н. Мельгунов – несколько статей и путевых очерков; он же предоставил статьи Кенига о современной немецкой литературе, А. И. Тургенев – несколько писем из-за границы. Повесть Гоголя «Нос» была Шевыревым отвергнута.

Одной из целей учредителей «Московского наблюдателя» было противодействие «коммерческой» журналистике – изданиям Булгарина, Греча, Сенковского. Первая книжка открывалась программной статьей Шевырева «Словесность и торговля». Автор возмущался тем, что литература стала средством обогащения. Подчинение литературных и научных целей коммерческой выгоде, разумеется, пагубно влияло на духовное состояние общества. Но вопрос имел и другую сторону. Возможность заработать на жизнь литературным трудом вызвала приток в журналистику новых сил. Литература утрачивала исключительно дворянский характер. Разночинцы Полевой, Надеждин и другие внесли в нее свежую струю, расширили ее возможности, содействовали усилению просветительной роли журналов. Однако вторжение разночинцев в литературу казалось родовитому дворянину Шевыреву явлением прискорбным. Сам он стремился придать ей светский лоск. Позиция Шевырева возмутила просветительски настроенных людей. В «Телескопе» против него выступил Белинский с развернутой статьей «О критике и литератур-

[17] Там же. С.108–109.

ных мнениях «Московского наблюдателя» (II, 123–177). Тоску по уходящей под напором промышленного века чистой поэзии изливал Баратынский в стихотворении «Последний поэт».

В очевидном противоречии с этим находились другие публикации «Московского наблюдателя», остро реагировавшие на запросы экономического развития страны и социальные проблемы. Особый отдел журнала отводился промышленности. Выразителем этих тенденций явился Андроссов, публиковавший статьи и материалы русских и зарубежных экономистов по статистике внешней торговли, земледелию, овцеводству, свеклосахарному производству, о железных дорогах, промышленности, торговле. Журнал напечатал статью Сисмонди о тяжелом положении Ирландии, где «вся почти масса народонаселения не имеет никакого участия в земельной собственности и ... весь почти ирландский народ состоит из нищих». В статье известного российского экономиста К. Ф. Германа давался критический разбор сочинений представителей зарубежной социалистической мысли.

В суждениях Шевырева, Погодина уже явственно проступали черты официальной народности. В стихотворении Хомякова «Мечты», в его не пропущенном цензурой ответе на «Философическое письмо» Чаадаева звучали мотивы умирания западной цивилизации и высокого предназначения России. Славянофильские тенденции проявились и в интересе к славянскому вопросу – в публикации статей Ю. Венелина и известного чешского деятеля В. Шафарика. Вместе с тем «Московский наблюдатель» осмеивал национальное самодовольство и примитивное понимание народности, критиковал пьесу-памфлет М. Н. Загоскина «Недовольные». Автором этих публикаций был, по-видимому, Н. Мельгунов. В журнале сотрудничал разделявший идеи П. Я. Чаадаева доктор И. Ястребцов. Считается, что П. Я. Чаадаев и М. Ф. Орлов были близки редакции «Московского наблюдателя». Во всяком случае именно здесь Чаадаев предполагал напечатать свое «Философическое письмо», но Андроссов настаивал на некоторых изменениях в тексте, на что автор не соглашался.

Столь очевидное несовпадение позиций сотрудников не предвещало журналу прочности. Продержавшись два года в неустойчивом положении сочетания разнородных тенденций, «Московский наблюдатель» стал угасать и в 1837 г. заполнялся большей частью статьями Шевырева и переводами.

В 1838 г. журнал перешел в другие руки. Издателем стал книгопродавец Н. С. Степанов, фактическим редактором Виссарион Белинский (формально им оставался В. П. Андроссов). Состав сотрудников изменился: в журнал пришли участники кружка Николая Станкевича и их друзья – М. Бакунин, М. Катков, К. Аксаков, поэты А. Кольцов, В. Красов, И. Клюшников (сам Станкевич находился в это время за границей). Основная тяжесть работы пала на Белинского. Это был период страстного увлечения кружка философией Гегеля. Под ее влиянием Белинский занял (правда, ненадолго) примирительную позицию по отношению к существующему общественному порядку.

Обновленный «Наблюдатель» открылся «Гимназическими речами» Гегеля в переводе Бакунина. Тексту предшествовала статья Бакунина с обоснованием гегелевского тезиса «что действительно, то разумно и что разумно, то действительно». Будущий непримиримый революционер представал в ней горячим защитником религии, противником «кровавых и неистовых сцен революции», ратовал против «ужасной, бессмысленной анархии умов» нового поколения, объявлял великой задачей современности примирение с действительностью. Русская действительность признавалась прекрасною, настоящим русским человеком автору казался лишь тот, кто предан царю и отечеству. Тем самым определялась программа журнала. Позднее Белинский сокрушался, что статья Бакунина «дала дурное направление журналу и на первых порах оттолкнула от него публику и погубила его безвозвратно в ее мнении» (XI, 384–385).

Сотрудников журнала объединяло поклонение искусству – поэзии, музыке, театру. Новый «Московский наблюдатель» знакомил читателей с произведениями Шекспира, Гете, Гофмана, Гейне, Тика, с биографиями выдающихся писателей и композиторов. Из русских авторов публиковались поэтические произведения и переводы Кольцова, Полежаева, Аксакова, Каткова, Красова, Клюшникова. Здесь же увидели свет пьеса Белинского «Пятидесятилетний дядюшка», кое-какая проза. Первостепенное внимание уделялось критике и библиографии. Хотя отзывы Белинского в «Литературной хронике» журнала были не всегда справедливы, очевидная талантливость молодого автора, его глубокие суждения о Пушкине и других писателях предвещали в будущем выдающегося критика и мыслителя.

Журнал издавался в трудных условиях. Выход его невероятно запаздывал: подводили сотрудники, типография. Белинский был завален работой и сам уже жаждал развязаться с журналом, переставшим его удовлетворять. Весной 1839 г. «Московский наблюдатель» окончил свои дни. А через несколько месяцев Белинский уехал в Петербург, связав свою судьбу с «Отечественными записками».

6. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ-ПРОЗАИКИ 30–40-х гг. В МОСКВЕ

Примерно с 30-х гг. в отечественной литературе проза начинает брать верх над поэзией. «...Вся наша литература превратилась в роман и повесть»[18],– писал в 1835 г. Белинский. Из живущих в Москве писателей наибольшей известностью пользовался, пожалуй, М. Н. Загоскин – автор многочисленных романов, повестей, рассказов, комедий. «Почти все, что знает грамоте на Руси – читало и читает Загоскина»[19],– замечал С. Т. Аксаков, считавший его подлинно народным писателем, почитаемым и простым народом и высшими слоями. В литературу Загоскин вступил вскоре после Отечественной войны 1812 г. как приверженец «шишковистов» и сторонник классицизма. Последние тридцать лет его жизни (с начала 20-х гг.) прошли в Москве. Шумный успех выпал на долю вышедшего в 1829 г. трехтомного романа Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Похвальный отзыв о «Юрии Милославском» поместил Пушкин в «Литературной газете». «Первым хорошим русским романом» назвал его Белинский, величавший автора «патриархом московских романистов» (VII, 74, 637). Роман переиздавался много раз. Его популярность обыграл Гоголь в «Ревизоре». Сцены из «Юрия Милославского» изображались на бесчисленных табакерках и набивных платках, распространявшихся по всей России. Через два года вышел в свет другой исторический роман Загоскина – «Рославлев, или Русские в 1812 году», встреченный общими ожиданиями, но не имевший такого успеха, как прежний. Роман Загоскина «Аскольдова могила» послужил литературной основой одноименной оперы А. Н. Верстовского, десятилетиями не сходившей со сцен столичных и провинциальных театров. В 1842–1850 гг. вышла в четырех выпусках книга Загоскина «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского», соединившая в себе бытовые зарисовки, типовые портреты представителей разных слоев московского населения, комедийные сцены, статьи, рассказы. Многие из них написаны в распространенном в то время жанре «физиологического очерка». Перу Загоскина принадлежит около двадцати комедий и один водевиль. Почти все они шли на сцене, некоторые с большим успехом. Эффект скандала произвела комедия в стихах «Недовольные», высмеивавшая подражание Западу. В главных персонажах поставленного по ней спектакля узнавали П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова. Многие восприняли это творение как недостойный пасквиль.

М. Н. Загоскин принимал деятельное участие в литературной и общественной жизни Москвы. Будучи горячим спорщиком, он с жаром и пристрастием отстаивал все русское и нападал на приверженцев европеизма. За свою многолетнюю службу писатель достиг высоких чинов и придворного звания камергера (впрочем, так и не усвоив светских манер). Загоскин управлял московскими театрами, а в последние десять лет жизни возглавлял Оружейную палату.

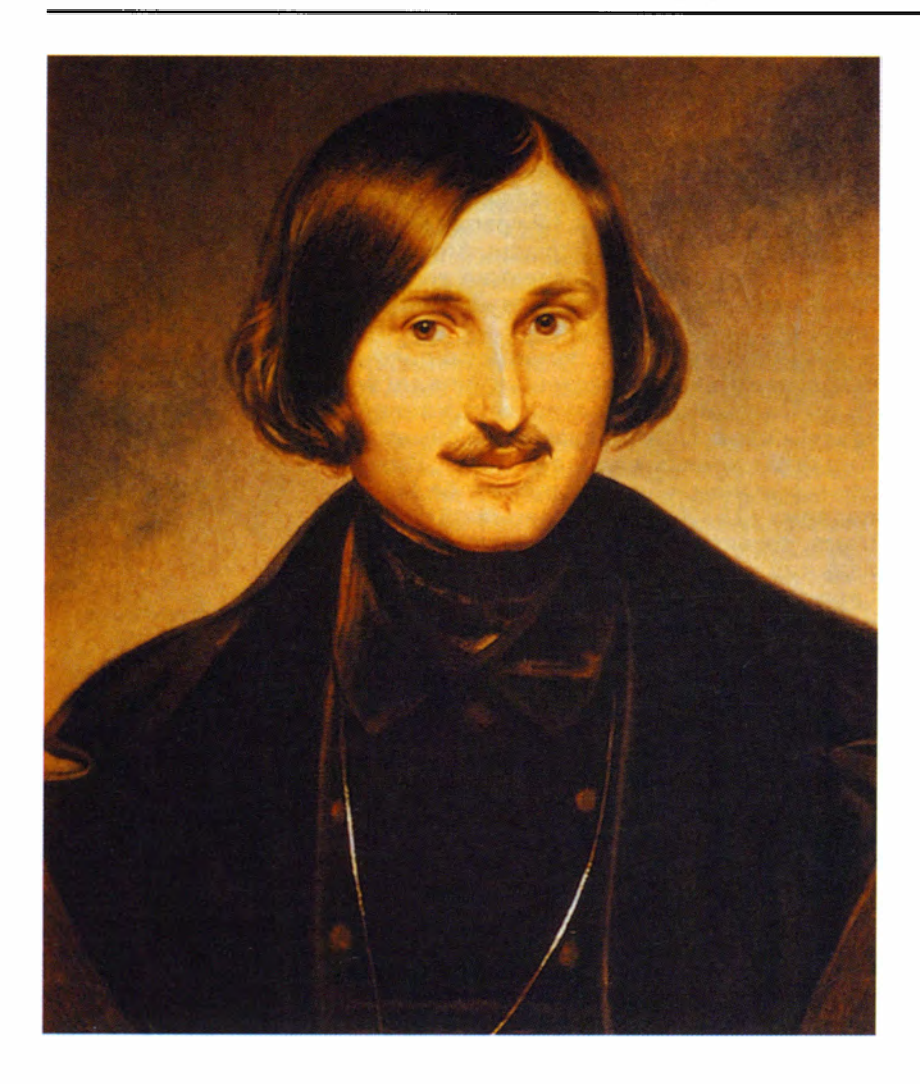
Как талантливый романист и повествователь был известен журналист Н. А. Полевой. Его исторические повести «Святочные рассказы» и «Симеон Кирдяпа» появились еще в 20-х гг. Вместе с романом «Клятва при гробе Господнем» (1832) они составили единый цикл, посвященный борьбе московских великих князей XIV–XV вв. с удельной системой и установлению на Руси единодержавия. Другая, столь же присущая Полевому тема – конфликт выдающейся личности с обществом, столкновение идеала с действительностью. Она звучит в повестях «Блаженство безумия», «Живописец», «Эмма», объединенных впоследствии в сборнике Полевого «Мечты и жизнь» (1833). К этому циклу примыкает и роман «Абадонна». Теплым чувством согреты повести Полевого из народной жизни – «Рассказы русского солдата», «Мешок с золотом».

В качестве писателя-беллетриста начинал свою деятельность М. П. Погодин. Его перу принадлежит шестнадцать повестей. Фактически он первый обратился к изображению жизни простого народа, из которого вышел сам. «...Мир его поэзии есть мир простонародный,– писал Белинский,– мир купцов, мещан, мелкопоместного дворянства и мужиков, которых он, надо сказать правду, изображает очень удачно, очень верно» (I, 276). Критик признавал за Погодиным «талант нравоописателя низших слоев нашей общественности». Из повестей писателя он выделял «Нищего», «Черную немочь» и «Невесту на ярмарке». Кроме повестей Погодин написал три исторические драмы: «Марфу, посадницу новгородскую», трагедию в стихах; «Петра I» и «Историю в лицах о Дмитрии Самозванце». О первой из них восторженно отозвался Пушкин.

Тесно связанным с Москвой оказался крупнейший писатель новой литературной эпохи Н. В. Гоголь. Впервые он появился здесь в начале 30-х гг. молодым человеком 23 лет. Впрочем, его имя после выхода «Вечеров на хуторе близ Диканьки» было уже известно любителям литературы. Остановился Гоголь в доме Погодина, с которым познакомился в Петербурге и вскоре подружился. Не менее близким ему человеком стал Шевырев. Тесные приятельские отношения установились у него с семьей Аксаковых, с Киреевскими, М. А. Максимовичем,

[18] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т.1. М., 1953. С.251.

[19] *Аксаков С.Т.* Воспоминание о Михаиле Николаевиче Загоскине / *Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 5-ти т. Т.4. М., 1966. С.143.

Н. В. Гоголь. Художник Ф. Моллер. 1841 г.

М. Н. Загоскиным, артистом М. С. Щепкиным, другими москвичами. Живя в Петербурге или за границей, Гоголь неустанно переписывался с московскими друзьями, участвовал в их литературных предприятиях, находился в курсе московских дел. В Москву он нередко приезжал, живя неделями и месяцами в доме Погодина. В погодинском саду писатель не раз устраивал свои именинные обеды, куда собирались профессора университета, литераторы, знакомые. В Москве продолжалась его творческая работа. Здесь же он читал только что написанные главы и сцены друзьям, знакомым, артистам театра. А читал Гоголь мастерски – в этом сходились все, кто его слышал. Публичные чтения произведений Гоголя устраивали и московские артисты. Инициатором был Щепкин. «Ревизор», «Игроки», «Женитьба» Гоголя с успехом шли на московской сцене. Первое представление «Ревизора» состоялось в 1835 г. Автор встречался с артистами, сам распределял роли. В Москве вышли его «Мертвые души», которые потрясли всю Россию. Здесь писатель готовил к изданию собрание своих сочинений.

Москва оказалась чрезвычайно восприимчивой к творчеству Гоголя. Здесь его признали раньше, чем в Петербурге. Мощный талант писателя произвел глубокое впечатление на московскую публику с ее литературными интересами и живым национальным чувством. Восторженные почитатели писателя имелись в разных поколениях. По словам С. Т. Аксакова, «кроме просвещенных любителей литературы во всех слоях общества, молодые люди лучше и скорее оценили Гоголя. Московские студенты все пришли от него в восхищение и первые распространили в Москве громкую молву о новом великом таланте»[20]. Среди этих молодых людей были Н. Станкевич, В. Белинский, К. Аксаков. Прогрессивно настроенная интеллигенция, московское студенчество живо ощутили силу смеха автора «Ревизора». Захватывали необычайная свежесть и сочность красок в изображении российской действительности, родной русской стихии, русских типов, русской природы. Литературная Москва признала Гоголя великим национальным писателем. К. Аксаков в печати сравнивал его с Гомером и Шекспиром, особо отмечая эпический характер «Мертвых душ». Он обращал внимание читателей на гуманизм писателя. С других позиций, но столь же высоко отзывались о творчестве Гоголя Белинский и Герцен.

Живо откликнулась Москва на выход «Выбранных мест из переписки с друзьями», где Гоголь предстал перед читателями в новом свете, для большинства неожиданном. Писатель, в ком видели обличителя бюрократически-крепостнических порядков, выразителя передовых общественных устремлений, выступил в ней защитником тех устоев, которые ранее отрицал своим творчеством. По словам С. Т. Аксакова, «хвалители и ругатели Гоголя переменились местами»: первые осудили книгу, последние, напротив, ее приветствовали. Разгорелись жаркие споры, не прекращавшиеся в течение многих месяцев. «Московские ведомости» поместили три открытых письма писателя Н. Ф. Павлова с острой критикой книги (их перепечатал и «Современник»). Осуждали Гоголя и в славянофильском кружке. С негодующими письмами обратились к нему С. Т. Аксаков и его сын Константин. Аполлон Григорьев в «Московском городском листке», напротив, защищал Гоголя, но и он находил многое в его книге «нелепым». Хотя и небезоговорочно, в защиту Гоголя выступил в «Москвитянине» Шевырев. Сочувственно откликнулся бакалавр Московской духовной академии о.Феодор (Бухарев), но его письма не допустил к печати митрополит Филарет.

Связи Гоголя с Москвой становились со временем все более тесными. Московские друзья настойчиво уговаривали его отказаться от длительных отлучек за

[20] *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С.13 (АН СССР. Лит.памятники).

границу и осесть в первопрестольной. Писатель не раз намеревался последовать их совету и наконец сделал это в 1848 г. В Москве он продолжал работать над вторым томом «Мертвых душ». Здесь читал отдельные главы друзьям. Здесь, в доме графа А. П. Толстого, сжег беловой экземпляр рукописи. Здесь же трагически оборвалась его жизнь. Отпевали великого писателя в университетской церкви. Студенты и профессора несли его гроб на руках до Свято-Данилова монастыря, где он и был похоронен.

Немалой известностью в России пользовался романист, поэт и историк А. Ф. Вельтман. Находясь в молодости на военной службе в Бессарабии, он уже тогда занялся сочинительством и выступил в печати. Оказавшись в Кишиневе в кругу высокообразованных офицеров, сблизился с Пушкиным, южными декабристами. Богатые бессарабские впечатления наложили заметный отпечаток на его творчество. Выйдя в начале 30-х гг. в отставку, Вельтман поселился в Москве, сочетая гражданскую службу с занятиями литературой и историей. Признание читателей и критики принес писателю его первый роман «Странник». Уже тогда выявилось своеобразие творческой манеры автора, его склонность к жанру путешествий и приключений, к иронии и пародии, к неожиданным поворотам сюжета. Необычной была и форма романа, написанного то прозой, то стихами. Запомнилась, стала народной сочиненная им песня разбойников «Что затуманилась зоренька ясная» к романтической драме «Муромские леса». В последующих романах Вельтмана отразилось увлечение автора историей и фантастикой, древнерусским и славянским фольклором. Несколько его романов так или иначе связаны с личностью Наполеона. Сказочные и мифологические образы и сюжеты Вельтман причудливо совмещал с историческими, далекое прошлое – с настоящим и будущим, неправдоподобное и невероятное – с реалистическим изображением провинциального быта. Со временем фантастика в его произведениях все больше уступала место социальному и нравственному обличительству. Особенно это проявилось в пятитомной эпопее «Приключения, почерпнутые из моря житейского». Открывавший этот цикл авантюрный роман «Саломея» вышел отдельной книгой в 40-х гг. Современники увидели в нем едкую сатиру на современное общество. Кое-кто сравнивал автора с Гоголем.

А. Ф. Вельтман сотрудничал в «Галатее», в «Прибавлениях к Московским губернским ведомостям», издавал иллюстрированный альманах «Картины света», одно время редактировал «Москвитянина». Ему принадлежит ряд исследований по древнерусской и скандинавской истории (нередко грешивших произвольными построениями). В 50-х гг. Вельтман был избран членом-корреспондентом Академии наук. Долгие годы руководил Оружейной палатой – сначала как заместитель Загоскина, а после его смерти как директор.

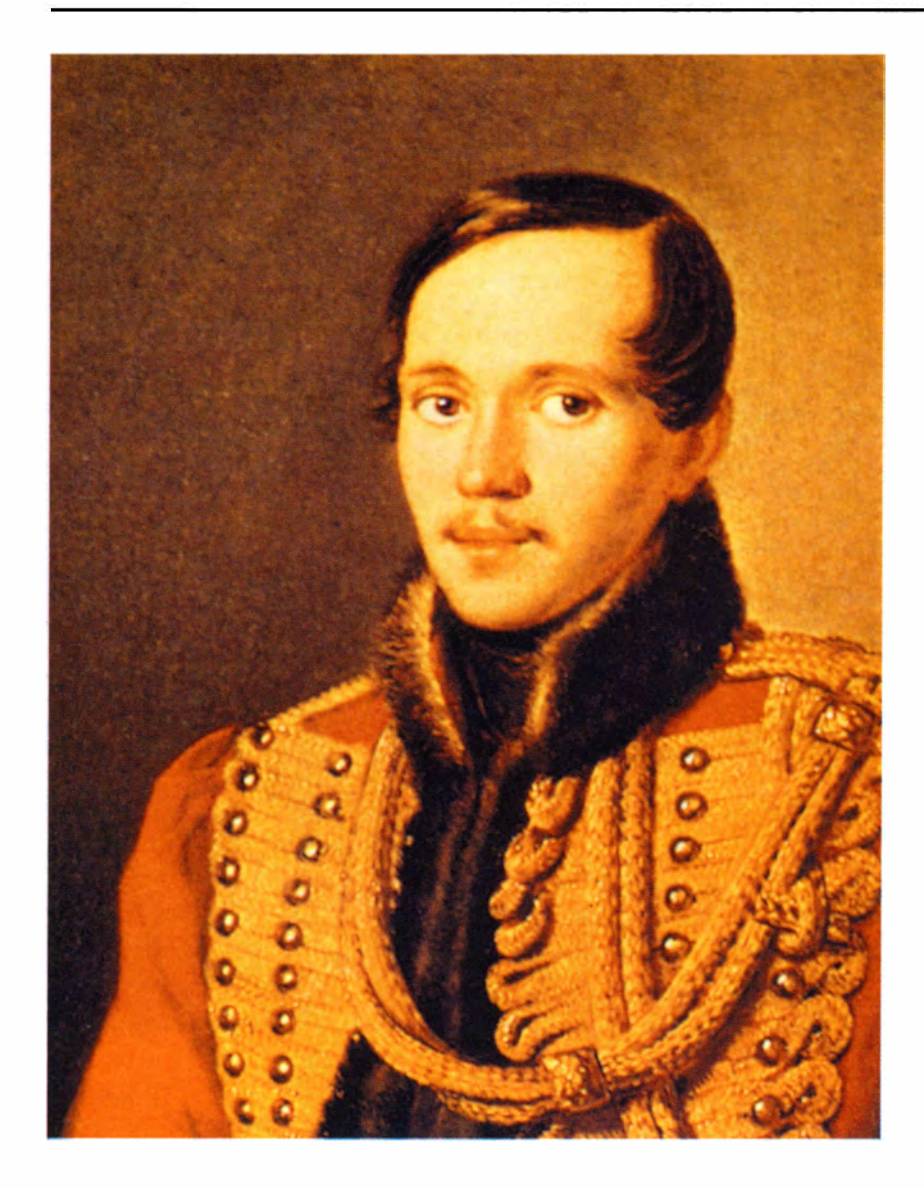
Писатель Н. Ф. Павлов выступил на первых порах как переводчик произведений Шиллера, Шекспира, Бальзака. Его стихотворные элегии печатались в «Телескопе» и других журналах. Своей славой Павлов обязан «Трем повестям», увидевшим свет в середине 30-х гг. Пушкин, Гоголь, Белинский, другие знатоки литературы высоко ценили талант Павлова. Многих привлекала социальная направленность его повестей. Разночинец Павлов на себе испытал несправедливость сословного неравенства. В «Именинах» запечатлена тяжелая судьба крепостного интеллигента, в «Аукционе» обличались нравы светского общества, в «Ятагане» – жестокие порядки в армии. Власти отреагировали незамедлительно. Председатель московского цензурного комитета и цензор получили выговор и строгое предупреждение. Повести было запрещено переиздавать. «Ятаган» оставался под запретом даже в 60-е гг. Не лишены разоблачительной силы и вышедшие через несколько лет после первой книги «Новые повести» («Маскарад», «Демон», «Миллион»). Некоторая изысканность и витиеватость стиля обнаруживали неизжитое влияние романтизма, но по духу и содержанию повести тяготели к реализму.

Служа безвозмездно чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе, ведая разбором прошений и жалоб арестантов, Павлов старался облегчить участь несправедливо обвиненных. Подобное рвение привело в конце концов к его отставке.

7. РУССКИЕ ПОЭТЫ 30–40-х гг. В МОСКВЕ

Старая столица выдвинула в ту пору и новых замечательных лирических поэтов. В большинстве случаев это были университетские питомцы.

Еще в 20-е гг. вошел в литературу А. И. Полежаев. Печататься он начал студентом. «Вестник Европы» опубликовал тогда более десятка его стихотворений. Принадлежавшие перу Полежаева переводы из Байрона, Ламартина читались на заседаниях Общества любителей российской словесности, в члены-сотрудники которого он был принят. Поэма Полежаева «Сашка» в рукописном виде распространялась среди студентов. Представлявшая собой дерзкий вызов общепринятой морали, проник-

М. Ю. Лермонтов. Художник П. Заболотский. 1837 г.

нутая вольнолюбием, антиклерикальными и тираноборческими мотивами, она послужила причиной его ареста в 1826 г. и отдачи в военную службу. Прекрасные лирические стихи поэта и после этого продолжали появляться в московских журналах, выходили отдельными изданиями. Не выдержав сурового военного режима, Полежаев умер молодым от чахотки.

Друг Пушкина Н. М. Языков приехал в Москву в 1829 г. из Дерпта, где провел свои студенческие годы. Горячий интерес к русской старине, чувство кровной связи со всем русским, религиозные настроения уже тогда сблизили его с братьями Киреевскими и другими будущими славянофилами. На первый план в его творчестве выдвинулась тема величия родины. Вместе с Петром Киреевским он с энтузиазмом занимался собиранием русских народных песен, изучал Библию, перелагал псалмы, задумал религиозную поэму. Тогда же Языков обратился к характерной для романтиков теме поэта. Стихотворение «Поэту» открывало сборник его сочинений, вышедший в Москве в 1833 г., уже после его отъезда оттуда. Высоко оценил эту книгу И. Киреевский. В рецензии «Московского телеграфа» признавалось поэтическое мастерство Языкова, но отрицалось общественное значение его творчества. Последние годы жизни (1843–1846) поэт провел в Москве, в кругу «Москвитянина» и славянофилов. Впрочем, на первых порах тесные отношения соединяли его также с Огаревым, Герценом, Грановским. Однако отчуждение между ним и западниками росло, превратившись с его стороны в непримиримость. Стихотворение Языкова «К не нашим» послужило поводом к разрыву (см. гл. VIII).

Еще более видное место в отечественной поэзии принадлежит М. Ю. Лермонтову. Правда, самая зрелая пора его творчества относится к тому времени, когда Лермонтов уже расстался с Москвой. Однако здесь он родился, здесь сформировался как поэт, хотя читающей публике стал известен позже. «Москва – моя родина и такою будет для меня всегда»[21], – писал Лермонтов из Петербурга М. А. Лопухиной. Стихи он начал сочинять в Благородном пансионе, где проучился два года, затем в университете, куда поступил в 1830 г. В Москве им написано более двухсот лирических стихотворений, в том числе «Ангел», «Парус», цикл, обращенный к Н. Ф. Ивановой, две первые редакции «Демона», драма «Странный человек». В некоторых из этих произведений – «Предсказание», «10 июля (1830)», «30 июля. – (Париж) 1830 года» и других – с большой силой выразились вольнолюбивые настроения, характерные для московского студенчества тех лет. Образ Москвы оставался близок Лермонтову и в дальнейшем. В петербургской школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров он пишет сочинение «Панорама Москвы». Прочувствованные строки посвятил молодой поэт Москве в поэме «Сашка» (названной как у Полежаева): «Москва, Москва!.. люблю тебя как сын, / Как русский, – сильно, пламенно и нежно! / Люблю священный блеск твоих седин / И этот Кремль зубчатый, безмятежный». В той же поэме ее автор вспоминал о Московском университете – «светлом храме науки»: «Святое место! помню я как сон / Твои кафедры, залы, коридоры, / Твоих сынов заносчивые споры... / Их гордый вид пред гордыми властями, / Их сюртуки, висящие клочками». В «Москве великой, златоглавой» происходит действие в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Московские мотивы звучат и в других произведениях поэта.

В Москве Лермонтов дважды останавливался по дороге на Кавказ. Здесь в 1841 г. читал он Гоголю поэму «Мцы-

[21] *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4-х т. Т.4. М., 1965. С.378.

ри», побывал в литературных салонах Свербеевых и Павловых, встречался с литераторами, передал Ю. Самарину для «Москвитянина» стихотворение «Спор».

Из Московского университета вышло еще несколько поэтов, принадлежавших к тому же поколению, что и Лермонтов: Н. Огарев, Н. Станкевич и некоторые из его товарищей по кружку – В. Красов, И. Клюшников, К. Аксаков. В своем творчестве они продолжали традицию философской поэзии любомудров. Но в их стихах говорилось не столько о природе и ее Творце, сколько о переживаниях лирического героя, с его характерными для 30-х гг. настроениями разочарования и тоски. Несколько особняком стоял Аксаков, настроенный более оптимистически. В тематике произведений поэтов кружка Станкевича отразился и их интерес к отечественной истории. Наиболее одаренными были Огарев, Красов, Клюшников. Их произведения знали и ценили любители поэзии тех лет. Более скромен поэтический талант Станкевича. Сила этого замечательного юноши состояла в другом – в его благотворном воздействии на окружающих. Станкевич пробуждал в них духовные интересы и высокие устремления, увлекал примером, сдерживал крайности, оказывал умиротворяющее влияние своей гармонической личностью и тем сыграл немалую роль в идейном и нравственном становлении своих друзей, среди которых было немало людей выдающихся. В этом отношении его можно сравнить с рано, как и он, умершими Андреем Тургеневым и Дмитрием Веневитиновым.

Именно Н. Станкевич открыл для русской литературы замечательного поэта из народа – Алексея Кольцова. В 1835 г. в Москве был издан первый сборник его стихотворений. Вместе со Станкевичем и его друзьями Кольцов сотрудничал в «Телескопе» и «Московском наблюдателе», когда тот перешел в ведение Белинского.

Студентами вступили на литературное поприще известные русские лирики Афанасий Фет, Аполлон Григорьев, Яков Полонский – товарищи по Московскому университету. Первый сборник сочинений Фета – «Лирический пантеон» – вышел в свет в 1840 г. Вскоре его стихи стали появляться в «Москвитянине» и «Отечественных записках». Уже в те годы поэтом были созданы подлинные шедевры. Некоторые из них положены на музыку А. Е. Варламовым, а позже П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым. В 1843 г. Белинский признавал Фета самым даровитым из московских поэтов (VII, 636–637).

В середине 40-х гг. в Москве вышел и первый сборник Я. Полонского – «Гаммы». Тогда же в печати появились стихи А. Трисмегистова (псевдоним Ап. Григорьева). По мнению Белинского, поэтическим талантом Григорьев уступал Полонскому, но превосходил его силой чувства и мысли (IX, 598). Воспитанник Московского дворянского института и Царскосельского лицея Л. Мей в 40-х – начале 50-х гг. жил и служил в Москве. Здесь создал он драму «Царская невеста», положенную в основу известной оперы Римского-Корсакова.

Ф. Н. Глинка

Из писателей старшего поколения в Москве с середины 30-х гг. надолго обосновался поэт и прозаик Федор Глинка. Его литературное наследие велико и многообразно. Он – автор ярких «Очерков Бородинского сражения» (1839), военных записок, повестей и поэм в народном духе, сочинений на исторические темы, статей, стихотворений философского содержания, поэтических шедевров, ставших народными песнями и романсами («Не слышно шума городского...», «Вот мчится тройка удалая...»), многочисленных стихотворных откликов на самые разные события. Особое место в его творчестве заняли религи-

Е. П. Ростопчина

К. К. Павлова

озные сюжеты – переложения псалмов, молитвы, размышления о Боге. Еще до приезда в Москву он создал поэму «Иов» и издал сборник «Опыты священной поэзии». В Москве религиозные и мистические мотивы в поэзии Глинки еще усилились. Здесь он написал апокрифическую поэму «Таинственная капля», которую читал на своих литературных вечерах. Обе эти поэмы долго не удавалось опубликовать из-за строгостей духовной цензуры.

Религиозная тематика преобладала и в творчестве жены Ф. Н. Глинки – Авдотьи Павловны (дочери П. И. Голенищева-Кутузова), более известной как переводчица. Особым признанием в литературной среде пользовались ее переводы Шиллера, изданные позднее отдельной книгой. 16 изданий (!) выдержала написанная А. П. Глинкой «Жизнь пресвятой девы Богородицы из книг «Четьи-Минеи» (первое издание вышло в Москве в 1840 г.). Религиозным настроением проникнуты и стихотворения другой московской поэтессы – П. М. Бакуниной – двоюродной сестры знаменитого революционера, близкой к кругу «Москвитянина» и дружески общавшейся с четой Глинок.

Более значительно творчество двух других московских поэтесс – графини Е. П. Ростопчиной (до замужества Сушковой) и Каролины Павловой. Стихи первой из них начали появляться в московских журналах с середины 30-х гг. В Москве она родилась и прожила здесь значительную часть своей жизни, хотя расцвет ее таланта связан с Петербургом, куда она уехала в 1833 г. Известен стихотворный отклик юной Ростопчиной на расправу Николая I с декабристами – «Послание к страдальцам» («Соотчичи мои, заступники свободы...»). Вольнолюбивые мотивы звучат и в стихотворении «Мечта», написанном в те же годы. Лирические опыты начинающей поэтессы одобряли Карамзин, Пушкин, Жуковский, Вяземский. К ней обращены слова Лермонтова: «Я верю, под одной звездою мы с вами были рождены». Читающая публика и критики высоко ценили ее поэтический талант. Имя Ростопчиной получило известность. После смерти А. С. Пушкина П. А. Плетнев назвал ее «первым поэтом теперь на Руси». Более сдержанно отозвался о «светской музе графини Ростопчиной» В. Г. Белинский. Впрочем, и он отмечал «поэтическую прелесть и высокий талант, которым запечатлены ее прекрасные стихотворения» (V, 457). После публикации в 1846 г. стихотворения «Насильный брак», аллегорически изобразившего угнетение Польши русским царизмом, поэтессе пришлось покинуть Петербург. Последующие годы прошли снова в Москве. Здесь она теснее всего была связана с кругом «Москвитянина». Кроме стихов, Ростопчина писала романы, драматические произведения. Но прежнего успеха уже не имела. Идеи демократического просветительства оказались ей чужды.

Прославилась своими переводами К. К. Павлова (урожденная Яниш), дочь

профессора Медико-хирургической академии, жена писателя Н. Ф. Павлова. Свободно владея несколькими иностранными языками, она переводила с немецкого, французского, английского, итальянского на русский и, наоборот, с русского на другие языки. Павлова познакомила немецких и французских читателей с произведениями русских поэтов – Пушкина, Баратынского, Языкова, Хомякова, выпустив сборники своих переводов в Дрездене, Лейпциге, Париже. Писала она и оригинальные стихотворения. Есть у нее и поэмы («Двойная жизнь», «Кадриль», «Фантасмагория»). Одинокая участь поэта среди людей, личность и общество, женская судьба – наиболее характерные для К. Павловой сюжеты. Большую роль в ее творческой и личной судьбе сыграла любовь к Адаму Мицкевичу. Перед отъездом из Москвы поэт посвятил ей чудесное лирическое стихотворение, известное нашему читателю в переводе В. Брюсова («Когда пролетных птиц несутся вереницы...»).

Как видно, женщины не стояли в стороне от литературной жизни своего города[22]. Это были большей частью представительницы высшего, высокообразованного слоя дворянства, получившие прекрасное домашнее воспитание и не обремененные заботами. Но наряду с ними в 40-х гг. появляются уже и сочинительницы из купеческой и разночинной среды – Н. С. Теплова, М. А. Лисицына и еще несколько имен.

8. ОСКУДЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. «МОСКВИТЯНИН»

После запрещения царскими властями лучших московских журналов периодическая печать старой столицы грозила совсем зачахнуть. Между тем неутомимый М. П. Погодин задумал издавать вместе с С. П. Шевыревым собственный журнал. Их поддержали В. А. Жуковский, генерал-губернатор Д. В. Голицын, министр С. С. Уваров. Хотя в то время добиться издания нового журнала было почти невозможно, благодаря авторитетным ходатаям разрешение удалось получить. Но воспользовались им не сразу.

Выпускать «Москвитянина» Погодин начал с 1841 г. Самим названием подчеркивалась верность старине и традициям. О том же свидетельствовали имена издателя и его ближайшего сотрудника. С первых шагов новый журнал зарекомендовал себя как орган официальной народности. Почти на десятилетие он оказался фактически единственным московским журналом. Хотя «Москвитянин» противостоял передовой периодике, он представлял собой значительное явление в культурной жизни Москвы и России. Журнал имел историко-литературный уклон. Видное место занимала в нем беллетристика. Печатались стихотворения Н. М. Языкова, Ф. Н. Глинки, М. А. Дмитриева, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, Н. Берга, графини Е. П. Ростопчиной, К. К. Павловой, А. П. Глинки, П. М. Бакуниной, других поэтов, проза М. Н. Загоскина, А. Ф. Вельтмана, переводные повести, романы второстепенных авторов. Не часто, но появлялись строки, вышедшие из-под пера Пушкина, Гоголя, Жуковского, Вяземского. Богат и разнообразен был отдел наук. Здесь помещались тексты исторических документов, письма и бумаги замечательных государственных деятелей, писателей, полководцев прошлого – преимущественно из ценнейшего «древлехранилища» Погодина. Правда, публиковались они нередко в сыром виде, без пояснений и комментариев.

Большинство публикуемых текстов принадлежало издателю журнала и С. П. Шевыреву, во многом определявшему направление «Москвитянина». В статьях Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841, № 1), «Взгляд на современное направление русской литературы» (1842, №№ 1 и 3), «Очерки современной русской словесности» (1848, №№ 1 и 4), в его рецензиях и антикритиках с бóльшей категоричностью и запальчивостью, чем у других авторов, провозглашались основные принципы официальной народности. Порой это делалось в вызывающей форме. Так, в первой из названных статей Запад сравнивался с разлагающимся организмом, ядовитое дыхание которого грозит страшными опасностями тем, кто с ним соприкасается. Непримиримую борьбу «Москвитянин» вел с петербургской журналистикой – от изданий «литературных промышленников» – Булгарина, Греча, Сенковского – до «Отечественных записок» и «Современника» как выразителей мнений «западной партии». Особенное негодование вызывал у Шевырева Белинский, в отношении к которому он не стеснялся в выражениях. Вообще полемика занимала в журнале непомерное место и отличалась очевидным пристрастием.

Вместе с тем статьи, литературные обзоры, рецензии того же Шевырева, тексты его публичных лекций по истории древней русской словесности и мировой поэзии содержали интересный материал, ценные наблюдения, оригинальные мысли, поскольку принадлежали несомненному знатоку предмета, человеку эрудированному и красноречивому. Его характеристики нередко отличались меткостью и выразительностью. К сожалению, недостатки Шевырева

[22] *Файнштейн М.Ш.* Московский Парнас // *Файнштейн М.Ш.* Писательницы пушкинской поры (историко-лит.очерки). Л., 1989. С.62–124.

были не менее велики, чем его достоинства.

Кроме исследований, обзоров, документов, Погодин и Шевырев публиковали в «Москвитянине» пространные ответы своим оппонентам и критикам. Духом официальной идеологии проникнуты статьи И. И. Давыдова, А. С. Стурдзы и других авторов. В журнале помещались статьи не только по истории и литературе, но также по философии, естественным и точным наукам. Так, публикуя старинную рукопись с гороскопом Петра I, Погодин приложил к ней письмо профессора астрономии Д. М. Перевощикова с крайне уничижительным отзывом об астрологии.

Особый отдел отводился духовному красноречию. Значительное место в «Москвитянине» занимали материалы по истории церкви.

Известность приобрела «Московская летопись» журнала, в которой сообщались известия о текущей жизни города, публиковались исторические материалы и поэтические произведения о Москве. Немалое внимание уделялось в «Москвитянине» истории и литературе зарубежных славянских земель, а также стран Западной Европы.

Несмотря на усилия редакторов, «Москвитянин» не стал выразителем общественного мнения второй российской столицы. Даже близкие к нему славянофилы, время от времени публикуясь на его страницах, во многом расходились с Шевыревым и Погодиным – и чем дальше, тем больше. Наиболее ярким из их выступлений в «Москвитянине» была полемическая статья Ю. Ф. Самарина «О мнениях «Современника» исторических и литературных», появившаяся в № 3 за 1847 г. под псевдонимом М. З. К. В середине 40-х гг. Погодин временно передал редактирование журнала И. В. Киреевскому. Однако, выпустив три номера журнала, тот отказался от редакторства, недовольный непрекращавшимся вмешательством издателя.

Вскоре после этого славянофилы затеяли издание собственного «Московского литературного и ученого сборника». Вышло три таких сборника (в 1846, 1847 и 1852 гг.). Но на славянофилов обрушились цензурные репрессии и издатели были отданы под надзор полиции. Ситуацию в московской периодике 40-х гг. Герцен со свойственным ему остроумием охарактеризовал так: «В Москве издается один журнал, да и тот «Москвитянин».

«Москвитянин» хирел. В 1847 г. вышло 4 книжки вместо 12. Пытаясь оживить журнал, Погодин то создавал редакционный комитет с участием университетских преподавателей, то предлагал редакторство разным лицам – Вельтману, славянофилам, западникам. Но при этом не выпускал «Москвитянина» из своих рук и навязывал предполагаемым редакторам условия, чаще всего для них неприемлемые, а потому попытки заканчивались ничем.

В самом начале 50-х гг. обновление все же произошло. В журнале появились новые сотрудники – и какие! – писатель А. Ф. Писемский, начинающий драматург А. Н. Островский, поэт и литературный критик Аполлон Григорьев. Литературные отделы журнала перешли в руки «молодой редакции». В центре ее стояли Островский и Ап.Григорьев. Вместе с ними туда вошли другие участники их литературно-артистического кружка – Е. П. Эдельсон, Б. Н. Алмазов, Т. И. Филиппов, поэт Л. А. Мей, артисты П. М. Садовский и И. Ф. Горбунов, скульптор Н. Рамазанов, писатель и гитарист М. Стахович, еще кое-кто. Малоинтересный ранее раздел изящной словесности преобразился. На его страницах появились произведения Островского («Свои люди – сочтемся!», «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись»), А. Ф. Писемского, П. И. Мельникова (Печерского), Д. В. Григоровича, М. И. Михайлова, А. А. Потехина, стихи Л. А. Мея, Ап.Григорьева, Я. П. Полонского, Н. Ф. Щербины, переводы из Альфреда Мюссе, Жорж Санд, А. Дюма (сына), воспоминания М. А. Дмитриева, дневник С. П. Жихарева. Главным литературным критиком стал Ап.Григорьев, опубликовавший годовые обзоры русской литературы за 1851 и 1852 гг. и ряд статей, среди них – «О комедиях г.Островского и их значении в литературе и на сцене». Он же вел «Летопись московских театров». Молодая редакция, подобно старой, отстаивала идею национальной самобытности и патриархальности. Залог будущего Ап.Григорьев и его друзья видели «только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов,– в классах, не тронутых фальшью цивилизации»[23]. Таким в их глазах было прежде всего купечество – «цвет собственно народных соков». Кое в чем перекликаясь с Белинским, Ап.Григорьев считал его критику, как и всю «натуральную школу», односторонней, не принимая исключительно отрицательного направления в литературе, настаивая на важности идеала. Две редакции – старая и молодая – с трудом уживались в одном журнале, поскольку Погодин продолжал вести свою линию, не давал полной самостоятельности, к тому же был прижимист в денежных расчетах с авторами. Дело кончилось разрывом в конце 1853 г. Позднее сотрудничество Григорьева и некоторых его товарищей в журнале возобновилось, но уже не в качестве особой редакции, а на общих основаниях. «Москвитянин» доживал последние годы.

Литераторы-«западники» не раз порывались основать свой журнал, который выражал бы их общественную и ли-

[23] Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. Вл.Княжнина. Пг., 1917. С.151.

ратурную позицию. В 1840 г. Т. Н. Грановский, П. Г. Редкин, Д. Л. Крюков вместе с Е. Ф. Коршем затевали «Новый ученый журнал», в котором предполагалось участие «всех порядочных людей в России из нового поколения». Когда это не удалось, возник замысел приобрести у Раича «Галатею», преобразовав ее в «Ежемесячное обозрение». Но и на этот раз не добились разрешения властей. Единственным изданием в Москве, более или менее созвучным их взглядам, были «Московские ведомости» – особенно с тех пор, как редактором газеты стал Е. Корш, а позже М. Н. Катков. Но «Московские ведомости» принадлежали университету и не находились в полном распоряжении редактора. Более широкие возможности открылись с началом издания в Петербурге А. А. Краевским «Отечественных записок». После того как основным критиком журнала стал переехавший в Петербург Белинский, «Отечественные записки» превратились в главный печатный орган западников. Демократическую направленность приобрел «Современник», перешедший в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, которые пригласили туда В. Г. Белинского. Московские западники стали деятельными сотрудниками этих журналов. На страницах того и другого появились статьи В. П. Боткина, С. М. Соловьева, Т. Н. Грановского, повести П. Н. Кудрявцева.

Фактом большого общественного и литературного значения стала публикация в «Отечественных записках» философских «Писем об изучении природы» А. И. Герцена, а в «Современнике» – его романа «Кто виноват?». В обзоре русской литературы 1847 г. Белинский выделил этот роман как одно из наиболее замечательных произведений, имевших огромный успех у публики. Силу таланта Искандера (псевдоним Герцена) Белинский видел не столько в художественности, сколько в могуществе мысли. Главная идея романа, как и других произведений Герцена, заключалась, по мнению критика, в отстаивании человеческого достоинства. «Поэтом гуманности» назвал его Белинский. Имя Герцена появлялось и в московской печати. Так, его фельетон «Станция Едрово» с остроумной характеристикой Москвы и Петербурга опубликовал «Московский городской листок» в 1847 г.

9. МОСКОВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА И САЛОНЫ[24]

Литературная жизнь в Москве не ограничивалась печатью, а проходила в живом общении литераторов между собой и с другими образованными людьми. Формы этого общения были различны. Литературные вечера и чтения устраивали у себя И. И. Дмитриев, А. Ф. Воейков, П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов, С. А. Соболевский, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, Аксаковы, Ф. Н. Глинка, М. Н. Загоскин, другие писатели и журналисты. Глубоко благотворную объединяющую роль сыграли некоторые замечательные женщины.

Одним из культурных оазисов Москвы 20-х гг. был салон княгини З. А. Волконской. Хозяйка салона (урожденная княжна Белосельская-Белозерская) получила прекрасное домашнее образование. Она владела несколькими иностранными языками, имела хороший голос, пела в любительских оперных спектаклях, занималась сочинительством, изучала историю древних славян (и даже была избрана членом Общества истории и древностей российских). В 1819 г. в Москве вышли ее «Четыре новеллы» на французском языке, написанные в духе модного тогда романтизма. Изданная через несколько лет в Париже повесть Волконской «Славянская картина» вызвала положительные отклики во французской печати. Отрывки из нее в русском переводе опубликовал Шаликов в московском «Дамском журнале». Древнему периоду русской истории посвятила Волконская и свою незаконченную поэму «Сказание об Ольге», отрывки из которой позднее появились в «Московском наблюдателе».

В 1825–1829 гг. З. Волконская жила в Москве. Ее прекрасный дом-дворец на Тверской стал центром притяжения избранного московского общества. По словам Вяземского, там «соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты... представления итальянских опер». Салон посещали Веневитинов, Баратынский, Жуковский, В. Одоевский, Вяземский, И. И. Козлов, Чаадаев, Погодин, братья Киреевские, Языков. В 1826 г. там появились Пушкин и Адам Мицкевич. «Царицей муз и красоты» назвал З. Волконскую Пушкин. Лучшие поэты посвящали ей восторженные стихи. Известный о. Иакинф (Бичурин) посвятил Волконской переведенное им с китайского «Описание Тибета». В конце 1826 г. хозяйка салона устроила у себя прощальный концерт для отправлявшейся в Сибирь жены декабриста М. Н. Волконской. Через несколько лет З. Волконская покинула Россию и уехала в Италию. Но и после этого не прервались ее связи с Москвой. Из Рима Волконская присылала путевые записки, которые публиковались в «Московском вестнике» и «Галатее». В 1831 г.

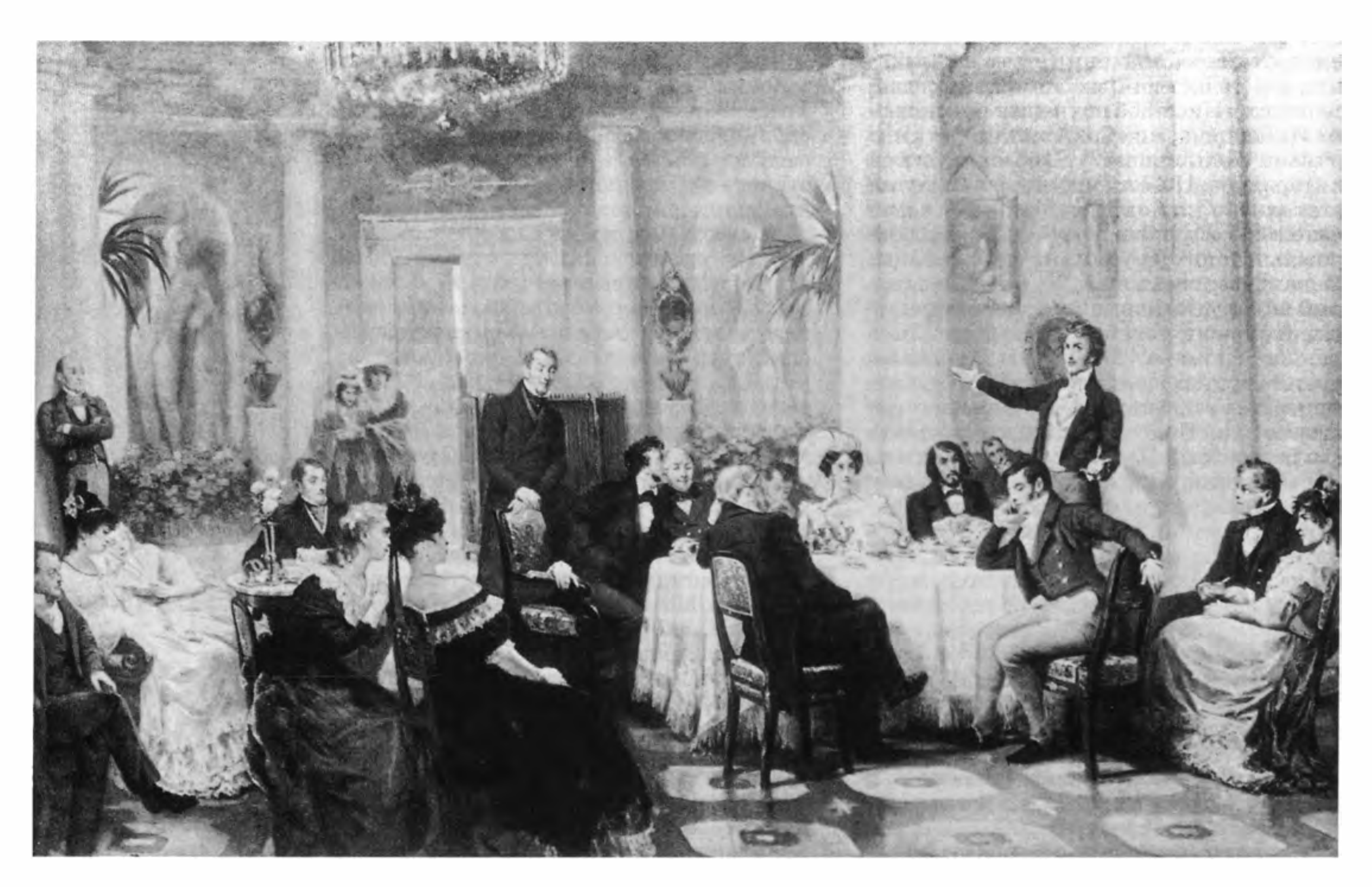
[24] *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929.

в «Телескопе» появился составленный ею при помощи Шевырева (учителя ее сына) «Проект эстетического музея при Московском университете». В 1836 г. Волконская снова появилась в Москве, но лишь на несколько дней. Это был ее последний приезд в Россию.

Большое значение приобрели литературные салоны в 30-х и особенно в 40-х гг., когда некоторые из них стали центрами общественной жизни образованных людей. Печать была тогда скована жесткими цензурными тисками, деятельность любых объединений и обществ затруднена. Литературные вечера и салоны в нескольких частных домах стали той отдушиной, которая давала выход насильственно сдерживаемой общественной энергии, возможность откровенного обмена мнениями по волнующим мыслящих людей вопросам. Наибольшей известностью пользовались еженедельные приемы у Елагиных, Свербеевых, Павловых. Салон А. П. Елагиной (по первому мужу Киреевской) – родственницы и друга В. А. Жуковского, матери И. и П. Киреевских – существовал с 20-х гг. Бывавший в молодости у Елагиных К. Д. Кавелин писал: «В последние годы царствования Александра I и в продолжение всего царствования императора Николая, когда литературные кружки играли такую важную роль, салон Авдотьи Петровны Елагиной в Москве был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно образованного»[25]. Хозяйка другого литературного салона тех лет – Е. А. Свербеева, дальняя родственница П. Я. Чаадаева, пользовавшаяся его дружеским расположением и доверием, была замужем за богатым помещиком Д. Н. Свербеевым, чиновником московского Архива Коллегии иностранных дел, деятельным участником общественно-культурной жизни Москвы, оставившим интересные воспоминания. О поэтессе К. К. Павловой и ее муже, писателе Н. Ф. Павлове, уже говорилось. Их брак был неудачен и в 50-х гг. распался. Но в предшествующее десятилетие салон в их доме пользовался успехом.

Литературные салоны Елагиной, Свербеевой, Павловой переживали в 40-х гг. пору расцвета. От обычных светских приемов они отличались тем, что в них занимались не игрой в карты, танцами и музицированием, а устраивали литературные чтения и вели интеллектуальные беседы. Толковали о Шеллинге и Гегеле, о религии и науке, о национальной русской самобытности и европейском просвещении. Здесь в 40-х гг. разгорались знаменитые споры славянофилов с западниками. Противоборствующие стороны нашли в этих домах своего рода нейтральную почву, где мож-

[25] *Кавелин К.Д.* Авдотья Петровна Елагина // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С.320.

Салон З. А. Волконской. Художник Г. Мясоедов

Салон Елагиных. Рисунок Э. Дмитриева-Мамонова

но было встретиться и обменяться мыслями. Так, салон Елагиной, по словам П. В. Анненкова, «был любимым местом соединения ученых и литературных знаменитостей Москвы, а по тону сдержанности, гуманности и благосклонного внимания, в нем царствовавшему, представлял нечто вроде замиренной почвы, где противоположные мнения могли свободно высказываться, не опасаясь засад, выходок и оскорблений для личности препирающихся»[26]. Круг посетителей литературных салонов Елагиной, Свербеевой, Павловой в значительной степени совпадал. Кроме близких знакомых их посещали служившие и неслужившие дворяне, университетские профессора, литераторы, журналисты, «архивные юноши», приезжие из Петербурга и других университетских городов, образованные иностранцы. Одни и те же люди собирались в воскресенье у Елагиных, в четверг у Павловых, в пятницу у Свербеевых. Известностью в Москве пользовались и приемы по понедельникам у Чаадаева. Блестящую зарисовку московских литературных салонов тех лет оставил Герцен в «Былом и думах». Обобщая, Кавелин заметил, что «в литературных кружках и салонах зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, подготовлялись к литературной деятельности нарождавшиеся русские поколения»[27].

* * *

В литературной жизни Москвы бывали приливы и отливы. Десятилетие перед Отечественной войной отмечено явным подъемом. После 1812 г. все изменилось. Разоренная Москва залечивала свои раны. Литературный центр России переместился в Петербург. Впрочем, в молодом поколении литературные интересы не замирали. Примечательно, что здесь они соединялись с философскими: сказывалось влияние университета. Эта питательная среда подготовила новое оживление московской журналистики в 1820–1830-х гг., которая своим интеллектуальным и идейным уровнем превосходила современную ей петербургскую. Преобладающее влияние в ней получила разночинно-демократическая струя, все больше оттеснявшая дворянскую. Правительственные репрессии 30-х гг. буквально задушили московскую журналистику в момент ее расцвета (запрещение «Европейца», «Московского телеграфа», «Телескопа»). Искусственно был создан перевес консервативной тенденции, воплотившейся в официозном «Москвитянине». На рубеже 40–50-х гг. в литературной жизни Москвы наступил застой. Чуть ли не единственным проблеском явилось кратковременное оживление «Москвитянина» благодаря «молодой редакции» во главе с А. Н. Островским и Ап.Григорьевым. Даже в литературных салонах заглохли былые споры, а сами они или прекратили существование, или превратились в обычные светские приемы. Характерной приметой времени стало вынужденное безмолвие. Последним трагическим аккордом явилась смерть Н. В. Гоголя, которой предшествовало сожжение писателем второго тома «Мертвых душ». Но реакционный режим доживал последние дни. Приближалась новая эпоха, а с ней – новый литературный подъем.

[26] *Анненков П.В.* Указ. соч. С.200.

[27] *Кавелин К.Д.* Указ. соч. С.320.

X

ИСКУССТВО В МОСКВЕ

1. МУЗЫКА

В первой половине столетия искусство России причудливо сочетало значительные наслоения прошлых вкусов и традиций со все более проникавшими в различные его области новациями. Они коснулись практически всех сторон искусства Москвы, где-то больше, где-то меньше, но ко времени Крестьянской реформы 1861 г. трудно было найти такую область московской культуры, которая бы не ощутила влияния тогдашнего мирового прогресса. В Москве все более утверждается новый балет, современная опера, оркестровая музыка, заметно повышается исполнительский уровень певцов и музыкантов, многие из которых были хорошо известны широким слоям общества.

Беды, связанные с войной 1812 г., отрицательно сказались на культурной жизни города. Она ожила не сразу и не без преодоления серьезных трудностей. В этой связи старые москвичи невольно переносились мыслями в прошлое. Оно рисовалось в розовых тонах, даже императора Павла I уже не поругивали. Не любил император театра, почти не посещал его, строго следил за репертуаром через своих соглядатаев[1]. Когда-то до смерти напугал князя А. М. Белосельского-Белозерского за его «Оленьку»[2]. Но после жестокостей большой войны сгладилось прежнее неудовольствие против Павла, все-таки боролся он, хоть и по-своему, против иноземцев. После свержения Павла московские нравы заметно изменились. Это сразу ощутили различные области городской культуры, как простонародной, так и культуры высших слоев московского общества.

До прихода Наполеона Москва веселилась и, конечно, из всех искусств милее всего была музыка. Пели в церквах, на улице, в частных домах, на балах, народных гуляньях, даже во время работы. Так получилось, что знаменитый поэт К. Н. Батюшков, вологжанин по рождению, долгие годы проживавший в Петербурге, поселился в 1810 г. в Москве. Увидел он первопрестольную как бы свежим взглядом и оставил о ней свои весьма примечательные заметки. Говоря о том времени, то есть о допожарной Москве, он подчеркивал: «Музыка прошлой зимы вскружила всем головы: вся Москва пела...» При этом поэт добавлял: «...я думаю от скуки»[3].

То, что Москва действительно пела, подтверждается многими источниками. В городе насчитывали до десяти тысяч музыкантов[4]. Но пела не только от скуки, как полагал К. Н. Батюшков, которого А. С. Пушкин считал своим учителем. Была необъяснимая внутренняя потребность в музыке. Музыка скрашивала невзгоды, звала на активное сопротивление и вместе с тем укрощала чрезмерную жестокость.

Тогдашние москвичи не были только музыкальными потребителями. «Музыкальное производство» росло, и московские композиторы все больше расширяли и умножали свое влияние, причем не только в пределах своей страны. Москва XIX в.– это город высококлассных композиторов, слава которых не померкла до сих пор. Разными были эти композиторы. Многие из них вышли из крепостных и ни один раз испытали удары судьбы.

Вот московский композитор Степан Аникиевич Дегтярев – бывший крепостной графа Шереметева. Рано проявил он свои музыкальные способности и был определен в ученики к знаменитому Д. Сарти, вместе с которым даже ездил в Италию[5]. Вернувшись, стал капельмейстером домашнего театра Шереметева, по завещанию которого был отпущен на волю, но буквально прозябал в нищете. Еще будучи хормейстером у Шереметева, он получал в десять раз меньше, чем выступавшие под его руководством иностранные музыканты. Именно Дегтярев явился автором первой русской оратории «Минин и Пожарский». Впервые

[1] *Матвеев М.* Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 г. М., 1912. С.95.

[2] *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С.295.

[3] *Батюшков К.Н.* Прогулка по Москве. // *Батюшков К.Н.* Сочинения. М., 1989. Т.1. С.294.

[4] *Матвеев М.* Указ.соч. С.92.

[5] *Финдейзен Н.* Джузеппе Сарти // Музыкальная старина. Вып.1. СПб., 1903. С.11–29; *Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России. М., 1983. С.104.

она была исполнена с большим успехом 9 марта 1811 г., а затем повторена 6 апреля того же года. Оратория сыграла свою роль в воспитании русского патриотизма. Она исполнялась и в 1818 г. при открытии памятника Минину и Пожарскому в Москве. Дегтяревым были написаны оратории «Освобождение Москвы в 1812 г.» и «Бегство Наполеона». Талантливый композитор, ощутивший заметное влияние итальянской музыки, столь популярной уже в то время в России, умер, однако, испытывая серьезные материальные трудности.

Из крепостных, но графа Г. И. Бибикова, был другой московский композитор той поры – Даниил Никитич Кашин, которого современники называли «соловьем русской песни»[6]. Ученик Сарти, он был воспитан на традициях как русской, так и итальянской музыкальных культур. Он тоже отпускается на волю и становится автором ряда музыкальных патриотических произведений. События 1812 г. нашли отражение в его песнях «Гремит ужасный гром», «Авангардная песня». Кашин аранжировал ряд русских народных песен, получивших благодаря ему второе рождение. Кашин – известный автор оригинальных русских опер, ставившихся на московской сцене: «Наталья, боярская дочь», «Ольга прекрасная», «Одни сутки царствования Нурмагаллы, или Торжество любви и добродетели». Писал и хоровые произведения, и в 1801 г. именно он сочинил музыку, которую хор исполнил в честь вступления на престол Александра I.

Жили в то время в Москве композиторы, имена которых не забыты в памяти поколений, наследие их вошло в золотой фонд русской народной музыки[7]. Одним из них был уроженец Москвы, хотя и молдавского происхождения, выдающийся представитель русского бытового романса, непревзойденный по сей день Александр Егорович Варламов. Был он сыном дворянина, и судьба его, естественно, отличалась от участи крепостных музыкантов, хотя оказалась ненамного легче. Уже в раннем возрасте он проявил огромный интерес к музыке. Очарованный игрой скрипача, упросил отца приобрести скрипку, на которой самостоятельно научился играть[8]. В десять лет Варламов стал певчим придворной певческой капеллы, а затем регентом русской церкви в Гааге, получив тем самым возможность ознакомиться с музыкальной жизнью за рубежом. Первый сборник его романсов вышел в 1833 г., в нем помещены такие музыкальные шедевры, как «Что отуманилась зоренька ясная...» и «Не шей ты мне, матушка...», свидетельствовавшие об огромном мелодичном таланте их сочинителя. Варламов, однако, не обладал достаточной композиторской школой, уровень его композиторской техники на всем протяжении творчества не менялся, что мало его интересовало. Он предпочитал выплескивать свои чувства мгновенно, подбирая мелодию на фортепиано и не заботясь затем о совершенствовании своих музыкальных новинок. Кроме мелодичности произведения Варламова отличались задушевностью и теплотой, истинно русской проникновенностью и искренностью, которые с лихвой искупали отсутствие должной музыкальной техники. После него осталось 200 романсов, один задушевнее другого.

А. Е. Варламов. Литография. 1843 г.

Была у А. Е. Варламова еще одна всепоглощающая страсть. Он был неисправимым картежником. Долгими ночами просиживал он за карточным столиком, а, проигравши, садился за фортепиано и спешно сочинял очередной романс, который тут же сбывал музыкальному издателю. Во время одного из таких карточных поединков он внезапно скончался, по-видимому, от чахотки, имея от роду всего лишь 47 лет.

Очень близок по манере своего музыкального творчества к А. Е. Варламову автор знаменитого «Колокольчика» Александр Львович Гурилев – еще один москвич-композитор. Он был лишь двумя годами моложе Варламова. Сын крепостного, он получил неплохое музыкальное образование под руководством своего отца – крепостного композитора, работавшего в жанре церковной музыки. В молодые годы Гурилев играл в оркестре на скрипке, затем на альте в московских квартетах. Как музыкальный педагог, он давал уроки игры на фортепиано, а также пения. Много внимания уделял музыкальному сочинительству, и его романсы «Не брани меня, родная...», «Домик-крошечка», «Матушка-голубушка» и другие принесли славу московской музыке далеко за пределами России.

[6] *Курмачева М.Д.* Указ. соч. С.127.

[7] *Асафьев Б.В.* Русская музыка XIX и начала XX века. Л., 1968.

[8] *Листова Н.* Александр Варламов. Его жизнь и песенное творчество. М., 1968. С.4.

А. А. Алябьев. Художник П. Андреев. 1844 г.

А. Н. Верстовский. Литография. 40-е гг. XIX в.

Без А. Е. Варламова и А. Л. Гурилева трудно представить себе не только русский бытовой романс, но и русскую народную песню. Их вклад в народную музыку чрезвычайно велик и пока еще недостаточно оценен[9]. Но жили в Москве в их время и другие даровитые композиторы. Одним из них был автор «Соловья» А. А. Алябьев, родившийся в 1787 г. и происходивший из довольно древнего дворянского рода. В отличие от Варламова и Гурилева он был боевым офицером, активно участвовал в войне против Наполеона. В начале 20-х гг. он вышел в отставку в чине подполковника и полностью отдался музыке.

Писал Алябьев не только романсы, но и оперы-водевили. Одним из первых композиторов он стал создавать музыку на слова А. С. Пушкина. Алябьев написал также музыку к трем стихотворениям Н. П. Огарева – «Деревенский сторож», «Кабак», «Изба», хотя хорошо знал о преследовании Огарева царскими властями. По-видимому, здесь сыграла роль судьба самого Алябьева. Выйдя в отставку в 1823 г., он через два года был арестован. Предлогом явилась стычка во время карточной игры. Алябьев был обвинен в том, что нанес побои своему партнеру, от которых тот скончался. Так в самый разгар его музыкального творчества Алябьев оказался сосланным в Сибирь. Однако и в ссылке он писал и церковную, и столь отличную от нее военную музыку, вспоминая свои боевые походы по России и Западной Европе. Алябьеву удалось вернуться в свой родной город лишь в 40-х гг. Многие его еще помнили, и вскоре он умножил свою музыкальную славу. Невзгоды ссылки серьезно повлияли на характер некогда боевого офицера. Он нередко участвовал в различного рода благотворительных вечерах и даже написал Гимн благотворительности на слова Ф. Н. Глинки, тоже бывшего боевого офицера, проходившего по делу декабристов. Интересно, что Гимн был впервые исполнен на концерте в пользу нищих и в нем умело сочеталась оркестровая, хоровая и сольная музыка. Алябьеву принадлежит также опера «Кавказский пленник», но кроме романсов при жизни композитора большинство его сочинений опубликовано не было.

Трудно представить тогдашнюю композиторскую Москву без Алексея Николаевича Верстовского[10]. Родом из тамбовских помещиков, в Москву он переехал в 1822 г. и прожил в ней до самой кончины в 1862 г., т.е. сорок лет. Служил в конторе императорских театров, которую возглавил с начала 40-х гг. Фактически он стал руководителем московской оперы и, кстати, известен прежде всего как оперный композитор.

А. Н. Верстовский имел довольно солидное музыкальное образование, хотя окончил институт инженеров путей сообщения. Игре на фортепиано он обучался у пианистов Д. Штейбельта и Д. Фильда, а теории музыки – у Брандта и Цейнера. Прославившись сначала как сочинитель водевилей, Верстовский все больше стал проявлять интерес к оперной музыке. С большим успехом в 1828 г. прошла его опера «Пан Твардовский», затем он написал оперу «Вадим» и, наконец, самую знаменитую – «Аскольдову могилу». Впервые она была поставлена в Москве в сентябре 1835 г. и имела огромный успех в Москве, Петербурге, других городах России, выдержав многие сотни постановок еще в прошлом столетии. Он написал также ряд других опер, кантат, хоров, романсов, военных гимнов.

[9] *Васина-Гроссман В.А.* Русский классический романс XIX века. М., 1956.

[10] *Финдейзен Н.* Новые материалы для биографии А.Н.Верстовского // Музыкальная старина. Вып.1. СПб., 1903. С.71.

С Москвой связано творчество слепого от рождения композитора А. Д. Жилина, автора романсов, пользовавшихся успехом у современников. Бывали и выступали в Москве композиторы С. И. Давыдов, А. Н. и С. Н. Титовы, Н. Я. Афанасьев – одно время первая скрипка в оркестре московской императорской оперы. Приезжал в Москву и крупнейший русский композитор М. И. Глинка, уроженец Смоленщины. Впервые он побывал в первопрестольной в 1828 г., а затем жил у своего товарища – писателя и публициста Н. А. Мельгунова в 1834 г.

О композиторской Москве можно с полным основанием говорить, что уже в первой четверти XIX в. Москва имела своих талантливых сочинителей-музыкантов, работавших в самых различных музыкальных жанрах и достигших значительных творческих успехов. Без московских композиторов, как профессионалов, так и любителей, трудно представить российскую музыку. Их влияние стало ощущаться и за рубежом, где начали выходить сборники московских композиторов. Алябьевский «Соловей» исполнялся А. Патти, П. Виардо, М. Зембрих. Романс А. Н. Верстовского на слова Пушкина «Старый муж, грозный муж...» пела П. Виардо. Когда в Гамбурге на немецком языке вышел сборник русских романсов и песен, то в нем достойное место заняли сочинения московских композиторов. Московские музыканты не только с успехом осваивали мировое музыкальное наследие, но и сами стали авторами различных музыкальных пособий, альбомов, даже музыкальных журналов, о чем еще сравнительно недавно нельзя было даже и мечтать[11].

Композитор Д. Н. Кашин именно в Москве в 1806–1807 гг. издавал ежемесячный «Журнал отечественной музыки». В начале 30-х гг. он опубликовал сборник «Песни русские народные», куда вошло 115 песен, многие из которых были собраны им лично. Еще в 1808 г. Н. Горчаков издал в Москве «Опыт вокальной или певческой музыки в России, от древних времен до нынешнего усовершенствования сего искусства». Именно в Москве в 1840 г., то есть еще за пять лет до переезда в Петербург, выпустил свою «Школу пения» А. Е. Варламов, ранее дававший уроки пения. С. А. Дегтярев перевел с итальянского на русский сочинение композитора и музыковеда В. Манфредини «Правила гармонические и мелодические для обучения всей музыке», изданные в 1805 г. в Петербурге. В 1826 г. А. Н. Верстовский вместе с А. И. Писаревым издал «Драматический альбом», состоявший из музыкальной и литературной частей, а в 1827–1828 гг. тот же Верстовский выпустил «Музыкальный альбом». В Москве в 1802 г. даже вышла «Азбука... игры на гуслях по нотам»[12].

Наглядным отражением роста музыкальной культуры московского общества стало зарождение и затем развитие музыкальной критики. Музыкальная жизнь находила повседневный отклик в газетных и журнальных публикациях, а затем и в специальных сочинениях по музыковедению. Одним из первых критиков, который откликнулся на музыкальную жизнь Москвы, был профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков. Еще в молодости, будучи членом Дружеского литературного общества, он разделял его цели, которые заключались в том, чтобы «очищать вкус, развивать и определять понятия обо всем, что изящно, что превосходно». Он выступал против «умственного рабства» русских литераторов и был противником низкопоклонства перед Западом. Его отдельные высказывания на музыкальные темы выдержаны в том же духе. Сам Мерзляков являлся не только критиком, но и поэтом, ряд его сочинений был положен на музыку, став известными песнями и романсами. Из них наибольшую популярность приобрела «Среди долины ровныя...» («Одиночество»).

К музыкальным критикам той поры можно отнести и известного писателя С. Т. Аксакова, опубликовавшего в «Вестнике Европы» статью «Мысли и замечания о театре и театральном искусстве». Будучи заядлым театралом, С. Аксаков откликался на театрально-музыкальную жизнь Москвы и Петербурга и в других своих критических публикациях. Замечания о музыкальной Москве можно встретить и в его «Литературных и театральных воспоминаниях», вышедших в 1858 г. К музыкальным критикам относился и другой известный писатель – В. П. Боткин, которого А. И. Герцен в «Былом и думах» называл «резонером в музыке и философом в живописи». Музыкальная критика нашла отражение в творчестве Н. Мельгунова, К. и Н. Полевых, В. Ушакова и др.

Несомненно, что самым крупным московским музыковедом, значение которого как музыкального критика и теоретика вышло далеко за пределы даже такого большого города, как Москва, был В. Ф. Одоевский[13]. Человек разносторонних дарований, он писал также романсы, органные и фортепианные пьесы. Ряд специалистов относит его к числу основоположников русской музыкально-критической мысли. Одним из первых он откликнулся на оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», предсказал им долгий успех, показал их выдающееся место в истории русской музыки. Одоевский не только был тонким ценителем оперной музыки, но и прекрасно разбирался в церковном пении. Он собрал старинные церковные записи и опубликовал специальную статью «О пении в приходских церквах»,

[11] *Левашева О.Е.* История русской музыки. Т.1. М., 1957.

[12] Список русских книг по музыке, изданных в 1773–1873 гг. // Музыкальная старина. Вып.II. СПб., 1903. С.178.

[13] *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф.Одоевский. Мыслитель-писатель. Т.I. Ч.II. М., 1913. С.356–357.

а также выпустил ряд работ о русском народном искусстве, в частности, о народном пении и музыке. Примечательно, что Одоевский проявлял большой интерес к органной музыке, особенно к музыке И.-С. Баха. Он установил у себя дома орган, который затем передал в дар Московской консерватории.

Интересно, что В. Ф. Одоевский и А. С. Грибоедов, который тоже может быть причислен к московским композиторам, организовали в Москве музыкальный кружок – еще одно проявление высокого уровня музыкальной культуры в городе.

В 30-х гг. в городе был основан «Филармонический союз», известный также как «Московское музыкальное благородное собрание». В общество входили такие видные музыканты и критики, как Н. Мельгунов, И. Геништа и др., и оно отражало не только увеличение числа профессиональных музыкантов, но и серьезных любителей музыки. Среди московских меломанов велись нескончаемые дискуссии о последних музыкальных новинках, о достоинствах и недостатках исполнителей, о соотношении отечественной и зарубежной музыкальных культур[14]. Шли, например, споры между «моцартистами» и «россинистами», появились горячие сторонники Людвига ван Бетховена. Любопытно, что А. И. Герцен отдавал предпочтение Моцарту, а его друг Н. П. Огарев увлекался Бетховеном. Бетховен, а также Шуберт привлекали внимание членов кружка Н. В. Станкевича, где проявлялся большой интерес к немецкой культуре вообще, не только к философии.

Общий рост музыкальной культуры обуславливался заметным расширением музыкального образования. Все большее распространение получала такая специальность, как учитель музыки. Музыка преподавалась и во многих учебных заведениях, причем в качестве музыкальных наставников нередко выступали крупные композиторы и музыканты-исполнители. Д. Н. Кашин преподавал с 1801 г. музыку в Московском университете. В Московском университетском Благородном пансионе вели уроки видные музыканты А. Волков, Д. Ширевич, А. Варламов. Преподавал музыку и композитор С. А. Дегтярев.

Поскольку для XIX в. весьма характерной чертой стало заметное развитие инструментальной музыки, Москва, естественно, не могла быть исключением. Этот новый этап проявился в распространении оркестровой музыки, в зарождении симфонизма, в опере и пении в сопровождении фортепиано. Уже в начале века в Москве были известны различного рода оркестры[15]. Домашний оркестр играл по праздникам в саду знаменитого дома Пашкова. Большой популярностью пользовался оркестр помещика П. И. Юшкова, оркестр Б. Т. Полякова и другие. Широкое распространение получили различные музыкальные квартеты. Н. Я. Афанасьев, живший в Москве в молодые годы, видный скрипач и композитор, играл в московских квартетах, а затем стал автором первого русского смычкового квартета «Волга» для двух скрипок, альта и виолончели.

В Москве выступали исполнители на самых различных инструментах[16]. Особое распространение получила арфа, на которой в то время играли и многие мужчины. Среди них в литературе, например, упоминаются Г. И. Мягков и Н. Девтте. Со временем все большую популярность завоевывала игра на гитаре, даже начал издаваться специальный нотный журнал для семиструнной гитары. Выдающимся гитаристом был М. Т. Высотский, известный также как композитор и автор «Практической и теоретической школы для гитары». Среди гитаристов выделялись С. Аксенов, А. Сихра и А. Стахович, автор «Очерка истории 7-струнной гитары». Сихра считается изобретателем семиструнной гитары, написавшим для нее «Теоретическую и практическую школу».

В первой половине XIX в. Москва стала городом, куда с охотой приезжали на гастроли многие отечественные и зарубежные певцы и музыканты. Всего в 14-летнем возрасте в 1843 г. здесь дал концерт выдающийся впоследствии композитор и пианист Антон Рубинштейн. Его младший брат Николай концертировал в Москве первый раз, имея от роду лишь 11 лет. Из отечественных музыкантов в Москве доминировали петербуржцы. Одновременно гастролировали многие зарубежные певцы и музыканты: немцы, итальянцы, французы, венгры и т.д. Ошеломляющим успехом пользовались выступления в Москве венгерского композитора и пианиста Ференца Листа. Хорошо приняла Москва в 1844 г. известную пианистку Клару Шуман, а пианист, ирландец по происхождению, Д. Фильд по существу стал москвичом. Среди скрипачей, приехавших из-за рубежа, заметный след оставили Карл Липинский, а также В. Вьетан, У. Булль и др.

В Москве в первой половине XIX в. сложилась своя школа скрипачей, к которой относились Н. Я. Афанасьев, Г. А. Рачинский, И. И. Семенов и др. Приезды выдающихся мастеров скрипичного искусства способствовали росту творчества местных музыкантов и вообще музыкальной культуры московского общества. Д. Фильд был не только исполнителем-пианистом высокого класса, но и одним из учителей А. Н. Верстовского, А. Л. Гурилева, А. И. Дюбюка – композитора и пианиста, впоследствии профессора Московской консер-

[14] *Келдыш Ю.* История русской музыки. Ч.I. М.; Л., 1948.

[15] *Казанский Е.Н.* Музыка в Москве // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып.XI. М., 1912. С.64–66.

[16] *Финдейзен Н.* Роговая музыка в России // Музыкальная старина. Вып.II. СПб. С.85–124.

ватории. Дюбюк издал «Технику фортепианной игры», выдержавшую несколько изданий.

В прошлом столетии в Москве гастролировали крупные исполнители-виолончелисты Б. Ромберг и Ф. Серве, композитор и дирижер Г. Берлиоз, прибывший в Москву в 1847 г., многие другие зарубежные мастера музыкального искусства, среди которых остались памятны имена скрипачей Г. Венявского и В. Неруда, пианистов Сеймур-Шиффа и Мортье де Фонтена и т.д.

В городе сложилась своя вокальная школа или, точнее, школы. В числе выдающихся исполнителей можно выделить Прасковью Бартеневу, Прасковью Жемчугову (урожденную Ковалеву), Елизавету Сандунову[17], а также Н. Лаврова, П. Булахова, А. Бантышева и других, заметно поднявших уровень вокального искусства. В этих условиях зарубежные исполнители встречались достаточно хорошо подготовленной аудиторией, способной понять достоинства и недостатки того или иного мастера пения. В 1843–1844 гг. с успехом прошли в Москве концерты знаменитого итальянского тенора Джованни Баттиста Рубини, а двадцатью годами ранее столь же блистательно прошли концерты его землячки сопрано Анджелики Каталани. В Москве выступали немецкая певица Генриетта Зонтаг (по мужу Росси), французская певица, испанка по происхождению, Полина Виардо (Гарсиа). Виардо, близкая к И. С. Тургеневу, широко использовала в своем творчестве произведения русских авторов – музыкантов и поэтов.

Все более разнообразным становился репертуар певцов и музыкантов, включавших как произведения иностранных композиторов, так и композиторов России, а также и русскую народную музыку. По-прежнему весьма популярными были цыганские ансамбли. Естественно, что не все музыкальные жанры были одинаково почитаемы и в одинаковой степени поощрялись. Публика больше предпочитала вокальные концерты или выступления отдельных инструменталистов, была склонна к восприятию народных или духовых оркестров, но, например, симфония в первой половине XIX в. еще не получила широкого признания. Только-только начиналось приобщение московской публики к классическому балету.

2. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Театральная жизнь Москвы не может быть сведена к деятельности оперных или драматических трупп или к работе народных театров. Она была значительно шире и тесно связана с различного рода театрализованными представлениями и вообще народными гуляньями. В начале XIX в. и даже несколько позднее в Москве продолжали бытовать традиционные формы народных развлечений, корнями уходящие в XVI и XVII вв. Давали представления народные кукольные театры, и прежде всего неизменный Петрушка, существовали балаганы, где выступали силачи, карлики, акробаты и т.д. По-прежнему непременным атрибутом народных гуляний были выступления цыган, с их песнями и танцами, медведями, а также привязчивыми гадалками[18].

В Москве имелось несколько мест для излюбленных народных гуляний[19], среди которых, пожалуй, наибольшей любовью простонародья пользовалось гулянье на масленицу под Новинским, что располагалось в западной части тогдашней Москвы. Позднее здесь был проложен Новинский бульвар, а сейчас проходит одноименная улица. Гулянье под Новинским привлекало как горожан различных сословий, вплоть до дворян,

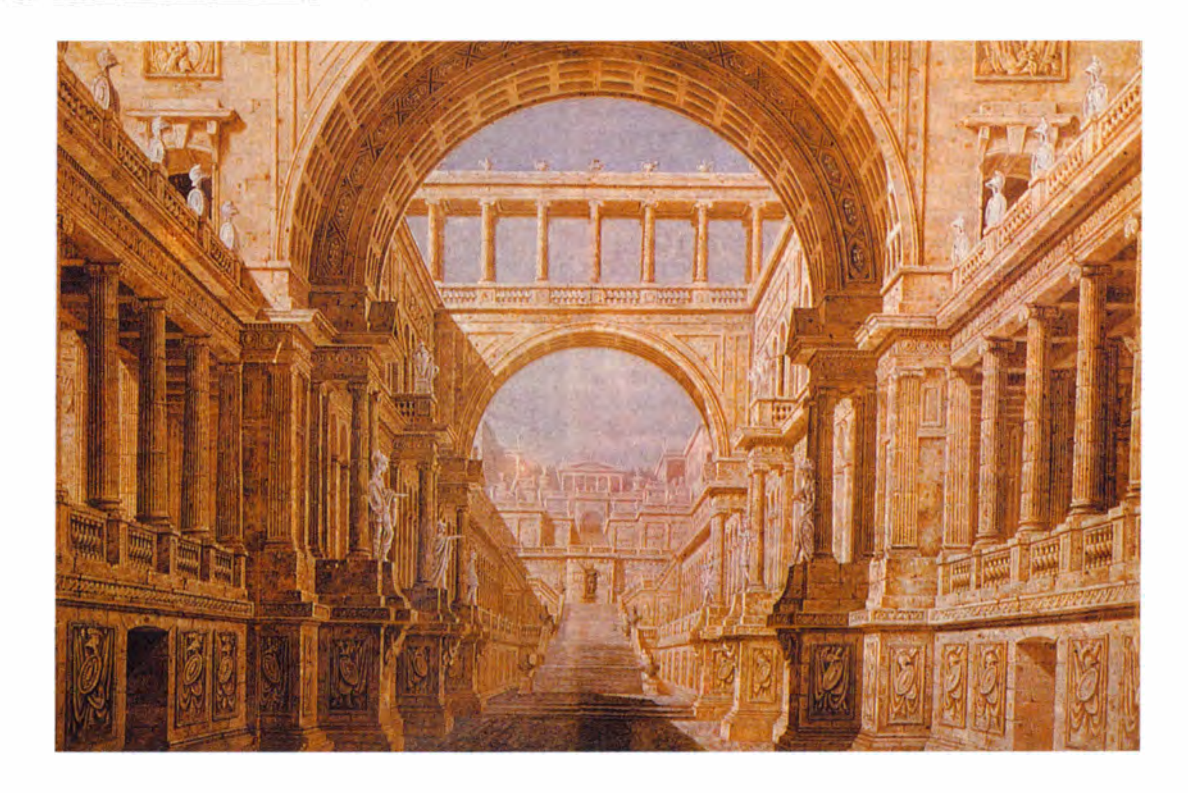

П. И. Ковалева-Жемчугова. Художник Н. Аргунов. 1802–1803 гг.

[17] *Жихарев С.П.* Записки современника. Том 1. М.; Л., 1934. С.49, 55.

[18] *Кокорев И.Т.* Москва сороковых годов. Очерки и повести о Москве XIX века. М., 1959. С.117.

[19] *Жихарев С.П.* Записки современника. Том 1. М.; Л., 1934. С.90, 100–102, 285.

Эскиз декорации П. Гонзаги, использовавшейся в крепостном театре в Архангельском для постановки итальянских опер

так и крестьян[20]. Здесь собирались тысячи людей, чтобы посмотреть на скоморохов, послушать народных певцов и музыкантов, игравших на народных инструментах, посетить балаганы и покататься на каруселях. Можно было встретить здесь и гусляров и бандуристов, сказителей, бродячих певцов. Тогда были еще довольно широко распространены древние музыкальные инструменты – рожки и волынки, бубны и сопелки, гусли и барабаны, торбаны и домры.

Примерно такой же популярностью пользовались народные гулянья на первое мая в Сокольниках. Сюда приходили тысячи людей разных сословий: как дворяне и купцы, так и мастеровые, крестьяне, дворовые. Местами, хорошо известными тогдашней Москве, были также гулянья под Девичьим и в Марьиной роще. И хотя место и время того или иного народного развлечения было хорошо известно, это не избавляло от довольно широкой рекламы, для чего использовались голосистые зазывалы, или, как их тогда еще называли, масляничные деды – народные юмористы, пользовавшиеся неизменной широкой симпатией за их находчивость, острословие и независимость.

Московское дворянство далеко не всегда позволяло себе «сливаться с народом». Любимым местом прогулок московских дворян, где они могли щегольнуть последними модами, был Тверской бульвар, куда простонародью практически попасть было невозможно. Нечего и говорить, что оно не допускалось ни в дворянские клубы, ни на бесчисленные дворянские балы. Наиболее крупные балы, в которых участвовало до трехчетырех тысяч человек, давались по вторникам в Московском Благородном собрании, располагавшемся до 1812 г. на углу Большой Дмитровки и Охотного ряда и, временно, до 1814 г., пока оно вновь не было восстановлено после пожара,– на Никитской улице. Временами в одну ночь балы с танцами проходили в нескольких десятках дворянских домов. Дворянская Москва часто устраивала различного рода концерты и театральные представления и, конечно, одним из важнейших атрибутов дворянского искусства стали известные дворянские театры с крепостными актерами и музыкантами. Ни один город России в начале XIX в. не имел такого большого числа крепостных театров, как Москва.

По подсчетам специалистов из 103 учтенных городских театров с крепостными труппами в Москве насчитывалось 53, в Петербурге – 27, а во всех остальных городах страны только 23[21]. Наиболее знаменитым крепостным театром, как и в конце прошлого века, был театр, основанный графом П. Б. Шереметевым. Созданный первоначально в его усадьбе Кусково в 60-х гг. XVIII в., театр затем его сыном Н. П. Шереметевым – одним из самых богатых людей России, бывшим также директором Московского дворянского банка,– был переведен в Останкино. Шереметев создал драматическую и оперно-балетную труппы, по своему мастерству способные конкурировать с лучшими тогдашними театрами. Крепостные театры имели и другие московские дворянские семейства.

[20] *Матвеев М.* Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 г. М., 1912. С.33, 128.

[21] *Дынник Т.* Крепостной театр. М.; Л., 1933. С.36.

Это театр Апраксиных в Ольгино, Юсуповых в Архангельском, Салтыковых в Марфино, Дурасовых в Люблино, Орловых в Нескучном. Крепостные труппы имели и Каменские, и Чернышевы, и Волконские, и многие другие видные царские сановники, соперничавшие между собой. Известно, что крепостную труппу содержал и знаменитый полководец А. В. Суворов, уроженец Москвы[22].

Актерское и музыкальное мастерство крепостных театров было различным. Но некоторые театры вполне могли соперничать с частными профессиональными труппами, в том числе и с зарубежными. Бывали случаи, когда крепостных актеров передавали внаем частным или государственным театрам. Знаменитый Медокс, театр которого был в то время лучшим частным театром города, брал внаем крепостную труппу А. Е. Столыпина. Сам Медокс считал, что трудности его театра, а затем и его ликвидация объяснялись существованием большого числа крепостных театров, которые обладали весьма приличными актерами и преимущество которых заключалось в том, что они обычно выступали бесплатно. Порой к услугам крепостных актеров прибегали и заезжие иностранные труппы. Например, в балет прибывшей в Москву итальянской оперы, дававшей представления в доме С. Апраксина, были включены крепостные танцовщицы рязанского помещика Г. П. Ржевского. Иногда крепостные актеры, достигшие высокого уровня исполнительского мастерства, получали вольную или выкупались государственными театрами, что также делало их лично свободными. Но случаи продажи крепостных актеров в начале XIX в. были довольно частым явлением. Музыканты и актеры продавались и в одиночку, и семьями, целыми оркестрами или труппами. В 1806 г. император Александр I за 32 тыс. руб. приобрел крепостную труппу А. Е. Столыпина, состоявшую из 74 человек, ту самую труппу, которая отдавалась до этого внаем Медоксу, т.е. выступала на сцене Московского Петровского театра[23]. Это была не единственная труппа, которую приобрели на средства казны; таким же образом была приобретена и труппа князя Волконского.

Из крепостных актеров вышел ряд видных актеров государственных театров. Бывшим крепостным был отец знаменитого актера П. С. Мочалова – С. Ф. Мочалов. Из крепостных благодаря своему огромному таланту вышел и М. С. Щепкин. В сентябре 1822 г. в доме Пашкова ставилась комедия М. Н. Загоскина «Господин Богатонов, или Провинциал в столице». И буквально ошеломил своей талантливой игрой неизвестный крепостной актер из Тулы Щепкин. Успех был столь триумфальным, что уже на другой день он не только был отпущен на свободу, но даже определен в государственный театр с твердо установленным жалованьем[24].

Ярчайшей звездой театра Шереметевых стала знаменитая Параша Жемчугова – Прасковья Ивановна Ковалева. Она играла в этом театре с семилетнего возраста, репертуар ее включал около пятидесяти оперных партий. Выступала она на сцене до 1798 г., когда была отпущена на волю. Связь с графом Н. П. Шереметевым, естественно, и ранее давала ей, крепостной актрисе, большие преимущества, а в 1801 г. граф Шереметев тайно с ней обвенчался. Счастье актрисы оказалось недолгим, она скончалась в 1803 г., в возрасте 35 лет. В память о ней Шереметев учредил так называемый Странноприимный дом – приют для неимущих – больных и увечных, рассчитанный на 100 человек; несколько позднее там была создана (в 1810 г.) Шереметевская больница.

В театре Шереметева блистала еще одна театральная звезда – балерина Т. В. Шлыкова, известная под сценической фамилией Гранатова. Она прожила девяносто лет и скончалась в 1863 г., уже после крестьянской реформы. Крепостным в театре Шереметева был и знаменитый художник и декоратор И. П. Аргунов, представитель обширной семьи крепостных художников и архитекторов. Крепостным был и переводчик В. Врублевский. Надо сказать, что как у Шереметевых, так и у других сиятельных дворян, в домашних театрах имелись и вольнонаемные актеры и режиссеры. Балетной труппой в театре Шереметевых, например, руководил итальянец Чианфанели.

Москва располагала также и другими театрами – частными, государственными, приезжими, как русскими, так и зарубежными[25]. Упоминавшийся выше театр М. Медокса действовал в 1776–1805 гг. С 1802 г. в Москве давал спектакли французский театр, а еще через два года и немецкий. Немецкая труппа под руководством Штейнберга выступала в Немецкой слободе. Труппа была набрана, как писали тогда, из петербургских ремесленников. В Немецкой слободе в театре Демидовых часто выступали актеры, приезжавшие из-за рубежа. Здесь давались как оперные спектакли, так и балетные представления. Существовал театр при университетском Благородном пансионе, где спектакли разыгрывались самими студентами.

Театр М. Медокса занимал особое место в театральной жизни Москвы. Как и во многих других театрах того времени, здесь наблюдалось смешение жанров, и его нельзя назвать ни оперным или музыкальным театром, ни драматическим. В нем можно было услышать оперы многих зарубежных композито-

[22] *Сакулин П.Н.* Крепостная интеллигенция. // Великая реформа. Т.III. М., 1911. С.78–79.

[23] *Сакулин П.Н.* Указ. соч. С.82.

[24] *Пыляев М.И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 1891. С.304.

[25] *Родина Т.* Русское театральное искусство в начале XIX века. М., 1961.

ров – Гретри, Керубини, Моцарта, Сальери, Чимароза и др., ставились и оперы отечественных композиторов, а также балетные спектакли, мелодрамы, драматические спектакли. Театр пережил периоды взлетов и падений. В нем играли многие выдающиеся актеры и певцы. Среди них П. А. Плавильщиков – талантливый трагик, известный также как драматург и театральный критик. Не менее талантливым считался комик С. Н. Сандунов, а его супруга обладала прекрасным меццо-сопрано и была ведущей оперной певицей. Хорошо знали и ценили московские театралы и игру такого актера, как В. П. Померанцев[26].

Именно в театре М. Медокса еще в конце XVIII в. впервые была поставлена комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль». Часто обращался театр к произведениям А. П. Сумарокова, жившего тогда в Москве. Однако с начала XIX в. постепенно снижался интерес общества к классической трагедии, на смену ему приходит увлечение трагедией нового типа, выразителем которой стал В. А. Озеров – поэт и драматург, бывший боевой офицер[27]. С большим успехом шли в Москве его трагедии «Эдип в Афинах», «Фингал» и «Дмитрий Донской». В них явно сказывались черты господствовавшего тогда сентиментализма. Трагедия Озерова «Дмитрий Донской» сыграла свою роль в воспитании русского патриотизма, любви к своему отечеству. Первая же постановка этой пьесы вылилась в своеобразную демонстрацию патриотических чувств. Многие зрители плакали, их мысли невольно обращались к волнующим событиям их времени.

Для начала XIX в. характерно заметное преобладание именно русской тематики в репертуаре московских, да и не только московских театров. Это проявилось и в трагедии, и в комедии, и в драме, и музыкальном творчестве, где явно усиливались национальные мотивы. С. Н. Глинка, который стал сочинителем и переводчиком при театре, основал в 1808 г. журнал «Русский вестник». Одной из задач журнала стала борьба с французским влиянием. Глинка явился автором ряда патриотических пьес, получивших в то время широкое распространение: «Наталья, боярская дочь», «Боян», «Минин», «Осада Полтавы» и др. В репертуар театра вошли также трагедии М. В. Крюковского «Пожарский» и П. А. Плавильщикова «Ермак». Большой успех выпал на долю драматурга Н. И. Ильина – духовно близкого Н. М. Карамзину, автора драм «Лиза, или Торжество благородности» и «Великодушие, или Рекрутский набор». Созвучным Ильину и, естественно, Карамзину явилось творчество драматургов Ф. Ф. Иванова и В. А. Федорова.

Неизменным успехом пользовались в то время комедии из русской жизни. Особо следует выделить комедии И. А. Крылова. В этом же жанре работали Н. И. Ильин, Ф. Ф. Иванов и др. Усиление русских мотивов в творчестве драматургов и, соответственно, репертуаре театров обусловило заметный интерес определенных слоев общества к жизни народа, передаче его настроений, его языка и нравов. Русский народный язык популяризировал в своих пьесах Ильин, неплохо знавший народную жизнь и довольно доброжелательно относившийся к народным низам. Тогдашняя критика, однако, неоднозначно оценивала это стремление Ильина, порой считая язык простонародья грубым и недостойным для звучания на сцене. Но Ильин уловил веяния времени, и его творчество сыграло свою роль в привлечении внимания к жизни народа. Этот поворот стал особенно заметен в 1812 г.[28] Примечательно, что театр в Москве продолжал ставить спектакли и в 1812 г., буквально до вступления Наполеона в город. Только в июле было дано до 20 спектаклей. В это время шли комедии И. А. Крылова с подтекстом, имевшим явно антифранцузскую направленность, патриотические трагедии Озерова «Дмитрий Донской» и Крюковского «Пожарский», а также пьесы С. Глинки.

Несмотря на усиление патриотических настроений, в Москве с 1809 по 1812 г. с большим успехом прошли гастроли знаменитой французской актрисы Маргариты-Жозефины Жорж[29], горячим поклонником которой был Наполеон.

Театр М. Медокса прекратил свою деятельность трагически. В ноябре 1805 г. он сгорел[30], и труппа была вынуждена перенести спектакли на сцену домашнего театра князя Волконского, а затем в дом Пашкова. Но вопрос о судьбе театра в Москве волновал общественные круги, поэтому сам император Александр I занялся им. В конце 1805 г. было решено создать в Москве императорский театр, открытие которого состоялось в апреле 1806 г. в доме Пашкова комедией Августа-Фридриха Коцебу «Бедность и благородство души» и одноактной комедией «Слуга двух господ». Репертуар театра включал и оперы, и драмы, и комедии, и балет. Актерский коллектив состоял поначалу из тех 74 человек, которых Александр I приобрел у Столыпина, предварительно поторговавшись и сбавив цену на 10 тыс. руб. Вступление армии Наполеона в Москву вынудило актеров покинуть город, большинство их на время пристроилось в Костроме.

Императорский театр возобновил свои представления в ноябре 1814 г. оперой «Старинные святки». Постоянного помещения у театра не было, и поначалу спектакли давались в театре С. С. Апраксина, а затем в доме Пашкова, который наконец удалось восстановить и даже перестроить. В октябре 1824 г. этот

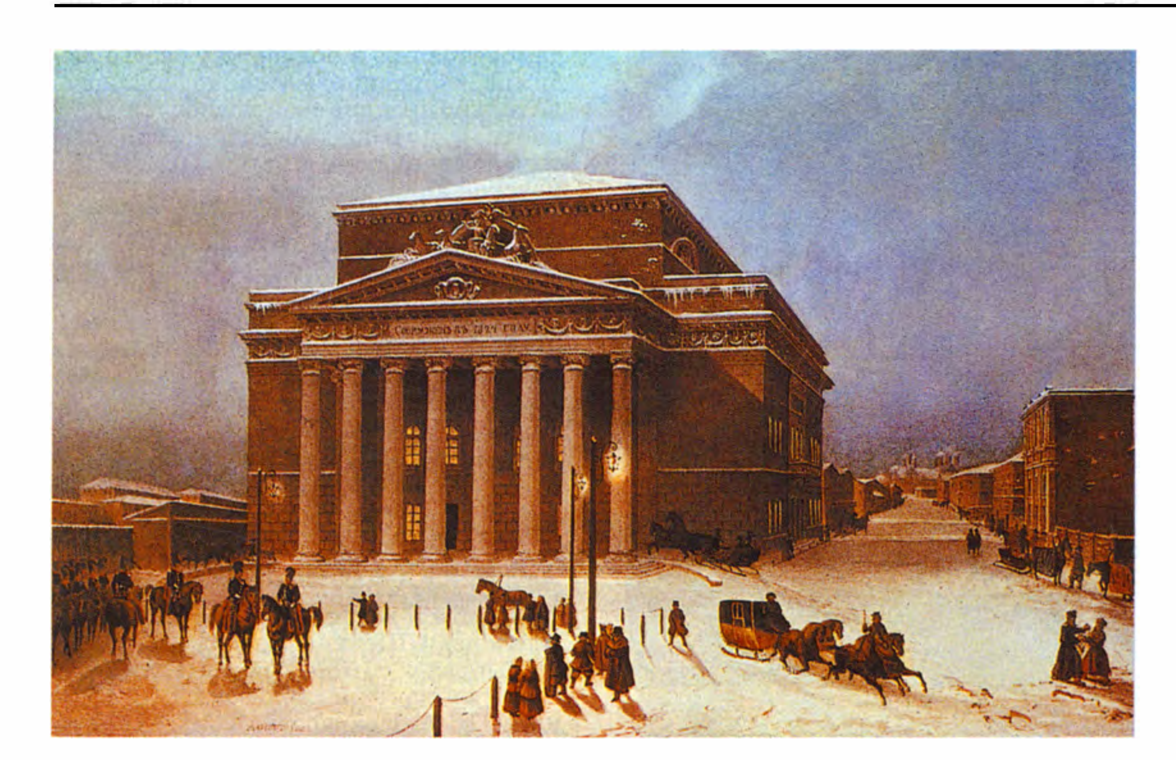
[26] *Жихарев С.П.* Указ. соч. С.55, 114.

[27] *Родина Т.* Указ. соч. С.111–142.

[28] Там же. С.40–47, 50–53.

[29] Там же. С.231–234, 245.

[30] *Жихарев С.П.* Указ. соч. С.445.

Большой (Петровский) театр в Москве. Литография. 1-я половина XIX в.

казенный театр, получивший название Малый, обосновался в доме купца Варгина, специально для этого переоборудованном. Знаменитый Малый театр помещается на этом месте и сейчас. Театр был рассчитан на 660 мест, но после перестройки в 1840 г. количество мест увеличилось до 900.

Буквально через год, в 1825 г., в Москве открылся еще один театр – Большой – действительно самый большой театр в России, расположившийся в специально построенном для него здании. Это было одно из самых крупных театральных зданий в мире, и то, что его удалось воздвигнуть в посленаполеоновской Москве, когда так ощущалась нехватка средств и помещений, свидетельствовало о несомненном внимании к театральному искусству и со стороны московских властей, и со стороны просвещенных слоев общества. Театру пришлось пережить пожар в 1853 г., но затем он был переоборудован и значительно расширен. Вновь Большой театр был открыт для зрителей в августе 1856 г. после окончания Крымской войны[31]. В Большом театре, как и во многих театрах дореформенной Москвы, шли спектакли различного жанра: ставились и трагедии, и комедии, и водевили, а наряду с ними оперы и балетные спектакли.

Театральная Москва приобретала все большее и большее значение. В 1807 г. в городе открылась Театральная школа, что способствовало заметному росту актерского мастерства. Московскую театральную школу отличали искренность и проникновенность, глубина постижения образа и тесная увязка его с жизнью, тяга к неподдельной человечности и благородству – черты, впоследствии характерные для всего русского театрального искусства.

4 сентября 1817 г. на сцене театра Апраксиных состоялся дебют Павла Степановича Мочалова. В трагедии Озерова «Эдип в Афинах» он, 17-летний начинающий актер, исполнил роль Полиника. Так началось триумфальное шествие на московских сценах величайшего русского трагика. За тридцать лет актерской деятельности Мочалову довелось сыграть множество различных ролей не только в трагедиях, но и в драмах, водевилях и даже операх. Роль Альмавивы в «Севильском цирюльнике», Чацкого в «Горе от ума», различные роли в комедиях Шаховского «Аристофан», «Пустодомы», «Урок женатым». Но особенно ярко проявился талант Мочалова в трагедиях Шиллера и Шекспира. Он играл Дон-Карлоса, Карла и Франца в шиллеровских «Разбойниках», Фердинанда и Миллера в его же «Коварстве и любви». Блистательно играл шекспировского Гамлета, Отелло, Лира, Ричарда III, Кориолана. Мочаловский Гамлет навсегда вошел в историю русского театра и получил восторженные оценки таких требовательных и тонких критиков, какими были В. Белинский[32] и А. Григорьев[33]. В детстве Мочалов учился в пансионе братьев Терликовых, затем некоторое время был слушателем Московского университета. Но никакой специальной театральной школы он не оканчивал. Мочалов был наделен огромным артистическим талантом, присущим ему творческим вдохновением[34]. Он не поддавался на уговоры друзей и почитателей участвовать в лите-

[31] *Грошева Е.* Большой театр СССР в прошлом и настоящем. М., 1962.

[32] *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. Т.2. М., 1953. С.328.

[33] *Григорьев А.* Воспоминания. М.; Л., 1930. С.243–251.

[34] *Дмитриев Ю.* Мочалов – актер-романтик. М., 1961.

М. С. Щепкин. Акварель А. Добровольского. 1839 г.

ратурных кружках, повышать образовательный уровень. Человек тонко чувствующей, хрупкой натуры, он часто убегал от своих поклонников из светских кругов, предпочитая студенческие компании или случайных спутников в каком-либо из московских трактиров. У него не сложилась ни семейная жизнь, ни взаимоотношения с друзьями. Застенчивый и замкнутый, он предпочитал уединенную жизнь, преображаясь лишь на сцене, где равных ему не было. Каждый его спектакль отличался от предыдущего, и Мочалова можно было смотреть в одной и той же роли бесконечно. П. С. Мочалов писал стихи, сочинил драму.

Был у Мочалова великий соперник – еще один знаменитый русский трагик, петербуржец Василий Андреевич Каратыгин, человек другого склада характера, отличавшийся исключительным трудолюбием. К Каратыгину благоволил сам император Николай I. По приезде в Москву Каратыгина аристократическая московская публика оказала ему пышный прием. В ответ московские средние и низшие слои устроили своеобразную демонстрацию в поддержку своего любимца – коренного москвича Мочалова, не только проявив свой московский патриотизм, но и продемонстрировав негативное отношение к петербургско-московской аристократии.

Другим великим актером был Михаил Семенович Щепкин. Если Мочалов был лучшим трагиком, то Щепкин блистал в комедии. Он был старше Мочалова и начал свою артистическую деятельность в крепостных и любительских театрах, а в 1805 г. оказался на профессиональной сцене. В отличие от импульсивного Мочалова Щепкин был человеком необычайной организованности и трудового подвижничества. Щепкин за всю свою долгую театральную жизнь не только не пропустил ни одной репетиции, но даже ни разу не опоздал на нее. Он стал эталоном артистической требовательности и вообще артистического образа жизни. Щепкин поддерживал самые тесные связи со многими деятелями русской культуры[35], был близок к А. С. Пушкину, Н. А. Некрасову, Т. Н. Грановскому, В. Г. Белинскому, Т. Г. Шевченко и А. И. Герцену. Общение со Щепкиным подсказало Герцену сюжет повести «Сорока-воровка». Щепкин был человек компанейский, и его личное обаяние помогало ему оказывать огромное воздействие на своих товарищей актеров. Когда Герцен в 1839 г. познакомился со Щепкиным, «то хохотал, как безумный, от его дара рассказывать анекдоты»[36]. Он стал создателем собственной театральной школы Щепкина – прежде всего в Малом театре. Не случайно театр назывался также «Домом Щепкина».

Но прежде всего славу М. С. Щепкину принесло его актерское мастерство. Еще в 1831 г. он сыграл Фамусова в грибоедовском «Горе от ума», а несколькими годами позднее гоголевского Городничего. Он играл в пьесах И. С. Тургенева, А. В. Сухово-Кобылина и других авторов, играл многие десятилетия, неизменно демонстрируя сплав большого таланта, трудолюбия и необычайной для актера эрудиции.

Вообще московскому театру тех времен очень повезло. Театр получил не только выдающихся трагика и комедийного актера – П. С. Мочалова и М. С. Щепкина, но на сцене Малого театра блистал и такой неординарный актер-комик, как Василий Игнатьевич Живокини. Сын итальянца, приехавшего в Россию, и актрисы балета императорского театра в Москве, он обучался в московском театральном училище и поначалу заявил о себе как оперный певец. Живокини пел в «Аскольдовой могиле», «Цампе» Ф. Герольда, но затем проявился его талант непревзойденного комика-буффа. Он играл в водевилях «Лев Гурыч Синичкин», «Стряпчий под столом», был

[35] *Клинчин А.П.* Михаил Семенович Щепкин. М., 1961.

[36] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т. XXII. С.57–58.

первым в роли Добчинского в гоголевском «Ревизоре» – и вообще судьба даровала ему значительное актерское долголетие – целых 50 лет.

Из известных московских актеров первой половины столетия следует отметить П. М. Садовского (Ермилова) – родоначальника знаменитой актерской семьи, Л. П. Косицкую (Никулину), которую заприметил известный певец А. О. Бантышев, а перевез в Москву М. С. Щепкин, занявшийся вместе с Мочаловым ее обучением актерскому мастерству.

Следует особо сказать о московских оперных силах. До середины 30-х гг. широкую известность снискал московский тенор П. А. Булахов[37]. Он принадлежал к знаменитой музыкальной семье, из которой вышел ряд певцов и композиторов. Весьма популярен был его сын – Петр Петрович Булахов, автор многих романсов, не забытых и поныне. Другой его сын – Павел Петрович, тоже сочинявший романсы, прославился в петербургской опере. К семье Булаховых относилась и Анисья Александровна, урожденная Лаврова, выпускница московского театрального училища, затем также выступавшая в петербургской оперной труппе. П. А. Булахова, умершего в середине 30-х гг., как бы сменил другой знаменитый тенор – А. О. Бантышев. Поначалу он подвизался хористом в одном из частных хоров, но на него обратил внимание композитор А. Н. Верстовский, и он оказался в Большом театре. Для певца-самоучки, простого мелкого чиновника, это было делом необычайным. Бантышев 25 лет пел на сцене Большого театра, пользуясь огромным успехом, имея большое количество искренних почитателей. Лучшей его ролью была партия Торопки в опере «Аскольдова могила» его покровителя Верстовского. Бантышев выступал и сам в роли сочинителя, исполняя собственные романсы.

К звездам московской оперной труппы относился и певец-баритон, голос которого обладал широким диапазоном и прекрасной звучностью – Н. В. Лавров. Известность ему принесло выступление в таких операх, как «Аскольдова могила», «Цампа», «Роберт». В оперную труппу попала в 1825 г. Н. В. Репина – одна из самых знаменитых московских певиц прошлого столетия. Она была дочерью крепостного музыканта из тех, которые были куплены Александром I у Столыпина. Репина обучалась в театральном училище и обладала хорошей музыкальной подготовкой. Она блистала и в операх зарубежных композиторов, и в отечественных музыкальных спектаклях. Репина играла также в комедиях Мольера. В 1851 г. она вышла замуж за композитора А. Н. Верстовского[38] и в дальнейшем выступала под фамилией мужа.

Н. В. Лавров – оперный певец, артист Большого театра. Литография. 30-е гг. XIX в.

В московской опере пели не только постоянные местные солисты и не только заезжие иностранные звезды, но и певцы из других городов России, прежде всего из Петербурга. На московской оперной сцене пел знаменитый бас О. А. Петров. Он считается одним из ярких представителей русской вокальной школы, первым исполнившим партию Ивана Сусанина в опере М. Глинки «Жизнь за царя» и Руслана в его же опере «Руслан и Людмила». Исполнял он сольные партии и в «Русалке» А. С. Даргомыжского, и в «Борисе Годунове» М. П. Мусоргского. Приезжала в Москву Е. С. Семенова, которую столь высоко ценил А. С. Пушкин. Ее дарование особенно проявилось в трагедиях, прежде всего В. А. Озерова, но в Москве она пела в оперных спектаклях – в операх М. И. Глинки.

Первая половина XIX в. вошла в историю московской оперы как время ее становления, закладывания глубоких театральных традиций. Конечно, музыкальная критика отмечала и ее недостатки. Не отличались высоким уровнем исполнения оркестр и хор, не обладали необходимой исполнительской и общей культурой многие оперные певцы, еще недостаточно артистически подготовленные и обращавшие внимание прежде всего на звучание своего голоса. Думается, именно в силу этого, а также значительной италомании первая опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» была поставлена в Москве лишь через шесть лет после того, как она прозвучала на сцене в Петербурге. Произошло это в сентябре 1842 г. Через четыре года после Петербурга была услышана в Москве другая опера Глинки «Руслан и Людмила». Поставлена она была в декабре 1846 г. и чис-

[37] *Пыляев М.И.* Указ. соч. С.151.

[38] *Финдейзен Н.* Новые материалы для биографии А.Н.Верстовского // Музыкальная старина. Вып.I. СПб., 1903. С.82.

Балерина Е. А. Санковская. Портрет маслом неизвестного художника. 40-е гг. XIX в.

М. И. Глинка. Рисунок неизвестного художника. 1843 г.

лилась в репертуаре театра до 1848 г. Возобновление великого творения Глинки произошло лишь через двадцать лет, в 1868 г. Конечно, увлечение итальянской и другой зарубежной оперой[39] сыграло положительную роль. Для постановки же более сложных глинковских опер не хватало достаточно квалифицированных музыкальных сил.

Первая половина прошлого столетия знаменательна также и для истории московского балета. В начале XIX в. все еще преобладали крепостные балетные труппы, прежде всего Шереметевых. Среди наиболее известных танцовщиц прославилась Т. В. Шлыкова (Гранатова). В Москве появились театральные балетмейстеры – И. М. Аблец, И. И. Вальберг (Лесогоров), А. П. Глушковский. Подъем балетного искусства в городе связан с деятельностью Адама Глушковского. Получив прекрасную подготовку под руководством знаменитого французского балетмейстера Карла Дидло, приглашенного на работу в Петербург в 1801 г., А. П. Глушковский приехал в Москву в 1811 г. Он первоначально стал известен как прекрасный танцор. Впоследствии им были поставлены балеты «Руслан и Людмила», «Черная шаль», «Разбойники Средиземного моря» и др. Музыку к балету «Руслан и Людмила» по сюжету А. С. Пушкина написал Ф. Е. Шольц в 1821 г. Глушковский снискал себе славу как постановщик патриотических спектаклей эпохи 1812 г. Вальберг (живший в Петербурге в 1812 г.) поставил патриотические балеты «Праздник в лагере», «Любовь к отечеству», «Торжество России». Среди московских танцоров отличались Т. И. Глушковская, И. К. Лобанов, К. Ф. Богданов, Т. С. Карпакова, Д. С. Лопухина. Несколько позднее широкую известность приобрела балерина Е. А. Санковская и ее партнер Т. Герино. В 20–30-х гг. блистала как танцовщица и особенно как балетмейстер Ф. Гюллень-Сор[40].

В Москве с успехом прошли также балетные спектакли, созданные Ф. Тальони, Ж. Коралли, Ж. Перро. Это балеты композиторов А. Адана, жившего некоторое время в России, «Жизель», «Дева Дуная», Ч. Пуньи «Эсмеральда», Ж. Шнейцгоффера «Сильфида» и др. Итальянский композитор Чезаре Пуньи некоторое время также работал в России и в 1864 г. написал музыку для балета «Конек-Горбунок».

Развитие музыкально-театральной жизни Москвы определялось многими, самыми различными факторами. Среди них и вкусы различных слоев общества, и, конечно, влияние церковных и правительственных кругов. Церковь изначально играла большую роль в распространении духовной музыки, прежде всего хорового пения. Москве в развитии церковного пения принадлежит исключительное место. В начале XIX в. она занимала здесь прежние позиции, влияя на музыкальную жизнь всей страны. Продолжали развиваться традиции русского пения, сложившегося под прямым воздействием греческого и славянского пения. В XIX в. появились в Москве новые распевы, вошедшие в историю русской церковной музыки. К ним относится Симоновский распев, получивший начало примерно в 1825 г. в московском ставропигиальном Симоновом монастыре на основе так называемого Киевско-

[39] *Мелодин И.* Очерк истории оперы и биографии композиторов, произведения которых исполняются на московской сцене. М., 1873. С.14–41.

[40] *Красовская В.М.* Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века. М.; Л., 1958.

го распева[41]. Новый распев – распев московского большого Успенского собора – относится к началу XIX в. В 40-х гг. были положены на ноты распевы московских Донского и Симонова монастырей, а также московского Успенского собора[42], что в значительной степени способствовало их распространению далеко за пределами Москвы.

Духовную музыку писали в Москве и А. А. Алябьев, и А. Н. Верстовский, и А. Е. Варламов. Варламов, например, стал автором трех Херувимских песен[43], получивших довольно широкую известность. Издавалась в Москве и церковная музыкальная литература. Например, в 1846 г. в Москве вышла книжка В. Ундольского «Замечания для истории церковного пения в России»[44].

Заметное внимание к развитию музыки и театра проявляли члены императорской фамилии. Именно в Москве, в первопрестольной столице, 6 декабря 1833 г. в здании Большого театра состоялось первое публичное исполнение нового русского государственного гимна, автором которого был поэт В. А. Жуковский, а музыку для него сочинил композитор и известный скрипач А. Ф. Львов[45]. Новый гимн, начинавшийся словами «Боже, царя храни!», входил составной частью в проводимую императором идеологическую доктрину «теории официальной народности». Москве была уготована особая роль. Гимн в такой широкой аудитории исполнялся театральными хорами с оркестром и с участием 500 полковых музыкантов. В зале присутствовало три тысячи зрителей. Они стоя приветствовали исполнение нового гимна, остававшегося официальным гимном империи до 1917 г.

3. ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА

В конце XVIII в. появилась идея запечатлеть для потомства в картинах лучших российских художников виды самых крупных городов России. Кто первый выдвинул эту идею, установить сейчас трудно, но мысль была поддержана, и в результате мы имеем сегодня значительное количество городских пейзажей, дающих достаточное представление о русских городах той поры.

Москве особенно повезло. Для зарисовок был привлечен один из самых лучших пейзажистов-урбанистов того времени Федор Яковлевич Алексеев. Выпускник Петербургской Академии художеств, он три года стажировался затем в Венеции, был декоратором Петербургского театрального училища и подготовил множество декораций для спектаклей императорских театров. В 90-х гг. после продолжительного путешествия на юг страны появились его крымские зарисовки, а также виды Херсона, Николаева и других российских городов. По-видимому, эта поездка и убедила тех, кто подбирал художников, поручить запечатлеть Москву именно Алексееву[46]. В сентябре 1800 г., сопровождаемый помощниками Кунавиным и Мошковым, он начал свою работу. В результате, их произведения можно увидеть в различных картинных галереях Москвы и Петербурга. Это и Красная площадь, и различные виды Кремля, и московские храмы, и Тверская улица. Эти зарисовки допожарной Москвы сохранили для потомков колорит города, вид отдельных домов, которые потом были уничтожены пожаром, а также и тех, которые хотя и сохранились, но подвергались затем перестройке, порой, неоднократной.

Москва должна быть благодарна Ф. Я. Алексееву, но возникает вопрос, почему прислали художника со стороны, почему заказ не был отдан местному мастеру, лучше Алексеева знавшему город? Ответ довольно прост. В Москве тогда не было художников столь высокого класса и опыта. Так получилось, что в конце XVIII – начале XIX вв. в Москве родился и творил лишь один художник, который относится к разряду выдающихся. Это Алексей Гаврилович Венецианов. Но и он в сравнительно молодом возрасте покинул родной город и переселился в Петербург. Когда же было решено запечатлеть виды Москвы, он был юным, начинающим художником. Нельзя сказать, что Венецианов забыл свой родной город. Он был с ним связан и впоследствии. Будучи фактическим родоначальником нашей бытовой живописи, положив начало русскому натурализму, Венецианов впоследствии оказал сильное влияние на своих земляков. Но на московскую живопись первой половины столетия влияли прежде всего некоренные москвичи. И в этом первая половина столетия значительно отличается от второй, когда московская живописная школа приобрела не только общероссийское, но, можно сказать, мировое звучание.

Кажется странным, что Москва, где работали Андрей Рублев и Дионисий, где родился Симон Ушаков, где была давняя иконописная школа и раньше других русских городов зародилась светская живопись, не имела в 1800 г. даровитых художников, которые бы столь же искусно, как Ф. Я. Алексеев, могли сделать зарисовки своего родного города. Но было именно так.

И еще одна отличительная особенность: заметный удельный вес живописцев, вышедших из крепостной среды. Это прежде всего касалось семьи крепостных художников и архитекторов Аргуновых – крепостных графов Шереметевых. И. П. Аргунов – прекрасный жи-

[41] *Разумовский Д.* Церковное пение в России (Опыт историко-технического изложения). Вып. второй. М., 1868. С.189, 193.

[42] Там же. С.188.

[43] *Листова Н.* Указ. соч. С.262.

[44] Список русских книг по музыке, изданных в 1773–1873 гг. Музыкальная старина. Вып. II. СПб., 1903. С.183.

[45] Алексей Федорович Львов. СПб., 1908.

[46] *Матвеев М.* Указ. соч. С.9.

В. А. Тропинин. Автопортрет на фоне окна с видом на Кремль. 1844–1846 гг.

вописец, автор многих портретов, скончался в 1802 г. в довольно преклонном возрасте. Практически вся его творческая деятельность относится к XVIII в. и связана с Москвой. Московским художником был его сын и ученик – Н. И. Аргунов[47]. Граф Н. П. Шереметев взял его с собой за границу, где он продолжил свое образование, прежде всего в области живописи. Почти всю свою жизнь он прожил в Москве и получил от своего хозяина вольную. Как и отец, Аргунов увлекался портретной живописью и оставил значительное количество прекрасно выполненных портретов. За портрет сенатора П. С. Рунича его в 1818 г. избрали академиком Петербургской Академии художеств. К числу его наиболее известных работ относится портрет знаменитой Параши Жемчуговой в красной шали, написанный в начале XIX в.

Крепостным помещика Поливанова был еще один видный московский художник – В. Г. Худяков. Он учился в Строгановском училище, затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, но в 1848 г. переселился в Петербург, где посещал занятия в Академии художеств. Бывал он и в Италии. Прибыв на некоторое время в Москву, уже в 1860 г. Худяков снова переезжает в Петербург. Он автор известной картины «Стычка с финляндскими контрабандистами» (1853 г.), с покупки которой, как считают специалисты, и начал собирать свою коллекцию знаменитый П. М. Третьяков. Интересно, что император Николай I для подарка греческому королю Оттону приобрел картину Худякова «Гонения христиан на Востоке».

Однако самым крупным московским художником первой половины века, фактическим основателем тогдашней школы московских художников стал Василий Андреевич Тропинин[48], оказавший заметное влияние как на В. Г. Худякова, так и на многих других московских художников. Тропинин был крепостным графа И. И. Моркова[49] и получил вольную в возрасте почти пятидесяти лет. Жил он в Петербурге, а также в Подольской губернии, но в Москве обосновался в 1821 г. и прожил в ней до самой кончины в 1857 г., т.е. 36 лет. В течение этих лет он сжился с городом и стал заправским москвичом. В 1823 г. его избрали академиком Академии художеств. Он оставил огромное художественное наследие: чуть ли не три тысячи различного рода работ, среди которых много великолепных портретов как известных, так и неизвестных москвичей, например, его изумительная «Кружевница» – московская горожанка, подкупающая своей искренностью, красотой и трудолюбием. Тропинин писал портреты простых ремесленников, обычных купцов, торговцев, представителей самых различных профессий и социальных кругов. Его кисти принадлежат портреты А. С. Пушкина, актера В. А. Каратыгина и других видных деятелей российской литературы, культуры, администрации[50]. Среди них выделяется его «Автопортрет» (1846 г.), где на фоне московского пейзажа запечатлен уже немолодой человек – широколицый, лобастый, с умными глазами, блеск которых не могут скрыть стекла больших очков.

Другие московские художники той поры значительно уступали Тропинину и по уровню мастерства, и по тому влиянию, которое он оказал на художественные круги. Однако, внимательно знакомясь с творчеством московских художников, можно выделить ряд живописцев и рисовальщиков, проживавших тогда в Москве. Талантливым живописцем-портретистом был С. К. Зарянко, приехавший в Москву из Петербурга, где одним из его учителей был А. Венецианов. Его живопись отличается тщательной отработкой деталей, превосходной передачей света, но, пожалуй, его мало

[47] *Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России. М., 1983. С.103, 131.

[48] Памятники мирового искусства. Русское искусство XIX – начала XX века. М., 1972. С.37–38.

[49] *Курмачева М.Д.* Указ. соч. С.119.

[50] *Амшинская А.* Василий Андреевич Тропинин. 1776–1857. М., 1970.

интересовал внутренний мир людей, запечатленных им на портретах. Зарянко рано лишился одного глаза, и понятно, с какими трудностями пришлось столкнуться этому известному российскому художнику. Мастерство его ценилось, ему довелось написать портреты Александра II, когда тот был наследником престола, московского генерал-губернатора А. А. Закревского и ряда других видных тогдашних сановников. Зарянко проявил себя и превосходным профессором живописи.

Хорошим портретистом стал К. А. Горбунов, бывший крепостной, запечатлевший в своих работах А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, И. С. Тургенева, М. С. Щепкина. С творчеством знаменитого П. А. Федотова иногда сравнивают работы московского художника П. М. Шмелькова, делавшего с натуры едкие сатирические зарисовки. В Москве работали художники К. И. Рабус – учитель А. К. Саврасова, И. Т. Дурнов – товарищ К. П. Брюллова, А. С. Ястребилов, А. Н. Мокрицкий – ученик К. Брюллова и А. Венецианова и др.

Заметный прогресс наблюдается в начале XIX в. и в книжной графике. В 1801 г. П. П. Бекетов открыл собственную типографию, которая стала лучшей в Москве. Им же была основана школа пунктирных граверов под руководством А. А. Осипова, объединившая ряд видных мастеров, таких, например, как Федор Алексеев, работавший при типографии с 1815 по 1839 г.[51]

Ряды московских художников постоянно пополнялись за счет переезжавших в Москву живописцев и рисовальщиков, прошедших петербургскую школу Академии художеств. Хоть и ненадолго, приезжал и работал здесь Карл Брюллов. Некоторое время жил в Москве О. А. Кипренский, работали в Москве и зарубежные художники. Все эти приезды заметно влияли на культурную жизнь города.

Повышению мастерства московских художников способствовали специальные учебные художественные заведения. В 1825 г. по инициативе графа С. Г. Строганова – археолога-любителя и большого ценителя искусства, была создана «школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам». Это было первое в России специальное учебное заведение, в задачу которого входила подготовка художников-профессионалов для местной промышленности и ремесла. Срок обучения в школе определялся шестью годами, в нее принимали детей в возрасте до 10 лет. В 1843 г. школа стала государственной под названием Второй рисовальной школы. С 1860 г. она получила наименование Строгановского училища технического рисования – знаменитой Строгановки, давшей городу и стране многих выдающихся живописцев, художников-прикладников, декораторов и т.д.

Кружевница. Художник В. Тропинин. 1823 г.

Это было первое художественное учебное заведение в городе, но буквально через несколько лет, в 1832 г., создается Московское художественное общество, а при нем открывается Художественный класс, или, как его называли, Художественный кружок, основанный группой художников-любителей. Поскольку предложение о создании в Москве филиала Петербургской Академии художеств не было принято, то в 1843 г. Художественный класс был преобразован в Московское училище живописи и ваяния. В 1847 г. там открылся специальный класс скульптуры, а в 1865 г. в него включилось бывшее дворцовое Архитектурное училище и преобразованное учебное заведение получило название Училища живописи, ваяния и зодчества[52].

Имелась в городе и Первая рисовальная школа, организованная в 1836 г. при Московском дворцовом архитектурном училище. Задачи этой школы отличались от установок Второй рисовальной

[51] Русский биографический словарь. Том II. СПб., 1900. С.14.

[52] *Дмитриева Н.* Московское Училище живописи, ваяния и зодчества. М., 1951.

школы, поскольку имела она непосредственное архитектурное назначение, но и здесь учили живописи, рисунку, композиции. Три художественных учебных заведения вносили свой вклад в культурную жизнь города, способствовали подготовке московских художников, скульпторов, архитекторов.

В художественных учебных заведениях преподавали К. И. Рабус, И. Т. Дурнов, Ф. Я. Скарятин, А. Д. Чертков, А. С. Ястребилов, Ф. С. Завьялов, М. И. Скотти, Н. А. Рамазанов, А. Н. Мокрицкий, С. К. Зарянко, П. А. Десятков, Е. Я. Васильев, В. Г. Худяков и др.[53] Сформировалась соответствующая художественная среда, которая во многом способствовала стремительному взлету московской живописной школы, последовавшему во второй половине столетия.

На этот процесс оказало свое влияние и художественное коллекционирование, заметное еще в прошлом веке и расширившееся в первой половине XIX в. Одним из самых известных русских коллекционеров был князь Н. Б. Юсупов, привозивший из заграничных путешествий произведения зарубежной классики. Он обладал полотнами Тициана и Рембрандта, Веласкеса и Мурильо, картинами других всемирно известных художников Запада. Кстати, в Архангельском, где располагалась большая часть коллекции Юсупова, им была устроена школа для крепостных художников, которой руководил преподаватель из Франции.

Москве завещал свою картинную галерею почти из 500 картин, преимущественно представленную произведениями голландских и фламандских мастеров, Д. М. Голицын[54]. Обширными художественными коллекциями обладали в Останкино и Кусково Шереметевы. Создавали свои коллекции А. И. Долгоруков, А. С. Власов, А. А. Тучков, М. П. Голицын, Ф. С. Мосолов и другие собиратели живописи и скульптуры. Большой интерес к произведениям искусства проявлял бывший декабрист, генерал М. Ф. Орлов, проживавший в Москве и вплоть до своей кончины в 1842 г. возглавлявший Московский художественный класс.

При всем внимании московского общества к живописи и скульптуре в первой половине столетия так и не удалось создать специальный художественный музей. Правда, в 1850 г. была открыта для обозрения коллекция графа А. Ф. Ростопчина. Но постоянным музеем она не стала. Были и другие попытки создания музея подобного рода. Предлагал, например, свои услуги архитектор Е. Д. Тюрин, обладатель собственной коллекции. Художественные музеи удалось открыть уже несколько позднее, и в их основании приняли участие не только представители дворянской Москвы, но и купеческой – купцы В. А. Кокорев, К. Т. Солдатёнков, П. М. Третьяков.

Знакомство московской публики с художественными ценностями осуществлялось в то время на различного рода выставках. В 1850 и 1854 гг. были устроены, например, выставки работ художника П. А. Федотова.

Культурную жизнь Москвы трудно представить без деятельности скульпторов, потребность в которых в городе была чрезвычайно велика. Одним из первых московских скульпторов можно считать Г. Т. Замараева, бесспорного специалиста по барельефам, которые он выполнил на ряде московских зданий в конце XVIII – начале XIX вв. Но крупнейшим скульптором города, работавшим в Москве 23 года, был Иван Петрович Витали[55]. Прибыл он в Москву в 1818 г. и проработал здесь до 1841 г., когда вернулся в Петербург. Выпускник Петербургской Академии художеств, где потом станет профессором, он оказался в Москве в возрасте 24 лет, будучи малоизвестным российским ваятелем. Но именно здесь расцветало его дарование и приобреталась слава одного из самых выдающихся скульпторов страны.

И. П. Витали проявил себя как скульптурный портретист и великолепный мастер монументально-декоративной скульптуры. Создавал он и надгробия. К числу наиболее известных его работ относятся фонтаны на Лубянской площади (ныне у здания Президиума РАН) и на Театральной площади, фигуры для университетской церкви, скульптурные украшения Тверских триумфальных ворот (ныне на Кутузовском проспекте)[56]. Витали вылепил в 1837 г. посмертный бюст А. С. Пушкина. Интересно отметить, что когда Карл Брюллов приехал в Москву, он поселился в доме Витали. За это время скульптор успел вылепить его бюст, а художник написать портрет хозяина дома.

Из Петербурга в Москву прибыл и другой выдающийся скульптор – И. П. Мартос, ставший в 1814 г. ректором Петербургской Академии художеств. Еще в XVIII в. им был выполнен в Москве ряд надгробий, в частности, в Донском монастыре. С 1804 г. он начал работу над самым знаменитым своим произведением в Москве – памятником К. Минину и Д. Пожарскому, который был закончен в 1818 г. Значительно меньше известно, что Мартос – автор огромной бронзовой статуи Екатерины II в зале Московского Дворянского собрания.

В Москве работали и другие видные мастера той поры. И. П. Витали сотрудничал со скульптором И. Т. Тимофеевым. Учеником Витали был А. Н. Беляев, переехавший затем вместе с ним в Петербург. В Москве трудился видный петербургский скульптор В. И. Демут-

[53] *Молева Н., Белютин Э.* Русская художественная школа первой половины XIX века. М., 1964.

[54] *Жихарев С.П.* Указ. соч. С.61.

[55] Памятники мирового искусства. Русское искусство XIX – начала XX века. С.29.

[56] *Якирина Т.В., Одноралов Н.В.* Витали. 1794–1855. Л.; М., 1960.

Большой Кремлевский дворец. Архитектор К. Тон. 1838–1849 гг.

Малиновский, а также Ф. Г. Гордеев и Н. А. Рамазанов, известный как скульптор, педагог и критик-искусствовед.

4. АРХИТЕКТУРА

В первой половине века Москва испытывала большое, можно сказать, непреходящее воздействие петербургских скульпторов, но в еще большей степени на работу скульпторов влияли местные московские условия, в частности, довольно интенсивное городское строительство и определявшие его архитекторы[57]. Конечно, пожар 1812 г. оказал несомненное воздействие и на планировку города, и на работу архитекторов и строителей.

В начале века еще продолжал работать в Москве крупнейший русский архитектор Матвей Федорович Казаков, хотя он и вышел в отставку в 1801 г. в возрасте 63 лет.

Творчество М. Ф. Казакова отличалось чрезвычайной разносторонностью. Он строил и жилые, и административные здания, и церкви, и университет, и тюрьму, и богадельню. Его творчество оказало большое воздействие на последующее домостроительство не только в самой Москве. Он создал школу московских архитекторов, вполне способную соперничать с лучшими архитектурными школами того времени. Им была основана архитектурная школа при экспедиции Кремлевского строения и его учениками стали такие видные архитекторы, как О. И. Бове, А. Н. Бакарев, И. В. Егоров, М. М. и Р. Р. Казаковы и др. Казаков руководил составлением генерального плана Москвы и одновременно продолжал интенсивно строить новые здания.

На Большой Калужской улице на средства князя Д. М. Голицына в 1796 г. была заложена Первая градская больница. Завершенная в 1802 г., она стала одним из самых выдающихся творений Казакова. В том же году Казаков начи-

[57] *Бондаренко И.Е.* Архитектура Москвы XVIII и начала XIX в. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып.VIII. М., 1911. С.82–85.

Триумфальные ворота у Тверской заставы. Архитектор О. Бове. Скульпторы И. Витали, И. Тимофеев. 1827–1834 гг. Литография. 1840-е гг.

нает строительство еще одной больницы – Павловской у Серпуховской заставы. По существу в дар потомкам он оставил свою – казаковскую Москву – новую классическую Москву, органически вписавшуюся в Москву историческую, традиции которой великий зодчий всячески старался сохранить. Он воспитал славную когорту талантливых учеников, в том числе и своего сына – архитектора, продолжавших его традиции и воплощавших в жизнь его творческие планы. О большем не мог мечтать ни один архитектор.

Но пришла беда 1812 года. М. Ф. Казаков был вынужден покинуть Москву и переселиться в Рязань, где до него дошли тревожные слухи о московском пожаре, о том, что многие его творения объяты пламенем[58]. Он умер в том же 1812 г. Москва не забыла своего прославленного зодчего. Большинство казаковских зданий было восстановлено, реально воплощались и его планы, хотя жизнь внесла в них заметные коррективы.

Московские архитекторы, в том числе и иностранцы, с большим уважением отнеслись к наследию Казакова. Еще в конце XVIII в. поселился в Москве итальянский архитектор Джованни Жилярди, высоко ценивший творчество Казакова и пытавшийся продолжить его традиции. Под его руководством был перестроен так называемый Вдовий дом – государственное благотворительное учреждение, возведена Мариинская больница, здание Александровского института. А сын Джованни – Доменико Жилярди, поселившийся в Москве в 1810 г., после пожара 1812 г. перестроил и восстановил одно из самых замечательных творений М. Ф. Казакова – здание Московского университета.

Вообще 1812 год внес значительные изменения в жизнь московских архитекторов[59]. Шел довольно интенсивный обмен мнениями о планах и подходах к восстановлению города, о поисках наиболее рациональных путей выхода из сложнейшего положения, требовавшего, с одной стороны, быстрого строительства, а с другой – возведения таких зданий, которые были бы достойны первопрестольной столицы, города, принесшего неисчислимые жертвы для победы над иноземцами.

Над судьбой Москвы задумывались не только ее жители. Московская трагедия вызвала сочувствие всей страны. Петербургский архитектор В. И. Гесте разработал свой план восстановления Москвы. Этот план был одобрен Александром I и направлен им в Москву. Но московские архитекторы категорически отказались следовать ему. По их мнению, план Гесте не учитывал исторического наследия Москвы, нарушая целостность городских святынь, не предлагал оптимального варианта застройки городского центра. Им удалось добиться, чтобы планированием и конкретным восстановлением города занялась группа московских архитекторов. В большинстве своем это были ученики и последователи М. Ф. Казакова. В 1813 г. ими была создана «Комиссия для стро-

[58] *Милова М., Резвин В.* Прогулки по Москве. М., 1984. С.80–84.

[59] *Федоров-Давыдов А.А.* Архитектура Москвы после Отечественной войны 1812 года. М., 1953.

Освобожденная Москва. Рельеф на Триумфальных воротах. Скульптор И. Витали

ения Москвы», общее руководство которой осуществлял генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин. Директором комиссии являлся М. Д. Цицианов, в ее состав вошли В. Балашов, О. Бове, Д. Григорьев, Д. (Доменико) И. Жилярди, И. Жуков, В. Гесте, С. Кесарин, А. Ратшин, Ф. Соколов, И. Соколов, В. Стасов, Ф. Шестаков и др. Самой выдающейся фигурой в комиссии был архитектор О. И. Бове – итальянец по происхождению, но представитель московской архитектурной школы[60]. В начале века он учился в архитектурной школе при Кремлевской экспедиции, основанной еще В. И. Баженовым, а затем работал помощником М. Ф. Казакова.

«Комиссия для строения Москвы» подготовила несколько планов застройки города, подробные планы улиц, площадей, набережных, фасадов зданий. Более того, с целью придания фасадам некоего единообразия по предложению комиссии построили пять кирпичных заводов, осуществлялось производство лепнины, дверей, оконных рам и т.д.

Исполнительным органом «Комиссии для строения Москвы» стала чертежная, состоявшая из двух отделений – архитектурного и землемерного. О. Бове был главным архитектором так называемой «фасаднической части», руководя архитектурной мастерской комиссии. Именно через него проходили все архитектурные и строительные проекты и частных, и государственных зданий. Бове довольно последовательно проводил идею создания целостных городских ансамблей, и под его началом возник архитектурный ансамбль центра города. Сам он руководил строительством примерно 50 зданий. Среди них Триумфальные ворота у Тверской заставы, Торговые ряды, Петровский театр, восстановленный и основательно им перестроенный. Под его руководством реконструировалась Красная площадь, создавалась Театральная площадь, перестраивалась церковь Всех Скорбящих Радости на Большой Ордынке, дом князей Гагариных на Новинском бульваре. О. Бове, фактический руководитель московских архитекторов[61], должен был решить сложную задачу строительства жилых домов, отвечавших как требованию времени, так и довольно дешевых и быстро возводимых. На смену дворцам московской знати приходят особняки, и в их утверждении Бове сыграл весьма значительную роль.

Свои способности смогли проявить и другие московские архитекторы. Доменико Жилярди кроме восстановления здания университета осуществляет перестройку Вдовьего дома, Слободского дворца, Екатерининского института. Вместе с архитектором А. Г. Григорьевым Жилярди в 1826 г. построил здание Опекунского совета. Ему также принадлежат проекты ряда жилых домов, среди которых особый интерес представляют особняки Луниных, С. С. Гагарина и др.[62]

Архитектор Ф. М. Шестаков по проекту В. П. Стасова занимался строительством Провиантских складов на Крымс-

[60] Памятники мирового искусства. Русское искусство XIX – начала XX века. С.16–17.

[61] *Покровская З.К.* Архитектор О.И.Бове. М., 1964.

[62] Памятники мирового искусства. Русское искусство XIX – начала XX века. С.18.

кой площади, архитектор А. Н. Балакирев соорудил здание Синодальной типографии на Никольской. Другая типография – Университетская на Большой Дмитровке – возводилась архитектором Д. Григорьевым, однофамильцем А. Г. Григорьева, строившего дворец великого князя Михаила Павловича, брата императора Николая I. А. Г. Григорьев на Пречистенке возвел дом Станицкой – новый тип дома, оказавший значительное влияние на частное строительство того периода. Архитектор А. Менелас проектировал дом А. К. Разумовского, где затем расположился Английский клуб. В 1817 г. в честь пятой годовщины победы в Отечественной войне было завершено строительство Манежа, осуществлявшееся под руководством инженеров А. А. Бетанкура, А. Л. Карбонье и А. Я. Кашперова. Лепнина делалась по рисункам О. Бове, который в 1824–1825 гг. руководил и архитектурной отделкой этого, одного из самых грандиозных и сегодня, зданий Москвы.

И после 1812 г. на архитектурный облик города оказывалось влияние дворянской Москвы. Но чем дальше, тем больше начинает выделяться архитектура буржуазно-купеческой прослойки, обосновавшейся прежде всего в Замоскворечье. Здесь было меньше внешней помпезности, больше стремления к российским традициям и максимальное внимание к торговым удобствам. В первых этажах многих домов располагались магазины, а внешнее убранство их включало узорные ставни, оконные наличники, окрашенные стены – как правило, в зеленые и розовые цвета[63]. По-прежнему крайней непритязательностью отличались дома московской бедноты.

Продолжалось интенсивное церковное строительство. Один из учеников М. Казакова, автор дворца в Коломенском, а также ряда павильонов Нескучного дворца Е. Д. Тюрин построил на углу Никитской и Моховой университетскую церковь. Он же возвел собор на Елоховской площади. Много зданий было сооружено по проектам московского архитектора М. Д. Быковского – ученика Д. И. Жилярди и выпускника Петербургской Академии художеств. Среди них выделяется здание биржи на Ильинке. В середине 50-х гг. он завершил строительство колокольни и ограды Страстного монастыря. Несколько позднее им был перестроен Ивановский монастырь.

Целая эпопея связана с возведением самого крупного московского собора – храма Христа Спасителя. Храм был задуман как память о победе в войне 1812 г. Александр I поручил его строительство архитектору А. Л. Витбергу, больше известному как живописец. Закладка здания была произведена 12 октября 1817 г., но строилось оно долгие десятилетия. За неурядицы и по подозрению в злоупотреблениях Витберг был сослан в Вятку. Здесь он познакомился с А. И. Герценом, с которым жил в одном доме[64]. В дело строительства храма вмешался Николай I и постройка храма была поручена архитектору К. А. Тону, выпускнику Петербургской Академии художеств, ученику А. Н. Воронихина, прошедшему довольно продолжительную стажировку в Италии. Тон руководил возведением Большого Кремлевского дворца, Оружейной палаты в Кремле, Николаевского железнодорожного вокзала. Имел он опыт и храмового строительства, соорудив во второй половине 30-х гг. колокольню Симонова монастыря. Фактически постройка храма Христа Спасителя началась в 1837 г. на месте бывшего Алексеевского монастыря и завершилась лишь в 1883 г. Построен он был в так называемом русско-византийском стиле, соответствовавшем теории официальной народности. Вообще К. Тон считался официальным архитектором царского правительства. К росписи и украшению храма Христа Спасителя были привлечены живописцы В. В. Верещагин, К. Е. Маковский, В. И. Суриков, скульпторы П. П. Клодт, А. С. Логановский, Н. А. Рамазанов, Ф. П. Толстой.

В целом московские архитекторы большое внимание уделяли созданию общего облика города, решению глобальных градостроительных задач. Помимо Бульварного кольца, построенного в конце XVIII в., появилось новое – Садовое кольцо, у стен Кремля был разбит Александровский сад, река Неглинная заключена в трубу, засыпан околокремлевский ров. Значительной перестройке подверглись Красная и Театральная площади.

Идет процесс изменения архитектурных стилей. Уже с конца 20-х гг. на смену классицизму приходит эклектика. При строительстве жилых и гражданских зданий используются прежде всего традиции европейской архитектуры, многие же официальные здания строятся в так называемом «русском стиле».

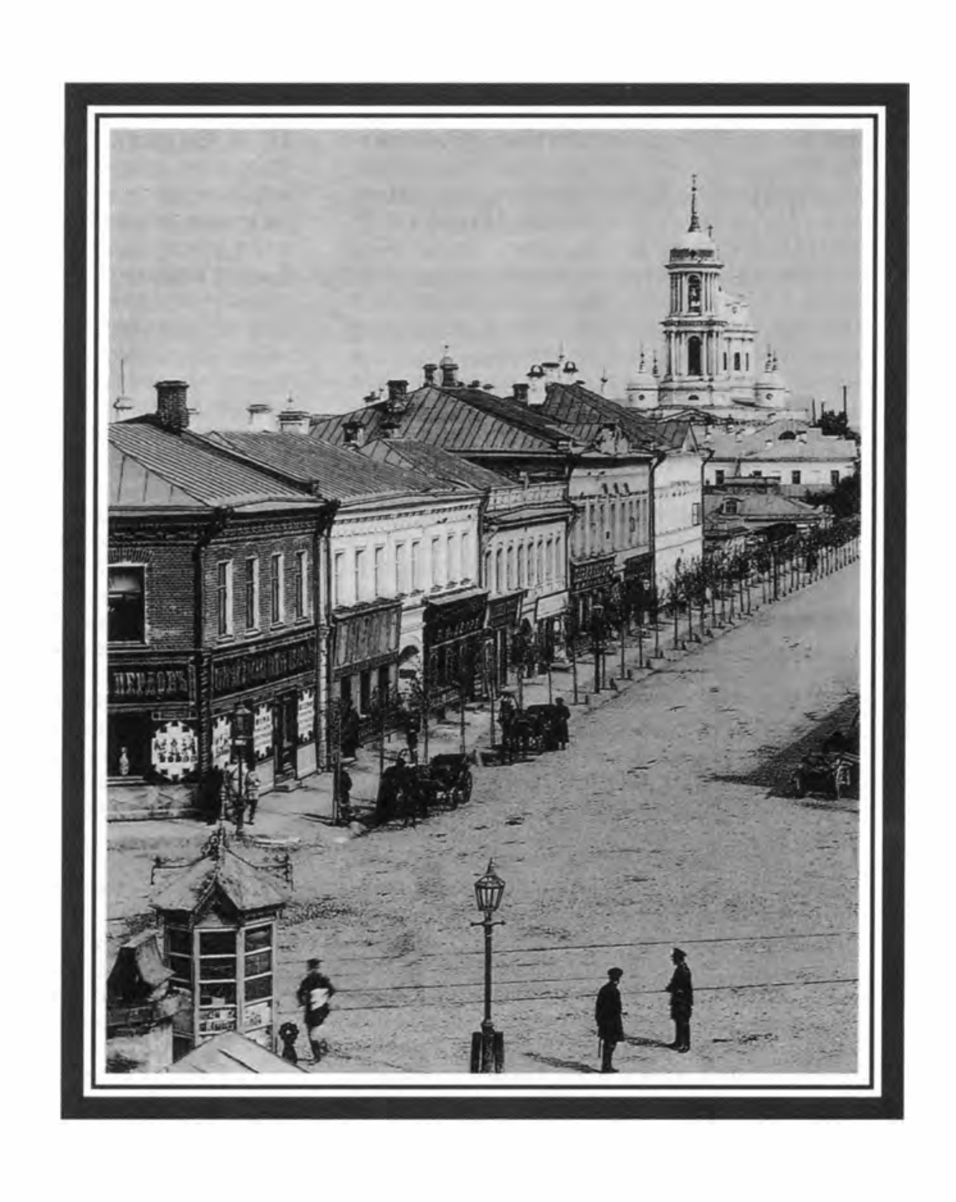
В 20-х гг. последствия пожара были в целом ликвидированы, но «Комиссия для строения Москвы» еще продолжала работать и была распущена в 1843 г. на 30-м году своего существования.

[63] *Найденов Н.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903. С.43–45; *Григорьев А.* Воспоминания. М.; Л., 1930. С.9–15.

[64] Летопись жизни и творчества А.И.Герцена. 1812–1850. М., 1974. С.82–86.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА ПОРЕФОРМЕННАЯ

XI

РЕФОРМЫ 60-х гг. В МОСКВЕ

1. МОСКВА И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

19 февраля 1861 г. император Александр II подписал «Положения» и «Манифест об освобождении крестьян» – основные документы крестьянской реформы, избавившей от крепостной зависимости более 22 млн. крестьян. Как отмечал в 1859 г. один из «отцов» крестьянской реформы Я. И. Ростовцев в письме к А. Ф. Орлову, Александр II решил создать в России «народ, которого доселе в отечестве нашем не существовало»[1]. Отмена крепостного права была первым и обязательным условием обновления всех сторон и сфер русской жизни.

В Петербурге и Москве об отмене крепостного права было объявлено 5 марта, в последний день масленицы – прощеное воскресенье. По свидетельству современников, москвичи узнали о предстоящем событии утром 5 марта из расклеенного на столбах объявления генерал-губернатора, сообщавшего, что Манифест об освобождении крестьян получен и будет читаться в церквах. Вероятно, чтобы избежать нежелательных явлений, в конце объявления было помещено извлечение из «Положения о дворовых», о том, что еще в течение двух лет дворовые люди должны находиться в полном повиновении у владельцев[2].

По наблюдению Н. А. Демерта (впоследствии мирового посредника в Казанской губернии), жившего тогда в Москве, москвичи-дворяне со страхом ожидали этого события, опасаясь «чего-то вроде страшного суда и светопреставления». Как стало потом известно, в ночь накануне объявления Манифеста многие из самых опасливых не ложились спать. А одна из дворянок отправила в квартал под арест всех своих крепостных извозчиков – до 30 человек, страшась, что услышав о воле, они могут учинить ей неприятности[3]. Таким образом, вопреки намерению правительства Александра II не предавать широкой огласке дату объявления Манифеста, многие москвичи знали о нем заранее[4].

В Москве день 5 марта прошел спокойнее, чем в Петербурге, где появление царя вызвало большой энтузиазм. Кремль ни разу не огласился в этот день криками «ура». Как отмечал в своем «Дневнике» министр внутренних дел П. А. Валуев, Манифест «не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему даже не мог произвести этого впечатления. Воображение слышавших и читавших преимущественно останавливалось на **двухгодичном сроке**, определенном для окончательного введения в действие уставных грамот и окончательного освобождения дворовых»[5]. В немалой степени этому способствовал и тяжелый книжно-официальный слог Манифеста, текст которого был составлен московским митрополитом Филаретом.

После молебна и чтения Манифеста москвичи заполнили трактиры и другие излюбленные места встреч, где вместе с празднованием последнего дня масленицы отмечали освобождение крестьян. Отношение к этому событию было различным.

Современники писали, что народ не понимал содержание Манифеста и както плохо верил объявленной свободе[6]. Характерно в данном случае сатирическое стихотворение П. В. Шумахера «на начало воли»:

Тятька, эвон что народу
Собралось у кабака:
Ждут какую-то свободу,
Тятька, кто она така?
– Цыц, нишкни! Пускай гуторят, –
Наше дело сторона...
Как возьмут тебя да вспорят,
Так узнаешь, кто она![7]

Однако в этот день спиртного было выпито на 1660 рублей меньше, чем в предыдущее прощеное воскресенье[8]. Взято было только шесть человек пьяных под

[1] *БерендтсЭ.Н.* Связь судебной реформы с другими реформами Александра II и влияние ея на государственный и общественный быт России. Пг., 1915. С.5.

[2] *Демерт Н.А.* Новая воля // Отечественные записки. 1869 г. Т.186. № 9. С.4.

[3] Там же. С.7.

[4] *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С.57–58.

[5] *Валуев П.А.* Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. Т.1. М., 1961. С.80.

[6] *Сухотин С.М.* Из памятных тетрадей С.М.Сухотина // Русский архив. 1894. i2. С.232.

[7] *Мельгунов С.* Объявление воли и проведение реформы. 5-е марта 1861 г. // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т.5. М., 1911. С.170.

[8] *Джаншиев Г.А.* Эпоха Великих реформ. СПб., 1907. С.90–91.

Император Александр II

Поздравление государя императора Александра II членами императорской фамилии после коронации. Хромолитография с рисунка М. Зичи. 1856 г.

Новинским, излюбленном месте гуляний москвичей.

5 марта было отмечено и столь любимыми в Москве торжественными банкетами. Собравшиеся на ужин в Самарином трактире литераторы, купцы, артисты, помещики и чиновники поздравляли друг друга с великим событием, целовались и называли этот день «гражданским воскресеньем»[9]. В Гуринском трактире отмену крепостного права отмечали профессора, к которым к концу вечера присоединилась и трактирная прислуга: «поднялось чоканье, поздравление и целование чисто братское»[10].

Но в целом жизнь в первопрестольной столице шла своим чередом. 5 марта в Большом театре давали объявленный ранее балет «Сатанилла» с ужасами, змеями и дьяволами. Тогда еще не укоренилась традиция ставить в торжественные дни только патриотические спектакли. Лишь по окончании последнего акта оркестр Большого театра исполнил народный гимн «и зрители, сначала как-то нерешительно, а потом и посмелее, начали подыматься со своих мест...»[11]

Опасаясь беспорядков, московская администрация приняла «чуть ли не большие еще меры предосторожности, чем в Петербурге»[12]. По воспоминаниям Демерта, ночью по московским улицам ходили усиленные пешие патрули с ружьями без штыков. 5 марта «патрули конные и пешие с заряженными ружьями и обнаженными саблями» ходили даже по трактирам[13]. Однако эти меры если и вызывали раздражение, то не у всех москвичей. По свидетельству советника московской дворцовой конторы С. М. Сухотина, «военные ночные патрули весьма теперь полезны, по случаю беспрестанных в городе грабежей»[14].

Так прошел в Москве день, положивший начало освобождению от рабства третьей части населения России.

Сложным, растянувшимся на два десятилетия был процесс реализации крестьянской реформы. Компромиссная по своему характеру программа экономического освобождения крестьян, ее влияние на развитие России до сих пор являются предметом дискуссий историков и экономистов. Но бесспорным остается одно: 5 марта 1861 г., когда в России было объявлено об отмене крепостничества, день, который император Александр II назвал лучшим днем своей жизни[15], является, наряду с 19 февраля, великим днем российской истории.

2. ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА

Манифест 19 февраля 1861 г., пробивший «брешь в крепостной стене»[16], вызвал необходимость переустройства всего административного строя России. За отменой крепостного права последовали реформы местного управления и суда.

В 1862 г. было введено «Положение об общественном управлении Москвы», которое сочетало в устройстве органов самоуправления сословные начала с буржуазным принципом равенства всех

[9] *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ. С.91–92.

[10] *Демерт Н.А.* Указ. соч. С.5–6.

[11] Там же. С.7.

[12] *Джаншиев Г.А.* Указ. соч. С.90.

[13] Цит. по: *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С.163–164.

[14] *Сухотин С.М.* Указ. соч. С.231.

[15] *Джаншиев Г.А.* Указ. соч. С.78, 82.

[16] *Мельгунов С.* Указ. соч. С.170.

Манифест об отмене крепостного права

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ **НАШИМЪ** вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію **МЫ** положили въ сердцѣ **СВОЕМЪ** обѣтъ обнимать **НАШЕЮ** Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ **НАШИХЪ** вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, **МЫ** усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего

** 1

«Быть по сему.»

Въ Санктпетербургѣ.
19-го Февраля 1861 года.

Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ

о

КРЕСТЬЯНАХЪ,

ВЫШЕДШИХЪ ИЗЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей отмѣняется навсегда, въ порядкѣ, указанномъ въ настоящемъ Положеніи и въ другихъ, вмѣстѣ съ онымъ изданныхъ, Положеніяхъ и Правилахъ.

2. На основаніи сего Положенія и общихъ законовъ, крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставляются права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу. Въ пользованіи сими правами они вступаютъ тѣмъ порядкомъ и въ тѣ сроки, какіе указаны въ Правилахъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ и въ особомъ Положеніи о дворовыхъ людяхъ.

3. Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе крестьянъ, усадебную ихъ осѣдлость, и, сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ Мѣстныхъ Положеніяхъ.

4. Крестьяне, за отведенный, на основаніи предыдущей статьи, надѣлъ, обязаны отбывать, въ пользу помѣщиковъ, опредѣленныя въ Мѣстныхъ Положеніяхъ повинности: работою или деньгами.

5. Возникающія изъ сего *обязательныя поземельныя отношенія* между помѣщиками и крестьянами опредѣляются правилами, изложенными какъ въ семъ Общемъ, такъ и въ особыхъ Мѣстныхъ Положеніяхъ.

Примѣчаніе. Сіи Мѣстныя Положенія суть: 1) для 31-хъ губерній Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ; 2) для губерній Малороссійскихъ: Чер-

сословий. Это «Положение», действовавшее в течение 10 лет, в значительной степени подготовило почву для проведения в Москве городской реформы 1870 г. (см. главу «Московское городское самоуправление 1862–1900 гг.»).

Земства, созданные «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г., были первыми всесословными органами местного самоуправления в России. Земские собрания и управы ведали устройством и содержанием дорог, школ, больниц, приютов, богаделен и тюрем, содействовали развитию торговли, сельского хозяйства, страхования и пр.

Гласные уездных земских собраний избирались сроком на три года, на этот же срок выбирали и председателей их исполнительных органов – управ. Выборы гласных проводились по трем избирательным съездам (куриям): уездных землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ. Для избирателей 1-й и 2-й курий существовал довольно значительный имущественный ценз, для 3-й – выборы были многостепенными. Возглавляли земские собрания предводители дворянства. Уездные собрания делегировали из своего состава каждого шестого гласного в губернское собрание.

Введение земских учреждений началось с февраля 1865 г. Московское губернское земское собрание было торжественно открыто 3 октября 1865 г. в здании Дворянского собрания. После литургии и молебна 90 земских гласных (их них 22 от города Москвы и 68 от уездов) приняли присягу в кафедральном соборе Чудова монастыря в Кремле и, вернувшись в дом Дворянского собрания, открыли свое первое заседание[17]. В 60-е гг. Московское губернское земство включало цвет всех сословий Москвы и губернии; «в нем слилось все, что было лучшего, благонамереннейшего, верующего в свет и правду»[18],– писал впоследствии князь В. М. Голицын, в студенческие годы нередко посещавший земские заседания, которые вызывали живой интерес у москвичей. Достойными всеобщего уважения были и члены первой земской губернской управы, в состав которой вошли известные в Москве и губернии деятели: И. И. Мусин-Пушкин, П. А. Васильчиков, граф А. В. Бобринский, Г. Н. Львов, А. А. Ильин, Д. А. Наумов и Н. М. Щепкин. Председателем управы стал Д. А. Наумов. Девять раз избирался он на эту должность, бессменно исполняя ее в течение 27 лет. Дмитрий Алексеевич Наумов (1830–1895) был образованным, преданным земскому делу работником, инициативе которого Московская губерния обязана многими начинаниями. Достаточно вспомнить организацию сбора статистических сведений, разработку сети дорог, создание кустарного склада и многое другое.

В 1870-е гг. с избранием в гласные В. Ю. Скалона, Н. П. Поливанова, Д. Ф. Самарина и А. А. Оленина деятельность

[17] *Родионов С.К.* Московское губернское земство в полувековую годовщину основания земских учреждений. 1864–1914 гг. М., 1917. С.58–59.

[18] *Голицын В.М.* Московский университет в 60-х гг. // Голос минувшего. 1917. № 11–12. С.216.

земства заметно оживилась. Особое место среди земских деятелей не только Москвы, но и России занимал Василий Юрьевич Скалон (1846–1907). Начав общественную деятельность в 1871 г. в качестве гласного Московского уездного земства, он три раза подряд избирался председателем уездной управы и более 13 лет являлся гласным губернского земского собрания. Благодаря деятельности Скалона был заложен прочный фундамент земского дела, прежде всего в области народного образования и медицины.

Деятельность губернского земства в 70-е гг. была очень плодотворной. В эти годы были проведены такие мероприятия, как организация статистики, создание санитарной комиссии, выдача долгосрочных ссуд, а с 1877 г. и выдача пособий на строительство школ, доплата к жалованью учителей и пр. «Наше время есть организационное время,– писал В. Ю. Скалон,– мы создаем школы, которых до основания земства не было»[19]. По свидетельству историка Б. Б. Веселовского, в эти годы губернское земство определяло жизнь Московской губернии, «от него исходил ток, в нем интенсивнее всего бился пульс земской жизни»[20]. Период 1873–1880 гг. в истории Московского земства известен как «скалоновский».

В. Ю. Скалон

С начала 80-х гг. в деятельности земства наступило затишье. Из его состава ушли В. Ю. Скалон, Д. Ф. Самарин, одновременно усилилось влияние реакционно настроенных земцев. По определению Н. П. Ланина, гласного Московской городской думы и издателя газеты «Русский курьер», Московское земство было похоже тогда на «гнездо крепостников»[21].

Однако уже в конце 80-х – начале 90-х гг. в его работе вновь наступило оживление. Этот подъем был вызван как улучшением финансового положения земства, так и приходом в его ряды новых людей. С начала 1893 г. председателем губернской управы избирается Дмитрий Николаевич Шипов (1851–1920), принадлежавший к числу крупнейших земских деятелей. Энергичный и необыкновенно преданный делу, он определил многие направления работы земства и способствовал их осуществлению не только в пределах губернии, но и всей России. В течение 1893–1904 гг. Шипов пять раз избирался председателем Московской губернской управы (в последний раз он не был утвержден в этой должности министром внутренних дел). Деятельность Шипова оставила заметный след в жизни Московского земства, войдя в его историю как «шиповский» период.

Д. Н. Шипов не был одинок в своих начинаниях. Его идеи находили поддержку у таких известных земских деятелей, как М. В. Челноков, князь П. Д. Долгоруков, Ф. А. Головин, М. В. Духовский, Н. И. Гучков и др. Московское земство было богато идейными силами. Имена его деятелей были известны не только в Российской империи, но и за ее пределами. Достаточно вспомнить князя В. А. Черкасского, Ф. Н. Плевако, В. М. Пржевальского, профессоров В. И. Герье, Б. Н. Чичерина, М. П. Чеpинова, а также Д. Ф. Самарина, Н. Н. Щепкина, М. Г. Комиссарова, способных не только наметить проекты первоначальной земской работы, но и успешно осуществить их. Эту мысль как нельзя лучше подтверждают результаты хозяйственной деятельности Московского губернского земства.

Земство получило от своих предшественников скудное наследие и начинало практически на пустом месте. В 60-е гг. дороги Московской губернии были совершенно непроезжими. Строительное отделение губернского правления, ведавшее в дореформенный период дорожным делом, передало земству всего 12 верст мощеных дорог, которые находились в таком плачевном состоянии, что земству пришлось сразу же начать их ремонт и перестройку. В 1871 г. от Министерства путей сообщения земство получило еще 518 верст казенных шоссе. На дорожное строительство земство выделяло значительные средства и за 50 лет построило 1425 верст дорог.

В середине 60-х гг. население Московской губернии обслуживали 12 уез-

[19] Цит. по: *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет. Т.4. СПб., 1911. С.524.

[20] Там же. С.527.

[21] Там же. С.528.

дных больниц, находившихся в ведении Приказа общественного призрения, и 268 школ, в которых обучалось 9411 детей. К первой мировой войне в губернии насчитывалось уже 217 больниц, из них 139 земских и 78 фабричных, и 2023 школы, из которых 1305 были земскими[22].

По развитию медицины и народного образования Московская губерния намного превосходила С. -Петербургскую. В расчете на душу населения расходы Московского земства на медицину составляли: в 1871 г.– 4,3 коп., в 1890г.– 26 коп. и в 1904 г.– 1 руб. 6 коп. С. -Петербургское земство расходовало на эти цели соответственно: 7,9; 19 и 47 коп. В этом отношении Московская губерния уступала только Пермской и Херсонской губерниям. По числу школ Московское земство также являлось одним из лидеров: к 1903 г. на его средства содержалось 828 школ, тогда как в С. -Петербургской губернии только 483. Больше земских школ было лишь в трех губерниях: Вятской (1028), Пермской (955) и Полтавской (847). Расходы Московского земства на народное образование в расчете на душу населения в 1903 г. составляли 46 коп., а С. -Петербургского – 23 коп., т.е. в два раза меньше, поэтому московские школы были оборудованы гораздо лучше[23]. С середины 90-х гг. обучение в земских школах Московской губернии стало бесплатным, тогда как в городских училищах Москвы плата за обучение (правда, небольшая) сохранялась до 1909 г.[24]

Успехи Московского земства объяснялись как высоким профессиональным уровнем гласных и членов управы, так и растущими из года в год денежными средствами, поступавшими в земский бюджет. Если в 1867 г. в распоряжении земства находилось 613 тыс. рублей, то в 1903 г.– 2023 тыс. рублей. Рос бюджет, а с ним росли и расходы земства. В расчете на душу населения Московская губерния расходовала: в 1885 г.– 1 руб. 30 коп., в 1895 г.– 1 руб. 75 коп. и в 1914 г.– 6 руб. 86 коп. Накануне первой мировой войны по всей земской России на душу населения приходилось только 2 руб. 67 коп.[25]

Развитие земского хозяйства шло в основном за счет налогов с недвижимых имуществ (жилых и торгово-промышленных помещений в городах и уездах). В Московской губернии этот источник доходов давал в 1901 г. 66,2% всего земского бюджета (в С. -Петербургской губернии – 59,8%). Основным донором для земского бюджета была Москва. Вопрос о привлечении Москвы – «14-го уезда» – к уплате земских сборов был поднят впервые в 1887 г. гласным А. А. Олениным. Несмотря на упорное сопротивление Московской городской думы и ее головы Н. А. Алексеева, в 1890 г. был установлен 1,5% сбор с доходного рубля для фабричных и заводских помещений. С 1891 г. земским сбором были обложены все недвижимые имущества Москвы в размере 0,5% от величины дохода, в 1892 г. этот сбор увеличился до 1%, в 1898 г.– до 1,5%, а в 1903 г.– до 1,6%. В результате Москва внесла в бюджет земства в 1892 г.– 237 тыс. рублей, в 1900 г.– 563 тыс., а в 1903 г.– 799 тыс. рублей, что составило около 40% всех земских доходов[26].

Сборы с Москвы давали возможность довольно широко удовлетворять нужды крестьянского населения губернии. По приблизительным подсчетам, в 1898 г. каждый крестьянский двор в разных уездах Московской губернии получал от земства в 3,3–11,6 раза больше, чем давал ему[27]. Особенно быстро рос бюджет Московского уездного земства. По величине доходов оно уступало только С. -Петербургскому, Елисаветградскому и Херсонскому уездным земствам. Благодаря доходам с Москвы, губернское земство направляло значительные средства на развитие отдаленных уездов, более бедных, чем центральные.

Таким образом, влияние земства на жизнь губернии было огромно. Но оно не замыкалось пределами Московской губернии, Московское земство стояло во главе всей земской России. Здесь создавались проекты первоначальной земской деятельности, здесь происходила работа, которая служила образцом для всех остальных; в Москву приезжали за примером и советом многие земские деятели. Москва – вторая столица государства, была первой столицей земской России.

3. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

Реформаторская деятельность правительства Александра II, охватившая все сферы государственной и общественной жизни России, не могла не коснуться такой важной области, как суд, этого, по определению А. Ф. Кони, «печального памятника бессудия и бесправия»[28].

23 апреля 1866 г. в здании Сената в Московском Кремле были торжественно открыты судебная палата и окружной суд – новые учреждения, созданные Судебными уставами 20 ноября 1864 г.[29] Знаменательно, что новый суд получил одно из красивейших помещений Сената и даже Москвы – Екатерининскую круглую залу – ротонду, которую украшали скульптура Екатерины II и 18 горельефов, запечатлевших важнейшие события ее царствования. Под одним из них, изображавшем «Мольбу русских о даровании права суда и человеколюбивых законов», имелась надпись: «Желание России»[30]. Однако провести суще-

[22] *Родионов С.К.* Указ. соч. С.8–9, 18. Приложения.

[23] *Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т.1. М., 1909. С.414, 422, 475, 576.

[24] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.1. Д.15. Л.52об.–53; Современное хозяйство г.Москвы. М., 1913. С.34.

[25] *Родионов С.К.* Указ. соч. С.18, 20.

[26] *Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т.1. С.39, 91.

[27] Там же. Т.4. С.532, 547–548.

[28] *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы (к 50-летию Судебных уставов. 1864–1914 гг.). М., 1914. С.П.

[29] ПСЗ-II Т.39. Отд. 2-е. № 41475.

[30] *Берендтс Э.Н.* Указ. соч. С.3, 5.

ственные преобразования судебного строя Екатерине II не удалось – ввести правый суд до отмены крепостного права было невозможно. В стране, где большая часть населения оставалась бесправной в имущественном и личном отношении, новый суд мог быть «лишь заплатой на ветхом рубище»[31]. Действительно, крепостное рабство оказывало тлетворное влияние на все стороны жизни русского общества. Немало примеров тому давала Москва, эта столица «русского барства». Достаточно вспомнить печально известные «съезжие», где без суда и следствия проводилась знаменитая «секуция». По воспоминаниям Д. А. Ровинского, одного из «отцов» судебной реформы, бывшего в 50-е гг. московским губернским прокурором, «части Городская и Тверская, в Москве славились своими исполнителями; пороли всех без разбора: и крепостному лакею, что не накормил во время барынину собачку, всыплют сотню, и расфранченной барышниной камердинерше за то, что барин делает ей глазки – и той всыплют сотню – барыня де особенно попросила частного; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, в чем кто виноват, – прислан поучить, значит и виноват – ну и дери кожу... стон и крики стояли в воздухе кругом часто целое утро...» В Басманной части чрезвычайно любознательный губернский прокурор обнаружил семь подвальных темниц – «могил», куда никогда не проникал луч света, и где содержались не только крепостные, но и свободные люди, например, почетный гражданин Сопов. В одной из частей Москвы существовал и специальный «клоповник» для арестованных[32]. Не стесняясь законом, творил в Москве суд и быструю расправу генерал-губернатор граф Арсений Андреевич Закревский, единолично правивший Москвой в течение десяти лет.

Только после отмены крепостного права стало возможным введение суда на принципах равенства всех сословий перед законом, состязательности и гласности судебного процесса. Одним из «краеугольных камней» судебной реформы стал суд присяжных, который обеспечивал непосредственное участие населения в осуществлении правосудия.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. вводили общие (коллегиальные) и мировые суды. Окружные суды открывались в каждой губернии, которая, как правило, образовывала судебный округ. Эти суды, являясь первой инстанцией общего суда, состояли из одного или нескольких отделений по уголовным и гражданским делам. Второй инстанцией в системе общих судов были судебные палаты, объединявшие несколько округов.

В Москве судебная палата и окружной суд были открыты министром юстиции Д. Н. Замятниным спустя неделю после введения этих учреждений в С.-Петербурге. На церемонию открытия было разослано 250 билетов для публики – большего числа не мог вместить зал. Писатель В. Ф. Одоевский, бывший в 60-е гг. московским сенатором, отмечает, что 23 апреля толпы народа собрались вокруг сенатского здания[33]. После приветственной речи Замятнина и благодарственного молебна, который отслужил епископ Леонид, публика отправилась осматривать помещения судебных учреждений, а члены Палаты провели свое первое заседание[34].

Московская судебная палата включала вначале семь губерний: Московскую, Владимирскую, Калужскую, Рязанскую, Тверскую, Тульскую и Ярославскую; в 1869–1875 гг. к ней были отнесены также Нижегородская, Смоленская, Костромская и Вологодская губернии.

24 июня 1866 г. в Москве состоялось первое заседание суда с участием присяжных заседателей. Слушалось дело крестьянина Ивана Тимофеева, обвиняемого в краже со взломом. Присяжные вынесли обвинительный приговор, но признали подсудимого достойным снисхождения[35]. Кто были эти люди, полу-

Д. А. Ровинский

[31] *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.81.

[32] Там же. С.8.

[33] Дневник В.Ф.Одоевского. 1866 год // Литературное наследство. № 22–24. М., 1935. С.211. Запись 23 апреля 1866 г.

[34] *Козлинина Е.И.* За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С.88–89.

[35] *Джаншиев Г.А.* Сборник статей. М., 1914. С.338–340.

Е. Е. Люминарский

чившие право решать судьбу обвиняемого, которых современники называли и «судьями совести» и «судом улицы»? По данным на 1883 г., среди московских присяжных заседателей преобладали дворяне, чиновники (46,2%) и купцы (32,4%); крестьян среди них было мало (8%), чем их состав резко отличался от состава присяжных всей России[36].

Пресса положительно оценила начало деятельности суда с участием присяжных заседателей. «Первые приговоры, произнесенные судом присяжных,– писала газета «Голос»,– вызвали уже толки, что настала, наконец, лучшая пора, что теперь можно будет и спать спокойно, и на улице не опасаться за свою шубу; теперь сколько ни тверди: «Знать не знаю, ведать не ведаю» – делу не поможешь, от законной кары не убежишь»[37].

Новый суд очень интересовал москвичей, заседания Московской уголовной палаты привлекали массу слушателей; публика посещала заседания и гражданского отделения окружного суда, присутствуя даже при разборе дел, не заслуживающих никакого внимания[38].

С открытием в Кремле судебных учреждений центр Москвы стал более многолюдным. Как отмечал писатель П. Д. Боборыкин, «суд оживляет всю площадь беспрестанной ездой пролеток и карет и ходьбой пешеходов с утра до поздней ночи(...) Со дня открытия нового суда в Кремль привлечено было гораздо больше общественных сил и течений – теперь всякому есть дело до суда: публике, свидетелям, присяжным, тяжущимся, адвокатам. В огромном здании бок-о-бок, в нескольких отдельных сферах правосудия копошатся, борятся, говорят, пишут сотни и тысячи людей»[39].

Особый интерес общества вызывали громкие процессы, в которых участвовали известные юристы. Интересно, что среди нашумевших в XIX в. процессов, трудно найти такие преступления, которые могли бы поразить воображение человека конца XX в.[40]

Тем не менее были и тогда, по понятиям современников, чудовищные преступления, которые будоражили общественное мнение, их разбирательство в суде привлекало внимание публики и прессы. Среди громких уголовных дел, которые рассматривались в Московском окружном суде с участием присяжных заседателей, следует назвать «Дело по обвинению бывшего студента А. М. Данилова в убийстве, мошенничестве и наименовании себя ложными фамилиями», похожее на дело героя Ф. М. Достоевского Родиона Раскольникова; дело игуменьи Серпуховского монастыря Митрофании, обвинявшейся в подлогах, мошенничестве и растрате чужого имущества; дело о «Клубе червонных валетов», когда под судом оказались 48 человек, похитивших путем обмана, мошенничества и кражи не менее 280 тыс. рублей. Широкий общественный резонанс вызвало дело Кронеберга по обвинению в истязании своей 7-летней дочери. Хотя в деле и не шла речь об убийстве, оно вызвало живой интерес не только у судебных деятелей, но и у людей самых разных взглядов и убеждений. Дело Кронеберга описано Достоевским в «Дневнике писателя», упоминается в его романе «Братья Карамазовы», отклики на него можно найти в статьях М. Е. Салтыкова-Щедрина, К. П. Победоносцева и многих других известных деятелей[41].

Участие в этих процессах таких выдающихся юристов, как М. Ф. Громницкий, Е. Е. Люминарский, Ф. Н. Плевако, князь А. И. Урусов, привлекало в зал суда многочисленную публику, их выступления, представлявшие нередко лучшие образцы судебного красноречия, заставляли слушателей и плакать, и рукоплескать.

Судебная реформа обусловила приход на службу многих талантливых людей. Молодежь, стремившаяся посвятить себя судебному делу, старалась попасть в помощники к присяжным поверенным или в кандидаты на судебные должности. «Судебные уставы,– писал Кони,– создали, как тип, судью-человека; первые деятели дали этому типу живое воп-

[36] *Афанасьев А.К.* Присяжные заседатели в России. 1866–1885 гг. // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С.190.

[37] Голос. 1866. 31 июля. № 201. С.1.

[38] *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч.2. М., 1905. С.48.

[39] *Боборыкин П.* Современная Москва // Живописная Россия. Т.6. Ч.1. М., 1898. С.260–261.

[40] Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы 1864–1917. Л., 1991. С.19.

[41] Там же. С.187–188, 209.

Ф.Н. Плевако

КнязьА. И. Урусов

лощение»[42]. Таким судьей был первый председатель Московского окружного суда Елисей Елисеевич Люминарский (1829–1883), который «был рожден для председательской роли и являл собой прототип судьи праведного»[43]. Самостоятельный и независимый, чуждый карьеризма, он пользовался всеобщим уважением москвичей. Люминарский был настолько предан своему делу и Москве, что отказался принять в 1874 г. должность кассационного сенатора и переехать в Петербург.

Образцом судебного красноречия были выступления товарища прокурора Московского окружного суда Михаила Федоровича Громницкого (р. 1833 г.), обвинителя по всем важнейшим делам, разбиравшимся в Москве в первые годы действия Судебных уставов. Неотразимая логика, простота и ясность построения его речей оказали огромное влияние на формирование русской обвинительной школы.

Главой и руководителем московской прокуратуры в 60-е гг. был один из «отцов» судебной реформы Дмитрий Александрович Ровинский (1824–1895). Имя первого прокурора Московской судебной палаты было хорошо известно не только судебным деятелям, но и любителям и знатокам истории искусства. Ровинский подготовил и издал многочисленные собрания гравюр, портретов, народных и сатирических картин. Первое место среди его работ занимает четырехтомный «Подробный словарь русских гравированных портретов», включающий описание 2000 портретов, который не утратил своего значения до настоящего времени[44].

Среди известных судебных деятелей Москвы необходимо назвать адвокатов Федора Никифоровича Плевако (1842–1908) и князя Александра Ивановича Урусова (1843–1900). Выпускники Московского университета, они пришли в московскую адвокатуру в 1866 г. и оба получили широкую известность не только в России, но и за ее пределами. В остальном московские знаменитости представляли полную противоположность друг другу. Импозантная внешность князя Урусова, его манеры, воспитание, приятный голос привлекали к нему внимание и способствовали его успеху. Речи князя Урусова отличались неоспоримой логикой, яркостью характеристик и эпитетов. С первого же дела он «заблистал звездой первой величины»[45]. В отличие от барственного князя Урусова, Плевако представлял собой тип разночинца-демократа. Черты его скуластого лица были некрасивы, движения резкие, даже неловкие, но сильный и страстный голос «захватывал слушателя и покорял его себе»[46]. Он обладал необыкновенным даром слова. Выступления Плевако были

[42] *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.106.

[43] *Голицын В.М.* Указ. соч. С.222.

[44] *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.34–36, 43, 277.

[45] *Голицын В.М.* Указ. соч. С.223.

[46] *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.260.

проникнуты тонким знанием психологии, остроумием и простотой формы. Его участие делало многие процессы по-настоящему громкими[47].

Москва была богата выдающимися юристами. Благодаря их деятельности современники смотрели на реформированный суд как на храм правосудия. Москва обеспечивала талантливыми юристами и провинцию. К началу XX в. с уходом из жизни старейших судебных деятелей «учреждения провинции принимали такой безнадежно-серый колорит, что для освежения их приходилось туда посылать лучшие столичные силы». А. И. Коротких уехал в Симферополь, С. Н. Цемш и А. А. Макаров – в Киев, П. Г. Курлов – в Вологду, И. Л. Томашевский – в Полтаву[48]. Таким образом, московские судебные деятели в немалой степени способствовали утверждению авторитета судебной власти и законности в России.

Уставы 1864 г. одновременно с общими судебными установлениями вводили институт мировой юстиции. Мировые суды разбирали мелкие преступления и гражданские дела с иском до 500 рублей; в отличие от общих судов они имели упрощенное судопроизводство. Главными и единственными вершителями провосудия в мировых судах были судьи, избиравшиеся уездными земскими собраниями, а в столицах городскими думами сроком на три года. Высшей инстанцией мирового суда был съезд мировых судей уезда (округа).

17 мая 1866 г. в здании Московской общей городской думы на Воздвиженке (в доме графов Шереметевых) состоялось первое распорядительное заседание Московского съезда мировых судей 1-го и 2-го округов. В Москве были открыты 17 мировых участков (по числу полицейских частей города), входивших в два округа с двумя отдельными съездами мировых судей. Однако к концу 1866 г. оказалось необходимым увеличить число участков до 22; а к 1903 г. в Москве действовал уже 41 участок, но и этого было явно недостаточно. С 1872 г. все мировые учреждения столицы объединили в один округ с одним съездом мировых судей[49].

Открывая в апреле 1866 г. судебные учреждения в столице, министр юстиции Д. Н. Замятнин в своей речи уделил особое внимание должности мирового судьи, которая, по его мнению, представляла «краеугольный камень гласного, правого и милостивого суда»[50].

В Москве выборы участковых и почетных мировых судей состоялись за два месяца до открытия новых судебных учреждений. Среди кандидатов в мировые судьи были люди разного общественного положения: учителя гимназий, гласные городской думы, мировые посредники, предводители дворянства, чиновники, представители именитого купечества, профессора и даже ректор Московского университета. Заявление о желании баллотироваться в мировые судьи подал и писатель А. Ф. Писемский, но потом забрал его обратно. 25 февраля 1866 г. городской думой было избрано 24 участковых и 33 почетных мировых судей. Большинство из них имело университетское образование. Так, из 17 судей, получивших мировые участки, 11 человек окончили университет, причем восемь из них – юридический факультет, т.е. получили специальное образование[51].

Институт московских мировых судей стал школой для начинающих общественных деятелей. Через него прошли и многие московские городские гласные, в том числе Н. Н. Щепкин, А. И. и Н. И. Гучковы. Почетными мировыми судьями были почти все видные деятели Москвы: князь А. А. Щербатов, Д. Ф. Самарин, князь В. М. Голицын и «столетний старец Грудев, бывший на Дворцовой площади в день декабрьского восстания»[52].

Мировые суды вошли в наибольшее соприкосновение с обществом и сразу стали популярными. Их простота и доступность, гласный разбор дел, равенство всех перед законом, возможность безвозмездно получить совет – все это привлекало население. В первые годы участковые камеры (помещения) мировых судей были переполнены и случалось, что заседания проводились на открытом воздухе. С большим интересом посещали эти заседания и студенты Московского университета. Особой любовью москвичей пользовались мировые судьи А. А. Лопухин, П. Н. Греков, впоследствии председатель съезда, и М. Я. Багриновский, остроумный и веселый человек; его участок на Сретенке охотнее всего посещали студенты[53].

В мировых судах рассматривались дела о мелких кражах, мошенничестве, присвоении найденного, гражданские иски по личным обязательствам и возмещении убытков, если они не превышали 500 рублей, разбирались ссоры и преступления против личности. По закону мировой судья мог подвергнуть виновного выговору, замечанию или внушению, а также денежному штрафу в пределах 300 рублей, аресту до трех месяцев или заключению в тюрьму не более чем на один год.

Судопроизводство в мировых судах носило устный, гласный и примирительный характер. Это был действительно скорый суд, без судебно-полицейского разбирательства, волокиты и крючкотворства. Вместе с тем это был правый и милостивый суд. Гарантией тому служили сами мировые судьи, на должность которых избирались, как правило, порядочные, высоконравственные люди. Мировые судьи могли смягчать наказа-

[47] Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы. 1864–1917. С.25.

[48] *Козлинина Е.И.* Указ. соч. С.482.

[49] Московские столичные судебно-мировые учреждения. 1866–1895 гг. // Сборник очерков по г.Москве. М., 1897. С.2–3; Увеличение судебно-мировых участков//Известия МГД. 1911. № 2. С.37.

[50] *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.136.

[51] *Мелких А.* Пятидесятилетие введения в Москве мирового суда // Известия МГД. 1916. № 5. С.25–26, 28.

[52] *Астров Н.И.* Воспоминания. Париж. 1940. С.227.

[53] *Голицын В.М.* Указ. соч. С.224.

ния, предусмотренные законом, и выносить свои приговоры и решения «по совести». Поэтому камеры мировых судей были не только местом судебного разбирательства, «но и школой порядочности и уважения к человеческому достоинству»[54].

В числе первых дел, рассматривавшихся в одном из мировых участков Москвы, было дело богатой купчихи Мазуриной, которая велела спустить собак на квартального, явившегося к ней с долговым документом. По приговору мирового судьи эта самодурка, привыкшая разговаривать с полицией не иначе, как через своего дворника, отсидела под арестом два месяца»[55].

За 30 лет московские мировые суды рассмотрели более 1,8 млн. дел. Из них только 6% перешли в высшую инстанцию – мировой съезд. Интересно отметить, что, по сравнению с быстро возраставшим числом жителей Москвы, количество дел, разбиравшихся мировыми судьями, сокращалось. Так, если в четырехлетие 1870–1873 гг. на каждую тысячу москвичей приходилось 39 уголовных и 50 гражданских дел, то в 1891–1894 гг. их было соответственно 33 и 48[56]. Сокращение количества дел, входивших в компетенцию мировых судов, указывает на рост правосознания москвичей, на утверждение в человеке пореформенной России уважения к закону и правопорядку.

Отмена крепостного права сделала необходимым пробразования во всех сферах жизни государства и общества. В 60–70-е гг. были проведены многочисленные реформы в финансовой и военной областях, реформированы народное образование и пресса. Корабль российской государственности медленно разворачивался и брал курс на развитие гражданского общества. Реформы разрушили многовековой жизненный уклад, уничтожили крепостничество, признав равными перед законом вчерашних крепостных и их владельцев. Таким образом, в ходе преобразований решались те задачи, для выполнения которых в других странах потребовались буржуазные революции. Реформы в России провели четкую грань между двумя периодами русской истории: дореформенной и пореформенной эпохами.

[54] *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.136, 192–193.

[55] *Козлинина Е.И.* Указ. соч. С.105.

[56] Московские столичные судебно-мировые учреждения. 1866–1895 гг. //Сборник очерков по г.Москве. С.6.

XII

ОБЛИК МОСКВЫ ПОРЕФОРМЕННОЙ

1. ПОРЕФОРМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

В своих воспоминаниях юрист и публицист Николай Васильевич Давыдов нарисовал яркую картину пореформенной Москвы, какой он ее увидел в августе 1865 г. после пятилетнего отсутствия.

«Демаркационная линия была перейдена; дореформенная старая Москва отжила, стала достоянием прошлого. (...) Что-то неуловимое изменило общий вид Москвы, отняв у нее свойственные ей прежде характерные черты неподвижного захолустья, столицы сонного царства.

Прежние алебардисты-будочники исчезли (...). Освещение – новенькими керосиновыми лампами – казалось после масляного великолепным; на улицах стало, несомненно, оживленнее, и сама толпа несколько расцветилась и подобралась; (...) магазины, в особенности на Тверской и Кузнецком мосту, приняли более элегантный вид, витрины их стали пышнее и заманчивее (...) везде свободно курили, а студенты, уже без формы, в статском, разгуливали по бульварам с такими длинными волосами, что любой диакон мог им позавидовать; рядом с косматыми студентами появились – это было уже совершенной новостью – стриженные девицы в синих очках и коротких платьях темного цвета»[1].

И еще одна примета нового времени, которую отмечали современники: Москва наполнилась многочисленными товарами, вначале иностранного, а затем и отечественного производства, которые вытеснили из обихода многие домашние изготовления.

Освобождение крестьян, введение земского и городского самоуправления, судебные уставы, новый университетский устав – все это всколыхнуло московское общество, ввело в него новые элементы, заставило стушеваться и смириться с происходящим сторонников старого режима.

Перемены, происшедшие в первопрестольной столице в 60-е гг., вызывали ностальгию по «старой» Москве не только у закоренелых крепостников. «Москва теряет свою самобытность и обезличивается, – писал историк граф С. Д. Шереметев в «Московских воспоминаниях». – Говорят заправилы городского хозяйства, что мы скоро Москвы не узнаем, что она будет европейской вполне, но тогда ей конец (...). Электрическое освещение и телефон не дадут нам ничего взамен»[2].

Действительно, к концу XIX в. Москва стала другой. Удобное географическое положение издавна делало ее центром прилегающих к ней территорий. Со строительством железных дорог Москва приобрела значение общероссийского центра, она стала железнодорожным узлом, равного которому не было в России. По радиусам шести железных дорог со всех концов страны в столицу прибывало около 208 млн. пудов груза и более 3 млн. пассажиров в год. С учетом вывозимых из столицы 44 млн. пудов, на долю Москвы приходилось 14% всех грузов, перевозимых железными дорогами России.

Удобство подвоза сырья способствовало развитию промышленности и превращению столицы в крупнейший торгово-промышленный центр страны. К концу 90-х гг. в ней насчитывалось 9818 промышленных предприятий с 122 445 рабочими и 15 480 торговых, в которых было занято 10 893 приказчика. Валовой оборот промышленных предприятий составлял около 200 млн. рублей, оборот торговых заведений достигал 2 млрд. рублей в год. 12 банков и 20 банковских контор осуществляли финансовые операции столицы[3].

Торгово-промышленный характер Москвы конца XIX в. накладывал отпечаток и на внешний вид города. Приезжие отмечали обилие магазинов, рынков, амбаров и складов, а на улицах – оживленное движение обозов, розвальней, телег. Типично для Москвы было и

[1] *Давыдов Н.В.* Москва. 50-е и 60-е годы XIX столетия // Ушедшая Москва. М., 1964. С.22–24.

[2] Цит. по: История Москвы. Т.IV. М., 1954. С.483.

[3] *Песковский М.* Москва в ее совершенном экономическом состоянии // Живописная Россия. Т.6. Ч.I, М., 1898. С.297–300.

Ильинские ворота

преобладание простонародной одежды ее жителей. Люди «либеральных» профессий терялись среди представителей торгового и промышленного мира. Не случайно Москву во второй половине XIX в. называли «мужицко-купеческим» городом[4]. Эта специфика столицы проявлялась не только в одежде москвичей. По воспоминаниям Н. П. Вишнякова, гласного Московской городской думы, в праздники было противно ходить по улицам, так как их заполняли беспрестанно матюкавшиеся мужики; похабная ругань стояла в воздухе[5].

Москва «купеческая» или «мужицко-купеческая» пришла на смену Москве «дворянской»? Ответ на этот вопрос давно уже дали мемуаристы и бытописатели Москвы «купеческой», утвердившие это определение столицы в сознании читателей. Достаточно вспомнить романы П. Д. Боборыкина, воспоминания Н. А. Найденова, П. А. Бурышкина и Н. И. Астрова, чтобы признать утверждение лидирующей роли купечества в экономической, общественной и культурной жизни пореформенной Москвы, пришедшего на смену дворянству[6]. Но не лишено смысла и второе определение.

Очевидно, нельзя не учитывать влияния на жизнь города, на формирование его уклада и быта самой многочисленной части городского населения – крестьянства. Чтобы понять эту особенность первопрестольной столицы, обратимся к статистике ее населения.

2. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ МОСКВЫ

В пределах Камер-Коллежского вала, который с 1806 г. считался официальной и полицейской границей Москвы, ее площадь составляла около 63 кв. верст. Москва была больше Берлина, почти равнялась Парижу, но в 1,5 раза уступала С.-Петербургу и почти в 4,5 раза – Лондону[7].

Быстрая застройка городской территории внутри Камер-Коллежского вала в 60-е гг. вызвала необходимость расширения границ Москвы. Стремление Московской городской думы включить в черту города примыкавшие к нему слободы и селения наталкивалось на упорное сопротивление губернского земства, не желавшего лишаться богатых пригородов столицы. Этот спор затянулся на десятилетия. Официально Москва и в конце XIX в. оставалась в пределах своих старых границ, но фактически тяготевшие к ней местности слились с городом, образуя единое целое[8].

Москва делилась на 17 административно-полицейских частей, каждая из

[4] *Весин Л.П.* Роль Москвы в торгово-промышленном отношении // Там же. С.295.

[5] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.I. Д.115. Л.71.

[6] *Боборыкин П.Д.* Китай-город. М., 1960; *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч.I-2. М.; 1904–1905; *Бурышкин П.* Москва купеческая. Записки. М., 1991; *Астров Н.И.* Воспоминания. Париж, 1940. и др.

[7] Площадь и население г. Москвы // Сборник очерков по г. Москве. М., 1896. Паг. 2. С.I.

[8] История Москвы. Т.IV. С.58–67.

Вид Никольской улицы

которых была по сути самостоятельным городом со своими нравами, бытом, особенностями и даже занятиями. Арбат и Пречистенку населяла Москва «интеллигентская», Замоскворечье – старозаветное купечество, герои пьес А. Н. Островского; в Рогожской части жили старообрядцы, в Сущевской – ямщики, в Хамовниках – ломовые извозчики и т.д.[9] В 1864 г. в столице проживало 364 148 человек.

После освобождения крестьян число жителей Москвы стало быстро расти. В 1871 г. их насчитывалось уже 590 468 человек, в 1882 г.– 753 469, а в 1897 г.– в черте города проживало 978 537 человек. Темпы прироста городского населения были очень высокими: за 7 лет (с 1864 по 1871 г.) число москвичей увеличилось в 1,6 раза, в следующие 10 лет – в 1,3 раза и за 15 лет между переписями 1882 г. и 1897 г.– еще в 1,3 раза. По материалам переписей 1897 г. и 1902 г. ежегодный прирост населения составлял 2,5%. Особенно быстро увеличивалось население пригородов. За 25 лет (с 1871 по 1897 г.) число жителей 14 пригородных местностей возросло более чем в 5 раз: с 11 501 до 60 054 человек[10].

Необходимо заметить, что в литературе нередко население пригородов без каких-либо пояснений включается в число москвичей, хотя это и делается не всегда последовательно. Поэтому встречаются другие данные о численности жителей столицы. Так, население Москвы в 1871 г. определяется в 601 969 человек (с учетом 11 501 человека), а в 1897г.– в 1 038 591 человек (с учетом 60 054 человек), в то же время сведения за 1882 г.– 753 469 человек – отражают реальную численность москвичей и не включают 14 531 человека, населявшего пригороды[11].

Быстрый рост населения Москвы обусловлен массовым притоком в столицу жителей Московской и соседних с нею губерний. Это был основной, а для 60–80-х гг. и единственный источник пополнения населения Москвы. Плохие санитарные условия, отсутствие канализации и, как следствие, частые эпидемии – все это приводило к высокой смертности горожан. В 70-е гг. Москва была вымирающим городом: ежегодно число умерших на 2500 человек превышало число родившихся. В 80-е гг. благодаря деятельности Московской городской думы, способствовавшей развитию больничного и санитарного дела, ситуация начала меняться. Переломным в этом отношении стал 1898 г., когда была пущена первая очередь московской канализации. Уже первые пять лет ее действия принесли заметные результаты: к 1902 г. население Москвы за счет естественного прироста увеличилось на 27 355 человек[12]. Но и в XX в. не демографические, а миграционные процессы определяли численность и состав жителей столицы.

Большие города, как центры промышленной и духовной жизни, всегда притягивали жителей менее развитых в этом отношении местностей. Но ни один европейский или русский город не обладал такой силой притяжения, как Москва. С отменой крепостного права в Москву, окруженную густонаселенными территориями, в поисках работы устремились жители соседних губерний. По переписи 1882 г. из 753 469 москвичей коренных насчитывалось толь-

[9] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.259.

[10] 1-я Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.24: Город Москва. Тетр. II. М., 1904. С.IX–XII; Хроника Московского городского управления // Известия Московской городской думы. 1904. № 17. С.45.

[11] Площадь и население г. Москвы // Сборник очерков по г. Москве. Паг.2. С.2; *Выдро М.Я.* Население Москвы (по материалам переписей 1871–1970 гг.). М., 1976. С.11.

[12] Население Москвы по проекту канализации // Известия Московской городской думы. 1913 г. Октябрь. С.85.

ко 196 559 человек (26%), остальные 556 910 человек (74%) родились за пределами столицы. Около половины пришлого населения (260 тыс.человек) поселилось в Москве за шесть лет до проведения этой переписи, т.е. в течение 1876–1881 гг.; из них 100 тыс. человек (20%) стали москвичами за год до ее проведения. По числу пришлого населения Москва превосходила С.-Петербург и многие европейские столицы. Так, в 1882 г. некоренные жители составляли: в С.-Петербурге 70,5%, в Париже – 68%, в Берлине – 56% и в Лондоне – 37%[13].

Мощный поток переселенцев, обрушившийся на пореформенную Москву, состоял в основном из крестьян. Если в 1871 г. они составляли 43% населения, в 1882 г.– 49%, то в 1897 г. их доля возросла до 64%, а в 1902 г. достигла 67%. Что касается других сословных групп населения столицы, то их удельный вес постоянно падал. С 1871 по 1902 гг. число дворян и чиновников сократилось с 10 до 6%, мещан и цеховых – с 25 до 19%, почетных граждан и купцов – с 6 до 5%[14]. Таким образом, население Москвы все в большей степени становилось крестьянским.

Новые москвичи работали на предприятиях, занимались извозом или вели торговлю по временным купеческим свидетельствам, оставаясь при этом крестьянами не только по сословной принадлежности, но и по своему духу. В 60–70-е гг. большая часть крестьян, поселившихся в столице, была связана с землей и относилась к работе в городе, как к побочному и временному занятию. В деревне оставались их семьи, в деревню уходили они с началом полевых работ, а осенью, покончив с заботами земледельца, вновь возвращались в Москву. Весной столица пустела: сворачивалось производство, объем торговли, появлялись свободные места в городских больницах.

Такая сезонность являлась характерной чертой русского рабочего класса, которой не знали европейские города. Немецкий крестьянин, уезжая из деревни, сразу увозил с собой семью и окончательно порывал с сельским трудом[15]. Эта специфика городского населения России обусловила ряд других его особенностей, которые в наиболее полной мере отразились на населении Москвы.

Прежде всего, среди жителей столицы преобладали мужчины. На 100 мужчин в 1871 г. приходилось только 70 женщин, в 1882 г.– 74, к 1897 г. их число возросло до 76,5. У пришлой части населения численность женщин снижалась до 62, а в некоторых пригородных местностях не превышала 30–40 на каждые 100 мужчин. Соотношение полов у коренных москвичей давало иную картину: по переписи 1882 г. на 100 мужчин приходилось 119 женщин, что было характерно и для европейских городов[16]. Рост женского населения в Москве указывает на усиление тенденции к оседлости, наметившейся среди пришлого люда с 80-х гг.

В Москве необычно высоким по сравнению с европейскими городами оказался удельный вес трудоспособного населения. В 1882 г. 71,4% москвичей (538 060) сами зарабатывали себе на жизнь; в Петербурге эта часть населения составляла 68%, в Берлине – 50%. Незначительный процент иждивенцев среди москвичей – на 100 работников приходилось только 40 человек не работавших – объяснялся особенностями пришлого населения: рабочий человек, уходя на заработки, оставлял семью в деревне. Однако к 1897 г. доля трудоспособного населения снижается до 69%, что также указывает на усиление оседлости жителей столицы.

Скопление большого числа бессемейного рабочего люда, находившего себе пристанище в трактирах, постоялых дворах и гостиницах, привело к небывалому развитию в Москве трактирного промысла. В Берлине, население которого почти в два раза превышало численность москвичей, в трактирном деле было занято 11 тыс.человек, а в Москве – 19 тысяч. Преобладание среди москвичей мужского населения, средний возраст которого в 1871 г. составлял 33,5 лет, а к 1897 г. снизился до 31,6 лет, способствовало росту проституции. По переписи 1882 г. в Москве числилось около 1,5 тыс.проституток[17]. Печальной известностью в этом отношении пользовались Трубная площадь или «Труба» и прилегавшая к ней Грачевка. «Ни в одной столице,– отмечал П. Д. Боборыкин,– нет такого циничного проявления народного разврата, как в этой местности Москвы»[18].

Несмотря на значительные изменения в структуре населения Москвы, она по-прежнему оставалась чисто русским православным городом. В 1897 г. более 95% ее жителей были великороссами и 93% исповедовали православие. Ни в одной столице Европы не было такого преобладания коренной национальности и господствовавшей религии, как в Москве.

В Москве по-прежнему сохранялся, в общем невысокий, уровень грамотности населения, обусловленный его постоянным пополнением выходцами из губерний, где народное образование не получило такого развития, как в столице. Естественно, что в 70-е гг. массовый приток населения в Москву не мог не сказаться на общем уровне его грамотности. По подсчетам известного экономиста и статистика А. И. Чупрова, процент неграмотных вырос за 1871–1882 гг. с 49,3 до 51[19]. По уровню грамотности пришлое население, особенно женщины, значительно уступало корен-

[13] *Чупров А.* Характеристика Москвы по переписи 1882 г. М., 1884. С.21–22.

[14] *Чупров А.* Указ. соч. С.23; 1-я Всеобщая перепись... Т.24. Тетр. I. М., 1901. С.46–47; Тетр. II. С.XXVI; *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973. С.138.

[15] *Чупров А.* Указ. соч. С.22, 34.

[16] 1-я Всеобщая перепись... Т.24. Тетр. II. С.X–XII; *Бергман Е.* Последняя перепись в С.-Петербурге и Москве // Известия Московской городской думы. 1887. № 6–7. Ч.4. Стлб.101.

[17] *Чупров А.* Указ. соч. С.31, 34, 39; 1-я Всеобщая перепись.... Т.24. Тетр II. С.XV.

[18] *Боборыкин П.Д.* Современная Москва // Живописная Россия. Т.6. Ч.1. М., 1898. С.278.

[19] Грамотность населения г.Москвы // Известия Московской городской думы. 1904. № 5. С.10; *Чупров А.* Указ. соч. С.31–32.

Московский дворик. Художник В. Поленов. 1878 г.

ным москвичам. Даже в начале XX в., несмотря на определенные успехи губернских земств в развитии народного образования, картина оставалась прежней. Так, по переписи 1902 г. процент грамотных среди мужчин москвичей достигал 80 и у женщин 73, тогда как у пришлого населения – соответственно 74 и 40.

Преобладающее большинство пришлых неграмотных детей в возрасте 8–11 лет проходило через городские школы. Неграмотные среди пришлых детей в семилетнем возрасте составляли 78–79%. Через три года неграмотными из них оставалось 7–14%. По мере того, как пришлое население оседало в Москве, в городских училищах увеличивалось число детей из крестьян. Так, если в 1876–1880 гг. они составляли 28,6% учащихся и их численность значительно уступала детям мещан и цеховых, составлявшим 53% учащихся, то в 1891–1895 гг. более 42% учеников городских школ являлись крестьянами, заметно потеснившими своих сверстников из мещан и цеховых, удельный вес которых сократился до 40%[20].

Благодаря усилиям Московского городского общественного управления к концу XIX в. уровень грамотности москвичей заметно поднялся. По переписи 1897 г. в пределах городской черты грамотные составляли 57% населения. Максимальное их число проживало в Тверской части – 67,6%, а минимальное – 50,4% – в Серпуховской. В пригородных селениях уровень грамотности был ниже, чем в городе, и достигал только 43,5%, но и здесь отсутствует единообразие. Наибольшее число грамотных

[20] Грамотность населения Москвы // Известия Московской городской думы. 1904. № 5. С.20, 24; Деятельность Московского городского общественного управления по народному образованию // Сборник очерков по г.Москве. М., 1897. Паг.6. С.13.

отмечено в Петровском-Разумовском, где находился Земледельческий институт, а рекордно низкое – 33,6% – в деревне Дубровка.

Объединив сведения о грамотности в городе Москве и пригородах, статистики получили усредненные результаты «для Москвы вообще» – 56,3%. В этой довольно безрадостной картине некоторым утешением является наблюдение статистиков о повышении уровня грамотности в молодых по возрасту группах населения. Так, среди москвичей в возрасте от 10 до 19 лет грамотные составляли 85,4% у мужчин и 71,3% у женщин, тогда как в 1882 г. в этой группе населения они соответственно равнялись 66,5% и 61%[21]. Очевидно, что, несмотря на постоянный приток малограмотного населения со всех губерний России, значительные средства, выделяемые Москвой на открытие новых школ, приносили свои результаты, хотя и не столь внушительные, но обнадеживающие.

Пореформенную Москву можно сравнить с огромным котлом, в котором перемешивались традиционные представления и устои, переваривались разнородные сословные элементы, образуя новое гражданское общество, со всеми присущими ему достоинствами и недостатками.

3. ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В МОСКВЕ

Дореформенная Москва слыла городом домовладельческих особняков. Большая часть его населения, начиная с дворянина и кончая ремесленником, жила в собственных домах с флигелями и мезонинами, которые при случае сдавались внаем. Тип домовладельца, возводящего многоэтажный дом с квартирами,– явление, характерное для пореформенной Москвы.

В 70–80-е гг. застроенная одно- и двухэтажными домами, Москва в значительной степени сохранила еще внешний вид, присущий ей в первой половине XIX в. В 1882 г. 95% московских домов (28,5 тыс. из 30 тыс.) имели один или два этажа. В Петербурге такие дома составляли только 65%, а в Берлине – менее 18% жилого фонда города[22]. В Москве преобладали деревянные дома – 54%, и только 29% были каменными.

Развитие капитализма и огромный приток малоимущего населения породили огромный спрос на жилье, какого не знала ранее Москва. В результате начали застраиваться окраины города и перестраиваться его центр: на месте одноэтажных московских домиков стали возводиться многоэтажные доходные дома. С конца 90-х гг. в столице начался период интенсивного строительства. Москва росла в ширину и высоту, меняя свой облик.

На окраинах города возникали новые улицы и переулки, требуя от городских властей дополнительных средств на их благоустройство. «...Как поддерживать в порядке такое количество улиц и переулков, где найти средства хорошо мостить их, очищать, делать всякие улучшения муниципального хозяйства?,– писал в связи с этим П. Д. Боборыкин.– В ином квартале жителей, наверное, в 10 раз меньше, чем в Париже или даже в С.-Петербурге, на том же пространстве, а то и на вдвое меньшем»[23].

Действительно, даже в конце XIX в. при средней плотности населения 62 человека на 1000 кв. саженей в Москве в отдельных городских районах – Серпуховском, Хамовническом, Лефортовском, плотность населения не превышала 29–39 человек, хотя в Сретенской, Мясницкой и Тверской частях на 1000 кв. саженей приходилось от 107 до 152 человек.

Характерные для Москвы 70–80-х гг. притоки бессемейного мужского населения породили малоизвестную в европейских городах форму общежития – артельное жилье. Артелями селились в больших мастерских и находившихся при них спальнях или в очень больших квартирах. По переписи 1882 г. в Москве насчитывалось 825 помещений при фабриках, где жили 57 385 рабочих, 1474 помещения при ремесленных заведениях с 23 873 жильцами и 951 наемная квартира рабочих артелей с проживавшими в них 17 548 человеками. В этих артелях на каждое помещение в среднем приходилось от 16 до 67 жильцов. Такой способ проживания оказался довольно распространенным в Москве. Как показали материалы переписи, 19% населения обыкновенных жилых квартир – 120 536 человек – жили артелями. В Берлине почти не было такого рода жильцов, так как рабочие жили там семьями[24].

К концу 90-х гг. количество домов в Москве возросло с 30 тыс. до 36 тыс., но произошло это в основном за счет строительства традиционных для города одноэтажных и двухэтажных домов, которых по сравнению с 1882 г. стало больше на 5 тысяч. Увеличилось и количество домов более высокой этажности, которые, как правило, были доходными. В течение 1882–1897 гг. количество трехэтажных домов возросло с 1236 до 1932, а четырехэтажных и более – с 143 до 533. Со строительством доходных домов рос квартирный фонд столицы, который в 1871 г. насчитывал 48,5 тыс. квартир, в 1882 г.– 83 тыс., а в 1899 г. составлял около 113 тыс. квартир[25].

Доходные дома строились как в центре города, так и на его окраинах, и были

[21] 1-я Всеобщая перепись... 1897 г. Т.24. Тетр. II. С.XXII.

[22] *Бергман Е.* Указ. соч. Стб.132; 1-я Всеобщая перепись... Т.24. Тетр.II. С.9.

[23] *Боборыкин П.Д.* Письма о Москве. Письмо 2-е // Вестник Европы. 1881. № 5. С.367.

[24] *Чупров А.* Указ. соч. С.10–16.

[25] История Москвы. Т.4. С.60–61; *Бергман Е.* Указ. соч. Стб.132.

рассчитаны на квартиросъемщиков с очень разным уровнем достатка. В престижных домах в центре Москвы со всеми коммунальными удобствами и большими квартирами проживали профессора, известные врачи, банкиры и другие состоятельные люди.

Нередко владельцы домов превращали часть обычных квартир в коечно-каморочные, получая при этом доход до 15%, тогда как доходы с недвижимой собственности составляли обычно 7–10%. Такие коечно-каморочные квартиры служили жилищем для беднейшей части населения столицы. Наглядное представление о них дает доклад московского городского гласного М. В. Духовского, проводившего в 1898 г. обследование таких квартир и прежде всего квартир в доме Рогожиной, известном своими антисанитарными условиями. Из 70 квартир этого дома 60 были приспособлены под мелкие коечно-каморочные квартиры, в которых селились рабочие заводов Листа, Протопопова и других предприятий, поденные рабочие и нищие. «Каждая из этих квартир,– отмечалось в докладе,– объем которых при высоте в 3,5 аршина колеблется от 2 до 15 сажень, разделяется обыкновенно тонкими досчатыми перегородками на 4–5 и более каморок (...). Многие квартиры крайне сыры. Света достаточно только в передних каморках, остальные же погружены в полумрак». На площади от 8 до 10 куб. саженей проживало от 16 до 22 человек.

С еще меньшим основанием можно назвать человеческим жильем коечные квартиры, занимавшие, как правило, подвальные этажи. М. В. Духовский так описывал один из жилых подвалов: «Вдоль стен, сырых и покрытых плесневыми грибками, устроены койки, состоящие из козел, покрытых грязными досками; на досках положены подстилки из рогож (...). Койки расставлены в таком количестве, сколько может уставиться вдоль стен; некоторые койки заняты двоими, при недостатке коек посетители размещаются на полу (...), существующие в немногих из подвальных квартир форточки закрываются обитателями, и все щели затыкаются грязным тряпьем (...). В пяти подвалах этих, имеющих высоту в 2,5 аршина, на человека приходится от 0,35 до 0,6 саж. кубических»[26].

В 90-е гг. Московская городская дума приняла решение о строительстве муниципального жилья для беднейших слоев населения и достигла здесь определенных результатов. Но решить эту проблему полностью в таком городе, как Москва, было едва ли возможно.

А. И. Чупров сравнивал большой город с музеем, «в котором глазу наблюдателя представляются самые разнообразные типы быта, хозяйства и человеческих отношений. Наряду с богатством здесь встречается крайняя бедность, наряду с дворцами – жалкие подвальные углы, которые едва заслуживают названия человеческих жилищ; наряду с вы-

[26] ЦИАМ. Ф.179. Оп.60. Д.642. Л.I–III.

Дом дешевых квартир для семейных им. Г. Г. Солодовникова на 2-й Мещанской улице

Вид на Кремль от угла Большого Вузовского и Подкопаевского переулков

соким образованием – темное невежество»[27]. Добавим от себя, что в этом музее современник не может быть беспристрастным наблюдателем – это удел потомков. Только время все расставляет по местам и позволяет увидеть в реальном масштабе то, что современникам казалось или слишком большим или слишком маленьким.

4. ВНЕШНИЙ ОБЛИК ГОРОДА

Пореформенная пора, когда отсталая Россия вступила на путь интенсивного экономического развития, встряхнула всю империю от крупных губернских городов до самых дальних ее углов. Рушились веками сложившиеся устои, отмирали казавшиеся прежде непререкаемыми жизненные представления, резко менялся сам облик страны. Не избежала значительных перемен и патриархальная Москва, которая ощутила их сильнее «франта»–Петербурга, с начала своего основания щеголявшего строгостью планировки и «правильностью» архитектурных линий. Облик дореформенной первопрестольной резко отличался от Москвы второй половины XIXв., неплохо сохранившейся в некоторых своих частях и до нашего времени. Однако и образ ушедшего города, подчеркивающий всю контрастность пореформенных изменений, нетрудно представить, если обратиться к воспоминаниям современников или живописным зарисовкам на картинах известных художников.

Быстро отстроившаяся после наполеоновского пожара, Москва вплоть до 1861 г. сохраняла во многом традиционный облик. Пестрое разнообразие узких улиц, где громадные барские дворцы чередовались с деревянными домиками и топкими пустырями, старинные церкви, окруженные заросшими травой дворами, восточная суета, гам и теснота в «городе» с его бесконечными полутемными торговыми рядами – и над всем этим многоголосием царила возвышавшаяся причудливая громада Кремля. «В царствование Николая I Москву украшают несколько грандиозных церквей и казенных зданий: храм Христа Спасителя, Кремлевский дворец, провиантские магазины на Остоженке... но европеизируется только центр города; остальные улицы все также тесны, грязны до непроходимости, темны ночью. Единообразие обывательских домов нарушают барские дворцы Александровских и Екатерининских времен, частью заколоченные и разрушающиеся, частью перешедшие к купцам и под казенные учреждения. Во многих местах тянулись заборы, поросшие травой пустыри, унылые громадные площади... Чахлые и запущенные бульвары служили приютом для жуликов и разных темных личностей... О мраке, царившем по ночам на московских улицах и грязи, де-

[27] *Чупров А.* Указ. соч. С.3.

Москва зимой. Остоженка с видом на храм Христа Спасителя

лавшей их непроходимыми весной и осенью, единогласно вспоминают все современники»[28].

С середины XIX в. торгово-промышленное значение Москвы, ставшей крупнейшим железнодорожным центром страны, с каждым годом возрастало. Из прежней «большой деревни» с ее дворянским духом Москва постепенно превратилась в густо населенный город европейского типа с соответствующей инфраструктурой и промышленностью. Особенно заметной эта трансформация стала к 80–90 гг. XIX в., однако, необратимость изменений москвичи почувствовали значительно раньше. Мало-помалу стало привычным то, что встреча с первопрестольной для приезжающих происходила не в дальних пригородах, а на появлявшихся друг за другом благоустроенных вокзалах – железнодорожная сеть, подобно разрастающейся паутине, соединяла Москву сначала с близлежащими уездными и губернскими городами, а затем и с более отдаленными местностями. В самом городе свои услуги предлагали многочисленные владельцы экипажей, в основном из крестьян, которые после реформы 1861 г. покинули свои деревни для занятия извозным промыслом. Наиболее распространенной и дешевой категорией извозчиков были так называемые «ваньки», одетые в простые крестьянские армяки и выезжавшие зимой в санях, а летом в дрожках, называвшихся «калиберами», а также «гитарами». Дешевизна «ванек», по свидетельству современника, была поразительная: «за двухгривенный и даже пятиалтынный он вез пару седоков через всю Москву, и признавал даже пятикопеечные рейсы, от какового гонорара извозчики первого разряда положительно отказывались»[29]. Более обеспеченная публика предпочитала извозчиков с лучшими лошадьми, сбруей и самим экипажем. В моде у молодых элегантных людей были летом «эгоистки» – экипажи, рассчитанные на одного человека, а зимой – небольшие низенькие сани. Все реже встречались парные сани с запятками, на которых стоял выездной в ливрее и шляпе с позументом, зато летом все больше появлялись на улицах шарабаны и кэбы заграничного образца.

Первые общественные экипажи – вагоны «конки», как называли конно-железную дорогу, появились в 1872 г., когда к открытию Политехнической выставки была проведена линия от Страстной площади до Брестского (ныне Белорусский) вокзала. Вагон конки с открытым «империалом», т.е. местами на крыше, куда вели с парадной и задней площадок узкие винтообразные лестницы и куда допускались только мужчины, тянула по рельсам пара лошадей, перед крутыми подъемами припрягалась дополнительная пара, управляемая мальчишкой-форейтором. К 1900 г. общая протяженность линий конки приблизилась к 100 км, а сам «конно-железный парк» состоял из 241 вагона. Лишь в 1899 г., т.е. позднее, чем в других крупных городах империи (Киеве, Нижнем Новгороде, Риге, Екатеринославе, Орле, Либаве), в Москве был пущен первый трамвай.

Более уютно стали чувствовать себя бульварные щеголи, любители «моциона»: полумрак и непролазная грязь центральных улиц незаметно отошли в область воспоминаний. Все главные ули-

[28] Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1911. Т.XII. С.5.

[29] *Давыдов Н.В.* С.34–35.

цы покрылись булыжными мостовыми, а в 1876 г. на Тверской впервые была применена техническая новинка – асфальтовое покрытие. Вместо тусклых масляных фонарей в 60-х гг. были установлены керосиновые светильники, а с 1867 г. появилось и газовое освещение. Однако и на этом прогресс не остановился – в 1883 г. площадь возле храма Христа Спасителя, а затем Красная площадь и Большой каменный мост стали освещаться электрическими дуговыми фонарями, в 1896 г. 99 таких светильников появилось на Тверской.

Архитектурный облик Москвы также претерпел значительные изменения и заметным водоразделом стали здесь 80-е гг. В 70-е гг. в московской топографии еще можно было рассмотреть черты сословного деления[30]. Ряд районов Белого и Земляного города – Остоженка, Пречистенка, Арбат, Поварская, Большая и Малая Никитские с запутанными лабиринтами переулков между ними, являлись местом обитания дворянства и чиновничества. Здесь расположились большие барские дворцы с колоннами и фронтонами в стиле ампир, менее внушительные одноэтажные, с антресолями или с мезонинами особняки, нередко также с колоннами и фронтонами, на которых виднелись гербы с княжескими шапками и мантиями или с дворянскими коронами, рыцарскими шлемами и страусовыми перьями. Эти строения напоминали собой барские дома в родовых вотчинах, сходство с деревенскими усадьбами увеличивалось еще массой густо разросшейся зелени. Часть города на правом берегу Москвы-реки, Замоскворечье с улицами Пятницкой, Ордынкой, Полянкой, Якиманкой, а также район Таганки, исстари была населена купечеством. Здесь располагались также большие и малые особняки, но ни стиля ампир, ни гербов на фронтонах не было видно. Парадные подъезды в домах по большей части находились во дворе, ворота держались глухо закрытыми.

Третья обширная часть города от Каретного ряда до Москвы-реки оказалась пристанищем мелкого купечества, мещанства, ремесленников и прочего небогатого люда. Здесь преобладал другой вид жилья – маленький домик, какой можно увидеть во множестве по окраинам уездных губернских городов – деревянное одноэтажное строение с двором и садиком, на окнах – непременные кисейные занавески и горшки с геранью.

Некоторые места города отличались четко выраженным характером своего населения. Масса студенчества, приезжавшего в столицу из провинции, снимала комнаты в районах Патриаршего пруда, Большой и Малой Бронных, Козихинских переулков, вследствие чего эта часть города получила прозвище «Ла-

[30] *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярия. Научное наследие. М., 1987. С.105.

Малая Дмитровка

Сретенка у Сухаревой башни

тинского квартала». Дурной известностью у москвичей пользовался район Цветного бульвара и Грачевки, где ютились уголовники, проститутки, деклассированные опустившиеся люди. Не отличались чистотой и комфортом и промышленные пролетарские окраины: Пресня, Сущево, Преображенское, Кожевники, а также внешняя часть Замоскворечья. С 80–90-х гг. XIX в. сословное разделение Москвы уходило в прошлое. Накопились миллионные состояния и теперь именно они служили мерилом успеха и дарили их владельцам согревавшее душу ощущение «хозяина жизни». Многие барские усадьбы стали переходить из рук в руки коммерсантов-миллионеров, в самых престижных районах города вырастали роскошные дома фабрикантов и заводчиков, сооруженные соответственно их пониманию комфорта и вкуса и отличавшиеся часто причудливостью и экстравагантностью. Так появились особняк А. А. Морозова на Воздвиженке, выстроенный в стиле испанских замков, резиденция Кнопов в Колпачном переулке в готическом стиле, дома И. Е. Цветкова (в Соймоновском переулке) и П. И. Щукина (на Пресне), спроектированные под русскую старину, владение К. Т. Солдатенкова на Мясницкой улице, решенное в греческих мотивах, и многие другие.

На облике Москвы сказались не только вкусы нуворишей, но и та атмосфера деловой горячки, которая охватила город в конце столетия. В 80–90-е гг. строились многие функционально-предпринимательские здания, стиль которых часто заимствовался у Запада. Таковы здания банков на Ильинке и Кузнецком Мосту, Петровский пассаж, магазин «Мюр и Мерилиз», дом Страхового общества «Россия» у Мясницких ворот и многие другие.

И, как уже отмечалось, в Москве появился новый для города тип сооружений – так называемые «доходные дома». Москвичи, прогуливавшиеся вдоль любимых ими Воробьевых гор, с грустью замечали, как рядом с куполами златоглавых церквей тут и там вырастали 7–8-этажные строения, грозящие затмить милый силуэт первопрестольной и заменить его безликими контурами современного индустриального города.

5. ПОРЕФОРМЕННЫЙ БЫТ

Росла, ширилась, меняла свой привычный облик Москва, вместе с ней менялся образ жизни людей, ее населявших. Однако горожане сохраняли «свой особый отпечаток», лелеяли приверженность к московской старине, ее традициям, быту, языку. Именно это, а отнюдь не право рождения, делало столичного обывателя «природным» москвичом. Нет ничего удивительного в том, что многие знатоки и авторитеты Москвы и хранители ее духа, такие, как В. А. Гиляровский и А. П. Чехов, родились и выросли вдалеке от первопрестольной.

Москвич всегда отличался неуемным балагурством и излишней суетливостью. Как отмечал в начале XX в. один из авторов-москвоведов, эти черты не были случайными в характере горожанина, оставаясь присущими ему на протяжении длительного времени. «Москвичу совершенно несвойственно западноевропейского типа «мещанство» – уход с головой в профессию и домашние заботы. Он всегда полон сомнений и вопросов городской, общерусской, а иногда и мировой жизни, но то, что в культурных кругах получает характер научной любознательности и отзывчивости, в менее интеллигентной среде удовлетворяется вымыслом, кривотолками и мифическими рассказами»[31]. Москвича неудержимо влекло выйти из дома на улицу и стать свидетелем и непосредственным участником городских событий.

Как писал знаток московской жизни, известный «дядюшка Гиляй» – журналист и репортер В. А. Гиляровский, «для многих москвичей трактир был «первой вещью». «Он заменял и биржу для коммерсантов, делавших за чашкой тысячные сделки, и столовую для одиноких, и часы отдыха в дружеской беседе для всякого люда, и место деловых свиданий, и разгул для всех от миллионера до босяка». Московскому трактиру была не свойственна особая роскошь, он представлял собой, как правило, один большой зал, в заведениях покрупнее имелись еще и отдельные «кабинеты». Все обустроено просто, никаких изли-

[31] *Василич Г.* Москва 1850–1910 гг. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1911. С.24.

шеств – ковров, занавесей и т.п., но зато о московских трактирах можно было по русской пословице сказать, что они «красны не углами, а пирогами». Современники отмечали, что «трактиры славились, и не без основания, чисто русскими блюдами: таких поросят, отбивных телячьих котлет, суточных щей с кашей, рассольника, ухи, селянки, осетрины, растегаев, подовых пирогов, пожарских котлет, блинов и гурьевской каши нельзя было нигде получить, кроме Москвы. Любители-гастрономы выписывали в Петербург московских поросят и замороженные растегаи»[32]. Каждый известный трактир дорожил своей репутацией и ревностно оберегал ее. Трактир Егорова в Охотном ряду славился «воронинскими» блинами, «Арсентьич» в Черкасском переулке – ветчиной особого посола, заведение Тестова – «тестовским» поросенком, растегаями и гурьевской кашей. В облюбованный купцами и часто фигурировавший во многих русских романах Новотроицкий трактир на Ильинке, где совершались миллионные торговые сделки, считалось необходимым сводить всякого «видного» иностранца, прибывшего в Москву.

Со временем наряду с традиционно русскими трактирами стали появляться рестораны с европейской кухней, которые облюбовала публика «почище» – к существовавшему с дореформенной поры «Эрмитажу» добавились «Славянский базар», «Альпийская роза», «Дюссо», «Дрезден» и др. Любителей ночного разгула зазывали загородные рестораны с цыганами, которых было особенно много в Петровском парке – «Яр», «Стрельна», «Эльдорадо». К слову сказать, свои гастрономические потребности могли удовлетворить не только клиенты ресторанов и трактиров, но и те уличные гуляки, которым не хватало средств, времени или просто желания для их посещения. В Охотном ряду, вдоль Китайгородской стены, у Торговых рядов – всюду толкались продавцы, расхваливавшие разнообразный товар: пирожки «подовые» – с подливкой, «воробушки» – маленькие пирожки, плавающие в масле в большой корчаге, блины на лоточках, горячую колбасу, рубцы, завернутые в трубки, гречневики, выпеченные из гречневой муки. Тут же сновали и разносчики клюквенного кваса, разлитого в стеклянные кувшины.

Определенные группы москвичей облюбовали свои трактиры. Извозчики предпочитали «Лондон» в Охотном, «Коломну» на Неглинном, трактир в Столешниковом. Студенчество более всего посещало «Русский трактир» на Моховой, близ университета. В дообеденные часы здесь ежедневно можно было застать компанию студентов, играющих на бильярде и тут же закусывающих. Любители охоты собирались в тесном прокуренном трактирчике-низке «Собачий рынок» на Неглинном проезде рядом с Трубной площадью, впоследствии они арендовали отдельный дом и основали в нем Московский охотничий клуб.

Вообще говоря, в то время у москвичей пошла мода на подобного рода объединения. В дополнение к существовавшим до реформы Английскому, Купеческому, Дворянскому и Немецкому клубам добавились Яхт-клуб, Артистический кружок, Гимнастическое общество, Скаковое общество и многие другие, объединявшие часто представителей различных по материальному положению и социальному статусу группы московского населения. С описанием заседания одной из таких ассоциаций – Общества московских рыболовов – можно ознакомиться в воспоминаниях московского мемуариста И. А. Слонова. Общество напротив храма Христа Спасителя на Москве-реке содержало пристань с избой, поставленной на деревянном плоту и служившей своеобразным клубом, где собирались рыболовы. Но наиболее торжественные мероприятия проходили в большом белом зале Московского трактира. На очередном торжественном заседании «собралось 27 членов, все люди довольно пожилые; тут были купцы, чиновники, капельдинеры, дворцовые лакеи и несколько подозрительных лиц неопределенной профессии.

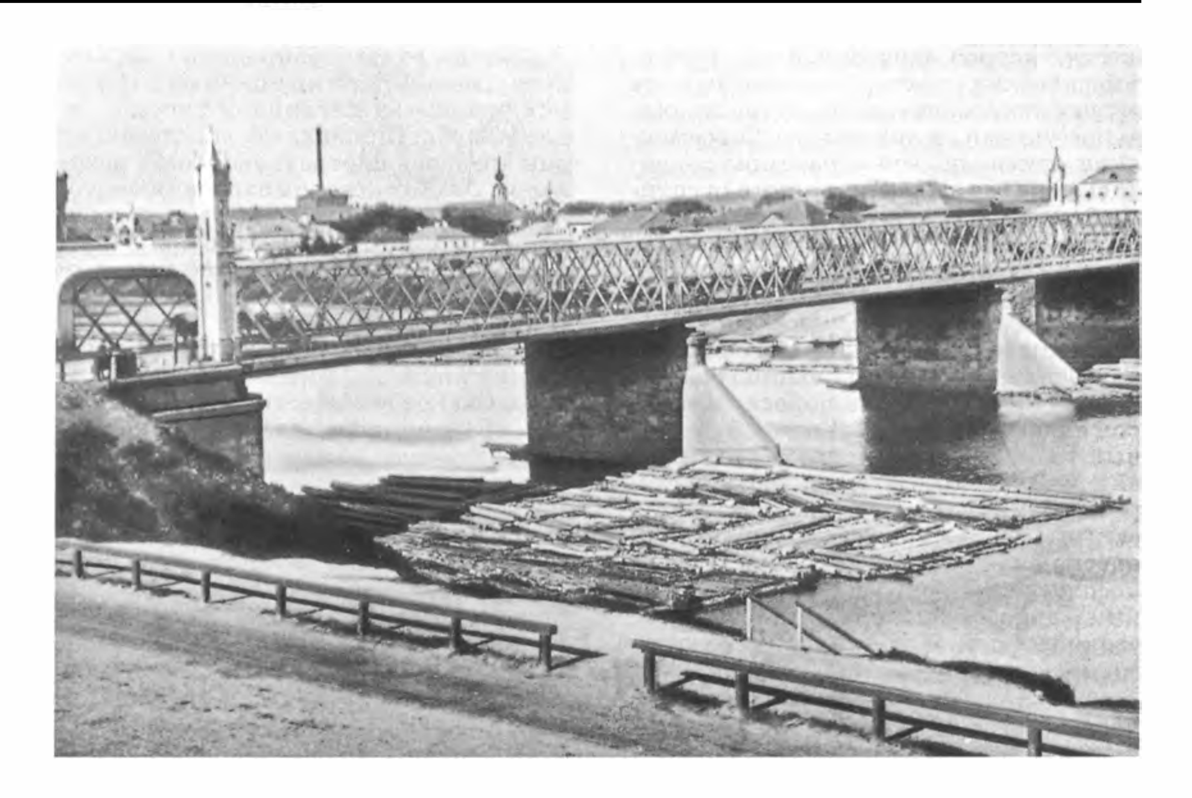
Председатель Общества, редактор «Московского листка» Н. И. Пастухов, ярый рыболов, деловым тоном открыл заседание следующим заявлением: «Господа, на сегодняшнем заседании нам предстоит обсудить всесторонне назревший вопрос относительно груза: на чем лучше становить лодки для ловли рыбы – на якорях, рельсах или камнях? ...Желающих прошу высказываться по этому вопросу». Рыболовы, выслушав это заявление, почти одновременно заговорили об отрицательных и положительных свойствах этих грузов. После непродолжительных дебатов выяснилось, что большинство высказалось за то, чтобы становиться на рельсах. Затем следовал доклад члена Общества, богатого купца и страстного рыболова Михаила Ивановича Носикова о вновь изобретенном им поплавке, который он тут же демонстрировал. Рыболовы с серьезными лицами и с большим интересом долго рассматривали этот поплавок, нашли его практичным и постановили благодарить его изобретателя... Следующий очередной вопрос был о приманке. Но в это время в заседание половой принес большой поднос с водкой и закусками... и я поспешил удалиться из «заседания»[33].

Москвичи гордились, и не без основания, своими банями. Единственное место, которого ни один москвич не ми-

[32] *Давыдов Н.В.* Указ. соч. С.37.

[33] *Слонов И.А.* Из жизни торговой Москвы. М., 1914. С.65.

Бородинский мост. Вид с левого берега Москвы-реки. 1883 г.

новал,– это бани. И мастеровой человек, и вельможа, и бедный, и богатый не могли жить без торговых бань. Посещение бань было не просто гигиенической процедурой, а обрядом священнодействия. Москвичи любили и веничком попариться, и отдохнуть в раздевальной, и в своей компании «язык почесать». Торговые бани разделялись на два разряда: люди со средствами шли в отличавшееся бóльшим комфортом «дворянское» отделение – за гривенник, беднота – в «простонародные» за пятак.

Множество бань располагалось вдоль Москвы-реки, однако наиболее известными были в Белом Городе вечные конкуренты – Сандуновские и Центральные, владельцы которых в конце XIX в. модернизировали свои заведения, переделав их по современной строительной технологии.

В летнее время на Москве-реке устраивались купальни, большинство из них находилось около мостов: Каменного, Москворецкого, Крымского, Устьинского. Купальни, как и бани, делились на простонародные и дворянские, последние отличались чистотой раздевален, простором и были украшены живыми цветами. Однако многие москвичи обходились и без купален. На окраинах города у спусков к реке купались прямо у берегов. В таких местах особенно много купающихся собиралось в летние праздничные дни.

Москва-река привлекала людей не только летом, но и зимой, когда устраивались рысистые бега. На льду реки между Москворецким и Большим Каменным мостами строились деревянные трибуны, специальной изгородью обносился круг, по которому мчались лошади. Азартное зрелище собирало толпы народа и обе набережные и мосты оказывались переполненными зрителями. Особенно привлекали публику забеги троек. «Русский человек любит тройку,– отмечал П. И. Богатырев,– как что-то широкое, разгульное, удалое, что захватывает как вихрем, жжет душу огнем молодечества... Какой потрясающий крик вырывался из ста тысяч грудей, когда лихая тройка, стройно несущаяся, птицей быстролетной «подходила» первая к «столбу»! Взрыв крика сопровождался оглушительными аплодисментами, это была какая-то буря народного восторга»[34].

Любовь москвичей к спортивным зрелищам выражалась и в пристрастии к традиционным состязаниям – борьбе, кулачному бою. Был распространен так называемый московский способ борьбы, когда один из бойцов, наклонив противника в сторону, носком правой ноги подбивал его на землю. Принято считать, что именно отсюда и пошла поговорка «Москва бьет с носка». Кулачные бои устраивались на льду Москвы-реки у Бабьегородской плотины, а чаще всего на рабочих окраинах – в районе Преображенского, где стенка на стенку сходились традиционные соперники, вроде суконщиков фабрики Носовых и платочников фабрики Гучковых.

Любимым развлечением горожан оставалось и катание с ледяных гор. На масленицу вдоль реки возводились горы с затейливыми башенками, на которых развевались разноцветные флаги. Вдоль гор вместо барьеров стояли елки, а меж-

[34] *Богатырев П.И.* Московская старина // Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С.103.

Городская больница на Калужской улице

ду ними – скульптуры из льда и снега. Вырастал красочный городок из балаганов и палаток. Тут же демонстрировались разнообразные фокусы, проходили представления, но главным, конечно, являлось сопровождавшееся шумом и смехом катание на стремительно летящих санях.

Новым, вошедшим в моду в пореформенное время развлечением, стало катание на коньках. Зимой заливалось множество катков, один из самых популярных считался на Чистых прудах. Его обносили забором, освещали разноцветными фонарями, сюда приглашали военный оркестр. Тут же сооружались снеговые горы для катания на санках.

Московские улицы заполнялись толпами горожан в период народных гуляний, проводившихся по праздникам несколько раз в год – на масленицу и Пасху, в Вербное воскресенье, на Семик. С XVIII в. традиционным в Москве стало первомайское гулянье. Основные торжества проходили на Девичьем Поле, в Сокольниках, Петровском парке, Останкине, в Вербное воскресенье центром празднования становилась Красная Площадь, на Семик – Марьина роща. В специально отведенных для этих целей местах строились временные дощатые балаганы, раскидывались торговые палатки с вином, блинами, пирогами, пряниками, орехами, сооружались карусели и перекидные качели. В балаганах показывали пантомимы, пели песни, демонстрировались фокусы и акробатические представления, раешники разворачивали кукольные представления. «...Так как балаганов было много и музыка играла единовременно и разное, а к этим звукам присоединялась слышная, конечно, и снаружи пальба батальных пантомим и звон колоколов, которыми балаганы созывали публику к началу представления, то получалась замечательно дикая и оригинальная какофония, переносная для уха, благо это происходило на воздухе, и даже возбуждающая, веселящая»[35].

Во время народных гуляний днем и вечером бывали переполнены все балаганы, театры, цирки, а также рестораны, трактиры, харчевни, пивные. Веселившиеся и широко гулявшие москвичи старались хоть на короткое время забыть про свои заботы и насладиться знаменитыми на всю Россию праздниками родного города.

[35] *Давыдов Н.В.* Указ. соч. С.27.

МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ 1862–1900 гг.

1. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

После отмены крепостного права в Москве последовала реформа городского общественного управления. Московская дума, созданная «Жалованной грамотой городам» 1785 г., к этому времени представляла собой настолько архаичное и безжизненное явление, что многие москвичи и не подозревали о ее существовании.

Положение 20 марта 1862 г. «Об общественном управлении города Москвы»[1] было разработано по образцу действовавшего в Петербурге Положения 1846 г., поэтому несло в себе те же начала сословности и зависимости от местной администрации.

Закон 1862 г. предусматривал деление горожан на пять групп: 1) Потомственные дворяне; 2) Личные дворяне, куда были отнесены также почетные граждане, не записанные в купеческие гильдии, духовенство, иностранцы, крестьяне-домовладельцы и представители других сословий, владевшие недвижимой собственностью; 3) Купцы и почетные граждане, записанные в гильдии; 4) Мещане; 5) Ремесленники. Для всех сословий устанавливался одинаковый ценз: избирателем мог быть тот, кто владел недвижимым имуществом или капиталом, приносившим доход не менее 100 рублей в год, достиг 21 года и кто проживал в Москве не менее двух лет. Для выборных и гласных возрастной ценз повышался до 25 лет, а для городского головы – до 30 лет. Кроме того, кандидат на должность городского головы должен был владеть недвижимой собственностью, оцененной не менее чем в 15 тыс. рублей, т.е. быть человеком состоятельным.

Выборы в Москве были двухстепенными: каждое сословие избирало по 100 выборных, которые избирали из своей среды по 35 гласных. В Московской думе насчитывалось 186 человек: 175 гласных, 5 сословных старшин, 5 их товарищей и городской голова. Одновременно избирались по два члена от каждого сословия в Распорядительную думу (впоследствии Управа). Общая дума избиралась сроком на три года, а городской голова и Распорядительная дума – на четыре года.

Однако Положение 1862 г., разработанное в период крестьянской реформы и подготовки земской и судебной реформ, не могло стать простым повторением Положения 1846 г.– оно несло на себе отпечаток породившего его переходного времени. Поэтому, несмотря на сословный принцип формирования состава гласных, Положению 1862 г. были присущи черты, характерные для буржуазного законодательства. Оно уравняло представителей всех сословий требованием равного имущественного ценза, предоставило каждому из пяти сословий право выдвигать своего кандидата на должность городского головы, а затем объединило всех гласных в собраниях Думы общими интересами, как граждан одного города. Поэтому 1863 г., когда в Москве состоялись первые по Положению 20 марта 1862 г. выборы в городскую думу, является точкой отсчета нового периода в истории московского городского общественного управления.

В 1862 г. Министерство внутренних дел приступило к разработке городской реформы для всех городов России. 16 июня 1870 г. Городовое положение получило силу закона[2]. Получение избирательных прав по новому закону обосновывалось не сословным, а имущественным положением жителей города. Избирателями могли стать только плательщики городских налогов. «Кто не платит местных налогов, тот не должен иметь права голоса в расходах»[3],– отмечал доктор государственного права Б. Н. Чичерин.

Но этот принцип не выдерживался последовательно. В число избирателей не входили горожане, платившие налоги с лошадей, экипажей и собак, не получили избирательных прав квартиро-

[1] ПСЗ-II. Т.37. Отд.1. № 38078.

[2] Там же. Т.45. Отд.1. № 48498.

[3] *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Т.3. М., 1898. С.501.

наниматели, особенно многочисленные в столицах, чернорабочие и другие плательщики косвенных налогов. Круг избирателей ограничивался плательщиками сборов с недвижимой собственности и торгово-промысловых документов. Предполагалось, что именно эта часть городского населения, принимавшая непосредственное участие в жизни города, в большей степени заинтересована в правильном ведении дел. Право избирать и быть избранным не зависело от величины уплачиваемых налогов: равные права имели плательщики и 10 тыс. рублей и 10 копеек. Таким образом, вместо имущественного ценза, существовавшего в 60-е гг., Городовое положение ввело налоговый ценз. Помимо уплаты основных городских налогов, для получения избирательных прав необходимо было быть русским подданным, иметь возраст не моложе 25 лет и проживать в городе не менее двух лет.

В Городовом положении 1870 г. получила воплощение идея о пропорциональном распределении прав и обязанностей: кто больше платит в городской бюджет, тот имеет больше прав в его распределении. За образец было взято немецкое законодательство, подразделявшее всех избирателей на три имущественные курии. По статье 24 Положения 1870 г. избиратели вносились в общий список по убывающей величине уплачиваемых ими налогов, затем этот список делился на три части – курии или разряды. К первому относились те, кто платил первую треть общей суммы городских сборов, т.е. самые богатые, ко второму – вносившие вторую треть, а к третьему разряду – все остальные. В 1872 г. в ходе первых выборов по закону 1870 г. из 17 427 московских избирателей 419 человек (2,4%) принадлежали к первому разряду, 1991 человек (11,4%) – ко второму и 15 017 избирателей, плативших налоги от нескольких сотен рублей до нескольких копеек, составляли третий разряд. Неравные по численности курии избирали одинаковое число гласных Думы, что и должно было обеспечить «соразмерное» представительство прав и обязанностей различных имущественных групп избирателей.

Однако принцип соразмерного представительства явно нарушался статьей 36, которая разрешала каждому разряду избирать в своем собрании любого избирателя независимо от имущественного положения. На практике это привело к тому, что в Московской думе преобладал третий разряд. В 1880-е гг. более 60% московских гласных принадлежало к третьей имущественной курии, и только 7% – к первой[4].

По Положению 1870 г. Московская дума избиралась на четыре года и состояла из 180 гласных (по 60 человек от каждой курии). Дума избирала свой исполнительный орган – Управу, которая в разные годы состояла из 8–11 членов, и городского голову. Голова возглавлял деятельность и Думы и Управы.

На органы городского самоуправления возлагались административно-хозяйственные задачи. Сюда входили благоустройство города (мощение дорог, освещение, транспорт, водопровод, канализация и пр.), школьное и медицинское обслуживание населения города, общественное призрение, благотворительное дело.

Помимо развития отраслей хозяйства, отвечавших интересам города, в обязанности Думы и Управы входило также выполнение государственных повинностей по содержанию органов местного и государственного управления, полиции, тюрем, пожарной и воинской частей.

Как и все учреждения губернии, органы городского самоуправления подчинялись генерал-губернатору и губернатору. Для надзора за их деятельностью было создано Губернское по городским делам присутствие, состоявшее из семи членов: губернатора, вице-губернатора, председателя Казенной палаты, губернского прокурора, городского головы, председателя губернской земской управы и председателя мирового съезда. Б. Н. Чичерин, принимавший в 1882–1883 гг. участие в работе этого учреждения в качестве московского городского головы, писал в «Воспоминаниях»: «... как бы ясны ни были права города, правительственные члены всегда подавали голос за правительственные требования, а так как они составляли большинство, то город никогда не мог добиться справедливого решения»[5].

По Положению 1870 г. деятельность Управы была подконтрольна Думе и не подлежала ревизии общих контрольных учреждений (статья 147). Она должна была представлять Думе ежегодные отчеты о движении городских сумм и сметы, которые после утверждения их гласными поступали к губернатору «для сведения». Но на практике действия Управы оказывались бесконтрольными. Так, в течение первого десятилетия своей деятельности Московская управа не представила Думе ни одного отчета, а Дума не провела за эти годы ни одной ревизии. Это создавало возможность для обогащения отдельных представителей городской власти. В частности, плохой репутацией в Московской думе пользовался товарищ городского головы М. Ф. Ушаков, у которого, как считали современники, «руки сильно нечистые – при постройке боен счетов не оказалось при контроле»[6].

О бесконтрольном «транжиреньи» городских денег и «расхищении общественных сундуков» писала пресса 1870–1880-х гг.[7]

[4] Подробнее см.: *Писарькова Л.Ф.* Социальный состав городских гласных накануне контрреформы 1892 г. // История СССР, 1989. № 6. С.156–157.

[5] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т.4. Земство и Московская дума. М., 1934. С.372.

[6] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.1. Д.15. Л.36об.

[7] Отечественные записки. 1879. № 6. Внутреннее обозрение. С.257.

Московская городская дума. Старое здание на Воздвиженке. 1860-е гг.

Новое Городовое положение, утвержденное 11 июня 1892 г. и сохранявшее силу закона до лета 1917 г., значительно ограничило самостоятельность органов городского самоуправления в расходовании городских средств, усилило контроль за их деятельностью со стороны администрации, и прежде всего губернатора и губернского по городским и земским делам присутствия. С 1892 г. губернатор осуществлял контроль не только за законностью действий городского общественного управления, но и за их правильностью. Он мог остановить любое постановление Думы, если считал, что оно нарушает интересы города или не соответствует «общим пользам и нуждам государства» (статья 83). Докучливый надзор связывал инициативу Думы и Управы, но вместе с тем он обеспечивал более четкое ведение отчетности о состоянии городского хозяйства, ограничивал возможности для злоупотреблений со стороны должностных лиц города.

С 1892 г. все должностные лица общественного управления считались состоявшими на государственной службе. В столицах городской голова получал чин действительного статского советника (IV класс), товарищ городского головы и члены Управы – чин надворного советника (VII класс), а городской секретарь – коллежского асессора (VIII класс). Эта мера также способствовала усилению зависимости выборных органов власти от правительства, хотя повышала престиж общественной службы.

Новое Городовое положение внесло существенные изменения в городскую избирательную систему. Прежде всего, было упразднено деление избирателей на курии, что имело положительное значение: немецкое законодательство плохо прижилось на русской почве и не принесло желаемых результатов. Для проведения выборов гласных создавалось уже не три, а одно собрание, которое при многочисленности избирателей могло подразделяться на территориальные избирательные участки (статья 34). Другим стал и принцип формирования городских избирателей: в 1892 г. вместо налогового ценза был введен имущественный ценз, существовавший в Москве в 60-е гг. По статье 24 нового закона избирательные права в столицах получили лица и товарищества, уплачивавшие оценочный сбор с недвижимого имущества, стоившего не менее 3000 рублей. Занятие торговлей уже не было автоматически связано с получением статуса городского избирателя. В столицах избирательные права сохранили только купцы 1-й гильдии. В результате существенно изменился состав городских избирателей и гласных.

2. МОСКОВСКИЕ ГОРОДСКИЕ ИЗБИРАТЕЛИ

К первым выборам по Положению 20 марта 1862 г. в Москве в списки были внесены 13 229 избирателей, что составляло около 3,8% населения столицы (от 352 тыс. человек). В 1872–1889 гг., когда городские выборы проводились по Городовому положению 1870 г., число избирателей возросло с 17 427 до 23 671 человека, но их удельный вес за эти годы сократился с 2,9% до 2,7%, что объяснялось быстрым ростом населения Москвы. С введением Городового поло-

Новое здание Московской городской думы. Архитектор Д. Чичагов. 1890–1892 гг.

жения 1892 г. число избирателей сократилось более чем в 3,5 раза, составив 6260 человек или около 0,7% численности москвичей (939 тыс. человек). Вместе с тем возросла активность избирателей с 8% в 1889 г. до 22% в 1893 г.

Введение в 1892 г. имущественного ценза не только сократило число избирателей, но и в значительной степени изменило их состав. Если в 70–80-е гг. среди избирателей преобладал торгующий человек (свыше 66% общей численности), то после 1892 г. на смену ему пришел домовладелец.

Каковы же были основные городские налоги, уплачиваемые московскими избирателями, соотношение их величины с величиной имущественного ценза?

3000 рублей – оценочная стоимость недвижимой собственности в Москве, дававшая право на участие в городских выборах – приносила ее владельцу чистый доход в 300 рублей (из расчета 10% стоимости), оценочный сбор составлял 9% величины чистого дохода и равнялся 27 рублям. С учетом высокой стоимости домов в столице этот налог был не очень высоким. В 1892 г. из 11 053 московских домовладельцев 8975 человек (81,2%) платили оценочный сбор в размере 27 и более рублей, что давало им право участия в городских выборах[8].

Что касается торгово-промышленных слоев, чаще всего не имевших недвижимой собственности в черте города, то требованиям имущественного ценза отвечали только купцы 1-й гильдии, вносившие в городской бюджет 84 руб. 75 коп. в год. Купцы 2-й гильдии платили городу 18 руб., платежи с других торговых и промысловых документов не превышали нескольких рублей. Минимальный налог – 60 копеек в год – вносили приказчики[9].

Таким образом, введение имущественного ценза было направлено прежде всего против части городского населения, занятого в торгово-промысловой сфере и не имевшего в Москве недвижимой собственности. Среди этих горожан был особенно высок процент переселенцев из соседних губерний.

По-разному складывалась их судьба в большом городе. Одни шли на фабрики и заводы, образуя многочисленный и неизвестный в развитых европейских странах слой крестьян-рабочих; другие начинали городскую жизнь с мелочной торговли, постепенно переходили в мещанское сословие или становились цеховыми, а при удачном стечении обстоятельств приобретали купеческие свидетельства 2-й, а со временем даже 1-й гильдии. Порвав с привычным укладом, бывшие сельские жители далеко не всегда находили свое место в большом городе. Замкнувшись в своем узком мирке, они мало интересовались общественной жизнью и городскими делами, проявляя полное равнодушие к городским выборам.

Они были настолько далеки от городских дел, что даже вручение им списков избирателей, которые Управа должна была прислать каждому, имевшему право участвовать в выборах, являлось затруднительным. По свидетельству городского головы Н. А. Алексеева, «в некоторой части избирателей, неграмотных или полуграмотных, присылка объемистых печатных алфавитов порождала значительное недоумение (...) адресаты отказывались от их получения (...) просили освободить их от обязанности читать присланное, а равно являться на

[8] Известия Московской городской думы. 1897. № 1. С.16.

[9] Финансы города Москвы за 1863–1894 гг. // Сборник очерков по городу Москве. М., 1897. С.12–13.

выборы»[10]. Именно эта категория горожан, составлявшая преобладающее большинство избирателей третьей имущественной курии, определяла низкий процент участия в городских выборах. В 70–80-е гг. на выборы являлось не более 5% избирателей. Особенно низкой была активность избирателей третьей курии. Так, в выборах 1872 г. приняли участие: 20% избирателей первой курии, 9% – второй и 2% – третьей.

Уклонение от участия в выборах низшей имущественной курии объяснялось не только неграмотностью и общественной пассивностью избирателей, но и несовершенством избирательной системы. Объединение в этом избирательном собрании 20 тыс. человек было рассчитано на участие в выборах очень незначительной части избирателей. Однако и при явке 2–5% избирателей выборы затягивались до глубокой ночи. Много времени занимала баллотировка шарами каждого кандидата в гласные.

Особенно утомительной оказалась процедура проведения выборов в 60-е гг., когда выборы продолжались 12 и более часов. Это объяснялось тем, что тут же в избирательном собрании составлялись списки кандидатов в выборные. С начала выборов двери запирались, и покидать собрание можно было только с разрешения председателя. Буфет, устроенный в первый день купеческих выборов, на третий день был закрыт после «шумного веселья от спиртных напитков». Благодаря описанию в московских и даже петербургских газетах, третий замоскворецкий избирательный участок прославил себя криками «ура» в буфете, когда приглашали к баллотировке, и тем, что «одного из «столпов» водили под руки, когда приходил его черед класть шары»[11].

В 70-е гг. процедура проведения выборов стала проще, но баллотировка шарами, несмотря на ее громоздкость, сохранялась. В условиях неграмотности многих избирателей такой способ волеизъявления позволял предотвратить злоупотребления, неизбежные при подаче голосов записками.

Для составления списков кандидатов при Управе создавалась специальная комиссия, которая принимала заявления о лицах, подлежащих баллотировке. Любой горожанин, имевший право участвовать в выборах, мог предложить к баллотировке себя или любого другого избирателя. Из этих заявлений составлялись, печатались и рассылались всем избирателям списки кандидатов в гласные от каждой курии. Очень часто одни и те же фамилии повторялись во всех трех списках. Такой чести удостаивались, как правило, наиболее известные деятели города: С. А. Муромцев (2-й разряд), В. И. Герье, Н. Н. Щепкин, Д. В. Жадаев (3-й разряд), братья Бахрушины (1-й разряд) и др. От баллотировки можно было отказаться и многие, особенно избиратели первой и второй курий, пользовались этим правом. Желающим участвовать в выборах в качестве избирателей выдавались входные билеты. В 1872–1889 гг. выборы проводились по трем имущественным куриям, а с 1892 г.– по трем территориальным участкам.

Выборы проходили в конце года по порядку разрядов или участков – 1, 2 и 3. В день выборов в зале заседаний Думы рядами расставлялись баллотировочные ящики с ярлыками, обозначавшими имя, отчество и фамилию кандидата в гласные. Каждый ящик имел отверстие для руки избирателя и два отделения, окрашенных в белый и черный цвет: правое – избирательное и левое – неизбирательное. Избиратели вызывались в залу по алфавиту, получали для каждого ящика шар и опускали его в отверстие.

В 1870–1900 гг., вплоть до появления политических партий, судьба кандидата в гласные решалась в различных сословных, профессиональных или клановых группах и группках избирателей. Поэтому нередко избиратели приходили на выборы с записками в руках. «Это значит – верен своей группе и избирает только тех, кто указан руководителем,– писал Астров в «Воспоминаниях».– А бывали и такие простецы, которые, получив шар, отходили на некоторое расстояние от баллотировочного ящика и, прицелившись, бросали шар в дырку. Пускай сам катится, куда Бог велит»[12]. Следует заметить, что уже в конце XIX в. такие «простецы» были довольно редким явлением, а с созданием политических партий каждое место в Московской городской думе стало предметом ожесточенной борьбы.

В XIX в. результаты баллотировки во многом зависели от влиятельности кандидата в гласные, личных симпатий, просьб об избрании и даже обещаний хорошего угощения в случае поддержки на выборах.

После окончания баллотировки начинался подсчет шаров; избранными считались те, кто получил больше половины голосов, участвовавших в выборах. При недоборе необходимого числа гласных проводилась вторичная баллотировка, при которой считались избранными даже те, кто получил менее половины голосов. В 1872–1892 гг. Московская дума всегда состояла из 180 гласных. Городовое положение 1892 г. сократило их число до 160 человек, но Дума считалась правомочной, если на выборах было избрано не менее 2/3 численности гласных (т.е. минимум 107 из 160 гласных).

Вновь избранные гласные приносили присягу и приступали к исполнению своих обязанностей.

[10] ЦИАМ. Ф.17. Оп.71. Д.25. Т.II. Л.172–173об.

[11] *Лебедев И.А.* К 50-летию Московского городского управления // Известия Московской городской думы. 1913. № 4. С.14, 18.

[12] *Астров Н.И.* Воспоминания. Париж, 1940. С.264.

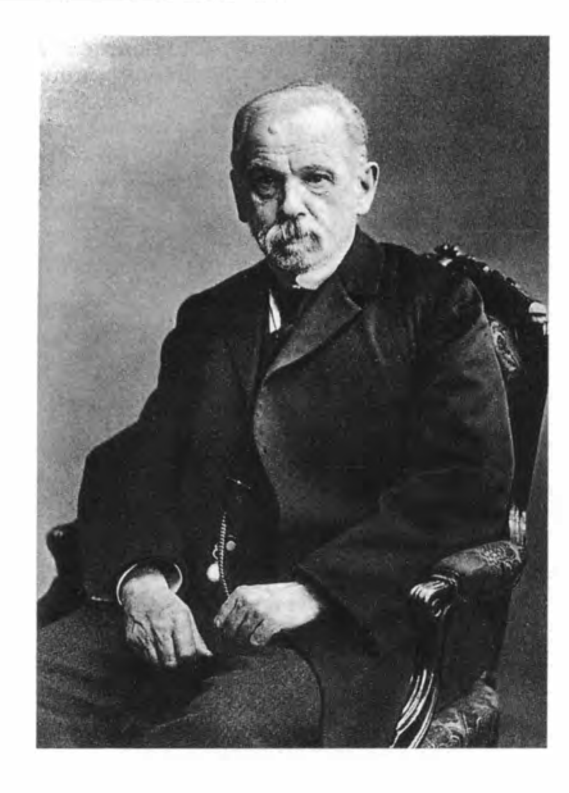
3. МОСКОВСКИЕ ГЛАСНЫЕ

На вопрос: «Кого москвичи избирали в городскую думу?» – нельзя ответить однозначно. Менялось городское законодательство, менялись условия жизни в России и в ее первопрестольной столице, а вместе с ними менялся и социальный облик московского гласного.

В Общей думе 60-х гг. были в равной степени представлены пять сословных групп городского населения. Однако лидирующую роль в ней играло дворянство. В Думу избирался цвет московского дворянства. Достаточно назвать известных не только в Москве братьев Ю. Ф. и Д. Ф. Самариных, А. И. Кошелева, графа А. С. Уварова, Н. Х. Кетчера, А. В. Станкевича, чтобы составить представление об интеллектуальных силах, призванных на службу Москве. Возглавляли Думу два князя: А. А. Щербатов и В. А. Черкасский (с 1869 г.). Перед Думой и ее руководителями стояла в эти годы сложная задача создания основ городского хозяйства, собирания в руках общественного управления немногочисленных его отраслей, распыленных по отдельным министерствам и ведомствам. И эта задача была успешно решена.

Введение Городового положения 1870 г., провозгласившего принцип бессословности, на практике привело к преобладанию в Думе торгующей части населения Москвы, преимущественно купечества. Исключение представляли выборы 1872 г., когда дворяне и чиновники получили в Думе больше мест, чем почетные граждане: 86 против 81[13]. Но не дворяне задавали тон в общественном управлении 70-х гг. Московская городская дума стала другой. Происходящие в ней перемены заметили, прежде всего, гласные 60-х гг. «Грустно видеть,– писал Ю. Ф. Самарин жене князя Черкасского в 1875 г.,– как скоро и легко выродилось у нас учреждение, которому, по-видимому, с легкой руки двух князей предстояла счастливая будущность. В каких-нибудь два года тон Думы совершенно испортился; прежнюю добродушную простоту вытеснила какая-то грубая невежественная и дерзкая притязательность. Того и гляди придется оттуда бежать»[14].

Характер новой Думы в полной мере определился в ходе последующих выборов. Уже в 1876 г. раздавались откровенные призывы не допускать к избранию дворянство, служащих и вообще интеллигенцию: «Не хотим ученых», «Наша взяла»[15]. В результате Дума 1877–1880 гг. состояла из 35 дворян и чиновников, 143 купцов и почетных граждан, одного мещанина и одного цехового.

Н. А. Найденов

В Московской думе 70-х гг. определяющую роль играло купечество. Однако с выборов 1881 г. среди московских гласных усилились позиции мещан, крестьян и цеховых. В 1885 г. они составляли почти треть Думы (56 из 180 гласных). Эта группа гласных, избранная в основном в третьем собрании, отличалась особой активностью и сплоченностью. Она получила название «черной сотни» или «текинцев» (по имени воинственного туркменского племени). «Совались они всюду»,– характеризовал этих гласных Б. Н. Чичерин,– говорили ежеминутно, обо всем и без всякого толку. Но зато это была единственная партия, крепко сплоченная и принимавшая живо к сердцу все городские дела»[16]. Признанными лидерами этой группы были Д. В. Жадаев, И. А. Киселев и П. Н. Сальников. Среди них выделялся владелец ящичной мастерской Д. В. Жадаев – «Давидка», как его называли противники, один из наиболее ярких ораторов из третьего разряда. Особую известность в Москве получило его выступление в Думе после обследования санитарного состояния мясных лавок: «насчет бахтериев», которые «так и шмыгают под ногами, рыжие, хвостатые»[17].

Среди гласных из купеческого сословия выделялись две группировки. В одну из них входили старые купцы во главе с Н. А. Найденовым, лидером другой был Н. А. Алексеев, в будущем московский городской голова. Найденов являлся незаурядной личностью. «Маленький, живой, огненный»[18], он представлял собой в 80–90-е гг. «самого крупного деятеля из среды купеческого мира»[19]. По сви-

[13] История Москвы. Т.IV. С.498.

[14] Там же. С.501.

[15] *Воронцов-Вельяминов П.* Выборы в гласные Московской городской думы на предстоящее четырехлетие. М., 1876. С.5.

[16] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т.4. Земство и Московская дума. С.184.

[17] *Гиляровский В.А.* Избранное. Т.3. Москва и москвичи. М., 1960. С.175.

[18] *Бурышкин П.А.* Указ. соч. С.118.

[19] ОР РГБ. Ф.70 (В.И.Герье). К.32. Д.4. Л.3–3об.

детельству Н. И. Астрова, «зависящее от него московское купечество беспрекословно исполняло его приказания. Так было в коммерческих делах. Так было и при выборах в Городскую думу»[20]. Отдавая дань уму и деловым качествам Найденова, современники в то же время характеризовали его как человека, преследовавшего свои личные цели, для которого «интерес купеческого сословия был несравненно выше городского, а свое личное значение выше всего»[21]. Сильное противодействие в Думе Найденов встречал со стороны молодого гласного Н. А. Алексеева, бывшего с ним «на ножах». Огромным влиянием в Думе пользовались Бахрушины, Третьяковы, Вишняковы, Рукавишниковы, Гучковы. Эти семьи постоянно имели несколько представителей в Думе.

Среди московских гласных 1870–1880-х гг. выделялась и группа интеллигенции из дворян, куда входили: будущий председатель Первой Государственной Думы С. А. Муромцев, В. М. Пржевальский, брат известного путешественника, юристы Ф. Н. Плевако, С. А. Шереметьевский, А. Н. Маклаков, Н. Ф. Гагман, профессор истории Московского университета, создатель Высших женских курсов в Москве В. И. Герье и др. В 70–80-е гг. гласные с высшим образованием были довольно редким явлением: в 1884 г. они составляли 16%, а в 1889 г.– 20% московских гласных.

Однако большинство избранников москвичей принадлежало к тому слою купечества, который дальше своих узкокастовых «купецких» интересов ничего не видел. Характеризуя купеческое большинство, Б. Н. Чичерин отмечал: «образования было очень мало, а участия к общественному делу, пожалуй, еще меньше. Работать умели весьма немногие, большая часть сидела молча и только подавала голос за своими вожаками»[22].

По определению Чичерина, в сословном отношении Московская дума 1880-х гг. представляла собой «отсутствующее дворянство, равнодушное купечество и наглую демократию»[23]. Напутствуя Московскую городскую думу, избранную по Городовому положению 1892 г., пресса еще более резко отзывалась о гласных 70–80-х гг., которые добровольно отреклись от всякой самостоятельности в области мысли и действий и «в конце концов, изображали собой не «отцов города», как величают в Америке муниципальных представителей, а «мебель», которую время от времени обставляли думскую залу ради исполнения обязательной по закону формальности»[24].

Однако, несмотря на столь нелестные характеристики, у московских гласных 80-х гг. хватило здравого смысла, чтобы направить развитие общественного хозяйства Москвы по пути, которым давно уже шли муниципалитеты многих развитых стран: создание собственных предприятий за счет городских займов.

С введением Городового положения 1892 г. состав Думы изменился, хотя и сохранил свой торгово-промышленный характер. Промышленный подъем конца XIX в. способствовал росту русской буржуазии, что нашло отражение и в составе общественного управления Москвы, крупнейшего промышленного центра России. Только в течение четырехлетия 1893–1897 гг. представительство промышленной буржуазии в Думе увеличилось в 1,5 раза: с 19 до 28%. По сравнению с 80-ми гг. значительно возросло число гласных, занятых в торговой и промышленной сфере. Многие из них происходили из старинных купеческих семей, имели высшее образование, чины и торговлей уже не занимались. После 1892 г. в Думе усилилось влияние интеллигенции: процент гласных из дворян и чиновников увеличился с 24% в 1885 г. до 31% в 1901 г., а мещан, крестьян и цеховых сократилось за эти годы с 31 до 4%.

Изменения в сословно-профессиональном составе Думы отразили повышение образовательного уровня гласных: в начале XX в. около 40% гласных имели высшее образование и 25% – среднее. Особенно высок был образовательный уровень членов Управы, с 1897 г. полностью состоявшей из выпускников высших учебных заведений.

Сложное и многоотраслевое хозяйство Москвы конца XIX в. требовало специальных знаний и широкого кругозора, поэтому особым влиянием в Московской думе пользовались представители интеллигенции. Н. П. Вишняков в «Думских воспоминаниях», рассматривая Думу конца 90-х гг. с позиции ее компетентности и активности, выделил группу «главных корифеев», насчитывавшую 20 гласных. Среди них такие, как С. А. Муромцев, «самый блестящий оратор», В. М. Пржевальский «один из коноводов», В. И. Герье, М. В. Духовский «партизан бедных», представители купечества – Н. А. Найденов и П. И. Санин и др. Интересно отметить, что 18 из этих гласных имели высшее образование.

Большим авторитетом у гласных пользовался С. А. Муромцев, председатель Комиссии по организационным вопросам и по изданию обязательных постановлений Московской думы. «Его прекрасная, величественная фигура, его красивый голос, его часто очень оживленное слово приковывали внимание Думы»,– отмечал Астров. Речи Муромцева в пояснение или в защиту докладов Комиссии были не только блестящими лекциями из области права, но и образцами парламентского красноречия.

[20] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.251.

[21] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т.4. Земство и Московская дума. С.180.

[22] Там же.

[23] Там же. С.184.

[24] Новости и Биржевая газета. 1893. 22 марта, № 80.

С. А. Муромцев

В. И. Герье

«Его обращение к противнику, невежественному и бестолковому, горячащемуся и говорящему заведомый вздор, со словами: «почтенный оратор, мой уважаемый оппонент, достоуважаемый гласный», уничтожали местного Мирабо, но придавали всему безукоризненный тон. Это были превосходные уроки общественности».

Работа в Организационной комиссии Московской думы была школой и для С. А. Муромцева, избранного в 1906 г. председателем Первой Государственной Думы. Он неоднократно отмечал, что работа в Московской городской думе очень помогла ему при составлении проекта Наказа Государственной Думы[25].

Заметной фигурой в Московской думе был один из старейших Московских гласных профессор истории В. И. Герье. Бессменный председатель Комиссии о пользах и нуждах общественных, он вел большую работу в Думе. Москва обязана ему созданием Высших женских курсов Герье и организацией вместе с В. М. Духовским городских попечительств о бедных. Как вспоминал Астров, «Владимир Иванович, в длинном черном сюртуке, с пачкой думских докладов под мышкой, являлся без опозданий на каждое заседание Думы». Выступления его в Думе не были пространными. Они были всегда хорошо аргументированными, деловыми, иногда язвительными; его «редких, но колючих реплик побаивались даже опытные и смелые думские ораторы»[26]. Во вторую группу Вишняков включил тех гласных, которые выступали, но очень редко. Это П. Н. Сальников (из крестьян), который «прежде выступал часто, теперь говорит только в крайних случаях», М. В. Бородулин (бывший мещанский староста) «той же формации угасших вулканов как и Сальников: когда-то говорил водообильно, но, умудренный опытом, теперь выступает очень редко», П. М. Калашников (часовщик), которому до городских забот «столько же дела, сколько до жены китайского императора» и др. Вместе с гласными, выступавшими только по специальным вопросам, их насчитывалось 20 человек.

Остальные члены Думы – «гласные безгласные». Но и среди них Вишняков выделял наиболее характерные типы. В их числе И. И. Казаков, который «всегда молчит, а крикнет что-нибудь и – тотчас сожмется», С. Ф. Бубнов (профессор Московского университета) «без всякой инициативы, кроме опаски скомпрометировать себя» и др.[27]

Отношение гласных к своим обязанностям особенно характеризует число являвшихся на заседания Думы. Несмотря на наличие в Городовом положении 1892 г. специальной статьи (60), предусматривавшей целую систему наказаний за неявку гласных на заседания,– от замечания до денежного штрафа в размере 75 рублей и даже временное исключение из состава Думы,– многие появ-

[25] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.265–266.

[26] Там же. С.267–268.

[27] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.1. Д.15. Л.32–39об.

лялись в Думе очень редко. По поводу несостоявшегося в мае 1898 г. собрания Н. П. Вишняков записал: «На заседание явилось только 45 гласных из 120! От гласного ничего ведь не требуется, кроме задницы. А им затруднительно даже оную утруждать сидением»[28]. Закон предусматривал обязательное присутствие не менее одной трети гласных, а при обсуждении важных вопросов – половины их общего числа. Однако в период действия Городового положения 1870 г., когда кворум не устанавливался, нередкими были заседания, на которых из 180 гласных присутствовало только 50–60 человек[29]. Таким образом, многие гласные самоустранялись от участия в городских делах: они или отмалчивались при обсуждении докладов, или вовсе не являлись на заседания Думы. Равнодушное отношение к городским делам значительной части московских гласных усиливало влияние «старейших», представлявших собой наиболее действенную и активную часть гласных, и всегда присутствовавших на заседаниях членов Управы.

4. СТАРЕЙШИЕ ГЛАСНЫЕ И ЧЛЕНЫ УПРАВЫ

Заседания Думы происходили не часто: от 4 до 25 в год, поэтому городские дела не особенно обременяли гласных даже при аккуратном посещении всех заседаний. Более загружены были те из них, кто работал в многочисленных думских комиссиях: медицинской, санитарной, о пользах и нуждах общественных, водопроводной и др. Управе не под силу было контролировать деятельность всех отраслей сложного городского хозяйства, поэтому решающую роль в комиссиях играли наиболее опытные гласные, заседавшие в Думе десятилетиями – старейшие.

К концу 90-х гг. число гласных, работавших в Думе три и более срока, приближалось к 50. Старейшим из них был П. П. Боткин – гласный с 1863 г., за ним шли гласные с 1866 г.– М. И. Ляпин, Н. А. Найденов и др. Почти каждый второй из них имел высшее образование, что значительно превышало общий уровень гласных.

Представляя наиболее образованную и авторитетную часть Думы, старейшие оказывали значительное влияние на ход думских дел. Так, в 1897 г., когда Дума не могла избрать городского голову и стояла перед угрозой его назначения администрацией, именно выбор старейших предопределил избрание князя В. М. Голицына. Из старейших была образована специальная комиссия, которая обсуждала две кандидатуры: князя Голицына и гласного В. М. Пржевальского. Заявление ли одного из членов комиссии, что «московский городской голова должен кончаться на «ов», «ин», «цын», или какие другие соображения сняли вопрос о Пржевальском[30].

Старейшие гласные не представляли какую-то монолитную группу, связанную общими интересами и целями. Наоборот, они подразделялись на множество небольших группок, каждая из которых стремилась упрочить свое влияние среди гласных, оказывать давление на голову и членов Управы. Это зачастую ставило должностных лиц Думы в трудное положение, заставляло их лавировать среди многочисленных групп. «Не говоря уже о высших административных сферах,– писал князь Голицын,– но даже у себя в Думе, при существующих в ней кружках и партиях, надо держать ухо востро и не очень откровенничать»[31].

Исполнительным органом Думы была Управа. Она состояла из отделов и отделений, где трудились многочисленные служащие. Члены Управы во главе с городским головой и его помощником (товарищем) осуществляли решения Думы, отчитывались перед гласными о работе всех отраслей городского хозяйства. Другими словами – в Управе была сосредоточена вся организационная деятельность городского общественного управления. В разные годы в Московской управе работало от 8 до 11 человек. Среди них всегда было много людей с высшим образованием, а с 1897 г. уже все они имели высшее образование.

Взаимоотношения городского головы с членами Управы во многом определяли работу Думы, поэтому каждый новый голова стремился окружить себя «своими» членами Управы. «Если не удастся пополнить Управу людьми мне преданными, то положение мое сделается очень трудным»[32],– записал в дневнике князь В. М. Голицын вскоре после своего избрания. Взаимоотношения Думы и Управы во многом зависели от личности городского головы, поэтому особый интерес представляют характеристики лиц, возглавлявших Думу в 1860–1900-х гг.

5. МОСКОВСКИЕ ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ

Законодательство о городском общественном управлении наделяло городского голову широкими полномочиями: он не только руководил деятельностью Управы, но председательствовал на заседаниях Думы. Совмещение в одном лице функций руководителя исполнительной и законодательной властей явно ущемляло права Думы. Возможность

[28] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп.1. Д.15. Л.42.

[29] Журналы Московской городской думы за 1888 г. М., 1889.

[30] ОР РГБ. Ф.70 (В.И.Герье). К.32. Д.4. Л.18–19.

[31] Там же. Ф.75 (кн. В.М. Голицына). Т.20. Дневник. С.173.

[32] Там же. Т.19. С.853.

гласных влиять на судьбу проектов, разработанных Управой, во многом зависела от личных качеств человека, стоявшего во главе городского общественного управления. В связи с этим современники выделяли три, наиболее характерных для Москвы, типа городских голов: «Один спрашивал у Думы, как ей угодно, чтобы дело было направлено, другой ей говорил – вы так хотите и так оно и будет, а третий восклицал – я так хочу и так этому следует быть!»[33]

На протяжении 1863–1900 гг. десять человек, разных по воспитанию, образованию и характеру, сменяли друг друга на должности московского городского головы. Эти были: князья А. А. Щербатов (1863–1869) и В. А. Черкасский (1869–1871), купец И. А. Лямин (1871–1873), чиновник Д. Д. Шумахер (1873–1876), купец-меценат С. М. Третьяков (1877–1881), профессор Б. Н. Чичерин (1882–1883), мировой судья С. А. Тарасов (1885), лидер купечества Н. А. Алексеев (1885–1893), «интеллигент» из купцов К. В. Рукавишников (1893–1896) и князь В. М. Голицын (1897–1905).

Во время «междуцарствия», когда городской голова уходил в отставку до окончания срока полномочий или умирал, его обязанности исполнял заместитель (товарищ). Эти периоды в истории самоуправления Москвы относятся к 1870 – началу 1890-х гг. Дважды, в 1873 г. и в 1876 – начале 1877 г., должность городского головы исполнял С. А. Ладыженский, а с конца 1881 г. и до избрания в январе 1882 г. Б. Н. Чичерина – Л. Н. Сумбул. М. Ф. Ушаков исполнял обязанности руководителя Думы особенно долго: в 1883–1885 гг. после отставки Б. Н. Чичерина и недолгого правления в 1885 г. С. А. Тарасова и в 1893 г., когда был убит Н. А. Алексеев.

Большая власть, сосредоточенная в руках городского головы, могла легко перейти ту зыбкую границу, отделявшую ее от самовластия. Влияние личности головы на обстановку в Думе и ее деятельность было огромно. Оно особенно возрастало в переломные моменты, определявшие направления хозяйственной деятельности Думы на целые десятилетия. Такими ответственными периодами в жизни столицы были 60-е и вторая половина 80-х – начало 90-х гг., когда во главе Думы стояли князь Щербатов и князь Черкасский, Чичерин и Алексеев. Именно в эти годы было положено начало городскому хозяйству, определено основное направление его развития. К середине 90-х гг. стали видны первые результаты этой созидательной работы: вырос бюджет Москвы, появились городские предприятия, ускорились темпы развития всех отраслей городского хозяйства. Отлаженный механизм хозяйственной жизни столицы требовал нового подхода к решению городских задач и новых лидеров.

Общее представление о московских городских головах дают краткие характеристики тех из них, чья деятельность оставила заметный след в истории Москвы. Прежде всего это князь Щербатов, князь Черкасский, Чичерин, Алексеев, Рукавишников и князь Голицын.

Князь Александр Алексеевич Щербатов (1829–1902) – первый городской голова Московской думы, преобразованной на началах самоуправления и всесословности. В отличие от С. -Петербурга, где на эту должность могли претендовать только дворяне, почетные граждане и купцы, московский городской голова избирался из представителей всех пяти городских сословий, предусмотренных Положением 1862 г. К баллотировке были выдвинуты шесть кандидатов: А. И. Кошелев, И. А. Лямин, И. Ф. Мамонтов, И. В. Селиванов, Г. И. Хлудов и князь А. А. Щербатов. Но баллотировалось только пять из них, так как Мамонтов снял свою кандидатуру. Вся Россия внимательно следила за ходом московских выборов, в которых «принимали равное участие и сановник, украшенный звездами, и низменный ремесленник в люстриновом пальто, и потомок боярского рода, идущего от Рюрика, и мещанин, едва помнящий, как звали его деда»[34]. Действительно, 16 марта 1863 г. в Москве состоялись первые в России выборы, в которых участвовали не представители различных сословий, а члены одного общества, объединенные общими целями и задачами. Это почувствовали участники выборов, это почувствовали зрители, которых собралось на хорах Благородного собрания до 1000 человек, это почувствовала вся страна.

Максимальное число голосов набрали Г. И. Хлудов, получивший 278 избирательных шаров из 461 возможных, и князь А. А. Щербатов, за которого проголосовало 338 человек[35].

Победой на выборах князь А. А. Щербатов, родившийся в Москве, во многом был обязан тому авторитету, которым пользовались его родители, много сделавшие для города. Но немалую роль здесь сыграла и личность самого князя. Всеобщую симпатию вызывала его рослая, грузная фигура настоящего барина-москвича, его неизменно благодушная улыбка и приветливость[36].

Дружно избранному всеми сословиями, князю Щербатову предстояла большая и сложная работа. Прежде всего необходимо было создать городское хозяйство, так как теми его немногочисленными отраслями, которые существовали к началу 60-х гг., владел не город, а различные министерства и ведомства.

Благодаря усилиям князя А. А. Щербатова общественному управлению были переданы публичные здания и сооруже-

[33] *Голицын В.М.* Москва в семидесятых годах // Голос минувшего. 1919. № 5–12. С.153.

[34] Московские ведомости. 1863. 19 марта. № 61. С.1.

[35] *Лебедев И.А.* Указ. соч. С.23.

[36] *Голицын В.М.* Указ. соч. С.120.

Князь В. А. Черкасский

ния, казармы и бульвары. При нем был упорядочен бюджет, налажена отчетность, четко определены источники доходов и расходов. Но прежде всего Москва обязана князю Щербатову созданием в 1866 г. первой городской больницы (впоследствии Вторая городская), положившей начало самостоятельной деятельности Думы в больничном деле. Попечению городского головы Дума поручила и другое важное начинание: открытие в 1867 г. первых пяти городских училищ для девочек.

Но не только заботы о городском хозяйстве требовали от головы большого напряжения сил и времени. Ему пришлось решать еще одну не менее ответственную задачу: сплочение разрозненных элементов городского общества для совместного служения общему делу. Отмечая заслуги князя А. А. Щербатова, московский гласный, историк М. П. Погодин, признавал, что ему удалось, несмотря на разнородный состав Думы, объединить ее в дружное общество[37].

Однако лучшим признанием заслуг князя А. А. Щербатова в деле единения общества было решение выборных от пяти сословий учредить в 1867 г. из добровольных пожертвований по одной стипендии имени князя Щербатова в Московском университете и Мещанском училище. Оценкой полезной деятельности головы стало также награждение его по окончании в 1866 г. первого срока полномочий званием почетного гражданина Москвы.

Князь А. А. Щербатов был избран городским головой на второй срок, но спустя два года по семейным обстоятельствам ушел в отставку, найдя себе достойного преемника в лице князя В. А. Черкасского. Еще в течение 13 лет Щербатов оставался московским гласным, проявляя неизменный интерес к городским делам. В 70-е гг. он много сделал для сооружения первой городской детской больницы св. Владимира, на средства, пожертвованные П. Г. Фон-Дервизом. После выхода в 1883 г. из состава гласных он стал попечителем нескольких городских учреждений, занимался благотворительной деятельностью, а после 1894 г. возглавлял попечительство о бедных Пресненского участка.

В 1902 г., после кончины князя Щербатова, Московская дума присвоила его имя городским учреждениям, созданным при непосредственном его участии: Второй городской больнице, амбулатории при Первой детской больнице и трем из первых пяти городских училищ. В 1913 г. город закончил строительство дома дешевых квартир имени князя Щербатова. Москва долго помнила этого человека, заложившего фундамент городского самоуправления столицы, за его нравственное влияние, «за спокойное, беспристрастное, благонамеренное, миротворное ведение дела»[38].

Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878) был хорошо известен не только Москве, но и всей России. Его деятельность началась с участия в подготовке крестьянской реформы. В марте 1859 г. в качестве эксперта он вошел в состав Редакционных комиссий и наряду с Н. А. Милютиным и Ю. Ф. Самариным стал их главным работником. Его записка «О положении крестьянского дела» явилась программой отмены крепостного права[39]. По свидетельствам современников, первоначальный проект Положения 19 февраля весь написан рукой Черкасского. «Этого одного было бы достаточно, чтобы вписать его имя в историю»[40], – отмечал в «Воспоминаниях» Б. Н. Чичерин.

После завершения работ по подготовке крестьянской реформы князь В. А. Черкасский в июне 1861 г. уехал в Веневский уезд Тульской губернии, где занял скромную должность мирового посредника. Осенью 1863 г. его вновь призвали в Петербург, теперь уже для разработки крестьянской реформы для Польши. Совместными усилиями Н. А. Милютина, Ю. Ф. Самарина и князя В. А. Черкасского эта задача была выполнена, и 19 февраля 1864 г. Положение получило силу закона. Польский период жизни князя Черкасского закончился со смертью Милютина: в 1866 г. вопреки воле Александра II он подал в отставку и уехал в Москву.

Кандидатура князя В. А. Черкасского на должность московского городского головы была предложена князем

[37] Князь Александр Алексеевич Щербатов. Бывший московский городской голова. 10 апреля 1863–18 февраля 1869 // Известия Московской городской думы. 1913. № 4. С.42.

[38] Там же. С.46.

[39] *Захарова Л.Г.* Отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. С.179.

[40] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Москва сороковых годов // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч.II. М., 1991. С.177.

А. А. Щербатовым и получила поддержку Думы. При баллотировке он набрал 304 из 441 голоса, а В. А. Бостанджогло – второй кандидат на эту должность – 222. Однако в этом новом качестве князю Черкасскому не удалось оправдать возлагаемые на него надежды. Московский период его деятельности длился всего два года – с 1869 по 1871 г. Пост городского головы не давал достаточного простора для человека, привыкшего к деятельности общегосударственного масштаба. Черкасский не был готов к роли администратора; по свидетельству современников он был «почти плохой администратор», склонный к регламентации и разбирательству, что порождало обиды и жалобы на притеснения[41]. Но эти два года не были потерянными для хозяйства Москвы. Новый городской голова продолжил начинания князя Щербатова в области народного образования. При нем Дума решила основать еще пять городских училищ, которые и были открыты в 1871–1872 гг. Благодаря энергии и настойчивости князя Черкасского в феврале 1871 г. в собственность Москвы был передан водопровод. Таким образом, в деле муниципализации одного из важнейших городских предприятий был заложен первый и фундаментальный камень[42]. В качестве московского городского головы князь Черкасский участвовал в подготовке Городового положения 1870 г., под его руководством в Московской городской думе были выработаны «Соображения о применении Городового положения 1870 г. к Москве», включавшие некоторые изменения и дополнения к Положению в связи с особенностями Москвы.

Однако не хозяйственная или законотворческая деятельность московского городского головы заставила говорить о нем Россию. Широкий общественный резонанс в стране и за рубежом вызвал составленный им Адрес Московской городской думы[43]. Поводом к его подаче послужил отказ правительства Александра II соблюдать условия Парижского мирного договора 1856 г., ущемлявшего интересы России на Черном море. Нуждаясь в поддержке обществом этой внешнеполитической акции, правительство поощряло подачу благодарственных адресов от сословных и общественных учреждений. Однако Адрес Московской думы выходил за пределы поставленной задачи, касаясь, помимо внешней политики, и ситуации внутри страны. В частности, в нем отмечалось, что народ ждет от государя завершения благих начинаний и прежде всего «простора мнению и печатному слову, без которых никнет дух народный...»[44]

Адрес был составлен князем В. А. Черкасским, поправлен И. С. Аксаковым и 17 ноября 1870 г. одобрен подавляющим большинством московских гласных. Его не подписали только четверо гласных из купцов: Н. А. Найденов, С. П. Карцев, М. Е. Попов и В. Д. Коншин. Адрес Думы с восторгом принял московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков[45]. В Петербурге реакция была иной: Адрес возвратили, признав его «неуместным», а его форму «неприличной». 19 марта 1871 г. князь Черкасский сложил с себя полномочия московского головы.

Характеристика князя В. А. Черкасского как государственного и общественного деятеля будет неполной, если не сказать в заключение о его последнем служении России. В 1877 г., когда началась русско-турецкая война, он добровольно уехал в Болгарию, где до последнего своего дня работал над проектом ее государственного устройства. Этот проект был положен в основу Тырновской конституции 1879 г., действовавшей в Болгарии вплоть до фашистского переворота 1934 г. Князь В. А. Черкасский умер в Сан-Стефано 19 февраля 1878 г. в день подписания Сан-Стефанского договора и 17-й годовщины обнародования Положения 19 февраля 1861 г. Прах его привезли в Москву и похоронили в Даниловом монастыре.

Выступая в заседании Славянского благотворительного общества, посвященном памяти князя В. А. Черкасского, И. С. Аксаков определил его как «странное, замечательное, совершенно оригинальное» для России явление. Князь Черкасский «был человек государственный, но не принадлежал к сонму царедворцев и сановников, не проходил иерархической лестницы. Он всегда вольно и невольно сохранял за собой характер как бы представителя или делегата от общества на государственном деле, хотя бы он и был главным его руководителем»[46].

Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), профессор государственного права Московского университета и общественный деятель, был избран московским городским головой в декабре 1881 г. Короткий срок его пребывания во главе Московской городской думы (до августа 1883 г.) совпал с ответственным периодом ее существования: выбором дальнейшего пути развития городского хозяйства, основы которого были заложены в 60-е гг. при князе А. А. Щербатове, когда собственностью Москвы стали отрасли, находившиеся в ведении различных ведомств. Но Москва по-прежнему оставалась бедным, неблагоустроенным городом, с массой проблем, решение которых упиралось в отсутствие средств. В конце 70-х гг. С. М. Третьяков, предшественник Б. Н. Чичерина на посту городского головы, предложил Думе широкую программу развития города на основе заключения займов. Но большинство гласных не поддержали его.

[41] *Бессонов П.А.* Князь Владимир Александрович Черкасский // Русский архив. 1878. Кн.2. Вып.6. С.223.

[42] Князь Владимир Александрович Черкасский. Бывший московский городской голова // Известия Московской городской думы. 1913. № 4. С.53–56.

[43] См. подробно: *Нардова В.А.* Адрес Московской городской думы 1870 г. // Исторические записки. № 98. М., 1977. С.294–312.

[44] Князь Владимир Александрович Черкасский // Известия Московской городской думы. 1913. № 4. С.58.

[45] *Найденов Н.А.* Указ. соч. Ч.2. С.29.

[46] Князь Владимир Александрович Черкасский // Известия Московской городской думы. 1913. № 4. С.60.

Н. А. Алексеев

Первый облигационный заем в размере 3 млн. руб. был заключен в 1883 г. Именно при Б. Н. Чичерине Дума сделала первый шаг к правильному развитию городского хозяйства с отнесением на займы чрезвычайных расходов города[47]. При нем на повестку дня были поставлены две самые крупные хозяйственные задачи: расширение водоснабжения и строительство канализации. Но решать их пришлось уже преемникам Чичерина – Алексееву и князю Голицыну.

Б. Н. Чичерин с большой ответственностью относился к обязанностям городского головы, сосредоточив в своих руках все более или менее важные дела. Ежедневно он являлся в здание Думы на Воздвиженке, где с 10 утра до 2–3 часов дня вел прием посетителей. В эти годы у городского головы не было отдельного кабинета и Чичерин сидел за небольшим столом в углу комнаты, где заседала Управа, «под образами», как называли это место. Днем он совершал поездки по городу, а вечером возглавлял заседания Управы или участвовал в работе комиссий. Много времени занимали различные официальные представления и торжества[48].

У Б. Н. Чичерина не сложились отношения с московским генерал-губернатором князем В. А. Долгоруковым, который с самого начала «с особенной бдительной внимательностью» наблюдал за деятельностью городского головы[49]. Именно князь Долгоруков сообщил министру внутренних дел графу Д. А. Толстому текст речи Чичерина перед студентами в Татьянин день 1883 г., которую Александр III признал «не соответствующей званию городского головы столицы»[50]. Но поводом к отставке послужило его выступление перед представителями городов России, прибывших в Москву по случаю коронации Александра III. В его речи власти усмотрели требование конституции. В августе 1883 г. Чичерин был отстранен от должности. Многие гласные сочувствовали ему и считали эту отставку делом рук его недоброжелателей: редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова и министра внутренних дел графа Д. А. Толстого, которые воспользовались случаем, чтобы избавиться от Б. Н. Чичерина. «Избранника первопрестольного города удалили, не потребовав и даже не приняв во внимание его объяснений,– писал в своих воспоминаниях В. И. Герье.– Это был акт голой власти, умеющей не управлять, а только карать и запугивать...»[51]

Николай Александрович Алексеев (1852–1893) был избран на должность московского городского головы в декабре 1885 г. и оставался им до своей смерти. Алексеев принадлежал к старинной купеческой фамилии и был представителем одной из богатейших московских фирм. По воспоминаниям современников, он отличался крутым и властным характером, бесцеремонностью в отношениях с людьми. «Его отец и дядя,– писал В. И. Герье,– были старшинами купеческого общества и молодой Алексеев как по фамильной традиции, так и по властолюбивому темпераменту свыкся с призванием руководить людьми. По образованию он не стоял высоко. В обращении с людьми был резок и иногда даже дерзок»[52]. В то же время современники отдавали должное его энергии, настойчивости, уму, признавали его заслуги перед городом. «Алексеев был самодур невероятный,– отмечал Н. П. Вишняков,– не было в Таганке такого самодура, но он был умница»[53]. Подробную характеристику Алексееву, как человеку и городскому голове, дал Б. Н. Чичерин, хорошо знавший его по совместной работе в Московской городской думе: «Очень умный, необыкновенно живой, даровитый, энергичный, неутомимый в работе, с большим практическим смыс-

[47] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т.4. Земство и Московская дума. С.196.

[48] Там же. С.193.

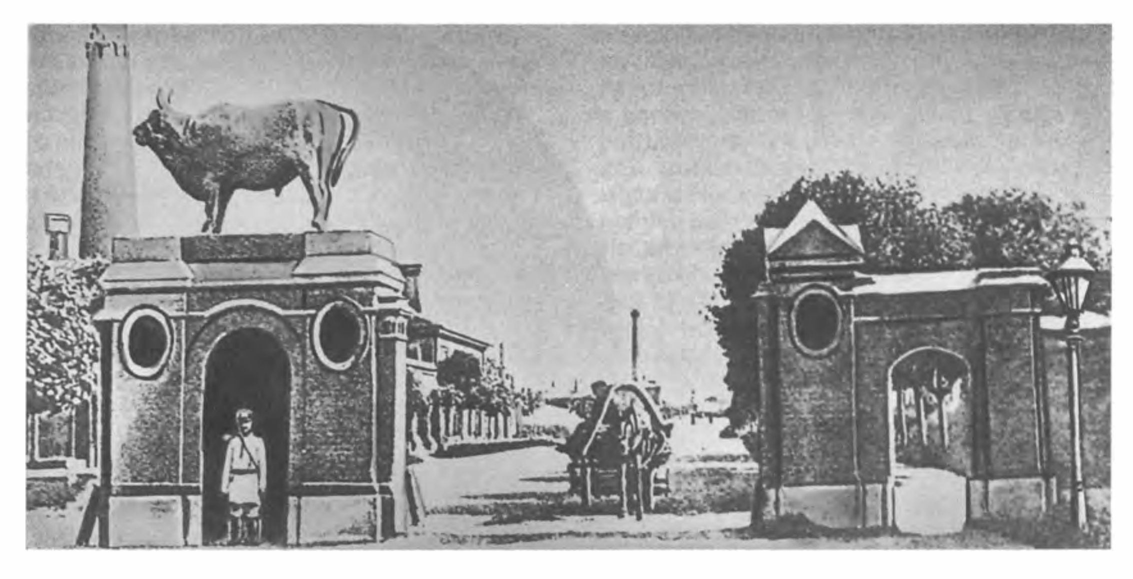
[49] К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т.1. Полутом 1. М.-Пг., 1923. С.346.

[50] Там же. С.344.

[51] ОР РГБ. Ф.70. К.32. Д.4. Л.13.

[52] Там же. Л.15об.–16.

[53] ЦИАМ. Ф.1334. (Фонд Н.П.Вишнякова). Оп.1. Д.15. Л.54об.

Городская бойня. Въездные ворота

лом, обладающий даром слова, он как будто создан был для того, чтобы командовать и распоряжаться. Всякому делу, за которое он принимался, он отдавался весь; оно у него кипело, и он упорно и настойчиво доводил его до конца. Но образование он получил весьма скудное, воспитание не приучило его сдерживать необузданность в сущности несколько грубой натуры»[54].

Став городским головой, Н. А. Алексеев развернул бурную хозяйственную деятельность, продолжив многие начинания Б. Н. Чичерина. При нем была значительно расширена Мытищинская водопроводная система, началось строительство канализации; к 1888 г. было закончено сооружение городских скотобоен, которые и через 25 лет представляли одно из грандиознейших сооружений этого рода во всем мире[55].

В своей деятельности Н. А. Алексеев не пользовался поддержкой высшей администрации, не сочувствовавшей его начинаниям. Московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков с начала общественной деятельности Алексеева еще в качестве московского гласного видел в нем человека, стоявшего во главе либерально настроенной части Думы. «Что же до молодых московских либералов купеческого сословия,– писал он в 1882 г. К. П. Победоносцеву,– то не скрою от Вас, что вы прямо указали на то самое лицо, которое думает заправлять купеческим либерализмом в Москве и Думе»[56].

Князю В. А. Долгорукову вторит в своем письме к К. П. Победоносцеву и крупнейший представитель московского купечества Н. А. Найденов, который ревниво следил за растущим влиянием Н. А. Алексеева на гласных Думы. «Вот хотя бы Алексеев,– писал Найденов в том же, 1882 г.,– более других и нахальней других действующий и претендующий на будущее время быть городским головой – теперь с ним сладу нет (...). Это тот самый, который устраивал похороны Рубинштейна и разные пиршества на выставке (...) думает все перестроить на свой лад,– все старое негодно. Горе нам теперь с этими реформаторами!»[57]

Однако, судя по обстановке, сложившейся в Московской думе с избранием Н. А. Алексеева на должность городского головы, трудно заподозрить его в особом либерализме. При нем роль руководителя настолько усилилась, что Дума почти утратила свое значение совещательного органа. Такое положение наглядно подтвердило опасения тех, кто считал нежелательным совмещение в одном лице функций головы и председателя Думы. «Алексеевским режимом» назвал Г. А. Джаншиев этот период[58]. Алексеев не был либералом. Ему были присущи независимость характера и широта натуры, а также известная доля самодурства, которыми отличалось русское купечество, осознавшее силу своего влияния и богатства.

9 марта 1893 г. в день выборов городского головы Н. А. Алексеев был смертельно ранен в здании Думы неким В. С. Андриановым, стрелявшим в него в упор. Впоследствии убийца был признан сумасшедшим. Современники отнеслись к его кончине по-разному: одни сожалели об Алексееве, а его убийцу считали заведомым безумцем[59], другие расценивали это убийство, как естественный финал неумной политики городского головы, а в убийце видели не умалишенного, а подосланного[60]. Но большинство москвичей сожалело о нем. «Трагическая смерть, застигшая его, по собственному его выражению, как солдата на посту, загладила все его темные стороны. Как блестящий метеор, он пронесся над Москвой, которая его не забудет»,– писал Чичерин[61].

В 1893 г. на должность городского головы претендовали двое: К. В. Рукавишников и С. И. Лямин, оба выходцы

[54] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т.4. С.182.

[55] Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С.467.

[56] К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т.1. Полутом 1. С.268.

[57] Там же. С.295–296.

[58] *Джаншиев Г.А.* Указ. соч. С.555.

[59] ОР РГБ. Ф.70. К.32. Д.4. Л.15.

[60] ОР РГБ. Ф.75. Дневник. Т.17. С.523.

[61] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т.4. Земство и Московская дума. С.183.

Князь В. М. Голицын

К. В. Рукавишников

из купеческого сословия и оба с высшим образованием. Газета «Новости и Биржевая газета» признала отрадным то обстоятельство, что оба кандидата принадлежали скорее к интеллигенции, чем к купечеству[62].

Городским головой стал Константин Васильевич Рукавишников (1848–1915), представитель купеческой династии, пользовавшейся большим авторитетом в Москве и Нижнем Новгороде, попечитель Городского Рукавишниковского приюта для детей правонарушителей. Общественность встретила этот выбор с одобрением. «Думаю,– отметил Б. Н. Чичерин,– что лучшего выбора нельзя было сделать»[63]. Газета «Новое время» характеризовала нового голову как «лицо действительно недюжинное и достойное внимания», которое «кроме состоятельности и энергии обладает многими качествами»[64]. Наряду со скромностью, деликатностью и заботой о городских делах, в заслугу Рукавишникову ставилось умение ладить с высшей администрацией и прежде всего с генерал-губернатором, которым тогда был великий князь Сергей Александрович. Достигнуть этого не удавалось ни Н. А. Алексееву, ни преемнику К. В. Рукавишникова князю В. М. Голицыну.

В период правления К. В. Рукавишникова деятельность Московской думы не отличалась серьезными начинаниями и большими проектами, которые были свойственны алексеевской эпохе. Герье назвал годы пребывания Рукавишникова на должности Московского головы «эпохой тихого и спокойного преуспеяния городского хозяйства»[65]. Но после бурной деятельности Алексеева его правление казалось безликим. В памяти москвичей Рукавишникову как городскому голове не удалось занять то место, которое занимал Алексеев.

В городских делах главным советником К. В. Рукавишникова был крупный коммерсант А. С. Вишняков, поэтому оппозиционно настроенная к голове группа гласных во главе с Н. А. Найденовым ехидно называла его «Рука-Вишнякова»[66].

Баллотироваться на следующий срок Рукавишников наотрез отказался, и Московская дума вновь встала перед проблемой избрания городского головы.

В 1897 г. выбор старейших гласных Думы пал на князя Владимира Михайловича Голицына (1847–1932), бывшего гражданским губернатором Москвы. Он долго не решался дать своего согласия на избрание. Многочисленные парламентеры от Московской думы (В. И. Герье, граф М. С. Ланской, братья Бахрушины, Н. А. Найденов, П. И. Санин, П. П. Боткин и др.) указывали в качестве основного аргумента, что у Думы нет выбора между князем Голицыным и назначением на должность городского головы со стороны администрации, так как другой кандидатуры у Думы нет[67]. «Кандидатура моя,– записал в своем «Дневни-

[62] Новости и Биржевая газета. 1893. 22 марта. № 80.

[63] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т.4. Земство и Московская дума. С.183.

[64] Новое время. 1893. 24 марта.

[65] ОР РГБ. Ф.70. К.32. Д.4. Л.17.

[66] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.250.

[67] ОР РГБ. Ф.75. Д.19. С.798.

ке» 12 марта 1897 г. князь Голицын,– ставится таким образом, что я один могу спасти Москву от позора правительственного назначения, а на такой почве не много скажешь»[68]. Голицын дал свое согласие на избрание его городским головой и благополучно оставался на этом посту два срока.

Новый голова был человеком воспитанным, мягким по натуре, что облегчало ему отношения с людьми. Он был прост, ласков и обходителен со всеми. Благородный, изящный и красивый князь вызывал симпатии москвичей. Московские дамы были очарованы Голицыным и называли его «Наш князь Владимир Михайлович, наше красное солнышко»; купечество «охотно называлоего «наш князь»[69]. Голицын пользовался уважением гласных. Хотя в его «Дневнике» и встречаются нелестные характеристики некоторых гласных и членов Управы, но в обращении с этими людьми он был подчеркнуто вежлив и приветлив.

По свидетельству современников, управление князя В. М. Голицына значительно отличалось от его предшественников, являвшихся инициаторами всех начинаний Думы. «После городского головы Алексеева с его бурно-пламенной и кипучей деятельностью, после делового и формально подтянутого управления Рукавишникова (...) князь Голицын давал новый и своеобразный тип головы в Москве»[70],– писал «ему преданный» Астров. Голицын предоставлял широкую инициативу своим сотрудникам и гласным. Именно эта его особенность как городского головы заставила многих гласных, критиковавших князя Голицына, впоследствии изменить отношение к нему. Так, примыкавший к оппозиционной группе гласных Н. П. Вишняков отметил в своих записках за 1898 г.: «Если бы раньше враги самоуправления желали как можно ниже уронить его, они не могли бы лучше достигнуть цели, как избрав кн. Голицына в городские головы. Ни малейшего чувства собственного достоинства, чуткости к самолюбию города, как единицы, ни малейшей инициативы»[71]. Однако через несколько лет Вишняков пришел к выводу, что инициатива в общем-то и не обязательна для городского головы. «Дело идет само собой, раз дело назрело. Его толкают гласные, его толкает Управа, быть может лучше, если городской голова оставляет дела идти своей колеей, ибо его инициатива частенько сводится к самодурству при российской необузданности»[72]. Поэтому в январе 1901 г., когда встал вопрос о выборе головы и группа А. С. Вишнякова выдвинула своими кандидатами Н. Н. Щепкина и А. И. Гучкова, Н. П. Вишняков, входивший в эту группу, проголосовал за князя В. М. Голицына: «он самый подходящий их всех кандидатов, хотя совсем не идеал!»[73]

В избрании князя В. М. Голицына на новый срок немалую роль сыграл Н. А. Найденов, который терпеть не мог Н. Н. Щепкина и называл его не иначе, как «сицилист». Зная силу своего влияния на московское купечество, Найденов мог с полной уверенностью заявлять, что «прежде вот эти дома в Москве станут кверху ногами, вниз своими трубами, чем Щепкину быть московским головой!»[74] Неподходящей признавалась кандидатура А. И. Гучкова, который

[68] ОР РГБ. Ф.75. Д.19. С.804.

[69] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.248–249.

[70] Там же. С.250.

[71] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.1. Д.15. Л.46.

[72] Там же. Л.78–78об.

[73] Там же. Л.84.

[74] Там же. Л.83об.

Приют императора Александра II

был близок к Н. Н. Щепкину и в глазах найденовской группы являлся отщепенцем. В то же время Найденов с симпатией относился к князю Голицыну. Очевидно, что не без влияния Найденова, Купеческая управа при обсуждении кандидатуры на должность городского головы почти единогласно высказалась за поддержку кандидатуры князя Голицына[75].

Как уже отмечалось, князь В. М. Голицын не пользовался расположением высшей администрации. Зная это, он понимал, что его вторичное избрание на должность городского головы будет встречено в «верхах» без особого восторга. «Избрание несомненно произведет большую сенсацию, особенно в Петербурге, где не верили, что я кончу благополучно первое 4-летие и буду призван на второе. А дворишка наш будет вне себя»[76]. «Дворишкой» Голицын называл окружение московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, отношения с которым были у него очень натянутыми.

О характере личных отношений с великим князем говорят многочисленные записи в «Дневнике» Голицына, в которых он отмечал свои впечатления от встреч с генерал-губернатором (городской голова должен был раз в месяц являться на прием к генерал-губернатору). «Был у Великого, у которого потерял полтора часа, если не больше»[77], «был у нашего Великого князя (...) мизерным явился мне этот чванный человек»[78], «был у Великого, которого я нашел кислым, мрачным и выглядящим мертвецом. Потерял у него очень много времени»[79], «пришлось бесконечно долго ждать, чтобы видеть его в течение двух минут»[80], «был у Великого – это мой ежемесячный прием микстуры»[81].

Прочным положением в Думе князь В. М. Голицын был обязан своему окружению. Товарищем городского головы был при нем бывший член Управы И. А. Лебедев, необыкновенно трудолюбивый человек, в совершенстве знавший городские дела. Городским секретарем при Голицыне состоял Н. И. Астров, очень способный и мягкий по натуре человек. Благоприятной для городского головы была и роль оппозиции, которая сложилась из окружения К. В. Рукавишникова. В нее входили бывший мировой судья Н. Н. Щепкин и братья Н. И. и А. И. Гучковы. Эта оппозиционная группа гласных, которую называли в Думе «Торговый дом бр. Гучковых, Щепкин, Мамонтов и К°», не замечала хорошей стороны в деятельности князя Голицына, «травила его и потешалась над его беззащитностью в хозяйственных делах». Однако своей критикой деятельности Управы и ее докладов оппозиция облегчала задачи городского головы, стимулировала работу Управы, и в конечном итоге способствовала развитию городского хозяйства[82].

Как бы то ни было, с конца 90-х гг. наблюдается заметное оживление деятельности Московской думы. В этом отношении Москва выгодно отличалась от других городов, имевших общественное управление, и даже от Петербурга. Московское городское хозяйство являлось образцом для других городов России. Не без гордости князь В. М. Голицын записал в своем дневнике в конце 1900 г.: «Наше городское управление ставится в пример другим, чего прежде не было»[83]. И у него были на это основания.

6. ГОРОДСКОЙ БЮДЖЕТ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

Уровень экономического развития Москвы, как и любого города, определялся состоянием городского бюджета. Он состоял из двух бюджетов: обыкновенного и чрезвычайного, каждый из которых включал доходные и расходные части. Доходы обыкновенные формировались из налогов, сборов, доходов с городских предприятий, поступлений в возврат городских расходов и пр. Расходы обыкновенные шли на содержание городских больниц, школ, богаделен, городских предприятий, на уплату долгов, а также на содержание органов государственного и местного управления, полиции, тюрем, пожарной и воинской частей. Именно эти расходы закон определял как «обязательные» и требовал от города первоочередного их выполнения.

Чрезвычайный бюджет состоял из благотворительных капиталов и пожертвований, займов и средств от продажи городского имущества. Чрезвычайные доходы расходовались на покупку имущества, на долгосрочную уплату долгов, из них брали в долг под процент, если не хватало обыкновенного бюджета.

Представление о финансовом положении Москвы в различные периоды ее существования дает помещенная ниже таблица, которая отражает соотношение доходной и расходной частей обыкновенного бюджета и раскрывает структуру его расходной части.

Бюджет Москвы в 1863–1900 гг. (в руб)[84]

Годы	Доходы	Расходы	Из них (в %)	
			обязательные	необязательные
1863	1 783 304	1 679 755	53	47
1870	2 761 636	2 436 078	44	56
1876	4 281 906	4 278 896	35	65
1884	5 243 447	5 250 393	36	64
1892	8 441 016	8 615 733	25	75
1900	13 288 478	13 229 589	19	81

[75] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.1. Д.15. Л.83.

[76] ОР РГБ. Ф.75. Д.22. С.286–287. Запись 1901 г. 16 января.

[77] Там же. Д.20. С.314. Запись 1898 г. 20 января.

[78] Там же. С.546. Запись 1898 г. 3 июля.

[79] Там же. Д.23. С.110. Запись 1901 г. 1 ноября.

[80] Там же. С.386. Запись 1902 г. 1 мая.

[81] Там же. Д.21. С.350. Запись 1900 г. 4 января.

[82] Там же. Ф.70. К.32. Д.4. Л.20.; *Астров Н.И.* Указ. соч. С.250–251.

[83] ОР РГБ. Ф.75. Д.22. С.163. Запись 1900 г. 13 октября.

[84] Таблица составлена на основе сведений, помещенных в «Сборнике очерков по г.Москве». М., 1897. Паг.5 (финансы г.Москвы 1863–1894). С.3, и «Отчетах о движении сумм г.Москвы» за 1892–1900 гг. М., 1893–1901.

Приведенные в таблице цифры указывают на две тенденции в развитии финансовой части Москвы: рост бюджета и сокращение удельного веса обязательных расходов. Следует заметить, что уже в 1904 г. городской бюджет Москвы равнялся государственному бюджету Болгарии и составлял 20,5 млн. рублей[85]. Очевидно также, что в XIX в. характерной особенностью городского бюджета был его хронический дефицит. Перелом произошел в 1894 г., когда стали прибыльными первые городские предприятия. С этого времени доходная часть бюджета Москвы превышала расходную и финансовый год завершался с остатком средств. Характеризуя состояние финансов Думы в 80-е гг., Б. Н. Чичерин отмечал, что иногда, чтобы избежать дополнительных государственных расходов, городская смета искусственно вздувалась. «Городу выгодно было выставлять себя в дефиците. Это было единственное средство отклонить от себя все новые и новые тяжести, возлагаемые на него правительством»[86].

На протяжении всего периода существования московского общественного управления одним из главных источников пополнения бюджета были городские налоги. Но с годами их удельный вес сокращался. Так, если в 1863 г. они составляли 92% доходов Думы, то в 1900 г.– только 45%. Основными городскими налогами были сборы с торгово-промысловых документов и оценочный сбор с недвижимого имущества. С начала 60-х гг. он зависел от чистого дохода, получаемого с недвижимого имущества, и составлял 9% его величины. В 1903 г. после длительных и жарких заседаний Дума повысила оценочный сбор до 10% – максимального предела, разрешаемого законом. «Если нас не удержать, то мы рубаху сняли бы с имущих людей, нет резона, чтобы под влиянием Щепкина, Муромцева и т.п. мы не решили бы взимать 30% »[87],– записал по этому поводу Н. П. Вишняков, разделявший позицию «узколобых», по определению князя В. М. Голицына, домовладельцев. К началу XX в. налоги в Москве достигли предельной величины, допускаемой законом, и возможности роста бюджета за счет этой статьи доходов были исчерпаны. Но еще в 70-е гг. для многих гласных стало очевидным, что налоги не могут служить финансовой основой для реорганизации городского хозяйства. Сознавая мизерность собственных денежных средств, Дума в то же время не решалась прибегнуть к займам. В этом отношении многие представители города разделяли точку зрения историка М. П. Погодина, московского гласного 60-х гг.: «Делать займы городу в надежде будущих благ – это плохое хозяйство. Не увеличивать расходы, а уменьшать, вот первая задача новой Думы. Напрасно будут пугать нас невежеством, варварством и отсталостью»[88]. Тем не менее в 1883 г. Дума, хотя и не без колебаний, поддержала предложение городского головы Б. Н. Чичерина о заключении первого городского займа. Решительный поворот в хозяйственной деятельности произошел в середине 80-х гг. и был связан с именем городского головы Н. А. Алексеева. При нем Московская дума вступила на тот путь, по которому давно уже шли европейские муниципалитеты: создание за счет займов собственных предприятий, приносивших доход. В 1888 г. было завершено строительство первого городского предприятия – скотобоен.

В последующие годы общественное управление Москвы продолжало расширять сеть городских предприятий. С 1896 г. начал действовать ломбард, в 1897 г. стали принадлежать городу прачечная, хлебопекарня и склад медикаментов, в 1900 г.– электростанция. В 1899 г. вступило в действие крупнейшее городское сооружение – канализация. Князь В. М. Голицын, бывший в это время московским головой, назвал ее открытие одной из «патетических минут» городского управления[89]. Чтобы в должной мере оценить значение этого события для города с миллионным населением, достаточно посмотреть на Москву XIX в. глазами современников.

По свидетельству М. Е. Салтыкова-Щедрина, знавшего первопрестольную столицу «чуть не с пеленок», там всегда воняло; даже на главных улицах «вонь стояла коромыслом»[90]. Как отмечает Н. В. Давыдов, автор воспоминаний «Из прошлого», источником зловония в Москве 60-х гг. были не только дворы, не имевшие зачастую никаких выгребных ям, но и многочисленные обозы нечистот, «состоявшие часто из ничем не покрытых, расплескивавших при движении свое содержимое кадок»[91]. С открытием канализации в Москве впервые за 30 лет существования статистики был отмечен естественный прирост населения.

Самым большим из городских предприятий было трамвайное. Ранее в Москве действовали конно-железные дороги, принадлежавшие двум акционерным обществам. В 1901 г. Москва стала владельцем конно-железных дорог 1-го общества, а в 1911 г.– 2-го общества, переведя их на электрическую тягу.

Таким образом, в конце XIX в. городские предприятия, удовлетворяя нужды города, не только окупали расходы на их содержание, но и были источником дохода. Хотя доходными они становились не сразу, и первые годы их эксплуатации приносили городу большие убытки. Особенно значительных капиталовложений требовали водопровод и канализация.

[85] Москва в ее прошлом и настоящем. М., б.г. Вып.12. С.41.

[86] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т.4. Земство и Московская дума. С.198.

[87] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.1. Д.15. Л.62.

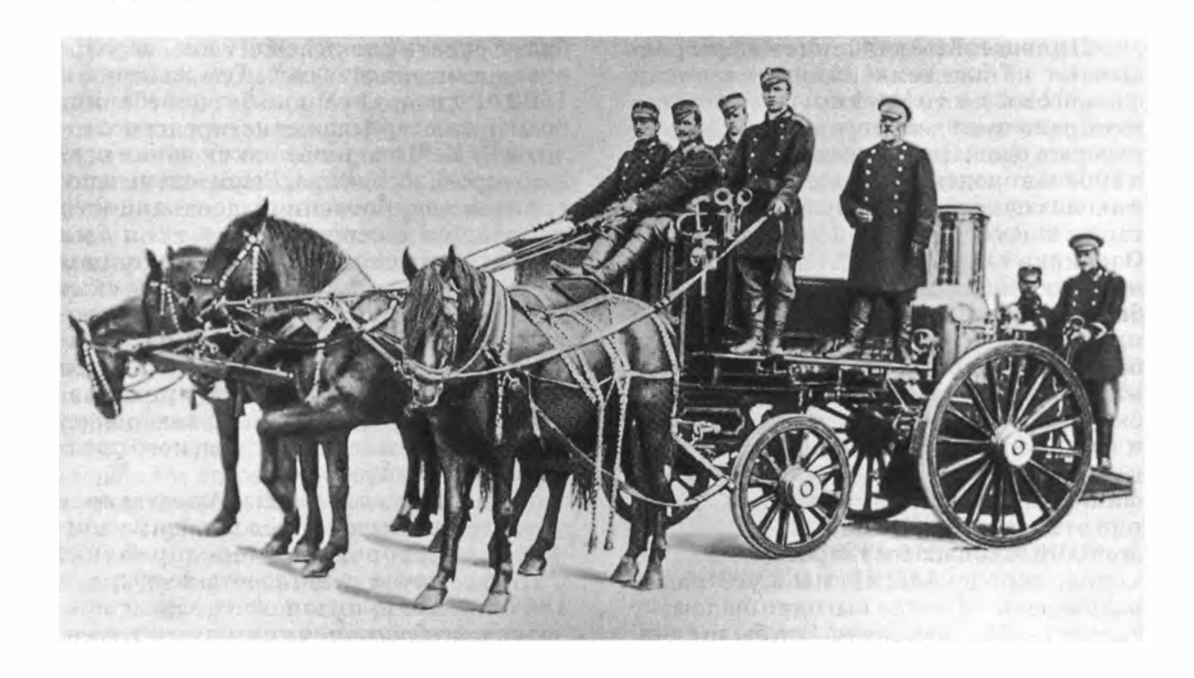
[88] *Погодин М.П.* Кое-что о городском хозяйстве. М., 1864. С.6.

[89] ОР РГБ. Ф.75. Д.20. С.551. Запись 1898 г. 1 июля.

[90] *Салтыков-Щедрин М.Е.* За рубежом. М., 1989. С.167.

[91] *Давыдов Н.В.* Указ. соч. С.27–28.

Пожарная паровая машина

Вместе с развитием городских предприятий росла и задолженность Москвы. На 1 января 1904 г. долг превышал 47 млн. рублей. К этому времени только на расширение водопровода Думой было заключено 6 займов на 25 млн. рублей и 4 займа на строительство канализации, что составило еще 10 млн. рублей. Но по величине долга Москва отставала от европейских городов: если в Москве на каждого жителя приходилось 35,5 рублей долга, то в Берлине – 70, а в Мюнхене – 136 рублей. Однако Москва обгоняла все города России и Европы по степени эффективности использования этих капиталов: более 90% заемных средств Московская дума вкладывала в доходные предприятия, тогда как в Париже производительные займы не достигали 20% всех займов, а основная их часть расходовалась на благоустройство города и другие отрасли хозяйства, не приносившие доход.

Администрация Москвы настороженно относилась к начинаниям Думы и не была склона поощрять интенсивное развитие хозяйства. «Чем спокойней, тем лучше, тем меньше хлопот, были бы выполнены обязательные расходы по содержанию полиции, войск, мест заключения и другие государственные повинности, а до остального администрации дела не было»[92],– охарактеризовал позицию генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и его канцелярии городской секретарь Думы Н. И. Астров.

В XIX в. обязательные расходы являлись тяжелой обузой для городского бюджета. Особенно обременительным было содержание полиции, на долю которой приходилась половина всех обязательных расходов. Помимо содержания штата полиции, город был обязан обеспечивать квартирами городовых и всех остальных служащих полиции, включая повивальных бабок. Обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов, который при великом князе Сергее Александровиче являлся по сути хозяином Москвы, заставил Думу оплатить расходы даже на новое вооружение городовых.

Их всех обязательных расходов Дума признавала справедливым содержание за счет городского бюджета только пожарной части, на которую тратилось не более 15–20% средств, выделяемых по этой статье. Пожарные команды, находившиеся в каждой части города, пользовались особой любовью москвичей. В Москве, где пожары были слишком частым явлением, пожарная служба была овеяна героизмом и даже романтикой, а выезд команды на пожар напоминал театральное представление. Лошади у пожарных были великолепные, все одной масти (у каждой части своя масть), с подвешенными многочисленными колокольчиками. Впереди верхом ехал вестовой в медной каске и трубил в трубу, за ним четверки лошадей везли один-два пожарных ручных насоса, затем следовал длинный ряд бочек с водой, каждую из которых везла пара лошадей. Вечером вестовой и пожарные держали в руках горящие факелы. «Пожарные с трубными сигналами и звоном мчались на своих превосходных лошадях, и производили красивое, но зловещее впечатление»[93].

В качестве данника выступала Московская дума и по отношению к администрации: за счет городского бюджета содержалась Канцелярия генерал-губернатора. Поэтому не случайно в Думе назвали ее Ордой: «Ездили в Орду!», «Получили известия из Орды»[94]. Немалую роль в отношениях Думы с администрацией Москвы играла личность са-

[92] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.258.

[93] *Гольденвейзер А.* Коечто о старой Москве... (отрывки из воспоминаний) // Огонек. 1946. № 20. С.26.

[94] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.1. Д.15. Л.65об.

мого генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, который привез в Москву холодную чопорность петербургского двора, что после патриархальной простоты его предшественника князя В. А. Долгорукова, делало его чужим и чуждым Москве[95].

Справедливости ради надо признать, что постепенно груз обязательных расходов становился легче для Москвы. Бюджет города рос быстрее, чем ассигнования по этой статье расходов, поэтому удельный вес обязательных расходов постоянно уменьшался. В 1900 г. они составили около 19% всех расходов Думы (см. таблицу). С другой стороны, правительство частично возмещало городу эти расходы за счет государственной казны, постепенно увеличивая размеры этой компенсации.

Таким образом, с каждым годом в ведении Московской думы оставалось все больше средств, которыми она могла распоряжаться по собственному усмотрению. Почти половина бюджета уходила на содержание городских предприятий и уплату долгов, вызванных их строительством. С 1894 г. эти расходы компенсировались доходами с городских предприятий, которые не только окупали себя, но и приносили прибыль. В 1900 г. 43% бюджета Дума расходовала на содержание и развитие медицины, санитарии, народного образования, общественного призрения и на благоустройство Москвы.

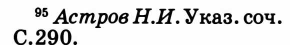
Эти отрасли городского хозяйства, расходы на которые законодательство относило к «необязательным», находились в центре внимания гласных Думы и их избирателей. По состоянию этих отраслей хозяйства москвичи оценивали работу своих избранников, на строительство больниц, приютов, богаделен и училищ несли Думе свои пожертвования, завещали свои капиталы и имущество, зная, что Московская дума «выполнит их волю свято»[96]. Только в течение десятилетия общественное управление столицы получило в качестве пожертвований свыше 16 млн. рублей, что более чем в два раза превышало общую сумму пожертвований за все предыдущие 30 лет деятельности городского управления[97].

Имена наиболее щедрых жертвователей носили многие городские учреждения. В Москве имелись две Алексеевские больницы (глазная и психиатрическая), Бахрушинская, Морозовская (детская), Медведниковская, Солдатенковская и Щербатовская больницы. Москвичам были хорошо известны учреждения общественного призрения, большинство из которых устраивалось на частные пожертвования: Боевская, Гееровская, Ляминская, Медведниковские богадельни, Третьяковский приют для вдов и сирот русских художников, дом призрения имени И. Д. Баева-старшего, Бахрушинский и Горихвостовский дома призрения, Мазуринский, Бахрушинский и Ляминский приюты для сирот, Ахлебаевский странноприимный дом, дешевые квартиры имени Солодовникова, Горбовский дом трудолюбия и многие другие.

Меньшую роль играли благотворительные капиталы в сфере народного образования и просвещения. Большинство учебных заведений, созданных на пожертвования, были открыты уже в XX в.

Частные лица давали деньги на строительство зданий и устройство в них различных учреждений, но заботу об их содержании и развитии брало на себя городское общественное управление.

«Любимым детищем» Московской думы была городская медицина. В 1897 г. в Москве насчитывалось 10 больниц с более чем 4,5 тыс. коек, к 1900 г. были открыты еще две больницы. Исходя из западноевропейских норм конца XIX в., по которым в больших городах необходимо было иметь пять больничных мест на 1000 жителей, для Москвы с населе-

[95] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.290.

[96] Там же. С.269.

[97] Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования и капиталы, пожертвованные Московскому городскому общественному управлению в течение 1863–1904 гг. М., 1906. С.13.

Городовой

нием в 1,1 млн. человек этого числа мест было достаточно[98]. Тем не менее все московские больницы были переполнены, и многие больные получали отказ в лечении в связи с недостатком мест. Несмотря на открытие новых больниц и возраставшие из года в год ассигнования города, число отказов в приеме больных постоянно возрастало. Так, если в 1889 г. из 50 тыс. больных, обратившихся за медицинской помощью, ее не получили 15% больных, то в 1900 г. их доля достигла 21%. Это объяснялось прежде всего наплывом иногородних больных. Введенная в 1900 г. система учета больных по их месту жительства позволила установить, что в 1901 г. приезжие составляли более 10% всех лечившихся в городских больницах, а в 1903 г. их было уже почти 13%. Особенно велико было их число в специальных больницах. Так, почти половина больных, лечившихся в 1901–1903 гг. в глазной Алексеевской больнице, являлись иногородними. «Многие нарочно едут в Москву,– писал в воспоминаниях историк Д. И. Никифоров,– берут больничную контрамарку в 1 рубль 25 копеек и в тот же день являются с требованием больничного лечения. (...) Вся Россия, наконец, бросится в Москву, и никакой бюджет не удовлетворит такого наплыва»[99].

Московская дума, осознав, что в перспективе городские больницы Москвы могут превратиться в окружные лечебницы, а деятельность Думы должна ограничиться открытием новых больниц, не стремилась свести количество отказов к нулю. В отличие от больниц, в родильных приютах (домах), куда обращались в основном жительницы Москвы, количество отказов роженицам постоянно сокращалось: в 1900 г. они оставили только 7%.

В больницах, открытых городом, лечили бесплатно, хотя месяц пребывания больного обходился Москве в 25 рублей. В больницах Приказа общественного призрения и Ведомства императрицы Марии, перешедших в 1887 г. в ведение Думы, сохранялась установленная ранее плата в размере 4 руб. 20 коп. и 6 руб. 60 коп. в месяц. Уплативших больничный сбор (1 руб. 25 коп. в год) лечили бесплатно во всех больницах, кроме психиатрических.

Значительное внимание уделяла Дума образованию. С 1863 по 1900 гг. расходы по этой статье увеличились в 16 раз и составили почти 1,2 млн. рублей (против 73 тыс. рублей в 1863 г.). В расчете на одного жителя в Москве тратилось в 1871 г. 8 коп., в 1890 г.– 57 коп., а в 1902 г. на каждого москвича приходилось 1 руб. 60 коп.[100] По России эти расходы их всех источников на душу населения составляли в 1903 г.– 44,5 коп., а расходы государственного казначейства – менее 11 коп.[101] Основная часть этих средств шла на открытие и содержание народных училищ. Как уже отмечалось, первые пять училищ были открыты в 1867 г., а к 1904 г. насчитывалось уже 215 училищ, где обучалось более 28,4 тыс. детей. Думе удалось свести к минимуму отказы в приеме в городские училища «за неимением свободных мест» и сделать начальное образование общедоступным. Обучение одного ученика обходилось городу в 42 руб. 80 коп., а плата, которую вносили далеко не все, составляла 3 рубля в год, т.е. была чисто символической. С 1909 г. обучение в городских школах стало бесплатным. По величине расходов на обучение одного ученика Москва обогнала не только Россию, где эти расходы составляли 11 руб. 60 коп. в год, но и развитые европейские страны: Германия тратила на одного ученика 23 рубля, а Англии – 22 рубля в год[102].

Однако, несмотря на бесспорный прогресс в области народного образования, уровень грамотности населения Москвы был невысок. Он во многом определялся уровнем грамотности пришлого населения, которое в этом отношении значительно отставало от коренных москвичей. По переписи 1902 г. среди родившихся в Москве число грамотных мужчин составляло 80%, грамотных женщин – 73%, тогда как среди пришлого населения они составляли соответственно 74 и 40%[103]. Эта неутешительная статистика наводила представителей городского управления на грустные размышления о том, что «для достижения идеала поголовной грамотности своих граждан первопрестольной столице придется ожидать чуть не полвека, пока деревенская Россия не станет грамотной»[104].

Средства, выделяемые Думой на общественное призрение, были в XIX в. более чем скромным – только 2,5% бюджета, что в шесть раз оказывалось меньше расходов на содержание полиции. Как уже отмечалось, в развитии этой отрасли городского хозяйства большую роль играли благотворительные капиталы. В 1894 г. в Москве были созданы попечительства о бедных. Это стал первый в России опыт организации общественного призрения на принципиально новых началах, в основе которых лежала так называемая Эльберфельдская система, предусматривавшая оказание адресной помощи бедным и создание для них рабочих мест.

Учреждение попечительств о бедных вызвало недовольство тех гласных, которые во всем видели посягательство на свои доходы. Обратимся вновь к «Думским воспоминаниям» Н. П. Вишнякова, типичного представителя этой категории московских гласных. «Я все-таки не вполне согласен со слюнявой филантропией,– писал он в 1897 г.,– в отчете

[98] Отчет по заведениям общественного призрения за 1897 г. М., 1898. С.II–III.

[99] *Никифоров Д.И.* Из прошлого Москвы. М., 1901. С.73.

[100] Известия Московской городской думы. 1894. Вып.1. С.107; 1905. Вып.1. С.17.

[101] *Озеров И.Х.* Атлас диаграмм по экономическим вопросам. Вып.2. М., 1908. С.9.

[102] Там же. С.9.

[103] Известия Московской городской думы. 1904. Вып.5. С.10.

[104] Там же, 1905. Вып.1. С.16.

одного попечительства обнаружено 16 случаев, что нищета прикочевала в Москву из провинции «чтобы кормиться», следовательно в прямом расчете на попечительства. Эдак, попечительства будут способствовать увеличению народонаселения в Москве, бесспорно. Вместо 20000 нищих будут 40000!»[105] Тем не менее городские попечительства сыграли положительную роль в деле общественного призрения. Они способствовали притоку благотворительных капиталов, что позволило им содержать детские приюты и ясли, богадельни, бесплатные и дешевые квартиры, мастерские, столовые и даже библиотеку-читальню.

Деятельность Московской думы в области общественного призрения была разнообразна и многогранна. Не имея возможности раскрыть все ее стороны, приведем лишь некоторые характерные цифры. В 1904 г. на средства города содержались: четыре дома призрения, пять богаделен, ночлежный дом, два дома трудолюбия, три дома бесплатных квартир, три детских приюта, дешевые столовые[106].

В XIX в. в связи с большим притоком пришлого населения жилищный вопрос в Москве стоял очень остро. Московская дума не могла обеспечить сносным жильем всех нуждавшихся в нем. В этом отношении самоуправление столицы значительно отставало от европейских городов. Так, в 1898 г. в Лондоне в домах, построенных для неимущих горожан, проживало около 150 тыс. человек, а в Москве в бесплатных и дешевых квартирах – 4 тысячи. В результате беднейшая часть населения Москвы была вынуждена жить в лучшем случае в ночлежных домах, которые были «суррогатом дешевых квартир»[107], а в худшем – в коечно-каморочных квартирах, размещавшихся в подвалах, углах и прочих местах, лишенных мало-мальски сносных санитарно-бытовых условий. Большая скученность населения, грязь, нарушение элементарных санитарных норм – все это приводило к распространению заразных заболеваний, особенно тифа и холеры, создавало огромные трудности в работе санитарной службы Москвы. «При наличии таких факторов немыслимо и говорить об оздоровлении столицы»[108], – отмечалось в докладе одного из санитарных попечительств столицы.

Развитие городской медицины, народного образования и общественного призрения происходило в основном за счет сокращения расходов на благоустройство Москвы. В 1863–1897 гг. ассигнования по этой статье составляли в среднем 16% бюджета, в последующие годы наблюдалось их постоянное снижение.

Экономия городских средств отрицательно сказывалась на внешнем облике столицы, освещении и качестве мостовых. В начале XX в. еще были немощенные улицы, да и сами мостовые оставляли желать лучшего. Московские булыжные мостовые создавали большие неудобства для пешеходов и транспорта, были источниками грязи и пыли. Хотя, по признанию современников, пыли на улицах стало намного меньше, чем в 60-е гг., когда «улиц летом не поливали, высохший навоз не счищали с мостовой, и сразу после весенней грязи наступал период пыли»[109]. Но и через 40 лет в Москве поливали в основном центральные улицы города, очистка тротуаров по-прежнему входила в обязанности домовладельцев, а за счет города убирались только площади перед городскими зданиями.

Путешествие по ночным улицам Москвы в начале XX в. могло стать своеобразной экскурсией по истории развития уличного освещения. На окраинах города, как и в 60-е гг., горели керосиновые фонари, которые на перекрестках сменялись более яркими керосинокалильными фонарями. Территория города до Садовых улиц имела газовое освещение, а в центре и вдоль трамвайных путей ярко горело электричество. Электрические фонари появились в Москве в 1896 г. Это событие современники увековечили в распространившихся по городу стихах:

Всю Тверскую осветили,
Электричество пустили,
А в других местах прохожий
Поплатиться может рожей[110].

В XX в. уличное освещение сделало большие успехи: с каждым годом число керосиновых фонарей сокращалось – их заменяли более совершенные газовые или электрические фонари. Но завершить эту работу Думе не удалось.

Нельзя не отметить ту роль, которую играло общественное управление в развитии культурной жизни столицы. На средства города содержалась и ежегодно пополнялась новыми картинами и скульптурами Третьяковская художественная галерея, вход в которую был бесплатным. По собственной инициативе и безвозмездно Дума выделила землю под строительство Политехнического и Исторического музеев. Дума внесла свой вклад и в создание Музея изящных искусств имени Александра III (сейчас Музей изобразительных искусств им. Пушкина), выделив под его строительство участок земли на Волхонке. Далеко не все гласные одобряли передачу Московскому университету этого последнего в центре столицы свободного участка, на котором Дума собиралась построить здание Технологического института. Тем не менее большинство согласилось с необходимостью создания в Москве подобного музея. При этом Дума поставила

[105] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.1. Д.15. Л.6.

[106] Деятельность Московского городского управления в 1901–1904 гг. // Известия Московской городской думы. 1904. Вып.23. С.87–90.

[107] Городское дело. 1912. № 10. С.642.

[108] ЦИАМ. Ф.179. Оп.60. Д.642. Л.VII.

[109] *Давыдов Н.В.* Указ. соч. С.24, 25.

[110] *Федосюк Ю.А.* Лучи от Кремля. М., 1978. С.109.

условие, чтобы музей был открыт не только для студентов, а для всех желающих, и чтобы один день в неделю работал бесплатно.

Работа Московской думы была понятна москвичам, ее принципы не противоречили интересам населения столицы. Было осознание того, что Дума делает большое общественное дело, нужное не только Москве, но и всей России, связанной с ней духовными и материальными узами. «Московская дума,– писал Н. И. Астров,– строго берегла свое достоинство и независимость, отдавала должное С. -Петербургу, не фрондировала перед ним, исполняла свой долг, указанный в законе, но жила своей жизнью, создавала и берегла свои нравы и свой московский уклад»[111]. Не все удавалось Думе, не было поддержки и понимания со стороны администрации, не хватало средств, но деятельность городского самоуправления развивалась, а вместе с ней развивалась и благоустраивалась Москва.

О многогранной деятельности Думы напоминают многие здания больниц, учебных заведений, библиотек, городских предприятий и, конечно же, здание самой Думы, построенное в 1892 г. на средства города.

Многие проблемы, которые обсуждали и о которых спорили на заседаниях московские гласные сто и более лет назад, не утратили своей актуальности до сих пор, так как не утратила своей специфики Москва – постоянно растущий город, притягивающий, как большой магнит, огромное количество людей со всех сторон необъятной России.

[111] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.269.

XIV

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

1. ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Накануне падения крепостного права промышленное производство России и ее второй столицы достигли заметных успехов. Получила развитие фабрично-заводская промышленность, под которой понималась совокупность предприятий с механическим двигателем или без него, но тогда при числе рабочих 16 человек и более. В Москве в это время были уже рельефно представлены все основные отрасли фабрично-заводской промышленности: текстильная (обработка хлопка, шерсти, шелка, льна и др.); металлообработка и машиностроение; пищевкусовая; деревообрабатывающая; химическая; бумажно-полиграфическая; обработка минеральных веществ; кожевенная и др. Преобладали обрабатывающие отрасли производства.

Касаясь причин, способствовавших занятию Москвой роли выдающегося экономического центра, современники указывали на выгодное, серединное географическое положение, равнинную местность, облегчавшую промышленное строительство и передвижение людей и товаров, неплодородие почв, продолжительность зимнего периода, вынуждавшую население искать подспорье в ремесленных и кустарных работах и отхожих промыслах, наличие, по исстари сложившемуся навыку, предприимчивых людей «для устройства» промышленных заведений («особый дух предприимчивости и риска» жителей), наличие технического образования в различных слоях населения, «отчасти научного, но преимущественно практического», а также на скопление «рабочего люда, стекающегося сюда из разных краев», или, другими словами, избыток рабочей силы в окружающих город губерниях. Все эти факторы на различных этапах – в различной мере – способствовали промышленному и экономическому развитию города и всего региона, хотя некоторые из них (например, избыток рабочей силы) являлись и определенным тормозом для технического прогресса, действовали весьма противоречиво. И все же влияние благоприятных для промышленного развития города факторов было более чем очевидно, что и отразилось на различных сторонах его экономической жизни[1].

Численность фабрично-заводских рабочих в России и в Москве в 1860 г. составляла соответственно 490 тыс. и 42,6 тыс. человек[2]. В Москве сосредотачивалось свыше 8% фабрично-заводских рабочих страны.

Первенствующее место и по количеству предприятий, и по числу рабочих во второй половине XIX в. занимала текстильная промышленность. В Москве было занято примерно 15% всех текстильщиков страны. Вторую позицию занимали обработка металла и машиностроение, успешно развивавшиеся в рассматриваемое время.

Кроме фабрично-заводской промышленности, в стране существовали горнозаводская, строительная, мелкая промышленность, транспорт и связь, торговые предприятия. Все эти отрасли народного хозяйства развивались и в Москве (горнозаводские предприятия, выплавлявшие сталь и чугун, входили в сферу фабрично-заводского производства).

В современной литературе общее число рабочих России в 1860 г. определяется в 3 млн. 200 тыс. человек, в том числе строительных – 350 тыс., рабочих мелкой промышленности – 800 тыс., чернорабочих, поденщиков, грузчиков, возчиков, землекопов, лесных рабочих – 630 тыс.[3]

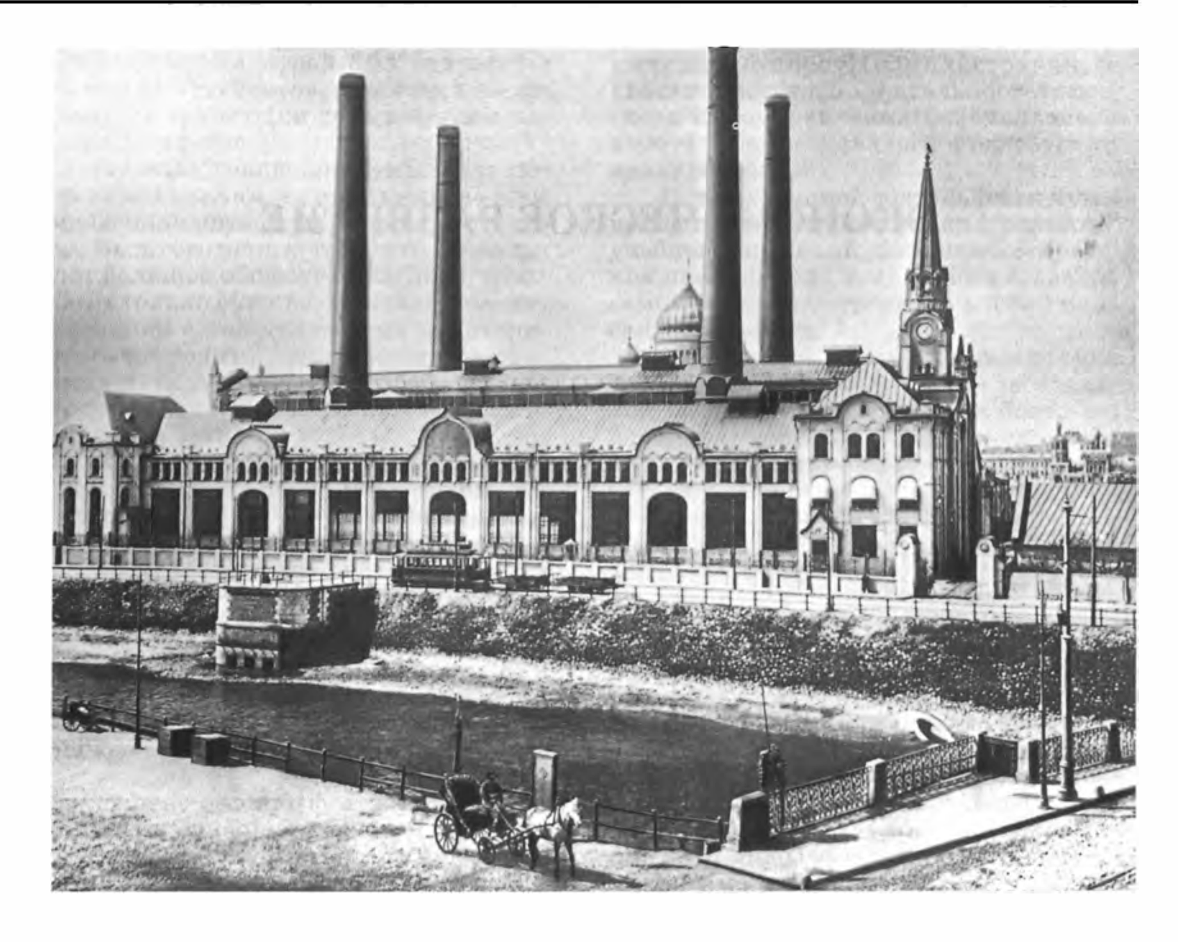
Непростая структура рабочего класса и лиц наемного труда нередко приводила к путанице в показателях численности рабочих различных городов страны, в том числе и Москвы. К тому же схемы учета сведений о населении и рабочих Москвы за различные годы были неодинаковыми, что также обусловило

[1] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. Составил Комаров. М., 1895. С.236, 275, 277.

[2] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. Изд. 2-е. М., 1989. С.273; *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958. С.200.

[3] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С.273.

Первая электростанция в Москве на Берсеневской набережной, построенная в 1883 г.

разнобой в показателях. Но можно полагать, что в Москве накануне падения крепостного права, кроме 42,6 тыс. фабрично-заводских рабочих, насчитывалось еще примерно столько же рабочих иных отраслей. По численности населения Москва среди городов России занимала второе место после столицы (в 1863 г. соответственно 462,5 тыс. и 539,5 тыс.), заметно опережая другие города. Фабрично-заводские рабочие составляли примерно 9% численности населения города, а все рабочие – чуть меньше пятой ее части.

Поражение России в Крымской войне с особой остротой выдвинуло вопрос об ускоренном развитии промышленности и железнодорожного транспорта. Переход еще в предшествовавшие десятилетия к машинному производству, а затем и падение крепостного права способствовали подъему промышленности в стране и в ее экономических центрах – Петербурге и Москве, ускоренному переходу от мануфактуры к фабрике.

Еще в 1860 г. в ситцевой промышленности Москвы стоимость продукции 11 машинных предприятий, имевших 30 печатных машин, была в три раза выше, чем 21 мануфактурного предприятия, пользовавшегося исключительно набивными столами (ручными) при числе рабочих в 3,1 тыс. и 2,3 тыс. человек[4]. Падение крепостного права дало новый толчок промышленному развитию.

К 1900 г. в Москве насчитывалось 667 фабрично-заводских предприятий и 77 тыс. рабочих, т.е. по сравнению с 1853 г. примерно в полтора раза больше. С внедрением машин особенно заметно увеличился выпуск промышленной продукции. Если в 1853 г. сумма промышленного производства Москвы равнялась примерно 30 млн. руб., то в 1890 г.– уже 134 млн. руб., что превысило предреформенный уровень в четыре с лишним раза[5]. Но вытеснение ручного производства механическим в различных отраслях шло неравномерно. Замедленным оно было в бумаготкацкой промышленности[6]. Рост московской промышленности, как отмечали современники, «не всегда шел рука об руку с техническими успехами». Под защитой тарифов фабриканты и заводчики нередко «расширяли свое производство, обнаруживая при этом недостаточность знаний и желаний усовершенствовать техническую его сторону», что вело к разорению[7].

Тем не менее за 30 пореформенных лет крупная промышленность Москвы перешла от ручного труда к машинному производству, от мануфактуры к фабрике[8]. Характерно, что из числа тех предприятий, которые существовали до 1861 г., к 1890 г. сохранилась лишь их пятая часть. Большинство старых предприятий, не приспособившись к новым

[4] *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С.77.

[5] История Москвы. Т.IV. М., 1954. С.73.

[6] *Рожкова М.К.* Формирование кадров промышленных рабочих в 60-х – начале 80-х годов XIX в. М., 1974. С.170.

[7] *Весин Л.П.* Роль Москвы в торгово-промышленном отношении (1861–1898) // Живописная Россия. Т.6. Ч.1 (Москва). СПб.; М., 1898. С.288.

[8] История Москвы. Т.IV. С.84–85.

условиям капиталистического развития, прекратило свое существование. К концу XIX в. в Москве работали преимущественно новые предприятия, причем примерно треть их была введена в строй в 80-е гг.[9] На многих фабриках и заводах применялась современная машинная техника и новейшая технология. Московская губерния (данные по Москве отсутствуют) в конце 70-х гг. по количеству паровых предприятий (376), постоянных паровых машин (658) и локомобилей (55) занимала первую, а по энерговооруженности (14 тыс. лошадиных сил) – вторую позицию среди губерний страны[10]. На Московскую губернию приходилось более 10% общероссийской энерговооруженности. По этому показателю Московскую губернию превосходила лишь Петербургская.

Однако специалисты отмечали замедленное освоение в Москве – по сравнению с некоторыми другими регионами – наиболее эффективного и конкурентоспособного топлива – «нефтяных остатков». Как отмечалось в одной из работ конца 90-х гг. XIX в., для промышленного развития Москвы и всего региона «вопрос о дешевом ископаемом топливе требует наибольшего внимания; дороговизна его ограничивает рост по крайней мере тех производств, которые требуют много топлива»[11].

К середине 90-х гг. промышленное производство заметно возросло. Число рабочих на фабрично-заводских предприятиях достигло 122,5 тыс. человек, включая 1,8 тыс. приказчиков.

Ежегодный оборот промышленных предприятий равнялся примерно 200 млн. руб. (что составляло 1,716 руб. на одного рабочего). Нельзя не отметить при этом, что оборот торговых заведений был значительно выше и составлял 2 млрд. руб.[12]

Структура промышленности продолжала оставаться такой же, как и ранее. Преобладающее место (по числу рабочих) сохранялось за текстильным производством. За ним шли: производство одежды, обработка металлов, строительная промышленность, производство продуктов питания, деревообработка, выпуск машин, писчебумажное и кожевенное производство. Но доминирующее положение текстильного производства постепенно ослаблялось. На первые позиции выходила быстро развивавшаяся металлообрабатывающая промышленность. С 1853 по 1890 г. в ней заметно возросло и число рабочих (с 2 тыс. до 11 тыс.), и сумма производства (с 2 млн. до 12,5 млн. руб.).

Московская буржуазия во второй половине XIX в. занимала главенствующее положение в промышленно-торговой жизни страны. Еще в предреформенные десятилетия в городе развернулась деятельность крупнейших (в последующем) российских предпринимателей – Морозовых, Алексеевых, Рябушинских, Гучковых, Прохоровых, Хлудовых, Найденовых, Мамонтовых, Мазуриных, Коншиных, Бахрушиных, Солдатёнковых и др. Вместе с ними владельцами московских фабрик и заводов во второй половине XIX в. были и предприниматели-иностранцы – англичане, немцы, французы, греки и др.– Бромлеи, Листы, Вартце, Винтеры, Циндели, Гюбнеры, Гужоны, Брокары, Бостанджогло и др. Однако несмотря на заметное число предпринимателей с иностранными фамилиями, московская промышленность оставалась все же сферой приложения в основном национального капитала.

В пореформенное время выросли размеры предприятий. Если в 1853 г. абсолютное большинство фабрик и заводов насчитывало до 50 рабочих, то к концу XIX в. имелось уже немало предприятий, где трудилась тысяча и более рабочих, с суммой производства в 1 млн. руб. и более (при среднем соответствующем показателе в 200 тыс. руб.)[13]. К числу крупных относились бумагопрядильная фабрика Измайловской мануфактуры, ситценабивные фабрики Товарищества «Э. Циндель», Товарищества А. Гюбнера, Товарищества Прохоровской трехгорной мануфактуры, шерстоткацкие фабрики Товарищества мануфактур И. Бутикова, торгового дома «Ф. Михайлов и сын», А. А. Шрадера, шелкоткацкая фабрика Товарищества шелковых мануфактур, бумаготкацкая мануфактура П. и И. Щаповых. Это были солидные предприятия. На Трехгорной мануфактуре было занято 5,3 тыс. рабочих, на фабрике Товарищества Даниловской мануфактуры – 3,3 тыс., на фабрике Товарищества шелковой мануфактуры – более 2,5 тыс. рабочих. Немало предприятий с числом рабочих от 500 до 1000 человек и более имелось в металлообрабатывающем производстве – заводы фирмы «Бромлей», Обществ «Густав Лист», Вейхельта, Товарищества «Добров и Набгольц».

[9] История Москвы. Т.IV. С.89, 90.

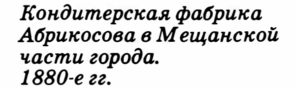
[10] *Соловьева А.М.* Указ. соч. С.188–191.

[11] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. С.299.

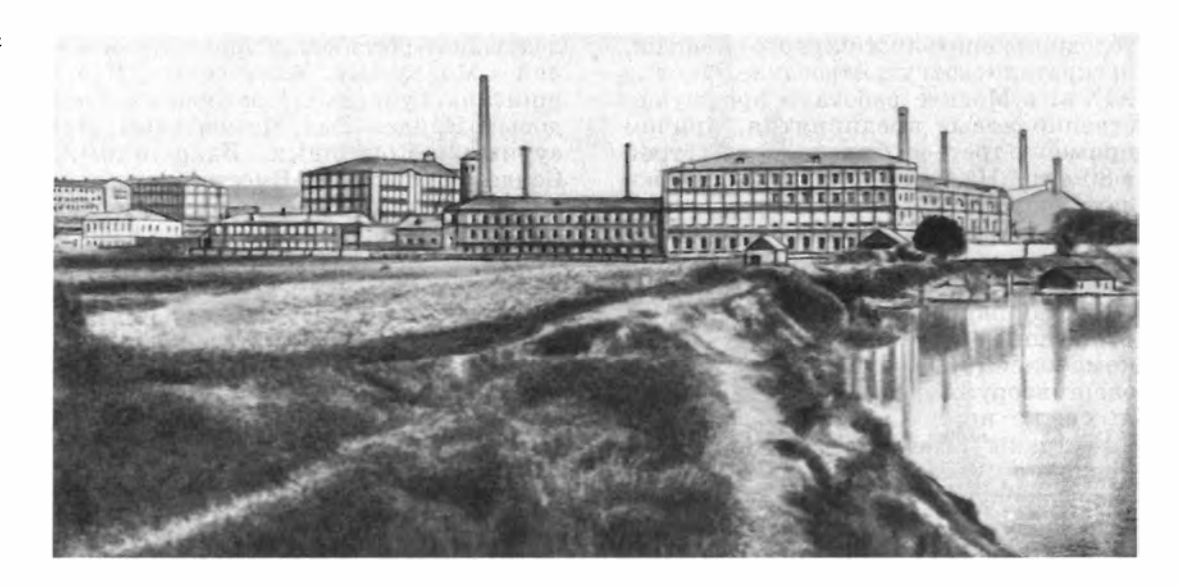
[12] *Песковский М.* Москва в ее современном экономическом состоянии // Живописная Россия. Т.6. Ч.1 (Москва). СПб.; М., 1898. С.297, 299.

[13] *Весин Л.П.* Указ. соч. С.292.

Кондитерская фабрика Абрикосова в Мещанской части города. 1880-е гг.

Прохоровская трехгорная мануфактура на Пресне. 1890-е гг.

Но все же в Москве даже 90-х гг. XIX в. «преобладали промышленные заведения» мелкого типа. Заведений с числом рабочих 1–5 человек было более половины, а с числом рабочих 16 человек и менее – $^{9}/_{10}$ всех заведений[14]. В общей сложности рабочих в них насчитывалось не менее, чем в крупной промышленности[15]. В Москве продолжала сохраняться и была весьма распространена ремесленная промышленность. Это объяснялось тем, что огромное, по тем временам, миллионное население города нуждалось в одежде и обуви, в различных принадлежностях быта и других предметах, потребность в которых удовлетворялась кустарями и ремесленниками. Однако, в последней четверти XIX в. ведущая роль крупного фабрично-заводского производства в промышленности Москвы была уже бесспорна: стоимость выпускаемой ею продукции заметно превышала стоимость продукции, изготовляемой на прочих предприятиях[16], причем обороты московских промышленных предприятий в 1900 г. были почти такими же, как и петербургских, составляя около 10% оборотов предприятий европейской России[17].

Изделия немалого числа фабрично-заводских и мелких ремесленных предприятий Москвы, как отмечали современники, могли быть поставлены «рядом с известными фабрикатами подобного же рода, выделываемыми за границей»[18]. Многие традиционные изделия промышленных предприятий Москвы (и губернии) – бумажная и шерстяная пряжа, ситцы, шерстяные, парчовые и шелковые ткани, металлические изделия, кожаный товар, продукция машиностроения, химического производства и полиграфии, парфюмерия, ювелирные изделия, фарфор – были известны не только в России, но и за рубежом. Они получали высокую оценку на всероссийских и международных выставках. На Всемирной промышленной выставке в Париже в 1867 г. была отмечена наградами продукция более десятка предприятий города и губернии. Продукция Товарищества мануфактуры «Э. Циндель» в Москве получила золотую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1878 г. В обосновании награды экспонатов Товарищества мануфактуры «Э. Циндель» на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве 1882 г. было сказано: «За ситцы оригинальных, изящных и разнообразных рисунков, за замечательную отчетливость печатания, отделки и за чистоту колеров, при весьма значительном числе их... за отличное исполнение кубового с расцветкой ситца, и за плюсованные ткани, при постоянном стремлении к усовершенствованию производства...»[19]. Товарищество мануфактуры «Э. Циндель» получало высшие награды и на последующих выставках: Почетные отзывы – на Международной выставке в Амстердаме 1883 г. и Всемирной выставке в Антверпене 1885 г., «Государственный герб» – на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде 1896 г., Гран-при – на Всемирной выставке в Париже 1900 г.[20]

Товарищество шелковой мануфактуры в Москве, образовавшееся в 1881 г. из слияния двух шелковых предприятий (фабрики «Наследники П. О. Гужона» и фирмы «П. А. Мусси»), также неоднократно получало награды за изготовляемую продукцию: большие золотые медали на всемирных выставках в Париже 1889 г. и в Чикаго 1893 г., «Государственный герб» – на выставке в Н. Новгороде 1896 г.[21]

Не только названные, но и другие фабрики и заводы Москвы успешно участвовали в международных выставках, в частности во всемирной Парижской выставке 1900 г. В их числе были фирмы Ренар и Шерер – Набгольц и К°. Московский фабрикант Манин предста-

[14] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. С.331.

[15] История Москвы. Т.IV. С.129, 130.

[16] Там же. С.132.

[17] *Лященко П.И.* История народного хозяйства. Т.2. М., 1948. С.427.

[18] *Весин Л.П.* Указ. соч. С.292.

[19] 40. 1874–1914. Товарищество мануфактуры «Э.Циндель» в Москве. М., 1914. С.21; Иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. М., 1882 (Приложение к ж. «Всемирная иллюстрация». № 697). С.120, 140, 184, 201, 224.

[20] 40. 1874–1914. Товарищество «Э.Циндель» в Москве. С.21.

[21] Товарищество шелковой мануфактуры в Москве. М., 1900. С.22; Государственный исторический архив Московской области. М., 1961. С.116–118; ЦГИА г.Москвы. Ф.143. Д.1153 (Участие в отечественных и международных выставках – в Осаке 1890 г., в Чикаго 1893 г., в Париже 1900 г.)

Кондитерская фабрика «Эйнем» в Якиманской части города. Конец XIX в.

вил «Коллекцию хирургических инструментов». Экспонаты по хлопчатобумажному производству, льняные, шерстяные и шелковые ткани, вышивки, принадлежавшие «к числу выдающихся в Русском отделе», были представлены Прохоровской трехгорной мануфактурой, Товариществом ситценабивной мануфактуры Э. Цинделя, Московской кружевной фабрикой. Среди экспонировавшихся на Выставке кож, резиновых изделий, химических товаров находилась и продукция московских предприятий. «Наши ткани по качеству и дешевизне удивляли знатоков», – отмечалось в специальной работе об участии России на этой Выставке. Интерес к экспонатам проявился в заказах на продукцию отмеченных предприятий. «Выставка ситцев и льняных тканей вызвала требование на эти товары. Товарищество ситцевой мануфактуры А. Гюбнера в Москве завязало коммерческие отношения с магазинами Лувр в Париже и одним из Торговых домов в Нью-Йорке, а также получило от многих фирм приглашение... Фирма Э. Цинделя также получила запросы на свои изделия»[22].

Высокими качествами отличались канители – пряденое золото и серебро (известные по парчам). Одной из крупных московских фабрик, изготовлявших канители, являлась фирма «Владимир Алексеев сын» с годовым оборотом в 1 млн. руб. Канитель вывозилась и за рубеж. На нее был спрос в Индии и Персии[23].

Всегда высоко ценилось искусство московских мастеров не только текстильных изделий, кружевниц, художников по ткани, но и мастеров литья, художников по фарфору (фабрика Кузнецова), полиграфистов, мастеров парфюмерного дела (Товарищества Брокара), мастеров отделки драгоценных и полудрагоценных металлов чеканкой, чернью, эмалью по скани, золочением, гравировкой, резьбой[24].

Успех разнообразной продукции московских предприятий обеспечивали известные мастера и искусные безымянные рабочие. Так, большим мастером книжного переплета пореформенного времени считался С. Т. Хитров. В его работах применялся своеобразный прием – тиснение золотом орнаментального рисунка с дополнительной раскраской эмалью. При изготовлении ювелирных изделий (в частности, из серебра) московские мастера (одним из них был В. Попов) великолепно использовали золочение, чеканку, резьбу, гравировку, эмаль по скани, чернь. Московский издатель И. Д. Сытин, характеризуя рабочих своих типографий, писал, что несмотря на недостаточность и слабость технической подготовки, «уровень [их] талантливости, находчивости и догадки чрезвычайно высок... Это замечательные умельцы».

Печатью мастерства были отмечены изделия московских кустарей. Развитие промыслов дало толчок к созданию в Москве в 1885 г. специального Торгово-промышленного музея кустарных изделий, который должен был служить их популяризации, пропагандировать лучшие образцы и улучшать технику производства, а также заниматься их сбытом. Скатерти, кружева, вышивки художественных рисунков, мебель в древнерусском стиле, плетеная мебель, кровати, умывальники, игрушки, всевозможные корзины, чемоданы и сундучки, елочные украшения и другие изделия кустарного производства завоевали большую известность. Популярность кустарных изделий московских (и вообще русских) мастеров неуклонно росла. Непрерывно увеличивался на них спрос в Германии, Австрии, Швейцарии, Дании, Голландии, Франции, Бельгии, Англии, Италии, Турции, США[25].

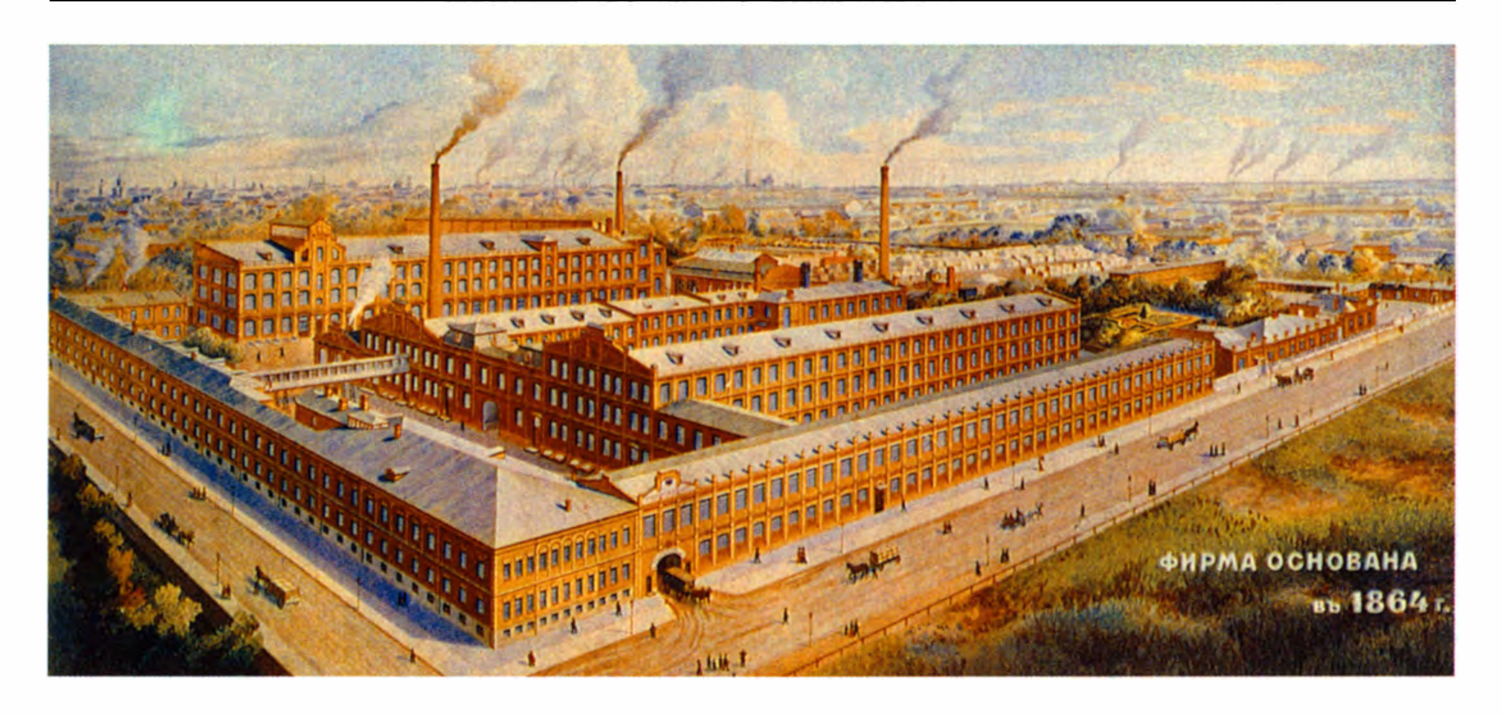
Значение Москвы как экономического центра обуславливалось ее потен-

[22] Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Отчет Генерального комиссара Русского отдела. СПб., 1901, С.20, 22, 35, 36, 75, 77, 78.

[23] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. С.286.

[24] Иллюстрированное описание художественно-промышленной выставки 1882. М.,1882; Товарищество скоропечатни А.А.Левинсон. 1881–1903. М.,1903; Золотой юбилей (К 50-летию со дня основания товарищества Брокар и К°). М., 1914.

[25] О производстве кустарей Московской губернии и вывозе их товаров в различные страны // ЦГИА г.Москва. Ф.199. Оп.2. Ед.хр.826.

Парфюмерная фабрика «Брокар и К°» в Серпуховской части города. Конец XIX в.

циалом, громадными оборотами предприятий, «серединным» географическим расположением города, влиянием производства на общий ход промышленного и экономического развития страны и особенно крупнейшего центрального региона[26].

2. ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Развитие промышленности существенно отразилось на структуре населения города, увеличении его численности и изменении состава рабочей силы.

Численность рабочих фабрично-заводской промышленности Москвы возросла за пореформенные десятилетия почти в три раза. Если в 1853 г. она составляла 42,6 тыс. (при этом текстильщиков – 34,4 тыс.), то к 1900 г. достигла 121 тыс. человек (по другим данным – несколько менее)[27]. Но кроме фабрично-заводских, в городе имелось значительное число транспортных рабочих, строителей, рабочих различного рода мелких предприятий, ремесленников. Для Москвы была характерна высокая доля рабочих (примерно треть) среди городского населения[28].

В 1902 г. структура рабочей силы Москвы выглядела следующим образом: фабрично-заводские рабочие – 108 тыс.; рабочие мелкой промышленности – 105 тыс.; рабочие торговых заведений – 21 тыс.; рабочие домашней промышленности – 2 тыс.; транспортные (включая рабочих железнодорожных мастерских) – 38 тыс. Транспорт стал важной составной частью городского хозяйства (по данным переписи населения 1897 г., в Москве из 718 тыс. учтенных жителей 47 тыс., или 6,5%, были заняты в сфере транспорта и связи[29], причем большинство составляли рабочие и служащие Московского железнодорожного узла и извозчики – соответственно около половины и около трети общего числа занятых на транспорте)[30]. В итоге это составляло 273 тыс. рабочих – примерно 40% всего самодеятельного, т.е. имевшего самостоятельный доход, населения города[31]. Это была большая по тем временам армия рабочей силы. В Москве трудилось 6–7% всех фабрично-заводских рабочих страны. Лишь в Петербурге этот процент был выше[32].

По данным обследования фабрик и заводов в 1902 г., из 108 тыс. рабочих родившиеся в Москве составляли 7,3%, родившиеся вне Москвы, но проживавшие в ней 11 лет и более – 34,3%, 6–10 лет – 18,0%, 2–5 лет – 23,0%, 1 год и менее – 16,9%[33].

Изначально основным источником пополнения рабочей силы Москвы являлись крестьяне, приходившие в город из Московской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской, Тверской и более отдаленных губерний[34]. Оставаясь по сословной принадлежности крестьянами, они нередко связывали себя с промышленным производством и фактически превращались в постоянных рабочих, а их дети становились уже потомственными рабочими. Так, в начале 80-х гг. на ситценабивной фабрике «Э. Циндель» потомственные рабочие составляли 55%, а среди текстильщиков-мужчин московских фабрик таких рабочих насчитывалось более 40%[35]. Однако у многих московских рабочих сохранялись еще те или иные связи с деревней, где оставались

[26] *Весин Л.П.* Указ. соч. С.290.

[27] *Рашин А.Г.* Указ. соч. С.200.

[28] *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в.: Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России. М., 1983. С.158.

[29] История Москвы. Т.IV. С.253.

[30] *Рындин Н.Г.* Железнодорожники Москвы накануне и во время первой российской революции (1901–1907 гг.). АКД. М., 1991. С.18, 19; *Песковский М.* Указ. соч. С.298, 301.

[31] Статистический атлас города Москвы. М., 1911. С.49; *Карпачев С.П.* К вопросу о численности рабочих мелкой промышленности Москвы в конце XIX – начале XX в. // Рабочий класс и рабочее движение в России в период империализма. Сб. науч. трудов. Вып.52. М., 1978. С.23, 26.

[32] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С.273.

[33] *Рашин А.Г.* Указ. соч. С.419.

[34] История рабочего класса России. 1861–1900. М., 1972. С.55, 56.

[35] Перепись Москвы 1902 г. Ч.1 (Население). Вып.2. С.10; *Рашин А.Г.* Указ. соч. С.513.

родственники – родители, нередко жена и дети[36]. Рабочие уезжали в деревню в пору сельскохозяйственных работ, чтобы помочь родным и на какое-то время сменить однообразную обстановку промышленного города.

Немало рабочих выходило и из мещан: на Прохоровской трехгорной мануфактуре в 1881–1882 гг. до 26%[37].

Среди рабочих преобладали люди молодые. Возраст почти 90% рабочих Прохоровской трехгорной мануфактуры колебался в пределах от 15 до 40 лет[38].

Большое количество текстильных предприятий обусловило среди рабочих значительную долю женщин. В Московской губернии в 1901 г. она составляла 33%[39].

По национальной принадлежности преобладающая часть рабочих Москвы в конце XIX в. являлась русскими (95%). Из других национальностей были украинцы, белорусы, казанские татары, армяне, латыши, литовцы, эстонцы, финны[40].

Нужно, однако, отметить низкую профессиональную подготовку, грамотность рабочих. В начале 80-х гг. среди текстильщиков Москвы насчитывалось всего 29% грамотных (среди женщин неграмотность была почти всеобщей)[41]. Из 9,4 тыс. обследованных рабочих-мужчин на фабриках по обработке волокнистых веществ в Москве в 1881 г. грамотными оказались 36,3%. При этом доля грамотных была выше у рабочих-мужчин в возрасте 12–20 лет. В возрастных группах 20–40 лет грамотность рабочих практически совпадала со средней. В крайних возрастных группах грамотных оказывалось значительно меньше. Рабочие некоторых профессий (граверы и рисовальщики, сновальщики, ручные набойщики, слесаря) отличались большей грамотностью – от 50 до 92%[42]. Со временем число грамотных возрастало. По переписи 1897 г., грамотных рабочих (умевших читать) в стране было 52%, что почти в 2,5 раза превышало показатель грамотности всего населения. По данным городской переписи Москвы 1902 г., 56% фабрично-заводских рабочих являлись грамотными, причем среди мужчин – почти 70%, среди женщин – лишь 19%. Грамотность пролетарской молодежи, как уже отмечалось, была более высокой[43].

Несмотря на недостаток свободного времени и продолжительный тяжелый труд, немало рабочих побывали в московских музеях (правда, эти посещения в отдельных случаях организовывались администрацией предприятий с целью повышения профессионального уровня). Рабочие посещали лектории, ходили в театры, картинные галереи, бывали на выставках. Так, в 1899 г. из 1417 опрошенных рабочих ситценабивной мануфактуры «Э. Циндель» в Политехническом музее побывало 43%, в Третьяковской картинной галерее – 15% и в театрах – 11% рабочих[44].

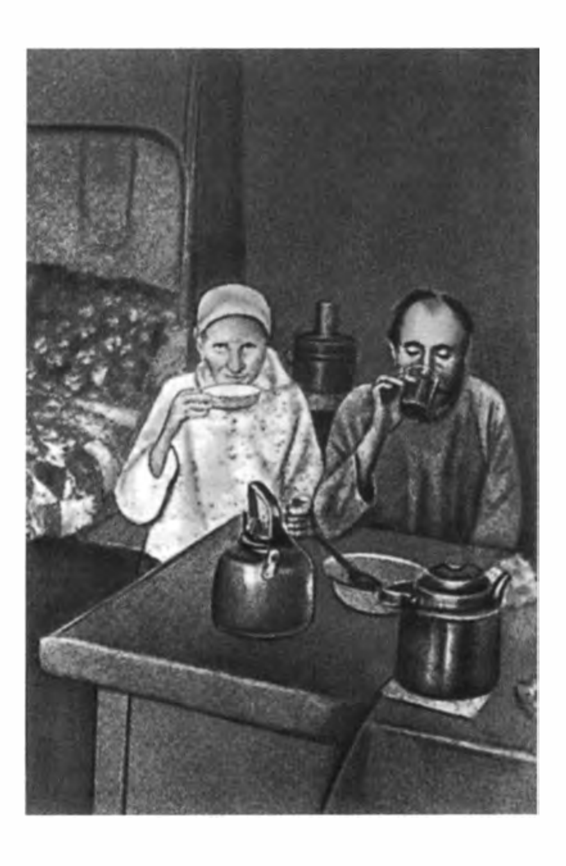
Уровень развития промышленного производства, его профилированность, профессиональная подготовка рабочей силы в определенной мере сказывались на экономическом положении рабочих.

3. УСЛОВИЯ ТРУДА И БЫТА РАБОЧИХ

Экономическое положение рабочих Москвы в пореформенное время оставалось тяжелым. Уровень жизни здесь был ниже, чем в некоторых других, экономически более развитых регионах страны. Преобладавшее текстильное, а также мелкое производство использовали в больших размерах более дешевую, в частности женскую рабочую силу. К тому же в Центральном регионе имелось значительное аграрное перенаселение, постоянно поставлявшее на рынок массу дешевой неквалифицированной рабочей силы.

Средний годовой заработок фабрично-заводского рабочего Московской губернии в 1901 г. равнялся 203 руб. и был примерно таким, как в России в целом.

Низкой заработной плате сопутствовал продолжительный рабочий день: на рубеже XIX и XX вв. он равнялся примерно 11 часам, а нередко и больше. Лишь в металлообрабатывающем про-

Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. 1890-е гг.

[36] В старой Москве. С.186.

[37] *Иванов Л.М.* Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917 гг. М., 1966. С.79, 83.

[38] Прохоровская трехгорная мануфактура в Москве. 1799–1899. М., 1901. С.46, 47. См. также данные по заводу бр. Бромлей: ЦГИА г. Москвы. Ф.763. Д.10. Л.136–148.

[39] *Козьминых-Ланин И.М.* Девятилетний период (с 1 января 1901 г. по 1 января 1909 г.) фабрично-заводской промышленности Московской губ. М., 1912. С.36.

[40] История Москвы. Т.4. С.232, 233.

[41] *Рашин А.Г.* Указ. соч. С.586.

[42] *Песков П.А.* Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве // Труды комиссии, учрежденной Московским генерал-губернатором В.А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве. Ч.I. М., 1882. С.131, 132; *Рашин А.Г.* Указ. соч. С.586, 587.

[43] *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С.119; Статистический атлас г.Москвы. М., 1911. С.28, 32–34, 38.

[44] *Шестаков П.* Материалы для характеристики фабричных рабочих // Русская мысль. М., 1900. Кн.1. С.178.

изводстве в первые годы XX в. преобладающим был 10-часовой рабочий день[45]. Однако, на многих предприятиях, особенно текстильных, он был гораздо длиннее. К тому же немало предприятий сохраняло архаичную структуру рабочего дня. На Гильзовой фабрике Зимина работа начиналась в 6 часов и оканчивалась в 21 час при нескольких перерывах – на завтрак, обед и чай. Общая продолжительность рабочего времени здесь равнялась 11,5 часам, хотя фактически рабочий находился на предприятии 15 часов[46].

Условия труда на многих предприятиях не отвечали элементарным нормам безопасности и санитарии. Поэтому среди рабочих были высокими профессиональная заболеваемость и промышленный травматизм. Между тем медицинское обслуживание оставалось на низком уровне.

По свидетельству главного фабричного инспектора, в России в середине 80-х гг. врачебная помощь оказывалась только на 39% фабрично-заводских предприятий. Материалы санитарного обследования Москвы в 1881 г. свидетельствуют, что из 118 осмотренных фабрик только на 62 были отведены «помещения для подания медицинской помощи заболевшим рабочим». Из них 4 представляли собой лечебницы с несколькими койками, снабженные аптечками и элементарными медицинскими инструментами. «В 56-ти помещениях были одни только койки, без врачебного персонала и без всяких приспособлений для лечения... Койками этими рабочие не пользуются... Словом, все эти помещения существуют только для видимости»[47]. В первые годы XX в. из 662 фабрик Москвы собственные амбулатории имели только 246, остальные – пользовались «суррогатами амбулаторий». Число врачей в Москве было значительно меньше количества фабрик – 179 врачей, из них 120 состояли при одной фабрике, 27 – при двух, 16 – при трех фабриках. Более того, рабочие не были обеспечены и фельдшерской помощью, так как фельдшеров на всех 662 фабриках насчитывалось всего 227[48].

Фабричные инспектора признавали вполне справедливыми многочисленные нарекания рабочих на врачебное обслуживание.

Рабочих ставила в крайне тяжелое положение их необеспеченность во время болезни и в старости. Фабричная инспекция отмечала, что «больной состарившийся рабочий не нужен фабрике, неохотно принимается он и в деревне (если такая есть) как бесполезный, обременяющий крестьянскую семью, сочлен»[49].

Широкое страховое законодательство появилось лишь в 1903–1912 гг. и было по крайней мере на первом этапе (1903) весьма несовершенным. Страхование по безработице, а также по старости отсутствовало.

О низком жизненном уровне большинства рабочих Москвы свидетельствовали их бюджеты: превышение во многих случаях расходов над доходами, структура расходной части бюджета. Сохранились сведения о месячных расходах одиноких и семейных московских рабочих, проживавших в коечно-каморочных квартирах в самом конце XIX в.

Месячные расходы рабочих, проживающих в коечно-каморочных квартирах в Москве в 1899 г. (в руб.)

Вид расхода	Рабочие			
	Одинокие	Малосемейные (1–2 ребенка)	Среднесемейные (3–4 ребенка)	Многосемейные
Харчи	6,50	15,00	15,00	22,00
Одежда и обувь	2,00	4,50	5,50	5,50
Квартира	2,50	4,50	5,00	6,00
Другие надобности (баня, табак)	2,50	3,00	5,00	5,00
Итого	13,50	27,00	30,50	38,50

Источник: Санитарные условия коечно-каморочных квартир в рабочих районах Москвы // Доклад комиссии по обследованию коечно-каморочных и ночлежных квартир, читанный в заседании Санитарной группы 31 мая 1899. М. , 1899. С. 16, 17.

Из приведенных данных видно, что основная часть расходов шла на питание. У большинства коечно-каморочных рабочих на это уходила половина всех расходов, а у многосемейных рабочих и больше. Вторым по величине был расход «на квартиру». Примерно таким же оказывался расход на одежду и обувь. На удовлетворение всех других потребностей (баня, табак, увеселения и т.д.) приходилась, как правило, очень небольшая часть расходов.

Бюджеты многих рабочих, особенно семейных, в конце XIX в. являлись дефицитными. Один из санитарных врачей отмечал в 1898 г., что после самых необходимых расходов у одиноких чернорабочих, зарабатывавших в среднем 14 руб. в месяц, оставался 1 руб. или даже образовывался дефицит, у семейных чернорабочих в большинстве случаев расход превышал доход и им приходилось подрабатывать сверхурочно 1–3 руб. и прибегать к закладам и займам. У семейных квалифицированных рабочих расход покрывался доходом, иног-

[45] Продолжительность рабочего дня в 1904 г. Приложение к докладу «Результаты совещания фабричных инспекторов Московской губ.» // Из истории 1905 г. в Москве и Московской губ. Материалы и документы. М., 1931. С.196, 197; Работник. 1897, № 2–4. С.49, 97, 98; 1899, № 2–3, август. С.90.

[46] Известия Московской городской думы. Вып.1. 1900. Октябрь. С.162.

[47] *Песков П.А.* Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. М., 1884. Вып.2. С.152–153.

[48] *Канель В.Я.* Фабричная медицина и бюрократия // Образование. СПб., 1905. № 7; Известия Московской городской думы. 1904; ГАРФ. Ф.6935. Оп.3. Ед.хр.96. Л.90, 91.

[49] Доклад фабричных инспекторов Московской губ.... // Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губ. М., 1931. С.182.

да оставалась небольшая сумма, если не было вычетов. Превышение доходов над расходами оказывалось лишь у одиноких квалифицированных рабочих. Однако, «остатки от заработка» почти всегда посылались в деревню. Поэтому не только многосемейные, но и среднесемейные рабочие вынуждены были очень часто отрывать детей от учебы и посылать на работу «для пополнения недочета в бюджете».

Как же характеризовались такие важнейшие стороны жизненного уровня рабочих, какими являлись питание и жилье?

Во второй половине XIX в. в Москве, как и в большинстве других промышленных центров страны, существовало несколько типов питания и пищевого довольствия: хозяйское, артельное, самостоятельное – индивидуальное (в чужих семьях, у квартирохозяев, в трактирах) и в собственных семьях.

В пореформенное время такой вид, как хозяйское питание, заметно сократился, сохраняясь преимущественно в мелких заведениях. Широкое распространение тогда получило артельное питание, при котором определенная группа рабочих нанимала кухарку, готовившую на артель завтрак и обед (на ужин ели то, что оставалось от обеда). Так, на Прохоровской трехгорной мануфактуре уже в 50-е гг. на хозяйских харчах оставались лишь ученики, а все остальные несемейные рабочие перешли на артельное питание, получая продукты сначала в хозяйской лавке, затем – через поставщиков и в 80-е гг.– от созданного потребительского товарищества рабочих и мастеровых[50].

Часть рабочих Москвы питалась в трактирах. В 1876 г. на механическом металлическом заводе (где заработки были более высокими, чем на текстильных предприятиях) такие рабочие составляли большинство[51]. Лучше других считалось семейное питание. Для него характерно большее разнообразие потреблявшихся продуктов (хотя при недостаточных весовых количествах).

Часто в литературе тех лет можно было встретить положительные отзывы об артельной пище. Однако артельное питание имело тот минус, что являлось своего рода «принудительным», будучи к тому же весьма однообразным. Сохранявшееся еще «хозяйское» питание обычно характеризовалось отрицательно. «Самостоятельное» же питание – в трактире или иным образом – в значительной мере зависело от размеров заработка рабочего, но обычно было нерегулярным, нередко без горячего блюда, всухомятку. Согласно материалам обследования фабрик и заводов Московского уезда в 1881 г., обычной принадлежностью стола рабочего при артельном питании являлся ржаной хлеб, гречневая каша и квашеная капуста, к которым в скоромные дни (их вместе с праздничными было примерно половина в году) прибавлялись говядина и топленое сало, а в постные – рыба и конопляное или подсолнечное масло, а также грибы и горох. Среднее количество хлеба, потреблявшегося рабочим при артельном питании, равнялось 913 г. (в основном ржаного), крупы – 264 г, капусты – 215 г, жиров – 60,5 г (в основном постного масла и топленого сала). Почти ежедневно рабочие пили чай (расходуя 100–200 г чая и 600–800 г сахара на человека в месяц). Питание в женских артелях было беднее, чем в мужских[52]. Со временем структура питания рабочих претерпела изменения, имевшие неоднозначный характер. По-прежнему, первенствующее место в питании рабочего занимал хлеб, хотя наблюдалась тенденция к некоторому его уменьшению. Сократилось потребление крупы (почти в два раза), гороха, капусты и увеличилась доля картофеля. Несколько возросло потребление мясных продуктов, за счет уменьшения потребления постного масла увеличилось потребление топленого сала. Больше стал потребляться сахар. В целом структурные изменения в питании рабочих врачами-гигиенистами признавались положительными.

Питание рабочих во многом напоминало питание «простого» населения города, которое в одном из описаний середины 90-х годов характеризовалось следующим образом: «употребляемая населением пища преимущественно растительная: ржаной хлеб, картофель, капуста, овощи, грибы, гречневая или ячменная каша. Рыбная пища состоит из соленых снетков, селедки и постного масла; затем употребляется головизна от белуги или осетра по большим праздникам. Молочные продукты употребляются чаще мяса и идут преимущественно детям. Кроме воды, население употребляет чай, квас, а из напитков – водку и пиво»[53]. Следует отметить, что рабочие в целях экономии средств нередко покупали продукты далеко не лучшего качества. Так, санитарный врач шерстоткацкой фабрики «Ф. Михайлов и сын» в Кожевниках отмечал в конце 90-х гг.: «Пищевые продукты далеко не первого качества отчасти потому, что покупаются невысокие сорта, а отчасти потому, что забирая в большинстве случаев на книжку, покупатель находится более или менее вне свободного выбора и часто даже за хорошую цену получает товар плохой»[54].

В общем же уровень питания рабочих в Москве даже в конце XIX в. оставался низким и часть рабочих просто недоедала. О пище даже в известной мере привилегированной категории рабочих-наборщиков московских типографий говорилось в конце 90-х гг. как об «очень

[50] Материалы к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1915. М., 1915. С.398.

[51] *Борисов В.* Положение фабричных в Московском уезде // Журнал для всех. М., 1878. Т.II. С.365–367.

[52] *Эрисман Ф.Ф.* Пища рабочих на фабриках Московского уезда // Шестой губернский съезд врачей Московского земства. Протокол заседания и труды. Февраль – март. 1882. М., 1882.

[53] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. С.90.

[54] *Рот А.К.* Деятельность бесплатной лечебницы при фабрике торгового дома «Федор Михайлов и сын» за 1886–1887 гг. М., 1899. С.109; *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России. М., 1979. С.240.

скудной», а иногда и «недоброкачественной»[55].

Не оставалась неизменной и одежда различных слоев городского населения, в том числе и рабочих. Вот одно из описаний, относящееся к середине 90-х гг.: «Обыкновенная одежда состоит из льняных и бумажных тканей и грубых сортов сукна, большей частью фабричного производства, вытесняющего домашнее заготовление. Праздничная одежда шьется из тонких сукон дешевых сортов, более нарядная в виде кафтанов и жилетов. Зимою одеваются полушубки, а в сильные морозы тулупы... Картузы летом из тонкого сукна, а зимою – меховые шапки. В настоящее время и в сельском населении начинает распространяться одежда немецкого покроя, преимущественно среди побывавших на фабриках и в городах на разных промыслах, где они бросают крестьянское платье и обзаводятся пиджаками, пальто и сапогами с галошами»[56].

Весьма неприглядными были жилищные условия большинства рабочих Москвы. В первые пореформенные десятилетия немало рабочих ночевало непосредственно «на рабочем месте» (под верстаком и т.п.). Но постепенно положение изменялось к лучшему. Проведенное на одной из шерстоткацких фабрик в Кожевниках обследование показало, что в 1897 г. из 360 одиноких и 240 семейных рабочих в «квартирах отдельных и с жильцами» проживало соответственно 3% и 4% опрошенных, комнату занимало 10% и 49% , полкомнаты и угол – 18% и 33%, а койку и полкойки (койку на двоих, как правило, из разных смен) – 69% и 14%[57]. Как видно, не только большинство одиноких, но и значительная часть семейных рабочих проживала в коечно-каморочных «квартирах», которые представляли собой в лучшем случае лишь часть комнаты (каморку). В Москве на рубеже XIX–XX вв. в одной каморке проживало 5–6 человек, иногда даже не одной, а нескольких семей.

Обследование весной 1899 г. городским самоуправлением Москвы коечно-каморочных квартир, в которых ютились несколько десятков тысяч фабрично-заводских рабочих, чернорабочих, ремесленников, низших железнодорожных служащих, приказчиков, мелких торговцев, дало следующие заключения: «квартира представляет ужасный вид: обвалилась; в стенах отверстия, заткнутые тряпками; грязно; печка развалилась... нет вторых рам, а потому сильный холод...»; «в квартире течет со стен, почти полный мрак, полы местами провалились...»; «квартира грязна... воздух крайне спертый, дом ветхий, полы прогнулись, от стен дует, пол сгнил»[58]. Подобным образом характеризовались сотни осмотренных квартир. Доля жилых помещений, определяемых как сырые, составляла 20% . Освещались эти помещения маленькими керосиновыми лампами или масляными ночниками. В 80-х гг. в жилых помещениях, занимаемых рабочими, появился водопровод, но на первых парах он был «в высшей степени редким явлением».

Наименее обеспеченные рабочие – чернорабочие, поденщики, а также безработные жили в ночлежных домах (на Хитровом рынке и в других местах города). «Как только вы отворите дверь,– говорилось в одном из описаний ночлежки на Хитровом рынке,– вас обдает вонючим и удушливым воздухом; вашим глазам представляется потрясающая картина: при слабом свете лампы вы увидите на нарах и на полу вповалку спящих ночлежников... Большинство ночлежников спит на голых нарах, прикрывшись какой-нибудь рванью или своей же одеждой»[59].

Расходы на жилье, как уже отмечалось, были весьма значительными, достигая в Москве в 1898 г. 15% . Несмотря на то, что жилищные условия рабочих на всем протяжении XIX в. оставались во многом неудовлетворительными, они имели тенденцию изменяться к лучшему: сходило на нет проживание фабричных рабочих непосредственно в производственных помещениях, сократилась доля рабочих, занимавших койку, полукойку; часть жилых помещений стала более благоустроенной (кое-где появился водопровод и т.д.). Однако строительство жилых помещений для рабочих не успевало за притоком в города, и в частности в Москву, больших масс рабочей силы, вследствие чего скученность рабочего населения в жилых помещениях не только не ослабевала, но нередко увеличивалась и оставалась больным вопросом.

Тяжелое экономическое положение большей части рабочих было той почвой, на которой вызревала социальная напряженность в городе и которая использовалась народниками, а затем и социал-демократами, эсерами и представителями других партий для развертывания их деятельности среди рабочих и призывов к социальному протесту, к борьбе.

4. ТРАНСПОРТ

В Москве с ее четырехсоттысячным населением непосредственно в пореформенное время оставалось еще много от прошлого: малоэтажные дома, «бесчисленные закоулки наподобие азиатского караван-сарая», скверное обустройство улиц, весьма несовершенные средства передвижения[60].

[55] РСДРП. Московский комитет. Письмо к московским наборщикам. Женева, 1899. С.1.

[56] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. М., 1895. С.90.

[57] *Кирьянов Ю.И.* Указ. соч. С.240.

[58] Жилища московской бедноты в 1899 г. // Русские ведомости. 1902, 14 ноября; *Кирьянов Ю.И.* Указ. соч. С.247, 248.

[59] *Курнин С.* Безработные на Хитровом рынке в Москве // Русское богатство. СПб., 1898. № 2. С.170; *Петровский А.Г.* Хитров рынок, его санитарное и общественное значение. М., 1898. С.5, 6; *Горев К.* Характеристика экономических и бытовых условий жизни безработных на Хитровом рынке в Москве // Мир Божий. 1899. № X, XI.

[60] *Василич Г.* Москва (1850–1910 гг.) // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып.XI. С.24, 73.

Извозчичий дом на Канаве. Акварель В. Календы. Конец XIX в.

В 60-х – начале 70-х гг. не было еще трамвая и конно-железной дороги. Передвижение по городу осуществлялось на «линейках», в колясках и экипажах.

Мостовые тогда были примитивные, булыжные; асфальтовые покрытия отсутствовали. На окраинах имелось очень много совсем незамощенных улиц и переулков, в которых весной и осенью «жители утопали в грязи». Зимой снег не убирался; покрытая снегом улица была чрезвычайно неровной, образовывались большие впадины или «ухабы», по которым сани ехали то спускаясь, то вздымаясь, как корабль по волнам. Мостовые непосредственно в пореформенное время представляли собой «нечто невозможное». Вымощенные крупным булыжником, всегда грязные и пыльные, с большими ямами, а зимой – с глубокими ухабами, они являлись египетской казнью для москвичей. На них часто происходили аварии, калечились лошади, ломались экипажи[61]. Весной, когда начиналось таяние снежного покрова, в некоторых местах обнажался камень мостовой, на других продолжали еще лежать глубокие сугробы снега[62]. Весной и осенью наступал такой период, отмечал современник, когда «благоразумный обыватель сидел дома, ибо проезда не было ни на колесах, ни на санях»[63].

Развитие городского транспорта подталкивало местные власти к улучшению дорог.

Во второй половине 70-х гг. начались работы по улучшению мостовой на Тверской – центральной улице города: булыжник заменялся торцовым и асфальтовым покрытием. Дело шло, правда, медленно. К концу XIX в. в городе имелось 1600 тыс. кв. саженей булыжных мостовых, 80 тыс. кв. саженей шоссе и 19 тыс. кв. саженей усовершенствованных мостовых.

Некоторые деревянные мосты стали заменяться железными: Дорогомиловский (1868), Москворецкий и Большой Краснохолмский (1872), Крымский (1873), Большой Устьинский (1883). Появились новые мосты – Чугунный (1888) и Малый Каменный (1890).

Улучшилось и освещение улиц. С 1896 г., после постройки электростанции, 99 электрических фонарей осветили Тверскую улицу[64].

Быстрое развитие промышленности и торговли, расширение границ города, рост численности населения, удаленность местожительства большинства горожан от места работы требовали дальнейшего совершенствования дорожного хозяйства, расширения уже существовавших дорог, улучшения самих средств передвижения. И надо сказать, что к концу XIX в.– по сравнению с 1861 г.– здесь произошли существенные сдвиги.

Пройдя «этап» передвижения населения по городу на конках, Москва стала быстро переходить к трамваю.

Что же собой представлял и как развивался внутригородской транспорт? В середине 90-х гг. в Москве насчитывалось 283 заведения ломового извоза, 278 – легкового извоза и 91 заведение для перевозки мебели[65]. Число извозчиков определялось примерно в 15 тысяч.

В первые два десятилетия после 1861 г. в качестве общественного транспорта использовались лишь линейки – экипажи, запрягаемые парой лошадей и ездившие от некоторых пунктов города в пригородные места. На улицах стояло много извозчиков, причем цены были «очень низкими», хотя наем из-

[61] *Слонов И.А.* Из жизни торговой Москвы // Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С.210.

[62] *Богословский М.М.* Москва в 1870–1890 годах // Там же. С.395.

[63] *Василич Г.* Воспоминания // Русские ведомости. 1911. № 167; *Давыдов Н.В.* Москва. 50–60-е годы XIX столетия // Ушедшая Москва. М., 1964. С.22.

[64] История Москвы. Т.IV. С.529; В старой Москве. С.68.

[65] В старой Москве. С.298–301.

Извозчик-лихач

возчика был «совершенно свободным договором» (5, 10, 20 коп.). К тому же не только богатые, но и средние по состоянию люди, отмечал современник, имели собственных лошадей и при своих маленьких особняках – конюшни и сараи. В «выездах» были заметны сословные различия. Купечество ездило преимущественно на одиночках, щеголяя нередко породистыми рысаками. Дворянство предпочитало пару, карету или коляску с ливрейными лакеями на козлах[66].

Линейка, или «калибер», представляла собой экипаж с сиденьями (по 5 человек) по обе стороны разделявшей их доски. Зимой линейки заменялись санями, запряженными двумя-тремя лошадьми. Никакой инквизитор, вспоминал современник, не мог бы выдумать более мучительной пытки, как езда в этих экипажах, но терпеливые москвичи ездили и платили еще деньги за свою муку. «Линейки эти были до невозможности грязные, вечно связанные ремешками, веревочками, с постоянно звенящими гайками, с расшатанными колесами, с пьяными, дерзкими ямщиками, с искалеченными лошадьми, худыми и слабосильными до того, что они шатались на ходу». Правда, конка, появившаяся в начале 70-х гг. и быстро «внедрявшаяся» в различные места города, «уничтожила» это «мучительное, безобразное передвижение жителей». «Калибер – это тоже такой «душка-экипаж», который не только вытрясал душу, но и зубы выколачивал»,– вспоминал современник[67].

Плата за проезд в линейке была не очень высока, от центра города до застав брали по 10 коп. с человека. Этим способом передвижения пользовались «заурядные обыватели – рабочий, мастеровой, служащий люд, из купцов же редкий мало-мальски состоятельный не имел своего выезда»[68].

Самыми шумными транспортными улицами были Тверская, Никольская, Ильинка и особенно Мясницкая. Трескотня дрожек на Мясницкой шла с раннего утра до позднего вечера, так как по этой улице ездили «на железные дороги и оттуда» (это была дорога к району нескольких вокзалов)[69].

В 1872 г. в Москве была пущена линия конно-железной дороги («конка»), соединившая Иверские ворота (возле Красной пл.) и Смоленский (Белорусский) вокзал. Вскоре открылись и другие линии. Конно-железные дороги принадлежали двум обществам: Первому и Акционерному бельгийскому. С 1891 г. оба общества эксплуатировали дорогу совместно.

Конка была в общем медленным средством передвижения – 6–8 км в час. Это объяснялось тем, что путь был одноколейным, с разъездами, что нередко вынуждало тратить время на ожидание прибытия вагончика конки с противоположной стороны. Конка была «демократическим» средством передвижения. Пользовался ею «преимущественно мелкий московский обыватель». Люди с положением, тем более московская аристократия, на конках не ездили[70].

В середине 90-х гг. общая протяженность железно-конных дорог составляла почти 90 верст. На всех линиях курсировал 241 вагончик. Пассажиров в год было перевезено 44 млн. человек (в день перевозилось примерно 120 тыс.). Паровая тяга практиковалась лишь на двух «загородных» линиях (одна из них уходила от Калужской заставы – ныне пл.Гагарина). Стоимость проезда от одной станции до другой составляла 5 коп. за место в вагоне и 3 коп.– за место наверху вагона – на «империале»[71].

В конце 90-х гг. была проложена первая линия трамвая – от Страстного монастыря, находившегося на нынешней площади Пушкина, до Бутырской заставы.

Далеко не все новшества легко пробивали себе дорогу. Электрический трамвай был пущен в Москве позднее, чем во многих менее крупных городах России. Проект же сооружения метрополитена, представленный в 1902 г., так и остался на бумаге[72].

В самом конце XIX в. на улицах города появилось несколько десятков автомобилей. Но их значение как средства транспорта для москвичей или перевозки грузов оставалось пока еще более чем скромным.

Использование такого средства передвижения, как велосипед, тормозилось тем, что езда на нем по городу была в начале 90-х гг. запрещена[73].

Еще в 60-е гг. из Москвы в различных направлениях уходили восемь шоссейных дорог: на Петербург, Ярославль,

[66] *Богословский М.М.* Указ. соч. С.396, 397.

[67] *Богатырев П.И.* Московская старина (Вокруг Китай-города) // Московская старина. С.107.

[68] *Белоусов И.А.* Ушедшая Москва // Московская старина. С.363.

[69] *Боборыкин П.* Современная Москва // Живописная Россия. Т.6. Ч.1 (Москва). СПб.; М., 1898. С.272.

[70] *Богословский М.М.* Указ. соч. С.399.

[71] История Москвы. Т.IV. С.541; В старой Москве. С.73, 74.

[72] *Лопатин П.* Москва. Очерки. М., 1959. С.263.

[73] В старой Москве. С.86.

Нижний Новгород, Тулу (с отходящим возле Подольска Варшавским шоссе), Владимир, Рязань, Смоленск и в других направлениях, и 40 почтовых и грунтовых дорог. Важнейшей из них была дорога, соединявшая Москву с всероссийским торжищем – ярмаркой в Нижнем Новгороде. Из Сибири шли железо, медь, серебро и золото, драгоценные меха и камни. С Камы и ее верховьев привозилась соль. Из Архангельска доставляли семгу, китовый ус и жир, сельдь и навагу. Из Вологодской и Костромской губерний возами везли сушеные грибы, преимущественно белые. Ярославская губерния снабжала Москву льняными изделиями, Переяславль – знаменитыми сельдями, Ростов Великий – разными овощами[74].

Но гужевые перевозки были крайне медленными: из Москвы в Нижний товары на тройках доставлялись за семь, а на одиночных упряжках – за десять дней. К тому же весной и осенью, а в дождливую погоду и летом не только грунтовые, но и плохо ремонтировавшиеся шоссейные дороги становились трудно проезжими.

Москва-река к этому времени обмелела (шлюзована лишь в 1880 г.). Объем перевозок и круг перевозимых товаров были ограниченными. Сами перевозки требовали много времени: от Коломны до Москвы (несколько более 100 км) они длились более двух недель, от Москвы до Нижнего Новгорода – месяц.

В пореформенное время ни гужевой, ни водный транспорт не могли уже справляться с перевозкой товаров. Это способствовало ускоренному строительству железных дорог.

В 60-е гг. вслед за Николаевской (на Петербург), открытой еще в 1851 г., одна за другой прокладываются Ярославская, Брестская, Казанская, Нижегородская и Курская железные дороги. Когда в конце 50-х – начале 60-х гг. раздался первый свист паровоза на окраинах города, по воспоминаниям современника, «Европа ворвалась к нам, словно хлестнула нас огненной вожжей, и азиатская Рогожская застава пала. Угадав чутьем «новое», она бросилась к нему со всех ног, отрешившись в массе от «старого», и зажила новою жизнью...»[75] Обе стороны шоссе того же направления, что и железная дорога, стали быстро застраиваться.

К середине 90-х гг. Москва была узлом уже шести железных дорог, связавших ее с самыми различными уголками России: пятью портами Балтийского моря – Петербургом, Ревелем, Ригой, Либавой, Балтийским портом, семью центрами Поволжья – Тверью, Ярославлем, Кинешмой, Нижним Новгородом, Казанью, Самарой, Царицыном, тремя азовскими и четырьмя черноморскими портами – Таганрогом, Мариуполем, Ростовом, Новороссийском, Феодосией, Херсоном, Одессой, центрами Северного Кавказа и Каспийского побережья –

[74] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. С.184; *Богатырев П.И.* Московская старина (Крестовская застава) // Московская старина. С.114.

[75] *Богатырев П.И.* Московская старина (Рогожская застава) // Московская старина. С.160, 161.

Посадка на конку у Рязанского вокзала

Паровая конка на Воробьевых горах. Конец XIX в.

Владикавказом и Петровск-портом, рядом заволжских и уральских центров – Уфой, Златоустом, Челябинском, Оренбургом, десятью пунктами западной государственной границы и на севере – с Вологдой[76]. К этому следует добавить, что Николаевская линия связывала Москву также с Финляндией, а Московско-Брестская – имела через Варшаву выходы к границам Германии и Австро-Венгрии.

Это был крупнейший железнодорожный узел страны, ведущее значение которого по перевозкам, даже по сравнению с Петербургом, выявилось уже в 70-е гг. Сложилась даже поговорка «Москва у всей Руси под горой – в нее все катится».

В конце 90-х гг. к шести существовавшим ранее магистралям прибавились еще Брянская и Савеловская, а в начале XX в.– Виндавская и Павелецкая.

Московский узел, несмотря на свою значимость, как центр притока и отправки грузов, как перевалочный пункт имел, однако, незавершенность: подходящие сюда железнодорожные пути не были соединены, что доставляло большое неудобство и получателям, и отправителям товаров. Поэтому уже с 70-х гг. стал проявляться практический интерес к строительству железной дороги вокруг Москвы (окружной), которая позволила бы переправлять вагоны с грузами с одной дороги на другую и более удобно подвозить сырье и топливо (такая дорога вступила в эксплуатацию в 1908 г.)[77].

Постройка железнодорожных путей ускорила перевозки в несколько раз, значительно удешевила их по сравнению с гужевым транспортом и заметно увеличила их объем.

Во второй половине 80-х – первой половине 90-х гг. Москва ежегодно отправляла 40–50 млн. пудов и принимала – 190–222 млн. пудов грузов, что составляло от общего объема оборота грузов всех железных дорог страны 12,4–16%[78]. Количество грузов, лишь малой скоростью поступавших в Москву и вывозившихся из нее ежегодно, с первого пятилетия 70-х гг. по первое пятилетие 90-х гг. возросло соответственно с 2,3 млн. тонн до 3,3 млн. тонн (на 43%) и с 0,6 млн. тонн до 0,7 млн. тонн (на 17%). Фактически же грузооборот московского железнодорожного узла, включая и транзитные грузы, был больше. Во второй половине 70-х гг. транзитом через город проходило 1,9 млн. тонн, а в 90-х гг.– 3,7 млн. тонн.

В Москву шло огромное количество сырья, топлива, строительных материалов, продуктов питания. Хлеб, мясо, рыба поступали из Поволжья и из самых южных черноземных районов по Курской, Казанской и Нижегородской железным дорогам, топливо – дрова, уголь, нефть – по Брестской, Петербургской, Курской и Казанской железным дорогам, железо и сталь – по южным и восточным дорогам, сырье для хлопчатобумажной промышленности из Средней Азии и с Кавказа – по Курской и Нижегородской, а импортное – по Петербургской дороге, лесоматериалы – по северным и западным дорогам.

Среди грузов, вывозившихся из Москвы, преобладали промышленные изделия и полуфабрикаты, т.е. несравненно

[76] История Москвы. Т.IV. С.156, 157.

[77] Известия Московской городской думы. М., 1898, сентябрь. Вып.1; Московские ведомости. 1899, 25 января; ЦГИА г.Москвы. Ф.143. Оп.1. Д.39. Л.2, 3, 6, 9, 23.

[78] *Поздняков Г.А.* Москва как станция железных дорог // Сборник очерков по городу Москве. М., 1897. С.11.

более компактные и более дорогие грузы. Продукция текстильной промышленности составляла 15% всех грузов, сахар московских рафинадных заводов – 7%, москательные товары – 5%, продукция металлопромышленности – 4%, готовое платье – 4%, хлопок – 4% и т.д. Город поглощал (в весовом выражении) в четыре раза больше товаров, чем сам отправлял их.

Москва притягивала к себе большое количество иностранных товаров. Московская таможня по размерам уплачиваемых пошлин занимала первое место среди таможенных учреждений страны[79].

С развитием железнодорожного транспорта заметно уменьшается значение гужевых перевозок вдоль линий железных дорог: по Ярославскому шоссе уже в середине 60-х гг. в 2,5 раза.

Перевозки грузов по Москве-реке со временем сокращались и не играли уже сколько-нибудь существенной роли. В 90-х гг. они составляли не более $^1/_{15}$ грузооборота московского железнодорожного узла[80].

Благодаря железнодорожному сообщению возросло и массовое передвижение людей на большие расстояния. Если в первой половине 50-х гг. XIX в. по единственной линии Москва – Петербург ежегодно проезжало в обоих направлениях около 800 тыс. человек, т.е. примерно в два раза больше общей численности населения города, то в 90-х гг. Московский железнодорожный узел пропускал уже 6 млн. пассажиров, или в шесть раз больше численности населения города[81]. Во второй половине 90-х гг. в Москву по железной дороге ежегодно приезжало около 3 млн., а выезжало более 3,3 млн. пассажиров (т.е. ежедневный приезд и отъезд равнялся примерно 17,3 тыс. человек)[82].

Развитие прежде всего железнодорожного транспорта, отражая весьма быстрый рост промышленности, торговли, городского хозяйства и населения, вместе с тем способствовало дальнейшим изменениям в том же направлении.

5. ТОРГОВЛЯ

Пореформенное развитие страны вызвало значительный рост торговых оборотов. За счет увеличения армии пролетариата, а также крестьян-отходников, приходивших в город на заработки, постоянно расширялся круг массового потребителя. Вместе с тем капиталистические отношения разрушали натуральный и полунатуральный уклад московских дворян, духовенства, купцов, которые ранее пользовались почти всем «своим»[83].

К началу 70-х гг. XIX в. Москва имела 12–12,5 тыс. торговых заведений постоянного типа: около 9 тыс. магазинов и лавок, около 700 торговых складов, 2 тыс. харчевен и питейных заведений и 800 постоялых дворов, гостиниц и т.п.[84]

[79] *Песковский М.* Указ. соч. С.300.

[80] История Москвы. Т.IV. С.158, 162.

[81] Там же. С.161.

[82] *Песковский М.* Указ. соч. С.300; *Поздняков Г.А.* Указ. соч. С.19.

[83] История Москвы. Т.IV. С.162, 163.

[84] Там же. С.165.

Железнодорожный мост через Яузу. 1880-е гг.

Вокзал Московско-Рязанской железной дороги. 2-я половина XIX в.

К середине 90-х гг. в городе с миллионным населением насчитывалось 15,5 тыс. торговых заведений. Магазинов колониальных и съестных товаров, а также напитков было 3,7 тыс., вина, пива и меда – 0,9 тыс., мануфактурных товаров – 1,5 тыс., мелочных и галантерейных товаров – 1,5 тыс., строительных материалов и топлива – 0,9 тыс., москательных лавок – 0,2 тыс., кожевенных – 0,2 тыс., торгующих платьем – 0,2 тыс., посудой – 0,2 тыс., канцелярскими принадлежностями – 0,2 тыс.[85]

В 1900 г. в Москве уже насчитывалось 377 предприятий, торговавших посудой, мебелью и хозяйственными вещами, 364 – бельем и платьем, 341 – кожей, шерстью и хлопком, 341 – аптекарскими, химическими и москательными товарами, 164 – канцелярскими принадлежностями и бумагой, 142 – обувью, 125 – книгами, 75 – различными машинами и механизмами, 26 – инструментами[86].

Кроме того, имелась довольно широкая сеть торгующих заведений трактирного и гостиничного типа: трактиров – 574, съестных лавок – 187, буфетов – 20, ренсковых погребов, винных и пивных лавок – 1,4 тыс., постоялых дворов и подворий, меблированных комнат – 0,6 тыс.

Общее количество торговых заведений в полтора раза превышало промышленные (15,5 тыс. и 10 тыс.), а по валовому обороту первые превосходили вторые в 10 раз (соответственно 2 млрд. руб. и 200 млн. руб. в год)[87]. Москва, как и в прежние годы, являлась крупнейшим в стране оптовым торговым центром, где реализовывались как российские, так и зарубежные товары, изделия, сырье.

По данным переписи 1897 г., в миллионной Москве в торговле было занято более 100 тыс. человек, или примерно 10% населения[88]. Одних приказчиков в торговых заведениях насчитывалось около 11 тысяч[89].

Что же представляла собой торговая жизнь Москвы и как развивалась торговля во второй половине XIX в.?

В 60–80-х гг. на московских улицах не было магазинов, кроме булочных, овощных и табачных лавок. За каждой мелочью приходилось ездить или посылать в центральную часть города[90]. Но уже в конце 80-х гг. положение стало меняться.

С расширением города возникали периферийные центры розничной торговли – на окраинах, вблизи подъездных железнодорожных путей. В 1890 г. здесь располагалось уже более 50% всех торговых заведений города[91]. Как отмечал один из современников, характеризуя Москву в конце XIX в., «обилие магазинов, рынков, амбаров, движение по улицам обозов, розвальней, телег и разношерстного торгового люда бросалось здесь в глаза с первого взгляда»[92].

Кроме магазинов «почти европейского типа», в городе сохранялись весьма специфичные торговые ряды – Охот-

[85] *Песковский М.* Указ. соч. С.298, 299.

[86] История Москвы. Т.IV. С.170, 172.

[87] *Песковский М.* Указ. соч. С.298, 299.

[88] История Москвы. Т.IV. С.253.

[89] *Песковский М.* Указ. соч. С.298, 299.

[90] История Москвы. Т.IV. С.175.

[91] *Слонов И.А.* Указ. соч. С.227.

[92] *Весин Л.П.* Указ. соч. С.295.

ный, Каретный и другие, торговые площади – Болотная, Смоленская, Сухаревская, Таганская, Калужская и другие.

Тверская улица имела для Москвы примерно такое же значение, что и Невский проспект для Петербурга. Здесь шел непрерывный ряд магазинов, рассчитанных прежде всего на потребности приезжих. Множество магазинов находилось на Петровке, Кузнецком мосту, в Столешниковом переулке. Здесь процветала «модная торговля иностранцев». Это был как бы «московский Париж с прибавкой Вены, Берлина, Варшавы»[93].

Центральным же местом как розничной, так и оптовой торговли, где можно было купить все – от швейных иголок до модного фрака и собольей шубы, от записной книжки до бархатных ковров – были Торговые ряды, располагавшиеся между улицей Никольской и Ильинкой и одной своей стороной выходившие на Красную площадь. Современник вспоминал: «Здесь с одной стороны были лавки, а с другой, к наружной стене,– так называемые «овечки». Это стеклянные ящики, стоявшие на прилавках. В «овечках» продавали, как и по всей линии, в розницу. Здесь можно купить пуговицы всех сортов, кружева, ленты, нитки, иголки, наперстки, венчальные свечи, галстуки, перчатки, носовые платки, чулки, носки, манишки и прочее в этом роде. В лавках напротив «овечек» продавали обувь, шляпы, картузы, ковровые платки, шали, дамские пояса, веера и все то, что называется модными товарами. Запрашивали втридорога, а товар старались «всучить» не особенно доброкачественный. Строптивого покупателя сопровождали смехом или оскорбительными остротами. Распущенность была полная, и несмотря на это, Ножевая линия [Торговых рядов] с утра до вечера кишела покупателями, а главное – покупательницами. В глубине рядов было прохладно, пахло сыростью. Здесь оживления было меньше, и приказчики, стоя у дверей, зазывали покупателей и покупательниц. В самих рядах торговали шелковой материей, ситцем, бархатом, чемоданами и другими товарами. Здесь торговали и оптом, и в розницу.

Каждый ряд носил свое название, были ряды Суконный, Суровской, Сундучный, смотря по роду торговли. У оптовых лавок были навалены кипы товаров и загромождали и без того узкие проходы. С утра до ночи в рядах толкался народ...»[94]

Лавки здесь не отапливались, отсутствовало освещение, кроме дневного, из-за боязни пожара. Наряду со «стационарной» торговлей, шла бойкая торговля разносчиков. «Они приходили в определенные часы с горячими жареными

[93] *Боборыкин П.* Указ. соч. С.270, 271.

[94] *Богатырев П.И.* Московская старина (Китай-город) (1906–1907) // Московская старина. С.96, 97; *Телешов Н.Д.* Москва прежде // Московская старина. С.475.

Верхние торговые ряды. Внутренний вид. Конец XIX в.

пирогами, гречневыми толстыми блинами, политыми черным конопляным маслом, торговали горячей ветчиной и жареной бараниной с картошкой, мозгами с соленым огурцом, белугой с хреном и красным уксусом, кишками с гречневой кашей». «И все это было горячо, все нарезывалось на блюдце, а вместо вилки прикладывалась оструганная щепочка. Через час разносчики проходили обратно и собирали каждый свои блюдца. Наедались вдоволь и затем пили чай, разливая из огромных медных чайников по стаканам, которыми и грели озябшие на морозе пальцы»[95]. Все, что продавалось съедобного в торговых рядах и рядом – на улице и вообще в городе, было «чисто, вкусно и недорого»[96].

Между Тверской улицей и Театральной площадью располагался знаменитый Охотный ряд, являвшийся своеобразным центральным рынком, «снабжавшим» значительную часть населения города мясом, дичью, рыбой, птицей, зеленью, фруктами[97]. Здесь же находилось несколько десятков птичьих боен. Охотный ряд, по отзывам современников, представлял собой «наполовину первобытный базар, с азиатскими лавчонками». Лишь снаружи лавчонки были немного прибраны, а «на дворах и на задах лавок, в подвалах и погребах – грязь, зловоние и теснота». Но истинный москвич без покупок в Охотном ряду обойтись не мог. Здесь закупала свою провизию «достаточная Москва». Кроме обычных продуктов, в Охотном ряду всегда имелись такие «гастрономические редкости», которые могли позволить себе лишь богатые люди. Тут можно было найти зимой клубнику и свежую зелень. Все лучшие московские трактиры, где посетителей удивляли осетриной, телятиной и ветчиной, снабжались Охотным рядом[98].

На площадях города располагались многие рынки. О рынке на площади Калужских ворот современник писал, что здесь можно было приобрести почти все необходимое для людей среднего класса: мясо, рыбу, зелень, платье, обувь, шапки, ситцы, плотничные и другие инструменты[99]. Этот рынок считался «довольно полным», хотя и уступал другим. Невдалеке от Охотного ряда находилась Болотная площадь, которая долгое время являлась хлебным рынком. Но к концу века сюда перешли фруктовый и зеленной рынки, располагавшиеся на Красной площади[100]. Ягодный рынок находился у Серпуховских ворот; сюда в ягодную пору ежедневно съезжались из всех садоводческих районов крестьяне и продавали ягоды преимущественно московским кондитерам, которые «обращали» их в варенье; часть же ягод скупалась лавочниками для мелочной продажи. Цены на ягоды зависели от урожая; при неурожае они повышались в 2–3 раза; при обильном урожае, напротив, цена падала соответствующим образом: пуд малины отдавался за 1 руб., клубники – за 2–3 руб.[101]

Особые базары устраивались накануне праздников, в период Поста. На первой неделе Великого Поста на льду Москвы-реки (а позднее – на набережной реки) от Кремля до Устьинского моста торговал Грибной рынок: «...стояли возы с продуктами, потребными для великопостного стола православного люда; торговали грибами всех сортов, медом, клюквой, редькой, луком, посудой, кухонной мебелью и постными сладостями: черносливом, изюмом, халвой, постным сахаром и многим другим...»[102] Тут же покупали грабли, лапти, валенки, глиняные горшки, кувшины, деревенское рукоделье, орехи, клюквенную пастилу и детские игрушки кустарной работы. Здесь же бродили офени с лубочными картинками[103]. Поехать на Грибной рынок считалось своеобразным паломничеством[104].

В 1893 г. в Москву крестьяне привозили для базаров различного рода товаров на 400 тыс. подводах: на 200 тыс. подводах – овощи и зелень, на 16,5 тыс.– фрукты и ягоды, на 10 тыс. возах – дрова и т.д.[105]

Особый мир царил на базарных площадях – Сухаревской, Смоленской и др. Современник вспоминал, что каждый истинный москвич посещал Сухаревку, чтобы купить что-нибудь по случаю и по дешевой цене. Тут неприхотливый покупатель мог найти «решительно все для своего хозяйства и обихода»[106]. Другой современник отмечал: «Вскоре после отмены крепостного права начался развал и обеднение дворянских гнезд; в то время на Сухаревку попадало множество старинных драгоценных вещей, продававшихся за бесценок. Туда при-

[95] *Телешов Н.Д.* Указ. соч. С.476; *Слонов И.А.* Указ. соч. С.239.

[96] *Богатырев П.И.* Указ. соч. С.96.

[97] Там же. С.112; *Слонов И.А.* Указ. соч. С.243; *Телешов Н.Д.* Указ. соч. С.466, 467; История Москвы. Т.IV. С.165, 170.

[98] *Богатырев П.И.* Указ. соч. С.112.

[99] *Богатырев П.И.* Московская старина (Калужская застава) // Московская старина. С.128.

[100] *Боборыкин П.* Указ. соч. С.280.

[101] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. С.257.

[102] *Богатырев П.И.* Московская старина(Вокруг Китай-города) (1906–1907) // Московская старина. С.105; *Телешов Н.Д.* Указ. соч. С.447.

[103] *Телешов Н.Д.* Указ. соч. С.447, 448.

[104] *Богатырев П.И.* Указ. соч. С.147.

[105] Статистический ежегодник г.Москвы. Вып.1. М., 1908. С.104 (таблица); История Москвы. Т.IV. С.182.

[106] *Боборыкин П.* Указ. соч. С.274.

Верхние торговые ряды. Ветошный ряд по Никольской улице. Конец XIX в.

Скобяная лавка у Владимирских ворот Китай-города. Конец XIX в.

носили продавать стильную мебель, люстры, статуи, севрский фарфор, гобелены, ковры, редкие книги, картины знаменитых художников и пр., эти вещи продавали буквально за гроши. Поэтому многие антиквары и коллекционеры, как то Перлов, Фирсанов, Иванов и другие, приобретали на Сухаревке за баснословно дешевые цены множество шедевров, оцениваемых теперь знатоками в сотни тысяч рублей. Бывали случаи, когда сухаревские букинисты покупали за две, за три сотни целые дворянские библиотеки и на другой же день продавали за 8–10 тыс. руб.»[107].

На Сухаревке можно было приобрести любую вещь, но в основном подержанную, бывшую в употреблении. Немало сбывалось «редких» вещей – ворованных или поддельных. Взаимоотношения покупателя и продавца были самые непринужденные. Здесь властвовал закон «Не обманешь – не продашь» и опытный покупатель подчас заставлял продавца сбавить цену в 2–3 раза. Между рядами, где продавались вещи, разгуливали продавцы съестных припасов – пирожков, блинов, сладостей, которые по совместительству занимались и азартными играми. Иногда это была примитивная форма рулетки, в других случаях – игры, основанные на фокусе и ловкости рук: кольцо, три карты и т.п.[108]

Как уже было отмечено, довольно значительный слой населения занимался мелкой торговлей, причем «мелкая коммерция» сохраняла характер чуть ли не допетровской старины[109].

По многим улицам расхаживали торговцы вразнос, предлагавшие пирожки, мясо, яблоки, апельсины, папиросы, книги и другие товары.

Первоначально уличные торговцы, включая и разносчиков, не платили деньги за право торговать, но вскоре Городская дума начала брать плату «с места торгов», причем сажень оценивалась в 25 рублей. Торговцы стали «роптать», потому что «до сдачи мест с торгов» они «платили в виде контрибуции только по 1 рублю квартальному»[110].

Нельзя не сказать о рынках рабочей силы, своеобразных биржах труда. Одним из самых известных был Хитров рынок (на Сухаревке). «В солнечный день, с раннего утра,– вспоминал П. Боборыкин,– две трети рынка покрыты сплошной массой народа, пришедшего искать заработка. Мужчины скучиваются по самой середине и ближе к торгу, к навесам торговцев и возам; женщины занимают все правое крыло площади... Сотни крестьянок приходят сюда предлагать себя во что угодно: в кухарки, поденщицы, горничные, прачки, работницы. Между ними шныряет городская женская прислуга, хорошая и плохая. К концу торга, если кто останется без места, тут же ложатся на мостовую, отдыхают или просто спят, едят что попало, а ночь проводят в ночлежных, если есть в кармане пятак»[111].

Особо следует сказать о внегородской торговле московскими товарами, об участии московских предприятий в общероссийской торговле.

[107] *Слонов И.А.* Из жизни торговой Москвы // Московская старина. С.244.

[108] *Василич Г.* Люди и улицы Москвы//Москва в прошлом и настоящем. Вып.XII. С.8,9.

[109] *Давыдов Н.В.* Указ. соч. С.28.

[110] *Астапов А.А.* Воспоминания старого букиниста// Московская старина. С.251.

[111] *Боборыкин П.* Современная Москва // Живописная Россия. Т.6. Ч.1 (Москва). СПб.; М., 1898. С.276.

Образцы тканей Прохоровской трехгорной мануфактуры

Рекламные знаки московских предприятий

В конце 60-х гг. около 30 московских фабрик и заводов сбывали свою продукцию «по всей России». Среди них было 13 текстильных предприятий, 4 табачные фабрики, кондитерская фабрика, сахарорафинадный завод и др.[112] Широкое распространение в различных городах страны получили изделия московских предприятий: текстильных (хлопчатобумажные ткани, сукно) – Прохоровых, Цинделя, Гюбнера, кондитерских – Абрикосова, Эйнема, Сиу, парфюмерных – Брокара, канцелярских принадлежностей – Карнаца, пивных – Карнеева, Трехгорного пивоваренного завода, табачных и папиросных – Бостанджогло, Габай, мыловаренных – Серебрякова, кожевенных – Бахрушина, механических – «Доброва и Набгольца», Бромлея, Листа, Липгарта и др.[113] Вывозились также лекарственные препараты, строительные материалы, а также чай, кофе[114].

В дальнейшем круг московских предприятий, товары которых продавались в различных городах страны, расширялся. Так, на рынках Западной Сибири в последние десятилетия XIX в., наряду с текстильными товарами фирмы Э. Циндель, продавались товары фирм С. Морозова, А. Солодовникова[115].

Свыше 70 московских предприятий торговали своими изделиями на Нижегородской ярмарке.

В свою очередь, Москва ввозила текстильное сырье и полуфабрикаты (из Средней Азии и других районов), железо, сталь, чугун (из Донбасса, Польши, Урала, Петербурга, Тульского района), нефть, керосин (из Баку), хлеб (из центральных губерний), сало и масло коровье (из Сибири, юго-восточных и южных губерний), шерсть (из Харьковской, Полтавской и Киевской губерний), скот и кожи (из Оренбургской, нижневолжских, Черниговской и Полтавской губерний), рыбу (из Астрахани).

Ткани московских фабрик вывозились в Персию, Афганистан, Китай, Швецию и некоторые другие страны[116]. Москва участвовала в торговле с другими государствами. Вместе с тем купечество Москвы активно закупало товары за рубежом: в 1893 г. в Москву (через таможню) поступило чая – 686 тыс. пудов, тендеров, паровых труб и т.п.– 248 тыс. пудов, железных и стальных изделий – 97 тыс. пудов, вина виноградного – 117 тыс. ведер и 191 тыс. бутылок, аптекарских и москательных товаров – 160 тыс. пудов, бумажной пряжи – 52 тыс. пудов, шерсти прядильной – 43 тыс. пудов и шелка – 16 тыс. пудов. Весовые показатели импортируемых товаров и их соотношения говорят сами за себя. Преимущественно ввозились товары широкого потребления и сырье. Вес ввозимого чая в два раза пре-

[112] История Москвы. Т.IV. С.188.

[113] Там же. С.47–50.

[114] Там же. С.202, 203, 207.

[115] *Гальских Е.В.* Текстильный рынок Западной Сибири во второй половине XIX века. Автореф. канд. дисс. Барнаул, 1995. С.17.

[116] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. С.327.

Розничные торговцы:

Продавец щеток

Продавец игрушек

Продавец шаров

Продавец кур

вышал вес ввозимых товаров и изделий из металла[117]. Стоимость поступавших на таможню Москвы импортного сырья, полуфабрикатов и готовых изделий за 1886–1896 гг. ежегодно колебалась в пределах 50–70 млн. руб. и составляла около 12% русского импорта. Обороты московской таможни по сравнению с предреформенным временем возросли примерно в 10 раз. Московская таможня в конце XIX в. стала крупнейшим таможенным пунктом страны[118]. Однако внешнеторговый оборот городов в сравнении с соответствующими международными показате-

[117] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. С.328, 329.

[118] История Москвы. Т.IV. С.199; *Песковский М.* Указ. соч. С.300.

Розничный магазин Товарищества Абрикосовых на Кузнецком мосту. 1880-е гг.

лями был невелик. Достаточно сказать, что внешнеторговый оборот всей России в 1897 г. составлял лишь 1,3 млрд. руб. и более чем в три раза уступал торговому обороту Германии и США, в пять раз – Великобритании и равнялся торговому обороту Бельгии[119].

Москва выступала и как известный посредник в торговле, перепродавая на внутреннем рынке часть импортируемых товаров (чай, кофе и др.).

В конце XIX в. Москва являлась крупнейшим торговым центром страны. Обороты торговой Москвы значительно опережали обороты фабрично-заводской промышленности и далеко оставляли за собой торговые обороты Петербурга. Это объяснялось тем, что торговая Москва охватывала сбыт и покупку не только местных продуктов и изделий, но и продуктов и товаров других районов и городов страны, а также некоторых иностранных государств.

В торговой Москве действовали как русские, так и иностранцы, но все же первые преобладали, чем город заметно отличался от Петербурга[120].

6. БИРЖА

В конце XIX в. Москву относили к числу «самых обильных внутренних резервуаров» денежных, торговых и промышленных капиталов[121]. Показателем активности торгово-промышленной и финансовой жизни города являлась деятельность биржи – места заключения торговых и финансовых сделок, рынка, на котором совершились сделки по покупке и продаже крупных партий наличного товара или товара по образцам (биржа товарная или товарная биржа низшего типа) и ценных бумаг (биржа фондовая).

До 1861 г. биржи в России существовали всего лишь в нескольких городах – Петербурге, Одессе, Москве, Нижнем Новгороде, Рыбинске и Варшаве. За пореформенные десятилетия положение существенно изменилось: на рубеже XIX–XX вв. их насчитывалось уже несколько десятков, включая и специализированные биржи – хлебные, по продаже скота, лесные, каменноугольные и др.[122] В Москве действовали биржи: скотопромышленная и мясная, хлебная, пищевых продуктов и винная. Две последних открылись уже в начале XX в.[123] Обороты биржи возрастали, достигая внушительных сумм. Так, через посредство Московской скотопромышленной и мясной биржи в 1901 г. (во второй год ее существования) было заключено 54 тыс. сделок на 23,4 млн. руб. (для сравнения можно отметить, что ежегодный оборот промышленных предприятий Москвы к середине 90-х гг. составлял 200 млн. руб.)[124].

Но рост кредитных сделок, требовавших официального свидетельства биржевых маклеров, потребность в информации о быстро менявшейся экономической обстановке, ажиотаж с продажей и

[119] Всеподданнейший доклад С.Ю.Витте «О положении нашей промышленности». Февраль, 1900 г. // Историк-марксист. М., 1935. Т.2/3. С.130–139; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С.17, 18.

[120] *Весин Л.П.* Указ. соч. С.294, 295.

[121] Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний. С.275.

[122] *Филипов Ю.Д.* Биржа. Ее история. Современная организация и функции. СПб., 1912. С.163, 197, 198; *Хромов П.А.* Экономическое развитие России. М., 1967. С.358.

[123] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 г. М., 1914. С.175–179.

[124] *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960. С.134; *Песковский М.* Указ. соч. С.297, 299.

Биржа. 1865 г.

покупкой ценных бумаг привели к тому, что помещение Биржи пришлось вначале расширять, а в 1875 г. заменить новым более вместительным (оно было построено на месте сломанного старого). Но что-то от старых традиций заключения сделок сохранилось и в «новое» время. Сохранился обычай обсуждения сделок в трактирах. Достопримечательностью Ильинки был Новотроицкий трактир, фигурировавший во многих русских романах. В этом трактире богатое купечество «на славу кормило и поило своих покупателей, и происходили «вспрыски» вновь затеянных торговых многомиллионных дел»[125].

Стоит упомянуть и о долговом отделении, или, как его попросту называли, «Яме». В центре Москвы у Воскресенских ворот, в здании Губернского правления, рядом с Красной площадью, находилась «Яма», по бокам которой были расположены долговые камеры с окнами за железными решетками. В эту «Яму» сажали неисправимых должников. Здесь сидели мещане, цеховые. Специальные же «палаты», расположенные на дворе, предназначались для купцов. Современник вспоминал: «Купец не платил по векселю. Кредитор предъявлял к взысканию в коммерческий суд опротестованный вексель и притом вносил «кормовые деньги». Должника немедленно арестовывали и отправляли с городовым в «Яму», «на высидку»[126]. Случалось довольно нередко, когда купец, задолжав по векселям солидную сумму, созывал своих кредиторов «на чашку чая», как тогда говорилось, раскрывал перед ними свои бухгалтерские книги и сообщал, что дела его крайне плохи и оплатить свои долги он не в состоянии, а предлагает получить по «гривенничку за рубль», то есть вдесятеро меньше. Если кредиторы признавали несостоятельность как несчастье и верили в честность купца, то устраивали над его делами опеку, а если видели, что это мошенничество, что купец, как говорилось тогда, «кафтан выворачивает», что деньги спрятаны, а собственный дом заблаговременно переведен на имя родни, то устраивали «конкурс», продавали остатки имущества с молотка, т.е. с аукциона, а самого несостоятельного сажали в «Яму» у Иверских ворот, пока тот не раскается и не выложит припрятанные капиталы. Все это делалось на законном основании. Но за купца в «Яме» надо было платить – за содержание, за еду. «Сидит, сидит купец в Яме, кредиторы за него платят, платят, а толку нет. Иной раз родственники сжалятся и внесут некоторую сумму из припрятанных денег. И если кредиторам надоело платить за харчи, они прощали купца и выпускали из Ямы, а то требовали новой суммы в уплату, и купец продолжал сидеть»[127]. Однако к концу XIX в. подобная система наказания изжила себя.

Записавшиеся на бирже купцы составляли «биржевое общество». «Московское биржевое общество» было значительной по численности и влиятельной организацией. В составе его бессменных выборных в течение 70–80-х гг.

[125] *Богатырев П.И.* Московская старина (Китай-город) // Московская старина. С.100.

[126] *Слонов И.А.* Указ. соч. С.231.

[127] *Телешов Н.Д.* Указ. соч. С.444–478.

состояли около 30 крупнейших предпринимателей и коммерсантов. Среди них А. И. Абрикосов, Д. П. и П. П. Боткины, И. В. Генешин, И. Е. Гучков, И. Н. Коншин, М. И. Ляпин, Т. С. Морозов, А. К. Трапезников, П. М. и С. М. Третьяковы, В. А. и Н. А. Найденовы. В дальнейшем состав изменялся, пополнялся, но, по-прежнему, концентрировал виднейших представителей торгово-промышленной Москвы. В него входили и представители нового, второго поколения ряда династий. Для кануна первой мировой войны (1913) можно назвать Н. П. Бахрушина, П. А. Бурышкина, А. С. Вишнякова, Г. М. Вогау, С. В. Гоппера, Ю. П. Гужона, А. А. и Л. А. Карзинкиных, Л. Л. Катуара, А. О. и Ф. О. Кнопов, Н. И. Кокорева, А. И. и И. К. Коноваловых, Г. А. и С. А. Крестовниковых, И. Д. и Н. Д. Морозовых, А. А. и Н. А. Найденовых, И. И., Н. И., Ф. К. Прохоровых, Л. А. Рабенека, В. П. и П. П. Рябушинских и др.[128]

«Московское биржевое общество» возглавлял избранный Биржевой комитет. Он выполнял функции администрации, роль арбитра – в финансовых вопросах и посредника между предпринимателями и правительственными учреждениями. Представители «Московского биржевого общества» принимали участие в обсуждении правительственных проектов о таможенных тарифах, рабочем законодательстве и по другим вопросам. «Московское биржевое общество» являлось своего рода организацией, защищавшей корпоративные интересы его членов. Председателем Биржевого комитета во второй половине XIX в. продолжительное время являлся Н. А. Найденов, а одним из старшин – Г. А. Крестовников[129].

В различных местах города в конце XIX в. существовали Биржевые артели[130].

Небезынтересно отметить, что в Москве на рубеже XIX–XX вв. действовали Московское общество распространения коммерческого образования, которое возглавлял А. С. Вишняков и членами которого были В. С. Вишняков, Н. И. Гучков, С. С. Карзинкин, И. К. Коновалов, С. И. Лямин и др., а также Общество любителей коммерческих знаний под председательством В. Г. Сапожникова[131].

«Московское биржевое общество» представляло крупную силу, оказывавшую существенное влияние на экономическую жизнь города и более того – на политику правительства.

7. БАНКИ. КРЕДИТ

После отмены крепостного права в 1861 г., как уже отмечалось, началось бурное развитие промышленности, торговли, транспорта. Значительная роль Москвы в экономической жизни страны предопределила и быстрое развитие здесь банковского дела, кредита, кредитных отношений.

Совсем рядом с Кремлем, который, казалось, не ощущал движения времени и оставался своеобразным музеем прошлого, заметно преобразился Китай-город, ставший финансовым и торговым центром Москвы. Здесь жизнь буквально бурлила, наряду с торговыми рядами и конторами торгово-промышленных кампаний, тремя тысячами складов находились биржи и банки. Банки, банковские конторы, ссудные кассы, комиссионные и посреднические конторы придавали особый колорит и Белому городу (Тверская и Мясницкая части).

Как же развивалось банковское дело и кредитование в Москве? До 60-х гг. в России не существовало капиталистической кредитной системы. Денежные капиталы оседали в виде вкладов в различных казенных банках и использовались правительством непроизводительно. В 1859 г. казенные банки были ликвидированы и вместо них организован Государственный банк, который должен был кредитовать в основном промышленность и торговлю. Московская контора этого банка явилась первым и до 1866 г. единственным коммерческим банком в городе. В 1866 г. после изменения отношения правительства к организации разновидности коммерческих банков – акционерных и коммерческих – был создан Московский купеческий банк. Его учредителями стали 113 купцов и предпринимателей и среди них В. А. Кокорев, И. А. Лямин, Т. С. Морозов, С. П. Малютин, П. М. Третьяков. Банк начал свою деятельность с капиталом в 1,2 млн. руб. и со временем сумел привлечь крупные вклады[132]. В 1869 г. возник второй коммерческий банк «Московское купеческое общество взаимного кредита». В отличие от обществ взаимного кредита это был крупный банк. В начале 90-х гг. это общество насчитывало более 2 тыс. членов, пользовавшихся кредитом в 41 млн. руб.

В 1870–1871 гг. были учреждены еще четыре акционерных коммерческих банка, из которых Московский учетный и Московский торговый просуществовали до 1917 г. В первом – руководящую роль играли О. М. Вогау, П. М. Третьяков, А. И. Абрикосов, К. Т. Солдатёнков, Боткины, Щукины, Кноп, во втором – Н. А. Найденов и Алексеев, О. М. Вогау и др. В 1885 г. московский банкир и учредитель Л. С. Поляков (1844–1914) добился разрешения для перевода в Москву контролируемого им провинциального банка, получившего название «Московский международный торговый банк»[133]. К концу XIX в. в Москве существовало 12 банков и 20 банкирских контор. Наиболее крупными из них – по

[128] *Калинин В.Д.* Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских. М., 1993. С.94–137.

[129] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1901 г. М., 1901. С.565.

[130] Там же. С.566–569.

[131] Там же. С.937, 944.

[132] *Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С.190.

[133] Там же. С.239.

размерам кредитных операций – были Московская контора Государственного банка, такие частные банки, как Купеческий, Торговый, Учетный и Международный Коммерческий, а также Купеческое общество взаимного кредита и Отделение Волжско-Камского банка. Капиталы семи названных банковских учреждений равнялись почти 24 млн. руб., причем каждое из них располагало капиталом от 4 до 5 млн. руб. Операции банковских учреждений в Москве достигали громадных размеров: общий приход денежных сумм составлял 957,2 млн. руб. (в том числе текущий счет – 863,7 млн. и вклады – 93,5 млн. руб.)[134].

Удельный вес московских акционерных банков среди подобных банков страны в 1875 г. по суммам собственных и привлеченных средств и собранных вкладов равнялся 27–36%, однако в дальнейшем он снизился (в 1893 г. составлял лишь 16,4%), что отчасти было связано с деятельностью банков лишь в пределах Московского промышленного района.

Московские банки в значительных размерах производили учет векселей, в основном торговых (ежегодно примерно на 171 млн. руб.), и выдавали ссуды под процентные бумаги или вклады и товары (на 258 млн. руб. и более), покупали бумаги, иностранные векселя, тратты, золото (на 145 млн. руб. и более).

Ежегодная чистая прибыль московских банков оценивалась значительной суммой – более 3 млн. руб., причем в Купеческом банке она равнялась 922 тыс. руб., в Учетном – 242 тыс. руб.[135]

Если учредителями петербургских банков являлись преимущественно банкиры, биржевики, дельцы, разбогатевшие на железнодорожном учредительстве, к которым примыкали «обуржуазившиеся» аристократия и высшие чиновники, то хозяевами московских банков были, как правило, представители крупной московской промышленной (в основном текстильной) и торговой буржуазии. Другая особенность московских банков по сравнению с петербургскими заключалась в отсутствии иностранного капитала.

В Москве, как и в стране в целом, уже с конца XIX в. наблюдалось сращивание банковского капитала с промышленным, что выражалось, в частности, в установлении личных уний между Советом банков и Правлениями акционерных предприятий. В начале 1899 г. товарищем (заместителем) председателя совета Московского Купеческого банка состоял известный фабрикант Г. А. Крестовников, а членами Совета – владельцы крупнейших хлопчатобумажных фабрик Н. И. Прохоров, И. А. Баранов и др. Председателем Совета Московского Торгового банка стал крупный капиталист В. И. Якунчиков, товарищем председателя – текстильный фабрикант Н. А. Найденов. Председателем Совета Московского Учетного банка состоял владелец большой кондитерской фабрики А. И. Абрикосов, а членами Совета – текстильные фабриканты К. Т. Солдатёнков, И. Е. Гучков и др.[136] Со второй половины 90-х гг. известный железнодорожный подрядчик, предприниматель и финансовый деятель Л. С. Поляков возглавлял Советы Московского Международного торгового и С.-Петербургско-Московского коммерческого банков, был председателем правления Московского Земельного и Орловского коммерческого банков, Московского страхового общества, Московского лесопромышленного товарищества, Товарищества Московской резиновой мануфактуры, Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии[137].

Акции и облигации железнодорожных обществ и промышленных предприятий, государственные кредитные билеты

В начале XX в. возникли новые финансовые предприятия. В 1902 г. образовался «Банкирский дом братьев Рябушинских». Обороты «Дома» в 1903 г. равнялись почти 34 млн. руб., а в 1908 г. обороты одного лишь московского отделения стали составлять гигантскую сумму – более 742 млн. руб.[138]

В конце XIX – начале XX в. Москва, наряду с Петербургом, являлась центром монополистического капитала и финансовой олигархии. Финансисты и предприниматели города – через свои корпоративные организации – Московский биржевой комитет и др.– оказывали влияние не только на Городскую думу, но и на правительственную политику.

Хотя московские банки в своей деятельности продолжительное время в значительной мере вследствие высокой рентабельности не выходили за границы Московского промышленного района, все же эта замкнутость постепенно

[134] *Песковский М.* Указ. соч. С.300.

[135] Там же.

[136] История Москвы. Т.IV. С.54–56.

[137] *Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Указ. соч. С.338.

[138] Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913. С.75, 76.

Улица Ильинка – район банков, биржи, торговых рядов. Конец XIX в.

была преодолена. В 90-х гг. Московский купеческий банк создал отделения в Петербурге, Киеве, Харькове, Ростове и Коканде. В хлопководческие и отчасти льноводческие районы стали продвигаться и другие московские банки.

Москва являлась вторым по значению денежным рынком страны. По данным Министерства финансов, из общей суммы государственных и гарантированных правительством ценных бумаг, размещенных внутри страны к 1895 г. и находившихся в залоге или на хранении в банках (2,5 млрд. руб.), на Петербург приходилось 53,1%, на Москву – 16,9% и на всю провинцию – 30,0%.

В Москве в конце XIX в. действовало несколько кредитных учреждений, выдававших ссуды под залог недвижимого имущества. К их числу относились Московское городское кредитное общество и банки – Московский земельный и С.-Петербургско-Тульский. В них ежегодно находилось в залоге более 6 тыс. имуществ, оценивавшихся в 315 млн. руб., под которые заинтересованные лица смогли получить 235 млн. руб. Однако таким источником кредитования могли пользоваться практически лишь состоятельные жители, имевшие недвижимость.

Но преобладающую часть населения города составлял трудовой народ, постоянно нуждающийся, нередко не сводивший концы с концами. Поэтому многие его жители имели постоянную потребность в мелком краткосрочном кредите. И она удовлетворялась Московской ссудной казной и ссудными кассами, которых до 1890 г. насчитывалось около 50 (в 1892 г.– 30). Московская ссудная казна (находившаяся на Неглинке, в собственном доме) принимала в залог золотые и серебряные вещи, бриллианты, драгоценные камни, жемчуг, золото и серебро в слитках. Взимались 6% в год (0,5% в месяц) при выкупе или перезалоге, причем никакой дополнительной платы за хранение не полагалось. Вещи принимали в залог на один год, при этом полагался льготный месяц, в течение которого можно было совершить выкуп или перезалог вещей. Если этого не делалось, то вещи поступали на аукцион.

Большой популярностью у населения пользовались частные ссудные кассы[139]. Несмотря на высокий процент (обычно 60% и как минимум – в некоторых кассах – 36–48%), они отличались общедоступностью, так как здесь можно было заложить любую самую дешевую вещь, даже если она оценивалась не более чем в 50 коп.

Кроме касс, деньги под залог можно было получить в пяти городских отделениях «Товарищества для ссуд под заклад движимого имущества» и в трех отделениях «Общества кредита под залог движимого имущества» (в обоих учреждениях за ссуду и хранение взималось 18% в год).

К учреждениям мелкого кредита относились также частный ломбард и пра-

[139] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1901 г. С.556.

вительственная ссудная казна (в последней брался залог исключительно драгоценными вещами).

Первенствующее значение в выдаче мелкого кредита принадлежало ссудным кассам. Годичный размер их ссуд равнялся почти 8 млн. руб. при 1300 залогах. В частном ломбарде годичный размер ссуд обычно не опускался ниже 1,5 млн. руб. Средний размер ссуды составлял в ссудных кассах – 6–7 руб., в товариществе – 23 руб., в обществе – 20 руб. и в ссудной казне – 149 руб. (при средней годовой заработной плате фабрично-заводского рабочего в Московской губ. на рубеже XIX–XX вв. в 204 руб.)[140].

На Ильинской и Никольской улицах, где размещались банки, ссудные кассы, биржа, многочисленные магазины и склады и где «за день ворочали многими миллионами рублей», было много и маленьких «контор», в одну комнатку, под вывеской «Меняльная лавка» или «Размен денег». Эти конторы фактически выполняли функции своеобразных кредитных учреждений. Такой бытописатель Москвы, как Н. Д. Телешов, отмечал, что эти конторы и меняльные лавки «принимали досрочные купоны от процентных бумаг, преждевременно отрезанные от облигаций, за год, за два вперед, которые никуда – ни в банк, ни в учреждения не берут, а менялы брали и выдавали за них деньги, удерживая себе хороший процент, а также, наоборот,– продавали сами эти досрочные купоны и облигации, остриженные раньше времени, купцам, которые с выгодой для себя оплачивали ими счета подрядчиков и продавцов, а те, в свою очередь, несли эти купоны в меняльные лавки, и так вертелось это бесконечное колесо, принося одним ущерб, а другим прибыль. Кроме того, в этих лавках менялось золото на кредитные билеты, а кредитки – на золото и серебро. Менялы работали бойко...»[141]

Таковы были кредитование в городе и осуществлявшие кредит учреждения.

* * *

Вторая половина XIX в., после отмены крепостного права, была временем, когда промышленная, торговая, финансовая жизнь Москвы, как и всей страны, получила существенное развитие. Фабрично-заводское производство приобретало первенствующее положение, хотя по-прежнему оставалось значительное число мелких предприятий с ручным производством. К тому же даже на фабриках и заводах еще многие операции выполнялись вручную. Однако технический прогресс был значителен. Его олицетворяли в промышленности – паровые машины, на транспорте – паровоз и развитие железнодорожных путей, в конце XIX в.– появление городского трамвая, а в экономике в целом – развитие также торговли и финансовой деятельности.

Но при всех успехах экономическое развитие Москвы несколько отставало от развития других центров. Об этом свидетельствовало более позднее освоение «нефтяных остатков», что сдерживало развитие теплоемких производств, более позднее появление в городе трамвайного движения. Определенными тормозящими промышленный и технический прогресс факторами являлись недостаточность капиталовложений, аграрное перенаселение в регионе и избыток рабочей силы, ее дешевизна, относительно низкая покупательная способность населения.

Тем не менее страна переживала во второй половине XIX в. бурное экономическое развитие. Передовую позицию в этом процессе, наряду с Петербургом, занимала Москва.

[140] *Песковский М.* Указ. соч. С.300, 301.

[141] *Телешов Н.Д.* Указ. соч. С.455.

XV

ПОРЕФОРМЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

1. СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ МОСКОВСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Отмена крепостного права и реформы 60–70-х гг., несмотря на непоследовательность и незавершенность, послужили сильнейшим импульсом для развития всей российской торгово-промышленной жизни, и в том числе московского предпринимательства. Хотя архаичная сословная система и сохранялась вплоть до 1917 г., она стала более приспособленной к новым капиталистическим порядкам. Если раньше предприниматели из крепостных крестьян, которым не удавалось добиться выкупа у помещика, занимались торгово-промышленной деятельностью по особым крестьянским свидетельствам и не имели многих социально-экономических прав купцов, то теперь ситуация изменилась. Сословная принадлежность стала зависеть исключительно от масштабов предпринимательства – все владельцы крупных предприятий, уплатившие соответствующий налог, автоматически становились купцами (мелкие дельцы оставались в прежнем сословии). По законам, принятым в 1863 г., в первую гильдию причислялись собственники торговых заведений первого разряда (оптовая торговля), промышленных – 1–3 разрядов или пароходных предприятий, за содержание которых уплачено свыше 500 руб. основного промыслового налога. Во вторую – соответственно владельцы торговых заведений второго разряда (крупная розничная торговля, промышленных – 4–5 разрядов или пароходных, за которые было уплачено от 50 до 500 руб. налога). Третья гильдия в целях «укрепления купечества» с 1863 г. отменялась. Однако, несмотря на это, численность московского «торгового» сословия в Москве, согласно данным демографических переписей, возросла за не очень продолжительный период более чем в два раза (с 13 943 в 1852 г. до 29 222 человек в 1871 г.)[1].

На вступавших в купеческое сословие по-прежнему распространялись определенные льготы. Самыми важными считались те, которые выделяли купцов из «подлых» сословий – освобождение от рекрутской повинности и подушной подати. Однако и после отмены в 1874 г. рекрутчины, и в 1887 г. подушного налога, представители «торгового сословия» сохраняли ряд привилегий, подчеркивающих их особое положение в системе иерархического общества.

Так, купцы первой гильдии пользовались правами визита к императорскому двору, ношения шпаги или сабли и губернского мундира. В Законе подчеркивалось, что первогильдейское купечество «составляет особый класс почетных людей в государстве». Лица, выбиравшие сословные свидетельства высокого разряда не менее 12-ти лет, могли получать, «по уважении особенных заслуг в распространении торговли», звания коммерции-советников, а за отличия в мануфактурной промышленности – мануфактур-советников. Обладатели этих званий, равно как и купцы, награжденные за свои заслуги орденом или находившиеся в первой гильдии не менее 20 лет, имели право на получение высшего городского сословного звания – потомственного почетного гражданина.

Не менее существенным для людей с ограниченными социальными правами (крестьян, мещан, лиц иудейского вероисповедания) являлось право на свободу перемещения (так называемая паспортная льгота). Представители купеческого сословия не нуждались в обязательном получении увольнительных свидетельств сельского или мещанского обществ, а пользовались бессрочными паспортными книжками. На тех, кто исповедовал иудейскую веру, обладавших сословными купеческими правами, не распространялись дискриминационные меры – запрет выезда за «черту оседлости», соблюдение многочисленных унизительных квот и т.п. Не случайно, что после 1863 г. в Москве появились «не-

[1] *Нифонтов А.С.* Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. Т.54. М., 1955. С.245.

торгующие купцы» – лица, которые, уплатив ежегодный промысловый налог и выкупив гильдейское свидетельство, вступали в сословие, а предпринимательской деятельностью не занимались.

Как и прежде, во второй половине XIX в. отпрыски именитых торгово-промышленных династий соседствовали с недавними выходцами из крестьян, мещан, цеховых ремесленников, прибывавших в первопрестольную не только из губерний Центральной России, но и из национальных окраин.

После падения крепостничества в московском предпринимательстве все чаще стали появляться новые фигуры – представители привилегированного сословия. Пореформенная жизнь стремительно менялась, убыточные имения – родовые дворянские гнезда с прекрасными вишневыми садами – закладывались или шли с молотка, а государственная служба с ее невысоким жалованьем никак не могла обеспечить привычный образ жизни. Множество вчерашних хозяев жизни оказалось в незавидном положении толстовского героя, московского бонвивана и жуира, потомка Рюрика, князя Облонского.

Уже в 1870 г. представители привилегированного сословия стали владельцами почти 5% первогильдейских заведений. Среди дворян-предпринимателей, получивших купеческие свидетельства в Москве, числились граф А. П. Бобринский, князь С. М. Голицын, И. С. Мальцев, К. О. Мекк. Однако дворяне все-таки не смогли наравне с выходцами из других сословных групп утвердиться в московском купечестве – их удельный вес в нем значительно сокращался в конце XIX в., оставаясь относительно высоким лишь среди владельцев торговых домов, членов правлений различных капиталистических объединений. Как объяснял один из исследователей истории московского предпринимательства, представители дворянства в силу своего социального положения, воспитания, традиций, не были в своем большинстве склонны к личному непосредственному участию в торгово-промышленной жизни[2]. Главной причиной тому являлась не предубежденность и сословная спесь, а отсутствие практического опыта, знаний и того, что называют деловыми качествами. Поэтому лица этого круга гораздо охотнее участвовали в тех формах предпринимательства, где не требовалось личного участия, кроме вложения капитала (рантьерство), или ведение дела облегчалось участием опытных компаньонов. Предпринимательскими организациями такого типа были различные акционерные, паевые предприятия и другие коллективные собственники, рост численности которых был вызван бурным развитием капиталистических отношений.

Соображения экономической целесообразности в пореформенный период настойчиво требовали объединения капиталов, ресурсов, предпринимательской энергии, что привело к появлению среди владельцев купеческих свидетельств не только физических, но и юридических лиц. В 1881 г. в Москве было зафиксировано около 60 «коллективных» купцов первой гильдии, включая четыре московских банка, Прохоровскую Трехгорную, Богородско-Глуховскую, Кренгольмскую, Большую Ярославскую мануфактуры, товарищество С. Морозова и др.[3] К концу XIX в. это явление получило еще большее распространение. По данным Московской Казенной палаты, в 1895 г. в купечестве насчитывалось 6452 физических и юридических лиц (1080 по первой гильдии, 5375 по второй)[4]. Как показали дополнительные подсчеты, произведенные на основе справочного издания Московской Купеческой управы, коллективные владельцы гильдейских свидетельств составляли почти 15% (более 900) численности купцов, а по первой гильдии – свыше трети. Среди них числилось более 450 торговых домов, около 100 акционерных компаний, 14 банков, 11 страховых и 4 кредитных общества и т.д.[5]

Говоря об активно идущем в период капитализма процессе обобществления предпринимательства, нельзя не учитывать и типично московскую особенность – семейный характер многих предприятий, когда они, принимая форму паевых товариществ, по существу оставались под контролем одного промышленного клана. В уставах ассоциированных по форме обществ обычно имелся специальный параграф, затруднявший возможность продажи акций третьим лицам. Правление, то есть глава семьи и его помощники из ближайших родственников, сохраняли за собой право выкупить паи, если кто-либо из пайщиков хотел выйти из дела. Это правило строго соблюдалось, а в случае его нарушения (что в Москве происходило крайне редко), правление затевало судебное разбирательство, затягивавшееся на многие годы. Таким образом, семьи Прохоровых, Морозовых, Алексеевых безраздельно контролировали ассоциированные по форме предприятия и под одной вывеской могло действовать несколько крупных предпринимателей, связанных узами близкого родства.

Как видно, в торгово-промышленной жизни пореформенной Москвы патриархальные черты причудливо переплетались с новейшими формами. Сохранившаяся сословная система подвергалась как бы воздействию своеобразной коррозии и уже далеко не во всех случаях отражала реальную структуру общества. Например, ежегодно публиковавшиеся

[2] *Гавлин М.Л.* Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. М., 1973. С.175.

[3] *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России 1861–1900. М., 1974. С.65.

[4] РГИА. Ф.1290. Оп.5. Ед.хр.178. Л.29–30.

[5] Подсчитано по: Справочная книга о лицах, получивших на 1895 г. купеческие и промысловые свидетельства по г.Москве. М., 1895.

К. Т. Солдатёнков

А. В. Бурышкин

во второй половине XIX в. официальные данные статистики промыслового налога, свидетельствовали об интенсивном росте численности московского предпринимательства, осваивавшего все новые и новые отрасли экономики. Между тем, согласно материалам городских переписей населения, число купцов, достигнув в 1871 г. максимума, в последующие годы явно имело тенденцию к сокращению: в 1882 г.– 22 916, в 1897 г.– 19 941[6]. Причина этого несоответствия заключалась в том, что наряду с принадлежавшими к купеческому сословию лицами, не занимавшимися торгово-промышленной деятельностью (так называемые «неторгующие купцы», платившие налоги лишь для приобретения сословных прав), в обществе появились предприниматели, не менявшие своего социального статуса, если он был выше купеческого, т.к. включенность в состав коллективных собственников предприятий не требовала персональной выборки гильдейских свидетельств.

Юридически оформить свою принадлежность к «торговому сословию» стремились лишь предприниматели в первом поколении, еще не успевшие отличиться в бизнесе и достигнуть вершин социальной иерархии, что удалось сделать многим представителям «громких» деловых фамилий. Так, наиболее престижное звание потомственного почетного гражданина, которое означало принадлежность к высшему городскому сословию, передавалось по наследству и давало право на общий гражданский титул «ваше благородие». В 1835 г. его получили Гучковы, в конце 30-х – Прохоровы, в 1833 г.– Крестовниковы, в 40-х гг.– Морозовы и Четвериковы, в 1855 г.– Солодовниковы, в 1862 г.– Варгунины, в 1870 г.– Вишняковы, в 1872 г.– Найденовы, в 1879 г.– Рябушинские. За период с 1882 по 1897 г., согласно данным демографических переписей, количество почетных граждан в Москве возросло более чем в два раза – с 9223 до 21 603 человек. Некоторым известным московским предпринимателям удавалось добиться дворянского звания. Во второй половине XIX в. путем анноблирования по чину, ордену или «высочайшим пожалованием за выдающиеся заслуги» в дворянство были возведены Губонины, Коншины, Перловы, Рукавишниковы, Сапожниковы, Сименс, Солдатёнковы, Солодовниковы, Четвериковы и др.[7]

Таким образом, картина получалась довольно запутанная: элита московского купечества формально связи с сословием не имела. Более того, среди предпринимателей из крестьян были и такие, кто демонстративно юридически не порывал со своей средой, афишируя мужицкое происхождение. Как отмечал В. Рябушинский, в Москве «про некоторых (фабрикантов.– *Ред.*) говорили, что они очень гордились своим крестьянством, принципиально из него не выходили и писались: «крестьянин такого-то села или деревни, такой-то, временно московский 1-ой гильдии купец»[8].

Сама жизненная практика доказывала, что никакая регламентация сверху, даже реагирующая на глобальные изменения, не могла создать идеальной, четко выверенной общественной модели. Сословная иерархия в условиях станов-

[6] *Нифонтов А.С.* Указ. соч. С.57.

[7] *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России. М., 1992. С.49, 69.

[8] *Рябушинский В.* Купечество московское // Былое. 1991. № 3. С.12.

ления капиталистических отношений, предлагавших свою систему ценностей, где главное мерило – «его величество купон», начинала терять свой смысл и былую привлекательность. Показательно, что не все владельцы торгово-промышленных предприятий высоких разрядов, имевшие право на вступление в купечество, спешили им воспользоваться. Купцы в московском деловом мире представляли подавляющее большинство, но рядом с ними соседствовали крестьяне, мещане, дворяне, а также подданные иностранных государств, составлявшие 6–7% крупных капиталистов. Эта относительно немногочисленная группа собственников «гильдейских» заведений, воспринималась современниками, несмотря на свою формально-юридическую разнородность, как единое купечество, «московский торгово-промышленный класс», и включала в свой состав 5–7 тыс. человек. Элиту предпринимательства, которая не только занимала особое место в торгово-промышленной жизни, но и как бы олицетворяла московское купечество и часто выступала от его имени, представляли, по мнению самих купцов, а также специалистов-историков[9], 20–30 семейных кланов.

2. МОСКОВСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Бурный рост торговли и промышленности, увеличение количества людей, вовлекаемых в предпринимательство, усложнение структуры хозяйственно-экономической деятельности ставили перед московскими капиталистами вопрос о необходимости создания представительной организации, способной отстаивать интересы делового мира. Еще в 30–40-е гг. крупные московские фабриканты (Гучковы, Прохоровы, Крестовниковы и др.– всего 39 человек) обращались к военному генерал-губернатору с просьбой о разрешении создать в Москве общество поощрения мануфактурной промышленности. После неудачи этой попытки в конце 50-х гг., когда разрабатывался новый таможенный тариф и обнаружились тенденции к ослаблению начал протекционизма, московские предприниматели совместно с петербургскими обсуждали планы организации общества, в котором «могли бы рассматриваться все торгово-промышленные вопросы». И хотя в 1861 г. был составлен и даже утвержден правительством устав общества, оно так и не возникло, т.к. идея встретила противодействие со стороны некоторых влиятельных лиц[10]. Парадокс заключался в том, что самодержавие, с одной стороны, было крайне заинтересовано в развитии предпринимательства, обеспечивавшего экономическую мощь государства, с другой – не имело намерений расширять права не только широких слоев общества, но и даже ее верхушки, каковой, без сомнения, в пореформенный период становилась буржуазия. Царские чиновники предпочитали допускать некоторое фактическое расширение прав уже существующих организаций, чем создавать новые, отвечающие духу времени и соответствующие требованиям буржуазной демократии. В результате московские капиталисты так и не получили единый крепкий «деловой клуб», распыляясь между несколькими организациями, различными по своему характеру – «традиционными сословными» (Купеческое общество), современными капиталистическими (Биржевое общество) и полуказенными, связанными под эгидой государственной власти.

Организация купечества второй половины XIX в. определялась «Положением об общественном управлении г. Москвы 1862 г.». Все лица, записанные в гильдии, избирали выборных купеческого сословия, которые на своих периодически проводившихся собраниях обязаны были решать текущие дела общества – регламентировать взаимоотношения предпринимателей, рассматривать конкретные вопросы организации торговли и промышленности, определять обязанности членов общества, контролировать управление сословным хозяйством, которое досталось в наследство от предшественника – Купеческого отделения дома Московского градского общества, состояло из недвижимого имущества и капиталов, постоянно пополнявшихся за счет дарений и «добровольных взносов». По всем обсуждаемым собранием выборных вопросам выносились так называемые общественные приговоры, за исполнением которых следил руководящий и исполнительный орган – Купеческая управа.

Купеческая управа, формируемая собранием выборных, состояла из старшины, его заместителя (товарища), двух членов и двух заседателей «от временно причисленных к столице купцов как русских подданных, так и иностранцев»[11]. Будучи по своему характеру органом сословного самоуправления, Купеческая управа в соответствии с общественной практикой самодержавной России, по сути быстро превратилась в придаток казенных ведомств. До 1905 г. она находилась в подчинении Министерства внутренних дел. Старшине купеческого сословия присваивался чин VI класса «Табели о рангах» (коллежский советник), членам управы – VII (надворный советник). Выступая формальным представителем одного из самых мощных

[9] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.123; *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967. С.19.

[10] *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России 1861–1900. С.94–95.

[11] История Московского купеческого общества. Т.5. Вып.3. М., 1913. С.85.

Биржа. 1880 г.

отрядов отечественной буржуазии, Московская Купеческая управа пользовалась большим расположением правительственных кругов. Ее деятелей обязательно приглашали на все совещания в Министерство финансов для обсуждения вопросов торговли и промышленности, а главное финансовое ведомство непременно присылало Московскому купеческому обществу все законопроекты с пожеланиями высказать о них соображения. Представители купцов нередко приглашались в Петербург для участия в обсуждении многих правительственных мероприятий и работы в различных комиссиях (по рабочему вопросу, по введению фабричной инспекции и т.д.).

Однако, несмотря на широкое использование членов Московского купеческого общества в качестве правительственных экспертов, сами сословные органы не смогли стать полноценными представителями капиталистического класса. Со временем деятельность Купеческой управы свелась к выполнению двух основных функций – фискальной (выдача документов на право торговли и промыслов, раскладка и взимание пошлин и сборов, оформление актов по учету лиц купеческого сословия) и ведению сословного хозяйства. Последнее увеличилось к концу XIX в. до весьма значительных размеров. На 1 января 1896 г. собственность Московского Купеческого общества оценивалась в 3 315 580 руб. 30 коп. общего складочного капитала, 9 098 511 руб. 25 коп. «специальных капиталов» и 10 395 008 руб. 87 коп. недвижимого имущества. Прибыль с колоссальных «общественных капиталов» исчислялась в 600 тыс. руб. ежегодно и тратилась на учебные и благотворительные дела (например, в 1895 г. в различных учебных заведениях содержалось 574 стипендиата). В ведении Московского купеческого общества находились богадельни – Андреевская, им. Д. А. Морозова, им. П. И. Куманина, И. Г. Куманина, А. А. Хлебникова, Солодовниковская, Н. В. и Д. А. Немировых, Р. И. Внукова, – где содержалось 2833 человека, дома призрения – им. Т. Г. Гуреевой, им. Мазуриных, им. Г. И. Хлудова, им. П. Н. Грязнова, Московского общества, Александровская больница, учебные заведения – Мещанское мужское и девичье училища, Практическая Академия Коммерческих наук, Елизаветинский институт, Солодовническое Коммерческое училище, Московское училище для глухонемых детей[12]. Сосредоточившись на управлении таким значительным хозяйством, купеческая управа в течение второй половины XIX в. полностью утратила профессионально-представительные функции, которые постепенно перешли к Московскому биржевому комитету.

Московская биржа, основанная в 1839 г., на протяжении двух десятилетий не пользовалась доверием купечества, привыкшего с опасением относиться к административным инициативам. Отношение к бирже изменилось только

[12] РГИА. Ф.1290. Оп.5. Ед.хр.178. Л.205, 251–259.

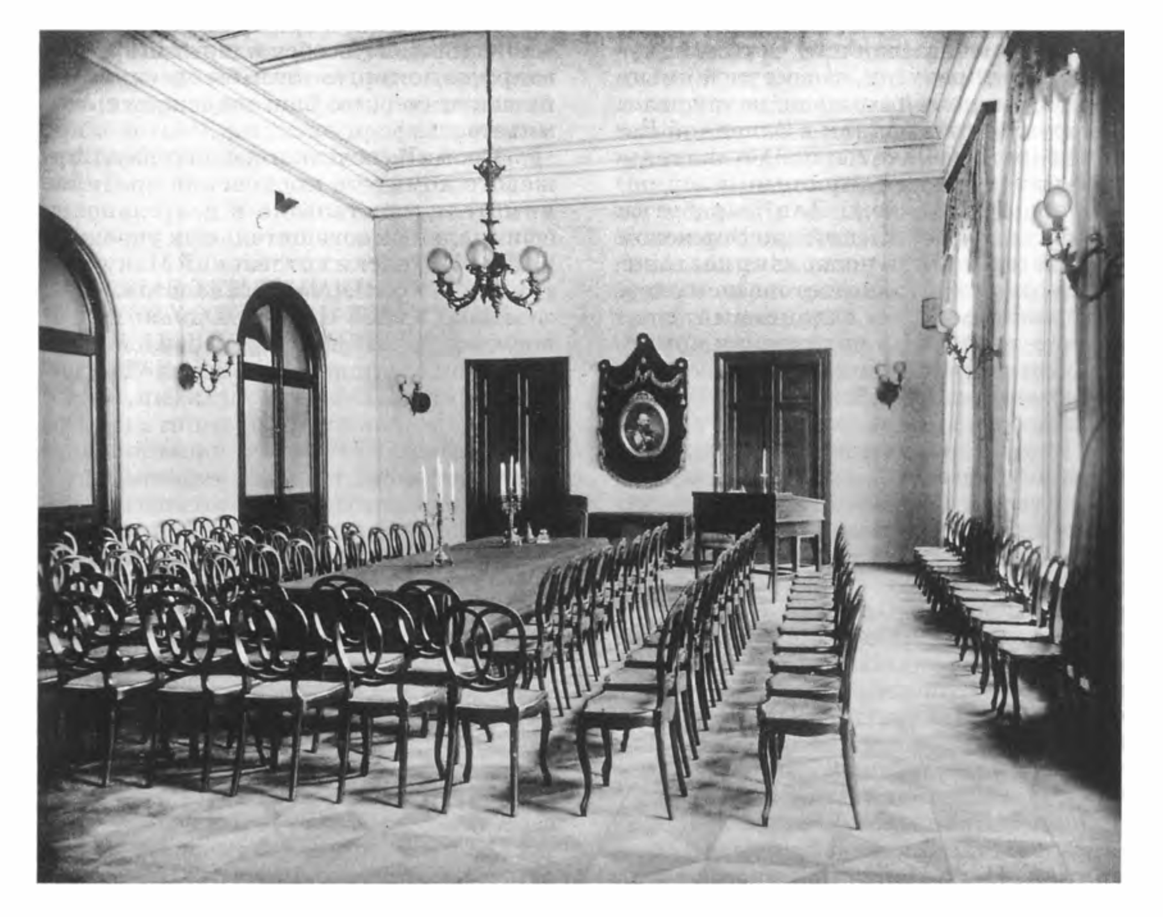
в конце 60-х гг. в связи с оживлением в пореформенной Москве торгово-промышленных дел и усложнением структуры предпринимательской деятельности. Ажиотаж с покупкой и продажей ценных бумаг, во множестве наводнивших рынок, потребность в своевременной и точной информации о быстро менявшейся экономической обстановке, рост значения кредитных сделок, требовавших официального свидетельства биржевых маклеров, наконец, развитие биржевой игры – все это привлекало массу людей в ранее пустовавшую биржу. Уже в 70-х гг. помещение ее оказалось недостаточным и было значительно расширено и перестроено[13].

Недостатки чисто административного характера устройства дореформенной биржи заставляли капиталистов добиваться расширения функций и прав биржевого общества. Московские купцы неоднократно ходатайствовали о введении института гласных или выборных Биржевого общества, собрания которых были бы правомочны принимать любые решения в рамках биржевой организации[14]. Это требование было удовлетворено утверждением 20 мая 1870 г. нового устава Московской биржи. По уставу биржу имели право посещать представители всех сословий, за исключением подвергшихся суду, несостоятельных должников и лиц, по делам которых учреждена «администрация» (кредиторское управление). Круг членов Биржевого общества был ограничен: в него могли вступить только крупные оптовики и владельцы фабрично-заводских предприятий, торгующие товарами собственного производства.

В первый после принятия устава 1870 г. состав Московского биржевого общества вошел 501 представитель, в том числе: 338 купцов первой гильдии, торговавших по московским купеческим свидетельствам; 112 – по свидетельствам первой гильдии, полученным в других местах; 25 акционерных обществ и товариществ на паях; 26 московских купцов, содержащих промышленные заведения. Биржевое общество каждые три года избирало из своей среды выборных (100–150 человек). Собрание выборных рассматривало общие вопросы, утверждало ходатайства в вышестоящие инстанции, распоряжалось имуществом биржи, формировало постоянно действующий орган – Биржевой комитет. Самой важной стороной деятельности последнего была собственно биржевая функция: котировка товаров и маклерские сделки. Кроме этого Биржевой комитет занимался составлением Свода местных торговых обычаев и правил биржевой торговли, биржевым арбитражем, организацией выборов в члены общества, наблюдал за порядком в собраниях, распоряжался по делам, касающимся учреждения «администраций».

[13] *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч.II. М., 1904–1905.

[14] Московская биржа. 1839–1889. М., 1889. С.73.

Зал заседаний выборных Биржевого общества

Присутственная комната Биржевого комитета

Однако московский Биржевой комитет не ограничился исполнением узкобиржевых обязанностей. Оттеснив купеческую управу, он, в известном смысле, принял на себя выполнение той роли, которую осуществляли в Западной Европе торговые палаты: представительство интересов предпринимателей перед правительством. Для выработки компетентных суждений при Биржевом комитете состояло несколько постоянных комиссий и комитетов: по железнодорожным делам, хлопковый, прядильно-ткацкий, юридическая комиссия, банковская комиссия. На средства биржи содержалась богатая библиотека по всем отраслям знаний.

Биржевой комитет активно участвовал в обсуждении и доработке проектов правительственных постановлений. В отдельных случаях он занимался экспертным изучением проблем и готовил обширные доклады по специальным темам. Например, «О неудовлетворительности существующего порядка взысканий по векселям» (1869 г.), «О торговле с Китаем» (1877 г.), «О поощрении камвольного производства в России» (1882 г.), «О возвышении пошлины на каменный уголь, привозимый морем» (1886 г.). Вместе с тем по-настоящему полноценным представителем предпринимательства Биржевой комитет так и не стал. Н. А. Найденов, несмотря на нажим со стороны молодых радикальных выборных Биржевого общества, всячески избегал обсуждения широких вопросов, которые могли бы бросить тень на политическую благонадежность комитета.

Кроме Купеческого общества и Биржевого комитета московские предприниматели участвовали в деятельности официальных совещательных учреждений – Московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов, образованных в 1828–1829 гг. Однако казенно-бюрократические черты, зависимость от высших чиновников и местной администрации делали их органами, малопривлекательными для капиталистов. Хотя аппарат этих учреждений содержался за счет купцов, сам характер организации не позволял им быть здесь полными хозяевами и назначать председателя, членов советов и комитетов и пр. Несмотря на то, что сразу же после 1861 г. правительство, учитывая пожелания крупной буржуазии, ввело принцип выборности в деятельность московских отделений Мануфактурных и Коммерческих советов, функции их мало изменились и сводились лишь к решению повседневных административных дел.

В 1884 г. было организовано Московское отделение Общества для содействия русской промышленности и торговли, существовавшего в Петербурге с 1868 г.

Председателем отделения был избран Т. С. Морозов. В совет вошли Н. Н. Коншин, П. П. Малютин, М. А. Горбов, А. Л. Лосев, В. Д. Аксенов, А. И. Абрикосов. В течение нескольких лет отделение активно защищало интересы московских торгово-промышленных кругов и ставило иногда вопросы общероссийского значения. Оно, в частности, было инициатором ходатайства об изменении только что принятых законов о фабрично-заводском труде, признавая их крайне обременительными для капиталистов. На совете отделения обсуждались таможенная политика в связи с необходимостью развития хлопчатобумажного производства. Особое место отводилось проблеме конкуренции с главным соперником московских текстильщиков – промышленниками Лодзи. Для изучения ситуации в Царство Польское командировывались представители, велась активная работа в петербургских канцеляриях с целью добиться принятия выгодных для московских фабрикантов протекционистских тарифов.

Характеризуя деятельность Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговли, многие современники отмечали, что оно в какой-то степени дублировало функции более авторитетного Биржевого комитета, иногда уступая ему в оперативности. В конечном итоге отсутствие полноценной представительной организации предпринимательского класса являлось одной из причин того, что, по мнению авторитетного купца и деятеля Биржи, «вся масса московского купечества не была ни классом с осознанной психологией, ни даже профессиональной группой единомыслящей и сплоченной»[15].

3. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вторая половина XIX в. стала для Москвы периодом быстрых и динамичных изменений: набиравший ход промышленный переворот и отмена крепостного права, давшая простор развитию капиталистических отношений, создавали принципиально новые условия функционирования предпринимательства. Сохранить отцовское дело и приумножить его удалось только тем, кто смог отреагировать на вызов времени и приспособиться к новому стилю практической деятельности. А для москвича, привыкшего к патриархальному устоявшемуся быту и сложившемуся узкому кругу традиционных партнеров, это было не так просто.

Мануфактур-советник Т. С. Морозов

Например, Н. А. Найденов, известный впоследствии предприниматель и биржевой деятель, не выезжавший прежде из Москвы, испытал сильное потрясение, когда, решив заняться переоборудованием родительской фабрики, отправился для ознакомления с новыми машинами в Петербург. В июле 1855 г. Найденов, переборов опасения семьи, сел на почтовый поезд, «всю дорогу он не спал: до такой степени занимало его все попадавшееся на пути. В самом Петербурге особенно странными показались трехэтажные дома, стоявшие как башни с глухими стенами между других одноэтажных; таких домов не только не было в Рогожской или на Земляном Валу, но и во всей Москве. Нарочно прожил он несколько лишних дней, чтобы видеть начинавшееся газовое освещение; в Москве было только освещение фонарей конопляным маслом... все редкостное давало повод к сравнениям со своим, московским»[16].

Многие молодые московские предприниматели, чьи родители за всю жизнь не ездили дальше Нижегородской ярмарки, под давлением обстоятельств постепенно превращались в энергичных предпринимателей. Когда из-за Крымской войны, а чуть позже Гражданской войны в Североамериканских Штатах начались перебои с поступлением американского хлопка и текстильные фабрики оказались в трудном положении,

[15] *Бурышкин П.А.* Указ. соч. С.233.

[16] *Лебедев И.* Н.А.Найденов. 1834–1905 гг. М., 1915. С.86.

некоторые отпрыски известных купеческих семейств решили заняться поисками альтернативных источников сырья. Сохранились воспоминания, как братья Крестовниковы отправились в Оренбург и Троицк за среднеазиатским хлопком: «за неимением американского и других, ввозимых к нам морем, хлопков пришлось бы надолго остановить работы на Полянской фабрике. Наша поездка в Оренбург за хлопком являлась в то время каким-то подвигом... Принеся большую услугу московским фабрикантам, мы и сами нажили по рублю серебром на пуд и были очень счастливы удачей первого шага в нашей деловой жизни»[17]. Не менее авантюрной, но менее успешной была экспедиция внука основателя Егорьевской бумагопрядильной фабрики И. А. Хлудова. Он решил напрямую связаться с производителями американского хлопка, снарядил специальный крейсер, на котором пересек Атлантический океан, и принял в Саванне груз хлопка. Однако на обратном пути он был взят в плен эскадрой северян и только после вмешательства российского посольства был освобожден и вернулся домой[18].

Пореформенное время стало периодом нелегких испытаний для традиционных лидеров московского делового мира – фабрикантов-текстильщиков. Многие мануфактуры, открытые еще основателями купеческих династий, не смогли выжить в новых условиях. Как с грустью вспоминал Н. А. Найденов: «С пасхи 1885 г. фабрика [Найденовых.– *Ред.*] была остановлена, а затем последовательно распроданы ее принадлежности, и таким путем окончилось наше личное фабричное занятие, просуществовавшее, хотя в различных видах, на одном месте в течение 75 лет... Из лиц (разумея дома их), с которыми в течение всего сказанного времени пришлось иметь дела, осталось на виду самое ничтожное меньшинство, и то в большей части его – на других отраслях деятельности; большинство же исчезло из торгово-промышленного мира совершенно»[19].

Уцелеть, окрепнуть и развернуться в полной мере смогли лишь те купеческие фабрики, владельцы которых постигли премудрости науки управления производства. Одним из таких людей был настоящий новатор предпринимательского дела, заслуживший славу признанного авторитета делового мира Москвы С. И. Четвериков.

Сергей Иванович Четвериков, родившийся в 1851 г., происходил из старинного купеческого рода, обосновавшегося в Москве в середине XVIII в. После окончания реальной гимназии он был «определен в дело»: отправлен на стажировку в Петербург в контору торгового представителя Городищенской фабрики. Неизвестно, чем бы закончилась для молодого купца эта стажировка, в ходе которой он с явной ленцой относился к конторским занятиям, если бы не самоубийство отца в конторе фабрики накануне истечения срока выплаты деловых обязательств в 1871 г. Эта трагедия предопределила судьбу Четверикова: девятнадцатилетний наследник был вынужден встать во главе семейного предприятия, отодвинув свои мечты об артистической карьере и увлечения музыкой на второй план.

Перспективы обанкротившейся фабрики виделись ему в тот момент в самом мрачном свете. Однако в отношении к молодому предпринимателю в полной мере проявилась купеческая солидарность: собрание кредиторов постановило не настаивать на немедленной оплате счетов. Были приняты и организационные меры: фабрика, как это часто наблюдалось в Москве, оставаясь «семейным» предприятием, приняла форму Товарищества. На сумму в 250 тыс. руб. были выданы паи, принятые полностью в залог Московским Купеческим банком, признавшим за Четвериковым право их выкупа в течение десяти лет.

С. И. Четвериков понял, что восстановление отцовского дела потребует полной отдачи сил. Поэтому он поселился на фабрике. Позже, приобретя в нескольких километрах от нее имение, проводил там почти безвыездно несколько лет. Для начала требовалось провести техническое перевооружение завода – под кредиты, полученные в Московском Купеческом банке и открытые родственниками жены Четверикова – знаменитыми Алексеевыми. В Германии было закуплено современное оборудование. При непосредственном участии молодого хозяина в скором времени изготовили коллекцию опытных образцов изделий фабрики. Она произвела в среде покупателей внушительное впечатление и самый большой суконный магазин Москвы П. Е. Попова сразу дал Городищенской фабрике небывалый по величине заказ. Вместе с тем интуиция подсказывала Четверикову, что для достижения успеха недостаточно только технической модернизации. Одним из первых русских промышленников он пошел на радикальное изменение условий труда и быта рабочих. Четвериков ликвидировал все ручные ткацкие станы, на их месте устроил спальные помещения. Самым главным нововведением стала отмена ночных работ для женщин и малолетних, а также перевод с 12-часовой рабочей смены на 9-часовую. Среди московских фабрикантов это вызвало немало нареканий и предсказаний провала «новомодной» затеи. Скептически на первых порах к начинаниям Четверикова отнеслось и правительство. Министр финансов Рейтерн прислал на фабрику извещение, что «отмена ночной работы

[17] Семейная хроника Крестовниковых. М., 1903. Кн.1. С.31.

[18] Пятидесятилетие бумагопрядильной фабрики, ныне принадлежащей высочайше утвержденному Товариществу братьев А. и Г. Хлудовых. М., 1895. С.17.

[19] *Найденов Н.А.* Указ. соч. Ч.II. С.55–56.

женщин и малолетних, ввиду новизны этой меры, разрешается Товариществу лишь в виде временной меры, как опыт»[20].

Однако ход дел на фабрике убедил С. И. Четверикова в собственной правоте: производительность труда возросла, за 9-часовую смену вырабатывался тот же объем продукции, что и ранее; при этом качество изделий заметно улучшилось.

Положительно сказалось и введение сдельной оплаты, когда работники отделений фабрики получили право сами устанавливать количество членов артели. Успешная реорганизация промышленного дела заинтересовала правительство. Когда в 1881 г. здесь обсуждали фабричные законопроекты об ограничении труда детей и подростков, С. И. Четверикова неоднократно вызывали в Петербург, где он в качестве эксперта давал разъяснения на общем заседании Государственного Совета. Присутствие представителя московского делового мира на таком высоком уровне при обсуждении законов было нечастым делом. Впоследствии, по представлению министра финансов Н. Х. Бунге, С. И. Четверикова наградили орденом Св.Станислава.

Однако, несмотря на все меры, первое время Городищенская фабрика оставалась малодоходной, принося всего лишь 5% прибыли, что объяснялось успехами в 80-х гг. XIX в. главных конкурентов московских текстильщиков – мануфактуристов Лодзи. Последние для удешевления производства широко использовали добавление в шерсть малоценных примесей. Относительная дешевизна, а также хороший рисунок и отделка способствовали повышенному спросу на польские изделия. По примеру Лодзи русская промышленность также начала склоняться к удешевлению производства за счет качества. Но С. И. Четвериков, несмотря на экономические трудности, напротив приложил немало усилий к улучшению качества выпускаемого товара. И это себя оправдало: когда насыщение рынка дешевыми изделиями привело к изменению потребительского спроса, Городищенская фабрика стала одной из немногих, способных производить товары самого высокого качества. В 90-х гг. XIX в. ни один престижный магазин Польши, даже в текстильной «столице» – Лодзи – не мог обходиться без городищенской продукции. Дела пошли хорошо, и стало возможным завершить оснащение фабрики самой совершенной техникой. В XX в. фабрика Четверикова превратилась в одно из наиболее высокодоходных предприятий московского региона.

Отличительной чертой московского предпринимательства и залогом его успеха было то, что промышленность первопрестольной ориентировалась на удовлетворение потребностей широкого рынка. В дореформенный период наиболее ходовым товаром являлась текстильная продукция, удовлетворение потребительского спроса на нее осуществлялось за счет натурального крестьянского хозяйства. Вызванные реформами 60-х гг. экономические и социальные изменения привели к сдвигам в бытовом укладе Москвы. Патриархальные черты «захолустья» стирались под натиском нового космополитично-рационального стиля жизни большого капиталистического города.

Как отмечал один из современников, вернувшийся в Москву 1865 г. после нескольких лет отсутствия: «Мелочный домашний обиход сам собою менялся, прежние «смолки» заменялись китайскими бумажками... сальные свечи... исчезли, будучи побеждены подешевевшими стеариновыми; ламповое дело радикально реформировалось, олеин был вытеснен керосином... мужчины забыли о сапогах и перешли к ботинкам; травяные веники заменились щетками, и так до бесконечности. Торговая и промышленная Москва наводнилась массой новинок, предметами первой необходимости и роскоши, сначала заграничного, а затем и русского производства, вытеснившими из обихода почти все свое доморощенное и домодельное»[21].

В условиях изменения структуры потребительского спроса в сторону его расширения и разнообразия для московских купцов обнаружились новые сферы приложения своих деловых способностей. Своевременное включение в перспективные, еще не освоенные отрасли таило в себе возможность добиться быстрого предпринимательского успеха. На языке Москвы купеческой это называлось «открыть спрос». Удача такого рода улыбнулась деду русского поэта В. Я. Брюсова. По его воспоминаниям, деду помогли годы Крымской войны: в те времена в России не было пробочных фабрик, пробки, необходимые для миллионов бутылок вина, привозились из-за границы морем. В результате войны все порты оказались в блокаде. «Дед рискнул выписать товар на свой собственный страх через Архангельск; товар дошел и он мог брать за него особую цену. В 60–70-х годах пробочная торговля К. А. Брюсова была единственной в Москве, обороты доходили до 90 000 в месяц. Состояние деда дошло до того предела, который можно назвать богатством, конечно, умеренным»[22].

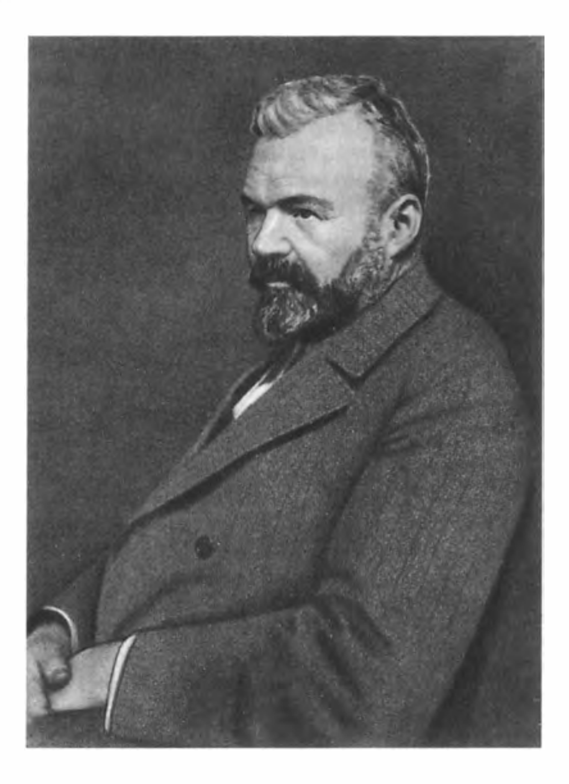
Достичь наибольшего успеха, завоевать репутацию своеобразного «законодателя мод» и добиться всероссийской известности смогли немногие московские предприниматели, которые сами активно формировали спрос населения. Их фамилии, превратившись в символы, «товарные знаки» производимой

[20] *Четвериков С.И.* История Городищенской фабрики. М., 1918. С.17.

[21] *Давыдов Н.В.* Из прошлого. М., 1913. С.30–31.

[22] *Брюсов В.Я.* Из моей жизни. М., 1927. С.9.

И. Д. Сытин

продукции, сохранились не только в пожелтевших от времени рекламах старых газет, но и в семейных преданиях старых москвичей.

До реформы 1861 г. в Москве действовало лишь несколько водочных заводов полукустарного типа. Через пару десятилетий на предприятии П. А. Смирнова, основанном в 1864 г., 600 рабочих производили 132 500 ведер водок и ликеров и 1 626 000 ведер очищенного и столового вина на 8 млн. рублей. Не намного отставала известная конкурентка – «вдова Попова» – завод «Товарищества преемников вдовы Попова», основанный в 1863 г.[23] Свою нишу на рынке как Москвы, так и России приобрела и удерживала фирма Н. Л. Шустова. Она процветала прежде всего за счет постоянно расширявшегося в 60–90-х гг. ассортимента, а не только благодаря качеству продукции. Относительно дешевые «Зубровка», «Мандариновая», «Кавказский горный травник», «Яблочная настойка», «Нектарин», «Ежевика», «Клюквенная», «Облепиха» соседствовали в фирме с более дорогими ликерами высшего качества – «Бенедиктин», «Шартрез», «Кюрасао», «Крем де Ваниль». Самой же большой популярностью пользовались номерные шустовские коньяки.

Умелый учет потребностей и вкусов различных слоев населения способствовал процветанию фирмы Генриха Брокара. Француз по рождению и подданству, он начал с организации в 1864 г. парфюмерной мастерской, где с двумя рабочими производил 5–10 дюжин кусков мыла в день. Брокар заметил выгодность выпуска дешевых сортов туалетного мыла, рассчитанных на массового потребителя. Широкую известность уже в 60-х гг. получило мыло «Шарм» и особо дешевое «Народное» по копейке за кусок. Дела пошли в гору. Уже через пять лет на базе мастерской была основана фабрика, где, ориентируясь на вкусы крестьянских масс, Брокар стал изготавливать дешевое «Сельское» мыло в яркой упаковке с картинкой в стиле лубка, «Русское», «Национальное», «Электрическое».

Стремясь завоевать покупателя, Брокар выпускал мыло необычной формы: в виде огурца, шара или яйца, придавая ему разноцветные, прозрачные окраски. Приступив впервые в России к производству цветочной туалетной воды, Брокар устроил на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. для рекламы в Москве фонтан из одеколона, которым разрешалось пользоваться бесплатно. Продукция фабрики пользовалась устойчивым спросом и оборот предприятия достиг в начале 90-х гг. внушительной суммы – 1 млн. руб.[24]

Подобный взлет был характерен в пореформенный период и для многих московских предпринимателей, сумевших воспользоваться преимуществами широкого рынка. Так, купцы Абрикосовы, изобретатели известной пастилы, к концу XIX в. владели крупнейшей кондитерской фабрикой России, производившей конфеты, шоколад и варенье на сумму более 1,3 млн. руб. Не отставали от Абрикосовых и их главные конкуренты – Эйнем и Сиу.

Нацеленность на массовый рынок привела к успеху не только в отраслях, связанных с удовлетворением массовых потребителей, но и в таком специфическом виде предпринимательства, как книгоиздательская деятельность. Так, на рубеже XIX и XX вв. крупнейшим в Москве и в России стало издательство Ивана Дмитриевича Сытина. Оно специализировалось на выпуске доступных самому обширному кругу читателей книг – учебников, научно-популярной литературы, дешевых изданий собраний сочинений классиков русской литературы, энциклопедий, народных календарей и т.п.

И. Д. Сытин начинал с уличной торговли. Его рассказ о первых шагах в бизнесе сохранил в памяти потомков русский сатирик Дон-Аминадо: «Торговал я у Проломных ворот, имел свой ларь, как следует быть, железом окованный; и цельный день, с утра и до вечера топтался на одном месте, чтоб, не приведи Господи, покупателя не пропустить. Ну, товар был у меня всякий, какой надо: и «Миллион снов», новый и полный сонник с подробным толкованием; и «Распознавание будущего по рукам», хиро-

[23] *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб. 1881.

[24] Золотой юбилей «Товарищества Брокар и К°» (1864–1914). М., б/г. С.103.

мантией называется. Очень ходкая была книжка. И «Поваренная книга» – подарок молодым хозяйкам. И конечно Четьи-Минеи. И Жития Святых. И все такое прочее... Конечно я был тогда совсем сырой и, правду сказать, еще по складам читал, а больше всего на смекалку и на природный свой нюх надеялся»[25].

Пореформенный период открыл для российских предпринимателей новые сферы деятельности, сулившие невиданные барыши – железнодорожное строительство и банковское грюндерство. Так, В. Ф. Чижов, не имевший ранее состояния, оставил после смерти 6 млн. руб. Он участвовал в дюжине крупнейших проектов, включая строительство Московско-Ярославской и Московско-Курской железных дорог, учреждение Московского Купеческого банка, создание при Городской Думе коммерческих организаций по благоустройству Москвы – Общество водопроводов и газопроводов и др. Другой предприниматель В. А. Кокорев, начав с откупов, стал одним из пионеров русской нефтяной промышленности. Он создал Бакинское нефтяное товарищество, Волжско-Камский банк, утвердил Северное Страховое общество, организовал Общество Пароходства и торговли, построил в Москве в 1862–1865 гг. знаменитое Кокоревское подворье – огромную гостиницу со складским комплексом на Софийской набережной, стоившую 2,5 млн. руб. Крупными железнодорожными дельцами были П. И. Губонин и С. И. Мамонтов.

Однако такие деятели «с размахом» представляли исключение в московской купеческой среде, тяготевшей более к другому стилю – неторопливой предпринимательской деятельности. Считалось, что для того, чтобы «с купцом сладить дело, надо выпить десяток самоваров». Кокорев, живописуя своих коллег, говорил, что если москвич покупает сыромятную кожу, то ему мало ее посмотреть и понюхать, а надобно еще и пожевать[26]. Участие в железнодорожных концессиях и учредительстве требовало решительности и авантюрного склада больше, чем добротности и обстоятельности. Н. А. Найденов отмечал, что «Москва откупщиков и процентщиков не любит». Схожую оценку купеческой этики дал В. Рябушинский: «В московской неписаной купеческой иерархии на вершине уважения стоял промышленник, фабрикант. Потом шел купец-торговец, а внизу стоял человек, который отдавал деньги в рост, учитывал векселя, заставлял работать капитал. Его не очень уважали, как бы дешевы его деньги ни были, и как бы приличен он сам ни был. Процентщик!»[27]

Купечество первопрестольной и во второй половине XIX в. сохраняло свой особый неповторимый стиль. В манере деятельности москвичей предпринимателей черты классических бизнесменов новой формации соседствовали с нормами традиционной деловой морали. Постепенно теряя патриархальные дедовские привычки, московское купечество не утрачивало своей самобытности.

4. ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Пореформенный период составляет самый яркий и насыщенный эпизод в истории московского купечества. За короткий отрезок времени – в течение одного поколения – торгово-промышленное сословие резко продвинулось вверх по социальной лестнице, и дети вчерашних лабазников и заводчиков вдруг по-настоящему ощутили себя хозяевами города. Не будет преувеличением сказать, что в конце XIX в. Москва купеческая затмила Москву дворянскую. И дело не только в том, что предприниматели выделялись нажитыми несметными капиталами и бьющей в глаза роскошью. Резко возрос и культурный уровень купечества.

Среди купцов, занятых в сфере промышленности, торговли и финансов, даже в начале 60-х гг. преобладали «народные самородки», дельцы-практики, не имевшие систематического образования. Встречались полуграмотные и совсем неграмотные люди. Однако они понимали, что для того, чтобы надежно закрепиться в деле, только практических навыков недостаточно. Поэтому своих детей они старались подготовить к коммерческой деятельности в учебных заведениях, дающих хорошую специальную подготовку и знание иностранных языков.

Так, дети И. В. Щукина начали школьное обучение в Выборге, где преподавание велось на немецком языке. Затем одновременно с другим отпрыском известной московской купеческой фамилии С. И. Мамонтовым они учились в Петербурге в частном пансионе Гирса. Занятия в пансионе дополнялись домашней подготовкой, посещением университетских лекций Костомарова, Киттары, Лесгафта и других профессоров. Впоследствии родители направили П. И. Щукина в Германию для практического изучения коммерции в качестве бесплатного стажера («волонтера») в одну из оптовых фирм, где уже стажировался его земляк В. И. Гучков. Практика продолжалась на фабрике Северна и Боралля в Лионе, а затем в течение двух лет он служил главным доверенным комиссионерского дома Р. Д. Варбурга в Гамбурге. В Лионе П. И. Щукин вместе с И. П. Гужоном изучал процесс выработки шелковых тканей. Старший брат Щукина

[25] *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. М., 1991. С.56.

[26] *Гавлин М.Л.* Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых. М., 1991. С.23.

[27] Былое. 1991. № 2. С.8.

С. И. Мамонтов. Художник М. Врубель. 1897 г.

продолжал коммерческое образование в специальном училище в Дрездене, служил «волонтером» на предприятии К. К. Шмидта в Риге[28]. Дети Морозова прошли такое же практическое обучение. Д. А. Морозов, например, был направлен на продолжительный срок в Англию. Он изучал машины на фабриках Лондона и Ливерпуля, осматривал различные заведения в Ирландии и Шотландии, посетил промышленную выставку. За короткое время он побывал в нескольких десятках городов и более чем на 150 фабриках.

В 70–80-е гг. в купеческой среде постепенно усиливается интерес к общеобразовательной подготовке. И. С. Аксаков, хорошо знавший московское купеческое общество, писал в 1875 г. Е. А. Черкасской: «Теперь у всех купцов le grand genre – классическое образование, и всех своих цыплят они направляют в классические гимназии. Не только Морозов Тимофей Саввич, но даже какой-нибудь Щенков, торгующий в Гостином дворе... и тот стыдится «реального» образования»[29]. В конце XIX в. среди предпринимателей уже не редкостью были люди с университетской подготовкой. Например, А. И. Гучков и М. А. Морозов закончили историко-филологический факультет Московского университета.

После открытия в Москве коммерческих учебных заведений дети купцов стали получать здесь специальное образование. Так, П. П. Рябушинский обучался в Московской практической Академии, выпускники которой приравнивались к окончившим курс реального училища. Пребывание его в Академии совмещалось с занятиями с домашними гувернерами, в результате которых Рябушинский смог овладеть несколькими иностранными языками – немецким, французским, английским[30].

Среди верхушки московских купцов появились люди, которые спокойно и аргументированно рассуждали о серьезных проблемах, отстаивали свою точку зрения со знанием дела в разговорах с интеллектуалами того времени. Характерная встреча произошла в 1884 г. в известном московском ресторане «Славянский базар», где фабрикант С. И. Четвериков оказался за одним столиком с известным петербургским экономистом и публицистом В. П. Безобразовым. Возник спор на модную тогда тему: что предпочтительнее для России – протекционизм, или свобода предпринимательства. В. П. Безобразов, убежденный противник протекционизма, неожиданно для себя столкнулся с аргументированными возражениями практика-предпринимателя. Ощущая весомость доводов собеседника, он не без раздражения записал в своем дневнике: «Вообще, речь Четверикова, приводящего цитаты из Гете – смесь вздора, невежества, высокомерности, раздражения с здравыми просвещенными мыслями. При этом много кичливости и самомнения»[31].

Осознание своей особой роли в обществе проявлялось в стиле поведения не только образованной части купечества, но и в более широких его слоях. Как писал один из Морозовых: «Как-никак, а нужно признаться, что буржуазия у нас в Москве – сила. Она и первым представлениям хлопает, и картины покупает, и о политике говорит. Прежде она боялась частного пристава, бутылку называла «флакончик», вместо «налей» говорила «насыпь» и не ставила там, где следует, букву «Ѣ». Теперь говорят, в общем, правильно, хотя и употребляют выражения вроде «я был уставши», и имеют университетский диплом. Теперь буржуазия никого не боится, разве только того, что княгиня Тугоуховская не позовет ее на бал, а на званый обед не приедет знакомый адъютант»[32].

Московские деловые люди никак не походили на своих предшественников, ходивших на прием к городничему с двумя головами сахара и трепетно заискивающих перед «господами». Они открыто демонстрировали независимость, подобно знаменитому Савве Морозову, устроившему «афронт» самому дяде царя, генерал-губернатору Москвы великому князю Сергею Александровичу. В 1896 г. великий князь захотел лично осмотреть новый особняк Морозова на Спиридоньевке, о котором много велось разговоров, и через адъютанта предупредил хозяина об этом. Морозов дал свое согласие. Однако приехавший на другой день великий князь не застал дома владельца особняка. Как заметил В. И. Немирович-Данченко, это «было очень тонким щелчком: мол, вы хотите мой дом посмотреть, не то, чтобы ко мне приехать,– сделайте одолжение, но не думайте, что я буду вас приниженно встречать»[33].

Повышение социального статуса предпринимателя отразилось и на его взаимоотношениях с работником. Раньше, как писал современник, «фабрикант нередко делил с ним радость и горе: есть лишняя копейка и выпьют вместе, нет, работник подождет, говоря хозяину: «Ничего, брат, ничего – с кем не бывает!» Бывало и ели они вместе (работник с хозяйкой), хозяин и хозяйка даже нередко и крестили детей у работника. Но это до тех пор, пока хозяин не был богат...»[34]

Ситуация радикально изменилась, начиная с середины XIX в., когда на смену ручному труду пришел машинный. Соображения наибольшей эффективности использования станков подтолкнули предпринимателей на увеличение рабочего дня, переход к кругло-

[28] Воспоминания П.И. Щукина. Ч.1. М., 1911. С.14–30.

[29] Цит. по: *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России 1861–1900. С.76.

[30] *Петров Ю.А.* П.П.Рябушинский // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С.118.

[31] Из дневника сенатора В.П.Безобразова 1884 г. // Былое. СПб., 1907. Т.9. С.11.

[32] *Морозов М.А.* Мои письма. М., 1895. С.130.

[33] *Немирович-Данченко В.И.* Из прошлого. М., 1938. С.107–108.

[34] Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып.2. М., 1866. С.67.

Больница братьев Бахрушиных на Сокольническом поле

суточной работе. Расширявшееся производство требовало все новых и новых рук, активно стал использоваться детский труд.

Преобразования на фабриках опережали изменения в сознании хозяев, которые по-прежнему продолжали считать себя благодетелями работников. Характерно, что выступая против попыток правительства запретить детский труд, ограничить продолжительность рабочего дня, отменить ночные смены, они ссылались, как правило, на незаинтересованность рабочих в этих мероприятиях. Примером фарисейства является отзыв братьев Хлудовых на разосланный в 60-х гг. правительственный проект закона о запрещении ночной работы для малолетних. Они писали, что «дети, лишаясь заработков на фабриках, не принесут своим родителям никакого материального пособия, будут пребывать во вредной для их возраста праздности и расстроят свое здоровье, находясь, вместо светлого и здорового помещения фабрики, в душной атмосфере своей избы»[35]. Когда в 1885 г. для решения вопроса об отмене ночных работ в текстильной промышленности была организована междуведомственная комиссия во главе с В. К. Плеве, в ней принимали участие и представители московской промышленности. Большинство московских капиталистов (Н. А. Найденов, П. А. Малютин, Н. Н. Коншин и др.) с жаром приводили множество доводов в пользу того, что отмена ночных работ нанесет непоправимый вред текстильной отрасли. Против их аргументов выступали многие петербургские промышленники, из московских только С. И. Четвериков, В. И. Якунчиков и Н. А. Алексеев.

Наступивший в 80-х гг. «золотой век» русской фабрики, которая переживала настоящий технический переворот, еще больше увеличил дистанцию между хозяином и работником. Произошло это в силу естественной смены поколений – место простодушного основателя предприятия занял его образованный и утонченный потомок, в котором уже не осталось ничего от крестьянских предков.

Молодые предприниматели с явной охотой перенимали жизненный уклад обеспеченных слоев общества и старались ни в чем не уступать беднеющему дворянскому сословию. Нередко в подмосковных селах рядом с закопченными фабричными корпусами и переселенными рабочими казармами вырастали комфортабельные особняки промышленных деятелей. Как отмечал современник, «если вы едете в гости к фабриканту на его тысячных рысаках, лошади быстро промчат вас мимо нескольких убогих лачуг, расположенных у околицы села, по главной мощеной улице и вы не успеете опомниться как очутитесь у парадного подъезда роскошного дворца фабриканта. Мягкие ковры, мрамор, бронза, чучела медведей при входе на широкую лестницу и встречающий вас лакей во фраке дают вам впечатление, что вы находитесь в самой фешенебельной части Петербурга и Москвы»[36].

Растущий контраст в жизненных укладах хозяина и работника стал особенно заметен в конце XIX в., когда страна неожиданно столкнулась с массовыми проявлениями социального недовольства.

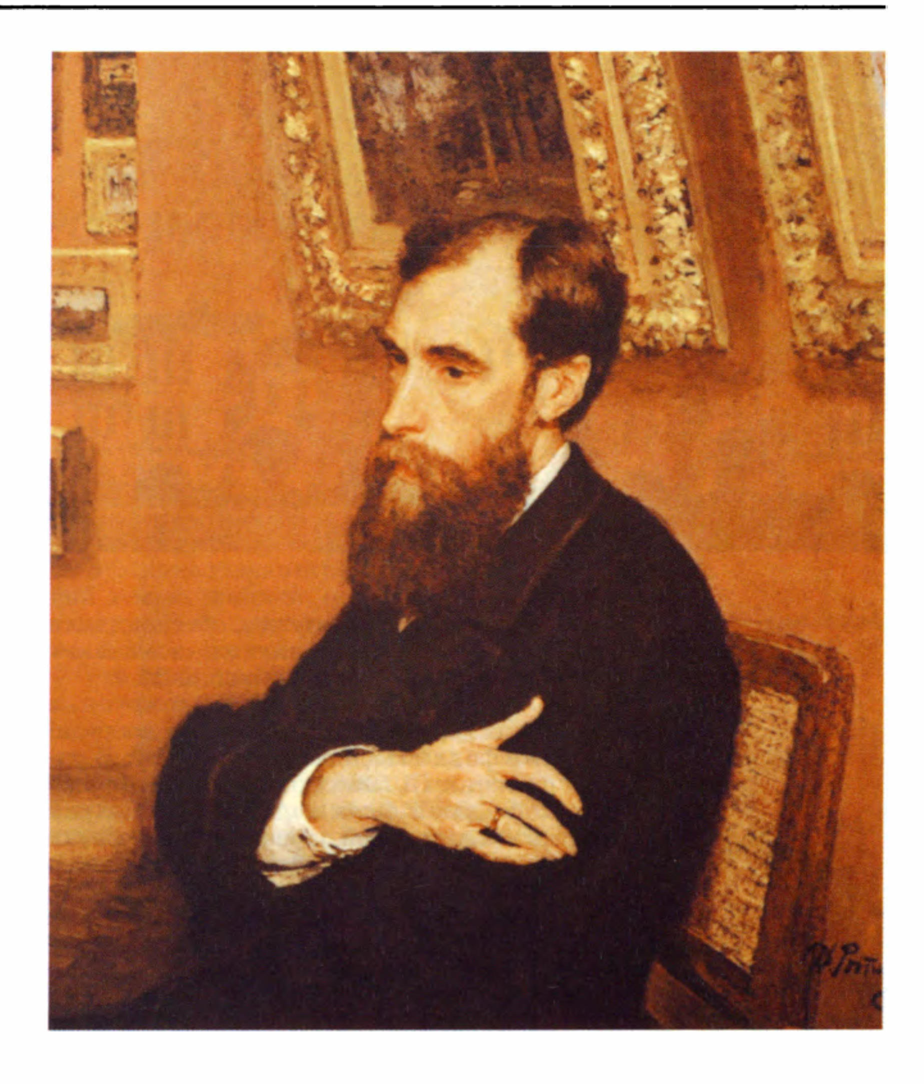
Зимой 1885 г. на Никольской фабрике Морозовых произошло первое по-настоящему крупное выступление рабочих Центральной России, подавленное войсками. Несколько десятков наиболее активных участников было привлечено к судебной ответственности. Однако общественное мнение России оказалось не на стороне фабрикантов Морозовых: суд присяжных полностью оправдал всех подследственных.

[35] Цит. по: *Туган-Барановский М.* Русская фабрика. М.; Л., 1934. С.299.

[36] *Гвоздев Г.С.* Записки фабричного инспектора. М., 1911. С.149.

Успех стачки, показавшей эффективность активной борьбы с фабрикантами, дал толчок массовому рабочему движению в России и положил начало тому противостоянию обеспеченных и неимущих, которое в XX в. приняло столь драматические формы. Как писал В. П. Рябушинский: «В 80–90-е годы прошлого XIX в., произошел перелом в отношениях между хозяевами и работниками. Патриархальный переход с его добром и злом, с простодушием и грехом, с защитой, помощью, с обсчитыванием и обидой – кончился... При них (патриархальных отношениях.– *Ред.*) иной старик-фабрикант с полным убеждением в своей правоте говорил: «Много у меня грехов, но одно себе в заслугу ставлю: фабрику учредил и дело развил, теперь 10 000 народу кормлю». Старые рабочие, с которыми хозяин в детстве играл в бабки, это тоже в заслугу ставили. Шли годы, и в глубокой старости тому же хозяину во время забастовки фабричная молодежь кричала: «Нас 10 000, а мы тебя одного толстопузого кормим»[37].

Прежде относительно спокойные отношения между работниками и хозяином давали трещину. Они таили в себе зародыши последующих конфликтов, которым суждено было принять особо драматические формы в русской истории XX в.

П. М. Третьяков. Художник И. Репин. 1883 г.

5. КУПЕЧЕСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МЕЦЕНАТСТВО

Яркой страницей истории московского предпринимательства стала благотворительность, поддержка купцами и фабрикантами культурных начинаний. Многие выходцы из социальных низов удивили мир, совершив духовную эволюцию, образно описанную Ф. И. Шаляпиным: «...Российский мужичок, вырвавшись из деревни смолоду, начинает сколачивать свое благополучие будущего купца или промышленника в Москве. Он торгует сбитнем на Хитровом рынке, продает пирожки на лотках, льет конопляное масло в гречишники, весело выкрикивает свой товаришко и косым глазком хитро наблюдает за стежками жизни, как и что зашито и что к чему как пришито. Неказиста жизнь для него. Он сам зачастую ночует с бродягами на том же Хитровом рынке или на Пресне, он ест требуху в дешевом трактире, вприкуску пьет чаек с черным хлебом. Мерзнет, голодает, но всегда весел, не ропщет и надеется на будущее. Его не смущает, каким товаром ему приходится торговать, торгуя разным. Сегодня иконами, завтра чулками, послезавтра янтарем, а то и книжечками. Таким образом, он делается «экономистом». А там, глядь, у него уже и лавочка и заводик. А потом, поди, он уже 1-й гильдии купец. Подождите – его старший сынок первый покупает Гогенов, первый покупает Пикассо, первый везет в Москву Матисса. А мы, просвещенные, смотрим со скверно разинутыми ртами на всех непонятных еще нам Матиссов, Мане и Ренуаров и гнусаво-критически говорим: «Самодур...» А самодуры тем временем потихонечку накопили чудесные сокровища искусства, создали галереи, музеи, первоклассные театры, настроили больниц и приютов на всю Москву»[38].

Московская купеческая благотворительность имеет давнюю историю, однако подлинный ее взлет начался в последней четверти XIX в. До этого периода она осуществлялась в основном в рамках сословной организации. Купцы жертвовали деньги на традиционные сферы благодеяния – например, капитал на приданое бедным невестам был сформирован в 1814 г.: каждой невесте выдавалось пособие 200 руб.; крупный вклад в 1850 г. внес М. И. Крашенинников – 630 тыс. руб. Они же организовывали благотворительные учреждения, полу-

[37] *Рябушинский В.П.* Указ. соч. С.12.

[38] Цит. по: *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992. С.8.

Богадельня им. П. М. Третьякова

чавшие имя основателя, обеспечивали капиталом и передавали их «в ведение» Купеческого сословного общества.

До второй половины XIX в. крупные благотворительные отчисления поступали в фонды московского городского управления. В 1906 г. московской городской Думой была издана специальная книга, в которой перечислялись все пожертвования с 1863 по 1904 г. Только за 20 лет – с 1885 по 1904 г.– эта организация получила около 30 млн. рублей. Крупными благотворительными взносами отличались московские купцы Алексеевы, Бахрушины, Капцовы, Копейкины-Серебряковы, Лепешкины, Лямины, Морозовы, Рукавишниковы, Третьяковы, Щаповы, выделявшие сотни тысяч рублей[39].

Многие благотворительные заведения, созданные московскими купцами, стали гордостью города. В их числе бахрушинская больница, детский приют, дом бесплатных квартир. Семейство кожевенных и суконных фабрикантов Бахрушиных не случайно называли «профессиональными благотворителями». В их семье существовал обычай: по окончании каждого года, если он был благоприятен в финансовом смысле, выделять ту или иную сумму на благотворительные дела. Так, Василий Алексеевич Бахрушин с братьями в 1882 г. пожертвовал городу полмиллиона рублей на устройство больницы для хронически больных на Сокольничьем поле, в начале Стромынки, а в 1890 г. еще 400 тыс. на постройку дома призрения для неизлечимо больных. В 1895 г. Бахрушины пожертвовали городу 600 тыс. руб. на устройство детского приюта в Сокольниках и «отписали» городу дом на Болотной площади для устройств в нем бесплатных квартир.

В 1898 г. Викула Морозов выделил 400 тыс. руб. на создание детской больницы, которая была открыта в 1908 г. и до сих пор носит название «Морозовская». Почти полтора миллиона рублей отдала на благотворительные заведения семья Мазуриных. Ряд филантропических учреждений был создан на средства П. Г. Шелапутина: гинекологический институт, мужская гимназия, три ремесленных и реальное училища. Полмиллиона Шелапутин дал на устройство женской учительской семинарии. Первая бесплатная глазная больница, открывшаяся осенью 1900 г., была построена на деньги В. А. Алексеева (ныне институт глазных болезней им. Гельмгольца). К. Т. Солдатёнков регулярно жертвовал на нужды народного образования, отчислял деньги в фонды Румянцевского музея и Московского университета, а в духовном завещании выделил на строительство бесплатной больницы для бедных почти два миллиона рублей. Выстроенное и оборудованное по последнему слову техники того времени Солдатёнковское лечебное учреждение было открыто через десять лет после его смерти в 1910 г. (ныне больница им. Боткина).

С середины XIX в. культурная деятельность московских купцов К. Т. Солдатёнкова, С. А. Мазурина, Г. И. Хлудова, В. А. Кокорева проявилась в собирании произведений русской живописи. Но их коллекции не оформились в постоянные музейные собрания отечественного изобразительного искусства. Венцом московского меценатства стало создание братьями Третьяковыми всемирно известной художественной галереи.

Огромную роль сыграли в русской культуре Московский Художественный театр, частная Мамонтовская опера, опера Зимина, чьи творческие замыслы никогда не смогли бы реализоваться без материальной и моральной поддержки просвещенных московских предпринимателей.

[39] *Боханов А.Н.* Указ. соч. С.12.

XVI

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО

1. ОТ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ К РЕФОРМЕ 1861 г.

Считается, что новый общественный подъем наступил в стране сразу после окончания неудачной Крымской войны и сам факт поражения в ней подстегнул рост общественных настроений. Но московский материал позволяет нарисовать несколько иную картину. Уже во время войны именно в Москве замечается несомненный подъем общественного движения, вызванный разными причинами и находивший различные, подчас, неожиданные проявления.

Царизму, который терпел неудачи на фронтах, необходимы были хоть какие-либо демонстрации успеха, и одной из них был выбран приближавшийся столетний юбилей Московского университета. В Татьянин день, 12 января 1855 г., в Москве собрались многие выпускники университета из различных регионов страны, чтобы отметить день своей «Альма матер». Официальные круги основательно подготовились. Прибыл министр народного просвещения А. С. Норов, когда-то обучавшийся в Благородном пансионе при университете и затем прославившийся в Отечественной войне 1812 г., где при Бородино потерял ногу. Торжественный доклад сделал ректор университета и его выпускник, видный хирург А. А. Альфонский. С пространной речью выступил литератор С. П. Шевырев, известный как один из главных проводников теории официальной народности. На торжествах присутствовал генерал-губернатор А. А. Закревский, устроивший торжественный обед в честь юбилея, попечитель московского учебного округа В. И. Назимов, близкий к наследнику престола, будущему императору Александру II. Все вроде бы шло чинно и спокойно, и тем не менее академик Н. М. Дружинин, блестящий знаток истории Москвы, подчеркивал: «Празднование столетнего существования Московского университета было не только открытой общественной демонстрацией, но и первой капитуляцией самодержавия, симптомом начавшегося «кризиса верхов»[1].

Н. М. Дружинин обратил внимание не только на внешнюю сторону торжества, которое продолжалось несколько дней. Настоящий обмен мнениями шел не в присутствии официальных гостей. У историка Т. Н. Грановского собрались так называемые западники, как московские, так и петербургские, а у Ю. Ф. Самарина встретились славянофилы – К. Аксаков, В. Черкасский, Э. Мамонов, А. Хомяков, Елагины. Именно в этих узких кругах единомышленников шли откровенные разговоры о судьбах России и нередко они переносились в московские трактиры, где приобретали более широкое звучание. Торжества прошли еще при жизни Николая I, и их значение вышло далеко за рамки чисто университетского уровня, получив заметный отклик за пределами Москвы.

Москва по-прежнему занимала особое место среди русских городов. Еще в 1839 г. маркиз де Кюстин, человек прибывший в город первый раз, обратил на это внимание в своих путевых заметках. Описывая нравы московской толпы, он подчеркнул, что она показалась ему «более веселой, более свободной в своих движениях, более жизнерадостной, чем население Петербурга. Люди, чувствуется, действуют и думают здесь более самопроизвольно, меньше повинуются посторонней указке. В Москве дышится вольнее, чем в остальной империи. Этим она сильно отличается от Петербурга...»[2]. Одной из отличительных особенностей Москвы и стала та, что здесь общественный подъем начался раньше, чем где-либо в империи, и получил общероссийский резонанс. Элементы московской независимости приобретали самые различные формы. В феврале того же 1855 г. московское дворянское собрание предпочло видеть начальником губернского ополчения знаменитого, хотя и престарелого А. П. Ермолова. А этого

[1] *Дружинин Н.М.* Москва в годы Крымской войны // *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М., 1988. С.165.

[2] *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1990. С.236.

не желал, как писал славянофил А. И. Кошелев, ни сам Николай I, ни его генерал-губернатор А. А. Закревский[3]. И тем не менее на выборах А. П. Ермолов получил из 209 голосов 200. По сути это была настоящая пощечина, которую нанесла официальному Петербургу оппозиционная Москва. Интересно, что Ермолов был избран начальником ополчения в семи губерниях[4], в том числе и в Петербургской, но он дал согласие именно москвичам, еще раз продемонстрировав свое отношение к настроениям в московском обществе. Нужно, однако, отдать должное царю Николаю I, утвердившему выборы Ермолова и, более того, заверившему его, что ему будет подыскано более ответственное назначение (ему, который почти тридцать лет находился в опале).

В настоящие массовые демонстрации стали превращаться многие, на первый взгляд самые заурядные события. Чувствовалось, что накопился огромный заряд общественной активности, который ждал выхода, и для этого использовался любой мало-мальски подходящий предлог. Москвичи устраивали серию обедов в честь защитников Севастополя – как генералов, так и простых солдат и матросов, последним таким обедом стал обед, устроенный начальнику севастопольского гарнизона, генералу, который участвовал еще во всех походах против Наполеона в начале века,– Д. Е. Остен-Сакену.

Обеды, праздники, торжественные встречи и проводы, и все это при Николае I, явно не терпевшем их и признававшем прежде всего военные парады и придворные балы. Общество чувствовало, что всемогущий прежде император начинает сдавать, и стало умножать свою коллективную активность. В настоящую демонстрацию превратились похороны историка Т. Н. Грановского, скончавшегося 4 октября 1855 г.– еще до заключения мира. Старожилы считали, что таких похорон Москве не приходилось еще видеть. Гроб с телом профессора пронесли шесть верст через весь город до Пятницкого кладбища, и весь путь был усыпан цветами и лавровыми листьями[5]. Николая I уже не было в живых, но продолжал править Москвой генерал-губернатор А. А. Закревский, как прозвал его народ, Арсеник-паша (Закревского звали Арсением), опутавший Москву сетью шпионов.

Несомненно, общественному подъему способствовали и некоторые первые мероприятия молодого императора Александра II. Среди них большой резонанс получило позволение на выезд за границу. Тысячи состоятельных москвичей, в первую очередь дворяне, а также, хотя и в меньшей степени, купцы, буквально, устремились за рубеж. Выезжали нередко на долгие месяцы и возвращались, надышавшись воздухом западных идей и в значительной степени либерализованные. Еще один акт царя, который общество встретило с одобрением, был связан с амнистией оставшихся декабристов. Их насчитывалось уже немного – москвичей и немосквичей, пострадавших за события 14 декабря, но каждый из них оказывался в центре внимания прежде всего представителей демократических и либеральных кругов. Собственно, некоторые декабристы находились в Москве и после 1825 г. В первую очередь это М. Ф. Орлов, но его судьба во многом зависела от покровительства всесильного брата – А. Ф. Орлова, одного из самых приближенных к императору лиц, возглавившего пресловутое III отделение. Но и при Николае I вернулись из дальних мест ссылки ряд декабристов, среди них заслуженный генерал, обучавшийся некогда в Московском университетском пансионе, слушавший лекции в этом университете, М. А. Фонвизин. Разрешение вернуться в центральную Россию, но без права проживания в Москве или Петербурге он получил в начале 1853 г. и в мае того же года приехал в Москву, затем поселился в Марьино, где и умер 30 апреля 1854 г.[6]

От Марьино до Москвы рукой подать, и само близкое присутствие довольно видного декабриста играло роль некоего общественного катализатора, тем более, что лишить его контактов с москвичами властям так и не удалось. Одним из тех, кто тогда встречался с М. А. Фонвизиным, был генерал А. П. Ермолов, у которого Фонвизин когда-то служил адъютантом[7].

Амнистия изменила ситуацию. Во многих домах декабристов принимали с большим радушием, они вызывали не только интерес и сочувствие, но и оказывали определенное воздействие на общественные настроения. Если декабрист Г. С. Батенков, поселившийся сначала в Тульской губернии, а затем в Калуге, бывал в Москве лишь наездами, то некоторые декабристы обосновались в Москве. Среди них был один из самых молодых декабристов А. П. Беляев, потерявший зрение, но проживший долгую жизнь. Скончался он в 1887 г. и был похоронен на Ваганьковском кладбище. В Москве проживали декабристы Ф. Г. Вишневский, С. Г. Волконский, М. М. Муравьев-Апостол, А. Н. Муравьев, С. П. Шипов, И. Д. Якушкин и др. Несколько позднее, в 1863 г., в Москве поселился такой известный декабрист, как Д. И. Завалишин, скончавшийся в 1892 г. и похороненный в Даниловом монастыре[8].

Амнистия декабристам последовала 26 августа 1856 г., к этому времени общественный подъем в Москве достиг достаточно высокого уровня. А. И. Кошелев подчеркивал, что «зима 1857/58 года была в Москве до крайности оживлена.

[3] *Кошелев А.И.* Записки. Ч. 1. М., 1991. С.98.

[4] *Семенова А.В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С.140.

[5] *Левандовский А.А.* Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С.222.

[6] *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т.1. Иркутск, 1979. С.80.

[7] *Семенова А.В.* Указ. соч. С.140–141.

[8] Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С.19, 70.

Такого исполненного жизни, надежд и опасений времени никогда прежде не бывало. Толкам, спорам, совещаниям, обедам с речами и проч. не было конца. Едва ли выпущенный из тюрьмы после долгого в ней содержания чувствовал себя счастливее нас, от души желавших уничтожения крепостной зависимости людей в отечестве нашем и, наконец, получивших возможность во всеуслышание говорить и писать о страстно любимом предмете и действовать как будто свободно»[9].

Вопрос о крепостном праве, о ликвидации феодальных отношений занял в московском обществе особое место. Собственно, он вышел на первое место вообще по всей России и вокруг него разгорелась острейшая борьба, способствовавшая образованию нескольких общественных направлений с их собственными программами, лидерами и поддержкой определенных социальных кругов. Во многих, даже самых отдаленных губерниях взоры были обращены не только к Петербургу, который рассматривался как чиновно-официальный, но и к традиционно оппозиционной дворянско-купеческой Москве. Любопытно, что на настроения здесь оказывала влияние и ситуация за границей. Тысячи московских дворян, побывавших за рубежом, встретились там с общественными кругами, уже основательно подготовленными публикациями А. И. Герцена и других литераторов, благодаря которым русский помещик представал чуть ли не как рабовладелец, истинный душитель свободомыслия и законности. Вырвавшись после большого перерыва за границу, дворянин ощущал психологический дискомфорт, явно отравлявший его существование за пределами обширных имений. Это был еще один немаловажный фактор, заставлявший представителей дворянства присмотреться к воинствующим прокрепостническим позициям.

Без всякого сомнения, вторая половина 50-х гг. стала звездным часом русского либерализма. Более того, некоторые специалисты считают, что именно с середины 50-х гг. начинается настоящая история русского либерализма как крупного общественного течения[10]. Действительно, в качестве влиятельного течения общественной мысли русский либерализм заявил о себе именно тогда и при всем различии его оттенков, в эти годы происходило их определенное сближение, сглаживание наиболее острых противоречий между давними оппонентами – западниками и славянофилами. Еще сравнительно недавно между ними шли острейшие споры. Буквально за два дня до своей кончины Т. Н. Грановский написал 2 октября 1855 г. письмо К. Д. Кавелину, где содержатся следующие убийственные слова: «Эти люди (т.е. славянофилы) противны мне, как гробы. От них пахнет мертвечиною. Ни одной светлой мысли, ни одного благородного взгляда. Оппозиция их бесплодна, потому что основана на одном отрицании всего, что сделано у нас в полтора столетия новейшей истории»[11].

Примечательно, что эти резкие слова были сказаны в приватном письме, не предполагавшемся к публикации, и отражали искреннее мнение умиравшего историка. Не оставались в долгу и их антиподы славянофилы, не жалевшие черных красок для сподвижников Грановского. И тем не менее именно в преддверии реформы 1861 г. происходило заметное идейное, а в определенной степени и организационное сближение московских западников и славянофилов. Их сближала борьба против общих противников – консерваторов, поначалу отрицавших необходимость реформы, а затем всячески стремившихся свести ее эффективность до минимума. Конечно, четверть века духовного противостояния не могло остаться бесследным. По определенным вопросам полемика продолжалась, в частности, она шла по проблеме общины, которую защищали славянофилы и против которой боролись западники. Но в целом либеральный лагерь явно консолидировался и получил серьезное подкрепление со стороны определенных правительственных кругов и, прежде всего, со стороны ряда членов императорской фамилии и самого императора Александра II в том числе.

После вступления на престол Александр II довольно часто посещал Москву и всячески старался укрепить свое влияние в московском обществе. Его приезд в сентябре 1855 г. сопровождался множеством различного рода церемоний, позволявших императору наладить личные отношения с верхушкой московского общества. Иной характер носил царский приезд в марте 1856 г., сразу после заключения Парижского мирного договора. Московское выступление Александра II 30 марта по степени воздействия на московское и не только московское общество имело исключительное значение и способствовало укреплению надежды в рядах сторонников реформы. Речь, весьма дипломатичная, вроде бы адресовалась прежде всего прибывшим к нему местным предводителям дворянства. Но касаясь вопроса освобождения крестьян, император произнес фразу, ставшую известной не только всей России, но и за ее пределами: «Я убежден, что рано или поздно, мы к этому должны прийти... Я думаю, что и вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»[12].

Речь Александра II чрезвычайно озадачила московских крепостников, в их

[9] *Кошелев А.И.* Указ. соч. Ч. 1. С.101.

[10] *Левин Ш.М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Л., 1974. С.348.

[11] Цит. по: *Кизеветтер А.А.* Русское общество и реформа 1861 г. // Великая реформа. Т.IV. М., 1911. С.118.

[12] Цит. по: *Розенталь В.Н.* Идейные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации // Революционная ситуация в России. М., 1963. С.375–376.

М. Н. Катков

числе и генерал-губернатора А. А. Закревского. Но либералы получили новый заряд бодрости для усиления своей активной деятельности. Для московских западников центром стал кружок А. В. Станкевича, образовавшийся еще в начале 40-х гг. В кружок входили В. П. Боткин, Ф. М. Дмитриев, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. и В. Ф. Корши, П. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Павлов, П. Л. Пикулин, Б. Н. Чичерин, Н. М. Щепкин и др.[13] После кончины Т. Н. Грановского наиболее крупной фигурой московских западников стал Чичерин, сторонник «разумного прогресса», окончивший юридический факультет Московского университета в 1849 г. Чичерин был любимым учеником Грановского и еще при жизни учителя, в 1853 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Областные учреждения России в XVII в.», опубликованную в 1856 г. Но не это принесло ему известность в тогдашней России. Широкий резонанс приобрела его записка «Восточный вопрос с русской точки зрения» – откровенный политический памфлет, пронизанный резкой критикой внешней политики императора Николая I, где он показал органическую связь военных неудач России с внутренним устройством государства. Чичерин явился одним из основателей так называемой государственной школы в русской историографии, одновременно он выдвинулся в число главных идеологов и, можно сказать, руководителей русского либерализма.

В январе 1856 г. московским либералам-западникам удалось наладить издание журнала «Русский вестник». Издание было совместным предприятием московских западников, но наиболее крупной фигурой его стал М. Н. Катков – издатель журнала и затем единоличный редактор. В журнале активно сотрудничали Е. Ф. Корш, П. Н. Кудрявцев, П. М. Леонтьев, А. В. Станкевич и другие западники. Это издание вскоре приобрело общероссийскую известность. Катков того времени – либерал-англофил, выступавший за самоуправление господствующего класса по типу английского, за упразднение крепостного права, определенную гласность и другие преобразования, реализовать которые необходимо методом последовательной постепенности. Вместе с тем он не являлся сторонником конституции и противником самодержавия[14].

«Русский вестник» привлек ряд даровитых публицистов, писателей, историков и на том этапе прослыл как журнал московской профессуры либерально-западнического направления. В нем публиковались А. Н. Островский, А. К. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. П. Огарев, другие видные писатели и поэты. Авторами журнала выступали также П. В. Анненков, П. Н. Кудрявцев, Д. А. Милютин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин. Одним из первых материалов, напечатанных в журнале, стала обширная статья известного историка С. М. Соловьева под названием «Древняя Россия», где он выступил с позиций строгого научного подхода к российской истории и против ее необоснованного приукрашивания. В журнале появились статьи с предложением ликвидации поземельной общины, в нем ратовали за активное строительство железных дорог, развитие промышленности, в целом за развитие экономики, а также просвещения.

Одновременно с изданием «Русского вестника», буквально через несколько месяцев удалось наладить выпуск своего журнала и славянофилам. Он назывался «Русская беседа», издателем его был А. И. Кошелев. Впоследствии он вспоминал, что выпускать журнал удалось со значительными трудностями, когда вышла первая, апрельская, за 1856 г., книжка журнала, «ни одна газета и ни один журнал не отнеслись к нам сочувственно»[15]. После поражения в Крымской войне, в год заключения Парижского мирного договора славянофильство не пользовалось ни широкой поддержкой, ни даже сколько-нибудь заметным сочувствием. М. Н. Катков не преминул разразиться на страницах «Русского вестника» рядом едких выступлений, направленных против журнала, но славянофилы не собирались складывать оружия. В их среде нашлись не менее даровитые авторы, чем у западников, и

[13] *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н.Катков и его издания). М., 1978. С.18.

[14] Там же. С.19.

[15] Цит. по: *Кошелев А.И.* Указ. соч. Ч. 1. С.96–97.

они постепенно начали укреплять свои позиции. Ю. Ф. Самарин – самый западник среди славянофилов – в статье «О народности в науке» вступил в полемику с С. М. Соловьевым, а И. Д. Беляев начал дискуссию с Б. Н. Чичериным, критиковавшим общину. Активно выступали на страницах «Русской беседы» братья К. С. и И. С. Аксаковы, А. С. Хомяков и другие славянофилы[16].

Конечно, не без усилий славянофилов удалось тогда отстоять общину, хотя у них были единомышленники и среди видных политических деятелей, одним из которых был москвич П. Д. Киселев, некогда «начальник штаба по крестьянской части» при Николае I, а в канун реформы – российский посол в Париже. В русских правительственных кругах он слыл крупнейшим знатоком крестьянского вопроса, и члены императорской фамилии и сам молодой император Александр II обращались к нему за советами по поводу подготовлявшейся реформы. Киселев являлся горячим сторонником реформы, прежде всего – ликвидации крепостного права и освобождения крестьян с землей. По поводу сохранения общины его мнение было категорическим и твердым: «общинный порядок» существует в России с самых древних времен, им утверждается административная сила правительства над миллионами людей»[17].

В целом либеральный лагерь, почувствовав поддержку императора и таких крупных сановников, как П. Д. Киселев, заметно воодушевился и активизировал свою деятельность. Разногласия по отдельным аспектам отходили постепенно на второй план, шло сплочение сил на основе единого понимания ключевых вопросов реформы.

Дворянский либерализм получил солидную поддержку и буржуазных кругов. В число виднейших представителей либералов выдвинулся один из богатейших людей страны, видный предприниматель, старообрядец поморского толка – В. А. Кокорев. В честь коронации Александра II, состоявшейся в Москве 31 августа 1856 г., прошли праздничные гулянья, различного рода спектакли, обеды. На одном из них в Купеческом собрании В. А. Кокорев произнес речь в поддержку царской правительственной политики, выражая царю благодарность за предоставление больших возможностей для развития буржуазных отношений[18].

Много позднее, в 1887 г., в своей брошюре «Экономические провалы с 1837 года» В. А. Кокорев вспомнил призыв И. С. Аксакова «Пора домой!», который означал приглашение верховной власти в пристань спасения – Москву[19]. Но и в 50-х гг. московская молодая буржуазия, стремясь превратить Москву в центр российского капитализма, также

Ю. Ф. Самарин

предприняла попытку слияния с императорской властью и здесь явно проявилось обострение отношений буржуазии и дворянства, то усиливавшееся, то ослаблявшееся, но с момента подготовки реальной реформы явно нараставшее.

Московское купечество решило перехватить инициативу и засвидетельствовать свою лояльность императорской власти, по существу желая превратить ее в буржуазную монархию. Купечество явно меняло свою прежнюю линию поведения, поскольку до этого оно не играло особой роли в формировании общественного мнения и старалось следовать за дворянскими верхами[20].

Либералы пытались использовать любой предлог для укрепления своих позиций. Если в ноябре 1855 г. на юбилее М. С. Щепкина, на котором К. С. Аксаков зачитал речь своего почти ослепшего отца с нашумевшей здравицей в честь общественного мнения, явно наметилось сближение либералов разного толка, а также таких представителей купечества, как В. Кокорев, И. Мамонтов, К. Прохоров, то затем они по существу переходят в наступление. Рескрипт императора (ноябрь 1857 г.) В. И. Назимову, виленскому генерал-губернатору, тесно связанному с московским обществом, где просматривалось дальнейшее намерение царя на проведение реформы, был встречен московскими либералами с ликованием. Они организовали серию банкетов, на которых шло сплочение сторонников отмены крепостного права. На одном из них – обеде 16 января

[16] *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С.37–43.

[17] Цит. по: *Заболоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время. СПб., 1882. С.332.

[18] *Дружинин Н.М.* Москва и реформа 1861 года // *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. С.190.

[19] *Кокорев В.А.* Экономические провалы с 1837 года. М., 1887. С.1.

[20] *Василич Г.* Москва 1850–1910-х гг. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып.XI. М., 1912. С.13.

А. С. Меншиков

1858 г.– В. А. Кокорев предложил организовать банкет в помещении Большого театра в честь трехлетия восшествия на престол императора Александра II – 19 февраля 1858 г. И хотя затея с банкетом не удалась, тот факт, что за него высказалось 84 человека, среди которых были виднейшие западники и славянофилы, крупнейшие купцы, а также ряд известных профессоров, свидетельствовал о последующей консолидации сил московских либералов.

Важной победой либералов явилось подписание 7 января 1858 г. общим собранием предводителей и депутатов дворянства Московской губернии всеподданнейшего адреса, где заявлялась полная готовность «содействовать благим намерениям августейшего монарха»[21]. Этот адрес оказал большое воздействие на дворянство других губерний. Через три с половиной месяца, 26 апреля 1858 г., начал свою работу Московский губернский комитет по крестьянскому делу, где велись острые дебаты по вопросам подготавливаемой реформы. В комитете наиболее видным представителем либерального течения стал московский губернский прокурор Д. А. Ровинский, на долю которого выпала основная борьба против консервативного дворянства.

Без сомнения, большинство московских дворян-помещиков в середине 50-х гг. выступало против ликвидации феодальных порядков и всячески стремилось или сорвать реформу или провести ее с наименьшими для себя потерями. Ведь даже в июле 1860 г., когда Александр II прибыл в Москву, он не решился принять от московского дворянства специальный в его честь бал, ссылаясь на то, что оно его «не любит»[22].

Крепостнические настроения продолжали доминировать в среде московских помещиков. Поначалу они были серьезно обескуражены позицией императора, поскольку знали о его настроениях еще ранее и считали его близким к себе духовно и политически. Но убеждаясь в изменении прежних воззрений, они какое-то время находились в растерянности. Их неприятие грядущих преобразований не вызывало никаких сомнений[23]. Еще в период коронации в августе 1856 г. товарищ министра внутренних дел А. И. Левшин начал переговоры с предводителями дворянства, убеждая их выступить с инициативой по проведению реформы. Но предводители отнюдь не собирались брать на себя такую ответственность. Рескрипт В. И. Назимову московские крепостники встретили как удар грома, они испытывали непреодолимый страх за свои помещичьи привилегии. Они отнюдь не желали реформ и не собирались посылать императору соответствующий адрес. Примечательно, что их фактически поддерживал и не рекомендовал ускорять события и генерал-губернатор А. А. Закревский. Симптоматично и то, что банкет, который планировался В. Кокоревым в Большом театре в феврале 1858 г., был сорван московскими консерваторами, которые вполне осознавали политическую подоплеку этого мероприятия. Александру II пришлось пойти на уступки московским крепостникам и близкому к ним генерал-губернатору и отменить намечавшийся банкет.

Но это была временная победа консерваторов. Предстояли еще более острые и решающие сражения. Важнейшим местом баталий стал Московский губернский комитет по крестьянскому делу, начавший работать в апреле 1858 г. Консерваторы в нем составляли большинство, их признанным лидером стал престарелый князь А. С. Меншиков, бывший командующий русской армией в Крыму, человек, несомненно, большого ума, немалых знаний и опыта и известный острослов. Несколько позднее его избрали заместителем председателя комитета и он стал антиподом лидера либералов Д. А. Ровинского. А. С. Менши-

[21] *Дружинин Н.М.* Москва и реформа 1861 года. С.26.

[22] Там же. С.49.

[23] *Ковальченко И.Д.* Консерватизм, либерализм и радикализм в России в период подготовки Крестьянской реформы 1861 г. // Отечественная история. 1994. № 2. С.9.

ков был твердым защитником интересов консервативного дворянства, прежде всего помещиков, стремившихся если не сорвать реформу, то, во всяком случае, свести потери помещиков до минимума. Попавший в опалу при Александре I, столкнувшись со всесильным тогда А. А. Аракчеевым, А. С. Меншиков пользовался полным расположением Николая I. Он продолжал занимать видное место и при новом императоре – Александре II[24]. Его опыт, имя и связи при дворе, конечно, играли немалую роль при тех интригах, которые плели консерваторы, пытавшиеся приостановить реформаторский настрой.

Однако консерваторы конца 50-х гг. заметно отличались от консерваторов времен николаевского царствования. Открыто возражать против отмены крепостного права они не могли, и в Комитете вопрос об определении личных прав крепостных крестьян был разрешен фактически единодушно. В конце 50-х гг. даже помещики-крепостники были вынуждены выступить против продажи людей, предоставили крестьянам права на движимую и недвижимую собственность, разрешили им вступать в брак без согласия помещика и т.д. Но все свои усилия и всяческие ухищрения они направили на борьбу за решение в собственных интересах земельного вопроса. Здесь и столкнулись либералы и консерваторы и их наиболее яркие представители Д. А. Ровинский и А. С. Меншиков. Решения Московского комитета по этому и ряду других вопросов крестьянской реформы носили или компромиссный или, скорее, даже проконсервативный характер. Последнее его заседание состоялось в конце 1858 г., выявив некоторое преимущество консерваторов, поддерживавшихся генерал-губернатором А. А. Закревским.

Однако время работало не на противников реформ. Не в их пользу было и общественное мнение, находившее отражение в прессе. Сторонникам крепостничества не удалось выдвинуть из своей среды сколь-нибудь даровитых публицистов, они пытались использовать в качестве своего рупора «Журнал земледельцев», издававшийся в 1858–1860 гг. А. Д. Желтухиным и выражавший прежде всего интересы дворян черноземных губерний[25].

Другая ситуация сложилась в либеральном лагере, где шел процесс налаживания все новых и новых изданий или заметной переориентации старых. В конце 50-х гг. начали выпускаться новые органы явно либерального направления, такие, как журнал «Сельское благоустройство», газета «Молва» – оба славянофильского плана, журнал «Атеней», ставший выходить с 1858 г. и отражавший настроения части московских западников.

Рост выпуска либеральных изданий привел к появлению различных точек зрения и разделению либерального лагеря уже не только на славянофилов и западников – внутри каждого из этих течений возникают определенные разногласия. Среди западников развернулась полемика между М. Н. Катковым и Б. Н. Чичериным по вопросу о централизации в государственном управлении. Сторону Б. Н. Чичерина занял Е. Ф. Корш, вышедший в связи с этим из редакции «Русского вестника»[26] и известный в качестве издателя и редактора «Атенея», на страницах которого публиковались Б. Чичерин, И. Тургенев, С. Соловьев, А. Станкевич, Д. Иловайский и др. Журнал издавался с 1 января 1858 по 1 мая 1859 г.

Не было единства и среди московских консерваторов. Некоторые из них эволюционизировали влево. Примечательно, что в их числе оказался и один из столпов церковного консерватизма, наиболее крупная величина в русской православной церкви первой половины XIX в.– московский митрополит Филарет[27]. Еще недавно, как писали исследователи, «Филарет не был в рядах истинных деятелей реформы, он был в стане несочувствующих, пытавшихся запугать правительство и добиться отсрочки»[28]. Но будучи человеком умным и чутко реагировавшим на изменявшиеся обстоятельства, Филарет от неприятия реформы перешел первоначально в стан выжидающих и занял весьма осторожную позицию, а затем, осознав, что процесс принял необратимый характер, буквально накануне самой реформы оказался в рядах ее сторонников и даже был автором Манифеста царя от 19 февраля 1861 г.

Но пока возникали весьма острые трения между либералами и консерваторами, пока в каждом из этих направлений проявлялись все большее количество различных точек зрения, в московском обществе зарождалось или, точнее, возрождалось еще одно течение общественной мысли и общественного движения – левого радикализма, имевшее предшественников в лице декабристов и членов студенческих кружков начала 30-х гг. У этого течения не имелось тогда ни газет, ни журналов, но настроения подобного рода проявлялись с каждым годом все сильнее. К началу нового общественного подъема в Москве еще был жив П. Я. Чаадаев (скончавшийся 14 апреля 1856 г.), некогда писавший, что мы принадлежим к тем народам, которые «существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок человечеству»[29]. В Москву, как уже отмечалось, возвратилась часть декабристов, но не эти люди заняли в московском обществе самые крайние левые позиции.

Еще во время Крымской войны у части русского общества проявились

[24] *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С.31, 134.

[25] *Дружинин Н.М.* «Журнал земледельцев» (1858–1860 гг.)//*Дружинин Н.М.* Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. С.5–97.

[26] Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978. С.97.

[27] Русское православие: вехи истории. М., 1989. С.339–347.

[28] *Мельгунов С.П.* Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы // Великая реформа. Т.V. М., 1911. С.156.

[29] *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. Т.I. М., 1991. С.326.

пораженческие настроения, поскольку только в этом они видели залог будущих кардинальных преобразований в стране. Эти настроения прослеживались и в Петербурге, и в Москве[30]. Силы, стоявшие на пораженческих позициях, открыто не проявляли своих настроений, они не предпринимали никаких действий, но их позиция соответствующим образом отражалась на общественном мнении. Понимание у части общества необходимости радикальных изменений очень трудно сейчас проследить по достоверным документальным источникам, поскольку их сохранилось очень мало, но тем не менее имеющаяся небольшая их часть позволяет делать вывод о наличии определенных настроений радикального изменения существовавших порядков. Летом 1856 г. у вольнослушателя Московского университета М. Эссена, приехавшего на каникулы в Пензу, были обнаружены нелегальные издания А. И. Герцена и собственные антимонархического содержания стихи 22-летнего студента, в которых звучало требование насильственного свержения царя. У него было обнаружено воззвание к крестьянам с призывом к революционным действиям[31].

В какой степени взгляды М. Эссена, сосланного в солдаты, отражали настроения большинства московских студентов, сказать трудно, но именно в студенческой среде зрело новое общественно-политическое течение, по своему существу революционно-демократическое. В 1855 г. начал складываться кружок разночинской интеллигенции, включавший студентов Московского университета и некоторых учителей и получивший впоследствии название «вертепников». В него входили студент М. Я. Свириденко, будущий видный этнограф П. Е. Ефименко, собиратель фольклора П. Н. Рыбников, будущий драматург Н. А. Потехин, будущий философ А. А. Козлов, филолог А. А. Котляревский и др. Кружок несомненно находился под влиянием идей А. И. Герцена, вместе с тем его члены изучали сочинения Л. Фейербаха, П. Прудона, Ш. Фурье. Члены кружка вступили в полемику со славянофилами и затем предприняли попытку не только изучения крестьянской жизни, но и сближения с крестьянами для соответствующей политической пропаганды, что впоследствии называлось «хождением в народ». Это еще не был, собственно говоря, революционно-социалистический кружок, но он был одним из первых кружков нигилистического направления, часть членов которого примкнула затем к революционному движению. Не случайно в 1858 г. власти обратили на него внимание и некоторые его участники (например, П. Н. Рыбников) были арестованы[32].

С кружком «вертепников» был связан другой кружок, сугубо студенческий по своему составу. Руководителем его стал выпускник тверской гимназии, с 1855 г.– студент Московского университета В. И. Покровский, впоследствии неоднократно привлекавший внимание властей за свою причастность к революционному движению[33]. Этот кружок тоже носил преимущественно просветительский характер, но с несомненным политическим подтекстом. По составу своему еще более радикальный, чем «вертепники», он предпринял издание рукописного журнала «Изобличитель»[34].

В это же время был создан кружок выходцев с Поволжья, преимущественно из Казани, так и называвшийся «Библиотека казанских студентов». В 1859 г. кружок уже отмечен как действующий. Основу его заложили несколько казанских студентов, которые еще летом 1856 г. перевелись в Московский университет. Ядро кружка составили бывшие ученики Н. Г. Чернышевского по саратовской гимназии[35], во главе его были Ю. М. Мосолов и Н. М. Шатилов. Численность кружка достигла примерно 50 человек. Среди них было также несколько офицеров Московского гарнизона. Кружок носил тайный политический характер, постепенно в него входили все новые и новые члены. Участником кружка стал и П. Г. Заичневский (поступивший в университет в 1858г.), который вместе с П. Э. Аргиропуло к началу 1861 г. создал новый, наиболее радикальный московский революционный кружок, деятельность которого проявилась уже после реформы 1861 г.

П. Заичневский и П. Аргиропуло начали печатать литографическим способом запрещенные произведения А. Герцена, Н. Огарева, а также работу Л. Фейербаха «Сущность христианства». Примерно тогда же – в конце 1860 г.– студенты Я. Сулин и И. Сороко, корректор П. С. Петровский-Ильенко предприняли попытку основания вольной типографии в Москве, которая, по их мысли, могла быть дополнением к соответствующей типографии А. И. Герцена за рубежом[36]. Она явилась первой в России подпольной революционной типографией, которая, впрочем, в полной мере развернуть свою деятельность не смогла.

Во второй половине 50-х гг. заметно укрепились связи московской общественности как с А. И. Герценым и с русской колонией политических эмигрантов в Лондоне вообще, так и с Петербургом, с Н. Г. Чернышевским и его сторонниками. Однако процесс становления левых радикальных кружков в Москве только начинался и получил он свое продолжение уже после реформы 1861 г., приведшей к заметной перегруппировке общественных сил в городе.

[30] *Левин Ш.М.* Указ. соч. С.317; *Дружинин Н.М.* Москва в годы Крымской войны. С.163.

[31] *Дружинин Н.М.* Москва в годы Крымской войны. С.181.

[32] *Клевенский М.М.* «Вертепники» // Каторга и ссылка. 1928. № 10.

[33] Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т.1. Ч.2. М., 1928. С.323–324.

[34] *Дружинин Н.М.* Москва и реформа 1861 года. С.188.

[35] Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978. С.72.

[36] *Левитас И.Г., Москалев М.А., Фингерит Е.М.* Революционные подпольные типографии в России (1860–1917 г.). М., 1962. С.10.

2. ПРОТИВОСТОЯНИЕ УСИЛИВАЕТСЯ

Реформа 1861 г., хотя напрямую относилась прежде всего к крестьянству, а также к дворянам-землевладельцам, заметно повлияла на общественные настроения в Москве, как втором городе империи, где сталкивались интересы различных общественных прослоек. Царское правительство опасалось в связи с объявлением отмены крепостного права беспорядков. Были приняты соответствующие меры – поставлены в повышенную готовность войска, полиция, различного рода другие службы. Специально перед обнародованием манифеста в Москву из Петербурга был направлен один из приближенных к Александру II генералов – князь В. И. Барятинский. Именно в его присутствии в Успенском кремлевском соборе 5 марта 1861 г. был зачитан манифест об отмене крепостного права, который был написан митрополитом Филаретом, предварительно отслужившим литургию в том же самом соборе[37].

По такому же плану прошли подобные мероприятия во всех московских церквах. Вечером в Большом театре после окончания спектакля был дважды исполнен государственный гимн и весть о реформе сопровождалась криками «ура», т.е. создавалось впечатление полной поддержки москвичами самой крупной российской реформы XIX в.

Каких-либо беспорядков замечено не было. Вроде бы на первый взгляд довольно спокойно отнеслась к манифесту и российская деревня. А. И. Кошелев, который поспешил из Москвы в свое имение, вспоминал: «Крестьяне приняли дарованную им свободу очень благодушно и скромно – без всяких шумных изъявлений радости и без бурных попыток пользования волею»[38]. Но не везде столь спокойно прошла встреча новой пореформенной России. Не обошлось без эксцессов, в том числе и кровавых, наиболее острые формы они приняли при подавлении восстаний в двух деревнях – Бездне, Казанской губернии, где было убито около 100 человек, и Кандеевке, Пензенской губернии, где число жертв определялось приблизительно 20 крестьянами[39], из них 8 были убиты, а 11 скончались от ран.

Сведения о подавленных крестьянских восстаниях, о кровавых событиях вскоре дошли до Москвы, немало озадачив даже ярых сторонников императорских реформ. С публикацией о расстрелах крестьян выступил герценовский «Колокол», где в первой же из серии публикаций о событиях в Бездне и Кандеевке отмечалось: «Манифест и Положение об освобождении крестьян облились уже неповинною кровью»[40]. Это выдержка из статьи в «Колоколе» за 1 июня 1861 г., так и называвшейся «Мартиролог крестьян».

Однако сведения о событиях в провинции дошли до Москвы несколько позднее, а пока, в день объявления Манифеста, московские либералы ликовали. Они считали реформу своей победой и не скрывали радости, даже восторга. Тогда же, 5 марта, в трактире Самарина собрались десятки их сторонников, которые устроили шумный банкет со здравицами в честь монарха. Даже в мае того же года, когда Москву в очередной раз посетил Александр II и несмотря на то, что слухи о кровавых расправах в деревне уже просочились в город, прошли довольно многолюдные демонстрации с выражением верноподданнейших чувств.

Несколько иным было настроение у московских консерваторов. В их среде чувствовалась подавленность и даже скрытое недовольство. Пока еще не проявлялись открытые возмущения, но буквально через несколько месяцев они последовали и прямо были направлены против реформы, которая задевала в известной мере интересы дворян-помещиков и ставила многих из них в трудное положение[41].

Однако и либералы были уже далеко не прежними. Российский либерализм 1860 г. довольно отличался от либерализма 1862 г. Реформа 1861 г. стала заметной вехой в его трансформации, и полемика в среде либералов после реформы оказалась, пожалуй, даже более острой, чем до нее, когда различным течениям либерализма необходимо было сплотиться для решения главного вопроса – ликвидации крепостного права.

Прежде всего заметно вправо шагнул М. Н. Катков и его орган, один из столпов журналистского либерализма – «Русский вестник». Уже в 1861 г. М. Н. Катков открыто заявил: «Мы не отказываемся от своей доли полицейских обязанностей в литературе и постараемся помогать добрым людям в изловлении беспутных бродяг и воришек, но будем этим заниматься искусством не для искусства, а в интересах дела и чести»[42]. «Русский вестник» в течение весьма короткого времени превратился в главный орган московских и не только московских консерваторов, приобретя общероссийскую известность. Так консерваторы получили, и, по-видимому, неожиданно для себя, мощную литературную поддержку, которой им так не хватало накануне реформы. «Русский вестник», по крайней мере до 1887 г., т.е. до смерти М. Н. Каткова,– это самый влиятельный орган реакционной журналистики в стране, отстаивавший систему сильной власти и выступавший против политических свобод, и в первую очередь конституции.

[37] *Дружинин Н.М.* Москва и реформа 1861 года. С.215.

[38] *Кошелев А.И.* Указ. соч. Ч.1. С.120.

[39] Революционная ситуация в России в середине XIX в. С.225, 227.

[40] Колокол. 1861. 1 июня. № 100. С.837.

[41] *Никифоров Д.* Москва в царствование императора Александра II. М., 1904. С.69.

[42] *Твардовская В.А.* Указ. соч. С.21.

В числе противников конституции оказался и Б. Н. Чичерин, с восторгом приветствовавший реформу 1861 г., писавший о своем благоговении «к этому созданию созревшей русской мысли» и видевший в нем «лучший памятник русского законодательства». Примечательно, что Чичерин считал необходимым сочетание либеральных мер с сильной властью[43]. Вместе с тем, как и другой лидер русского западничества – К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин не поддержал конституционные настроения части русских либералов, прежде всего либералов Тверской губернии, выразивших свое недовольство крестьянской реформой 1861 г. Чичерин считал введение конституции в России сразу после реформы делом не только не нужным, но даже опасным, он открыто заявлял, что «при настоящем положении дел от народного представительства ничего нельзя ожидать, кроме хаоса»[44].

В целом московское дворянство посвоему отреагировало на выступление тверских либералов 1862 г. Оно выработало обращение к царю, дав оценку создавшемуся в стране положению. В нем отмечался произвол администрации и рост антагонизма между сословиями, а также как последствия финансового кризиса, по его мнению, полное безденежье и отсутствие кредита. Дворянство с удовлетворением восприняло отмену крепостного права, но считало, что дальше нужно идти путем мирных реформ, избегая потрясений, и удовлетворять потребности общества. Существо этого обращения выражено в следующих словах: «Возможно большее расширение выборного начала в государственной службе и больший простор, даваемый местному самоуправлению»[45]. Но в этом же обращении намечалась довольно широкая программа действий. Его составители выступали за строгое исполнение законов не только подчиненными, но и начальством, охрану прав личности и имущества всех граждан, суд присяжных, устное и гласное судопроизводство. Здесь же имелись предложения по дальнейшему урегулированию взаимосвязей между крестьянами и помещиками таким образом, чтобы прекратились враждебные отношения между ними и пути для этого виделись в ряде хозяйственных мероприятий, в которых царское правительство должно было принять непосредственное участие. Московские дворяне ратовали за публичное обсуждение в печати всех вопросов преобразований, намечающихся правительством как в экономической, так и административной областях. В этой связи они обращались к царю с просьбой о разрешении избрать из своего круга комиссию, которая бы занялась всеми поднимаемыми вопросами. Причем результаты этих трудов, рассмотренных «в общем собрании призванных из губернии выборных лиц от всех сословий государства в Москву, как сердца России, повернуть на благоусмотрение вашего императорского величества»[46].

Вообще многие либералы надеялись найти и действительно нашли себе место не только в процессе подготовки и проведения реформ Александра II, но и по реализации их, осели в разного рода учреждениях – земских, судебных и прочих. Здесь они пытались противостоять центральной бюрократии, а также бюрократическим учреждениям на местах, постепенно теряя дух сопротивления и удовлетворяясь, как правило, теми установлениями, на которые пошло самодержавие. Вместе с тем создание земских учреждений не отвратило многих из них от мысли о создании центрального земского органа – Земского собора.

Либералы, в том числе и московские, в пореформенный период уделяли значительное внимание созданию и деятельности земских учреждений. Определенное воздействие на них оказал один из лидеров тогдашнего левого либерального движения А. М. Унковский, в том числе и непосредственно, поскольку в 1861–1862 гг. он проживал в Москве[47] и мог встречаться со своими сторонниками. Вообще проведение земской реформы либералы рассматривали как свою победу, поскольку еще в 1862 г., по словам великой княгини Елены Павловны, «слово земство наводит страх в высших сферах»[48].

В новых учреждениях получили возможность проявить себя московские славянофилы, сыгравшие заметную роль в общероссийских реформах. Ю. Ф. Самарин в 1866–1876 гг. был гласным Московской городской думы и Московского земского собрания. Другой видный славянофил – В. А. Черкасский в начале 70-х гг. стал московским городским головой. Значительное влияние на московскую общественность пореформенного периода оказала деятельность И. С. Аксакова, сына С. Т. и брата К. С. Аксакова. В условиях, когда уже не было в живых ни братьев Киреевских, ни А. С. Хомякова, ни отца, ни даже брата, умершего в 1860 г., И. С. Аксаков стал лидером московских славянофилов, возглавляя их основные печатные органы. В 50-х гг. он фактически редактировал «Русскую беседу», затем некоторое время издавал в 1859 г. газету «Парус», которую власти закрыли после выхода второго номера за пропаганду Аксаковым идей всеславянского единства, воспринятую как его вмешательство во внешнюю политику страны. Газету удалось возобновить только в 1861 г. под названием «День». Будучи еженедельным органом в условиях, когда уже не выходила «Русская беседа», «День» вскоре приобрел характер главного органа

[43] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С.12–24.

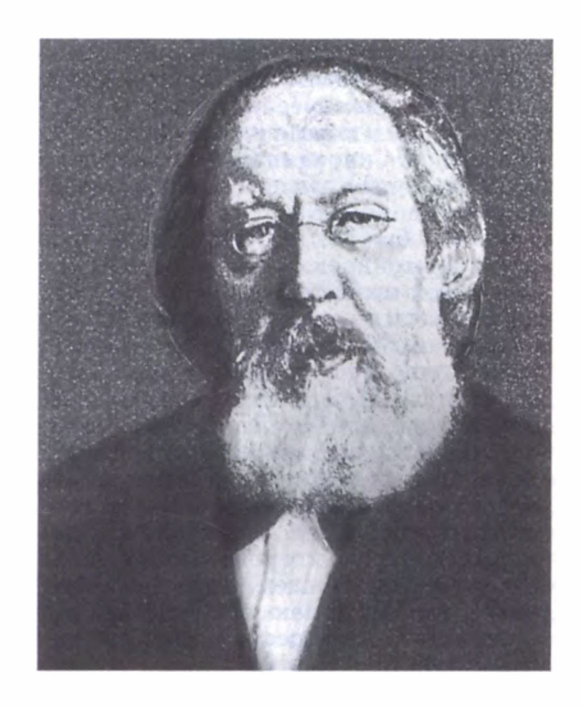
[44] Там же. С.26, 70, 114.

[45] Революционная ситуация в России в середине XIX века. С.324.

[46] Там же.

[47] *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С.63.

[48] *Джаншиев Г.А.* Из эпохи великих реформ. Спб., 1893. С.308.

И. С. Аксаков

Абрамцево – подмосковное имение Аксаковых (1840–1860-е гг.). Красная гостиная

славянофилов не только московских, но и общероссийских. Газета издавалась с конца 1861 г. по конец 1865 г. и объединила славянофилов прежде всего второго поколения.

В программу «Дня» входили требования свободы слова и совести, разумного подхода к межнациональным отношениям, определенного примирения в польском вопросе, хотя этот принцип соблюдался газетой лишь вплоть до польского восстания 1863–1864 гг. Газета отстаивала также необходимость дальнейшего решения крестьянского вопроса, в частности, ратовала за предоставление крестьянам более широких прав. Однако даже аксаковский «День», который рассматривался как газета оппозиционного направления, не был противником самодержавия и не отличался тем радикализмом, который ему иногда приписывали. Тем не менее и его не миновали преследования властей. «День» был запрещен в 1862 г., едва перейдя тридцать номеров. Удалось его возобновить уже через несколько месяцев, причем на сей раз редактором его стал известный славянофил Ю. Ф. Самарин, но фактически во главе издания по-прежнему оставался И. С. Аксаков, вновь ставший полноправным редактором газеты с 1863 г. Через два года Аксаков прекращает издание «Дня» и с 1867 г. приступает к выпуску новой газеты – «Москва», претендуя тем самым на выражение общемосковских интересов и стремясь усилить влияние своего органа также и в масштабах всей России.

Аксаковская «Москва» выходила два года, в 1867–1868 гг., и по своей программе несколько отличалась от «Дня». Она также претендовала на оппозиционность и даже позволяла себе резкие выступления против петербургской бюрократии, но объединить сколько-нибудь значительные силы новому аксаковскому органу не удалось. Аксаков и другие московские славянофилы свое участие в общественном движении проявляли не только издавая те или иные собственные органы или, вообще, участвуя в различных печатных изданиях, куда им удавалось проникать. Они также создают еще в 1858 г. Московский славянский комитет, где играют все возрастающую роль, которая особенно усилилась в период Восточного кризиса 70-х гг., когда славянофилы и другие круги московского общества приняли активное участие в организации помощи балканским народам.

Если в период польского восстания 1863–1864 гг. славянофилы, в том числе и И. С. Аксаков, выступили против польских повстанцев, то в 70-х гг. их отношение к антитурецкому движению балканских народов было другим. Антипольская кампания 60-х гг. привела к объединению сил многих либералов, как западников, так и славянофилов, и здесь сплотились как И. Аксаков, так и С. Соловьев, и М. Катков, все более правевший, и М. Погодин. После польского восстания Катков – уже решительный проводник консервативного курса. Позиция Аксакова оказалась несколько другой, но все-таки его антипольская направленность не подлежала сомнению и, более того, он принимал участие в ряде антипольских акций. А такие московские славянофилы, как В. Черкасский и Ю. Самарин, приняли самое активное участие в проведении крестьянской реформы в Польше[49].

В пореформенное время произошла определенная перегруппировка в рядах

[49] *Кошелев А.И.* Указ. соч. Ч. 1. С.127–128.

консервативных московских кругов. Оправившись от потрясений, вызванных реформой 1861 г., крепостники решили перейти в наступление. В январе 1862 г. на дворянских выборах Московской губернии один из наиболее признанных лидеров крепостнического направления Н. А. Безобразов выступил с предложением о заметной корректировке крестьянской реформы. Для этого он предлагал создать в Москве или Петербурге специальное дворянское собрание, которому считал необходимым придать государственную значимость и существенно подправить документы 1861 г. Во время выступления Безобразова в дворянском собрании присутствовало примерно 350 представителей дворянства и около 200 его поддержало: таким было настроение московского дворянства в начале 1862 г. Само выступление его сторонники встретили бурными аплодисментами, и хотя либералы пытались протестовать, их оказалось явно меньше, чем консерваторов.

Правительству тогда удалось как-то уладить отношения с московскими дворянами, и изменений в положения реформы внесено не было. Более значительный резонанс имело выступление московского дворянства через три года, в январе 1865 г. Инициатором опять стал Н. А. Безобразов, основавший прокрепостническую газету «Весть», сплотившую противников реформы 1861 г. Его поддержал московский губернский представитель дворянства В. П. Орлов-Давыдов, и большинством в 270 голосов против 36 был принят адрес к царю с ходатайством о даровании общегосударственного правительства[50]. На сей раз речь уже шла не о корректировке крестьянской реформы. Безобразов и его сторонники поняли, что у крепостнического дворянства имеется возможность приспособиться к положениям реформы и как-то сохранить свои силы. Московское консервативное дворянство – а именно оно составило после польского восстания явное большинство – решило взять реванш в другой области. Оно попыталось вырвать у императора создание некоего подобия парламента, которое состояло бы из двух палат, но в верхней главной палате были бы представлены только крупные дворяне. То есть они намеревались создать нечто похожее на английскую палату лордов и тем самым укрепить общегосударственное положение дворянского сословия и как-то ограничить влияние петербургской бюрократии.

Дело приобрело довольно широкий резонанс, поскольку в Благородном собрании находилось значительное количество людей, которые с воодушевлением приветствовали выступления против Министерства внутренних дел, его министра и, вообще, против бюрократии, которую олицетворял собою Петербург. В газете «Весть» вопреки запрету печатается как выступление В. П. Орлова-Давыдова и сам адрес, так и благожелательные к ним комментарии редактора газеты В. Л. Скарятина. Правительство пошло по пути преследований фрондирующих дворян. Было распущено дворянское собрание, а Орлов-Давыдов и Скарятин привлеклись к ответственности. Однако правительство сочетало репрессии против оппозиционеров с откровенным заигрыванием. Сам Александр II принял одного из лидеров московского дворянства – П. Д. Голохвастова и имел с ним доверительную беседу, в процессе которой пытался доказать ему, что Россия не созрела для конституции. Император сказал в ходе беседы: «Я даю тебе слово, что сейчас на этом столе я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что, сделай я это сегодня, и завтра Россия распадется на куски»[51].

Выстрел в царя 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозова, саратовского дворянина, проживавшего в Москве и приехавшего в Петербург для организации покушения на Александра II, рассматривался некоторыми кругами и как месть дворянства против самодержца. После этого выстрела заметно изменилась обстановка в стране, и Москва не была в этом отношении исключением. Последовало дальнейшее усиление реакции. Просамодержавные силы сплотили свои ряды и организовали ряд верноподданнических демонстраций. Эти демонстрации завершались у дома редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, свидетельствуя о его возраставшей роли одного из идейных столпов самодержавия.

Приехав в Москву в очередной раз, Александр II принял М. Н. Каткова 20 июня, но предварительно провел с ним переговоры через главного начальника III отделения и шефа жандармов П. А. Шувалова. После 1866 г. «Московские ведомости» во главе с П. М. Леонтьевым и М. Н. Катковым стали еще большим идейным оплотом самодержавия и вокруг них сгруппировались значительные силы московских консерваторов, еще недавно поносивших Каткова как выразителя неприемлемого для них либерализма. «Московские ведомости» активно поддерживали политику М. Н. Муравьева, начавшего по существу серию контрреформ второй половины 60-х гг., и одного из их проводников – министра народного просвещения Д. А. Толстого.

После событий 1866 г. временно ослабело в Москве либеральное течение. В дворянском собрании еще раньше взяли верх консервативные круги. Получив в лице М. Н. Каткова и его сторонников довольно значительную публицистическую силу, они предприняли и массиро-

[50] *Черноха В.Г.* Указ. соч. С.45–46.

[51] Цит. по: *Черноха В.Г.* Указ. соч. С.49.

ванный идеологический поход, группируя вокруг себя довольно значительные в Москве консервативные круги. Ситуация среди либералов после каракозовского выстрела заметно ухудшилась. Славянофилы лишились значительного числа своих отцов-основателей, а молодое поколение не было столь талантливо и скорее походило на славянофильское эпигонство, не давая ни новых идей, ни новых приемов деятельности. Славянофилы сами стали превращаться в консервативное течение, хотя откровенной их блокировки с последовательными консерваторами не происходило. В рядах же западников шло дальнейшее размежевание. Но оппозиционность Москвы после 1866 г., временно поубавившись, вскоре вновь нашла свое продолжение, но уже по иным вопросам общественного бытия и в несколько иных, чем прежде, формах. Силы московских либералов укрепились после приезда в Москву одного из видных деятелей крестьянской реформы Н. Милютина. Группировавшийся вокруг него кружок явно противостоял тем силам, которые поддерживали М. Н. Каткова[52].

Славянофилы, объединившись в Московском славянском комитете, пытались еще в 60-х гг. усилить свое международное влияние и расширить свои международные связи. По случаю Всероссийской этнографической выставки в Москве в 1867 г. был созван славянский съезд, на который съехались представители как южных, так и части западных славян[53]. Видные деятели славянства, побывав в Петербурге, приехали в мае того же года в Москву, где им была устроена торжественная встреча.

Все более активную роль в московском общественном движении начали играть и московские земцы. Ни одно из высших учебных заведений страны не дало такого огромного числа активных представителей земской интеллигенции, как Московский университет, уверенно лидировавший в этом отношении[54]. В целом в московском земстве продолжал сохраняться значительный дворянский элемент. Примечательно, что не все дворяне зацикливались на своей исключительности и предлагали идти по тому пути, который им открывал В. П. Орлов-Давыдов. На московском дворянском съезде 1865 г. звенигородский помещик Д. Д. Голохвастов от имени дворян уезда проводил идеи единения с другими сословиями. Не отказываясь от особого положения дворянства, он предлагал не подчеркивать своей исключительности, поскольку она – источник раздражения и помеха единению. По его словам, дворянство должно было стать «передовой ратью земства»[55].

Московские земцы довольно активно участвовали в общественной и политической жизни страны. Одним из вопросов, которые они интенсивно обсуждали, касался решения судьбы проектируемых представительных учреждений и различного рода реформ, в частности налоговой. Видные представители московских общественных кругов – В. Черкасский, Ю. Самарин, Б. Чичерин, П. Голохвастов, А. Щербатов, Д. Наумов настаивали на необходимости рассмотрения земством государственного бюджета, в чем усматривали и определенный элемент конституционного характера[56]. После некоторого замешательства, вызванного выстрелом Каракозова, либералы усилили свои выступления. Это заметил посетивший в январе 1871 г. Москву Е. М. Феоктистов, прибывший из Петербурга, уроженец Москвы и выпускник Московского университета, сам проделавший эволюцию от либерализма к консерватизму. Он записал в своем дневнике: «Если Москва была всегда центром оппозиции, то теперь оппозиционный дух усилился в ней до крайних размеров. Даже Борис Чичерин, яростный проповедник административной централизации и правительственной опеки, круто повернул в другую сторону»[57].

Б. Н. Чичерин все более склонялся к необходимости создания представительных учреждений, считая их органическим продолжением прошедших реформ. Пока же он играл значительную роль в земском движении, в котором продолжали участвовать и многие славянофилы. В целом же активность либералов была невысокой и славянофил А. И. Кошелев написал в своих воспоминаниях: «После губернского земского собрания в конце декабря 1873 года приехал я в Москву и нашел в обществе то же грустное, безжизненное настроение, как и в предыдущие годы. Да иначе и быть не могло. И печать, и земские собрания в своих действиях были до крайности стеснены. Собирались у нас по вторникам, но живого слова почти не было слышно»[58].

В 70-х гг. московские славянофилы понесли серьезные потери. В 1875 г. скончался в Москве весьма близкий к ним М. П. Погодин, в 1876 г. умер в Берлине один из блестящих представителей славянофильства – Ю. Ф. Самарин, приехавший туда на время из Москвы для изучения внутреннего управления Германии. А в 1877 г. не стало Ф. В. Чижова, связанного с московским славянофильским кружком еще с 40-х гг.[59] Оживлению деятельности славянофилов способствовали балканские события 70-х гг., но в целом на общественные настроения все в большей степени оказывали влияние другие круги города.

После крестьянской реформы замечалось все большее усиление леворадикального течения, которое прежде всего находило свое проявление в рядах

[52] *Никифоров Д.* Указ. соч. С.96.

[53] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960.

[54] *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1980. С.70.

[55] *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979. С.210.

[56] *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С.216.

[57] Цит. по: *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С.216.

[58] *Кошелев А.И.* Указ. соч. Ч. 1. С.167.

[59] Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С.364.

московского студенчества. Еще в сентябре 1857 г. полиция пыталась оказывать на студентов силовое давление. Она ворвалась тогда на одну из мирных студенческих вечеринок и начала избивать ее участников. Это повлекло за собой организацию нескольких студенческих сходок, и ... под суд были отданы те, кто учинил полицейскую акцию, а сопротивлявшиеся ей студенты были освобождены от ответственности[60]. Иной характер носили студенческие выступления 1861 г., охватившие почти все российские университеты, в том числе и Московский. Они стали ответом на попытки правительственных кругов ввести новые правила с целью обуздания студентов и представляли собой высшую точку подъема студенческого движения середины прошлого века[61].

Студенты Московского университета поднялись, едва узнав о выступлениях в Петербургском университете. Одной из акций была организация уличной демонстрации 4 октября к могиле Т. Н. Грановского, которая носила откровенно политический характер. В демонстрации участвовало примерно 600 студентов[62]. Волнения студентов повлекли за собой аресты, а новая их демонстрация подверглась избиению полицейскими, пешими и конными жандармами, а также дворниками и лавочниками, которые были специально подготовлены для этой акции. Поскольку избиение сотен студентов происходило возле гостиницы «Дрезден», то эта акция получила название «Битва под Дрезденом». Никаких извинений со стороны властей (по сравнению с 1857 г.) не было. Это избиение свидетельствовало о начале сплочения полицейских сил и лавочников-охотнорядцев по борьбе с революционным движением, продолжавшемся несколько десятилетий, вплоть до начала XX в.

Значительная группа студентов была привлечена к следствию: в результате судебной разборки 15 человек были исключены из Московского университета, а несколько демонстрантов было выслано в отдаленные губернии, но в знак протеста против действия властей университет покинуло несколько десятков человек[63]. Так окончилось одно из самых первых студенческих массовых выступлений.

Леворадикальные круги московского общества в то время преимущественно предпочитали создавать различные кружки, часть из которых начала формироваться еще до 1861 г. Одним из них, наиболее радикальным был кружок П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло. Но члены этого кружка арестовывались один за другим. 17 марта 1861 г. Заичневский произнес с паперти французской католической церкви в Москве речь в память по убитым во время демонстрации в Варшаве полякам. Эта речь стала поводом к аресту ее автора в июле того же года. Тогда же был арестован сподвижник его Аргиропуло, а несколько позднее, в августе, арестован еще один активный член их кружка – И. И. Гольц-Миллер. Несмотря на заключение в Тверскую полицейскую часть в Москве, Заичневский при помощи его товарищей составил одну из самых нашумевших тогда революционных прокламаций под названием «Молодая Россия» – одно из первых проявлений зарождавшегося русского бланкизма или, как его еще называют, якобинизма.

«Молодая Россия» отличалась крайним левым экстремизмом и вызвала возражения как А. И. Герцена, так и Н. Г. Чернышевского. Но как свидетельствовал один из сподвижников А. И. Герцена по лондонской русской колонии В. И. Кельсиев, «Молодую Россию» «никто не хвалил, но думавших одинаково с нею было множество: ей только в вину ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало»[64]. Сам Кельсиев прибыл нелегально в Россию из-за границы весной 1862 г. и побывал в Москве, где предпринял налаживание связей эмиграции с московскими общественными деятелями. Одним из них оказался москвич М. М. Владимиров, вскоре за эти связи арестованный царской охранкой[65]. Кельсиев собирался также установить контакты с обществом «Земля и воля», имевшим свое отделение в Москве.

Основу этого отделения «Земли и воли» в Москве, по-видимому, составлял кружок «Библиотека казанских студентов», связанный с группой московских офицеров. В 1863 г. многие московские землевольцы были арестованы, но часть их не была обнаружена полицией и стала основой новой организации, вошедшей в историю под названием ищутинского революционного кружка. Лидер организации Н. А. Ишутин переехал в 1863 г. в Москву из Пензы. Среди ее членов наиболее видное положение занимали М. Н. Загибалов, О. А. Мотков, П. Д. Ермолов, Д. А. Юрасов, П. А. Спиридов, Н. П. Странден. Из этого кружка вышел и Д. В. Каракозов. В отличие от либералов они довольно скептически относились к конституционным идеям и вообще политической борьбе и были нацелены на организацию социальной революции. Кружок сложился в конце 1863 г.[66] и вскоре связался с однотипной революционной организацией в Петербурге, наиболее деятельным руководителем которой был И. А. Худяков. Выстрел Каракозова привел к серьезным гонениям на членов организации, и она была почти полностью разгромлена.

Спад революционной деятельности в Москве продолжался недолго – 1866–1869 гг. Даже в эти годы в Москве су-

[60] *Дружинин Н.М.* Москва и реформа 1861 года. С.187.

[61] *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. С.300.

[62] Колокол. 1861. 15 ноября. № 112. С.936–937.

[63] *Козьмин Б.* Из истории студенческого движения в Москве в 1861 г. // Революционное движение 1860-х годов. М., 1932.

[64] *Кельсиев В.* Исповедь // Литературное наследство. № 41–42. М., 1941. С.350.

[65] *Лемке М.* Очерки освободительного движения 60-х годов. СПб., 1908. С.35.

[66] *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С.198–199.

Арест пропагандиста. Художник И. Репин

ществовал кружок Ф. В. Волховского, впоследствии одного из наиболее видных деятелей движения народников, обучавшегося в Московском университете. С 1869 г. отмечается новый подъем студенческого движения, который повлиял на революционную активность в Москве. Предпринимается попытка создания С. Г. Нечаевым филиала своей организации, которая, однако, была разгромлена в период становления. Причиной новых репрессий стало убийство студента Петровской академии И. И. Иванова, осуществленное С. Г. Нечаевым и его сподвижниками, заподозрившими его в провокационной деятельности. Но и эти репрессии не смогли остановить рост революционного движения в Москве. Все эти годы московские революционеры были связаны с революционным движением в Петербурге и новой петербургской революционной организацией, известной под названием чайковцев, по имени одного из ее членов Н. В. Чайковского. Наиболее видными представителями чайковцев в Москве были С. Л. Клячко, Н. П. Цакни, А. И. Иванчин-Писарев и др.[67] С Петербургом была связана и деятельность кружка А. В. Долгушина, собственно, создавшего первоначально там свой кружок, а затем перенесшего свою деятельность в Москву, где из его среды вышла известная прокламация «К интеллигентным людям»[68].

Несколько позднее, с начала 1875 г., в Москве развернула свою деятельность организация, которая получила название «Кружок москвичей», или «Всероссийская социально-революционная организация». Ее создание было довольно своеобразным, поскольку организация начала складываться в Швейцарии в 1874 г. из кружка грузинских студентов и группы русских студенток, обучавшихся в Цюрихе. Эта организация уделяла особое внимание пропаганде среди рабочих, и с этой целью некоторые члены кружка – С. И. Бардина, Б. А. Каминская, Л. Н. Фигнер поступили работницами на фабрики. Членами организации стали рабочие – П. А. Алексеев, И. В. Баринов, Н. Васильев, среди ее руководителей выделялись такие активные народники, как Г. Ф. Зданович, И. С. Джабадари и др. Организация просуществовала недолго и к осени 1875 г. была почти полностью разгромлена. Ее члены прошли затем по нашумевшему «Процессу 50-ти» в 1877 г.[69]

В 1874 г. московские революционеры приняли участие в движении, которое получило название «хождение в народ». Ходили в народ и целыми группами, и по отдельности, устраивали столярные мастерские и кузницы на артельных началах. Один из видных народников И. Н. Мышкин возглавил в Москве работу по печатанию нелегальной литературы, которая затем рассылалась по разным селам, причем не только Московской губернии. Летом 1874 г. типография Мышкина была разгромлена.

После массовых арестов 1874–1875 гг. деятельность народников в Москве не прекратилась. Специально с целью оживления революционной работы

[67] *Троицкий Н.А.* Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды 1871–1874 годы. Саратов. 1991. С.52, 124.

[68] *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества. М., 1965. С.163.

[69] *Панухина Н.* Москвичи. Из истории революционного подполья 70-х годов XIX века. М., 1974.

Император Александр III

в Москве сюда выехала В. Н. Фигнер. Активную деятельность развернул врач В. С. Ивановский. Его будущий родственник, впоследствии известный писатель В. Г. Короленко принял активное участие в волнениях в Петровской сельскохозяйственной академии, которые охватили это московское высшее учебное заведение весной 1876 г. Этот год принес с собой новые аресты среди московских революционеров, но полностью пресечь деятельность революционных сил в городе не удалось. В Москве действовали активисты второй «Земли и воли», по-прежнему сохранялись связи с Петербургом и одним из петербургских посланцев, выезжавших в Москву, был Г. В. Плеханов. В 1877 г. студенты Московского университета образовали специальный комитет, поставивший целью объединение молодежи левой ориентации из различных институтов страны. А когда в начале апреля 1878 г. через Москву проехала группа киевских студентов, высланная административным образом в отдаленные губернии страны, московские студенты устроили им проводы на Курском вокзале, где собрались сотни студентов. Стихийно возникла демонстрация и студенты направились к Охотному ряду, где были избиты полицией и лавочниками. Это избиение, с возмущением встреченное московским обществом, вызвало организацию нескольких массовых студенческих сходок, которые были поддержаны и отдельными профессорами[70].

3. НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОДЪЕМ. ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА III

Общественный подъем 50-х – начала 60-х гг. произошел в условиях поражения России в Крымской войне. В Москве он стал заметен еще в начале 1855 г. Новый подъем обозначился сразу после окончания победоносной русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в процессе которой Россия вернула себе некогда утраченные стратегические позиции на Черном море, Балканах, Придунавье. Победоносная война, одной из задач которой было нанесение удара по общественному движению, не привела, однако, к умиротворению. Ситуация в стране оказалась таковой, что победоносных войн уже было недостаточно для решения внутренних проблем. В стране шел процесс складывания нового общественного настроя, и он сопровождался не только обострением противоречий между дворянством и буржуазией, но и появлением и укреплением новых слоев, которые не хотели сотрудничать ни с теми, ни с другими.

В годы Восточного кризиса 70-х гг. Москва стала одним из основных центров поддержки балканских народов. Весной 1878 г. Московский славянский комитет преобразовался в Московское славянское благотворительное общество, руководитель которого – И. С. Аксаков выразил свое крайнее недовольство уступками, которыесделали русские представители на Берлинском конгрессе. 22 июня 1878 г. в процессе заседания Славянского благотворительного общества он произнес страстную речь, получившую широчайший резонанс не только в России, но и за ее пределами. Говоря о Руси-победительнице, оратор заметил: «Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией похваляя твою политическую мудрость, западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности, подклоняешь поднее свою многострадальную голову». Досталось в

[70] *Анзимиров В.А.* «Крамольники» (Хроника из радикальных кружков 70-х годов). М., 1907. С.27–28, 42–44.

речи и императору Александру II, причем Аксаков напомнил об одном из приездов императора в Москву, когда тот заверил московское общество в том, что «святое дело», то есть дело защиты славян будет доведено до конца[71].

Реакция на речь И. С. Аксакова последовала незамедлительно и приняла характер откровенной репрессии. Известный публицист, лидер славянофилов, человек с мировым именем был выслан из Москвы в деревню. Правда, через несколько месяцев ему было разрешено вернуться, а в 1880 г. он начал издавать новую газету под названием «Русь», что означало возобновление его публицистической и издательской деятельности. Одновременно с высылкой Аксакова был закрыт и Московский славянский благотворительный комитет – одна из самых значительных общественных организаций города, имевшая большие заслуги перед славянством.

Однако речь И. С. Аксакова явилась лишь одним из элементов нового подъема общественных настроений в городе, приобретавших довольно разнообразные формы. Важной стороной нового общественного подъема стало оживление земского движения, в нем Москве принадлежала далеко не последняя роль. Именно Москва была избрана для организации первого общероссийского земского съезда, идея которого обсуждалась особенно активно во второй половине 1878 г. Хотя лидеры московского земства отнеслись к этой идее прохладно и составили откровенно проправительственный адрес с осуждением деятельности революционеров и выражением поддержки монарху, в Москве земцы получили помощь профессора права Московского университета М. М. Ковалевского и видного московского публициста, юриста В. А. Гольцева. С их помощью весной 1879 г. в Москве был организован этот съезд, проходивший на квартире московского судебного деятеля К. Н. Кропоткина.

На съезде присутствовало 30–40 представителей от 16 земств. Председательствовал М. М. Ковалевский. Среди москвичей, участвовавших на съезде, кроме него и К. Н. Кропоткина доподлинно известны имена В. А. Гольцева и А. И. Чупрова. Съезд решил усилить борьбу за конституцию и добиваться созыва Учредительного собрания. Кроме того, было постановлено не создавать тайного общества либералов-земцев, но в дальнейшем собирать подобного рода съезды[72].

Общественная активность в Москве нашла выражение и в неоднократных чествованиях приехавшего в Москву И. С. Тургенева, которые далеко вышли за рамки обычных выступлений в честь выдающегося русского писателя и приобрели характер политических демонстраций. Эти чествования, имевшие место в феврале-марте 1879 г., вызвали ответные выступления знаменитого писателя с явно политическим подтекстом.

Такую же окраску приобрело открытие в Москве в июне 1880 г. памятника великому поэту и земляку – А. С. Пушкину. 5 июня в Городской думе открылась пушкинская выставка, в которой участвовали представители различных городов страны, а на следующий день состоялось открытие памятника, собравшее огромное количество людей. В тот же день в Московском университете начались заседания в память о поэте. А затем в течение двух дней – 7–8 июня – «Общество любителей российской словесности» провело заседание, где с речами, имевшими общероссийское звучание, выступили И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский. Именно две эти речи и оказались в центре внимания праздника, хотя слушатели заметили довольно разный подход у двух великих русских писателей современности не только к оценке их великого предшественника, но и к современным политическим событиям. Тургенев, будучи сторонником дальнейшего преобразования страны, в своей речи отнюдь не призывал к реставрации прошлого. Он видел сложности на пути страны, ее болезни и кризисы, но, подчеркивал писатель, «смущаться этим, оплакивать прежнее... стараться возвратиться к нему – и возвращать к нему других, хотя бы насильно – могут только отжившие или близорукие люди»[73].

Иной была речь Ф. М. Достоевского, отнесенная исследователями к крупнейшим общественным событиям того времени[74]. Оратор остановился и на подвиге Пушкина, и на его пророчествах, и на той великой тайне, которую он «унес с собою в гроб»[75], но не в оценках наследия крупнейшего отечественного поэта состоял главный смысл выступления. Его речь в условиях все разраставшегося общественного подъема призывала к смирению, к самоусовершенствованию, к тому, что политические перемены ничто без нравственных преобразований. И еще бывший социалист Достоевский выступил против увлечения западным социализмом, особенно в рядах молодежи.

Среди выступавших на пушкинских праздниках был и М. Н. Катков, быстро уловивший ситуацию и постаравшийся также продемонстрировать свою приверженность к прогрессу. Он завершил выступление словами А. С. Пушкина: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»[76] Однако широкое отражение пушкинского праздника в разнообразной прессе внесло свои коррективы в понимание тех или иных выступлений. Прежде всего ликовала либеральная пресса, более сдержанны оказались выступле-

[71] *Аксаков И.С.* Сочинения. Т.1. М., 1886. С.299.

[72] *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. С.184–186.

[73] Цит. по: Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983. С.357.

[74] *Твардовская В.А.* Достоевский в общественной жизни России. (1861–1881). М., 1990. С.252.

[75] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. Т.10. М., 1958. С.458.

[76] Россия в революционной ситуации. С.358.

Иллюминация Москвы во время коронации Александра III в 1883 г. Художник Н. Маковский

ния в изданиях левого направления. Призывы Каткова к замирению были встречены демократическими изданиями как проявление фальши и новой тактики одного из апологетов самодержавия. Тот факт, что во время торжеств М. И. Катков протянул бокал И. С. Тургеневу, которого издания Каткова самым настоящим образом травили за симпатии к нигилистам, был воспринят левыми изданиями не как искреннее стремление к примирению, а как приспособление к новой силе, которая в то время проявляла себя все больше и больше[77].

Нет сомнения, что круги московской либеральной буржуазии и либерального дворянства в условиях усиления общественных настроений хотели подчинить их своим интересам и по мере возможности возглавить ширившееся движение. Едва в верхах произошли некоторые изменения – упразднили пресловутое III отделение, хотя его сменил Департамент полиции, ничем от него не отличавшийся, уволили реакционного министра народного просвещения Д. А. Толстого, а министром внутренних дел назначили М. Т. Лорис-Меликова, склонного к определенным преобразованиям и близкого к либералам, как московские либеральные круги начали менять свою линию поведения. В марте 1880 г. от имени 20 московских деятелей Лорис-Меликову была подана записка под названием «Записка о внутреннем состоянии России весной 1880 года». Авторами записки были С. А. Муромцев, В. Ю. Скалон, А. И. Чупров[78].

Эта записка, выражавшая взгляды многих московских либералов, состояла как из оценочных моментов, с довольно резкой критикой тогдашнего политического положения и отрицания методов правительства репрессивного характера, так и предложений с требованием гласности, прав личности и создания центрального представительного учреждения. Эта «Записка» в списках начала расходиться по рукам, а когда ее не удалось опубликовать в одном из наиболее значительных органов тогдашнего русского либерализма «Вестнике Европы», то ее издали в Берлине.

В конце 70-х – начале 80-х гг. московские либеральные круги получили ряд новых органов прессы. Так, стал выходить журнал «Русская мысль», его издателем был В. М. Лавров – журналист и переводчик, а редактором – С. А. Юрьев, довольно влиятельная фигура среди московских либералов, критик, переводчик, политический и театральный обозреватель. «Русская мысль» заняла относительно прочные позиции в общественной жизни города и продержалась до начала XX в. С середины 80-х гг. ее фактическим руководителем стал В. А. Гольцев. Новым московским изданием той поры оказалась и газета «Земство». Во многом ее издание явилось производным определенных разногласий в среде славянофилов, точнее между А. И. Кошелевым и И. С. Аксаковым, который настаивал на сохранении славянофильской традиции и обвинял своего соратника в отходе от нее. В этой связи Кошелев в ответ на нападки Аксакова против либералов написал: «Ни Хомяков, ни кто-либо из нас никогда не высказывался против либерализма, либералов и всего того, чем ограждаются личные и имущественные права людей; мы даже упрекали западников в недостатке либерализма, ибо они навязывали народу учреждения, постановления и мнения, которым он нисколько не сочувствовал»[79]. «Земство» издавалось на средства А. И. Кошелева, а редактором и издателем стал В. Ю. Скалон. Газету поддерживали довольно широкие московские либеральные круги, в том числе и земские. По вопросам земства публиковали многие статьи А. И. Кошелев и В. Ю. Скалон, в ее издании приняли участие такие видные московские либералы, как С. А. Муромцев и В. А. Гольцев.

Иной характер носила уже упомянутая «Русь» – новое детище И. С. Аксакова, где он старался проводить идеи традиционного славянофильства, которые в новых условиях были далеки даже от либерализма. Его трактовка российской самобытности привела не только к столкновению с либералами, но была направлена и против правового порядка, против конституции.

Еще более резкий тон позволял себе И. С. Аксаков против леворадикальных сил, которых называл нигилистами. Аксаков и весьма немногочисленные его единомышленники все более уходили в консервативный лагерь, хотя и провозглашали идеи народности и преданность русской крестьянской самобытности. Занимая промежуточное положение между либерализмом и консервативностью, газета «Русь» все более склонялась к последней. Но имелись в Москве и другие издания либерального толка, налаженные в конце 70-х – начале 80-х гг. и ставшие отражением нового общественного подъема. К ним, например, относилась газета «Русский курьер», редактором которой был В. А. Гольцев, занимавший видное место в общественной и литературной жизни города.

При всем возрастании значения либералов в это время не они играли определяющую роль в общей системе общественного подъема тех лет. Он прежде всего был связан с выступлениями леворадикальных кругов, преимущественно деятелей революционного движения, которое озадачивало и самих либералов. А. И. Кошелев в этой связи отмечал: «Все более и более стесненная печать лишала возможности высказать свободно и

[77] *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н.Катков и его издания). С.199.

[78] *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. С.134.

[79] *Кошелев А.И.* Указ. соч. Ч. 1. С.192–193.

откровенно мысли и чувства и сообщать предположения насчет мер к уврачеванию удручающих нас недугов. Затеи нигилистов, их сборища, волнения, ими причиняемые, и разные их преступные покушения нас крайне озабочивали»[80].

Вместе с тем избиение студентов 3 апреля 1878 г. вызвало в студенческой среде крайнее возбуждение. Студенты высших учебных заведений собрались на массовую общестуденческую сходку в Московском университете, где присутствовало от одной до двух тысяч человек. Сходка состоялась 4 апреля, несмотря на закрытие университета на три дня[81]. На нее явился ректор Н. С. Тихонравов, призвавший студентов к спокойствию, но, одновременно, способствовавший освобождению арестованных студентов и выступавший против нахождения в стенах университета полиции[82].

Выступления студентов в Москве получили общероссийский резонанс и поддержку других университетских центров. Осенью студенческое движение возобновилось и встревоженный император Александр II прибыл в конце ноября 1878 г. в Москву, где обратился к представителям сословий, призывая их «остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь»[83].

Одновременно в Москве оживилась деятельность тайных революционных кружков, усилились связи революционеров Москвы и Петербурга. Для их налаживания между двумя столицами постоянно курсировали связные. Новым явлением в деятельности революционных кружков того времени стало участие в них рабочих, в том числе связанных с Петербургом. К ним относились И. Т. Смирнов, Я. Т. Тихонов, арестованные в ноябре 1878 г. Приезжал в Москву и один из деятелей «Северного союза русских рабочих» В. П. Обнорский.

Уже «Процесс 50-ти» показал, что в Москве рабочие начали подключаться к революционному движению. На этом процессе над «москвичами», то есть «Всероссийской социально-революционной организацией», с известной речью выступил московский рабочий П. А. Алексеев. Яркие речи на процессе, который проходил еще в феврале-марте 1877 г., произнесли Г. Ф. Зданович, С. И. Бардина и др. Процесс привлек внимание и тех революционеров, которые находились в заключении. Один из них – Я. Гурович – писал буквально за два дня до начала процесса: «Московский процесс – это такой крупный процесс, здесь замешаны люди из всех слоев общества, так что он должен будет доказать собою тот важный факт, что революционные идеи проникли всюду, он должен стать, так сказать, краеугольным камнем грядущей революции»[84].

Усиление репрессий против участников революционных кружков, массовые аресты в период массового «хождения в народ» вынудили деятелей революционного движения к ответным действиям. Одним из видов революционного сопротивления стало вооруженное сопротивление, насильственная борьба против провокаторов и шпионов. Именно против провокаторов началась поначалу вооруженная борьба в Москве. 26 февраля 1879 г. в гостинице Мамонтова на Раушской набережной по постановлению «Земли и воли» был убит переехавший из Петербурга в Москву провокатор Н. В. Рейнштейн, некогда состоявший в «Северном союзе русских рабочих». В том же 1879 г., в конце лета, произошел раскол ранее единой «Земли и воли» и создались две новые революционные организации, основанные ее бывшими членами,– «Народная воля» и «Черный передел». В Москве обе эти организации имели филиалы, проводившие соответственно установки идейного и практического плана. Московские народовольцы все большее внимание уделяли политической борьбе и участвовали в террористической деятельности, чернопередельцы продолжали тактику традиционного народничества с уклоном в сторону сближения с простым народом.

Осенью 1879 г. в Москве народовольцы провели сложную операцию по взрыву царского поезда. С этой целью в Москву приехала С. Л. Перовская – один из лидеров народовольцев – и вместе со своими соратниками проложила подземную галерею с заложенной в ней разрывной миной. 19 ноября мина сработала, но по ошибке оказался взорванным другой поезд, не тот, в котором следовал император[85].

В организации московского филиала «Народной воли» большую роль сыграл А. Д. Михайлов, а также М. Н. Ошанина и П. А. Теллалов. Позиции Москвы в деятельности «Народной воли» постепенно укреплялись, особенно по мере усиления репрессий против ее руководителей в Петербурге. После убийства народовольцами Александра II в Москву перебрался центр «Народной воли», оставшиеся на свободе члены его Исполнительного комитета, типография, где печатались издания «Народная воля» и «Рабочая газета». Аресты первой половины 1882 г. привели к ликвидации народовольческого центра и в Москве[86].

Московские чернопередельцы имели сильную базу в Петровской сельскохозяйственной академии. Они приняли активное участие в подготовке в Москве съезда «Черного передела», созвать который, однако, не удалось. Кружки организации были созданы также в Московском университете и Техническом училище.

[80] *Кошелев А.И.* Указ. соч. Ч. 1. С.186–187.

[81] *Щетинина Г.И.* Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987. С.64.

[82] *Анзимиров В.А.* Указ. соч. С.44.

[83] *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С.81.

[84] Цит. по: *Панухина Н.* Москвичи. С.113.

[85] *Дружинин Н.М.* Революционное движение в Москве // *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. С.119.

[86] Там же. С.120.

Хотя чернопередельцы не принимали участия в террористических актах, аресты коснулись и их. В начале 1880 г. полиция провела внезапный обыск среди студентов Петровской академии и арестовала одного из руководителей московских чернопередельцев Г. Н. Преображенского.

Выступления московского студенчества продолжались, но в его среде наметилось определенное размежевание. Новые правила для студентов, а также такой вопрос, как сбор средств на венок для уже убитого Александра II, вызвали новые волнения. Значительная часть студентов воспротивилась предложению по сбору средств, но нашлись и его сторонники. Размежевание приобретало четко определенные формы. По мнению специалистов, конец 1880 – начало 1881 г.– это «определенный рубеж в размежевании относительно единого до того времени и «мыслящего студенчества»[87]. Пытаясь расколоть студенчество, власти начали поддерживать ту его часть, которая выступала на стороне «порядка», и разрешила «партии порядка» среди студенчества проводить свои сходки. После 1 марта усилились репрессии правительства против студентов, преследованиям подверглись даже разрешенные студенческие организации. Но размежевание продолжалось.

Дискуссии по поводу сбора средств на венок Александру II всколыхнули не только университет, но и все московское общество. Уже к 1 апреля из университета было отчислено более 280 студентов, причем часть из них без дальнейшего права поступления в университет[88].

События 1 марта 1881 г. оказали сильное воздействие на поведение московских консервативных кругов. В период общественного подъема конца 70-х – начала 80-х гг. они заметно стушевались и постарались отойти от активных выступлений. Даже М. Н. Катков пошел по пути приспособления к общим настроениям, царившим в Москве и вообще в стране. Но мартовские события стали как бы сигналом к переходу консерваторов в наступление. Собственно, даже первый месяц после убийства Александра II правительство пребывало в состоянии смятения и тревоги, и это настроение не могло не оказать влияния на его московских сторонников. Но вступление на престол Александра III, известного своими откровенно охранительными взглядами, воодушевило консервативную Москву. Царский манифест от 29 апреля 1881 г. был с ликованием встречен в консервативных и реакционных кругах московского общества. На этот манифест об укреплении самодержавия «Московские ведомости» откликнулись передовой статьей на следующий же день – 30 апреля: «Теперь мы можем вздохнуть свободно. Конец малодушию; конец всякой смуте мнений. Пред этим непререкаемым, пред этим столь твердым, столь решительным словом монарха должна наконец поникнуть многоглавая гидра обмана. Как манны небесной, народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасение: оно возвращает русскому народу русского царя самодержавного»[89].

М. Катков прямо призывал к реакции, причем к силовым мерам против неугодных. Идеей его выступлений было обоснование самодержавия как власти, единственно возможной в России. Причем он сконцентрировал свое внимание на образованных людях, т.е. на интеллигенции, которую многократно обвинял в потворстве «крамоле» и даже откровенном сотрудничестве с ней. Влияние Каткова на императора и правительство чрезвычайно возросло. Усилилось его сотрудничество с К. П. Победоносцевым – другим влиятельным самодержавным идеологом, автором манифеста 29 апреля, но, несомненно, что в его составлении принимал участие и Катков, что породило в определенных кругах мнение о преимущественном авторстве московского публициста.

М. Н. Катков стал одним из главнейших идейных вдохновителей контрреформ правления Александра III. Он активно выступал против либеральных кругов как в Москве, так и в правительственном лагере. Но особенно активно он обрушился на тогдашнюю русскую демократическую интеллигенцию, ее легальные органы и, прежде всего, на действовавших в России и в эмиграции революционеров. Аргументы Каткова против введения в России конституции носили изощренный характер. В одной из своих передовиц в «Московских ведомостях» он даже договорился до того, что именно в России существует самая передовая конституция: «У русских подданных есть обязанности, это выше прав, в эти обязанности входит забота о пользе государства, и, тем самым, предотвращать вред, ему наносимый»[90].

В российской публицистике того времени М. Н. Катков и его «Московские ведомости» заняли особое, можно сказать, привилегированное положение. Несмотря на правительственный запрет на тему о Земском соборе, Катков нарушил его, причем получив на это согласие Победоносцева. Катков не только начал борьбу против идеи созыва Земского собора, но и повел широким фронтом борьбу против всякого местного самоуправления. В свое время он был сторонником земских учреждений 60–70-х гг., но после 1881 г. именно Катков возглавил подготовку общественного мнения против них. «Московские ведомости» начали массированную атаку против земского «парламентаризма», в котором усматривали «детище» запад-

[87] *Щетинина Г.И.* Указ. соч. С.68.

[88] Там же. С.72.

[89] Цит. по: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С.375–376.

[90] Цит. по: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. С.218–219.

ноевропейских революционных идей. Все беспорядки на местах стали списывать на земские учреждения, и всячески подчеркивалась мысль о разорительности для налогоплательщиков этих учреждений.

М. Н. Катков оказывал большое влияние на расстановку сил в правительстве, вокруг него создалась «какая-то новая, почти правительственная сила»[91], по словам государственного секретаря А. А. Половцева. Но, позволив Каткову проводить свои идеи неприятия Земского собора, правительство было вынуждено снять соответствующий запрет и для других органов печати. Получил возможность трактовать этот вопрос и орган И. С. Аксакова «Русь» – газета, для которой идея Земского собора являлась одной из самых кардинальных.

Хотя по вопросу о Земском соборе между М. Катковым и И. С. Аксаковым не было единства мнений, именно после событий 1881 г. произошло определенное сближение взглядов этих публицистов. Аксаков, практически, перешел на консервативные позиции и начал активную полемику с интеллигенцией и либералами, по сути выступая единым фронтом с М. Н. Катковым.

В годы, последовавшие за убийством народовольцами Александра II, идея царя как помазанника Божьего стала в изданиях консерваторов центральной для обоснования незыблемости самодержавия. Московские консерваторы играли здесь далеко не последнюю роль. Однако и в стане консерваторов не наблюдалось полного единства. Определенные противоречия наметились между М. Н. Катковым и видным петербургским консервативным журналистом князем В. П. Мещерским, с 1872 г. издававшим газету «Гражданин», как бы конкурента «Московских ведомостей» и других катковских изданий. В принципе их объединяла общая консервативная направленность, поскольку политическим кредо «Гражданина» было «поставить точку» реформам Александра II и даже по мере возможности восстановить дореформенные порядки. Но Мещерского и Каткова разделяло стремление каждого из них иметь свое влияние на императора. Иногда публикации Каткова расценивались Александром III как слишком резкие, так же как и некоторые статьи «Московских ведомостей» по вопросам внешней политики. Они даже вызывали гнев императора. Явно охладели к Каткову и ряд лиц из императорского окружения, но смерть в 1887 г. Каткова оборвала этот назревавший конфликт[92].

Несомненное укрепление московских консерваторов после событий 1881 г. не привело к ликвидации либерального лагеря, хотя позиции его несколько ослабли. Особенность 80-х – начала 90-х гг. заключалась в том, что в ряды либералов переместились некоторые бывшие деятели леворадикального направления, в том числе и участники революционного подполья. Они заняли позиции на самом левом фланге либерализма, составляя промежуточное звено между революционерами и либеральным центром. Это были силы, ориентировавшиеся на таких деятелей легального народничества, как С. Н. Южаков, В. П. Воронцов, Я. В. Абрамов. Однако и либералы, как бы классического образца, не все перешли в стан консерваторов. Значительная их часть продолжала отстаивать свои традиционные требования. Несомненной заслугой либералов этого направления явилось избрание на пост городского головы одного из столпов российского либерализма – Б. Н. Чичерина, который с 1866 г. не состоял на государственной службе. Он стал видным земцем и постоянно проживал в Тамбовской губернии. В 1881 г. выставил свою кандидатуру в гласные на выборах в Московскую городскую думу, но, не имея необходимого имущественного ценза в Москве, вынужден был для этой цели приобрести лачугу на окраине города. Избрание Чичерина городским головой получило заметный резонанс во всей стране. Оно не могло произойти без поддержки сторонников знаменитого западника и отражало настроения в городе, где имелась значительная либеральная прослойка[93].

Избрание Б. Н. Чичерина городским головой свидетельствовало, что его сторонники хотели заметно расширить функции думы, не ограничивать их только хозяйственными вопросами. Уже в первой же своей речи при вступлении в должность городского головы 26 января 1882 г. Чичерин заявил, что ставит одной из важнейших своих задач заботу об отношениях Московской городской думы с правительственными органами, т.е. открыто поставил задачу укрепления позиций Москвы при взаимосвязях с правительственным Петербургом. При этом Чичерин заверял слушателей, что он приверженец охранительных начал и «глубоко и живо чувствует потребность власти и порядка».

Но даже в таком виде, со всеми осторожностями и коррективами, речь Б. Н. Чичерина по распоряжению московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова, многие годы находившегося на этой должности, была напечатана в газетах со значительными сокращениями. По словам самого Чичерина, его речь, опубликованная в «Московских ведомостях», получилась «совершенно обезображенной»[94]. Разразился скандал. Николаевский генерал В. А. Долгоруков, пользовавшийся в городе уважением за свою благотворительность и трогательную старомодность,

[91] *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. С.33–34.

[92] *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С.98.

[93] *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С.162.

[94] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания: Земство и Московская дума. М., 1934. С.174.

тем не менее продемонстрировал либеральному голове свою власть. Последовала жалоба Чичерина министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву. Тот обратился к царю, разрешившему опубликовать речь полностью. Трудно сказать, чем объяснить благосклонность императора к новому московскому голове, возможно, сказалась его нелюбовь к Долгорукову, о которой поведал в своих воспоминаниях академик М. М. Богословский, писавший, что Александр III терпел его до юбилея и в 1891 г. дал ему отставку, незадолго, впрочем, до его кончины[95]. Но и позволение императора не привело к тому, чтобы речь была напечатана в том виде, в каком была произнесена. Министр внутренних дел все-таки счел необходимым сократить последнюю фразу, где говорилось о том времени, когда само правительство поймет необходимость расширения местного самоуправления[96].

Б. Н. Чичерин оказался для правительства неудобным городским головой. В Татьянин день, то есть 12 января 1883 г., он выступил фактически против нового министра внутренних дел и шефа жандармов Д. А. Толстого, стремившегося изменить университетский устав. А в мае того же года Чичерин произнес речь на банкете городских голов в честь коронации Александра III, где призвал к объединению земцев и намекал на необходимость устройства представительных учреждений. Эта речь была использована правительственными кругами для смещения известного московского либерала, в чем проправительственным кругам немало содействовал Катков. Чичерин был смещен, но на очередных выборах в декабре 1884 г. он вновь был избран городским гласным и предложен в качестве городского головы. Зная о настроениях царского правительства, он сам снял свою кандидатуру. С 1885 по 1893 г. городским головой был Н. А. Алексеев – представитель одной из самых старых московских купеческих фамилий (с 1840 по 1841 г. пост городского головы уже занимал другой член семьи – А. В. Алексеев[97]). Академик Богословский называет Н. А. Алексеева «самым ярким городским головой в Москве»[98]. Избрание Алексеева знаменовало собой победу буржуазных кругов города и, в немалой степени, поражение консервативной Москвы.

Несмотря на усиление реакции и укрепление позиций консервативных изданий, общероссийской известностью пользовались несколько печатных органов либералов, издаваемых в Москве. К ним относилась ежедневная газета «Русские ведомости», а также уже упоминавшийся еженедельник «Русская мысль». Но московские либералы выступали в ряде изданий, выходивших вне города и даже порой в нелегальных средствах массовой информации. Такие выступления позволяли себе наиболее левые круги московских либералов. В конце 1883 г. народовольцы издали воззвание «Группы русских конституционалистов», к которой был, по некоторым данным, причастен один из наиболее видных московских либералов В. А. Гольцев. В воззвании провозглашалось введение представительных учреждений, хотя и с совещательным голосом. Несмотря на подчеркивание своих расхождений с революционным лагерем, составители воззвания допускали его существование[99].

Нелегальные выступления либералов в то время были редчайшим явлением. Они предпочитали легальную форму деятельности и легальную печать. «Русские ведомости», выходившие с 1863 г., в 1882 г. перешли к товариществу, учрежденному редактором-издателем В. М. Соболевским, членами которого были Д. Н. Анучин, П. И. Бларамберг, В. Ю. Скалон, А. И. Чупров, ряд других деятелей, представлявших профессуру Московского университета, а также сотрудников газеты. На протяжении десятилетий состав товарищества и форма издания почти не менялись[100].

Особенность этой эпохи – времени усиления политической реакции – заключалась в том, что на страницах либеральной прессы были вынуждены публиковаться представители леворадикального течения, поскольку многие демократические издания или были закрыты или сменили свое руководство. На страницах московских либеральных газет и журналов публиковались М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский, В. М. Гаршин, Н. Е. Петропавловский (Каронин) и др. Отнюдь не все представители либерализма чувствовали себя достаточно защищенными и нередко испытывали удары со стороны консервативных и правительственных кругов. Из преподавателей Московского университета были уволены такие видные представители московских либералов, как В. А. Гольцев, С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский.

80-е – начало 90-х гг. характерны дальнейшим обострением традиционных противоречий между дворянством и купечеством Москвы. Эти противоречия имелись и в земствах, и в Городской думе, и в печати и переносились постепенно в правительственные круги. Но при всем усилении натиска на подпольные революционные кружки, добиться искоренения в Москве леворадикальных организаций не удалось. Направление в сторону усиления политической борьбы – русский бланкизм – не прекратило свою деятельность и после репрессий, последовавших за актом 1 марта.

Уже в 1882 г. группа молодых москвичей основала кружок из так называ-

[95] *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярия (Научное наследие). М., 1987. С.118.

[96] *Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С.175.

[97] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.152–153, 332.

[98] *Богословский М.М.* Указ. соч. С.131.

[99] Воззвание группы русских конституционалистов 1883 г. // Былое. 1906. № 1. С.309–311.

[100] *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в.– 1914 г. М., 1984. С.68.

емых «милитаристов», отстаивавших идеи политического переворота методом военного заговора. Он явился продолжением традиций военной организации «Народной воли». В кружок входили П. Аргунов, Н. Киселев, В. Распонин, Н. Янковская и др. В конце 1882 г. они образовали Общество переводчиков и издателей в Москве, просуществовавшее до мая 1884 г. Большинство членов этого Общества принадлежало к сибирскому землячеству студентов Московского университета и Петровской академии. Члены Общества издавали сочинения Л. Блана, К. Маркса, В. Либкнехта, Ф. Энгельса, Г. Плеханова. Они были связаны с такими представителями либеральной профессуры, как А. И. Чупров, М. М. Ковалевский, И. И. Иванюков, и получали материальную поддержку от А. Е. Алехина[101]. Арест Распонина последовал в ноябре 1883 г., затем была разгромлена литография Янковской, но деятельность кружка возобновили молодые его члены – В. Вягилев, А. Ерофеев, Е. Корякин и др. Весной 1885 г. разгрому подвергся и этот кружок.

17 декабря 1883 г. в специальном воззвании под названием «К русской молодежи» объявил о своем создании Общестуденческий союз в Москве. Кроме кружка так называемых милитаристов этот Союз объединил кружки Спасского общежития и женский. И здесь значительная роль принадлежала сибирскому землячеству. Общестуденческий союз оказывал помощь ссыльным и заключенным, вел устную и печатную пропаганду не только в Москве. Полиция разгромила и этот Союз, хотя оставшиеся на свободе его члены продолжали свою работу.

Еще одной революционной организацией, сложившейся в это время, была «Молодая партия «Народной воли», образовавшаяся в Петербурге в 1884 г. С целью связать ее с революционными кругами московской молодежи в Москву был послан один из членов этой новой организации, считавшей себя преемниками «Народной воли»,– Н. М. Флеров. Ему удалось достигнуть в Москве некоторых результатов и, в частности, воссоздать специальную «рабочую группу». Но аресты 1884 г. в связи с провалом известного народника Г. А. Лопатина тяжело сказались на деятельности московских народовольцев. Создать скольнибудь значительную народовольческую организацию в то время не удалось.

Однако полностью задавить выступления левых кругов московского общества царским властям не удалось, как не удалось и воспрепятствовать созданию новых кружков и организаций. Одним из проявлений антиправительственных настроений стала демонстрация московской молодежи, прежде всего студентов, 2 октября 1884 г. на Страстном бульваре перед зданием «Московских ведомостей», вошедшая в историю как «Катковская демонстрация». Устроить антикатковскую демонстрацию было решено на студенческой сходке 1 октября, где присутствовало около 200 человек. Организаторами демонстрации стали студент университета И. С. Минор и студент Технического училища С. М. Терещенков. За участие в демонстрации было арестовано 107 человек, из них 75 студентов Московского университета. Настроения молодежи, участвовавшей в демонстрации, были однозначно антикатковскими, и звучали даже призывы разгромить катковскую типографию. В листовке, выпущенной под названием «К московскому студенчеству от Центрального кружка Общестуденческого союза», Катков прямо обвинялся как один из главных вдохновителей реакции Александра III[102].

Наиболее известным революционным кружком того времени являлась московская народовольческая организация 1885–1886 гг., в которую входил студент Петровской академии А. И. Бородзич, а также Н. Власов, А. Перелешин, И. Лебедь и другие. Члены этой организации проводили пропаганду среди рабочих. Организация просуществовала недолго, и уже 2 апреля 1886 г. Бородзич и ряд других членов организации (в их числе С. Капгер) были арестованы. Примечательно, что они участвовали в октябре того же года в беспорядках в Бутырской тюрьме и были переведены в Петербург, в Петропавловскую крепость[103].

В 1887 г. по инициативе бывшего члена ишутинского кружка П. Ф. Николаева образовалась «Социально-революционная партия», стоявшая на принципах федерализма и проповедовавшая идеи систематического террора. Николаев и его сподвижники были привлечены властями к ответственности. Но стремление московской общественности к активным общественным выступлениям не приостановили и эти репрессии. Именно события в Москве стали толчком к новым студенческим выступлениям в стране.

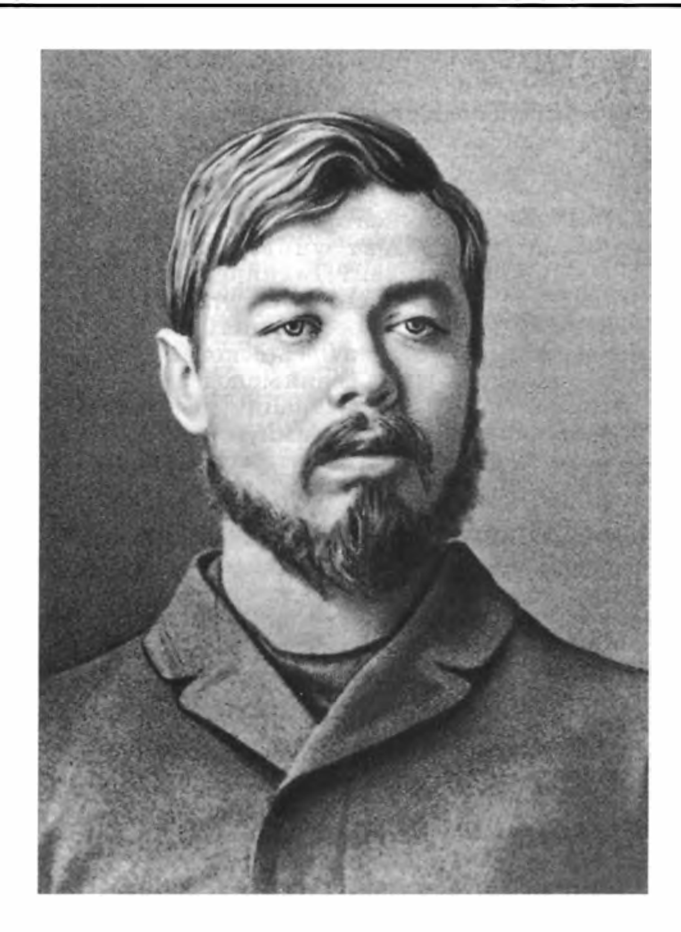
22 ноября 1887 г. в зале Московского дворянского собрания во время концерта хора и оркестра, организованных студентами Московского университета, в присутствии большого числа зрителей студент юридического факультета А. Л. Синявский демонстративно ударил инспектора А. А. Брызгалова, вызывавшего нескрываемую ненависть студентов. Синявский был тут же арестован, а через два дня 24 ноября на Моховой улице у здания университета собралось около 300 студентов, к которым присоединились проходившие мимо прохожие. По разрешению ректора университета Г. А. Иванова студенты прошли

[101] *Щетинина Г.И.* Указ. соч. С.116.

[102] Там же. С.101–103.

[103] Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т.III. Вып.1. М., 1933. С.397–398.

М. И. Бруснев

в актовый зал, и там один из их представителей публично заявил, что поступок Синявского не его личное дело, а выражает мнение всего московского студенчества, которое выступает против нового устава 1884 г. и требует возвращения к уставу 1863 г. Студентам предложили разойтись, и университетское начальство решило не допустить к занятиям около 200 студентов.

Но волнения студентов не прекращались. 26 ноября примерно 300–400 студентов организовали уличную сходку, разогнанную полицией. Дело стало принимать серьезный оборот, и по представлению московских властей 29 ноября император повелел временно закрыть Московский университет. Последовали новые репрессии против студентов, в результате которых из Московского университета и Петровской академии были исключены десятки студентов, часть из них была арестована[104].

Последующие наиболее значительные выступления демократических слоев московского общества произошли в 1889–1891 гг. и были связаны с кончиной М. Е. Салтыкова (Щедрина), Н. Г. Чернышевского и Н. В. Шелгунова. Смерть видных деятелей леворадикального направления вызвала соответствующие демонстрации и новые столкновения с полицией, новые исключения из высших учебных заведений и новые аресты. Но еще при Александре III, который предпочитал проводить жесткий курс во внутренней политике и осуществил серию контрреформ, началось явное оживление общественного движения в целом по стране, в том числе в Москве. «Шелгуновская демонстрация» в Петербурге, ставшая откровенно политической акцией, получила поддержку в Москве и явилась одним из факторов нового оживления общественных настроений.

Голод 1891–1892 гг. привел к активизации сил революционного подполья, которое в то время уже не было однородным в идейном плане. Собственно, и ранее в Москве существовали как народовольческие, так и чернопередельческие кружки, организация «социалистов-федералистов» и т.д. Но в целом они шли в русле народнических программ. К началу 90-х гг. подполье было уже не только народническим, но и социал-демократическим. И в той, и в другой среде после 1891 г. заметно значительное оживление. В том же году в Москву переселился один из наиболее активных петербургских марксистов М. И. Бруснев, который вступил в активное сотрудничество с местными революционерами. В апреле 1892 г. московская социал-демократическая группа, довольно неоднородная по своему составу, была разгромлена[105].

Зимой 1893 г. в Москве удалось собрать ряд видных деятелей народнического движения – М. Натансона, П. Николаева, Н. Тютчева и др., положивших начало «Партии Народного права», летом 1894 г. подвергшейся репрессиям.

4. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТОЛЕТИЯ

В октябре 1894 г. в России вступил на престол новый император. По сложившейся традиции им был старший сын императора – Николай, второй Николай на русском престоле. Никто не мог предполагать, что он окажется последним русским царем. Поскольку русскому самодержцу исполнилось 26 лет, то его молодость и хорошие манеры, а также высокое образование вызвали в московском обществе мысль о заметных преобразованиях по пути модернизации страны. Но этим надеждам не довелось сбыться. Буквально через несколько месяцев после восшествия на престол, весной 1895 г., вся Россия узнала об одобрении им расстрела рабочих в Ярославле Фанагорийским полком, расстрела, в результате которого имелись убитые и раненые. При приеме депутации земств и городов новый император не преминул заметить, что надежды на конституцию – это «бессмысленные мечтания» – еще одна фраза молодого царя, облетев-

[104] *Щетинина Г.И.* Указ. соч. С.170–172.

[105] *Полевой Ю.З.* Зарождение марксизма в России. 1883–1894 гг. М., 1959. С.399.

шая страну и услышанная за ее пределами. Но в Москве особый резонанс приобрела знаменитая Ходынка.

Во второй столице по уже сложившейся традиции в мае 1896 г. по случаю коронации Николая II был устроен праздник. Местом для него было избрано Ходынское поле, где расположились балаганы и театры, а также примерно 150 буфетов с бесплатными подарками, 20 сооружений для раздачи спиртных напитков. Гулянье было намечено на 10 часов утра 18 мая, но уже с вечера 17 мая на Ходынском поле стали собираться люди, к раннему утру следующего дня здесь скопилось несколько сотен тысяч человек. Началась давка, и присутствующим здесь примерно двум тысячам полицейским не удалось ее предотвратить. Овраг, располагавшийся возле Ходынского поля, а также многочисленные ямы и колодцы усугубили ситуацию. В результате давки в этот день погибло около 1400 и ранено примерно 1300 человек[106]. Ходынская трагедия оказала самое гнетущее впечатление на москвичей и получила широчайшую огласку по всей стране.

Главными виновниками ходынской трагедии являлись, конечно, московские власти, не предусмотревшие число возможных участников праздника и не принявшие соответствующих мер. Впоследствии, после произведенного следствия, серьезное наказание понес московский обер-полицмейстер А. А. Власовский, но не меньшая вина лежит на генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче. Но Сергей Александрович был родным дядей императора, к тому же женатым на сестре императрицы. Он пользовался большим влиянием на молодого царя и, понятно, никакого наказания не понес, более того, в том же 1896 г. его назначили также командующим войсками Московского военного округа.

Генерал-губернатором Сергей Александрович стал еще в 1891 г., сменив на этом посту многолетнего правителя Москвы князя В. А. Долгорукова. Старик Долгоруков пользовался расположением довольно широких кругов московского общества. Он отличался хлебосольством, демократизмом и благотворительностью. Даже студенты относились к нему не без почтения, и он регулярно посещал университетский праздник в Татьянин день, высказывая свое уважение как преподавателям, так и студентам.

Совсем другим человеком был великий князь Сергей Александрович. По воспоминаниям современников, он сразу не пришелся по душе москвичам, хотя тоже был боевым генералом, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Но не было в нем долгоруковской широты и общительности, даже близкой сердцу горожанина трогательной патриархальности. Сергей Александрович считался человеком высокомерным и недоступным. Держался он на значительном расстоянии от общества, ни одна прослойка городских жителей не была ему близка и не относилась к нему благосклонно. Правда, некоторые мемуаристы считали, что его замкнутость происходила от застенчивости. Великий князь увлекался археологией и почти регулярно участвовал в заседаниях Московского археологического общества, что проходили в доме графини П. С. Уваровой, вдовы археолога А. С. Уварова – сына известного николаевского министра и президента Академии наук. Но и на этих заседаниях Сергей Александрович вел себя странно. Он никогда не выступал, а сообщал свое мнение хозяйке, которая тут же на заседаниях доводила его до сведения участников[107].

После Ходынки Сергея Александровича за глаза стали называть «князем Ходынским», пропасть между ним и московским обществом еще больше увеличилась. Так продолжалось и в дальнейшем, пока бывший московский студент И. П. Каляев взрывом бомбы не убил великого князя.

В конце 90-х гг. противостояние московского общества московским властям усилилось. Оно нашло отражение в различных слоях московского населения. При вступлении на престол Николай II заявил, что будет следовать курсом своего отца. Во многом это нашло отражение в политике по отношению к дворянству, продолжавшему оставаться высшим сословием страны. В манифесте от 14 ноября 1894 г. было объявлено о снижении, причем не первом, процента по ссудам должников Дворянского банка и его Особого отдела. Это было явное стремление укрепить поддержку со стороны дворянства, прежде всего поместного. Но положение дворян-землевладельцев было таково, что этой новой милости монарха оказалось мало. Дворянство стало обращаться к царским властям со все новыми и новыми ходатайствами, стремясь получить поддержку, прежде всего, в конкуренции со все усиливавшейся буржуазией.

Среди тех, кто обращался к царю с адресами, было и московское дворянство. 16 января 1896 г. оно составило всеподданнейший адрес, где «залог правильного развития России» виделся в тесной и неразрывной связи землевладения дворянского и крестьянского и в службе поместного дворянства, связанного с землей[108]. Дело в том, что в середине января состоялся очередной губернский дворянский съезд, на котором московское дворянство решило перейти в наступление, причем атаку начали именно реакционные круги московского дворянства. Причин для неудовлетворенности

[106] *Краснов В.* Ходынка. М.; Л., 1926.

[107] *Богословский М.М.* Москва в 1870–1890-х годах. С.118.

[108] *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979. С.271.

у дворян имелось немало, но особенно значительными они оказались у московских дворян, по-прежнему игравших первую скрипку в общедворянском российском оркестре. После реформы 1861 г. шел процесс сокращения дворянского землевладения – к середине 90-х гг. площадь дворянского землевладения по стране уменьшилась с 79 млн. до 55,5 млн. десятин, т.е. более чем на одну четверть. Потери подмосковных дворян оказались намного большими. За этот период дворянское землевладение в подмосковных губерниях сократилось почти наполовину[109]. Так что причины для возмущения, прежде всего у московских дворян, имелись, хотя цена на землю за эти же годы возросла в два раза. Но долги дворянства Дворянскому банку и учреждениям частного кредита неодолимо возрастали.

После того как дворянство убедилось в том, что Николай II не намерен проводить значительные преобразования и, более того, по-прежнему предпочитал видеть в дворянстве свою главную опору, дворянство не только начало новое наступление за свои права, но и демонстрировало способность к самоорганизации. 10 февраля 1896 г. в Петербурге было созвано совещание губернских предводителей дворянства, организованное с санкции царя И. Л. Горемыкиным. Это совещание, или, как его называют, съезд, стало событием чрезвычайной важности, хотя бы потому, что ничего подобного не было с 1861 г.[110] Работа совещания проводилась в строгой тайне, и даже сейчас нет возможности получить полное представление о нем по историческим источникам. Конечно, совещание не отличалось ровным составом, на нем были представлены как предводители с явным либеральным уклоном, так и столпы реакционности, к которым, например, относился екатеринославский предводитель дворянства А. П. Струков. Из речей на совещании можно было сделать вывод о недовольстве дворянства самовластием бюрократии.

Совещание продолжалось долго (предводители разъехались домой во второй половине марта), и были на нем другие выступления. В противовес выступлению, произнесенному киевским предводителем дворянства князем Н. В. Репниным и имевшему некоторую поддержку, выступило подавляющее большинство предводителей. Среди тех, кто особенно резко возражал Н. В. Репнину, находился и предводитель московских дворян П. Н. Трубецкой[111].

Вообще дворянский вопрос во второй половине 90-х гг. приобрел заметную остроту и злободневность. В его обсуждении не только на тайных совещаниях, но и публично московское дворянство принимало самое активное участие. В январе 1897 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» вышла статья Б. Н. Чичерина, вынужденного в 1883 г. уйти с поста московского городского головы. Статья называлась «О современном положении русского дворянства», и симпатии ее автора к дворянству не подлежали никакому сомнению. Чичерин ратовал за сохранение дворянства и даже порицал покойного Александра III за то, что он недостаточно защищал интересы дворянского сословия. Но Чичерин не только выступил за дальнейшую европеизацию страны, но и предлагал, чтобы развитие ее шло, как он писал, естественным путем и дворянство должно само без какой-либо помощи к нему приспосабливаться.

Но даже такая точка зрения одного из лидеров русского либерализма, явно претерпевавшего сползание вправо, не пришлась по душе дворянской реакции. Одним из первых, кто вступил в полемику с Б. Н. Чичериным, стал московский предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой, выступивший в марте в тех же «Санкт-Петербургских ведомостях». Если Чичерин ратовал против того, чтобы предлагать дворянству костыли, и предлагал рассчитывать на собственную инициативу и стойкость, то Трубецкой отразил настроения тех слоев дворянства, которые стремились получить помощь правительства. Трубецкой изложил меры, которые уже были сформулированы большинством предводителей на упомянутом совещании и которые сводились к тому, чтобы любой ценой поддержать дворянство.

Тогда же, в марте 1897 г., в тех же «Санкт-Петербургских ведомостях» Б. Н. Чичерин вынужден был публично ответить П. Н. Трубецкому. Бывший московский городской голова еще раз повторил основной тезис своей предыдущей статьи, что дворянство «не вопиет о пособиях, не раболепствует перед властью в надежде на получение от нее выгод». Чичерин призывал дворян считаться с законами общественного развития, которые не зовут к прошлому, а прокладывают дорогу будущему. Он, фактически, призывал дворянство сблизиться с буржуазией и образовать новое буржуазное землевладение.

На вторую статью Б. Н. Чичерина, с учетом первой, не преминули откликнуться «Московские ведомости», и после кончины М. Н. Каткова остававшиеся флагманом реакционной журналистики. «Московские ведомости» выпустили по престарелому западнику несколько статей-снарядов. «Московские ведомости» являлись сторонниками активного вмешательства государства в проблемы дворянства с целью его безоговорочной поддержки. Это катковское издание стало вдруг выступать с позиций самобытности России, ее коренного отличия от Запада. Газета требовала сохранения сословий, считая возмож-

[109] *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С.219, 231.

[110] Там же. С.220.

[111] Там же. С.222.

ным их гармоническое сосуществование. Она отстаивала интересы самых реакционных дворянских кругов, мечтавших о временах до 1861 г.[112]

В то время «Московские ведомости» утратили такую литературную силу, как М. Н. Катков, да и влияние их на правительство было несравненно слабее. Газету последовательно возглавляли С. А. Петровский, В. А. Грингмут, а затем с 1909 г.– бывший видный народоволец Л. А. Тихомиров. Редактором газеты с 1897 г. был Грингмут, уроженец Москвы, но сын выходца из Германии. Выпускник Московского университета, он принял русское подданство и православие. И в этом отношении он походил на Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча – известных проводников теории официальной народности. В. А. Грингмут во многом продолжил их традиции, став популяризатором махрового черносотенства. Впоследствии, в 1911 г., посмертно издается в Москве его «Руководство черносотенцу-монархисту». Последовательным монархистом стал и один из виднейших некогда лидеров народовольцев Л. А. Тихомиров. Бывшие соратники из революционного лагеря назвали его «вторым Катковым». Он стал автором 4-томника «Монархическая государственность» и выдвинулся в видные идеологи монархизма, получив поддержку директора Департамента полиции П. Н. Дурново и обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. По словам Тихомирова, его цель – «борьба с отрицательными, космополитическими, революционными точками зрения»[113]. В 90-х гг. Тихомиров боролся на два фронта: с одной стороны, с буржуазным либерализмом, с другой – с социальным демократизмом, т.е. с революцией.

«Московские ведомости» конца XIX в.– это орган, по существу активно выступавший против реформ 60-х гг. Одним из объектов их критики стали земские учреждения. Его авторы требовали изъятия из ведения земств школьного, медицинского, продовольственного, страхового и дорожного дела. Лишив земства этих важнейших функций, «Московские ведомости» добивались их превращения в низшие органы административной власти[114].

Свои процессы шли и в рядах московской церкви. В ноябре 1867 г. скончался митрополит московский Филарет. Не сразу удалось подыскать ему замену. Лишь с января 1868 г. его преемником стал видный подвижник православной церкви митрополит Иннокентий (в миру И. Е. Попов-Вениаминов) – известный миссионер, объездивший громадные пространства Восточной Сибири и Дальнего Востока и участвовавший в переводе Библии на языки обитавших там народов. Умер Иннокентий в марте 1879 г. и возведен в лик святого в 1977 г.[115]

Вообще, и в дальнейшем сохранилась традиция приглашения московскими митрополитами известных церковных деятелей. В конце века, с 1893 по 1898 г., митрополитом московским был Сергий (в миру Н. Я. Ляпидевский) – видный церковный писатель, борец против латинства.

Крупные церковные деятели, имевшие значительный вес в православном мире, возглавляли и Московскую духовную академию. С 1890 по 1895 г. ректором академии являлся Антоний (А. П. Храповицкий) – известный церковный деятель и писатель. Ректором Московской академии был и другой крупный церковный деятель, историк и писатель, будущий митрополит Арсений (А. Г. Стадницкий).

В Москве проживали и многие другие подвижники церкви. Одним из них был отец Алексей Мечев (1860–1923), добрая слава о котором сохранялась долгие годы[116].

В конце XIX в. в рядах московских либералов произошла заметная перегруппировка сил. Одним из центров их деятельности продолжало оставаться юридическое общество при Московском университете, основанное еще в 1865 г. Председателем общества являлся С. А. Муромцев, которого ежегодно избирали, несмотря на то что ему пришлось уйти из университета, где он был профессором. Такое отношение к вопросу об избрании руководителя общества само по себе являлось отражением оппозиционного духа, господствовавшего в рядах общества. Среди видных его членов были В. А. Гольцев, М. М. Ковалевский, М. Я. Герценштейн, Н. А. Каблуков, И. И. Янжул, А. И. Чупров. Деятельность общества вызывала постоянное неудовольствие московских властей и царского правительства. Генерал-губернатор Сергей Александрович доносил министру внутренних дел, что в 1897 г. из 372 членов общества 119 – «лица, официально скомпрометированные в политическом отношении». Свою неудовлетворенность деятельностью общества выражал и министр просвещения, призывавший к тому, чтобы закрыть этот «всероссийский пропагандистский центр», что и последовало в 1899 г.[117]

Важной формой деятельности московских либералов стало участие в различного рода общероссийских и общемосковских създах и конференциях. Одним из таких съездов, получивших широкий резонанс в стране, стал IX съезд русских естествоиспытателей и врачей, в котором участвовало более двух тысяч человек. Съезд, состоявшийся в начале 1894 г., был характерен не только впечатляющими речами видных отечественных ученых К. А. Тимирязева и И. М. Сеченова, но и многочисленными встречами, приобретавшими откровен-

[112] *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С.258–261.

[113] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.). М., 1986. С.15.

[114] *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. С.173.

[115] Москва православная. Март. М., 1994. С.416–419.

[116] Москва православная. Февраль. М., 1994. С.163.

[117] *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С.51.

но политический характер. На съезде во весь голос заявил о себе так называемый «третий элемент», т.е. представители тех слоев русской интеллигенции, которые не относились ни к правительственной среде, ни к выборным кругам земцев. Особое внимание москвичей привлекла подсекция земских статистиков, собравшая почти всех российских земских статистиков. Историк А. А. Кизеветтер впоследствии вспоминал: «Приезд земских статистиков очень оживил Москву. В различных частных домах был устроен ряд политических обедов, на которых речи лились рекой – все в духе признания невозможности оставаться далее при старом порядке, который не удовлетворяет новым жизненным требованиям»[118].

По-прежнему московские либералы уделяли большое внимание своей прессе, и роль одного из важнейших органов русского либерализма той поры – «Русских ведомостей», противостоявших консервативным «Московским ведомостям» в 90-е гг., заметно возросла. Укрепились экономические позиции газеты. Как свидетельствуют исследования, в 1895 г. чистая прибыль «Товарищества «Русские ведомости» составила 77 тыс. руб., в 1899 г. она достигла 84 тыс. руб.[119] Одновременно с укреплением экономического положения газета с середины 90-х гг. стала проводником идей либерально-демократической и народнической ориентации. По-прежнему редактором-издателем ее являлся В. М. Соболевский, а активными сотрудниками – видный статистик А. С. Посников, В. Ю. Скалон, А. И. Чупров, В. Е. Якушкин и др.

В целом позиция либеральных кругов московского общества во второй половине 90-х гг. значительно усилилась. Они поставили задачу создания своей собственной, либеральной партии, как партии всероссийской, идея, которую еще в 1882 г. обосновывал В. Ю. Скалон. Оформление такой партии станет реальностью начала следующего – XX столетия. Роль московских либеральных кругов в ее создании была чрезвычайно велика, и 90-е гг. были в этом отношении весьма примечательны.

«Русские ведомости», считавшиеся органом московской интеллигенции, уделяли городским делам значительное место на своих страницах. В состав Городской думы входили московские профессора – В. И. Герье, М. В. Духовский, М. П. Черинов, Д. И. Иловайский, А. Н. Маклаков, С. А. Петровский, М. П. Щепкин, оказывавшие определенное влияние на ее работу[120]. Многие представители либеральных кругов города получали в Городской думе опыт оперативной работы, затем пригодившийся им в партийной работе и в работе общегосударственной.

Вторая половина 90-х гг. отмечена в Москве оживлением деятельности кругов, стремившихся к ее более радикальным методам, нежели те, которые использовали московские либералы. Прежде всего к ним по-прежнему были склонны определенные слои московского студенчества. В начале царствования Николая II студенты Московского университета обратились к нему с письмом, в котором выражали просьбу о предоставлении свободы слова. Это обращение еще было облачено в верноподданнейшую форму нижайшего прошения, но существо его было весьма радикальным, поскольку в перспективе означало и требование конституции[121]. 30 ноября 1894 г. в Московском университете произошла демонстрация, о возможности которой нельзя было даже и предположить. Она была направлена против одного из самых выдающихся русских историков, прекрасного лектора и в общем любимца студентов – В. О. Ключевского. Студенты не могли простить уважаемому профессору то, что он восхвалял Александра III, позитивно оценивая его деятельность и личность. Демонстрация повлекла за собой репрессии[122]. Двумя годами позднее, тоже в ноябре, студенты устроили демонстрацию с требованием организовать панихиду по погибшим во время Ходынской истории. 500 студентов направились к Ваганьковскому кладбищу, но у Пресненской заставы были остановлены полицией. Последовали аресты студентов. На следующий день, 19 ноября 1896 г., студенты устроили сходку в университете и потребовали освобождения арестованных, пресечения полицейского произвола и отмены университетского устава 1884 г. Прошли новые аресты, под стражу были заключены более 750 человек[123].

Значительно более масштабными оказались студенческие выступления 1899 г. Именно в этом году состоялась общероссийская студенческая стачка, охватившая все высшие учебные заведения страны и продолжавшаяся с февраля по март. В этой студенческой забастовке в общей сложности приняло участие 35 тыс. человек. Одно из первых мест в ее организации и проведении занимало московское студенчество. Правительство в ответ закрыло ряд высших учебных заведений, и только в Москве была исключена и выслана из города примерно одна тысяча студентов[124].

Общественное движение в 90-х гг. охватило в значительной степени учащихся средних учебных заведений, а также духовные учебные заведения, в том числе и Московскую духовную академию, напряженные отношения в которой стали замечаться с начала 90-х гг. и затем усилились во второй половине десятилетия.

Важной чертой этого времени является усиление участия в общественном

[118] Цит. по: *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. С.186.

[119] *Боханов А.Н.* Указ. соч. С.69.

[120] *Богословский М.М.* Указ. соч. С.129.

[121] *Щетинина Г.И.* Указ. соч. С.201.

[122] *Орлов В.И.* Студенческое движение в Московском университете в XIX столетии. М., 1934. С.272.

[123] *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С.131–132.

[124] Там же. С.134.

движении различных профессиональных групп московской интеллигенции. Пришли в движение народные учителя. Опасение властей даже вызвал организованный еще в середине столетия при Московском обществе сельского хозяйства Московский комитет грамотности. В 1895 г. этот комитет, как и подобный комитет в Петербурге, были подчинены Министерству народного просвещения, что явилось результатом обеспокоенности правительства деятельностью этих педагогических организаций. Брожение среди педагогов усиливалось, в 1900 г. московский губернатор в специальном письме в Департамент полиции предлагал поставить учительские общества под контроль «пастырей церкви», чтобы противодействовать в них «вредным уклонениям в сторону крайностей»[125]. Тем не менее стремление учителей к организации пресечь не удалось, что продемонстрировал Московский учительский съезд, состоявшийся в декабре 1902 г.– январе 1903 г., когда была создана всероссийская учительская организация «Союз народных учителей» – явно левой ориентации. 90-е гг. отмечены заметным вовлечением в общественное движение и других отрядов московской интеллигенции – врачей и фармацевтов, артистов, художников, писателей, ученых и юристов[126].

Произошла в это время активизация московского революционного подполья. Как и в начале 90-х гг., сохранились подпольные кружки и организации народнического и социал-демократического направления. Примечательно, что обращение учащихся Московского университета к Николаю II о свободе слова издал московский народовольческий кружок П. В. Оленина. В том же 1894 г. в Москве сложился террористический кружок студента И. С. Распутина.

Москва сыграла значительную роль в зарождении и становлении одной из самых крупных российских политических партий – партии социалистов-революционеров. Основу этой партии составили несколько организаций. Одной из них был «Северный союз социал-революционеров», образовавшийся в Саратове в 1896 г. и перенесший свой центр в следующем, 1897 г., в Москву. Отсюда налаживалась связь с различными кружками и организациями подобного типа в других городах и за рубежом. Так, удалось установить контакты с заграничным «Союзом русских социалистов-революционеров», а также с южной «Партией социалистов-революционеров». Все эти организации сумели провести заграничный съезд, где и была оформлена новая партия, имевшая в Москве сначала свою группу, а затем и комитет. Москва стала одним из опорных пунктов боевой организации эсеров, усилившей свою деятельность в начале XX в.

5. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

В 80-х годах XIX в. в общественном движении произошли заметные сдвиги, связанные с усилением выступлений рабочих и появлением в России социал-демократии. В 1883 г. Г. В. Плеханов за границей основал первую марксистскую организацию – группу «Освобождение труда». Эта группа завязала отношения с революционными кружками Москвы.

В это время интерес в России к марксизму возрос. Представители русской революционной среды пытались найти в учении К. Маркса ключ к решению мучивших их вопросов. В Москве, как и в некоторых других городах, стали издаваться сочинения Маркса и Энгельса, а также другая социалистическая литература. Были изданы: «Гражданская война во Франции», «Наемный труд и капитал», «Заработная плата, цена и прибыль» К. Маркса, «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханова, сборник «Социалистическое знание», включивший главы «Положения рабочего класса в Англии» и «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса и др.

В 80-е гг. марксистские организации появились непосредственно в России. В Москве они возникли несколько позднее. К их числу относится группа М. И. Бруснева, образовавшаяся во второй половине 1891 г. и просуществовавшая до апреля 1892 г. Бруснев являлся создателем одной из первых марксистских организаций в Петербурге. После окончания Петербургского Политехнического института осенью 1891 г. он переехал в Москву, получив место инженера в вагонных мастерских Московско-Брестской железной дороги. Несколько ранее сюда же переехал член его петербургской организации ткач Ф. А. Афанасьев, в будущем видный социал-демократ. В Москве оба примкнули к группе революционной интеллигенции, возглавлявшейся П. М. Кашинским. Зимой 1891/92 г. группа связалась с кружком М. Егунова и сумела наладить контакты с Тулой, Нижним Новгородом, Ригой, Киевом. В начале 1892 г. она получила транспорт заграничных изданий группы «Освобождение труда». На собраниях группы немало сил было потрачено на выработку приемлемой для всех платформы и программы, поскольку среди членов оказались люди, сближавшиеся с марксизмом, но сохранявшие во взглядах народнический отпечаток (это было характерно и для Кашинского, и для Егунова). Однако развить свою деятельность группа не сумела: 26 апреля ее члены, включая Бруснева, были арестованы.

Одновременно с группой М. И. Бруснева происходило формирование группы с более последовательными марксист-

[125] ГАРФ, ф.550. Оп.1. Д.511. Л.14–15; *Титлинов Б.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг. Л., 1924.

[126] *Ушаков А.В.* Указ. соч. С.44, 55, 57–58, 84, 91.

Выступление В. И. Ленина против народника В. Воронцова на нелегальной вечеринке в Москве 9 января 1894 г. Художник А. Моравов

скими взглядами. Она сложилась в начале 90-х гг. из двух кружков. Одним из них руководили А. И. Рязанов, окончивший в 1890 г. юридический факультет Московского университета, и И. А. Давыдов, другим – Г. Н. Мандельштам и Г. М. Круковский. Второй кружок постепенно стал центром собирания марксистских сил. В 1892 г. в него входили Н. И. Шатерников, А. и П. Винокуровы, С. И. Мицкевич, М. Н. Мандельштам (Лядов). Члены обоих кружков были знакомы друг с другом и сотрудничали в переводах марксистской литературы.

Кружок А. И. Рязанова тяготел к теоретической работе и пропаганде среди студенчества, члены другого кружка – к деятельности в среде рабочих. Со временем на многих предприятиях города – заводах Гужона, Бромлея, Вейхельта, Доброва и Набгольца, Гоппера, Листа, Грачева, фабриках Прохорова, Михайлова, Мокшеева, Эйнема, Балашевской, в некоторых типографиях, железнодорожных мастерских – представители интеллигенции, главным образом студенты, создали марксистские кружки рабочих. В них избирался кассир и библиотекарь. В обязанность первого входил сбор взносов, расходуемых на приобретение и издание нелегальной литературы. Кружки под видом вечеринок, чаепитий, прогулок (на Воробьевых горах, в Измайлове, Петровском парке) проводили нелегальные собрания. Видными представителями этих кружков были рабочие-марксисты: помощник машиниста Брестских железнодорожных мастерских С. Н. Прокофьев, токарь К. Ф. Бойе, слесарь А. Д. Карпузи, токарь И. П. Петров, слесарь Е. И. Немчинов, наборщик Наумов, ткач О. Васильев и Ф. Поляков[127].

Несмотря на аресты (в 1892 г.– Г. Н. Мандельштама, Н. И. Шатерникова), в сентябре 1893 г. в кружке выделилось ядро – С. И. Мицкевич, супруги Винокуровы, М. Н. Мандельштам (Лядов), Е. И. Спонти и рабочий С. И. Прокофьев, развернувшее систематическую пропаганду среди рабочих и предпринимавшее шаги для координации деятельности всех кружков.

Определенную роль в упрочении в Москве марксистских взглядов сыграл приезд молодого В. И. Ленина. В январе 1894 г. он выступил на нелегальном собрании в доме Залесской на Воздвиженке с критикой взглядов известного теоретика легального народничества В. П. Воронцова. Московские марксисты издали одну из первых ленинских работ – «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Вскоре на ряде заводов появились рабочие социал-демократические кружки. Но эти кружки действовали разрозненно. В апреле 1894 г. собравшиеся нелегально в одном из домов на Немецкой улице (ныне ул. Баумана) их представители создали Центральный рабочий кружок, положив начало общемосковской социал-демократической организации.

В пореформенное время Москва, наряду с Петербургом, была и оставалась одним из центров острых трудовых конфликтов, рабочего движения в стране.

[127] *Мицкевич С.* Очерки истории Московской партийной организации // На заре рабочего движения в Москве. М., 1919. С. 22–23.

Правда, размах борьбы был еще невелик. В 60–80-е гг. в Москве ежегодно в забастовках участвовало лишь несколько сот рабочих.

Но за три с лишним пореформенных десятилетия в забастовочное движение включились рабочие многих предприятий Москвы самых различных производств – текстильного и металлического, сахарного и кирпичного. Однако преобладающее число забастовщиков приходилось на текстильщиков. Наиболее крупными были стачки 500 рабочих суконной фабрики Носовых (в 1871 г.), 360 рабочих шелковой фабрики Лезерсона (в 1875 г.), 360 рабочих чугунолитейного завода Бромлея, 600 рабочих самотканного отделения фабрики Шрадера, 400 рабочих фабрики Гилля в Измайлове (в 1879 г.), фабрики К. И. Бутюгина (в 1891 г.), фабрики товарищества «Э. Циндель» (в 1894 г.). Выступления рабочих развертывались на сугубо экономической почве – в связи с низкой заработной платой, понижением расценок, произвольно налагаемыми штрафами, вычетами, высокими ценами на продукты в фабричных лавках, работой в предпраздничные дни и др.

Постоянные трудовые конфликты на предприятиях вынудили правительство создать в первой половине 80-х гг. фабричную инспекцию (прежде всего в Московской и Владимирской губерниях), которая должна была, в частности, «регулировать» отношения предпринимателей и рабочих.

Несмотря на сравнительно еще скромные масштабы рабочего движения, Г. В. Плеханов – докладчик от России на Лондонском международном социалистическом конгрессе 1896 г., – освещая его развитие в различных регионах и промышленных центрах страны, счел все же необходимым в числе первых упомянуть выступления рабочих Москвы.

Первоначально борьба развивалась исключительно стихийно. Однако в пролетарскую среду стала попадать нелегальная литература (в частности, народников), способствовавшая пробуждению самосознания рабочих. В середине 70-х гг. Московская прокуратура сообщала, что во время обысков у рабочих находили нелегальные издания: «Сказку о четырех братьях», «Парижскую коммуну», «Хитрую механику», народническую газету «Работник» (издававшуюся в Женеве).

В маевке в Вешняках в 1895 г. Центральный кружок принял название «Рабочего союза» и оформился по типу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» – зачатка революционной марксистской партии в России. Во главе «Рабочего союза» стояли рабочие К. Ф. Бойе, А. Д. Карпузи, Ф. П. Поляков, С. П. Прохоров, интеллигенты А. Н. Винокуров, М. Н. Лядов, Н. Е. Спонти, позднее – В. В. Воровский, К. М. Величкина, Н. Н. Вашков, И. С. Баданжан, И. Ф. Дубровинский.

В 1896 г. «Рабочий союз» был связан уже с пятьюдесятью фабриками и заводами города. Его влияние на рабочее движение было неоспоримым. «Рабочий союз» чувствовал себя и ячейкой

Группа рабочих механического завода Гоппера на маевке в Тюфелевой роще. 1-я половина 1890-х гг.

международного братства рабочих. В 1896 г. «Союз» послал приветствие французским пролетариям в связи с 25-й годовщиной Парижской коммуны, которое подписали более 600 рабочих почти 30 московских предприятий[128]. По поручению «Рабочего союза» В. И. Засулич была его представителем на Лондонском международном социалистическом конгрессе II Интернационала 1896г.[129]

Осенью 1898 г., через несколько месяцев после I съезда РСДРП, одним из инициаторов которого являлись московские социал-демократы, был образован Московский Комитет РСДРП.

В том же году в Москве, наряду с социал-демократами, действовала группа «Союза социалистов-революционеров», состоявшая из интеллигентов, перебравшихся из Саратова. Группа предпринимала попытки наладить контакты с местными рабочими. Ей удалось издать прокламацию «Манифест к русскому рабочему люду»[130].

Возникновение социал-демократических и социалистических организаций, кружков способствовало развертыванию в среде рабочих политической пропаганды и агитации, расширению и активизации выступлений рабочих, проведению первых массовых нелегальных собраний и сходок[131].

Причин для недовольства рабочих было более чем достаточно. Слой же неустроенных и недовольных рабочих в Москве постоянно увеличивался за счет приходивших на заработки крестьян. Один из бытописателей города отмечал в 1898 г.: «Мы любим декларировать о западных буржуа, эксплуатирующих пролетария, а попробуйте вы походить по московским фабрикам и заводам, посмотреть, как содержатся рабочие, где они спят, что едят, в каких отношениях настоящего крепостничества находятся к своим хозяевам, как они беспомощны всегда, когда им приходится слишком уже круто и осмеливаются сделать что-нибудь вроде не то, что уже стачки, а заявления сообща»[132].

В середине 90-х гг. выступления рабочих во многих местах страны, в том числе и в Москве, становятся более систематичными, регулярными, все чаще – групповыми, когда одновременно бастовали рабочие нескольких прежде всего однородных предприятий. Рабочее движение приобретало массовый характер, хотя и сохраняло достаточно скромные размеры. Основной формой борьбы в это время были уже стачки, хотя имели место и волнения – предъявление требований без прекращения работы. Одной из распространенных форм выражения недовольства по-прежнему оставались жалобы.

В 1895 г. бастовали рабочие мастерских Курской, Брестской и Казанской железных дорог, электромеханического и машиностроительного завода К. А. Вейхельта, а также более 400 ткачей Прохоровской трехгорной мануфактуры. На Прохоровской мануфактуре забастовка была подавлена полицейскими, казаками и пожарными; 36 рабочих подверглись аресту.

В начале 1897 г. рабочие завода Гужона добились введения 11-часового, а машиностроительных заводов «Добров и Набгольц» и «Густав Лист» – даже 10-часового рабочего дня. 14 февраля забастовали 80 рабочих Московско-Курской товарной станции, требуя сокращения рабочего дня до 11 часов, что, однако, не привело к успеху[133]. Прошла стачка на Шелковой фабрике Сапожникова[134]. 10 февраля забастовали 294 рабочих Шелкоткацкой фабрики Щербакова, требуя оплачивать прогульные по вине хозяина дни, никого не увольнять за участие в стачке, не задерживать расчет, расплачиваясь за 2 недели вперед[135]. В мае 1897 г. начали стачку 390 рабочих табачной фабрики Габай. Но их требование увеличения расценок не было удовлетворено и более того – забастовщики оказались уволенными[136].

Со 2 по 5 января 1898 г. бастовали все рабочие текстильной фабрики Гюбнера, где было занято 1,5 тыс. человек, протестуя против введения более низких расценок. Рабочие добились успеха, однако попытка получить деньги также за сверхурочные часы окончилась неудачей; к тому же 32 рабочих были арестованы[137]. 14 января 1898 г. «волновались» 150 рабочих чугунолитейного завода акционерного общества «Густав Лист» в связи с объявлением новых правил (согласно закону 1897 г.), в которых не учитывались некоторые православные праздничные дни, отмечавшиеся ранее. В конечном счете администрация вынуждена была пойти на уступки – восстановить прежние праздничные дни и объявить об окончании работ в субботу на 30 минут раньше. Одержали победу и рабочие механического завода бр. Бромлей, выдвинувшие 25 и 26 февраля 1898 г. требование увеличения заработной платы[138]. Самой крупной в том году явилась январская забастовка на фабрике Прохоровской трехгорной мануфактуры. Здесь забастовали 600 ткачей и 200 присучальщиц[139]. Поводом послужили обсчет рабочих и понижение заработка рабочих. Были вызваны солдаты и полиция. В конечном счете рабочим объявили об уплате за недоучтенные метры ткани. Но были арестованы 18 забастовщиков[140].

Стачки прошли также на Даниловской мануфактуре, бумаготкацкой фабрике бр. П. и И. Щаповых, прядильной и ленточной фабрике Зелиха, кружевной и ленточной фабрике А. Эрмена, отбельной фабрике Кириллова, шелкокрасильной и набивной фабрике «Грес-

[128] Работник, 1897. № 1–2. Отд.2; 1897. № 3–4. Отд.2.

[129] Очерки истории Московской организации КПСС. С.29; *Невлер В.Е.* Русская делегация на Лондонском конгрессе II Интернационала // История СССР. 1966. № 2. С.88.

[130] Русский рабочий, 1898 г., 10 октября, № 1; *Спиридович А.И.* Революционное движение в России в период империи. Вып.2. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1896–1916. Изд.2-е. Пг., 1918. С.53.

[131] Рабочее движение в России. Хроника. Вып.III (1897 г.). М.; СПб., 1995. С.162–165.

[132] *Весин Л.П.* Роль Москвы в торгово-промышленном отношении // Живописная Россия. Т.6. Ч.1 (Москва). СПб.; М., 1898. С.293.

[133] Работник. 1897. № 3–4. С.97–98.

[134] ЦГИА г.Москвы. Ф.16. Оп.48. Д.10. Л.66.

[135] Там же. Л.60–60об.

[136] Там же. Л.70.

[137] ГАРФ. Ф.102. Оп. 1898 г. Д.4. Ч.2. Л.33–34; Ф.299, Д.4. Л.47; ЦГИА г.Москвы. Ф.16. Оп.48. Д.14. Л.93, 93об.

[138] *Меньщиков Л.* Охрана и революция. Ч.2. Вып.1. М., 1925. С.95.

[139] ГАРФ. Ф.63. 1898 г. Оп.9. Д.394. Л.4; ЦГИА г.Москвы. Ф.16. Оп.48. Д.14. Л.99–105.

[140] ГАРФ. Ф.102. ОО. 1898 г. Д.4. Ч.2. Л.51.

сар и К°», волнения вспыхнули на фабрике Бутикова и некоторых других[141].

Со временем, кроме текстильщиков и металлистов, в движение включились и представители других отраслей промышленности. В июне произошли волнения на Трехгорном пивоваренном заводе (500 человек). Рабочие, которым не доплатили значительную сумму, ворвавшись в контору, стали кричать: «Бейте их! Не выходить на работу!» Выступление было подавлено силой[142]. 25 сентября забастовали 146 рабочих сахарорафинадного завода «Генер и К°», требовавших оплаты сверхурочных, но им было отказано[143]. 22 октября вспыхнула стачка 402 рабочих на Даниловском сахарорафинадном заводе. Рабочие протестовали против отмены многих праздничных дней. Но и эта стачка окончилась неудачей[144].

В 1899 г. наблюдался определенный спад выступлений рабочих, что объяснялось экономической конъюнктурой. Бастовали в основном пищевики, кирпичники.

Наиболее общее представление о стачках и волнениях в Москве в 1895–1900 гг. дает приводимая ниже таблица.

Количество стачек и волнений и число стачечников в Москве в 1895–1900 гг. (по данным «хроники» рабочего движения)

Годы	Число стачек (в скобках – с известным числом участников)	Кол-во стачечников, в тыс.	Число волнений
1895	10 (8)	1,8	1
1896	19 (16)	3,4	7
1897	19 (17)	3,2	10
1898	13 (12)	2,8	16
1899	2	1,8	–
1900	12	0,4	7

Источник: Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 гг. Хроника. Вып. I (1895 год). М., 1992; Вып. II (1896 год). М.; СПб., 1993; Вып. III (1897 год). М.; СПб., 1995; Вып. IV (1898 год). М.; СПб., 1997; *Огнев В. Н.* Рабочие Москвы на рубеже XIX–XX вв. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1993. С. 117–118.

Стачечное движение развивалось неравномерно, волнообразно. Наибольшее число стачек и стачечников приходилось на 1896–1898 гг. Число участников каждой стачки в среднем было еще весьма скромным – 100–200 человек, хотя в отдельных стачках оно было несравненно большим. Число стачек в Москве составляло 5–6% общероссийского показателя, а количество стачечников – и того меньше – всего лишь 2–5%[145]. К трудовым конфликтам относились также и волнения. Кроме того, немало «подавалось» различного рода жалоб. Но дошедшие до нас данные о волнениях и жалобах явно неполные. В одной из «Записок» Московского охранного отделения за 1898 г. отмечалось: «За первую четверть текущего года полиции пришлось констатировать 15 острых случаев фабрично-заводских недоразумений, из коих каждый без своевременного вмешательства полиции мог бы вылиться в форму внешнего беспорядка на той или другой фабрике»[146].

Основные требования, выдвигавшиеся участниками стачек и волнений, касались низкой заработной платы (почти половина требований), штрафов, продолжительного рабочего дня и сверхурочных, распорядка рабочего времени, плохих условий труда и быта, а также увольнений рабочих.

У металлистов свыше половины всех стачек и волнений закончилось победой рабочих, у текстильщиков и рабочих других производств результаты выступлений в большинстве случаев оказались не в их пользу.

С середины 90-х гг. рабочие Москвы – под влиянием социалистических кружков – все активней и шире втягивались в политическую жизнь и борьбу. Они становятся участниками нелегальных собраний и маевок. В 1895 г. маевка проводилась недалеко от станции Вешняки – в Шереметевской роще, а первомайские сходки рабочих прошли в Сокольниках, в Анненгофской роще, у Новодевичьего монастыря. В этом году первомай нелегально отмечало уже сравнительно большое число рабочих. Была издана первая первомайская листовка.

16 июня 1896 г. в Москве прошла сходка с участием 300 рабочих, на которой обсуждался вопрос о поддержке стачечной борьбы петербургского пролетариата (однако властям удалось предупредить намечавшееся выступление)[147].

Массовые открытые политические выступления рабочих были единичны. Из прошедших в 1895–1900 гг. в стране 65 уличных демонстраций рабочих (или с их участием) с известной условностью можно говорить об одной демонстрации на Ваганьковском кладбище 18 ноября 1896 г., в полугодовщину Ходынской трагедии (на этом кладбище в общей могиле были захоронены жертвы катастрофы)[148].

Сравнительно слабое развитие массовых форм рабочего движения в Москве имело свое объяснение: в конце XIX в. город как вторая столица находился под особым, пристальным присмотром высших властей. В конце XIX – начале XX в., во времена, когда московским генерал-губернатором был дядя царя великий князь Сергей Александрович, обер-полицмейстером – Д. Ф. Трепов (отдавший в октябре 1905 г. «знаменитый» приказ: «Патронов не жалеть, холостых залпов не давать») и начальником Московского охранного отделения – С. В. Зубатов,

[141] ГАРФ. Ф.102. ОО. 1898 г. Д.4. Ч.2. Л.6, 19, 71, 85; Ф.299. Д.11. Л.41, 41об, 42; ЦГИА г.Москва. Ф.16. Оп.48. Д.14. Л.2–2об., 34–34об., 35–35об.; РГИА. Ф.20. Оп.15. Д.861. Л.7.

[142] ЦГИА г.Москва. Ф.17. Оп.77. Д.3713. Л.182об.

[143] ГАРФ. Ф.299. Д.11. Л.150–150об.

[144] Там же. Л.153, 153об.

[145] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. Изд. 2-е. М., 1989. С.487.

[146] ЦГИА г.Москвы. Ф.16. Оп.48. Д.14. Л.181об.

[147] Рабочее движение в России в XIX в. Т.IV. Ч.1. С.404–206; *Огнев В.Н.* Указ. соч. С.125.

[148] *Кирьянов Ю.И.* Уличные демонстрации рабочих России в 1895–1900 гг. // Рабочий класс и рабочее движение в период империализма. М., 1991. С.19.

в городе установилась особенно тяжелая атмосфера полицейского сыска, шпионажа, провокаций и социальной демагогии. К этому следует добавить постоянный приток в город больших масс людей из деревни, которые, имея более низкие запросы, соглашались на любые условия предпринимателей и не были склонны к активному протесту.

Рост индустрии, миграционные процессы, городская жизнь, расширение деятельности социал-демократии, развитие рабочего движения – все это приводило к изменению облика рабочих, повышению их культурного и профессионального уровня, запросов, обострению чувства собственного достоинства, упрочению в их среде чисто пролетарской психологии и морали. Более остро стала ощущаться неудовлетворенность низкой заработной платой, продолжительным рабочим днем, отсутствием свободного времени для отдыха, учебы, плохими жилищными условиями, всевозможными притеснениями на предприятиях, существовавшим полицейским произволом. При этом абсолютное большинство рабочих сохраняло еще царистские иллюзии, надежду на «заступничество» царя[149].

Но для развитой, наиболее активной части рабочих были характерны открыто враждебные отношения к предпринимателям и местной администрации, осознание своих классовых интересов. Конфликты, столкновения с предпринимателями, фабричной инспекцией и, наконец, с полицией подрывали веру рабочей массы в возможность улучшить свое положение при содействии властей, правительства.

Ведущее место в развернувшемся с середины 90-х гг. массовом рабочем движении, наряду с рабочими Петербурга, принадлежало и рабочим Москвы. Наметившиеся еще в конце XIX в. сдвиги в психологии, культуре, поведении рабочих получили в начале нового столетия дальнейшее развитие и коснулись широкого круга пролетариев.

[149] *Кирьянов Ю.И.* Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. М., 1997. № 4. С.41–54.

XVII

НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ НА ФОНЕ ПЕРЕМЕН

1. ПОРА ОБНОВЛЕНИЯ. ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА

Политика в деле просвещения, проводившаяся правительством Николая I, обрекала Россию на все большее отставание от развитых стран Западной Европы. Крымская война показала неизбежность перемен. Реформы 60-х гг. готовились в обстановке общественной активности, что во многом предопределило их успех. Отличительные черты той эпохи – вера в науку и просвещение как залог общего благоденствия, стремление образованных людей дать знания народу, а народа – получить знания. В стране развернулось общественно-просветительное движение. С энтузиазмом и бескорыстием в него включились многие люди – от студентов и гимназистов до маститых писателей и ученых – таких, как Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, университетские профессора. Повсеместно основывались комитеты грамотности, всевозможные просветительные общества, воскресные школы для народа. Учащаяся молодежь объединялась в кружки. В них жадно читали и распространяли рукописную политическую литературу, недоступные ранее произведения русских и зарубежных мыслителей, литографировали издания Вольной русской типографии Герцена. В Московском университете этим занимался кружок П. Аргиропуло – П. Зайчневского.

Возросла просветительная роль периодической печати, расширилась ее информативность. Популяризация научных знаний, обсуждение проблем просвещения заняли в журналах и газетах одно из видных мест. В московской журналистике тон задавали люди науки и университетского образования. Они же нередко выступали инициаторами новых изданий.

При первых же признаках приближавшихся перемен Т. Н. Грановский и П. Н. Кудрявцев задумали выпуск «Исторического сборника», чтобы «содействовать успехам и распространению в нашем отечестве исторических знаний». Предполагалось печатать в нем статьи, переводы, рецензии не только по истории, но и географии, литературе, искусству. Но внезапная смерть Грановского помешала осуществлению этого замысла.

Из московской университетской среды вышел журнал «Русский вестник». Многие публикации журнала имели общеобразовательное значение: «Исторические письма» и «Рассказы из русской истории» С. М. Соловьева, «Письма об изучении политической экономии» Н. Х. Бунге, «Исторический метод в политической экономии» И. К. Бабста. В обзорных статьях освещалось состояние различных наук («Школы и стремления в современной медицине» А. П. Вальтера, «О современных задачах физиологии» С. А. Рачинского, «Взгляд на историю политических наук в Европе» Д. И. Каченовского). Помещались здесь и статьи по острым вопросам современности, очерки научной, политической, культурной жизни за рубежом (в виде писем из-за границы), рецензии. Профессорским по преимуществу был и отпочковавшийся от «Русского вестника» журнал «Атеней», в котором участвовали К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, С. В. Ешевский, И. К. Бабст, Г. Е. Щуровский, другие университетские ученые.

Активно выступал в печати М. П. Погодин. Московские профессора и литераторы сотрудничали в петербургских журналах («Отечественных записках», «Юридическом журнале», «Экономическом указателе»), в периодических изданиях, обслуживавших нужды промышленности. М. Я. Киттары редактировал газету «Промышленный листок». Ф. В. Чижов вместе с И. К. Бабстом издавал и редактировал журнал «Вестник промышленности» и еженедельную газету «Акционер».

Большое место в просветительной работе занимало ознакомление русской читающей публики с научной мыслью Запада. На рубеже 50–60-х гг. читатель, не владевший иностранными языками, получил возможность познакомиться с выдающимися произведениями западноевропейской литературы фактически по всем отраслям знаний. Большой размах получила переводческая деятельность. Журналы широко публиковали рефераты, рецензии, обзоры, знакомившие с трудами, открытиями, идеями западных мыслителей и ученых. Спрос на литературу такого рода оказался чрезвычайно велик.

Редкое периодическое издание не поднимало проблем просвещения. Разгорелись дискуссии о грамотности, воспитании, общем и специальном образовании, о классической и реальной системах обучения, об университетах, духовных учебных заведениях. Деятельно участвовали в них московские органы печати – от «Московского вестника» до «Ясной Поляны» Л. Н. Толстого. Просветительски настроенные авторы выступали против сословности дореформенной школы, бюрократического всевластия в управлении учебными заведениями, за открытие простора общественной и частной инициативе, за демократизацию образования. Особое значение придавалось общеобразовательной школе: ее призвание видели не только в том, чтобы дать учащимся определенную сумму знаний, но главное – развить их умственно и нравственно, воспитать в каждом человека. Порицали раннюю профессионализацию, практиковавшуюся в николаевское время. Соглашались в том, что специальному образованию должно предшествовать общее. Неприятие дореформенных школьных порядков было столь велико, что выливалось порой в прямое отрицание воспитательных функций учебных заведений: в Москве эту идею отстаивал Л. Н. Толстой, в Петербурге – Д. И. Писарев. Возражая сторонникам крайних взглядов, К. Д. Ушинский назвал такой подход педагогическим нигилизмом.

Многим казалось, что научное знание само по себе способно формировать нравственные качества людей: развивая любовь к истине, наука улучшает нравы. Прямолинейно рационалистический подход к проблемам морали невольно вел к недооценке нравственного воспитания. Справедливо предостерегавшие голоса вызывали негодование. Так произошло, например, с открытым письмом В. И. Даля к редактору «Русской беседы» (1856, № 3). Автор возражал против взгляда на грамотность как на панацею от всех бед. «Можно просветить человека в значительной степени без грамоты,– замечал он,– и может он с грамотой оставаться самым непросвещенным невеждой и невежей... да сверх того еще и негодяем, что также с истинным просвещением несогласно». Даль утверждал, что грамотность можно употребить во зло, если не позаботиться о нравственной надежности людей. Подобные предостережения настолько противоречили преобладавшим в обществе настроениям, что многие сочли автора солидарным с обскурантами. В «Современнике», «С.-Петербургских ведомостях» появились возмущенные отклики.

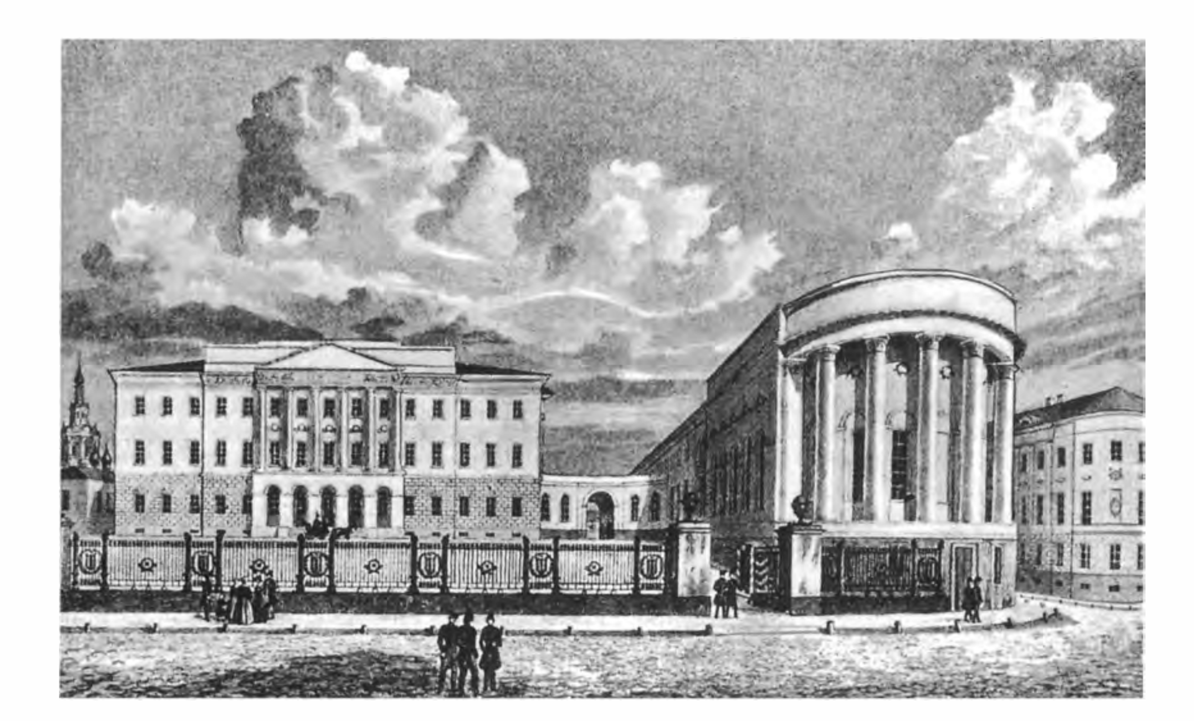
Важнейшей задачей учебных заведений шестидесятники считали развитие в учащихся умственной самостоятельности. За это ратовала и демократическая и либеральная печать, включая «Русский вестник» М. Н. Каткова. Первостепенная роль отводилась личности преподавателя. Хорошего школьного учителя называли «одной из главных опор государства»[1]. Выдвигалось требование усиления связи школы с жизнью. По общему убеждению, было необходимо укрепить учебные заведения материально, увеличив на них бюджетные ассигнования.

Возобновилась традиция чтения публичных лекций, прерванная политической реакцией конца 40-х – начала 50-х гг. Лекции читались в университете, Практической академии коммерческих наук, других местах. Многие из них собирали сотни слушателей. Тематика лекций была многообразной – история, словесность, политическая экономия, физика, механика, химия, медицина, география, история живописи, музыка...

Вслед за Киевом, Харьковом, Петербургом в Москве стали открываться воскресные школы для народа[2]. И здесь инициатива исходила от студентов. Хлопоты начались еще в 1859 г. Но положительного ответа пришлось долго дожидаться, первые школы начали действовать только с лета 1860 г. Их возглавил адъюнкт-профессор Московского университета Н. С. Тихонравов. К осени в Москве уже насчитывалось восемь воскресных школ, в том числе одна женская. Однако к тому времени правительство начало всячески теснить это общественное начинание. Недовольны были и те, кто не желал никаких новшеств. На работу школ посыпались жалобы, Тихонравова обвиняли в том, что он якобы воздействует на преподавателей-студентов в социалистическом духе. Вскоре после принятия правительством ограничительных правил о воскресных школах, Тихонравов в начале 1861 г. отказался от заведования ими. Его примеру последовали преподаватели-студенты. Их заменили приходскими и уездными учителями, далекими от новых идей, равнодушными к делу. Московские воскресные школы закрывались одна за другой. Тихонравов вместе с группой студентов попытался наладить препода-

[1] Московский вестник. 1859, № 25. С.305 (статья И.К.Бабста).

[2] *Драшусов А.* Бесплатные воскресные школы в Москве // Русский вестник. 1860. Июнь. Кн.2. С.350–354.

Новое здание Московского университета на Моховой улице. Архитектор Е. Тюрин. 1833–1836 гг.

вание в воскресной школе, устроенной в Спасских казармах. Предназначалась она для солдат, но посещалась большей частью мальчиками-мастеровыми. Однако и эта школа просуществовала недолго.

Хотя общественно-демократический подъем в стране уже в 1862 г. пошел на убыль, вдохновлявшие его участников просветительные идеи продолжали жить и явились источником многих плодотворных начинаний в последующие десятилетия.

2. МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕРЕД РЕФОРМОЙ

Первые, едва заметные признаки изменения правительственного курса обнаружились еще при жизни Николая I и были связаны с Московским университетом. В январе 1855 г. исполнялось сто лет со дня его основания. Неблаговоливший к нему царь на этот раз счел нужным выступить в роли покровителя просвещения и не стал мешать празднованию юбилея. Осенью того же года министр народного просвещения А. С. Норов заявил: «Наука, господа, всегда была для нас одною из главнейших потребностей,– но теперь она первая. Если враги наши имеют над нами перевес, то единственно силою своего образования. Итак, мы должны все наши силы устремить на это великое дело»[3]. В конце 1855 г. университетам разрешили принимать неограниченное число студентов, студентам-медикам позволили переходить на другие факультеты. Генерал-губернаторов отстранили от управления учебными округами. Попечителем Московского учебного округа стал сенатор Е. П. Ковалевский, в 1858 г. сменивший Норова на посту министра просвещения. Еще ранее был снят запрет на преподавание философии и государственного права иностранных держав. Университетские диспуты вновь открылись для посторонней публики. Тиски, в которых бились университеты в период политической реакции конца 40-х – начала 50-х гг., ослабели. Смягчился надзор администрации за преподавателями и учащимися. В Ученом комитете Главного правления училищ начался пересмотр уставов учебных заведений.

Впрочем, положение в них начало меняться задолго до принятия новых законов. Преподавание в университете наполнялось новым содержанием, в него вливалась свежая струя, сужалась область запретного, расширилась тематика лекций, возросла их познавательная ценность. Особенно заметные перемены произошли на гуманитарных факультетах. Теряла свое преобладающее место классическая филология, усиленно насаждавшаяся при С. С. Уварове. На первый план выдвинулись общественные науки, наиболее тесно связанные с современностью – история, политическая экономия, правоведение. Все большее внимание обращалось на теоретическую сторону этих предметов, на новейшие взгляды и течения – то, что совсем недавно старательно устранялось властями из преподавания. С университетских кафедр произносились речи, еще несколько лет назад невозможные и недопустимые. Недавно господствовавшие в преподавании идеи официальной народ-

[3] *Никитенко А.В.* Дневник.: В 3-х т. Т.1. М., 1955. С.420.

ности воспринимались теперь как отживший анахронизм.

Деканом историко-филологического факультета университета стал Т. Н. Грановский, сменивший С. П. Шевырева. Юридическое образование утрачивало навязанный ему догматический характер. В преддверии судебной реформы стало невозможно поносить буржуазные начала законности – суд присяжных, гласность судебного процесса и проч. Декан факультета, профессор С. И. Баршев, еще недавно громивший с кафедры все эти «мерзости», теперь вынужден был ставить единицы студентам, отвечавшим на экзамене по записям его прежних лекций (с грустью замечая: «нынче так не думают»).

Шло интенсивное обновление профессорско-преподавательского состава. Умерли К. Ф. Рулье, Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев. Кое-кого забаллотировали при перевыборах, некоторых заставили уйти студенты. Несколько человек (экономист И. В. Вернадский, физиолог И. Т. Глебов) переехали в Петербург. В университете появились новые лица, большей частью молодые.

На вакантную кафедру политэкономии был приглашен И. К. Бабст, преподававший до того в Казанском университете и прославившийся произнесенной там в 1856 г. речью «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала». В ней говорилось о недостатках и упущениях, вскрытых Крымской войной, о наличии «везде, где только существует общество», двух партий: «приверженцев старины и рутины... и партии прогресса, сознающей необходимость реформы». Профессор выступил против отживших форм и учреждений, против стеснений, опутавших промышленность, за «полное обеспечение труда и собственности». Речь произвела фурор своей смелостью и непривычностью выраженных в ней мыслей. Ее издали отдельной брошюрой сначала в Казани, потом в Москве. А на следующий год ее автор уже преподавал в Московском университете.

Кафедру энциклопедии права и российских государственных законов занял в 1861 г. один из корифеев отечественного либерализма, блестяще образованный, высокоталантливый Б. Н. Чичерин. Помимо основного курса, он читал спецкурс по истории политических учений – одно из новшеств того времени. Курс иностранных законодательств вел его приятель Ф. М. Дмитриев (сын писателя).

Всеобщую историю теперь преподавали молодые ученые С. В. Ешевский и Г. В. Вызинский. Освободившаяся после Шевырева кафедра русской словесности[4] перешла к Ф. И. Буслаеву – восходящей звезде филологической науки в России. В конце 50-х – начале 60-х гг. вышли в свет его капитальные труды – «Опыт исторической грамматики русского языка», «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков», «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». В 1859 г. лекции по русской словесности начал читать молодой Н. С. Тихонравов. Он разделял позиции культурно-исторической школы: эстетическую критику литературных произведений считал недостаточной, видя в них прежде всего выражение общественного сознания определенной эпохи. Особый интерес Тихонравов проявлял к народному литературному творчеству.

После многолетнего вынужденного перерыва возобновилось преподавание философии. Но университеты испытывали понятные затруднения с замещением вакансий. Московский университет вышел из положения скорее других, пригласив на кафедру философии профессора Киевской духовной академии П. Д. Юркевича, привлекшего внимание своей полемикой с Н. Г. Чернышевским[5]. Полемика вызвала большой интерес читающей публики, особенно после того, как М. Н. Катков перепечатал в «Русском вестнике» обширные извлечения из статьи Юркевича. В письмах к другу юный В. О. Ключевский с похвалой отозвался о лекциях нового профессора философии[6].

Большое впечатление на студентов произвел на первых порах молодой профессор богословия Н. А. Сергиевский, преподававший до того в Московской духовной академии. Сергиевский пытался «помирить» науку с религией, отстаивал свободу высказывания разных взглядов. В своем журнале «Православное обозрение» он не поддержал Юркевича в споре с Чернышевским, уклонившись от полемики. О чуждом ему по направлению «Современнике» редактор журнала отзывался примирительно. В лекциях Сергиевский не чуждался рассмотрения острых проблем. По воспоминаниям И. И. Янжула, учившегося в 60-е гг. в Московском университете, «сегодня он воевал, например, с Шопенгауэром или Фихте, завтра с Дарвином или Геккелем, послезавтра с Бюхнером и Фейербахом и затем с выходками «Современника» или «Русского слова» и т.д. и пр.»[7]

На естественном отделении физико-математического факультета на смену зоологу К. Ф. Рулье пришли его ученики – А. П. Богданов, С. А. Усов, Я. А. Борзенков. Последний уже вскоре после выхода в Англии книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» стал знакомить с ней на лекциях студентов. Первым переводчиком знаменитого труда Дарвина на русский язык явился профессор ботаники С. А. Рачинский. Рулье и его ученики способствовали быстрому восприятию эволюционной теории Дарвина в России. Физику с середины 50-х гг. препо-

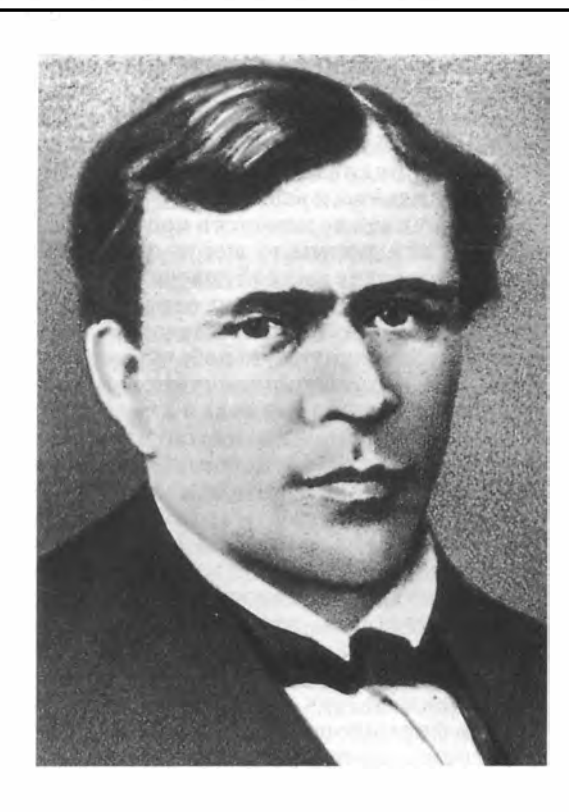
[4] Шевырев был вынужден оставить кафедру в 1857 г. после драки в клубе с графом Бобринским, которого он обвинял в недостатке патриотизма.

[5] *Чернышевский Н.Г.* Антропологический принцип в философии // Полн. собр. соч. Т.7. М., 1950; *Юркевич П.Д.* Из науки о человеческом духе // *Юркевич П.Д.* Философские произведения. М., 1990.

[6] *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.72–73.

[7] *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып.1. СПб., 1910. С.33.

давал Н. А. Любимов, дельный специалист, автор фундаментальной «Истории физики». Единомышленник и сотрудник М. Н. Каткова, он принес, однако, в дальнейшем немало вреда науке и университетскому преподаванию, став одним из самых рьяных сторонников контрреформы 80-х гг. В 60-х гг. началась научно-преподавательская деятельность на факультете крупного астронома Ф. А. Бредихина – создателя теории комет и происхождения метеоров. Из Казанского университета перешел в Московский химик-технолог М. Я. Киттары, развернувший здесь огромную работу. Он основал кафедру технологии с лабораторией, Промышленный музей, неустанно популяризировал в публичных лекциях и в печати применение научных достижений в разных производствах и в домашнем хозяйстве. Позднее на факультете по его инициативе было создано особое отделение технических наук.

М. Я. Киттары

Большие перемены произошли в жизни студенчества. После снятия ограничений стала быстро расти его численность. В 1853 г. в Московском университете училось 975 студентов, в 1856 г.– уже 1456, в 1858 г.– 1760 человек. Фактически учащихся было больше, поскольку приведенные данные не включали так называемых «сторонних слушателей», а их имелось немало (в 1857 г.– 164, в 1861 г.– 512 человек). Самым многочисленным оказался медицинский факультет. Так, в 1854 г. на нем училось 707 студентов, в то время как на историко-филологическом 50, на физико-математическом 111, на юридическом 193. Такой разрыв объяснялся потребностью во врачах, а еще более тем, что на медиков не распространялись ограничения в приеме. Медицинский факультет можно считать самым демократичным по социальному составу студентов. Второе место по численности занимал юридический факультет, куда стремились поступить готовившиеся к государственной службе. Назревавшее преобразование судебной системы способствовало притоку сюда молодежи. В начале 60-х гг. факультет по числу студентов выдвинулся на первое место, оттеснив медиков. Историко-филологический факультет отличался, напротив, малочисленностью. В 1862 г. на медицинском факультете Московского университета обучалось 582 человека, на юридическом – 675, на физико-математическом – 405, на историко-филологическом – 82.

С середины 50-х гг. в среде студентов увеличилась доля разночинцев. Для незнатного и небогатого юноши университетский диплом открывал дорогу в жизнь. Обнаруживалась все более острая нужда в знающих людях. И разночинцы потянулись к высшему образованию. В 1860 г. в Московском университете из 1653 студентов более 1060 освобождались от платы за обучение по бедности. Крайняя скудость материальных средств была уделом многих студентов. Некоторые из них приходили в университет за сотни верст пешком. Здесь их часто ждала полуголодная жизнь, неустроенный быт. Профессор М. Н. Капустин отмечал наличие среди московских студентов самой неприглядной нищеты. «Поверите ли,– писал он Погодину,– что есть буквально умирающие в голоду, есть студенты в лохмотьях и проч.».

Возросшая количественно, возбужденная происходящим, принявшая в себя сильную разночинскую струю, учащаяся молодежь стала во многом иной. Чувство собственного достоинства, боевой дух, напористость давали о себе знать во всем – в отношениях с профессорами и университетским начальством, в поведении внутри и вне университета. Кризис правительственной политики сопровождался ослаблением надзора за студентами. Запреты постепенно теряли силу. Облик студенчества быстро менялся. «Форма была та же, но одеты были в эту форму точно другие люди; так непохожи были студенты 1860-х годов на студентов 1840-х годов»[8],– замечал инспектор Московского университета (и его выпускник) П. Д. Шестаков. Сильно различались даже студенты разных курсов: новички, вступавшие в жизнь в обстановке демократического подъема, оказывались самостоятельнее своих старших товарищей.

Происходившее в стране умственное движение захватило молодое поколение.

[8] *Шестаков П. Д.* Студенческие волнения в Москве в 1861 г. // Русская старина. 1888. № 10. С.203.

В студенческой среде пробуждался серьезный интерес к науке. Помимо обязательных лекций, учащаяся молодежь посещала публичные, черпала знания из книг и периодики. Появилась возможность сравнения и выбора. Переписывание и заучивание наизусть профессорских лекций уступало место самостоятельной работе с книгой, пассивное восприятие – критическому осмыслению услышанного и прочитанного. Юноши втягивались в научную работу, переводили и издавали лучшие сочинения иностранных авторов, затевали литературно-научные предприятия, сотрудничали в журналах. Московские студенты задумали издавать «Библиотеку естественных и математических наук». В 1859–1860 гг. вышло 12 выпусков этого труда, состоявшего из переводов избранной западноевропейской литературы. Случалось, что в аудитории, во время занятий, а то и на страницах печати студенты вступали в спор с профессорами.

На формирование взглядов молодежи огромное влияние оказывала демократическая журналистика. «Можно без преувеличения сказать, – утверждал профессор А. В. Никитенко, – что настоящее молодое поколение большею частию воспитывается на идеях «Колокола» и «Современника» и завершает свое воспитание на идеях «Русского слова»[9].

Годы общественного подъема ознаменованы многочисленными студенческими «историями» – столкновениями студентов то с полицией, то с военными чинами, то с университетским начальством, то с преподавателями. Росло неповиновение властям. Студенты открыто выступали против тех распоряжений, которые считали незаконными. Они добивались самоуправления, права голоса в университетских делах, перемен в общем строе университетской жизни, отмены обязательного посещения лекций, свободы обучения[10].

Действенным средством борьбы за эти требования стали студенческие сходки – орган общественного мнения студенчества. В Московском университете они впервые начали собираться осенью 1857 г. Раз начавшись, сходки уже не прекращались и прочно вошли в студенческий быт. Царское правительство отказывалось узаконить новые формы жизни студенчества. Но и запретить пока не решалось. Наряду со сходками появились другие новые формы общения – курительные и читальные комнаты, общественные студенческие библиотеки, кассы взаимопомощи. Эти кассы явились важными органами студенческого самоуправления. Они развернули энергичную деятельность по сбору денежных пожертвований, организации публичных лекций, концертов, спектаклей, литературных вечеров, доход от которых предназначался для помощи «недостаточным студентам».

Поведение студенчества беспокоило правящую верхушку. Создавались специальные комиссии для выработки мер усмирения, устанавливались разные ограничения и запреты. Пробовали усилить строгость при вступительных экзаменах. Ничто не помогало. Весной 1861 г. вопрос об университетах трижды обсуждался в Совете министров. Высочайшим повелением «О некоторых преобразованиях в университетах» 30 мая 1861 г. и циркуляром нового министра просвещения графа Е. В. Путятина от 21 июля того же года в университетах вводились новые правила. Студенческие сходки и объяснения с начальством посредством депутатов и «сборищем» категорически запрещались. Распорядители студенческих касс взаимопомощи, библиотек, читален заменялись лицами, назначенными начальством. Право распоряжения студенческой кассой взаимопомощи переходило к инспектору и ректору. Запрещалось освобождать от платы за обучение более двух студентов от каждой губернии данного учебного округа. Тем самым двери университетов закрывались перед массой жаждущих образования. Одновременно предусматривались меры, ограничивавшие преподавание. На таких началах власти намеревались реформировать университеты. Подобные намерения в корне противоречили интересам просвещения и общественным настроениям тех лет. Образованная часть общества негодовала. Почти во всех университетах России вспыхнули студенческие волнения. Особенно бурными они оказались в Петербурге и Москве.

3. МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ[11]

Правительству пришлось срочно менять ориентацию в университетском вопросе. На этот раз оно твердо взяло курс на реформу, в которой нуждались университеты. В ноябре 1861 г. была создана комиссия для выработки нового университетского устава. К концу года она уже представила свой проект. Министру Е. В. Путятину пришлось уйти в отставку. Его место занял убежденный сторонник реформы А. В. Головнин (сын известного флотоводца). Идя навстречу общественному мнению, новый управляющий Министерством привлек к сотрудничеству либеральных реформаторов из среды университетской профессуры. Выработанный при их участии проект Ученого комитета Главного правления училищ отразил позицию просветительски настроенных кругов. В центре

[9] *Никитенко А.В.* Моя повесть о себе самом и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804–1877). Т.2. СПб., 1905. С.55.

[10] *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на рубеже двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. (Гл.3).

[11] История Московского университета.: В 2-х т. Т.1. М., 1955; Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы. 60-е гг. XIX в. М., 1993.

его находилась идея университетской автономии (самоуправления), которая должна была прийти на смену всевластию правительственных чиновников – попечителей учебных округов. Однако последующие инстанции существенно ограничили нововведения Ученого комитета.

18 июня 1863 г. Александр II утвердил новый университетский устав, который стал законом. Его действие распространялось на все пять русских университетов, включая Московский. Идея самоуправления оказалась в уставе значительно урезанной. Попечитель сохранил немалую власть над университетом. Наиболее важные вопросы университетской жизни не могли решаться без санкции его или министра. Но все же чиновничья опека над наукой была ослаблена. Непосредственное управление университетом поручалось выборному ректору. Расширялись полномочия коллегиальных и выборных органов – университетского совета и факультетских собраний. Им передавались все научные, учебные и многие административные дела. Совет признавался составной частью управления университетом. Его решения по многим вопросам (присуждение ученых степеней и проч.) считались окончательными. В расширении прав профессуры составители устава видели надежный способ поднять научную и учебную работу в университете.

Ту же цель преследовало значительное усиление денежных средств университетов по новым штатам. Бюджетные ассигнования на Московский университет возрастали с 305 177 до 412 119 руб., т.е. примерно на 107 тыс. руб.[12] Появилась возможность увеличить количество кафедр на всех факультетах, расширить материально-техническую базу. Средств на нее для Московского университета выделялось в два раза больше. Предусматривался рост численности профессоров и преподавателей. Улучшалось их материальное обеспечение: денежные оклады повышались почти вдвое. Менялось и правовое положение преподавателей. Новый закон ставил их в более независимое отношение к администрации, повышал в чинах, укреплял авторитет и влияние. Престижность звания профессора возросла, что должно было привлечь в университеты многих способных людей. Предусматривались меры с целью усиления притока на кафедры свежих сил.

Однако правительство не упускало из виду и свою цель использовать новый устав для предотвращения в будущем студенческих волнений. Но действовать открыто оно не решалось. Поэтому в законе наиболее острые вопросы были обойдены, а постановления по ним перенесены в негласный циркуляр попечителям учебных округов. Циркуляр требовал указать в правилах для учащихся, что «студенты считаются отдельными посетителями университета, а потому не должно быть допускаемо никакое действие их, носящее на себе характер корпоративный». Студенческие сходки категорически запрещались. Такая же участь постигла студенческие библиотеки, читальни, кассы взаимопомощи, выбор депутатов, подачу студентами коллективных прошений, устройство концертов и театральных представлений. Курительные комнаты, которые нередко служили местом сходок и где вывешивались прокламации, предлагалось немедленно закрыть. В правила об обязанностях учащихся рекомендовалось включить пункт, запрещавший студентам выражать одобрение или порицание лекторам. Правила о приеме студентов и слушателей должны были содержать запрещение женщинам посещать университетские лекции, а также постановление, затруднявшее доступ в университет посторонним слушателям. Как видно, циркуляр во многом повторял реакционные правила 1861 г., но на этот раз они вводились от имени «самоуправляющихся» университетских советов. Правда, обязательную плату за обучение правительство ввести не решилось, хотя освобождение от нее ставилось в зависимость от поведения студентов. Правила, принятые советом Московского университета, исправно воспроизвели все эти предписания министерства.

В результате преобразования научное значение университета заметно усилилось. Ослабление бюрократического влияния, расширение прав университетского совета, упрочение финансового положения пошло науке на пользу. Увеличение бюджетных ассигнований позволило создать новые лаборатории, клиники, музеи, научные кабинеты. Для сложных исследований уже не было необходимости искать пристанища в лабораториях зарубежных ученых. Благотворно отразилось на научной и преподавательской работе новое кадровое пополнение. Оживилась деятельность научных обществ при университете, появилось немало новых.

Благоприятно повлияла реформа и на преподавание. Учебный процесс дифференцировался, обогатился новыми формами. Усилилась специализация. Создание новых лабораторий и клиник создало небывалые раньше возможности для подготовки студентов-естественников. На гуманитарных факультетах, где прежде почти все обучение сводилось к чтению лекций, в повседневный обиход вошли семинарские занятия.

Все эти новшества претворялись в жизнь постепенно и с немалыми трудностями. Далеко не сразу после введения нового устава казна начала отпускать средства по новым штатам. Только

[12] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Изд.2-е. Т.3. СПб., 1876. Стб.1103; прил. С.30.

на наличный профессорско-преподавательский состав выплата дополнительных ассигнований стала поступать сразу. На замещение новых кафедр и другие расходы получить обещанные средства долго не удавалось, денег остро не хватало. Устройство каждой новой лаборатории, клиники, музея стоило больших усилий.

Так называемое самоуправление также оказалось весьма относительным. Университет продолжал испытывать весьма ощутимое бюрократическое воздействие. Как уже отмечалось, основные принципы правил для учащихся, составление которых новый устав поручал университетским советам, на деле были определены министерством и сообщены попечителям в циркуляре по поводу введения устава. Комплектование профессорско-преподавательского состава попрежнему во многом зависело от попечителя и министра, нередко исходивших при этом из соображений отнюдь не научного свойства. Случались увольнения преподавателей по подозрению в политической неблагонадежности. Либерально настроенные профессора болезненно воспринимали те действия властей, которые считали беззаконными. В 1866 г. произошел конфликт между группой профессоров Московского университета и Министерством просвещения, в результате которого несколько видных ученых (Б. Н. Чичерин, М. Н. Капустин, С. А. Рачинский, Ф. М. Дмитриев) в знак протеста оставили преподавание. Склонность к независимой позиции, тяга профессуры к самостоятельности, попытки отстаивать свои права казались правительству непозволительным своевольством, обостряли его неприязненное отношение к уставу 1863 г. Предпринимались и прямые отступления от устава.

Расчет властей на прекращение студенческих волнений не оправдался. Запрещение студенческих организаций и сходок, напротив, приводило к усилению оппозиционных настроений среди учащейся молодежи. Студенчество превращалось в основного поставщика революционных кадров.

В условиях спада демократического движения и укрепления своих позиций царское правительство почувствовало себя в силе отобрать у университетов уступки, на которые ему пришлось пойти в начале 60-х гг. Покушение Д. В. Каракозова на царя в 1866 г. явилось последним толчком к отказу от либерального курса. А. В. Головнин был смещен со своего поста, министром стал противник его политики граф Д. А. Толстой. Началась подготовка контрреформы. Ее вдохновителем явился М. Н. Катков. С нападками на университеты и устав 1863 г. выступил со статьей в «Русском вестнике» его единомышленник и сотрудник профессор Н. А. Любимов. 35 профессоров Московского университета направили Любимову коллективное письмо, в котором говорилось о «нравственной брезгливости», вызванной у них его поступком, и разрыве с ним личных отношений. Министр Толстой сделал замечание совету Московского университета и потребовал объяснений от ректора С. М. Соловьева. Тот вышел в отставку. Полемику в печати по поводу пересмотра университетского устава запретили. К концу 70-х гг. комиссия под руководством И. Д. Делянова разработала проект нового устава университетов, и Д. А. Толстой представил его в Государственный совет. Однако обстановка в стране не позволила тогда довести дело до конца.

Цареубийство 1 марта 1881 г. побудило нового самодержца Александра III взять курс на укрепление самодержавия и отказ от реформ 60-х гг. Судьба университетов была решена. Министром стал И. Д. Делянов. В 1884 г. университеты получили новый устав. Царь утвердил его вопреки мнению большинства членов Государственного совета. Суть устава сводилась к отрицанию принципа университетской автономии и восстановлению во всей силе бюрократических порядков. Централизация управления усилилась до предела. Утверждению министра подлежали теперь даже учебные планы и программы преподавания с распределением занятий по дням и часам. Министр получил возможность назначать профессоров, не считаясь с мнением университетского совета, который оказался урезан в правах и утратил прежнее значение. Отныне университет мог обращаться в министерство только через попечителя. Ректор и деканы перестали быть выборными. Экзамены отделялись от преподавания. Для их проведения министерством назначались особые комиссии. Введение системы гонорара, за которую ратовал М. Н. Катков, на практике привело к негативным последствиям, конкуренция же между преподавателями одного предмета оказалась фикцией[13]. Должность штатных доцентов упразднялась, но стала шире практиковаться приват-доцентура, что являлось фактом положительным. Из ученых степеней осталось две: магистра и доктора. Как и прежде, ординарным профессором мог стать только доктор. Но известным своими трудами ученым эту степень разрешалось присваивать без защиты диссертации. За магистерскую диссертацию высокого научного достоинства университет получил право возводить магистранта сразу в степень доктора (если соглашался министр). Оба постановления были целесообразны, и Московский университет не раз ими пользовался. Центр тяжести в решении учебных и научных дел переносился из совета в факультеты, что явилось есте-

[13] *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976. С.156–159. Система гонорара предполагала внесение платы студентами в пользу того преподавателя, лекции которого они слушали.

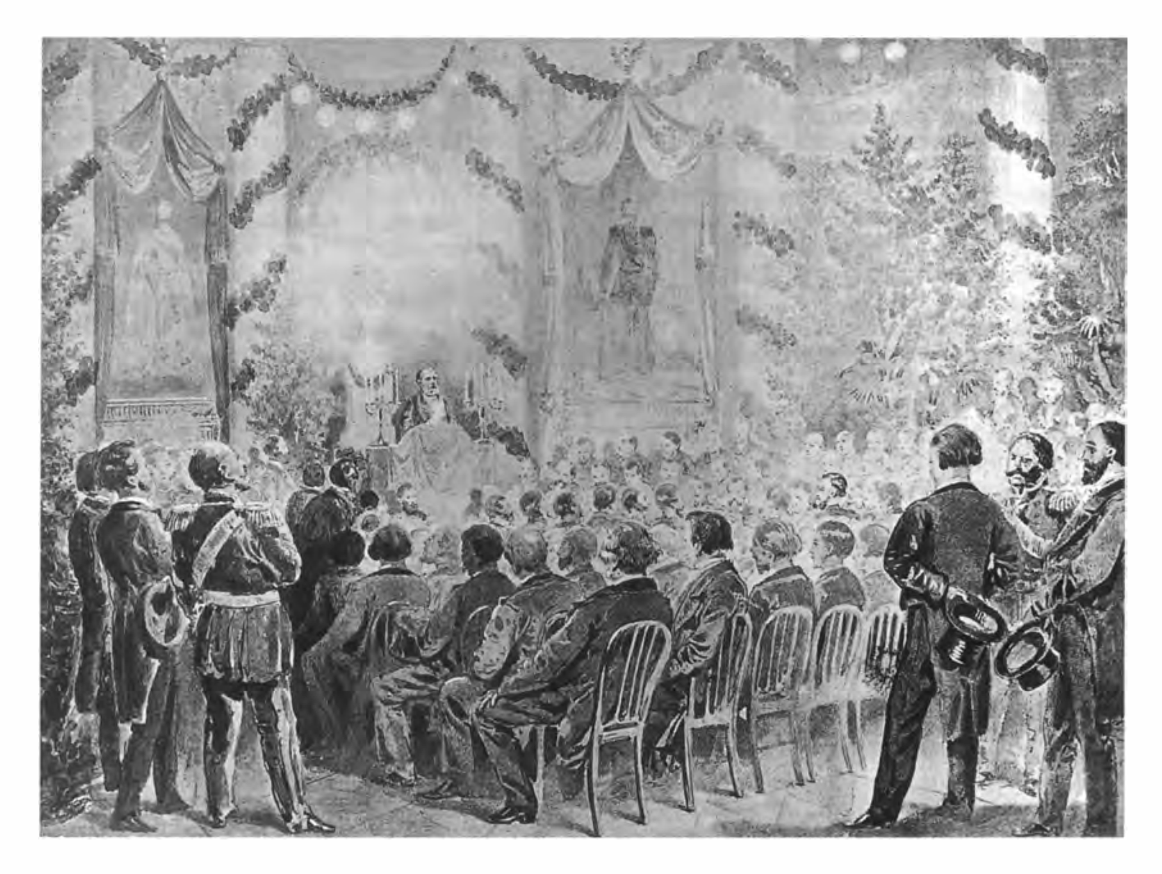
ственным следствием растущей дифференциации наук. По сравнению со штатами 1863 г. бюджетные ассигнования на университет возросли, хотя денег попрежнему не хватало.

В целом положение университетов ухудшилось. Вмешательство министерских чиновников в их повседневную деятельность, внедрение иерархической подчиненности, мелочной регламентации, формализма и прочих чуждых науке атрибутов, полицейский характер надзора за преподавателями и студентами – все это отрицательно сказывалось на научной работе и преподавании. Однако контрреформа не смогла полностью низвести на нет то положительное, что вошло в жизнь университетов в период общественно-демократического подъема и действия университетского устава 1863 г.

Вторая половина XIX в. – пора мощного подъема университетской науки. Перемены в стране, либерализация политического режима в годы демократического подъема и последовавшие затем реформы содействовали этому. Лучшие ученые старшего поколения смогли полнее проявить себя. Эпоха 60-х гг. с ее культом науки и просвещения привлекла в университеты немало талантливых людей, выдвинув плеяду крупных ученых в разных областях знаний. Многие из них только вступали тогда на путь научной деятельности или еще учились, формируясь под влиянием просветительских идей. Их деятельность развернулась уже в следующие десятилетия. Справедливо отмечалось: посеянное в 60-х гг. позже дало богатую жатву.

Подлинный расцвет переживали гуманитарные науки и прежде всего история[14]. В полную силу развернулась деятельность Сергея Михайловича Соловьева. С начала 50-х гг. с удивительной пунктуальностью выпускал он ежегодно по тому своей «Истории России с древнейших времен», подготовив за свою жизнь более 30-ти томов. Отечественную историю Соловьев разрабатывал по неизученным архивным источникам. Ученый создал свою концепцию русского исторического процесса. По словам его ученика В. О. Ключевского, Соловьев «будил и складывал историческое мышление». В его лекциях и печатных трудах главенствовали идеи исторической закономерности и общественного прогресса. Любимым рефреном Соловьева были слова: «естественно и необходимо». Не менее настойчиво проводился нравственный комментарий: профессор подчеркивал, что общество может существовать «только при условии жертвы, когда члены его сознают обязанность жертвовать частным интересом интересу общему», что европейское качество «состоит в перевесе сил нравственных над материальными, что величие Древней Руси заключалось в сознании своих несовершенств, в сбереженной ею способности не мириться со злом, в искреннем и горячем желании выхода в положение лучшее посредством просвещения».

[14] *Дмитриев С.С.* Историческая наука в Московском университете в 60–90-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. 1954. № 7. Серия обществ. наук. Вып.3. С.95–116.

С.М. Соловьев выступает на юбилейном заседании в Московском университете в честь 200-летия Петра I. 30 мая 1872 г.

В. О. Ключевский. Гравюра В. Матэ. Конец XIX в.

Несколько лет Соловьев был деканом историко-филологического факультета, а с 1870 г.– ректором университета. Его «Учебная книга русской истории», выдержавшая до революции 15 изданий, сменилаустаревшие учебники И. К. Кайданова и Н. Г. Устрялова.

На кафедре С. М. Соловьева сменил Василий Осипович Ключевский – даровитейший исследователь и непревзойденный лектор[15]. По яркости и образности исторических характеристик с ним мало кто мог сравниться. Перу Ключевского принадлежат капитальные труды – «Жития святых как исторический источник», «Боярская дума». Но славу ученого составил его «Курс русской истории», изданный позже в пяти томах и многократно переиздававшийся. Лекции Ключевского пользовались неизменным успехом: «набиралось народу видимо-невидимо». Студенты отзывались о них восторженно. «Лекции Ключевского были замечательны не только содержанием, но и тем, как В[асилий] О[сипович] их читал,– вспоминал историк Ю. В. Готье,– ... это была необыкновенно живая речь, красота которой возвышалась и своеобразным красивым слогом и богатством русской речи, и исключительно живой интонацией... Казалось, что он, говоря о деятелях и явлениях русской истории, рассказывает о лицах и событиях, им лично виденных. И Ивана Калиту, и какого-нибудь мелкого удельного князя, и царя Ивана, и Алексея Михайловича, и Петра, и далее всех, включительно Екатерину II, он, казалось, видел и знал»[16]. Отмечали тонкое остроумие и иронию лектора, его удивительное свойство передавать слушателям живое впечатление о Древней Руси[17]. Помимо общего курса, Ключевский читал специальные – по методологии, исторической терминологии, истории сословий в России, историографии, источниковедению. Вел он и семинарий по «Русской правде» – памятнику древнего права в нашем отечестве.

Подстать таким корифеям, как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, были молодые приват-доценты 80–90-х гг.– П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, М. К. Любавский, Н. А. Рожков, М. М. Богословский, М. В. Довнар-Запольский.

Всеобщую историю с 1868 г. преподавал Владимир Иванович Герье – человек, в некоторых отношениях замечательный. Первым в России он занялся исследованием новой истории стран Западной Европы (особенно интересовался Герье французской революцией XVIII в. и идеей народовластия во Франции). Раньше других ввел он в учебный процесс систематические семинарские занятия студентов с изучением исторических источников. Знаменательной вехой в истории женского образования в России явились организованные им Высшие женские курсы. Несмотря на свои достоинства, Герье не пользовался популярностью у студентов. Ему мешала монотонная манера чтения лекций, нелегкий характер, язвительность. Общественно-политическую позицию Герье можно определить как либерально-консервативную. Со временем консервативные элементы в его мировоззрении нарастали.

Кумиром учащейся молодежи был ученик Герье Павел Григорьевич Виноградов, выдающийся ученый и блестящий лектор, исследователь феодализма, особенно социально-экономической истории английского средневековья. Преподавать в университете Виноградов начал в конце 70-х годов. Его лекции и семинарии по истории Древней Греции и средним векам предпочитались всем прочим. По свидетельству участника этих семинариев, «рефераты там не читались. Студенты не принимали участия в обсуждении тем»; ценность виноградовских семинариев заключалась в приобщении студентов к самостоятельной работе и в интереснейших выступлениях профессора по теме каждого реферата. Под руководством Виноградова образовался научный студенческий кружок, где с увлечением занимались студенты, склонные к серьезным занятиям наукой.

[15] *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974.

[16] Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С.584,564–565.

[17] Там же. С.598.

В течение года (1878/79) курс по истории XIX в. читал Н. И. Кареев (в качестве стороннего преподавателя). Однако осложнившиеся отношения с Герье заставили его отказаться от надежды на кафедру в Московском университете.

Незаурядными чертами отмечена деятельность профессора М. С. Корелина – крестьянского сына, прошедшего нелегкую жизненную школу. За книгу о раннем итальянском гуманизме (его магистерскую диссертацию) он получил в начале 90-х гг. ученую степень доктора наук. Это был капитальный труд – плод многолетней работы в библиотеках и архивах Италии, Франции, Германии, Англии. Особенно интересовался Корелин историей общественной мысли и культуры, влиянием идей на судьбы человечества. По словам близко его знавшего В. О. Ключевского, в «умственном и нравственном богатырстве видел он основную пружину исторического прогресса». Главные надежды Корелин возлагал на науку и просвещение как единственное надежное средство улучшения жизни народных масс. Историк-оптимист, он в то же время подчеркивал, что лучшее будущее не придет само собой, а может явиться лишь плодом собственных усилий людей. Отсюда – его требовательность, неудовлетворенность окружающими и самим собой, прямота в суждениях и оценках. В университете Корелин читал лекции по истории древнего Востока и новейшей истории Западной Европы, вел семинарские занятия по древнему Востоку и средневековью. По свидетельству его друга Н. И. Кареева, Корелин разделял радикальные идеи как в отношении религии, так и политики[18].

Из молодых ученых на кафедре всеобщей истории выделялся приятель М. С. Корелина приват-доцент Р. Ю. Виппер. Представленная им в 1894 г. магистерская диссертация «Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма» была признана докторской и получила большую премию имени С. М. Соловьева. Студенты отзывались о нем как о превосходном лекторе. «Ясность, отчетливость и точность составляли основные его качества,– вспоминал В. И. Пичета.– Его аудитория была полной … он стал любимцем студентов». Лекции Виппера характеризовались богатством фактического материала, наводили на размышления. В освещении фактов молодой ученый заметно отличался от Герье и других историков, делая упор на «борьбе классов с приматом экономики»[19].

На кафедре русской литературы продолжал работать академик Федор Иванович Буслаев. Ученый-филолог А. И. Кирпичников, слушавший его лекции в студенческие годы, назвал Буслаева «идеальным профессором 60-х годов», как нельзя более отвечавшим задачам своего времени. В. О. Ключевский (тоже в прошлом его слушатель) подчеркивал, что в изучении русского языка Буслаев явился во многом первооткрывателем, и студенты нередко раньше читающей публики знакомились с результатами его исследований. История литературы получила у Буслаева «новый, научный склад и характер»: ученый глубоко исследовал народные истоки древнерусской письменности, неразрывную связь языка с народным бытом и мышлением – обычаями, нравами, преданиями, поверьями.

С 1859 г. историю русской литературы начал преподавать Н. С. Тихонравов. Подобно Шевыреву и Буслаеву, он сосредоточил внимание на древнерусской письменности, заметно продвинув ее исследование. В издававшихся им «Летописях русской литературы и древности» впервые напечатан ряд выдающихся памятников древнерусской письменности – «Житие протопопа Аввакума», повести о Савве Грудцыне, Еруслане Лазаревиче, Шемякином суде[20]. Научные интересы Тихонравова были широки, не ограничиваясь древним периодом и охватывая весь русский историко-литературный процесс. Ученый опубликовал десятки драматических произведений XVII–XVIII вв. Оригинальные мысли высказал он о Н. И. Новикове и писателях его круга, о Д. И. Фонвизине, Н. М. Карамзине, В. А. Жуковском. Он подготовил научное издание сочинений Н. В. Гоголя. Тихонравова неоднократно избирали деканом факультета, дважды – ректором университета.

Кафедру западноевропейской литературы возглавил в 1872 г. Н. И. Стороженко – глубокий знаток творчества У. Шекспира, избранный вице-президентом лондонского Нового шекспировского общества. Подобно другим ведущим литературоведам того времени, Стороженко разделял идеи культурно-исторической школы. На той же кафедре трудился А. Н. Веселовский, автор известной в свое время книги «Западное влияние в новой русской литературе» (1882).

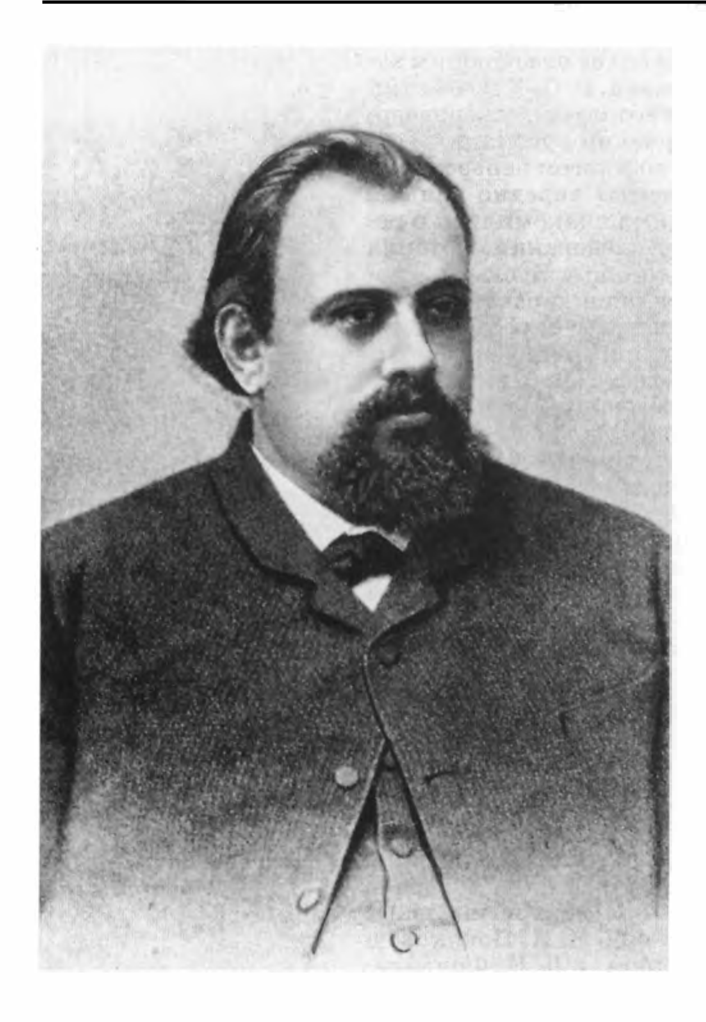
Выдающееся значение приобрели труды по языкознанию Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша, В. Ф. Миллера. В Московском университете началась научная и преподавательская деятельность А. А. Шахматова.

Яркими именами блистал в 70–90-х гг. юридический факультет. Сергей Андреевич Муромцев (впоследствии – один из главных деятелей кадетской партии, председатель I Государственной думы) преподавал римское право, связывая его с социально-экономическими процессами, такой подход был в то время новаторским. В лекциях и в печатных трудах Муромцев пропагандировал

[18] *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.137.

[19] Московский университет в воспоминаниях современников. С.591.

[20] Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С.150.

М. М. Ковалевский

Вл. Соловьев

идеи правового государства. В середине 80-х гг. царские власти уволили его без объяснения причин – как человека политически неблагонадежного. Лишь через много лет он смог снова вернуться к преподаванию.

Заметной фигурой в профессорской среде был правовед, социолог, историк, этнограф Максим Максимович Ковалевский, преподававший государственное право, сравнительную историю права, историю иностранных законодательств. Его лекции пользовались большим успехом среди учащейся молодежи. Особенно известны исследования Ковалевского по истории и праву западноевропейских стран в средние века и новое время, а также по обычному праву. Ученый был знаком с К. Марксом и переписывался с ним (не разделяя, впрочем, его взглядов). В какой-то мере под влиянием Маркса Ковалевский заинтересовался социально-экономическими процессами в странах Западной Европы[21]. Данными Ковалевского воспользовался Ф. Энгельс при работе над брошюрой «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Подобно своему приятелю Муромцеву, Ковалевский был уволен министром Деляновым из университета[22]. В конце жизни он состоял членом Государственного совета.

Политическую экономию преподавал с 1874 г. любимый студентами Александр Иванович Чупров. «Влияние Чупрова на университетскую молодежь было огромно,– вспоминал один из его слушателей,– к нему прислушивались, как к какому-то оракулу, жадно ловили каждое его слово, где бы оно ни сказано,– в аудитории, на улице, в ученом заседании, в печати или просто у него на дому, куда любой из его слушателей всегда имел доступ. Блестящий оратор, всесторонне образованный, человек стойких и независимых убеждений, искренний, честный, гуманный, прогрессист в лучшем смысле этого слова, без сомнения, он мог оказывать на студентов лишь благотворное влияние. Каждая лекция его будила мысль, вызывала оживленные толки, горячие споры, иногда целые дебаты, и мы все чувствовали, как у нас пробуждался серьезный интерес к науке»[23].

Своеобразная обстановка сложилась на кафедре философии. После смерти П. Д. Юркевича оказалось два претендента на его место – позитивист М. М. Троицкий и Владимир Сергеевич Соловьев (сын историка), только что защитивший магистерскую диссертацию, направленную против позитивизма. Историко-филологический факультет, в который входила кафедра философии, поддержал

[21] *Ковалевский М.М.* Две жизни // Вестник Европы. 1909. № 7. С.19.

[22] *Сватиков С.Г.* Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2.

[23] Московский университет в воспоминаниях современников. С.539–540.

Соловьева; университетский совет (где большинство голосов принадлежало профессорам других факультетов) избрал профессором Троицкого, Соловьева же пригласил преподавать в качестве доцента. Троицкий был последователем эмпиризма – того направления в философии, которое признает источником знания чувственный опыт. В своих лекциях и печатных трудах он опирался преимущественно на английских философов-эмпириков как материалистов, так и идеалистов (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж.Локк, француз Э. де Кондильяк, с одной стороны, Дж. Беркли и Д. Юм – с другой). Вл.Соловьев, оказавший впоследствии столь сильное влияние на философскую мысль в России, получил образование в Московском университете. Проучившись несколько лет на физико-математическом факультете и пережив увлечение идеями естественно-научного материализма, он разочаровался в них и, заинтересовавшись религиозной философией, стал вольнослушателем Московской духовной академии. Сдав в 1873 г. кандидатский экзамен по историко-филологическому факультету, Соловьев уже через год с небольшим защитил в Петербурге магистерскую диссертацию «Кризис западной философии. Против позитивистов». Высказанные в ней мысли молодого философа произвели большое впечатление на современников и вызвали ряд откликов – как положительных, так и враждебных. Задачу философской мысли магистрант видел в «высшем синтезе философского познания и религиозной веры»[24]. Соловьев недолго преподавал в Московском университете: через полгода после начала лекций он уехал в научную командировку за границу, а в 1877 г. совсем покинул кафедру.

После М. М. Троицкого кафедру философии занял Л. М. Лопатин – крупный философ-идеалист, выступавший с критикой рационализма, позитивизма и материализма с позиций «конкретного спиритуализма». Преемниками Л. Лопатина по кафедре один за другим стали известные философы-идеалисты братья С. Н. и Е. Н. Трубецкие. Во многом благодаря названным именам в России образовалась солидная философская традиция. Оригинальная русская философская школа заняла достойное место в европейской и мировой науке.

Большой подъем переживали естественные и точные науки, сосредоточенные на физико-математическом факультете. Среди преподавателей факультета – ряд крупнейших научных авторитетов. Это прежде всего физик Александр Григорьевич Столетов, преподававший в Московском университете в течение тридцати лет (1866–1896). В его лице выдающийся теоретик соединялся с блестящим экспериментатором. Исследования Столетова в области электричества и магнетизма создали ему мировую известность и оказали заметное влияние на последующее развитие физики. Признанием слушателей пользовались лекции Столетова для студентов и публики. IX съезд русских естествоиспытателей в 1893 г. выразил глубокую признательность ученому за его плодотворную деятельность. Иным было отношение к нему царских властей, отклонивших тогда же кандидатуру Столетова на выборах в Академию наук. В глазах студентов Столетов представал не только «крупным физиком, умницей, чудаком», но и грозным экзаменатором, озадачивавшим юношей неожиданными вопросами, рассчитанными не столько на знания, сколько на находчивость. Поэт А. Белый вспоминал, что студенты шли к Столетову «не экзаменоваться, а резаться … не знание предмета, а остроумие и умение смаковать каламбур решали вопрос: «пять» или «два»[25]. Столетов «резал» не только студентов. В 1893 г. он дал отрицательный отзыв о магистерской диссертации талантливого молодого физика князя Б. Б. Голицына, развивавшего теорию теплового излучения. В результате тот покинул университет и переключился на исследовательскую работу по сейсмологии. Тогда же Голицын был избран адъюнктом Академии наук. Вме-

А. Г. Столетов

[24] *Соловьев В.С.* Несколько слов о настоящей задаче философии. [Речь на магистерском диспуте] // *Соловьев В.С.* Соч.: В 2-х т. Т.1. М., 1989. С.18.

[25] *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С.246.

сте с химиком В. В. Марковниковым Столетов был одним из заводил словесных «побоищ» на факультетских заседаниях.

В начале 90-х гг. в Московском университете начали работать выдающиеся физики Николай Алексеевич Умов и Петр Николаевич Лебедев. Умов уже ранее приобрел известность как крупный теоретик, исследователь движения энергии. После смерти Столетова он возглавил кафедру экспериментальной физики. Лекции Умова привлекали студентов глубиной и поэзией мысли, широтой обобщений, красочностью сравнений. В нем отмечали «сочетание блеска, ума, прекраснейших душевных качеств». А. Белый назвал его философом и бардом физики. Умов сверкал умом, поражал воображение студентов певучей образной речью, афоризмами, величавыми жестами, эффектными опытами. «Пожалуй, из всех профессоров он был самый блестящий по умению сочетать популярность с научной глубиною»[26], – заметил поэт. Общему впечатлению соответствовал и внешний облик профессора, напоминавший иконописное изображение Саваофа – «развевающиеся седые волосы, большая белоснежная борода, устремленные ввысь голубые глаза»[27]. Успехом пользовались и публичные чтения Умова. Как и другие шестидесятники, он отдавал много сил научно-общественной деятельности. Велика его заслуга и в деле оборудования физического кабинета в университете, собирании коллекции демонстрационных приборов.

Работа П. Н. Лебедева развернулась по-настоящему уже в 1900-х гг. Но он и прежде пользовался среди физиков большим научным авторитетом. Совет университета единодушно присудил ему ученую степень доктора без защиты диссертации (даже магистерской).

Начало превращения Московского университета в центр химической науки связан с появлением там в 1872 г. Владимира Васильевича Марковникова. При нем развернулась большая исследовательская и экспериментальная работа. Пристальное внимание уделялось исследованиям, призванным содействовать отечественной промышленности, прежде всего нефтедобывающей и текстильной. Марковников добился переоборудования и значительного расширения университетской химической лаборатории. На факультетских заседаниях Марковников действовал заодно со Столетовым и, подобно ему, был «стародавней грозой профессоров физико-химического отделения факультета»[28]. В отношениях профессора-«Минотавра» со студентами, работавшими в его лаборатории, господствовал «простецкий» стиль: «уверяли: Марковников – очень сердечный крикун и буян; обижаться нельзя, если он нецензурным словечком огреет, – а можно дать сдачи»[29]. В начале 90-х гг. к лабораториям органической и неорганической химии добавилась еще одна – термическая, устроенная на свои средства крупнейшим русским термохимиком В. Ф. Лугининым.

Успешно развивались математика и механика. Видным ученым был математик Н. В. Бугаев, декан физико-математического факультета, глава московского Математического общества, редактор «Математического сборника». Ярко обрисовал эту оригинальную личность в своих воспоминаниях его сын – писатель Андрей Белый. Погруженный в теоретические проблемы своей науки, Бугаев не замыкался в ее пределах. Смолоду интересовался он философией, психологией, социологией, правоведением, изучал труды Канта, Гегеля, Лейбница, Локка, Юма, Милля, Г. Спенсера. На какое-то время он подпал под влияние позитивизма, позже перешел на позиции философского идеализма. Деятельно участвовал Бугаев в работе Психологического общества, печатался в «Вопросах философии и психологии», развивал недоступные большинству коллег идеи «аритмологии». Тесно общался он с литературными и музыкальными кругами. Был хорошо знаком с Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, П. Д. Боборыкиным, П. И. Чайковским, Н. и А. Рубинштейнами, А. Н. Серовым. Участвовал во многих общественных начинаниях 70-х гг. Человек эмоциональный и увлекающийся, Бугаев слыл горячим спорщиком. Своими знаниями, широтой интересов, красноречием он производил большое впечатление на собеседников.

С середины 80-х гг. в Московском университете работал будущий отец русской авиации Николай Егорович Жуковский. В ранний период деятельности его научные интересы сосредоточивались на гидродинамике. В конце 90-х гг. исследования Жуковского нашли практическое применение при строительстве московского водопровода.

Успешно продолжалась деятельность одного из старейших профессоров – Григория Ефимовича Щуровского. В 60-х гг. он издал свой фундаментальный труд «История геологии Московского бассейна». Исследуя каменноугольные отложения под Москвой, ученый пришел к выводу о существовании здесь солидных запасов артезианских вод и возможности расширить за счет этого водоснабжение города. Пробная артезианская скважина была заложена еще при его жизни на Яузском бульваре. Предложения Щуровского позже оправдались, после чего в Подмосковье соорудили тысячи таких скважин.

Преемником Щуровского по кафедре геологии явился выдающийся палеонтолог Владимир Онуфриевич Ковалевский. Он пробыл в Московском универси-

[26] *Белый А.* Указ. соч. С.79, 81.

[27] Там же. С.388.

[28] Там же. С.245.

[29] Там же. С.411.

тете всего три года, но трудился весьма эффективно. К 90-м гг. относится расцвет исследований в области минералогии и кристаллографии, связанный с именем молодого В. И. Вернадского. Тогда же в университете возник Минералогический музей.

Устав 1884 г. создал на историко-филологическом факультете кафедру географии и этнографии (ранее физическую географию преподавал профессор физики). Первым и долгое время единственным профессором этой кафедры в Московском университете был Д. Н. Анучин. Его попытки добиться выделения географии в особое отделение оказались безуспешными. Удалось только перевести эту кафедру с историко-филологического факультета, студенты которого не обладали необходимой подготовкой по естествознанию, снова на физико-математический факультет.

Больших успехов достигла университетская наука в области биологии. На кафедре зоологии крупными фигурами были А. П. Богданов и С. А. Усов – ученики К. Ф. Рулье. Каждый из них посвоему продолжал его дело, но их пути в науке разошлись. Богданов проявил себя прежде всего как талантливый организатор, собиратель научных сил, предприимчивый инициатор многих научных начинаний. Он продолжал работу Рулье по акклиматизации животных. Заботился о пробуждении интереса к естествознанию в обществе. Его усилиями был создан Зоологический музей, которым он и руководил. Однако в теоретическом плане Богданов – убежденный противник учения Дарвина – не может быть назван преемником своего учителя-эволюциониста. Иное дело С. А. Усов. По отзыву А. Белого, «Усов был крупным центром Москвы в 70-х и 80-х годах; прекрасный ученый и эрудит, много думавший над философией зоологии, блестящий лектор, любимый студентами, он один из первых твердо водрузил знамя Дарвина в Московском университете, связав себя с дарвинизмом, оставивши определенную зоологическую школу, противополагавшуюся в те годы школе А. П. Богданова»[30]. Благодаря ему Москва обзавелась Зоологическим садом (идея принадлежала Богданову). Усов отличался философским подходом к научным проблемам, широтой культурных интересов. Знаток театра, живописи, литературы, он с успехом выступал в домашних спектаклях, участвовал в Шекспировском кружке, читал лекции по истории изящных искусств в гимназии Поливанова.

Любили студенты и ученика Усова М. А. Мензбира, при всей его несхожести с учителем. По отзыву А. Белого, Мензбир, «убежденнейший дарвинист, великолепный лектор, умнейше владеющий фактом, превратил курс «Введение в сравнительную анатомию» в философию зоологии, дающую яркую отповедь наскокам на Дарвина»[31]. Чуждаясь полемики, Мензбир умел убеждать в правоте развиваемой им концепции строго научным подбором типичных фактов. Ничуть не стараясь завоевать популярность, строгий на экзаменах, он тем не менее пользовался горячими симпатиями студентов.

На первом же курсе учащаяся молодежь сталкивалась с борьбой полярных идей в естествознании: профессора в лекциях по-разному освещали основополагающие проблемы науки. Приходилось самостоятельно определять собственную позицию, привлекая научную литературу, сопоставляя, размышляя, пытаясь разобраться. Наибольшим научным авторитетом пользовались профессора-дарвинисты, хотя их противники (ректор А. А. Тихомиров, А. П. Богданов, Н. Ю. Зограф) имели на своей стороне немалые преимущества благодаря поддержке начальства.

Среди ботаников выделялся Климент Аркадьевич Тимирязев – выдающийся ученый-дарвинист мирового масштаба, блестящий популяризатор науки. На его лекции собирались студенты всех курсов и факультетов. Появление этого профессора в аудитории вызывало у них взрыв восторга. Такое отношение учащейся молодежи к Тимирязеву усиливалось демократической настроенностью ученого, неизменной поддержкой им выступлений и требований студенчества.

Основоположником почвоведения в России стал профессор Московского университета В. В. Докучаев, автор монографии «О русском черноземе».

Блестящими именами была представлена медицинская наука. На медицинском факультете в 80–90-х гг. трудились великий физиолог И. М. Сеченов, хирург Н. В. Склифосовский, основатели терапевтических школ Г. А. Захарьин и А. А. Остроумов, педиатрической – Н. Ф. Филатов, гигиенической – Ф. Ф. Эрисман, видный деятель земской медицины, устроитель первой городской санитарной станции в России, и ряд других замечательных ученых-медиков. На Девичьем поле вырос целый клинический городок, сосредоточивший в одном месте разнообразные клиники Московского университета.

Московский университет занимал первенствующее положение не только среди учебных заведений Москвы, но и во всей России. Его высокий научный авторитет и выдающееся просветительное значение признавались всеми. По числу преподавателей и студентов это был самый крупный университет страны. В середине 50-х гг. в нем училось немногим более тысячи человек, к концу века число учащихся приближалось к пяти тысячам.

[30] *Белый А.* Указ. соч. С.116.

[31] Там же. С.387.

И. М. Сеченов. Художник И. Репин. 1889 г.

Н. В. Склифосовский

4. ГИМНАЗИИ. РЕАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩА. ЛИЦЕИ[32]

Вслед за университетами в 60-х гг. реформированию подверглась и средняя школа. Принятию закона предшествовала бурная полемика. В ее центре оказался вопрос о преимуществах классического или реального образования. Рьяными поборниками классицизма явились московские публицисты М. Н. Катков и П. М. Леонтьев. На страницах журнала «Русский вестник» и еженедельника «Современная летопись» они доказывали, что в основу учебных программ нужно положить изучение древних языков – латыни и греческого. С яростными обвинениями обрушивались Катков и Леонтьев на защитников реального образования, отдававших предпочтение естественным наукам и новым европейским языкам.

Вопреки мнению прогрессивной общественности, в уставе гимназий и прогимназий[33] 1864 г. преимущество было предоставлено классическим гимназиям: их выпускники получили право поступать в университет, а окончившие реальную – только в специальные училища. Оба типа гимназий объявлялись доступными для мальчиков всех состояний, не моложе 10 лет. Содержаться гимназии могли за счет правительства или обществ, сословий, частных лиц. Беднейших учеников разрешалось освобождать от платы, а лучшим из них – назначать денежные пособия и стипендии. Важнейшие учебные, воспитательные и хозяйственные вопросы передавались на решение педагогического совета во главе с директором гимназии.

В Москве к 60-м гг. существовало четыре мужские гимназии. После принятия устава 1864 г. почти все они по профилю стали классическими. Лишь одна, 3-я гимназия, имевшая реальное отделение, была определена как реальная. Но через несколько лет и ее преобразовали в классическую, поскольку большинство учеников избирало классическое отделение. Число гимназистов быстро росло. Пришлось открывать параллельные классы. В 1865 г. появилась 5-я, в 1870 г.– 6-я гимназии.

Заняв пост министра народного просвещения, граф Д. А. Толстой принялся за реорганизацию учебной системы, обеспечив безусловное преобладание классицизму и усилив бюрократическое начало в управлении. По уставу 1871 г. гимназии могли быть только классическими. Продолжительность обучения увеличивалась с 7 до 8 лет, а с приготовительным классом – до 9 лет. Всемерно усиливалось влияние администрации, роль педагогического совета оказалась ослабленной. Учебные планы отныне

[32] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976.

[33] Прогимназия – неполная гимназия из четырех младших классов.

составлялись в министерстве, главное место в них отводилось изучению древних языков.

К концу века в Москве имелось семь казенных мужских гимназий, две частные, одна в составе мужского училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла, 6-классная прогимназия и дворянский пансион[34].

Бывшие реальные гимназии были преобразованы при Д. А. Толстом в реальные училища с сокращенным 6-летним курсом обучения. Для них предназначался особый устав, принятый в 1872 г. Целью реальных училищ определялось давать учащимся общее образование, «приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаниий» (параграф 1). Старшие классы могли состоять из двух отделений – основного и коммерческого – или одного из них. В первом разрешалось открыть 7-й, дополнительный, класс с тремя отделениями: общим (готовившим к поступлению в высшие специальные учебные заведения), механико-техническим и химико-техническим.

Осенью 1873 г. в Москве было учреждено казенное Московское реальное училище – первоначально из четырех классов. Приемный экзамен выдержали 58 человек из 200 желавших. Позже открылись 5-й, 6-й, а в 1876/77 учебном году – 7-й дополнительный класс. К тому времени насчитывалось уже 234 учащихся. Постепенно их численность увеличивалась, в начале 80-х гг. достигнув свыше 300, а к концу десятилетия – свыше 400 человек. В 1896/97 учебном годуиз-за нехватки помещений пришлось ограничить число обучающихся 500 человек. В 1888 г. реальные училища получили новый устав. Согласно ему в дополнительном классе осталось только общее отделение, специальные же были закрыты[35].

Реальные училища имелись также при реформатской, евангелическо-лютеранской и католической церквах, существовало и несколько частных. Уровень подготовки в них был неодинаков: некоторые имели семь классов, другие были отнесены ко второму разряду[36].

Проведением учебной реформы 70-х гг. в Москве руководил попечитель учебного округа князь Н. П. Мещерский. Подлинными же руководителями называли М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева. Сам Мещерский признавал, что часто обращался к ним за советом. При этом добавляя, что они тогда вершили судьбами воспитания не только в Московском округе, но и во всей России.

Реформа Д. А. Толстого, с ее всемерной централизацией и мелочной регламентацией учебного дела, с ее мертвенным формализмом, пренебрежением к личности ученика и учителя, к отечественным традициям, отрицательно сказалась на просвещении. В университете жаловались на слабую подготовку гимназистов по физике, естествознанию, другим предметам. Не выиграло от нее и изучение античности: все свелось к грамматическим формам мертвых языков, к «умственной гимнастике». По свидетельству публициста и философа В. В. Розанова, интерес к классическому миру Древней Греции и Рима, напротив, стал угасать, бесцветной и безликой становилась литература этой тематики. Толстовскую гимназию автор назвал «нравственной и умственной тюрьмой», притуплявшей способности учеников, выбрасывавшей за борт самых талантливых[37]. Полное безразличие проявлялось к педагогическим способностям учителей. На первый план выдвигалась формалистика. Поскольку отечественных филологов не хватало, затребовали учителей-славян из Австрии. То, что многие из них плохо знали русский язык, чиновников из министерства не смущало. «Сумерки просвещения» назвал Розанов свою книгу о школе 70–90-х годов.

«Школьно-полицейский классицизм» Д. А. Толстого остро критиковали многие современники, включая ученых-античников. Преследуя цель недопущения в учебные заведения «дурных идей», Толстой постарался всецело занять гимназистов учебой, стремясь не облегчить, а затруднить их занятия. Многочисленные жалобы на обременительность учебных программ, их непосильность для учеников отметались министерством. Отсев из гимназий за неуспеваемость был чудовищным. Участились случаи самоубийства гимназистов. Школа сделалась ненавистной молодежи. Недовольны были и ученики и родители. Задуманная как средство предотвращения вольнодумства, учебная реформа Толстого, напротив, посеяла в населении новые семена недовольства и протеста, возделала, по выражению В. О. Ключевского, «почву общественного озлобления»[38].

При И. Д. Делянове сословная направленность политики Министерства народного просвещения еще более усилилась. Даже Государственному совету приходилось сдерживать охранительное рвение «просветительного» ведомства. Одной из главных забот Делянова стало регулирование состава учащихся. Ярким проявлением сословного подхода явился циркуляр 1887 г. («о кухаркиных детях») с рекомендацией не принимать в гимназию «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т.п. людей... за исключением разве одаренных необыкновенными способностями».

Вместе с тем негативные последствия реформы Д. А. Толстого стали настолько очевидны, что в 1890 г. было решено несколько подправить учебные

[34] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 год. М., 1900. Стб.605–609.

[35] Московское реальное училище в первое 25-летие. 1873–1898. М., 1898.

[36] Вся Москва... на 1900 год. Стб.610–612.

[37] *Розанов В.В.* Сумерки просвещения. М., 1990 (Статья «О гимназической реформе 70-х годов» и др.).

[38] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С.299, 375.

Здания 2-й и 5-й гимназий. Акварель Розанова. Конец XIX в.

планы гимназий. Грамматике древних языков пришлось потесниться, уступив место чтению античных авторов. Вместо письменных переводов с русского на древние языки стали чаще практиковаться переводы с латыни и греческого на русский (ранее не допускавшиеся). Расширили программы по русскому языку и Закону Божьему. Изучение литературы по-прежнему ограничивалось краткими отрывочными сведениями. При выборе тем для письменных сочинений рекомендовалось избегать сатирических произведений[39].

В московских гимназиях и в 60-х гг., и позднее работало немало замечательных педагогов. Некоторые из них впоследствии преподавали в университетах, их ученые труды приобрели известность (Ф. И. Буслаев, Н. И. Кареев и др.).

В 70–90-х гг. особенно славилась частная Поливановская гимназия, основанная группой учителей во главе с Л. И. Поливановым. Ее душой был сам директор, преподававший русский, церковно-славянский, латинский языки и литературу. Одаренный редкостным педагогическим талантом, преданный своему делу, чуждый формалистике и казенщине, Поливанов обладал особым умением передавать знания так, что они запоминались на всю жизнь. Учитель заражал молодежь своей страстной любовью к литературе и искусству. По словам Вл.Соловьева, Поливанов «вложил в свою школу живую душу, поднял и удержал эту школу выше обычной казенности и умел зажигать в своих воспитанниках искры того огня, который горел в нем самом»[40]. Другой «поливановец», Андрей Белый, запечатлел в своих воспоминаниях яркий образ этой неординарной личности. Участники гимназических спектаклей создали под руководством Поливанова известный в культурных летописях Москвы Шекспировский кружок, существовавший в течение десяти лет.

Правами лицея пользовался с конца 40-х гг. Лазаревский институт восточных языков (бывшее Армянское Лазаревых училище)[41]. С 1868 г. преподавание восточных языков выделили в специальные классы, их отделили от общеобразовательных предметов, составивших полный курс классической гимназии. В начале 70-х гг. институт стал государственным и получил новый устав. В специальных классах, с трехлетним сроком обучения, изучались восточные языки и словесность, история Востока, восточная каллиграфия. В студенты принимались юноши, окончившие классическую гимназию – без различия состояния, национальности и вероисповедания. После окончания института они получали право на чины XII и X класса. При гимназии существовал пансион, куда принимались также полупансионеры и приходящие ученики.

Катков и Леонтьев не только наставляли попечителя Московского учебно-

[39] *Коваленский М.Н.* Средняя школа // История России в XIX в. Т.7. СПб., Гранат [1907–1911]. С.192, 194–195.

[40] Памяти Л.И.Поливанова. (К 10-летию его кончины). М., 1909. С.6.

[41] *Базиянц А.П.* Лазаревский институт восточных языков. (Исторический очерк). М., 1959.

го округа советами, но и сами основали в 1868 г. классический Лицей в память цесаревича Николая[42] – как образец для гимназий. Основные средства на него выделил крупный железнодорожный делец С. С. Поляков, крупную сумму пожертвовал другой магнат – П. Г. фон Дервиз. Катковский лицей представлял нечто среднее между гимназией и университетом. В нем имелось восемь гимназических и три лицейских класса. Учебная программа (в основе классическая) была шире гимназической. Лицейские классы подразделялись на три факультета: филологический, юридический и математический. Учащиеся этих классов считались студентами и посещали лекции в университете. Некоторые университетские предметы преподавались в самом лицее. По образцу английских университетов лицеисты занимались под наблюдением и с помощью наставников – туторов (любимая идея Каткова, которую он отстаивал еще во время полемики по университетскому вопросу в начале 60-х гг.). Одной из задач Лицея являлась подготовка преподавателей классических языков для гимназий.

Как вспоминал один из его выпускников, в 70-х гг. Лицей пользовался «наилучшей славой среди прочих частных московских пансионов». Объявленная в печати программа Лицея была многообещающей: «Кроме всестороннего умственного образования ... не было в ней забыто и физическое воспитание; говорилось и о гимнастике и о верховой езде, фехтовании, играх на воздухе, обучении плаванию, стрельбе и т.д. В масштабе программа не уступала лучшим английским колледжам и уж несомненно затмевала все, что имелось такого рода на Руси»[43].

Лицей пользовался покровительством членов царской семьи и исключительными привилегиями. Ему было присвоено наименование императорского. Ежегодную субсидию он получал из государственного казначейства, оставаясь при этом независимым в административном отношении. Его почетными попечителями стали московские генерал-губернаторы князь В. А. Долгоруков, затем – великий князь Сергей Александрович. Официальными председателями совета Лицея считались сменявшие друг друга министры народного просвещения, членами совета – попечитель Московского учебного округа, ректор и профессора университета, губернский предводитель дворянства, городской голова, председатель земской управы. Торжественное открытие собственного здания Лицея на Остоженке посетил император Александр II. Директором Лицея в 1870–

[42] Историческая записка имп. Лицея в память цесаревича Николая (Лицея цесаревича Николая) за 30 лет (1868–13 января – 1898). М., 1899.

[43] *Вишняков П.М.* В Катковском лицее. Записки старого пансионера (1875–1882). Вып.1. М., 1908. С.6.

Гимназия Поливанова

1875 гг. был П. М. Леонтьев, после его смерти – М. Н. Катков (1875–1887). К концу столетия в нем обучалось 100–150 человек, в лицейских классах – более 20 (большинство на юридическом факультете).

5. ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

В ходе Крымской войны ясно обнаружилась необходимость реформирования армии, а вместе с тем изменения всей системы воспитания и обучения будущих солдат и офицеров. Воскресные солдатские школы возникли в России уже в конце 50-х годов. Позже в воинских частях стали создаваться ротные школы. Не менее остро стоял вопрос в отношении офицерского состава. Выпускники кадетских корпусов составляли в нем менее трети. Образованных офицеров не хватало. По официальным данным за 1861 г., более половины офицеров обучались лишь в низших учебных заведениях или дома. Да и качество общей и военной подготовки не соответствовало требованиям времени. Преобразование военно-учебных заведений стало важной органической частью военных реформ. Кадетские корпуса – эти школы муштры и подавления личности, какими они были в николаевское время, – ликвидировались. Вместо них создавались общеобразовательные военные гимназии, а для военной подготовки – военные училища, образованные из специальных классов кадетских корпусов. В 1863 г. Главное управление военно-учебных заведений (начальником которого стал бывший попечитель Московского учебного округа Н. В. Исаков) присоединили к Военному министерству, которое возглавил либерально настроенный Д. А. Милютин. Под его руководством и проходила весьма энергичная реорганизация.

Первые две московские военные гимназии возникли в 1864 г. на основе 1-го и 2-го московских кадетских корпусов. Разместились они там же – в Головинском (Лефортовском) дворце. Тогда же в Москве открылось Александровское военное училище – на месте бывшего Александринского сиротского кадетского корпуса; позже к нему прибавилось Московское военное училище. Наряду с военными училищами, куда поступали выпускники военных гимназий, создавались юнкерские училища (ниже рангом). Одно из них (пехотное) открылось в Москве в 1864 г. Для сыновей тех военнослужащих, которые «по сословным правам не могли определять детей в военные гимназии»[44], предназначались военные начальные школы с четырехлетним курсом. После окончания такой школы можно было поступить в одну из специальных военных школ – техническую, пиротехническую, чертежную, фельдшерскую, либо в Учительскую семинарию или на службу писарем. Через несколько лет (в 1868 г.) военные начальные школы были преобразованы в военные прогимназии. Такая прогимназия имелась и в Москве. В 1874 г. в Москве открылось еще две военные гимназии – 3-я и 4-я (последняя – на основе прогимназии).

Милютинские военные гимназии относились к числу реальных. Основное место в преподавании отводилось математике и иностранным языкам. Древние языки не изучались. Военные гимназии во многом выгодно отличались от толстовских классических. Здесь получала простор творческая мысль, в обучении применялись передовые педагогические идеи. Сюда охотно шли педагоги, которым претила обстановка толстовских гимназий. Свой реальный профиль военные гимназии сохранили и после того, как реальные гимназии исчезли из системы Министерства народного просвещения. В Москве располагалась и Учительская семинария Военного ведомства, образовавшаяся из учительского отделения Александровского военного училища.

Такое положение существовало до 80-х гг. В эпоху контрреформ Д. А. Милютин вынужден был уйти в отставку, а военные гимназии в 1882 г. снова заменили кадетскими корпусами.

6. НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА[45]

К 60-м гг. Москва располагала 13 казенными начальными училищами. В результате реформы городского самоуправления по Положению об общественном управлении города Москвы 1862 г. и по Городовому положению 1870 г. здесь произошли большие перемены. В лице реформированной Московской городской думы появился орган, по-настоящему заинтересованный в народном образовании. Начальное обучение дума считала первейшей потребностью города и страны, видя в нем «наиболее доступную ступень образования для громадного большинства московских жителей»[46]. Были увеличены субсидии на начальные школы и по ходатайству думы открыты еще три училища. В конце 60-х гг. Общая дума подняла вопрос о создании собственных училищ. В последующие годы развитие народного образования стало одной из главных задач городского общественного управления столицы. Поскольку все 16 училищ были мужскими, прежде всего возникла необходимость в устройстве женских. В 1867 г. открылось 5 женских начальных школ.

[44] *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880.

[45] Некоторые данные для этого раздела сообщены Л.Ф.Писарьковой.

[46] *Бычков Н.М.* Деятельность Московского городского общественного управления по народному образованию // Сборник очерков по городу Москве. М., 1897. С.4. 6-й паг. Из этого очерка взят основной фактический материал о московских городских училищах, приютах, народных читальнях.

Каждая из них рассчитывалась на 50 учениц, но уже вскоре численный состав увеличили вдвое. В начале 70-х гг. в Москве имелось 10 женских начальных училищ с 750 ученицами. С этого времени стали создаваться также мужские, а позже и смешанные (для девочек и мальчиков) школы. К середине 70-х гг. количество женских и мужских училищ почти сравнялось. Ежегодно открывалось несколько новых училищ, в некоторые годы – по 10–12. В 1872 г. в ведении Московской городской думы находилось 11 школ на 897 учащихся. За 10 лет их число увеличилось в пять, а учеников в семь раз (6291 человек). Еще через 10 лет, в 1892 г., город содержал уже 86 школ на 11 856 мест (6194 мальчика и 5662 девочки). К 1900 г. в Москве существовало 158 начальных училищ с 21 232 учащимися. Только в 1896 г. было открыто 26 новых школ.

Число учащихся быстро росло. На каждую тысячу детей в возрасте 9–11 лет в городских училищах обучалось: в 1871 г. 26 человек, в 1882 г. 223 человека, а в 1895 г.– 387 человек (соответственно 3, 20 и 40% всех детей школьного возраста). Многие по-прежнему получали первоначальные знания дома. По переписи Москвы 1882 г. доля неграмотных детей того же возраста несколько превышала четверть их общей численности. С конца 70-х гг. число мест в московских городских школах увеличивалось на 500–600 в год. Но их все равно не хватало. Отказы в приеме в 1876–1879 гг. получали в среднем 888 человек в год, в 1880–1884 гг.– 1883, в 1885–1889 гг.– 2210, а в 1890–1894 гг.– 2257 человек.

В городские школы принимались дети всех сословий не моложе семи лет. Сословный состав учащихся со временем менялся (см. таблицу).

Изменение состава учащихся (в процентах)		
Сословия	1876–1880 гг.	1891–1895 гг.
Дети дворян и чиновников	2,6	3,6
Дети лиц духовного звания	1,2	0,9
Дети купцов	4,2	2,6
Дети мещан и цеховых	53,0	39,9
Дети крестьян	28,6	42,2
Дети солдат	10,4	10,8
Итого	100,0	100,0

Рост числа крестьянских детей отразил изменения в структуре населения Москвы. Среди числившихся крестьянами основную массу составляли выходцы из деревни, работавшие на фабриках, заводах, в мастерских, извозчики, обслуживающий персонал трактиров, ресторанов, гостиниц.

Плата за обучение составляла три рубля в год. Дети бедных родителей от нее освобождались. Из собранных за обучение денег выдавались награды прилежным ученикам и пособия бедным детям при окончании школы. Учебники выдавались бесплатно. Каждому училищу город выделял небольшую сумму на школьные завтраки, состоявшие из куска ржаного хлеба.

«Азбука в картинках», составленная Н. В. Тулуповым. Разворот

В Москве сложился свой тип начального народного училища – не такой, как в других городах. Московские училища, как правило, вдвое и втрое превышали петербургские и прочие по числу учеников (100, а то и 150 человек). Поскольку мест не хватало, устраивались параллельные классы – главным образом в младшем отделении, ибо многих детей родители забирали задолго до окончания училища, чтобы отдать на работу. Обучение длилось три года. Отличались московские училища и объемом преподавания. Согласно Положениям 14 июля 1864 г. и 25 мая 1874 г. в начальной народной школе преподавались Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо и первые четыре действия арифметики. В московских училищах дело было поставлено шире: в некоторых из них проводились беседы по истории и географии. Специальные учителя преподавали черчение, рисование, пение, гимнастику (в мужских училищах), рукоделие (в женских). К распространенным учебникам принадлежали «Азбука» Л. Н. Толстого, его же книги для чтения, «Родное слово» и «Детский мир» К. Д. Ушинского.

С конца 70-х гг. Московская дума начала хлопотать об открытии городских училищ повышенного типа – с расширенной программой обучения. Такие учебные заведения предусматривались Положением 31 мая 1872 г. Они должны были заменить прежние уездные училища. Срок обучения в них устанавливался шестилетний (вместо трехлетнего в уездных училищах). Училища могли иметь от одного до четырех классов (в особых случаях – до шести). Классы были двух- и четырехгодичными. В соответствии с уровнем знаний учеников классы делились на отделения. В каждом классе все предметы вел один учитель. Преподавались: Закон Божий, чтение и письмо, русский и церковно-славянский языки, арифметика, геометрия, география и история отечества со сведениями из всеобщей истории и географии, сведения из естествознания и физики, черчение, рисование, пение, гимнастика. Преподавание в этих училищах велось по более широкой программе, чем в прежних уездных училищах. После четырех лет обучения разрешалось без испытаний поступать в первый класс гимназии или реального училища, а после окончания полного курса – во вновь учрежденный Учительский институт, готовивший преподавателей начальной школы.

Московская городская дума намеревалась открыть два таких училища (мужское и женское) из трех старших классов, куда могли бы поступать окончившие начальное народное училище. Дело однако застопорилось из-за формальных придирок Министерства народного просвещения. Только в середине 80-х гг. удалось открыть две городские женские школы по типу Мариинских, а затем трехклассное городское мужское училище. В 1890 г. было создано два мужских училища с четырьмя высшими классами и на тех же началах преобразовано трехклассное. Всего, таким образом, возникло пять училищ повышенного типа. Платить за обучение в них приходилось по 20 руб. в год. Наиболее успевавшие ученики от платы освобождались.

Поскольку основная масса городского населения (фабричные, ремесленники) была неграмотной, серьезной проблемой оставалось обучение работавших подростков и взрослых. С осени 1876 г. для них стали создавать вечерне-воскресные школы или классы. К весне следующего года такие классы существовали уже при 15 мужских училищах. Плата за обучение равнялась двум рублям в год. К концу 80-х гг. в 16 вечерне-воскресных школах обучалось около полутора тысяч человек. Многие поступали туда только потому, что не могли попасть в обычные дневные. В некоторых вечерне-воскресных школах занятые дневной работой составляли меньше половины учащихся; кое-где их совсем не было. В результате проверки шесть школ закрыли, устроив вместо них несколько начальных народных училищ. К середине 90-х гг. в Москве осталось 10 вечерне-воскресных школ с 680 учащимися.

Помимо школ, содержавшихся казной и Думой, в городе имелись десятки частных, церковно-приходских, фабричных, учрежденных благотворительными обществами[47]. Среди них – по одному училищу для глухонемых и слепых детей. Первое (Арнольдовское, по имени основателя) открылось в 1860 г., второе – в 1883 г.

7. ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С конца 50-х гг. наряду с закрытыми учебно-воспитательными заведениями типа «институтов» и пансионов в России стали возникать открытые – для приходящих учениц. Первое из них появилось в Ведомстве учреждений императрицы Марии. В том же 1858 г. было принято Положение о женских училищах, подведомственных Министерству народного просвещения. Согласно ему новые училища могли быть 1-го и 2-го разрядов с шестилетним или трехлетним курсами обучения. Имелось в виду сделать их доступными для средних слоев населения. Перед ними была поставлена цель дать ученицам религиозное, нравственное и умственное образование,

[47] Вся Москва... на 1900 г. Стб.649–683.

необходимое каждой женщине и особенно будущей матери семейства. Предполагалось, что учреждать и содержать женские училища будет само население. Управление же ими предоставлялось администрации, общественность фактически устранялась от всякого влияния на дела. Однако вскоре обнаружилось, что на таких условиях начинание не получит необходимой общественной поддержки. По новому Положению о женских училищах 1860 г. создавались Попечительные советы, куда вместе с должностными лицами учебной администрации вводились предводитель дворянства, городской голова, выборные представители от дворян и купечества.

В ближайшие годы Министерство народного просвещения открыло в Москве два женских училища 1-го разряда, которые передало Ведомству императрицы Марии. Их преобразовали в 1-ю и 2-ю женские гимназии. В том же, 1865 г., в Москве открылась 3-я гимназия. Число гимназисток быстро росло. Так, в 1-й московской гимназии в год ее основания насчитывалось 272 ученицы, в 1877 г. – уже 472; в 3-й гимназии – соответственно 46 и 369. В 70-х гг. в Москве открылись 4-я и 5-я женские гимназии, в 90-х – 6-я[48]. Кроме мариинских, одна за другой возникали частные женские гимназии; к концу века их было уже около 20. Подчинялись они Министерству народного просвещения так же, как основанные благотворительными организациями Елизаветинская и Усачевско-Чернявская. В 1880 г. преобразовали в гимназию женское училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла. Она действовала на основе особого положения и управлялась церковным советом; преподавание многих предметов велось здесь на немецком языке.

Учебные программы мариинских женских гимназий отличались от гимназий Министерства народного просвещения. Наибольшее внимание здесь уделялось по традиции изучению иностранных языков – французского и немецкого. По сравнению с дореформенными институтами было увеличено количество часов на естествознание, математику, русский язык. Министерские гимназии давали по этим предметам больший объем знаний. Уже в 60-х гг. в мариинских гимназиях преподавалась педагогика, выпускницы получали звание домашних учительниц, а окончившие педагогические курсы при гимназии – звание домашних наставниц. Те же права по Положению 1870 г. получили выпускницы министерских гимназий после окончания дополнительного 8-го (педагогического) класса. Окончившие семь классов могли преподавать в народных училищах.

Учебные программы женских гимназий уступали мужским: в них не преподавались древние языки, логика. Однако имелись исключения – в 1872 г. в Москве открылась частная гимназия С. Н. Фишер с полным курсом мужской классической гимназии. Преподававший там какое-то время Н. И. Кареев отзывался о ее начальнице, как о женщине образованной и умной, но ревностной «катковистке». Гимназия Фишер пользовалась особым покровительством властей. По расширенным учебным планам 1874 г. в министерские женские гимназии вводились в качестве необязательных предметов педагогика и древние языки.

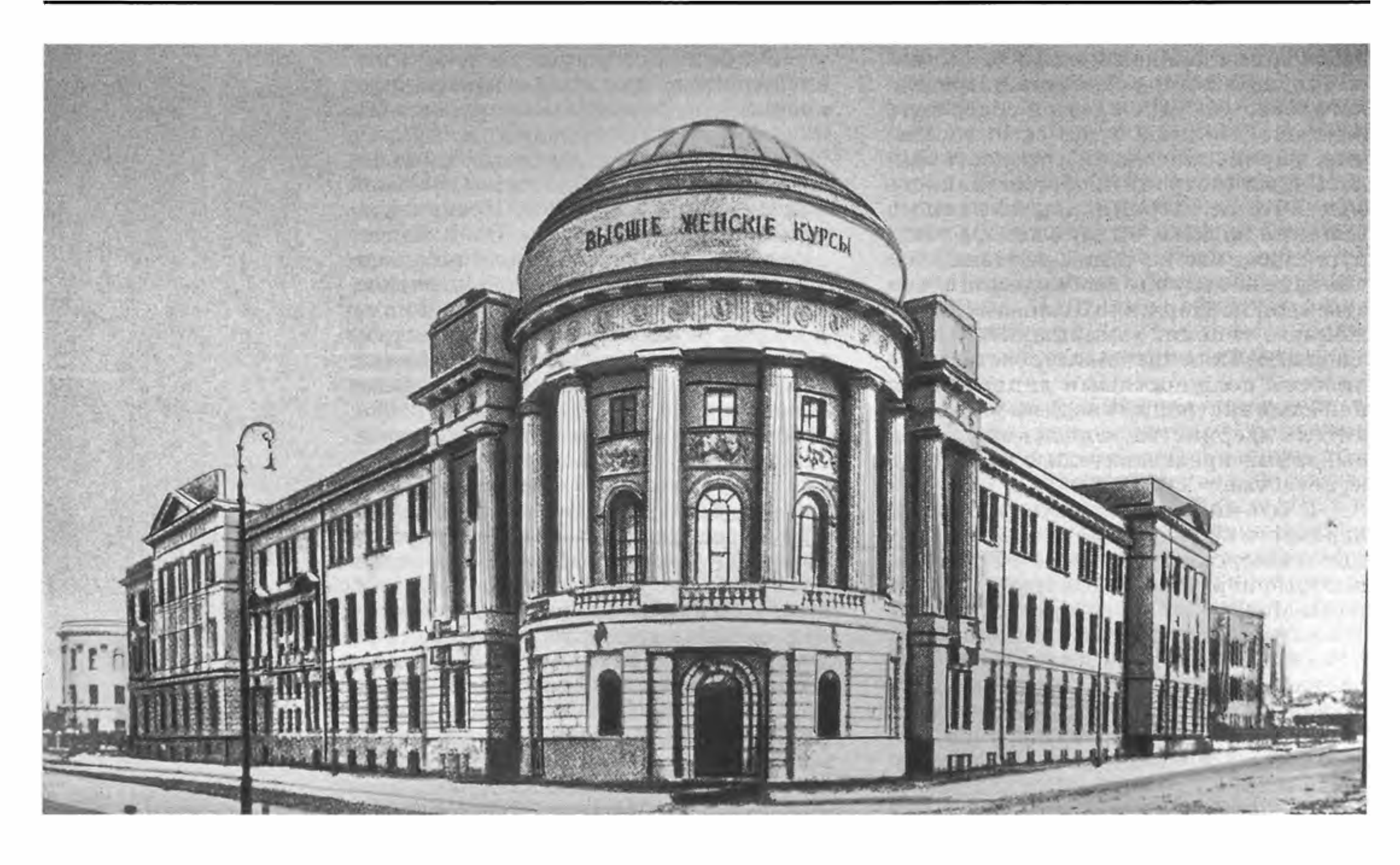
Продолжали действовать и дореформенные закрытые учебно-воспитательные заведения: Училище ордена св. Екатерины, Александровское и Елизаветинское училища (с начала 90-х гг. – институты). В 1877 г. в первом из них находилось 338 воспитанниц, во втором – 189, в третьем – 201. На частные средства были учреждены Александро-Мариинское и Мариинско-Ермоловское общеобразовательные средние женские училища. Первое из них, основанное в 1857 г., сначала существовало как приют, затем превратилось в четырехклассное, позже семиклассное училище по типу института.

Имелись и специальные учебные заведения. При Воспитательном доме действовали Повивальный институт и школа сельских повивальных бабок (акушерок). В 1875 г. там была образована еще и Учительская семинария. Педагогическое назначение имел женский Николаевский сиротский институт, из которого в начале 70-х гг. выделилось Николаевское реальное училище с сокращенным курсом обучения, куда переводились менее способные ученицы.

Устройством начальных женских школ издавна занимались благотворительные организации. 15 таких школ учредило «Московское благотворительное общество 1837 г.». Дамское попечительство о бедных в Москве создавало школы при богадельнях, а также отдельно от них. В 12 таких школах помимо общего начального образования учили какому-нибудь полезному делу. Так, при Арбатском отделении Попечительства существовала Рукодельная школа, при Пречистенском – Школа черчения, рисования и скульптуры. Начиная с 60-х гг. устройством начальных женских училищ занялась Московская городская дума.

Не остались бесплодными усилия прогрессивной общественности добиться возможности для женщин получить высшее образование. Царские власти – и прежде всего сам министр народного просвещения Д. А. Толстой – всячески противились этому. Но поскольку все

[48] Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. СПб., 1906. С.113; Историко-статистический очерк общего и специального образования России. СПб., 1884. С.108; Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения. 1858–1905. СПб., 1905. С.64–65; Вся Москва... на 1900 г. С.624, 628–630.

Высшие женские курсы

больше девушек уезжало учиться в Цюрихский и другие зарубежные университеты и включалось там в работу революционных эмигрантских кружков, правительству пришлось пойти на уступки. Первый опыт создания женского учебного заведения повышенного типа был предпринят в Москве. В 1869 г. здесь открылись устроенные по общественной инициативе на частные пожертвования Лубянские женские курсы, располагавшиеся на Лубянке в помещении мужской гимназии. Первоначально занятия проводились по программе мужской классической гимназии. Но со временем в нее стали вводиться предметы, преподаваемые в университетах. К концу 70-х гг. на курсах образовалось два отделения: математическое и естественно-историческое. Преподавание стало приобретать университетский характер.

С начала 70-х гг. профессор В. И. Герье добивался создания Высших женских курсов, ссылаясь на растущую потребность в учительницах для женских гимназий и училищ. Курсы Герье открылись в 1872 г.– вначале как общеобразовательные, а с 1879 г.– историко-филологического профиля. Как и на Лубянских, там преподавали лучшие университетские профессора.

Однако никаких прав выпускницы курсов не получали. В 1886 г. правительство распорядилось прекратить прием на те и другие. Причиной послужило участие многих курсисток в революционном движении. Только в начале следующего века в результате настойчивых усилий удалось добиться возобновления деятельности курсов Герье.

8. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Рост города и его потребностей, развитие промышленности и торговли требовали все больше людей знающих, профессионалов в своем деле. Расширялась специализация учебных заведений, повышался уровень обучения, квалификация воспитанников. Открывались новые училища.

Ремесленное заведение Воспитательного дома в 1855–1857 гг. было радикально преобразовано и фактически превратилось в высшее техническое училище с двумя отделениями – механическим и химическим. Руководили им университетские профессора А. С. Ершов (с 1859 г.– директор) и М. Я. Киттары. Устав 1868 г. официально признал имп. Московское техническое училище (как оно отныне называлось) высшим специальным учебным заведением, готовящим инженеров-машиностроителей, инженеров-механиков и инженеров-технологов. Курс обучения был рассчитан на 9 лет. Практиковавшуюся там постановку преподавания высоко ценили в России и за

границей. Экспонаты училища на всероссийских и всемирных выставках (в Вене, Филадельфии, Париже) пользовались большим успехом. В 1887 г. оно перешло в ведение Министерства народного просвещения[49].

Старейший в Москве Межевой институт – единственное в России учебное заведение, готовившее землемеров, с 1867 г. снова стал гражданским. Институт давал образование по четырем отделениям: межевому, лесному, путей сообщения, телеграфному. Начиная с 70-х гг. его выпускники получали звание межевых инженеров с чином X класса, старших землемеров (XII класс) и младших землемерных помощников (XIV класс). Ежегодно институт оканчивало около 30 специалистов. В начале 80-х гг. в нем обучалось 300 человек.

Вскоре после отмены крепостного права Министерство государственных имуществ приобрело в Петровском-Разумовском землю для будущего сельскохозяйственного учебного заведения. Проводились подготовительные работы: закупались лошади, скот, оборудование, устраивали ферму, опытное поле, сад. В 1865 г. открылась Петровская земледельческая и лесная академия с трехлетним сроком обучения. В число ее преподавателей входили видные ученые – профессора П. А. Ильенков, И. И. Иванюков (экономист), молодой К. А. Тимирязев. Вначале академия не была высшим учебным заведением в обычном смысле слова. Туда принимали всех желающих, независимо от их образования. Вступительные экзамены сдавали лишь нуждавшиеся в стипендии, выпускные – те, кто стремился получить ученую степень кандидата сельского хозяйства и лесоводства. Положение изменилось после студенческих волнений 1869 г. и громкого судебного процесса над группой студентов Петровской академии по нечаевскому делу. Тогда были введены «Временные правила», установившие обязательные приемные экзамены в объеме знаний средней школы. Состав слушателей и позднее оставался преимущественно разночинским. По уставу 1873 г. Академия превращалась в высшее учебное заведение с четырехлетним сроком обучения. В 90-х гг. прием в нее был прекращен из-за вновь вспыхнувших студенческих волнений. В 1894 г. Академию преобразовали в Московский сельскохозяйственный институт.

С развитием рыночных отношений возрастала потребность в образовании, приспособленном к нуждам торговли. Кроме существовавшего с начала XIX в. Коммерческого училища, в 1885 г. открылось еще одно – семиклассное Александровское, с пятью общеобразовательными и двумя специальными классами. Сверх обычной программы реальных училищ здесь преподавали еще ряд предметов. К концу века в Александровском коммерческом училище насчитывалось более 700 учеников. Появились и частные коммерческие училища. Расширился курс преподавания в Практической академии коммерческих наук: на общее образование отвели пять лет, на специальное – три года. Низших служащих торговых заведений (подручных приказчиков, конторщиков) готовило благотворительное Мещанское училище, куда принимали купеческих и мещанских сирот. С середины 90-х гг. коммерческие училища перешли в ведение Министерства финансов. В 1896 г. был принят закон о коммерческом образовании, предусматривавший учебные заведения разных типов: семиклассные и трехклассные коммерческие училища, одноклассные и трехклассные торговые школы, а также торговые классы и коммерческие курсы для работающих подростков и взрослых. К концу столетия в Москве имелось 11 коммерческих учебных заведений[50].

А. С. Ершов

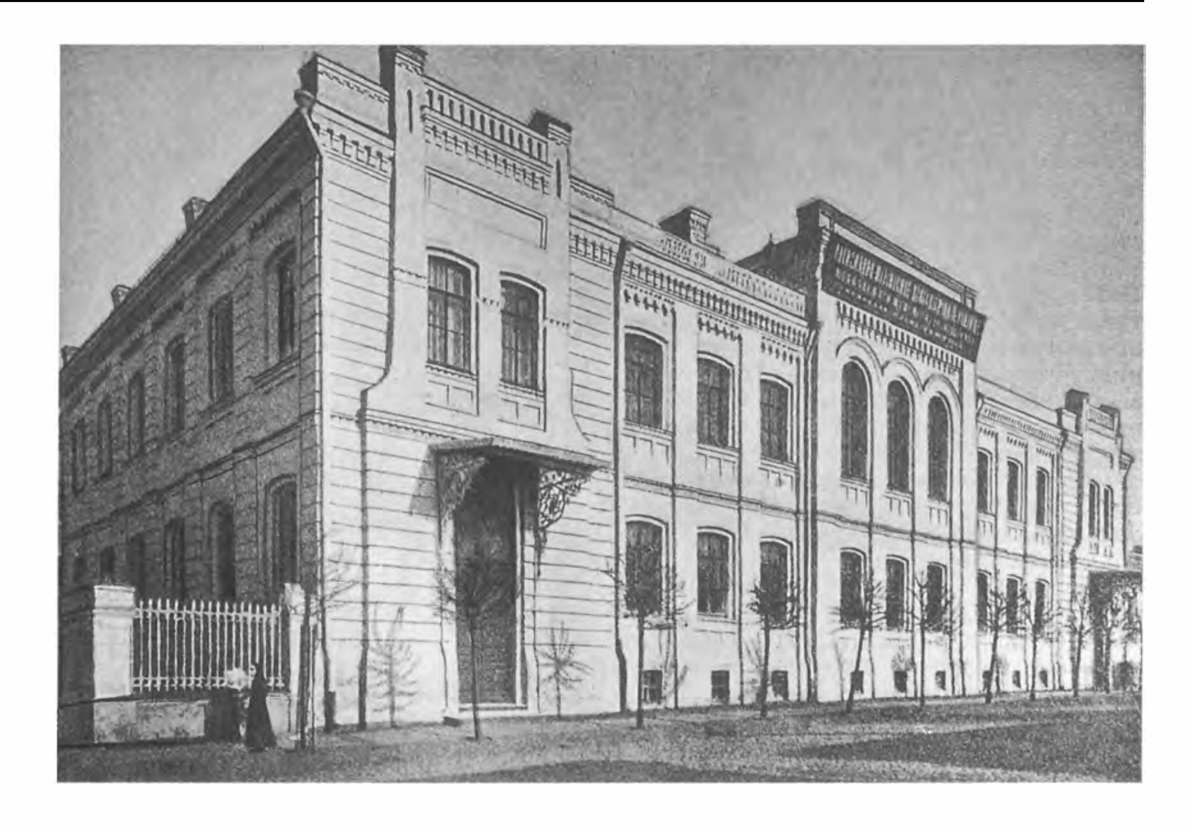
Заметный сдвиг происходил в ремесленно-техническом образовании. С 60-х гг. возникло немало новых ремесленных училищ. Первостепенную роль в этом отношении играла общественная и личная инициатива. Некоторые известные впоследствии учебные заведения создавались как благотворительные.

Приют, названный позже Рукавишниковским, возник в 1864 г. как исправительное заведение для малолетних преступников, беспризорных и нищих.

[49] *Прокофьев В.И.* Московское высшее техническое училище. М., 1955; Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана. 1830–1980. М., 1980.

[50] *Григорьев С.* Коммерческое образование в России и его нужды. Исторический очерк // Русское экономическое обозрение. 1898. № 8 и 9.

Александровское коммерческое училище

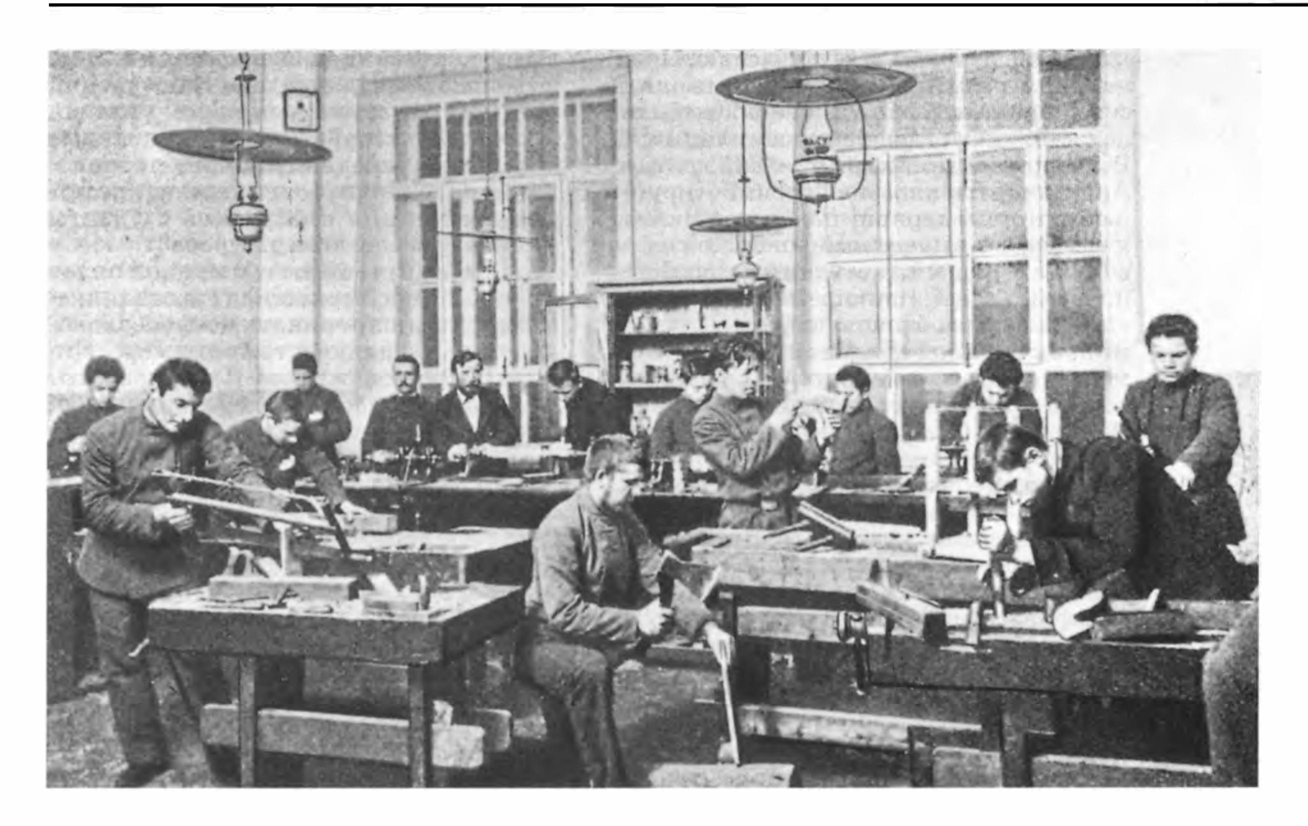

Помещался он сначала в Симоновом монастыре, иноки которого учили детей Закону Божьему, чтению и письму. Позже, благодаря своему директору Н. В. Рукавишникову, приют расширился, приобрел помещение близ Девичьего поля, а затем на Смоленской площади. Одна за другой возникали мастерские – сначала брошюровочная, затем столярная, сапожная, резчицкая, слесарная, кузнечная. В конце века их было уже восемь. Большинство воспитанников обучалось сапожному, переплетному, столярному и слесарному ремеслам. Функционировала школа, дававшая элементарные знания. Перевоспитание осуществлялось путем чтений, бесед, развития религиозности.

В 1865 г. при Арбатском отделении Дамского попечительства о бедных открылась небольшая ремесленная школа для обучения детей бедноты портняжному, сапожному и переплетному делу. В следующем году ее назвали Комиссаровской – в честь шапочного мастера О. И. Комиссарова, прикрывшего собой Александра II при покушении на него 4 апреля 1866 г.[51]. Внимание к школе властей и влиятельных лиц после этого усилилось, множились пожертвования. К началу 70-х гг. школа приобрела новую специализацию – стала технической. В ней открылись токарное, столярное, слесарное, кузнечное отделения, хорошо оборудованные технические мастерские. Переданная в ведение Министерства финансов, школа начала получать государственные субсидии и постепенно превратилась в образцовое заведение, не уступавшее реальным училищам. Она стала именоваться Комиссаровским техническим училищем. Курс обучения продлили до пяти лет, из них три отводилось на общеобразовательную подготовку. Число учеников превысило 200. В зависимости от знаний они получали при выпуске звание мастера или подмастерья. По уставу 1886 г. Комиссаровское училище стало семиклассным с правами среднего технического учебного заведения. Программу расширили за счет таких предметов, как электротехника, технология металлов и дерева, техническое черчение. Окончившие училище и проработавшие три года по специальности получали звание техника по механическому делу и личное почетное гражданство. Репутация у училища была высокой; на фабриках, заводах, железной дороге «комиссаровцами» дорожили.

Учебный отдел Общества распространения технических знаний, едва возникнув, открыл в начале 70-х гг. Учебно-слесарные мастерские с пятилетним курсом обучения и платой 60 руб. в год. Принимали туда мальчиков, имевших общеобразовательную подготовку в объеме начальной школы. Здесь они обучались слесарному и кузнечному ремеслам. Через несколько лет удалось выхлопотать государственные субсидии. Курс обучения расширился. В 1881 г. мастерские превратились в Слесарно-ремесленное училище. Плату за обучение уменьшили вдвое, четверть состава учеников вообще от нее освободили. К 90-м гг. училище выпустило 1,5 тыс. специалистов. Тот же Учебный отдел устроил 20

[51] Комиссаровское техническое училище. Краткий исторический очерк. М., 1916.

Московская практическая академия. Столярная и токарная мастерская

вечерне-воскресных школ технического рисования[52].

С 70-х гг. стали создаваться учебные заведения железнодорожного профиля. Первым из них в Москве было основанное в 1872 г. на пожертвования Дельвиговское железнодорожное училище, названное так в честь инженера А. И. Дельвига. С 1896 г. действовало высшее Московское имп. Инженерное училище ведомства путей сообщения. В 90-х гг. в городе возникло также Промышленное училище с механико-техническим и химико-техническим отделениями[53].

Дальнейшее развитие получило учебное дело на Прохоровской трехгорной мануфактуре. В 1882–1883 гг. к начальной школе для детей присоединилась школа для малолетних и подростков. В каждой из них училось свыше 100 человек. А еще через три года там же открылись вечерне-дополнительные классы (ремесленное училище) для тех, кто прошел курс начальной школы[54].

К концу века несколько улучшилось оборудование и преподавание в убогом поначалу Долгоруковском ремесленном училище, открытом в 1877 г. при Московском комитете для разбора и призрения нищих. Там обучали столярному, слесарному, сапожному делу, другим ремеслам, а также грамоте. Но состояние его и в 90-х гг. оставалось неудовлетворительным, а подходящее помещение только строилось. К тому же оно могло содержать не более 40 учеников, и за его пределами оставалась «масса бездомных, проживающих на улицах и в различных вертепах детей»[55].

Кроме названных профессиональных учебных заведений, в Москве имелись и другие – Учительский институт, школа типолитографов, Московское театральное училище, Консерватория, Земледельческая школа, школа садоводства, несколько кулинарных школ, две зубоврачебные школы, школы для портних и белошвеек, всевозможные курсы – бухгалтерии и счетоводства, каллиграфии, стенографии, иностранных языков, педагогические, классы рисования и живописи и проч.[56]

9. ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Новое вторгалось сюда не так стремительно и бурно, как в светскую школу. Но перемены происходили и здесь. Уже с середины 50-х гг. в печати говорилось о недостатках духовно-учебных заведений и необходимости их реформирования.

В Московской духовной академии при жизни митрополита Филарета сохранялись устоявшиеся порядки. Академия продолжала чувствовать его властную руку. От сочинений, публиковавшихся в ее органе – «Прибавлениях к Творениям святых отцов», – требовалась предельная сдержанность в суждениях. Магистерские диссертации прежде чем предстать на суд митрополита, тщательно исправлялись и дополнялись курирующими профессорами в его вкусе. Студенты «ходили исправно в церковь,

[52] *Грузинский А.Е.* Тридцать лет жизни Учебного отдела Общества распространения технических знаний. М., 1902.

[53] *Максин И.М.* Очерк развития промышленного образования в России. 1888–1908. СПб., 1909. С.44.

[54] Школы товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры в их прошлом и настоящем. СПб., 1904.

[55] *Горбов Н.М.* Долгоруковское городское ремесленное училище // Сборник очерков по городу Москве. М., 1897. С.6, 19-й паг.

[56] Вся Москва ... на 1900 г. Стб.634–648, 683–690.

ходили на исповедь и к причастию. Проявлений религиозного вольномыслия совершенно не было, да и не могло быть по состоянию тогдашней дисциплины»[57]. Ректором академии в 1862–1875 гг. был Александр Васильевич Горский – крупный историк церкви, пользовавшийся и в ней и за ее пределами «великой славой» как ученый, а студентами любовно прозванный «папашей». О времени его ректорства бывшие студенты вспоминали с особой теплотой. Отношения между профессорами и учащейся молодежью отличались патриархальностью. Инспекция была настроена снисходительно.

Постепенно менялся состав преподавателей. Знаменитого Ф. А. Голубинского уже не было в живых. В середине 50-х гг. его кафедру занял более чем на сорок лет другой известный религиозный философ – Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов. «Из выдающихся профессоров Академии в наше время особенным уважением, преимущественно пред всеми, пользовался В. Д. Кудрявцев»,– вспоминал студент 70-х гг., отмечая глубину мыслей ученого, присущий ему дар философа-популяризатора, изящество и ясность речи. Впрочем особым успехом у студентов лекции Кудрявцева не пользовались: находили, что он «несколько сух, мало экспрессивен»[58]. Более ценились его печатные труды, оказавшие влияние на развитие философской мысли и философских интересов в России[59]. К числу слушателей Кудрявцева принадлежал Вл.Соловьев. Почти до конца 80-х гг. продолжал преподавательскую деятельность Е. В. Амфитеатров. Кроме эстетики, он читал историю древней, средневековой и русской литературы. Его лекции об «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, о «Божественной комедии» Данте, «Потерянном рае» Мильтона, Шекспире, русских писателях (включая Н. В. Гоголя), вызывали у аудитории живейший интерес и слушались с жадностью. Для большинства это являлось подлинным откровением, поскольку в дореформенных семинариях светскую литературу читать не рекомендовалось. По влиянию на академические дела Амфитеатрова – секретаря академической конференции – называли главным «воротилой». Застал новые времена и П. С. Делицын: в начале 60-х гг. он еще преподавал в академии и редактировал переводы «Творений святых отцов».

Гражданскую историю России здесь читал С. К. Смирнов. Желая пробудить интерес в студентах, он наполнял свои лекции изложением занимательных происшествий и исторических анекдотов. В начале 70-х гг. на кафедре появился молодой В. О. Ключевский. Новый преподаватель привлек студентов прежде всего «самобытным, свежим и смелым» содержанием своих лекций. Но и не только этим: «чародей» Ключевский своим художественным даром увлекал слушателей в глубь истории; как живые проходили перед ними цари, митрополиты, патриархи, бояре, дьяки, крестьяне. На лекции собирались студенты разных факультетов и курсов[60].

С середины 50-х гг. и в такой оплот традиций, как Московская духовная академия, стали проникать искры вольномыслия. Наглядный тому пример – Никита Петрович Гиляров-Платонов. Этот выдающийся, по общему признанию, преподаватель читал курс герменевтики[61] и вел класс раскола. Читал непривычно для духовной среды, подвергая научной критике не только богословскую литературу, но и творения отцов церкви. Причиной недовольства церковных властей явилась и публицистическая записка Гилярова-Платонова, направленная против репрессий в отношении раскольников, ратовавшая за предоставление им свободы вероисповедания. В результате ему пришлось расстаться с академией.

Поспешил избавиться Филарет и от внушавшего ему опасения о.Феодора (А. М. Бухарева) – бакалавра кафедры Священного Писания. Глубоко верующий, мистически настроенный Бухарев отличался самостоятельностью мышления и упорством убеждений, не всегда совпадавших с принятыми в тогдашней духовной среде взглядами. Напрасно добивался он издания своего «Толкования на Апокалипсис» (увидевшего свет лишь в 1916 г., много лет спустя после смерти автора). В 1854 г. его перевели в Казанскую духовную академию, потом в Петербург, в цензурный комитет. Завершилась эта история за пределами Москвы: в 1862 г. Бухарев отказался от монашества и был лишен духовного сана.

Далеко не гладко протекала деятельность и такого видного ученого, как Евгений Евстигнеевич Голубинский – профессора истории русской церкви, преподававшего в академии с 1861 по 1895 г. Голубинский формировался уже в новую эпоху: пора его студенчества – вторая половина 50-х годов. Осторожного Горского он смущал «слишком резкими отзывами и решительными выводами». Себя и своего бывшего наставника Голубинский считал людьми разных направлений в науке: Горского консерватором, себя – либералом[62]. Труды Голубинского высоко ценились в ученой среде, но часто вызывали возражения со стороны духовной цензуры. Первый том своей «Истории русской церкви» автор защищал в 1880 г. в качестве докторской диссертации. Лишь благодаря энергичной поддержке митрополита Макария (Булгакова) ученая степень ему была присуждена, а книга вышла в свет. По поводу ее выхода Синод сделал замеча-

[57] *Голубинский Е.Е.* Воспоминания. Кострома, 1923. С.32.

[58] Краткие воспоминания о Московской духовной академии в период 1876–1880 гг. // У Троицы в Академии. М., 1914. С.182–183.

[59] *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т.2. Ч.1. Л., 1991. С.72–88.

[60] У Троицы в Академии. С.187–188.

[61] Герменевтика – истолкование древних текстов.

[62] *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С.41.

ние совету Московской духовной академии. Против нее восстал Победоносцев. По отзыву современника и коллеги Голубинского, «это была первая критически-свободно написанная история нашей церкви... совершенно оригинальная и по методу и по выводам»[63]. В ней подвергалось строгой научной проверке и отвергалось многое из того, что до тех пор принималось безоговорочно: сказание о путешествии апостола Андрея по Руси, летописная повесть о крещении великого князя Владимира и проч. Автор высказывал смелые суждения о состоянии русской церкви. Второй том «Истории» Голубинского дожидался издания около 20 лет. Когда началась публикация его частями в «Богословском вестнике», сослуживцы предупреждали Голубинского, что ему возможно придется оставить Академию. Он стал опальным профессором.

30 мая 1869 г. духовные академии получили новый устав, во многом улучшивший их положение. Усилилось материальное обеспечение. Оклады повысили, приравняв к университетским. Предполагалось увеличение состава преподавателей почти вдвое. Вводилось выборное начало. Преподаватели теперь избирались всей профессорской корпорацией путем закрытой баллотировки (с последующим утверждением Синодом или епархиальным архиереем). В то же время повышались требования к ним. Ординарным профессором мог стать только доктор богословских наук. Для получения степени магистра была необходима публичная защита диссертации[64]. Преподавание небогословских предметов разрешалось лицам, получившим степень доктора наук в университете. Бакалавры назывались теперь доцентами. Изменялась и сама структура академии. Вводилась специализация по трем отделениям: богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому. Значительному пересмотру подверглись учебные программы. Управление учебной и воспитательной работой передавалось совету, хозяйственной – правлению. В совет входили ректор, три его помощника (по числу отделений), инспектор и несколько профессоров – по два от каждого отделения. Общие собрания совета с участием всех профессоров академии созывались лишь в особо важных случаях. Инспектор (из профессоров) избирался советом на четыре года. Регламентация внутреннего порядка в академии была ослаблена, студенты получили больше самостоятельности. Академиям разрешили принимать вольнослушателей.

В 60-х – первой половине 80-х гг. в академии, по воспоминаниям студентов тех лет, царил культ науки – как среди профессоров, так и учащейся молодежи. Авторитетность каждого определялась его печатными трудами, успешностью преподавания, проявлением самостоятельного творчества. В студенческих занятиях первостепенное внимание обращалось на письменные работы: по ним судили о способностях и развитии юношей. Им, а не устным ответам, придавалось главное значение и на экзаменах (как приемных, так и выпускных). Поэтому силы, время, энергия отдавались преимущественно подготовке письменных сочинений. Лекции хотя и посещались, но далеко не всегда внимательно выслушивались. А то и не посещались.

Контрреформы не миновали академии. В 80-х гг. обстановка резко ухудшилась. Устав, принятый 20 апреля 1884 г., во многом явился возвратом к дореформенным порядкам. Усиливалась власть епархиального архиерея и ректора. Совет перестал играть существенную роль. Разделение на факультеты отменялось. Тайное голосование при выборах профессоров заменялось открытым. Инспектор снова стал назначаться. Должность приват-доцента упразднялась. Вместо этого устанавливались годичные стипендии особо одаренным выпускникам для подготовки к преподавательской деятельности. Ученые диспуты перестали быть открытыми: на них теперь допускались лишь специально приглашенные лица. Для получения степени доктора отныне не требовалось ни экзамена, ни защиты диссертации, т.к. это сочли неудобным для духовных особ высокого ранга. Восстанавливалась опека академий над семинариями в виде ревизий.

В Московской духовной академии устав 1884 г. встретили с неприязнью, понимая, что его введение продиктовано соображениями, чуждыми просвещению. Некоторое время еще сохранялись прежние традиции. Новый устав приживался туго. С его внедрением в жизнь «открылась эпоха академической поднадзорности, приведшая к бесправной безответственности при господстве и обилии всяких стеснений». Все очевиднее становилось «увядание» академии. Сменившееся в ней начальство стремилось «ввести новый закон во всей «строгости»... обуздать зараженных прежним «своевольным духом» и поднять авторитет власти». Непокорных карали. Студенческих делегатов, которым товарищи поручили добиться у ректора разрешения посещать ученые диспуты, лишили на полгода казенного содержания. В академии возобладала «тяжелая формалистика», «монашеское чиноначалие», произвол, «пристрастный фаворитизм». Так охарактеризована наступившая эпоха в официальном юбилейном издании к 100-летию Московской духовной академии[65]. Ходатайство московского духовенства о переводе акаде-

[63] *Смирнов С.* Е.Е.Голубинский. (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 5. Отд.IV. С.25.

[64] До того магистерскими диссертациями признавались лучшие письменные сочинения студентов старшего курса.

[65] *Глубоковский Н.*, проф. За тридцать лет (1884–1914 гг.) // У Троицы в Академии. С.737–755.

мии из Сергиева посада в Москву епархиальные власти «деспотически погасили».

Студенчество академии до 60-х гг., по свидетельству Е. Е. Голубинского, отличалось скромностью поведения. Не обходилось, правда, без выпивок и похождений «по амурной части», но случалось это не часто и незаметно для посторонних глаз. Позже дисциплина ослабла, студенты «эмансипировались». В 80-х гг. от «увещания и вразумления» начальство перешло к мерам карательным.

Подобно духовной академии, Московская и Вифанская семинарии, равно, как и духовные училища (Заиконоспасское, Андроньевское, Донское, Перервинское) во второй половине XIX в. дважды пережили реорганизацию. По уставам, утвержденным 14 мая 1867 г., они стали менее замкнутыми: был открыт доступ учащимся и из других сословий. Для преподавания общеобразовательных предметов разрешалось приглашать учителей гимназий и прочих светских учебных заведений. В управление вводился принцип коллегиальности и выборности. Немаловажные права получил преподавательский коллектив семинарии: ему предоставлялся выбор инспектора, двух кандидатов на должность ректора, а также членов педагогического и распорядительного (по хозяйственным делам) собраний. Наряду с преподавателями в оба собрания входили представители епархиального духовенства. Председательствовал и там и тут ректор. Вместо прежнего разделения курса обучения на три двухгодичных класса (низший, средний и высший) вводились одногодичные – с 1-го по 6-й. Общеобразовательные предметы четко отделили от богословских. Духовное училище и первые четыре класса семинарии давали общее образование примерно в объеме классической гимназии. После этого можно было продолжать учение в двух высших (богословских) классах или избрать себе иное поприще. Согласно утвержденным штатам, Московской семинарии полагалось иметь 432 воспитанника, по желанию духовенства это число могло быть увеличено за счет местных средств.

Московская духовная семинария не замедлила воспользоваться новыми правами. В 1869 г. здесь впервые был избран (а не назначен, как раньше, Синодом) ректор – молодой преподаватель, магистр богословия Н. В. Благоразумов. Небывалым явлением стало и то, что новый ректор принадлежал к белому духовенству, а не к монашеству[66].

В начале 70-х гг. в Московской духовной семинарии обучалось 457 воспитанников. Из пяти духовных училищ Московской епархии туда поступало ежегодно около 260 человек, из которых оканчивало курс 120–130 (остальные исключались как неуспевающие). Лучше других оказывались подготовленными ученики Донского и Заиконоспасского училищ. В целом же, как отмечал ревизовавший московские духовно-учебные заведения член Учебного комитета Синода С. В. Керский, духовные училища находились перед реформой в «крайнем упадке»[67], что неблагоприятно отражалось и на семинарии. В ходе реформирования уровень образования стал повышаться, но довольно медленно. Поначалу так же медленно обновлялась и духовная семинария. Прежнее руководство не спешило с переменами. При новом ректоре дело сдвинулось с места. Прежде всего реформировали административную часть, что не требовало дополнительных расходов. Большую активность проявили преподаватели, выдвигавшие все новые предложения и проекты. Помехой успешному преподаванию оставалась чрезмерная многочисленность учеников в классах, особенно младших (80–100 человек в каждом). Чтобы создать параллельные отделения, требовались деньги, а их не было. Предложение отменить полугодовые и ежегодные экзамены не поддержали начальство и духовные лица. Острой критике подвергался обычай назначать из учеников «старших» или цензоров (в помощь инспекции) и авдиторов (в помощь учителям)[68]. Было справедливо замечено, что такой порядок вел к доносительству и злоупотреблениям. На первых порах ограничились сохранением этого для младших классов, причем донесения инспектору делались теперь гласно, при всех. В остальных классах цензоров заменили дежурными, а затем комнатными надзирателями. Авдиторов перестали назначать еще до реформы. Перестраивался сам учебный процесс. Составлялись новые программы преподавания, совершенствовались его приемы. В результате повышалась успеваемость. Наряду с богословскими сочинениями, в учебной работе реформированной семинарии использовались труды историков Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, педагогов К. Д. Ушинского, Н. А. Корфа, О. И. Паульсона, В. В. Водовозова.

С 1867 г. при семинарии действовала воскресная школа, которую посещали дети, подростки, взрослые – преимущественно из среды ремесленников. Общее число учеников доходило порой до 176 человек. Преподавание здесь вели семинаристы старших классов. Учили Закону Божьему, чтению, письму, счету, немногих желающих – истории, географии, даже иностранным языкам. «Каждый учится, чему хочет»,– с неодобрением замечал ревизор.

В период контрреформ духовные семинарии и училища получили новые

[66] Русский архив. 1908. Кн.3. № 11. С.372–375.

[67] Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Московской епархии в 1873 г. СПб., 1877. С.89, а также с.72.

[68] Цензоры помогали в надзоре за поведением, авдиторы спрашивали у прикрепленных к ним учеников уроки и ставили им отметки.

уставы, утвержденные 22 августа 1884 г. Суть их сводилась к усилению власти епархиального архиерея, ректора, инспектора, к ликвидации выборного начала (и до того ограниченного), расширению преподавания в семинариях богословских дисциплин при сокращении программ общеобразовательных предметов. Общие собрания преподавателей отменялись. Ректор и инспектор отныне назначались Синодом, члены правления – епархиальным архиереем и съездом духовенства. Иностранные языки (кроме древних) оказались в числе необязательных предметов. Философию предлагалось рассматривать только как вспомогательное средство к уразумению богословия. Восстанавливалась опека Духовной академии над семинарией. Усиливался надзор за воспитанниками духовных училищ. В 80-х же годах в семинарии с целью противодействия старообрядчеству открыли особую кафедру по изучению раскола. В семинарской церкви стали проводиться еженедельные собеседования с раскольниками. Вместо прежней воскресной школы при семинарии открыли ежедневную образцовую школу.

В духовном ведомстве имелись и учебные заведения для девочек. Москва опередила в этом отношении другие города. Еще в 1832 г. при Горихвостовском доме призрения вдов возникло воспитательное отделение на 50 сирот. В 1865 г. по распоряжению митрополита Филарета оно стало существовать самостоятельно в виде Дома воспитания девиц-сирот духовного звания (на 100 человек). Первоначально ученицы получали здесь элементарное образование вместе с навыками рукоделия и ведения домашнего хозяйства. Постепенно программа обучения расширялась, приблизившись к курсу женских гимназий. В 1875 г. Дом воспитания преобразовали в Филаретовское епархиальное женское училище. В начале 80-х гг. в нем училось свыше 470 воспитанниц (пансионерок и приходящих) – не только из духовной среды, но и из других слоев общества[69]. Кроме того, в Москве имелось двухклассное (с 1884 г. – трехклассное) Мариинское Ризположенское училище для дочерей нуждающихся духовных лиц, с 75 воспитанницами[70].

К усилению и расширению влияния православия на население была направлена деятельность основанного в 1863 г. в Москве Общества любителей духовного просвещения. Возникло оно по инициативе митрополита Филарета и пользовалось поддержкой епархиальных властей. На первых порах Общество состояло из духовных лиц, но со временем к ним стали присоединяться миряне. Общество развернуло активную деятельность. Усилиями его членов удалось создать богатую епархиальную библиотеку, составлявшую к концу века более 15 тыс. книг (в том числе старопечатных) и рукописей. Большое внимание уделялось издательской деятельности. С самого начала выходили «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», позже превратившиеся в ежемесячный журнал. С конца 60-х гг. Общество издавало «Московские епархиальные (позже – церковные) ведомости». Затем появился еще один орган – «Воскресные беседы». Занимались также изданием и распространением книг и брошюр религиозно-нравственного содержания, нередко раздавая их бесплатно. В целях популяризации православия Общество устроило в 1866 г. религиозные собеседования с народом – сначала в своей библиотеке, а с 1881 г. – в московских храмах. На эти собеседования собиралось множество людей, и к концу века они проводились уже в десяти церквах. Одним из аспектов деятельности Общества явилась иконография; образовался Отдел иконописания и церковной живописи, открылась школа иконописания для детей бедного духовенства. Возник историко-археологический отдел.

10. НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Ослабление стеснений в годы демократического подъема повело к заметному оживлению деятельности прежних ученых обществ и возникновению новых. Обнаружилась тяга к общению, объединению усилий, к совместным действиям. Даже академически замкнутое Московское общество испытателей природы проявило себя с неожиданной стороны, принявшись за издание научно-популярного «Вестника естественных наук» (по инициативе и под редакцией К. Ф. Рулье). Возобновило издание своих «Чтений» Общество истории и древностей российских. Приблизилась к современности, стала более актуальной тематика публикуемых там материалов. Благодаря усилиям М. П. Погодина, А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, М. А. Максимовича возобновилась в конце 50-х гг. деятельность Общества любителей российской словесности при Московском университете, ставшего фактически всероссийским центром литераторов. В него вошли виднейшие русские писатели – Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, А. Ф. Писемский, А. К. Толстой, Я. П. Полонский... Участвовали в Обществе и ученые – словесники, историки, правоведы, естествоиспытатели. Общество принялось за издание «Словаря великорусского языка» В. И. Даля, народных песен, собранных П. В. Киреевским, других

[69] Московское Филаретовское епархиальное женское училище. Историческое изложение его судьбы в 50-летний период. 1832–1882 гг. М., 1883.

[70] Всеподданнейший отчет обер-прокурора К.Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. С.300–301.

произведений народного творчества. На публичных заседаниях читались новые художественные произведения, переводы сочинений европейских писателей, воспоминания. Доклады и выступления на собраниях Общества посвящались творчеству отдельных писателей, памятникам фольклора, материалам по истории литературы и общественной мысли, проблемам просвещения, историческим деятелям. Видная роль в ОЛРС принадлежала славянофилам. Новые учредители стремились превратить его в «важный орган общественного сознания», своего рода общественную академию – в противовес «петербургской казенной». На заседаниях Общества ратовали за свободу слова, выражали нескрываемую неприязнь к цензуре и бюрократии. С середины 60-х гг. вместе с изменением обстановки в стране, активность в ОЛРС пошла на убыль.

Особенно заметно новаторский дух проявился в деятельности некоторых вновь учрежденных объединений. Среди них выделялось Общество любителей естествознания (позже – естествознания, антропологии и этнографии), основанное группой молодых ученых и студентов во главе с А. П. Богдановым[71]. Общество стремилось к распространению естественно-научных знаний в массе публики и в своей работе опиралось на всех интересующихся естествознанием, а не только на специалистов. Действовало оно инициативно, напористо, с размахом. Возникали все новые отделения. Фактически это был конгломерат научных обществ, разрабатывавших, наряду с естественными, точные и гуманитарные науки. Так, в работе Этнографического отделения участвовали филолог В. Ф. Миллер (председатель), Ф. Е. Корш, А. А. Шахматов, правовед М. М. Ковалевский (вице-председатель), братья Харузины. По свидетельству Ковалевского, отделение понимало свои задачи широко: «Члены Общества в равной степени интересовались и материальной культурой различных народностей, входящих в состав России, и их языком, литературным и музыкальным творчеством, обычаями, обрядами и поверьями». Отделение издавало свой орган – «Этнографическое обозрение».

Работа Общества кипела. Многие начинания давали ощутимые результаты, привлекали внимание широких кругов, щедрые денежные пожертвования. Общество поддерживали, ему охотно помогали. Большой общественный резонанс получила организованная им Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. в Манеже, вызвавшая интерес не только в России, но и за границей. В Москву съехалось более 80 гостей из славянских земель, среди них видные деятели славянского Возрождения (Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Я. Головацкий, К. Эрбен). Общество любителей естествознания устраивало научные экспедиции в Среднюю Азию, к Черному, Белому, Балтийскому морям, их результатами явились богатейшие коллекции, солидные научные издания. Крупное значение имело устройство в 1872 г. Выставки прикладного естествознания, на основе которой был создан и ныне существующий Политехнический музей. Благодаря организованным Обществом выставкам в Московском университете появились Антропологический и Зоологический музеи, в Московском публичном и Румянцевском музее – богатый этнографический отдел.

В 60-х гг. ученые-естественники смогли, наконец, осуществить мечту об устройстве научных съездов. Хотя всякий раз приходилось просить особого разрешения, в главном идею удалось реализовать: съезды стали собираться каждые два-три года. Первый из них состоялся в 1867 г. в Петербурге (при активном участии московских ученых[72]), второй и девятый – в Москве.

Одно за другим возникали медицинские научные общества. В 1861 г. по инициативе Ф. И. Иноземцева и других медиков открылось Общество русских врачей. Оно выпускало «Московскую медицинскую газету», а позже – свои «Труды». В 1873 г. начало действовать Хирургическое общество. Затем объединились терапевты, создавшие Московское медицинское (терапевтическое) общество. В 80-х – начале 90-х гг. возникли более специализированные Акушерско-гинекологическое, Русское офтальмологическое, Общество невропатологов и психиатров, Общество детских врачей, Московское гигиеническое, наконец, в 1895 г. – новое Московское терапевтическое общество. Ядро их составляли университетские профессора и преподаватели. Вместе с ними действовали врачи-практики.

Общество любителей математических наук образовалось в 1867 г. из кружка молодых математиков, возникшего ранее по инициативе профессора Н. Д. Брашмана. В течение многих лет оно издавало «Математический сборник». Будучи сравнительно немногочисленным (в 90-х гг. – 69 человек), Общество сыграло большую роль в развитии математики и поддержании связи между научными деятелями в этой области.

Имелись в Москве и научно-технические общества. Ранее других возникло Московское отделение Русского технического общества, издававшее свои «Записки». При Московском техническом училище существовало Политехническое общество. Смешанный характер имело Московское архитектурное общество с художественно-технической выставкой и мастерской для испытания строительных материалов. Практичес-

[71] Пятидесятилетие имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913. Сост. В.В.Богданов. М., 1914.

[72] Съезд открылся докладом Г.Е.Щуровского «Об общедоступности или популяризации естественных наук». См.: Труды Первого съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге, происходившего с 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г. СПб., 1868.

кое назначение имели Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, Общество для содействия русскому торговому мореходству.

Особенно многосторонней была деятельность Общества распространения технических знаний, возникшего в Москве в 1869 г. Занималось оно популяризацией не только технических, но и любых других знаний, включая гуманитарные: в духе просветительных идей 60-х гг. его учредители были убеждены, что основой технического образования должно служить общее образование. Непосредственной задачей Общества было создание технических школ, учебных мастерских, классов технического рисования. Устав давал ему право устраивать выставки, музеи, публичные лекции, издавать учебные пособия, учреждать местные и отраслевые отделения. Общество незамедлительно обратило на себя внимание научных и педагогических кругов столицы. Через год после открытия оно насчитывало свыше 500 членов. Среди них – многие университетские профессора, общественные деятели, кое-кто из знати, «просвещенные представители капитала» (К. Т. Солдатёнков, Третьяковы, Рукавишниковы, Мамонтовы, фон Мекк, фон Дервиз). Возглавил Общество князь Я. Б. Лобанов-Ростовский, товарищем председателя стал профессор Н. В. Бугаев.

Весной 1871 г. при Обществе открылся Учебный отдел, вскоре начавший играть самостоятельную роль и получивший особый устав. Его деятельность приняла общепедагогический характер: отдел превратился в центр педагогической мысли. Его заседания охотно посещались публикой. Наряду с обсуждением проблем профессионального образования, устройства фабричных школ, здесь можно было, например, услышать доклады филолога А. И. Кирпичникова о преподавании отечественного языка в школах, историка Н. И. Кареева о тематике публичных лекций для рабочих. Известный педагог Л. И. Поливанов прочел в 1879 г. публичную лекцию «О месте истории культуры в курсе средней школы», сопровождавшуюся показом «туманных картин». Такие же лекции или примерные уроки устраивались и в дальнейшем. С середины 80-х гг. стали проводиться общеобразовательные чтения для учащихся по литературе, истории, географии, естественным наукам. Члены Отдела приняли активное участие в IX съезде естествоиспытателей, во II съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию. В начале 90-х гг. были организованы комиссии по разным отраслям знания – в том числе по истории (руководил П. Г. Виноградов), русскому языку и словесности (во главе с Л. И. Поливановым), а также комиссия по организации домашнего чтения под председательством П. Н. Милюкова. В них сосредоточилась основная работа.

Огромную просветительную деятельность развернула Комиссия П. Н. Милюкова: составлялись, издавались и рассылались по стране программы самообразования, налаживались связи с читателями разных регионов России, рецензировались присылаемые в комиссию письменные работы, оказывалась помощь в приобретении нужных книг. Все это сыграло благотворную роль в деле распространения знаний и повышении культурного уровня читающей публики. Широкой популярностью пользовались составлявшиеся комиссией «Программы систематического чтения». К ним прибегали люди разного возраста, образования, общественного положения – «от лиц, прошедших полный курс университета или военной академии, до лиц скудного домашнего образования или только грамотных»[73]. В течение одного 1896 г. было продано 74 627 экземпляров программ, некоторые выпуски вышли к тому времени уже в четырех-пяти изданиях. При комиссии открылось лекционное бюро, помогавшее устраивать публичные лекции в губернских и уездных городах. Но в 1896 г. произошла «катастрофа»: вся эта работа была приостановлена московским генерал-губернатором как выходящая за рамки утвержденного устава.

Важное научное и общественное значение приобрела деятельность Московского юридического общества, возникшего в 1863 г.[74] Летом 1875 г. оно подготовило и провело съезд юристов. Добиться разрешения на проведение ежегодных съездов не удалось: первый из них оказался и последним. На рубеже 70–80-х гг. московское общество юристов во главе с С. А. Муромцевым стало своеобразным оплотом конституционалистов. Председатель видел главную задачу Общества в «проведении в публику политических идей» и разработке законодательных предположений. Вместе с некоторыми коллегами С. А. Муромцев вошел в число авторов поданной М. Т. Лорис-Меликову «Записки о внутреннем состоянии России весной 1880 г.», выразившей общую платформу либеральной оппозиции тех лет. Со временем Юридическое общество, наряду с правоведением, занялось экономикой и статистикой, образовав для этого по предложению А. И. Чупрова особое отделение. Наиболее интересные из прочитанных на заседаниях Общества докладов печатались в «Юридическом вестнике». Цензурные трудности заставили заменить журнал ежегодником. В конце концов Юридическое общество было закрыто царским правительством, недовольным направлением его деятель-

[73] *Грузинский А.Е.* Указ. соч. С.29–30.

[74] Двадцатипятилетие Юридического общества, состоящего при имп.Московском университете. М., 1889.

ности и политическими выступлениями Муромцева.

Более благосклонно относились власти к Московскому археологическому обществу, возникшему в 1864 г. по инициативе и под председательством графа А. С. Уварова (сына бывшего министра просвещения)[75]. После смерти первого председателя Общество возглавила его жена – графиня П. С. Уварова. Московское археологическое общество развернуло энергичную работу. В ней приняли участие не только москвичи. На созываемые им археологические съезды приезжали ученые и любители отечественной старины из разных мест. I и VIII съезды состоялись в Москве в 1869 и 1890 гг. Тематика докладов и выступлений на съездах выходила за рамки археологии: обсуждались также проблемы отечественной истории, источниковедения, архивного дела. Периодически издавались «Труды» археологических съездов.

В пробуждении и распространении философских интересов в России немалую роль сыграло возникшее в 1885 г. Московское психологическое общество. Инициатива принадлежала профессору философии М. М. Троицкому. Остальные учредители – Д. Н. Анучин, А. П. Богданов, Н. В. Бугаев, М. М. Ковалевский, А. И. Чупров и др.– естественники, математики, медики, правоведы. По словам Ковалевского, научная позиция инициатора и первого председателя давала им надежду, что в Обществе возобладает дух позитивизма, вытеснив «старых метафизиков с религиозной окраской». Поначалу все так и складывалось. Но через несколько лет Троицкий умер, а новый председатель профессор Н. Я. Грот придал деятельности Общества иное направление, с явным умозрительно-идеалистическим уклоном (хотя к сотрудничеству приглашались люди любых философских воззрений).

Такой поворот объяснялся не столько личностью нового председателя, сколько процессами, происходившими в общественном сознании. Новые открытия в естествознании заставили по-иному взглянуть на многое. Популярный в 60-е гг. вульгарный материализм перестал удовлетворять. Среди естественников получил распространение витализм, акцентировавший внимание на коренном различии живой и неживой природы; в проявлениях жизни виталисты видели действие нематериальной силы. Все больше выявлялась узость и недостаточность утилитарного подхода к окружающему миру («природа не храм, а мастерская»). Возникла потребность в «общей идее», в целостном понимании природы мироздания. Наивная вера во всесилие науки стала рушиться. Вместе с тем возрождался интерес к идеалистической философии, к религии. События политической жизни, в свою очередь, все сильнее воздействовали на умы. Революционное движение, цареубийство вызывали у многих неприятие. Среди молодых людей росло разочарование в идеалах «отцов», нравственные понятия которых оказались далекими от подлинного гуманизма. Отрицание религии, пренебрежение к искусству воспринимались теперь как ущербные, обедняющие личность[76]. Возобновились религиозно-нравственные искания. Мощный импульс им придал Л. Н. Толстой с его проповедью нравственного возрождения, непротивления злу насилием, попытками создать учение в духе «очищенного» христианства. Образованные люди потянулись к осмыслению коренных вопросов бытия.

На этой волне и развернулась деятельность Психологического общества под руководством Н. Я. Грота. По инициативе председателя стал издаваться журнал «Вопросы философии и психологии» (на средства купца А. А. Абрикосова), который должен был содействовать самосознанию русского общества[77]. Предполагалось сделать его доступным для широкого круга читателей. Рассуждая об особенностях философии у разных народов, Грот в программной статье (1889, № 1) замечал, что в русской жизни всегда преобладал религиозно-этический интерес, соединенный с «недоверием к исключительному господству рассудка в жизни и чисто рациональных начал в знании» – в отличие от западноевропейской мысли, выдвигающей на первый план разум. А потому ему казалось, что вклад русских в философию выразится преимущественно в разработке этики. «*Философия спасения мира от зла*, его нравственного совершенствования, не будет ли именно нашей особой философией?»[78] – ставил вопрос редактор нового периодического издания.

Журнал получился живым, интересным, разнообразным по содержанию и имел читательский успех. Его тираж доходил до 1600 экземпляров, что для издания такого рода было редкостью. Среди авторов «Вопросов философии и психологии» – Л. М. Лопатин, Вл.С. Соловьев, Л. Н. Толстой, В. В. Розанов, С. Н. Трубецкой, историки В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов, В. И. Герье, Н. И. Кареев, правовед и философ Б. Н. Чичерин, писатель П. Д. Боборыкин, математик Н. В. Бугаев, биолог М. А. Мензбир, много других известных имен. Помимо общих вопросов философии, ее истории, новейших течений в ней, журнал уделял большое внимание философским проблемам разных наук, этике, религии, искусству, психиатрии. Здесь публиковались статьи, полемика, письма в редакцию, рецензии, обзоры научной литературы, библиография, протоколы заседаний Психологическо-

[75] Историческая записка о деятельности имп. Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890.

[76] *Розанов В.В.* Почему мы отказываемся от «наследства 60–70-х годов»? – В чем главный недостаток «наследства 60–70-х годов?» // *Розанов В.В.* Соч. М., 1990.

[77] «Вопросы философии и психологии» (1889–1918) // Вопросы философии. 1993. № 9 и 11. (Полный хронологический указатель статей журнала).

[78] *Грот Н.Я.* О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889. № 1. C.XVI, XIX.

го общества, информация о научной жизни за рубежом. В первые два года издания вышло пять книг «Вопросов философии и психологии», затем выпускалось по пять книг ежегодно. Последняя появилась в 1918 г. С середины 90-х гг. Гроту помогал в редактировании Л. М. Лопатин, ставший после его смерти главным лицом в редакции[79]. Соредакторами были некоторое время В. Н. Преображенский, затем С. Н. Трубецкой. В 1899 г. Лопатин возглавил и Психологическое общество.

Оживленная и плодотворная деятельность научных обществ развертывалась несмотря на то, что круг ученых специалистов был довольно узок. (Так, накануне введения университетского устава 1884 г. в Московском университете работало немногим более 80 профессоров и доцентов.) Такое положение объяснялось энтузиазмом участников, духовной атмосферой 60-х гг., тем культом науки, который сложился в эти годы и поддерживался позже. Многие научные общества чуждались узкоспециального характера, вовлекая в свою работу всех желающих, а их было немало. Отсюда подмеченная М. М. Ковалевским любопытная особенность. «При посещении обществ и редакций,– писал он,– меня всегда поражало в Москве присутствие одних и тех же лиц. В понедельник они были археологами, во вторник или среду – этнографами или юристами, и неделя не кончалась без новой встречи с ними в Психологическом обществе или Обществе любителей российской словесности»[80].

Общение ученых происходило и в неофициальной обстановке. С 50-х гг. в Москве практиковались так называемые журфиксы – приемные дни в домах некоторых профессоров, журналистов, общественных деятелей, куда собирались знакомые преимущественно для беседы. Журфиксы устраивали С. А. Усов, В. И. Герье, М. М. Ковалевский, Н. И. Стороженко, М. С. Корелин, И. И. Янжул и др. «Вернее сказать, все это были не дни, а вечера, начинавшиеся поздно и продолжавшиеся долго за полночь,– рассказывал Ковалевский.– Вечер не заканчивался, а только прерывался ужином. Многие приезжали прямо к нему, а начинавшаяся за ним беседа длилась иногда до трех часов утра»[81]. Разговоры велись на научные, литературные, политические темы. Ученые тесно общались с писателями, журналистами, общественными деятелями. Из писателей ближе других был П. Д. Боборыкин, сам некогда готовившийся к научной карьере. Встречались и с Л. Н. Толстым (впрочем, редко находя с ним общий язык). Близок к молодым ученым-обществоведам был известный адвокат и общественный деятель радикального оттенка В. И. Танеев (брат композитора). Летом местом встреч нередко служило Петровское-Разумовское, где жил общительный И. И. Иванюков и куда запросто приезжали М. М. Ковалевский, В. И. Танеев, Л. Н. Толстой, из Петербурга – Н. В. Шелгунов, Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский.

11. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Большим событием в культурной жизни древней столицы явилось перемещение сюда в начале 60-х гг. Румянцевского музея, предназначенного своим основателем графом Н. П. Румянцевым «на благое просвещение». Эта ценнейшая сокровищница содержала библиотеку старопечатных и рукописных книг, древнерусских грамот и актов, нумизматический кабинет с древнегреческими, римскими, византийскими монетами и медалями, собрание минералов, этнографическое собрание, картинную галерею, отделы гравюр, доисторических, христианских и русских древностей (включавших кресты, иконы, печати, домашнюю утварь, оружие и многое другое). Перед переездом в Москву собрание пополнилось книгами из Эрмитажа и императорской Публичной библиотеки Петербурга. Образовался Московский публичный и Румянцевский музей – предмет гордости Москвы, послуживший в будущем основой Российской государственной библиотеки.

«Первым русским народным университетом» назвал современник открывшийся в 70-х гг. Политехнический музей. Лучшие университетские профессора читали в нем публичные лекции. Наука, по словам К. А. Тимирязева, пришла «в соприкосновение с массами населения». С переходом музея в построенное для него здание там еженедельно проводились народные чтения с объяснением коллекций. Выставка 1872 г. стала зародышем и другого важного начинания. Устроители экспонировавшегося на ней отдела истории Севастопольской обороны 1854–1855 гг. полковник Н. И. Чепелевский, граф А. С. Уваров, генерал А. А. Зеленый предложили создать в Москве постоянный Исторический музей. Московская городская дума отвела для музея место в самом центре столицы. В 1875–1881 гг. по проекту архитекторов В. О. Шервуда и А. А. Семенова для музея было построено здание. В 1883 г. открылся Императорский Российский Исторический музей. Целью его стало собирание «разнородных предметов древности и старины, которые в своей совокупности представляли бы наглядную и полную, по возможности, картину прошлой жизни как

[79] *Корелина Н.П.* За пятьдесят лет (Воспоминания о Л.М.Лопатине) // Вопросы философии. 1993. № 11. С.115–119.

[80] *Ковалевский М.М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х гг. прошлого века. (Личные воспоминания) // Вестник Европы. 1910. № 5. С.196.

[81] Там же. С.212.

Политехнический музей. Конец XIX в.

русского народа, так и обитавших в России народов». Всю работу в музее фактически направлял известный историк Москвы И. Е. Забелин. Основой музейных собраний явились дарственные поступления. Исторический музей обладал богатейшей археологической коллекцией. Широко были представлены духовная и политическая жизнь средневековья, быт разных слоев населения, народное искусство. Особые залы посвящались памятникам Херсонеса и Кавказа, греческим поселениям Причерноморья, Великому Новгороду и Пскову, Владимиро-Суздальскому княжеству. Хронологически экспозиция охватывала период с древнейших времен по XVI в.

В 80-х гг. открылись две городские бесплатные читальни – им. И. С. Тургенева и А. Н. Островского. В первой из них инициатива и материальная поддержка принадлежали известной благотворительнице В. А. Морозовой[82], взявшей на себя строительство здания, первоначальное обзаведение библиотеки и содержание ее в течение пяти лет. Тургеневская читальня открылась в 1885 г. на Сретенском бульваре. К началу 90-х гг. в ней имелось более 5 тыс. книг (3322 названия). Ежегодно ее посещало свыше 80 тыс. человек, а в 1896 г. даже более 100 тысяч. Через три года открылась построенная по решению Московской городской думы читальня им. Островского на Смоленской площади. К 1895 г. ее книжный фонд составлял более 2 тыс. названий (3224 тома). Число посетителей за год колебалось от 22 до 28 с лишним тысяч человек. Деятельность бесплатных народных читален всячески сдерживалась правительством, которое усиливало надзор за ними, запрещало выписывать ряд газет и журналов, ограничивало круг литературы, допущенной к чтению в народных библиотеках[83].

В деле науки и образования вторая половина XIX в. была порой больших надежд и горьких разочарований. Эти проблемы находились в центре общественного внимания. Вокруг них кипела острая борьба. От состояния науки и просвещения во многом зависела материальная и духовная мощь страны. В учебных заведениях формировалось молодое поколение – ее будущее. Сознавая первостепенное значение этой сферы, правящие верхи не упускали ее из виду, стремясь использовать как одно из важнейших орудий своей политики. Отсюда – крутые повороты в учебном законодательстве при каждой значительной перемене правительственного курса. Образовательная система испытала на этих поворотах большие потрясения. Известный простор для общественной и личной инициативы, полученный во время демократического подъема и частично закрепленный реформами 60-х гг., в высшей степени благоприятно отразился на науке, образовании, вызвал к жизни новые формы просветительной деятельности. Москва занимала в этом процессе одно из самых видных мест, сравнимое только с Петербургом. Высоты, достигнутые учеными Московского университета, размах деятельности московских научных обществ, бурный рост учебных заведений в Москве, энтузиазм и энергия, проявленные многими образованными москвичами и учащейся молодежью в освоении и популяризации знаний – яркое тому доказательство. Успехи были велики и неоспоримы. Заметную поддержку научным и просветительным мероприятиям оказали промышленные круги и реформированная Московская дума.

Однако царское правительство, под впечатлением нараставшего революционного движения, с одной стороны, и влиянием реакционных сил с другой, отказалось от политики реформ. Контрреформы болезненно отразились на просвещении и науке. Одним из их результатов явилось усиление конфронтации в обществе, что сыграло немалую роль в последующем крушении господствовавшего в стране политического режима.

[82] См. о ней: *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992. С.66–75.

[83] *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР. Изд.3-е. М., 1980. С.63–66.

МОСКВА ЛИТЕРАТУРНАЯ

1. МОСКОВСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ И РЕФОРМЫ 60-х гг.

Никогда за всю предыдущую историю России литература не приобретала такой духовной силы, как в XIX столетии. Но и в этом столетии были периоды, когда ее влияние особенно возрастало. Одним из таких периодов были 50–60-е гг. Они не дали новых великих поэтов. Золотой век русской поэзии остался позади, и гениев, подобных А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову, литературная среда тех лет не выдвинула. Правда, продолжалась творческая деятельность таких талантливых поэтов, как Н. Некрасов, Ф. Тютчев, А. Фет, но их творчество расцвело еще в николаевские времена. Н. Некрасов бывал в Москве лишь наездами, Ф. Тютчев и А. Фет учились в Московском университете, но жили в Москве периодически. Блистали тогда в Москве поэты типа Б. Н. Алмазова, еще в 1851 г. начавшего выступать на страницах «Москвитянина» под псевдонимом Эраста Благонравова, а с конца 50-х гг. ставшего особенно известным своими публикациями в сатирических журналах. Обширный том «Стихотворений» Алмазова – проводника консервативной традиции – появился в 1874 г., а в начале 90-х гг. вышел трехтомник его сочинений[1]. Сейчас он практически забыт и знают о нем только специалисты-филологи. И тем не менее рост влияния литературы, прежде всего публицистики и художественной прозы, был тогда колоссальным.

Власти всегда стремились использовать в своих политических интересах литераторов. Николай I пытался привлечь их к обоснованию известной «теории официальной народности», однако тогда удалось охватить отнюдь не лучшие литературные имена. Иная картина наблюдалась начиная с середины 50-х гг. Борьба вокруг реформы потребовала мобилизации литераторов для пробуждения общественной жизни и организации поддержки намечавшихся преобразований. Большая заслуга здесь принадлежит великому князю, брату нового царя – Константину Николаевичу, и раньше пытавшемуся оказывать поддержку даровитым писателям. Выдающийся юрист А. Ф. Кони впоследствии писал: «Морскому сборнику» принадлежит незабвенная честь широкого почина гласности в нашей печати. Покровительствуемый и оберегаемый Константином Николаевичем, этот журнал открыл свои страницы для смелого изобличения всех язв, недостатков и злоупотреблений, которыми была полна жизнь страны, лежавшей «безглагольно, недвижимо» у ног ограниченной и своекорыстной военной и гражданской бюрократии»[2].

Главные проводники реформ прекрасно понимали значение литературы и всячески поощряли тех писателей, которые ратовали за преобразования в стране, за ликвидацию прежде всего позорного крепостного права. К середине века Россия оказалась последней страной Европы, где еще господствовало крепостничество. Но большинство земледельческого дворянства противилось реформе. В борьбу против них были вовлечены значительные литературные силы. По инициативе того же Константина Николаевичаустраивались в 1856 г. поездки видных писателей, в том числе и московских, в различные районы российской глубинки с целью отражения реальной жизни простого человека, раскрытия его экономического положения и повседневного быта. Без сомнения, в то время петербургские литераторы были настроены заметно более радикально, чем московские. Москва не выдвинула тогда литературных деятелей, равных Н. Чернышевскому, Н. Добролюбову, Н. Некрасову. Традиционно оппозиционное московское дворянство поначалу стало оппозицией нового образца – оппозицией преобразованиям, намечавшейся реформе. Но и в Москве литературные круги все более радикализиро-

[1] Русский биографический словарь. Т.II. СПб., 1900. С.58–60.

[2] *Кони А.Ф.* Великий князь Константин Николаевич // Великая реформа. Том V. М., 1911. С.37.

вались и приняли определенное участие в подготовке и проведении реформы.

Городские реалии были достаточно хорошо известны, известны были и те слои, которые сдерживали прогресс и явно или тайно препятствовали подготавливавшейся реформе. Тот повсеместный произвол, о котором в свое время говорил Александр I, называя его «произволом нашего правления»[3], сохранился и в середине столетия, и у писателей было достаточно оснований для бичевания тогдашних пороков.

В наступлении на косность, в отстаивании коренных преобразований Петербург в то время шел впереди Москвы. Но именно коренному москвичу А. И. Герцену, оказавшемуся в длительной эмиграции, выпала честь провозгласить программу будущих преобразований. Именно он в открытом письме императору Александру II от 10 марта (нового стиля) 1855 г. требовал отдать землю крестьянам, смыть позорное пятно крепостного состояния и освободить русское слово. В Москве осенью 1856 г. вышел из печати сборник «Стихотворения Н. А. Некрасова». Его открывало стихотворение «Поэт и гражданин», где Гражданин призывал идти «в огонь за честь отчизны, за убежденье, за любовь...»[4]. Это стихотворение тоже во многом носило программный характер. Сборник разошелся с поразительной быстротой, и вскоре почитатели поэта стали переписывать его от руки.

Н. А. Некрасов принял участие в возобновившейся литературной полемике между Петербургом и Москвой, приобретшей в конце 50-х – начале 60-х гг. новый ракурс и принципиально новый характер. Еще в 1855 г. ведущий московский критик Аполлон Григорьев, по существу главный теоретик «молодой редакции «Москвитянина», тот самый, который противопоставлял «чистую русскую душу» «Европе старой» и «Америке беззубо-молодой, собачьей старостью больной», обрушился на страницах «Москвитянина» на Н. Г. Чернышевского. В статье «Об отношении современной критики к искусству» А. А. Григорьев обвинял Н. Г. Чернышевского в том, что тот пишет «тьму безвкусных и безобразных литературных ересей»[5]. Одним из этапов этой московско-петербургской полемики, то усиливавшейся, то ослабевавшей, и стало стихотворение Н. А. Некрасова «Дружеская переписка Москвы с Петербургом», опубликованное в 1860 г. в третьем номере «Современника» и четвертом номере «Свистка». Стихотворение предваряла вступительная заметка, к нему имелись примечания Н. А. Добролюбова (существует предположение, что Добролюбов был также и соавтором этого произведения)[6].

Совместное выступление Некрасова и Добролюбова прежде всего направлялось против славянофильской Москвы и отражало борьбу за духовное лидерство в канун реформы. Один из виднейших московских славянофилов – К. С. Аксаков в 1857 г. в «Молве» утверждал, что «нравственною победою Россия будет обязана деятельности мысли, возникшей в Москве»[7]. И, конечно, авторы стихотворения не преминули вспомнить слова московского поэта И. И. Дмитриева:

Москва, России дочь любима!
Где равную тебе сыскать?

В ответе «Современника», довольно корректном, таился тонкий юмор и даже некоторая сатира, и авторы стихотворения, с одной стороны, как бы выразили отношение Москвы к Петербургу заключительной фразой:

Итак, друзья мои, Кляну тщеславный град!
Рыдаю и кляну... Прогрессу он не рад.
В то время как Москва надеждами пылает,
Он погружается по-прежнему в разврат
И против гласности стишонки сочиняет!..

В той же части стихотворения, где шла речь о Москве, звучали следующие слова:

Волшебный град! Там люди в деле тихи!
Но говорят, волнуются за двух,
Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух;
Все взоры веселит, все сердце умиляет,
На выспренний настраивает лад –
Царь-колокол лежит, царь-пушка
не стреляет,
И сорок сороков без умолку гудят[8].

Петербургско-московская полемика того времени была частью той усиливавшейся общественной активности, которая находила особенно широкое отражение в литературе. Москва ассоциировалась со славянофилами, где действительно находился их главный литературный штаб и где шел процесс мобилизации также и в писательской среде. Собственно, позиции славянофилов как части либерального лагеря и радикалов в то время в наибольшей степени сблизились. Более того, консервативные круги вели против славянофилов не меньшую борьбу, чем против радикалов. Не случайно А. И. Кошелев, несомненно утрируя, был вынужден отметить в своих записках: «Нас, так называемых славянофилов, страшились в Петербурге, т.е. в администрации, пуще огня. Там считали нас не красными, а пунцовыми, не преобразователями, а разрушителями, не людьми, а какими-то хищными зверями»[9].

А. И. Кошелев, конечно, преувеличивал боязнь официального Петербурга славянофилов, но истинные цели сла-

[3] *Ключевский В.О.* Соч.: В 10-ти т. Т.V. М., 1989. С.194.

[4] *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем.: В 15-ти т. Т.II. Л., 1981. С.9.

[5] Там же. С.60.

[6] Там же. С.356.

[7] Там же. С.59.

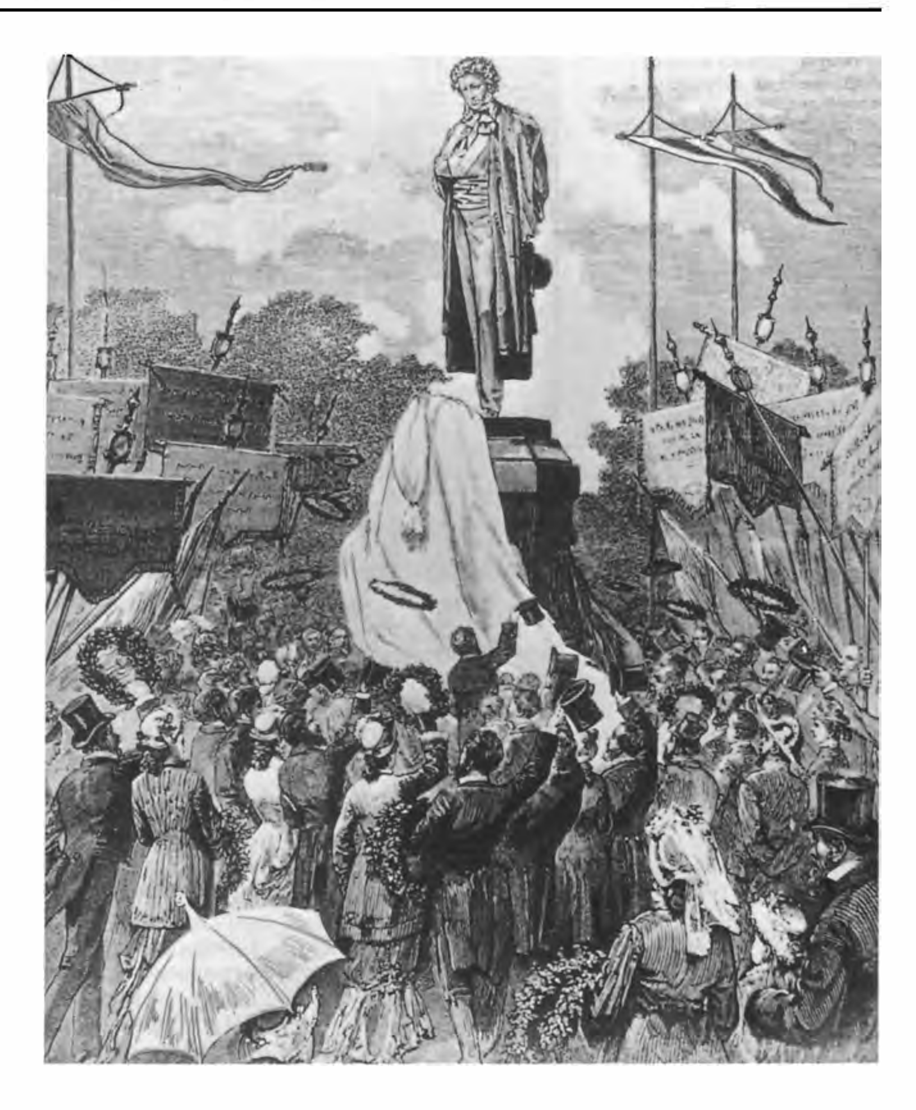
[8] Там же. С.53, 54.

[9] *Кошелев А.И.* Записки. Ч.1. М., 1991. С.97.

вянофильства понимали далеко не все. Однако в Москве славянофилы представляли довольно значительную литературную силу, с которой нельзя было не считаться. Вообще литературная Москва во второй половине столетия начинает играть новую роль. По-прежнему в Москве действуют различного рода салоны, в том числе и преимущественно литературные. Пожалуй, наиболее известным из них являлся салон графини Е. В. Салиас де Турнемир. Этот салон откровенно западнического направления был основан Е. В. Сухово-Кобылиной (по мужу – Салиас де Турнемир), принявшей псевдоним Евгения Тур. Он возник еще в начале 50-х гг., но как и многие другие салоны, во второй половине 50-х гг. проделал заметную эволюцию не только литературного, но и политического свойства. Салон все более усиливал внимание к политическим вопросам и сохранил свое значение и в 60-х гг., привлекая к себе определенную часть студенческой молодежи.

Однако, несмотря на то что салоны играли тогда заметную роль в литературной жизни, наиболее значительной организацией литературных кругов являлись объединения вокруг печатных органов, а также специальные литературные общества. Возникшее еще в 1811 г. при Московском университете Общество любителей российской словесности во второй половине 50-х гг. решило активизировать свою работу, и с конца мая 1857 г., можно сказать, последовало второе рождение этого объединения. Хотя мысль о возрождении деятельности Общества принадлежала славянофилам, и прежде всего Аксаковым, к нему присоединились писатели различной ориентации, и не только постоянно проживавшие в Москве. Членами Общества стали И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой, А. Ф. Писемский и М. Е. Салтыков-Щедрин, А. М. Жемчужников и А. К. Толстой, причем два последних – двоюродные братья – стали вместе со своими еще двумя братьями создателями знаменитого Козьмы Пруткова[10].

Собрания любителей российской словесности посвящались главным образом чтениям наиболее крупных произведений тогдашней литературы, использовались как место встреч литераторов. На них отмечались писательские юбилеи, выступали видные отечественные филологи. Среди них, например, такой крупный филолог, весьма близкий к славянофилам, как Ф. И. Буслаев. Примечательно, что в конце 1859 г. Буслаев был приглашен в Петербург для чтения наследнику престола Николаю Александровичу курса «Истории российской словесности». Ф. И. Буслаев возвратился в 1861 г. в Москву и продолжил свою работу в рамках Общества. Из видных филологов в Обществе участвовали А. Н. Веселовский, Н. И. Стороженко, Н. С. Тихонравов. Обществу удалось наладить выпуски сборников под названием «Беседы», с некоторым налетом славянофильства, но тем не менее в них содержался ряд интересных исследований и публикаций источников, не известных или мало известных широкой публике. На страницах «Беседы» публиковались и фольклорные записи, сделанные московскими славянофилами.

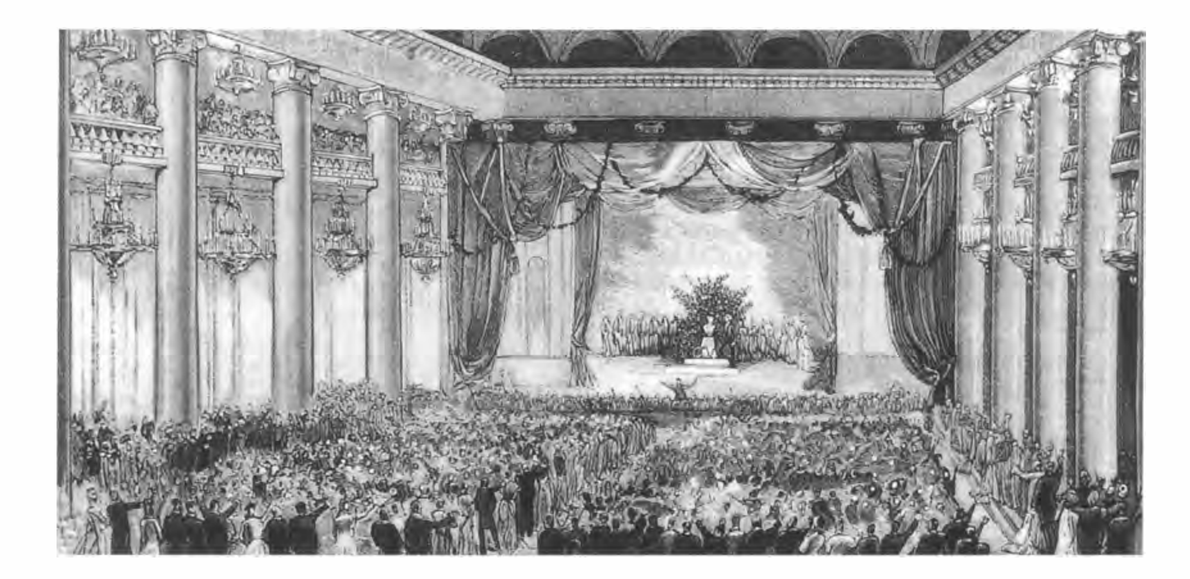

Открытие памятника А. С. Пушкину 6 июня 1880 г. Гравюра по рисунку с натуры Н. Чехова

В пореформенный период Общество любителей российской словесности не было единственной литературной организацией в Москве. В 1874 г. А. Н. Островский выступил инициатором создания еще одного объединения – Общества драматических писателей. Однако в качестве объединителя литературных сил большее значение имели ряд влиятельных московских журналов и газет.

Наиболее известным литературным журналом, возобновившим свою деятельность в 1856 г., был «Русский вестник», который с 1856 по 1887 г. возглавлял М. Н. Катков. Именно в «Русском вестнике» появились «Накануне», «Отцы и дети» и «Дым» И. С. Тургенева, публиковались «Преступление и наказание»

[10] Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1982. С.5.

Литературный вечер в Благородном собрании, посвященный открытию памятника А. С. Пушкину. 1880 г.

и «Бесы» Ф. М. Достоевского. На его страницах выступал Л. Н. Толстой, не стремившийся входить в какие-либо литературные объединения и группы. Но именно в этом журнале он начал печатать «Войну и мир» и «Анну Каренину», а также «Семейное счастье» и «Казаки». Авторами журнала выступали не только либералы-западники, перед которыми поначалу особенно благоговел М. Н. Катков. В журнале в 1856 г. издавались «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, привлекая к себе огромное внимание. Мемуаристка Е. А. Штакеншнейдер в этой связи отмечала: «Читающий мир занят... «Русским вестником», где печатаются «Губернские очерки» Щедрина. Его ум ставят выше Гоголя»[11].

В то время «Русский вестник» популяризировал не только откровенно антикрепостнические идеи Салтыкова-Щедрина, но даже помещал стихотворения некогда запрещенного эмигранта Н. П. Огарева. Но менялись времена, менялась и направленность журнала. «Русский вестник» стал лидером в пропаганде «антинигилистических романов». Собственно к ним относились и «Бесы» Ф. М. Достоевского, и романы В. В. Крестовского «Панургово стадо», «Две силы», опубликованные в журнале в 1875 г. под общим заглавием «Кровавый пуф». Их автор выступил обличителем деятелей движения 60-х гг. Еще до Крестовского, в 1864 г. в «Русском вестнике» вышел антинигилистический роман В. П. Клюшникова «Марево», вызвавший резкую отповедь Д. И. Писарева. Здесь же был помещен еще один роман из этой серии – «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского,– означавшей организованный поход против деятелей освободительного движения, воодушевляемый влиятельным руководителем журнала.

Журнал вместе с тем продолжал печатать труды многих видных писателей, и при неоднозначном к нему отношении различных кругов русского, в том числе и московского, общества был одним из ведущих литературных журналов страны. Сам Катков уже в другом своем издании – газете «Московские ведомости» – в 1863 г. обосновывал изменение своей политической позиции, некогда сводившейся к обличению царства мрака и подавления личности. «Мы как будто забыли,– подчеркивал он,– что символ государства есть меч, и что государство поставлено в необходимость прибегать в случае необходимости к строгим, даже суровым мерам»[12].

Московские западники выпускали и другие журналы, где печаталась художественная проза, но они не могли составить серьезной конкуренции «Русскому вестнику». Одним из таких журналов стал «Атеней», редактором которого был Е. Ф. Корш, а главным идеологом – один из лидеров западников Б. Н. Чичерин, занимавший позицию, отличавшуюся от позиции М. Н. Каткова. «Атеней» также привлекал к сотрудничеству известных писателей. В нем были помещены произведения И. Гончарова, И. Тургенева, М. Салтыкова-Щедрина, М. Погодина, а также Н. Чернышевского и, что само собой разумеется, Б. Чичерина. Просуществовал журнал менее полутора лет – с января 1858 по май 1859 г.– и закрылся, ощутив серьезные материальные затруднения.

Еще более короткая жизнь выпала на долю также прозападнического журнала – «Русской речи», издание которого наладили в 1861 г. Журнал издавался содержательницей упоминаемого выше салона Е. В. Салиас де Турнемир, в нем печатались и такие представители леворадикальных сил, как А. И. Левитов и В. А. Слепцов. В частности, Слепцов, близкий к кружку Е. В. Салиас, опубликовал в «Русской речи» несколько очерков – «Из путевых заметок», «На

[11] *Штакеншнейдер Е.А.* Дневники и записки. М.; Л., 1934. С.145.

[12] *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н.Катков и его издания). М., 1978. С.37.

выставке», «Владимирка и Клязьма», где четко прослеживался его интерес к деревенской тематике, а также неудовлетворенность теми преобразованиями, которые намечались в стране и, на его взгляд, крайне ограниченных. Однако не Слепцов и Левитов были авторами, представлявшими лицо «Русской речи». Журнал противопоставлялся «Современнику» Н. Г. Чернышевского, и для него близкими были взгляды таких авторов из научной среды, как Ф. И. Буслаев, И. Е. Забелин, С. М. Соловьев.

Славянофилы также попытались создать печатный орган, подобный «Русскому вестнику». Им стала «Русская беседа», которая начала издаваться в 1856 г. В программе «Русской беседы» подчеркивалось, что «единственная почва для самобытного и полного развития всякого народа есть, конечно, его народность»[13]. В предисловии к первому номеру журнала, написанном А. С. Хомяковым, проводилась идея самостоятельного развития русской мысли и даже подчеркивалось, что прошло время восхищения перед западной культурой и, более того, настало время ее критики[14].

Любопытно, что, по воспоминаниям основателя «Русской беседы» А. И. Кошелева, министр народного просвещения А. С. Норов после того, как вышло несколько номеров журнала, при встрече с Кошелевым заметил: «Ничего, продолжайте, как начали, и вы будете иметь во мне верного защитника. Признаться, я вас шибко боялся – думал, что вы занесетесь бог весть куда. Нет – ничего. Вас ругают только журналы и газеты – это не беда»[15]. Но «Русская беседа» продержалась всего несколько лет – до 1860 г. Недолговечными оказались и другие издания славянофилов – «Парус», «День», «Москва», «Русь».

Роль славянофилов в жизни писательской Москвы была довольно значительной. Не случайно И. С. Аксаков – издатель-редактор четырех последних славянофильских изданий – был избран в 70-х гг. председателем Общества любителей российской словесности. Весьма заметным был вклад славянофилов в художественное творчество и художественную критику. В 1857 г. в «Русской беседе» К. С. Аксакова вышла его статья «Обозрение современной литературы». Как литературный критик он публиковался и в «Молве». Аксаков выступал противником бездумного подражательства, прежде всего, против слепого копирования иноземщины, важнейший его принцип – «самостоятельность умственная и жизненная». Сам Аксаков не оставлял творческую деятельность: он и поэт, и драматург, и критик, и исследователь – историк и филолог, пока в 1860 г. в возрасте 43 лет не оборвалась его жизнь. Но роль Аксакова в подготовке реформы оказалась весьма значительной. В своей записке, переданной молодому императору Александру II в 1855 г., он написал: «Правительство наложило нравственный и жизненный гнет на Россию; оно должно снять этот гнет».

Отец К. С. Аксакова, скончавшийся всего лишь за год до смерти сына, издал в 1858 г. отдельной книгой «Детские годы Багрова внука», как бы дополнившие его «Семейную хронику», вышедшую в 1856 г. Почти ослепший писатель еще при жизни успел выпустить в свет свои основные произведения и почувствовал тот теплый прием, с которым к ним отнеслась читающая публика.

Потеряв отца и брата, И. С. Аксаков целиком отдался литературной и общественной деятельности. В эпоху реформ 60-х гг. Аксаков оставил о себе память, прежде всего, как публицист и поэт. Эволюция его взглядов весьма примечательна. Человек, лично очень честный, проповедник общинно-артельного начала, в 70-х гг. он стал председателем Совета Московского общества взаимного кредита и по сути дела прокладывал дорогу тому строю, который активно разрушал общинный уклад.

Ко времени основания «Русской беседы» еще были живы братья Киреевские, скончавшиеся один за другим в том же 1856 г. И. В. Киреевский успел написать для журнала первую часть своей статьи «О необходимости и возможности новых начал для философии». Его младший брат П. В. Киреевский долгие годы собирал народные песни, которые не сумел издать по цензурным соображениям. Благодаря содействию Общества любителей российской словесности этот сборник частично вышел в десяти выпусках в первой половине 60-х гг. В канун реформы активной литературной деятельностью отличался А. С. Хомяков, один из основателей «Русской беседы» и автор предисловия к этому журналу. Самый же «западник» среди славянофилов – Ю. Ф. Самарин как публицист и историк продолжил свою деятельность и после реформы.

В «Русской беседе» сотрудничал один из наиболее видных московских критиков А. А. Григорьев, хотя он участвовал и во многих других изданиях, даже в «Русском вестнике» М. Н. Каткова. В 50-х гг. Григорьев восторженно отзывался о сочинениях А. Н. Островского, которого считал «глашатаем правды новой». Так получилось, что в полемике между петербургскими и московскими журналами петербуржцы особенно нападали на Григорьева, нередко прибегая и к насмешке. Вскоре Григорьев переехал в Петербург, где сблизился с Ф. М. Достоевским. Он скончался в сентябре 1864 г. в возрасте 42 лет.

А. А. Григорьев называл себя «пророком Островского» и видел в творениях молодого драматурга прежде всего та-

[13] *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С.37.

[14] Там же. С.38.

[15] *Кошелев А.И.* Указ. соч. Ч.1. С.97.

Ап. Григорьев

кое качество, как народность. Хотя А. Н. Островский был близок также к А. С. Хомякову, но к правоверным славянофилам его отнести нельзя. Его высоко ценил Н. А. Добролюбов, с охотой печатал «Современник». Вообще при всех отличиях литературных направлений, их позиции нередко сходились, когда речь шла о настоящих талантах. В эпоху реформы 1861 г. противоречия между славянофилами и западниками нередко отходили на второй план в той острой борьбе, которая разгорелась по принципиальным вопросам отмены крепостничества и феодализма. Не случайно в конце декабря 1858 г. состоялся даже вечер примирения разных литературных направлений с целью объединения усилий против сторонников старых порядков. На вечере с речами выступили К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, М. П. Погодин. Без сомнения, роль московских писателей в проведении реформ 60-х гг. была весьма значительной и противникам реформы 1861 г. не удалось сгруппировать вокруг себя даже маломальски заметных литераторов, которые могли бы противостоять литературным апологетам реформы.

2. МОСКВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На всем протяжении XIX в. Москва не была обделена вниманием писателей. О ней постоянно писали литераторы разных направлений, талантов и возрастов. Но изображение городской жизни второй половины столетия заметно отличается от тех описаний, которые имели место ранее, особенно после 1812 г. Трагедия и подвиг Москвы вызвали к жизни поток произведений, в которых выражались трогательные симпатии к первопрестольной. Москвой гордились, Москву прославляли, за Москву страдали первейшие отечественные поэты и писатели. Иной характер носили пореформенные картины московской жизни, попрежнему иллюстрировавшие многие литературные выступления. Отношение к теме «Москва» заметно изменилось, и «поэты все реже и реже «воспевают» древний город»[16]. И главная причина тому заключалась в общественных изменениях, заметно проявившихся в Москве, как, пожалуй, ни в каком другом российском городе. Один из московских бытописателей, участник Крымской войны Д. Никифоров подчеркивал: «Только биржевики, бумагопрядильщики и сахарозаводчики могут теперь удивлять публику своими безумными тратами». И несколько далее: «...жертвы помещиков, на которых обрушилась эмансипация, были огромны, и многих свели в преждевременную могилу»[17]. Дворянская Москва явно уступала свои экономические и политические позиции, и укрепление нового класса не могло не найти отражения в той литературе, которая была посвящена Москве.

В наши дни почти забыт такой писатель и актер, как И. Ф. Горбунов,– прекрасный знаток народного быта. Уроженец Подмосковья, сын дворового, он учился в гимназии и даже посещал занятия в университете, но больше занимался самообразованием. Подлинной страстью Горбунова был сбор и запись сведений о повседневном быте городского и сельского люда. Он сблизился с молодой редакцией «Москвитянина», потом переехал в Петербург, где с помощью великой княгини Елены Павловны – одного из главных проводников намечавшейся реформы – стал актером Александринского театра.

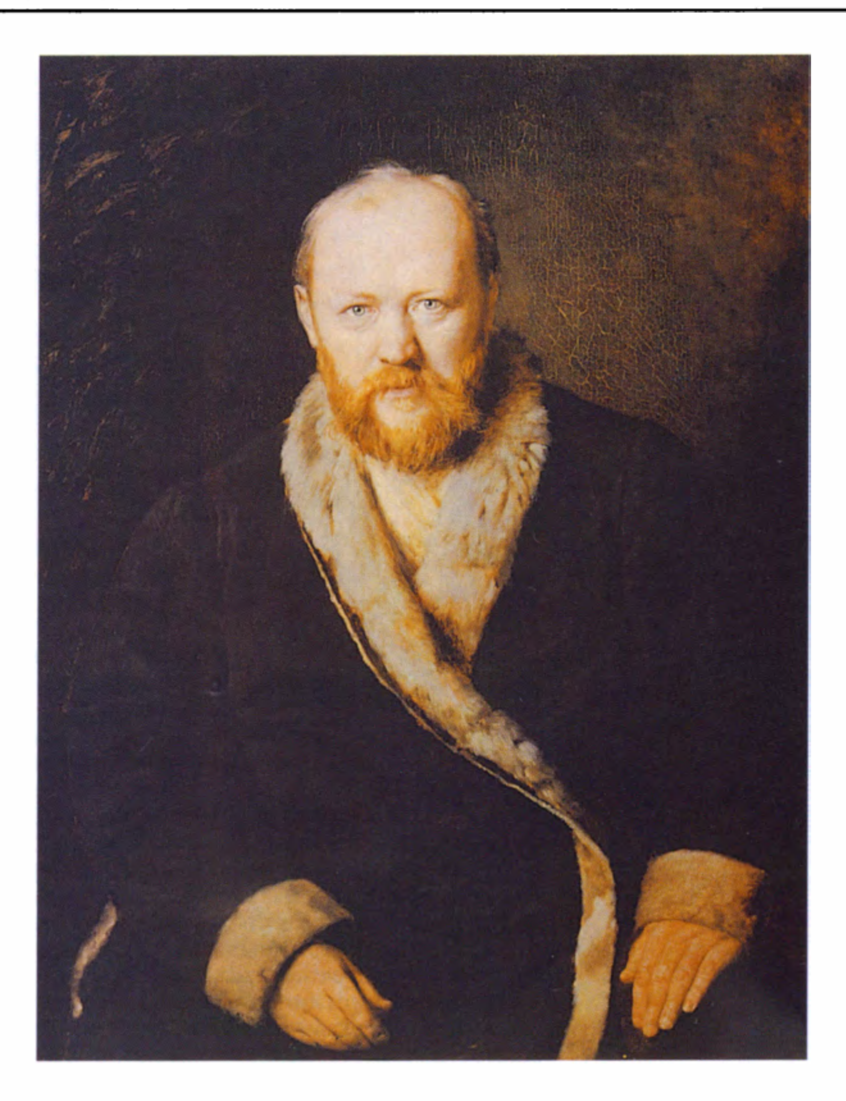
И. Ф. Горбунову принадлежит образ старого николаевского генерала Дитятина, глазами которого читатель смотрит на менявшийся мир. Многие страницы своих произведений посвятил И. Ф. Горбунов тем проблемам, которые затронули близкую его сердцу Москву. В его «Записной тетради старого москвича» описывается пореформенный город и раскрываются сюжеты, предвосхитив-

[16] История Москвы. Т.IV. М., 1954. С.673.

[17] *Никифоров Д.* Москва в царствование императора Александра II. М., 1904. С.32, 49.

шие то, что впоследствии будет сделано А. П. Чеховым. Горбунов с болью описывал, как в Сокольниках почти вырублен вековой сосняк, как место гордости каждого русского человека – памятник Минину и Пожарскому явно померкнул в постоянном окружении московских барышников[18]. Горбунов – автор и других рассказов из московской жизни: «Из московского захолустья», «Еще из московского захолустья», «Сцены из купеческого быта», где он выступал тонким знатоком повседневного московского быта. Для писателя характерен не только интерес к изучению подноготных сторон московской жизни, но и добрый юмор, умение понять человеческие слабости, даже простить их, хотя, в целом, он бичует пьянство, темноту, суеверие людей. Горбунов – великолепный рассказчик, он многое поведал о современной ему Москве.

Но не И. Ф. Горбунов прославил тогдашнюю Москву, не он был воспринят истинным знатоком московской жизни. Как отмечал литературовед В. Лакшин, именно «А. Н. Островского считали летописцем этой жизни, называли «Колумбом Замоскворечья». Общественное значение комедий Островского быстро переросло рамки правдивого бытописания. За лицами пьес возникали типы, за бытовыми картинками – социальные явления. Островский стал наследником русского реализма, реализма Гоголя»[19]. Действительно бесподобный знаток Замоскворечья, где прошли его детство и юность, писатель познал через него все особенности тогдашней России. Основной герой его сочинений – московский, замоскворецкий купец. Островский хорошо знал этого купца в дореформенное время, для которого были характерны косность, скопидомство и подозрительность. Тогда купеческая Москва заметно противостояла Москве дворянской и, подчиняясь последней, ждала своего часа. И это время пришло после реформы. Великий мастер литературы показал, как менялся замоскворецкий купец, как постепенно подминал под себя некогда гордого и уверенного дворянина. Но Островский показал, как менялось и само московское дворянство, во всяком случае какая-то его часть. Одна из его комедий, завершенная в 1868 г.– «На всякого мудреца довольно простоты»,– великолепная картина тех перемен, которые обусловлены тогдашними российскими реформами. Либеральный московский лагерь в лице Городулина и московские консерваторы, олицетворением которых был генерал Крутицкий, при всей шаржированности образов являли собой типичнейших представителей тогдашнего московского общества. Но и тех, и других ловко использует авантюрист Глумов, человек несомненно прозорливый и даже талантливый, но морально опустошенный и преследующий свои низменные цели. Образ умного, беспринципного хищника, стремящегося получить выгоды в той острой борьбе, что шла между консерваторами и либералами,– это отражение особенностей времени, хотя и имеющее давние, в том числе и московские корни.

Портрет А. Н. Островского. Художник В. Перов. 1871 г.

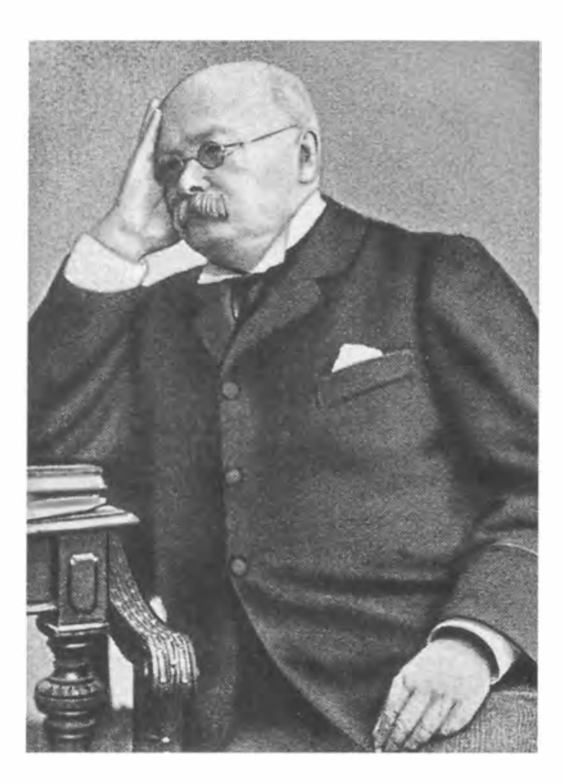
Через два года, в 1870 г., А. Н. Островский написал «Бешеные деньги», где основные герои – московские дворяне, пытающиеся приспособиться к духу времени и принимающиеся за различного рода авантюры, лишь бы не проиграть в той погоне за деньгами, которые автор и назвал «бешеными». Островский показал менявшуюся буквально на глазах мораль общества; одна из его представительниц – Чебоксарова лишь в бедности видит истинный порок, отрешаясь от народных традиций, поддерживавшихся веками.

А. Н. Островскому принадлежит около 50 пьес, большинство из которых так или иначе связаны с Москвой и прежде всего с Замоскворечьем. Примечательно, что многие пьесы знаменитого драматурга имели подзаголовок-пояснение: «Картины московской жизни». Сила их,

[18] *Горбунов И.Ф.* Собр. соч. Т.11. СПб., 1904. С.183–184.

[19] *Лакшин В.* Художественный мир Островского. // *Островский А.Н.* Пьесы. М., 1982. С.4.

П. Д. Боборыкин

однако, заключалась в том, что их значение выходило далеко за границы Москвы, став неувядаемыми памятниками эпохи[20].

Свою Москву описывал и другой известный отечественный литератор – А. Ф. Писемский, живший здесь в 40-х гг. Он окончил математическое отделение университета, начав в Москве свою писательскую деятельность, в частности в «Москвитянине». Временно переехав в Петербург, он вновь возвратился в Москву в 1863 г. Если А. Н. Островский, великолепно знавший купеческий мир, видел среди купцов также порядочных и честных людей, то А. Ф. Писемский – истинный купцененавистник. Он, безусловно, выражал настроения разорявшегося, отчаявшегося дворянства и купцам предрекал еще более незавидную участь. Именно настроения этого слоя отражены в завершенном в конце 70-х гг. романе «Мещане», где показано, как нувориши с Таганки и Якиманки присваивают материальные и духовные богатства страны. Сам Писемский при всей его антипатии к предпринимателям-купцам осознавал бесперспективность дворянских иллюзий и активно старался приспособиться к реальной действительности. Выступая против денежных мешков, он трактовал эпоху с определенных позиций и выступил с этих позиций против тех людей, которых тогда называли нигилистами.

Довольно близок по настроениям и симпатиям к А. Ф. Писемскому П. Д. Боборыкин. В Москве он прожил недолго, меньше, чем за границей, где довольно прочно обосновался в Париже. Получив значительное наследство (Боборыкин был потомственным дворянином с основательной родословной), он не только его растерял, но превратился в долголетнего должника. Эта сторона биографии наложила заметный отпечаток на его творчество. Как и Писемский, Боборыкин подробно описывал вступление России в новые экономические отношения, и его роман «Дельцы» начала 70-х гг. – один из лучших романов отечественной литературы на эту тему. Заслуживает внимания и такое его произведение, как «Василий Теркин» начала 90-х гг., где нарисован интересный образ выходца из деревни.

Но хотя П. Д. Боборыкин не был уроженцем Москвы и, собственно, прожил в ней недолго, именно его перу принадлежит несколько романов на московскую тему, один из них – «Китай-город». Район Китай-города – торгового центра второй столицы – привлек внимание писателя, но его интересовали не только процессы, происходившие в среде торговцев, промышленников и финансистов. В романе, вышедшем в 1882 г., показано, что новые социально-экономические отношения укоренились в городе достаточно глубоко. Автор рисует не только горлохватов-накопителей, но и отражает появление новой буржуазной прослойки – цивилизованных предпринимателей. Его роман – прямое свидетельство победы купеческой Москвы над дворянской. «Китай-город» – широкое полотно московской жизни начала 80-х гг.[21] Автор описывает студенческую среду, проникает в московские трущобы, рисует картины дворянского собрания, театральной жизни. Образованный юрист, хорошо знакомый с естественными и гуманитарными науками, а также с искусством, Боборыкин живописует Москву как прекрасный знаток различных ее уголков. Но писатель, пожалуй, даже не пытается проникнуть внутрь явлений, его романы не заставляют читателя переживать события, поскольку он больше стремится констатировать факты, чем дать глубокий и заинтересованный анализ действительности. Но тем не менее склонность автора к объективности, довольно широкий жизненный кругозор позволили ему внести заметный вклад в литературу о Москве.

Если П. Д. Боборыкин, как и А. Ф. Писемский, и А. Н. Островский, показывая Москву, основное внимание обращал на утверждение в обществе нового предпринимательского класса, вскрыв многие нюансы не только экономического, но и в значительной степени духовного наступления буржуазии, то коренной москвич А. В. Сухово-Кобылин сосредоточился на показе нравов представителей государственного аппарата. В XIX в. не было в Москве другого писателя, который бы прожил столь

[20] *Ревякин А.И.* Москва в жизни и творчестве А.Н. Островского. М., 1962. С.465–470.

[21] *Боборыкин П.* Китай-город. М., 1985.

долгую жизнь и знал Москву еще эпохи декабристов и Пушкина, а также Москву начала XX в. Сухово-Кобылин закончил Московский университет в 1838 г., причем его физико-математическое отделение, будучи студентом, был хорошо знаком с А. И. Герценом и К. С. Аксаковым. В русскую литературу он вошел как автор неувядаемой комедии «Свадьба Кречинского», поставленной Малым театром в 1855 г. и во многом свидетельствовавшей о преддверии нового общественного подъема и новой тематики знаменитого театра.

Собственно, самой Москве в пьесах А. В. Сухово-Кобылина отводится довольно скромное место, хотя происходящие в них события тесно с ней связаны. В драме «Дело» – второй части трилогии (третья – «Смерть Тарелкина») – показаны дикие нравы московского чиновничества – типичных представителей по существу феодального аппарата, нацеленного прежде всего на вымогательство и горлохватство. Сам ощутивший на себе своеволие судебных инстанций, Сухово-Кобылин писал пьесы с отличным знанием дела и высокого класса литературным мастерством.

Близок к нему по своему восприятию тогдашних московских нравов и М. Е. Салтыков-Щедрин, продолжатель гоголевской традиции бичевания пороков общества. Сын тверского помещика, Салтыков-Щедрин прожил в Москве недолго, начав в 1836 г. учебу в Московском дворянском институте. Уже через два года он перевелся в Царскосельский лицей. С тех пор он бывал в Москве лишь наездами. Но воспоминания детства оказались очень сильными и многообразными, и талантливый сатирик передал их в своей «Пошехонской старине», написанной во второй половине 80-х гг. В главе «Поездки в Москву» автор отразил свои первые впечатления от поездки в город, названный им «сердцем России»[22]. В главе «Житье в Москве» Салтыков-Щедрин дает как бы концентрированную характеристику городу: «Москва того времени была центром, к которому тяготело все неслужилое поместное дворянство. Игроки находили там клубы, кутилы дневали и ночевали в трактирах и у цыган, богомольные люди радовались обилью церквей; наконец дворянские дочки сыскивали себе женихов»[23].

Едкий и острый сатирик, когда речь идет о Москве, как бы теплеет, и эта теплота, конечно, была не случайной и не искусственной. Писатель и сам как-то заметил: «С ранних лет я тяготел к Москве, чувствовал себя сыном ее. Здесь я получил первые впечатления бытия»[24].

Почти одновременно с М. Е. Салтыковым-Щедриным, в 1837 г. поселился в Москве и Л. Н. Толстой. Настроения тех лет переданы им в «Детстве», с которым он и вошел в российскую и мировую литературу в 1852 г., и особенно в «Отрочестве», опубликованном в 1854 г.

Дом Л. Н. Толстого в Хамовниках

В «Отрочестве», в небольшой главке, которая так и называется «В Москве», автор писал: «С приездом в Москву перемена моего взгляда на предметы, лица и свое отношение к ним стала еще ощутительнее»[25]. Вообще «Москва в отражении Л. Толстого» – большая и самостоятельная тема. В общей сложности Толстой провел в Москве многие годы: 1837–1841; 1848–1849; 1850–1851; 1881–1901. Даже живя в других местах, он неизменно посещал ее. И 23 сентября 1862 г. именно в Москве, в кремлевской церкви Рождества Богородицы, Толстой обвенчался с С. А. Берс, дочерью московского врача.

Многоликой и очень душевно близкой Л. Н. Толстому предстает Москва в «Войне и мире». Прежде всего это дворянская Москва. И не только. Толстой как бы воскрешает обобщенный образ Москвы. Особенно это ощущается в момент вступления неприятеля – армии Наполеона – в Москву. Даже опустевший город нарисован писателем как нечто целое и готовое к сопротивлению. Толстой при этом подчеркивал могущество и нерушимость вроде бы поверженной Москвы.

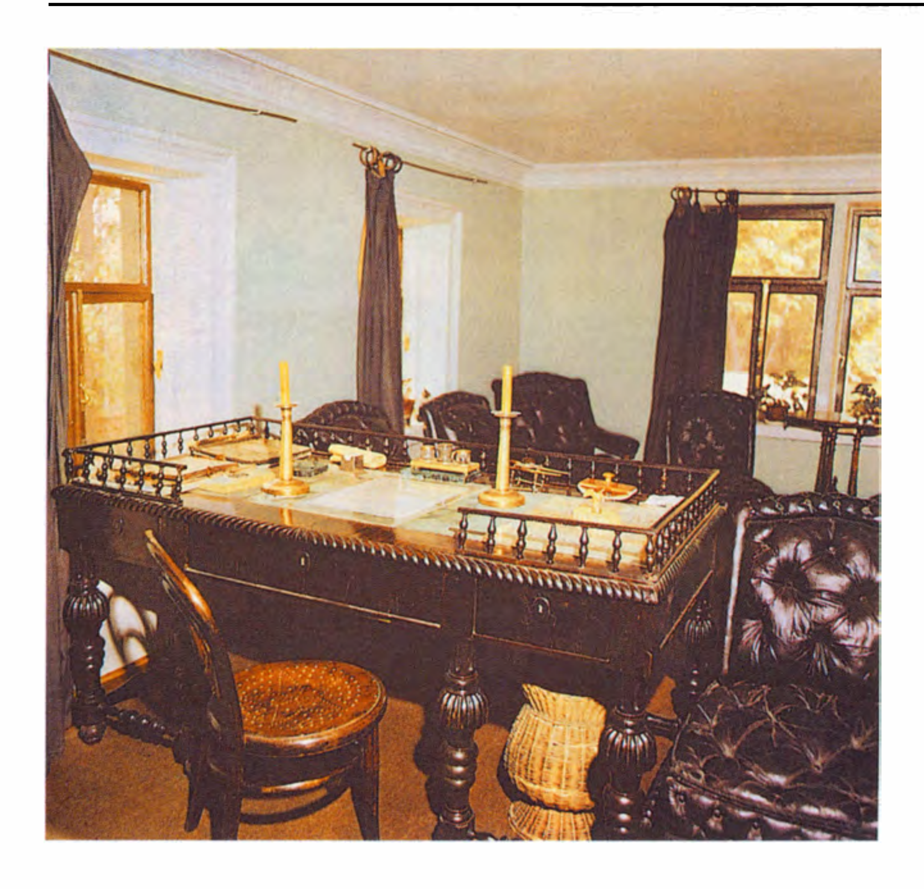
«Война и мир» – главное творение величайшего русского писателя, по существу героическая эпопея о Москве и москвичах, написанная человеком, прекрасно чувствовавшим город и ее жителей, искренним патриотом, думавшим прежде всего о судьбе Отечества. Человеком, глубоко переживавшим не только прошлое города, но и размышлявшим о его будущем. В «Войне и мире» проходит череда различных типов московского общества начала столетия – от самых верхов до низов. Здесь также показаны и Большой театр, и Английская гостиница, и Тверской бульвар, и Арбат, и многие дома тогдашней московской знати,

[22] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. // *Щедрин Н. (Салтыков М.Е.).* Избранные произведения. Л., 1939. С.545.

[23] Там же. С.568.

[24] *Щедрин Н. (Салтыков М.Е.).* Собр. соч. Т. XIII. Л., 1936. С.361.

[25] *Толстой Л.Н.* Отрочество. // *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 12-ти т. Т.1. М., 1958. С.122.

Кабинет Л. Н. Толстого в Хамовниках

и, конечно, Кремль, Красная площадь, и другие московские улицы, площади и здания. Толстовская Москва в «Войне и мире» – это город-герой, и хотя он пишет книгу в 60-х гг., на всем его творении прежде всего видна печать прошлой патриотической литературы о Москве, нежели особенности пореформенной литературы, более заземленной, более даже как-то растерянной и тревожной. Толстой «Войны и мира» оптимистичен, нетороплив и уверен, уверен в мудрости и стойкости москвичей.

Москва прошла через всю жизнь Л. Н. Толстого. О ней можно почерпнуть сведения и в «Юности», и в «Казаках». В романе «Анна Каренина» как бы продолжается разговор о Москве «Войны и мира», прежде всего о московском дворянстве, но уже в новую эпоху, эпоху пореформенную. Толстого интересует именно московское общество, общество довольно разделенное, где усматриваются и либеральные круги, и консервативные, и где главный и любимый толстовский герой – Левин идет своим, отличным от других путем.

Москва постоянно манила Л. Н. Толстого; как бы уходя, он вновь возвращался к ней и новыми глазами смотрел на близкий его душе город, с радостью находя уже знакомое и передавая вместе с тем горечь от фальши, затхлости, обскурантизма. В конце 90-х гг. писатель вновь обращается к теме Москвы в пьесе «Живой труп», а затем в романе «Воскресенье». Здесь уже нет того оптимизма, что в «Войне и мире», видно стремление писателя уяснить негативные явления, разобраться в них. Он желает понять московские контрасты – арестантскую Москву – прежде всего по судьбам людей. Тема московского захолустья все более захватывала писателя, и вроде бы знакомая московская действительность предстает в совсем другом свете, с ее противоречиями, как кажется, неразрешимыми.

Л. Н. Толстой и художник Москвы, и ее глубокий исследователь. Он никогда на разных этапах своей жизни не прекращал пытливого изучения «белокаменной матушки», как называл Москву один из героев его незаконченного романа «Декабристы», начатого еще в 1856 г. и опубликованного в 1884 г. Этот герой – Петр Иванович, бывший декабрист, как бы передает настроения самого Толстого: «Ничто так живо не воскрешает прошедшего, как звуки; и эти колокольные московские звуки, соединенные с видом белой стены из окна и стуком колес, так живо напоминали ему не только ту Москву, которую он знал тридцать пять лет тому назад, но и ту Москву с Кремлем, теремами, Иванами и т.д., которую он носил в своем сердце, что он почувствовал детскую радость того, что он русский и что он в Москве»[26].

В последних творениях конца века Л. Н. Толстой сближается по своим настроениям с Ф. М. Достоевским, великим мастером чувствовать городскую жизнь. Но если у Толстого в центре внимания была Москва, то у Достоевского – это Петербург. Но была своя Москва и у Достоевского, коренного москвича, родившегося в 1821 г. в здании Мариинской больницы, располагавшейся на Новой Божедомке. Москва для Достоевского – родной город, где он получил свои первые детские впечатления, учился в пансионате и откуда он отправился в 1837 г. в Петербург в 16-летнем возрасте. Если в «Дядюшкином сне» или «Селе Степанчикове и его обитателях» – сочинениях предреформенной поры – Москва упоминается или подразумевается[27], а в «Записках из Мертвого дома» автор явно использует свои ранние впечатления при описании госпиталя и его нравов[28], то иной предстает Москва в «Бесах», опубликованных в «Русском вестнике» в 1871 г. «Бесы» занимают особое место в творческом наследии писателя. В основе сюжета – дело нечаевцев, как его воспринимал писатель. У героев имеются свои прототипы, одним из них был С. Г. Нечаев. Любопытно отметить, что мать Достоевского – Мария Федоровна, урожденная Нечаева, дочь московского купца Ф. Т. Нечаева[29].

В «Бесах» Достоевского постоянно чувствуется, что роман написан в значительной степени на московском материале[30]. Одна из героинь романа –

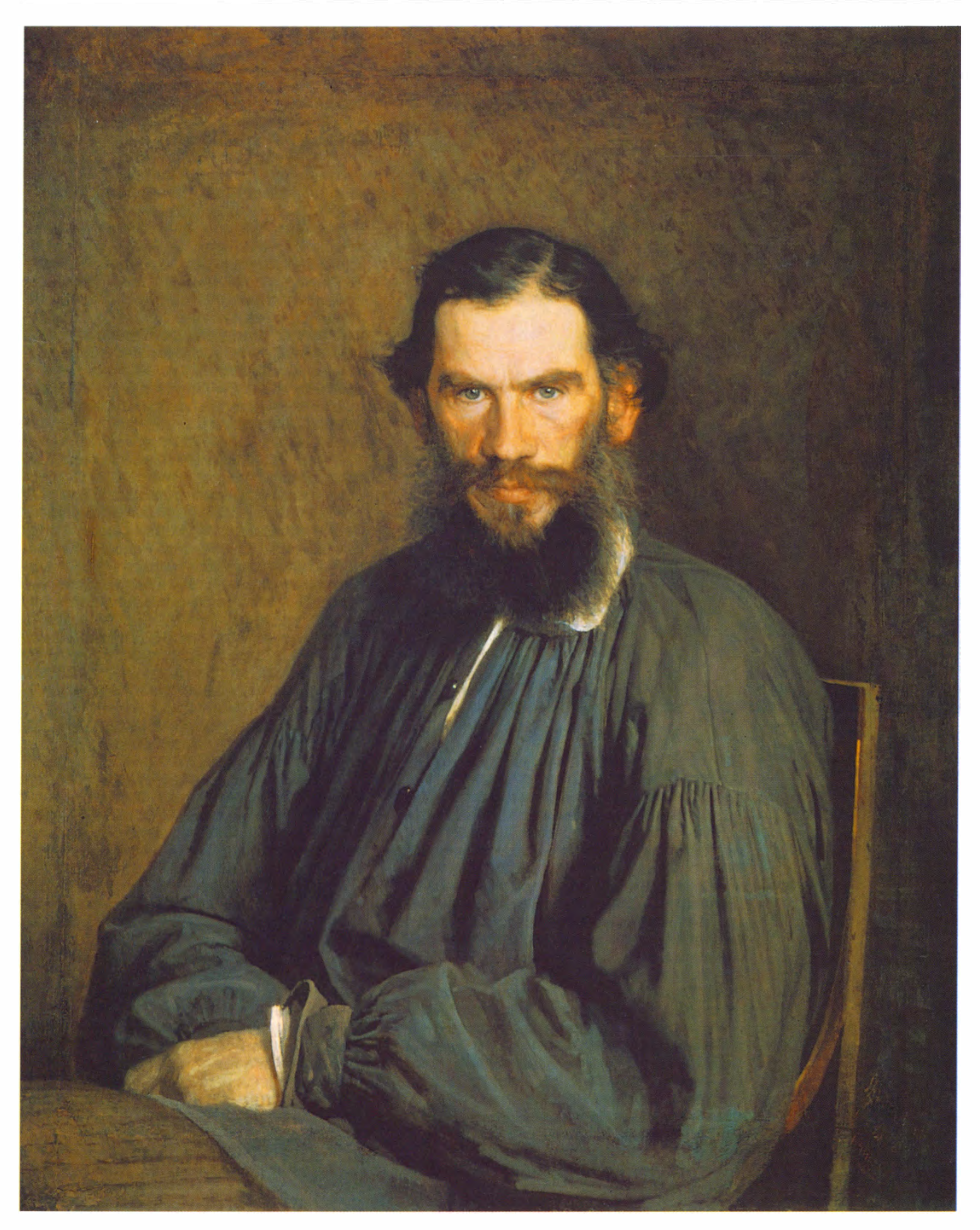
[26] *Толстой Л.Н.* Декабристы // *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 12-ти т. Т.3. М., 1958. С.376.

[27] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 10-ти т. Т.2. М., 1956. С.410–411, 415.

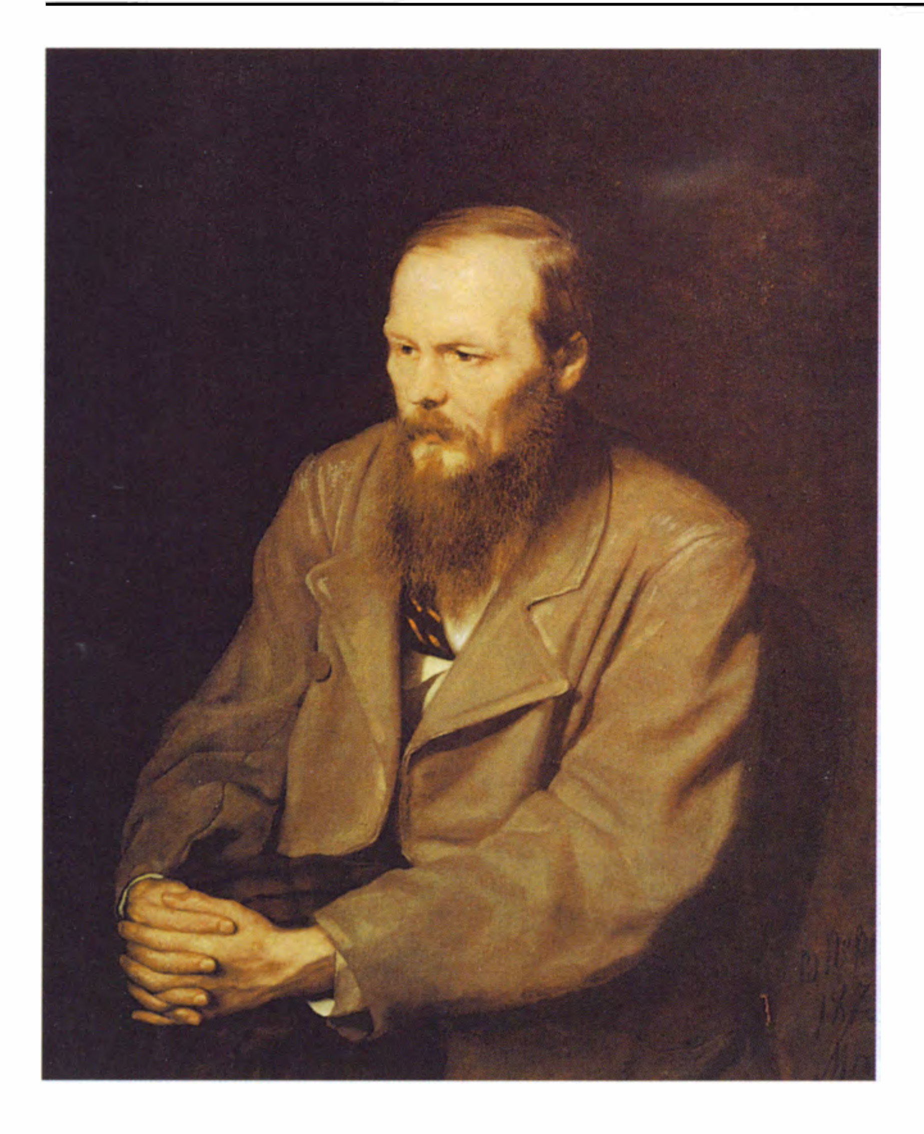
[28] Там же. Т.3. М., 1956. С.562–592.

[29] Там же. Т.10. М., 1958. С.535.

[30] Там же. Т.7. М., 1957. С.10, 21, 22, 409.

Портрет Л. Н. Толстого. Художник И. Крамской. 1873 г.

Портрет Ф. М. Достоевского. Художник В. Перов. 1872 г.

Варвара Петровна Ставрогина пыталась излечить хандру своего друга Степана Трофимовича Верховенского и «чтобы развлечь его, а вместе для подновления славы, свозила его тогда в Москву, где у ней было несколько изящных литературных и ученых знакомств; но оказалось, что и Москва неудовлетворительна»[31]. Последний раз Достоевский был в Москве меньше месяца – 23 мая – 11 июня 1880 г. Именно в этот приезд на пушкинском празднике, 8 июня, Достоевский произнес свою знаменитую речь об А. С. Пушкине, где провозгласил, что «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное»[32].

Своя Москва была и у А. П. Чехова. Он не был коренным москвичом, но приехав в Москву в 1879 г., быстро сжился с городом, полюбил его и именно здесь стал не только врачом, но и писателем. В Москве Чехов окончил в 1884 г. медицинский факультет Московского университета, здесь же в 1880 г. он пишет свое первое из опубликованных произведений. Чехов был одним из певцов московской жизни, его можно считать продолжателем традиций Островского и Боборыкина. Но шел он своим, именно чеховским путем и передал московские настроения так, как никто до него этого не делал. Новая и весьма крупная и яркая литературная звезда прославила Москву не только в России, но и привлекла к себе пристальное внимание за рубежом.

Поначалу А. П. Чехов печатался в «Стрекозе», «Будильнике» и «Осколках». Затем он проявил себя как выдающийся драматург, драматург именно московский, сразу же выдвинувшийся в число драматургов мирового класса. Московская тематика пронизывает все творчество писателя. «Осколками московской жизни» назвал он ряд своих очерков, объединенных под таким названием. Москву он показывал и глазами местных жителей, и глазами приезжих из разных уголков России. Так, в рассказе «Ванька» рисуется Москва, впервые увиденная мальчиком, приехавшим в город обучаться мастерству у сапожника. В рассказе «В Москве на Трубной площади» описывается жизнь людей, обосновавшихся на этой площади, которую народ попросту называл Трубой. «И Труба, этот небольшой кусочек Москвы, где животных любят так нежно и где их так мучают, живет своей маленькой жизнью, шумит и волнуется, и там деловым и богомольным людям, которые проходят мимо по бульвару, не понятно, зачем собралась эта толпа людей, эта пестрая смесь шапок, картузов и цилиндров, о чем тут говорят, чем торгуют»[33].

В рассказах приводится точный или приблизительный московский адрес, а где и прямо говорится, что речь идет о Москве, и автор удачно передает московские детали и настроения вообще или какой-либо группы московского населения. Однако есть множество чеховских рассказов, где нет прямых ссылок на Москву, те или иные ее улицы, тупики или переулки, но буквально с первых же строк становится ясно, что речь идет о московских обитателях, так убедительно и быстро узнается то, что изображается писателем. В рассказе, можно сказать, повести «Скучная история (Из записок старого человека)» описываемые события происходят в Крыму, на Кавказе и в Харькове, но главное относится к Москве, хотя она здесь ни разу не названа. Старенький профессор, который идет по дороге, знакомой ему уже 30 лет, идет именно по московской улице, он читает лекции именно в Московском университете и встречает его именно швейцар этого университета. «Благодаря короткому знакомству, какое существует между всеми университетскими швейцарами и сторожами, ему известно все, что происходит на четырех факультетах, в канцелярии, в кабинете ректора, в библиотеке»[34].

Пожалуй, одно из «самых московских» произведений А. П. Чехова – по-

[31] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 10-ти т. Т.7. С.22.

[32] Там же. Т.10. С.457.

[33] *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. Изд.2-е. Т.3. СПб., 1903. С.16.

[34] Там же. Т.7. СПб., 1903. С.65.

весть «Три года». И действительно, это не только повесть о Москве, где слово Москва упоминается многократно, где говорится о Благородном собрании, Остоженке, Савеловском переулке, Малой Дмитровке, Страстной и Тверской, Иверской, Сокольниках, Ярославской дороге. Не в этом, собственно, суть повести и даже не в рассказе о концерте Антона Рубинштейна как московской реалии того времени. Здесь Чехов открыто признается в своей любви к городу, говорит о своей душевной привязанности к Москве. Описывая одну из своих героинь, он подчеркивает: «Она провинциалка, но она училась в Москве, любит нашу Москву, одевается по-московски, и за это я люблю ее, люблю, люблю»[35]. Этими чувствами пронизана вся повесть Чехова. Великий мастер, улавливавший ритм городской жизни по ее мельчайшим деталям, здесь непривычно многословен, и эта многословность объясняется чувствами романтика и лирика. В этой же повести Чехов пишет: «И Ярцев, и Костя родились в Москве и обожали ее, и относились почему-то враждебно к другим городам; они были убеждены, что Москва – замечательный город, а Россия – замечательная страна. В Крыму, на Кавказе и за границей им было скучно, неуютно, неудобно, и свою серенькую московскую погоду они находили самой приятной и здоровой»[36].

Особая тема: А. П. Чехов – московский драматург. В 1887 г. он написал пьесу «Иванов», которая была поставлена в театре Корша. Пьеса привлекла интерес зрителей, в ней нашли отражение настроения московского общества. Собственно, эти настроения можно проследить и в других пьесах Чехова. Они звучат в «Чайке», ее первая постановка была осуществлена в Москве на сцене «Эрмитажа» в 1898 г. Но, пожалуй, ни в одной из пьес не чувствуется такой настоящей тоски по Москве, как в пьесе «Три сестры», написанной в 1901 г. Она в этом отношении сродни «Трем годам», а также «Даме с собачкой». В этом последнем рассказе Чехов, говоря о своем герое, отметил: «Гуров был москвич, вернулся он в Москву в хороший, морозный день и, когда надел шубу и теплые перчатки и прошелся по Петровке, и когда в субботу вечером услышал звон колоколов, то недавняя поездка и места, в которых он был, утеряли для него все очарование»[37]. И здесь проскальзывают настроения самого Чехова, врача, хорошо чувствовавшего, что он сам неизлечимо болен, и понимавшего, как мало ему осталось времени на встречи с любимым городом. Чехов, приехавший в Москву в 19-летнем возрасте, стал одним из самых верных ее певцов, ибо нередко, когда речь заходила о Москве, прозаик и драматург превращался в тонкого и трогательного лирика.

А. П. Чехов. 1888 г.

Не оставила равнодушными Москва многих тогдашних российских писателей, не являвшихся ее жителями. Своя Москва была у таких писателей народнического направления, как А. И. Левитов, Ф. Д. Нефедов, В. А. Слепцов. К Москве обращался и Д. Л. Мордовцев, выпускник Петербургского университета, поселившийся затем в Саратове. Он больше известен как автор многочисленных исторических романов, часть из них, например «Лжедмитрий», «Двенадцатый год» и другие, имеют отношение к Москве. Не обошел своим вниманием Москву и В. И. Немирович-Данченко, брат известного театрального деятеля. Немирович-Данченко окончил Московский кадетский корпус и, хотя затем судьба бросала его по разным регионам и странам, с Москвой связи не терял. В 1895 г. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко были изданы московским комитетом грамотности для народного чтения.

В конце столетия обратились к теме Москвы и В. А. Гиляровский, поселившийся здесь в начале 80-х гг., и коренной москвич И. С. Шмелев, главные

[35] *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. Изд.2-е. Т.10. СПб., 1903. С.81.

[36] Там же. С.137.

[37] Там же. Т.12. СПб., 1903. С.69.

произведения которых о Москве вышли уже в следующем столетии. Прозвучала московская тема и у набиравшего в те годы силу И. А. Бунина, впервые посетившего Москву в 1894 г. Московские настроения получили отражение в его повести «Лика», рассказе «Чистый понедельник», а также рассказе 1916 г. «Казимир Станиславович». Многие другие писатели и поэты, хотя последних, похоже, было меньше и по своим откликам они никак не могут сравниться с их предшественниками, писавшими о Москве в первой половине столетия, также отдали дань старой столице.

3. ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА НАКАНУНЕ НОВОГО СТОЛЕТИЯ

Действительно, во второй половине XIX в. поэзия отходит на второй план и особую значимость приобретают проза и публицистика. Но если в области публицистики, в первую очередь литературной критики, Москва все-таки уступала Петербургу, то в художественной прозе, прежде всего благодаря Л. Н. Толстому и А. П. Чехову, Москва к концу столетия становится, по существу, литературной столицей страны и одним из крупнейших мировых литературных центров, куда обращались взоры не только литераторов разных стран, но и читающей публики. К концу века заметны стремления не только московских, но и вообще российских литераторов укрепить свои организации и даже создать новые.

По-прежнему основным объединением московских писателей было Общество любителей российской словесности, деятельность которого оживилась во второй половине 50-х гг. В конце века в работе Общества принимали участие Л. Толстой, А. Чехов, Л. Андреев, А. Блок, М. Горький, И. Бунин, В. Брюсов, В. Короленко и другие виднейшие писатели страны.

Однако не следует противопоставлять эту писательскую организацию петербургским объединениям русских писателей. Между москвичами и петербуржцами связи были заметно более тесными, чем привычная настроенность на дискуссии. Когда в 1886 г. в Петербурге было создано Русское литературное общество, то в него вошли Л. Толстой и А. Чехов. А в Союз взаимопомощи русских писателей, также возникший в Петербурге в 1896 г., входили среди прочих П. Д. Боборыкин, В. И. Немирович-Данченко, В. Г. Короленко, А. П. Чехов. Еще в 1890 г. была организована писательская Касса взаимопомощи, в которой участвовали В. А. Гиляровский, А. П. Чехов и другие московские литераторы[38].

В канун XX в. создавались новые объединения писателей, в основном носившие характер кружков по интересам и не всегда привлекавшие только писателей. В самом конце века, в 1899 г., возник Литературно-художественный кружок, просуществовавший до 1920 г. Наряду с А. П. Чеховым в него входили видный адвокат А. Ф. Кони, известный ученый-социолог М. М. Ковалевский, режиссер К. С. Станиславский, актриса М. Н. Ермолова и др. Он не был сугубо писательским объединением. Собираясь практически ежедневно и объединяя наряду с писателями ученых, художников, артистов, он превратился в своеобразный творческий центр, где читались новые литературные произведения, шел обмен мнениями по текущим литературным проблемам, по вопросам политики, имели место заинтересованные беседы представителей тогдашней московской интеллигенции. Кружок состоял как из действительных членов и кандидатов, включавших писателей, актеров, ученых, а также общественных деятелей, так и членов-соревнователей, к которым относились крупные предприниматели, финансисты, врачи, инженеры и др.

В конце столетия образовалось еще одно творческое объединение, носившее по преимуществу писательский характер. Организатором его стал коренной москвич, писатель Н. Д. Телешов, окончивший в 1884 г. московскую Практическую коммерческую академию. Этот литературно-художественный кружок получил название «Среда» или «Телешовские среды» и начал свою деятельность в октябре 1899 г. Прежде всего вокруг него группировались молодые писатели, к которым относились Л. Н. Андреев, И. А. и Ю. А. Бунины, В. В. Вересаев, А. М. Горький, А. И. Куприн, С. Г. Скиталец, А. С. Серафимович и др. Но на собраниях кружка присутствовали и П. Д. Боборыкин, и Н. Н. Златовратский, и А. П. Чехов, а также С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин и другие представители интеллигенции. Кружок, впоследствии значительно возросший, просуществовал до 1922 г.

Тенденция к единению затронула не только известных и, собственно, профессиональных писателей. Такая устремленность стала характерной и для писателей-самоучек. Население Москвы никогда не было однородным, и если в начале XIX в. дворовые и крестьяне составляли более 60% городских жителей, то к началу XX в. заметно увеличилась численность рабочих и учеников рабочих. Эта новая среда не только тянулась к знаниям, но и выдвигала из своих рядов собственных литераторов. Одним из таких ее представителей был поэт И. З. Суриков, ставший инициатором издания «Сборника произведений писателей-самоучек» – «Рассвет». Это было

[38] *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С.69.

объединение тех людей, которые стремились идти в литературу самостоятельным путем. К ним относились А. Я. Бакулин, С. А. Григорьев, М. А. Козырев, А. Е. Разоренов и другие выходцы из крестьян, переехавших в Москву или даже по-прежнему занимавшихся сельским хозяйством в деревне. Сборник «Рассвет» вышел из печати еще в 1872 г.[39], но это издание стало лишь первой ласточкой, предвещавшей появление новых подобного рода объединений.

Действительно, в конце 80-х – начале 90-х гг. удалось издать два сборника под названием «Родные звуки», причем в них участвовали некоторые авторы сборника 1872 г., а также ряд новых из крестьян, продавцов, портных, ремесленников. У сборников имелся подзаголовок – «Сборник стихотворений писателей-самоучек». Объединение писателей-самоучек не только в сборниках, но и то, что они находили друг друга и сотрудничали,– было новым явлением для русской литературы. Москва сыграла здесь заметную роль, подавая пример работы с такого рода подвижниками. Сборник «Рассвет» и сборники «Родные звуки», вышедшие из печати соответственно в 1889 и 1891 гг., увидели свет именно в Москве, и именно здесь в самом начале следующего века возник «Московский товарищеский кружок из народа».

В конце века появились и различные другие формы объединения писательских сил. Продолжал собираться салон при журнале «Русская мысль», организаторами которого были редактор В. М. Лавров и В. А. Гольцев. В свою очередь, известный «писатель-деревенщик» Н. Н. Златовратский по субботам собирал своих собратьев по перу, а также других любителей литературы у себя на даче в подмосковной Апрелевке. Существовали и другие субботы, например, тихомировские, по имени супругов Д. И. и Е. Н. Тихомировых – видных московских издателей. На тихомировских субботах завсегдатаями являлись не только многие известные московские писатели, но и ученые, преподаватели, художники, артисты. Объединение, группировавшееся вокруг старшего брата известного композитора – В. И. Танеева, собиралось ежемесячно по воскресеньям в ресторане «Эрмитаж». Оно носило название «Академические обеды». Известен также был салон С. Ц. Кувшинниковой, а также ряд других творческих объединений, например, кружок, сложившийся в 1899 г., в который вошли К. Д. Бальмонт, Ю. К. Балтрушайтис, а немного погодя В. Я. Брюсов и А. Белый. Возникновение этого объединения было вызвано новыми веяниями в русской литературе, связанными с общими процессами в художественном творчестве не только в России, но и в других странах. Речь идет о русском символизме, рождению которого много поспособствовала Москва, причем можно говорить о московской школе символистов.

В. Г. Короленко. 1880-е гг.

В 1894 г. в Москве был издан первый сборник стихотворений под названием «Русские символисты». В нем впервые как поэт выступил В. Я. Брюсов, коренной москвич, дед которого по матери – А. Я. Бакулин участвовал в сборнике писателей-самоучек «Рассвет». Внук становится одним из создателей русского модернизма. Сборник 1894 г. вышел в то время, когда Брюсов еще был студентом филологического факультета Московского университета. «Русские символисты» подверглись почти единодушному осуждению. Один из рецензентов, поэт и переводчик А. А. Коринфский, в рецензии на этот сборник даже писал: «Если все это не чья-нибудь остроумная шутка, если господа Брюсов и Миропольский (А. Л. Миропольский – один из участников сборника.– *Ред.*) не вымышленные, а действительно суще-

[39] *Небольсин С.* И.З.Суриков // *Суриков И.З.* Стихотворения. М., 1985. С.7.

В. Я. Брюсов. Художник М. Врубель. 1906 г.

ствующие в Белокаменной лица, то им дальше парижского бедлама или петербургской больницы св. Николая идти некуда»[40].

А. А. Коринфский – неплохой поэт и прозаик, публиковавший свои работы и в Москве, но из-за этнографического подхода, свойственного его сочинениям, не понял, что на Руси появился новый большой поэт, писавший не традиционно, по-своему, но испытавший влияние тогдашних французских поэтов, и прежде всего Поля Верлена. Не случайно в том же 1894 г. в Москве Брюсов издал сборник переводов стихов Верлена под названием «Романсы без слов».

До 90-х гг. из известных русских поэтов, заявивших о себе еще в дореформенную эпоху, остались в живых А. Фет, Я. Полонский, А. Плещеев, А. Майков. Но старые поэты уходили, и долгое время им не было равноценной замены. Конец столетия внес заметные изменения. Коренной москвич В. Брюсов стал одним из тех даровитых поэтов, которые вошли в XX в. и прославили русскую поэзию ее новым, «серебряным веком». К началу столетия он издал несколько сборников стихов, что свидетельствовало о его кипучей работоспособности и инициативе. Любопытно, что Брюсов начал публиковать свои заметки с 16 лет, в 1889 г. в спортивных журналах – «Русском спорте» и «Листке спорта» – совершенно новой области жизнедеятельности, только пробивавшей себе дорогу. Тяга к новизне стиля и слова проявилась и в его поэзии. Ему принадлежит призыв преодолеть «техническое одичание», постигшее, по его мнению, русскую поэзию на исходе XIX в.[41] Это «одичание» Брюсов стремился преодолеть не только путем символистского озорства типа однострочного стихотворения «О, закрой свои бледные ноги», но и упорной работой по стихосложению, выполненной мастером тонким и музыкальным. Поэт оказался прав, когда в сонете, посвященном другому поэту – П. Д. Бутурлину, написал:

Придет к моим стихам неведомый поэт
И жадно перечтет забытые страницы,
Ему в лицо блеснет души угасший свет,
Пред ним мечты мои составят вереницы[42].

В 90-х гг. заявил о себе талантливый поэт К. Д. Бальмонт. Уроженец Владимирской губернии, он стал студентом юридического факультета Московского университета, участвовал в студенческих выступлениях, исключался из университета, затем восстановился в нем и окончательно бросил учебу. Неугомонный и даже мятущийся человек, он путешествовал по стране и за ее пределами, продолжая свое поэтическое творчество. Хотя первый сборник его стихов был опубликован в Ярославле в 1890 г., а второй в Петербурге через четыре года, большинство его поэтических творений увидело свет в Москве. Это сборник «В безбрежности мрака», напечатанный в 1895–1896 гг., и сборник «Горящие здания. Лирика современной души», вышедший в 1900 г. Бальмонт получил широкую известность как переводчик П. Б. Шелли – английского поэта-романтика. К началу XX в. Бальмонт – один из наиболее известных поэтов России, ярчайший представитель русского символизма. Его отличала примечательная мелодичность и легкость стиха, стремление к изысканности и уход в царство мечты. Вместе с тем молодой Бальмонт, увлекавшийся общественными вопросами, мечтает о земном счастье, он призывает к борьбе против зла, его тревожат людские страдания.

В 1893 г., по случаю смерти поэта А. Н. Плещеева, одного из могикан «золотого века», подчеркивая свою с ним связь, К. Д. Бальмонт писал:

Но вьюга жизни, бедность, холод, мгла
В нем не убили жгучего желанья –
Быть гордым, смелым, биться против зла,
Будить в других святые упованья[43].

Еще в XIX в. проявился талант поэта-символиста или, как его называли, «младосимволиста» Андрея Белого (Б. Н. Бугаева), уроженца Москвы, выпускника ее университета, в будущем

[40] Цит. по: *Красовский Ю.А.* Город и камни люблю... // Встречи с прошлым. М., 1986. С.69.

[41] *Федотов О.* Сонет серебряного века // Сонет серебряного века. Русский сонет конца XIX – начала XX века. М., 1990. С.14.

[42] Сонет серебряного века. С.187.

[43] *Бальмонт К.* Избранное. М., 1990. С.330. Бальмонт автор стихотворения, посвященного Москве, где есть следующие слова: «А ею жил. И ей живу. Люблю, как лучший звук, Москву!» (там же. С.352).

автора трехтомного романа «Москва». Как поэт поначалу заявил о себе и И. А. Бунин, уроженец Воронежа, проживавший в Москве наездами с 1894 г., но тесно связанный с московской литературной средой. Бунин – верный продолжатель традиций русского реализма, чуждый веяниям модернизма, не склонный к модным тогда исканиям, нередко вычурным, даже претенциозным. Как поэт выступал и Скиталец (С. Г. Петров), и даже композитор А. Н. Скрябин, уроженец Москвы. К московской школе символистов относился Ю. К. Балтрушайтис, уроженец Ковенской губернии. Московским поэтом был и известный философ В. С. Соловьев, оказавший заметное влияние на школу символистов.

Талантливой поэтессой заявила о себе М. А. Лохвицкая, дочь известного московского юриста А. В. Лохвицкого, несомненно, одна из лучших поэтесс России кануна XX в. Мирра Лохвицкая, учившаяся в московском Александровском институте, в 19 лет в 1888 г. издала в Москве свои первые стихотворения, а затем один за другим несколько сборников стихов. Ко времени ее кончины (она ушла из жизни в 1905 г. в возрасте 36 лет) поэтесса получила широкую известность и оставила серьезное поэтическое наследие.

М. Лохвицкая

К началу XX в. Москва обладала значительными поэтическими силами, пользовавшимися признательностью довольно широких читательских кругов. Конец века примечателен и заметным пополнением рядов московских прозаиков и публицистов. В возрасте четырех лет оказался в Москве будущий выдающийся писатель А. И. Куприн. Здесь прошло его детство и юность, здесь он закончил 3-е Александровское военное училище, здесь он проявил себя и как писатель. В 1889 г. в московском «Русском сатирическом листке» вышел первый рассказ А. И. Куприна «Последний дебют», который, как считают литературоведы, был откликом на самоубийство знаменитой актрисы Е. П. Кадминой[44]. Московские настроения писатель отразил в романе «Юнкера», повести «Кадеты», где показаны прежде всего нравы московских военных учебных заведений.

В период, когда А. И. Куприн покинул Москву, в ней поселился другой знаменитый русский писатель – Л. Н. Андреев, окончивший в 1897 г. Московский университет. Он сотрудничал в газетах «Московский вестник» и «Курьер» и в 1898 г. опубликовал рассказ в духе английского писателя Ч. Диккенса – «Бергамот и Гараська», что привлекло к нему внимание как известных писателей, так и читающей публики.

К одному поколению с А. И. Куприным и Л. Н. Андреевым относится писатель И. С. Шмелев. Коренной москвич, выходец из купеческой замоскворецкой семьи, он закончил юридический факультет Московского университета. В 1895 г. еще в бытность студентом он поместил в «Русском обозрении» свой первый рассказ «У мельницы». Через год ему удается издать сборник очерков «На скалах Валаама». На некоторое время он отходит от писательского творчества и возвращается к нему уже в начале следующего века, обогащенный жизненным опытом и новыми свежими впечатлениями[45].

Уроженцем Москвы, всю жизнь в ней проведшим, был писатель Н. Д. Телешов, сумевший объединить группу даровитых писателей, собиравшихся на организованные им «Среды». С Москвой не прерывали связей и те литераторы, которые по тем или иным причинам были вынуждены ее покинуть. Одним из них был В. Г. Короленко, обучавшийся в Москве еще в 70-х гг., затем сосланный за участие в революционном движении. В «Истории моего современника» он писал о Москве, а вернувшись из ссылки, приезжал в Москву, встречался с Л. Н. Толстым и А. П. Чеховым, другими московскими писателями.

С 1861 г. начал навещать Москву такой видный писатель, как Н. С. Лесков. Он поддерживал отношения с Е. Тур (Е. В. Салиас), историками С. М. Соловьевым и И. Е. Забелиным, общался с Л. Н. Толстым и А. П. Чеховым. В 1889 г. впервые появился в Москве А. М. Горький, искавший тогда встречи с Л. Н. Толстым. Вскоре Горький стал желанным гостем во многих московских домах. Он сблизился с московскими писателями,

[44] *Куприн А.И.* Собр. соч.: В 9-ти т. Т.1. М., 1964. С.488.

[45] *Любимов Б.* Душа Родины. // *Шмелев И.С.* Лето Господне. Богомолье. Статьи о Москве. М., 1990. С.7–8.

посещал «Телешовские среды», а Московский Художественный театр осуществил постановку его пьес. В Москве обосновались В. В. Вересаев, А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец и др.

Москва стала центром притяжения значительных писательских сил страны, во всяком случае, к началу XX в. ее авторитет в писательских кругах был чрезвычайным. А ведь еще совсем недавно в «Письмах о Москве» в 1881 г. П. Боборыкин сетовал: «...теперешний город получил свою физиономию. Типу столицы он не отвечает, как бы его ни величали «сердцем России», в смысле срединного органа. Москва не центр, к которому приливают нервные токи общественного движения, высшей умственной культуры... Ее следовало бы скорее считать центральным губернским городом или, лучше сказать, типом того, чем впоследствии могут оказаться крупные пункты областей русской земли, получивших некоторую обособленность. Остов губернского города сквозит здесь во всем»[46].

Усиливалось влияние литературы на молодое поколение, и некоторые будущие писатели, например приехавший на учебу в Москву в конце 90-х гг. Б. К. Зайцев[47], пробовали писать уже в 16-летнем возрасте. В литературу ушла А. Н. Вербицкая, начинавшая как музыкант в московских музыкальных учебных заведениях. Первая ее повесть «Разлад» была напечатана в 1887 г., когда автору также было 16 лет. В начале XX в. она прославилась на всю Россию романом «Ключи счастья». В Московском Строгановском училище получил образование Н. М. Ежов, ставший видным московским журналистом, подписывавшимся псевдонимом «Не фельетонист». В 1899 г. в Москве вышел сборник его рассказов «Живые цветы».

Во многих московских гимназиях царил настоящий культ литературы. В общенациональный праздник вылились пушкинские дни в Москве в 1899 г., приуроченные к 100-летию со дня рождения великого поэта[48]. В двадцатое столетие литературная Москва вошла уверенно, ощущая заинтересованность и внимание со стороны широкой читающей публики, осознавая собственную значимость в судьбах русской литературы.

[46] *Чупринин С.* Москва и москвичи в творчестве Петра Дмитриевича Боборыкина // *Боборыкин П.* Указ. соч. С. 7.

[47] *Зайцев Б.К.* Соч. Т.1. М., 1993. С.5.

[48] *Рыбин М.И.* В пушкинские дни 1899 года... // Встречи с прошлым. Вып.3. М., 1986. С.62–68.

XIX

ИСКУССТВО

1. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Первая постановка ставшей затем знаменитой оперы Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин» была осуществлена в Москве в 1879 г. Поставил ее не профессиональный театр и даже не группа профессиональных актеров, а коллектив студентов и преподавателей Московской консерватории, причем дирижером был молодой выпускник консерватории, впоследствии известный композитор, дирижер и скрипач Н. С. Кленовский[1]. Именно в Москве впервые прозвучала эта опера, вошедшая в золотой фонд отечественного оперного искусства.

П. И. Чайковский не был уроженцем Москвы. Его пригласил сюда в 1866 г. Н. Г. Рубинштейн преподавать в недавно открывшейся консерватории, носящей теперь имя Петра Ильича. В Москве он написал не только оперу «Евгений Онегин», но и самый знаменитый балет – «Лебединое озеро». Он сжился с Москвой и не порывал в ней связи и после того как переехал в Клин. Его любовь к Москве отразилась в кантате под названием «Москва», созданной в 1883 г. В 1869 г. Чайковский написал в Москве оперу «Воевода», сразу же поставленную в Большом театре, здесь же он сочиняет и многие другие свои неувядаемые произведения.

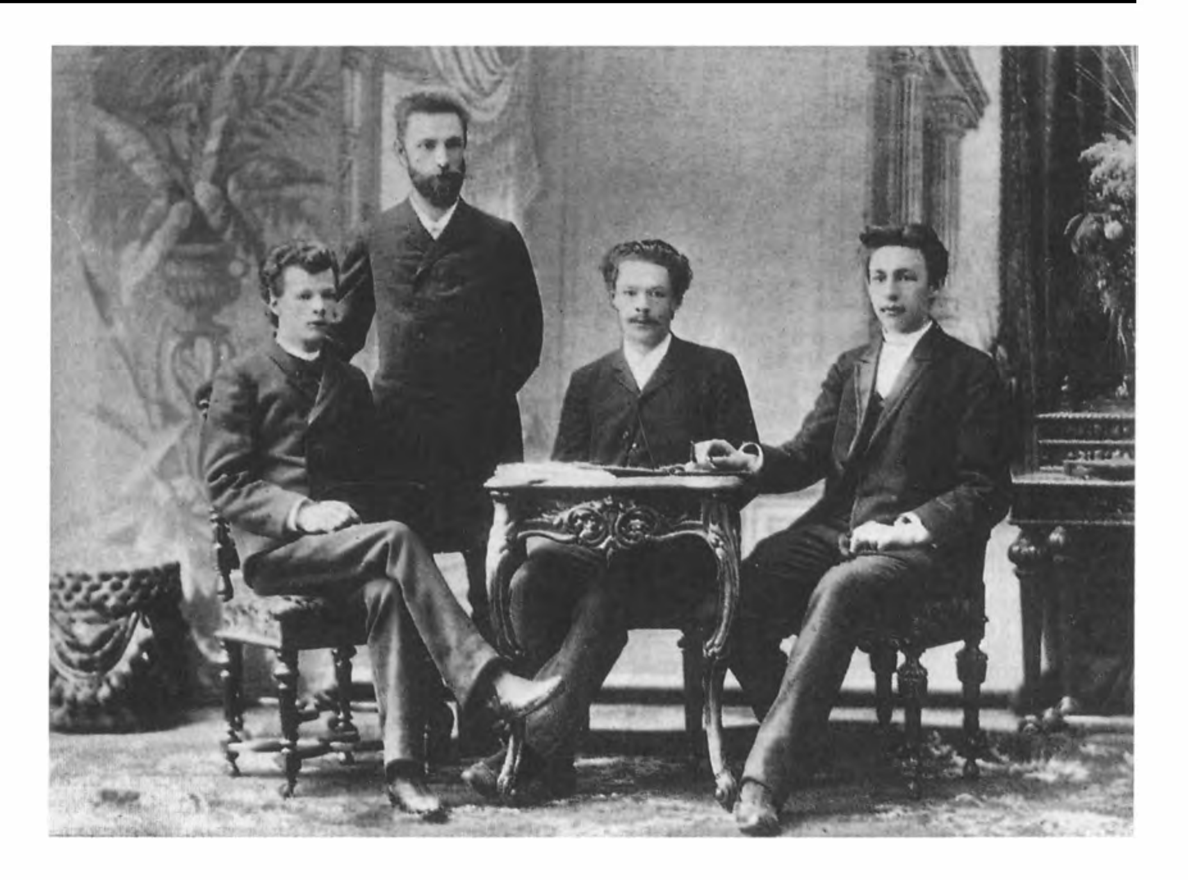
П. И. Чайковский-москвич – это не только композитор, хотя, конечно, московская композиторская школа получила в его лице своего самого яркого представителя, прославившего ее во всем мире. Московский период жизни и творчества Чайковского крайне насыщен педагогической и общественной деятельностью. Чайковский выступал и как музыкальный критик. Он сотрудничал в «Русских ведомостях» и «Современной летописи» и самым активным образом влиял на формирование музыкального вкуса московской публики. При всем том, что он был самого высокого мнения о музыкальных шедеврах мировой культуры, в том числе и итальянской, он выступал против италомании, как в светской, так и в духовной русской музыке.

Но, конечно, П. И. Чайковский-москвич – это и профессор консерватории, поддерживаемый ее основателем Н. Г. Рубинштейном. Чайковский оказал сильнейшее влияние на своих учеников, заложив основательный фундамент их теоретической и практической подготовки. Великий композитор составил несколько учебных пособий для музыкантов и специальный учебник гармонии, не потерявший своей ценности и в наши дни. Педагогическая, популяризаторская деятельность Чайковского в Москве – составная часть общей музыкальной жизни города, где, понятно, на первом месте стояло творчество композитора и его исполнительская деятельность, Да и в качестве дирижера Чайковский дебютировал в Москве в то время, когда московским жителем он уже не был. В 1887 г. композитор дирижировал своей оперой «Черевички».

В Москве были исполнены впервые многие произведения Чайковского как в концертах, так и в театрах. Это были и его оперы, и первые оркестровые увертюры, симфонические поэмы, первая симфония, сочинения камерного плана. Проживая в Подмосковье, Чайковский не терял связей с Москвой и, едва закончив очередное свое творение, предлагал его, как правило, московским исполнителям. В Подмосковье, прежде всего в Клину, он написал музыку балетов «Щелкунчик» и «Спящая красавица», сочинил оперы «Чародейка» и «Иоланта», завершил «Пиковую даму».

В Москве П. И. Чайковский познакомился с крупнейшим московским драматургом А. Н. Островским, с писателем Л. Н. Толстым, он поддерживал контакты со многими музыкантами-исполнителями, с талантливым скрипачом Фердинандом Лаубом, тоже профессором Московской консерватории, которому

[1] Воспоминания о Московской консерватории. М., 1966. С.63, 89, 106, 110; Московская консерватория 1866–1966. М., 1966. С.103–114.

А. С. Аренский с группой учеников – выпускников Московской консерватории. Стоит Н. С. Морозов; сидят: слева – Г. Э. Конюс, справа – С. В. Рахманинов. 1892 г.

Портрет П. И. Чайковского. Художник Н. Кузнецов. 1893 г.

Чайковский посвятил свой Третий квартет, с выдающимся актером П. М. Садовским и другими актерами Малого театра. Многие годы П. И. Чайковский был связан с Н. Г. Рубинштейном, скончавшимся в 1881 г.[2]

Московская композиторская школа сложилась еще в первой половине столетия. Из наиболее видных ее представителей – А. Алябьева, А. Варламова, А. Верстовского, А. Гурилева – к 60-м гг. в живых остался лишь Верстовский (он скончался в 1862 г.). Во второй половине века по существу полностью сменился состав московских композиторских сил. Влияние П. И. Чайковского на них было колоссальным, причем не только его прекрасной музыки, но и его личности. Одним из наиболее талантливых учеников П. И. Чайковского был С. И. Танеев. Московскую консерваторию он окончил в 1875 г. и через три года в 1878 г. начал в ней преподавать, став вскоре профессором, а затем, в 1885 г., в 29-летнем возрасте и ее директором. Танеева назначили директором консерватории по настоянию Чайковского и возглавлял он ее до 1889 г., оставшись затем профессором до начала следующего столетия. Тогда же, в начале XX в., он стал одним из основателей Народной консерватории.

С. И. Танеев получил известность у московской публики после публичного исполнения его первой кантаты «Иоанн Дамаскин». Уже после смерти своего учителя Чайковского Танеев написал оперу «Орестея». Он является автором симфоний, фортепианных трио, квинтетов. Написал он и кантату под названием «По прочтении псалма». Танеев был талантливым пианистом и видным общественным деятелем, пропагандистом музыкальной культуры. Его перу принадлежат труды по музыкальной теории, в частности, по вопросам полифонии.

К московским композиторам той поры может быть причислен и А. С. Аренский, хотя он не был ни коренным москвичом, ни воспитанником московских учебных заведений. Он выпускник Петербургской консерватории по классу Н. А. Римского-Корсакова, члена известной «Могучей кучки», как бы противостоящей Чайковскому, который, впрочем, считал, что в целом они решают общенациональные задачи развития русского музыкального искусства. В 1882 г. А. С. Аренский стал профессором Московской консерватории и сблизился с П. И. Чайковским.

Антон Аренский – человек многообразных музыкальных талантов. Его перу принадлежит несколько опер, ставившихся в Большом и Мариинском театрах: «Сон на Волге», «Рафаэль», «Наль и Дамаянти». Он сочинял симфонии, сюиты, различного рода камерные произведения, в числе которых струнные квартеты, фортепианные трио и квинтеты. Он также автор известной фантазии на русские темы, исполнявшейся фортепиано с оркестром. Вообще музыкальное

[2] *Федосюк Ю.* Чайковский в родном городе. М., 1960.

наследие А. Аренского, скончавшегося от чахотки в возрасте 45 лет, огромно. Ему принадлежит более ста фортепианных пьес, свыше 60 романсов, кантаты, баллады, хоры, ряд духовно-музыкальных сочинений. Аренский был также талантливым пианистом-исполнителем, дирижером. Он писал теоретические труды, по музыкальному искусству некоторые из них стали консерваторскими учебниками. Прожил Аренский в Москве до 1895 г., вернувшись затем обратно в Петербург. За годы, проведенные в Москве, он подготовил ряд способных учеников, в том числе и видных композиторов[3].

В конце XIX в. в Москве сконцентрировались значительные композиторские силы, прежде всего из выпускников Московской консерватории. Выдающимся церковным композитором был ученик П. И. Чайковского и С. И. Танеева А. Д. Кастальский, ставший директором Синодального училища и Синодального хора, получившего мировую известность. Кастальский не только автор многочисленных церковных песнопений, но музыкант-руководитель, оказавший большое влияние на деятельность церковных хоров Москвы.

Выпускником Московской консерватории был одаренный композитор С. М. Ляпунов. Для него было характерно увлечение русской народной музыкой. В середине 90-х гг. Русское географическое общество направило его для сбора русских народных песен в Вологодскую и Вятскую губернии. Сильное влияние на формирование его идейно-эстетических позиций оказал руководитель «Могучей кучки» композитор М. А. Балакирев. Вообще этот период отличается увлечением московских композиторов народной, причем не только русской, музыкой. Например, М. М. Ипполитов-Иванов, выпускник Петербургской консерватории, до переселения в Москву, где он вскоре стал директором консерватории, несколько лет прожил в Грузии, в результате появилось значительное число его произведений на грузинские и вообще кавказские темы. Именно в Москве в 1895 г. вышла его книжка под названием «Грузинская народная песня и ее современное состояние». Его перу принадлежат сюиты «Иверия» и «Кавказские эскизы», но одновременно он известен и как оперный композитор и видный музыкальный теоретик[4].

Выпускниками Московской консерватории были выдающиеся русские композиторы С. В. Рахманинов и А. Н. Скрябин, широко известные за пределами России. С. В. Рахманинов проживал в Москве с 1885 г., прибыв в первопрестольную в возрасте 12 лет. Музыкальное образование он получил первоначально в пансионе пианиста Н. С. Зверева, а затем в Московской консерватории, причем как пианист и композитор. Его неординарный музыкальный талант проявился в весьма раннем возрасте. Автору исполнилось всего 20 лет, когда в Большом театре в 1893 г. была поставлена его опера «Алеко». В конце 90-х гг. он стал дирижером Московской частной русской оперы, а в начале XX в – Большого театра. С. В. Рахманинов жил в Москве до конца 1917 г.[5]

Композитором-новатором был уроженец Москвы А. Н. Скрябин. Также выпускник Московской консерватории, он в конце 90-х гг. являлся ее профессором. Скрябин создал свою музыкальную систему выразительных средств, по-разному воспринятую современниками, но вошедшую в музыкальную сокровищницу мирового искусства как образец смелого новаторства, отрешения от музыкальной рутины и обыденности. Рано уйдя из жизни, он успел оставить богатое творческое наследие: симфонии, сонаты, этюды для фортепиано.

Еще в более раннем возрасте, чем А. Н. Скрябин, скончался талантливый московский композитор В. С. Калинников, известный рядом замечательных музыкальных произведений. Он сумел сочетать в своем творчестве и традиции школы П. И. Чайковского, и традиции «Могучей кучки». Заслуженной славой пользуются две его симфонии, а также симфоническая картина «Кедр и пальма». Брат его Виктор Сергеевич также был композитором, автором хоров, видным дирижером.

Произведения всех этих композиторов исполняются и в наши дни, но нельзя забывать и тех московских композиторов, которые были хорошо известны в то время и сейчас незаслуженно забыты. Несомненно крупным композитором был выпускник Московской консерватории Г. Э. Конюс – музыкальный педагог и теоретик. Конюс – автор созданного по японским материалам балета «Данта», поставленного в Большом театре в 1896 г. Широкой московской публике была известна оркестровая сюита Конюса «Из детской жизни». Специалисты же могли ознакомиться с его «Пособием к практическому изучению гармонии», вышедшему в Москве в 1894 г., а также с другими его сочинениями по музыкальной теории. Почти забыт и другой московский композитор – А. Н. Корещенко, как и М. М. Ипполитов-Иванов, увлекавшийся кавказским музыкальным фольклором. Корещенко – выпускник Московской консерватории – был известен как пианист, дирижер и музыкальный критик, постоянно сотрудничавший в «Московских ведомостях». Корещенко писал оперы, балеты, симфонии, кантаты, романсы, фортепианные пьесы и другие музыкальные произведения, свидетельствовавшие о большой музыкальной эрудиции автора и его редкой работоспособности. В Московской консерва-

[3] *Гозенпуд А.А.* Русский оперный театр XIX века. Л., 1969.

[4] *Ипполитов-Иванов М.М.* 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934.

[5] *Соловцов А.С.* Рахманинов. Изд. 2-е, доп. М., 1969. С.61.

тории он преподавал гармонию, а когда его альма-матер исполнилось четверть века, в 1891 г. он в ее честь написал свой примечательный «Пролог»[6].

Забыт и другой выпускник Московской консерватории – Н. С. Кленовский. Любопытно, что и он побывал и Тифлисе, где собирал материалы по грузинской церковной музыке и грузинскому фольклору. Но еще до этого он увлекался собиранием русского музыкального фольклора и предпринял ряд удачных попыток обработки русских народных песен. Приобрел он известность прежде всего как дирижер. Еще в молодости Кленовский выступил помощником ректора консерватории Н. Рубинштейна по руководству студенческим оркестром, был дирижером университетского оркестра, а затем особенно значительна его роль по управлению музыкальной частью Большого и некоторых других театров Москвы и Петербурга. Он написал музыку к нескольким балетам, первый из которых «Прелести Гашиша» был сочинен еще в 1885 г. Много времени композитор уделял написанию музыки к различного рода драматическим произведениям, в том числе «Антоний и Клеопатра», «Мессалина» и др. Им написаны две кантаты к Пушкинскому юбилею и две коронационные кантаты, оркестровые сюиты, сюиты для фортепиано и т.д.[7]

В конце XIX в. получили известность и ряд других московских композиторов: С. Н. Василенко, А. Ф. Гедике, Р. М. Глиэр, А. Б. Гольденвейзер. Все они выпускники Московской консерватории, тесно с ней связанные и в дальнейшем, представители высокой музыкальной культуры и известны также как выдающиеся исполнители или музыкальные теоретики. Но их творчество было больше связано со следующим – двадцатым столетием.

Как и в первой половине XIX в., так и во второй – Москва не только город любителей музыки, но и крупный композиторский центр. Заметно увеличилось число музыкальных сочинителей, сочетавших несомненный музыкальный талант с высокой музыкальной культурой. Как музыкальный центр Москва в конце века – один из крупнейших в мире, представителей московской музыкальной школы хорошо знали в разных уголках земного шара. Одно имя П. И. Чайковского делало музыкальную Москву Меккой для музыкантов многих стран, и выступить в Москве считали за честь лучшие композиторы и исполнители того времени.

Высокий уровень музыкальной культуры определялся различными факторами. Это и укрепление композиторских сил, и рост музыкального образования и воспитания, и деятельность музыкальных обществ, и музыкальная пресса, и музыкальная критика, поощрявшаяся многими изданиями и, конечно, вовлеченность в музыкальную жизнь населения Москвы как путем знакомства с творчеством многих исполнителей, так и собственного участия в музыкальной жизни[8]. Во второй половине XIX в. явно заметен процесс расширения музыкального образования. Оно шло в школах различного уровня, но прежде всего в специальных музыкальных учебных заведениях. В 1878 г. при Московском филармоническом обществе открылось Музыкально-драматическое училище, где преподавали Г. Э. Конюс, А. Н. Корещенко, П. А. Шостаковский и приехавший из Петербурга композитор П. И. Бларамберг, ставший профессором по классам формы и инструментовки. Главным организатором училища был пианист П. А. Шостаковский, преподававший в Московской консерватории. Училище сыграло большую роль в подготовке композиторов и исполнителей.

Рост популярности музыкального образования выразился и в увеличении различного рода частных музыкальных школ. В 1883 г. открылась женская музыкальная школа Н. А. Муромцевой. Через несколько лет, в 1891 г., начало работать музыкальное училище В. Ю. Зограф-Плаксиной. А в 1895 г. сестры Евгения, Елена и Мария Фабиановны Гнесины основали свое музыкальное училище – одно из самых известных музыкальных учреждений страны.

Особый разговор о церковных музыкальных заведениях. От знаменитого московского Синодального хора в 1886 г. отделилось Московское синодальное училище, где готовили хоровых дирижеров и учителей пения, работавших затем не только в Москве, но и в самых отдаленных губерниях.

Трудно переоценить роль в становлении и развитии музыкального образования и вообще музыкальной культуры Московской консерватории. Поначалу были созданы при Русском музыкальном обществе, его Московском отделении, музыкальные классы. Открывшиеся в 1860 г., они были относительно небольшим учебным заведением, но именно эти классы стали основой Консерватории, где начались занятия с 1 сентября 1866 г. Так получилось, что основателем консерватории и ее первым директором был известный пианист, дирижер, педагог Н. Г. Рубинштейн, еще в 1855 г. закончивший юридический факультет Московского университета. Именно он в 1860 г. стал основателем Московского отделения Русского музыкального общества. Его родной брат – Антон был основателем другой русской консерватории – Петербургской, начавшей работать с 1862 г. Н. Г. Рубинштейн возглавлял Московскую консерваторию

[6] *Казанский Е.Н.* Музыка в Москве // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып.XI. М., 1912. С.77–78.

[7] Московская консерватория. 1866–1966. С.103–114.

[8] *Кашкин Н.Д.* Московское отделение Русского Музыкального Общества. Очерк деятельности за пятидесятилетие. 1860–1910. М., 1910.

15 лет до своей кончины в 1881 г. На этом посту его сменил известный музыкальный теоретик и педагог, выпускник Петербургской консерватории и ученик А. Г. Рубинштейна Н. А. Губерт. Через два года, в 1883 г., директором консерватории назначили К. К. Альбрехта – виолончелиста и композитора, активно помогавшего Н. Рубинштейну в организации Московской консерватории и известного до этого как виолончелист в оркестре Московской русской оперы. Альбрехт директорствовал в консерватории до 1885 г., когда его сменил уже упоминавшийся С. И. Танеев, и последним в XIX в. директором консерватории был В. И. Сафонов – известный пианист и дирижер, возглавлявший консерваторию в 1889–1905 гг.

Среди преподавателей консерватории оказались выдающиеся композиторы и исполнители – П. Чайковский, С. Танеев, Н. Рубинштейн, Ф. Лауб, А. Аренский, А. Дюбюк и др. Были приглашены для работы в консерватории и иностранные музыканты. С 1890 г. профессором по классу фортепиано в консерватории, хотя и непродолжительное время, был знаменитый итальянский пианист и композитор Ф. Бузони, преподавал здесь и польский пианист И. Венявский (брат известного скрипача). В течение нескольких лет консерватория приобрела славу первоклассного учебного заведения и в нее устремилась талантливая молодежь со всех уголков России, а затем и из-за рубежа. Выпускниками консерватории были выдающиеся композиторы, исполнители, дирижеры – С. Рахманинов, А. Скрябин, А. Нежданова, Р. Глиэр, С. Василенко, П. Хохлов и др.

Во второй половине столетия заметно усиливается роль Москвы как центра музыкальной теории и музыкальной критики. Еще был жив В. Ф. Одоевский, продолжавший изыскания в области старинной русской песни и собирание церковных нотных рукописей. Он скончался в феврале 1869 г. В пореформенное время вышел ряд его трудов о церковном и древнерусском песнопении. Русской народной музыкой серьезно занимался и Ю. Н. Мельгунов, получивший подготовку в Московской консерватории. Увидела свет его специальная работа «К вопросу о русской народной музыке», а также учебник ритмики. Видным московским музыковедом второй половины века был Н. Д. Кашкин, преподававший в Московской консерватории теорию и историю музыки. Ему принадлежал широко известный учебник элементарной теории музыки, изданный в 1875 г., а также другие труды по истории русской музыки и оперному искусству. Как музыкальный критик Кашкин выступал также на страницах «Русских ведомостей» и «Московских ведомостей». Он пропагандировал русскую и зарубежную музыку. Кашкин в одинаковой степени способствовал знакомству русского общества с творчеством П. И. Чайковского, о котором он оставил интересные воспоминания, и С. И. Танеева, и с деятельностью «Могучей кучки», прежде всего Н. А. Римского-Корсакова.

Известным московским музыковедом являлся Г. А. Ларош, обучавшийся в Петербургской консерватории, где он сблизился с П. И. Чайковским. Переехав в Москву, Ларош, как и Кашкин, стал профессором теории и истории музыки. Им была опубликована основательная работа о значении творчества М. И. Глинки, а также множество других публикаций в газетах и журналах. Он – один из самых осведомленных и последовательных популяризаторов творчества Чайковского.

Оставили заметный след в истории музыки К. К. Альбрехт, П. И. Бларамберг, Н. А. Губерт, А. Н. Серов и, конечно, П. И. Чайковский. Примечательно, что Чайковский обращал внимание и на развитие русской церковной музыки. В одном из писем, относящихся к сентябрю 1882 г., П. И. Чайковский подчеркивал: «Я диаметрально расхожусь со вкусами не только православной публики, но и большинства духовенства». Он отмечал, что русская духовная музыка в последнее время слишком поддалась иностранному, прежде всего итальянскому, влиянию и что нужно вернуться к ее исходным традициям[9].

В Московской консерватории русской духовной музыке тогда уделялось значительное место, здесь имелась соответствующая кафедра. В числе ее профессоров был один из лучших знатоков русской духовной музыки Д. Разумовский. В 1867 г. в Москве вышла его специальная книга по истории церковного пения в стране – «Церковное пение в России (Опыт историко-технического изложения)», в которой собраны материалы как о традициях греческого и славянского пения в России, так и о собственно русском пении, в том числе и в Москве вплоть до второй половины XIX в.

Описываемый период отмечен заметным увеличением исполнительской деятельности в разных областях музыки. Значительный размах получила концертная жизнь Москвы. В немалой степени этому способствовала деятельность специальных обществ и кружков. В ноябре 1860 г. в Москве возникло Русское музыкальное общество, в рамках которого развернулась широкая концертная деятельность. Симфоническая музыка, не особенно привлекая москвичей в первой половине века, с помощью этого общества пробуждала все больший интерес жителей города. Общество популяризировало музыку Л. ван Бетховена,

[9] *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. Письма. 1882. Т.XI. М., 1966. С.232–235.

Дом на Моховой, в котором помещались музыкальные классы Русского музыкального общества. 1864 г.

М. И. Глинки, Г.-Ф. Генделя, Р. Вагнера и других отечественных и зарубежных музыкантов. В Москве с середины 60-х и до начала 80-х гг. действовал Артистический кружок, в который входили Н. Рубинштейн, В. Одоевский, драматург А. Островский, многие актеры и музыканты. Активной пропагандой музыкальной культуры занималось также Московское филармоническое общество, основанное в 1883 г. В Москве начал действовать в 1896 г. Кружок любителей русской музыки, организовывавший многочисленные концерты.

По-прежнему широкое распространение в городе получило церковное пение, эталоном во многом для него служил Синодальный хор при Синодальном училище церковного пения. Как уже отмечалось, директором училища был выдающийся русский духовный композитор А. Кастальский, сочинения которого с большим успехом Синодальный хор исполнял в 1899 г. в Вене. В числе директоров Синодального училища был и С. Н. Кругликов, популяризатор русской музыки, выступавший на страницах многих изданий, где он отстаивал традиции М. И. Глинки и П. И. Чайковского и других русских композиторов.

Среди руководителей различного рода оркестров Москвы в конце века хорошо известны В. И. Сафонов, С. А. Кусевицкий, К. С. Сараджев и другие. По-прежнему в Москву на гастроли прибывали многие видные музыканты из-за рубежа. Здесь руководили оркестрами такие знаменитые дирижеры, как Эдуард Колонн, Артур Никиш, Рихард Штраус – выходцы из Франции, Венгрии, Германии. В Москве давали концерты пианист И. Гофман, виолончелист П. Казальс, скрипач Ф. Крейслер, многие зарубежные исполнители. Конечно, на их концертах обычно присутствовала изысканная московская публика, редко удавалось попасть на них бедным студентам или мастеровым. Но среди московских музыкантов второй половины столетия заметны стремления приблизить музыку, в том числе и классическую, к широким слоям московского населения. Один из московских музыкантов в 1897 г. писал в «Русской музыкальной газете», которая выходила в Петербурге: «Кто долго жил в Москве и хоть мало-мальски пристально всматривался в здешнюю музыкальную жизнь, тот не мог не заметить одного весьма любопытного явления: попытки демократизировать музыку»[10].

Такие тенденции получили отражение и в московской эстраде. В конце века заявила о себе ярчайшая представительница подлинно цыганского песенного искусства – В. В. Панина-Васильева, известная как Варя Панина. Дитя старой Москвы, она пела в купеческих ресторанах за Тверской заставой, затем перешла в «Яр», где выступала более десяти лет и как солистка, и как участница цыганского хора[11]. С Москвой связано имя и другой талантливой русской эстрадной певицы – А. Д. Вяльцевой. Первый концерт Вяльцевой состоялся на подмостках московского «Эрмитажа» в

[10] История Москвы. Т.V. М., 1955. С.598.

[11] *Настасьев И.В.* Звезды русской эстрады (Панина, Вяльцева, Плевицкая). М., 1970. С.38–39.

Здание Малого театра

1897 г., он явился настоящей сенсацией[12]. Обе певицы оказали огромное влияние на творчество молодых певцов и выработку вкусов строгой московской публики.

2. ТЕАТР

Вторая половина столетия знаменательна теми изменениями, которые произошли в театральной жизни города. Они коснулись прежде всего Малого театра – театра казенного, не только значительно обновившего свой репертуар, но и традиционную манеру игры. На деятельность театра оказал огромное воздействие драматург А. Н. Островский – коренной москвич, его первая пьеса на сцене Малого театра была поставлена в начале 1853 г., когда ее автору исполнилось уже 30 лет. С этой пьесы – «Не в свои сани не садись» и началось содружество великого драматурга с труппой Малого театра. Островский слился с Малым театром и придал ему как бы новое дыхание.

В 1856 г. брат царя великий князь Константин Николаевич – один из главных вдохновителей реформ – предложил известным русским писателям посетить различные губернии Российской империи, чтобы раскрыть картину их нравственно-бытового и экономического положения. А. Н. Островский взял на себя изучение Волги и приволжских местностей от ее верховьев до Нижнего Новгорода. Бывший московский гимназист и студент окунулся в доселе неведомый ему мир русской глубинной жизни и в течение нескольких месяцев впитывал в себя впечатления от русского традиционного быта, живого русского слова, русских художественных ремесел. Огромный запас впечатлений, полученных наблюдательным драматургом, проявился в его новых произведениях, предназначавшихся прежде всего для Малого театра. В 1857 г. он написал «Доходное место» и «Праздничный сон до обеда», а затем знаменитую «Грозу» – прямое наследие его волжских впечатлений. Первой исполнительницей роли Катерины в «Грозе» стала Л. П. Косицкая-Никулина, сама волжанка, сценическая деятельность которой началась в Нижнем Новгороде. В пьесах Островского сыграл 30 различных ролей П. М. Садовский.

В спектаклях А. Н. Островского играли М. П. Садовский, его жена О. О. Садовская, Г. Н. Федотова, М. Н. Ермолова, все ведущие актеры Малого театра. Хотя театр зачастую называли «домом Островского», в нем продолжали идти пьесы Шекспира, Шиллера, Лессинга, Кальдерона, Мольера, а также Н. Гоголя, А. Писемского, И. Тургенева, А. Потехина, А. Сухово-Кобылина и др. Во второй половине XIX в. театр предоставил свою сцену и для пьес Л. Н. Толстого. Особенностью театра той поры являлось то, что это был театр сочинителя и театр актера. Режиссер как постановщик и руководитель творческого процесса отсутствовал, по существу режиссеры того времени – это технические исполнители, круг обязанностей которых очерчен сугубо административными функциями. После смерти в 1863 г. М. С. Щепкина, духовного руководителя театра, его традиции продолжили И. В. Самарин, С. В. Шумский (Чесноков), Г. Н. Федотова – выдающиеся актеры и педагоги.

Со смертью в 1886 г. А. Н. Островского Малый театр вскоре вступил в полосу застоя, а затем и несомненного кри-

[12] *Настасьев И.В.* Указ. соч. С.50.

зиса. Управлявший московской конторой императорских театров, бывший пехотный офицер П. М. Пчельников, находившийся на этом посту до 1898 г., не был способен сколь-нибудь оживить деятельность театра, так же как и его преемник В. А. Теляковский, тоже бывший офицер. Они по-прежнему скорее выполняли надзирательные функции, чем оказывали поддержку талантливым актерским силам и обновлению репертуара. В это время особенно ощущалась необходимость в новых театрах, причем постоянно действующих. Собственно стремления к созданию народных или частных театров имели место и раньше[13].

В 1872 г. была предпринята попытка образования в Москве народного театра, который предназначался для широких слоев московской публики. На Варварской площади возник деревянный театр почти на две тысячи мест. Труппу театра составили преимущественно провинциальные, хотя и профессиональные актеры, заслужившие признание московского простонародья. В театре ставили большей частью пьесы А. Н. Островского, а также «Ревизор» Н. В. Гоголя и пьесы других отечественных авторов. Своим возникновением театр обязан функционированию Политехнической выставки, приуроченной в 200-летию со дня рождения Петра I. С закрытием выставки был закрыт и театр, но у него нашлись поклонники не только в московских низах, но и среди представителей московских верхов, которые настояли на сохранении театра, получившего наименование Общедоступного[14]. Труппа пополнилась новыми актерами, среди которых были впоследствии знаменитые А. П. Ленский (Вервициотти), П. А. Стрепетова и др. Но и этому театру была уготована недолгая судьба. В 1876 г. под благовидным предлогом недостаточной пожарной безопасности его закрыли, часть актеров, в том числе А. Ленский, перешли в Малый театр.

Попытки создания народного театра, о необходимости основания которого в Москве как театра национального писал А. Н. Островский, не прекратились. Актрисе Малого театра А. А. Бренко удалось открыть небольшой театр, труппа которого состояла преимущественно из провинциальных актеров, но в спектаклях принимали участие и некоторые знаменитые актеры Малого театра. На основе этого маленького театра в 1880 г. был создан новый народный театр, под названием «Театр близ памятника Пушкина» или «Пушкинский театр». Его труппа пополнилась крупными мастерами сцены. Среди них А. И. Южин (Сумбатов), П. А. Стрепетова, М. И. Писарев, В. Н. Андреев-Бурлак. Театр просуществовал недолго, до первой половины 1882 г., закрывшись из-за серьезных материальных затруднений. Он оставил заметный след в театральной московской жизни, как игрой актеров, так и творческим подходом к подбору репертуара. В театре были поставлены «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова и другие пьесы, не шедшие в тогдашних театрах или ставившиеся чрезвычайно редко. Пушкинский театр оказался достойным славы Малого театра, тем более что в его репертуаре имелись пьесы, в то время не шедшие в Малом.

Вскоре возник новый театр под названием «Скоморох», пользовавшийся значительной популярностью у зрителя. В нем с успехом выдержала многочисленные постановки пьеса Л. Н. Толстого «Власть тьмы». В 1898 г. и этот народный театр закрылся.

Во второй половине XIX в. продолжали устраивать народные гулянья под Девичьим, на Старом гулянье и за Пресненской заставой. В 90-х гг. в городе основывается «Общество содействия народным развлечениям», которое занялось устройством спектаклей в различных районах Москвы. Оно организовывало постановки на Старом гулянье, в Сокольниках рядом с традиционными местами народных гуляний, приобщая московский люд к творчеству русских классиков, прежде всего А. Островского и Н. Гоголя, и зарубежных.

Важным событием в жизни театральной Москвы стало создание после некоторого перерыва частных театров. Наиболее известным из них был возникший в августе 1882 г. Русский драматический театр Ф. А. Корша, просуществовавший до 20-х гг. следующего столетия. Театр сумел привлечь в свою труппу большое число талантливых актеров. Среди них И. М. Москвин, А. А. Остужев, В. Н. Андреев-Бурлак, М. И. Писарев, Л. М. Леонидов, А. Я. Глама-Мещерская. Впервые в Москве в театре Корша стали практиковаться утренние спектакли, его репертуар включал пьесы, ставившиеся только на сцене этого театра. Так, здесь впервые в России была поставлена пьеса знаменитого математика Софьи Ковалевской «Борьба за счастье», а также пьесы известного норвежского драматурга Генрика Ибсена. В ноябре 1887 г. в театре Корша состоялось первое публичное представление драмы А. П. Чехова «Иванов», с которой замечательный русский писатель дебютировал как драматург. Подъем театра связан с именем режиссера Н. Н. Синельникова, возглавившего театральную труппу с 1900 г.

В конце века в Москве появилось еще несколько театров, что свидетельствовало о возраставшем влиянии театра на культурную жизнь города, усиливавшейся потребностью московского общества в приобщении к театральному искусству[15]. М. В. Лентовский, бывший ак-

[13] История русского драматического театра. Т.I. М., 1977.

[14] *Шамшурин Ю.И.* Московские театры в XIX веке // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып.XI. М., 1912. С.44–45.

[15] *Дорошевич В.М.* Старая театральная Москва. Пг., 1923.

тер Малого театра и связанный с М. С. Щепкиным, стал довольно активным антрепренером, организуя ряд массовых постановок в летних садах Москвы. В 1883 г. ему удалось создать зимний театр, носивший название «Русский театр». И этот театр, как и ряд других московских театров, основанных в 80–90-х гг., просуществовал недолго. Такая же судьба постигла театры, созданные М. М. Абрамовой, Е. Н. Горевой (руководителем которого был П. Д. Боборыкин), В. В. Чарским.

Театральная Москва, как и в прошлые времена, известна театрами на любительской основе. Почти 20 лет – с конца 70-х и до конца 90-х гг.– просуществовал в Москве любительский театр, поставивший перед собой чрезвычайно важную цель – осуществить переводы и постановку шекспировских трагедий. Театр так и назывался – «Шекспировский кружок», где играли многие пьесы великого английского драматурга, в том числе «Гамлет», «Король Генрих IV», «Отелло». Создателями кружка являлись видные московские шекспироведы Н. И. Стороженко и С. А. Юрьев.

Существовали в Москве и другие любительские труппы, в их числе одна из самых старых – университетская. Шли любительские спектакли и в маленьких театрах Секретарева и Немчинова. Но особенно следует отметить любительский театр, которому суждено было сыграть огромную роль в истории русского театрального искусства. Речь идет о кружке театралов, основанном в конце 70-х гг. К. С. Алексеевым и поначалу известном как «Алексеевский кружок». Алексеев– будущий великий режиссер Станиславский – коренной москвич, принадлежавший к одной из самых старых московских купеческих фамилий, родословную которой можно проследить как минимум с 1746 г.[16]

Кружок К. С. Алексеева в 1888 г. преобразовался в «Общество искусства и литературы», привлекшее в свои ряды не только актеров драматического жанра, но и певцов, музыкантов, писателей, художников. Это «Общество» и поставило в декабре 1888 г. первый спектакль из произведений А. С. Пушкина, Мольера и одного из учредителей «Общества» – А. Ф. Федотова, автора, а также режиссера трагедии «Годуновы». Алексеев выделил на спектакль необходимые средства и сам выступил в качестве актера, сразу обратив на себя внимание зрителей. Собственно с этого спектакля, где Алексеев (Станиславский) играл заглавные роли, и можно начать историю будущего знаменитого Художественного театра, принесшего Москве мировую славу.

Театр возник в 1898 г., но в течение 10 лет деятельности «Общества искусства и литературы» шла подготовка к его открытию, любительский коллектив актеров превратился в объединение зрелых мастеров, хорошо осознававших те сложные задачи, которые перед ним стояли. Дебют нового театра состоялся 14 октября 1898 г. пьесой А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Ему предшествовало знакомство К. С. Станиславского с театральным критиком, драматургом и педагогом В. И. Немировичем-Данченко, обучавшимся в 70-х гг. вначале на физико-математическом, затем на юридическом факультете Московского университета. Сближение, а затем и содружество двух мастеров сцены, имевших определенные творческие взгляды на задачи, возможности и реализацию театральных постановок, произвели настоящий переворот в театральной жизни не только Москвы и России, но и оказали заметное влияние на мировое театральное искусство.

Два основных руководителя нового театра продуманно подошли и к созданию театральной труппы. Ее составили как соратники Станиславского по спектаклям «Общества искусства и литературы» – М. Ф. Андреева (Юровская), А. Р. Артем, М. П. Лилина, В. В. Лужский, так и ученики В. И. Немировича-Данченко по Музыкально-драматическому училищу Московского филармонического общества – О. Л. Книппер, В. Э. Мейерхольд, И. М. Москвин. М. Ф. Андреева впоследствии стала женой А. М. Горького, а О. М. Книппер – женой А. П. Чехова, пьесы которых

К. С. Станиславский и А. А. Федотов в ролях Дон Гуана и Лепорелло в трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость». Московское общество искусства и литературы. 1889 г.

[16] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.152.

А. П. Чехов, К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко с группой артистов Художественного театра. 1899 г.

вошли в основной репертуар театра и принесли ему мировую известность.

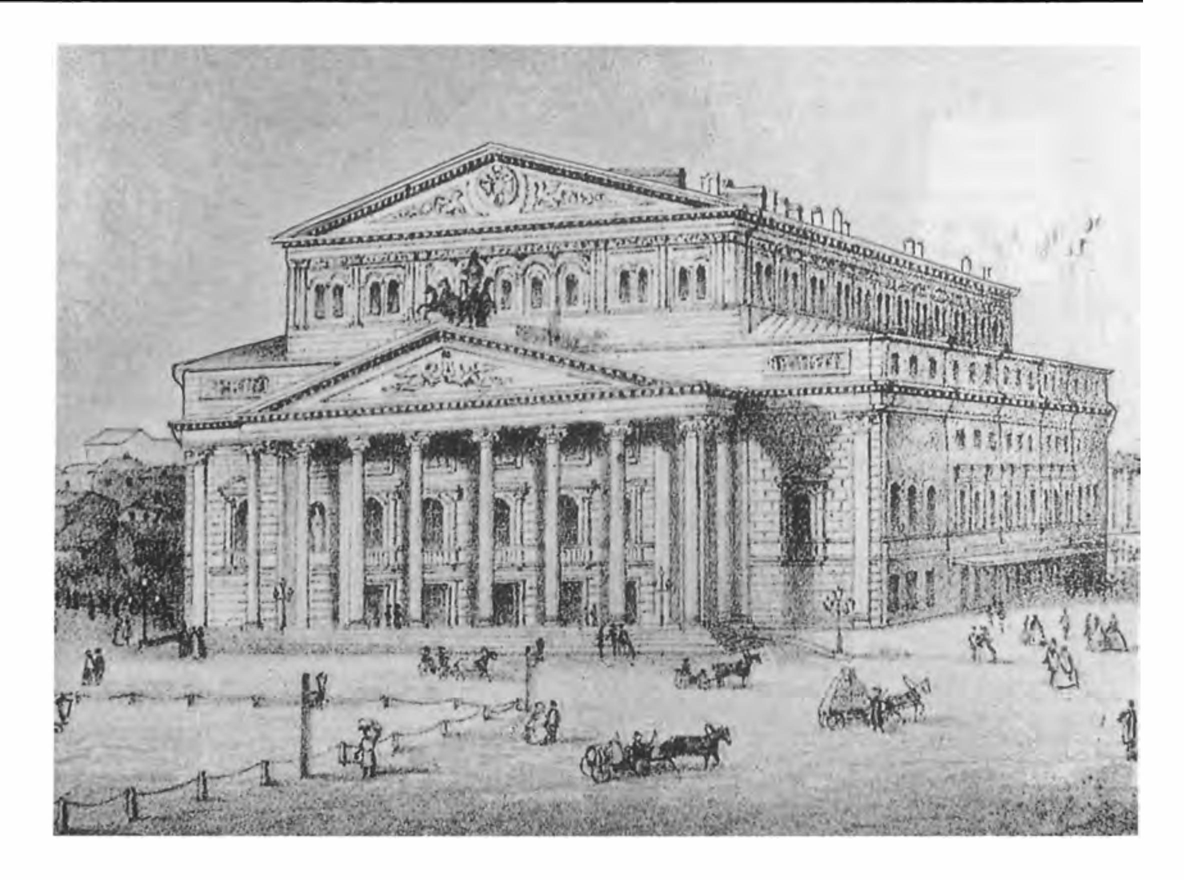
Слава театра, его подлинное становление как самобытного талантливого актерского коллектива связана прежде всего со спектаклями, созданными по пьесам А. П. Чехова. Постановка чеховской «Чайки» в 1898 г. означала рождение нового театра, нового во всех смыслах этого слова. У театра были выдающиеся постановщики – новаторы, разработавшие новые принципы режиссуры, у него имелась молодая, талантливая и чрезвычайно слаженная труппа и новый злободневный репертуар, близкий по духу основной части зрителей. Уже в следующем, 1899 г. Художественный поставил новую пьесу А. П. Чехова – «Дядя Ваня», в 1901 г.– «Три сестры», а в 1904 г. зритель увидел еще одно неувядаемое чеховское творение – «Вишневый сад». В 1902 г. театр осуществляет постановку сразу двух пьес М. Горького – «Мещане» и «На дне», также вошедшие в золотой фонд отечественного театрального искусства.

Спектакли «Общества искусства и литературы» с 1891 г. ставились К. С. Станиславским в Немецком клубе, основанном еще в 1819 г., спектакли нового театра первые три года шли в здании построенного в 90-е гг. театрального здания, называвшегося «Эрмитаж». Именно здесь 26 мая 1896 г. был показан и первый в истории Москвы кинофильм. «Эрмитаж» располагался в самом центре Москвы в Каретном ряду, что также привлекало москвичей. В 1902 г. театр обосновался в новом помещении, перестроенном архитектором Ф. О. Шехтелем в Камергерском переулке, переименованном затем в проезд Художественного театра.

В XX в. Художественный театр вошел с устоявшимся слаженным коллективом, где сформировался актер новой формации, стремившийся раскрыть психологию героев пьес во всех ее тонкостях. Это был коллектив выдающихся актеров, некоторые из которых создали свои режиссерские (В. Э. Мейерхольд) и актерские (И. М. Москвин) школы.

1898 год знаменателен для истории театральной Москвы еще одним событием. Режиссер-новатор, известный как выдающийся актер и как теоретик театра и педагог,– А. П. Ленский возглавил труппу нового театра, так и называвшегося – Новый театр. Ленский тоже стремился к коренному обновлению театра, он обосновал ведущую роль режиссера, показал необходимость серьезного театрального образования, на конкретном примере доказал возможность создания сценического ансамбля. Его учениками были выдающиеся московские актеры – А. А. Остужев (Пожаров), В. О. Массалитинова, А. Н. Пашенная, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова.

Существовал в Москве еще один вид театра, также традиционного, имевшего более глубокие корни в Москве, чем драматический. Это кукольный театр, пользовавшийся неизменным успехом

Большой театр. Реконструкция архитектора А. Кавоса после пожара 1853 г. Художник В. Садовников. 1856 г.

среди простого московского люда и представленный различными жанрами этого самобытного искусства. Кукольные представления обычно устраивались в местах народных гуляний, практически там, где и в первой половине столетия. Наиболее популярными кукольниками были П. И. Седов и В. Я. Сизов, внесшие заметный вклад в преобразование этого, на первый взгляд, нереформируемого вида народного искусства. Менялся или, точнее, дополнялся репертуар, вводились различного рода технические новшества, использовались общие достижения театрального искусства[17].

Особенностью театральной жизни пореформенной Москвы было органическое сочетание традиционных видов народного искусства с уже устоявшейся театральной драматической традицией, находившей прежде всего отражение в Малом театре, с различного рода театральными новациями, используемыми труппами Художественного и Нового театров.

Театральная Москва отнюдь не варилась в собственном соку. Нередко сюда приезжали известные актеры из Петербурга и российской провинции. Как и в первой половине столетия, в Москве гастролировали многие знаменитые иностранные актеры. Их гастроли были столь частыми, что для спектаклей именитых иностранных актеров и зарубежных трупп на Никитской улице построили специальное здание, где регулярно ставили различные спектакли. Трудно перечислить имена всех выдающихся и менее известных иностранных актеров, побывавших в Москве. Москва их привлекала и как большой город с немалыми финансовыми возможностями, и тем, что определенные слои населения владели иностранными языками, и общим благожелательным отношением московского зрителя и слушателя, интересовавшихся последними достижениями европейского театрального искусства. Москвичи имели возможность лицезреть игру знаменитой французской актрисы из «Комеди франсэз» Сарры Розины Бернар, считавшейся лучшей актрисой Франции; познакомиться с не менее знаменитой итальянкой Элеонорой Дузе; выдающимся немецким трагиком Людвигом Барнаем, супругом певицы Марии Крейцер; известными французскими актерами Коклэнами и многими другими.

Значительные сложности выпали в пореформенный период на долю московской оперы. Она переживала тогда далеко не лучшие свои времена. Особенно большие испытания характерны для русской оперы, которая стойко боролась за существование. Большой театр располагал прекрасными исполнителями, вошедшими в историю оперы как продолжатели славных традиций московской исполнительской школы. Одной из наиболее ярких звезд московской оперы считалась А. Д. Александрова (в замужестве Кочетова), обладавшая пре-

[17] *Симонович-Ефимова Н.Я.* Записки петрушечника. М.; Л., 1925.

красным драматическим сопрано и получившая музыкальное образование за рубежом. Будучи дочерью священника при русской церкви в Берлине, она имела возможность познакомиться с игрой зарубежных оперных певцов. Александрова получила основательную подготовку и как пианистка смогла изучить музыкальную теорию, которая ей пригодилась впоследствии, когда она стала профессором Московской консерватории. В Москве певица дебютировала в 1865 г. в партии Антониды в глинковской «Жизни за царя», встретив самый благожелательный прием не только в широких кругах московских меломанов, но и у взыскательных критиков. Ее успех был прочным и довольно продолжительным, солисткой Большого театра она оставалась до 1877 г. А. Д. Александрова создала в Москве свою школу оперных исполнителей, представленную многими яркими именами[18].

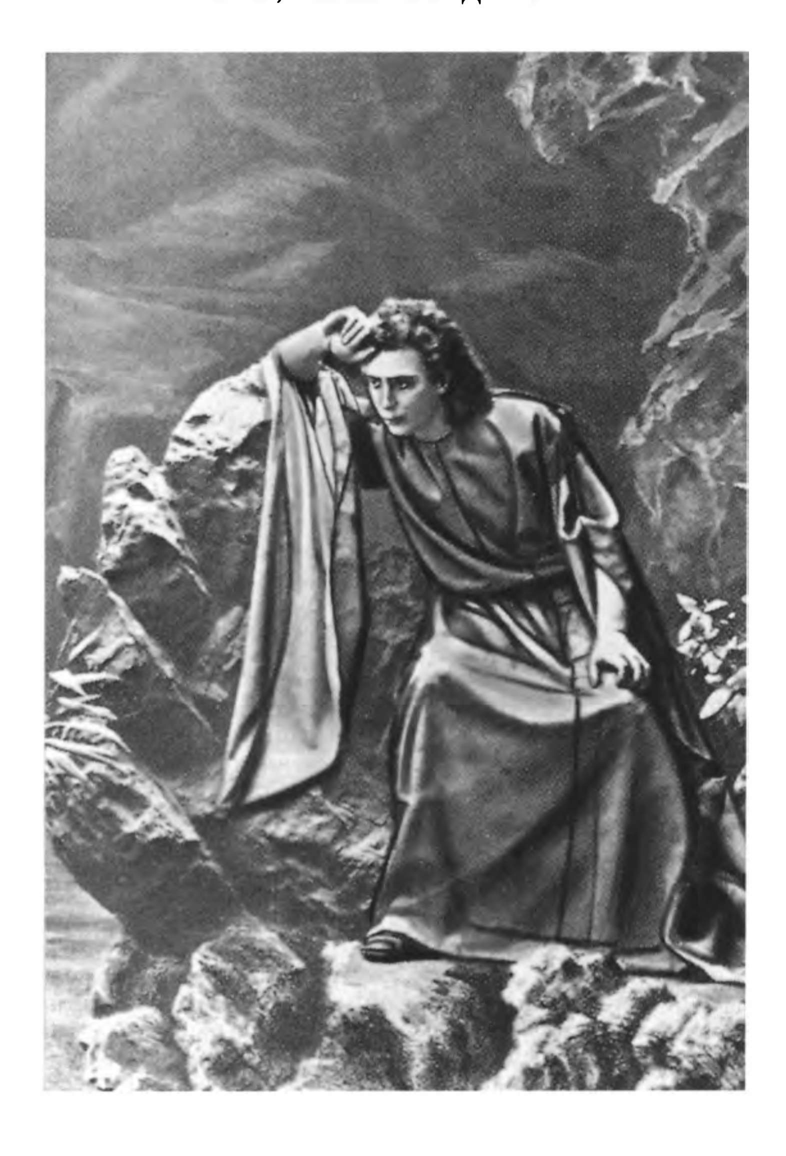
Одним из лучших теноров России был А. М. Додонов, пользовавшийся успехом и на зарубежных сценах: он пел в Миланской и Неаполитанской операх. Додонов выступал в одесской, итальянской и в киевской русских операх, пока на долгие годы не обосновался в Большом театре, где был солистом с конца 60-х до 1891 г., прекрасным исполнителем множества лирических партий в операх как русских, так и иностранных композиторов. Додонов также являлся замечательным музыкальным педагогом, в 1891 г. свой большой исполнительский и педагогический опыт он обобщил в специальной работе «Руководство к правильной постановке голоса и изучению искусства пения».

Талантливой ученицей А. Д. Александровой была Е. П. Кадмина, одна из лучших отечественных контральто. В Большом театре в возрасте всего двадцати лет она исполнила роль Леля в пьесе А. Н. Островского «Снегурочка» с музыкой П. И. Чайковского. Ее пригласили в столицу – в Мариинский театр. Выступала она и в Италии. В 1881 г. Кадмина перешла на драматическую сцену. В том же году, во время одного из спектаклей, она покончила с собой. Так трагически оборвалась жизнь этой многообещающей оперной певицы.

Долгие годы, с конца 70-х до 1900 г., солистом Большого театра был также ученик А. Д. Александровой, замечательный певец, обладатель чарующего баритона П. А. Хохлов – первый исполнитель партии Демона в «Демоне» А. Г. Рубинштейна, а также ряда других ролей, неизменно обеспечивавших ему горячий прием у московской театральной публики. Хохлов был одним из лучших отечественных баритонов, отличавшийся большой певческой и общей культурой, снискавшей ему авторитет у коллег по театру. Пользовался известностью еще один ученик Александровой – бас М. М. Корякин, сначала выступавший в Москве, а затем, вплоть до своей смерти в 1897 г. в Мариинском театре Петербурга. К плеяде учеников Александровой относится и ее дочь – З. Р. Кочетова, выпускница Московской консерватории. Обладательница высокого драматического сопрано, она пользовалась любовью у московской публики, выступая на сцене Большого театра. Из-за болезни легких Кочетова вынуждена была поселиться в Италии, где с успехом пела в итальянских операх, в том числе и Миланской. В ее репертуар входили партии Людмилы и Антониды в глинковских операх «Руслан и Людмила» и «Жизнь за царя», Маргариты в опере Ш. Гуно «Фауст», Джильды в опере Д. Верди «Риголетто». Но судьбе было угодно, чтобы мать пережила дочь: З. Р. Кочетова скончалась в 1892 г., А. Д. Александровой не стало в 1903 г.

На московской оперной сцене успешно выступали бас В. А. Бутенко, тенор Л. Д. Донской, колоратурное сопрано А. Г. Меньшикова, а также М. А. Дейша-

[18] *Казанский Е.Н.* Указ. соч. С.86–87.

П. А. Хохлов в роли Демона в одноименной опере А. Г. Рубинштейна. Большой театр. 1890 г.

Сионицкая, Г. Г. Корсов, С. Г. Власова, А. Е. Ростовцева, Н. В. Салина и др. В 1885 г. в Большом театре дебютировал выпускник Московской консерватории, ученик профессора Д. Гальвани – А. П. Антоновский, обладатель феноменального по своей силе баса, легенды о котором распространялись далеко за пределами Москвы[19]. В 1900 г. Антоновский стал солистом Петербургского Мариинского театра.

Москва не только привлекала на свою оперную сцену талантливых исполнителей из различных городов страны, но и сама передавала их как провинциальным, так и самому сильному по своему составу того периода Мариинскому оперному театру. В пореформенный период Большой театр, несомненно, уступал Мариинскому и по составу солистов, и по музыкальному сопровождению, и даже по репертуару. До середины 80-х гг. на московской сцене практически не шла ни одна из новых русских опер. Увлечение итальянской оперой, выдающимся явлением в истории мировой музыки, однако, сдерживало развитие русского оперного искусства в городе. Итальянская опера в Москве пользовалась гораздо большей популярностью, чем русская.

В 80-х гг. в Большом театре прошли некоторые преобразования. Значительно увеличился как оркестр, куда были приглашены первоклассные музыканты, так и хор, наметилась и определенная смена традиционного репертуара. Прежде всего в постоянный репертуар включаются основные оперы П. И. Чайковского. С 1881 г. начал ставиться «Евгений Онегин», затем «Мазепа», «Черевички», «Чародейка», «Пиковая дама». Осуществлялись постановки опер Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, А. С. Аренского, С. В. Рахманинова и других отечественных композиторов.

Вместе с тем по-прежнему большое место в репертуаре занимали оперы зарубежных композиторов – Д. Верди, Д. Мейербера, Р. Вагнера и др. 80-е гг. обозначились в русском искусстве поворотом именно к отечественным традициям. Русский стиль получил отражение в различных областях искусства, в том числе и в оперном. С 80-х гг. Большой театр отказался от ежегодных гастролей итальянской оперы – обычных для прошлых времен. Ставка стала делаться на русских певцов и в значительной степени на русский репертуар. Пришли в Большой театр и новые талантливые солисты. С 1899 г. на его сцене начал петь Ф. И. Шаляпин, за два года до этого солистом театра стал Л. В. Собинов, с самого начала XX в. в числе солистов выступила и А. В. Нежданова – выдающиеся мастера московской оперной сцены, принесшие Большому театру мировую известность.

Преобразования в Большом театре осуществились не без заметного влияния тех новых явлений, которые произошли в музыкальной жизни Москвы и связаны с созданием новой, на сей раз частной оперы, называвшейся «Опера С. И. Мамонтова». Хотя название ее несколько раз менялось – в 1885–1888 гг. оперная труппа называлась «Театр Кроткова», в 1896–1899 гг.– «Театр Винтер», по фамилиям ее директоров, а с 1900 г. она стала «Товариществом частной оперы». Опера была создана на средства одного из самых богатых людей города С. И. Мамонтова, имевшего в Москве давние и глубокие родственные корни[20]. Он родился в Москве и с детских лет дружил с К. С. Алексеевым (Станиславским). В 1864 г. Мамонтов посетил Италию, прожил в ней несколько месяцев и даже брал уроки пения у местных маэстро. Именно тогда, как считают исследователи его жизни и деятельности, Мамонтов, не оставлявший предпринимательства, «серьезно заболел» оперным искусством[21]. Его увлечение разделяла и жена, урожденная Е. Г. Сапожникова, происходившая также из знатного купеческого семейства.

В планы С. И. Мамонтова входило не только основание самостоятельного театра, но театра качественно нового, отличавшегося от Большого театра, который в какой-то степени нес на себе печать казенщины. Близость к К. Станиславскому, который был родственником по жене, оказала на Мамонтова существенное влияние. Он стал рассматривать оперное искусство не как концерт в костюмах на фоне декораций, а считал необходимым сочетание в нем прекрасных вокальных и актерских данных. Эту задачу и стремился воплотить в постановках опер новый театр, который открылся 9 января 1885 г.[22] Именно в этот день на его сцене зазвучала «Русалка» А. С. Даргомыжского. Затем последовали постановки «Фауста» Ш. Гуно, «Виндзорских проказниц» О. Николаи, «Снегурочки» Н. А. Римского-Корсакова. Уклон в сторону русского репертуара был весьма заметным, но и итальянские оперы с певцами, как правило, высочайшего класса в мамонтовском театре занимали значительное место.

И все-таки роль театра С. И. Мамонтова прежде всего определялась обращением к творчеству русских композиторов. Он поддерживал теснейшие связи с Н. А. Римским-Корсаковым, проживавшим в Петербурге, но часто наведывавшимся в Москву. Именно в частной московской опере были поставлены «Садко» (1897), «Моцарт и Сальери» (1898), «Царская невеста» (1899), «Сказка о царе Салтане» (1900), «Псковитянка» Н. Римского-Корсакова.

[19] *Левик С.Ю.* Записи оперного певца. М., 1962. С.16, 479.

[20] *Бурышкин П.А.* Указ. соч. С.170–172.

[21] *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С.131.

[22] *Копшицер М.И.* Савва Мамонтов. М., 1972.

Здесь шли также «Борис Годунов» и «Хованщина» М. Мусоргского, «Князь Игорь» А. П. Бородина, также часто бывавшего в Москве. В частную оперу удалось пригласить выдающихся певцов-исполнителей, талантливых художников-оформителей. В опере С. И. Мамонтова пели Ф. И. Шаляпин, Н. И. Забела (Врубель), А. В. Секар-Рожанский, В. Н. Петрова-Званцева, Е. Я. Цветкова – звезды первой величины на российском оперном небосклоне. О В. Н. Петровой-Званцевой – прекрасном меццо-сопрано – один из профессиональных певцов-мемуаристов С. Ю. Левик писал: «Трудно определить, что здесь превалировало: голос или общая талантливость. Петрова-Званцева была типичной представительницей нового русского поколения вокалистов. Она всегда давала синтез певчески-актерского мастерства, стоявшего на большой высоте»[23]. Достойное место в частной опере занял тенор А. В. Секар-Рожанский, который «без печали» расстался с Мариинским театром по первому же приглашению С. И. Мамонтова»[24].

Одной из примечательностей мамонтовской оперы было привлечение к написанию декораций даровитых московских художников. Собственно, настоящие театральные русские декораторы состоялись именно с творческих работ в частной опере Мамонтова. Здесь творили такие выдающиеся мастера, как В. М. и А. М. Васнецовы, К. А. Коровин, В. Д. Поленов, М. А. Врубель, В. А. Серов, И. И. Левитан и многие другие художники. Однако нововведения частной оперы не сразу получили признание. Довольно резко о ней отозвался А. П. Чехов. Но время шло, и театр укрепился, с успехом гастролировал даже в весьма притязательном Петербурге[25].

Еще одна не казенная опера была создана в Москве в начале 90-х гг. Новый театр, или оперное товарищество, известного баритона и антрепренера И. П. Прянишникова начал свои постановки в сезон 1892/93 г. Здесь ставились ранее в Москве не шедшие «Князь Игорь», «Майская ночь». В качестве дирижера, причем не только в «Евгении Онегине», но и в «Фаусте» и «Демоне», выступил П. И. Чайковский. Оперному театру И. П. Прянишникова суждено было просуществовать недолго. Ученик знаменитого Д. Корси, сам учитель великолепных исполнителей – Г. А. Бакланова, Н. А. Большакова, Е. К. Мравиной, Э. К. Павловской – И. П. Прянишников не имел такой солидной материальной базы, как С. И. Мамонтов, и не смог продолжительное время содержать свой театр.

Немалые испытания выпали на долю московского балета, постепенно все-таки упрочившего свои позиции. Более того, некоторые московские танцоры во второй половине XIX в. приобрели мировую известность. Именно в Париже, прославленном центре балетного искусства, получила признание московская танцовщица М. Н. Муравьева, причем успех ее был столь значительным, что ее трижды, с 1862 по 1864 г., приглашали на гастроли в столицу Франции. В начале 60-х гг. в Париже с блеском прошли гастроли еще одной солистки московского балета – П. П. Лебедевой.

Без сомнения, уже в 60–70-е гг. заметно росло мастерство как солистов, так и кордебалета. Большим событием в жизни театральной Москвы стала постановка А. Сен-Леоном в 1866 г. балета Ч. Пуньи «Конек-Горбунок», выдержавшего наибольшее число представлений на тогдашней московской сцене. Знаменитый французский балетмейстер Мариус Петипа, обосновавшийся в России с 1847 г., в 1869 г. поставил в Москве

Балерина П. П. Лебедева

[23] *Левик С.Ю.* Указ. соч. С.347.

[24] Там же. С. 65.

[25] *Боханов А.Н.* Указ. соч. С.149–151.

«Дон Кихота» Л. Минкуса. И как ни странно, осуществленная 20 февраля 1877 г. В. Рейзингером постановка балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро» поначалу большого интереса не вызвала. Слава к этому балету пришла несколько позднее в постановке М. И. Петипа и Л. И. Иванова. Подъем московского балета произошел после того, как в Большой театр в 1899 г. пришел балетмейстер А. А. Горский. В 1900 г. он поставил в новой редакции балет «Дон Кихот», а затем следовали все новые и новые балетные спектакли этого выпускника Петербургского театрального училища на многие годы, вплоть до своей кончины в 1924 г., связавшего свою жизнь с московским балетом, принесшим ему всемирную известность.

Во второй половине века кроме П. П. Лебедевой и М. Н. Муравьевой на московской сцене успешно выступали П. М. Карпакова, А. И. Собещанская, О. Н. Николаева, С. П. Соколов, В. Ф. Гельцер, А. А. Джури, Л. В. Рославлева и др. Высокого искусства достиг мастер балетной феерии К. Ф. Фальц, к оформлению декораций для балетов привлекались талантливые художники-декораторы А. Я. Головин и К. А. Коровин. Как дирижеры балетов проявили себя А. Арденс, П. Лезин, С. Рябов.

Важной особенностью театральной жизни Москвы и всей России конца столетия стало стремление театральных деятелей к объединению усилий для защиты своих профессиональных интересов и распространения культуры. В этом отношении большую роль сыграл Первый Всероссийский съезд сценических деятелей, собравшийся в марте 1897 г. в Малом театре в Москве. В нем приняло участие 1075 делегатов, он был созван «Российским театральным обществом», руководимым В. И. Немировичем-Данченко, П. Д. Боборыкиным и др. Еще одной формой объединения актерских сил явилось «Общество устройства народных развлечений»[26].

3. ЖИВОПИСЬ. СКУЛЬПТУРА

В первой половине XIX в. по влиянию на художественную жизнь России Москва занимала довольно скромное место. Во всяком случае, она заметно уступала Петербургу, где сконцентрировалось подавляющее большинство ведущих отечественных живописцев, графиков и скульпторов. Положение заметно изменилось во второй половине века. Это было обусловлено рядом причин. В целом русское искусство развивалось вширь и талантливые художники получили возможность заявить о себе в разных регионах страны. Конечно, для становления художников была важна школа. Такой школой-авторитетом долгое время являлась Академия художеств в Петербурге, из стен которой вышли многие выдающиеся русские мастера. Академия и в дальнейшем готовила прекрасных живописцев и скульпторов, но она не сразу смогла приспособиться к веяниям нового времени, петербургский академизм с его стилистическими канонами стал сдерживать развитие отечественного искусства. В ином положении находилась Москва. Она не была столь привержена академическим традициям, наоборот, здесь создавалась своя живописная школа, с центром в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, основанным в начале 30-х гг. и к 60-м гг. уже прочно вставшем на ноги. Некоторая независимость Москвы, ее определенная оппозиционность бюрократическому Петербургу сказались на живописи, где получили распространение новые явления, характерные для пореформенной России.

Эти явления были связаны с общественным подъемом, обозначившимся в середине 50-х гг., и с большей возможностью для ознакомления с различными зарубежными живописными школами.

Во второй половине столетия в Москве ощущалось влияние двух художественных школ. В первую очередь – это отечественная школа передвижников, хотя нельзя не видеть ее определенную связь с зарубежным искусством, прежде всего с немецким и французским. И, конечно, воздействие той революции в искусстве, которую произвел французский импрессионизм, проявившийся в Москве в самом конце столетия и особенно в начале XX в.

Для московской живописной школы первой половины XIX в. характерно то, что почти все ее наиболее яркие представители, в том числе и ее основоположник В. А. Тропинин, не были уроженцами Москвы и приехали из разных губерний России, в том числе и из Петербурга, где некоторые из них получили художественное образование. Во второй половине века среди московских художников значительные позиции занимают коренные москвичи, родившиеся здесь и получившие здесь свои первые жизненные представления. Ими были дети Е. И. Маковского – К. Е., В. Е. и Н. Е. Маковские – три брата-художника и их сестра, тоже художница А. Е. Маковская. Художниками, и довольно известными, стали и дети Владимира и Константина Маковских, Александр и Сергей.

Уроженцами Москвы являлись братья К. А. и С. А. Коровины, родственники известного художника И. М. Прянишникова и ученики прекрасного пейзажиста, тоже уроженца Москвы А. К. Сав-

[26] *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С.55–57.

расова. Коренным москвичом был художник-пейзажист и педагог В. Н. Бакшеев. Однако нельзя сказать, что московскую школу живописи представляли только коренные москвичи. Многие выходцы из различных российских губерний, талантливые молодые люди, получили здесь образование и в дальнейшем внесли свой вклад в московскую школу живописи и графики. Несмотря на то, что Академия художеств в Петербурге по-прежнему привлекала многих даровитых художников, несмотря на открытие в 1865 г. Одесской рисовальной школы, а в 1869 г. частной рисовальной школы М. Д. Раевской-Ивановой в Харькове, художественных школ в Киеве, Казани, Пензе, Риге, Тифлисе, Ростове-на-Дону[27], роль Московского училища живописи, ваяния и зодчества, несомненно, возрастала. Только в 50-х гг. здесь обучались, а затем и преподавали прекрасные художники – П. М. Шмельков, А. К. Саврасов, И. И. Шишкин, А. Г. Перов, И. М. Прянишников, Н. В. Неврев, В. Е. Маковский. В дальнейшем в училище шлифовали свое мастерство видные талантливые художники А. Е. Архипов, В. Н. Бакшеев, С. В. Иванов, К. А. и С. А. Коровины, И. И. Левитан, М. В. Нестеров.

Москва во второй половине столетия становится признанным центром русского искусства. Все больше ощущалось утверждение самостоятельной московской художественной школы. Но становление такого крупного направления, как передвижничество, явилось совместным творением московских и петербургских художников. Так называемый «бунт 14-ти» произошел в петербургской Академии художеств в 1863 г. по почину лучших питомцев Академии во главе с И. Н. Крамским. Они отказались участвовать в ежегодном конкурсе, поскольку академический Совет отверг их стремление к свободному выбору темы картины, а предложил тему из скандинавских саг или же освобождение крестьян в верноподданническом духе. Это был первый протест новой поросли русских художников, выступивших против консерватизма Академии, объединившихся в новое реалистическое направление в искусстве. Именно они организовали в Петербурге Артель художников, которая, просуществовав несколько лет, распалась. Иная судьба ожидала другое объединение русских художников.

В 1869 г. стремление к объединению товарищей по духу явно обозначилось среди московских художников. В. Г. Перов и И. М. Прянишников поддержали идею Г. Г. Мясоедова – инициатора нового объединения художников – и обратились к бывшим членам Артели с предложением создать «Товарищество передвижных выставок». 2 ноября 1870 г. был утвержден устав «Товарищества», а в конце 1871 г. открылась первая его выставка[28]. Объединение просуществовало до 1923 г. и сыграло огромную роль в становлении и развитии нового направления отечественного искусства, прежде всего живописи[29]. «Товариществу» удалось устроить 48 выставок, каждая из которых обозначала веху в художественной жизни страны. Из московских художников кроме В. Г. Перова, А. К. Саврасова, И. И. Шишкина, которые были в числе учредителей «Товарищества», в нем участвовали А. М. и В. М. Васнецовы, К. А. и С. А. Коровины, И. И. Левитан, М. В. Нестеров, В. Д. Поленов, В. А. Серов, К. А. Савицкий, В. И. Суриков, Н. А. Ярошенко и другие ведущие художники Москвы конца XIX – начала XX вв.

В момент основания «Товарищества» особым влиянием среди московских художников пользовался В. Г. Перов[30]. Его картины «Сельский крестный ход на Пасхе», написанный еще в 1861 г., знаменитая «Тройка», выполненная в 1866 г., «Утопленница» (1867 г.) были хорошо известны московским любителям живописи и получили общероссийскую известность. Его считают продолжателем федотовской традиции в русском искусстве, но он несомненно и сам являлся новатором. Перов стал выдающимся мастером бытового жанра и портрета. Свою картину «Сельский крестный ход на Пасхе» он сначала назвал «Светлый праздник в деревне». Первый ее эскиз, посланный в Академию художеств на конкурс, руководители Академии отвергли как откровенную сатиру на деревенские нравы, прежде всего на представителей церкви. Для Перова было характерно стремление глубокого проникновения в суть жизненных явлений, показ неприкрытой связи реалий и вместе с тем отражение в них своего собственного отношения. Критик косности, ханжества, высокомерия, он одновременно был защитником маленького человека, боль этого человека – его боль, которую он и передавал на многочисленных своих полотнах.

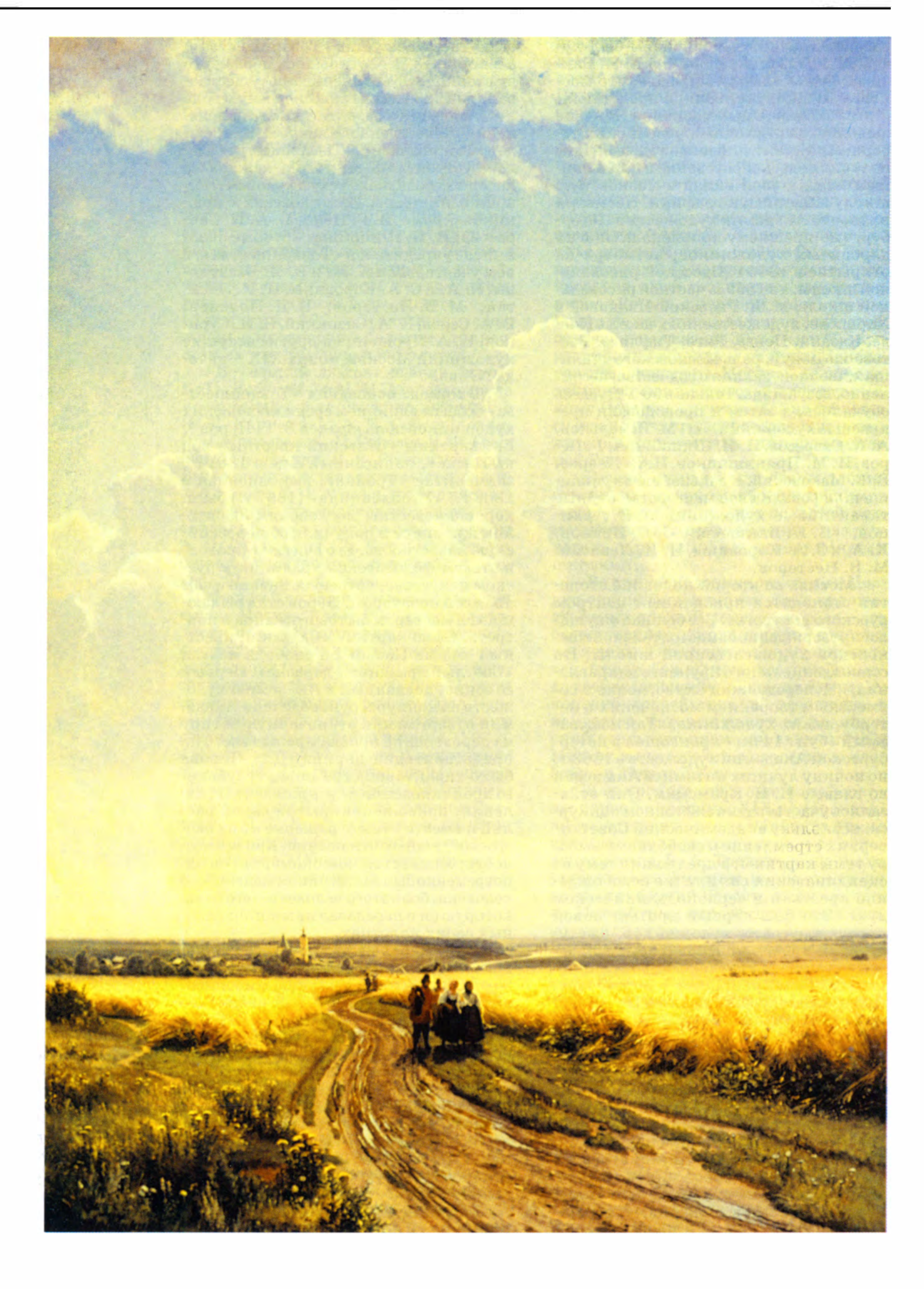
В. Г. Перов не отвергал все то лучшее, что накопилось в Академии художеств. Выпускник Училища живописи, ваяния и зодчества, он, как пенсионер Академии, около двух лет находился за границей и изучал там творения выдающихся мастеров живописи. Перов пришел к русской теме, не отвергая достижений зарубежного искусства, которое он прекрасно знал и высоко ценил. Но его цель – цель русского патриота, гражданина. За картину «Проповедь на селе», написанную в 1861 г., Перов получил большую золотую медаль Академии художеств – явное свидетельство того, что Академия не всегда отвергала проводников нового направления в русской

[27] Памятники мирового искусства. Русское искусство XIX – начала XX века. М., 1972. С.52.

[28] Там же. С.50–51.

[29] *Молева Н., Белютин Э.* Русская художественная школа второй половины XIX – начала XX века. М., 1967.

[30] *Архангельская А.И.* В.Г.Перов. М., 1950.

живописи, обозначившегося в эпоху реформы 1861 г.

В. Г. Перову принадлежит известный портрет Ф. М. Достоевского, выполненный в 1872 г. Интересен портрет неизвестного русского человека, который он назвал «Фомушка-сыч», где передан характер человека из народа – человека волевого и непреклонного. Но Перов для Москвы не только художник и один из основателей «Товарищества». Его ученик, талантливый художник М. В. Нестеров, впоследствии вспоминал, что в Московском училище живописи «все жило Перовым, дышало им, носило отпечаток его мысли, слов, деяний. За редким исключением все мы были преданными, восторженными его учениками»[31].

Свой путь в искусстве продолжил неутомимый певец русской природы И. И. Шишкин. Он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, затем в Академии художеств, поселился в Петербурге, но не порывал связей с Москвой. В 1869 г. им была написана картина «Полдень в окрестностях Москвы». Близким к нему был и другой выдающийся живописец-пейзажист – А. К. Саврасов – коренной москвич и также выпускник Училища живописи, ваяния и зодчества, где он в течение четверти века руководил пейзажным классом. Хорошо известный автор многих среднерусских пейзажей, среди которых «Грачи прилетели», Саврасов не раз обращался к различным темам из жизни своего родного города. Еще в 1851 г., будучи совсем молодым художником, он написал «Вид на Кремль в ненастную погоду».

Для многих московских художников было характерным обращение к исторической тематике, прежде всего к российской истории, в том числе и к истории Москвы. В историческом жанре много и плодотворно работали живописцы и графики братья Васнецовы, поселившиеся в Москве в начале 90-х гг. Причем особенно много внимания прошлому Москвы уделял Аполлинарий Михайлович[32], участвовавший в археологических раскопках в центральной части города. Его живопись отличается особой отточенностью деталей, стремлением показать реальную московскую старину, причем его увлекала Москва допетровская, в которой он видел истинно русские жизненные и культурные основы. Этому времени посвящены его полотна: «Улица в Китай-городе. Начало XVIII в.», «Москва конца XVII столетия: на рассвете у Воскресенских ворот», «Москва, XVII век. Базар». Живейший интерес к допетровской Руси был характерен в свое время для славянофилов, и в творчестве Васнецова этот интерес находит свое художественное воплощение.

А. М. Васнецов не был единственным, кто ощущал тягу именно к этим временам. Эта тема нашла свое отражение и в творчестве других русских художников, не только московских. Был увлечен Москвой XVII в. художник А. П. Рябушкин, создавший в конце XIX – начале XX в. картины – «Московская улица XVII в.», «Семья купца XVII в.», «Русские женщины XVII столетия в церкви»[33]. Столь же устойчив интерес к допетровской Москве у художника С. В. Иванова, учившегося в Москве и в Петербурге и жившего в Москве, где с 1877 г. обосновался один из лучших отечественных живописцев национально-исторической тематики В. И. Суриков, в 1881 г. написавший знаменитое «Утро стрелецкой казни», где показана Москва той переломной эпохи.

Московские художники второй половины XIX в., относившиеся к передвижникам,– И. П. Богданов, К. В. Лебедев, В. Е. Маковский, Н. В. Неврев, В. Д. Поленов, И. М. Прянишников и многие другие – оставили колоссальное художественное наследие о русской повседневной жизни своей эпохи, где значительное место занимают произведения, отображавшие широкую картину городского быта Москвы. Их интересовал и городской пейзаж, и пейзаж Подмосковья, и городской быт, и представители различных слоев населения, прежде всего различные типы городских и сельских низов. Для них характерно стремление проникнуть в психологию разных представителей русского общества.

Московская тематика привлекала многих местных художников, которые сегодня почти забыты. К ним относится выпускник Строгановского училища В. Ф. Аммон – передвижник, ставший академиком живописи в 1859 г. за картину «Вид в окрестностях Москвы». Его младший коллега, окончивший Училище живописи, ваяния и зодчества, также активно участвовавший в выставках передвижников,– С. Н. Амосов, в 1870 г. привлек внимание ценителей живописи картиной «Опушка леса в окрестностях Москвы»[34].

Объединение передвижников составило целую эпоху в истории русской культуры. Даже трудно сказать, кто внес больший вклад в развитие этого направления – московские или петербургские художники, но одной из характерных черт его стало заметное стирание отличий между петербургской и московской школами живописи. Конец XIX в. обозначился и новыми явлениями в мировом искусстве, которые не могли не оказать влияния на русское искусство. Новое направление в живописи – импрессионизм, зачинателями которого явились французские художники, прежде

Полдень в окрестностях Москвы. Художник И. Шишкин. 1869 г.

[31] *Нестеров М.В.* Давние дни. Встречи и воспоминания. М., 1941. С.5.

[32] *Беспалова Л.А.* Аполлинарий Михайлович Васнецов. М., 1956.

[33] Памятники мирового искусства. Русское искусство XIX – начала XX века. С.86.

[34] Русский биографический словарь. Т.11. СПб., 1900. С.93, 95.

всего Э. Мане, О. Ренуар, Э. Дега и другие,– оказало значительное воздействие на появление многих новаторских школ, стремившихся оторваться от обыденности, сказать новое слово языком высокого искусства. Для импрессионизма характерно стремление передать мимолетное впечатление с особым использованием света и цвета. Эта новая живопись с ее устремленностью к солнцу и воздуху не сразу оказалась понятной в обществе и встречала довольно значительное противодействие. Но именно ей было суждено начать новый этап в развитии мирового искусства, прослеживаемый и по творчеству московских художников конца XIX – начала XX в.[35]

Говоря о московских живописцах той поры, следует отметить мастеров, испытавших определенное влияние французских импрессионистов, но не изменявших в целом уже сложившейся традиции, а также художников, полностью перешедших на позиции импрессионизма.

Новую эпоху в живописи открыло творчество ученика И. Е. Репина (кстати, наезжавшего в Москву[36]) В. А. Серова, в конце века поселившегося в Москве и в 1897 г. ставшего преподавателем Училища живописи, ваяния и зодчества. Прекрасный мастер социально-психологического портрета, Серов испытывал влияние новой французской живописи. В его полотнах чувствуется явное стремление к передаче настроения с использованием манеры письма, характерной для импрессионистов. Одновременно Серов стремится к отображению точности деталей, к передаче внутреннего мира своих героев. И хотя портретная живопись («Девочка с персиками») ввела Серова в мировое искусство, живописцем и рисовальщиком он был многогранным, оставив в дар потомкам произведения самого различного плана. В 1900 г. Серов написал «Выезд Петра II и цесаревны Елизаветы Петровны на охоту», явно проявляя интерес к прошлому страны, к постпетровскому времени. И. Грабарь как-то отметил: «Если бы Серов не написал ни одного портрета, он с не меньшим правом мог бы перейти в историю как «крестьянский Серов»: так много лет, сил, любви и таланта отдал он изображению русской деревни и крестьянского быта»[37]. Сам Серов особенно ценил небольшую свою картину «Баба в телеге», созданную летом 1899 г.[38]

Ярчайшим московским художником был пейзажист И. И. Левитан. В Москву он приехал ребенком в начале 70-х гг. Учился в Училище живописи, ваяния и зодчества. К 1879 г. относится одна из самых ранних его картин, где нашел отражение московский пейзаж,– «Осенний день. Сокольники». Живопись

[35] *Шамшурин Ю.И.* Художественная жизнь Москвы в XIX веке // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. XI. С.109.

[36] *Иванов С.* Москва в жизни и творчестве И.Е. Репина. М., 1960.

[37] *Грабарь И.* «Крестьянский Серов» // Искусство. Живопись. Скульптура. Графика. Архитектура. М., 1969. С.443.

[38] Там же.

После дождя. Художник И. Левитан. 1889 г.

Девочка с персиками. Художник В. Серов. 1887 г.

Левитана означала новый этап в русской реалистичной пейзажной живописи – органическое сочетание традиций (он был учеником А. К. Саврасова и В. Д. Поленова, двух ведущих передвижников-пейзажистов) и тех новых веяний, которые проявились в мировом искусстве последней трети столетия. Левитан не только пейзажист-новатор, он художник-философ, передавший в картинах свои философские обобщения, характер и состояние природы соотносил с состоянием человеческой души. Автор «Золотой осени» прожил менее сорока лет.

Иная судьба была уготовлена его одногодку, тоже ученику Саврасова и Поленова – К. А. Коровину, прожившему долгую жизнь и стремившемуся передавать иные настроения, чем у Левитана. Творчество Коровина жизнелюбиво и оптимистично. Его многое сближает с В. А. Серовым и по манере письма и даже по сюжетности. Чрезвычайно близки в обоих отношениях «За чайным столом» Коровина (картина написана в 1888 г.) и «Девушка, освещенная солнцем» Серова, созданная в том же году[39]. Росло влияние пленэрных настроений импрессионизма на К. Коровина. В 1887 г. он побывал в Париже, в результате этой и других его поездок к началу XX в. Коровин стал ярко выраженным русским импрессионистом. Особенные импрессионистические приемы сказались и в его деятельности как декоратора – одного из самых крупных декораторов страны, оформлявшего многие постановки московских оперных театров.

В 1889 г. в Москве поселился М. А. Врубель – художник необыкновенной индивидуальности, обучавшийся в Петербургской Академии художеств. Многогранный живописец, работавший в области станковой, монументальной и

[39] *Коган Д.* Константин Коровин. М., 1964. С.46.

Видение отроку Варфоломею. Художник М. Нестеров 1890 г.

театральной живописи, график и скульптор, воплотивший в своих работах мучительные раздумья о добре и зле, о месте человека в мире. В Москве он вошел в кружок, который группировался вокруг С. И. Мамонтова в Абрамцеве, и стал ярчайшим представителем именно московской живописной школы. Одна из тем, которые захватили его, была связана с историческим жанром, хотя его интерес относился не к реальным историческим образам, а к былинным и сказочным героям. Среди наиболее близких ему тем тема демона, неизменно присутствующая в его творчестве на протяжении многих лет его жизни. Можно усмотреть в живописи Врубеля и влияние византийской традиции, и воздействие тогдашней французской и испанской живописи. Но Врубель – прежде всего художник, шедший своим путем. Ему свойствен обобщенный подход к образу и меньшее внимание к деталям, хотя в своих портретах он передает самые незначительные нюансы. Например, его «Гадалка» – явный пример способности отразить атмосферу окружения, внутреннюю психологию и манеру поведения образа[40].

К концу столетия в среде московских художников выявляются многие мастера высочайшего класса, работавшие в свойственных для них манерах, представлявшие различные художественные направления. К рабочей, в частности шахтерской, теме обратился уроженец Москвы художник Н. А. Касаткин, продолжатель традиций передвижников и сам член их «Товарищества». Другой член «Товарищества» – С. В. Иванов, увлеченный тематикой старой Москвы, вместе с тем показал жизнь русской деревни, став автором довольно известной картины «Смерть переселенца» (1889).

Жизнь крестьян привлекла внимание выпускника Училища живописи, ваяния и зодчества А. Е. Архипова, выступившего вначале типичным передвижником, развивавшим его демократические традиции, а в канун XX в. – несомненным импрессионистом. Религиозная тема была весьма характерна для М. В. Нестерова, пытавшегося через свою живопись прийти к высокому нравственному идеалу. В конце века начал работать пейзажист С. Ю. Жуковский, а также впоследствии весьма известный художник К. Ф. Юон, уроженец

[40] *Алпатов М.* Врубель // Искусство. Живопись. Скульптура, графика, архитектура. М., 1969. С.447–451.

Москвы, член объединения «Мир искусства», ядро которого составили петербургские художники, начертавшие на своем знамени лозунг: «Мы прежде всего поколение, жаждущее красоты». В выставках этого объединения участвовали М. Врубель, И. Левитан, М. Нестеров, К. Коровин, В. Серов[41].

Успехам художников заметно уступали успехи московских скульпторов. Долгие годы руководителем скульптурного класса в Училище живописи, ваяния и зодчества был Н. А. Рамазанов, подготовивший ряд московских скульпторов, не сумевших, однако, составить серьезную конкуренцию петербургским зодчим. К наиболее видным ученикам Рамазанова относился С. И. Иванов, ставший академиком Академии художеств в 1854 г. за статую «Мальчик в бане». Ему принадлежат бюсты И. А. Крылова, а также актеров Живокини, Садовского и Шумского. Им был подготовлен проект памятника А. С. Пушкину, однако знаменитый памятник великому поэту в Москве, открытый в 1880 г., был создан петербургским скульптором А. М. Опекушиным. Из московских ваятелей пореформенной поры известны имена Н. А. Бристанова, В. С. Бровского и М. А. Чижова. В конце столетия ситуация изменилась. В ряды московских скульпторов влилось несколько талантливых зодчих. Среди них выдающийся скульптор С. М. Волнухин. В 1899 г. он выполнил бронзовый бюст П. М. Третьякова, а несколько позднее один из лучших московских памятников – первопечатнику Ивану Федорову. Волнухин оказался замечательным педагогом, с 1895 г. он руководил скульптурным отделением Московского училища живописи, ваяния и зодчества. К волнухинской школе московских скульпторов относятся А. С. Голубкина, Н. А. Андреев, В. Н. Домогацкий, А. Т. Матвеев. Голубкина продолжила обучение у знаменитого французского скульптора О. Родена[42] и стала одним из ведущих скульпторов страны.

Почти одновременно в Училище начал преподавать видный скульптор П. П. Трубецкой, представитель импрессионистского направления в скульптуре. Скульптор тонкий, можно сказать, изысканный. Ему принадлежит скульптура «С. Ю. Витте с собакой» и некогда широко известный памятник Александру III в Петербурге, скульптурные портреты И. И. Левитана, Л. Н. Толстого, Ф. И. Шаляпина[43]. В начале 90-х гг. учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества впоследствии крупнейший отечественный скульптор С. Т. Коненков, продолживший образование в Петербургской Академии художеств. Он вновь поселился в Москве. В 1898 г. Коненков создал самую известную и впечатляющую скульптуру – «Камнебоец», выполненную в бронзе. Стремительный рост мастерства московских скульпторов, появление новых имен среди московских зодчих обусловило то, что к началу XX в. московская школа скульпторов стала ведущей в стране и превзошла подобную школу Петербурга, лидировавшую почти весь XIX в.

4. АРХИТЕКТУРА

Архитектура Москвы в рассматриваемый период была теснейшим образом связана с экономическими и социальными изменениями второй половины столетия, особенно после реформ 60-х гг. Город стремительно рос, и численность населения за XIX в. увеличилась почти в 5 раз, составив в канун нового столетия более миллиона человек. Заметные перемены в жизнь города внесли желез-

Камнебоец. Скульптор С. Коненков. 1898 г.

[41] Памятники мирового искусства. Русское искусство XIX – начала XX века. С.93.

[42] *Рамазанова А.Н.* Из жизни художественной Москвы // Встречи с прошлым. Вып.I. М., 1983. С.79.

[43] Памятники мирового искусства. Русское искусство XIX – начала XX века. С.98.

Дом А. А. Морозова на Воздвиженке. Архитектор В. Мазырин. 1894–1899 гг.

ные дороги и, соответственно, железнодорожные вокзалы, появилось электричество, телефон, кино. Менялся архитектурный облик города. Все меньше становилось деревянных построек, все больше каменных. Начали использоваться и новые строительные материалы – конструкции из стали и чугуна, различного рода облицовочные материалы, большие стекла, сочетание железа и кирпича. Усилившееся промышленное строительство требовало знаний современной технологии и применения новых приемов строительства с учетом близости железных дорог, очистных сооружений, устройства крупных складских помещений. Москва росла ввысь, и в городе появилось большое число многоэтажных домов. Обычным для Москвы стал доходный дом – многоквартирные здания, где квартиры сдавались внаем.

Для второй половины века характерно смешение различных архитектурных стилей. На смену стилевому единству пришла эклектика – многообразие, пестрота стилей[44], которая приводила наряду с попытками применения современных европейских достижений к желанию создать свой неповторимый отечественный художественный стиль. «Русский стиль» стал определяющим в процессе реконструкции ряда площадей, расположенных возле Кремля, а также при возведении зданий прежде всего общественного пользования. Как и в живописи, заметен интерес к допетровскому времени, прежде всего к архитектуре XVII в., традиции которой пытались воспроизвести во второй половине XIX в. Этот «русский стиль» проявился не только в церковном строительстве, но и в гражданском, при сооружении вокзалов, торговых рядов, театров, музеев, правительственных зданий. Весьма показательны в этом отношении здания Исторического и Политехнического музеев, Городской думы, Верхние и Средние торговые ряды. Среди наиболее видных представителей, разрабатывавших этот «национальный» стиль, выделялся И. П. Ропет (И. Н. Петров), по имени которого стиль стал называться «ропетовщиной». Он в подмосковном Абрамцеве по мотивам XVII в. построил свой «Терем».

В середине века известными архитекторами считались К. А. Тон (под его руководством в 1883 г. было завершено строительство храма Христа Спасителя, а также ряд других крупных сооружений) и М. Д. Быковский – автор нескольких церковных сооружений и других общественных и частных зданий.

В конце века в Москве творила группа молодых талантливых архитекторов, создавших многие городские здания, заметно преобразившие облик города. Наиболее крупным из них был Ф. О. Шехтель – видный представитель стиля «модерн» в середине 90-х гг., обративший на себя внимание как автор особняка З. Г. Морозовой на Спиридоновке[45], а затем и множеством других зданий, в том числе и интерьера Художественного театра. Близок по манере своего творче-

[44] *Горностаев Ф.* Архитектура Москвы // По Москве. М., 1991 (репринтное воспроизведение издания 1917 г.). С.116.

[45] *Боханов А.Н.* Указ. соч. С.93.

ства к Шехтелю другой представитель стиля «модерн» Л. Н. Кекушев, обучавшийся в Петербурге, но большинство своих проектов осуществивший в Москве. По его проектам в 90-х гг. строятся Никольские торговые ряды, дом Коробковых на Пятницкой улице. Уже в конце века именно в Москве проявили себя замечательные архитекторы И. В. Жолтовский и А. В. Щусев, зенит славы которых падает на следующий век.

Москва в конце века обогатилась такими разными по своему назначению зданиями, как Торговый банк на Ильинке, здание Государственного банка и Сандуновские бани в Неглинном проезде, Музей изящных искусств возле храма Христа Спасителя[46]. Большое внимание уделялось решению транспортных проблем и масштабной застройке. Со стороны Никольской улицы к Театральному проезду проводится Третьяковский проезд, в Китай-городе застраивается Ветошный проезд, а также строятся Заиконоспасские ряды. В Москве второй половины века вели активное строительство архитекторы К. М. Быковский (сын М. Д. Быковского), А. Н. Померанцев, А. С. Каминский, В. О. Шервуд, И. А. Фомин[47].

Все большую роль играло в подготовке архитектурных кадров первоначально Московское дворцовое архитектурное училище, а после того как оно в 1865 г. влилось в Училище ваяния и зодчества – Московское училище живописи, ваяния и зодчества, в котором сохранялось архитектурное отделение. Основанная в 1825 г. С. Г. Строгановым Школа рисования с 1860 г. стала именоваться Строгановским училищем технического рисования, где преподавали видные архитекторы, такие как Ф. О. Шехтель, А. В. Щусев. Училище готовило также кадры и для архитектурных мастерских, прежде всего специалистов по интерьеру.

Разнообразие стилей, подходов к решению различного рода архитектурных задач – характерное явление для архитектурной Москвы конца столетия. Архитекторы старались отойти от обыденности и рутинности, но, как обычно, они были ограничены материальными возможностями заказчиков. Особая область градостроительства – дома простонародья, лишенного возможности пользоваться благами тогдашней цивилизации и ютившегося нередко в самых настоящих лачугах или в домах казарменного типа при заводах и фабриках. В конце века таких строений было значительно больше, чем тех, которые имели электричество, телефон, водопровод. В архитектурно-строительном плане московские контрасты конца XIX в. были не меньшими, чем к его началу, являясь одним из симптомов социального взрыва начала следующего столетия.

Колокольня церкви св. Софии на Софийской набережной. Архитектор Н. Козловский. 1862–1868 гг.

[46] *Горностаев Ф.* Указ. соч. С.116.

[47] *Шамшурин Ю.И.* Указ. соч. С.118–120.

5. МУЗЕИ. ВЫСТАВКИ

В одном из справочников Москвы за 1851 г. указывалось, что в городе имелись следующие музеи и хранилища редкостей: Арсенал в Кремле; Музей университета; Оружейная палата в Кремле (царская сокровищница декоративного искусства); Погодинское древлехранилище в собственном доме на Девичьем поле (отмечалось также, что Музей покойного П. Ф. Коробанова поступил в собственность Правительства) и, кроме того, две картинные галереи – графа Ростопчина в собственном доме на Садовой и Тюрина в доме Кремлевской экспедиции в Левшинском переулке[48].

Примечательной чертой культурной, научной и хозяйственной жизни в рассматриваемое время было открытие многочисленных музеев, галерей, выставок. Некоторые из них стали гордостью не только Москвы, но и страны.

Сколько-нибудь широкое развитие музейное дело получило именно с середины XIX в. Организация в Москве второй половины XIX в. многочисленных выставок, открытие многих музеев отражали рост духовных и практических потребностей и запросов как населения, так и городского хозяйства и вместе с тем промышленности и сельского хозяйства России. Не случайно профиль многих из выставок и музеев был «народнохозяйственным» (Политехнический музей, Торгово-промышленный музей, Музей городского хозяйства).

Важной вехой в наметившихся еще ранее процессах стал 1862 г., когда в Москве в здании Пашкова дома открылся Румянцевский музей. Его основу составила коллекция канцлера Румянцева, перевезенная из Петербурга. В музее были представлены многие художественные ценности русских и иностранных мастеров. Различного рода коллекции музея постоянно пополнялись. Первоначально музей обладал лишь одной картиной русских художников – «Явление Христа народу», подаренной Александром II. Но уже в 1867 г. он получил в дар 172 картины из галереи Ф. И. Прянишникова, а позднее – от К. Т. Солдатёнкова и других лиц.

Кроме картинной галереи, в музее имелись отделы отечественной этнографии, рукописей и старопечатных славянских книг. В музее насчитывалось 144 тысячи томов книг и 2295 рукописей. Его библиотека располагала многими редчайшими зарубежными изданиями работ Дж.Бруно, Н. Коперника, И. Кеплера, Г. Галилея. Имелись также коллекции монет, предметов христианской древности, минералов.

Во второй половине XIX в. в Москве появилось немало коллекционеров, собравших и продолжавших собирать произведения живописи и различного рода культурные ценности. К числу таких собраний принадлежал «Голицынский музей», открытый в 1865 г. для широкой публики. Но в 1887 г. это собрание было продано Эрмитажу и перевезено в Петербург. Еще менее долговечной оказалась галерея В. А. Кокорева (откупщика), открытая в 1861 г. и распроданная через 10 лет из-за банкротства владельца. Произведения, собранные Кокоревым, частично остались в Москве, попав в собрания П. М. Третьякова (русская живопись) и Д. П. Боткина (картины западных художников)[49].

Но Москва дала и другие, причем блестящие, примеры собирания и экспонирования живописи. С 1873 г. открылась для посещения галерея картин, преимущественно русских художников, собранных П. М. и С. М. Третьяковыми. В 1882 г. она была передана в дар Москве. Уже тогда в галерее имелось 1278 картин и 470 рисунков русских художников и 83 картины и рисунка зарубежных мастеров.

Третьяковская галерея, как отмечал писатель П. Боборыкин, давала «полное представление об истории развития русской живописи». Здесь находилось собрание портретов русских писателей и артистов, выполненных даровитыми портретистами по заказам «хозяина». Посетитель мог «ознакомиться со всеми эпохами русской светской живописи, начиная с мастеров XVIII в. и вплоть до самых последних приобретений русского искусства». Здесь были собраны «картины всех сколько-нибудь замечательных русских художников, сгруппированные с пониманием дела»[50]. Среди выставленных в Третьяковской галерее картин находились полотна В. Г. Перова «Тройка», «Птицеловы», портреты Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. Г. Рубинштейна, работы А. К. Саврасова «Грачи прилетели», В. М. Васнецова «Три богатыря», «Аленушка», В. Д. Поленова «Московский дворик», И. И. Левитана «Март», «Вечерний звон», В. Е. Маковского «Крах банка», Н. А. Ярошенко «Кочегар», «Всюду жизнь», В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван», «Мусоргский»[51].

Ежедневно галерею бесплатно посещало до 300 москвичей и гостей города. Чаще всего это были представители интеллигенции, студенты, учащиеся школ, но приходили и рабочие. «Тогда народу больше всего было перед картинами Перова, Верещагина, Шишкина, Маковского,– вспоминал один из служителей галереи в 80–90-х гг.,– потом по мере появления картин,– перед Репиным и Суриковым. Много также стояли перед

[48] Указатель Москвы. Составитель М.Захаров. Ч.1. М., 1851. С.199–200.

[49] История Москвы. Т.V. С.818.

[50] *Боборыкин П.* Современная Москва // Живописная Россия. Т.6. Ч.1 (Москва). С.282.

[51] Музеи и достопримечательности Москвы. М., 1926. С.73–74.

Корабельная роща. Художник И. Шишкин. 1898 г.

Максимовым, Корзухиным, Савицким, Куинджи, Айвазовским»[52].

Кроме Третьяковской галереи имелось немало других превосходных собраний. В 1892 г. в Москве насчитывалось до четырех десятков частных коллекционеров, собиравших, правда, не только произведения живописи, но и бронзу, мебель, фарфор, монеты, иконы, рукописи, книги. Среди них С. И. Мамонтов, С. И., П. И. и Д. И. Щукины, И. А., М. А. и С. Т. Морозовы, К. Т. Солдатёнков[53].

Из собраний произведений живописи выделялись постоянная выставка картин Общества поощрения художников (на Малой Дмитровке), собрания в купеческих домах К. Т. Солдатёнкова (на Мясницкой около Почтамта) и Д. П. Боткина (на Покровке против 4-й гимназии). Частные собрания формально не были открыты для посещений, но являлись доступными для всякого, кто обращался к их владельцам с соответствующей просьбой. В доме К. Т. Солдатёнкова размещалась коллекция картин почти исключительно русских художников, собиравшаяся в последние три десятилетия. Одними из первых приобретений Солдатёнкова были «Вирсавия» К. П. Брюллова, купленная у художника в Риме, и две картины П. А. Федотова, ставшего родоначальником жанрового направления в русской живописи. Впоследствии Солдатёнков приобрел «Автопортрет» В. А. Тропинина, «Похороны» и «Чаепитие в Мытищах» В. Г. Перова, «Дьячок», «Торговка», «Деревня», «У камеры мирового» В. Е. Маковского, картины А. Иванова, Н. Ге, В. И. Якоби («Раненый Робеспьер» и «Террористы и умеренные»), пейзажи Ф. А. Васильева, И. И. Шишкина, картины И. К. Айвазовского, В. Д. Орловского, А. П. Боголюбова и др. Ко времени завещания коллекции Румянцевскому музею в ней насчитывалось 230 полотен (кроме гравюр, скульптур и живописных работ европейских мастеров)[54].

В собрании Д. П. Боткина находились в основном произведения западноевропейских живописцев. Из французских художников – «замечательные вещи» таких мастеров, как Мейссонье, обоих Руссо, Коро, д'Обиньи. Испанская школа была представлена полотнами Фортуни. По свидетельству современников, все картины были «первоклассного достоинства»[55].

В музее П. И. Щукина (в специально выстроенном в начале 80-х гг. особняке на Малой Грузинской улице) размещались картинная галерея, старообрядческие иконы, собрание рисунков и

[52] *Мудрогель Н.А.* Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее // Воспоминания. Изд. 2-е. Л., 1966. С.32–33.

[53] История Москвы. Т.V. С.636.

[54] *Бурышнин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С.153; *Пругавин А.С.* Московский иллюстрированный календарь-альманах на 1887 г. М., 1887. С.256–257; *Гавлин М.Л.* Из истории российского предпринимательства: династия Солдатёнковых. М., 1992. С.13–15; *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С.19.

[55] *Боборыкин П.* Указ. соч. С.275–276.

Дом Щукина на М. Грузинской улице. Архитектор Б. Фрейденберг. 1892–1895 гг.

французских гравюр, библиотека, «старинные русские и иностранные вещи», древнее русское оружие, изделия из серебра – кружки, ковши, братины, чарки, стаканы, бокалы, а также восточная коллекция (в частности, персидские ткани), наконец, автографы выдающихся людей, именные печати. В 1905 г. Щукин передал свой музей в дар государству, и он вошел в состав Императорского российского исторического музея в память императора Александра III[56].

Среди собирателей и коллекционеров художественных произведений и предметов старины можно назвать также Г. А. Брокара – «обрусевшего француза», владельца фабрики парфюмерных изделий. К концу XIX в. его коллекция состояла из картин преимущественно западных мастеров – около 1000 акварелей, фарфора, ювелирных изделий, миниатюр, мозаики, хрусталя, стекла, ваз, тканей, шитья, оружия, табакерок, вееров, столового гарнитура Екатерины II, мебели Италии XVI в., гостиной Людовика XVI, гербов дворянских родов, редких книг. Среди приобретенных им живописных полотен были «Амур» школы Ван Дейка, «Старая кокетка» Строцци. Однако в его коллекции оказалось и немало подделок, что всплывало во время выставления Брокаром экспонатов из своей коллекции на различные выставки[57].

В 1894 г. в Москве А. А. Бахрушин основал первый в стране Театральный музей (он находился в доме хозяина напротив Павелецкого вокзала). Здесь были собраны костюмы некоторых персонажей, портреты и фотографии известных актеров, эскизы декораций, афиши, предметы театрального быта, рукописи актеров, режиссеров, драматургов и др. Главным поставщиком его музея была Сухаревка. Бахрушин писал: «...театральные реликвии там считали хламом. Помню свою первую – 22 грязных, запыленных портрета масляными красками, оказавшимися написанными с артистов труппы крепостного театра гра-

[56] *Герасимов В.* П.Щукин – собиратель России // Правда (Московский выпуск). 1993. 11 июня. С.3; *Юлянов С.* Судьбы, отданные будущему. О культурном наследии купцов Щукиных // Центр. М., 1993. № 1/2. С.56–57; *Боханов А.Н.* Указ. соч. С.29.

[57] *Боханов А.Н.* Указ. соч. С.28; *Кожаринов В.* Необычная коллекция // Советская культура. М., 1984. 17 апреля. № 46. С.8.

фа Шереметева». Со временем коллекция Бахрушина пополнилась картинами и рисунками И. Репина, О. Кипренского, В. Тропинина, А. Головина, В. и А. Васнецовых, М. Врубеля, М. Добужинского и др.[58] В 1913 г. музей был передан в дар Академии наук.

Еще в 70-х гг. возникла идея создания Исторического музея в Москве. Она сразу же приобрела поддержку и сравнительно быстро оказалась воплощенной в жизнь. 27 мая 1883 г. музей был открыт в специально построенном здании на Красной площади. Целью музея, согласно Уставу, являлось «собирать и хранить разнообразные памятники древности и старины, которые в своей совокупности представляли бы наглядную и, по возможности, во всех частностях полную картину прошлой жизни как русского народа, так и народов, когда-либо обитавших в пределах Российской империи»[59]. В единственном в своем роде музее весьма полно были представлены вещественные памятники старины, найденные на территории страны. Здесь экспонировались монеты, оружие, предметы домашнего обихода, археологические находки. Экспозиция освещала важнейшие периоды истории России. Музей имел свою библиотеку.

Многие художники, зодчие, историки находили в музее интересующий их материал, который помогал в воплощении их замысла. Суриков свое историческое полотно «Покорение Сибири Ермаком» (1896) рисовал в зале Исторического музея (используя при этом и экспонаты этнографической коллекции Румянцевского музея)[60].

Некоторые музеи в Москве возникали «на базе» экспонатов довольно часто проводившихся в городе всевозможных выставок. К ним следует отнести прежде всего «Музей прикладных знаний» – Политехнический музей, созданный сра-

[58] *Чертков В.* Приобретено на Сухаревке // Правда. 1988. 20 апреля. № 111. С.6.

[59] Возникновение отделов имп. Российского исторического музея им. Александра III в Москве и мысли о дальнейшем размещении разнородных его собраний и окончательном его устройстве. М., 1916. С.15.; История Москвы. Т.V. С.476.

[60] История Москвы. Т.IV. С.815.

Исторический музей. Архитектор В. Шервуд. 1875–1883 гг.

зу же после Всероссийской политехнической выставки 1872 г. Музей прикладных знаний обязан своим происхождением совокупной деятельности нескольких ученых обществ, главным образом «Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», профессоров, администраторов, коммерсантов, промышленников, технологов, земцев. Московская дума весьма горячо поддержала мысль об его устройстве. Правительство со своей стороны пожертвовало 500 тыс. рублей из сумм государственного казначейства для возведения здания музея. На частные пожертвования производились первоначальные работы, расходы по перевозке и установке коллекций и найму помещения (временно в Яхт-клубе, на Пречистенке). Современное здание музея на Лубянской площади было возведено по проектам профессора Монигетти (фасад) и архитектора Шихина (интерьер). Всякий, посещавший этот в полном смысле слова европейский музей был приятно поражен его «размерами, красотой внутреннего расположения, богатством и разнообразием коллекции». Музей занимал три этажа и имел удобные помещения для обозрения экспонатов. На всем устройстве музея, как отмечали современники, лежала «печать большой старательности, вкуса и любви к делу».

В музее со времени основания были следующие отделы: Технический с делением на Механический, Технологический и Горнозаводской; Сельскохозяйственный; Прикладной зоологии; Прикладной физики; Архитектурный; Учебный; Торгового мореходства; Туркестанский; Почтовой техники[61].

В музее разместились несколько научных обществ. В нем имелась большая аудитория для публичных лекций и заседаний. Здесь часто читались лекции по самой разнообразной тематике. Широкую известность получили выступления К. А. Тимирязева о жизни растений, о борьбе с засухой и другие, курсы лекций профессоров Московского университета В. Я. Цингера – по математике и А. А. Колли – о процессах брожения, профессора Н. Е. Жуковского – по воздухоплаванию, профессоров Петровской сельскохозяйственной академии И. А. Стабута и В. Р. Вильямса. Лекции пользовались большой популярностью, о чем свидетельствовало число посетителей (в 1892 г.– от 150 до 250 человек). В большой аудитории по воскресеньям в 5 часов проводились бесплатные народные чтения с показом «туманных картинок». Аудитория, рассчитанная на 500 человек, всегда заполнялась «чрезвычайно охотно самой разнообразной публикой, преимущественно простыми людьми». Как отмечали современники, коллекции музея посещались очень охотно – в иные дни бесплатно, по другим – за плату в 15 коп., причем не только москвичами, но и приезжими[62]. В 80–90-х гг. ежегодно в музее бывало от 100 тыс. до 189 тыс. человек[63]. Он был «общедоступным источником множества знаний».

Невдалеке от Политехнического музея находился созданный по почину частных людей Художественно-промышленный музей (на Мясницкой возле Почтамта). Его посетитель – любитель древней и новой орнаментации – мог найти «богатые собрания всевозможных образцов старого русского искусства, архитектурных украшений, иконописи и всякого рода изделий, относящихся к орнаментации». Наряду с этим здесь были собраны представлявшие художественный интерес рукописи, древнерусские и греческие[64].

В 1885 г. был основан Торгово-промышленный музей кустарных изделий, не только знакомивший посетителей с кустарными изделиями, но и практически содействовавший улучшению техники кустарного производства. Первоначально музей размещался в здании у Никитских ворот, а с 1903 г.– в Леонтьевском переулке. Причастными к созданию музея были выдающиеся художники «Абрамцевского кружка» И. Е. Репин, В. Д. Поленов, В. М. Васнецов, обратившие внимание на своеобразную красоту и непреходящую ценность народного искусства. Они положили начало собирательству в этой области и организации первых мастерских, где кустари под руководством художников «осваивали» высокохудожественные образцы прошлого.

Благодаря этому музею многие изделия кустарных промыслов – скатерти, кружева, вышивки, кровати, умывальники, игрушки, корзины, чемоданы и сундучки, елочные украшения, мебель в древнерусском стиле, плетеная мебель и др.– завоевывали популярность, спрос на них заметно расширялся. Музей участвовал во многих всероссийских и международных выставках, в том числе во всемирной в Париже (1900), в выставке в Реймсе (1902) и др. И всюду экспонаты музея получали награды, а сами выставки способствовали популяризации московских, русских кустарных изделий за рубежом.

В 1896 г. возник Музей московского городского хозяйства.

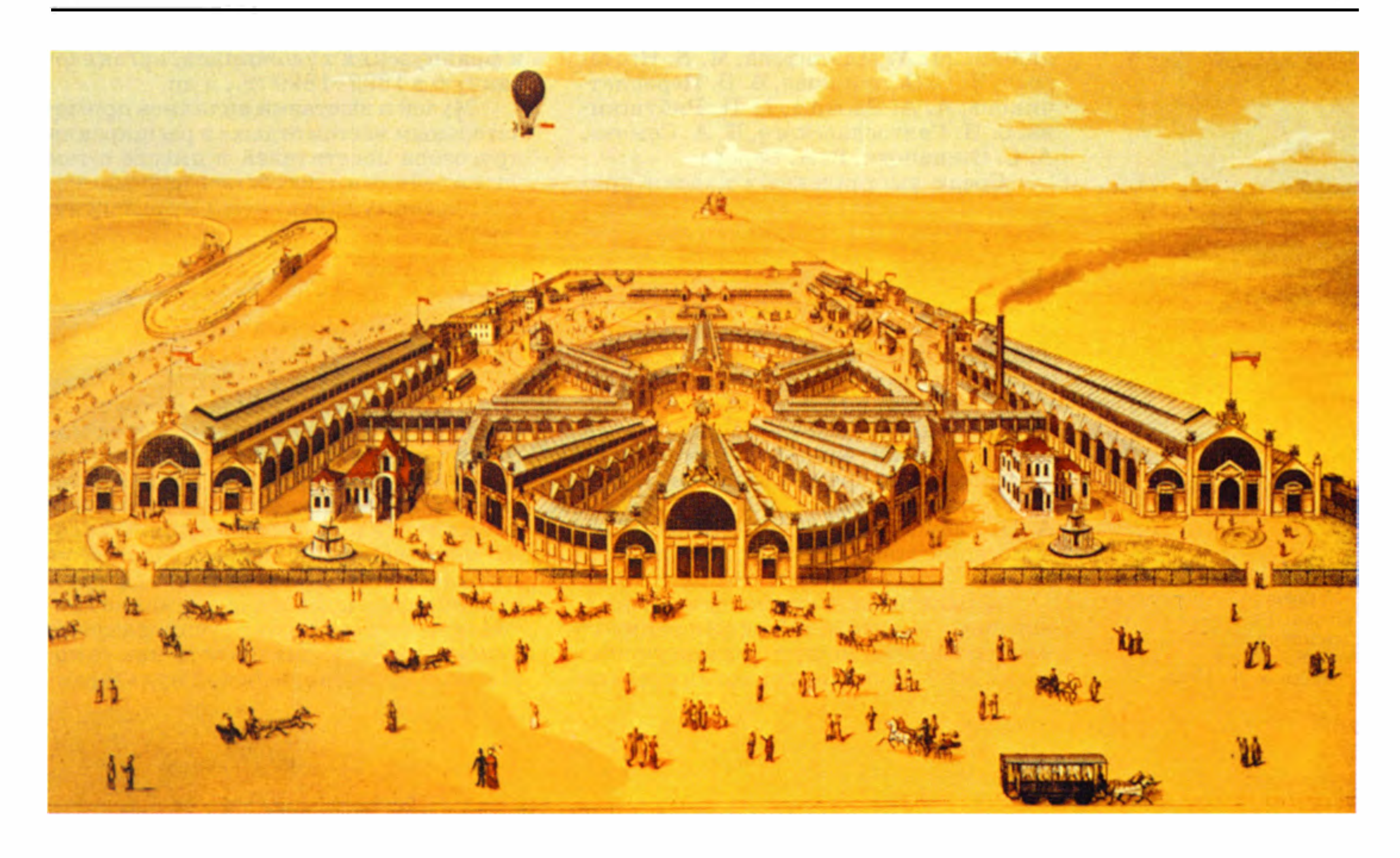
Нельзя не сказать и о первом в России Зоологическом саде (Зоопарке), открытом в 1864 г. и задуманном первоначально как экспериментальная база Русского общества акклиматизации животных и растений. К концу XIX в. посетители могли увидеть здесь слона, черную пантеру, африканского льва, австралийских животных, кулана, зебру, осла, яка, буйвола, зебу, пони, оленей, различные породы лошадей, свиней, коз,

[61] Пятидесятилетие Политехнического музея в Москве. 1872–1922. М., 1922. С.9.

[62] *Боборыкин П.* Указ. соч. С.266–268.

[63] Пятидесятилетие Политехнического музея в Москве. 1872–1922. С.4.

[64] *Боборыкин П.* Указ. соч. С.268.

Всероссийская художественно-промышленная выставка 1882 г. Литография. 1882 г.

овец, кроликов, птиц, рыб и полученные метисы от шотландской пони и жеребца дикой лошади, коровы местной породы и быка зебу, овец романовских и персидских черноголовых[65].

Уже было отмечено, что московские предприятия с первой половины XIX в. стали принимать участие в международных промышленных, а в дальнейшем и промышленно-художественных выставках, демонстрируя свою продукцию. В 1851 г. московские фабриканты и заводчики (в общей сложности 360 русских фирм) участвовали в Первой Всемирной выставке, организованной в Лондоне английским Королевским обществом искусств, мануфактур и торговли. Со временем подобного рода деятельность расширялась.

Вместе с тем Москва сама начинала организовывать выставки, в том числе и международные. Они становились своеобразным смотром изделий промышленности, достижений технического прогресса, развития науки, искусства и культуры.

Кроме названной Политехнической (1872) с участием многих зарубежных стран и ставшей фактически международной, здесь были устроены выставки: Художественно-промышленная (1882), Этнографическая (1867), Антропологическая (1879), Географическая (1892)[66]. Прошли первая Пчеловодческая выставка (1867), а также несколько выставок птицеводства, выставка предметов, относящихся к лесо- и дереворазведению (1885)[67].

Несомненный успех и практическую значимость имели организованные в 1892 г. по инициативе А. П. Богданова, одного из виднейших русских дарвинистов, первая в России Ботаническая акклиматизационная выставка и Акклиматизационный ботанический съезд, результатом которого явилось создание Бактериолого-агрономической станции. На станции производились опыты в области бактериологии удобрений, почвенной бактериологии и бактериологии молочного хозяйства[68].

На Всероссийской художественно-промышленной выставке, кроме изделий промышленного производства, «мехового товара», серебряных поделок, особое внимание привлекал художественный отдел. По богатству и разнообразию выставленных здесь экспонатов выставка явилась «первой из бывших до сих пор в России». Здесь были представлены полотна практически всех выдающихся русских художников, в том числе и тесно связанных с Москвой, запечатлевших ее людей, быт, окрестности[69].

В декабре 1901 г. в залах Императорского Строгановского училища была открыта Выставка 36 художников Москвы. На ней были представлены картины Е. Х. Аладжанова, А. Е. Архипова, В. Н. Бакшеева, А. Н. Бенуа, А. М. Васнецова, М. А. Врубеля, Н. А. Клодта, К. А. Коровина, Н. К. Костанди, Ф. А. Ма-

[65] Котс. Московский Зоологический сад. М., 1916.

[66] Иллюстрированное описание всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве. 1882. М., 1882; *Янчук Н.* Иллюстрированный путеводитель по этнографическому музею. М., 1898; Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867; Всероссийская этнографическая выставка, устроенная императорским обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете, в 1867 г. М., 1867; Антропологическая выставка (1879). Т.4. Ч.1. М., 1886; История Москвы. Т.IV. С.334, 636.

[67] ЦГИА г.Москвы. Ф.179. Оп.56. Д.90. Л.21об.

[68] История Москвы. Т.V. С.472.

[69] Иллюстрированное описание всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве. 1882. С.51–54.

лявина, М. А. Мамонтова, М. В. Нестерова, Н. С. Остроумова, В. В. Переплетчикова, А. А. Рылова, А. П. Рябушкина, С. И. Святославского, К. А. Сомова, А. С. Степанова, В. А. Серова.

Среди выставленных картин привлекли внимание «Царевна Лебедь» Врубеля, «Купальщицы» Сомова, поэтические пейзажи – «Первая зелень» Бакшеева, «Апрель» Остроумова, «Рябь» Рылова, «По разливу Днепра» Святославского, «Речка тронулась» Аладжанова, «исторические» полотна – «Прошлое Великого Новгорода» А. М. Васнецова, «Торговая площадь в Пскове» А. Я. Головина (художника, создавшего декорации к опере «Псковитянка»), «Едут» (народ московский во время въезда иностранного посольства в конце XVII в.) А. П. Рябушкина[70]. Кроме живописных полотен экспонировались скульптурные работы.

Можно назвать также и ряд международных выставок в Москве: французскую художественно-промышленную выставку 1899 г., выставку картин русских и французских художников, организованную в 1898–1899 гг., и др.

Музеи и выставки являлись примечательным местом отдыха и расширения кругозора посетителей и вместе с тем учреждениями, способствовавшими экономическому и техническому развитию города.

* * *

В XX в. Москва вошла как крупный центр российской культуры. Город мог гордиться своей школой художников, своими композиторскими кадрами, театрами, музеями, выставками. Усиливалась тяга к культуре в различных слоях московского общества. Москва во многом оказалась застрельщицей культурной моды, привлекая внимание других городов и сел страны, усиливая свою международную значимость как самобытного очага европейской культуры.

[70] Союз русских художников. Выставка 36 художников М., 1901; *Лапшин В.П.* Союз русских художников. Л., 1974.

ПЛАНЫ МОСКВЫ И КАРТА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

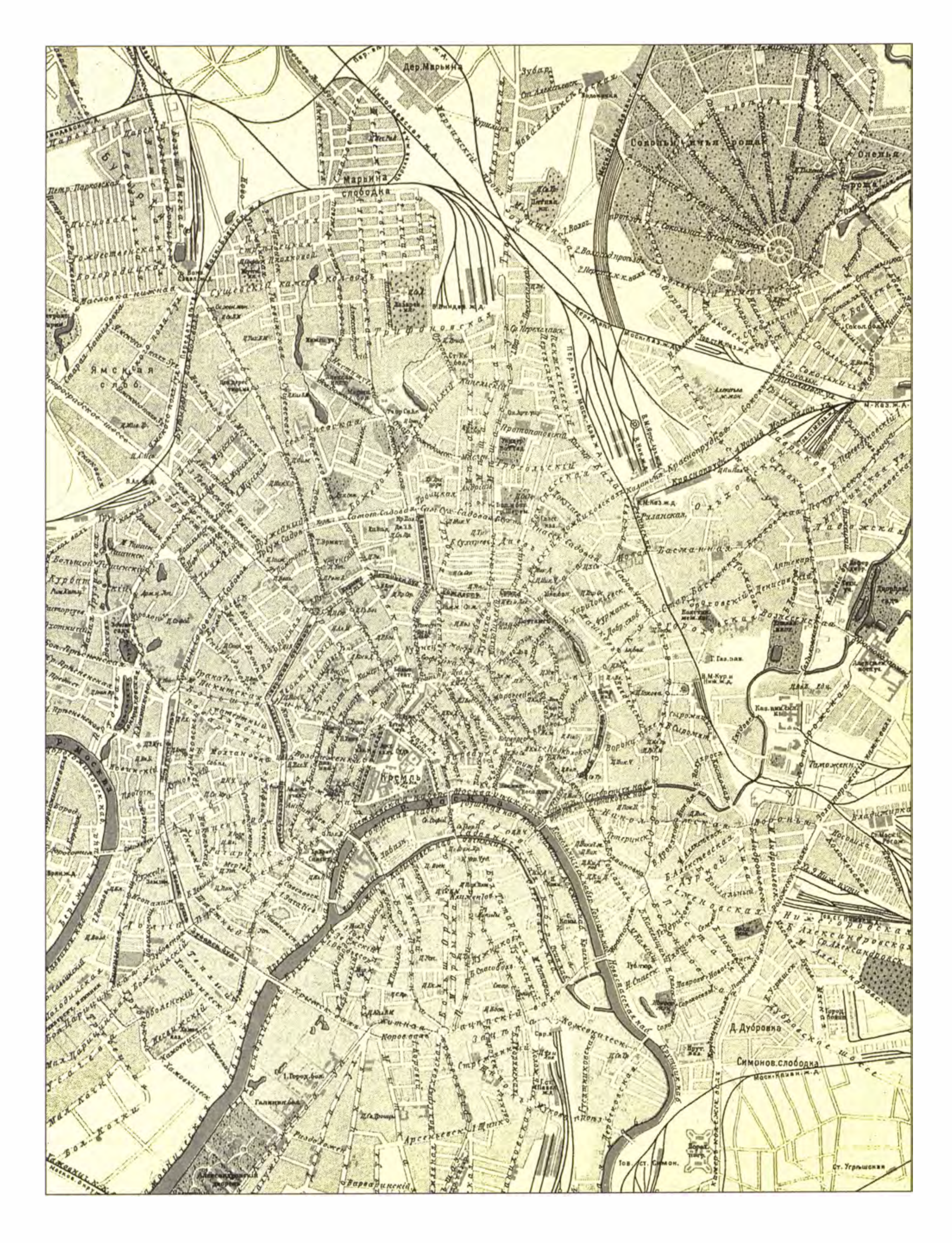
ПОСЛЕСЛОВИЕ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

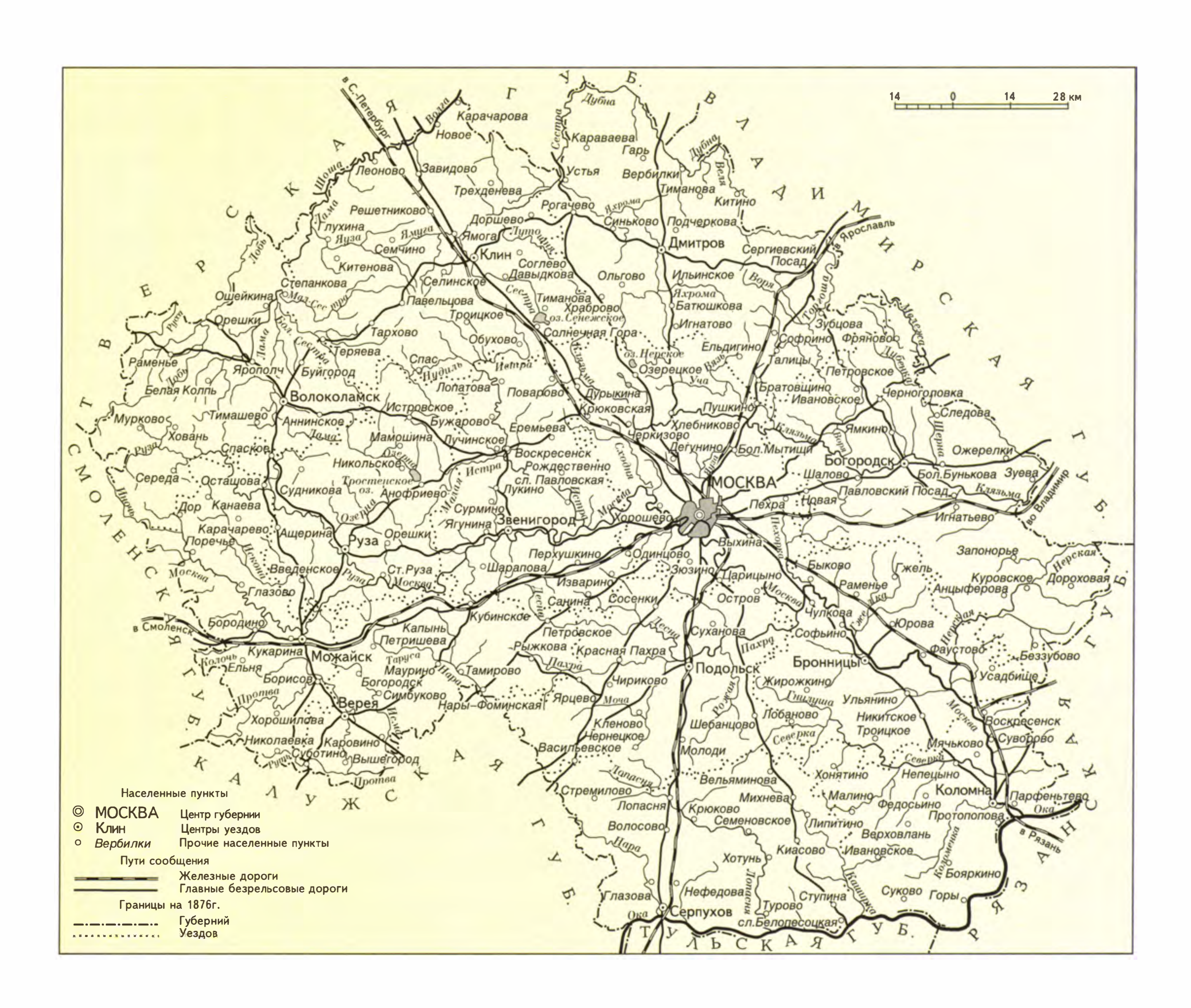
СОДЕРЖАНИЕ

План г. Москвы.
Конец XVIII – начало XIX в.

Фрагмент плана г. Москвы.
Конец XIX в.

Карта Московской губернии.
Вторая половина XIX в.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Перед взором читателя прошло целое столетие московской жизни. Оно не случайно ограничено временными рамками 1801–1900 гг. Не в круглых датах причина выбора этапа, но в серьезных поворотах политического и экономического характера. В 1801 г. в стране стал править новый царь – Александр I, и деспотическое, конвульсивное правление Павла I сменилось либеральным курсом его наследника. «Дней Александровых прекрасное начало», когда в атмосфере всеобщей эйфории чуткий наблюдатель мог тем не менее уже ощутить отдаленные всполохи «грозы Двенадцатого года», придало совершенно особенный колорит всем сторонам московской жизни. Изменение стилистики, тональности, звучания как самой «московской темы», так и ее роли в Российской имперской симфонии закрепили эпические события 1812 г. С большими потерями, но победительницей вышла Москва из жестокой схватки с Наполеоном. Ей помогала, за нее сражалась тогда вся Россия. Москва стала болью, надеждой и гордостью страны. Никогда еще ее так искренне и любовно не воспевали лучшие поэты Отчизны. Более того, в 1812 г. Москва стала средоточием освободительных чаяний покоренных Наполеоном народов Европы. На огромном пространстве – от Немана до Сены – в русском воинстве видели прежде всего победоносных мужественных москвичей.

Вторая хронологическая грань тома связана прежде всего с экономическими сдвигами – циклическим кризисом 1900–1903 гг. Россия отнюдь не сразу стала составной частью мирового капиталистического рынка. Первый глобальный экономический кризис 1825 г. она практически не заметила, да и другие аналогичные хозяйственные потрясения (даже жестокий кризис 1847 г.) не оказали на нее серьезного влияния. Лишь в 1873 г. в России, и в том числе в Москве, разразился первый кризис перепроизводства. Однако его воздействие на городскую жизнь было сравнительно умеренным. В полном же объеме – и на своей экономике, и в социальной сфере, и в политике – вторая столица впервые ощутила последствия мирового кризиса именно в 1900–1903 гг.

Что же изменилось за это столетие в московской жизни? В начале XIX в. Москва была одним из крупнейших городов империи: здесь насчитывалось почти четверть миллиона человек. Однако это был еще феодальный, сословный город. Во второй столице проживали десятки тысяч помещичьих крестьян – 28,5% ее населения. Дворян было немногим больше 6%, причем на каждого из них приходилось шесть дворовых – 32,5% от общей численности жителей города. Купцы составляли 7%, а мещане и ремесленники – 11,7%. Имелось в Москве довольно многочисленное духовенство, а также чиновничество, военные и др., насчитывавшие в общей сложности 14% населения.

Московское дворянство в начале XIX в. продолжало оставаться «первейшим сословием». Из его среды выдвигались видные государственные деятели, крупнейшие чины гражданской и военной бюрократии, значительная часть служащих госаппарата и офицерства. К нему же принадлежали многие выдающиеся литераторы, ученые, композиторы. Именно в Москве родился А. С. Пушкин – великий русский поэт, национальная гордость России. Московское дворянство считалось в то время законодателем литературных мод, эталоном языковой нормы. Один из мемуаристов, сам петербуржец, вспоминая события начала XIX в., отмечал, что Москва «в литературном отношении стояла гораздо выше Петербурга. Там было средоточие учености и русской литературы – Московский университет, который давал России отличных государственных чиновников и учителей и чрез них действовал на всю русскую публику. В Москве писали и печатали книги гораздо правильнее, если можно сказать, гораздо

народнее, нежели в Петербурге. Москва была театром, Петербург залою театра. Там действовали, у нас судили и имели на то право, потому что платили за вход: в Петербурге расходилось московских книг гораздо более, нежели в Москве. И в этом отношении петербургская литература походила на зрителей театра, что выражала свое мнение рукоплесканием и свистом, но сама не производила»[1].

Однако на протяжении XIX в. московское дворянство постепенно уступало лидирующее место московской буржуазии. Этот процесс происходил параллельно с развитием промышленности. Москва вошла в XIX в. с суконным двором и рядом шелкоткацких и полотняных мануфактур. Хотя по числу мануфактур вторая столица и опережала другие города России, в ней все же преобладали производства старого, ремесленного типа. О начале промышленного переворота в стране – перехода к фабричному производству, одним из основных рычагов которого стала московская промышленность, можно говорить лишь применительно к концу 30-х – началу 40-х гг. XIX в. Ведущей отраслью московской промышленности в начале столетия (а также много позже) была легкая: в ней была занята почти половина всех промышленных рабочих города. Затем шла пищевая промышленность. Что же касается машиностроения и металлообработки, то их удельный вес возрастал постепенно и занял заметное место лишь во второй половине века.

Темпы роста московской промышленности значительно ускорились под влиянием известных реформ 1860-х гг. В результате к началу XX в. Москва из феодального превращается по преимуществу в капиталистический город. В этой связи не случайно настоящее издание разделено на две части – до и после реформы 1861 г. К началу XX в. московские предприниматели стали задавать тон не только в Городской думе, но и в стране в целом: к их голосу вынуждены были прислушиваться в самых различных уголках России.

Однако развитие московской индустрии осуществлялось далеко не безболезненно. В ходе него постепенно усиливались противоречия между городскими верхами, с одной стороны, и средними и низшими слоями – с другой. В Москве и раньше вспыхивали различные восстания низов, но в XIX в. их борьба приобретает новые формы. В 1820-х гг. в стране возникло организованное революционное движение, в зарождение которого внесла свой вклад и Москва. Чем дальше, тем больше усиливались такие формы протеста, как стачки, волнения, а затем и демонстрации. Это – московские реалии прошлого столетия, порожденные экономическими неурядицами и социальными противоречиями.

Однако московская экономика интересна не только и не столько как объект изучения причин различного рода массовых выступлений. Она примечательна и сама по себе. Так, в самом начале XIX в. первый городской водопровод в России – Мытищинский – был построен именно в Москве. Он возводился более двадцати лет, поскольку для подачи воды сооружался подземный кирпичный водовод длиною почти 16 км. Водопровод стал гордостью москвичей, умевших строить и терпеливо ждать плодов своего труда. Изделия московских промышленников славились на всю Россию, неоднократно экспонировались на международных выставках.

Но город не только трудился, воевал, строился, боролся с пожарами и эпидемиями, но и умел веселиться. Интересно, что Москва неизменно шла в числе первых российских городов по числу странствующих актеров[2]. Намного опережала она любой другой русский город и по количеству театров. Особенно любили в Москве песню...

В XX в. Москва вошла крупным, более чем миллионным городом. Появились телеграф, телефон, электричество, трамваи, кинематограф. Москва стала крупнейшим железнодорожным узлом, а также перевалочным торговым центром страны. Она сохраняла и ведущие позиции в области легкой промышленности. Широкой славой пользовались московская композиторская школа, ее писатели, художники, артисты. Но технический и культурный прогресс не всегда сопровождается социальной гармонией. Это убедительно продемонстрировало следующее, чрезвычайно бурное двадцатое столетие.

[1] *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. СПб., 1886. С.204–205.

[2] *Белкин А.А.* Русские скоморохи. М., 1975. С.104.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА ПОРЕФОРМЕННАЯ

ИСТОРИЯ МОСКВЫ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ
ТОМ II
XIX век

Макет и оформление
В. А. ИВАНОВ

Литературный редактор
М. Ф. КИШКИНА-ИВАНЕНКО
Редакторы
Л. А. БЛИНКОВА, Е. М. КОСТРОВА
Художественный редактор
А. И. ВОЕЙКОВ
Корректоры
Е. И. ЛОГАЧЕВА, Г. Н. МИГУЛИНА, Е. Е. СИМАКОВА,
Е. Е. ТРУХИНА, Г. С. ХОЛОДИЛИНА
Компьютерная верстка
Д. Н. ЯКУНИН

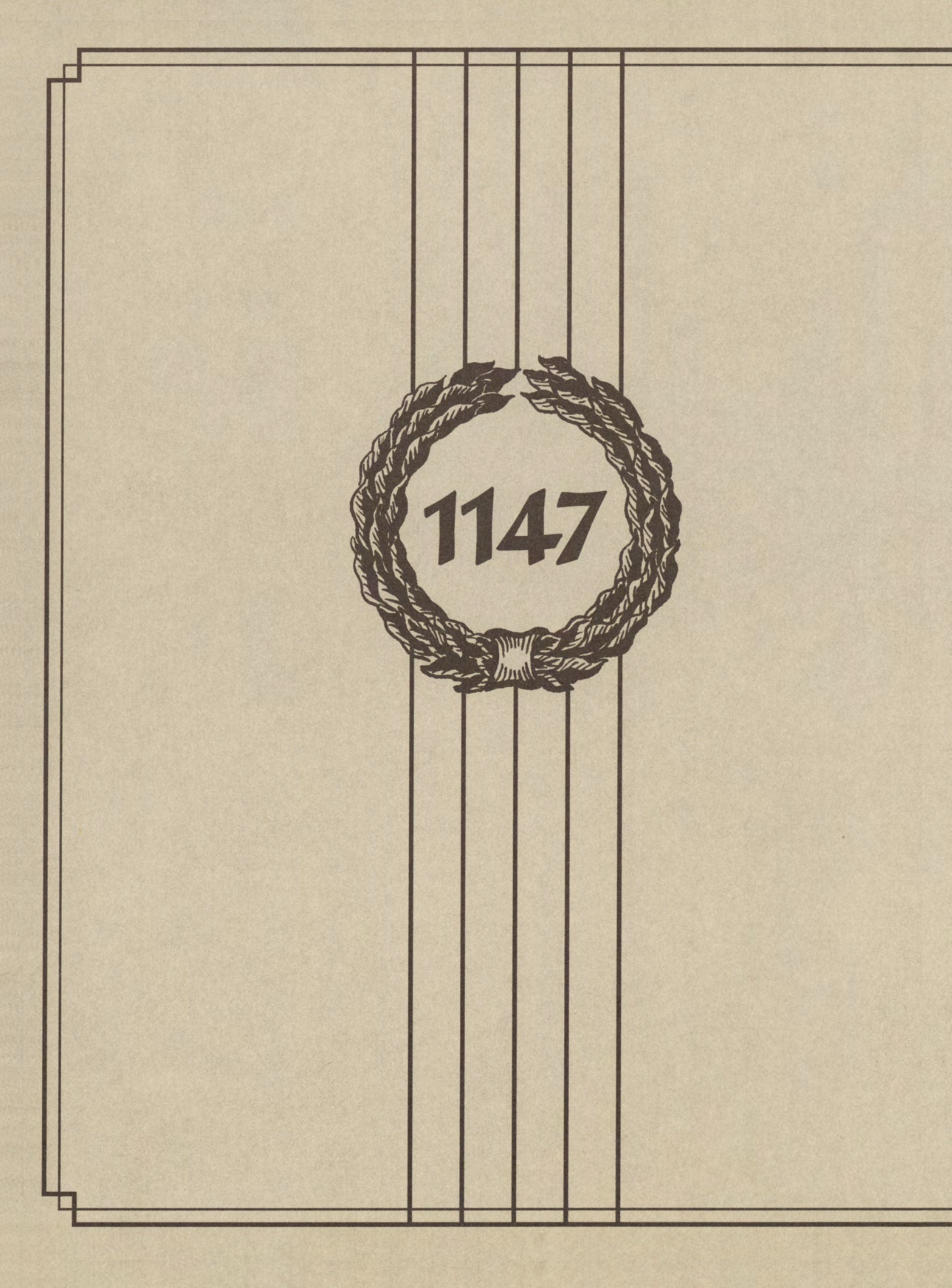
Ответственный за выпуск
В. И. АЛЕХИН

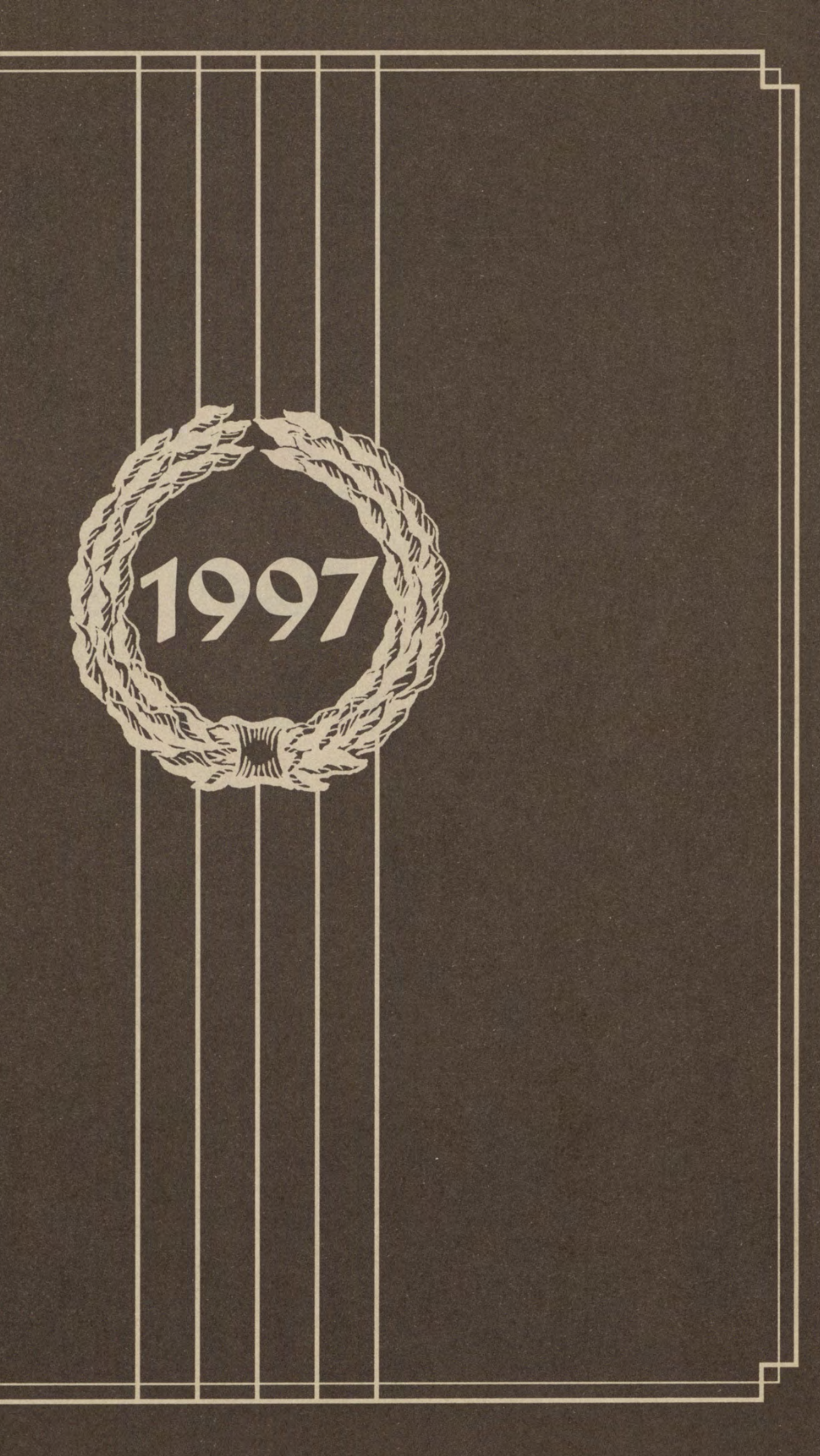
Лицензия ЛР № 020725 от 03.02.93

Подписано в печать 14.07.97. Формат 60х90/8. Бумага мелованная.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 59. Тираж 8000 экз. Заказ № 788

Издательство
Московского городского объединения архивов,
117393, Москва, ул. Профсоюзная, 80.

Цветоделение, изготовление диапозитивов и печать
АО «Московские учебники и картолитография».
125252, Москва, ул. Зорге, 15.

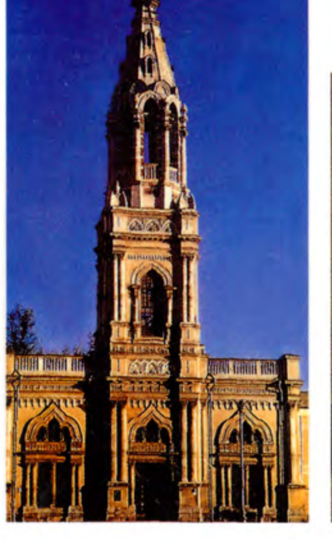

1147

1997

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

с древнейших времен до наших дней

Издательство "Мосгорархив"

МОСКВЫ

2

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

с древнейших времен до наших дней

